

ВЛАДИМИР БОЛЬШАКОВ
ВОЙНА НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ
ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

ВЛАДИМИР БОЛЬШАКОВ
ВОЙНА НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ
ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Жизнеописания, воспоминания и дневники выдающихся русских людей – святых и подвижников, царей и правителей, воинов и героев, мыслителей, писателей, деятелей культуры и искусства, создавших Великую Россию.

Аксаков И. С.
Аксаков С. Т.
Александр III
Александр Невский
Алексей Михайлович
Андрей Боголюбский
Антоний (Храповицкий)
Баженов В. И.
Белов В. И.
Бердяев Н. А.
Болотов А. Т.
Боровиковский В. Л.
Булгаков С. Н.
Бунин И. А.
Васнецов В. М.
Венецианов А. Г.
Верещагин В. В.
Гиляров-Платонов Н. П.
Глазунов И. С.
Глинка М. И.
Гоголь Н. В.
Григорьев А. А.
Данилевский Н. Я.
Державин Г. Р.
Дмитрий Донской
Достоевский Ф. М.
Екатерина II
Елизавета
Жуков Г. К.
Жуковский В. А.
Иван Грозный

Иларион митрополит
Ильин И. А.
Иоанн (Снычев)
митрополит
Иоанн Кронштадтский
Иосиф Волоцкий
Кавелин К. Д.
Казаков М. Ф.
Катков М. Н.
Киреевский И. В.
Клыков В. М.
Королев С. П.
Кутузов М. И.
Ламанский В. И.
Левицкий Д. Г.
Леонтьев К. Н.
Лермонтов М. Ю.
Ломоносов М. В.
Менделеев Д. И.
Меньшиков М. О.
Мещерский В. П.
Мусоргский М. П.
Нестеров М. В.
Николай I
Николай II
Никон (Рождественский)
Нил Сорский
Нилус С. А.
Павел I
Петр I
Победоносцев К. П.

Погодин М. П.
Проханов А. А.
Пушкин А. С.
Рахманинов С. В.
Римский-Корсаков Н. А.
Рокоссовский К. К.
Самарин Ю. Ф.
Семенов Тян-Шанский П. П.
Серафим Саровский
Скобелев М. Д.
Собинов Л. В.
Соловьев В. С.
Солоневич И. Л.
Солоухин В. А.
Сталин И. В.
Суворин А. С.
Суворов А. В.
Суриков В. И.
Татищев В. Н.
Тихомиров Л. А.
Тютчев Ф. И.
Хомяков А. С.
Чехов А. П.
Чижевский А. Л.
Шаляпин Ф. И.
Шарапов С. Ф.
Шафареви́ч И. Р.
Шишков А. С.
Шолохов М. А.
Шубин Ф. И.

ВЛАДИМИР БОЛЬШАКОВ

**ВОЙНА НА
ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ
ФРОНТЕ
ВОСПОМИНАНИЯ
УЧАСТНИКА**

МОСКВА
Русская цивилизация
2017

УДК 070
ББК 76.01
Б 79

Большаков В. В.

Война на идеологическом фронте. – Воспоминания участника / Отв. ред.
О. А. Платонов. — М.: Русская цивилизация, 2017. — 1184 с.

В воспоминаниях выдающегося русского журналиста-международника Владимира Викторовича Большакова рассказывается об идеологической войне против России – СССР, развязанной мировой закулисой, сионизмом и масонством в XX – начале XXI века. Как участник этой войны Большаков рассказывает о проникновении подрывных сил на все ступени власти советского государственного аппарата, ставшего в конце 1980-х годов детонатором разрушения СССР. С 1960 года по настоящее время Большаков является видным деятелем Русской партии и изнутри показывает ее сильные и слабые стороны в последнее десятилетие существования СССР. Лично знакомый с Ю. С. Ивановым, Е. С. Евсеевым, А. Г. Кузьминым, В. Я. Бегуном и другими выдающимися антисионистами, Большаков вместе с ними делает важный вывод о том, что человек, обращенный в сионистскую веру, автоматически становится агентом международного сионистского концерна, а следовательно, – врагом российского народа.

Автор на фактах показывает, что в те годы разрушительные силы проникали в советские спецслужбы. Особенно много прямых агентов ЦРУ, Шин Бет и агентов влияния действовало в КГБ, которых русские патриоты называли «Ложей в Лубянке».

В своей жизни Большаков неоднократно сталкивался с подрывной деятельностью профессиональных врагов российского народа типа З. Бжежинского, Р. Пайпса, Р. Кайзера, Р. Арона, Р. Конквиста, У. Ростоу, Г. Моргентау и др., о чем он подробно рассказывает в своих воспоминаниях.

По мнению автора, война против России еще больше усилилась после разрушения СССР.

ISBN 978-5-4261-0173-9

© В. В. Большаков, 2017
© Русская цивилизация, 2017

Глава первая

ВРАГА НАДО ЗНАТЬ В ЛИЦО

Мы выжили чудом

Когда в 1956 году я окончил второй курс английского отделения переводческого факультета московского Института иностранных языков им. Мориса Тореза, мне предложили в деканате взять вторым языком немецкий. Я отказался, а когда стали настаивать, объяснил, что у меня на этот язык после двух лет, проведенных под немцами в Сычевке, аллергия. Термин с медицинской точки зрения был, конечно, неточный. Но, когда я слышал «Айне колонен марширен! Цвайне колонен марширен...», меня начинало трясти.

Я родился 6 июля 1937 года в небольшом городе Сычевка Смоленской области. Там же родилась моя мать, Антонина Николаевна Чиркова (1912–2002), а отец, Виктор Иванович Большаков (1911–1958) был коренным москвичом.

В XII–XIV веках на территории нынешнего Сычевского

*Москва, 1937 г. Мать – Антонина Николаевна Чиркова
и отец – Виктор Иванович Большаков.*

района между речками Лосьминой и Вазузой, правым притоком Волги, на холмистой земле, изрезанной оврагами, обосновалось самое маленькое княжество Древней Руси. В «Повести временных лет» оно упоминается как «Волковский лес». Название его происходит от слова «волоок». По этим местам проходил один из маршрутов знаменитого пути «из варяг в греки». Купеческие суда здесь передвигали волоком через пороги на Вазузе, ныне затопленные Вазузским водохранилищем. Позднее Волковский лес входил в Смоленское княжество и удельное княжество Фоминское, которые издревле вставали на пути врагов, вторгавшихся с Запада на нашу землю. Сычёвка стоит в 73 км от Вязьмы, где проходила Старая Смоленская дорога. По ней шел на Москву в 1812 году Наполеон, и по ней же его войско гнали обратно в Западную Европу русские войска. Тот же путь туда и обратно проделало воинство Гитлера 130 лет спустя. Вехами на том пути стоят памятники павшим русским воинам, а по обочинам – заросшие елями и березами окопы, где по сей день находят останки погибших в Великой Отечественной войне и оружие тех лет.

Люди без роду, без племени, которых у нас зовут «перекати-поле», в тех местах не приживались. Народ на Смоленщине живет крепкий, трудолюбивый, с незапамятных времен кормится от своей земли. Во всем мире знают знаменитую сычёвскую породу коров и знаменитый вяземский лен. Сызмальства там учат детей знать и уважать свою историю, которая идет от древних славян – кривичей. «От сихъ же и кривичи, иже сидять на верхъ Волгы, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, ихъ же и городъ есть Смоленскъ; туда бо сидять кривичи», – записано в «Повести временных лет». Этнологи относят их к нордической расе, а историки, археологи и генетики говорят о прямом происхождении жителей тех мест от древних ариев. Об этом же говорят до сих пор сохранившиеся в тех краях длинные курганы – погребальные насыпи летописных кривичей VI–IX вв., которые, как и древние арии, сжигали своих мертвых на погребальных кострах.

Смоленская земля не знала покоя на протяжении веков, пережив набег и разорения немцев, поляков, литовцев, монголо-татарской Орды и шведов. Но русские люди с этой земли так и не уходили – неизменно восстанавливали сожженные деревни и города и вновь противостояли врагам.

Так вырабатывался не только особый русский генотип на базе кривичей, но и русский национальный характер.

В Сычёвке есть улица Василисы Кожиной. Это та самая легендарная старостиха Василиса, которая воевала с французами в 1812 году с косой и вилами со своим партизанским отрядом из подростков и женщин. О них мне еще в детстве рассказывала бабушка. Традиции этого отряда ожили в годы фашистской оккупации – в лесах Смоленщины действовали две партизанские дивизии, которые заставили немцев в те годы вести войну на два фронта.

...Война разлучила нашу семью. Отца я не видел до конца войны. Мать – почти два года. Вскоре после моего рождения она увезла меня в Москву из Сычёвки, а туда отправляла к бабушке с дедушкой на лето. Постоянно у них в доме жили только наши родственники – тетя Катя с сыном Валькой и маленькой Ринкой, на два года меня младше. В Сычёвке род Чирковых знали уже не первый век. Незадолго до революции мой дед Николай Николаевич Чирков построил там новый дом на Храмовой улице, славившейся своими яблоневыми садами. Храмовую антоновку охотно разбирали даже в Вязьме на ярмарке – яблоки эти сохраняли свою крепость и сладкую кислинку вплоть до первых морозов. Большевики переименовали Храмовую улицу в Пролетарскую, церковь Св. Николая Чудотворца на берегу Вазузы разорили, а яблони порубили. Дом у деда, к счастью, не отобрали, потому что семья была многодетной. Даже после того, как деда Николая и бабушку Лину объявили «лишенцами» за то, что они в последний год нэпа, не поняв, куда ветер дует, открыли в Сычёвке свою «Блинную», дом им оставили.

В начале июня сорок первого мама отправила меня на лето к бабушке, но обратно в Москву забрать не успела. Немцы стремительно наступали. Говорили, что уже взяли Смоленск, и дед решил всей семьей отправиться в Москву. Поезда еще ходили. Надо было только успеть доехать от Сычёвки до Вязьмы, всего-то 73 километра. Но на переправе через Вазузу на нашу колонну беженцев налетели немецкие штурмовики. Уже после войны я пошел с мамой смотреть фильм «Сын полка». Там был эпизод такого же обстрела беженцев на переправе. Я почувствовал тот же удушающий страх,

что и тогда, в сорок первом. Заплакал, забился в кресле, словно хотел спрятаться. Мать увела меня из зала. А я все рыдал и, всхлипывая, с трудом выговорил: «Мам, нас вот так же немцы бомбили. На Вазузе тогда бомбили...

Вот так же, мам! Вот так же!» Дед развернул телегу прямо на переправе и погнал обратно в Сычёвку. Когда подъехали к дому, по Пролетарской улице шли немецкие танки и броневики. 10 октября 1941 года город был захвачен частями 3-й танковой группы генерал-полковника Георга Ханса Райнхардта. После войны его арестовали американцы и дали ему по суду 15 лет тюрьмы, но выпустили досрочно, хотя он в полной мере заслужил за свои «подвиги» в России намыленной веревки.

Немцы в Сычёвке стояли почти два года. Освободили ее только в женский день 8 марта 1943 года силами 31-й армии Западного фронта в ходе Ржевско-Вяземской операции. Это был мой второй день рождения. Мы выжили чудом... Мама добралась на

Николай Николаевич Чирков и Лина Федоровна Чиркова.

Дед и бабушка В. Большакова. С ними он оставался во время фашистской оккупации в г. Сычёвка с 1941 по 1943 год.

попутных из Москвы в Вязьму, а оттуда шла за нашими войсками до самой Сычёвки. 10 марта она уже стояла у нашего дома с выбитыми стеклами и сорванной взрывом дверью. Она думала, что мы все погибли. Но мы все еще прятались в погребе и в дом заходить боялись: нас предупредили, что он может быть заминирован. Да и бабушка не хотела оттуда уходить. Она сидела часами, словно окаменев, у того топчана, на котором умирал дедушка. Он погиб 17 декабря 1942 года, когда наши самолеты бомбили город. Дверь в погреб выбило взрывной волной, и железной петлей ему пробило висок.

Тетя Катя первой вернулась в дом еще до того, как его проверили наши саперы. Она была отчаянная. Ее даже немцы боялись. Я обязан ей жизнью. Она меня спасла дважды. Мы как-то играли на забитой танками улице и ставили под ними «мины» из старых консервных банок. Немцы обычно не обращали на нас внимания, но тут вдруг какой-то фриц решил нас прогнать и дал очередь из автомата в воздух. Я выскочил из-под танка, убежал на дорогу и со всего маха врезался лбом в фару штабного «опеля». Кровь заливала мне лицо. Немецкий офицер вышел из машины и сказал: «Надо бы его в госпиталь». Тут и выбежала на улицу тетя Катя, отняла меня у немцев и сама перевязала мне рану своим платком. Потом уже она рассказывала мне, что немцы в своих госпиталях выкачивали у русских детей всю кровь, потому что она лучше всего помогала заживать ранам. Шрам на лбу у меня так и остался, и я потом лихо завирал своим сверстникам после войны, что пробил лбом обе фары у немецкого автомобиля и ехавшие в нем в темноте фрицы не заметили партизан, а те их перебили всех до одного... А второй раз тетя Катя меня просто вытащила из грузовика, куда меня уже посадили вместе с другими белообрывыми, как я, детишками. Кто знает, что с нами собирались сделать. Могли выкачать всю кровь, как это делали в Латвии в детском концлагере Саласпилс. Могли увезти в Германию. Уже после войны я узнал, что гитлеровцы специально отбирали на оккупированных землях юных голубоглазых блондинов, таких, каким был я в детстве, чтобы переделать их у себя на родине в «арийцев» и онемечить, как когда-то лужицких сербов в Германии. Если бы не тетя Катя тогда, кто знает, как бы меня сейчас звали...

В оккупацию тоже едва не погиб и мой старший двоюродный брат Славка. Под немцами мы жили впроголодь. Бабушка кормила, чем могла. Ели мы жмых, отчего у всех вздувались животы. Если удавалось, она собирала картофельные очистки, которые немцы выбрасывали на помойку у своей кухни, и лепила из них оладьи на рыбьем жире. Однажды зимой мы со Славкой поползли к этой помойке, потому что заметили, что немцы выбросили туда заплесневелые лимоны. Славка пополз первым, но его заметил часовой – огромного роста мордатый солдат, которого сами немцы прозвали «Пферд», т. е. лошадь. Было очень холодно, и он, видно, решил погреться. Он дал очередь в воздух из автомата, и мы залегли в сугробе. Но как только Пферд отошел куда-то, Славка снова пополз за лимонами. И тут его Пферд поймал и привязал к забору славкиным же шарфом. Когда мы его отвязали, у него слезки замерзли на щеках. Страшное было время. И из памяти моей оно не уходит до сих пор.

За два года я научился понимать немецкую речь, но никогда не говорил на этом языке. Он у меня ассоциировался с криками Пферда «Цюрюк! Хальт! Хенде хох!» и его автоматными очередями, с лаем овчарок и окриками конвойных, которые гнали через Сычёвку зимой колонны полураздетых военнопленных красноармейцев. За колонной шел обычно грузовик. И если кто-то из пленных падал, его пристреливали и труп бросали в кузов через борт. Много наших там полегло той страшной зимой 1942 года. Ребенком я увидел врага в лицо и запомнил его. И не простил. Когда после победы под Сталинградом по Садовому кольцу у нашего дома в Москве вели немецких военнопленных, мне казалось, что я уже видел этих фрицев там, в Сычёвке. Но я уже их не боялся. Только сжимал свои детские кулачки и торжествующе кричал: «Что, гады, попались, попались!» Когда уже много лет спустя стали появляться книги и фильмы, задним числом призывавшие к милосердию к поверженному врагу, умом я понимал, что так вроде бы и положено по-христиански. Но сердце говорило другое – то, что фашисты натворили на нашей земле, простить и забыть нельзя. Они не считали русских за людей, объявили нас *Untermensch* (нем. «недочеловек») и пришли нас убивать. Всех. Это был лишь вопрос времени.

Поле Памяти

У въезда в Сычёвку есть Поле Памяти, где стоит памятник павшим за ее освобождение. Это память не только о Великой Отечественной. По Старой Смоленской дороге издревле шли на Русь наши враги. Вот в таких местах, где боль наших потерь ощущается почти физически, и надо начинать уроки истории в русских школах. Осознание своих корней, прошлого своего народа помогает человеку крепче стоять на этой земле.

Мы жили и росли в то время, когда история Руси преподносилась нам с точки зрения марксизма, и уже поэтому подлинное отношение его классиков к России и их ненависть к славянам, прежде всего к русскому народу, многим из моих читателей были неведомы. Тайной за семью печатями были теперь всем известные данные об экспорте революции в Россию с Запада, в том числе о финансировании большевиков во главе с Лениным германским генеральным штабом, а Троцкого – сионистским капиталом. Тогда за такие разговоры, как и о связях лидеров большевиков с масонами, можно было запросто загреметь в ГУЛАГ «за антисоветскую пропаганду». С другой стороны, официальная советская наука трактовала русскую историю с позиций давно утвердившейся в официальной русской истории теории норманизма, согласно которой русский народ получил свою государственность от варягов. И то, и другое у нескольких поколений русских людей привело к искаженному представлению о том, «откуда есть пошла Русская земля».

В послевоенное время, в связи с обращением в «реальный социализм» ряда стран Восточной Европы, включая ГДР, наша официальная историческая наука принялась из соображений политкорректности всячески приукрашивать наши взаимоотношения с ними. В результате мы так и не знали о том, как поляки уморили в своих концлагерях 80 тысяч человек из 157–165 тысяч советских военнопленных, попавших в польский плен в результате бездарного похода Тухачевского на Варшаву в 1921 году. Не знали мы и о первоначальных планах Гитлера напасть не на Польшу, а вместе с ней – на Советский Союз. А поляки, соответственно,

вплоть до развала СССР так и не смогли доказать, что наши доблестные чекисты отправили на тот свет тысячи польских офицеров в Катыни и на других расстрельных полигонах. У нас предпочитали помалкивать о том, что наши «славянские братья» болгары и в Первой и во Второй мировой войне сражались против нас, несмотря на то, что именно русский солдат спас болгар от уготованного им турками геноцида. Заодно – не хотели обижать братскую ГДР – тихо смиривали антинемецкие настроения, ограничившись дежурными инвективами в адрес Гитлера и его фашистской банды головорезов. Тихо свернули кампанию по разоблачению зверств украинских националистов в Польше, где бандеровцы вырезали 200 тысяч человек на Волыни, а затем сжигали людей живьем, как в Хатыни, в Белоруссии. Даже о расстреле ими на самой Украине в Бабьем Яре евреев и коммунистов предпочитали не вспоминать. Старались как можно реже упоминать о чудовищных преступлениях прибалтийских фашистов, которые выполняли всю грязную работу за нацистов в карательных «зонденркомандах» СС – расстреливали, вешали, жгли. И как-то не вспоминали при этом в Агитпропе ЦК КПСС завет Владимира Ильича Ленина насчет того, что «любое умаление социалистической идеологии ведет к усилению идеологии буржуазной». В результате мы имеем сегодня то, что имеем. Если бы мне сегодня пришлось читать моим юным соотечественникам лекцию о русской истории, я привел бы их на то самое Поле Памяти и рассказал бы им о том, что сам узнал в те годы, когда мы отчаянно отбивали наступление наших идейных врагов, пытавшихся отнять у русского народа его историческую память и тем самым разоружить его, заставить сдаться на милость новых поработителей умов.

Вот что я бы им рассказал. С давних времен Россия вынуждена была жить во враждебном окружении. В нем она родилась как государство и веками жила, а поэтому у нее не могло быть постоянных союзников. Миром она не могла наслаждаться, потому что вынуждена была использовать его как передышку для подготовки к очередной войне. А военные, политические и экономические союзы, как у любой империи, у любой великой державы, на поверку для России всегда оказывались временными, ибо годились только для осуществления краткосрочных задач и целей, но никог-

да – для долгосрочных и стратегических. Это не означает, что Россия не стремилась к миру и дружбе со своими соседями. Наоборот – стремилась всегда. Но цена, которую в конечном итоге запрашивали с нее за это с Востока и Запада, была неприемлемой. Ибо этой ценой были не только ее природные богатства, но и духовные – ее идентичность, ее вера, ее историческое существование.

«Россия, – говорил де Голль в 1961 году президенту Кеннеди, – не нападет никогда на Запад. Она воевала только, когда на нее нападали. Когда в ее пределы вторгся Наполеон. Когда на нее напал Гитлер». На Россию же нападали постоянно, то с Запада, то с Востока. Сжигали дотла все на нашей земле. И тут уже было не до прекрасных крыльев, нация привыкла зарываться в землю, чтобы попросту выжить, отсидеться в лесной землянке, за спасительным болотом после ночного налета очередного захватчика. И если Россия умножала свои пределы, то чаще всего в ходе, как говорят сейчас, ответного удара, чтобы обезопасить себя от нового нападения. Набеги с Востока на Русскую землю начались еще до нашей эры. И Запад пошел на противостояние с Россией задолго до перехода Киевской Руси в христианство. А после этого походы на славянские земли оттуда приняли систематический характер.

По подсчетам историка С. Соловьева, из 525 лет с 1368, т. е. примерно за сто лет до освобождения от татаро-монгольского ига, по 1893 год (Крымская война) Россия 329 лет вела войны. Если продолжить этот отсчет до 1945 года с учетом русско-японской войны, гражданской войны, пограничных конфликтов 30–40-х годов, войну с Финляндией, Великую Отечественную, то получится, что большую часть из 577 лет – почти 347 лет Россия воевала за свое место под солнцем. 230 лет относительного мира не хватало даже на восстановление разрушенного, не говоря уже о восполнении людских потерь. И все же Россия выстояла.

К 1811 году французская империя с ее вассальными государствами насчитывала 71 млн человек населения из 172 млн, населявших Европу. Население России составляло тогда всего 40 миллионов человек. Наполеон смог собрать в поход против России, по разным источникам, от 400 до 450 тысяч солдат. В походе принимали участие воины 16 разных на-

циональностей: наиболее многочисленными были немцы и поляки. Австрия и Пруссия выделили по 30 и 20 тысяч воинов соответственно. После вторжения к Великой армии добавились подразделения численностью до 20 тысяч, сформированные из жителей бывшего Великого княжества Литовского. Только жалкие остатки наполеоновской «Великой армии» сумели живьем выбраться из России.

В своем христианском милосердии мы, русские, всегда умели прощать своих врагов. Завоевав Францию после разгрома Наполеона, который поднял в свой поход на Россию всю Европу, Император Александр I без всякого нажима со стороны своих союзников вывел русскую армию на Родину. А ведь вся Европа лежала у его ног. А сколько раз русские армии брали Берлин, Вену, Варшаву, Прагу...

Увы, милосердие это оценили лишь единицы. За добро отвечали ненавистью. Мечтали отомстить и готовили реванш. На Россию и русских на Западе возвели за века противостояния с ней столько напраслины, что истина в массовом сознании сама собой потерялась и найти ее нелегко. Лев Гумилев в своей книге «Черная легенда» писал: «Каждого русского человека, знакомого с историей международных отношений за последние триста лет, неизменно приводило в изумление то отношение к России, которое в странах Западной Европы считалось вполне естественным и даже единственно возможным: недоброжелательное и несколько пренебрежительное... *Причем очень давно: со времен Ивана Грозного и Алексея Михайловича*». (Гумилев Л. Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 28).

Опубликованные в последнее время в РФ большими тиражами «впечатления» Д. Горсея, А. Де Кюстина, Ф. Гагерна и других писателей-русофобов, посещавших Россию в период с XVI по XIX в., дают немало подтверждений этой оценки Л. Гумилева. Термины «варвары», «азиаты», «дикари» в этих произведениях то и дело употребляются как синонимы слова «русский».

Корни русофобии следует искать, прежде всего, в стремлении мирового капитала Запада и Востока получить свободный доступ к богатствам России, а они, как известно, действительно несметны. И в силу того, что

военная мощь России – это, по сути, единственное препятствие на пути к захвату этих богатств, – Запад вот уже многие сотни лет пугают криками «Русские идут!» так же, как профессиональные воры кричат «Держи вора!». Уже в XIX веке нагнетание антирусских настроений становится частью политической практики по обе стороны Атлантики. На это влиял и страх перед военной мощью России, и целый ряд мировоззренческих, политических и религиозных факторов. Это – различия между католицизмом и Православием, непримиримая позиция в этом конфликте римских пап, а также отказ Православной Церкви признать протестантство, лютеранство и баптизм, укоренившиеся в Швейцарии, Англии, Германии, Франции и других странах Европы, а также в США и Канаде. Покойный владыка Питирим на мой вопрос, как он относится к таким религиям, как протестантство, кальвинизм и баптизм, ответил так: «Это не религии, это – ереси». Еще непримиримее была наша Церковь по отношению к разного рода сектам, которые процветали в Америке, в частности. К мормонам, «Свидетелям Иеговы», «адвентистам 7 дня», а также к масонству, которое православные историки отождествляют с сатанизмом.

Слова владыки Питирима помогают понять, почему к XX веку родиной русофобства стали Соединенные Штаты Америки. Там огромным влиянием пользуются различные секты – от баптистов и «Свидетелей Иеговы» до адвентистов седьмого дня, не говоря уже о разного рода сатанистах. Всех их объединяет ненависть к Православию, а значит, и к России. И это, несмотря на то, что именно русская царица Екатерина II поддержала борьбу американцев за независимость, в том числе и военной силой. Но об этом американцев заставили забыть. Америка, которую называли «плавильным котлом» народов, притянула к своим берегам огромное количество эмигрантов именно из тех стран Европы, где русофобия традиционно процветала, в том числе многих евреев из Польши, Германии и России. Потомки этих эмигрантов занимают сегодня самые влиятельные позиции в американской правящей элите. Одновременно США стали второй родиной масонства и его мировым центром. Для того чтобы понять влияние масонов на внутреннюю и внешнюю политику США приведу лишь один факт – из 44 американских президентов только Джон Фитцджеральд Кеннеди не был

масоном и был единственным в истории США президентом-католиком. Не случайно его убийство носило почти что ритуальный характер.

В последние годы в России было издано немало книг и научных трудов, изучающих причины, точнее, генезис русофобии. Так, Олег Платонов, известный критик масонства, иудаизма и сионизма в своей книге «Святая Русь и окаянная нерусь. Русская цивилизация против мирового зла» в главе «Русофобия» пишет: «Русофобия имеет древние корни. Еще в высказываниях иностранцев, посещавших Русь в XV–XVII вв., чувствуется нескрываемая ненависть и недоброжелательность. Приписывая русским все общечеловеческие пороки и слабости, свойственные им самим, иностранные путешественники насыщали свои путевые очерки массой фантастических выдумок, сплетен и клеветнических слухов, вызывавших у соотечественников неприязнь и отвращение к России» (М.: Алгоритм, 2005. С. 523). Платонов и другие историки справедливо отмечают, что в западном мире настроения русофобии особенно усиливаются в XVII веке после поражения Польши и преодоления последствий Смуты, одной из целей которой было утверждение на Руси католичества. Возвращение в состав России малороссийских земель, которые, как пишет Платонов «были заселены иудеями, безжалостно эксплуатировавшими живший здесь русский народ», сопровождалось рядом ограничений коммерческой деятельности евреев, введенных царем Алексеем Михайловичем. Все это действительно вызвало всплеск русофобии в Польше и других католических странах. Кстати, покровитель Пугачева Людовик XV тоже приложил к этому руку, так как был женат на дочери польского короля Владислава, который жил в его замке в Амбуазе после того, как потерял трон.

Усиление России и расширение ее границ вплоть до Аляски при Петре I и Екатерине II вывело Россию на роль доминирующей державы не только в Европе, но и во всем мире, что было закреплено победой над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года. Страх перед могуществом России и неприязнь к русскому народу укоренились тогда весьма глубоко и надолго. Приведу только один пример – во время оккупации Москвы французы в 1812 году вырубили все деревья на Бульварном кольце. Но об этом не встретишь ни единого упоминания в хрониках наполеоновских

войн, да и у нас об этом как-то забыли. Но вот о том, что казаки, войдя в Париж в 1814 году разбили свои биваки на Елисейских полях и сожгли там все деревья, во Франции вспоминают как кровную обиду до сих пор! Победу над Наполеоном России не простили. За нее отомстили и Крымской войной, и Второй мировой. Ведь Наполеон был кумиром Гитлера!

К началу XX века в США и в Западной Европе окончательно сформировался международный альянс крупного финансового и промышленного капитала, политических и военных элит, руководителей масонских, сионистских и других организаций влияния, который русский философ И. А. Ильин назвал «мировой закулисой». Главенствующую роль в этом альянсе «мировая закулиса» предоставила США. Именно в ее «недрах» родилась идея «нового мирового порядка», т. н. план Марбурга, в разработке которого приняли участие американский мультимиллионер Э. Карнеги, а также ряд европейских банкиров, включая президента лондонского банка «Джойнт Сток», по совместительству главу «Великой ложи Англии», лорда Мильнера. В соответствии с этим планом Россия вообще должна была исчезнуть с карты мира.

«Доктрина Монро» (1823), в соответствии с которой США превратили западное полушарие в свою вотчину, обрела глобальное измерение. (Кстати, эта доктрина была сформулирована президентом США Дж. Монро в том его послании, где речь шла «о взаимных правах и интересах» России и США на северо-западном побережье американского континента. В послании подчеркивалось, что «американские континенты, добившиеся свободы и независимости и оберегающие их, отныне не должны рассматриваться как объект колонизации со стороны любых европейских держав». И вместе с тем отмечалось, что и США не будут вмешиваться в дела европейских держав.) Впоследствии на основе «плана Марбурга» и «доктрины Монро» были построены концепции «Американского мира» (Pax Americana) и знаменитый «план полковника Хауса», названный так по имени техасского финансиста, масона высоких степеней посвящения Мандела Хауса, друга Вудро Вильсона, избранного президентом США в 1912 году, накануне Первой мировой войны, и «серого кардинала» в его администрации. Главным спонсором предвыборной кампании Вильсона был еврейский финансист,

один из лидеров сионистов Нью-Йорка Бернард Барух. Его поддерживали также банкиры-сионисты Дж. Морган, Шифф, Варбурги, и др. Хаус, тесно связанный с этими людьми, сформулировал идею установления мирового господства США. Суть ее заключалась в том, что США от своей политики изоляционизма отказываются и берут на себя роль мирового лидера. В рамках создания «новой мировой системы» Хаус предлагал даже создать мировое правительство под эгидой США. (Впоследствии эту идею реализовал Д. Рокфеллер.) В «плане Хауса» России отводилась печальная участь. «Остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России, – писал Хаус, – в мире будет четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделенная Европейская часть страны» (См. «Архив полковника Хауса». М.: АСТ). Разделенная таким образом Россия получала бы со стороны США «финансовую, промышленную и моральную поддержку по всем мыслимым направлениям», и все «четыре России» становились бы сырьевыми придатками и рынками сбыта США. Заодно Хаус планировал путем интеграции России в «новую мировую систему» заменить наше Православие религией «наподобие протестантских».

В развитие «плана Хауса» госдепартамент США составил 21 января 1919 года специальный документ, предусматривавший расчленение России: предполагалось отсечь от нашей страны Прибалтику, Белоруссию, Украину, Кавказ, Сибирь и все среднеазиатские области (более подробно об этом см. *Кунин А. Е.* Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917–1920 гг. М., 1954. С. 96–100). До этого, напомним, по ленинским декретам получили независимость Финляндия и Польша, входившие в состав Российской империи. Затем «план Хауса» усовершенствовали в госдепартаменте США, предложив разделить Россию на восемь, а затем и на двадцать «независимых» государств. (План госдепа был с успехом осуществлен почти полностью лишь в 1991 г. с помощью Горбачева и беловежского «трио» предателей – Ельцина, Кравчука, Шушкевича).

В период с 1905 по 1917 год Первая мировая война и три революции подряд сломали естественный ход русской истории. Гражданская война и развязанный Лениным, Троцким, Дзержинским и прочими коммунистами-русофобами «красный террор» обернулся для России

страшными жертвами. Во время Первой мировой войны, в основном в боях с кайзеровской Германией и Австрией, Русская императорская армия потеряла 1,7 млн убитыми и умершими от ран, 4,95 млн ранеными и 2,5 млн военнопленными. После революции началась иностранная военная интервенция в России (1918–1921) с целью прямого военного вмешательства стран Согласия (Антанты) и Центральных держав (Четверного союза) в Гражданскую войну (1917–1922). В этой интервенции на разных этапах участвовали Германская империя, Австро-Венгерская империя, Османская империя, Великобритания, Австралия, Канада, Индия, США, Франция, Италия, Греция, Румыния, Польша, Япония, Китай, Сербия, Финляндия и Болгария.

За период с 1918 по 1955 год не своей смертью умер каждый пятый человек, когда-либо живший в России после революции. Для сравнения скажем, что за 1861–1917 годы удельный вес лиц, умерших не своей смертью в Европе, был менее двух процентов, а во Франции, Великобритании, Италии, США в 1920–1960 годы – менее одного процента. Ученые подсчитали, что при ином стечении исторических событий в нашей стране могло бы жить не 280 миллионов человек, как в середине 70-х годов, а не менее 400–430 миллионов человек. Общий же ущерб только русского населения (включая белорусов и малороссов) – 125–130 миллионов человек. Причем сегодня уже понятно, что погибла и не смогла дать потомство не просто часть населения, а генетически лучшая его часть – представители русского дворянства, купечества и крестьянства, а также национальная интеллигенция – главные творцы материальной и духовной культуры страны, носители лучших традиций и идеалов.

Огромен объем материального и культурного ущерба, нанесенного России в эти годы. О них свидетельствуют руины 25–30 тысяч церквей и около 500 монастырей, около 50 тысяч памятников архитектуры и 2 тысяч старинных усадеб. Только в Москве «именем революции» было разрушено около 700 памятников архитектуры и 8 тысяч зданий исторической постройки. Погибли безвозвратно сотни тысяч предметов русского прикладного искусства, произведений живописи, фресок, росписей, не менее 20 миллионов икон. Стоимость этих потерь идет на сотни миллиардов,

если не на триллионы долларов. Неисчислим экономический ущерб. Начиная с 1918 г., по подсчетам наших ученых, по сей день национальный доход страны составляет в 2–4 раза меньше ее возможностей. Здесь цифры просто невероятные. Ущерб исчисляется в сотни триллионов рублей, т. е. во многие десятки триллионов долларов. Наши только людские потери с 1917 по 1955 год, включая тех, кто погиб и кто от них не родился, – примерно равны по численности всему населению Западной Европы (*Платонов О. А. Русская цивилизация. М.: «Роман-газета», 1995. С. 195–197*).

История показывает, что на протяжении веков временные союзники России рано или поздно ее предавали, подставляли ее под удар самых жестоких врагов. Достаточно вспомнить о том, что после Февральской революции 1917 года, совершенной при прямом участии западных спецслужб и мирового масонства, ни одна европейская страна из тех, что выступали вместе с Россией во Второй мировой войне против Германии, не дали приюта семье императора Николая II. Даже прямые родственники императрицы из королевских семей Англии, Дании и Голландии отказались принять Романовых. Тем самым их обрекли на неминуемую страшную гибель.

У России были правители, готовые слиться в экстазе и с Западом, и с Востоком одновременно, продав все и вся, за что их благосклонно похлопывали по плечу как преданных холопов. Один Горбачев чего стоит! Но только тогда, когда во главе России стояли действительно великие правители с менталитетом Александра Невского и Александра III, она достигала подлинного величия. И это надо помнить особенно сегодня, когда вновь нарастает противостояние Запада и Востока.

Но продолжим наш урок истории.

Реальность враждебного окружения

Период от гражданской войны до начала Второй мировой достаточно хорошо известен историкам. С самого начала прихода Гитлера к власти при прямой, в том числе финансовой поддержке вчерашних союзников по

Антанте, Германию стали, как и перед Первой мировой войной, натравливать на войну с Россией. Характерно, что установление фашистского и вроде бы безбожного режима в Германии было положительно встречено именно Ватиканом. По его указанию фракция католической партии центра в рейхстаге в марте 1933 года проголосовала за Гитлера, а затем объявила о самороспуске. Ватикан не оставлял надежд на восстановление католической Священной Римской империи времен Карла Великого и Барбароссы, кумира Гитлера, Гиммлера и других нацистских бонз. И не случайно план нападения на СССР был назван его именем – ведь Барбаросса, мечтавший о расширении границ Священной Римской империи вплоть до Урала, призывал к новому «крестовому походу» на Восток и уничтожению славян. Понятно, почему одним из первых успехов гитлеровской дипломатии стало соглашение (конкордат), заключенное с Ватиканом 20 июля 1933 г. от имени Гитлера фашистским дипломатом и международным разведчиком Папеном. В беседе с секретарем папы кардиналом Пачелли Папен говорил, что «теперь германское правительство имеет во главе человека, являющегося бескомпромиссным противником коммунизма и русского нигилизма во всех его формах» (*Papen F. Memoirs. London, 1952. P. 279*). Кардинал Пачелли в 20-х годах был папским нунцием в Мюнхене и Берлине. Он был тесно связан с лидером католической партии центра Врюнингом и входил в весьма влиятельные гостиные германской элиты. В 1934 году он вззошел на папский престол под именем Пия XII, которому до сих пор не могут простить в Израиле, да и во всем мире, то, что он последовательно поддерживал лидеров фашистских государств, их войны и их политику. По конкордату 1933 года католическая Церковь в обмен на благословение фюрера получала официальную защиту и поддержку со стороны гитлеровского правительства. В свою очередь католические священники включались в систему «духовного воспитания» немецкого народа и вермахта в соответствии с шовинистической программой нацизма. Конкордат был первым открытым международным признанием фашистского террористического режима в Германии. И вплоть до конца войны папский престол так и не осудил гитлеровский геноцид славян, евреев, цыган и других народов.

Задолго до того, как разразилась Вторая мировая война, на Западе принялись сколачивать новый антирусский союз. Цели его не менялись с момента рождения «плана Хауса». На его реализацию в новых условиях были брошены все силы западной дипломатии. Для начала было решено создать в Европе блок крупных империалистических держав, включая фашистскую Германию, – «Пакт четырех». Его инициатором выступил фашистский диктатор Италии Бенито Муссолини. Дуче тут же поддержали в Лондоне премьер-министр Англии Макдональд и министр иностранных дел Саймон. В марте 1933 года итальянский посол в Берлине вручил министру иностранных дел Германии Нейрату проект пакта. Гитлер проект одобрил, но внес ряд поправок. В его редакции пакт предусматривал ревизию версальской системы мирных договоров, признание за Германией равенства прав в вооружении, сотрудничество в европейских и внеевропейских вопросах, в том числе и колониальном. После того как пожелания фюрера были учтены, «пакт четырех» (официально новая Антанта именовалась так: «Пакт согласия и сотрудничества Англии, Франции, Германии и Италии») был подписан в Риме 15 июля 1933 года. Характерно, что «Пакт четырех» еще до его подписания получил одобрение и поддержку в США 9 июня 1933 года. В заявлении госдепартамента США он характеризовался как «доброе предзнаменование» (Roosevelt's Foreign Policy 1933–1941. Franklin D. Roosevelt's Unedited speeches and Messages. New York, 1942. P. 22.)

«Пакт четырех» мало известен широкой публике, и о нем не часто вспоминают. Тем не менее именно этот пакт стал прообразом и «мюнхенского сговора», и множества союзов и договоров 30–40-х годов, направленных против Советской России. Этот пакт был первым сговором правительств Англии и Франции с фашистскими правительствами Германии и Италии и фактически развязывал Гитлеру руки в его подготовке к большой войне в Европе и агрессии против нашей страны. В Лондоне и Париже рассчитывали, что «Пакт четырех» приведет к исполнению их давнишнего желания – создать в Европе директорию четырех держав (во главе с англо-французским блоком) и повернуть германскую военную машину на восток. Не удивительно, что идея пакта еще до его под-

писания вызвала сопротивление не только со стороны Москвы, но и во многих европейских столицах. Еще в марте 1933 года конференция министров иностранных дел стран Малой Антанты выступила против проекта «Пакта четырех». Заинтересованность Франции в сохранении версальской системы привела к тому, что он не был ратифицирован Францией. Однако, хотя формально «Пакт четырех» и не вступил в силу, он оказал пагубное влияние на последующее развитие международных событий. Пакт способствовал подрыву системы французских союзов в Европе и росту капитулянтских и прогерманских настроений в правящих кругах стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Но главное – он снял все барьеры на пути реализации гитлеровской программы милитаризации Германии и подготовки Второй мировой войны. Весной 1933 года английское правительство внесло на конференцию по разоружению так называемый план Макдональда, предусматривавший увеличение германской армии со 100 тыс. до 200 тыс. человек с краткосрочной службой солдат (до восьми месяцев). План был поддержан также и американским правительством. Чувствуя попустительство западных держав, Германия увеличивала свои требования, затем, ссылаясь на отказ Лиги наций признать за ней равное право на вооружение, 14 октября 1933 года объявила о выходе из Лиги наций и об уходе с конференции по разоружению.

26 января 1934 года с одобрения Англии, Франции, США и Ватикана был подписан еще один пакт, который также позволил гитлеровцам осуществить подготовку войны, прикрываясь пальмовыми ветвями мира. Это – германо-польский пакт (сроком на 10 лет) с официальным названием «Декларация о неприменении силы между Польшей и Германией». Оба правительства заявили о своем желании «открыть новую эпоху в политических отношениях между Польшей и Германией», обязались «ни в коем случае не прибегать к применению силы с целью разрешения спорных вопросов».

Правительство Польши проглотило наживку Гитлера, потому что полагало, что он предложит Варшаве поучаствовать в совместном с Германией походе против Советского Союза. Еще 2 мая 1933 года Гитлер в беседе с польским послом Высоцким, а затем 15 ноября при встрече с новым послом

Липским заговорил о желании Германии установить «дружественные» отношения с Польшей. Гитлер, повторяя слова Черчилля и Клемансо, заявил, что Польша является форпостом Европы против Азии, «стражем Запада против проникновения коммунизма с Востока».

Германо-польский пакт был подготовлен всей предшествующей антисоветской политикой правительств Польши, Англии, Франции и США, поощрявших Германию к нападению на Советский Союз. Этот пакт, как и «Пакт четырех», стал одним из значимых этапов на пути ко Второй мировой войне. В нем даже не упоминалось о признании Германией неизблемости своих восточных границ. Не случайно немецкие историки писали, что пакт с Польшей «оправдался для Гитлера четыре года спустя, сыграв свою роль в его мероприятиях против Австрии и Чехословакии» (См. Republic of Poland Ministry for Foreign Affairs. Official Documents Concerning Polish-German and Polish-Soviet Relations 1933–1939. London – Melbourne, S. a. P. 26).

Польский журналист Мацкевич писал, что в Варшаве того времени рассматривали это соглашение в первую очередь как антисоветский акт: «Договор Гитлера с Польшей от 26 января 1934 г. являлся началом осуществления германского похода против Советского Союза при активном участии Польши, при нейтралитете Англии и Франции» (*Mackiewicz (Cat). Polityka J. Becka. London, 1946. S. 125*).

Наиболее полно и откровенно планы войны против СССР обсуждались во время визитов Геринга в Польшу в 1935 году на так называемую охоту в Беловежской пуше. Суть этих переговоров изложена в официальной записке тогдашнего заместителя министра иностранных дел Польши графа Шембека. «Сегодня обсуждал с господином Липским вопрос о визите Геринга в Польшу, – пишет Шембек. – Посол утверждал, что во время бесед в Беловеже и в Варшаве Геринг был весьма откровенен. Особенно в беседе с генералами, когда он наметил в общих чертах далеко идущие планы, намекнув об антирусском союзе и совместном нападении на Россию. Геринг давал понять, что при этих условиях Украина стала бы польской сферой влияния, а Северо-Западная Россия – германской» (I Историко-дипломатический архив Министерства иностран-

ных дел СССР (далее – ИДА). Ф. 15, он. 1, д. 93, л. 81–82; *Климовский Д.* Зловещий пакт. Минск, 1968. С. 79–80). С Пилсудским и президентом Мосьицким Геринг имел еще более откровенный разговор. Он предложил Пилсудскому принять на себя общее командование объединенными германо-польскими силами в войне против СССР. Предложение было встречено с восторгом (ИДА. Ф. 15, л. 26).

Советский Союз еще в январе 1934 года заявил об опасности германо-польского пакта как для самой Польши, так и для мира в Европе. Подписанный еще 25 июля 1932 года польско-советский пакт о ненападении был фактически дезавуирован соглашением с Гитлером. Газета «Известия» от 29 ноября 1934 года предупреждала, что польско-германский альянс подрывает союз Польши с другими странами и оставляет «изолированную Польшу лицом к лицу с фашистской Германией». Но этим предупреждениям не вняли. Там всерьез готовились к войне с Советским Союзом на стороне Гитлера. Не так давно из российских архивов достали документы, которые держали в тайне почти 70 лет. Комментируя их, генерал-майор ГРУ (Главное разведуправление МО СССР) Лев Соцков сказал в интервью британской «The Sunday Telegraph» (21 октября 2008 г.), что в ходе переговоров в Москве с делегациями Англии и Франции Сталин предложил поставить у границы с Германией мощный блок. Он предложил перебросить через Польшу к этой границе группировку советских войск в составе 120 пехотных дивизий (по 19 тысяч солдат в каждой), 16 артиллерийских дивизий, 5000 единиц тяжелой артиллерии, 9500 танков и около 5500 самолетов и бомбардировщиков. Глава британской делегации Реджинальд Дракс в ответ на это заявил, что уполномочен только вести переговоры, но ничего не будет подписывать, а тем более такой договор с СССР! Решительно выступила против предложения Сталина и Польша, у которой, как говорилось выше, были совсем другие планы в отношении России.

СССР, оставшись в одиночестве, говорит генерал Соцков, «вынужден был повернуться в сторону Германии и подписать договор о ненападении, чтобы получить дополнительное время для подготовки к приближающемуся конфликту». Известно, чем все это кончилось. После вторжения

в Польшу через два года после подписания с ней пакта о «союзе» Гитлер заявил, что как государство Польша не будет существовать никогда. Еще через год Гитлер оккупировал Францию, начались бомбардировки Англии. Только в июне 1941 года, когда Гитлер напал на Советский Союз, Запад и СССР заключили союз против Германии. Но к тому времени уже большая часть Европы была оккупирована. Американский историк Е. Беннетт задает вопрос: «Как это могло случиться?» Почему США, Англия и Франция помогали гитлеровской Германии вооружаться и не препятствовали ее подготовке к войне. «Теперь мы имеем документальные свидетельства германских архивов, – пишет Беннетт, – которые показывают безоговорочное стремление правительства (Гитлера. – В.Б.) изменить существующий порядок. Однако союзники имели доказательства этого уже и тогда – в донесениях атташе, в речах в рейхстаге, в германской прессе. Дело было не в отсутствии доказательств, а скорее, в неумении осознать их важность» (*E. Bennett. Germany and the Diplomacy of the Financial Crisis, 1931. Cambridge, 1962. P. 311*). Но дело, конечно, не в неумении, а в нежелании остановить Гитлера, которого Запад подталкивал на войну с Советским Союзом, даже рискуя собственной безопасностью.

Россия перед Второй мировой войной осталась практически в полном одиночестве. Даже «братья-славяне» от нее отвернулись. Наши болгарские «братушки», которых, как уже упоминалось, русский солдат спас в войне с Турцией от геноцида, переметнулись на сторону Гитлера. Так же поступили и в Хорватии, создав там фашистское государство. Даже в Сербии появились свои фашисты – усташа, которые пошли вместе с Гитлером на Россию. Одни белорусы остались верны славянскому братству. А уж что творилось на Украине, где Гитлера встречали цветами, а пройтись с немецким офицером по Крещатику считалось у местных дамочек высшим шиком, я и не говорю. Это, кстати, уже признают открыто, так как на Украине подручные гитлеровцев из бандеровской УПА и дивизии СС «Галичина» ходят теперь в национальных героях.

Больше всего русских людей погибло от рук немцев. Со времен псов-рыцарей до гитлеровских полчищ. Гитлер добился того, чтобы с ним в поход на Россию пошла вся Европа. С начала гитлеровской агрессии против

СССР 22 июня 1941 г. по май 1945 г. в Русской кампании приняли участие в рядах Ваффен-СС 135 тыс. представителей Западной Европы. Среди них – 55 тыс. голландцев, 23 тыс. фламандцев, 20 тыс. французов и 20 тыс. валлонцев. До конца войны в немецком вермахте, согласно данным Г. Нойлена, отслужили 1 123 700 представителей негерманских национальностей. Стоит перечислить, кто же топтал нашу землю под знаком свастики.

Албания. Весной 1944 г. из албанских добровольцев сформирована 21-я войсковая горная дивизия СС (1-я албанская) «Скандерберг» (6000 человек).

Бельгия. 27-я добровольческая гренадерская дивизия СС «Лангемарк» (1-я фламандская), 28-я добровольческая танково-гренадерская дивизия СС «Валлония» (1-я валлонская), Фламандский легион СС.

Болгария. Болгарская противотанковая бригада войск СС (1-я болгарская), около 700 человек.

Великобритания. Арабский легион «Свободная Арабия», Британский добровольческий корпус, 950-й Индийский добровольческий легион войск СС «Свободная Индия». К концу 1942 г. в этом легионе насчитывалось 3500 человек. Английский добровольческий корпус СС (60 человек) просуществовал с июля 1941 по май 1943 г. В лагере Хилдешейм формировался добровольческий батальон из англичан.

Венгрия. 17-й корпус СС, 25-я гренадерская дивизия СС «Хуньяди» (1-я венгерская), 26-я гренадерская дивизия СС (2-я венгерская), 33-я кавалерийская дивизия СС (3-я венгерская), 22-я добровольческая кавалерийская дивизия СС «Мария Терезия» (8000 человек), 25-я гренадерская дивизия СС «Хуньяди», 26-я войсковая гренадерская дивизия СС «Хунгария».

Дания. 11-я добровольческая танково-гренадерская дивизия СС «Нордланд», 34-я добровольческая гренадерская дивизия «Ландсторм Нидерланд» (2-я голландская), Свободный корпус СС «Данмарк» (1-й датский), Добровольческий корпус СС «Шальбург».

Испания. 1 дивизия «Division Azul» («Голубая дивизия») и 15-я «испанская» эскадрилья в составе 27-й немецкой истребительной эскадры. В октябре 1943 г. «Голубую дивизию» заменил полуторатысячный Испанский добровольческий легион.

Италия. Первоначально Муссолини предоставил немцам в 1941 г. 4 дивизии, а затем, после Сталинградской битвы, – еще 6. По другим данным, в 1941 г. против СССР воевали 62 тыс. итальянцев в составе трех дивизий – «Пасубио», «Торино» и «Челере». Действовала также 29-я гренадерская дивизия СС «Италия» (1-я итальянская). С 1943 г. – от Италии на стороне гитлеровцев сражались 90 тыс., из них 50 тыс. в люфтваффе, 20 тыс. – добровольцы в СС.

Латвия. Латышские легионеры, Латышский добровольческий легион СС, 6-й корпус СС, 15-я гренадерская дивизия СС (1-я латышская), 19-я гренадерская дивизия СС (2-я латышская).

Нидерланды. 11-я добровольческая танково-гренадерская дивизия СС «Нордланд», 23-я добровольческая моторизованная дивизия СС «Недерланд» (1-я голландская), 34-я добровольческая гренадерская дивизия «Ландсторм Недерланд» (2-я голландская), Фламандский легион СС.

Норвегия. Норвежский легион СС, Норвежский батальон лыжных егерей СС, Норвежский легион СС, 11-я добровольческая танково-гренадерская дивизия СС «Нордланд». В целом, в войсках СС воевали 8 тыс. норвежцев.

Польша. Гуральский добровольческий легион СС. Всего – 200 тысяч, из них 40 тыс. в полиции.

Румыния. 103-й танково-истребительный полк СС (1-й румынский), Гренадерский полк войск СС (2-й румынский). Всего – 7 дивизий и 7 бригад.

Сербия. Сербский добровольческий корпус войск СС.

Словакия. 2 дивизии СС.

Швеция. 315 шведов служили в войсках СС.

Швейцария – от 700 до 1350 швейцарцев служили в войсках СС.

Финляндия. Финский добровольческий батальон СС насчитывал 2000 человек. Всего на стороне Германии воевали 14 финских дивизий, в том числе 11-я добровольческая танково-гренадерская дивизия СС «Нордланд» и 8 бригад.

Франция. Французские легионеры СС, 28-я добровольческая танково-гренадерская дивизия СС «Валлония» (1-я валлонская), 33-я гренадерская дивизия СС «Шарлемань» (1-я французская), легион «Безен Перрот» (набирался из бретонских националистов).

Хорватия. 9-й горный корпус СС, 13-я горная дивизия СС «Ханджар» (1-я хорватская), 23-я горная дивизия СС «Кама» (2-я хорватская).

Чехословакия. Гуральский добровольческий легион СС.

Эстония. 20-я гренадерская дивизия СС (1-я эстонская).

На Восточном фронте действовали также смешанные части:

Скандинавская 5-я танковая дивизия СС «Викинг» – Нидерланды, Дания, Бельгия, Норвегия; Балканская 7-я добровольческая горная дивизия СС «Принц Ойген» – Венгрия, Румыния, Сербия; 24-я горная дивизия «Галичина»; 14-я гренадерская дивизия СС «Галиция» (1-я украинская). Коннострелковая (пещерная) дивизия СС «Карстгегер» – Чехословакия, Сербия, Галиция, Италия; 36-я гренадерская дивизия СС «Дирлевангер» – набиралась из уголовников различных европейских стран.

Всего, по данным трофейных документов, на 1 июля 1943 г. из 232 дивизий на советско-германском фронте принимало участие в боевых действиях 36 дивизий стран – сателлитов Германии.

«Мировая закулиса» самым тщательным образом наблюдала за ходом Второй мировой войны, в которой главным для нее была не борьба с фашизмом, не спасение народов от гитлеровского геноцида, а ее собственные узкокорыстные цели. Кстати, «закулиса» была прекрасно осведомлена об уничтожении славян, евреев и цыган в лагерях смерти, но ничего не сделала для их спасения. В этой схватке гигантов ее задачей было другое – раз и навсегда вывести Германию и Россию, а затем и Японию из числа великих держав и утвердить свое мировое господство. Вот почему, даже пойдя на союз с СССР, Англия и США действовали по принципу, сформулированному президентом США Гарри Трумэном еще в его бытность сенатором на третий день после нападения Гитлера на Советский Союз: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, мы должны помогать России. Если выигрывать будет Россия, мы должны помогать Германии. Пусть, таким образом, они поубивают друг друга как можно больше. (The New York Times, 24 июня 1941 г.).

Даже после победы над фашистской Германией наши союзники по антигитлеровской коалиции держали захваченные в плен немецкие вой-

ска в полной боевой готовности. Вплоть до конца 1945 года существовала опасность, что их перевооружат и бросят против СССР снова, но уже в составе армий наших вчерашних союзников. В это верится с трудом, но рассекреченные в последние годы британские документы доказывают, что такой план существовал. Он был найден в личном досье Уинстона Черчилля. Это план операции «Немыслимое» (точное название!) – войны против СССР, подготовленный Объединенным штабом планирования военного кабинета Великобритании. Под ним стоит дата – 22 мая 1945 год. В книге профессора О. А. Ржешевского из Института всеобщей истории РАН «Сталин и Черчилль» (М.: «Наука», 2004) этот план, подготовленный всего через две недели после победы над гитлеровской Германией, подробно описан. В соответствии с ним первоначальная цель новой войны с Россией – «вытеснить советские войска с территории Польши». Конечная цель состояла в том, чтобы силами западных союзных армий и неразоруженных немецких дивизий «оккупировать те районы внутренней России, лишившись которых, эта страна утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления». Ставилась задача: «нанести такое решающее поражение русским вооруженным силам, которое лишит СССР возможности продолжать войну». Начало военных действий было намечено на 1 июля 1945 года. И не был он реализован только потому, что господа союзники вынуждены были учесть, насколько мощной силой стала Красная армия к концу Второй мировой войны, и побоялись риска. Имперский генеральный штаб Великобритании первым дал отбой и не поддержал этот план «по причине превосходства сил Красной армии». Начальник британского генштаба фельдмаршал А. Брук резюмировал это решение так: «Россия сейчас всесильна в Европе» (Public Record Office. CAB. 120/161/55911. P. 1–29).

Это еще одно подтверждение того, что Запад никогда не считался только со слабой Россией. А вот сильной России, уверенной в себе и своих «союзниках», по Александру III, там панически боялись и остерегались вступать с ней в бой. Этот урок истории каждому русскому человеку надо запомнить в первую очередь, чтобы ему никогда не пришлось сдаваться на милость победителя.

Глава вторая В НАШЕЙ КОММУНАЛКЕ

После освобождения – домой

Перед отъездом в Москву мы пошли на кладбище и положили деду на могилку вербу с едва-едва проклюнувшимися пушинками. Бабушка сказала: «Скоро Пасха, внучек». И горько заплакала. Они провожали нас до товарняка, который уходил в Москву. Бабушка, тетя Катя, ее дети Ринка и Валька. Остался там и Славка.

Платформу в Сычёвке наши штурмовики разбомбили до основания, и мы шли по шпалам к ее обгоревшим руинам. Метрах в ста от путей валялась разбитая немецкая легковушка, из которой высунулась оранжевая пластмассовая ручка поворотника. Идеальная игрушка. Выломать бы ее! Все бы пацаны обзавидовались. Мать крепко держала меня за руку. Наш товарник уже показался у поворота. Ждать бы меня, конечно, никто бы не стал – немцы все еще бомбили Сычёвку, и поэтому поезда стояли там не больше пяти минут. Славка сбежал вниз по насыпи, и я видел из проема вагона, как он пытался выломать поворотник у легковушки. Он ее все-таки выломал, но как раз в тот момент, когда поезд тронулся. Минуту-две он бежал за поездом, а потом остановился и кинул мне поворотник вслед. Мы уехали с мамой, а они все остались в Сычёвке восстанавливать дом.

В Москву мы приехали уже утром, хотя от Сычёвки до нее километров двести. Поезд то и дело останавливался, и один раз мы даже попали под бомбежку. Потом я, помню, сидел долго в каком-то коридоре на Белорусском вокзале. Всех, кто приехал в нашем товарнике, кроме детей, проверяла комендатура. Говорили, что нас в город не выпустят, пока мы не пройдем санпропускник. Нас повезли в Машковские бани в Машковом

переулке, рядом с Земляным валом, неподалеку от нашего дома. Там у нас в раздевалке отобрали всю одежду, положили в общую наволочку, на которую повесили табличку «Чирковы», и отправили все это в «термичку», из которой одежда выходила влажной, но уже без вшей. В то время народ в баню ходил не париться, а мыться. Ванна в квартире считалась роскошью. Ну, а в нашей коммуналке даже душа не было – умывальник на кухне и общий туалет. Вот и все удобства. На кухне у каждой семьи был свой стол. Обычно на нем стоял примус, керосинка или керогаз. Это было уже шиком – горелка у керогаза напоминала газовую, не нужно было ни примусных иголок, ни фитилей для керосинок, ни накачивания. И керосина он ел меньше, чем примус. Были и электроплитки, но с ними всегда были какие-то проблемы – то спираль выскочит, то пробки перегорят, когда молоко вскипит и зальет плитку. Да и качество этих электроприборов было много ниже среднего уровня. «Керосин надежнее», – говорили у нас на кухне, которая для жителей коммуналки служила еще и столовой, и клубом. Все были в курсе, что у кого сегодня на обед и заодно – в курсе всех соседских проблем. Холодильников тогда не было. Зимой только за окно вывешивали в авоськах мясо или замороженных кур. И конечно, не зазорно было стрельнуть у соседа что-нибудь по мелочи – соль, перец, сахар, спички, керосинчику, картошечки, лучку... И нам, «беспризорным», если матери задерживались на работе, всегда перепадало что-нибудь вкусненькое от соседки – котлетка, блинчики, булочка с изюмом... Коммунизм в миниатюре. Как во сне Веры Павловны...

Москва 1943 года еще была на осадном положении. По улицам ходили патрули. По ночам обязательно было занавешивать окна, на которых у всех на стекла были наклеены кресты из полосок белой бумаги. Никто не выключал «черные тарелки» – репродукторы военной поры, по которым передавали сигналы воздушной тревоги. Немцы все еще продолжали бомбить Москву, хотя к тому времени прорваться к ней асам Геринга было не просто даже ночью. Я запомнил две воздушных тревоги. В первый раз тревога застала нас вечером у площади Маяковского и мы просидели там, в метро, часа три. Это было в мае 1943-го. А второй раз помню, как мы бежали с мамой днем к станции метро «Курская», самой близкой от на-

шего дома. Это было уже в июне. Вновь вернулось страшное ощущение незащитности от нависшей угрозы с воздуха, не покидавшее мое детское сознание с того самого момента, когда в июле 1941-го мы попали под бомбежку на переправе через Вазузу. У меня еще расстегнулся сандалик, и мать помогла его мне наладить, чтобы я мог бежать. В метро мы провели почти два часа до отбоя. В подземке люди сидели на перронах, а те, кому повезло, — в вагонах: во время тревоги поезда не ходили. Все уже привыкли к этим налетам и далеко не всегда спускались в метро, чаще укрывались в подвалах своего дома, а то и вовсе не покидали квартиры. Но напряжение сохранялось — в метро, как и в любом бомбоубежище, люди редко разговаривали между собой. Просто ждали, когда все это кончится. Может быть, тогда на «Курской» я пережил последний налет немцев 9 июня 1943 года. С этого дня они прекратили бомбежки Москвы.

В коммуналке на Земляном валу прошли все мое детство и отрочество. Жили мы в маленькой комнатке всего в десять квадратных метров, куда умудрились поместить кровать, диван, комод, обеденный стол, этажерку для книг и большой платяной шкаф. Когда приходила милиция проверять прописку у жильцов, в этом шкафу пряталась моя тетя Лида. Когда мы вернулись в Москву из Сычёвки, ей исполнилось 20 лет, и она училась на географическом факультете МГУ, московской прописки у нее не было, и в нашей десятиметровке она жила вроде бы как незаконно. Но не было случая, чтобы кто-нибудь из нашей «вороньей слободки» на нее наступал милиции. В 1944 году приехала к нам из Сычёвки и бабушка Лина. Прожили они с нами вплоть до 1946 года, а потом Лида вышла замуж за капитана-танкиста Женю Барина и уехала с ним в Иркутск. Вместе с ней туда уехала и моя сычёвская бабушка. Но какое-то время все они ютились на наших десяти метрах и спали на полу. Только меня иногда брали на ночь к себе мои дед с московской бабушкой по отцу, жившие через стенку от нас. И как ни удивительно, не было в доме никогда ни ссор, ни свар...

Квартира наша размещалась на четвертом этаже дома № 6 по улице Чкалова, ныне Земляного вала. До революции это был доходный дом с большим внутренним двором и подвальными помещениями. В нашей квартире было семь комнат, и в каждой из них жила семья — таков был

результат послереволюционного «уплотнения». Только бывшая владелица всего нашего дома мадам Эверлинг жила одна в комнате в 16 кв. м. у самой входной двери со своим белым шпицем, который надрывал глотку, заходясь в хриплом лае каждый раз, когда чуял какого-нибудь жильца рядом. Говорили, что раньше до «уплотнения» у нее была целая квартира на втором этаже.

Старуха Эверлинг после революции потеряла все. От бывшего богатства ей оставили только комнату в нашей квартире и старый рояль. Седая и неопрятная, она редко выходила из дома, предпочитая ежедневный променады по нашему длинному коридору. У нее была трясучка, и ее всю коржило. Можно было услышать, как старуха Эверлинг идет еще до того, как она подходила к нашей двери, по звуку, сопровождавшему ее судороги, – «ап-кря, кря-э-ээ-эх». Казалось, что она хочет чихнуть, но никак не может. Она обожала подслушивать, но звук этот выдавал ее, когда она останавливалась в коридоре, и если это продолжалось слишком долго, то нередко получала дверь по уху. Она уходила, ворча в своей вечной контрреволюционной обиде: «Скоты, быдло, хамы...» Но это ничуть не мешало ей на следующий день опять крякать перед чьей-то дверью.

Напротив Эверлинг жило семейство Гришиных. Сын бабы Груни Мишка был вором-карманником. Он просидел почти всю войну в детской колонии. Весной 1944 года его выпустили и тут же призвали в армию. А в сентябре в боях под Таллином ему оторвало кисть на левой руке, и его списали по чистой. С воровством он завязал и вскоре женился на кореянке Ан. Эта хрупкая, миловидная женщина – ее портило только большое зеленое родимое пятно у виска – была его старше лет на десять, но разница эта у азиаток незаметна. Маленькая собачка до веку щенок, как говорила моя бабуля. Младший сын бабы Груни заика Волик был года на два моложе меня и всюду за мной таскался. Когда от него хотели отвязаться, то просто слегка давали ему по шее, и он покорно ждал на каменном крыльце нашего дома, когда его позовут. По вечерам мы часто сидели с ним на этом крыльце вместе, пока я ждал возвращения мамы с работы.

Самую большую комнату в нашей «вороньей слободке» занимали Рабиновичи – Берта Лазаревна и Давид Соломонович. До революции именно

они и занимали всю квартиру, за что и подверглись «уплотнению». Соломоныч из комнаты почти не выходил, уже не помню, чем он болел, но из их комнаты всегда слышался его кашель с хрипом. Берта, похожая на старую сову в своих очках на крючковатом носу, была отличным терапевтом и лечила всю квартиру. Когда кто-нибудь у нас заболел, неотложку не вызывали. Звали Берту, и она спешила к больному на своих коротеньких кривых ножках, держа в руке старинную деревянную трубку – этакий допотопный стетоскоп, с помощью которого она выслушивала легкие, давя нещадно этой деревяшкой и всей своей тяжестью на грудь и спину. Она свято верила в чудодейственность банок и сама ставила их бабушке, к которой испытывала особую любовь. Для меня эти банки, после которых на спине оставались бурые пятна, похожие на поджаренную колбасу, были самой страшной пыткой. Я орал на крик, и бабушка с Бертой меня держали, чтобы я их не скинул. Берта часто мне их прописывала, ибо, просидев два года в оккупации в сыром погребе, где мы все скрывались, я подхватил хронический плеврит, который вполне мог перейти в туберкулез, если бы не ее банки.

От Рабиновичей коридор у нас сворачивал налево и образовывал небольшой тамбур, в котором размещался общий телефон, что по тем временам было просто роскошью. Поставили его для моего деда Ивана Федоровича. Он был человек заслуженный. Выучившись в отрочестве на повара, он стал таким мастером, что мог паяльной лампой извлекать из глыбы льда лебедя. А готовил так, что слюнки текли при одном взгляде на его творения. До сих пор помню его фирменного фаршированного осетра. До революции он служил личным поваром у князя Голицына в Москве, а потом перешел в ресторан «Метрополь» шеф-поваром. В 1903 году он организовал первый в России профсоюз поваров и пекарей, а когда началась революция 1905 года, вступил в РСДРП. Во время гражданской войны дед воевал под Царицыным, где Сталин его поставил начпродом. Не забыл он его и после войны – дед до смерти Сталина руководил кремлевской командой поваров, обслуживавшей государственные приемы в Кремле. Не исключено, что в той команде был и отец Владимира Путина, который тоже числился в сталинских поварах, судя по мемуарам ВВП. За несколь-

ко дней до такого приема за ним присылали машину, и Иван Федорович отправлялся в Кремль со своим фибровым «тюремным чемоданчиком», в котором держал смену белья, мочалку, мыло и зубную щетку с зубным порошком. После приема его держали в комендатуре Кремля три дня и три ночи. И, если за это время никто после приема не помирал, привозили к нам обратно на Земляной.

Деда с бабушкой Пелагеей и их детьми подселили в квартиру Эверлинг после гражданки, предоставив им целые две комнаты 10 и 20 кв. м. У деда были две библиотеки – одна по кулинарии, а вторая – по политике. Когда мать и отец поженились в 1936 году, старики отдали им десятиметровку, а дверь, соединявшую прежде две комнаты, забили после того, как отец с матерью развелись. Печальное событие произошло ровно через три дня после моего появления на свет. И отца я увидел впервые только после войны, когда он после всего пережитого и выстраданного решил вернуться к матери и ко мне.

От нас дальше по коридору на пути к туалету и общей кухне жили еще две семьи – рядом с нами поселилась семья Мерман – тетя Роза, дядя Семен и их сын Борька, а за ними жила портниха тетя Вера со своей дочкой Линаркой. Семен трудился в торговле, и поэтому вся квартира, кроме бабы Берты и старухи Эверлинг, занимала у Мерманов деньги. Отдавали всегда вовремя, потому что Роза, которая была распорядителем кредитов, вполне могла лишить неплательщика доступа к своей кассе. Я ни от кого в нашей квартире не услышал в детстве слова «жид». И не только потому, что закон о запрете антисемитизма соблюдался в те времена действительно строго. Война и послевоенное лихолетье сближали людей как родных, иначе не выжили бы без взаимопомощи и взаимозащиты.

Письма с фронта

Из нашей семьи на фронт ушли трое. Мой отец ушел добровольцем в первые дни войны. Мой дядя, родной брат матери, Геннадий Николаевич Чирков, был призван в армию 22 октября 1939 г., служил на границе в

районе Брестской крепости и погиб в первые дни войны в районе Вязьмы, совсем недалеко от Сычёвки. Другой ее брат – Евгений Николаевич Чирков – в июле 41-го был ранен и попал в плен. Он вернулся только в июне 1945-го, тощий, как скелет, и с одним единственным зубом – остальные выбили немцы в концлагере, и потом почти год доказывал по инстанциям, что Родину в плену не предавал. С трудом, но все-таки доказал. Иначе его бы отправили в ГУЛАГ, как десятки тысяч таких же, как он, бедолаг.

*Москва, 1945 г. Отец (справа) вернулся на гражданку с фронта.
Слева от меня – мой дед Иван Федорович Большаков, член РСДРП с 1903 года,
организатор первого профсоюза в России.*

Отец был зачислен 23 июня 1941 года в 767-й артиллерийский полк 228-й стрелковой дивизии РККА. Война застала эту дивизию на марше к нашей западной границе, и уже утром 22 июня она вступила в бой. Пополнение, в котором оказался мой отец, только 3 июля добралось до 767-го полка, который к тому времени потерял всю артиллерию и оказался уже стрелковым. Как раз утром 3 июля дивизии был отдан приказ оборонять Новоград-Волынский укрепрайон, после чего 767-й полк занял оборону на рубеже Александровка – Наталевка – Мочихвост – Лидовка, а

799-й – на рубеже Смолка – Суслы – (иск.) Стриева – Лубчицы. До 6 июля эти два полка упорно отстаивали свой участок обороны. 7 числа после взрыва всех мостов через р. Случь 228-я стрелковая дивизия получила приказ занять оборону на ее восточном берегу. Выполняя приказ, ее подразделения вплавь переправились через реку. При этом им пришлось оставить обоз, автомашины и всю полковую и батальонную артиллерию. 228-я дивизия была отеснена на рубеж Днепра, а 10 сентября вместе с остатками 5-й армии продолжала отходить на юг. При ликвидации киевского котла дивизия была уничтожена. Она была расформирована 27 декабря 1941 года.

Отец прошел всю эту мясорубку отступления, арьергардных боев и бесконечной обороны 1941–1942 годов. В 1942 году он попал на Сталинградский фронт. Видимо, оттуда и пришло его первое письмо с фронта маме. Война заставила его вспомнить о матери и обо мне. Ни о каком разводе уже не было речи. Мы вновь были одной семьей. Он писал нам нежные письма. И каждый треугольничек его полевой почты был для нас с мамой праздником. Она бережно хранила все эти письма до самой своей смерти. Война отняла у нее отца физически. Но зато вернула ей его любовь. Только после войны мы узнали, что летом 1942 года отец был разжалован до рядового и попал в штрафбат. По его словам, за то, что осмелился сказать командиру полка, что он о нем думает. Бойцы штрафбатов и в обороне, и в наступлении были смертниками. Их не жалели. Отец же был человеком отчаянной храбрости. Поэтому из штрафбата его вскоре перевели в 290-й гвардейский стрелковый полк. Он входил в состав 95-й гвардейской стрелковой дивизии.

В начале октября 1942-го она была включена в состав 66-й армии Донского фронта. Держала оборону в районе ст. Иловля, где вела упорные бои, скользя силы Сталинградской группировки противника. С 24 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. дивизия отца участвовала в контрнаступлении, окружении и разгроме 6-й армии Паулюса в районе Сталинграда, в том числе в заключительных боях на территории тракторного завода.

Вот что он написал в том первом письме:

3.11.1942. Мне сейчас очень не хочется быть раненым (в то, что меня убьют, я не верю). Впереди предстоят столько интересных боев, что хочет-

ся непременно быть в них участником. Отцу, матери и сестрам моим передай привет. Пусть едят тоже. Лидушку крепко целуй. Ну, все. Вечереет. Надо выставлять наряд. Крепко-крепко целую тебя, моя родная. Сынка, наверное, спит уже, так не буди его, поцелуй потихоньку...»

Отец еще не знал, что и меня с мамой разлучила война. В тот день, когда отец написал это письмо, 3 ноября 1942 г., бойцы 13-й гвардейской стрелковой дивизии штурмом взяли главные опорные пункты фашистов в центральной части Сталинграда: «Г»-образный дом и Дом железнодорожников. Видимо, письмо это он писал уже после того боя...

В начале мая 1943 года 5-ю гвардейскую армию отца перебросили в Степной военный округ. Она переправилась на левый берег Днепра, совершив 100-километровый марш вдоль фронта на юго-восток в район Куцеволовки, вновь переправилась на правый берег Днепра, на плацдарм 37-й армии, где 13 октября приняла новый боевой участок для подготовки к наступлению. Маршал И. С. Конев в своей книге мемуаров «Записки командующего фронтом» писал: «К сожалению, за войсками в период подхода к Днепру не успевали двигаться тылы. Они растянулись и не смогли организовать своевременное и бесперебойное снабжение войск горючим и боеприпасами. Нехватка горючего повлекла за собой большое отставание переправочных средств, особенно тяжелых понтонов и артиллерии усиления. Недостаточная обеспеченность боеприпасами не позволила осуществить в полной мере надежную артиллерийскую поддержку войск при форсировании Днепра в первый период. Поэтому многие дивизии и даже армии форсировали Днепр преимущественно ночью без артиллерийской подготовки. Войска широко использовали подручные средства, что для гитлеровцев было полнейшей неожиданностью. Решение переправляться на плечах отходящего противника, переправляться с ходу в тех условиях было смелым и вполне оправданным в сложившейся обстановкой. Вся тяжесть его выполнения выпала на наши испытанные и доблестные стрелковые войска. Они проявили чудеса героизма, доблести и храбрости» (Конев И. С. Записки командующего фронтом. – М.: Наука, 1972).

Для командующего фронтом война складывается из боевых операций. Для его подчиненных – из ежедневных боев. И если Конев упомянул о недостатке плавсредств и тех «чудесах героизма» при форсировании Днепра, которые совершали его солдаты, то не исключено, что он знал и о подвиге разведроты 290-го гвардейского стрелкового полка, которой командовал мой отец. И именно ей пришлось первой переплывать Днепр на «подручных средствах». В ход шло все, что могло держаться на воде. Как рассказывал нам потом командир его полка, ночью отец оседлал какую-то старую бочку и с автоматом в руках погреб к острову посреди Днепра, где закрепились немцы, негромко напевая «Плыви ты моя лодочка, блатная!». Напряжение солдат как рукой сняло. За отцом поплыла и вся рота, а затем и весь батальон. Остров взяли штурмом. За мужество при форсировании Днепра он был награжден Орденом Красной Звезды, который у нас хранится в семье как самая дорогая реликвия. После этой легендарной переправы отец прислал маме письмо, в котором писал: «Пришли мне свою фотокарточку. Та, что была у меня, размокла во время переправы через Днепр вместе с моим партбилетом и орденской книжкой».

6 ноября был освобожден Киев, но отец до него не дошел. 22 октября наши войска взяли Верхнеднепровск. В боях за этот город он был тяжело ранен, но об этом нам не написал ни строчки, и только из выданной ему тогда справки в медсанбате я узнал много лет спустя вот что:

«Справка

Дана гвардии старшине 290 гв. сп. (стрелкового полка) Большакову Виктору Ивановичу в том, что он находился на излечении в команде выздоравливающих в 104 ОМСБ по поводу сквозного осколочного ранения левой стопы с повреждением кости с 21.10.43 по 18.3.1944.

Гвардии капитан А. Саратинский».

Летом 1944 года 5-я гвардейская армия была переброшена в Прибалтику, и отец из госпиталя направился именно туда. В конце июня от него наконец после долгого молчания пришло письмо, датированное 15 июня:

«Здравствуй, родная моя. Любимая моя!

Как радостно чувствовать, что ты жив, что ты помогаешь скорой победе, что ты участник великой битвы. Радостно чувствовать, что ждут тебя,

волнуются за тебя, что может быть радостнее, чем мечта о близком прекрасном, чем песня о любимой. Вот и теперь после всей суматохи я мечтаю и пою о тебе: “радостно мне, я спокоен в смертельном бою”... Видишь, какими темпами идет война. Родина наша уже почти вся свободна от врага...”

«Сейчас мы значительно севернее. Нас перебросили на другой фронт. Я все тот же. Сижу в артполку, в батарее. Здоров. Жду от вас писем...»

Отец не мог написать в письме, где он воюет. Но раз «значительно севернее» Москвы, тогда можно было только догадываться по сводкам с фронта. Уже после смерти отца я узнал, что его 290-й полк участвовал в боях на Сандомирском плацдарме советских войск 1-го Украинского фронта (командующий маршал Советского Союза Иван Конев) на левом берегу реки Висла. 4 августа 1944 г. Конев ввел в сражение из резерва фронта 5-ю гвардейскую армию (генерал-лейтенант А. С. Жадов), в которую входил 290-й гвардейский полк, получивший после этого сражения имя Висленский. Контрудары противника были отражены.

Советская армия стремительно приближалась к границам «третьего рейха». И чувствовалось, что отец всерьез готовится поквитаться с врагом за все те беды, что фашисты принесли и нашей семье, и близким его однополчан. Вот что он написал нам 14 сентября 1944 года:

«Я за сотни километров от вас. Но сегодня получил кучу писем от тебя, сына и Кати. И кажется мне, что побывал с вами вместе на Земляном валу. Сколько радости доставили мне рисунки сынишки! Я среди разведчиков самый старый. Остальные все молодые с 1920–1924 года рождения. Ребята боевые – сталинградцы, каждый отмечен правительственной наградой. Народ веселый и жизнерадостный. И я среди них чувствую себя молодым, хотя и зовут они меня “Батя”. Конечно, нам здесь достается. Сегодня полк получил третью правительственную награду “Орден Красного Знамени” за боевые дела на плацдарме. Я уже второй год в этой дивизии, так что в некотором роде тоже ветеран полка и новое пополнение воспитываю на боевых традициях части.

О сыне. Тонюша, не беспокойся, он уже не увидит и не будет переживать всех ужасов, которые испытал наш народ. С огнем пройдем мы по Германии, и не будет пощады ни молодым, ни старым. Нас десять человек

в разведке полка, но у каждого свои кровные счета с немцами. Разве забудет Иван Шейко старуху мать, сожженную немцами?! Забудет Петр Горбань невесту, изнасилованную и расстрелянную немцами на Полтавщине? Простит Колька Донсков им родную свою Одессу, разграбленную и разгромленную, о которой он говорит, как о любимой девушке? На моем счету с немцами кровь отца твоего, кровь братьев... Я один сейчас из нашей большой семьи дерусь с немцами, вот я поэтому и дерусь зло за всех. Разве ты сможешь забыть, простить? Нет! Предстоят самые тяжелые бои по прорыву немецкого предполья. Пусть сохранит меня судьба, даст мне возможность дорваться до немецкой земли. Чувствую, мало я еще их убил...»

В августе-декабре 1944 года советские войска вели тяжелые оборонительные бои за Сандомирский плацдарм.

20 октября 1944 года отец написал нам:

«Находимся во втором эшелоне – “отдыхаем”. В кавычках потому, что ежедневные занятия по тактике, по изучению карт, разведсхем, политподготовке и пр. Мы готовимся к празднику Октября, правда, несколько по-особому, чем вы. До праздника остались считанные дни. Каким салютом порадует нас Родина в этот торжественный день? У нас все уверены, что этот салют будет в честь полного освобождения нашей земли от фашистской нечисти».

Об отдыхе, конечно, он мог только мечтать. К концу 1944 года гитлеровское командование создало между Вислой и Одером мощную оборону, состоявшую из семи рубежей и большого количества укрепленных полос и позиций. Удерживали оборону на фронте от Варшавы до Ясло главные силы группы армий «А». Они насчитывали до 560 тыс. солдат и офицеров, около 5 тыс. орудий и минометов, 1220 танков и штурмовых орудий. Группу армий поддерживали 630 боевых самолетов. 5-я гвардейская армия готовилась к наступлению на направлении главного удара фронта, но пока враг отчаянно сопротивлялся и бои за Сандомирский плацдарм, с которого это наступление началось только в феврале, шли днем и ночью. Разведчикам 290-го полка «отдыхать» не приходилось – разведрота отца,

можно сказать, не вылезала с немецкой передовой, изучая мощную линию обороны и намечая на картах будущие цели для полковой артиллерии. До поры отцу везло. Но везение не вечно.

24 октября 1944 года. 1221-й день войны. В тот день группа разведчиков во главе с отцом попала под минометный обстрел. В конце октября нам пришел треугольничек со штампом «Просмотрено военной цензурой» с таким текстом:

«24.10.1944

Тоня, здравствуйте!

С горячим пламенным приветом любимый друг вашего мужа Маршал Иван Исакович. Тоня, как ни неприятно, я обязан сообщить о том, что, находясь в разведке артиллерийской, ваш муж при выполнении боевого задания тяжело контужен, потерял слух и разговор временно, но врачи уверяют, что это временное явление, должно через некоторое время все пройти. Прошу не беспокойте родных. Вот пока все. Маршал Ив. Ис.».

В нашем семейном архиве сохранилась и такая справка:

«Выдана гвардии старшине в.ч. Большакову Виктору Ивановичу в том, что он находился на излечении при санитарной части по поводу контузии всего тела средней тяжести с 24 октября 1944 г. по 1 декабря 1944 г. Выписан в часть со значительным улучшением.

Капитан м. с в.ч. ПП 82668 Саражинский».

5-я гвардейская армия в феврале-марте 1945 года вела боевые действия по окружению крупной группировки противника в г. Бреслау (Вроцлав) и уничтожению его оппельнской группировки. В апреле-мае участвовала в Берлинской стратегической операции, а также в освобождении ряда районов Чехословакии. Но отец в родной полк уже не вернулся. Он закончил войну в Кенигсберге, который был взят нашими войсками 9 апреля 1945 года. После этого ровно за месяц до Дня Победы его направили на учебу в Ивановское военно-политическое училище. Его создали в 1939 году и готовили в нем политработников для частей сухопутных войск РККА. Отцу, боевому разведчику, предстояло стать профессиональным армейским политработником, бойцом идеологического фронта. Он вступил в партию под Сталинградом, как многие тогда вступали, уходя в бой: «Если умру,

прошу считать меня коммунистом». Но к концу войны он, судя по его письмам, стал действительно убежденным коммунистом, и это сблизило их с матерью еще больше. Мама мало рассказывала об их спорах того времени по поводу того, какой должна быть жизнь в СССР после войны. Как и многие русские люди, прошедшие войну, он мечтал о новой жизни на более высоком и более цивилизованном уровне. Известно, что именно это настроение, охватившее армию победителей, повидавшую Европу, ощутившую свою силу, и напугало Сталина. Он увидел новую угрозу своей власти именно в этих победителях. В этом – первопричина его гонений на маршала Жукова и близких к нему военачальников, послевоенных репрессий в СССР, жертвой которых пали сотни, если не тысячи героев Великой Отечественной. О том, что и у отца были такие настроения, можно судить по его письму матери из Ивановского училища от 12.6.1945.

Отец писал, что успешно сдал зачеты за первую половину первого курса. После этого их перебросили в учебный лагерь. «Живем в палатках в лесу. Место хорошее, – читаем в письме. – Природу, правда, не могу описать, так как мы мимо нее бегаем обычно рысью. Если же останавливаемся, то определяем ее довольно прозаично. Ночь. Елочка или, скажем, какая-нибудь березка, о которой можно вдохновенно написать целый рассказ, на нашем языке звучит сухо – ориентир 1 или 2. Речка – водная преграда. Полянка какая-нибудь живописная и иногда с цветами – огневой рубеж, и т. д. Словом, скука. *Хочется поскорее дожить до жизни, когда будем называть вещи своими именами...*»

Отец был весьма далек от дежурной преданности строю и партии. Он был по своим убеждениям таким же коммунистом, как его отец, большевик с 1913 года. А это были люди высокой чести и честности. Судя по той строчке, что я выделил выше, в Ивановском училище его достали с панегириками партии и ее «ведущей ролью» в Великой Отечественной войне. Отец-то на себе не раз уже испытал, как оно все было на самом деле. Он мечтал о той жизни, где не будет места официальному лицемерию и где «вещи можно будет называть своими именами». Но, как и многие воины-победители, понимал, что за эту жизнь еще придется побороться. Как он представлял себе эту жизнь? В том же письме отец писал: «Я не смотрю

пессимистически на жизнь. Я коммунист и здраво оцениваю обстановку. Жизнь нам еще надо будет завоевывать. Все хорошее, конечно, придет не само собой. Но мы теперь ближе, чем когда-либо, к этому хорошему. Самое тяжелое не только в стране, но и в нашем личном прошлом. Жизнь по хорошему начнется только теперь – жаль, что мы встретим ее уже немолодыми. Но, во всяком случае, мы еще проживем».

Увы, жить ему оставалось недолго.

После войны они опять разошлись с матерью. После первого развода она взяла себе девичью фамилию и до конца жизни уже ее не меняла. Она могла легко простить обиду, но в том, что касалось идеологии, не признавала компромиссов. Ее принципиальность зашкаливала. Еще комсомолкой она получила кулацкую пулю в спину. А вступив в партию, стала, как и многие ее сверстники того времени, убежденной сталинисткой. Даже после того, что случилось с нашей семьей, даже после разоблачения культа личности на XX съезде, она не верила, что Сталин был способен на те преступления, о которых рассказал Хрущев. Мать объясняла его доклад личной местью вождю. Конфликты с отцом начались сразу после его возвращения на гражданку, как он говорил, «с идейных разногласий» – никакой критики в адрес сталинского режима мать не воспринимала. А потом, говоря словами Маяковского, «любовная лодка разбилась о быт». В 1948 году к нам в Москву вернулась бабушка из Иркутска, пришлось ютиться вчетвером в десятиметровой комнате. Отец не выдержал.

Политработника из него, разведчика, тоже не получилось. После окончания Ивановского училища отец подал рапорт об увольнении из армии, но по сути дела оставался на военной службе – стал работать в Министерстве обороны в Москве по своей довоенной специальности, когда он руководил кулинарной школой. Теперь ему доверили всю систему буфетов и столовых Минобороны. У него появился свой кабинет и свой сейф. В этом сейфе он хранил свой именной «вальтер», который подарил ему командир его 290-го полка, не позаботившись о соответствующей регистрации пистолета. Война была, было не до этого. Отец до конца своих дней оставался человеком открытым, доверчивым. И нашелся человек, который этим воспользовался и донес. Время было страшное – сталинский режим в своей агонии уничтожал

военачальников-победителей гитлеровской Германии и рядовых Великой Победы. 21 января 1953 года отца арестовали прямо в его кабинете, вскрыв при понятых заранее подготовленный для следствия сейф. За отца сразу же принялись костоломы из КГБ. Готовилось «дело» о «заговоре маршалов» против Сталина, и Лубянке нужно было обеспечить массовость «заговорщиков».

31 марта 1953 года отцу на бланке Министерства государственной безопасности была выдана справка № 4 «в том, что с 21 января 1953 года он содержался в Бутырской тюрьме МВД СССР и был освобожден за прекращением дела в порядке ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27/3-53 г. “Об амнистии” и следует к месту жительства по адресу г. Москва, Мазутный проезд, корп. 15, кв. 116».

Из забитой узниками Бутырки отца возили на допросы в страшную тюрьму КГБ в Лефортово. О том, что с ним там происходило в застенках КГБ, отец никогда не рассказывал. В свои 42 года он вышел из тюрьмы совершенно седым, с отбитой печенью и изуродованными венами на ногах. А в глазах его порой проглядывала такая смертная тоска, что становилось не по себе. Только однажды его прорвало. Как-то я спросил его, почему на фронте, если судить по его письмам, он был коммунистом, а затем оказался беспартийным. Он ответил: «Когда после амнистии мне в тюрьме вернули все документы и награды, принесся извинения, я все взял, кроме партбилета. Сказал: “А это вы оставьте себе”. Вот и все».

Мне было тогда 18 лет, и я был по своим коммунистическим убеждениям абсолютным клоном моей матери. Я возмутился таким отношением к нашей родной партии и начал «воспитывать» отца: «Как ты мог, папа? Ведь партия – это... Это – святое!»

Отец, немного подумав, сказал: «Не дай тебе Бог, конечно. Но, если бы тебя, как меня в Лефортово, сутками держали с голой жопой на льду, дуваю, и ты бы свой партбилет обратно не взял».

Больше мы об этом никогда не говорили, но даже доклад Хрущева о культе личности, который нам зачитали в Институте после XX съезда, на меня произвел менее отрезвляющее впечатление, чем эти слова отца. После тюрьмы он опять вернулся к матери и уже больше никуда не уходил. Он умер 12 мая 1958 года. Ему было всего 47 лет.

Я видел Сталина в гробу

Как и у большинства моих сверстников, в юношеские годы представление о Сталине у меня мало отличалось от того, что внушала нам официальная пропаганда. Я дважды видел Сталина в своей жизни. Первый раз – в 1952 году на Первомайской демонстрации. Колонна, в которой маршировала наша 330-я школа, прошла в первом ряду перед Мавзолеем. На его трибуне выстроилось все тогдашнее Политбюро, все в черных шляпах, и я увидел Сталина в маршальской фуражке совсем близко. Мне даже показалось, что он помахал рукой лично мне, о чем я потом с восторгом рассказывал всем.

Второй раз я его смог посмотреть уже в гробу в Колонном зале утром 7 марта 1953 года накануне его похорон. В первый раз мы пытались прорваться туда после обеда 6 марта, сразу же после траурного митинга в нашей школе. Тогда ничего не вышло. Вторую попытку предприняли через два дня, разведав 7 марта предварительно все пути через проходные дворы в центр к Колонному залу. Как мы туда прорвались с двумя моими друзьями по нашей подворотне, диву даюсь до сих пор. Мы вышли из дома в восемь утра. В школу не пошли. Поначалу мы попытались пройти, как все, через Трубную площадь. Но там было не прорваться. Только потом я узнал, как мы мудро поступили, миновав эту чудовищную мясорубку, в которой погибло много людей в тот день из-за того, что милиция то ли по дуру, то ли злонамеренно перекрыла вход на Пушкинскую площадь с бульваров, а толпа с Трубной все напирала и напирала, пока из этого искусственного тупика не начали выносить трупы. Господи, как это все потом возвращалось ко мне в снах и мыслях, как мучало...

...Мы пошли переулками и дворами вышли на Кузнецкий мост, а уже оттуда путь к площади Революции был практически свободен, и мы пробежали свободно до Лубянки. Вот там дальше нас вниз не пустили, и мы пробежали по улице 25 Октября. У ГУМА спуск к площади Революции был перекрыт, но мы нырнули в какой-то двор, поднялись по лестнице на старую крепостную стену, а оттуда спрыгнули на одну крышу, потом на другую и очутились рядом с «Метрополем». Оттуда увидели, что вход

в Дом Союзов – от метро «Охотный ряд» до сквера в центре площади, где сейчас стоит Карл Маркс, – был перекрыт рядом грузовиков с прожекторами. Часам к десяти нам все же удалось прорваться через тот скверик к этим машинам, откуда мы увидели, что через «Стереокино» к Дому Союзов проходят какие-то люди с большими венками. Мы все втроем разом нырнули под машины и, отряхнувшись, с независимым видом пошли к «Стереокино». Стоявший у входа патрульный не заметил, откуда мы выскочили. Дальше было уже проще – присоединились в очереди у входа в кинотеатр к какой-то делегации и, держась за венок, пошли прощаться с Вождем.

...Он лежал в гробу на постаменте в траурном зале с завешенными черным крепом люстрами, в своем зеленом мундире среди красных знамен и цветов. Ничего величественного и грозного в его облике не было. Мне запомнилось его мертвенно бледное лицо и большой нос, упиравшийся в седые усы. У гроба стояли какие-то люди, наверное, большие начальники или иностранцы, которых я в лицо не знал. Поток посетителей время от времени прерывали, но затем он снова шел полным ходом так, что и рассмотреть покойного толком было трудно. Многие плакали, еще не дойдя до его гроба. Траурная музыка звучала так надрывно, что у меня во рту пересохло и навернулись слезы. На улице Пушкина (теперь это Большая Дмитровка), куда нас направили на выход, было пусто, словно и не было никаких очередей и смертельных давок на пути прощания с вождем.

Глава третья

ОТКУДА БЕРУТСЯ «ЗАПАДНИКИ»

«Чему нас учат семья и школа?»

Мировоззрение человека формируется не в одночасье. У большинства людей, по мнению психиатров, этот процесс завершается к 14–15 годам.

У других на это уходит полжизни. Бывает, что человек до конца своих дней не может выработать собственное видение и понимание мира, найти в нем свое место. Такие люди чаще всего попадают под влияние сильных личностей, лидеров, способных повести за собой толпу людей с неустойчивыми взглядами, с несложившимся мировоззрением. Именно на такую толпу опираются все диктаторы и тираны. Вот почему так важно духовное и идейное формирование личности в Русском мире, который сам по себе всегда был и остается объектом чужеродных влияний и идеологической агрессии. Какова позиция «Я», таково и восприятие мира, заметил Жан-Поль Сартр. При всем моем неприятии его экзистенциализма, в этом я с ним согласен. Человек мыслится экзистенциалистами как строящий себя «проект». В определенной степени это так и есть. Но жить в обществе и быть свободным от общества нельзя – тут правы марксисты, которые отрицают главный тезис учения экзистенциалистов, согласно которому идеальная свобода человека – это, в конечном счете, свобода личности от общества. Ребенок не может свободно выбрать себе ни родителей, ни школы, ни учителей. Формирование его мировоззрения начинается поэтому в тех заданных обстоятельствах, которые ему неподвластны и непонятны. И тут, как кому повезет.

Я не был трудным подростком, но детство мое было нелегким. В первые послевоенные годы в Москве процветала преступность, и авторы фильма «Место встречи изменить нельзя» с Владимиром Высоцким в главной роли показали это достаточно убедительно. Во дворе нашего дома обосновались свои «авторитеты». Милиция не раз штурмовала наши чердаки, где они проводили свои сходки. Они приглядывались к пацанам, приручали. Увы, некоторые мои сверстники ушли из нашей подворотни в воровской мир. Наша маленькая компания «интеллигентов», как нас прозвали в нашем дворе, интуитивно предпочла от этой публики держаться подальше. Но и мы резались в соседнем дворе в «пристеночку» и «расшибалочку» и шастали по всему городу. Но больше всего любили походы на проходившую железную дорогу, где можно было роскошно покататься на «Кукушке», маневренном паровозе, гонявшем товарняк, а то и пассажирские вагоны от трех вокзалов до Курского и обратно.

В сталинские времена чиновный люд работал допоздна, т. к. сам Вождь, будучи полуночником, мог потребовать к себе чиновника на ковер далеко за полночь. Соответственно под начальство подстраивалось и среднее звено советской бюрократии, к которому принадлежала моя мать. Она работала в Министерстве мясной и молочной промышленности, часто бывала в командировках, а работала до девяти-десяти вечера.

В первый год после возвращения из Сычёвки мать с утра отвозила меня в детский сад рядом с Елоховской церковью. Обычно она меня забирала домой к вечеру. Но случалось и так, что оставляла на всю неделю, когда уезжала в командировки. Это было хуже всякого наказания. У меня все еще сохранялся с оккупации страх, что она уедет и не вернется меня забрать, как перед войной в Сычёвке. Но жизнь шла своим чередом.

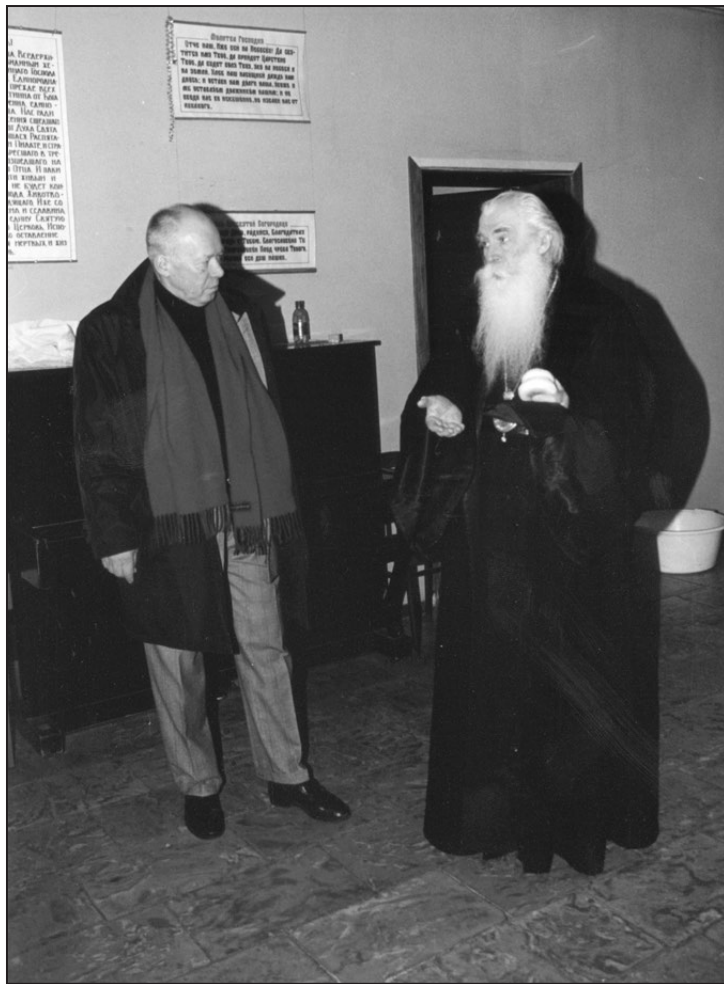
В детском саду еще можно было меня оставить хотя бы на неделю. Но после того как я пошел в школу 1 сентября 1944 года, следить за мной могли только бабушка и дед по отцу, что они делали весьма неохотно. Главную воспитательную функцию взяли на себя, помимо школы, наша коммунальная квартира и улица. Часто я дотемна ждал мать на ступеньках нашего дома, где порой и засыпал, так и не дождавшись ее с работы. Мама, вернувшись, будила меня, и мы вместе поднимались по лестнице на четвертый этаж – лифта в нашем доме никогда не было. Мама быстро поняла, что наши дворовые университеты я могу закончить в колонии для трудных подростков. В декабре 1944 года она пригласила к нам из Сычёвки мою любимую бабушку.

Баба Лина (Акилина Федоровна Чиркова) была человеком верующим и воцерковленным. Так как на всем пространстве от Земляного вала до Новой Басманной большевики закрыли и опоганили все храмы, бабуля ходила молиться в Богоявленский кафедральный собор, более известный как Елоховский, один из самых красивых в России. Когда-то на этом месте стояла деревянная церковь. В 1799 году в ней был крещен Александр Пушкин. А в 1837 году, в год гибели поэта, старую церковь разобрали, а на ее месте к 1845 году по проекту архитектора Е. Д. Тюриня воздвигли великолепное пятикупольное здание собора цвета морской волны, который и стоит до сих пор. Храм в Елохово – один из немногих соборов в Москве,

которые при советской власти так и не сумели закрыть, хотя попытки это сделать предпринимались не раз. В 1938–1991 годах он был Патриаршим кафедральным собором, с 1991 года это кафедральный собор Московского Патриархата. В последний раз закрытие собора назначили на 22 июня 1941 года. В тот день в Богоявленском соборе служил литургию митрополит Сергей. Вернувшись после окончания службы к себе, в митрополичий дом в Бауманском переулке, владыка узнал о начале войны. Сразу же он написал и собственноручно отпечатал на пишущей машинке «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» с призывом ко всем русским людям встать на защиту Родины. Это послание вскоре было размножено и разослано по всем уголкам страны. С тех пор о закрытии храма не говорили даже во времена воинственного безбожника Хрущева.

Я с детства люблю этот храм, полный старинных икон и великолепных росписей и какой-то непостижимой тайны, которую ощущаешь только в намоленных столетиями местах. Бабушка часто брала меня с собой уже потому, что дома не с кем было меня оставить. Но, видимо, был и другой у нее потаенный замысел. Я родился в Сычёвке, и на сороковой день после моего рождения, как и положено по православной традиции, бабушка, не знаю с ведома моих родителей или без, крестила меня в сычёвской церкви Николая Чудотворца. Она хотела привить мне веру. Еще в оккупации я выучил наизусть «Отче наш» и повторял эту молитву каждый раз, когда бомбили Сычёвку. В Елохово мы чаще всего ходили пешком – это минут сорок от нашего дома. Молились вместе. Бабушка знала много молитв, а я всего одну тогда – «Отче наш». Но это нам не мешало. Я ставил свечки к образам, целовал иконы, причащался, с удовольствием ел белые, без соли, просфорочки, напоминавшие маленькие гирьки, и стал со временем вполне воцерковленным ребенком. Мать на все это смотрела сквозь пальцы. Но когда пришло время мне вступать в пионеры, бабушка сама мне сказала: «Ты больше со мной в храм не ходи, Вовочка. Тебе пришло время строем ходить с пионерами». Вскоре после этого она и сама уехала с тетей Лидой в Иркутск. А после их возвращения в Москву в начале 50-х годов я уже научился ходить строем под барабан. Моя вера, однако, никуда не ушла. Но с Богом у меня сложились особые

отношения – мы стали общаться без посредников, то есть без церкви и пастырей. И только в 1980 году, когда у меня родилась первая дочь Анастасия, я пришел в храм Воскресения Словущего в Брюсовом переулке, где паству окормлял мой духовный отец митрополит Питирим. Вскоре после того, как в 1983 году родилась моя вторая дочь Ксения, он крестил их обеих вместе с моей женой Дарьей...

Москва, 1983 г. Встреча с Митрополитом Питиримом.

Мама до конца своих дней (она умерла 27 марта 2002 года, не дожив трех месяцев до своего 90-летия) к Богу так и не пришла. И моего, как она говорила, «увлечения религией» не понимала. Конечно, само по себе словосочетание «православный корреспондент “Правды”» звучало как полный нонсенс. Но даже у моего деда, старого большевика, дома висели иконы. И, как выяснилось после распада СССР, далеко не у него одного. Для многих вера Христова и коммунизм слились воедино. Да иначе и быть не могло. В чистом виде коммунизм поначалу не мог быть воспринят православными, прежде всего русским народом, ибо в основе большевизма лежал иудаизм. Не случайно же еще в 1919 году рупор английских сионистов «Jewish Chronicle» писала: «То, что среди большевиков так много евреев, просто отражает тот факт, что идеи большевизма во многих местах являются и самыми лучшими идеями Иудаизма» (The Jewish Chronicle. 4 апреля 1919 г.). Это уже позже стали понимать, что коммунизм и большевизм – понятия хотя и близкие, но не тождественные, что Новый завет, на котором зиждется христианство, в том числе и Православие, ничуть коммунистическим идеалам не противоречит, и потому не постеснялись в 70-х годах списать «моральный кодекс строителя коммунизма» с Нагорной проповеди Христа. Не зря теплились бабушкины лампы в наших домах.

Мать не была воинствующей атеисткой. Но воинствующей коммунисткой была. «Вольнодумство» в нашем доме было под запретом. Незадолго до окончания школы, обосновавшись на моем любимом диване в нашей десятиметровке, я начал с ней вечную отроческую дискуссию на тему «можно-нельзя-можно». Мать в это время мыла тарелки в тазике и парировала мои аргументы каким-то примером из жизни «растленного Запада», где молодежь «кроме безработицы и сверхэксплуатации ничего не ждет». Как только я ответил на это: «Ты же там никогда не была, как же ты можешь об этом судить?», – в меня полетела недомытая тарелка, от которой я едва успел увернуться. Потом, много лет спустя, она вспоминала об этом с юмором, объяснив «синдромом кулацкой пули» свою реакцию на мой «антисоветский выпад».

Со временем она смягчила свою коммунистическую риторику, а я не без ее влияния стал убежденным коммунистом. Но споры наши не стиха-

ли вплоть до того момента, когда и мне, и ей стало ясно, что перестройка Горбачева угробила и социализм, и Советский Союз еще до того, как он развалился. И она, и я восприняли это как свою личную трагедию.

До 1990 года мать так и не смогла увидеть своими глазами капитализм. Она сумела побывать только в Болгарии. В капстраны ее не выпускали – и ей, как потом и мне, мстили за то, что отец отказался взять обратно свой партбилет, выйдя из тюрьмы. Не удалось ей поэтому поехать за границу и после того, как она окончила высшую школу профдвижения (ВШПД) в Москве, где как раз и готовили профсоюзных функционеров для заграничной работы. А надежд было много. Мама блестяще освоила французский язык и даже играла в пьесах Мольера в оригинале на сцене ВШПД. Все это, конечно, помогло вылечить ее «синдром». Карьера ее закончилась в Москве в Институте труда, где она работала завсектором, откуда ушла на пенсию. А реальный Запад она увидела только за год до развала Союза, когда приехала ко мне в Париж на четвертый год моей работы там корреспондентом «Правды». Наш спор с летящей тарелкой закончился в один из первых дней ее визита. Дело было в январе, погода была мягкая, солнечная. Мы поехали на рынок рядом с площадью Бастилии, один из самых дешевых, куда мы обычно ездили затариваться на неделю. От этого невиданного изобилия, гор фруктов и ягод в разгар зимы, великого разнообразия сыров и колбас мать была в шоке. Ведь в Москве в то время в магазинах было просто, как говорится, шаром покати. Спичек не было, соли. Как теперь известно, этот «дефицит» организовывала пятая колонна, сознательно разрушавшая экономику СССР, чтобы спровоцировать голодные бунты и антисоветские выступления. Целые эшелоны с продовольствием загоняли в тупики, чтобы не допустить его в магазины, стоявшие месяцами с пустыми полками. А тут у Бастилии мать увидела тот самый продовольственный рай, который коммунисты обещали народу с самого 1917 года. Она стояла посреди рынка и горько плакала. Конечно, она не отказалась и после этого от своих коммунистических убеждений. Но она поняла, что ей лгали всю ее сознательную жизнь, чтобы она воспринимала наши «нехватки», а по сути дела, унижительную для человека труда бытовую нищету как должное и не смела даже подумать, что там,

«за бугром», куда ее не пускали, кто-то может жить куда лучше. Тогда мы на время поменялись ролями. Вернувшись в корпункт, я показал маме в утешение свою статью «Как живешь, месье Дюпон?», наделавшую много шума во Франции, о чем я еще расскажу. В ней я показал скрытую сторону капиталистического изобилия – доступность. В России реставрированного капитализма мы теперь столкнулись с этим в тех же продовольственных магазинах. Вроде бы все есть. Сто сортов колбас и сыров, фрукты круглый год, выпечка, от молочных продуктов полки ломаются. Но, увы, для основной массы населения это изобилие в ежедневной жизни недоступно. Приходится по одежке протягивать ножки. Большинство отоваривается в магазинах типа «Пятерочки» и «Дикси», так же, как парижане в аналогичных супермаркетах типа «Эд эписье», где цены ниже и соответственно ниже качество продуктов. В Советском Союзе было то же самое во время нэпа. Но от этого отказались во имя соблюдения принципа равенства, что и обернулось спецраспределителями. Мама была хорошим экономистом и, развивая мою мысль, пришла к выводу о том, что, контролируя уровень доступности, правящие классы контролируют не только производство, но и проявления социального недовольства. Ну, а дальше – по «Капиталу» Маркса про отчуждение рабочего от производимого им продукта и т. д. В теории, конечно, можно объяснить все, хотя людям от этого не легче. Моя теща, актриса театра Моссовета Галина Жданова, приехав в Париж к нам в гости, попросила сфотографировать ее у витрины мясной лавки. «Буду друзьям показывать, – сказала она. – А то со слов не поверят». На недопустимость таких «идеологических фотодиверсий» к тому времени уже никто не указывал. Мир за железным занавесом потихоньку открывался, и с этим уже никто ничего не мог поделать. Мы упустили время. Коммунизму не хватило исторического пространства, времени, чтобы повзрослеть и утвердиться. Задушили его, как младенца в колыбели.

Еще одним моим воспитателем в коммунистическом духе был мой дед. Он был одним из немногих большевиков с дореволюционным стажем, пережившим борьбу с левым, а затем с правым уклоном, ежовщину и весь «большой террор» 1937–1938 годов и послевоенные репрессии. У деда была стойкая репутация противника Троцкого. Иван Федорович Большаков был

не только членом РСДРП с 1903 года и организатором первого профсоюза в России, но и участвовал вместе со Сталиным в обороне Царицына. Он был в курсе всех тех батальонов, которые вел Троцкий, требуя немедленно отозвать Сталина из Царицына. И дед был и тогда, и после на стороне Сталина. Незадолго до своей смерти в 1955 году он рассказал мне, как 11-я «железная» дивизия, выпестованная Троцким, посланная им на помощь Царицыну после отзыва оттуда Сталина, вместо обороны города перешла к белым в парадном строю, под музыку, с развернутыми знаменами. В результате Царицын на время перешел в руки белых. И это осталось без всяких последствий для наркомвоенмора Троцкого. В свое время на московской партконференции дед напомнил об этом сторонникам Троцкого. Сталин этого не забыл. И хотя дед от партийных дел после всех московских процессов тихо отошел, его до самой смерти никто пальцем не тронул, даже когда отец попал в застенки КГБ. В годы ежовщины деда, как рассказывал он мне сам, пару раз вызывали на Лубянку в качестве свидетеля, но дома никогда никаких обысков не было, и поэтому он спокойно хранил на своих полках труды всех «врагов народа» – от Троцкого до Бухарина, которые стояли во втором ряду за собраниями сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина и книгами по кулинарии, не бросаясь в глаза (книги с именем Троцкого без ругательных эпитетов выходили по 1929 год включительно (год его высылки из СССР), а с именем Бухарина – по 1936 год включительно. В открытый фонд все книги этой категории были переведены только после 1987–1988 годов). У деда была отличная по тем временам библиотека. Чистки запрещенных книг, которые проходили по всей стране с участием «активных коммунистов», ее не коснулись. Я любил в ней рыться и читал все, что попадалось под руку. Так я прочитал ряд работ Плеханова, Бухарина, Луначарского. И даже «Октябрьскую революцию» Троцкого. Обычно дед следил за тем, что я читаю, только строго предупреждал – не болтать о том, какие у него собраны авторы. Но однажды не усмотрел, и мне в мои неполные шестнадцать в руки попала книга Отто Вейнингера «Пол и характер. Принципиальное исследование» (1902), изданная на русском языке еще с «ятами». Никакого отношения к марксизму она не имела. Это – глобальное исследование «мужского» и «женского» на-

чала в каждом из нас, доли которого этот австрийский философ обозначал соответственно буквами «М» и «Ж». Вейнингер (1880–1903) считал, что «М» – это более высокий уровень развития сознания, созидания и аскеза. А «Ж» назвал носителем примитивной модели сознания, непродуктивности и чувственности. Меня тогда поразило, что носителями «женского» начала, помимо женщин, он назвал также и мужчин – евреев и негров. В главе «О еврействе» Вейнингер противопоставил «женский» (т. е. безнравственный) иудаизм «мужскому» христианству. Его критики считали, что он, таким образом, дал аргументы против евреев юдофобам и антисемитам. (См. об этом подробнее: Евгений Беркович. Еврейская самоненависть. Трагедия Отто Вейнингера. <http://berkovich-zametki.com>). В то время меня еврейский вопрос еще не интересовал. Но это была первая книга, где я вообще с этим вопросом столкнулся. К ней мы еще вернемся. Здесь отмечу только, что прочитал я ее в начале 1953 года, уже после того, как 8 мая 1952 г. начался суд по делу Еврейского антифашистского комитета. А в январе 1953 года последовали публикации в «Правде» по делу врачей-убийц, в основном евреев. Одно на другое наложилось. Замечу, что в семье нашей антисемитизма никогда не было. И когда зимой 1953 года люди нередко отказывались идти на прием к врачам евреям в московских поликлиниках, мама в нашей районной демонстративно пошла на прием именно к еврею, пристыдив напуганную правдинскими публикациями очередь.

Мудрый Халдей и другие

С учителями мне повезло. Через полтора года после моего возвращения в Москву 1 сентября 1944 года мама отвела меня в 330-ю мужскую среднюю школу в Большом Казенном переулке, в десяти минутах ходьбы от нашего дома. Девочки в нашем районе учились в параллельной женской 334-й школе, которая располагалась еще ближе – в Малом Казенном – и знаменита тем, что там училась поэтесса Белла Ахмадулина.

Школьной формы тогда еще не было. Одевались все, как могли. Бедно, в основном, но чистенько. Первый день учебы мне запомнился тем, что

каждому первокласснику положили на стол по огромному красному яблоку «апорт» из Казахстана. Это был действительно королевский подарок. Фрукты тогда были в большом дефиците. Несколько позже нам в школе раздали по банану. С тех пор я не видел бананов лет двадцать, если не больше. Их просто не импортировали. А у меня на всю жизнь остался этот неповторимый нежный вкус и запах созревающего, еще полутвердого банана. Я даже не помнил названия этого фрукта. Но до сих пор я люблю немножко недозрелые бананы – это дань детству.

Москва, 1954 г. Выпускной 10 «Б» класс 330-й школы. Ведет урок Павел Ефимович Халдей (стоит у стенки). В первом ряду слева на первой парте справа – Виктор Самарин.

На четвертой парте слева – В. В. Большаков. На среднем ряду на первой парте справа – будущий троцкист Вадим Роговин.

Много раз потом я сказал судьбе и маме спасибо за то, что я попал именно в ту 330-ю школу, построенную в 1912 году по проекту архитектора Ивана Ивановича Рерберга (1869–1923), автора проекта Киевского вокзала в Москве. Он был одним из самых известных инженеров-архитекторов

России в первой половине XX века. До революции там располагалась знаменитая Елизаветинская женская гимназия, где воспитывались «сироты убитых воинов». Она была так названа в честь Великой княгини Елизаветы Федоровны Романовой – «высочайшей» попечительницы гимназии. Святая преподобная мученица Великая княгиня Елизавета Федоровна была вторым ребенком в семье Великого герцога Гессен-Дармштадтского Людовика IV и принцессы Алисы, дочери королевы английской Виктории. Родители Елизаветы Федоровны потратили большую часть своего состояния на благотворительные нужды, и дети со своей матерью постоянно ездили в госпитали, приюты, в пансионы, гимназии и дома для инвалидов. Кроме этого, княгиня была монахиней, и это наложило особый отпечаток на характер всего воспитания в пансионе и гимназии.

В советские времена немногие школы могли похвастаться такой архитектурой – ростральные колонны на римском крыльце, мраморные лестницы внутри, просторные классы и учебные кабинеты с высокими потолками, а главное – актовый зал со сценой, на которой стоял беккеровский рояль. Школа была весьма продвинутой даже по тем временам. В нашей программе, помимо общеобразовательных предметов, были, как и в дореволюционной гимназии, латынь, логика, психология, астрономия, а английский язык, слава Богу не немецкий, красавица Ада Шульц преподавала нам не хуже, чем в вузах. Да и латинский с помощью педантичной и суховатой, как все латинисты, Ангелины Ивановны мы освоили так, что к десятому классу могли написать сочинение на этом языке и читали наизусть «Egegi monument» Горация («Воздвиг я памятник вечнее меди прочной. И зданий царственных превыше пирамид...» Перевод А. Фета). Его «Памятник», под который создал свой «Monument» Пушкин, как и многочисленные крылатые фразы на латыни, я помню до сих пор. А это для любого мыслящего человека – подлинное богатство.

Больше всего, однако, нам всем повезло с учителем по литературе в старших классах, а затем директором нашей 330-й средней школы. Это был Павел Ефимович Халдей. Такая фамилия указывала на древнее происхождение его рода из семитского племени, которое иногда именуют «вавилонскими евреями». Но это – заблуждение. Халдеи говорили на

арамейском языке, который был одним из разговорных языков Иудеи во времена Иисуса Христа, и именно на нем говорил Спаситель. Во время эллинизма имя халдеев сделалось обозначением вавилонского жречества с его «наукой». По Ктесию, халдеи пришли в Вавилон из Египта. Несколько десятков лет они стояли во главе новой вавилонской державы, которую Навуходоносор расширил еще покорением Иудейского царства и в последний раз в древнем мире образовал великую семитическую монархию. В Библии Навуходоносор назван «царем Халдейским» (2 Пар. 36:17). С древних пор халдеи, наряду с магами, друидами, брахманами, приобрели репутацию жреческих философов, всесветных мудрецов. Позже халдеи приняли христианство, другие впали в зороастризм. В наше время есть православные халдеи (ассирийцы) и католики. Но в иудаизм они так и не перешли.

Наш Халдей действительно был не просто умницей, но и по-настоящему мудрым человеком. Писатель Лев Аннинский, который закончил 330-ю школу на три года раньше меня, писал: «Нас учили замечательные учителя. Моим любимым предметом была, конечно же, литература. И любимый учитель – Павел Ефимович Халдей. Замечательный учитель, которому я посвятил свою первую книгу. Она была о Николае Островском. Конечно, были и другие учителя, но Павел Ефимович был самым любимым» («Учительская газета». № 52 от 25 декабря 2012 г.).

Халдей слегка прихрамывал после ранения. Он был высоким, статным мужчиной с лицом, изборожденным оспой, и густыми, черными, как смоль, прямыми волосами, рано тронутыми сединой. Нам он представился как Павел Ефимович и добавил с улыбкой: «А клички мне придумывать не надо. Фамилия моя – Халдей». К тому времени мы уже все прочитали повесть «Республика ШКИД» Л. Пантелеева и знали, что ее герои стародавним бурсацким прозвищем «халдей» награждали своих преподавателей. Юмор Халдея поэтому все оценили высоко. О себе он мало рассказывал. Известно только, что он окончил институт весной 1941 года. 26 июня 1941 года ушел на фронт. Воевал под Ельней, Смоленском. Участвовал в боях под Орлом и в боях на Курской дуге. Прошел с боями Польшу, Венгрию, Чехословакию, Австрию, Германию. Был не раз ранен. Имел боевые награды. В 1945 году демобилизовался и поступил

на работу в нашу школу учителем русского языка и литературы, затем стал завучем, а в начале 60-х после смерти тогдашнего директора 330-й Афанасия Трофимовича Мостового (все мои школьные годы Мостовой занимал этот пост) стал его преемником.

Я обязан Халдею не только своими знаниями русской классики и русской речи. Он учил нас свободно мыслить и этого не бояться. Первое, что он нам заявил на своем первом уроке в нашем классе, было: «Учебники по литературе, которые вам выдали, оставьте себе только для изучения биографий писателей. Все остальное читать вам не советую. Я вам сам буду рассказывать о том, что такое русская литература». И он рассказывал так, что только абсолютный дебил не полюбил бы эту литературу и русский язык. Но таких в нашем классе, к счастью, не было.

Вместе с Халдеем меня научила читать классиков и современных советских писателей, читать постоянно и ненасытно, библиотекарь нашей школы Лия Михайловна Назарова, очаровательная, хрупкая женщина, человек высокой культуры и интеллекта. Когда она ушла из жизни, в ее хозяйстве насчитывалось 16 тысяч книг. Обычно она выдавала книги по каталогу, отмечала их в школьной карточке и строго следила за тем, чтобы их возвращали вовремя. А мне позволяла проходить к книжным полкам и выбирать себе книгу. А выбирать учила только лучшее, отделять зерна от плевел. Я мог там просиживать часами. Светлая ей память.

Под патронажем Халдея – и это в начале 50-х годов – мы издавали в классе два литературных журнала – «Клоп» и «ДДТ». Политически наш «самиздат» был абсолютно невинным, но в этих журналах мы учились свободно писать то, что думаем, слагать стихи и грамотно излагать свои мысли. Незадолго до нашего выпуска в 1954 году Халдей пригласил своих знакомых актеров из Театра транспорта (затем «Театр им. Гоголя») к нам в драмкружок, который я регулярно посещал, и мы поставили «Баню» Маяковского, где мне дали роль Велосипедкина. У этой пьесы была нелегкая судьба. Советская бюрократия 30-х годов, как в зеркале, увидела себя в образе Победоносикова, «главного начальника по управлению согласованием», и еще тогда возненавидела Маяковского за эту сатиру. Да и в наши дни она звучит актуально. Когда я писал книгу «Сердюков и женский ба-

тальян», мне попало в руки описание заказанной им мебели класса «люкс» для своего кабинета «из массива ценных пород дерева с отделкой ручной работы под старину со вставками из натуральной кожи буйвола и золотыми ручками»... Я тут же вспомнил, как Победоносиков выбирал из трех «Луев» мебель в стиле Луи XIV. Правда, он просил «убрать золото» и добавить «побольше советских гербов». Да и по части невежества нынешняя российская бюрократия недалеко ушла от героев «Бани». Если Победоносиков называл Льва Толстого «медведицей пера», а Пушкина Александром Семенычем, то и в наше время на самом верху путают Гоголя с Гегелем, а Бронштейна с Бернштейном. После запрета в 1930 г. постановки «Бани» в театре Мейерхольда ее в СССР больше не ставили вплоть до смерти Сталина. Только в 1953 году она вновь была поставлена в Театре Сатиры и выдержала более 100 спектаклей. А в нашей 330-й школе мы с Халдеем поставили «Баню» на год раньше.

Павел Ефимович наверняка рисковал своей репутацией и карьерой, позволяя нам подобное свободомыслие. Но, как вспоминают его выпускники более позднего времени, и сам проявлял недопустимую по тем временам крамолу. Анатолий Каспржак, который окончил нашу 330-ю много позже меня, так вспоминает о своем первом отчетно-перевыборном комсомольском собрании: «В президиуме – комсомольские лидеры, инструктор райкома и директор – ветеран войны, учитель литературы Павел Ефимович с говорящей фамилией Халдей. После длинного и нудного доклада секретаря комитета комсомола началось его обсуждение. Шло оно настолько бойко, что и я решил поучаствовать. Выступал по волнующей теме – процедуре приема в комсомол. Только пройдя данную экзекуцию, я вкратце, не без юмора, ее описал, вызвав бурные эмоции и зала, и директора. Тем временем собрание приближалось к кульминации – выборам нового состава комитета комсомола. Какого же было мое удивление, когда кто-то из старшеклассников выдвинул мою кандидатуру, причем не просто в комитет, а прямо в секретари. Результат был ошеломляющим. В 1968 году в московской школе состоялись альтернативные выборы секретаря комитета комсомола. Причем стал им не условный Ваня Иванов, райкомом согласованный, а невесть откуда взявшийся Толя Каспржак с подозрительной

анкетой. Только в перестройку, став директором школы, я понял, чего, вероятно, этот пир демократии стоил руководству родной триста тридцатой. Но именно этот урок научил меня говорить то, что думаю, не солидаризироваться с мнением начальника, если не разделяешь его...»

Много лет спустя я вспомнил, что 5 марта 1953 года, в день смерти Сталина, когда мы собрались на траурный митинг в актовом зале нашей школы, я впервые увидел, как Халдей плачет. Меня мучил вопрос – почему он, как я понимаю теперь, единомышленник многих критиков Сталина времен хрущевской «оттепели», не скрывал своих слез в тот день. Ведь не я один, многие выпускники нашей 330-й подтверждали не раз, что Павел Ефимович был еще по тем сталинским временам непозволительно демократичен и либерален. Думаю, Халдей как подлинный патриот нашей Родины оплакивал руководителя Советского государства, Верховного Главнокомандующего, под началом которого он воевал и победил. Он оплакивал великую эпоху, которая уходила в прошлое вместе со Сталиным, и понимал уже тогда, что его преемники это величие не преумножат, а, скорее всего, разбазарят. Увы, так оно и вышло. И по парадоксу вещей, оставшись на обломках Советского Союза, люди начали вспоминать именно Сталина и тосковать по сталинским временам. От этого действительно захотелось бы плакать, если бы народ наш тосковал не по былому величию России, научившейся при Сталине жить без воров и коррупционеров, а по ГУЛАГу и беспределу сталинских опричников. Но в российском либеральном болоте ностальгию народа по советскому времени объясняют именно так:

«...Это они писали миллионы доносов, – витийствовал в мае 2015 года один из классиков «болотной» литературы Михаил Веллер на радио «Эхо Москвы», возмущившись подъемом патриотизма в нашей стране после воссоединения Крыма с Россией, парадом к 70-летию Победы и маршем Бессмертного полка, – о том, что соседи не встают, когда по радио разговаривает товарищ Сталин. О том, что у кого-то золотой зуб на нетрудовые доходы, а у кого-то родственник на Колыме. А его еще не уволили с работы. Это они писали все доносы. Так что с народом все в порядке. Прикажут стучать – побряхтит и будет стучать. Прикажут убирать книги – уберет

книги, прикажут сжечь – будет сжигать. И объяснять, что надо сжигать, а потом скажет: а время было такое, все сжигали. Мы это проходили».

Русофобствующие «витии», вроде Веллера, никогда не признают, что русский народ даже в самые трудные времена в массе своей отличался высокой нравственностью и порядочностью, добротолубием и бескорыстием, готовностью прийти на помощь ближнему даже в ущерб собственному благополучию. Эти качества в полной мере проявились и в пору репрессий, и во время войны с фашизмом, и в годы преодоления послевоенной разрухи. Мудрый Халдей именно на эти особенности русского национального характера обращал наше внимание в первую очередь, учил нас на примере великой русской литературы, что главное при любом режиме – оставаться людьми и действовать соответственно.

Еще один выпускник 330-й школы Лев Рубинштейн в своем очерке «За учителей своих» писал: «Когда я еду в Москву, первым делом звоню я своим школьным друзьям, и мы, кто еще живы, встречаемся и поднимаем тост за нашу школу, и пьем за память ушедших, и грустим, потому что, наверное, уже нет и не будет таких школ. А ведь были – и сделали нас людьми. И поэтому я вновь и вновь думаю: режим – режимом, но дело не только в режиме, дело в людях. Нам повезло на людей, нам повезло, что именно они стали нашими учителями...»

Вторая натура

Мы все учились в советских школах. У одних были такие учителя, как наш Халдей, у других – халдеи менее яркие, но это была советская школа, где абсолютно доминировала коммунистическая идеология и где весьма последовательно нам прививали советский патриотизм и гордость за нашу Советскую Родину. В нашем классе с самого начала собрался целый пацанский интернационал, и на первых порах мы даже не знали, кто какой крови. Только перед вступлением в комсомол, когда мы написали первые в своей жизни анкеты, оказалось, что в нашем 10 «Б» больше всего было русских и евреев. Затем шли украинцы, белорусы, был даже один цыган.

Жили мы дружно, и «стыковки» в школьном дворе до первой кровинки, до первой слезинки устраивали в основном с соседними классами.

Это только после дела врачей, о котором нам сообщили на школьном собрании в январе 1953 года, мы неожиданно для себя обнаружили, что в нашем классе 10 «Б» есть евреи. Жили они в основном в элитном «Доме Чкалова» (Земляной вал, д. 14/6), где получили отдельные квартиры многие лауреаты Сталинских премий, такие, как Самуил Маршак, художники, включая Юона и Дайнеко и Кукрыниксов, знаменитые актеры вроде Игоря Ильинского, номенклатурные работники и военачальники, ученые и кинорежиссеры. Были там и фигуранты «дела врачей». Вот тогда и начались «призывы к бдительности». И про Халдея пополз слух, что на самом деле он не Павел Ефимович, а Файвел Хаимович, что, как оказалось, зафиксировано в его личном деле. Но мы, как говорится в том анекдоте, любили его не за это. Он был нашим наставником, нашим духовным гуру и нашей совестью.

Школа была все же элитная и по более широкой, чем в других школах, учебной программе, и по составу учеников. Со временем мы стали осознавать, что в советской реальности «хотя все и равны, некоторые более равны, чем другие». Этот принцип, сформулированный английским писателем Джорджем Оруэллом в его книге «Скотный двор» (*George Orwell. Animal Farm. 17 August 1945. Secker and Warburg, London, England*), оказался вполне применимым в советском обществе. Помимо «Дома Чкалова», в отдельных квартирах в довоенных «сталинских» домах на Земляном валу жили по советским понятиям люди вполне обеспеченные и приближенные к власти. В СССР первые спецраспределители для партийной номенклатуры появились еще в 20-е годы. В них по бросовой цене можно было купить любые продукты и одежду. В годы блокады в Ленинграде секретно действовал даже свой «Елисейский магазин» («Гастроном № 1»), куда партработники могли заходить строго в определенный для них час, так что они с голоду не умирали, как обычные ленинградцы. И в Москве после войны, когда еще действовала карточная система, в спецраспределителях, таких, например, как на улице Грановского, рядом с Кремлем, партработники и другие номенклатурщики получали свои сытные пайки, где было

все – от копченой колбасы до черной икры. И стоило все это – гроши. Одновременно с партийными и государственными распределителями в центре и на местах, своими спецбуфетами и спецпайками обзаводились на уровне республиканских ЦК КПСС, обкомов и райкомов. То же самое внедряли у себя министерства, номерные (секретные) заводы и отдельные предприятия, академии, творческие союзы, воинские части и т. д. У нас в «Правде» тоже был свой спецбуфет и при нем продуктовая лавка для членов редколлегии. Вся эта спецсистема – от закрытых магазинов до спецсанаториев, спецбуфетов, спецтранспорта и спецбольниц – была, по сути дела, всего лишь оборотной стороной дефицита и своеобразной формой советской нищеты. Когда мне приходилось бывать на дачах партийной номенклатуры на Рублевке, меня всегда поражала убогость казенного «декора» и мебели с плохо скрытыми номерами. То же самое я наблюдал и на дачах членов редколлегии «Правды», на одной из которых за высоким забором в Серебряном бору прожил два года сам. Но эта обособленность, своего рода геттоизация, номенклатуры неминуемо вела к расслоению советского общества на страты, к борьбе за право на привилегии, а в конечном итоге привела к полному отчуждению властной группировки партийно-государственной номенклатуры от рядовых рабочих, крестьян и интеллигенции, от всей массы советского народа. В этом – главная причина того, что КПСС никто защищать не вышел, когда Ельцин, пришедший к власти с репутацией «борца с номенклатурой», запретил ее одним росчерком пера.

В нашей школе мы это расслоение советского общества могли наблюдать наглядно. Если Юра Филин приносил в школу на завтрак домашний пирожок, а я – бабушкину котлетку на треть из хлеба, то Витя Самарин доставал из ранца бутерброд с севрюгой или семгой, Сеня Кац – с красной икрой, а Саша Кульчицкий – с черной. Я до седьмого класса ходил в школу в перелицованных папиных кителях и брезентовых сапогах, а мои элитные одноклассники – в фирменных курточках, а в старших классах – в дорогих костюмах и модных плащах.

Ничто так не влияет на формирование мировоззрения, как быт и семья. Отчуждение от «простого народа» (чаще они использовали термин «быдло») у будущих диссидентов антисоветского толка начиналось в се-

мье. Если начнешь искать причины превращения прежде лояльных наших сограждан в активных недругов России, то наверняка найдешь их в семье каждого из таких отщепенцев.

В феврале 2015 года по израильскому телевидению показали предвыборный ролик сионистской партии «Наш дом – Израиль». Главным героем этой рекламы стал создатель российской группы «Машина времени» Андрей Макаревич. Он исполнил свою известную песню: «Не будем погибаться под изменчивый мир, однажды он прогнется под нас». Отыграв свое, Макаревич сказал, что в Израиле он «как дома», а на ролике ему в унисон прозвучало: «Наш дом – Израиль!». Ну, вот так все и стало на свои места. До этого Макаревич открыто поддерживал фашистскую хунту на Украине, сказал, что не уважает русский народ за его практически единодушную поддержку воссоединения Крыма с Россией. По его мнению, в том, что в Одессе фашиствующие националисты сожгли заживо 48 человек, виновата Россия. Он дал концерт на оккупированной карателями территории и даже извинился перед Западом за сбитый «Боинг», в катастрофе которого он тут же, без всяких на то оснований, обвинил опять же Россию. В Белоруссии на очередных гастролях он объявил, что русский народ ни на что другое не способен, кроме как гадить там, где живет, переняв эту привычку еще от монголов. Так прежде любимый всеми певец восстановил против себя всех, для кого дом – это Россия, а не Израиль и не Америка. Новый смысл обрела и его полная двусмысленности песня, исполненная на телеролике: мир, по убеждению Макаревича, должен «прогнуться» под евреями. Так с экрана израильского телевидения на нас взглянуло лицо врага. Врага России.

Как Андрей Макаревич пришел к этому? Его отец, русский, известный архитектор, героически воевал на Карельском перешейке, где потерял ногу. Он – соавтор «Монумента Победы в Таллине» (1952), создатель «Пантеона Вечной Славы» (1953), монумента В. И. Ленина (1955, автор – скульптор Кибальников), соавтор памятника Карлу Марксу в Москве (1961, скульптор Кербель). Блестящая биография советского, русского патриота и мастера. Но вот по линии матери – Нины Марковны в девичестве Шмуйлович – в семье жила другая традиция. Дед по материнской линии, Марк

(Мордух) Эльевич Шмулович (ум. 1951) – родом из деревни Пустошки, был сапожником, членом просионистской партии Бунд. Прадед Моисей (Мойша-Шмуль) Бляхман был шойхетом (резником) при одной из синагог Витебска. (Данные приведены по справочному portalу Википедия.) И эта линия в конечном итоге возобладала.

Поясню свою позицию. Я никогда не был антисемитом и никогда не считал евреев врагами нашей Родины и нашего народа только потому, что они евреи. Врагами России, в том числе врагами евреев, я считал и считаю сионистов, чему в моих книгах и статьях приведено достаточно доказательств. Я со своими одноклассниками-евреями мало общался после окончания школы, но точно знаю, что никто из них не стал ни перебежчиком, ни активным антисоветчиком. Кто-то, правда, эмигрировал в Израиль. Но большинство осталось. Например, тот же Виктор Самарин. В начала 60-х годов он трудился в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ. Какое-то время был главным редактором телекомпании «МЕТЕО-ТВ», и в 1997 году даже одна из вновь открытых нашими астрономами звезд была наименована «Публицист Виктор Самарин» в знак достижений моего одноклассника в области метеорологической информации. Это не говоря уже об обильном наборе советских и российских орденов, значков и медалей, украсивших его грудь. В Гостелерадио он оставался политическим обозревателем уже и после того, как ему исполнилось 78 лет. У него не было никаких разногласий ни с ельцинским, ни с путинским режимом, как и с советской властью. И таких, как Витя, много. Но, увы, среди его соплеменников оказалось немало и откровенных русофобов, активных сионистов и записных агентов влияния Запада.

Троцкист-одноклассник

Как-то в Париже в самый разгар перестройки мне позвонил Вадим Роговин. Мы с ним одноклассники и учились в одном классе, хотя и не дружили никогда. При всем формальном равенстве в послевоенном советском обществе мы с ним принадлежали к разным стратам. Вадим со своим отцом-про-

фессором жил в трехкомнатной квартире со всеми удобствами, а я в коммуналке без всяких удобств, кроме общего туалета. Да и по доходам моя мама никак до профессорского оклада не дотягивала. Я был у Роговиных в гостях всего один раз, где-то в шестом классе. После школы есть хотелось ужасно, но мне не предложили даже бутерброда и, пока кормили Вадика, разрешили поиграть в его комнате в магазин. Игра была, как я теперь понимаю, дореволюционная. В миниатюрной бакалейной лавке из добротного дерева в маленьких ящичках были насыпаны крупы, мука, сахар, макароны, хлеб (с голодухи я все это сжевал всухомятку). На столике стояли весы и касса, а в ящичке лежали монеты. Суть этой торгашеской игры была проста. Я как покупатель с улицы заходил в лавку и покупал крупу или сахар, а Вадим мне все взвешивал и получал за это деньги. А если денег не было, брал с меня долговую расписку. Как я потом узнал, в еврейских семьях это было весьма популярное развлечение для детей, которых таким образом приучали с юных лет к торгашеству и ростовщичеству.

Были в семье Роговиных и другие традиции. Дедом Вадима был небезызвестный адвокат и правовед Александр Семенович Тагер (1888–1939) – автор монографии «Царская Россия и дело Бейлиса». Книга была издана к 20-летию процесса Бейлиса в 1933 году и переиздана в 1934 и 1995 годах. Это дело по обвинению еврея Менахема Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского 12 марта 1911 года стало самым громким судебным процессом в дореволюционной России. Убийство мальчика действительно напоминало ритуальное. Его труп был в значительной степени обескровлен, а тело покрыто 47 колотыми ранами, которые были нанесены большим шилом – швайкой. Процесс состоялся в Киеве 23 сентября – 28 октября 1913 года и сопровождался, с одной стороны, активной антисемитской кампанией, а с другой – общественными протестами всероссийского и мирового масштаба. Бейлис был оправдан, несмотря на то, что обвинение в убийстве было поддержано самим министром юстиции Иваном Щегловитовым. С тех пор традиционно считалось, что «дело Бейлиса» – это типичный «кровавый навет», спровоцированный черносотенцами.

В 1930-е годы Тагер вместе с группой сотрудников Центрального архивного управления занимался поиском документов, которые доказали бы поддельность «Протоколов сионских мудрецов», впервые приведенных в известной книге С. Нилуса «Великое в малом» (2-е издание). Эта работа проводилась по запросу истцов на Бернском процессе 1934 года, где рассматривалось происхождение этой публикации. (Более подробно об этом см. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Загадка сионских протоколов. М.: Родник, 1999. Часть III. Бернский процесс. С. 383–535).

Вот что, в частности, писал об этом процессе и роли в нем деда Вадима Роговина О. А. Платонов: «Международная сионистская организация сумела установить связь с советскими евреями и организовать в СССР группу помощников, которые получили право работать в секретных архивах, подбирать материалы для Бернского процесса. В этой группе работали сионисты А. С. Тагер, Е. В. Членов и масон П. Н. Малянтович (1870–1939), бывший министр юстиции Временного правительства.

От СССР помощью сионистам руководил П. Г. Смидович (1874–1935), член ВЦИК и ЦК ВКП (б). Работа велась под грифом “Секретно” в течение нескольких месяцев. Была просмотрена значительная часть архивов российской полиции. Из Москвы и Ленинграда на адрес Бернского суда поступали книги и копии документов. Получение материалов из России шло не только по легальным каналам, через официальных дипломатических представителей Швейцарии в Москве, но и по тайным каналам, через связи Милюкова, Николаевского и Бурцева.

Пытаясь приписать авторство Сионских протоколов русской полиции, сионисты изучали не только документы российских спецслужб, но и устанавливали родственные связи лиц, так или иначе причастных к распространению Сионских протоколов. Обращаясь в советские архивы, организаторы Бернского процесса вынуждены были признать, что не располагают никакими документами, подтверждающими эту версию.

Безуспешные поиски продолжались вплоть до конца 1934 года. В Берн по вызову из Москвы по просьбе еврейской стороны к весенним заседаниям Бернского процесса в 1935 году должны были приехать «правозащитник» сионист А. С. Тагер (т. е. дед В. Роговина. – *В. Б.*), престарелый

князь С. Д. Урусов, бывший бессарабский губернатор и товарищ министра внутренних дел; Фриц Платтен, еврейский большевик, под руководством которого была осуществлена переправа пломбированного вагона Ленина и его еврейской “гвардии” через Германию в Россию. Однако по неизвестным причинам эта поездка не состоялась».

О причинах этого действительно известно мало. После того, как его покровитель П. Г. Смидович умер в 1935 году и был со всеми почестями захоронен в Кремлевской стене, Александр Тагер попал под подозрение НКВД как человек, близкий к левым эсерам, защитником которых он выступал на процессе 1922 года, и к сионистам, роль которых в поддержке Троцкого заставила Сталина переменить свое к ним прежде благосклонное отношение. На это обратил внимание Троцкий, обвинив Сталина в антисемитизме именно после «московских процессов» против оппозиции. «Имена Зиновьева и Каменева известны, казалось бы, гораздо больше, чем имена Радомысльский и Розенфельд, – писал он. – Какой другой мотив мог быть у Сталина приводить “настоящие” имена своих жертв, кроме игры на антисемитских настроениях?» (Преступления Сталина / Под ред. Ю. Г. Фельштинского. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994. С. 221)

Тагер был арестован 9 июня 1938 года, вскоре после того, как в Москве завершился процесс антисоветского право-троцкистского блока, по которому проходили А. И. Рыков, Н. И. Бухарин, а также бывшие троцкисты Н. Н. Крестинский, Х. Г. Раковский и бывший нарком внутренних дел Г. Г. Ягода и др. На этом процессе Бухарин показал, что он «установил связь через Членова – с закордонным ЦК эсеров в Париже» (т. 5, л. д. 90–91).

Это был тот самый Членов, который вместе с Тагером готовил документы для Бернского процесса. Тем не менее Тагер на скамью подсудимых вместе с бухаринцами не попал и его ареста никто не ожидал. Его книга о деле Бейлиса вышла с предисловием самого Луначарского. За шесть месяцев до ареста Тагера пригласил для работы в своем юридическом аппарате не кто иной, как Андрей Вышинский, главный прокурор Советского Союза. «Когда чекисты пришли арестовывать деда Вадима, – говорилось в некрологе, посвященном памяти В. Роговина, в еврейской энциклопедии

“Юдаика”, – он успокаивал свою жену, говорил, что это ошибка и ей следует сразу же обратиться к Вышинскому, который, конечно же, обеспечит его скорейшее освобождение» (<http://ldn-knigi.lib.ru/Judaica.htm> Dotan 03.2004). Вышинский тем не менее подписал Тагеру смертный приговор. Судя по всему, ему припомнили связи с левыми эсерами в 1922 году еще в Москве и сотрудничество с сионистами через Членова в Берне.

Военной коллегией Верховного Суда СССР Тагер был приговорен 14 апреля 1939 года к высшей мере наказания по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации, скорее всего троцкистской. На следующий день Тагер был расстрелян на полигоне Коммунарка, где и похоронен. Его реабилитировали 4 апреля 1956 года.

С момента окончания школы мы с Вадимом Роговиным не виделись. О его деде я узнал много позже. Вадим между тем окончил филологический факультет МГУ в 1959 году. С 1977 года до конца своей жизни работал в Институте социологии РАН, стал профессором, доктором философских наук. Известен как автор семитомного труда по истории внутривнутрипартийной борьбы в ВКП (б) в 1920–1930-е годы. К моменту нашей встречи он уже активно сотрудничал с троцкистским IV Интернационалом и делал все возможное в Советском Союзе и во время своих поездок за рубеж, чтобы реабилитировать Льва Троцкого. Порывшись в архивах, я обнаружил, что американский историк Юрий Фельштинский считает, что этот семитомник Роговина «проникнут безудержной апологетикой Троцкого и проистекающим отсюда догматизмом». А вот В. Б. Бронштейн, внучатый племянник Л. Д. Троцкого, относил работы В. З. Роговина к числу немногих «хороших книг о борьбе оппозиции против Сталина». В России, где реабилитация Троцкого и близких к нему оппозиционеров из числа «ленинской гвардии», уничтоженных Сталиным, к тому времени еще не удалась, к трудам Роговина отнеслись, мягко говоря, прохладно. А вот за границей с помощью IV Интернационала их перевели на несколько языков и всячески рекламировали.

Вадим появился в Париже вскоре после того, как «Правда» опубликовала мои первые интервью с Александром Зиновьевым. Видимо, он увидел в этом некое знамение времени и решил меня привлечь к делу

реабилитации «ленинской гвардии» вместе с ее самым ярким представителем Львом Троцким. Тут ему со мной не повезло вдвойне. Он не мог знать, что еще мой дед разъяснил мне, каким врагом России и партии был Лейба Троцкий. Вадим знал, что я еще в 70-х годах стал публиковать свои статьи о сионизме. Но тогда, понятно, я не мог написать открытым текстом о финансировании Троцкого и его нью-йоркской «банды» профессиональных революционеров сионистским капиталом, в частности банкиром Якобом Шиффом, т. к. это подтверждало факт экспорта большевистской революции в Россию. Более того, во Франции мне попали в руки публикации, разоблачавшие связи IV Интернационала Троцкого с фашистами Италии и Германии. Думаю, Роговин знал эти источники лучше меня.

Я пригласил Вадима в «Ротонду» на бульваре Монпарнас. Надо же было, наконец, расплатиться с ним за те сухие макароны, которые я слопал в его детской лавке. Как ни странно, он не знал, что это было любимое кафе Троцкого в 1914–1916 гг., когда он жил в Париже, где выпускал ежедневную газету «Наше слово». Говорят, что именно в «Ротонде» произошло его примирение с Лениным, с которым они враждовали после того, как Ильич рейдерским захватом отобрал у него в мае 1912 года мою родную газету «Правда». В сентябре 1915 года Троцкий поэтому уже участвовал в работе Циммервальдской конференции вместе с Лениным и Мартовым. Газета «Наше слово» была запрещена за пацифистскую пропаганду 14 сентября 1916 года, а сам Троцкий – выслан из Франции. Вадим сказал мне тогда, что вместе с перестройкой пришло, наконец, время поставить вопрос об «исторической необходимости» реабилитации всей ленинской гвардии, включая Троцкого, и убеждал меня «взглянуть на эту проблему более объективно и интеллигентно». Он сказал: «Я еще в школе убедился, что ты талантливый человек, левых взглядов. Я знаю, что твой отец был репрессирован, как и некоторые мои родственники...»

«Да, отца пытали в Лефортово», – подтвердил я.

«Ну, вот видишь. Ты наш человек, человек оттепели, как бы тебя там, в “Правде”, ни заставляли писать твои идеологические очерки. У тебя получились прекрасные интервью с Шемякиным, Зиновьевым и Лимоно-

вым. И о Франции ты пишешь не как некоторые твои зашоренные коллеги. Напиши об этом кафе, расскажи о жизни Троцкого в Париже. Мы это в Москве пробьем. И конечно, тебе надо почитать самого Троцкого. Ты поймешь, что наша страна и партия потеряли, когда его изгнал Сталин. Ведь все могло быть иначе...»

«Согласен. Все могло быть иначе, — ответил я. — Но не думаю, что лучше. Не Сталин, а Троцкий ввел расстрелы без суда и следствия. Теперь о моих очерках... У нас в “Правде” никого не заставляют писать какие-либо статьи, даже если на это приходит заказ из ЦК. Не хочешь, не пиши. Или подпишись псевдонимом. Я всегда подписываюсь своим именем. И уже поэтому никогда не отрекаюсь от того, что писал. Что касается Троцкого. Мой дед был старым большевиком, воевал под Царицыным и Троцкого терпеть не мог еще тогда. Так что я не могу изменять семейной традиции. И, наконец, я знаю, кто в Америке его финансировал — Якоб Шифф, злейший враг России». На этом наша беседа закончилась сама собой, и понятно, что из числа «людей оттепели» Роговин меня вычеркнул. Больше я его не видел. Он умер в 1998 году.

Довольно долго я не мог найти ответа на то, почему либеральная интеллигенция в России, ненавидя Советскую власть и коммунизм, была столь лояльна к Троцкому и троцкизму. Ответ я нашел, когда для меня стали яснее связи Троцкого с международным сионистским капиталом и с мировой закулисой. Не раз мне приходилось участвовать в ожесточенных спорах по этому поводу как с коммунистами, так и с антикоммунистами. Но вот 20 декабря 2015 года в телепрограмме «Вечер с Владимиром Соловьевым» Дмитрий Саймс (Цимес), бывший помощник Сахарова, эмигрировавший в США через Израиль и возглавивший в Вашингтоне Институт национальной стратегии, неожиданно заявил, что в американской демократической партии «тон задают троцкисты», а точнее, потомки русских троцкистов, обосновавшихся в США! Вслед за Саймсом ту же тему стал развивать депутат Госдумы Вячеслав Никонов, внук Молотова и его супруги сионистки Жемчужной: да, действительно троцкисты проталкивают в демпартии идею «мировой революции» с той лишь разницей, что выдвигают ее уже не коммунисты, а ...американская элита. Ни Саймс, ни

Никонов не рискнули назвать вещи своими именами – не о троцкизме и коммунизме шла речь, а о планах мировой закулисы и сионизма как ее органической части по завоеванию мирового господства. Известно, что сионистский капитал традиционно финансирует демократов США, так же, как в свое время он финансировал троцкистов и большевиков троцкистского разлива. Но из того же источника кормится и захиревший троцкистский IV Интернационал.

Эта мизансцена с рассуждениями о современном троцкизме в знаковой программе российского телеведущего, а до этого – преподавателя университета в штате Алабама (США) и члена президиума Российского Еврейского конгресса Владимира Соловьева (имел при рождении и до 1962 года фамилию Менинковский, по матери – Шапиро) – весьма любопытна. Она – хотели этого авторы программы, либо уж так вышло, – ставит на место все споры о том, действительно ли завоевание мирового господства является целью мировой закулисы и международного сионизма. Еще как является! А как этого достичь – с помощью коммунистической мировой революции либо капиталистической – это уже детали.

Внуки Беса

Судьба так сложилась, что моя учеба, служба в армии и первые шаги в профессиональной журналистике пришлось на послевоенные двадцать лет. Этот период был одним из самых сложных и трагических в истории России. Уже тогда начиналась поляризация советского общества, хотя сами по себе разделившие его полюса еще не были четко обозначены. Многие еще верили в героев нашего детства – Павку Корчагина, Павлика Морозова, Зою Космодемьянскую и молодогвардейцев. Но рядом с ними уже появлялись другие герои, требуя себе места под солнцем. Бухаринский лозунг времен нэпа «Обогащайтесь!» не поднял из руин русскую деревню, но с каждым годом становился все популярнее у советского обывателя. Фарцовщики, валютчики, спекулянты всех мастей заполняли темные закоулки государства, постепенно терявшего прежний контроль

над обществом. До какого-то момента русский патриотизм, основа основ патриотизма советского, мог противостоять космополитизму, а идея бескорыстного служения обществу – идеалам торгашества по Марксу (см. *Карл Маркс*. К еврейскому вопросу). Общество раскололось как бы на два лагеря – в одном были «верные ленинцы», а в другом – «верные сталинцы». XX съезд дал максимум аргументов в пользу ленинцев – были реабилитированы практически все фигуранты московских процессов, т. е. вся «ленинская гвардия» за исключением Троцкого и руководителей НКВД, а также все фигуранты всех послевоенных процессов за исключением Абакумова и его ближайших подручных. Процесс реабилитации репрессированных за годы советской власти продолжался вплоть до развала СССР и так и не был завершен.

В студенческие годы я еще не мог представить себе в полной мере, в чем же была суть той кампании по реабилитации «партии расстрелянных», которая началась во время хрущевской «оттепели» и возобновилась уже в годы перестройки. Тогда говорили в основном о реабилитации ленинской гвардии и «возвращении к ленинским нормам». Теперь, много лет спустя, стало яснее, что дело было не в «восстановлении исторической справедливости», как это нам подавали. А так называемые гуманистические ленинские нормы и вовсе были выдуманы – достаточно перечитать послереволюционные указания Ленина его представителям на местах: «Казнить публично! Расстрелять! Повесить, чтобы все видели!» и т. д.*

Захватив власть, Ельцин и его банда именно такими «нормами» руководствовались, когда принялись стрелять в 1993 году по российскому парламенту и убивать тех, кто пришел поддержать осажденных в Белом доме в Москве. Но тогда все участники антисоветской «пятой колонны» все еще «чистили себя под Лениным». Отмечая десятилетие развала СССР в 2001 году, А. Н. Яковлев так вспоминал о своей предательской деятельности изнутри КПСС: «На первых порах перестройки нам пришлось частично лгать, лицемерить, лукавить – другого пути не было. Мы должны

---

* См., например, телеграмму Ленина от 10 августа 1918 г. о подавлении «кулацкого» восстания в Пензенской губернии: «Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100. Подберите людей покрепче. Об исполнении доложить».

были – и в этом специфика перестройки тоталитарного строя – сломать тоталитарную коммунистическую партию» («Демократический выбор». 2001. № 32, 9–15 августа. См. также «Новый мир». 2001. № 12).

Во вступительной статье к изданию «Черной книги коммунизма» на русском языке Яковлев говорил об этом периоде еще более откровенно:

«...Я много и въедливо изучал работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, Мао и других “классиков” марксизма, основателей новой религии – религии ненависти, мести и атеизма. Давным-давно, более 40 лет назад, я понял, что марксизм-ленинизм – это не наука, а публицистика – людоедская и самоедская. Поскольку я жил и работал в высших “орбитах” режима, в том числе и на самой высшей – в Политбюро ЦК КПСС при Горбачеве, – я хорошо представлял, что все эти теории и планы – бред, а главное, на чем держался режим, – это номенклатурный аппарат, кадры, люди, деятели. Деятели были разные: толковые, глупые, просто дураки. Но все были циники. Все до одного, и я – в том числе. Прилюдно молились лжекумирам, ритуал был святостью, истинные убеждения – держали при себе. После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” – по революционаризму вообще. Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика – механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма – сработала» (Яковлев А. Н. / Там же).

Яковлев не раз настаивал на полной реабилитации Троцкого и в конечном итоге этого добился. Согласно справкам о реабилитации № 13/2182-90, № 13-2200-99 Архива НИЦ «Мемориал» (СПб.), Л. Д. Троцкий (Бронштейн)

по запросу НИЦ «Мемориал» (СПб.) реабилитирован 21 мая 1992 г. Прокуратурой РФ (пост. ОС КОГПУ от 31 декабря 1927 г. о высылке на 3 года в Сибирь); реабилитирован 16 июня 2001 г. Генеральной прокуратурой РФ (решение Политбюро ЦК ВКП (б) от 10 января 1929 г. и постановление Президиума ЦИК СССР от 20 февраля 1932 г. о высылке из СССР, лишении гражданства с запрещением въезда в СССР). Так старому Бесу вернули белые и пушистые ангельские крылья.

Конечно, в 2001 г. уже мало кому было интересно, реабилитирован Троцкий или нет. Да и большинство населения России, пожалуй, уже и не знало к тому времени, а кто такой Троцкий. Многие молодые люди не могут вспомнить теперь, а кто такие Ленин и Сталин.

Возвращение Лейбы в роли «отца Октября», за что ратовал мой одноклассник троцкист Вадим Роговин, потихоньку готовилось и наверняка было бы реализовано еще при Горбачеве, но Советский Союз исчез вместе с КПСС раньше, чем этот сценарий Яковлева был осуществлен «Мемориалом».

Реабилитация Троцкого преследовала несколько целей. Во-первых, переписать историю революции в России и представить Лейбу ее подлинным вождем, убрав Ленина, а уж тем более Сталина на второй-третий план. Во-вторых, с его реабилитацией и вся «ленинская гвардия», оказавшаяся в конечном итоге гвардией Троцкого, за что и была вырублена Сталиным под корень, предстала бы в ином свете. Историю нам пришлось бы учить заново.

Приведу в этой связи высказывание шеф-редактора российского информбюро «Восток-Центр» Александра Горбатова в его статье с симптоматичным заголовком «Троцкий и бесы-внучата»:

«Идеи Троцкого вовсе не погибли вместе с их носителем в 1940 году. Они легли после Второй мировой войны в основу, с одной стороны, центров советологии и кремлинологии на Западе, прежде всего, в США. С другой стороны, их носителями стали интеллектуалы из американских университетов, десятилетиями разрабатывавшие теоретические и практические основы современной толерантности и борьбы за права человека.

Борьба за всеобщее равенство, берущая начало еще в XVIII веке, выродилась в современную толерантность, от которой шарахается все традиционное общество на том же Западе.

В переработанном, дополненном новым материалом виде теоретическое наследие Троцкого вернулось к нам с Запада в середине 80-х годов и как тараном помогло сокрушать советский строй и систему традиционных ценностей, сформированную у нас еще с середины 30-х годов. В политический оборот, причем с самого верха государства – от Горбачева до его соратников, – была вброшена тогда же идея о тождестве Сталина и Гитлера, что высказывалась Троцким, одним из первых настаивавшим на сходстве советского строя и фашистского в Германии. Хотя этому “пламенному революционеру” и теоретику было прекрасно известно о коренном отличии и генетическом несовпадении идейного характера этих двух систем. Но Троцкий сознательно смешал понятия. Он, кроме того, был прозорлив необычайно. Так, он обличал Сталина в реабилитации понятия русскости и возможности особого пути развития народа, хотя процессы эти были еще в самом зачатке. Троцкий уже чувствовал приближение реабилитации, хотя бы частичной, далеко не полной, Православия и религии в целом. Восставал против этого решительно всеми силами своего таланта.

Но самое удивительное, что спустя десятилетия сторонники либерально-западных ценностей критикуют сталинизм и нынешнюю власть в России словно по троцкистским конспектам. К тому же они даже внешне как две капли воды похожи на своих идейных (а, может, и родных) дедушек и прадедушек. Посмотрите на портреты Троцкого, Радека, Смилги, Землячки и всей этой плеяды «пламенных революционеров и революционеров» и на их нынешних внучат – и просто поразитесь портретному сходству. Так что не только идеи, мысли, но и их носители словно прорастают сегодня через годы и десятилетия. И нам вновь предстоит не менее бескомпромиссная борьба. Да она уже началась».

«Ленинская гвардия» действительно была практически полностью уничтожена Сталиным, и поэтому «партии расстрелянных», как называл ее Роговин в своем одноименном семитомнике, не удалось вовлечь Россию

ни в мировую революцию, плодами которой планировали воспользоваться те, кто финансировал Троцкого и его боевиков, ни повести ее по «западному пути», который неминуемо привел бы ее к реставрации капитализма, что и случилось в результате краха СССР. Этим занялись их дети и внуки. Из них, в основном, была сформирована та «пятая колонна», которая годами разрушала социализм изнутри. Они оказались главной идейной и организационной силой перестройки, теми «тройнячками», которые открыли ворота крепости по имени Советская Россия врагу.

По большому счету, однако, в той глобальной баталии, которую собирался развязать Троцкий под лозунгом «мировой революции» на деньги Шиффа и его соплеменников, идеи Маркса были всего лишь разменной монетой. Троцкий в марксизме вообще не разбирался. Вопреки широко распространенному мнению, Троцкий и политическим сионизмом не был, а за свой отказ следовать рекомендациям кагала был предан раввинами самому страшному проклятию. Сионизм в том виде, в котором он существовал в начале XX века, его вообще не интересовал, как и создание государства Израиль, за что его и проклинали раввины. Не исключаю, что Троцкий, ослепленный идеей мирового революционного пожара, поначалу и не понимал, что его руками из этого глобального костра каштаны будут таскать другие. Речь шла, конечно, не о защите прав трудящихся и об их освобождении от эксплуатации капиталом, а о разрушении традиционных монархий и их империй для глобального передела собственности, о захвате новой элитой мировых богатств и мировой власти. Нетрудно догадаться, кого хотел видеть Шифф в роли новой элиты. Он, как очевидно, всерьез верил в то, что сам Господь Бог отдаст в руки евреев и власть над другими народами, и их богатства. В сценариях мировой закулисы, готовившей этот глобальный передел, однако, Шиффу и его соплеменникам была отведена тогда только роль детонатора мировой революции, но отнюдь не главная. Да и сионистский капитал к тому времени еще не набрал нынешней силы, чтобы на это претендовать. Пролетарии распевали на баррикадах «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...». А вот затем их ожидал такой «новый порядок», при котором классический капитализм даже с

его системой «теплой кровати» показался бы добрым дядюшкой. То, что заготовленный мировой закулисой сценарий тогда не удался, еще не значит, что он отменен. В него только внесены некоторые поправки с учетом исторического и современного опыта. Борьба за глобальный передел собственности продолжается.

Ликвидация «ленинской гвардии» помешала осуществлению этого сценария в России. Но нельзя забывать, что в ходе той «чистки» были уничтожены не только пассажиры «ленинского вагона», запломбированного генштабом кайзеровской Германии*, не только убежденные троцкисты и тайные, вроде Зиновьева и Радека, но и сотни тысяч русских коммунистов с дореволюционным стажем, патриотически настроенные офицеры и генералы, лучшие представители русской интеллигенции, которые пошли в революцию с открытым сердцем во имя светлого будущего России. То, что Сталин видел это будущее только коммунистическим, бесспорно. Другое дело, как он представлял себе коммунизм. Ленин после революции 1917 года сказал как-то, что в России только человек пятьдесят разобрались в том, что такое марксизм, да и то неправильно. Сталин, как, впрочем, и Троцкий, к этой десятке не принадлежал. Учение Маркса в интерпретации В. И. Ленина было для Сталина только средством борьбы за власть. А этим боевым искусством он владел в совершенстве и последовательно уничтожал всех возможных претендентов на его кресло генерального секретаря ЦК КПСС.

* О запломбированном «ленинском вагоне» и проезде других большевиков через территорию Германии с помощью английских и немецких спецслужб см.: *Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 417, 418, 424, 425, 435, 437, 438*; Справочный портал «Википедия» («Пломбированный вагон»); *Николай Стариков. Кто убил Российскую Империю?; Klaus Wiegrefe, Florian Altenhöner, Georg Bönisch, Heiko Buschke, Wladimir Pyljow, Anika Zeller. Revolutionär Seiner Majestät. Der Spiegel. 50/2007; Пушкарев С. Г. Ленин и Россия; Кирилл Александров. Октябрь для кайзера; Наталья Морозова. И полетел пломбированный вагон...; Аким Арутюнов. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства; Андреа Таркуини. «Купленная» революция. Так кайзер финансировал Ленина. 10 декабря 2007. InoPressa.ru; Списки лиц, проехавших через Германию во время войны. «Общее дело». 14 октября 1917 г. и 16 октября 1917 г.; Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917. М., 2007. С. 337; *Соболев Л. Г. Русская революция и немецкое золото; Parvus A. Im Kampf um die Wahrheit. Berlin, 1918. S. 51; Платтен Ф. Проезд Ленина через Германию (предисловие К. Радека). Берлин, 1924. С. 66.**

После смерти Сталина и расправы с Берией борьба за власть в СССР приобрела более цивилизованные формы. Бывшие организаторы «большого террора», среди которых автор доклада на XX съезде «О культе личности и его последствиях» (1956), новый генсек Никита Хрущев был, пожалуй, самым кровожадным, приняли ряд законов, оградивших партийную номенклатуру от произвола КГБ и прокуратуры. Рядовым гражданам и партийцам таких гарантий, естественно, никто не дал. Дискредитация Сталина неминуемо обернулась дискредитацией самой идеи коммунизма и советской власти. Примирение с лидером Югославии Иосифом Броз Тито, которого Кукрыниксы годами изображали в «Правде» с топором в руках, с которого капала кровь коммунистов, даже самого убежденного сталиниста заставляли прийти к выводу, что ленинская «Правда» годами ему лгала. А провозглашенный курс на «мирное сосуществование» с капиталистическим миром обернулся крушением практически всеобщей уверенности советских граждан в том, что мир этот непримиримо враждебен СССР. До сих пор идут споры – сознательно пошел на это Хрущев или по глупости своей не предвидел, какой ущерб разоблачение культа принесет партии и советскому государству как внутри страны, так и за ее пределами. А выбросив Сталина из Мавзолея, он лишил сакрального статуса «вождя» не только его, но и всех последовавших за ним генеральных секретарей, включая его самого.

Начавшаяся после смерти Сталина поляризация общества пошла не на пользу русским. «Ленинцы» очень быстро восстановили свои позиции и в партии, и в государстве. В литературе и искусстве, в кино и театре доминировали евреи. И в силу свойственной им корпоративности костыми ложились, чтобы не пустить в мир искусств талантливых русских людей. Проталкивали своих, в массе своей бездарных. Но они брали массой. Вчерашние «сталинисты», авторы многочисленных панегириков вождю, быстро перекрасившись в «ленинцев», начали фронтальное наступление на русскую идентичность, патриотизм и Православие. Записные еврейские «пародисты», «юмористы» и «сатирики» от Шурова и Рыкунина до Аркадия Райкина поливали русский народ грязью и высмеивали его публично со всех эстрадных площадок. Патриотизм стал бранным словом.

Хрущев пообещал советским людям, что еще при своей жизни они увидят не только коммунизм, но и последнего попа. Он принялся закрывать церкви, под корень подрубил русское колхозное крестьянство, уничтожив личные подсобные хозяйства, прежде всего домашний скот и птицу, на что власти не посягали даже при Сталине. Дикие налоги на приусадебные участки привели к тому, что крестьяне стали вырубать фруктовые деревья. Деревня нищала и вымирала на глазах. Подмосковные колхозники приезжали в Москву, чтобы купить молоко, хлеб, крупы. «Никита-кукурузник», как прозвали Хрущева, заставлял крестьян сажать кукурузу даже за Полярным кругом, хотя она там и не росла. Полки магазинов пустели. В России вновь запахло голодомором. В 1955 году были легализованы аборт. Стала резко падать рождаемость. К 1964 году в РСФСР был побит рекорд по числу абортов – 5,46 млн.

С одной стороны, сами действия властей подрывали в народе веру в советскую власть. С другой – в этом им активно помогали «верные ленинцы». Они вытащили из советского прошлого первых послереволюционных лет все то, что давно было отвергнуто обществом. Те же аборты, которые первыми в мире легализовали в 1920 году большевики. Наследники Бурлюка и Крученых принялись вновь уродовать русский язык и перекраивать русскую литературу на западный лад, сбрасывать «с корабля современности» вместе с Пушкиным и классиком советской литературы, в первую очередь Михаила Шолохова. Вместо Чехова и Толстого кумирами «ленинцев» от литературы стали Кафка и Камю. Абстракционизм и сюрреализм, все современное искусство Запада поднимали на щит до уровня эталона живописи и скульптуры, а социалистический реализм низводили до уровня примитива. Что касается идеологии, то к Марксу и Ленину эти господа уже не обращались. Их кумирами стали классики экзистенциализма – Кьеркегор, Ницше, Мартин Хайдеггер и Жан-Поль Сартр. И это был не просто модный, европейский выбор новой веры или философии. Здесь и пролегла разграничительная линия между русскими патриотами-«сталинцами» и новыми космополитами-ленинцами.

Для русского человека, государственника по своему мировоззрению, традиционно отождествлявшего себя с общиной, провозглашение экзи-

стенциалистами и их последователями свободы личности от общества, от государства означало разрыв не только с коммунизмом, но и с вековыми традициями, с русской идеей. Если с коммунизмом он примирился за годы советской власти уже потому, что для народа большевики все же сделали немало, одна культурная революция, покончившая с неграмотностью, чего стоит, то либерализм под видом «ленинизма» он не принял. «Верные сталинцы», как староверы когда-то, держались за свои убеждения уже потому, что они ассоциировались с патриотизмом и гордостью за свою Родину, за свой народ, победивший фашизм, наконец, с порядком в государстве, борьбой с разграблением государственного имущества и с коррупцией. Любопытно, что российские либералы после воссоединения Крыма с Россией всех, кто это решение поддержал, именовали «сталинистами», ставя, таким образом, знак равенства между понятиями «сталинист» и «патриот». Так же и в начале 60-х можно было получить клеймо «сталиниста» только за выступление в защиту социалистического реализма или негативное суждение о романе Пастернака «Доктор Живаго». Это не означало, что у таких «сталинистов» сохранялась любовь к Сталину и его репрессивному режиму. Была любовь к Родине и к русскому народу. Именно поэтому «русский джинн» так мощно проявил себя в литературе и искусстве 50–70-х годов, особенно в течении «почвенников» или «деревенщиков». Это собственно и была Русская партия, признанным лидером которой стал член ЦК КПСС, писатель и лауреат Нобелевской премии по литературе Михаил Шолохов.

Со временем многие этнически русские коммунисты и комсомольцы стали приходить к православной вере и идеям русского национализма, в первую очередь к Русской идее по Уварову и Бердяеву. Разочарование в Сталине и сталинизме обернулось тем, что у многих из них коммунистическая убежденность мирно трансформировалась в веру на основе Нагорной проповеди Христа. Но вот что при этом произошло – принимая учение Бердяева, этнически русская интеллигенция в СССР принимала и его критику большевизма. Бердяев писал в своей основополагающей книге:

«Большевистский социализм отрицает гуманистические чувства, истребляет человека без остатка и на его место ставит серый, нечело-

веческий коллектив. В одном большевизм прав: власть не может быть гуманистической, власть предполагает сверхчеловеческие начала. Но в самом большевизме действуют сатанические начала и на место человека ставится антихрист. Большевизм находится во власти ему самому неизвестных темных сил, нечеловеческих сил, и он беспощаден к человеку, к человеческой судьбе. Гуманизм Белинского кончился антигуманизмом Ленина. Так всегда бывает. Вначале – сентиментальное превозношение человека как верховного начала, в конце – жестокость и свирепость. Чтобы утвердить человека и отстоять его свободу и высшее достоинство, необходимо принять Бога и Христа. Если нет ничего выше человека, то нет и человека. Тогда звериный коллектив вступает в свои права, и восстает образ Зверя, а не образ и подобие Божье» (*Николай Бердяев. Духовные основы русской революции. СПб.: РХГИ, 1998. С. 2–3*). А образ Зверя восставал в полный рост на протяжении советской истории не раз – в годы «красного террора», «большого террора» 1937–1938 гг. и в ходе послевоенных репрессий, прежде всего в «ленинградском деле».

В годы «оттепели» в среде советской интеллигенции под видом борьбы за восстановление «ленинских норм» в партии и государстве быстро распространялись идеи либерализма и космополитизма, а в еврейской среде, особенно творческой, – помимо этого еще и идеи сионизма. Это не говоря уже о сатанинской свободе нравов в полном соответствии с концепцией мадам Коллонтай о «стакане воды». Смесь чудовищная. Но поначалу все это не выходило из русла доминирующей коммунистической идеологии.

Я помню, как в 60-е годы российские либералы призывали устами Маяковского именно «под Лениным чистить» советское общество. Помню, какой овацией встретили на поэтических чтениях у памятника ему на площади Маяковского стихи Андрея Вознесенского «Уберите Ленина с денег!» И куда все подевалось?! В годы перестройки потомки «ленинской гвардии» и либералы-шестидесятники выступали уже как ярые антикоммунисты. А в 90-е годы Андрей Вознесенский вместе со своей женой Зоей Богуславской регулярно посещали Париж на деньги олигарха Бориса Березовского, создавшего в 1992 году специально для

«окучивания» советской либеральной интеллигенции благотворительный фонд «Триумф» в поддержку русской культуры. А когда Березовский в 2001 году основал в Нью-Йорке Фонд гражданских свобод для поддержки демократических реформ на постсоветском пространстве, бывшие «верные ленинцы» стали кормиться из этого фонда. Один из таких «наследников» – «консерватор-неолиберал», главный редактор и совладелец «Эха Москвы» Алексей Венедиктов – считается одним из духовных лидеров российской «пятой колонны». В 2001 году Владимир Путин, разъяря Венедиктова, кто он в его глазах, сказал: «Враги прямо перед тобой, ты с ними воюешь, потом заключаешь перемирие, и все ясно. Предателя нужно уничтожить, раздавить. Знаете, Алексей, вы не предатель. Вы враг».

До поры до времени Венедиктов эту свою сущность всячески скрывал. Работал скромным педагогом в средней школе. Потом – столь же скромным журналистом. И вдруг – враг, русофоб, один из лидеров «болотной оппозиции». Путин перевел его из категории предателей в категорию врага не случайно. Как бывший сотрудник КГБ, он знает всю его подноготную. Частично об этом рассказали и российские блогеры в Интернете. Они нашли служебную характеристику от 1942 года, приложенную к наградному листу его деда, Венедиктова Николая Андриановича, начальника заградотряда из работников Особого отдела НКВД 167-й стрелковой дивизии, где было записано следующее: «Инициативен. Карательную политику направляет на беспощадную борьбу с изменниками, шпионами и предателями Родины. Десятки предателей осуждены им и получили заслуженную кару. Беспощаден к врагам Родины... Удары по преступникам остры» (www.ridus.ru/news/185743; yudenich.ru/content/otec-govoryu-u-menya-general-kak-vryot-aleksey-venediktov). Ну, прямо-таки Штирлиц по Юлиану Семенову, только не в мундире СС, а в форме карателя и палача НКВД, стрелявшего в спину своим, за что и был неоднократно поощрен. Закончил войну этот дедушка Венедиктова членом коллегии Военного трибунала Первого Украинского фронта. Добавим к этой чекистской генеалогии главного редактора «Эха Москвы» еще и еврейскую родословную по матери, и все станет на свои места.

Глава четвертая ОТТЕПЕЛЬ И ПОХОЛОДАНИЕ

Выбор профессии

На выпускном вечере нашего класса в школе в мае 1954 года я оказался едва ли не единственным, кто так и не определился, в какой поступать вуз. Поступать решили все. Желających пойти на завод не оказалось. После своего первого опыта на сцене в роли Велосипедкина я мечтал о театральном училище. Родители были, однако, против. «Это не профессия», – категорически заявила мать. Отец ее поддержал. Какое-то время уже в десятом классе я посещал кружок юных археологов при МГУ. Археология мне нравилась, и, получив аттестат, я поехал на Моховую подавать документы в МГУ на отделение археологии при истфаке. Сразу я не нашел вход в приемную комиссию и вышел к старой церкви, укрывшейся за парадным фасадом университета. Это был храм великомученицы Татьяны, к тому времени полностью заброшенный. Я был в шоке, когда увидел, что вся паперть храма загажена нечистотами, которые оставили там в перерывах между занятиями будущие представители советской интеллигенции, студенты МГУ, используя ее как уличный туалет. Страшное это зрелище отбило у меня всякую охоту поступать в Московский университет. Но сколько тысяч людей, получавших тогда высшее образование в одном из лучших вузов страны, проходили мимо этого храма абсолютно равнодушно, воспринимая это бытовое поругание его как нечто нормальное! Что же творилось в душах у этих людей? Как все это должно было исказить их восприятие мира? И сколько еще должно было пройти времени, прежде чем они начали понимать, что значит Православие для русского народа и что такое дорога, которая ведет в храм. Если только начали...

После развала СССР храм этот восстановили и почистили. Но от того ощущения ужаса, которое я испытал тогда при виде оскверненного храма, я долго еще не мог избавиться.

В конце концов, я последовал совету нашей «англичанки» Ады Шульц: «Иди в ИнЯз, на переводческий. Гарантирую, что язык ты сдашь на пять, у тебя уже хороший английский». Она дала мне адрес этого заведения – 1-й Московский государственный институт иностранных языков им. Мориса Тореза (МГПИИЯ), ул. Метростроевская, 38. Теперь этой улице вернули старое название – Остоженка. (В 1990 г. Институт был преобразован в Московский государственный лингвистический университет, имя лидера французской компартии М. Тореза из названия, конечно, убрали.) Я подал заявление вместе с комсомольской характеристикой, написал анкету (не был, не числился, не находился), сдал экзамены, набрал свои проходные 18 баллов из 20 возможных и поступил на английское отделение на переводческий факультет.

На экзамене по русскому языку я выбрал тему «Сатира Маяковского». Я любил его раннего. И для иллюстрации его социального протеста уже того времени привел строчки из стихотворения «Вам»:

Вам ли, любящим баб да блюда,
Жизнь отдавать в угоду.
Я лучше в баре б.... буду
Подавать ананасную воду.

Мне вернули текст того сочинения, о котором я было позабыл и думать, вместе с личным делом после окончания ИнЯза. Как я убедился, рядом с «б» я все же поставил три точки. Но и это был вызов. Поэтому меня по сей день поражает то, что мне тогда, в августе 1954 года, такую вольность простили. То сосуществование свободомыслия и страха наказания за него каким-то образом постепенно входило в правила игры послесталинского общества.

Азы языкознания

Уже на первом курсе нам начали преподавать «Основы языкознания». Вел его профессор Рожанский, бывший последователь Н. Я. Марра,

работу которого «Новое учение о языке» раскритиковал Сталин в своей статье «Марксизм и вопросы языкознания» (основная часть этого его труда была опубликована впервые 20 июня 1950 года в газете «Правда»). Рожанский объяснил нам, что, согласно теории Марра, язык произошел от «трудовых выкриков» в результате «звуковой революции» и связан с началом трудовой деятельности человека. Ему предшествовала кинетическая (жестовая) речь. Все слова всех языков имеют, по Марру, общее происхождение (моногогенез), а именно от «четырех элементов» – изначальных трудовых выкриков САЛ, БЕР, ЙОН и РОШ. Удивительно, что подобная бредятина была возведена в ранг научной теории, которую к тому же, по характеристике Сталина, «утверждали аракчеевскими методами в советском языкознании». Это стало возможным, прежде всего, потому, что Марр выставил себя марксистом, объявив, будто язык имеет классовую природу, будучи «надстройкой» над базисом – социально-экономическими отношениями. В результате смены формаций и победы революции, утверждал Марр, должен возникнуть новый язык коммунистического общества. Это будет «новый и единый язык, где высшая красота сольется с высшим развитием ума».

До сих пор идут споры, с чего вдруг Сталин взялся за эту тему. Диссиденты в СССР не раз поиздевались над этим его неожиданным трудом. Наиболее известна песня Юза Алешковского* (1959):

Товарищ Сталин, вы большой ученый –
В языкознание знаете вы толк,
А я простой советский заключенный,
И мне товарищ – серый брянский волк...

* **Юз Алешковский** (настоящее имя Иосиф Ефимович Алешковский) род. 21 сентября 1929 г. С 1950 по 1953 г. отбывал наказание в лагере. После освобождения работал на стройке. С 1965 г. стал зарабатывать себе на жизнь литературным трудом. После публикации текстов «лагерных» песен Алешковского в альманахе «Метрополь» ему предложили эмигрировать в Израиль. Туда он не поехал, и в 1979 г. вместе с женой и пасынком уехал через Австрию в США, приняв американское гражданство. В 1991 г. был одним из создателей неформального объединения «БаГаЖъ», куда еще входили А. Г. Битов, Б. А. Ахмадулина и М. М. Жванецкий. В 1995 г. в США записал с Андреем Макаревичем диск «Окурочек».

По версии Солженицына, Сталин хотел таким образом отметить в летописи марксизма, классики которого проблемы языкознания не охватили. Не исключено. Он действительно считал себя одним из столпов марксизма. Но, как бы там ни было, Сталин, который в 30-е годы Марр поддерживал, вполне обоснованно опроверг его утверждение о связи языка с общественными формациями и показал в своей работе, что такой связи нет, что русский язык, например, в целом после Октябрьской революции не изменился. Теорию Марра о классовости языка Сталин объявил «примитивно-анархической», заметив, что схожие идеи усматривает у деятелей Бунда. Поворот Сталина к защите русского языка от всякого рода р-р-революционных нововведений сейчас, через много лет, видится, однако, совсем иначе, чем это увидел Солженицын.

Марр принадлежал к той же когорте «ниспровергателей», что и по-вылазившие невесть откуда после 1917 года местечковые «литераторы», которые с трудом говорили по-русски, но тем не менее призывали «сбросить Пушкина с корабля современности». Объявив, что язык – это «надстройка», Марр тем самым попытался обрубить вековую связь русской литературы с подлинным творцом нашего языка – с русским народом. А эта связь существовала и развивалась независимо от социального строя в России, что Сталин в своей статье и отметил. Пушкин именно благодаря этой связи сумел создать современный русский язык, в основе которого лежат разговорная речь его няни Арины Родионовны, русские сказки и былины, услышанные Пушкиным в российской глубинке. Точно так же и Карамзин в своих трудах по разработке современного литературного языка в основу его положил фольклор и народную речь. Вот этот живой родник русской речи не однажды пытались засыпать словесной шелухой разного рода «реформаторы», а, по сути, – киллеры русского языка.

В русском авангарде начала XX века таких киллеров было немало, но память осталась о немногих. В первую очередь это – Алексей Елисеич Крученых. Он прожил долгую жизнь (1886–1968), пережив всех своих коллег-футуристов. Он был одним из авторов их Манифеста, опубликованного в 1912 году с призывом: «Прошлое тесно. Академия и Пушкин – не-

понятнее иероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности...» На фоне гениев Серебряного века Крученых как поэт ничего из себя не представлял. Отсутствие поэтического таланта он, однако, с лихвой компенсировал словотворчеством. С 1912 года Крученых разрабатывал «внесловесный» поэтический язык – «заумь», основанный на комбинациях, по его собственному выражению, «разрубленных слов», восклицаний, графических элементов и т. п. Наиболее известны такие примеры его заумной поэзии: «Фрот фрон ыт и Та са мае, Го оснег кайт» и шедевр «зауми» из его сборника «Помада» (М., 1913):

Дыр бул щил
убещур
скуп
вы со бу
р л эз

Крученых утверждал, что «в этом пятистишии больше русского национального, чем во всей поэзии Пушкина». На деле же такого рода изыски по сути своей антинациональны. Согласно теории «зауми», как называл свой новый язык Крученых, слово самоценно, независимо от своего смысла и даже может вообще не иметь смысла. Понятие смысла с лексического уровня он перемещал на уровень фонетики, морфологии и даже графики. «Почти религиозная вера поэта в правоту своих идей позволяла ему выстоять среди моря свиста и негодования, – пишет исследователь русского авангарда О. Рапацкая. – Крученых вошел в историю русского авангарда как теоретик и разрушитель. Созидателями суждено было стать другим». (*Рапацкая Л. А. Искусство «Серебряного века»*. М.: «Просвещение», «Владос», 1996). В отличие от Крученых, Велимир Хлебников, который, как и многие его товарищи по футуристическому цеху, отдал дань экспериментам с заумным языком, был все же созидателем. Маяковский считал Хлебникова отцом русского футуризма и своим учителем. Действительно, он многое у него перенимал, включая знаменитую лесенку и характерную ритмику. Другим таким «отцом» был Давид Бурлюк, осевший в 1922 году в США.

Маяковский писал, что «Хлебников создал целую “периодическую систему слова”. В словотворчестве Хлебникова выделяются два гипотетических языка: общеславянский (на основе русского) и «звездный», приближающийся к зауми». (*Аверьянов В. В. В. Хлебников. Традиционализм в авангарде (часть 2). Волшебная гора. 1996, № 5*). Общеславянским Хлебников увлекался с 1907 по 1913-й, а «звездным» – с 1919 по 1922 год. В отличие от Крученых, у которого происхождение слов определить невозможно, «славянский» период словотворчества Хлебникова характеризуется полным отказом от корней неславянского происхождения (за исключением имен), углублением в этимологию, экспериментами с составлением разнообразных слов на основе русских корней. Он формулировал свою задачу так:

Породе русской вернуть язык
Такой,
Чтоб соловьиный свист и мык
Текли там полною рекой.

Типичной иллюстрацией его поисков в этом направлении стало стихотворение «Заклятие смехом».

ЗАКЛЯТИЕ СМЕХОМ

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешищ надсмеяльных – смех усмейных смехачей!
О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
Смейево, смейево!
Усмей, осмей, смешики, смешики!
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

(1908–1909)

В декабре 1913 г. в Петербурге в театре «Луна-парк» была поставлена пьеса-опера А. Е. Крученых «Победа над солнцем». Музыку к ней написал М. В. Матюшин, а оформление изготовил художник-супрематист К. С. Малевич. Его знаменитый «Черный квадрат» как раз и был частью антуража этой оперы. Пролог к опере – «Чернотворские вестучки» – написал В. Хлебников.

Эта опера вошла в историю русской поэзии и театра как торжество и – одновременно – манифест футуризма и зауми, как разновидности его поэтического языка.

Казалось бы, все это – дела давно минувших дней. Ан, нет. Заумь Крученых и звездный язык Хлебникова оказались снова востребованы. После 80-х годов оперу «Победа над солнцем» пытались реконструировать не раз и в России, и за рубежом. А через сто с лишним лет после премьеры в петербургском «Луна-парке» эту оперу восстановил Московский театр музыки и драмы Стаса Намина в содружестве с галереей Владимира Фролова. Стас Намин (настоящее его имя Анастас Алексеевич Микоян, он внук сподвижника Сталина Анастаса Микояна) – знаковая фигура в современном искусстве России. 26 сентября 2015 года в день премьеры оперы Крученых в бывшем кинотеатре «Ударник», рядом с теперь уже культовым Домом на набережной, собрался весь московский бомонд. Фролов прислал мне приглашение. И вот я слышу со сцены давно знакомые мне по редким публикациям «Чернотворские вестучки» Хлебникова, которым открывается спектакль:

Люди! Те, кто родились, но еще не умер.
Спешите идти в созерцог или созерцавель.
Будетлянин.

Созерцавель поведет вас,
Созерцебен есть вождебен,
Сборище мрачных вождей

От мучав и ужасавлей до веселян и нездешних смеяв и веселогов пройдут перед внимательными видухами и созерцалями и глядарями: мина вы, бывавы, певавы, бытавы, идуньи, зовавы, величавы, судьбоспоры и малюты.

Зовавы позовут вас, как и полунебесные оттудни.

Минавы расскажут вам, кем вы были некогда. Бытавы – кто вы, бывавы – кем вы могли быть. Малюты утруги и утравы расскажут, кем будете. Никогдавли пройдут, как тихое сновидение. Маленькие повелюты властно поведут вас. Здесь будут иногдавли и воображавли.

А с ними сно и зно.

Свируги и песноги утрут слезу.

Воин, купец и пахарь.

За вас подумал грезничий песнило и снахарь...

Вроде бы и понятно, и все-таки – так же далеко от русского языка, как слова с общими нашими славянскими корнями в чешском, сербском или польском.

А с окончанием «славянского» пролога в опере уже доминировала классическая заумь Крученых: «Дыр бул щил убещур скуп...» Оставалось только удивляться, как актеры смогли всю эту дребедень запомнить.

На сцене творилось колдовство, ведьмачье лицедейство. Актеры в кубистических костюмах, созданных по эскизам Малевича, метались по сцене, сливались с фантастическими машинами, возвращались в прошлое и прорывались вновь в настоящее под аккомпанемент какофонической музыки Матюшина. Это была Вальпургиева ночь футуризма, сатанизм в чистом виде. Внук Микояна с его удивительным чутьем и вкусом умудрился каким-то образом не выйти при этом за рамки искусства, рождавшегося в муках в начале XX века вместе с русскими революциями. Это был своего рода наркотик, от которого непривычного человека еще будет долго глючить.

Я вышел из «Ударника» со смешанным чувством восхищения режиссерским мастерством Намина и неприязнью к лингвистической зауми футуристов, независимо от того, была она «звездной» или «славянской» либо заведомо лишенной всяких корней. Русский язык отринул, как чистый родник, грязь и мусор, все поиски корифеев словотворчества – ни одно изобретенное ими слово не вошло в русский язык. Спектакль Намина и не преследовал цели возрождения или реабилитации зауми. Это был реквием по непонятым, непринятым и до сих пор не востребовавшимся

«гениям» большевистской культурной революции, главной целью которой было уничтожение русской культуры на корню. (То есть то же самое, чем озабочены современные швыдкие.) И, как бы ни славянофильствовал Хлебников, он тоже этому вольно или невольно поспособствовал, как и Крученых. Я уже не говорю о Малевиче с его «Черным квадратом», который стал символом беспредметного искусства, начисто лишенного каких-либо национальных корней.

Я прошел мимо Дома на набережной, украшенного мемориальными досками репрессированных «комиссаров в пыльных шлемах». Конечно, не случайно Стас Намин выбрал свою сценическую площадку именно рядом с этим домом, где вместе с лидерами большевиков жили и деятели Пролеткульта. Они все вместе пытались одержать «Победу над Солнцем» – лишить русский язык его народных корней, а с «Парохода Современности» бросить в небытие всех классиков русской литературы – от Пушкина до Толстого. Спектакль Намина – прекрасная иллюстрация того, к чему бы это привело.

Либералы и прочие лидеры «болотной оппозиции» умело используют символику протеста. Не случайно все митинги оппозиции в 2010–2012 годах проходят в сквере на Болотной набережной, как раз напротив «Ударника», у Большого Каменного моста. Я пошел к метро через этот мост, вспоминая о том, как здесь 6 мая 2012 года стойко держали оборону омовцы и полиция, стараясь не пропустить к Кремлю и на Манежную площадь боевиков из отрядов Удальцова и Пономарева. Дрогнул бы тогда, неизвестно, чтобы натворили в России эти «оппозиционеры». Ведь они уже закупили палатки, стащили в сквер на Болотной набережной все необходимое для долгосрочного Майдана по киевскому образцу у самых стен Кремля...

...Оглядываясь назад сегодня, понимаешь, что Сталин, громя Марра, был озабочен проблемами языкознания куда меньше, чем сохранением единства советского общества и государства. Вчитаемся в этот абзац из его статьи: «В самом деле, для чего это нужно, чтобы после каждого переворота существующая структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд уничтожались, как это бывает обычно с надстройкой? Кому нужно, чтобы “вода”, “земля”, “рыба”, “человек”, “гора”,

“лес”, “ходить”, “делать”, “производить”, “торговать” и т. д. назывались не “водой”, “землей”, “горой” и т. д., а как-то иначе? Кому нужно, чтобы изменения слов в языке и сочетания слов в предложении происходили не по существующей грамматике, а по совершенно другой? Какая польза революции от такого переворота в языке? История вообще не делает ничего существенного без особой на то необходимости. Спрашивается, какая необходимость в таком языковом перевороте, если доказано, что существующий язык с его структурой вполне пригоден для удовлетворения нужд нового строя? Уничтожить старую надстройку можно и нужно в течение нескольких лет, чтобы дать простор развитию производительных сил общества. Но как заменить существующий язык и создать вместо него новый язык в течение нескольких лет, *не внося анархию в общественную жизнь, не создавая угрозы распада общества?»* (Выделено мной. – В. Б.)

В своих лекциях Рожанский и к месту, и ни к месту цитировал Сталина, авторитет которого к началу наших занятий в ИнЯзе Хрущев еще не успел подорвать. Но в то же время сохранял пиетет по отношению к Марру. Кто мог знать, куда и как все эти дискуссии повернутся после смерти Вождя? Ведь за критику Марра до того, как его разгромил Сталин, бывало, даже к стенке ставили. В языкознании действительно царил тогда беспредел.

На одной из своих первых лекций Рожанский привел знаменитую фразу – «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка». Как оказалось, эту абракадабру создал весьма уважаемый академик Щерба еще в 30-е годы для того, чтобы доказать всемогущество грамматики – все слова выдуманы, а смысл понятен. Щерба в своем словотворчестве был близок к Марру и поддерживал его теорию «трудовых выкриков». Но под критику Сталина Щерба не попал, и Рожанский мог безнаказанно его цитировать. Когда в феврале 1955 года мы сдавали зачет по языкознанию, Рожанский попросил меня воспроизвести эту фразу и пояснить, для чего ее использовал Щерба. Я ничего кроме «глокой куздры» не вспомнил, но на вопрос, зачем Щерба создал свой шедевр, ответил, что академик, наверное, был большим поклонником поэта Крученых, у которого и позаимствовал идею своей «куздры». Рожанский заинтересовался, откуда я знаю о Кру-

ченных. «Это же у нас запрещенный поэт», – сказал он. В то время главный теоретик и практик «заумной поэзии» действительно пребывал в полном забвении. Стихов его не печатали. Я рассказал Рожанскому о Халдее, и профессор меня после этого то, что называется, «зауважал». В дипломе у меня по языкознанию стоит «отлично». Но история эта имела свое неприятное продолжение. ИнЯз по тем временам был не простым институтом, в чем-то даже режимным – оттуда охотно брали наших выпускников и в ГРУ, и в КГБ, и в МИД СССР. Поэтому за тем, чем мы дышим, там присматривали. Уже много лет спустя после окончания ИнЯза я писал статью о том, как наши чекисты поймали американского разведчика. Работать с секретными документами на Лубянке пришлось допоздна, и сердобольные чекисты пригласили меня отобедать в их режимной столовой. Самым большим впечатлением от этого довольно заурядного заведения было то, что я там встретил с десятков своих знакомых, в том числе однокурсников. Кто из них донес начальству, что я цитировал «запрещенных писателей» на экзамене по языкознанию, не знаю. Но на следующий день после сдачи зачета Рожанскому меня вызвала к себе директриса ИнЯза, которая до этого, видимо, провела допрос с пристрастием самого Рожанского. Крученных к тому времени снова числился в неблагонадежных, потому что стал кумиром московского андерграунда. Он, в частности, опекал в 50-х годах Лианозовскую школу поэтов и художников – творческое объединение поставангардистов, которое возглавлял поэт Евгений Кропивницкий. Оно просуществовало до середины 1970-х годов. Оттуда вышли теперь уже хорошо известные поэты и писатели Генрих Сапгир, Игорь Холин, Ян Сатуновский, Всеволод Некрасов и художники Оскар Рабин, Николай Вечтомов, Лидия Мастеркова, Владимир Немухин. Рабин был одним из участников знаменитой «бульдозерной выставки» в Сокольниках. В «бараке № 2» в Лианозово начинал как поэт Эдуард Лимонов. С ним и Рабиным судьба свела меня во Франции уже в конце 80-х годов. Но тогда я, к сожалению, о них ничего не знал.

За объединением, конечно, был установлен надзор. Но лианозовцев особо не трогали. Потому что там собрался народ достаточно нейтральный политически – поэты и художники рабочих окраин того времени.

Они и говорили на языке тех, кто там жил в бараках и коммуналках, как поэт Игорь Холин:

Дамба. Клумба. Облезлая липа.
Дом барачного типа.
Коридор. Восемнадцать квартир.
На стенке лозунг: МИРУ – МИР!
Во дворе Иванов
морит клопов, –
он – бухгалтер Гознака.
У Макаровых пьянка.
У Барановых драка.

Директриса Варвара

Вызов к директору института – это уже ЧП. А к нашей Варваре – ЧП в квадрате. Варвара Алексеевна Пивоварова – фигура по-своему легендарная. Вот как описал свое первое впечатление от встречи с ней писатель Никита Кривошеин в своей книге «Август пятьдесят второго. Побег из Ульяновска». Это было за два года до того, как она меня вызвала к себе «на ковер»:

«Табличка: “директор”. Неприглядный кабинет, большой Ленин на стене, гладкая прическа, широкий белый воротничок, платье коричневое, как бы гимназическое. Взгляд бесцветно пристальный. Пивоварову пробовал “пробить” в Гугле – результат плачевный: только годы начальствования в институте; на сайте партийных работников – упоминание о четырех военных годах, когда была заведующим сектором школ ЦК ВКП (б). И все. Доцент политэкономии. Говорили – карьера началась с курсов ликбеза Буденовской дивизии. Ее сестра – освобожденный секретарь парткома Издательства на иностранных языках».

Описание точное. Пивоварова, действительно, пришла в систему народного образования из комиссаров. Известно, что она была дружна с чле-

ном Политбюро и министром культуры СССР Екатериной Фурцевой. По ИнЯзу ходила ее фраза «Мы с Катей Фурцевой под тачанками рожали!». Комиссар Варвара прославилась в ИнЯзе тем, что вылавливала студентов в туалетах, когда перед выходом на улицу они меняли там юбки на брюки.

Варвара Алексеевна была создана по лекалам военного коммунизма. Получился Павка Корчагин в юбке. Жизнь ее, в отличие от ее подруги Фурцевой, была аскетичной и бесцветной. Но вместе с тем она была человеком в высшей степени порядочным и по-своему добрым. За время моей учебы в ИнЯзе она не раз выручала меня из трудных ситуаций. Только благодаря ей меня зачислили на наш элитно-номенклатурный переводческий факультет. Хотя я и набрал проходной балл, мандатная комиссия застопорила мое дело все из-за того же партийного билета, который мой отец отказался взять в КГБ обратно после амнистии. Варвара закрыла на это глаза. И меня приняли.

После того как ей донесли, что я увлекаюсь «крамольными поэтами», она, видимо, пожалела, что тогда дала слабину. И хотя уже началась оттепель, категория «запрещенный поэт» для нее все еще была равнозначна понятию «враг народа». К тому же ей, видимо, сообщили, что Крученых работает с «запрещенным» объединением «Лионозово», хотя официально его никто не запрещал. Я ей рассказал про Крученых все, что знал, упирая на авторитет Маяковского, который его высоко ценил, и она довольно быстро успокоилась, видно, поняла, что тревога ложная и что к «Лионозово» я никакого отношения не имею.

Сложнее мне было выкрутиться, когда я учился уже на третьем курсе. Я был комсоргом нашей группы на факультете с первого по четвертый курс и активно печатался в факультетской стенгазете и институтской многотиражке «Советский студент». С этого, собственно, и началось мое увлечение журналистикой. В нашей самодеятельности я пел песни Поля Робсона, писал капустники и сам в них играл в комических сценках. Поэтому в институтском комитете ВЛКСМ меня и поставили руководить нашей агитбригадой. Я собрал в ней талантливых ребят и девчат, и мы, как правило осенью или зимой, ездили по нашим подшефным колхозам и там выступали с концертами. Читали со сцены Есенина, Маяковского, Цветаеву,

Андрея Белого и новые стихи Леонида Мартынова, Беллы Ахмадулиной, Роберта Рождественского и Евгения Евтушенко. Пели песни популярных тогда бардов – Окуджавы, Галича, Ножкина. Никто из них тогда антисоветчиком не был. Скорее, наоборот. Трудно было предположить, что Булат Окуджава вложил двойной смысл в свою песню о гражданской войне: «...Я вновь умру, на той далекой, на гражданке. И комиссары в пыльных шлемах опять склонятся надо мной».

И вот кто-то донес, что в агитбригаде Большакова позволяют себе читать со сцены «стихи с душком» («Москва кабацкая» С. Есенина и «Кентавр бородатый, мохнатый и голый» Белого), а к тому же там царит такая свобода нравов, что это несовместимо с комсомольской моралью. И тут началось. Ночью в колхозный клуб одной из подмосковных деревень, где мы отдыхали после концерта и уже готовились ко сну, нагрянула «легкая кавалерия» – наш вузовский бригадмил выслал свой патруль нравов. Ничего предосудительного он не обнаружил и доказать по части «разврата» ничего не сумел, кроме того, что ночевали мы обычно не в гостиницах – их просто не было в наших селах, – а под одной крышей в колхозных клубах или в правлении, что, очевидно, и навело наших комсомольских бонз на мысль о возможном «свальном грехе». А, раз дыма без огня не бывает, наш комсомольский босс Веденяпин доложил о своих подозрениях Варваре. На «ковре» у нее он с выражением зачитал «разлагающие» стихи моего любимого поэта Л. Мартынова «Томление», которые я действительно читал сам в колхозах.

Томление...
Оленье томление по лани
На чистой поляне.
Томление быков,
Не хотящих идти на закланье...

Варвара, конечно, выдала мне по полной за «Томление» («Декаданс какой-то!»), но убедившись, что блуда в агитбригаде не было, угомонилась и даже похвалила нас за «культпросвещение подшефных колхозников». Кон-

чилося все, к счастью, мирно. А Веденяпина вскоре после этого из комитета ВЛКСМ убрали на преподавательскую работу. По ее рекомендации.

После этого скандала, однако, агитбригада наша сама собой распалась. Никто больше не хотел рисковать перед распределением и попасть в опалу только потому, что всегда найдется стукач, который на тебя напишет донос. Поэтому, как говорили тогда, «лучше перебдеть, чем недобдеть». Перебдевший Веденяпин загубил хорошее дело. Таких же перестраховщиков, как он, на ответственных постах в СССР было тогда великое множество. От них и ежовщина пошла. И может быть, то была даже не столько их вина, сколько беда.

В 1957 году Варвара Алексеевна подписала мне рекомендацию для работы на Московском фестивале молодежи и студентов переводчиком делегации Западной Африки. А в 1958 – для работы с английской делегацией на Всемирном конгрессе архитекторов в Москве. Это было уже признание моей профессиональной пригодности.

Декан Браво и его команда

По качеству языковой подготовки ИнЯз по тем временам был самым лучшим вузом в СССР. Понятно, что и в его профессорско-преподавательском составе работали высококласные лингвисты. Не буду перечислять всех. Фразеологию и лексику английского языка нам преподавал доктор филологических наук, профессор А. В. Кунин, автор Большого фразеологического словаря английского языка, в котором он собрал около 20 тыс. фразеологических единиц. В ИнЯзе он проработал свыше 50 лет и создал свою фразеологическую школу. На уроки английской фонетики, которую у нас вела профессор Гликина, мы приходили с карманными зеркальцами и таким образом познавали, как формируются губами, зубами и альвеолами звуки в «королевском английском». Два года старенький, еще дореволюционный профессор Сперанский преподавал нам латынь, что для меня было просто – я этот язык учил в школе. Познакомился он с нами так: «Моя фамилия – Сперанский. Она происходит от латинского

глагола *sperare*, надеяться. Есть такое выражение в латинском языке “*Dum spiro, spero*”, что означает “Пока дышу, надеюсь”. Вот и я надеюсь, что вы хорошо познаете латынь». Я всех этих стариков не раз вспоминал с благодарностью – они учили нас не просто языку, учили культуре языка, самим его основам. По жизни и по работе это меня выручало не раз.

Особо нам повезло с деканом нашего переводческого факультета. Вскоре после того, как я поступил в ИнЯз, им стал Хосе Фернандес Браво. Мы знали, что он воевал в армии республиканской Испании. Говорили, что Франко за его голову обещал большие деньги. Но в нашей ежедневной студенческой жизни о его героическом прошлом никто не вспоминал. Хосе вписался и в наш коллектив, и в наше послесталинское время, отличаясь от других преподавателей разве что своим испанским акцентом и трудно сдерживаемой энергией. Он был исполнителен и строг. Когда наша Варвара приказала ему не допускать на занятия студентов, которые отрастили себе бороды и усы, пока они не побреются, он лично пришел на проходную и разворачивал всех «битников» с недозволенной растительностью на лице, в том числе и меня. Нам тогда запретили также появляться в институте в узких брюках и ботинках на «платформе». Время было такое – в 1954–1955 годах шла всесоюзная борьба со «стилягами», и если их ловили комсомольские патрули, вооруженные портновскими ножницами, то им взрезали их узкие брюки на улице прямо на них же. И Хосе дисциплинированно следил за шириной брюк всех будущих переводчиков. Но мы все это ему прощали, потому что он был прекрасным преподавателем и, несмотря на свою внешнюю неприступность, добрейшей души человеком. Об этом говорила и его улыбка в 32 зуба, которая могла обезоружить любого.

Хосе мало о себе рассказывал. Он прожил славную жизнь. Мы не знали, что его полное имя – Хосе Мария Браво Фернандес-Эрмоса. Личность легендарная. Он был ровесником Октябрьской революции 1917 года. В июле 1936-го, когда началась гражданская война в Испании, Хосе ушел добровольцем на фронт. В декабре того же года республиканцы направили его на учебу в СССР в школу летчиков в Кировабаде, где за полгода он научился летать на истребителе. Вернувшись в Испанию после учебы, Хосе на советском И-16 сбил 23 самолета противника. Воевал на всех

фронтах, в основном на Мадридском, и, наконец, в битве на реке Эбро – последнем сражении гражданской войны. В феврале 1939 года Хосе Браво перешел границу с Францией, где его интернировали. Эмигрировал в СССР в 1939 году, вступил в Красную армию. В первый год Великой Отечественной войны сражался в партизанском отряде в тылу врага подрывником, пускал под откос немецкие поезда. В 1942-м вновь вернулся в боевую авиацию. Был капитаном, командиром 3-й авиационной эскадрильи 481-го истребительного авиационного полка, базировавшегося в Баку. Именно испанские летчики этого полка сопровождали «Дуглас» (Ли-2) Сталина во время его перелета на союзническую конференцию в Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943 года). За это Хосе Браво был награжден Орденом Отечественной войны 1-й степени. Некоторое время он «переговялял» самолеты из США в Москву, затем вернулся в Баку. Закончил войну в звании подполковника ВВС и служил в Баку до 1947 года, командовал эскадрильей, затем направился на учёбу в Академию ВВС, но в 1948 году его, как и всех испанских пилотов, демобилизовали и перевели на гражданскую работу. Хосе предложили совсем неожиданную для него карьеру. Он стал преподавать испанский язык в нашем институте. Там он окончил аспирантуру, в 1954 году стал кандидатом филологических наук, а затем деканом нашего переводческого факультета. После окончания ИнЯза судьба моя сложилась так, что нам не удалось больше встретиться.

В 1960 году, когда я отправился на Камчатку, Хосе вернулся с семьей в Испанию после амнистии республиканцев, объявленной правительством Франко. На родине, как мне рассказывали потом, он какое-то время преподавал испанский язык для иностранцев в частных заведениях, затем устроился на фирму, которая торговала с Советским Союзом, поставляла горное оборудование. Он в те годы часто бывал в нашей стране, которую считал своей второй родиной, по торговым делам, встречался с летчиками, боевыми товарищами. Но вот после распада СССР Россию не посетил ни разу. В начале 80-х в Испании Хосе стал президентом ассоциации авиаторов, куда входили около тысячи испанских летчиков и механиков – республиканцев. В 1984 году новое правительство Испании официально признало их как военных. Им присвоили воинские звания. Хосе Мария

Браво стал полковником. Летом 2007 года в связи с 90-летием по представлению президента РФ Владимира Путина Хосе Браво был удостоен государственной награды России – медали Жукова. Умер наш декан 26 декабря 2009 года на 93-м году жизни.

Хосе вел у нас испанский язык. Он не только научил меня говорить по-испански. Он помог мне понять красоту этого языка, полюбить поэзию Испании, открыв для меня Гарсию Лорку, великого поэта, погибшего от рук франкистов. На выпускном экзамене по-испанскому он попросил меня прочесть какие-нибудь стихи на этом языке. Я прочел ему вот эти стихи Лорки:

Cuando llegue la luna llena
ira a Santiago de Cuba, ira a Santiago,
en un coche de agua negra,
ira a Santiago de Cuba, ira a Santiago...

Как только выйдет луна из тучи,
Я поеду в Сантьяго де Куба, поеду в Сантьяго
В повозке из черной воды...
Я поеду в Сантьяго де Куба, поеду в Сантьяго...

Хосе подарил мне тогда свою знаменитую улыбку. Это было дороже любых «пятерок».

Опыт фестиваля

Фестиваль в Москве 1958 года стал событием поистине историческим. В железном занавесе, отгородившем Советский Союз от всего остального мира, на какое-то время была пробита зияющая дыра. И в нее хлынули потоки молодых людей со всех концов Земли. Для москвичей это было шоком, перешедшим почти мгновенно в некую эйфорию. Иностранцев, оказывается, можно было не бояться. С ними можно было поговорить – и на улицах,

в скверах и парках Москвы то и дело возникали маленькие дискуссионные клубы, в центре которых оказывались иностранцы. Их даже можно было пригласить домой и побеседовать по-русски за рюмкой водки с соленым огурчиком. И ко всеобщему удивлению, хотя такие вечеринки не поощрялись, в это никто не вмешивался и за это никого не волокли на Лубянку.

*Москва, 1956 г. Всемирный фестиваль молодежи студентов. Я – второй слева.
Рядом со мной участница фестиваля из Ганы Луиза Веслинг.*

Гостинцу «Ярославская» рядом с ВДНХ осаждали толпы любопытных. Говорили обо всем и ни о чем. Но главное – хотели знать, а как они там живут в «мире капитала» с его «жестоккой эксплуатацией трудящихся». Часто такие дискуссии заканчивались за полночь, а программа фестиваля стартовала с раннего утра. Но помимо таких непредусмотренных форумов, в рамках фестиваля действовали дискуссионные площадки на выставках, в клубах и открытых площадках.

Мне довелось работать с делегацией англоязычной Западной Африки (Гана, Нигерия, Нигер, Верхняя Вольты – теперь Буркина-Фасо, Либерия

и Острова Зеленого Мыса). 28 июля от наших гостиниц около ВДНХ по Проспекту Мира к стадиону Лужники двинулись колонны грузовиков, над каждым из которых реял флаг представляемой страны. Делегат из Кении, тогда еще английской колонии, был один в своем грузовике – не так-то легко было прорваться оттуда в Москву. Ему аплодировали больше всех. Колонна двигалась медленно. Было жарко, хотелось пить. И вот у Крымского моста к нашему грузовику подбежали ребята, видимо студенты из «попутных» вузов, с вафельными стаканчиками мороженого в руках и принялись кормить моих подопечных, с которых пот лил ручьем. Я помню, как делегатка Ганы, Луиза Домектор, заплакала от переполнивших ее чувств и все повторяла по-русски: «Дрюжба-Мир-Дрюжба!», размахивая этим мороженым.

На нашем грузовике всюду гремели сигарообразные барабаны – там-тамы. Мало кто знал об их существовании до фестиваля и уж тем более о том, для чего их используют. Издревле в африканских деревнях искусные музыканты, отбивая ладонями замысловатые ритмы, – при игре на там-таме барабанные палочки не применяют – рассказывают целые истории и передают зашифрованные послания соседним поселениям. Лидер делегации Западной Африки Дезмон Тей из Ганы рассказывал мне, что на этих древних инструментах в африканских деревнях искусные музыканты выстукивают целые легенды о мудрых принцах Мали, древнем Бенине и о легендарной Яаа Асантеве, королеве великого царства Ашанти, которая повела за собой народ против английских колонизаторов, попытавшихся захватить священный Золотой Трон. Для нас это все было внове – ведь историю великих царств доколониальной Африки мало кто знал.

В полном блеске моя делегация показала себя во время концерта африканской музыки, который состоялся в старом здании МХАТа. Вместе с русской ведущей его вел Дезмон Тей. Когда он вышел на сцену в своем богатом цветном кенте (свободном, как балахон, одеянии, похожем по покрою на арабскую галабию), раздались аплодисменты, не стихавшие потом почти три часа. Для русского человека все эти африканские страсти были внове, разобраться, где там экзотика, а где чистая эротика, несведу-

щему человеку вообще трудно. Но принималось на ура и то, и другое. Ну, а уж когда танец назывался абсолютно политкорректно – «Танец Войны, Любви и Мира», который исполнили танцовщики из Ганы: сложенный как бог Сесико и фантастически сексапильная Апсита, стены старого МХАТа просто дрожали от аплодисментов.

На фестивале мне впервые пришлось поучаствовать в дебатах на идеологические темы. Как-то поздно вечером уже после дневной программы в буфете нашей гостиницы собрались за кружкой пива мои африканцы и делегаты из Болгарии, ГДР и Польши. С советской стороны были только переводчики и пара «искусствоведов в штатском», которые, видимо, тоже отдыхали и ни в какие дискуссии не вмешивались. Один из болгар с учетом африканского контингента предложил тост: «Колониализм – нет! Коммунизм – да!». Мои африканцы вежливо отхлебнули по глотку пива, но видно было, что предложенный тост им не совсем подходит. Ну и болгарин тоже не мог знать, что перед ним сидят не забытые представители африканских колоний, а люди в основном с высшим образованием, в том числе выпускники и студенты Оксфорда и Кембриджа или Сорбонны. Многие из них потом заняли важные посты в своих странах, получивших независимость в начале 60-х годов.

«Отлуп» болгарину дал делегат из Того. Он сказал: «Видите ли, мы, конечно, против колониализма. Его принес нам капитализм. Поэтому мы выступаем и против такого пути развития. Он нам не подходит. Но нас не устраивает и ваш коммунистический путь развития. Мы пойдем своей дорогой. Это не будет ни капитализм, ни коммунизм. Это будет древняя негритянская община со старейшиной во главе, где все братья. А сотрудничать и торговать мы будем и с вами, и с американцами, потому что наши страны сильно отстали и нам нужна ваша помощь».

Спор пошел после этого круто – болгары и немцы доказывали, что есть только два пути развития – социалистический и капиталистический, а третьего не дано, и африканская община в конечном итоге превратится в разновидность капитализма, хоть и африканского. Но на эти аргументы нам отвечали дипломатично: «Вы, друзья, просто не знаете африканцев и Африки». На это возразить было трудно.

Для меня такой спор стал своего рода откровением. В наших домашних дебатах с дедом и мамой мы придерживались тех же взглядов, что и болгарин с немцем. Да и Ленин говорил: «Буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет». А тут, оказывается, есть третий путь развития. И защищали его такие замечательные ребята, как наш Дезмон Тей и студентка Оксфорда круглолицая шоколадка Айви Каале Велсинг из древнего рода вождей Ганы.

Те дебаты оставили во мне глубокий след. Через многие годы в своих очерках с идеологического фронта я всегда старался учитывать, что мир все-таки не биполярен, что есть и третий путь развития, а потому нельзя делить людей исключительно на тех, кто за красных, и тех, кто за белых. Пожалуй, это открытие не только для меня стало самым серьезным идеологическим последствием того фестиваля молодежи и студентов в Москве, но и для многих советских людей. Нам позволили увидеть другой мир, который не был нашим, но и не был враждебен по отношению к нам.

Группа 104-504

На первом курсе переводческого факультета меня зачислили в английскую группу 104, и под номером 4 она оставалась до пятого курса (504). Самой большой ее достопримечательностью были канадцы братья Кирилл (Cyrrill) и Георгий (George) Вац (Watts). Имена и фамилии на русский лад им переделала паспортистка при выдаче советских документов на Украине в Ворошиловграде, где их семью поселили после возвращения в Советский Союз в 1952 году. Сама по себе одиссея их семьи заслуживает отдельной книги. Их отец, Степан Денисович Вац, родился 28 сентября 1901 года в селе Смидин на Западной Украине, с 18 лет служил добровольцем в 1-й конармии Буденного, был ранен в ногу в Сивашской битве в Крыму, по окончании Гражданской войны вернулся в родные места. К этому времени был подписан Рижский мирный договор и село отошло к Польше. Мать – Евдокия Максимовна Панасюк, замужем за Степаном Денисовичем с 1927 года, – до конца жизни оставалась неграмотной. В 1929 году

семейная пара эмигрировала из Польши в Канаду, где 10 октября 1930 года в Виннипеге родился Карл, а немногим более чем через год – Джордж. Им пришлось рано зарабатывать себе на жизнь нелегким трудом.

Семья была русская, пролетарская, и трудностей там не боялись. С началом в 1939 году Второй мировой войны и развитием оборонной промышленности в Канаде семейство перебралось в город Гамильтон, провинция Онтарио, где братья учились в школе Westdale Secondary School. Карл и Джордж по-русски почти не говорили. А отец тосковал по России. По окончании войны на семейном совете было принято решение эмигрировать в СССР. Ответа из советского посольства ждали почти год. Разрешение пришло, казалось бы, в самое неподходящее время – в марте 1952 года. Отец, вернувшись, поцеловал на Белорусском вокзале в Москве русскую землю. Но в Москве, Ленинграде и Киеве им жить не разрешили. Семья поселилась в Ворошиловграде. Карл поступил работать на завод имени Д. Ф. Родя, где изготавливали напильники. Днем братья работали, по вечерам учились, мечтали поступить в вуз.

Их зачислили в нашу группу переводом из Ленинградского ИнЯза, где их сначала приняли, а затем не стали обучать по той причине, что они не захотели отказаться от своего родного американского акцента и переучиться на «королевский английский» (Queen's English). Для нас же они были настоящим подарком – живые, англоговорящие канадцы вполне могли быть нашими учителями. И эту роль они, кстати, успешно выполняли время от времени, заменяя заболевших преподавателей. У братьев Вац мы переняли не только американское произношение, но и познакомились с таким канадским матом, который, как я потом узнал, столь же популярен в тамошней рабочей среде, как и мат в России. Братья научили нас и матерным частушкам – по-английски это «Lymeric»:

There was once a lady from Kent,
Who farted wherever she went,
Once she went to a party
Where she farted quite hearty,
So they plucked up her ass with cement.

Еще до окончания вуза Кирилл и Джордж стали работать на Гостелерадио, куда и получили распределение. Джордж всю жизнь проработал в американской редакции, а Кирилл в африканской проработал 51 год вплоть до своей смерти в 2011 году. Он получил известность как диктор-переводчик на международных спортивных состязаниях, снимался в советских художественных и документальных фильмах. Джордж известен как один из лучших синхронных переводчиков. Он переводил в прямом эфире Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина, Путина и Медведева. В одном из своих интервью для журнала «Итоги» он вспоминал: «Переводить Михаила Сергеевича – это самоубийство для переводчика-синхрониста. Он никогда не заканчивал предложения, для нас это очень сложно. Я озвучивал Горбачева два раза, а после него и Ельцина для Эй-би-си. Меня попросили перевести интервью с ним по поводу его книги “Президентский марафон”, которая вышла на английском языке. И вот в каком-то из залов Кремля Борис Николаевич общается с очень эффектной американской журналисткой, идет трансляция на Америку, российский президент рассказывает очень интересно, эмоционально, даже поет песню “Калина красная”... Но идиллия мгновенно заканчивается, когда звучит вопрос по поводу злоупотребления спиртным. Рассердился Борис Николаевич очень, на этом интервью и закончилось».

Профессия переводчика, действительно, иной раз напоминает работу минера. Особенно труден перевод русских идиом, чему нас учил великий Кунин. Ну, невозможно перевести любимое выражение Хрущева «Мы вам покажем кузькину мать!», которое он озвучил, выступая в ООН. Переводчик-американец так и перевел «Мать Кузьмы». Неадекватно, конечно, получилось.

Мне тоже приходилось работать синхронщиком и на Московском фестивале молодежи и студентов, и на Конгрессе архитекторов, на других международных встречах, даже уже будучи журналистом. В этой работе – не до творчества, оно только вредит. Происходит своего рода превращение человека в машину для перевода, на раздумье нет ни секунды, адекватный вариант перевода должен выскакивать из памяти автоматически, как шрифт при нажатии клавиши. Как правило,

переводчики-синхронщики больше часа не могут находиться в кабине, их подменяют напарники.

Наша группа продержалась со своим номером до выпускных экзаменов, даже потеряв по дороге к финишу двоих человек. Это были выпускники киевского интерната Железняк и Нетудыхата. На третьем курсе их арестовали за валютные спекуляции, и они проходили по известному делу Рокотова и Файбишенко.

Меня до сих пор мучает загадка – почему эти ребята сломались на наживе и торгашестве, что привело их в компанию Рокотова, где ведущих ролей они, конечно, не играли – были скупщиками валюты и барахла у иностранцев, посещавших Москву. И произошло это так быстро...

Их взяли с поличным во время Фестиваля молодежи и студентов в Москве в августе 1957-го. Получили они по пять лет, правда, вышли досрочно по амнистии. Рокотова и Файбишенко расстреляли. В наше время, когда сам премьер-министр Медведев говорит, что спекулянт – это вполне уважаемая профессия, они вообще отделались бы штрафом. Но тогда, вдумайтесь в то, сколь нетерпимо было советское общество к идеологии и практике капиталистической наживы и торгашеству как таковому, если спекулянт валютой шел под расстрел так же, как враг народа. Ведь прошло всего четыре года после смерти Сталина. А в Москве уже действительно фарцевали вовсю. Я помню, как незадолго до фестиваля назначил встречу своей подруге у Центрального телеграфа. Я не знал, что там-то и околачивается московская фарца. Подошел какой-то парень в темных очках – это вечером – и в модном двубортном плаще болотного цвета. «Чувак, – обратился он ко мне. – Купи очки».

«Спасибо, не надо», – ответил я ему.

«Купи, чувак, – не отставал он. – Клевые очки. И всего за полтинник».

Полтинник, то есть пятьдесят рублей, – это была моя стипендия. «Нет, – сказал я решительно. – Зачем мне очки?»

«Чувак, – выдал он последний аргумент. – Ты в них будешь похож на Рокфеллера».

Конечно, в своем кашемировом плаще производства фабрики «Красный Октябрь» я никак не потянул бы на Рокфеллера, даже в очках того

фарцовщика. Всем хотелось хорошо жить, хорошо одеваться. Но, во-первых, не было на то средств, а во-вторых, мешало такое повсеместное явление, как «дефицит», в конечном итоге и дискредитировавшее советскую власть. Если бы Сталин после войны дал «ленинградцам» развернуться по-настоящему, а не поставил бы их всех к стенке, в стране было бы необходимое изобилие товаров уже при его жизни, и молодежи не пришлось бы покупать по бешеным ценам ношеное заграничное барахло, чтобы «походить на Рокфеллера». Ведь, если вдуматься, именно мы, русские, советские люди, выиграли в историческом соревновании с миром торгашества, когда первыми создали водородную бомбу и первыми вышли в космос, когда добились стратегического паритета с США и другими странами НАТО. А проиграли в мелочах, прежде всего, на дефиците, на неумении обеспечить население предметами первой необходимости, включая одежду и продовольствие. Враги России уже тогда последовательно били в эти наши больные точки. И добились своего. «У советской власти обнаружилась раковая опухоль в виде стремления людей жить лучше, — писал один из бытописателей тех лет, — и эта опухоль, в конце концов, свела власть в могилу».

Трансформация моих сокурсников из киевского интерната в спекулянтов и уголовников, как очевидно, и началась с желания «походить на Рокфеллера». Но и среди студентов нашего переводческого факультета были дети из номенклатурных семей, которые одевались в 100-й секции ГУМа и питались в спецраспределителях. Немало было и детей из элитных чекистских семей. На нашем курсе учился Толя Судоплатов — сын знаменитого разведчика Павла Судоплатова, арестованного, кстати, вместе с Берией. В параллельной группе вместе с нами учился Вадим Мильштейн, сын генерала НКВД Соломона Рафаиловича Мильштейна, одного из заместителей Лаврентия Берии. Он курировал «политическое направление» в работе органов безопасности в период репрессий. С Берией они были знакомы еще по чекистской работе в Грузии. Отец Вадима был арестован по делу Авакумова в 1952 году. Но как только Сталин умер, Берия лично приехал в Лефортово освобождать его, при-

вез ему в камеру его генеральский мундир и назначил замминистра МВД Украины. После расстрела Берии Мильштейна вновь арестовали, судили и приговорили к расстрелу по обвинению в том, что он «своими приказами способствовал проведению массовых арестов, фальсификации уголовных дел о государственных преступлениях, применению незаконных методов следствия, в том числе лично участвовал в избивании арестованных, добываясь от них вымышленных показаний...». Его расстреляли 14 января 1955 года. Как Вадим с такой биографией попал в ИнЯз – большая загадка. Не только потому, конечно, что свое отчество «Соломонович» он сменил на Михайлович. Видимо, сработали и еще дядины чекистские связи, и солидарность грузинских евреев. По окончании нашего вуза Вадим сделал неплохую научную карьеру, защитил докторскую диссертацию, но, как и многие его соплеменники, с началом перестройки ринулся в бизнес, разбогател, став председателем Совета директоров нефтяной компании «Эвихон», затем – членом Совета директоров компании «Сибир Энерджи» и Московской нефтяной компании, владельцем которых был скандально известный нефтяной магнат Шалва Чигиринский. Они стали партнерами. Конечно, с нуля такие дела не начинаются. Нужен был начальный капитал. Шалва заработал свой еще в советские времена, спекулируя антиквариатом. А в семье Мильштейна он, как мы поняли еще в институте, был и немалый еще до развала СССР. К тому же в бизнес-карьере Вадима прослеживается грузинский след – Шалва Чигиринский, как и в чекистской дружбе Берии и Соломона Мильштейна. Погиб Вадим при странных обстоятельствах в 2014 году – вроде бы как в состоянии сильного подпития ударился головой о ручку двери и умер от сильного кровотечения.

...Уже вернувшись из Франции, я узнал, что многие наши выпускники, как и Вадим, ударились в бизнес, в том числе нефтяной. Многие мои однокурсники работали после окончания ИнЯза в МИДе, в Министерстве внешней торговли, за границей в посольствах и торгпредствах. Чисто переводчиками, кроме братьев Вац, работали, как ни странно, немногие.

Первые публикации

Первые мои журналистские опыты не отличались оригинальностью. Как и многие мои коллеги, я начинал с факультетской стенгазеты, а потом стал автором нашей институтской многотиражки с простеньким названием «Советский студент». Газетенка была скучная, официальная, кляззная – одни рейды по общежитию чего стоили, выходила раз в месяц на четырех полосах, которые заполняли в основном отчеты с комсомольских собраний и культпоходов и репортажи из агитбригад. Время было такое – от сталинщины еще не отвыкли. А к оттепели только начали привыкать. И все же время от времени мне удавалось там публиковать фельетоны, к которым у меня вкус проявился еще тогда. Прославился я, помню, благодаря фельетону с цитированием тех надписей, которые студенты ИнЯза оставляли после занятий в аудиториях на столах, в столах и даже на стульях. Конечно, мне и в голову не могло прийти, что когда-нибудь я стану постоянным автором сатирического журнала «Крокодил» и издам в «Библиотечке Крокодила» два сборника своих фельетонов и памфлетов. До этого было еще далеко. И все же те публикации в «Советском студенте», где я вскоре стал членом редколлегии, были для меня первым признанием как журналиста.

Первое литературное признание я получил как поэт-переводчик. А дело было так. Перед выпускными экзаменами мы должны были написать последнюю «курсовую», своего рода дипломную работу, так как защиты диплома в ИнЯзе не было. Я несколько дней просидел в Ленинской библиотеке и открыл там для себя американского поэта Уолтера Лоуэнфеллса (1897–1976), автора сборников стихов «Американцы за мир» («Americans for peace», 1954), «Песня мира» («Song of peace», 1959) и др., к тому времени у нас совершенно неизвестного. Эту поэму я перевел и решил отнести ее в «Литературную газету» для публикации. Прорваться на страницы этой газеты, «Органа правления Союза писателей СССР», тогда начинающему автору без помощи и рекомендации какого-либо мэ-

тра было практически невозможно. Но тут мне помогла политическая конъюнктура. С 15 по 27 сентября 1959 года Никита Хрущев совершал свой первый визит в США, и Лоуэнфеллс, коммунист и известный борец за мир, подошел к этому событию как нельзя лучше не столько по своей поэтической, сколько по политической биографии. Лоуэнфеллс писал верлибры, включая в свои стихи отрывки из газет, писем, даже официальных заявлений и документов. Поэма «Американцы за мир» – типичный тому пример. Вот отрывок из нее:

В Южной Дакоте
    небо глядит с улыбкой
        в воды реки Литтл Энн Харбор.
На берегах
    вскрываются почки, и кедры в болотах
        скрипят, почуяв весну.
Но в Пентагоне не запах весны захватил генералов.
Они на Восток
устремили взор и жадно вдыхают
    другой аромат –
        марганца, олова.

«Плейн дилер», г. Кливленд, штат Огайо:

«Я содрогаюсь от ужаса при одной мысли о том, что слово «кобальт» означает уже не голубой цвет, а беспредельное разрушение».

Марион Эпштейн. г. Парма Хайтс, штат Огайо.

Одуванчики клонят головки
    над помидорными грядками
        в Джерси.
Фермеров будит солнце,
    пробираясь сквозь ветви.
А головы генералов склонились над картами
    баз и плацдармов,
        полные мысли о страшных бактериобомбах...

«Ивнинг Баллетин», г. Филадельфия, штат Пенсильвания:

«Мне двенадцать лет. Вы, вероятно, поможете мне разобраться. Я никак не могу понять, зачем люди хотят создать такие разрушительные предметы, как бомбы. Если можно, ответьте мне, пожалуйста».

Карин Колинатти, г. Левиттаун, штат Пенсильвания.

В Советском Союзе в то время на свободный стих смотрели косо, хотя он в русской поэзии, правда не часто, использовался. Когда я нес поэму Лозунфеллса в «Литературку», я больше всего боялся, что ее не примут именно по этой причине. Но мне повезло. Заведующим отделом поэзии в этой газете незадолго до нашей встречи стал Булат Окуджава. Стихи Лоуэнфеллса ему понравились, и они были опубликованы в «Литгазете» 28 августа 1959 года, примерно за месяц до визита Хрущева в США. В том, что мне это удалось, я вижу некий перст Божий, указавший мне путь и определивший во многом мою судьбу. Для меня это был первый прорыв в большую литературу, первое признание, и я за это всегда буду Окуджаве благодарен.

К тому времени мы уже все получили распределение. Одними из первых на наш факультет пришли вербовщики с Лубянки. Нас вызывали с занятий по одному в деканат, и там товарищи в штатском устраивали нам «собеседование». Со мной у них ничего не получилось. Как только они начали задавать мне вопросы, я сразу же попросил их: «Представьтесь, пожалуйста». От прямого ответа они почему-то ушли и сказали, что у меня есть шанс послужить Родине. Ну, тут я и сказал им, что Родине служить готов, как и мой отец, который героически сражался за Родину. Тут наступила пауза. Товарищи в штатском все поняли и больше меня не беспокоили.

В итоге, уже в начале августа 1959-го я получил распределение на Гостелерадио в редакцию вещания на США и Канаду. С этой редакцией у нас активно сотрудничали братья Вац, которые работали там дикторами. Еще на четвертом курсе они познакомили меня со своим главным редактором Козьяковым. Он поручил мне рубрику «Новые товары». Моей задачей было представлять американской публике нашу «чудо-технику» для домохозяек и прочие товары со знаком качества на прилавках советских магазинов.

Идеологическая задача была проста – показать этим янки, что мы тоже не лыком шиты и вполне даже можем не только догнать, но и перегнать.

Задача была не из легких в прямом и переносном смысле. В прямом – потому что в моей рекламе советской бытовой техники должен был присутствовать человек, который что-то из этой техники приобрел, испытал ее в деле и готов дать о ней положительный отзыв. Его интервью надо было записать на портативный магнитофон советского производства. А он весил вместе с запасными батарейками и кассетами почти 12 кг, поди его потаскай на плече целый день. Для меня это был первый опыт работы «в поле» – а это было непросто уже потому, что в те времена далеко не каждый соглашался фиксировать свое мнение на пленку даже о бытовых товарах. А уж тем более для вещания на США. Таким же образом, если выпадало такое задание, я записывал отклики москвичей на выступления Хрущева, что было проще в рамках откликов в стиле «Одобрямс!», или на какие-то другие события в нашей стране и за рубежом. Потом все это надо было смонтировать и подготовить к эфиру. В американской редакции меня приняли за своего, и Козляков подписал на меня заявку в комиссию ИнЯза по распределению.

Глава пятая ЖУРНАЛИСТ В САМОВОЛКЕ

«Будешь служить, как медный котелок...»

1 сентября 1959 года я вышел на работу в Гостелерадио. Увы, не надолго. Мою писательскую и журналистскую карьеру ровно через неделю после публикации в «Литературке» прервала повестка из военкомата – как офицера запаса (в ИнЯзе у нас была военная кафедра) меня призвали в армию на действительную службу. Нужда в таких специалистах, как я,

возникла в армии потому, что придурак Хрущев, принявшись в 1956 году за военную реформу и сокращение армии, разогнал несколько военных академий и институтов, и в их числе – Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА). Офицеров, курсантов и преподавателей отправили на гражданку, лишив, таким образом, вооруженные силы военных переводчиков. Вот тогда в спешном порядке в составе Военно-Дипломатической Академии (ВДА) был создан факультет иностранных языков. Разместили его в Лефортово на Танковом проезде, где до этого находился ВИИЯКА. Первыми его слушателями стали такие же, как я, офицеры запаса с дипломами языковых вузов. Готовить нас для работы в войсках долго было не нужно – мы уже были готовыми военными переводчиками и офицерами запаса. Поэтому на Танковом нам сразу же выдали кителя и шинели с погонами младшего лейтенанта административной службы, одна звездочка и по просвету на погон. Естественно, что нас никто не спрашивал – хотим мы служить в армии или нет. Родина сказала надо, а не то – статья в УК РСФСР со всеми отсюда вытекающими. Это сейчас можно свободно подать рапорт об увольнении – и ступай себе обратно на гражданку. А тогда... Когда я спросил военкома, а надолго ли меня забривают в армию, он криво усмехнулся и сказал: «Будешь служить, как медный котелок». Это означало, что офицер по тем временам был обязан отслужить на действительной службе, ни много, ни мало, 25 лет по полной программе. Мало того, я угодил не просто в войска, а в военную разведку – в ГРУ ГШ – Главное управление разведки генерального штаба, которому подчинялась «Консерватория», как разведчики называли ВДА, начальник которой по традиции занимал должность зама руководителя ГРУ.

В самой «Консерватории», которая и по сей день располагается на Октябрьском поле, мы бывали редко и о том, что там творится, не знали. Знали только, что там готовят профессионалов двух типов: «пиджаков» – тех, кто будет работать в резидентурах и под дипломатической «крышей» посольств, и «кротов» – профессиональных шпионов для внедрения в ближнем и дальнем зарубежье. ВДА выпускала около 200 офицеров ежегодно, плюс у нас на Танковом обучалось порядка ста человек. Может быть, кто-то из нашего потока и попал бы в «пиджаки», но, как я узнал уже мно-

го лет спустя, все копии личных дел нашего выпуска передал в ЦРУ предатель Олег Пеньковский. Он был арестован 22 октября 1962 года, в день, когда президент Кеннеди объявил, что США приводят свои вооруженные силы в полную боевую готовность и начинают блокаду Кубы. В 1963 году Пеньковский был приговорен к высшей мере и казнен.

Через год занятий на Танковом я получил свой диплом в ВДА, вместе с которым мне вручили еще и пошитую на заказ парадную шинель из «генеральского» серого сукна, которое обычным младшим лейтенантам никак не полагалось иметь, но для выпускников ВДА делали исключение. Все же как-никак — элита. За этим последовало очередное распределение. Карьера «пиджака» никому из нас не светила, хотя мы и не знали еще тогда, что нас всех сдал Пеньковский, и потому суждено было нам служить в войсках. Меня определили в части особого назначения (ОСНАЗ) ПВО и предложили на выбор несколько пунктов — от Калуги до Кушки и от Ленинграда до Камчатки. Я выбрал Камчатку.

Камчатка. Лейтенант войск ОСНАЗ ПВО В. Большаков.

Путь был неблизкий. 10 тысяч километров – если по прямой. А так – почти 15 тысяч. Самолетом – до Хабаровска. Оттуда на поезде до Владивостока. А уже оттуда – через Охотское море в Петропавловск-Камчатский, где меня должны были встретить будущие однополчане, заранее сообщившие мне номер полкового автобуса, на котором меня приедут встречать в порт. До Владивостока я добрался без особых приключений. В порту выяснилось, что на Камчатку идет сухогруз, на котором полагавшегося мне второго класса не было, а был только первый и третий класс. Чтобы не доплачивать, я взял третий. И проклял все на свете уже в тот же день, как только наш сухогруз миновал пролив Лаперуза и вышел в Охотское море. Там нас встретил жуткий шторм. Мне говорили, что в сентябре не так штормит, но на нас накатывались волны высотой в 10–12 метров. Наша посудина поднималась на них, как на гору, а потом с нее падала в пропасть. И так три дня подряд.

Третий класс оказался твиндеком. Это трюм, в котором стояли трехэтажные кровати для перевозки сезонных рабочих. Он был забит до отказа. Я кое-как разместил свой чемодан и пишущую машинку под одной из этих железных полатей и вышел на палубу. Морская болезнь гнала туда обитателей твиндека на свежий воздух. Волны уже хлестали через борт. Передвигаться по палубе было опасно, да и к тому же она была облевана с носа до кормы. В самом трюме царил соответствующий запах. От этого ужаса меня спас незнакомый майор-попутчик, с помощью которого я доплатил капитану корабля за место в каюте первого класса, где меня уже ожидал «легкий завтрак». Это была водка-перцовка с черным хлебом и соленым огурцом – незаменимое лекарство от морской болезни. Мы с капитаном лечились этим снадобьем до самого Петропавловска, и качка меня поэтому не брала, даже когда я выходил на мостик и наблюдал за тем, как корабль, поднявшись на гребень очередной волны, как с горы, летит вниз, навстречу очередному черному валу... Года через два штормовая волна разломила тот сухогруз пополам и он ушел на дно Охотского моря вместе со своими пассажирами. Не спасли никого. Нам повезло. На третьи сутки мы вошли в бухту Петропавловска-Камчатского, миновав знаменитые Три Брата – три черные скалы, усеянные чайками и бакланами. С борта парохода я увидел

впервые столицу Камчатки. Петропавловск расположился тремя террасами улиц с невысокими серыми домами вокруг черной сопки. Я даже не представлял, что это такая дыра. И здесь мне предстояло служить!

Темно-зеленый автобус с номером, записанным у меня на бумажке, стоял у самого пирса. Рядом с ним стоял майор в шинели нараспашку и с сигаретой в зубах. Я подошел к нему и отпрапоровал:

– Младший лейтенант Большаков прибыл для прохождения дальнейшей службы.

– Майор Петровнин, – представился он. – С прибытием, лейтенант.

В автобусе было еще несколько офицеров – все в фуражках с черным околышем и черными полосками на погонах со значком войск связи. Мне еще предстояло сменить на погонах цвет.

– Далеко ли до части? – спросил я, как только мы выехали из порта.

– Километров двадцать, – ответил майор Петровнин.

– Ну вот. А у меня в предписании значится «Петропавловск-Камчатский», – сказал я растерянно.

Ответом на это был дружный хохот. Автобус нырнул в сопки, а потом вышел на «магистраль» – единственную на Камчатке круглогодично проходимую автотрассу от Петропавловска до аэропорта Елизово. Только в сильную пургу ее заносило сугробами двухметровой высоты, когда движение останавливалось вплоть до прихода снегоуборщиков.

...И часа не прошло, как мы подъехали к железным воротам с вывеской «Посторонним вход запрещен». «Давай к штабу», – сказал Петровнин водителю. Штаб располагался в крепком бревенчатом срубе. Майор провел меня к командиру части. Это был полковник Перминов, кадровый разведчик еще сталинского призыва, внешне очень похожий на штабного офицера Белой армии из советских фильмов о гражданской войне. Это уже я потом узнал, что у него было два высших образования, что он любил джаз и играл на банджо. Наверное, именно благодаря ему в нашем полку среди офицеров преобладали дипломированные военные интеллигенты, а солдафонов-строевиков было немного. Один из них – начштаба полковник Соколов, к которому я попал после беседы с Перминовым, принял мои документы и сказал: «Вы, младший лейтенант, должны усвоить, что хотя

наша часть и не строевая, о строевой подготовке и знании уставов здесь забывать нельзя. И о воинской дисциплине тоже». Он мне напоминал об этом все те три года, что я провел на Камчатке. Я на всю жизнь запомнил его маленькие ехидные глазки, когда он, принимая у меня зачет по Уставу гарнизонной и караульной службы, со своим строевым ехидством спрашивал: «А скажите-ка мне, младший лейтенант, какое расстояние предусмотрено Уставом между очками в солдатской уборной?» Любимой его командой на строевой подготовке было «Печатай шаг! Раз-два! Раз-два-три!». Соколову я потом посвятил свою песню «Пустая голова»:

ПУСТАЯ ГОЛОВА

(строевая песня)

Печатай шаг!
Раз-раз-два!
Брюхо набито —
Пустая голова.

Раз-два-три!
Полковник впереди.
В голове — мякина,
Ордена на груди.

Рраз-рраз-два!
Пустая голова!
На нары мы повалимся
Живые едва.

А ночью по тревоге
Поднимут нас
И выгонят в исподнем
На мокрый плац.

Раз-два-три!
Противник впереди!

Брюхо пустое.
Автомат на груди.

Рраз-рраз-два!
Пустая голова!
На нары мы повалимся
Живые едва.

...Полковой автобус отвез меня к двухэтажному деревянному дому, где жили офицеры «с маленькими звездами», т. е. рангом до майора. Начальство в полку селили в уютных одноэтажных коттеджах на две семьи. Видимо, поэтому наш самый высокий в части дом называли «Чикаго». Мне дали однокомнатную квартиру с кухней и двумя печками, показали мой личный сарайчик во дворе и «прочие удобства», основное из которых располагалось на улице в крепко сбитом «скворечнике», до которого приходилось добираться в пургу, как скалолазу, преодолевая сугробы в человеческий рост. Водопровода в доме тоже не было. Воду привозили в цистернах раз в три дня, поэтому в каждой квартире стояла железная бочка, заполненная до краев, – мало ли что. Бывало ведь и так, что в пургу, когда водовозка не могла к нам пробиться, на воду топили снег. Дрова надо было добывать самому. В части давали грузовик, и с ним я отправлялся в лес, где жили бичи (бомжи, если по-московски) в землянках. От них можно было ожидать, чего угодно. Поэтому в такие экспедиции шофер брал карабин, а я – свой личный пистолет, сначала это был ТТ, а затем ПМ. На всякий случай. Бичи грузили грузовик «долготней», т. е. бревнами, очищенными от веток, которые предстояло уже во дворе нашего «Чикаго» распилить, поколоть и сложить в дровницу. Потихонечку я осваивал все эти нехитрые премудрости и ремесла, неведомые городскому жителю, без которых на Камчатке не проживешь. Со временем я так наловчился, что даже смог смастерить кое-что из мебели для своей квартиры – те грубо сбитые шкафы и тумбочки с полкового склада, которыми была обставлена моя квартира, я со временем вернул обратно. Труд это был нелегкий, так как основной стройматериал был из каменной камчатской березы, которая с трудом поддавалась пиле

и рубанку. Первым моим шедевром стала книжная полка. Я покупал много книг в Петропавловске. В Москву увез с собой целый ящик.

Быт потихоньку налаживался. Что-то я купил по хозяйству, что-то дали в части со склада, да и новые друзья помогли. В первый же день на Камчатке меня пригласили на ужин Петровнины. Чинопочитание в нашем общении вне службы сразу же было отменено. На этом настояла Валя Петровнина. Майора я теперь звал Федор. На ужин подошли и мои будущие шефы – начальник командного пункта подполковник Барабанов и майор Юрий Михайлович Ройзен со своей красавицей женой Наденькой. Они оба воевали. Надя сражалась в кавалерии. Говорили, работала в бою шашкой, как заправский казак. На первый взгляд они были полной противоположностью друг другу. Юрий – молчун, типичный еврей с толстыми губами, носом-крючком и глазами навывкате, а Наденька – русская красавица, блондинка с озорными глазами, кокетливая и острая на язык. Кроме облика у Юрия не было ничего еврейского. Они оба с Надей были бессребрениками. Юрий мог вполне тому, кто осмеливался назвать его «жидом», при всех набить морду, за что не раз получал нагоняй от начальства «за несдержанность». Я редко встречал таких, как он и Надя, бескорыстных людей, всегда готовых прийти на помощь своим друзьям, как они. Когда я тяжело заболел на Камчатке после того, как провалился под лед на жутком морозе, Надя буквально выходила меня, перерезав на мои бульоны всех своих трех кур-несушек, великий дефицит по тем временам на Камчатке. Позже, когда приехала на Камчатку моя жена (расписались мы в поселке Елизово, неподалеку от нашей части), таких проблем уже не было – своих кур завели.

Мы остались друзьями с Ройзенами на всю жизнь. Юрий вставал на мою защиту грудью каждый раз, когда на меня наезжали полковые солдафоны. Он взял меня под крыло и на полковом командном пункте, в обиду не давал никому. Я многому у него научился в том нелегком ремесле радиоразведки, которое мне пришлось освоить всерьез. Наша дружба продолжалась и после армии. Он закончил службу подполковником и после демобилизации вернулся в родной Ленинград. Дочь от первого брака не раз приглашала его переехать в Израиль, где обосновалась со своей семьей. Но он любил Россию и наши русские традиции, как коренной русак, и «на

землю предков» так и не поехал. Он еще на Камчатке тренировал нашу полковую футбольную команду и пару раз даже поставил меня на ворота. Но, увы, способностей у меня к тому не было, и футбол я так и не полюбил. А у Юры это стало второй профессией – в Питере он работал тренером в футбольном клубе вплоть до самой своей кончины.

Особых развлечений у нас не было. На 28-м км располагался Дом офицеров, где по субботам устраивали танцы. Девушки были в большом дефиците – на Камчатке было дислоцировано такое количество войск, что мужское население там явно преобладало. В Доме был всего-навсего один бильярдный стол, так что очередь туда занимали заранее. Игнали в основном пирамиду на вылет, но больше трех партий выигрывать не полагалось, приходилось уступать очередь. Главным развлечением, однако, была баня по пятницам, а после парилки с березовым веником и ледяной водой следовало застолье у кого-нибудь из старших офицеров. Я не помню, чтобы кто-нибудь на этих вечеринках напивался. Это считалось позором для офицера. Было жесткое правило – не умеешь пить, за стол не садись либо не пей вовсе. Помню, однажды мне довелось побывать на полковом офицерском суде чести. Слушали дело одного капитана техслужбы, который напился до такой степени, что по дороге потерял офицерскую фуражку, а на фуражки эти обычно ставили фамилию и чин, чтобы легче было найти после офицерских собраний. Так что вычислили гуляку элементарно. И вот что любопытно – на том суде этого технарца ругали не за то, что он опозорил звание офицера (это само собой подразумевалось), а за то, что повел себя не как мужик и напился до беспамятства. И еще спрашивали – с кем пил и кто тебя в таком виде из дома выпустил и не проводил? На Камчатке жили крепкие мужики, и там действовал неписаный кодекс мужского достоинства, неотделимый от офицерской чести. Все это мне приходилось осваивать и воспитывать в себе такие качества, которые в городской столичной жизни никак не постичь. Главным правилом было – сам погибай, но товарища выручай. Иначе – с учетом того, в какие ситуации я попадал не только во время боевых дежурств и учений, но и на охоте, на рыбалке, в наших походах с восхождением на действующие вулканы и в Долину гейзеров, к Тихому океану, выдержать все испы-

тания без помощи моих однополчан было бы невозможно. Потом все это не раз выручало меня и на гражданке.

Невоенные репортажи

Моя гарнизонная жизнь постепенно вошла в колею. На командном пункте я дежурил сутками через два дня на третий. Мы были на постоянной связи с ГРУ Хабаровского военного округа и с Москвой. В детали того, чем мы занимались, вникать не буду – думаю, что и по сей день вслух об этом рассказывать не надо. Но понятно, что главной нашей задачей было предупредить вовремя об угрозе нападения на Советский Союз. А угроз таких было немало. Достаточно сказать, что и тогда, и по сей день вдоль наших дальневосточных границ проходит маршрут круглосуточного боевого дежурства американских стратегических бомбардировщиков В-52 с ядерным оружием на борту. А с континента США то и дело проводятся учебные стрельбы баллистическими ракетами. Это не говоря уже о разведывательных полетах самолетов-разведчиков янки, которые считывают сигналы наших РЛС, воздушных шарах, беспилотниках и прочей шпионской техники, нацеленной на нашу страну.

Дежурства изматывали всерьез, спать не полагалось. И помимо всех оперативных дел, я как дежурный отвечал еще и за поставленные по периметру командного пункта посты и пеленгаторы. Надо было проверять, как там несут дежурство, не спят ли часовые в обнимку с карабинами. Да и мало ли было прочих обязанностей, с которыми едва успевал справляться. Тем не менее меня все это устраивало по двум причинам. Во-первых, после дежурства полагались сутки отдыха и можно было отлучиться в город, т. е. в наш Питер-Камчатский. И, во-вторых, в мои обязанности по дежурству входило составление обзора прессы на базе тех сообщений телеграфных агентств, которые мы считывали с телетайпа. Ленты Рейтер, Юнайтед Пресс Интернэшнл, Ассошиэйтед Пресс, Франс-Пресс и ДПА мы получали круглосуточно. Без подписки, конечно, а путем радиоперехвата. Это давало возможность следить по открытым источникам не только за воен-

ными приготовлениями стран Запада, но и брать из первых рук сведения о том, что происходит в мире. Именно на этой базе я и попробовал себя в роли журналиста-международника на Камчатке.

Первый опыт пришелся на июнь 1962 года. Редакция «Камчатской правды» или, как мы ее называли, «Камправды», которая выходила тиражом 40 тысяч экземпляров, располагалась тогда на Ленинской улице, 48. Там я и познакомился с Анатолием Андриановичем Юсиным, который работал в этом органе Камчатского обкома КПСС обозревателем. В 1963 году он с Камчатки уехал и на материке сделал неплохую карьеру в Москве как спортивный обозреватель, написал много отличных книг о спорте и спортсменах (Встань до счета «девять». 1975; И снова спиц мельканье. 1978; Спортивные звезды. 1980 и др.). Но тогда он в небольшом коллективе был мастером на все руки и писал не только о спорте. С его легкой руки я и стал международным обозревателем этой газеты, хотя, конечно, внештатным, да и по своему областному статусу ей такой обозреватель был не положен. Печатали меня довольно регулярно. Сначала под псевдонимами – В. Викторович и В. Чирков (по фамилии матери). А затем уже под своим именем, что в нашем полку стало настоящей сенсацией. Потом я стал автором «Камчатского комсомольца», выступал на Камчатском радио и телевидении. Сейчас, когда я перечитываю свои камчатские публикации, могу сказать только одно – мне за них не стыдно. Они были сделаны на достаточно профессиональном уровне и хорошо аргументированы. Ну, а те рубрики, которые использовали, например, в «Камчатском комсомольце» типа «Капитал – его препохабие» или аншлаги в «Камчатской правде» – «Вот он – звериный оскал империализма», украсивший целую полосу моего международного обозрения, свидетельствовали не столько о плохом вкусе редакторов, сколько о примитивных установках, поступавших на Камчатку из центра, прежде всего из Агитпропа ЦК КПСС.

В «Камчатской правде» работали ребята мыслящие и достаточно смелые. Так, накануне открытия очередного Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Хельсинки они опубликовали мои воспоминания о Московском фестивале, где я рассказал об африканском «третьем пути» развития. При ежедневных пророчествах о «неизбежной и скорой победе коммуниз-

ма во всем мире» это было поступком. В той же газете я опубликовал впервые свои стихи и рассказы.

В те годы, по молодости своей и неопытности, я еще не ощущал того водораздела, который традиционно разделял русскую интеллигенцию на славянофилов и западников, на космополитов и патриотов. К тому же в провинции он не был столь явным, как в Москве и Ленинграде, уже потому, что там в те времена не так уж много было в творческих коллективах представителей «избранного народа». Но они все же были, и среди них встречались личности по-настоящему яркие и неординарные.

Первым моим наставником и в писательском деле, и в журналистике стал Роман Райгородецкий. В те годы он был для меня авторитетом непрекаемым. Внешне Роман чем-то походил на Пабло Пикассо и, зная это сходство, специально под него брил голову. Он родился в 1929 году в Харькове, как он сам говорил, «в трудовой еврейской семье». Первые его публикации были посвящены спорту. В 1962 году он приехал на Камчатку по командировке журнала «Юность», да там и остался. На радио у него была своя передача «Камчатка рыбацкая», и многое из того, о чем он рассказывал после своих командировок и дальних походов на рыболовных сейнерах, легло в его первую повесть «Путина», опубликованную в 1965 году. По этой повести Мосфильм снял одноименный фильм. В 1968 году вышла вторая повесть Райгородецкого «Встань до счета “девять”». В 1975 году и Толик Юсин под таким же заголовком опубликовал свою повесть, куда более слабую. Но разборки между старыми камчадалами не было. Роман был человеком безусловно талантливым, хорошо чувствовал русский язык. Проза у него была крепкая, просоленная океаном и потом трудяг, ставших главными героями его книг. В то время у меня не было никаких сомнений в его патриотизме. Все складывалось у него замечательно. Его приняли в Союз писателей и Союз журналистов СССР. В 1979 году его романы «Бухта Сомнения» и «Ловцы человеков» вышли отдельной книгой в издательстве «Советский писатель». Только узнав его поближе, я понял, что Роман считал себя «гражданином мира», а советское гражданство было для него как бы временным прибежищем. Он любил читать стихи английского поэта конца XVI века Джона Дона «По ком звонит колокол» (For Whom the

Bell Tolls). Стихи эти очень любил Эрнст Хемингуэй, который взял из них заголовок для своего известного романа. Для Райгородецкого «Хэм» был кумиром, и под его влиянием я перечитал все книги Хемингуэя, которые смог достать на Камчатке и получить из Москвы по почте. Вот эти стихи:

Человек никогда не бывает Островом,
сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши;
и если Волной снесет в море береговой Утес,
меньше станет Европа...
Смерть каждого Человека умяет и меня,
ибо я един со всем Человечеством,
а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол;
он звонит и по Тебе.

(Перевод с английского. Из «Духовных стихотворений» (другое название «Молитвы») Джона Донна (1572–1631). 17-е стихотворение).

Увы, материки у нас с Романом оказались разные. Для меня – это Россия, хотя я побывал на всех земных материках, кроме Антарктиды, а для Романа, как оказалось, это Америка. Уже работая во Франции, я узнал, что в 1988 году Райгородецкий с семьей эмигрировал в США. Он стал членом Пен-клуба, выступал у микрофонов «Голоса Америки» и «Свободной Европы», публиковал свои очерки в газете «Новое русское слово». Дальний Восток оставался его хобби и главной темой его творчества. Но он уже глядел на нас глазами американца, а не русского писателя. Умер Роман на своей новой родине в Калифорнии 27 ноября 1997 года. Прах его, как он и завещал, развеяли над Тихим океаном. Почему он так резко порвал с Россией и так легко прижился в США? Только потому, что никогда по-настоящему не любил ее, или потому, что евреи по своей натуре вообще легко ассимилируются, куда бы они ни попали? Но дело, видимо, было все же не в этом. Ведь Юра Ройзен не переехал жить в Израиль, а остался в Питере, несмотря на все трудности лихих 90-х.

Размышляя над этим вопросом, я как-то заново перечитал его повесть «Путина» и неожиданно для себя совершенно по-новому его увидел. Это была вполне профессиональная проза, но она была начисто лишена рус-

скости, той одухотворенности, которая так выгодно отличает русскую литературу. Я вспомнил, что именно за «излишнее русопятство» он в пух и прах разносил мои камчатские рассказы – первые мои опыты в художественной прозе. Уже после развала Советского Союза в Париже мы говорили о таких «русских писателях», задававших тон в советской литературе в период хрущевской «оттепели» и особенно во время горбачевской перестройки, с писателем Владимиром Максимовым, которого вынудили эмигрировать из Советского Союза в 70-х годах (о наших встречах с ним я еще расскажу ниже). Он сказал: «Никакого отношения к русской интеллигенции они не имеют, хотя и называют себя “интеллигентами”. Никакого. Это – обычные карьеристы, выбравшиеся в литературу и в другие области культуры и искусства.

У нас в те времена применить свои способности позволяла только одна область – культура. Она была более или менее свободной. Люди писали довольно сносные стихи, делали приличные фильмы, ставили довольно-таки приличные спектакли. Но когда оказалось, что можно делать и другое...

– Точнее, на чем зарабатывать...

– Ну да. Смотрю, один – коммерсант, другой какую-то фирму имеет. Оказывается, все это творчество для них было вовсе не обязательным. Получается обратный процесс. Станиславский вышел из очень богатой и интеллигентной купеческой семьи. Его дядя был городским головой в Москве. И он рвался из этой среды в искусство. И другой профессии, другого поля деятельности он для себя не мыслил. А сейчас наоборот. Они из искусства – все в купечество подались и считают это для себя еще большой честью».

Вот у нас в «Правде» работал Сергей Абрамов. Про него говорили: «Плодовит, как ленточная глиста». В советское время чуть ли не ежегодно публиковал свои повести и фантастические романы и жил не бедно. Но с развалом СССР ушел сначала в политику, а потом в бизнес, стал совладельцем инвестиционной компании «Беринг Восток Кэпитал Партнерс». И что же – с 1992 года не написал и не опубликовал ни строчки!

Вот и Роман в США не написал ни одной книги, если не считать его совместную с сыном брошюру о коренных народах Земли. Литература была

для него трамплином к известности и благополучию в СССР, но с ней было покончено сразу же по переезде за океан. Подлинно русские писатели, живя годами за рубежом, не переставали создавать свои произведения, ибо в том была у них внутренняя потребность – это в равной степени применимо ко Льву Толстому, Достоевскому, Тургеневу, Гоголю, Чехову, которые по своей воле уезжали в Европу и жили там годами, и к писателям-эмигрантам, изгнанным за пределы России революцией, – Бунину, Шмелеву, Цветаевой, Гиппиус, Иванову... Независимо от того, где они жили, они оставались русскими писателями. А Роман был «гражданином мира». Человеком без корней. В конечном итоге мы с ним на этой почве и разошлись уже на Камчатке, хотя его влияние я ощущал на себе еще долгие годы.

Как на Камчатке ловили «абстракционистов»

Мои стихи довольно часто озвучивало Камчатское радио. Меня взяла там под свое крыло Ксана Канаева, питерская интеллигентка, инкарнация восторженных поклонниц поэтов Серебряного века, вечно в кого-нибудь влюбленная, как правило, неудачно. У нее был практически безупречный литературный вкус и пассионарность провинциальной диссидентки. К счастью для Ксаны, и ее начальство на радио было той же ориентации. Там исходили из того, что дальше Камчатки не пошлют, и позволяли себе много из того, на что в Москве далеко не все решались. Райгородецкий жестко критиковал мою прозу, но мои стихи и сам проталкивал в эфир. И все же самым первым их критиком обычно была Ксана. И те строки, которые потом легли в мою «Камчатскую тетрадь», поначалу прошли через ее строгую редактуру, с которой я, однако, соглашался довольно редко. Уже потому, что, по моему глубокому убеждению, стихи редактировать нельзя – если уж легли на бумагу по мановению свыше, надо в таком же виде их и оставить для публикации. Либо, если легло неудачно, вообще убрать в дальний ящик и никому не показывать.

Стихи я начал писать еще в пятом классе, и, конечно, одним из первых было «Посвящение Сталину». Но ребенок рос, и идеологического

восторга оставалось все меньше, особенно после истории с отцом, закончившейся его ранней смертью. В моем архиве есть юношеский сборник «В сердце угрюмом», отпечатанный на машинке, с моими стихами студенческой поры. Из него в мою взрослую книгу стихов «Заветные тетради» вошли всего два стихотворения – «Один» и «Погоня». Остальные я решил никогда не публиковать. Дело в том, что, по моему ощущению, я начался как поэт только на Камчатке.

Камчатка, 1962 г. На боевых учениях у Корякской сопки.

Камчатка меня перевернула. Я совершенно по-иному увидел там и людей, и природу, и всю нашу советскую систему, и вообще весь окружающий мир. Мужчиной, по Киплингу, можно было стать только там. Я постарался не упустить этот шанс. До Камчатки, помимо переводов с английского, у меня было несколько стихотворных мини-публикаций, в частности в «Советской культуре». Но все же первые стихи, за которые мне не стыдно, и они включены в «Камчатскую тетрадь» в моем стихотворном сборнике («Тишина» и «Глубина»), были опубликованы в

1962 году в «Камчатской правде» и в том же году прозвучали на Камчатском радио. Это был год гонений на «абстракционистов» после того, как Хрущев 1 декабря 1962 года посетил выставку художников-авангардистов в московском Манеже и обматерил ее на весь Советский Союз. Через две недели после этого на встрече членов Политбюро с творческой интеллигенцией он выступил буквально с такой речью:

«...Товарищи!!! Я не понимаю, товарищи, вот это самое, товарищи. Вот скульптура Неизвестного. Это скульптура? Вы меня извините, я с ними беседовал, и когда я это посмотрел, я, это, спросил их: “Слушайте, вы, товарищи, а вы настоящие ли мужчины? Не педерасты вы, извините, – говорю. – Это же педерастия в искусстве, а не искусство”. Так почему, я говорю, педерастам десять лет дают, а этим орден должен быть? Почему? Тут у нас доводят ситуацию до абсурда... “Художник”, – мне говорят. Ну и что, что художник. А чем он лучше простого рабочего? “Войти в положение надо – натура”. А что получается, товарищи? Вот он стоит, как Наполеон, на берегу реки, руки скрестив, а мимо него по реке, извиняюсь, дерьмо плывет, а мы на это смотреть должны. И это вы называете искусством? Нет, если мы позволяем это дело, значит, мы не коммунисты. Нельзя этого делать... Надо создать условия, надо поднять условия для труда...» (Цит. по: «Факты». 19 сентября 2003 г.) Вот так общался с творческой интеллигенцией руководитель КПСС и Советского государства!

40 лет с лишним запись этого выступления Хрущева держали в секрете. Но рано или поздно все тайное становится явным. Перечитывая этот монолог «генерального дурака» и невежды сейчас, можно только поражаться тому, как люди, внимавшие ему на той встрече в Кремле, не провалились сквозь землю, даже не от стыда за него, а за самих себя, за то, что слушали этот бред и молчали! А ведь они еще и аплодировали этому полуграмотному самодуру, стоявшему во главе такой сверхдержавы?! Дурь его распространялась не только на сферу культуры – увы, и на все другое, включая внешнюю политику. Понятно, что, получая подробные указивки, основанные на никиткином бреде из центра, на местах этот бред доводили уже до немыслимого абсурда.

После той «встречи с интеллигенцией» по всем городам и весям Советского Союза местные партийные работники принялись искать и разоблачать своих «абстракционистов». В ходе той кампании и я попал под раздачу на специальном «идеологическом» пленуме Камчатского обкома КПСС, где секретарь по идеологии зачитал мое стихотворение «Человек развивается» и заклеил его со всей большевистской прямоотой как «идеологически вредное». Вот что я написал:

ЧЕЛОВЕК РАЗВИВАЕТСЯ

Человек развивается.
Если он Человеком
еще называется,
это лишь потому,
что он все развивается.

Он уходит от предка
и новым становится.
Человек развивается —
не остановится.
И не пять уже чувств у него,
а десятки,
да и этих хватает едва лишь.
А ему говорят:
«У тебя не в порядке...
У тебя не в порядке с моралью,
товарищ!»
Он не входит уже в эталоны и рамки,
и ему надоели уже эталоны.
А ему все рисуют еще диаграммки.
А ему на потребности
пишут талоны!
Ну, а он развивается.
И, хотя бы поэтому,
Человеком еще называется!

Петропавловск-Камчатский, 1962

Стихотворение «Человек развивается» прозвучало как вызов власти, потому что как раз в это время Хрущев принялся за составление списка «всего необходимого» для человека в коммунистическом обществе, которое он обещал построить «еще при жизни нынешнего поколения». Ну, а в бронтозаврах себя увидели все те, кто помогал ему править, судить и рядить. Так что попало, как говорится, не в бровь, а в глаз.

Сделать со мной камчатские «идеологи» ничего не могли, так как я был военным и офицером. Да и членом партии я тогда не был, а из комсомола уже выходил по возрасту. В нашем полку, тем не менее, по указанию обкома, меня пропесочил замполит полковник Долинный, строго-настрого приказав больше стихов не писать и лучше изучать уставы. Этим он, правда, и ограничился и больше ко мне не приставал. Но свято место пусто не бывает. К нашему всеобщему несчастью, к нам в полк в заместители начштаба полка списали сухопутного морячка майора Стукалина, розовощекого дебила, который принялся перевоспитывать всех «полковых интеллигентов» и бегал на них жаловаться командиру полка. За это его тут же прозвали «Стукашкой». Он даже ко мне в «Чикаго» как-то наведалься вечером, естественно, без приглашения. Над кроватью у меня висела моя картина, написанная маслом, не то чтобы совсем абстрактная, скорее постимпрессионистская. Увидев этакую «крамолу», Стукалин принялся читать мне лекцию о вреде абстракционизма как проявления буржуазной идеологии, припомнив мне при этом идеологический пленум Камчатского обкома. Я едва не спустил его с лестницы, но он понял, что я настроен весьма решительно, и вовремя ретировался. Кончилось все тем, что я на него написал эпиграмму:

Зловоннее хорька
Я не встречал давно.
Вы – кладезь для ларька,
Где продают говно.

Эти строчки быстро пошли по рукам, и весь наш полк покатывался со смеху. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы со Стукалиным не

произошла история, лишний раз подтвердившая, что Бог шельму метит. Майор всех донимал секретной инструкцией о хранении секретных документов, которую в полк прислали из нашего окружного командования в Хабаровске. Как-то вечером он заявился в штаб, где уже никого не было, кроме двух дежурных сержантов, которые грелись около печки. Вот им-то он и принялся зачитывать свою любимую инструкцию, заставляя их повторять ее за ним абзац за абзацем. В это время зазвенел звонок в соседней комнате. Один из сержантов подошел к телефону и, вернувшись, сказал майору, что его вызывают. Стукалин вышел, оставив папку с инструкцией на табуретке, слышно было, как он кричит: «Перезвоните, плохо вас слышу» – и, не дождавшись нового звонка, вернулся к печке. Он открыл свою папочку и увидел, что секретной инструкции в ней не было. Он орал на сержантов так, что его едва нехватила кондрашка, но те отвечали: «Не брали, не видели». В печке трещали полешки камчатской березы, мерцали синие огоньки сосновой смолы, словно посмеиваясь над ретивым майором и напоминая ему, что с сержантами и старшинами в армии лучше отношений не портить. А потом его имя стало притчей во языцех – по всем вооруженным силам приводили пример майора Стукалина, который потерял секретную инструкцию о хранении секретных документов. Бог шельму и впрямь метит...

Камчатский идеологический пленум не остался для меня без последствий. Я по-прежнему свободно печатался в камчатских СМИ, но только со своими статьями. Стихов больше не печатали, куда бы я их ни посылал. В 1963 году, еще на Камчатке, я узнал адрес Леонида Мартынова, прекрасного русского поэта, которого считал своим кумиром, и послал ему подборку своих стихов по почте с просьбой помочь их опубликовать. Мартынов ответил мне коротеньким письмецом, где написал: «Вы сами знаете, что Вы – Поэт. А потому разбирать Ваши стихи я не буду. Не буду и помогать Вам с публикацией. Настоящий Поэт и сам пробьется». Ответ – то, что сейчас называют «жесть». Пробиваться мне пришлось почти 15 лет. Горько было получать вежливые, а порой и грубые отказы из редакций литературных журналов. Мартынов был прав. Я знал, что я поэт. Еще горше было, когда мои стихи беззастенчиво крали. Так случилось с одной из

моих камчатских песен «Каюр». Музыку к этим стихам придумал на своей гитаре мой друг художник Рудольф Смирнов, который научил меня писать камчатские пейзажи маслом. Я часто пел «Каюра» под его аккомпанемент в разных компаниях, когда выбирался из части в Петропавловск. Однажды на наш огонек пришел некий московский журналист Валерий Болтromeюк, известный по кличке «Болт». Он записал нашу песню на пленку, а приехав в Москву, стал выдавать ее за свою. К счастью, его разоблачили мои камчатские друзья, случайно услышав «Каюр» в его исполнении в Доме журналистов в Москве. Он потом прислал мне покаянное письмо, но горький осадок от этого остался. Да и с публикациями мне решительно не везло. Очевидно, хотя документального подтверждения у меня нет, после того, как меня признали в Камчатском обкоме КПСС «абстракционистом», я попал как поэт в некий общесоюзный черный список.

Стихи мои не печатали вплоть до февраля 1977 года. Тогда в журнале «Юность» еще в бытность Бориса Полевого ее главным редактором, мне отвели целую полосу с моим портретом и дали стихи из «Австралийской тетради». Помогли мне с этим тогда еще зам Полевого, а уже потом главред «Юности» поэт Андрей Дементьев и ответственный секретарь этого журнала поэт и писатель-пушкиновед Алексей Пьянов. Так они открыли серию моих публикаций в «Юности», среди которых наиболее важными для меня были «Замок на песке» из «Дашиной тетради» и поэма «Черная тетрадь» – отрывки из будущей моей политической оперы в стихах «Приди к источнику правды». Низкий им за это поклон. В последние годы пути наши, к сожалению, разошлись по причинам, от меня не зависевшим.

Мой «двойник» Георгий Большаков

Странные совпадения иногда сопровождают нас по жизни. Во время моей работы за границей – в Австралии, США, Франции – мои коллеги по журналистике не раз спрашивали меня – не родственник ли я того самого Большакова, который в 1961–1962 годах в период Карибского кризиса был неофициальным посредником между президентом США Джоном Кеннеди

и руководством СССР. Еще раз повторяю здесь – нет, не был, и ни родственных, ни каких-либо других связей я с этим человеком не имел. А совпадения по судьбе – это уже не от нас зависит. Всякая судьба – от Бога.

Георгий Никитович Большаков (1922–1989) был офицером ГРУ. В 1941 году он окончил курсы военных переводчиков и в 1943–1945 годах обучался в Высшей разведшколе ГРУ, а в 1946–1950 годах – в той же самой Военно-дипломатической академии, где я заканчивал факультет военных переводчиков десять лет спустя. С учетом того, что предатель Пеньковский сдал весь наш выпуск, привязка моя к ВДА и ее выпускнику Георгию Большакову вряд ли была случайной.

После окончания ВДА жизнь реального разведчика Большакова, одного из ключевых персонажей Карибского кризиса (октябрь 1962 г.), складывалась так. В 1951–1955 годах в звании майора он работал в Нью-Йорке, а затем в Вашингтоне под видом корреспондента ТАСС. В 1955–1959 годах служил офицером для особых поручений при министре обороны СССР, затем в центральном аппарате ГРУ.

В 1959 году Г. Н. Большаков в звании полковника был направлен в Вашингтон в официальной должности заместителя главного редактора журнала «Советский Союз», издававшегося на английском языке («Soviet Life Today»). В мае 1961 года знакомый Большакова по первой командировке в США известный американский журналист Фрэнк Хоулмэн организовал ему встречу с братом президента США, министром юстиции Робертом Кеннеди. После этого Большаков был уполномочен Москвой на проведение дальнейших конфиденциальных переговоров с ним. У них за полтора года состоялось более 30 встреч и телефонных разговоров. Большаков также был представлен президенту США Джону Кеннеди и неоднократно встречался с ним в ходе октябрьского Карибского кризиса.

...Карибский кризис многое перевернул в моей жизни. С весны 1962 года наша часть жила в режиме постоянной боеготовности. В июне ночью полк подняли по тревоге. В штабе мы получили оружие, патроны и суточный сухой паек. Раздался приказ: «По машинам!», и мы куда-то поехали, а куда – это знали только наши командиры. К счастью, почти все

машины были исправны и полк медленно, но верно двигался по раздрыганным проселочным дорогам все дальше и дальше в сопки. В конечном итоге часов через пять, когда уже светало, мы въехали в ущелье, за которым открывалась потрясающей красоты долина с озером, отгороженная от внешнего мира кольцом гор. В озере мирно плавали утки, совсем не привычные к появлению людей. По его берегам короткими перебежками сновали зайцы. Полковник Перминов собрал офицеров у своего штаба на колесах и сказал: «Ну, вот мы и на месте. Здесь наш полк надежно защищен горами, и уничтожить его можно только прямым попаданием ядерной бомбы или ракеты. Приступаем к учениям».

Наш командный пункт продолжал работать, как обычно, только что на колесах. Тихо попискивала морзянка. Гудели пеленгаторы. Потрескивали свежесколотые дрова в полевой кухне. Это была репетиция Третьей мировой войны, в которой, случись она всамделишно, суждено было выжить немногим...

Незадолго до того, как мы расположились в своем ущелье, в мае 1962 года началась беспрецедентная секретная операция «Анадырь». Под этим кодовым названием Генеральный штаб Вооруженных сил СССР осуществлял операцию по скрытной доставке и размещению на острове Куба армейских боевых частей и подразделений, имевших на вооружении атомное оружие, включая атомные авиационные бомбы, баллистические ракеты средней дальности, тактические ракеты «Луна», «Сопка» и «фронтовые крылатые ракеты» с атомными боеголовками. Семь дизельных ударных подводных лодок Военно-морского флота СССР, вооруженные атомными ракетами и торпедами, охраняли маршруты морских перевозок советских войск и военных грузов в Атлантике. Эта грандиозная операция была начата по инициативе Никиты Хрущева, который уговорил долго сомневавшегося Кастро поставить на карту само существование Кубы. Это не говоря уже об угрозе ядерного удара по СССР. Политологи и идеологи до сих пор спорят – была ли операция «Анадырь» непростительной авантюрой Хрущева либо точно рассчитанным и оправданным риском наших высших военачальников? На мой взгляд, это была все же авантюра, хотя в ее результате и удалось достичь важнейших геополитических целей – США

убрали нацеленные на СССР ракеты средней дальности «Тор» и «Юпитер» из Турции и ФРГ, отказались от вторжения на Кубу и сняли с нее морскую блокаду. Но это произошло не потому, что Хрущев оказался гениальным стратегом, а скорее потому, что у президента США Джона Кеннеди хватило ума и культуры не нажать ядерную кнопку.

Что касается Фиделя Кастро и его коллег, захвативших власть на Кубе в 1959 году, то у них особого выбора не было. В 1959 году США объявили Кубе экономическую блокаду. У Кастро не осталось иного выхода, кроме как пойти на союз с Москвой. Авантюра директора ЦРУ Аллена Даллеса с бомбардировкой Гаваны и высадкой в Заливе Свиней в апреле 1961 году кубинских контрреволюционеров, или, как их называют на Кубе, «гусанос» (черви), закончилась их разгромом только потому, что Фиделю Кастро вовремя перебросили из Советского Союза танки Т-34 и гаубицы времен Второй мировой. Но было очевидно, что США долго не потерпят коммунистический режим у себя под носом. В конце 1961 года американцы открыли секретный проект под кодовым названием «Мангуст», в соответствии с которым к январю 1962 года кубинское подполье должно было поднять на острове мятеж и обратиться за военной помощью к США. Пентагон только ждал сигнала – к вторжению уже было все готово. Для маскировки самое активную помощь «гусанос» должны были оказать военные части стран – участниц Организации американских государств. 14 августа 1962 г. в Пуэрто-Рико началась подготовка новой армии вторжения на Кубу. Конгресс США дал президенту Джону Кеннеди право применить против Кастро любые действия вплоть до военной силы.

После того как Фидель Кастро понял, что дни его сочтены, 24 мая 1962 года, на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС, было принято решение о размещении советских ракет средней дальности (РСД) с ядерными боеголовками на Кубе. В конце июня в Москву прибыл с рабочим визитом Рауль Кастро, с которым согласовали детали, и, хотя Фидель еще успел настоять на своих поправках к этому соглашению, которые были приняты Хрущевым только 27 августа, уже 10 июля 1962 года к Кубе вышел первый советский транспорт с ракетами. Он прибыл туда 26 июля. Операция «Анадырь» началась. 9 сентября в кубинский порт Касильда были скрытно доставлены

первые 6 ракет Р-12. Всего на момент 24 октября для 51-й ракетной дивизии успели доставить 36 ракет Р-12, 36 головных частей с ядерными боезарядами для Р-12; 24 головные части с ядерными боезарядами для Р-14. Разведка США между тем не дремала – как ни позировали наши солдаты и офицеры под туристов, а ракеты маскировали под комбайны, «ракетный мост» на Кубу удалось обнаружить. Что это были за ракеты, сообщил ЦРУ предатель Олег Пеньковский. Еще в 1961 году он передал американцам совершенно секретный справочник с фотографиями основных советских ракет.

29 августа американский самолет-разведчик U-2 сфотографировал на Кубе пусковые установки зенитных ракет С-75 и позиции крылатых ракет береговой обороны. Вскоре янки узнали и о доставке туда наших новейших ракет «Луна». В сентябре на кубинских аэродромах обнаружили советские истребители МиГ-21 и бомбардировщики Ил-28.

27 сентября Конгресс США совместной резолюцией обеих палат № 230 дал право президенту страны использовать вооруженные силы против Кубы.

4 октября Конгресс США рекомендовал правительству США начать интервенцию на Кубу силами ОАГ.

14 октября во время первого же облета территории острова разведывательный самолет ВВС США U-2 сделал первые снимки советских позиций баллистических ракет Р-12. Анализ снимков показал, что с помощью этих ракет средней дальности вся территория США оказалась уязвимой для ядерного удара.

Военную сторону операции «Анадырь» в Москве хорошо продумали. Но не дипломатическую. Министерство иностранных дел СССР даже не было поставлено в известность о переброске ракет на Кубу, и А. А. Громыко вместе с послом Добрыниным продолжали громить Вашингтон с трибуны ООН за «ложь и провокации» вплоть до того момента, как им при всех продемонстрировали снимки наших ракет, сделанные пилотом U-2. Закрытие обычных дипломатических каналов не давало возможности для необходимых в таких случаях взаимных консультаций между дипведомствами СССР и США, что едва не привело к ракетно-ядерной войне глобального масштаба. В этих условиях обмен информацией между высшими политическими

и военными кругами СССР и США в разгар кризиса осуществлял со стороны СССР полковник ГРУ Григорий Большаков, а со стороны США – младший брат президента США министр юстиции Роберт Кеннеди и сам Джон Кеннеди. Их связным с Большаковым был журналист Хоулмен. На всякий случай братья Кеннеди, с учетом того, что между ГРУ и внешней разведкой КГБ (ПГУ) идет вечное соперничество за доступ к руководству страны, задействовали еще один канал – были налажены контакты с офицером внешней разведки КГБ Александром Феклисовым (оперативный псевдоним Фомин) через их доверенное лицо репортера ABC News Джона Скали («канал Скали-Фомин»). Вот как развивались события тех дней.

31 августа 1962. Вашингтон. Роберт Кеннеди лично доставил Большакова на встречу с Президентом США. Тот вручил ему свое неофициальное письмо Хрущеву.

Пицунда, СССР. Дача Хрущева. Большаков вылетел в Москву, а оттуда в середине сентября в Пицунду, где на правительственной даче его приняли Хрущев и Микоян, которым он доложил обстановку вокруг Кубы.

3 октября. Вашингтон. Большаков передал Роберту Кеннеди устное послание советского руководства. Он еще не понимает, что его держат за дурака в польском преферансе, пытаясь через него убедить Кеннеди, что никаких советских ракет с ядерными боеголовками на Кубе нет и не было.

4 октября. Камчатка. На боевом дежурстве на командном пункте в час ночи я получаю шифр-телеграмму с пометкой «Молния!» из Хабаровска на имя командира полка. Вызываю на КП полковника Перминова и подполковника Барабанова. С помощью шифр-блокнота читаю им приказ Центра: «Вскрыть пакет “Радуга”». Перминов открывает сейф и вскрывает красный пакет. В спокойное время в сейфе лежало три пакета. Теперь осталось два. В соответствии с инструкцией, вложенной в «Радугу», полк переходит на повышенную боевую готовность.

18 октября. Вашингтон. Белый дом. Джон Кеннеди принял Громыко и Добрынина.

19 октября. Куба. Генерал Плиев докладывает в Москву, что на острове находится 164 ядерные боеголовки и 43 тысячи советских военнослужащих.

22 октября. Москва. Арестован Олег Пеньковский.

22 октября. *Вашингтон*. Полковник Большаков получает от Хоулмэна предложение Роберта Кеннеди от имени президента США убрать американские ракеты с советских границ в обмен на эвакуацию ракет СССР с Кубы. Следуя установкам из Москвы, мой однофамилец сообщил, что СССР направляет на Кубу оружие только «оборонительного характера». Он не знал, что к тому времени американские самолеты-разведчики U-2 уже сделали все снимки советских ракет, установленных на Кубе.

24 октября. *Камчатка*. По телетайпу мы получаем сообщение о том, что над Кубой сбит американский самолет-разведчик U-2. Пилот погиб. США объявляют карантин острова, фактически – это блокада. Сообщения информационных агентств напоминают сводки с фронта. Резко возрастает число разведывательных полетов Стратегической авиации США у советских границ. В воздухе пахнет войной.

26 октября. *Вашингтон*. Уличив Большакова во лжи, братья Кеннеди с 22 октября прекратили с ним встречи. Конфиденциальный канал переговоров через Большакова и резидентуру ГРУ в Вашингтоне закрыт. Включается канал «Скали-Фомин».

Ресторан Occidental. Фомин передал Скали согласие Кремля на предложение Кеннеди, переданное через Большакова.

26 октября. *Петропавловск-Камчатский*. После дежурства мне с трудом удается вырваться из части. Настроение ужасное. Ночью вскрыли еще один пакет. Остался последний – серый, видимо, на случай войны. Кто-то в штабе в Хабаровске не без юмора озаглавил его «Бронтозавр». Объявлена готовность номер один. Технари с утра начали прогревать машины. Готовились к выезду в то самое ущелье, где нас можно было достать только прямым попаданием атомной бомбы. С утра, как был в форме и с пистолетом на боку, прямо с командного пункта еду на попутной в редакцию «Камчатской правды» со своей статьей о кубинском кризисе, которую урывками писал ночью. В последний момент уже в верстку мне удастся вставить абзац-предостережение, который трудно понять иначе, как предупреждение о возможной войне:

«Всем американским вооруженным силам объявлена повышенная боевая готовность: “Быть готовым к любой неожиданности” – таков при-

каз Вашингтона. Руки маньяков снова протянулись к кнопкам запуска. Тревожно...»

Иду по улицам Петропавловска и удивляюсь беззаботным, веселым даже лицам людей. Если б они знали, что происходит в действительности. Возвращаясь в часть на попутном грузовике, написал вот эти стихи под впечатлением надписи «Бронтозавр» на секретном пакете:

ОКАМЕНЕЛОСТИ

Не светлее на планете,
не теплей.
Снова бродят бронтозавры
по Земле.
Толстокожие, тупые –
здесь и там
тяжко топают ногами
по мечтам.
И зубастые вороны
без стыда
птеродактилями лезут
в города.
Расцвела окаменелость
без помех.
Задом пятится в пещеру
человек...

27 октября. Моя статья в «Камчатской правде» опубликована под псевдонимом В. Чирков.

20 ноября. Вашингтон. Джон Кеннеди снял блокаду Кубы.

5 декабря 1962 г. Филадельфия. В еженедельнике «Saturday Evening Post» появилась статья о том, что все время кризиса Москва дезинформировала президента Кеннеди через свое доверенное лицо – советского

журналиста Георгия Большакова. Этот старейший журнал США, выходящий в Филадельфии с 1728 года, закрылся в 1969 году, не выдержав конкуренции. Но с публикацией о Большакове вошел в историю.

Через несколько дней после этой статьи Григория отозвали в Москву. Какое-то время он еще работал в Агентстве печати «Новости», отстойнике для бывших сотрудников спецслужб, в своей официальной должности главного редактора журнала «Советский Союз» на английском языке. В 1977 году полковника Большакова уволили из ГРУ на пенсию. Жизнь его пошла под откос. Жена сошла с ума. Единственный сын умер. «Доверенное лицо Политбюро ЦК КПСС», бывший друг братьев Кеннеди, вхожий в вашингтонский бомонд, умер в нищете в Москве в 1989 году в 12-метровой комнатке в коммунальной квартире на Бережковской набережной.

О судьбе Григория Большакова в СССР, по понятным причинам, мало кто знал правду. Однажды, помню, поэт Николай Грибачев, главный редактор журнала «Советский Союз» на русском языке (1950–1954, 1956–1991), с которым мы дружили домами, как-то как бы случайно спросил меня – не родственник ли я Григорию Большакову. Я, понятно, ответил «нет» и не обратил на этот вопрос внимания. А он-то знал, кем был мой однофамилец, не мог не знать. Помимо всех свои журналистских и писательских должностей в качестве Секретаря правления СП СССР (1959–1991), он десять лет был Председателем Верховного Совета РСФСР (1980–1990) и кандидатом в члены ЦК КПСС (1961–1990). Понятно, что они не дружили, т. к. Григорий проходил не по его ведомству. Иначе, думаю, Николай Матвеевич не дал бы ему пропасть.

На гражданку

Прошел год с тех пор. Кубинский кризис и все, связанные с ним, переживания сказались на мне. Видимо, нервы не выдержали. У меня началась экзема. Никакие мази и даже камчатские грязи не помогали. Соблюдать

диету на офицерской кухне было невозможно. Экзема цвела алыми пятнами по всему телу.

18 июля 1962 года у нас родился сын Женя. Но на Камчатке, где в пору тайфунов вода пробивала насквозь стенки нашего Чикаго, он часто болел, и его пришлось увезти в Москву. В сентябре 1963-го истекло три года моей службы на Камчатке, и по тогдашним правилам я мог попросить о переводе в другую часть «на материке», либо подать заявление в нашу академию, либо остаться на второй срок. Военная карьера меня никак не увлекала, и поэтому из этих предложенных мне вариантов я выбрал наиболее близкую к Москве часть под Ленинградом. Я уезжал с Камчатки уже членом Союза журналистов СССР. Членский билет мне выдали в редакции «Камчатской правды» буквально за неделю до моего отъезда.

По пути к новому месту службы я заехал в Москву, утешил родных, что теперь мы куда ближе, – сел в ночной скорый в Питере и утром уже был в Москве. Это не с Камчатки лететь с пересадкой в Хабаровске. Но наши секретных дел мастера в ПВО страны вновь сыграли со мной злую шутку, как и в случае с Петропавловском-Камчатским. Не в Ленинграде располагалась моя новая часть, а в сырой болотной местности, аж под Ораниенбаумом, куда от Ленинграда добираться надо было больше часа на электричке, а там еще 10 километров на автобусе, но чаще – пешком.

Встретили меня в новой части хорошо. Юра Ройзен дал мне с собой письмо к майору Минорской, которая занимала на новом командном пункте ту же должность, что и он у нас Камчатке. Галина Минорская приняла у него эстафету и взяла надо мной шефство. Она была очаровательной женщиной из семьи потомственных питерских интеллигентов, и эту ее прелесть форма совсем не портила. Скорее, наоборот, придавала ей особый шарм. Она была старше меня, но я в нее по-мальчишески влюбился, хотя и вынужден был сдерживаться. Не только потому, что она была рангом много выше, но и потому что Минорская умела держать дистанцию, хотя и заметила, что я ею увлекся всерьез.

Трудно сказать, как бы все повернулось, если бы во время очередной осенней диспансеризации наш полковой врач не обратил внимания на мою экзему. Был он человеком, как говорят сейчас, безбашенным и

малосведущим в своем ремесле, потому что назначил мне для ее лечения жесткую фототерапию. По теории это возможно в небольших дозах, но он в результате кожу мне сжег и сам этого испугался, а потому направил меня на дальнейшее лечение в гарнизонный госпиталь в город Ломоносов. Таких, как он, коновалов, увы, тогда в войсках было немало. Не буду называть его фамилию. Парень он был не вредный, хотя и слыл циником и затаившимся диссидентом.

Говорят, нет худа без добра. Без этого полкового усаха я вряд ли бы попал на гражданку и в профессиональную журналистику. На медицинской комиссии в гарнизонном госпитале меня комиссовали. Через месяц пришел приказ о моем увольнении из армии по болезни. К счастью, этот «кубинский» недуг мне удалось через год после того, как меня комиссовали, вылечить травами с помощью даже не врачей, а одной народной умелицы из Подмоскovie.

Глава шестая МОЙ АДРЕС – УЛИЦА «ПРАВДЫ»

В журнале «За рубежом»

Все, казалось бы, возвращалось на круги своя. Москва, московские друзья и знакомые. Но жизнь на месте не стоит. В моей «родной» редакции радиовещания на США все места были заняты, и вернуться туда не удалось. На радио, однако, я встретил своего сокурсника Бориса Ярошевского, который учился в параллельной испанской группе нашего факультета. Со временем он стал известным экспертом по Латинской Америке, защитил диссертацию и издал несколько интересных книг об этом континенте. Но тогда после института – работал обозревателем в редакции еженедельника «За рубежом». Борис и предложил там мою кандидатуру на должность литсотрудника.

У этого журнала была своя предыстория. Как ежемесячник он стал выходить в 1930 году по инициативе и под редакцией Горького, который был его главным редактором с 1932 года вплоть до своей смерти. С 1932 года, после реорганизации, журнал стал ежеквартальным. С 1936 года главным его редактором был Михаил Кольцов (Моисей Фридлянд). В 1938 году выпуск журнала был прекращен, а самого Кольцова после долгих допросов и пыток в НКВД расстреляли в 1940 году по обвинению в троцкизме и шпионаже.

Эту карикатуру на В. В. Большакова знаменитые советские карикатуристы Кукрыниксы сделали для его книги «Крестоносцы на марше» (М.: Издательство «Правда», 1983), вышедшую в «Библиотеке Крокодила».

Для многих в кругах советской интеллигенции это было шоком. Если судить по показаниям тогдашнего шефа НКВД наркома Ежова, он арестовал Кольцова, приревновав его к своей жене, которую тоже обвинил в шпионаже в пользу Англии. Кольцов под пытками дал признательные показания и обвинил десятки ни в чем не повинных людей. Но Сталин в это поверил. Сразу же после ареста Кольцова журнал закрыли, и только с началом оттепели 18 июня 1960 года вышел первый номер нового еженедельника «За рубежом». Он был воссоздан как издание Союза журналистов СССР по инициативе зятя Хрущева, тогда главного редактора «Известий» Алексея Аджубея. Кольцова реабилитировали.

Карен Карагезян, которого я знал по ИнЯзу как ретивого комсомольского вожака, а затем – как столь же ретивого перестройщика из команды Михаила Горбачева, какое-то время работал в «За рубежом» и написал в 2001 году в некрологе по обозревателю нашего еженедельника Нине Ратиани: «Старшее поколение помнит, чем был “За рубежом” для советских людей того времени. При всех издержках идеологической зашоренности это был глоток свободы». Еженедельный «глоток свободы» был вполне доступен и стоил недорого. Читала его в основном интеллигенция, для которой это была возможность не в пересказе, а в оригинале узнать, что пишет западная печать, пусть даже в препарированном виде. Что касается «идеологической зашоренности», то для Карагезяна, который был у нас комсомольским вожаком и никому «отступлений от линии партии» не спускал, и ему подобных это означало отсутствие антисоветизма и пропаганды либерализма. Этого действительно руководство журнала не допускало.

Главным редактором «За рубежом» был Даниил Федорович Краминов, дуайен среди журналистов-международников. С 1939 года он работал корреспондентом ТАСС в Швеции, Литве, с 1943 года – в Англии, с 1944 года – при штабе союзнических войск американского генерала Д. Эйзенхауэра и высадился вместе с его войсками в форме полковника американской армии. К тому времени это, видимо, соответствовало его званию в ГРУ. Он был единственным корреспондентом, который освещал события на Втором фронте, находясь в действующей армии, двигавшейся от побережья Нормандии на Восток. Затем Д. Ф. Краминов заведовал отделением ТАСС в Берлине, освещал ход Нюрнбергского процесса над нацистскими военными преступниками. После войны он работал в Гостелерадио, был членом редколлегии, редактором отдела американских стран газеты «Правда» (1952–1959). При всей своей внешней суровости он был великим жизнелюбом, что в «Правде» никогда не приветствовалось. В конечном итоге с приходом М. В. Зимянина на пост главного «Правды» Даниле, как мы его звали между собой, пришлось уйти. 25 лет с 1960 по 1985 год он возглавлял «За рубежом», который, по сути дела, создал на пустом месте, отвоевав себе «галерку» – седьмой и восьмой этаж в здании «Правды». Встретили меня в его еженедельнике неласково. Надо было

пройти сквозь строй всей редколлегии. Заместитель Краминова Владимир Парамонов, этакий жуир с цыганскими корнями, начал ознакомительную беседу со мной с подборки в «Камчатском комсомольце». «Вот, – сказал он, – изучаю “ваше препюхание”». Я уже подумал, что меня отфутбоят, но в этот момент вошел зав. отделом кадров, отставной полковник ГРУ Столяров с моим личным делом и сказал Парамонову: «Большаков – наш парень. Из “Консерватории”».

«Цыган» к такому повороту был, видимо, не готов и невзлюбил меня с самого первого дня...

По-своему и еженедельник Краминова служил отстойником для моих бывших коллег, что было неудивительно по тем временам – к заграничной работе и к работе с иностранцами допускали только людей «проверенных». Ну, а самыми проверенными были «бойцы невидимого фронта». Их было в редакции, однако, не так уж и много. Тон в редакции задавали такие корифеи либерального толка, как вышеупомянутая Нина Ратиани, жена редактора американского отдела «Правды» Георгия Ратиани, который до этого своего назначения был долгое время собкором во Франции и стал «американистом» по воле случая. Она обеспечивала европейское направление. Меня определили в американский отдел, которым заведовал Михаил Федоров, бывший корреспондент ТАСС в США. Соединенные Штаты в отделе курировала очаровательная блондинка Светлана Сергеева, дитя оттепели, вечная диссидентка и ярый ненавистник «консерваторов». В основном в журнале работали «направленцы», такие, как мой сокурсник латиноамериканист Боря Ярошевский, специалисты по странам и регионам, которых в реальный «за рубеж» в командировки не посылали, и они изучали его по сообщениям ТАСС и иностранным журналам. В «За рубежом» этой литературы было предостаточно. Оттуда мы и брали темы для своих выступлений. Если этого не хватало, то можно было взять библиотечный день и поработать в «Разинке» – Библиотеке иностранной литературы, куда мы тоже имели спецдоступ.

В «За рубежом» существовала своеобразная иерархия. Материалы на полосу и больше были привилегией главного редактора, его замов и членов редколлегии. Полосные материалы могли публиковать и обозреватели.

Пределом для литсотрудников были мелкие жанры, один из которых – фельетоны под рубрикой «На острие пера» – я быстро освоил и публиковал их весьма регулярно. Позволяли нам публиковать также колонки к подборкам из различных газет и журналов на какую-то общую тему. Как-то я подготовил такую подборку на полосу об американских силах быстрого реагирования и их действиях во Вьетнаме. Для этого пришлось основательно порыться в «Разинке» в военных журналах. Краминову, который был на похвалы весьма скуп, эта работа понравилась, и кадровик Столяров намекнул мне: «Главный имеет на тебя виды». Это означало, что меня могли повысить до обозревателя. Может быть, оно так бы и случилось, если бы я не познакомился с Николаем Курдюмовым, бывшим корреспондентом «Правды» в США. В 1964 году он вернулся из очередной командировки в США и работал обозревателем в американском отделе «Правды» у Георгия Ратиани. Как-то за кофе в нашем буфете на 5-м этаже он похвалил мои фельетоны в «За рубежом» и предложил: «Напиши нам чего-нибудь».

Я долго ждать не стал. Так, в «Правде» в четверг 13 августа 1964 года появилась моя первая публикация – фельетон «Все, как у Джонсов», посвященный предвыборной президентской гонке в Соединенных Штатах. Это – один из лучших моих фельетонов, который я потом включил в своей первый сборник в «Библиотеке Крокодила». Но если в «Правде» он прошел на ура, то у нашего Данилы Краминова вызвал зубовой скрежет с одновременным разлитием желчи. Он был просто взбешен – как посмел? Уже в пятницу утром он собрал редколлегию, где мой ненавистник Парамонов заявил, что я – ни больше, ни меньше – опозорил журнал «За рубежом». Кто-то еще вякнул, что я «скрыл фельетон от редакции» и таким образом «уронил честь сотрудника журнала». Крови моей никто не жаждал, но хотели, чтобы я покаялся и впредь не высывался. А я не покаялся. Сказал, что почитаю за честь опубликоваться в «Правде» и не считаю для себя позором печататься в Центральном органе ЦК КПСС, отчего Парамоша на глазах у всех пошел красными пятнами. А фельетонов моих в папке «На острие пера!» в журнале лежит пять штук, и, если нужно, я могу туда добавить еще столько же. Но тут уже сам Краминов понял, что дискуссия пошла не в ту сторону, и сказал, что вряд ли теперь у меня в ближайшее

время появится возможность публиковаться в его журнале. Это было недвусмысленное предупреждение об увольнении по несоответствию.

К тому времени у меня уже было много знакомых в разных журналах издательства «Правда» и в старом здании на улице Правды, 24, где располагались редакции самой «Правды», а также газет «Комсомольская правда», и цеховских «Советская Россия» и «Сельская жизнь», и в более современном журнальном комплексе у Савеловского вокзала, где размещались журналы «Огонек», «Крокодил», «Смена», «Работница», «Крестьянка» и множество других ежемесячников и еженедельников. В некоторых из них я время от времени печатался под псевдонимом все те годы, что провел на улице Правды. В конце сентября заведующий международным отделом журнала «Смена» Саша Ефремов предложил мне в этом издании должность обозревателя. Краминов к тому времени запрет на мои публикации снял, и я изредка появлялся на страницах «За рубежом» со своими маленькими заметками. Но я чувствовал, что та памятная мне редколлегия не пройдет для меня даром. Все знали: еще одно «непослушание» – и я вылечу пробкой из редакции. Я этого момента дожидаться не стал и согласился на предложение Саши. По неопытности своей я не мог понять, что Краминов меня испытывает на прочность. Только после того, как я подал заявление об уходе, он через кадровика Столярова дал мне знать, что не против того, чтобы я остался в журнале, и даже готов мне повысить зарплату. Но было уже поздно. Я закусил удила – характер у меня всегда был строптивым – и заявление обратно не взял...

Уже много лет спустя мы с Даниилом Федоровичем подружились. Я публиковал в журнале «За рубежом» очерки из Австралии, против чего в «Правде» никто не возражал. В 1986 году Краминова на посту главного редактора сменил зав. американским отделом журнала, мой бывший непосредственный шеф Михаил Федоров. С ним у меня сохранились отличные отношения, и я писал для него статьи в Москве, а затем и из Франции. И надо же было так случиться, что именно Краминов в 1990 году на заседании редколлегии «Правды» вручил мне от имени Правления Союза журналистов СССР премию имени В. Воровского за мои очерки и репортажи из Франции и книгу «Русские березы под Парижем». Оставалось

только сожалеть, что в годы моей журналистской молодости мы не сумели с ним найти общий язык. В любом случае его журнал стал для меня отличной школой. Краминов умер в 1994 году. «За рубежом» прекратил свое существование в 2000 году. Его возродила «Евразийская Медиа Группа» в 2006 году, но это было уже совсем другое издание с основным упором на познавательную развлекаловку для среднего класса.

«Смена» как пересменка

В «Смене» я приступил к работе 11 марта 1965 года и проработал там ровно год и десять дней. Журнал был основан комсомолом еще в 1924 году и выходил два раза в неделю. К моменту моего прихода туда его тираж достиг миллиона экземпляров, на него охотно подписывались, да и в киосках он расходилсЯ мгновенно. В период оттепели именно в «Смене» публиковали свои стихи Евтушенко, Вознесенский, Рождественский и Белла Ахмадулина, а свои рассказы и повести – Юрий Нагибин и Владимир Солоухин. И все же особой левизной журнал не отличался, держась где-то чуть левее центра. Эту ориентацию он сохранил вплоть до самой перестройки, которую встретил с тиражом в три миллиона экземпляров, после чего звезда его, как и многих других молодежных журналов, закатилась.

В 1965 году главным редактором «Смены» был Владилен Самохин, из тех «бояр» от журналистики, которых некая невидимая рука пересаживала из кресла в кресло с неминуемым повышением. До «Смены» он успел поработать собственным корреспондентом «Известий» в Мексике, а после этого журнала стал зампредом агентства АПН-РИА «Новости». Был он человеком трусливым, больше всего боялся, как бы чего не вышло, и после отставки Никиты Хрущева резко сменил курс с либерализма оттепели на консерватизм. Мой переход в «Смену» в 1965 году как раз совпал с началом публикации в этом журнале из номера в номер романа Вадима Кожевникова «Щит и меч». Это классика чекистской литературы о героях-разведчиках в фашистском тылу, и главного героя этого романа разведчика Белова можно с полным основанием считать отцом Штирлица

работы Юлиана Семенова, который тоже, кстати, печатался со своими чекистскими романами в «Смене».

По сравнению с журналом «За рубежом» «Смена» показалась мне провинциальной – коллектив был небольшой, все друг про друга все знали. При Самохине образовалась своя «группа поддержки», которая ему стучала на всех остальных сотрудников и сотрудниц. Это – беда небольших редакций, где необходимо «влиться в коллектив», научиться жить и пить со всеми вместе, но при этом не высовываться и не качать права. Нередко в таких мини-коллективах есть свой юродивый – и дай Бог один – «непризнанный гений», который может вполне нормально и даже хорошо функционировать вплоть до того момента, как примет на душу и начнет по пьяни выяснять, кто его уважает, а кто нет. Увы, в «Смене» пришлось встретиться и с этим. Я с детства терпеть не мог алкашей и плохо это скрывал. По мне алкоголизм – это не болезнь, а, прежде всего, распущенность. Ведь у нас в полку на Камчатке, где трезвенников, прямо скажем, не было, никто не позволял себе выпить на боевом дежурстве или явиться пьяным по боевой тревоге. За это могли послать и дальше Камчатки. В дальнейшем, когда я сам уже стал главным редактором, пьяницы у меня долго не задерживались. Но тогда, в «Смене», пришлось жить по принципу «Делай в Риме, как римляне» и не выступать. Коллектив это оценил, и меня приняли за своего. На плохое к себе отношение в этом журнале пожаловаться никак не могу. Я не проработал там и полгода, как мне предложили маленькую двухкомнатную квартиру 22,5 кв. м. в одной из московских «хрущоб» – в панельной пятиэтажке без лифта на улице Дыбенко, неподалеку от метро «Речной вокзал». Для моей семьи это был действительно Божий подарок. Мы жили тогда в общей квартире на первом этаже деревянного двухэтажного барака времен первых сталинских пятилеток без горячей воды, без душа и телефона. А тут вдруг такой подарок судьбы. Дело же было в том, что на «Смену» тогда как раз выделили две такие мини-квартиры от издательства «Правда», но претендент на нее в редакции был всего один – моя будущая соседка Ира Бушина из отдела литературы. Вторую решили дать мне, чтобы ее из

редакции не забрали. Вскоре у меня появился и домашний телефон. Это было действительно счастье. Впервые за мою жизнь у меня была квартира со всеми удобствами, но главное – с ванной, душем и собственным туалетом. Панельно-блочное домостроительство тех лет позволило сотням тысяч людей переселить из ветхого, унижающего человека жилья в современные дома. И это было одним из величайших достижений советской власти в России.

Второй «подарок» в «Смене» для меня был более чем неожиданным. В конце февраля 1956 года ко мне подошел парторг журнала Анатолий Стуков (1927–2009). Он к тому времени был уже 15 лет главным художником и местным дуаиеном, одним из близких друзей Самохина. В журнале он был безусловным авторитетом, и, по сути, именно он и создал его весьма смелый по меркам СССР дизайн. Мой вышеупомянутый коллега по «Правде» Сергей Абрамов сказал про него как-то: «Умный, легкий, веселый и “весело-злой” человек». Верная характеристика. «Тебе пора вступать в партию, – сказал мне Анатолий тоном, не терпящим возражений. – Нам в райкоме дали одно место, и ты вполне подходящий кандидат». Я не знал тогда, что в КПСС существовала разнарядка на вакансии в партии. В первую очередь принимали госслужащих, затем рабочих и колхозников и уже в последнюю очередь учителей, врачей, научных работников и творческую интеллигенцию. Последних тормозили особенно усердно. Но в тот год по этой разнарядке анкету «для кандидата в кандидаты в члены партии» впервые за несколько лет выдали «Смене», и отказаться от этого подарка было никак нельзя – следующего пришлось бы ждать годами. Я никак не был готов к перемене своего уже беспартийного статуса (в 29 лет я из комсомола выбывал автоматически) и ответил ему: «Спасибо, конечно. Но это так неожиданно, я подумаю». «И нечего думать, – наседали на меня “весело-злой” человек. – Я тебе рекомендацию уже написал. Еще одну возьми у комсомольцев. И вперед, Володя, вперед. Нам такие парни в партии нужны!» Так меня и приняли в кандидаты в члены. В члены я уже перешел в «Комсомолке».

Я вовсе не хочу сказать, что с партией у меня все получилось по схеме «без меня меня женили». Если бы уж я очень захотел остаться беспартий-

ным, то никто бы меня насильно в нее не затащил. Ни отца, ни деда уже не было в живых. Трудно сказать, что бы они мне посоветовали. А мать была, конечно, на 100 процентов «за», для нее партия и впрямь была «ум, честь и совесть», хотя после XX съезда фанатизм и у нее явно пошел на убыль. Я об этом решении никогда не пожалел и остался на всю жизнь благодарен судьбе, Толе Струкову и ребятам из «Смены» за этот шанс. Жалею только об одном, что, когда КПСС разогнали, мой партийный билет, который я сдал в правдинский партком перед отъездом на работу во Францию, мне так и не вернули. Сказали – что пропал, когда в августе 1991-го ельцинские боевики пришли громить «Правду»...

В «Смене» мне пришлось осваивать новый формат в журналистике. Если в «За рубежом» приходилось работать в жанре фельетона или международных заметок, то в «Смене» мне предложили работать не только над малыми формами и интервью, но и над многополосными очерками на международные темы. Это было столь же трудно, сколь интересно. Один из моих лучших очерков той поры – «Карьера Ларри Шмидта» – рассказывал об истории профашистской партии «Консерватизм – США» (КЮСА), основанной американским поклонником Гитлера Л. Шмидтом и его сообщниками. Впервые о нем написал очень популярный тогда в США журнал «Лук» («Look»). Но, чтобы написать о неофашизме в США глубже и подробнее, мне пришлось перерыть массу литературы. В «Разинке» я нашел книги американских коммунистов о периоде маккартизма и тоже использовал это в очерке. До того у меня было, прямо скажем, довольно-таки розовое представление об Америке. Хотя, как военный человек, я понимал вполне отчетливо, что это враг России номер один, я не представлял, насколько глубоко в американскую почву пустил корни фашизм. Фашизм американского образца, сытый фашизм, как я его назвал в том очерке, – это явление особенное. Ультраправые в США, или просто «ультра», как их называют, всплыли на поверхность американской политической жизни на волне маккартизма в 50-е годы прошлого века, когда сенатская Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности во главе с «бесноватым» сенатором Дж. Маккарти организовала по всей стране «охоту на ведьм» – на американцев левых взглядов, заподозренных

в «симпатиях к коммунизму». Это был американский вариант сталинских кампаний по разоблачению «врагов народа». Под лозунгом «Коммунизм ищет вашей гибели» маккартисты запугивали американского обывателя «красной угрозой», мобилизуя, таким образом, поддержку гонки вооружений и травлю инакомыслящих.

«Благополучного обывателя легко запугать, – писал я в том очерке. – В нем легко разбудить зверя. Если он уверует, что его статусу угрожают негры, он пойдет линчевать негров... Если его убедят, что его благополучие хотят отнять либералы или коммунисты (что, впрочем, для рядового ультра одно и то же), он пойдет громить коммунистов и либералов. Все это происходит не только потому, что накопленные доллары покрывают зеленой плесенью душу обывателя. Благополучный обыватель, независимо от того, молод он или стар, мучимый вечным страхом потерять свое благополучие, легко поддается пропаганде ультра еще и потому, что он невежествен. Он никогда не брал в руки книг Уолта Уитмена, Эптона Синклера, Джека Лондона, Иды Тарбелл, Линкольна Стеффенса, Синклера Льюиса, Карла Сэндберга, Уильяма Фолкнера, Эрнста Хемингуэя, Теодора Драйзера. Он никогда не понимал, даже если и слушал (статус обязывает его иногда посещать симфонические концерты и театры), ни Баха, ни Чайковского, ни Айвза, ни Бернштейна. И своих прекрасных джазовых музыкантов – Фелониуса Монка, Каунта Бейси, Джона Паркера, Дюка Эллингтона и Гершвина – он тоже никогда не понимал. Ибо в погоне за долларом он не учился воспринимать гуманизм, отвык от человечности. И не случайно движение ультра – это, прежде всего, движение воинствующих мещан, на чисто лишенных какой бы то ни было интеллигентности».

Партия Ларри Шмидта самораспустилась после того, как ее «фюрер» засветился в 1963 году в Далласе во время убийства президента Кеннеди. Именно кюсовцы организовали тогда по пути президентского кортежа пикеты с плакатами «Кеннеди – агент Москвы!». Но дело КЮСА живет и по сей день. Работая тогда над этим моим первым «очерком с идеологического фронта», я впервые отчетливо представил себе ту линию этого невидимого фронта, которая разделяла два мира – мир капитализма и мир социализма – в их непримиримом противостоянии.

Очерк «Карьера Ларри Шмидта» был опубликован в № 12 журнала «Смена» за 1966 год уже после того, как я перешел на работу в «Комсомольскую правду». Он вошел и в мою первую книгу «В поисках сверхоружия. Очерки с идеологического фронта», вышедшую в издательстве «Молодая гвардия» в 1971 году.

«Комсомолка». Кто там шагает вправо?

В «Комсомольскую правду» из «Смены» я перешел переводом 17 марта 1966 года. Газета эта выходила с 1925 года и была в СССР самой популярной – к концу его существования тираж у нее достиг 22 млн экземпляров. Все первые ее главные редакторы были репрессированы, а в 1937 году даже слушалось «дело об антисоветской террористической группе в редакции “Комсомольской правды”».

1965 г. «Землянка» в редакции «Комсомольской правды». Маршал Конев приветствует военного атташе ГДР в Москве. В. Большаков в центре у колонны.

Среди ее главных редакторов были не просто известные – знаковые личности. С 1957 по 1959 год «Комсомолку» возглавлял зять Хрущева Алексей Аджубей, который стал своего рода идеологом «оттепели». 17 августа 1963 года, уже будучи главным редактором «Известий», он напечатал запрещенную на том этапе поэму А. Твардовского «Василий Теркин на том свете». А запрещали ее еще и потому, что в описанной в ней «Гробгазете» легко угадывалась «Правда».

Символом «оттепели» был и прекрасный советский поэт-блокадник Юрий Петрович Воронов (1929–1993), который в 1959–1965 годах работал главным редактором «Комсомольской правды». С этой должности его уволили вскоре после того, как в июне 1965 года в газете была напечатана статья А. Я. Сахнина «В рейсе и после» – о директоре китобойной флотилии «Слава» Алексее Солянике (1912–1984). В истории советской журналистики это была своего рода веха – впервые многомиллионным тиражом были преданы гласности факты о коррупции в партийных верхах. Соляник, ветеран промысла и Герой Соцтруда, был одним из советских «неприкасаемых» благодаря своим связям наверху, куда он регулярно поставлял подарки после зарубежных походов своей флотилии. Сахнин описал в своем очерке, как китобой у Соляника падали в обморок, работая без вентиляции по 12 часов в китовой муке и газах при 70–80 градусах, доходя до инвалидности, а то и умирали. А сам шеф флотилии сделал для себя и своих близких на палубе персональный бассейн, куда «работяг» не допускали. Дело дошло до «лично Леонида Ильича», а он Соляника знал еще по работе на Украине. Тут еще зарубежные газеты начали перепечатывать статью Сахнина под рубрикой «Рабский труд в СССР». Воронова решили было наказать по всей строгости. Организовали письмо китобоев, из которого следовало, что «Комсомолка» и ее автор «клеветают». Но тут за них вступился бывший комсомольский вожак и бывший председатель КГБ, а к тому времени – шеф Комитета партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совете Министров СССР, заместитель председателя Совета Министров СССР А. Н. Шелепин. Судьба «Комсомолки» и ее главного редактора стала для Шелепина, который метил на место Брежнева, козырной картой. В результате было принято соломоново решение – Соляника задви-

нули куда-то, а Воронова вроде бы как с повышением перевели в «Правду» на должность ответственного секретаря. На карьеру Сахнина весь этот скандал не повлиял никак. Он стал одним из теневых авторов воспоминаний Л. И. Брежнева «Малая земля» и активно печатал свои статьи и книги вплоть до своей смерти в 1999 году. С Вороновым все было куда сложнее. В 1968 году нашего «бунтаря» задвинули еще дальше – он был назначен заведующим корпунктом «Правды» в ГДР и Западном Берлине, где и пробыл до 1984 года. Из германской «ссылки» его вернул Михаил Горбачев, который, как говорили, помнил Воронова еще по комсомольским годам. С «перестройщиками» он быстро нашел общий язык. В 1986–1988 годах Ю. П. Воронов заведовал отделом культуры ЦК КПСС. С декабря 1988 по март 1990 года он был главным редактором «Литературной газеты» и до своей смерти оставался народным депутатом России. Он умер 2 февраля 1993 года. На его похороны пришла вся московская интеллигенция. При всей своей либеральности он не был ни правым, ни левым, ни сталинистом, ни горбачевцем. Воронов был истинным советским патриотом, в высшей степени интеллигентным человеком и уже поэтому – высоко порядочным, прекрасным русским поэтом и талантливым журналистом. Я его хорошо знал по «Правде» и остаюсь поклонником его таланта. Его пронзительные стихи о ленинградцах-блокадниках до сих пор обжигают наши сердца.

После Воронова газету возглавил Борис Панкин, и именно при нем я в ней работал пять лет до перехода в «Правду». А после Панкина с 1973 по 1978 год главным был мой друг Лев Корнешов, который с этого поста ушел первым замом главного в «Известия». С 1978 по 1980 год «Комсомолка» занимала четко выраженную патриотическую позицию, потому что в те годы ее главным был Валерий Ганичев, возглавлявший до этого издательство «Молодая гвардия». В патриотической среде он был признанным лидером Русской партии, и его «ушли» из «Комсомолки» именно поэтому. С 1981 года он работал главным редактором «Роман-газеты», а после развала СССР стал председателем Союза писателей России.

Почти семь лет, с 1981 по 1988 год, главным редактором «Комсомолки» был Геннадий Селезнев, до этого главный редактор ленинградской

«Смены». После «Комсомолки», поработав три года главным в «Учительской газете», он перешел в «Правду» в феврале 1991 года первым заместителем главного редактора, а после августовских событий 1991 года коллектив правдивов избрал его нашим главным редактором. Геннадий сыграл важную роль в моей судьбе, всегда меня поддерживал и как главный редактор, а затем и как спикер Государственной думы. Светлая ему память. Он умер в 2015 году.

«Комсомольская правда» стала кузницей кадров для многих «взрослых» центральных газет и журналов СССР, а затем и постсоветской России. Из нее вышли не только Геннадий Селезнев, Валерий Ганичев и главный редактор «Советской России» Валентин Чикин. Были люди и совсем других убеждений, гораздо более близкие к Борису Панкину. Редактор рабочего отдела «КП» Анатолий Петрович Юрков родился в 1935 году в Рязанской области в деревне с оригинальным названием Никольский Бычок. За упрямство и мощную пробивную силу его у нас в редакции так и звали за глаза. В 1988–1989 годах он был первым зам. главного редактора газеты «Труд», затем с первого номера – главным редактором газеты ЦК КПСС «Рабочая трибуна» (1989–1995). Юрков был одним из идеологов «красных капиталистов», бывших партократов, вывернувших свои красные пиджаки наизнанку и занявших места в правительстве Черномырдина и в провинциях, где просто поменяли вывески на зданиях обкомов и райкомов КПСС, превратив их в областные и районные администрации. Поэтому он легко вписался в постсоветскую жизнь и в 1995 году был назначен главным редактором правительственной «Российской газеты» (1995–2001). Сменил его на этом посту в 2001 году еще один выходец из «Комсомолки», В. А. Фронин, бывший главный редактор «КП» с 1988 по 1994 год. А в 2007 году замом у него стал Н. М. Долгополов, с которым мы вместе работали во Франции, где Николай был корреспондентом «Комсомолки».

Георгий Владимирович Пряхин прошел в «Комсомольской правде» с 1973 по 1984 год путь от собственного корреспондента до заместителя главного редактора газеты. Он сделал неплохую карьеру в СССР и был одно время заместителем председателя Гостелерадио. С началом пере-

стройки его перевели в ЦК КПСС, где с 1988 года он был заместителем заведующего Отделом ЦК КПСС, а затем работал в аппарате Президента СССР. Он и был теневым автором мемуаров Раисы Горбачевой, опубликованных в сентябре 1991 года, вскоре после ее возвращения из Фороса вместе с мужем. Развал СССР и крах Горбачева не застали его врасплох. В 1991 году он создал свое газетно-журнальное объединение «Воскресенье», где был генеральным директором и где была издана моя книжка стихов «Заветные тетради» в 1998 году с его предисловием. С 2009 года он генеральный директор когда-то ведущего советского издательства «Художественная литература».

В наше время от комсомольского прошлого у «Комсомолки», которую в конце 90-х годов возглавил ее ветеран, работавший еще корреспондентом на БАМе, Владимир Сунгоркин, остались только ордена рядом с традиционным заголовком. Сунгоркин, которого хорошо знают и принимают в Кремле, утверждает, что «СМИ – это прежде всего бизнес». С 2002 года он совмещает две должности: генеральный директор и главный редактор ЗАО ИД «Комсомольская правда». Издательский дом «Комсомольская правда» – предприятие на сто процентов частное, которое входит в группу ЕСН, принадлежащую другу Романа Абрамовича, одному из самых загадочных российских олигархов Григорию Березкину. Он сделал себе состояние на нефти и даже вошел в правление ОАО РЖД, которое возглавлял тогда сосед Путина по кооперативу «Озеро» В. Якунин.

Современная «Комсомолка» достигла тиража 35 миллионов экземпляров, из которых 1 миллион печатается за границей. У нее есть своя радиостанция, свой телеканал. Как и в прежние времена, там есть отличные журналисты. Но, увы, многие из них, исключая, конечно, военных спецкоров, работают в странном жанре, который я называю «бульварным патриотизмом».

Я пришел в «Комсомолку» в трудное для нее время. Она все еще перестраивалась с «оттепели» Хрущева на «застой» Л. И. Брежнева при всей условности этих двух понятий. Борис Дмитриевич Панкин, занявший после Воронова кабинет главного редактора «Комсомольской правды», был

совсем другим человеком. Он не был ни правым, ни левым, ни либералом, ни консерватором и как некая субстанция в проруби тихо дрейфовал от одного берега к другому, в зависимости от того, куда дул ветер, а с ним вместе дрейфовала и вся редакция.

В историю он вошел как единственный советский посол (Панкин тогда работал Чрезвычайным и Полномочным в Праге), открыто выступивший против ГКЧП в августе 1991 года. Замечательный советский дипломат Ю. А. Квицинский описывает эту историю так:

«В самом конце так называемого путча в Москву был доставлен сопосол в Чехословакии Панкин, которого спешно объявили новым министром иностранных дел в благодарность за выступления в Праге в поддержку Ельцина. Человек крайне амбициозный, да к тому же, по слухам, и на руку не совсем чистый...» На посту главы МИД доживавшего свой век СССР Панкин не продержался и трех месяцев, хотя и успел направить обозревателя «Известий» А. Бовина послом в Израиль, и уже в ноябре 1991-го его назначили послом в Англию. Там он тоже поработал недолго – с сентября 1993 года подался в пенсионеры и в Россию не вернулся, оставшись в Швеции, где он работал послом до Праги. Сам он этаким поворот объясняет так: «Получилось так, что в Лондоне была создана ситуация, в которой было невозможно работать. Не только сотрудники бывшего КГБ, но и МИД приложили к этому руку (речь, видимо, шла о характеристике Панкина, данной Квицинским. – В. Б.). Возвращаться к этим людям в Россию мне было неприятно» («Известия». 15августа 1995 г. С. 3). Тем не менее окончательно с Россией Панкин не порвал и даже был в Швеции обозревателем официозной «Российской газеты». В своих интервью – а он их после отставки давал и радиостанции ЦРУ «Свобода», и той же «Комсомолке» в ее современном формате – он сохранял все ту же свою позицию равнораспределения по проруби, которой придерживался и будучи нашим главным редактором. То он говорит, что в России «нынешняя власть представляет собой симбиоз чекистов и олигархов. Плюс обслуживающие их довольно широкие слои творческой и научной интеллигенции» (см. Интервью с Б. Д. Панкиным. Р/с «Свобода», 2 июня 2003 г. 15:00). То восхищается Путиным: «Путину удалось кое-что объяснить Обаме. Мир признал, что

есть вторая великая держава – это Россия» (см. Интервью с Панкиным в «Комсомольской правде» 20 февраля 2016 г.).

Во всех своих постсоветских публикациях Панкин выступает либералом и диссидентом по убеждению и происхождению. Что касается происхождения, то ни в одной его официальной биографии национальность не указана. Но, как говорится в известном анекдоте, бьют не по паспорту. Родился он в 1931 году в Киргизии в г. Фрунзе, ныне – Бишкеке. На киргиза никак не похож. Но и на славянина тоже. Скорее – из «избранного народа», хотя всегда это скрывал. Но даже это не столь и важно. Меня поражает другое – насколько вообще все эти рассуждения бывших номенклатурщиков задним числом о некоем их «внутреннем диссидентстве» очень похожи. В Чехословакии, например, бывший главный редактор Пражского радио Камил Винтер говорил: «Я состоял в компартии, но по своим убеждениям коммунистом никогда не был». Вот и в России также публично саморазоблачались и Горбачев, и Ельцин, «архитектор перестройки» А. Н. Яковлев и бывший политобозреватель и чекист Ф. Бурлацкий. Не удивительно, что и Панкин оказался в их числе, хотя его за своего не принимали ни у Горбачева, ни у Ельцина, ни у Путина.

Вопреки бытующему среди российских либералов мнению, Панкин не был «внутренним диссидентом». Как он сам говорил: «Я не бежал впереди паровоза. Мне иногда даже казалось, что я отстаю». Он был достаточно хорошо «упакован» в советской номенклатуре, не раз награжден орденами и медалями, получил членство в Комитете по присуждению Ленинских и Государственных премий, да и сам сподобился стать лауреатом за заслуги в области литературы, хотя особых заслуг у него по этой части не было. После «Комсомольской правды» он возглавлял ВААП – Всесоюзное агентство по охране авторских прав, главной задачей которого было тотальное ограбление советских авторов, особенно тех, чьи книги переводили за рубежом. Мне, например, за переводы моей книги о «новых левых» «Бунт в тупике» в Японии и Турции заплатили даже не в валютных сертификатах, а в рублях – 120 деревянных.

Борис Дмитриевич со временем хорошо освоил цековские «кормушку» и «вертушку» и все те привилегии, которые были с этим связаны. «На

выход» он любил показать себя демократом, но в быту таким вовсе не был. Номенклатурность так или иначе сказывается и на поведении. Помню, как-то он меня вызвал к себе в кабинет во время моего дежурства, и я примчался к нему из типографии в довольно растерзанном виде – непричесанным и в рубашке навыпуск. Да еще и вошел без стука, и, когда спросил: «Вызывали?», он вытаращил на меня свои выпуклые глазища и заорал: «Ты, ты... как стоишь!?» У нас в армии даже самый упертый строевик начштаба Соколов такого себе не позволял. Не был «Биде», как мы его между собой называли по инициалам, демократом, не был.

Панкин охотно писал о тех людях творчества, которые были официально признаны и обласканы советской властью. Но задним числом попытался даже Константина Симонова изобразить в своей книге неким внутренним диссидентом (см. Б. Панкин. Четыре «Я» Константина Симонова. М.: Воскресенье, 1999). Это, по меньшей мере, натяжка. Да, будучи главным редактором «Нового мира», Симонов опубликовал роман «Мастер и Маргарита» Булгакова, вернул читателю книги Ильфа и Петрова и познакомил нас с пьесами Артура Миллера. Но Симонов никогда не осуждал Сталина и его время. И остался верен тем стихам, которые написал сразу после его смерти:

Нет слов таких, чтоб ими описать
Всю нетерпимость горя и печали.
Нет слов таких, чтоб ими рассказать,
Как мы скорбим по Вас, товарищ Сталин...

За эту его любовь к Сталину Никита Хрущев снял Симонова с поста главного редактора «Литературной газеты». А Симонов, несмотря на все превратности своей карьеры, до конца своих дней оставался заслуженно любимым русским народным поэтом (одно только стихотворение «Жди меня, и я вернусь...» чего стоит) и патриотом. Просто у него, потомка русских дворян и профессиональных военных, было другое, свойственное только великим русским людям, поистине широкое понятие о величии и предназначении России. Думаю, что Панкин этого так и не понял.

Славу либерала Панкин получил после публикации в 1967 году в «Комсомолке» статьи политического обозревателя «Правды» Федора Бурлацкого и члена ее редколлегии Лена Карпинского против театральной цензуры, а, по сути, против цензуры вообще. Но к этому лично он не имел никакого отношения. Статью эту написал в основном Карпинский, в то время редактор «Правды» по отделу литературы и искусства. Он был действительно человеком либеральных взглядов. Сын ветерана революции Вячеслава Карпинского, который удачно пережил все сталинские репрессии, в отличие от своего брата, которого расстреляли в 1937 году как врага народа, Лен (имя ему дали в честь В. И. Ленина) был диссидентом по убеждению, хотя, понятно, в «Правде» это скрывал до поры до времени. Уже после того, как его вместе с Бурлацким по личному распоряжению Л. И. Брежнева изгнали из «Правды» за ту статью в «Комсомолке», он свои взгляды перестал скрывать, открыто выступил против ввода советских войск в Чехословакию в 1968 году и, в конечном итоге, был исключен из партии. Бурлацкий же был не столько диссидентом, сколько сознательным прислужником власти, мучимым, однако, смешанным комплексом вины и неполноценности. Такие, как он, если не доглядят, вполне могут укунить ту руку, которая их кормит. Одно время он подвизался в секретариате Председателя КГБ Ю. В. Андропова, а затем воспользовался его авторитетом, чтобы устроиться политическим обозревателем в «Правду» (Андропов это ему долго не мог простить). И от статьи по театральной цензуре в «Комсомолке» он всячески открещивался, свалив все на Лена Карпинского, который с ним якобы не посоветовался и принес Панкину статью за его и своей подписями по собственной инициативе. Не помогло. Решением Политбюро ЦК КПСС он и Карпинский были сняты с работы, на десять лет отлучены от печати и на семь лет лишены поездок за рубеж. Что же касается Панкина, то перед такими двумя авторитетами из «Правды» и КГБ он просто взял под козырек, поверив им на слово, что в «Правде» были в курсе, но якобы решили, что такую статью лучше опубликовать в «Комсомолке». Ему простили «отсутствие бдительности», он отделался выговором от ЦК.

А время было непростое. 1967 год был началом «социализма с человеческим лицом» в Чехословакии, первым лозунгом которого стало «Цензу-

ра отменена – ура!». За это, собственно, ратовали в своей статье и Бурлацкий с Карпинским. Очевидно теперь, что действия реформаторов в странах соцлагеря хорошо координировались. Так что появление статьи о цензуре в «Комсомолке» именно в 1967 году было далеко не случайным. Если в чем-то Панкину и надо отдать должное, то это его умению балансировать между «либералами» и «консерваторами» как вне редакции «Комсомольской правды», так и в ней самой, используя и тех, и других в своих собственных интересах.

Интеллигенция идет в раскол

Редакция «Комсомольской правды» конца 60-х годов размещалась в основном на 6-м этаже в старом здании «Правды» (шедевр советского конструктивизма 30-х годов, архитектор – П. А. Голосов) и насчитывала около 200 человек. По своим взглядам они были настолько разнородны, что, по парадоксу вещей, объединяла их только официальная коммунистическая идеология, в рамках которой в пору «оттепели» уже можно было попытаться как-то «улучшить социализм» в его практической советской реализации, но ни в коем случае нельзя было его отрицать.

«Большинство из нас не было революционерами, не собиралось коммунистический режим уничтожить, – говорил гуру «шестидесятников» Булат Окуджава. – Я, например, даже подумать не мог, что это возможно. Задача была очеловечить его» («Столица». № 24, 1992 г.). Всего через год после того, как эти слова Окуджавы были опубликованы, он оказался среди подписантов позорного «Письма 42-х»* к Ельцину, в котором, как

---

* «Письмо 42-х» подписали: Алесь Адамович, Анатолий Ананьев, Виктор Астафьев, Артем Анфиногенов, Белла Ахмадулина, Григорий Бакланов, Зорий Балаян, Татьяна Бек, Александр Борщаговский, Василь Быков, Борис Васильев, Александр Гельман, Даниил Гранин, Юрий Давыдов, Даниил Данин, Андрей Дементьев, Михаил Дудин, Александр Иванов, Эдмунд Иодковский, Римма Казакова, Сергей Каледин, Юрий Карякин, Яков Костюковский, Татьяна Кузовлева, Александр Кушнер, Юрий Левитанский, Дмитрий Лихачев, Юрий Нагибин, Андрей Нуйкин, Булат Окуджава, Валентин Оскоцкий, Григорий Поженян, Анатолий Приставкин, Лев Разгон, Александр Рекемчук, Роберт Рождественский, Владимир Савельев, Василий Селюнин, Юрий Черниченко, Андрей Чернов, Мариэтта Чудакова, Михаил Чулаки.

и другие кумиры «оттепели» из числа шестидесятников, требовал крови, расправы над коммунистами, всеми депутатами Верховного Совета, взбунтовавшимися против Ельцина и его преступной камарилы, и тех, кто их поддерживал. Увы, среди подписантов оказались помимо Окуджавы такие дети «оттепели», как Белла Ахмадулина, Василь Быков, Виктор Астафьев... А Василий Аксенов, один из признанных лидеров «шестидесятников», писал позднее из своего эмигрантского далека: «Этих сволочей надо было стрелять. Если бы я был в Москве, то тоже подписал бы это письмо в „Известиях“».

Это письмо ознаменовало собой окончательный раскол между патриотической интеллигенцией России, включая даже патриотов, живших в то время в эмиграции, как Владимир Максимов, и теми, кого стали при Путине называть «пятой колонной». Справедливый приговор им вынес Сергей Глазьев, светлый человек и светлый ум, один из самых толковых экономистов России: «Нельзя обелить преступников и палачей... Даже те опозорившие себя надолго деятели нашей культуры, которые подписали это, как его назвали, расстрельное “Письмо 42-х”, и они, я думаю, понимают, что перечеркнули все доброе и светлое, что создано было ими раньше». А социолог Борис Кагарлицкий с грустью заметил тогда: «...слушать песни Окуджавы про “комиссаров в пыльных шлемах” после его заявлений о том, что ему не жалко безоружных людей, погибших в Белом доме, как-то не хочется».

Когда же, еще не открыто, в душах и умах этих будущих подписантов «расстрельного письма» возник этот разрыв с их же собственными призывами к гуманизму и с патриотической Россией? Ведь подобная «эволюция», а точнее духовная деградация, произошла и с некоторыми моими бывшими коллегами по «Комсомольской правде», да и по «Правде», хотя никто из них то «расстрельное письмо» не подписал. Это вопрос, который меня мучает по сей день.

Протестные настроения вообще и протестные движения в частности никогда не возникают в обществе спонтанно. Протест накапливается, как радиация в теле человека. До определенного уровня она безвредна. Но стоит перейти опасный порог – возникает лучевая болезнь, чреватая гибелью

облученного. Протест накапливался все годы существования советской власти с 1917 года, и его носителями были самые различные классы, социальные слои и прослойки, прежде всего интеллигенция, прошедшие через страшное «Красное колесо». Сословный геноцид времен красного террора, гражданская война с ее звериной жестокостью с обеих сторон, коллективизация и сталинские репрессии, страшные испытания ГУЛАГом и войной, послевоенные кампании по разоблачению «врагов народа» не могли не вызвать внутреннего протеста против жестокости и несправедливости правящего режима. До поры, пока информация обо всех этих зверствах и беззакониях не стала достоянием гласности, и протест не выходил наружу, потому что за это жестоко карали. У одних он переходил в убежденное неприятие советской власти и коммунизма вообще, а у других – в стремление эту власть «под Лениным почистить». У третьих – стремление с ней покончить любыми методами. После доклада Хрущева на XX съезде «О культе личности» тайное стало явным, хотя и не на сто процентов. Дальнейшие разоблачения преступлений, совершенных от имени советской власти и Коммунистической партии, воспоминания тех, кто прошел через все круги сталинского ада, оттолкнули миллионы людей, прежде всего интеллигенцию, от идеалов и практики коммунизма. И не только в СССР – и в зарубежных компартиях тоже.

Свою роль в нашей стране сыграли и рассказы фронтовиков, вернувшихся после Победы на Родину. Они своими глазами могли оценить, насколько выше был уровень жизни в Германии и других европейских странах, чем в победившем их Советском Союзе. Да и опубликованные в период «оттепели» правдивые повести о войне, прежде всего «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, и на саму войну заставили нас посмотреть иными глазами.

«Самиздат» и «Тамиздат»

После публикации в 1962 году повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в ноябрьском номере журнала «Новый мир»,

на что его главный редактор А. Твардовский получил личное разрешение Н. С. Хрущева, поток «лагерной литературы» не иссякал вплоть до развала СССР. На время его остановили в официальных издательствах, но поток этот ушел в «Самиздат», а затем и за границу. Там эту литературу издавали на русском языке чаще всего в издательстве «Посев», финансировавшимся ЦРУ США, и засылали обратно в СССР.

К 1972 году из советских библиотек изъяли все, что успел напечатать Солженицын. Но, во-первых, книги его все равно ходили по рукам, а во-вторых, появились зарубежные версии и его, и новых литературных произведений на эту тему. В начале 70-х ограниченным тиражом был напечатан роман Юрия Трифонова «Дом на набережной». Так с его легкой руки стали называть многоквартирный дом в Москве рядом с кинотеатром «Ударник» напротив Кремля, где в 30-е годы получили жилье многие партийные работники. Семья Трифоновых переехала туда в 1932 году. Дед писателя – меньшевик-подпольщик Абрам Лурье – не дожил до времен сталинского террора, но его отец – ветеран революции, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР В. А. Трифонов и его мать, детская писательница Евгения Абрамовна, в 1937–1938 годах были репрессированы. С началом «Большого террора» в 1937 году практически ни одной квартиры в «Доме на набережной» не осталось без ночного визита чекистов – они переправили в расстрельные подвалы НКВД практически всех ответственных квартиросъемщиков, а их семьи чаще всего – в ГУЛАГ. Об этом свидетельствуют сегодня многочисленные мемориальные доски на фасаде этого дома. Никакой прямой критики Сталина и тем более советской власти в «Доме на набережной» не было. Повесть в жанре городской прозы мастерски описывала быт и нравы жителей этого номенклатурного дома и то, как прямо оттуда они попадали на Лубянку. Трифонов в образе этого дома создал образ всего Советского Союза 30-х годов, многие граждане которого в страхе ожидали, что за ними ночью придут, но не находили в себе ни сил, ни желания этому воспротивиться. Книга имела огромную популярность именно в силу того, что ее никак нельзя было назвать «клеветнической» после того, что сам Хрущев рассказал на XX съезде. В библиотеках за ней записывались в очередь, ее распространяли в фото-

копиях, с этого, в общем, и начался «Самиздат». Для многих в 70-х годах, особенно для евреев, этот роман стал точкой разрыва с коммунистической убежденностью, если она еще и сохранялась после XX съезда.

Еще круче была повесть «Крутой маршрут». Хроника времен «культ личности» Евгении Гинзбург, матери Василия Аксенова. Книга эта впервые увидела свет в 1967-м, сначала в Милане, а затем уже была издана в «Посеве» в Мюнхене. В 1975 году она появилась на русском языке в Австралии, где я ее впервые и прочитал. Она стала бестселлером в русской общине пятого континента. Впечатление от нее было действительно шоковое. Первое советское издание «Крутого маршрута» появилось только в 1988 году уже во время перестройки. К моменту развала СССР была напечатана целая библиотека такой литературы – все, что написал к тому времени А. И. Солженицын, включая «Матренин двор», «Архипелаг ГУЛАГ», «Раковый корпус», «Красное колесо» и др. Среди других («Кортик», «Бронзовая птица» и др.) в ней особо выделялась роман известного советского писателя Анатолия Наумовича Рыбакова (Аронова), лауреата Сталинской премии второй степени (1951) и Почетного доктора Тель-Авивского университета, «Дети Арбата», написанный еще в 1960-х годах, но опубликованный только в 1987 году. Михаил Ардов таких, как Рыбаков, называл «ужаснувшимися» – они либо сами чудом уцелели в 30-х и 40-х годах, либо их близкие и родные погибли при терроре. В 2004 году по мотивам романа «Дети Арбата» был выпущен многосерийный одноименный фильм. Это был хорошо продуманный приговор сталинизму и в целом советской власти, для многих он стал настольной книгой.

Не вдаваясь в детали, нюансы и исторические параллели, отмечу, что надо все же, при всем неприятии репрессий как ленинского, так и сталинского периодов, уметь видеть разницу между советской властью, социализмом как государственным и общественным строем и террором против ни в чем не повинных людей, развязанном властолюбцами и тайными врагами этой самой власти. Здесь знаки равенства никак не подходят. Точно так же, во имя исторической справедливости и чести России, надо уметь отдавать должное и Ленину, и Сталину как государственным деятелям, сумевшим в годы тяжелейших испытаний не допустить захвата России полчищами

ее врагов и не только сохранить ее целостность, но и утвердить за ней статус великой державы, обеспечив рост ее могущества и влияния в мире. Конечно, это не означает, что надо предать забвению гибель по вине наших вождей миллионов советских граждан в результате ничем неоправданных репрессий, фатальных ошибок и просчетов.

Отмечу попутно одну немаловажную деталь. За все время существования СССР, в том числе в период активных разоблачений культа, не появилось ни одной книги о зверствах «комиссаров в пыльных шлемах» в период красного террора – с 1918 года вплоть до окончания гражданской войны, ни одной строчки о сословном геноциде, в том числе о чудовищном убийстве царя Николая Второго и его семьи в Екатеринбурге в 1918 году, ни строчки о массовых расстрелах в Крыму белых офицеров, поверивших обещаниям Фрунзе об амнистии. А какой роман можно было бы написать о том, как самая известная «фурия революции» Землячка (Залкинд) под Ялтой сама ложилась за пулемет, расстреливая юных юнкеров, а потом брала себе на ночь красноармейца покрепче. Даже Шолохов в своем «Тихом Доне» не рискнул рассказать, как евреи-комиссары вроде его героя Штокмана проводили геноцид казачества на Дону, насилуя дочерей на глазах матерей и отцов перед их расстрелом. Никто не упомянул в сусальных биографиях того же посмертно реабилитированного Тухачевского о том, как он травил газом восставших против продразверстки крестьян.

Впервые о роли евреев-чекистов в «красном терроре» я узнал, только попав в заграницу. В 1975 году в Австралии я нашел книгу бывшего депутата Государственной Думы России В. В. Шульгина «Что нам в них не нравится» (*Шульгинъ В. В. Что намъ в нихъ не нравится... Объ антисемитизме въ России. 2-е изд. Парижъ: [«Славия»], 1930*). В ней описывались чудовищные зверства Киевской Чрезвычайки (ЧК), из 25 человек которой 23 были евреями (Цит. соч. С. 97–110). Что там «Крутой маршрут»? Но об этих чекистах мы судили только по их восторженному описанию в книгах советских писателей, таких, как автор апологетического романа о ГУЛАГе «Канал имени Сталина» Лев Никулин. Он родился в Житомире в семье актера и антрепренера Вениамина Ивановича Олькеницкого, крещенного в 1894 году в лютеранство еврея, и его жены Сабины Розенталь. Никулин

был и автором романа об известной операции НКВД-ГПУ «Трест», в ходе которой чекисты выманили в СССР английского разведчика Сиднея Рейли и лидера эсеров Бориса Савинкова, где они были арестованы и казнены, а затем и того же Шульгина. Ему дали возможность взглянуть на послереволюционную Россию и уехать в рамках все той же операции.

О самом известном из евреев-чекистов Якове Блюмкине, одном из убийц немецкого посла Мирбаха в 1918 году, писал и Юлиан Семенов (Ляндрус), изобразив его под фамилией «Исаев» в романе «Бриллианты для диктатуры пролетариата». Но о том, как эти доблестные чекисты по спискам расстреливали членов русских просветительских обществ, других русских интеллигентов в Одессе, Киеве, Харькове, Москве, Петрограде и иных городах, в советской литературе не было ни слова вплоть до развала СССР.

Только Борис Пастернак в своем романе «Доктор Живаго» осмелился заметить, что роль евреев в большевистской революции была далеко не идеальной. И за это он тут же получил нагоняй от премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона, который отозвался о «Докторе Живаго» как об «одной из самых презренных книг о евреях, написанных человеком еврейского происхождения» (цит. по: *Финн П., Куве П.* Дело Живаго. Кремль, ЦРУ и битва за запрещенную книгу. М.: Центрполиграф, 2015. С. 216).

Этот роман Пастернака вошел в историю как самый яркий пример борьбы советской власти с инакомыслящими писателями. Весной 1956 года Пастернак предложил рукопись «Доктора Живаго» журналам «Новый мир», «Знамя» и альманаху «Литературная Москва». Надежды на то, что его опубликуют, у него не было никакой, и поэтому он еще до получения официального отказа от Константина Симонова, возглавлявшего тогда «Новый мир», передал через знакомого журналиста из газеты итальянской компартии «Унита» копию рукописи итальянскому издателю, тоже коммунисту – Джанджакомо Фельтринелли. Была у него наивная надежда на то, что за передачу рукописи все же не открытым врагам СССР, а коммунистам его не осудят. Надежды были наивными с самого начала – руководство компартии Италии по сигналу из Москвы активно давило на Фельтринелли, чтобы он роман не публиковал. Тот не послу-

шался и вскоре после того, как «Доктор Живаго» вышел в свет на итальянском языке, был из компартии исключен. Затем последовало издание на русском языке, и дело было поставлено на поток. Во все это вмешались силы куда более могущественные.

Первое издание на русском языке в Голландии и часть последующих в Великобритании, в США, в карманном формате, и бесплатную раздачу книги советским туристам на Всемирной выставке 1958 года в Брюсселе и на VII Международном фестивале молодежи и студентов в Вене организовало ЦРУ.

Я впервые прочитал этот роман именно в таком формате – по Москве ходило немало таких экземпляров. В последней главе его под заголовком «Стихи Доктора Живаго» Пастернак опубликовал свои прекрасные стихи.

Это были, пожалуй, его лучшие. До сих пор помню их наизусть:

...Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
свеча горела...

А вот сам роман мне показался слабеньким. Согласен с автором «Лолиты» Владимиром Набоковым, который о нем отзывался так: «“Доктор Живаго” – жалкая вещь, неуклюжая, банальная и мелодраматическая, с избитыми положениями, сладострастными адвокатами, неправдоподобными девушками, романтическими разбойниками и банальными совпадениями».

Западные спецслужбы литературные достоинства романа Пастернака не волновали. Им было куда важнее другое. В 1958 году ЦРУ выпустило сообщение для внутреннего распространения, в котором, в частности, было сказано:

«Эта книга имеет огромную пропагандистскую ценность не только благодаря ее важному содержанию и свойству побуждать к размышлениям, но и благодаря обстоятельствам ее издания: у нас есть шанс заставить советских граждан призадуматься, что не в порядке с их правительством,

если литературный шедевр человека, который слывет величайшим из ныне живущих русских писателей, не могут достать, чтобы прочесть на языке оригинала, его собственные соотечественники на его собственной родине» (The CIA and «Doctor Zhivago»: Explore the Cache of documents. «The Washington Post», April 6, 2014. P. A1).

Беда была в том, что об этом не задумались, в первую очередь, руководители советского государства той поры, не поняли, что против них же запрет Пастернака и обернется, в конечном счете. ЦРУ целиком оплатило издание романа на русском языке для его распространения в СССР и хлопотало в Нобелевском комитете о присуждении Пастернаку премии в области литературы. (Was Pasternak's Path To The Nobel Prize Paved By The CIA? BBC, «Radio Free Europe». 26 июля 2001 г.).

23 октября 1958 года она Борису Пастернаку была присуждена с формулировкой «за значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа». Против него началась и продолжалась вплоть до его смерти в 1960 году такая кампания травли, что он вынужден был отказаться от этой премии. Публично голос в защиту Пастернака не возвысил в тот момент никто. Но в травле, хотя роман никто не читал, дружно участвовал почти весь состав Союза писателей СССР, не говоря уже о многочисленных собраниях трудящихся, проходивших по принципу: «Не читали, но осуждаем!». Только 9 декабря 1989 года Нобелевский диплом и медаль были вручены в Стокгольме посмертно его сыну Евгению Пастернаку.

Конечно, в то время не было никаких доказательств участия западных спецслужб, в первую очередь ЦРУ и британской МИ-6, в тиражировании «Доктора Живаго» не только на русском, но и на многих других языках, даже на фарси. Об этом стало официально известно в 2014 году после того, как в ЦРУ рассекретили ряд архивов. Но, видимо, наши штирлицы уже тогда докопались до этого, что объясняет грубые до неприличия нападки на писателя с самого верха КПСС и Союза писателей. Никита Хрущев высказался о нем так: «Даже свинья не гадит там, где ест!» А там пошло. Борис Полевой назвал его «литературным Власовым», Вера Инбер убедила Союз писателей обратиться в правительство с просьбой лишить Пастер-

нака советского гражданства. Затем Пастернака несколько месяцев подряд «разоблачали» в «Правде», «Известиях», «Комсомолке»...

Главную причину столь оголтелой кампании, хотел он этого или нет, высказал писатель Э. Г. Казакевич. Прочитав рукопись «Доктора Живаго», он заявил: «Оказывается, судя по роману, Октябрьская революция – недо-разумение и лучше было ее не делать». Через 30 лет после этого на самом партийном верху КПСС пришли к тому же выводу и развалили Советский Союз. «Доктор Живаго», независимо от воли его автора, этому в немалой степени поспособствовал. А этого вполне можно было избежать, если бы во главе государства стоял разумный лидер, а не безграмотный самодур и невежда Хрущев. А про его отношения с интеллигенцией тогда говорили: «Что ни делает дурак, все он делает не так».

После кампании травли Пастернака и разгрома «абстракционистов» в Манеже в 1962 году творческую интеллигенцию 60–70-х годов лихорадило. «Оттепель» уходила в прошлое. Иногда можно услышать, что ей был положен конец после того, как Октябрьский пленум ЦК КПСС 1964 года отправил Никитку на пенсию. Но это не так. До этого в 1962 году был расстрел рабочих в Новочеркасске. Была кубинская авантюра. А конец «оттепели» положил сам Хрущев в 1963 году на очередной встрече с творческими работниками, на которой он с подачи известной сталинистки Ванды Василевской так вызверился на поэта Андрея Вознесенского, что того едва не хватил инфаркт. Пригрозив лишить его гражданства СССР, Хрущев заявил тогда: «Можете сказать, что теперь уже не оттепель и не заморозки, а морозы. Да, для таких будут самые жестокие морозы...» При Брежневе это обещание неукоснительно выполнялось, хотя самого Вознесенского продолжали печатать.

С осени 1965 года по февраль 1966 год длился судебный процесс против писателей А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля. Вся вина их заключалась в том, что они переправляли свои произведения на Запад, где и публиковались под псевдонимами Абрам Терц (Синявский) и Николай Аржак (Даниэль). Даниэль был осужден на 5 лет лагерей по предъявленной ему статье 70 УК РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда». А Синявский по той же статье – к 7 годам в колонии строгого режима. Если не считать

требование свободы творчества криминалом, то никакой антисоветчины в действиях фигурантов этого процесса не было. Уже во Франции, познакомившись с Андреем Донатовичем Синявским, я лично смог убедиться в том, что он был не только отличным русским писателем, но и русским патриотом (об этом подробнее – ниже). Судьбы России никогда не оставляли его равнодушным даже в эмиграции, где он стал профессором Сорбонны и получил всеобщее признание.

Процесс над Синявским и Даниэлем, знаковый уже сам по себе, стал своего рода вехой в развитии советского диссидентства. Он привел к публичным протестам и к открытому расколу творческой интеллигенции, от которого со временем пошли трещины по всему советскому обществу.

5 декабря 1965 года (День Конституции) на Пушкинской площади состоялся «Митинг гласности» в поддержку судимых писателей. Организовали его первооснователи правозащитного движения в СССР, среди которых наиболее известной и колоритной фигурой был внебрачный сын Сергея Есенина, математик и поэт Александр Есенин-Вольпин. Еще при Сталине в 1949 году за «антисоветскую поэзию» он был помещен на принудительное лечение в Ленинградскую спецпсихбольницу. В сентябре 1950 года его как «социально опасного элемента» выслали в Карагандинскую область сроком на пять лет. Он был амнистирован после смерти Сталина в 1953 году. В 1961 году в Нью-Йорке вышла книга Есенина-Вольпина «Весенний лист», в которую кроме стихов вошел его «Свободный философский трактат». В феврале 1968 года Есенин-Вольпин был вновь заключен в спецпсихбольницу. После освобождения, в 1970 году, он вступает в Комитет прав человека в СССР, сотрудничая с Юрием Орловым, Андреем Сахаровым и другими правозащитниками. В мае 1972 года по настоятельному предложению советских властей Есенин-Вольпин эмигрировал в США, где работал в университете Буффало, затем – в Бостонском университете. Именно там он создал свою теорему в области диадических пространств, получившую его имя.

Вместе с ним «защищать Конституцию» вышел другой поэт – Юрий Галансков, один из организаторов публичных чтений стихов у памятни-

ка Маяковского в Москве. Судьба его была незавидной. Ссылки, психушки, тюрьма, где он и умер в возрасте 33 лет. Вместе с ним по делу «Маяковки», а затем «Митинга гласности» проходил еще один организатор диссидентского движения в СССР – Владимир Буковский. После многочисленных арестов за антисоветскую деятельность и «лечений» в «психушках» КГБ его обменяли в 1972 году на лидера компартии Чили Луиса Корвалана, и с тех пор он поселился в Лондоне, где организовал вместе с другим высланным писателем Владимиром Максимовым «Интернационал сопротивления коммунизму». (См. Пятое декабря 1965 года: В воспоминаниях участников событий, материалах Самиздата, документах партийных и комсомольских организаций и в записках КГБ в ЦК КПСС / Под ред. А. Даниэля (отв. ред.) и А. Рогинского. М.: НИПЦ «Мемориал», 1995. 95 с. *Алексеева Л. М.* Поколение оттепели. М.: Захаров, 2006. С. 113.)

Процесс над Даниэлем и Синявским оказался небывало резонансным. Один цековский работник говорил мне в начале 80-х годов об этом с искренним сожалением: «Разворотили улей... А потом обратно на место наших диссидентов, как тех пчел, было уже не загнать...» Именно после этого процесса началась «война писем». Одни выступали за «заморозки», даже за обещанные Никитой «морозы», другие – за возвращение к «оттепели», а затем уже и за «пражскую весну».

14 февраля 1966 года накануне XXIII съезда поступило «Письмо 25-ти» – деятелей советской науки, литературы и искусства Л. И. Брежневу против реабилитации И. В. Сталина и об отсутствии предания гласности фактов совершенных им преступлений. Вместе с такими корифеями, как академик АН СССР П. Л. Капица, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинских премий, писатель В. П. Катаев, лауреат Сталинской премии О. Н. Ефремов, главный режиссер театра «Современник», писатель В. П. Некрасов, лауреат Сталинской премии, писатель К. Г. Паустовский, актер И. М. Смоктуновский, лауреат Ленинской премии, прима-балерина Большого театра М. М. Плисецкая, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии, и другими, письмо это подписал и мало тогда известный академик АН СССР А. Д. Сахаров, к тому времени уже трижды

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Сталинской премий, а в скором будущем лидер диссидентского движения в СССР.

Уже вдогонку XXIII съезду 25 марта 1966 года в адрес Президиума ЦК КПСС было отправлено «Письмо 13-ти» против реабилитации И. В. Сталина. Его подписали мастодонты советской культуры – писатели И. Г. Эренбург, трижды лауреат Сталинской премии, и В. Д. Дудинцев, И. В. Ильинский, народный артист СССР, трижды лауреат Сталинской премии, кинорежиссер Г. Н. Чухрай – заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Ленинской премии и композитор В. И. Мурадели, дважды лауреат Сталинской премии.

На съезде эти письма, как известно, не зачитывали, хотя и не рискнули после их получения поставить вопрос о реабилитации Сталина. О том, что творилось при нем, просто замолчали и надолго, практически вплоть до начала перестройки в 1985 году. Зато на XXIII съезде в апреле 1966 года, через два месяца после того, как Даниэля с Синявским, так и не признавших свою вину, отправили за решетку, с обвинением в их адрес выступил будущий лауреат Нобелевской премии в области литературы Михаил Шолохов и выразил сожаление по поводу «слишком мягкого» им приговора: «Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи уголовного кодекса, – говорил автор «Тихого Дона», – а руководствуясь революционным правосознанием... (*бурные аплодисменты*)... Ох, не ту бы меру наказания получили бы эти оборотни! (*бурные аплодисменты*)».

Размежевание в среде творческой интеллигенции на русскую партию и демократов-западников стало после этого выступления фактом.

19 ноября 1966 года «Литературная газета» опубликовала «Письмо 62-х» с просьбой об освобождении Даниэля и Синявского, подписанное такими видными деятелями литературы и искусства, как Л. А. Аннинский, П. Г. Антокольский, Б. А. Ахмадулина, Б. Ш. Окуджава, В. Н. Войнович, С. Л. Лунгин, Ю. П. Мориц, Ю. М. Нагибин, С. Б. Рассадин, К. И. Чуковский, М. Ф. Шатров, В. Б. Шкловский, И. Г. Эренбург и др.

«...Мы не можем согласиться с тем, что в их действиях присутствовал антисоветский умысел, доказательства которого были бы необходимы для

столь тяжкого наказания, – говорилось в том письме. – Этот злой умысел не был доказан в ходе процесса А. Синявского и Ю. Даниэля... Сложная обстановка, в которой мы живем, требует расширения (а не сужения) свободы интеллектуального и художественного эксперимента. С этой точки зрения процесс над Синявским и Даниэлем причинил уже сейчас большой вред, чем все ошибки Синявского и Даниэля».

Авторам «Письма 64-х» в той же «Литературке» дали, говоря словами М. А. Шолохова, «отлуп» руководители Союза писателей СССР К. А. Федин, Н. С. Тихонов, К. М. Симонов, В. А. Смирнов, Л. С. Соболев, С. В. Михалков и А. А. Сурков.

В то время такого рода, как их называли в ЦК КПСС, «подметные письма», в том числе «Письмо 99-ти» известных математиков, выступивших в феврале 1968 года с протестом против насильственной госпитализации Есенина-Вольпина, открыто циркулировали по Москве и передавались из рук в руки. Это было ново, волнительно и тревожно. Реакция властей на «инакомыслие» писателей и ученых была жесткой. После процесса над Андреем Синявским и Ю. Даниэлем гонениям подверглись и другие интеллектуалы. Вслед за ними по политическим мотивам из Союза писателей были исключены Н. Коржавин, Г. Владимов, Л. Чуковская, А. Солженицын, В. Максимов, В. Некрасов, А. Галич, Е. Эткинд, В. Войнович, И. Дзюба, Н. Лукаш, В. Ерофеев, Е. Попов, Ф. Светов. Все это сказывалось на умонастроениях советских людей. Прежняя бездумная убежденность в превосходстве социализма, безгрешности советского руководства и самой КПСС уступала место сомнениям и скептицизму, хотя до массового отрицания коммунизма дело не дошло даже к концу перестройки.

Ностальгия по СССР не прошла у россиян и 25 лет спустя после его развала. Почти две трети россиян (64 %), по данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), опубликованного 16 марта 2016 года, заявили, что и сегодня проголосовали бы за сохранение СССР в случае проведения референдума на эту тему («Ведомости». 16 марта 2016 г.).

«Фельдфебеля в Вольтеры дать»

Конечно, диалог с научной и творческой интеллигенцией, с интеллигенцией вообще, нельзя было вести на уровне такого невежды и хама, как Никита Хрущев. К ней нужен был особый подход и умение терпеливо разъяснить те реалии, в которых она оказалась после Октябрьской революции, спровоцированной ее духовными собратьями из числа русских интеллигентов царской России.

Понятие социалистическая демократия предполагала «свободу творчества», но «в интересах трудящихся». И само это понятие толковали в том же самом контексте и смысле. А обвинить любого диссидента от литературы или культуры в том, что его деятельность этим интересам не соответствует или даже противоречит, было проще простого. Властителем умов в Советском Союзе считалась КПСС, «ум, честь и совесть» советской эпохи, о чем сообщалось со всех заборов и стен, а интеллигентов отнесли к жалкой категории «подручных партии» (термин Л. И. Брежнева). В советских условиях никто из числа творческих работников не мог быть просто «свободным художником». По советским законам эту категорию относили к тунеядцам, подлежащим преследованию по соответствующим статьям Уголовного кодекса. Так, еще будущий лауреат Нобелевской премии в области литературы поэт Иосиф Бродский попал по такой статье в тунеядцы в Ленинграде. И это только самый известный пример. Чтобы писать, лепить, рисовать и снимать кино и получать за это зарплату либо содержание от государства, надо было стать членом творческого союза. А все эти союзы были под контролем и управлением государства и получали от него средства из госбюджета.

Да, свобода творчества, и тут нельзя не согласиться с авторами «Письма 62-х», – это непереносимое условие творческого процесса. Но в условиях однопартийной системы, по сути дела тоталитарной, такую свободу предоставляли, но только в тех пределах, где она не угрожала существующей власти. В полном объеме ее быть не могло. К тому же и сами писатели, как и художники, и композиторы, и кинорежиссеры, и сценаристы, были

не свободны – они были на содержании этого государства, получали гонорары за свои книги из госказны, квартиры, дачи, госпремии... У того же Пастернака в Переделкино была роскошная, даже по нынешним временам, двухэтажная дача, где он и писал своего «Доктора Живаго».

Могло ли советское государство в благодарность или в обмен на это потребовать лояльности себе от творческой интеллигенции? Не только могло, но и было обязано хотя бы ради самосохранения. Логика была проста – либо вы становитесь изгоями, подсудными за тунеядство, либо – раз вы кормитесь из руки советского государства, вы должны быть по отношению к нему лояльны и в эту руку не плевать. А за не-лояльность – читайте, что положено в том же Уголовном кодексе. Но не только в этом была суть конфликта. Еще и в том, что руководители советского государства конфликтовали с творческой интеллигенцией там, где конфликта не было. Зачем понадобилось, например, сметать бульдозерами выставку художников-неформалов в парке «Сокольники»? Да о них никто бы на Западе не узнал, не стань та их выставка символом подавления свободы творчества в СССР, да еще с помощью бульдозеров! У тех, кто принимал решение «сместить абстракционистов в канаву», не хватило не только интеллигентности, но и ума. Я уже не говорю о политической культуре и элементарной цивилизованности. Ни того, ни другого у партократов не было.

Когда в России установился капитализм, наши писатели, поэты, музыканты, композиторы и художники, режиссеры и актеры получили полную свободу творчества, но лишились как раз государственного содержания. Поэтому для многих на том их творчество и закончилось – вчерашние писатели ушли в бизнес, т. к. за их произведения платили гроши. Так стоило ли копыя ломать!?

Основатели диссидентского движения считали, что стоило. И не только рекламы ради, что потом оборачивалось признанием на Западе и нередко финансовой поддержкой. В той же «войне писем» их авторы учитывали, что советское государство хотело предстать перед внешним миром, по крайней мере, «демократическим». Поэтому и разрешили напечатать «Письмо 64-х» в «Литературке». Но после этого «демократы» потребо-

вали, чтобы им не только разрешили критиковать советскую власть под тем предлогом, что ей пойдет это только на пользу, но еще бы и платили за это. И в такие игры власти и оппозиция ей играли вплоть до 1968 года, когда на правящем советском верху, наконец, увидели, чем это оборачивается в Чехословакии и Польше.

Конечно, в реальном социализме в СССР и других социалистических странах было немало того, что следовало не только улучшать и очеловечивать, но и менять самым коренным образом. И, если бы эти перемены возглавили патриоты России, Советский Союз сегодня оставался бы не только супердержавой и в военном, и в экономическом отношении, но и образцовым государством социальной справедливости. Вот именно этого и боялись больше всего на Западе. Боялись заражающего примера для своего трудового народа и опасного конкурента своих олигархов.

Всего за месяц с небольшим до окончательной ликвидации СССР 16 ноября 1991 года Маргарет Тэтчер, премьер-министр Великобритании в 1979–1990 годах, выступала в Совете международных отношений в Лос-Анджелесе. Вот, что она сказала о Горбачеве и о результатах его сговора с Западом: «Меня иногда спрашивают, готовы ли вы снова сказать о Горбачеве, что это тот человек, с которым я могу иметь дело? Посмотрите же, чего уже достигли его реформы:

- Коммунизм рухнул в Советском Союзе и полностью дискредитирован как политическая система.
- Политические свободы внедрены, и прошли всеобщие выборы.
- Стала возможной широко-масштабная эмиграция из Советского Союза.
- Варшавскому Договору наступил конец.

Крах коммунизма произошел мирным путем без каких бы то ни было жертв с нашей стороны». (*Margaret Thatcher. Speech to Los Angeles. 1991. Nov. 16 Sa. Affairs Council. Margaret ThatcherFoundation*).

Это открытое признание факта активного вмешательства Запада в дела СССР с целью сокрушить его экономическую мощь и политический строй, а также подтверждение предательской роли Горбачева и его подручных в развале нашего государства с помощью той «пятой колонны», кото-

рую Запад пестовал годами. Одних – путем далеко не глупой пропаганды, других – путем прямой вербовки.

В знаменитом «списке Крючкова», бывшего председателя КГБ СССР, насчитывается 2200 таких агентов влияния в структурах государства и партии, завербованных к началу перестройки. Согласитесь, что на 250 миллионов граждан СССР это совсем немного. Другое дело, что к началу перестройки они заняли ключевые посты в партии и государстве. Ее «архитектор» А. Н. Яковлев было как раз одним из таких агентов, что было доказано на основе агентурных данных КГБ СССР (см. Воспоминания последнего председателя КГБ СССР В. Крючкова, статью В. Н. Шведа «Гибель СССР и молчание Крючкова» в «Спецназе» 31 января 2014 г.). Горбачев отказался принять это к сведению и оставил Яковлева на его посту как «человека, полезного для перестройки». Если учесть, что и сам Горбачев был духовным эмигрантом (людей такого уровня не вербуют, их склоняют на свою сторону, играя на их слабостях, прежде всего на тщеславии, самовлюбленности и жадности), то такая его «толерантность» по отношению к раскрытому предателю объективно делает его соучастником заговора, приведшего к краху советского государства, которым он сам же руководил.

В КГБ знали о содержании его переговоров с президентом Бушем-старшим на Мальте в декабре 1989 года. Информаторы КГБ и ГРУ утверждали, что в ходе этих переговоров Генсек дал согласие изменить политический строй в СССР, коренным образом пересмотреть отношения СССР с западными странами, не препятствовать включению ГДР в состав ФРГ и выходу Прибалтики из Союза. Надо было брать и сажать «минерального секретаря» сразу же после получения этой информации. Тогда и путч был бы оправдан. Но никто не решился. Боялись повторения «сталинских репрессий». Привыкли не возражать и подчиняться «Первому лицу». Не приучены были к демократическим методом избрания государственных лидеров, ибо такой практики не знали отродясь.

О том, что к перестройке в СССР активно подключились спецслужбы Запада и международного сионизма, наша разведка предупреждала руководство страны регулярно. Увы, эти сигналы о грозящей опасности никто не слушал на кремлевском верху, как Сталин не слушал предупре-

ждений наших лучших разведчиков о том, что Гитлер вот-вот нападет на СССР. А в это время агенты влияния с партбилетами в кармане действовали по схеме А. Н. Яковлева: «Ударим Лениным по Сталину. Плехановым – по Ленину. Социнтерном по Коминтерну, а там и по реальному социализму в СССР и во всех соцстранах». И эта примитивная тактика в конечном итоге сработала.

Ветераны диссидентского движения и по сей день открещиваются от какой-либо причастности к политике вообще и подрывной деятельности Запада против СССР в частности. Так, по словам Буковского, движение диссидентов в СССР имело не политические, а нравственные причины. «Мы все, все диссиденты говорили, что политика должна быть моральной, – утверждает бывший председатель “Интернационала сопротивления”. – И мы возникли не как политическое движение. Мы были движение нравственное. Наш основной импульс был не переделать Россию, а просто не быть участником преступления. Не стать частью режима. Это был самый мощный мотив. А поскольку СССР не терпел такого инакомыслия, то началась война с нами»*.

Диссидентство в СССР, увы, с самого начала, что видно по истории с «Доктором Живаго», использовалось спецслужбами и подконтрольными им антикоммунистическими центрами для подрывной деятельности против СССР под видом заботы о демократии в нашей стране, независимо от того, сознавали это наши диссиденты или нет. То, что западные доброхоты радели не о демократии, а о ликвидации коммунизма и советской власти в нашей стране, о ее развале в соответствии с планом Хауса образца 1918 года, многие диссиденты и им сочувствовавшие действительно не понимали в силу своей политической инфантильности и чисто человеческой наивности. Но Буковский, я полагаю, отлично все понимал, ибо знал, из какой кассы получал деньги.

Положение на идеологическом фронте того времени то и дело менялось в зависимости от политической конъюнктуры. Во многом эти «колебания вместе с линией» объяснялись удивительным парадоксом – в то

---

* *Буковский Владимир*. Я готов приехать и обучить Порошенко посылать Путина. У меня хороший опыт // https://ru.wikipedia.org/wiki/Буковский,_Владимир_Константинович

время как СССР после окончания Второй мировой войны быстрыми темпами преодолевал отставание от Запада, а по ряду параметров, в том числе в космосе, и опережал его, партийная верхушка одного за другим выдвигала лидеров, карьера которых развивалась по известному «Закону Паркинсона», согласно которому «каждый должен достичь своего уровня некомпетентности». Вот на этом уровне работали все генеральные секретари ЦК КПСС после Сталина – от Хрущева до Горбачева. К тому же им всем катастрофически не хватало классического образования – все эти институты красных директоров и Промакадемии тому же Хрущеву не помогли даже научиться писать без ошибок по-русски. Я уже не говорю о примитивной манере излагать свои мысли, по которой можно было безошибочно определить, из какой дремучей глубинки вышел очередной генеральный секретарь. Доклады и речи для этих невежд писали грамотные и разбиравшиеся в марксизме консультанты. Но сами они действительно не отличали Гоголя от Гегеля. Мой коллега, частый автор «Правды» Станислав Меншиков, который был одним из таких консультантов, вспоминал:

«Истинное отношение Хрущева к классикам марксизма было совсем не библейским. Рассказывают, что секретарь ЦК и академик Петр Николаевич Пospelов как-то зашел к Никите Сергеевичу напомнить, что тот опаздывает на торжественное открытие Музея Маркса и Энгельса. Вождь был сильно занят и встретил Пospelова следующей тирадой:

– Да пошел ты подальше со своими евреями.

Оглушенный академик буквально выкатился из кабинета Хрущева и еще долго не мог прийти в себя, причитая: “Как он мог? Как же это он мог?”

Что касается Л. И. Брежнева, то он теории не только не любил, но и даже активно сопротивлялся, когда ему пытались, особенно на первых порах, вставлять сложные, по его понятиям, теоретические формулы. Помню, как были потрясены сочинители одного из его докладов, когда в возвращенном им варианте против слов «государственно-монополистический капитализм» стояла его пометка: “К чему здесь эта наукообразная галиматья?” Сделать из этого генсека теоретика марксизма при всем желании было невозможно»*.

---

* *Меншиков Станислав.* На Старой площади // <http://fanread.ru/book/10596189/?page=2>

В конечном итоге все это сначала привело к застою, а затем и развалу Советского государства. Старое высказывание о том, что у России две беды – дороги и дураки, оказалось пророческим.

Отсутствие партийной демократии обернулось тем, что никто из окружения Хрущева не рискнул сказать ему в глаза, что он дурак, слыша его сравнения модернистских скульптур с дерьмом, плывущим по Волге, а их создателей – с педерастами.

Никто не сказал «Леня, не дури!», наблюдая за тем, как Брежнев под общесоюзный хохот повесил себе на грудь пятую золотую звезду и стал «Пятирежды Героем Советского Союза». Ну, а о том, что Брежнев безнадежно болен и неадекватен, знали все члены Политбюро задолго до его смерти в 1982 году. Так, 18 августа 1968 года в Москве состоялась встреча лидеров СССР, ГДР, Польши, Болгарии и Венгрии, где был согласован план введения войск Варшавского Договора в Чехословакию через два дня. Как вспоминают очевидцы, Брежнев был на этом совещании заторможен, его реакции неадекватны, во время переговоров у генсека нарушилась дикция. Он что-то бормотал, пытался встать... Косыгин сидел рядом с Брежневым и видел, как тот постепенно начал утрачивать нить разговора. «Язык у него начал заплетаться, – вспоминал Косыгин, – и вдруг рука, которой он подпирал голову, стала падать. Мы подумали, надо бы его в больницу. Не случилось бы чего-нибудь страшного*». Как пояснил главврач Кремля профессор Чазов, «это был для нас первый сигнал слабости нервной системы Брежнева и извращенной в связи с этим реакции на снотворное**». И вот в таком состоянии «Вождя» принимались столь судьбоносные решения!

Раболепство перед Вождем было столь неодолимым, что, даже когда сам Брежнев понял к 1980 году, что по состоянию ума и здоровья он уже не может управлять государством, и попросился в отставку, его умоляли «Не уходи!» все его товарищи по Политбюро.

Они панически боялись перемен и потери своего привычного статуса. Именно поэтому даже попытки хоть и не получившего классического об-

---

* Чазов Е. И. Как уходили вожди. Записки главного врача Кремля // <http://www.x-libri.ru/elib/chazv000/index.htm>

** Там же.

разования (Рыбинский речной техникум, Высшая партшкола и заочный историко-филологический факультет Карело-Финского университета), но неглупого Андропова как-то изменить ситуацию к лучшему провалились. Они обернулись только таким возвращением к «ленинским нормам», как высылка строптивой интеллигенции на «профессорских пароходах» (наиболее значимые при нем – высылка писателей Владимира Максимова, Александр Солженицына и Александра Зиновьева) и охота за прогульщиками в кинотеатрах. Да и благосостояние населения начало при нем падать, если не считать только появления в магазинах дешевой водки, получившей у благодарного народа название «Андроповка».

Черненко был исполнителен как бюрократ, но в марксизме разбирался так же, как свинья в апельсинах, о чем говорит принятый при нем лозунг его собственного изобретения: «Экономика при социализме должна быть экономной». Ну, а Горбачев достиг своего уровня некомпетентности, еще будучи первым секретарем Ставропольского обкома КПСС, и даже после развала СССР ничего не понял, ничему не научился и активно предлагал всему человечеству провести «перестройку» по его методу.

18 сентября 2008 года Джордж Буш-старший на торжественной церемонии в Филадельфии, посвященной 20-летней годовщине падения Берлинской стены, вручил Михаилу Горбачеву «медаль свободы», присуждаемую ежегодно Национальным конституционным центром США, с формулировкой «за мужественную роль в окончании “холодной войны”». И была в этом награждении хорошо замаскированная издевка над недоумком Горби. Ведь ту же премию до него получил и Рейган, но с другой формулировкой – «за ум».

Ну, а что касается Ельцина, изгнавшего Горбачева из Кремля, сменившего его, то им легко манипулировали агенты влияния Запада, где хорошо понимали, с кем имеют дело.

У Окуджавы есть такая песня «А умным кричат: “Дураки! Дураки!” А дураков незаметно...». У интеллигенции, в первую очередь творческой, особый нюх на дураков, и она от души потешалась над всеми партократами, не особо заботясь, да и не задумываясь о том, что расхожие хохмы типа «Бровеносец в потемках» (про Брежнева) оборачиваются так

или иначе осмеянием и советской власти. Особую роль в этом сыграли наши барды – от Галича до Окуджавы и Высоцкого, песни которых стали действительно общенародными. И винить их в этом нельзя. Народ не мог не видеть и не понимать, что страной правили невежды и дураки, и, если бы не умные и преданные Советской Родине патриоты и в партии, и в обществе, и на производстве, наше государство развалилось бы задолго до Горбачева. Но всему есть предел, за которым начинается отчаяние и неверие в собственные силы.

В 70–80-х годах к двум бедам России прибавилась еще одна. Тогда говорили, что у России три беды – «Дороги, дураки и... старики». Последний этап существования советского государства был отмечен таким феноменом, как «геронтократия». Помню, перед поездкой в Египет в 1973 году меня вызвали на инструктаж к одному из заместителей секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева, который возглавлял тогда Международный отдел ЦК. Я был поражен, когда увидел, что в его кабинете за занавеской стояла кровать, на которой он сидел, еще не совсем проснувшись в тот момент, когда я к нему вошел. Было ему далеко за 70. И он держался за этот кабинет с его любимой кроватью, не давая продвинуться по служебной лестнице своим подчиненным. А самому Пономареву к тому времени было уже за 80, хотя он, в отличие от своих коллег по Политбюро, сохранял ясность ума до самой смерти. Геронтократы в верхних эшелонах власти и в советской бюрократии на местах подтягивали своих однолеток на освобождавшиеся после смерти одряхлевших коллег места. В результате лозунг «Молодым везде у нас дорога» звучал насмешкой над поколением 30–40-летних, лишившихся шанса сделать себе приличную карьеру из-за уже трех основных бед России.

Конечно, в тех баталиях на идеологическом фронте, которые не прекращались вплоть до последних дней Советского Союза, все это надо было понимать и учитывать. И тут был прав Булат Окуджава: надо было делать все возможное, дабы существовавший режим «очеловечить». С другой – позаботиться о том, чтобы «социализм с человеческим лицом», как говорили реформаторы в Чехословакии, не обернулся реставрацией капитализма с неминуемым при этом развалом СССР и превращением России

в сырьевой придаток стран Запада. Опасность именно такого сценария развития событий я начал понимать только в «Комсомольской правде».

На переломе

В «Комсомолку» из «Смены» меня переманил мой друг Анатолий Агарышев, человек удивительной духовной красоты и преданности Русскому миру. Он был одним из лучших арабистов в Советском Союзе, переводил арабских поэтов и написал книгу о президенте Египта Гамале Абдель Насере, которая вышла в «Молодой гвардии» в серии «Жизнь замечательных людей». Именно Анатолий приобщил меня к изучению сионизма и ввел в «Кружок Милованова» в международном отделе ЦК КПСС, который занимался всеми ближневосточными проблемами. (Я расскажу подробнее о нем ниже.) Агарышев в «Комсомолке» был заместителем редактора иностранного отдела по капиталистическим странам и с этой должности в мае 1969 года уехал в Египет собкором, а я сменил его в редакции. В Египте нам суждено было последний раз встретиться 6 октября 1973 года, в тот самый день, когда началась «война Судного дня», четвертая арабо-израильская война. Я приехал в Каир от «Правды» с делегацией советской партийной печати, а пришлось на время стать военным корреспондентом. Анатолий, светлая ему память, к сожалению, рано умер – в 1988 году. Ему был всего 41 год. Он многому меня научил, и не только в газетном деле.

В 1965 году в «Комсомолке» работал разный народ, групповые интересы были весьма ощутимы, но еще не было того очевидного размежевания коллектива на «Восток» и «Запад», который произошел два-три года спустя, хотя все предыдущие события на полях сражения партийного руководства с интеллигентским «инакомыслием» объективно подготовили для этого почву.

Было в редакции крепкое русское ядро. Признанным его лидером был заместитель главного редактора блокадник Сергей Александрович Высоцкий. В 1941–1942 годах он находился в осажденном городе. Был эвакуирован. Три года провел в детском доме в пермском селе Сива. Из Ленин-

града, где он работал в газете «Смена», Высоцкий перебрался в Москву в 1964 году. В «Комсомолку» мы пришли почти одновременно. Высоцкий курировал в редакции отдел пропаганды и военно-патриотический отдел, который отвечал за проведение в редакции «Землянки» – ежегодной встречи с ветеранами Великой Отечественной, среди которых нашими гостями были и маршалы Советского Союза, такие как И. С. Конев, в войсках которого воевал и мой отец в 1943 году, когда Конев стал командующим Степного фронта. Все было по-настоящему в нашей «Землянке» – от полевых котелков до касок и фронтовых 100 грамм, а колонны в актовом зале специально декорировали под замаскированный командный блиндаж. За это и за наши «Четверги» у нас непосредственно отвечала корреспондент отдела писем Ирина Котенко (1941–2009), светлый человек удивительной доброты и добросовестности. Такие встречи с ветеранами учили любить Родину, сближали людей. А это уже было святое, и никто от таких «Землянок» не отлынивал. Высоцкий был очень близок к Агарышеву, и им вместе удалось опубликовать в «Комсомолке» первые статьи Юрий Иванова, автора знаковой книги «Осторожно, сионизм!».

Нашу Русскую партию Высоцкий никогда не давал в обиду, и именно в его дежурства нам удавалось публиковать самые ненавистные для либералов статьи и фотоснимки. После «КП» Высоцкий работал какое-то время у одного из лидеров Русской партии Сергея Семанова замом главного в журнале «Человек и закон» и вместе с ним попал «под раздачу», когда на эту «партию» начались гонения после восхода Андропова на пост Генсека ЦК КПСС. К счастью, к тому времени его уже приняли в Союз писателей, и он мог спокойно работать над своими повестями и детективами, которые охотно публиковали в СССР вплоть до его развала. После этого не появилось ни одной его книги.

Высоцкого сменил Лев Константинович Корнешов (1934–2005). Он работал в «Комсомолке» с 1970 по 1978 год и стал ее главным редактором после Панкина, а затем перешел в «Известия» заместителем главного. Именно он без всякой просьбы с моей стороны опубликовал в «Известиях» очень добрую рецензию на спектакль в Театре им. Н. В. Гоголя по моей пьесе «Заложники Генри Марлоу».

Одним из наиболее ярких русских патриотов «Комсомолки» и по своим убеждениям, и по характеру был Валентин Васильевич Чикин, в то время редактор отдела пропаганды. Вспыльчивый, неуравновешенный, абсолютно убежденный в том, что прав только он, Валентин, член КПСС с 1956 года, был всегда и прежде всего убежденным коммунистом нового формата – без догматизма и начетничества, искренне искал современную редакцию ленинского учения. Это вызывало к нему равную неприязнь как сусловских догматиков, так и яковлевских «демократов». Признание к Чикину на идеологическом фронте пришло еще в 60-х годах после того, как он начал вести на страницах нашей газеты «Ленинские уроки», которые затем разработал для сети комсомольского политпросвета. Дальнейшая его жизнь была связана главным образом с газетой «Советская Россия», а после развала Союза – с КПРФ. Он вошел в руководство зюгановской компартии и стал от нее постоянным депутатом Госдумы.

С 1971 по 1984 год он был в «Савраске», как мы ее называли между собой, первым заместителем главного редактора. На два года (1984–1986) уходил в Госполитиздат первым заместителем председателя, а оттуда вернулся в «Советскую Россию» уже главным редактором. Именно в этой роли Чикин опубликовал в своей газете знаменитое письмо Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», едва не обернувшееся отставкой Горбачева. Он продолжал руководить своей газетой и в годы «перестройки», и после развала СССР, и при Ельцине, и при Путине.

В нашей «партии» была и Новелла Александровна Иванова, очаровательная курносая женщина-пончик с озорными глазами и живым литературным даром. Когда я пришел в газету, она была заместителем редактора отдела социалистических стран. Именно на ее плечи пал чехословацкий кризис 1968 года, и она редактировала мои статьи из Праги. Вместе со своим мужем, работником Внешторга, она уехала в 1969 году в Японию и написала там прелестную книгу «Япония без кимоно». В «Комсомолку» она уже не вернулась и работала почти 17 лет в «Огоньке». Она всегда была непоседой и моталась по всему миру, то и дело появлялись ее репортажи из Алжира, Испании, Лаоса, Польши, Югославии, Монголии, Финляндии, Норвегии, Швеции... Она очень любила Кубу, и ей единственной из совет-

ских журналистов удалось взять не письменное, а живое неформальное интервью у Фиделя Кастро. В 1988 году Новелла Иванова была одним из создателей популярного в стране еженедельника «Семья» (тираж более 2 миллионов экз.). Она умерла в 2015 г. Остались жить ее книги, помимо японских очерков, – «Дети дефицита», «Наркотики – выход есть», «Как любят в России!»... Светлая ей память.

Объективно, хотя вовсе не ангажированно, к нашей Русской партии примыкали многие журналисты «Комсомолки» того времени. Прежде всего, это покойный Василий Песков с его удивительными фотоочерками под рубрикой «Окно в природу». Он был до мозга костей русским человеком, даже по всем своим медвежьим повадкам. Василий Михайлович родился в 1930 году в семье машиниста и крестьянки. Благодаря ему мы узнавали Россию глубинки, ее людей. Его первая книга очерков вышла в 1960 году и сразу стала бестселлером. С 1975 по 1990 год Василий вел телевизионную передачу «В мире животных». Его часто узнавали на улице, останавливали, и он редко кому отказывал в разговоре, разве что очень спешил. Признание пришло к нему рано. В 1964 году за книгу «Шаги по росе» он получил Ленинскую премию. Вручали ее ему в один день вместе с М. Плисецкой, Н. Черкасовым, П. Дейнекой и М. Ростроповичем – с теми, с кем, прежде всего, тогда ассоциировалась советская интеллигенция. Когда он появлялся в редакции, то непременно заходил в наш иностранный отдел и спрашивал: «Ну, что там новенького у вас за бугром?» Он умер в 2013 году и завещал развеять его прах над полем в селе Орлово в Воронежской области, где он родился. Поле это находится на опушке леса, рядом с камнем, который еще при жизни Василий Михайлович привез из Мордовии. На нем написаны его слова: «Главная ценность в жизни – сама жизнь».

Не раз мы сталкивались по жизни и с неистовым русским репортером Геннадием Николаевичем Бочаровым. С 1967 по 1984 год он был специальным корреспондентом «Комсомольской правды», затем работал обозревателем «Литературной газеты» (1984–1994), в ТАСС и «Известиях».

Он передавал свои репортажи из более чем пятидесяти государств мира, в том числе – изо во всех его «горячих точек», включая Афганистан,

за что получил боевой орден Красной Звезды. Его книга «Русская рулетка» стала мировым бестселлером.

С некоторыми моими коллегами по «Комсомольской правде» и по совместным мероприятиям ЦК ВЛКСМ и Комитета молодежных организаций мне пришлось работать и в «Правде». В первую очередь, это Лев Николаевич Спиридонов (1931–2009). В 60-е годы он был заместителем председателя Комитета молодежных организаций СССР, который тогда возглавлял будущий вице-президент СССР и председатель бесславной ГКЧП Геннадий Янаев. В то время мы с ним довольно часто общались.

В «Правде» долгие годы работал и близкий к нашей патриотической группировке в «КП» писатель и драматург Владимир Степанович Губарев, лауреат многочисленных советских и международных премий за его статьи и очерки о советских ученых и космонавтах. Как с драматургом, мне с ним пришлось встретиться во Франции, где поставили его пьесу о Чернобыльской катастрофе. Главную женскую роль в этом спектакле играла Марина Влади. А уже после развала Советского Союза мы не раз встречались в нашем патриотическом издательстве «Алгоритм», где публиковались и его, и мои книги. Какое-то время в «Правде» работал зам. ответственного секретаря Ким Прокопьевич Костенко. Боевой мужик. Сражался на передовой в Сталинграде, освобождал Прагу. В «Комсомолке» в мою там бытность он был редактором отдела рабочей молодежи.

В «Комсомолке» я еще застал Илью Мироновича Шатуновского (1923–2009), классика советской фельетонистики, автора знаменитого фельетона 50-х годов «Плесень». Он перешел в «Правду» в 1967 году и до пенсии заведовал там отделом фельетонов.

«Я помню по временам работы в “Комсомольской правде” – там подрастала юная “пятая колонна”, – вспоминает Валентин Чикин. – Были неплохие, способные ребята, у них не замечалось сильных контрастных проявлений антисоветизма, но, тем не менее, сердечко их чаще билось от западных поветрий. Раздвоенность симпатий, ориентации особенно ощущалась в актерской среде, в кино, ну, среди писателей, журналистов. Пресса все-таки была более завязана на политику, и каким бы либералом ни был редактор, для него неукоснительны были установки партии.

Я замечал: часть коллег “Комсомолки” “выходят” на Яковлева, составляют ему аналитические записки, суть которых он оглашал затем на секретариатах ЦК как свои концептуальные суждения. Он, наверное, не был тогда “агентом влияния” – он просто возрос в оранжерее либералов той поры. В то же время он служил официальным пропагандистом, служил старательно». (Из интервью В. Чикина «Ленте. ру». 26 августа 2015 г.)

Я бы не стал по отношению, даже к части коллектива «Комсомолки» 60–70-х годов применять термин «пятая колонна». Под эту характеристику даже из тех, кого я зачислил в группу «либералов», подходят немногие, хотя Александр Пумпянский, будущий главный редактор «Нового времени» в годы перестройки, – без сомнения, из этой когорты. Но Валентин Чикин верно подметил главное – в разношерстном творческом коллективе «Комсомолки» 60-х годов, независимо от своих взглядов, люди собрались талантливые и нередко по-настоящему одаренные не только в журналистике, но и в литературе. И до поры до времени коллектив этот был достаточно дружным. Мы даже регулярно собирались вместе по квартирам, общались семьями. Тогда все мы были «шестидесятниками», хотя даже сам автор этого термина Станислав Рассадин признавал, что «...понятие “шестидесятник” заболтано, обесмыслено да и с самого начала не имело поколенческого смысла, являясь приблизительным псевдонимом времени».

Это не означало, что между левыми и правыми, нашими «западниками» и патриотами не шла борьба. Шла и в редакции, как и во всем комсомоле, в партии и по всей стране в том или ином формате. Но она тогда еще не принимала открытые формы и по сути дела была подковерной, или в нашей ситуации – коридорной. Честную попытку нас всех примирить задним числом предпринял в 2012 году Союз журналистов г. Москвы. Созданная им редколлегия, в которую вошли мой покойный друг Алексей Пьянов, бывший зам. главного редактора журнала «Юность», а затем главный – «Крокодила», и два бывших сотрудника «Комсомолки» – Зоя Круглова (ответственный редактор) и Леня Репин, подготовила сборник «Журналистика. На стыке веков. Люди и судьбы» (М.: «Московские учебники и Картолитография», 2012). В него они включили биографии и отрывки из

известных публикаций 131 автора, среди которых оказался и ваш покорный слуга. Некоторых моих коллег, попавших в эту книгу, я считаю до сих пор нерукопожатными в силу их русофобии, хотя их не так уж много там было. Но объективно в том сборнике представлен цвет советской и русской журналистики, в чем и цена этой уникальной книги.

Так уж получилось, что из тех журналистов, с которыми я работал тогда в «Комсомолке», вышли и ведущие журналисты патриотического крыла, и прежде «идейные» крипто-антисоветчики, а затем – оголтелые перестройщики, с упоением поносившие коммунизм и советскую власть, как только на то было дано добро с идеологического верха ЦК КПСС от самого Бафомета, как именовали в цековских коридорах А. Н. Яковлева.

По западную сторону стояли потомки воспетых Окуджавой «комиссаров в пыльных шлемах» и примкнувшие к ним «безродные интеллигенты» с верой в те же «либеральные ценности», которыми и в наши дни жонглирует несистемная оппозиция. В редакции «КП» они составляли тесно сплоченную группу, держались друг за друга и активно продвигали своих единоверцев на разного рода премии, грамоты и государственные награды. Из этой группировки, подверженной «западным поветриям», вышли многие известные по перестроечным и постсоветским временам журналисты и политики. Самым пробивным из них оказался выходец из комсомольской организации города Сочи Виталий Никитич Игнатенко. В «КП» он появился в роли стажера в 1963 году, а к 1975 году получил должность первого заместителя главного редактора. Был близок к Панкину. Я с Виталием как-то интуитивно не дружил ни домами, ни по работе, хотя мы какое-то время даже жили в одном правдинском доме на ул. Дыбенко, где я получил свою квартиру от «Смены». Правда, и открыто мы никогда не враждовали. Виталий сделал свою основную карьеру в агентстве ТАСС, где в 1975–1978 годах был заместителем генерального директора. Там он получил Ленинскую премию за сценарий фильма 1976 года «Повесть о коммунисте», прославлявшего Леонида Брежнева. ТАСС в то время возглавлял Л. М. Замятин, человек недалекий, лебезивший перед начальством, но активно хамивший подчиненным. Когда в 1978 году был создан Отдел международной инфор-

мации ЦК КПСС, Замятина поставили им руководить, и он перетащил к себе в замы Игнатенко. Должность была немалая. В этом качестве я с ним снова встретился в ЦК партии уже после своего возвращения из Австралии, когда у Сахалина был сбит корейский «Боинг» и мне поручили написать статью по этому поводу. Курировал ее как раз Игнатенко. А с Замятиным мне пришлось не раз сталкиваться по работе, в том числе во время провальной женевской встречи 1985 года М. С. Горбачева и Рональда Рейгана. В 1986 году вскоре после этой встречи Горбачев отдел разогнал, а Замятина убрал послом в Лондон. Игнатенко четыре года (с 1986 по 1990 г.) пересидел на должности главного редактора журнала «Новое время», а затем вернулся в ЦК сначала помощником, а затем – руководителем пресс-службы М. С. Горбачева.

Во время августовского путча 1991 года Игнатенко оказался между двух огней – с одной стороны, остался вместе с Евгением Примаковым в группе поддержки Горбачева, а с другой, – понимая, что его шеф стремительно теряет власть, сделал ставку на Ельцина. Когда 28 августа 1991 года с должности генерального директора ТАСС сняли моего друга, бывшего первого зама главного «Правды» Льва Спиридонова за публикацию сообщений ГКЧП, Игнатенко занял эту должность. Он успешно продолжал свою карьеру, заняв в мае 1995 года должность заместителя Председателя Правительства у В. С. Черномырдина и курировал вопросы, связанные со СМИ. Должность гендиректора ТАСС он покинул только в 2012 году после возвращения Владимира Путина на должность президента России. Видимо, ВВП насторожило то, как Игнатенко заботился об имидже Дмитрия Медведева в бытность того президентом РФ. Возвращению его в орбиту власти не помогло даже его усердие, проявленное во время Зимней Олимпиады в Сочи 2014 года. С Путиным у него не сложилось. В ноябре 2012 года он добился назначения от администрации родного Краснодарского края членом Совета Федерации РФ, но в сентябре 2015 года покинул и его. По своим взглядам он так и остался единомышленником Панкина и его либерального окружения, а в годы президентства Д. Медведева сблизился с руководителем его «мозгового центра» Игорем Юргенсом, директором Института современного разви-

тия (ИНСОР), в руководстве которого большинство составляют его соплеменники (А. А. Браверман, В. С. Липицкий, А. П. Брудберг, Е. Ш. Гонмахер, Л. Д. Рейман, Е. Г. Ясин и др.).

Когда я пришел в «Комсомолку» в 1965 году, международный отдел в газете возглавлял Александр Владимирович Кривопапов (умер, не дожив месяц до своего 85-летия 30 декабря 2015 г.), выходец из номенклатурной семьи, блестяще владевший английским и французским языками. Сам он тогда писал редко, но своим сотрудникам не мешал это делать. Он был достаточно жестким редактором, но по своим либеральным взглядам был близок к Воронову, почти 40 лет дружил с Борисом Панкиным и с семьей главного редактора «Известий», зятя Хрущева А. Аджубея. Именно Аджубей пригласил его в «Известия» после окончания МГИМО, где он проработал недолго и перешел в «КП». В 1968 году Кривопапов вернулся в «Известия». Был собкором в Чехословакии, затем во Франции и Англии. Вместе с ним ушла из нашей газеты и красавица Валентина Малышева, заместитель ответственного секретаря «Комсомолки», в которую все были влюблены. Она была женой Валентина Чикина. Для него это была подлинная трагедия его жизни. Ведь от него к Кривопапову ушла не только жена, но и их общий с Чикиным сын Максим, с которым мне потом довелось работать вместе во Франции, куда он приехал, сменив Николая Долгополова, корреспондентом «Комсомолки». Максим так во Франции и остался вместе со всей семьей. Вот ведь как поворачивается жизнь.

На место Кривопапова, неизвестно почему, Панкин назначил редактора спортивного отдела Павла Филипповича Михалева (Карантониса), который мечтал уехать от «КП» в Лондон корреспондентом. С его повадками футбольного тренера и вечно торчащим на голове «петушиным гребнем» в виде модного у стилиг 50-х годов «кока», он был полной противоположностью Саше Кривопапову, потомственному интеллигенту, который никогда не повышал голос и не мог позволить себе покрыть кого-либо матом. Карантонис мог. Михалев дружил с Виталием Игнатенко, который, став заместителем главного редактора, помог Михалеву перебраться в Лондон. Он там пробыл недолго, и после его возвращения в 1987 году Игнатенко пристроил его к себе в ТАСС, где он к тому времени стал заместителем

генерального, а когда Игнатенко пересел в кресло главного в 1991 году, Михалев стал его заместителем. Это была одна команда.

Александр Борисович Пумпянский, лауреат премии Союза журналистов им. Воровского и прочих наград, пришел в «КП» после окончания МГИМО в 1963 году. При мне он был сначала рядовым литсотрудником иностранного отдела, а когда Новелла Иванова уехала в Японию, занял ее место и стал заместителем редактора по социалистическим странам. Так мы с ним оказались в одном кабинете. Соцстраны были не его спецификой – по профилю международной журналистики он был американистом, но зам. редактора – это все же статус, который я ему объективно помешал получить, когда замом по капстранам назначили меня годом раньше. Реванш он взял через несколько лет, когда уехал в США от «КП» собственным корреспондентом. Саша был, безусловно, талантливым журналистом, и его статьи из Америки это подтверждают. Но уже по ним можно было заметить, что Америку он любил куда больше, чем Россию. В нем бурно кипела взрывная смесь армянской и еврейской крови, что поначалу мешало ему сделать карьеру из-за его характера и пьяных загулов. Мне самому пришлось однажды ехать в вытрезвитель, куда он попал после проводов за рубеж нашего очередного корреспондента в штатском, и изымать уже заготовленную на Сашу «телегу». Он редко откровенничал по поводу своих симпатий и антипатий, особенно политических. Но вот вскоре после начала израильской агрессии 1967 года мы подготовили для нашей третьей полосы информационную подборку со снимком израильских солдат, избивавших палестинцев в оккупированном Восточном Иерусалиме. Незадолго до подписи полосы в печать оказалось, что на ней нет клише. Выяснилось, что к талеру подходил Пумпянский и в припадке солидарности со своими соплеменниками сорвал с полосы металлическое клише, согнул его пополам до непригодности и выбросил. Но мы быстро восстановили его, и газету не задержали. Тогда это ему с рук сошло благодаря Кривопалову.

Со временем Пумпянский остепенился. Вернувшись из США, стал заместителем главного редактора еженедельника «Московские новости», будущего флага перестроечной прессы. С 1986-го он – первый заместитель главного редактора, а с 1990 по 2006 год – главный редактор

журнала «Новое время» (теперь его кличут по-английски The New Times). Вот тогда, в последние два года существования СССР, он развернулся во всю мощь своего диссидентского дара и вывел этот еженедельник в разряд главных рупоров антисоветизма 90-х годов. Под стать ему были его преемники на посту главного – Раф Шакиров (2007), Ирена Лесневская (2007–2009), которая заявила, что «считает Путина своим идейным врагом». Да и нынешний его главный редактор с 2009 года патологическая русофобка и сионистка Евгения Альбац приняла ту же эстафету. Так что мой бывший сосед по кабинету в «Комсомолке» оказался в том самом оппозиционном «болоте», где собралась вся «пятая колонна», финансируемая из его любимых Соединенных Штатов.

В «западники» ушли многие «звезды» «Комсомолки» 60-х годов. Это – Татьяна Владимировна Агафонова (1930–1994), спецкор газеты, подруга, личный секретарь великой нашей балерины Галины Улановой. Николай Давыдович Боднарук (1942–2009) работал в «КП» с 1969 года, прошел весь путь – от стажера до собкора в Австралии, а затем – заместителя главного редактора. С 1985 по 1996 год – заместитель главного редактора газеты «Известия». Затем – первый заместитель главного редактора «Общей газеты» (1996–1997), главный редактор «Литературной газеты» (1997–1998). Все мы знаем, какой антирусской ориентации придерживались все эти газеты в годы перестройки и после развала СССР. В последние годы своей жизни Николай был советником председателя Внешторгбанка. Туда на работу членов Русской партии, как известно, не брали.

Ярослав Кириллович Голованов (1932–2003) в мировоззренческом споре 60-х годов между «физиками» и «лириками» принял сторону физиков. В «Комсомольской правде» он работал с 1958 года и до конца жизни возглавлял ее отдел науки и техники. Он был автором популярнейшей серии «Этюды об ученых» и около 30 лет проработал над биографией отца советской космонавтики, главного конструктора С. П. Королева (Королев. Факты и мифы. М.: Наука, 1994). Он немало сделал как популяризатор науки и действительно заслужил «Золотое перо России» (Премия Союза журналистов). Но идеологически всегда оставался в либералах. В 1966 году он был принят в Союз писателей СССР. Рекомендации ему дали автор «Повести

о настоящем человеке» Б. Н. Полевой и будущий литературный эмигрант В. П. Аксенов. О нем написал отличный очерк еще один «западник» – фотограф и очеркист Юрий Рост, спецкор «КП» в 1960–79 годах, а затем – обозреватель «Литературки».

В либералах ходили у нас три подруги – редактор по отделу комсомольской жизни Инга Сергеевна Преловская (с 1970 по 1995 г. в газете «Известия»), Инна Павловна Руденко (начала работать в «КП» с 1957 г. собственным корреспондентом по Волгоградской области, была членом редколлегии по отделу школ и вузов, а с 1972 г. ушла в обозреватели) и Лидия Ивановна Графова. Лида работала спецкором в «Комсомолке», а с 1990 года помимо журналистики занялась защитой прав мигрантов и по этой линии вошла в Экспертный Совет при Уполномоченном по правам человека в РФ. Номинант премии имени А. Д. Сахарова «Журналистика как поступок» (2002), удостоена звания «Лучший журналист-правозащитник года» (2003). К этой троице примыкала самая красивая журналистка «Комсомолки» Ольга Кучкина, по кличке «Пигалица». Она так и назвала свою книгу мемуаров «Косой дождь, или Передислокация пигалицы». Героями этой книги стали Андрей Миронов, Андрей Вознесенский, Олег Табаков, Алексей Герман, Юнна Мориц, Олег Даль, Ирена Лесневская, Михаил Горбачев, Борис Гребенщиков и другие герои периода «оттепели» и «перестройки», к которым автор всегда испытывала самые теплые симпатии.

Александр Дмитриевич Сабов, в высшей степени интеллигентный, тихий и скромный человек, был в «Комсомольской правде» с 1968 по 1981 год зам. редактора отдела рабочей молодежи, а затем редактором по отделу писем и членом редколлегии. В «КП» мы с ним мало общались, тем более что по своему настрою он был ближе всего к нашим либералам, хотя открыто никогда об этом не заявлял. Какое-то время он был корреспондентом «КП» во Франции и Италии, а затем в том же качестве работал в «Литературке», откуда перешел обозревателем в «Российскую газету».

С «Комсомолкой» связано имя и столь одиозной личности, как ее бывший стажер Валентин Юмашев. Как журналист, он преуспел в годы перестройки и стал заместителем главного редактора журнала «Огонек», а затем его генеральным директором и главным редактором (1987–1996).

Во время президентской кампании 1996 года он входил в предвыборный штаб Б. Н. Ельцина, стал его доверенным лицом и соавтором его «мемуаров»: «Исповедь на заданную тему» и «Записки президента», а затем и зятем – он женат вторым браком на дочери Бориса Ельцина – Татьяне Дьяченко. По мнению Михаила Полторанина, Юмашев входил в самый узкий круг президента Ельцина, в котором в 1998 году обсуждался вопрос физического устранения известного российского политического общественного деятеля-оппозиционера генерала Льва Рохлина (*Полторанин Михаил. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса.* – М., 2010). В 1997–1998 годах Юмашев был руководителем Администрации президента. В 2000 году вошел в состав учредителей Фонда Б. Н. Ельцина. Затем, видно, были большие получены «гонорары» за соавторство с Ельциным, занялся девелоперской деятельностью, владеет половиной башни «Империя» в «Москва-Сити» и деловым центром ОАО «СИТИ» (49,58 % акций), а также рядом активов в Англии. Лоббировал интересы миллиардера Михаила Прохорова и его партии «Правое дело», а также обслуживал других олигархов. В 2001 году дочь Юмашева Полина вышла замуж за Олега Дерипаску. Живет в основном в Англии. И очень небедно.

В российской оппозиции послеельцинского периода хорошо известен Юрий Петрович Щекочихин (1950–2003). Он работал в «Комсомольской правде» с 1972 по 1980 год (с перерывом) старшим корреспондентом отдела писем, а затем – в «Литературной газете» был руководителем отдела журналистских расследований. Он стал одним из основателей и руководителей «Новой ежедневной газеты», рупора несистемной оппозиции при Путине, автором ряда нашумевших антикоррупционных публикаций. По поводу причин его преждевременной смерти споры идут до сих пор.

Это всего лишь несколько наиболее известных имен наших «западников». После того, как с поста главного редактора «Комсомолки» ушел Валерий Ганичев, они составили в ней большинство. Это было уже время перестройки, время бурной политической поляризации всей творческой интеллигенции Советского Союза.

За этой поляризацией внимательно следили на Западе и активно использовали «западников» в своих целях. Весьма типичны в этом плане

откровения политолога Лабеца, специализирующегося на «литературной советологии». В своей статье в английской газете «Таймс» он, в частности, подметил типичную для диссидентствующих литераторов в СССР черту: «они разрываются между двумя лояльностями – “патриотической” и “либеральной”» («Times». 1 августа 1969 г.).

Таких духовных эмигрантов из числа подопечных Лабеца активно преподносили читающей публике как «борцов за правду» и «гениальных писателей», хотя цену им знали. К тому же термин «либеральная лояльность» в среде таких внутренних эмигрантов означает, как правило, не только приверженность западным идеалам, но и нередко – лояльность по отношению к Израилю и международному сионизму. Это «второе дно» у российских либералов приоткрывается всякий раз, когда они вдруг устают носить маску и принимаются поливать грязью тот народ, среди которого они жили, росли и делали свои творческие карьеры. Типичный тому пример – Андрей Макаревич. Все теперь знают из его позорных интервью и писем, в которых он требовал, чтобы Путин отдал обратно Крым Украине, что Макаревич русский народ ненавидит. Не раз мы слышали от него, что русские ни на что не способны, кроме как «гадить», а эта привычка, по его словам, въелась в нас еще со времен татаро-монгольского ига. В Советском Союзе Макаревич сделал неплохую карьеру. В те времена он о своих еврейских корнях не вспоминал. Выдавал себя за белоруса. Макаревич учился в музыкальной школе и спецшколе с английским уклоном, затем окончил Московский архитектурный институт (МАРХИ). Его «Машина времени» стала весьма популярной среди молодежи. В 1979 году Макаревич подписал контракт с «Росконцертом», а на следующий год всесоюзная фирма «Мелодия» принялась тиражировать пластинки его «вокально-инструментального ансамбля». Песенки Макаревича звучали иной раз действительно двусмысленно – его шлягер «Новый поворот» был одинаково созвучен настроениям молодежи, брошенной строить БАМ, и тайным замыслам будущих перестройщиков. Видимо, почуяв ветер перемен, и сам Макаревич, и его поклонники из числа советских номенклатурщиков создавали музыкантам из «Машины времени», и прежде всего Макаревичу, ореол «диссидентов» и «нонконформистов». Зерна, как

говорится, упали на благодарную почву, что подтверждает бывший клавишник ансамбля Макаревича Петр Подгородецкий в автобиографической книге «“Машина” с евреями». Это сработало. Сам Ельцин напевал «Новый поворот», подписав смертный приговор Советскому Союзу в Беловежской пуще вместе с предателями Кравчуком и Шушкевичем. Но вот с Путиным у Макаревича как-то не заладилось. Если Медведев относился к его ансамблю с симпатией, то Путин – с очевидной неприязнью, в чем был виноват, прежде всего, сам Макаревич.

Макаревич поставил свою подпись под открытым письмом к президенту в защиту Михаила Ходорковского, затем стал доверенным лицом олигарха Михаила Прохорова на президентских выборах 2012 года. Видимо, всерьез поверив в свою значимость, музыкант принялся писать письма Владимиру Путину по поводу и без повода, сопровождая это все шумной рекламой в прессе. Он вступился за Pussy Riot, поддержал Алексея Навального на выборах мэра Москвы. Макаревич очертя голову бросился из эстрады в политику, став бардом «болотной оппозиции» в Москве, а затем и подпевалой бандеровского Майдана. Он поддержал госпереворот на Украине, осудил народное восстание в Новороссии и воссоединение Крыма с Россией, а затем выступил в 2014 году на подконтрольных киевской хунте территориях и вместе с «болотными» прошелся по Москве в марше под «жовто-блакитными прапорами». В России это популярности ему не прибавило. Наоборот – от его концертов стали отказываться, а прежние поклонники его бойкотировали. И вот тут-то он и почувствовал «зов крови», как и многие его соплеменники. Для них не было секретом, что госпереворот в Киеве в феврале 2014 года организовали еврейские олигархи, захватившие власть на Украине и контроль над ее экономикой. В марте 2015 года вышел в свет номер международного еврейского журнала «Алеф» с интервью Макаревича израильскому сайту Mignews. «Я помню, как моя бабушка еще говорила на идише», – сообщил Макаревич в порыве ностальгии по своей «исторической родине». Ностальгия эта, видимо, забирала его давно. Еще весной 2010 года, как сообщал израильский сайт newsru.co.il, Макаревич беседовал в Барнауле с раввином Исраэлем Ноахом Каменецким, которому рассказал о том, что иногда посещает синагогу. Макаревич признался на-

конец, что он носит белорусскую фамилию по отцу, а по матери он Шмуйлович и все его предки по линии матери – витебские евреи. Обидевшись на то, что его бойкотируют в России, Макаревич направился в Израиль. Там он представил свой новый проект «Идиш-Джаз»: «В программе прозвучат популярные песни на идиш, русском и английском языках, а также старые и любимые хиты в исполнении Андрея Макаревича и знаменитых джазовых музыкантов». Вот так все вернулось на круги своя.

Никого уже не удивляют такие кульбиты после того, как вся «болотная оппозиция» выступила против воссоединения Крыма с Россией и поддержала украинских карателей в Донбассе, т. к. большинство ее лидеров из той же породы, что и Макаревич.

Независимо от того, евреи они или нет, они прежде всего духовные эмигранты. Патриотизм и любовь к России им чужды уже потому, что Родиной своей они ее не считают и, говоря словами Лабеца, постоянно «разрываются между двумя лояльностями – “патриотической” и “либеральной”».

Многие из этих «мучеников» до поры до времени, пока в «железном занавесе» не было ни щелочки с видом на Запад, изображали из себя истовых коммунистов и обличали своих сограждан в странах проживания в антисоветчине и пресмыкательстве перед Западом. Это была своеобразная мимикрия, известная евреям еще со времен марранов в Испании: принимали чужую веру, но по ночам заворачивались в шали и молились своему еврейскому богу. Но, едва в этом занавесе засияли целые дыры, через которые они уже смогли перебрасывать на Запад свои «шедевры», эти «агитаторы и звонари» вывернули свои красные пиджаки наизнанку. И тогда все увидели воочию, что под этой красной оболочкой скрывался самый черный антикоммунизм, чаще всего вперемешку с махровым сионизмом.

Первая командировка

В «Комсомолке» мне впервые пришлось работать «в поле», то есть ехать в командировку освещать какое-то событие и передавать об этом сообщения, а то и целые репортажи в тот же день, а то и изо дня в день, в номер.

По тем временам у нас ни компьютеров, ни даже факсов не было, а к теле-тайпам мы практически не имели доступа. Приходилось диктовать свои «шедевры» по телефону стенографисткам в стенбюро «КП», которые все это записывали на пленку, потом расшифровывали, распечатывали и передавали в редакцию, откуда уже после правки и сверки со всеми необходимыми визами, включая «лит», т. е. цензуру, материал уходил в набор с пометкой «Срочно! В №!».

Петрозаводск, 1966 г. В. Большаков – слева. В центре – Л. Спиридонов.

Портативных пишущих машинок в редакции в то время нам не выдавали, приходилось в командировках все писать от руки, рассчитывая текст так, чтобы уложиться в заданный объем. Освоил я все это не сразу. И первый блин был комом.

Вскоре после того, как я пришел в «Комсомолку», редактор иностранного отдела Саша Кривопапов отправил меня в командировку в

Петрозаводск, тогда столицу Карельской АССР. Там должен был состояться фестиваль советской и финской молодежи, который я должен был освещать. Саша предупредил меня: «Особо не развози! Ограничимся информацией, если потом материал наберется, то, когда вернешься, напишешь об этом статью». Ехали мы в Петрозаводск в одном купе со Львом Спиридоновым. Он возглавлял советскую делегацию на этом фестивале как заместитель председателя Комитета молодежных организаций СССР. По дороге и поговорили по душам, положив тем самым начало нашей многолетней дружбе. В Петрозаводск мы приехали утром. Спиридонова встречало местное начальство. Он меня в гостиницу не отпустил, и нас повезли на обкомовскую дачу, где уже была приготовлена баня по-русски со всем к ней положенным – от веников до армянского коньяка с закусками (водку Лев обычно не пил). Открытие фестиваля было намечено на шесть вечера, так что я вполне успевал передать свою записочку в номер – газеты тогда выходили за полночь. Не рассчитал я, однако, что в сравнении со Львом, несмотря даже на весь мой камчатский опыт по этой части, такое количество спиртного в сочетании с парилкой на Льва подействует как на слона дробинка, а для меня обернется этакой неконтролируемой эйфорией. Я не то чтобы был пьян, а просто пришел в такой восторг от всего увиденного, что воспринимал с умилением даже дежурные речи комсомольских работников на открытии фестиваля, не говоря уже о народных песнях. В результате я вместо записочки надиктовал стенографистке отчет на восемь страниц со всеми теми красотами, которые мне только пришли в голову типа «Страна тысячи озер прислала в Россию своих посланцев дружбы и братства...».

Когда я вернулся в Москву, меня вызвал Кривопалов, сокративший весь этот мой лирический бред до ста строк, и спросил: «Володя, скажи мне, только честно, ты был пьян, когда передавал вот это?» – и потряс передо мной страничками моего лирического репортажа, исчерканными его безжалостной ручкой. «Не то чтобы пьян, – признался я, – но не трезв». Интеллигентный Саша посмотрел на меня так, что я едва не провалился сквозь землю, и сказал: «Хорошо, что ты признался. Иначе я бы тебя уволил уже сегодня». Этот урок я запомнил на всю жизнь и никогда больше

не писал и не передавал в редакцию ни строчки во хмелю. В 1983 году я работал спецкором «Правды» на международной конференции в Вене, в которой участвовала высокопоставленная советская делегация во главе с Виталием Шапошниковым, заместителем секретаря ЦК КПСС по международным вопросам Б. Н. Пономарева и членом Всемирного совета мира (ВСМ). Пишущая машинка с русским шрифтом была в гостинице, где нас разместили, только в штабной комнате советской делегации. Там под конец рабочего дня Шапошников вместе с нашим главным редактором Виктором Афанасьевым мирно опустошали бар для VIP-клиентов, пока я отстукивал на машинке текст сообщения о первом дне заседания конференции. Я почти заканчивал, когда уже прилично поддавший Шапошников протянул мне с барского стола бутылочку виски и предложил: «Давай, Большаков, выпей вместе с нами». Я ответил: «Простите, не могу, пока не закончу и не передам свой репортаж». Это был вызов, и Шапошников аж побагровел от такой наглости. К счастью, он был неглупым человеком и мне это простил. Да и Афанасьев подбросил мне «индულгенцию»: «Большаков у нас такой, прежде, чем работу не сделает, в рот капли не возьмет». А это действительно стало моим правилом после той глупой истории в Петрозаводске.

Репортажи двумя перьями

«Комсомолка» активно участвовала в борьбе идей. Наша патриотическая группа действовала на самой передовой идеологического фронта. Одной из самых заметных акций на этом фронте стала поездка журналистов молодежных газет стран Варшавского Договора (Болгарии, ГДР, Венгрии, Польши, Монголии, Румынии и Чехословакии) по Советскому Союзу в мае 1967 года. Так как в составе делегации были три главных редактора молодежных газет, в эту поездку ЦК ВЛКСМ отрядил смотрящим и ответственным Виталия Макарова. Виталий – личность в комсомоле известная. Он был при Брежневe представителем ЦК ВЛКСМ на Кубе и какое-то время – заместителем главного редактора в «КП», даже Чрезвы-

чайным и полномочным послом. «Комсомолку» в той поездке представлял ваш покорный слуга. Чтобы наша командировка стала действительно эффективной, я предложил редколлегии «КП» публиковать из каждого города на маршруте поездки «репортажи двумя перьями». Маршрут был потрясающий – Псков, Таллин, Ленинград, Холмск (Сахалин), Иркутск, Братск, Новосибирск, Ташкент. Вся страна в разрезе! Мне предстояло в каждом городе брать в соавторы нового автора из очередной соцстраны. Семь стран – семь репортажей (Иркутск и Братск шли в одной статье).

У нас была такая «рабочая песенка»:

Мы из ГДР,
Мы из МНР,
Мы из ПНР,
Мы из ВНР,
Мы из НРБ и ЧССР,
Мы из СРР
Едем в СССР.

Перезнакомились мы все в первые дни пребывания этой интернациональной делегации в Москве, в гостинице ЦК ВЛКСМ «Спутник», откуда на второй день выехали поездом в Псков. Псковщина – колыбель русской цивилизации, оттуда, как говорил летописец, и «есть пошла русская земля». До сих пор сохранились там древние имена рек и поселений, которые были так наречены еще ариями и протославянами – Сороть, Шесть, Алоль, Опочка, Скрыпли, Идрица... До сих пор стоят неприступные крепости – Псковская, Изборская...

Из Пскова, куда мы приехали рано утром, путь наш лежал в Пушкинские горы. Объяснить нерусскому человеку, даже знакомому с русской культурой, кто такой Пушкин и почему он так дорог нашему народу, сложно. Я видел несколько очень близких по смыслу переводов его стихов на английский и понял, почему англоязычные его не поняли. Английский язык синтетический. В нем нет ни падежей, ни склонений, ни уменьшительных имен с многочисленными вариациями окончаний. Сло-

во «уоц» значит и «ты», и «вы», а для ребенка в возрасте до одного года употребляется местоимение «it», т. е. «оно», равно как и для всех представителей животного мира. Ну, а как тогда передать образ говорящего «Конька-Горбунка» или Царевны-лебедь? В русском языке такое количество тонкостей, которое и делает нашу поэзию, в первую очередь поэзию Пушкина, уникальной, практически непере译имой, а каждое слово и оборот – многосмысловыми.

Михайловское – родовое имение матери А. С. Пушкина, расположившееся в пойме реки Сороть у озер Кучане и Маленец, встретило нас свежей листвой берез и вековых лип в знаменитой аллее А. П. Керн. Наш гид – милая, скромно одетая женщина лет сорока – честно рассказала все, что знала о поэте и Михайловском. Да, это поэтическая родина Пушкина, о чем свидетельствуют даты его многократного возвращения сюда, к истокам России и русского языка.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

Впервые его домик в Михайловском подпалили крестьяне в 1917 году. Затем Пушкина публично «бросали с корабля современности» кубисты, футуристы и дадаисты. К 100-летию со дня его рождения большевики отдали ему дань и восстановили спаленный домик поэта и домик его няни, растащенный на дрова. А в 1941-м на Псковщину пришли немцы. Что смогли, они разграбили, а домик Пушкина опять спалили. После войны его восстановили по фундаменту и свезли туда со всей России предметы быта пушкинского времени и кое-что нашли из его вещей. И все же, как ни старались декораторы и пушкинисты, вид у домика Пушкина нежилой. Скорее казенный. Это своего рода инсталляция, собранная из элементов истории, иллюстрация к полному собранию его сочинений.

Я оставил свою многоязычную группу на наших переводчиков, чей многоязычный шепот зашелестел в попытке перевести стихи поэта, читаемые гидом без остановки, хотя бы в виде подстрочника. Я вышел на берег Сороти, где под березой стояла, как поясняла табличка, «любимая скамей-

ка А. С. Пушкина», присел на нее и, когда зашелестели березовые ветви под ветром, почти физически ощутил присутствие поэта. Сколько бы раз ни сжигали его домик, он жил здесь всегда после своей смерти и будет жить, пока существуют Михайловское и Русская земля.

В Святогорском монастыре, куда нас привезли из Михайловского, шли какие-то работы, но к могиле Пушкина нас все-таки допустили. Гид, словно смущаясь, рассказал, что и после смерти его не оставляли в покое. Могилу вскрывали, чтобы убедиться, действительно ли он там захоронен. Это беда великих людей – им не дают покоя даже после смерти, потому что чтут и хотят быть уверенными, что поклоняются не пустому месту, а реальным останкам. Сколько таких реальных останков расшвыряли по российским просторам после революции сознательные трудящиеся, не перечесть, сколько осквернили могил царей, цариц и их детей, великих русских полководцев и мыслителей. Наверное, поэтому скитается душа Пушкина по Псковщине у своего погасшего очага и нашептывает нам свое завещание:

Нет, весь я не умру.
Душа в заветной лире
Мой прах переживет...

Русский народ всегда отторгал в конечном итоге Иванов, не помнящих родства, и вместе со своей Церковью предавал анафеме тех, кто посягал на его святыни. А тех, кто эти святыни умудрялся сохранить и от поругания иноземными варварами, и тем паче – отечественными, боготворил, возводил в ранг Святых, в Земле Русской просиявших.

Недалеко от Пскова, в Печорах, почти на границе с Эстонией, стоит Псково-Печерский Свято-Успенский мужской монастырь. Он существует с 1430 года. Жили в этом месте выходцы из Киево-Печерской обители, бежавшие в псковские пределы из-за многочисленных набегов крымских татар. История сохранила до нас лишь имя «начального инок» преподобного Марка. В 1473 году преподобный Иона освятил здесь Успенскую церковь, выкопанную в песчаном холме у ручья Каменца. С этого храма на песке

и ведет свою историю святая обитель в Печорах. Монастырь не раз пытались стереть с лица земли иноземные захватчики и враги Православия. А он только прирастал новыми храмами, колокольнями и монахами. Со всех концов света, не только из России, сюда приезжают паломники поклониться чудодейственным иконам и святым мощам. Особым почитанием пользуются монастырские Святые пещеры, где по древней традиции хоронят монахов и настоятелей монастыря, а также потомков славных славянских родов Суворовых, Ртищевых, Нащокиных, Бутурлиных, Мстиславских. Здесь лежат предки А. С. Пушкина, А. Н. Плещеева, полководца М. И. Кутузова, композитора М. П. Мусоргского. От входа в пещеры идут семь подземных галерей, так называемых улиц. Температура воздуха здесь неизменно держится около +5 С. Точное число захоронений не известно. Считается, что в Святых пещерах покоятся более 10 тысяч мумий.

Вряд ли кто в нашей интернациональной группе был верующим. Из теоретически православных были только главный редактор болгарской молодежной газеты «Народна младеж» Пенка Караиванова и Мэри Конакчиева, а также работники болгарского телевидения поэт Никола Инджов и оператор Олеко Драганов. Румыны из молодежной «Скынтейя тинеретулуй» Стефан Юзеф и Йона Гория тоже никак на верующих-православных не были похоже. Ну, а все остальные восточноевропейцы в нашей команде – чехи, венгры, поляки и немцы – часть католического мира. Только один главный редактор монгольской молодежной газеты, название которой «Залычуудун Унэн» никто не мог запомнить даже со второго раза, неунывающий Цедендорж, представлял буддистский мир и всячески это подчеркивал, расписываясь по всему маршруту нашей поездки клинописью.

Все, однако, были одинаково ошеломлены увиденным в Печорах. На нас смотрели с резных иконостасов потемневшие от пятивековых церковных служений лики святых. Великая история России, ее вековая культура, уходящая корнями в глубокую древность, предстали перед нами. И человек, который охранял эту связь времен, поражал не меньше. Это был легендарный архимандрит Алипий (в миру Иван Михайлович Воронов; 1914–1975). Художник, иконописец, коллекционер произведений

живописи, он думал всю жизнь свою посвятить искусству. Но грянула Великая Отечественная. Будущий священнослужитель прошел боевой путь от Москвы до Берлина в составе Четвертой танковой армии. После войны он какое-то время еще работал художником, но свой обет, который дал во время войны, когда чудом выжил в танковом бою, исполнил только в 1950 году. Он пришел послушником в Троице-Сергиевую лавру, где был пострижен в монашество с именем Алипий. Через 9 лет он стал наместником Псково-Печерского монастыря.

Отец Алипий сам показывал нам свой монастырь и рассказывал о его прошлом и настоящем. Статный, красивый, с пышными усами, большой окладистой бородой и удивительно живыми глазами с затаенной хитринкой, он действительно больше был похож на художника-передвижника конца XIX века, чем на черного монаха. Обители его повезло – после революции монастырь оказался в пределах границ Эстонии, а после ее воссоединения с СССР после войны перешел вместе с Печорой и Изборском в состав Псковской области. В результате после революции его ни разу не закрывали и не разрушали. Даже во времена хрущевских гонений на Церковь безбожники старались держаться от него подальше. А вот русская интеллигенция, особенно художники-неформалы и искусствоведы, нередко приезжали в эту обитель за благословением и поддержкой. В 1960–1970-е к отцу Алипию приезжали Михаил Шемякин, Юрий Люкшин, Владимир Овчинников, Валентин Афанасьев, Анатолий Васильев, Вик (Забелин), Александр Исачев, Евгений Орлов и др. В 1974 году было создано даже арт-объединение ленинградских художников-нонкорформистов «Алипий». Вот ведь как складывались дела в Советском Союзе у художников – Хрущев и Суслов подвергали их публичным унижениям и травле, а они шли искать утешения и поддержки в церковь...

Алипий, поглядывая на наших немецких товарищей из «Юнге Вельт» Бригитту Циммерман и Роланда Вундермиля, рассказал, как во время оккупации немцы разграбили сокровищницу монастыря и в марте 1944 года вывезли ее в Германию, где она и исчезла с концами, как «Янтарная комната». А там были немалые богатства – все российские государи начиная с конца XV века вплоть до 1917 года приносили туда свои дары. Я не

знаю, появилась в ГДР информация об этом или мои немецкие коллеги предпочли об этом не сообщать. Отец Алипий годами собирал сведения о пропавших сокровищах, рассылал свои статьи в центральные газеты, но только одна «Советская Россия» 5 октября 1968 года опубликовала за подписью архимандрита Алипия статью «Где сокровища Печорского монастыря?». Вот отрывок из нее:

«Русские цари (и не только цари) одаривали “пребогато” монастырь. В ризнице хранились некоторые вещи, принадлежавшие Ивану Грозному, Борису Годунову, Петру Первому, – массивная золотая цепь, большой золотой крест, несколько золотых кубков, искусно шитая золотая плащаница ручной работы царицы Анастасии Романовны, ее же золотой перстень с камнями и серьги из яхонтов, произведения из золота и серебра многих безвестных русских умельцев. В их числе золотой крест, украшенный драгоценными камнями и жемчугом (1590), “Евангелие” (1644), доски которого с обеих сторон и корень были обложены массивным позолоченным серебром чеканной работы. Еще одно “Евангелие” московской печати, изданное в 1667 году, также с золотом и яхонтами, риза из красного штофа, также хранившаяся в ризнице, украшенная жемчугом и другими драгоценными камнями значительной величины. И много других уникальнейших и драгоценнейших работ...» О статье Алипия узнали в Западной Германии, и вскоре детектив-любитель Георг Штайн обнаружил местонахождение печорских сокровищ. Он выяснил, что в 1945 году они попали к американцам, а затем оказались в запасниках музея икон города Реклингхаузен и никогда не выставлялись для всеобщего обозрения. В мае 1973 года при содействии властей ФРГ большая часть монастырских ценностей была возвращены на родину и хранится теперь в Псково-Печерской обители, в том числе золотой крест с драгоценными камнями работы конца XVI века.

В старинном Сретенском храме монастыря с красными стенами и голубым куполом я поставил свечку у иконы Николая Чудотворца, особо почитаемого в нашей семье. На прощание отец Алипий благословил всех нас. Сердце мое екнуло, словно он коснулся меня рукой. Я так и не признался ему, что я крещеный и все еще не забыл «Отче наш»...

Из Печор автобусом мы выехали в Таллин. Утром оттуда я передал свой первый репортаж двумя перьями. Моим соавтором была Пенка Караианова. Как никак, а Болгария все же страна православная.

Эстонцы не отличаются приветливостью и уже тогда, за 25 лет до развала СССР, предпочитали по-русски не говорить, но обслуживать в своих уютных и вкусных кафе не отказывались. Комсомольские работники республики взяли нас под свое попечение и с легкостью бывалых гидов быстро за один день показали нам все достопримечательности Таллина, рассказали, как местный комсомол выполняет решения очередных съездов КПСС и ВЛКСМ, и без задержек отправили в Ленинград.

Я там не был с тех пор, как меня демобилизовали из армии. Когда нас повезли осматривать местные достопримечательности, а потом в Пушкино и Петродворец, на Пискаревское кладбище, в Эрмитаж, к дому Пушкина на Мойке и к крейсеру «Аврора», я упрекнул себя задним числом за то, что так никогда по-настоящему не побродил по этому городу и не понял его. Уже должны были скоро наступить белые ночи, да и так небо темнело лишь на пару часов, и наша команда, пользуясь этим, бродила по Питеру до самого разведения мостов. Мы пробыли там два дня, а затем нам предстоял перелет через всю страну на Сахалин.

Летели на ТУ-104 с остановками в Омске, Иркутске и Хабаровске. А оттуда – в Южно-Сахалинск. Не думал, что судьба вновь бросит меня на берега Охотского моря. В таком перелете только и можно ощутить, сколь «велика страна моя родная». Я-то это давно понял, летая с Камчатки в Москву и обратно, а для моих коллег из соцстран, каждая из которых немногим больше Московской области, а то и меньше, это было откровением.

1966 год был, по сути дела, последним спокойным годом в мире социализма. Все эти Гольдштюкеры, Кригеры, Геремеки и Курони все еще сидели в подполье и не особенно высывались, пока агрессия Израиля в 1967 году против Египта и Сирии не расставила все точки над «і» и не вызвала волны общееврейской солидарности с Тель-Авивом. Но тогда вряд ли кто мог подумать о том, что Варшавский Договор когда-нибудь рухнет в одночасье. Мы все еще были «братьями по социалистическому

содружеству», и поэтому и наши «репортажи двумя перьями» были выдержаны именно в этом духе.

Наш совместный репортаж с Сахалина заранее застолбил известный в Польше журналист Ежи Раковский из газеты «Штандар млодых». Не знаю, приходился ли он родственником или просто был однофамильцем последнего премьер-министра социалистической Польши Мечислава Раковского, которого называли «польским Горбачевым», но по своим взглядам был к нему близок и, судя по тому, как он тосковал по Речи Посполите, поддерживал польских националистов-западников и «внутренних диссидентов», типа нашего Бурлацкого. Официально он интересовался судьбой польских политкаторжан, сосланных туда царским правительством, о которых в Польше много писали и при коммунистическом режиме, что в Польше вызывало не столько ненависть к царизму, сколько неприязнь к России. У Ежи к Сахалину был интерес особый. Дело в том, что до революции там отбывал каторгу Бронислав Осипович Пилсудский, брат будущего президента Польши Юзефа Пилсудского и Адама Пилсудского. Бронислав участвовал в подготовке «Народной волей» покушения на императора Александра III в 1887-м вместе Александром Ульяновым. Как и брата Ленина, его приговорили к смертной казни, но помиловали в последний момент и приговорили к 15 годам каторжных работ.

На Сахалине архивные данные о нем, как нам сказали, не сохранились. Вполне возможно, что это так, тем более что после русско-японской войны 1905–1907 годов Южный Сахалин отошел к Японии. Но ведь и сама фамилия настораживала тогда местные власти. Это только в наши дни можно найти в Интернете и российских справочниках информацию о том, какой большой вклад внес Бронислав Пилсудский в изучение жизни коренного населения Сахалина – нивхов и айнов. А тогда сама фамилия Пилсудский ассоциировалась исключительно с понятием «враг советской власти» и даже о его родственнике-народовольце, русском революционере нельзя было сказать доброго слова, что, в общем-то, было по меньшей мере неумно. Сам будущий президент Польши, разгромивший в 1922 году Красную Армию под командованием Тухачевского, тоже был в ссылке в Иркутской области. И, когда мы туда прилетели, Раковский и там искал

следы польских каторжан, так как хорошо знал биографию Пилсудского. В наш репортаж по понятным причинам братья Пилсудские не попали, но зато потом Ежи все, что накопал тогда о них в ходе нашей поездки, с успехом опубликовал в Польше.

Сахалин встретил нас радушно известной песней Михаила Танича на музыку Френкеля «Ну, что тебе сказать про Сахалин?». На Дальнем Востоке пели ее совсем не так, как первая ее исполнительница Нина Дорда, в голосе которой вообще не было никакой тоски по дальнему материку. В сахалинском «душевном» варианте мы ее услышали в первый же день в ресторане в Южном Сахалинске, где местные комсомольцы угощали нас дарами Охотского моря. Островной Утесов исполнил ее для нас дважды на бис, так что слова запомнились, и мы напевали ее на следующий день вместе с моряками на рыболовецком сейнере, на котором нас вывезли на морскую прогулку. На Сахалине никто особо не старался отлакировать советскую действительность. Видно было, что люди живут там трудно и небогато. И все же руки не опускали, не отчаивались, не спивались, а что-то действительно старались сделать и для страны, и для себя. На рыбзаводе в Холмске меня поразило разнообразие ассортимента морских консервов. Чего там только не было – и знаменитые на весь мир гигантские крабы, и морской гребешок в собственном соку, и трепанги с морской капустой, и мидии, не говоря уже о местной красной икре и сахалинском лососе и небывалом разнообразии морской рыбы. Куда все это подевалось, когда Советский Союз развалился, только Богу известно. Все разграбили, растащили, продали за бугор, чтобы только нажиться, набить карманы...

...Из Южно-Сахалинска до Новосибирска летели утренним рейсом больше шести часов. Погода была прекрасная и видимость отличная. Любовались сибирской тайгой и реками, замерли все, увидев под крылом Байкал, над которым наш ТУ-104 заходил на посадку. Иркутск порастил меня своим даже не провинциальным, а еще дореволюционным видом. Новостроек было немного. Жилищное строительство, начатое здесь при Хрущеве, шло медленно. А дороги! Господи, какая же это в России беда. Как и везде, мы пообщались с местным комсомолом, а после обеда отправились на Байкал. Я не раз бывал там после этой поездки и никак не мог

привыкнуть к величию и загадочности этого пресного моря и окаймляющих его сопок.

И все же Братская ГЭС, куда мы прилетели на следующий день, потрясла нас всех еще больше. К тому времени один за другим запустили почти все ее гидроагрегаты. Эта махина с почти километровой плотиной, перекрывшей своенравную Ангару, еще долго оставалась самой большой ГЭС в мире. Рассказать об этом в прозе сложно. Я понимаю Евтушенко, который написал поэму «Братская ГЭС». Она сама по себе поэма. Когда мы спустились с плотины вниз к ее основанию и посмотрели на нее оттуда, то показались себе все такими крошечными и беззащитными перед этой небывалой мощностью, огромной массой рукотворного озера, что захотелось подняться как можно скорее на спасительную вершину плотины, по которой уже прошли пробные грузовики и поезда.

Нам, конечно, показывали достижения, фасад реального социализма в СССР. И мои коллеги были еще не один день под впечатлением от этой грандиозной стройки на Ангаре. Только действительно великое, мощное государство могло себе позволить создать столь величественное сооружение. И вместе с тем они видели, скрыть это было невозможно, покосившиеся деревянные дома еще дореволюционной постройки на улицах Иркутска и уже облезшие фасады «трущоб». Я уже не говорю о дорогах и полупустых полках в магазинах и очередях за «дефицитом». На всех заборах висели лозунги, утверждавшие, что главная забота КПСС – это забота о трудовом человеке, а трудовые люди сплошь и рядом жили в бараках и аварийных домах без всяких удобств. И никакая коммунистическая пропаганда не могла этот позор прикрыть. За все потом пришлось расплачиваться развалом Советского Союза да и всего социалистического содружества.

...В Новосибирске самое запомнившееся – это поездка в Академгородок и встреча с молодыми учеными. Наша Кремниевая долина, где в 60-е годы был бесповоротно решен вопрос о том, кто нужнее – физики или лирики. Новосибирск доказал, что нужны и те и другие уже потому, что в лирике никто из молодых ученых не был равнодушен. Поэтические вечера проходили там куда чаще, чем в московском Политехническом. Лучшие

советские барды приезжали туда, не опасаясь, что их «не так поймут». Там бывали Александр Галич, Булат Окуджава, а позднее – Высоцкий. Кто только там не пел под гитару. После концертов бардов их песни оставались надолго в Академгородке. Вечером, насмотревшись всяких чудес в лабораториях, мы разделились на группы и нас разобрали по домам. Были застолья и были песни.

Там я впервые услышал песню Александра Галича в доме одного физика, назвавшегося Володей. Фамилию мне как-то было неудобно спрашивать. Я запомнил только его объяснения по поводу того, как он видит шестимерный куб. Убедившись, что до нас что-то все-таки дошло, он с тоской сказал: «А вот в Москве есть один парень, который видит восьми-мерный куб. Как я ему завидую!»

Вместе с нами к Володе пришли его друзья. Закусок было немного, зато были настоящие сибирские пельмени и отличная водка, настоящая на кедровых орешках. Появилась гитара, и если даже и был какой-то ледок (как-никак иностранцы, а с ними официальные представители ЦК ВЛКСМ и «Комсомолки»), то с первыми же аккордами он растаял. Там я впервые услышал песню Александра Галича «Уходят друзья...»:

Уходят, уходят, уходят друзья
Одни в никуда, а другие в князья...
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья.
Не дарите мне беду, словно сдачу,
Словно сдачу, словно гривенник тертый.
Я и сам вот по мертвым не плачу.
Я не знаю,
Кто живой, а кто мертвый...

В Академгородке люди жили особенные, на пропагандистской мякине их провести было невозможно. Они не были антисоветчиками, но, как никто, чувствовали разрыв между официальной моралью и реальной жизнью. Собственно об этом и пел Галич. Он одним из первых открыто заговорил о растущем расслоении советского общества. «Неодворяне»

от партократии, которые и были для него мертвыми душой, все больше входили во вкус привилегий и жизни за заборами спецдач, спецполиклиник и спецраспределителей, отделявших их от простого народа. Через два года после наших встреч в Новосибирске в марте 1968 года в Академгородке прошел фестиваль авторской песни, проведенный клубом «Под интегралом», на котором состоялся единственный публичный концерт Александра Галича в СССР. Он исполнил там свои самые популярные тогда песни и новую – «Памяти Б. Л. Пастернака»:

Вот и смолкли клевета и споры,
Словно взят у вечности отгул...
А над гробом встали мародеры
И несут почетный ка-ра-ул!

Этого было достаточно для того, чтобы Галича в Советском Союзе запретили уже навсегда. В июне 1974 года он был вынужден эмигрировать. Прошло много лет, прежде чем я увидел его могилу на Русском кладбище в Сен-Женевьев де Буа под Парижем. А мародеры, о которых он пел тогда, растащили Советский Союз и, разграбив его богатства, настроили себе новые виллы за заборами – кто на Канарах, кто на Гавайях, кто на Лазурном берегу Франции... А у семьи Галича, который крестился незадолго до своей смерти, даже не было денег, чтобы купить себе землю на том кладбище, и его «подселили» к чужой могиле, вроде бы как в аренду.

Последний пункт на нашем маршруте перед возвращением в Москву – Ташкент. 26 апреля 1966 года в Ташкенте мощное землетрясение снесло половину жилых домов в его центре. Восстанавливать город начали сразу же. Туда по призыву комсомола съехались добровольцы-строители со всех концов страны. И восстановили город всего за три с половиной года. В память об этом в центре города посадили деревья, символизирувавшие каждую советскую республику. Об этом мы и написали с моим монгольским другом Цедендоржем в нашем совместном репортаже из столицы Узбекской ССР. И, конечно, мы не могли подумать о том, что пройдет всего четверть века, и эти деревья новые узбекские власти выкорчуют, чтобы

не осталось памяти о бывшем братстве советских народов. Собственно и власти-то были не новые. Президент Узбекистана Ислам Каримов занимал должность Первого секретаря ЦК Коммунистической партии УзССР с 1989 по 1991 год. Байский социализм в великой хлопковой республике сменился байским капитализмом, но народ от этого, конечно, лучше жить не стал. Его ограбили так же, как и в России, бывшие партократы и их поделельники-нувориши из числа «комсомольских олигархов».

Из Ташкента мы проехали в Самарканд, бывшую столицу империи Тамерлана, а до 1930 года и столицу Узбекистана. Оттуда – в Бухару и обратно в Ташкент. Не буду описывать достопримечательности этих городов. Скажу только, что прикосновение к такой древности заставляет, прежде всего, задуматься о величии искусства мастеров, пережившем века. Правители империи Тимуридов собирали здесь лучшие умы и самые умелые руки Востока. До сих пор у меня в памяти шедевры восточной архитектуры в Самарканде – голубые мозаичные плиточки, пригнанные одна к другой на куполе мечети Гур-Эмир, где находится гробница Тамерлана, величественная площадь Регистан с Медресе Шер-Дор. В Бухаре запомнились четыре купола минаретов Чор-Минор и Арк, дворец эмира. И конечно – знаменитый бухарский рынок, который у меня ассоциировался с похождениями Ходжи Насреддина, моего любимого героя из популярного тогда у нас фильма. Восточная культура не интегрировалась в русскую. Они взаимно обогатили друг друга и научились при советской власти жить бок о бок, как добрые соседи. Уверен, если бы многонациональный Советский Союз сохранился до сих пор, никакого ИГИЛа не было бы и в помине, хотя, конечно, и в советские времена проявления национализма в Узбекистане и других национальных республиках имели место. В Ташкенте после землетрясения были случаи, когда строителям-добровольцам местные бандиты вырезали на спине пятиконечные звезды. Но в семье, как говорится, не без уroda.

Узбеки встречали нашу команду радушно, по-восточному. Был и великолепный плов, и восточные танцы специально для почетных гостей, и восточные сладости. И наши хозяева, и мои подопечные из соцстран поднимали тосты за вечную дружбу без всякой задней мысли.

В Москве всю нашу команду пригласили на специальное заседание редколлегии «Комсомолки», всем вручили памятные подарки и папки с нашими репортажами двумя перьями, которые одновременно печатались и в братских молодежных газетах. Расставались мы как самые близкие друзья, не догадываясь, как скоро жизнь разбросает нас не только по разным странам, но и по разные стороны баррикад. Тогда в это было просто невозможно поверить.

Монголия – моя первая заграница

В СССР можно было услышать такой афоризм: «Курица не птица, а Болгария не заграница». Действительно, при оформлении советского гражданина в поездку в социалистические страны требования к нему предъявлялись менее жесткие, чем, скажем, в ту же Францию или ФРГ. Из соцстран только Югославия котирировалась как капстрана в силу ее очевидной близости к Западу. Монголия в этом ряду как заграница вообще не котирировалась, т. к. была скорее близка к нашей Туве.

В сентябре 1967 года мне позвонил заведующий спортивным отделом ЦК ВЛКСМ Володя Орел и сообщил, что ему очень понравились мои репортажи двумя перьями, и он хотел бы, чтобы я поехал вместе с ним в Монголию, где будет проходить второй фестиваль дружбы советской и монгольской молодежи. Панкин согласился с этим предложением, отдал приказ в кадры меня оформить, но загранпаспорта у меня не было даже накануне отъезда. Орел решил ехать так, а паспорт, сказал он, привезут в Улан-Удэ. Увы, и на границе с Монголией, куда мы приехали из Улан-Удэ, паспорта у меня не было никакого, кроме обычного советского общегражданского с московской пропиской. Сильно подозреваю, что это были все те же игры со мной со стороны выездной комиссии и КГБ, что и в институте, хотя потом мне объясняли, что задержка вышла будто бы из-за того, что еще не истек срок моего запрета на выезд после службы в секретных войсках ОСНАЗ. Но срок три года уже прошел еще в мае. Ситуация разрешилась самым неожиданным образом. Орел был лихим парнем и решил

идти напролом. «Без корреспондента нам нельзя, – сказал он. – Поедешь с гражданским паспортом. С погранцами договоримся».

Штамп мне поставили монголы 11 августа 1967 года именно в тот паспорт в порядке исключения. Так я с ним и путешествовал по стране. Мероприятия фестиваля начались уже на границе в городе Сухэ-Батор. Туда пришли участники совместного похода советской и монгольской молодежи по местам боевой славы 5-й армии РККА и боевых частей Сухэ-Батора. Дамдин Сухэ-Батор – монгольский Чапаев, руководитель Монгольской народной революции 1921 года, один из основателей Монгольской народно-революционной партии. Он был главкомом монгольских революционных войск, которые активно помогали большевикам в борьбе с частями барона Унгерна и других белых генералов и атаманов на заключительном этапе гражданской войны в России и на начальном – в Монголии. Он рано погиб, но в народе остается популярным по сей день.

В советские годы Монголия была вроде бы как еще одной республикой СССР. По всей стране мы видели плакаты, на которых был изображен всадник, перепрыгивающий на своем коне черную пропасть с синего берега на красный. Это символически означало перепрыгивание Монголии через исторический этап – капитализм – из феодализма сразу в социализм. Конечно, революция 1921 года никак не могла одним махом покончить с феодализмом и буддийской аристократией. К моменту революции в стране насчитывалось 747 буддистских монастырей и 120 тыс. монахов и священников (при общем населении страны в 650 тыс. чел.). Революционные преобразования привели к еще большей нищете, и Москве приходилось их даже сдерживать в 30-е годы. Мы проходили все вместе – коллективизацию, которая разорила тысячи хозяйств монгольских аратов, борьбу с «врагами народа» и их последующую реабилитацию, культ личности и его развенчание. Соратник Сухэ-Батора маршал Чойболсан умер всего на год раньше Сталина, но в отличие от СССР монголы своего лидера не стали втапывать в грязь и чтут, как и прежде. Но еще больше чтут они Чингисхана, который правил Монголией с 1206 по 1227 год. Можно весь вечер провести вместе с каким-нибудь монгольским интеллектуалом и выпить с ним ведро водки, но когда водки уже будет на донышке ведра, он непременно напომ-

нит, что Чингисхан создал самую большую в мировой истории империю. Она простиралась от современной Польши на западе до Кореи на востоке и от Сибири на севере до Оманского залива и Вьетнама на юге. Великое прошлое монголов, однако, не мешало дружбе наших народов. Монголия активно помогала нам во время войны с фашизмом. Более полумиллиона лошадей поставили оттуда Красной Армии по символической цене, купили на свои деньги сотни танков и самолетов. Этого нельзя забыть.

В монгольских степях. В. Большаков – крайний справа.

В 1940 году на X съезде МНРП была принята третья Программа партии. В ней было объявлено, что Монголия будет создавать основы социалистического уклада и материально-техническую базу социализма. Основная надежда была, конечно, на Советский Союз. В Дархане, индустриальной столице Монголии, мы посетили местный цементный завод. Огромная печь высотой с десятиэтажный дом медленно вращалась вокруг своей оси, превращая песок и камни в серый цементный порошок. Психологически находиться с таким монстром тяжело даже человеку хорошо знакомому с гигантизмом современной промышленности. Но для того, чтобы дети степей, кочевники-араты, к этому привыкли, наверное, должно пройти куда больше времени, чем то, что затратили в Монголии на прыжок из феодализма в социализм. В Дархане, как нам рассказывали, главной проблемой было удержать рабочих на заводе. Они не выдерживали, машины их подавляли и угнетали, а потому они и убегали в степь к своим табунам и юртам.

Скотоводство и по сей день остается главным в хозяйстве страны. Говорят, что юрты и теперь, как тогда, во время нашей поездки по Монголии, стоят повсюду, даже на улицах столицы. Незадолго до отъезда в Москву, передав в «Комсомолку» очередную информацию о фестивале, я попросил наших хозяев из ЦК Ревсомола, монгольского аналога ЦК ВЛКСМ, свозить нас в степь, к аратам. Володя Орел поддержал эту идею и поехал вместе с нами. Из Улан-Батора мы выехали с первыми лучами солнца. Путь не близкий – больше ста километров по разбитым степным и горным дорогам в сельскохозяйственное объединение с русским названием «Баян». Это означает по-монгольски «богатый».

Монгольская степь кажется нежилой. Но это только на первый взгляд. То и дело по холмам выскакивают крупные степные суслики, с любопытством оглядывая окрестности в бездонной синеве небес. Не случайно Монголию называют Страной Синего Неба. Кружат ястребы и степные орлы. Наши дипломаты в Улан-Баторе рассказывали мне, что в местных реках огромное количество рыбы, но монголы ее не едят, считают, что именно в рыб переселяются души умерших. Подъехали к правлению. У коновязи стояли лошади, низкорослые, напоминающие по породе лошадь Пржеваль-

ского. Присмотревшись, я заметил, что седла у них – деревянные. Всадники на них не сидят, а стоят в стременах. Ну, а если сядешь, то все нежные места на скаку отобьешь так, что мало не покажется. Хозяева не заставили себя долго ждать. Пришел Ценд, заместитель директора «Баяна», местный учитель Батвуян и секретарь поселкового комитета Ревсомол Батнаса. Все в дели (халатах с воротничками под горло) и сапогах. Человека в европейской одежде в степи не встретишь. По их рассказам, хозяйство у них действительно богатое. Они поставляли государству 40 тысяч тонн мяса, 200 тысяч тонн молока и еще 54 тонны верблюжьей шерсти. Но что за это получали араты? Ценд рассказывал, что в степи для его аратов уже начали строить дома, хотя далеко не все готовы туда переехать, покинув юрты, появилось кино, а газеты и радио – привычны, как степь. Хозяйство рентабельное. По путевкам Ревсомол в совхоз приехала молодая смена. Ребята быстро освоили науку отцов – всего 10 табунщиков управляют со стадом в семь тысяч голов. А кони в Монголии строптивые. Мне предложили вроде бы смирную лошадку прогуляться по степи. Я не Бог весть какой наездник, но отказываться не стал, хотя стоять в седле по-монгольски было нелегко, и это не осталось без последствий. К тому же лошадка, видно почувствовав у меня слабинку, понесла с места галопом, так что пришлось ей показать, как действуют удила. Так она, подлая степняка, понесла меня к коновязи, на которой между двумя столбами была натянута тонкая стальная проволока как раз на уровне моей шеи. К счастью, я успел разгадать ее коварный маневр и у самой коновязи пригнулся.

Время было обеденное, и нас пригласили в ближайшую от правления юрту отведать кумыс и местные сладости. Нас встретили хозяева – пожилой арат Тойвго с изрезанным морщинами лицом и его жена в нарядном голубом дели, гораздо моложе его на вид. За ними пряталась целая ватага ребятишек – их дети – мал мала меньше. У нас, к счастью, остались еще сувениры, и радости детворы не было предела, когда они стали обладателями матрешек, конфет «Мишки в лесу» и значков с Гагариным. В юрте нас угостили чем-то вроде молочного сахара, довольно приятного на вкус, а затем хозяйка принесла большой бидон и, взболтав его содержимое, половником разлила по большим пиалам кумыс. Кумыс был божественный, но я

заметил, что в нем что-то плавает. При ближайшем рассмотрении – сухой навоз. Я слышал, что в Монголии его неспроста добавляют в кумыс. Он якобы предохраняет от сифилиса, который в тех степях достаточно широко был распространен и при монгольском социализме. Поэтому я спокойно отдул этот природный антибиотик к краю и продолжал наслаждаться степным напитком. Володя Орел увидел эту добавку не сразу и отпил несколько больших глотков так, что навоз попал ему в рот. Он тут же выполз из юрты и потом тихо лежал там, вздрагивая время от времени, пока мы беседовали с хозяевами через переводчика о лошадях и верблюдах. На прощанье они нам подарили по целому пакету верблюжьей шерсти, из которой мне в Москве потом связали отличный свитер.

Володя уже пришел в себя. Мы сфотографировались с семьей наших хозяев на прощанье и пошли к машине. Шофер предложил нам по стаканчику архиклассной монгольской пшеничной водки «Улан-Батор». Мы не стали отказываться. Мало ли что там еще в кумысе плавало.

С водкой вообще, по крайней мере тогда, в Монголии – проблема. Пьют степняки по-черному. Мы с Орлом жили в Улан-Баторе в партийной гостинице, куда по вечерам к нам на огонек приходили как минимум два секретаря Ревсомола. Водка лилась рекой. Чтобы быть наутро работоспособным, я тихо сливал свои стаканы в цветы, стоявшие в номере. Володя Орел делал то же самое. Но нашим степным орлам было хоть бы что. Они выпивали минимум по пол-литра и, завершив застолье тостом за братскую дружбу, шли к ожидавшим их машинам на своих ногах. Видимо, была хорошая практика. Больше всего меня поразило то, что водку там подавали на завтрак. На столе всегда стояла бутылка простого архи или «Улан-Батора». Я никогда в своей жизни не опохмелялся даже после серьезных застолий ни пивом, ни вином. А уж тем более водкой. А у наших хозяев это, видимо, было нормой. На завтрак пропускали стаканчик-другой и заедали это ядреным черным супом из молодой конины со степными травками. Ничего вкуснее я не ел.

В последний наш вечер в Улан-Баторе ревсомольцы решили меня порадовать. Во время нашего фестиваля мы встречались с молодыми литераторами Монголии, о творчестве которых у нас, конечно, мало кто слышал.

Чтобы меня не заподозрили в безразличии к местным гениям, я сказал, что все же знаю нескольких монгольских поэтов, и назвал имя того, кто мне нравился больше всех, – Бэгзийна Явуухулана. Его на фестивале не было. Но на прощальный ужин ревсомольцы поэта пригласили, хотя в Монголии он и не был популярен в партийных верхах, т. к. о социализме ничего не писал – ни хорошего, ни плохого. Он был поэтом лирическим, но никак не политическим. Как-то он написал такие стихи:

Обойди целый лес –
Не найдешь
дерева с не надломленной веткой.
Обойди целый мир –
Не найдешь
человека с не раненым сердцем.

После этого Бэгзийну пришлось выслушать в монгольском Агитпропе лекцию о том, что при социализме у монголов сердца полны радостью и благодарностью МНРП, а не ранами, о чем ему и следовало бы написать. А он не писал об этом. Не мог и не хотел.

На прощальном ужине мы и встретились. Подняв тост за Бэгзийна, я прочитал его стихи в переводе на русский:

Бьется юрта белым подолом,
Словно птица белая крылом.
Страшно мне,
Вдруг ветер унесет
Юрту, где любимая живет.

Бэгзийн был растроган, обнял меня. Он хорошо знал русский язык, т. к. пять лет провел в Советском Союзе, где в 1959 году окончил Литературный институт имени М. Горького. Он знал, что его книжку стихов перевели у нас, но никак не ожидал их услышать от меня. Мы крепко выпили с ним в тот вечер. И читали друг другу стихи. Он – свои, по-монгольски, я – свои, по-русски. И друг друга понимали. Он умер в 1982 году в возрасте

всего 53 лет. Монголы вообще долго не живут. В Улан-Баторе теперь есть парк его имени. Там стоит ему памятник. Он сидит на каменной скамейке, задумавшись, будто сочиняет стихи...

...На следующее утро 1 сентября мы выехали поездом в Улан-Удэ, где провели целый день в разговорах с местной комсомолией, затем в Иркутск и оттуда в Москву. Никаких проблем с моим паспортом на обратном пути не было, хотя наша кадровичка в «Комсомолке» никак не могла понять, каким образом я все же проник в Монголию.

Первые статьи о сионизме

«Шестидневная война» Израиля с его арабскими соседями (с 5 по 10 июня 1967 года), в результате чего были оккупированы обширные территории Египта, Сирии и Иордании, и ее последствия заставили меня серьезно заняться изучением сионизма. В этом мне в немалой степени помогли мои товарищи и единомышленники – Анатолий Агарышев, Евгений Евсеев и Юрий Иванов. Через иностранный отдел «Комсомолки» прошли со своими антисиионистскими публикациями и многие советские известные журналисты и ученые еврейского происхождения. Среди наших авторов, выступивших с критикой сионизма, был поэт Арон Алтерович Вергелес (Арно Вергелес; 1918–1999), главный редактор журнала «Советиш Геймланд» («Советская родина» в переводе с идиша), выходившего до 1991 года, и редактор альманаха еврейской литературы «Год за годом» (1985–1990). Вергелес был одним из руководителей Антисиионистского комитета советской общественности, созданного по распоряжению Юрия Андропова (АКСО действовал с 24 марта 1983 по октябрь 1992 г.). Арон Алтерович считал себя последователем поэта Ицика Фефера, тоже писавшего на идише. Фефер был расстрелян вскоре после войны вместе с другими членами Еврейского антифашистского комитета.

Юрий Иванов именно в «Комсомолке» в 1967 году опубликовал свои первые статьи, легшие затем в основу его книги «Осторожно: сионизм», а Евгений Евсеев назвал свою нашумевшую книгу так же, как свою пер-

вую статью в нашей газете, – «Фашизм под голубой звездой». На разных международных форумах, как молодежных, так и взрослых, я встречался с палестинцами и израильскими коммунистами и комсомольцами. Первая моя статья, посвященная преступлениям сионистов против арабов под заголовком «Без родины, без крова», была опубликована в «Комсомолке» 14 декабря 1968 года. В ней я привел свои интервью с руководителем молодежной секции Организации Освобождения Палестины Мохаммедом Эль-Али и с секретарем Комсомола Израиля Джорджем Туби.

В июне 1969 года на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве, где я был аккредитован от «Комсомолки», я впервые взял интервью у Генерального секретаря Компартии Израиля Меира Вильнера. Это положило начало нашей долгой дружбе. В последующие годы мы встречались не раз и Меир регулярно высылал мне материалы съездов КПИ и антиссионистскую литературу. Также и палестинцы, сотрудники антиссионистских центров в Сирии и Египте, снабжали меня малоизвестными документами, книгами о положении на Ближнем Востоке и о международном сионизме. Огромное досье удалось создать за счет той иностранной прессы, которая попадала мне в руки в «Комсомолке», а затем уже – в «Правде». Многое узнавал я и от своих коллег по борьбе с сионизмом, прежде всего от ученых, которые годами занимались этой проблемой, о которых я расскажу ниже.

Мы обменивались этой литературой, потому что далеко не всегда она была в открытом доступе. Так, в 1971 году в Киеве во время встречи лекторов, выступавших по проблемам сионизма, мне передали фотокопию стенограммы встречи Симона Петлюры с лидерами сионистских организаций Украины в Каменец-Подольске в 1919 году. Это был уникальнейший документ.

Со временем я и сам стал выступать со статьями о сионизме. Первая на эту тему – «Сговор в Техасе» о переговорах премьер-министра Израиля Леви Эшкола с президентом Джонсоном на его техасском ранчо, где они договорились о финансовой помощи США в деле освоения захваченного в 1967 году нового «жизненного пространства» и о поставках оружия, – появилась в «Комсомолке» в январе 1969 года. Затем в журна-

ле «Агитатор» (№ 17 1970 г.), который выходил тогда большим тиражом, была опубликована моя большая статья о поддержке Израиля сионистскими организациями и еврейскими олигархами США. Журнал «Огонек» (№ 26, июнь 1970 г.) дал мою статью «Фарисейство на крови» на двухполосном развороте с фотографиями. В ней шла речь о начале в 1967 году сионистской кампании за «права советских евреев». Сионистам, как никогда, нужна была живая сила для освоения захваченных у арабов земель, где они самым жестоким образом подавляли сопротивление оккупантам. Статья эта для многих стала откровением.

До того как в СССР была развернута кампания по борьбе с сионизмом, у многих советских людей, как евреев, так и неевреев, было весьма смутное представление о сущности сионизма, а его критику многие и до сих пор отождествляют с антисемитизмом, что сионистов на сто процентов устраивает. Одной из наших задач было как раз доказать, что сионизм противоречит интересам евреев, служит исключительно целям крупной еврейской буржуазии. У многих также было ложное представление о том, кто кем крутит – собака хвостом либо хвост собакой. Некоторые наши авторы с пеной у рта доказывали, что именно сионисты изначально диктовали свою волю, как американскому империализму, так и британскому колониализму, что от истины далеко. В той статье в «Огоньке» я приводил слова британского премьера Уинстона Черчилля, сказанные им после первых сообщений о террористической деятельности сионистов в Палестине еще до провозглашения государства Израиль.

«Если нашим мечтам о сионизме, – говорил Черчилль, выступая 17 ноября 1944 года в Палате общин, – обречено умереть под выстрелами наемных убийц, а наши усилия по созданию ему будущего приведут к тому, чтобы произвести на свет новую банду гангстеров, достойную нацистской Германии, многие, подобно мне, должны будут пересмотреть свою позицию, которой мы так последовательно придерживались в прошлом. Если и есть какая-то надежда на мирное и успешное будущее сионизма, эти подлые действия (т. е. террористические акты сионистских боевиков того времени. – В. Б.) следует прекратить, а те, кто за них ответствен, должны быть уничтожены под корень». После этого выступления сионисты прекратили

свои теракты против британских официальных лиц в подмандатной Палестине, но террор против палестинцев продолжали и после решения ООН о создании государства Израиль. В той же статье в «Огоньке» я рассказал о том, как будущий премьер-министр Израиля Менахем Бегин 9 апреля 1948 года ворвался во главе своей сионистской банды «Иргун» в палестинскую деревню Деир-Яссин и вырезал там поголовно все население – 250 человек, включая стариков, женщин и детей. Таким образом, сионисты продолжали запугивать местное население террором, чтобы заставить его покидать родные дома и земли.

В той статье была у меня такая фраза: «Богом избранный народ был избран сионистами для грязных дел». Этого мне мои «либеральные» коллеги не простили. У них была своя система координат «свой-чужой», в соответствии с которой я уже никогда в «свои» не попал бы. В «Комсомолке» при Панкине я на эту тему практически не выступал, ибо Борис Дмитриевич по мере возможности в борьбу с сионизмом ввязываться не хотел, хотя и вынужден был выполнять соответствующие указания ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ. Основные мои публикации на эту тему появились уже в «Правде».

Болгария фестивальная

В мае 1968 года я приехал в Софию в качестве специального корреспондента «Комсомолки». Задач у меня было две – освещать подготовку к IX Всемирному фестивалю молодежи и студентов и помогать ребятам в Международном подготовительном комитете с выпуском их информационного бюллетеня. Секретарем-координатором Международного подготовительного комитета (МПК) фестиваля был член ЦК Коммунистической молодежи Франции Жан Диар. А от ЦК ВЛКСМ в МПК работал Альберт Михайлович Роганов (1934–2007). С ним у меня сложились добрые дружеские отношения еще тогда, а потом судьбы наши пересеклись в Париже, где Альберт был заместителем представителя СССР в ЮНЕСКО и на этой должности пересидел даже развал СССР. После Софии он

долгие годы работал в Московском горкоме партии – зав. отделом пропаганды и секретарем МГК КПСС, курировал спорт, и именно ему приписывают возрождение футбольной команды «Спартак». Да и после развала и возвращения из Франции он не пропал. Вместе с другими бывшими функционерами ЦК ВЛКСМ Альберт работал советником в столичной мэрии, по-прежнему ведал спортом, в частности, готовил проведение в Москве Всемирных юношеских игр 1998 года. Так что практика в МПК ему пригодилась не раз.

Официально подготовкой и проведением фестиваля занимались Всемирная Федерация демократической молодежи (ВФДМ) и Международный союз студентов (МСС). Но фактически они работали под контролем ЦК ВЛКСМ и его Комитета молодежных организаций (КМО СССР).

Особое внимание подготовке фестиваля по традиции уделял Сергей Павлович Павлов (1929–1993), которого считают «крестным отцом» Шестого Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1956 году. Он пробыл на посту Первого секретаря ЦК ВЛКСМ десять лет, побив все рекорды лидеров комсомола до него и после. У него была кличка «румяный вождь». Внешне он действительно выглядел в те годы крепко сбитым, здоровым, кровь с молоком парнем с агитплакатов. У Павлова, исконно русского человека из Ржева, была отличная генетика – в роду были высокообразованные дворяне и священники-старообрядцы. Его отец – Павел Петрович Павлов (1902–1970) – был хормейстером и дирижером. И сам Сергей любил музыку и балет. Комсомольская карьера Павлова совпала с «оттепелью», освоением космоса и целины. Его имя отождествляется не только с комсомолом, но и со спортом, с Олимпиадой-80 в Москве, а также с «чекистско-комсомольской мафией», к которой вместе с ним принадлежали Александр Шелепин и Владимир Семичастный – бывшие руководители комсомола и КГБ. Именно в то время началось самое активное взаимопроникновение этих двух организаций. Одним из проявлений этого были открытые по инициативе Павлова по всей стране «молодежные кафе», при которых существовали «оперативные штабы», где постоянно дежурили комсомольские активисты и оперы КГБ, следившие за посетителями. После смещения Хрущева и Павлов, и его шефы были в течение

1967–1968 годов освобождены от руководящих постов Брежневым и отодвинуты на политические задворки. Павлову Брежнев еще в 1965 году предлагал возглавить Госкомспорт, но он стал «министром спорта» только в июне 1968 года. Я тогда от всех этих подковерных игр был далек и, когда в Софию в мае приехал Павлов, думал, что именно он и пойдет во главе советской делегации в день открытия фестиваля по беговой дорожке стадиона Василя Левского. Но это был его последний визит за границу в качестве комсомольского лидера. Уже в июне стало известно, что комсомол возглавит Евгений Тяжелников, полная противоположность «румяному вождю». Это был типичный чиновник губернского разлива – в челябинском обкоме КПСС он был завотделом идеологии и пропаганды. С учетом его любви к чинопочитанию и канцеляризму в ЦК ВЛКСМ было отдано распоряжение – при вызове к Тяжелникову и его замам на доклад приходить с бумагами в специальной папке. С тесемочками. Тяжелников был подхалимом и лизоблюдом и всячески стремился потрафить начальству – раскопал где-то заметочку о молодом Брежневе из заводской многотиражки и озвучил ее на очередном съезде партии. А Андропову, сменившему Брежнева на посту генсека, задумал польстить тем, что нашел его юношеские стихи, опубликованные в его бытность в Карелии. Но не угадал – Андропову это не понравилось, он вообще терпеть не мог тех, кто копался в его биографии, и отца комсомольской бюрократии отправили послом в Румынию, на чем его карьера и закончилась вместе с развалом СССР.

Чуть раньше Павлова убрали и Председателя Комитета молодежных организаций СССР. С марта 1968 по 1980 год его возглавлял Геннадий Николаевич Янаев (1937–2010), до этого (Брежнев любил выдвигать кадры из глубинки) – первый секретарь Горьковского обкома ВЛКСМ. Я всегда удивлялся тому, почему Горбачев именно его выдвинул в вице-президенты СССР, а его коллеги по августовскому путчу 1991 года поставили Янаева во главе ГКЧП. Я встречался с ним всего один раз, когда вскоре после его назначения брал у него интервью в связи с предстоящим фестивалем. Впечатление он производил, мягко говоря, малоприятное. Одутловатое лицо и синяки под глазами выдавали в нем человека пьющего. Это мое наблюдение подтверждали и те, кто знал его еще по Горькому: «Все дела с

Геной решай по утрам, после обеда он уже “хорош”, бесполезно заходить» (*Бажанов Евгений. Вознесенные на Олимп // Журнал «Знамя», 2007. № 4*). Ну, ладно, пей, да дело разумей. Но он уже тогда дела не разумел и о том, что такое КМО, вообще не разбирался и рассказать об этом толком не мог. Говорил он на языке, который я называл про себя «бюрократ-Russian», – обрывочные фразы и мысли, подлежащее и сказуемое не согласованы, падежи не соблюдаются. Мне потом пришлось целый день корпеть над расшифровкой его бреда и приводить этот «новояз» в читаемую форму. Под конец интервью он и сам понял, что оно не получилось, и бросил своему помощнику фразу, с которой он мне так и запомнился: «Оброшьюрте его». Помощник нагрузил меня рекламными брошюрками КМО, с помощью которых мне удалось более-менее пристойно изобразить эту организацию. По тем временам она была филиалом КГБ и даже располагалась между его центральным офисом на Лубянке и ЦК ВЛКСМ в Большом Комсомольском переулке (с 1993 – Большой Златоустинский). КГБ именно через КМО контролировал все международные связи различных общественных, профессиональных, спортивных, студенческих, культурных и других организации советской молодежи. Но, естественно, в той литературе, которой меня «оброшьюрили», об этом не было ни слова. Были от КМО комсомольцы в штатском и в МПК в Софии. Их главного я вычислил сразу, тем более что он этого особо и не скрывал. Но он меня не трогал, а я сам не задирался. Поэтому с Лубянки ко мне претензий по этой командировке не было. Куда тяжелее было с теми эмиссарами из Москвы, которых время от времени направлял в Софию ЦК ВЛКСМ.

Тяжельников и Янаев – эти два провинциальных бюрократа, ничего не смыслившие ни в международных делах, ни в молодежных движениях, если и могли отличить с трудом Бабеля от Бебеля, то уж точно не ведали, ни кто такой Кьеркегор, ни кто Жуан Карлус Маригелла (а западная молодежь их идеями бредила). Но им эти знания были ни к чему при наличии указаний «инстанции», т. е. отдела социалистических стран и международного отдела ЦК КПСС. В соответствии с ними они и принялись руководить подготовкой к Софийскому фестивалю. По Альберту Роганову можно было заметить, что его указивками из центра просто достали. Он

шутил: «Получил ЦУ (ценное указание) сегодня утром. А в обед пришло уже ЕБЦУ (еще более ценное указание)».

IX Всемирный состоялся после большого перерыва – последний был в Хельсинки в 1962 году и должен был пройти в Алжире в 1965-м. Уже даже этот срок нарушал традицию – прежние фестивали проходили каждые два-три года. Были уже проведены все подготовительные мероприятия, но в 1965 году в Алжире произошел военный переворот, к власти пришел министр обороны и бывший соратник Бен Беллы полковник Ухари Бумедьен, провозгласивший курс на строительство социализма. Несмотря на такую прогрессивность нового режима, IX фестиваль в Алжире был отменен. После консультаций с Москвой Всемирная Федерация демократической молодежи (ВФДМ) и Международный союз студентов (МСС) – формально главные организаторы всемирных фестивалей – решили провести его в Софии. Понятно, что главный вопрос был в финансировании. Перед фестивалем был начат сбор средств в пользу фестиваля. В моей первой корреспонденции из Софии я сообщал, что намечено было собрать 180 тысяч долларов. Если разделить это на 20 тысяч участников фестиваля в Софии, то получится по 9 долларов на человека, на которые надо было прожить в Болгарии десять дней, не говоря уже о затратах на гостиницы, концертные залы и поездки по стране. Ясно, что 99 процентов затрат на фестиваль обеспечивала Москва. А кто платит, тот и заказывает музыку. Подход был тот же, что и при финансировании зарубежных компартий, от которых Москва требовала такой же лояльности, как и от правящих партий соцстран. Ну, а если этого добиться не удавалось, как в случае с еврокоммунистами Италии, Франции и Испании, то платили уже за то, что те все же оставались в рамках «международного коммунистического и рабочего движения» под эгидой Международного отдела ЦК КПСС.

По указанию Тяжельникова члены МПК и советской делегации должны были, прежде всего, «не допустить антисоветских провокаций и распространения буржуазной пропаганды на фестивале» и нежелательных «идеологических диверсий». Ну, а как их было не допустить, когда политические дискуссии с самого начала были спланированы как центральное событие IX Всемирного в Софии. Университет святого Климента

Охридского, старейший вуз Софии, стал на время фестиваля огромным дискуссионным клубом. И к этим дебатам готовились не только в Москве и Софии. Весьма активно выступили в дискуссиях на фестивале лидеры студенческой молодежи Чехословакии, где уже всюду расцвела «пражская весна», и из Польши, где аналогичную весну только что заморозили. Хорошо подготовились к этим дискуссиям и в США, откуда приехали не только делегаты от марксистских «Клубов Дюбуа», но и специально натасканные ЦРУ на дискуссии с коммунистами «независимые студенты-борцы за мир во Вьетнаме». К тому же в делегациях США, Канады и ряда европейских стран были действительно независимые представители «новых левых», для которых ни Карл Маркс, ни Владимир Ленин не были авторитетами, и у них куда авторитетнее был Мао Цзэдун, с которым вдрызг рассорился еще Хрущев. Конечно, при всем желании добиться единомыслия идеологически разношерстных молодежных движений, входивших в ВФДМ и МСС, было невозможно.

Центральным направлением фестиваля, открывшегося 29 июля шествием по улицам Софии, были протесты против агрессии США во Вьетнаме, но и об агрессии Израиля против арабских стран не забыли. В Софию прибыли делегации молодежи от Организации Освобождения Палестины, из Сирии, Египта, и Ливана, и Иордании, выступившие против Тель-Авива единым фронтом. А из Израиля в Софию рвались помимо израильских комсомольцев, в делегацию которых вошли как евреи, так и арабы, еще и просионистские организации – Национальный союз студентов Израиля (НССИ) и Сионистская пионерская организация Израиля (СПОИ). К ним присоединилась и раскольническая группа Цабана, отколовшаяся от Союза коммунистической молодежи Израиля после «шестидневной войны». МРК отказал им в участии в фестивале, и в Израиле это послужило поводом для бурной антифестивальной кампании, поддержанной сионистами и в других странах мира. Все это послужило поводом для моей статьи «Маска, мы тебя знаем» (см. «Комсомольская правда», 14 июля 1968 г.), в которой четко были расставлены точки над *i*, – сионистам и пособникам израильской агрессии против арабских стран нет места на Всемирном фестивале молодежи в Софии.

Феномен «новых левых»

Отправляясь в Болгарию, я даже не мог и подумать, что моя командировка совпадет с небывало резким обострением борьбы на идеологическом фронте. Начнем с того, что май 1968 года был отмечен студенческой революцией во Франции и выступлениями «новых левых» в США, ФРГ и Японии, массовыми молодежными манифестациями по всему миру против агрессии США во Вьетнаме. В основном сторонники «новых левых» придерживались ненасильственных действий, на чем держалось все антивоенное движение, выступали с позиций защитников прав человека, прежде всего права на жизнь, но под влиянием анархистов и троцкистов часть «новых левых» пошла по пути радикализации, даже терроризма, как, например, «Роте арме фраксьон» в ФРГ, «Красные бригады» в Италии, а также «Метеорологи» («Weathermen») в США.

Политические и философские взгляды «новых левых», этого качественно нового молодежного движения, представляли собой невообразимую окрошку взглядов философов Франкфуртской школы и еврокоммунистов, раннего Маркса и позднего Ленина, русских народников и классика неомарксизма американского философа Герберта Маркузе. Маркса, Энгельса и Ленина там просто не признавали, что автоматически отбрасывало такую молодежь от просоветских молодежных движений и организаций. Среди кумиров «новых левых» были поэт Аллен Гинзберг и Лейба Троцкий, проповедник негритюда по-американски Малкольм Икс и классик экзистенциализма Альбер Камю, получивший нарицательное имя при жизни «Совесть Запада», отец анархизма Петр Алексеевич Кропоткин и Мао Цзэдун, сподвижница и идеолог батьки Махно Эмма Гольдман и Хо Ши Мин, основатель Франкфуртской школы Макс Хоркхаймер и Жан-Поль Сартр, Эрнесто Че Гевара и автор пародии на коммунизм «Скотный двор» и антисоветской утопии «1984» Джордж Оруэлл.

В мире новейших ЭВМ, небывалой автоматизации и роботизации производства, освоения космоса и ядерной энергетики идеология «новых левых» привлекала молодежь Запада куда сильнее, чем марксист-

ская догматика традиционных коммунистических и рабочих партий с ее заскорузлыми идеями диктатуры пролетариата и трудового крестьянства. В развитых капиталистических странах пролетариата уже давно не было. Индустриальных рабочих заменили операторы ЭВМ, по сути дела, рабочие преимущественно умственного труда. Более 60 процентов рабочих мест приходилось на сферу обслуживания. Да и в странах реального социализма никакой «диктатуры трудящихся» не было. Была диктатура правивших коммунистических партий, а правящим классом была партократия. Она-то и привела Советский Союз к тому застою, который ассоциируют с Брежневым и длительным периодом геронтократии, обернувшейся отчуждением интеллигенции от советской власти. Да и только ли интеллигенции!

Русское государство всегда держалось, прежде всего, благодаря духовным скрепам, той духовной силе русской нации, которая помогала России возрождаться, как сказочной птице Фениксу, даже из самых разрушительных военных пожаров и нашествий. Так было после окончания Второй мировой войны, когда в Советском Союзе при всеобщей разрухе и полном обнищании населения наблюдался необычайный духовный подъем, вызванный гордостью русского человека за свою Родину и своих соплеменников за победу советского народа над фашизмом. Этот подъем был удачно использован в рамках командной системы управления экономикой и обществом, что позволило Советскому Союзу быстро восстановиться после войны 1941–1945 годов и совершить мощный рывок. Благодаря этому он первым запустил спутник и человека в космос, а также первым создал водородную бомбу. За период с 1950 по 1981 год ВВП СССР, по данным ЦРУ, вырастал в среднем на 4,6 % в год, тогда как рост ВВП США за тот же период составил в среднем 3,4 % в год. Однако поддержать такой уровень роста было уже невозможно без соответствующих реформ.

В силу того, что всякое инакомыслие в СССР и странах соцсодружества подавлялось, реформ боялись, как огня. Боялись собственного народа, поэтому вместо того, чтобы разрешить колхозникам сохранить приусадебные хозяйства, с которых они бы и сами кормились, и кормили бы город (против чего после войны не возражал даже Сталин), при Хрущеве начали

их отбирать, уничтожать личный скот и облагать налогом фруктовые деревья, что и обернулось пустыми полками в магазинах. При этом вполне марксистских реформаторов вроде Роя Медведева и Абовина-Егидеса, протестовавших против подобного разорения крестьянства, записывали в разряд диссидентов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Даже премьер-министр СССР Алексей Косыгин попал в число «неблагонадежных», когда выступил с предложениями своих реформ, которые могли бы спасти советскую экономику от влияния централизованного планирования, парализовавшего всякую инициативу на местах.

На Западе между тем, в отличие от СССР и других стран «соцсодружества», своевременно почувствовали необходимость перемен и в политике, и в экономике. В 60–70-х годах XX века носителем современного диссидентства там стало новое левое движение в США, Западной Европе и Японии, главной движущей силой которого были студенчество и творческая интеллигенция. Студенческая революция потрясла весь капиталистический мир, хотя и не затронула его основ, так как не выдвигала никаких политических требований, кроме призыва к прекращению войны во Вьетнаме и защиты прав человека. Главным требованием было «Запрещается запрещать!». А лозунгом – «Будьте реалистами, требуйте невозможного!» (Даниэль Кон-Бендит).

Диссидентство «новых левых» обернулось тем, что сомнению были подвергнуты все ценности общества потребления. Они потребовали соблюдения всех гражданских прав всех членов общества, независимо от их социального положения, цвета кожи, убеждений и верований, уровня образования, сексуальной ориентации и состояния здоровья (последнее было особо важно для защиты прав инвалидов, людей с синдромом Дана и людей с другими отклонениями). «Новые левые» были далеко не идеальными молодыми людьми. Ниспровергали вроде бы все. Они пугали обывателя и своим воинственным атеизмом, и полным пренебрежением к каким-либо «буржуазным приличиям», включая одежду. Свободная любовь и свободный доступ к наркотикам в список требований бунтовщиков не попали, но активно практиковались, в первую очередь в таких экзотических отрядах «новых левых», как хиппи и йиппи. Но не это было в

их движении главным, хотя последствия их нигилизма и свободы нравов привели в конечном итоге к духовному кризису западного общества уже в конце XX века. Но в 60-х годах их требования политических свобод, социального обеспечения, свободного образования, всеобщего медицинского страхования и обеспечения занятости поддерживали многие, в первую очередь профсоюзы. Слияния рабочего движения и студенческого, вопреки ожиданиям коммунистов, однако, не произошло – власти оперативно пошли навстречу требованиям профсоюзов о сокращении рабочего дня, социальном обеспечении и улучшении условий труда. Бунт удалось направить в реформистское русло, потому что целью студенческой революции было не разрушение, а усовершенствование и гуманизация капитализма, но на его основу – частную собственность – «новые левые» не посягали никогда, хотя на Западе не раз утверждали, что видят в их действиях «руку Москвы».

Студенческий бунт, вспыхнувший в Сорбонне в мае 1968 года, заставил уйти в отставку с поста Президента Пятой Республики Шарля де Голля. Как вообще так могло случиться, что благополучная и в принципе законопослушная, хотя и вольнодумствующая Сорбонна оказалась пороховой бочкой, едва не взорвавшей Францию монополий, банков и рантье? Братья Кон-Бендит, идеологи «майской революции» 1968 года, писали в своей книге «Устаревший коммунизм», что студенты протестовали не только против того, что образование не увязывается с нуждами будущего, не только жаловались на недостаток работы для выпускников вузов, но и отрицали систему целиком. «Наш протест, – уточняли они, – обернулся насилием только потому, что структура общества не может быть смята посредством разговоров и избирательных бюллетеней». В тот май непримиримость студенчества по отношению к «мерзостям буржуазного государства» не на шутку напугала власть предрежущих. А бояться было чего. В поддержку студентов выступили рабочие заводов «Рено» и других предприятий страны. 25 мая 1968-го в ходе стотысячной демонстрации студентов и рабочих в Париже раздавались призывы штурмовать правительственные здания. Во Франции началась всеобщая забастовка, в которой приняли участие около 10 млн человек.

Революции, однако, не произошло. Из искры пламя не вспыхнуло. Прежде всего, потому, что рабочие выступали сами по себе, а студенты – сами по себе. И Французская коммунистическая партия, не имевшая никакого влияния на студенческую вольницу, не только не сумела завоевать ее доверие, но и предала студенческую революцию, выступив на стороне властей и заклеив в своей прессе «гошистов», т. е. леваков из Сорбонны. Во многом такая позиция была обусловлена политикой Москвы, где никто не хотел ссориться с де Голлем. После того как он вывел Францию из НАТО и стал открыто выступать против диктата США, нам революции во Франции были совсем ни к чему. Это и стало началом конца партии Марселя Кашена и Мориса Тореза, которая в наши дни окончательно скатилась в болото ревизионизма и соглашательства и потеряла прежнее влияние во Франции, уступив свои позиции даже троцкистам и анархистам. К сожалению, и в руководстве КПСС, а за ним и в «братских компартиях», в силу царившего там догматизма и нетерпения к любому инакомыслию, не сумели увидеть в студенческой революции и в движении «новых левых» союзников и отнесли их в разряд «ревизионистов». И в этом Запад, если использовать термин философа Александра Зиновьева, нас «переумнил».

У сильных мира того была возможность утопить эту революцию в крови. Так, против 100 тысяч безоружных участников манифестации студентов и рабочих в Париже 25 мая 1968 года власти выставили 260 тысяч солдат, 13 500 жандармов и около 3 тысяч спецназовцев. Но в самый решающий момент де Голль отступил и не выпустил их из казарм. А вскоре и сам подал в отставку. И, хотя в ходе стычек с полицией и других насильственных действий, леваки давали достаточно поводов для того, чтобы их бунт был подавлен силой, и не только во Франции, но и в США, ФРГ, Италии и Японии, где в 1968–1972 годах дело дошло до организации терактов, власти на это, как и де Голль, не пошли. Капитализм предпочел обновить свою кровь, интегрировав бунт «новых левых», вместо того чтобы проливать их кровь. И это было чрезвычайно мудрое решение. Самых буйных посадили и надолго. Но их было немного. Большинство удалось перенастроить с желания «разрушить все до основания» на реформирование капиталистической системы.

Капитализм заметно помолодел. Рваные джинсы с цветными заплатками а-ля-хиппи стали одним из элементов высокой моды. Герои баррикад 60-х и 70-х годов заняли со временем посты министров, депутатов, сенаторов и лидеров политических партий, возглавили институты и лаборатории, в которых готовились научно-техническая и информационная революции. Так, пламенный трибун леваков Сорбонны Мишель Рокар стал премьер-министром в правительстве президента-социалиста Франсуа Миттерана в 1988 году. Жак Ширак, распространявший коммунистическую газету «Юманите» в Латинском квартале в мае 1968 года, стал президентом Франции в 1995 году от правой партии голлистов. А «неистовый» анархо-троцкист и «большевик» Кон-Бендит закончил свою политическую карьеру мэром тихого городка в Эльзасе. Вот такие «диссиденты» и способствовали тому, что западный мир получил неоценимый интеллектуальный допинг, который позволил капитализму сделать новый рывок в своем развитии и перейти к постиндустриальному обществу, резко повысив при этом уровень жизни населения. А переместив товарное производство в другие страны, постиндустриальные государства (в большинстве своем – бывшие метрополии) добились и некоторого роста благосостояния рабочих в своих бывших колониях и подконтрольных территориях. В результате из бурливших там котлов назревавших революций удалось выпустить пар – коммунистические и рабочие партии, на которые делала ставку Москва, теряли свое влияние повсеместно. Все это продлило капитализму жизнь и гарантировало его от революционных потрясений на многие годы вперед. Необходимые для этого политические решения принимались не потому, что крупный капитал расслабился до непозволительного гуманизма к концу 60-х годов, а потому, что экономика мировой капиталистической системы требовала реформ и перемен. Особенно в свете небывалых успехов Советского Союза.

Ввод войск Варшавского Договора в Чехословакию в 1968 году, введение военного положения в Польше через два года после этого, появление «ограниченного контингента советских войск» в Афганистане ясно показали всем, что коммунизм не намерен реформироваться ни по польско-чешскому, ни по китайскому образцу. Это привело к очередной схизме

в мировом коммунистическом движении – вслед за маоистами с критикой Москвы выступили новые диссиденты в виде «еврокоммунистов», которые в конечном итоге и развалили мировое коммунистическое и рабочее движение еще до того, как Советский Союз приказал долго жить.

Была ли прямая связь между экономическим упадком Советского Союза и стремлением советских властей подавить всякое инакомыслие? Была, хотя и не прямая. Это подавление обернулось поначалу не столько протестом, сколько равнодушием, отчуждением. Не вдаваясь в философское определение этого феномена, ограничусь лишь известным анекдотом советской поры, который точно отражает его суть: «Вы делаете вид, что нам платите, а мы делаем вид, что работаем». Такой подход к работе, по сути дела, пассивный протест, немыслимый в годы послевоенного трудового энтузиазма советского народа, и обернулся отставанием от стран «золотого миллиарда» по всем параметрам.

В отличие от капитализма 60–70-х годов коммунистическая система в СССР и странах СЭВ упустила шанс переливания свежей крови. И дело здесь не только в советской партийной «геронтократии», панически боявшейся реформ и перемен, но больше всего – потери власти. Ден Сяопину, начавшему в Китае реформы, позволившие этой стране за какие-то двадцать лет вырваться в передовые индустриальные державы, было к их началу далеко за 70 лет. Дело было в привычке к тоталитарному мышлению и правлению, не предполагавшему никаких возражений со стороны управляемых, а главное – в весьма низком образовательном и интеллектуальном уровне советской партийной элиты. На этом фоне даже такой провинциальный «интеллектуал», как Михаил Горбачев с его двумя «обкомовскими» дипломами и ставропольским говором, казался едва ли не Сократом и Джоном Гэлбрейтом (автором теории конвергенции двух систем) одновременно. Не удивительно, что все его реформы сверху с самого начала пошли по принципу «что ни делает дурак, все он делает не так». В результате система оказалась неререформируемой и мы имеем то, что имеем.

С начала 70-х годов экономический рост СССР постоянно замедлялся, особенно резко с 1978 года. Среднегодовой прирост ВВП составлял в нашей стране 6 % в 50-е годы, 5 % в 60-е и почти 4 % в период с 1970 по

1978 год. За период с 1979 по 1981 год среднегодовой рост составлял менее 2 %. В 1982 году ВВП увеличился лишь на 1,5 %.

К моменту прихода Горбачева на пост генсека ЦК КПСС в 1985 году США и ведущие индустриальные страны оставили СССР далеко позади. Развал СССР отбросил Россию еще дальше назад. Она погрузилась в социально-экономический кризис, беспрецедентный по своим масштабам для крупной индустриальной державы, не потерпевшей поражения в какой-нибудь большой войне. После распада СССР в 1991 году Москва чуть ли не за одну ночь потеряла половину подвластного ей населения, две пятых валового внутреннего продукта и четверть подконтрольной территории. За 1992–1999 годах в российской экономике, согласно официальной статистике, произошел спад почти на 40 % в материальном выражении. К концу эпохи Ельцина она занимала 16-е (по курсу валюты) или 10-е (по паритету покупательной способности) место в мире и приблизительно в десять раз отставала от экономики США (<http://all-politologija.ru>).

Потребовались годы, чтобы несколько выровнять ситуацию. К 2012 году, по данным МВФ, десятка крупнейших экономик мира выглядела следующим образом по показателю ВВП: США – 15,685 трлн долл., Китай – 8,227 трлн долл., Япония – 5,964 трлн долл., Германия – 3,401 трлн долл., Франция – 2,609 трлн долл., Великобритания – 2,441 трлн долл., Бразилия – 2,396 трлн долл., Россия – 2,022 трлн долл., Италия – 2,014 трлн долл. и Индия – 1,825 трлн долл. Но главное, что Россия из-за отсутствия в стране демократии и свободы, коррупции и казнокрадства не сумела воспользоваться достижениями четвертой научно-технической революции и так и не вышла из категории развивающихся стран даже в 2016 году. Как сказал один западный ученый, выступая на Петербургском экономическом форуме, в России прекрасно умеют делать открытия и изобретать, но не умеют претворять это в жизнь и в массовое производство.

Известно, что большим кораблям нельзя резко менять курс, иначе корабль перевернется. В СССР при Горбачева бросились из крайности в крайность. В конце 80-х годов, когда под видом перестройки допустили не только инакомыслие, но и отпустили вообще все вожжи, практически легализовав деятельность зарубежных подрывных центров на всей территории

СССР, молчаливый протест в виде фиги в кармане обернулся протестом разрушительного характера. Хорошо обученные за годы «перестройки» агенты влияния и прямая агентура спецслужб Запада умело использовали недовольство народа и стихийный протест (против нехваток продовольствия и предметов первой необходимости, запрета свободной продажи алкоголя, произвола власти на местах и т. д.) для стремительного демонстража социализма, а затем и развала самого Советского Союза. Собственно тот же сценарий использовался в ходе «бархатных революций» в странах Восточной Европы в 1989–1990 годах, которые привели к ликвидации социализма, при организации с помощью спецслужб Запада Революции роз в Грузии в 2004 году, Оранжевой революции на Украине в 2004-м, при попытке Васильковой революции в Белоруссии в 2006 году, а также в ходе Евромайдана-2014 на Украине, не говоря уже о прочих «цветных» и «фруктовых» революциях по сценариям ЦРУ и госдепартамента США в Ливии, Египте и на Ближнем Востоке.

Тогда в Софии я был еще весьма далек от понимания сущности движения «новых левых» и его дальнейшего влияния на ход мировой истории (это не преувеличение). Но уже там, встречаясь с делегатами фестиваля из США, Франции и ФРГ, я стал самым внимательным образом изучать их политические программы и манифесты. Результатом этого стала моя книга «Бунт в тупике?» (см. *Большаков В. Бунт в тупике? Очерки с идеологического фронта. М.: «Молодая гвардия», 1973*).

Взгляд с горы Витоша

Политика – скучное дело, но увлекательное. Если ею всерьез и ежедневно заниматься, она выматывает все силы. После трудовой недели в Подготовительном комитете фестиваля хотелось отдохнуть и расслабиться, хотя для этого возможностей было мало. И все же.

Был конец апреля, и Альберт Роганов неожиданно предложил: «Завтра Пасха, ребята. Надо бы на службу посмотреть...» И вот весь МПК в полном составе едет на гору Витоша под Софией, где стоит Драгалевский мо-

настырь, основанный в 1345 году болгарским царем Иваном Александром. Даже во время турецкого завоевания Болгарии монастырь не тронули. Прямо к этой святыне на машинах доехать нельзя. И, как положено православным, последние 500 метров поднимаемся в гору по лестнице пешком. В храме – с детства знакомая атмосфера церкви, где пахнет горящими свечами и ладаном и непередаваемым ароматом древних икон. Я взял свечку и поставил ее у распятия, прочитал про себя с детства знакомые молитвы и повторил за священником «Христос воскрес! Воистину воскрес!». У русского человека Православие в крови. И никакие комсомольские и партийные билеты, как доказала наша советская история, не способны это истребить. Для многих из нас при общении с Богом посредники в виде служителей церкви не нужны. Но в такие праздники прийти в церковь и послушать службу душа требует.

По выходным мы обычно всем МПК отправлялись в поездки по Болгарии. Страна небольшая – за пять часов можно проехать по шоссе от Софии до Варны. Я побывал в Пловдиве, где стоит гигантский памятник Алеше – советскому воину-освободителю, на Шипке – символической горе, напоминающей об освобождении Болгарии от турецкого ига. И куда бы мы ни приехали, всюду к нам, русским, обращались со словами «Братушки!» и «Добре дошли!» (Добро пожаловать!)), непременно поднимали тосты за русско-болгарскую дружбы и клялись в вечной ей преданности, напоминая при этом и о заслугах болгар перед Россией на примере Кирилла и Мефодия. В наши дни, когда Болгария вступила в НАТО, отказывает российским самолетам в праве пролета над ее территорией, саботировала строительство газопровода «Южный поток» себе же в ущерб, ибо так требовали в Евросоюзе, задумываешься, а что это было с тостами за «братушек» – искренняя признательность либо привычное лицемерие, прикрывающее давнюю неприязнь. Почему, как только какое-то серьезное испытание грянет, Болгария нас предает, как это было во время и Первой мировой, и войны с фашизмом?

В среде болгарской интеллигенции уже тогда в 1968 году можно было заметить, что тосты и речи за вечную дружбу для ее представителей скорее ритуал, чем искреннее выражение чувств. Мой коллега по совмест-

ному путешествию по СССР с репортажами двумя перьями поэт Никола Инджов однажды дал мне понять, что так оно и есть. Дело было на Сахалине. Накануне прошел сильный дождь, на пути перед нашей гостиницей в Холмске образовалась огромная лужа, а Никола был в ботинках на тонкой подошве, и я по доброте душевной решил ему помочь ее перейти – взвалил его себе на плечи и понес через лужу ко входу. И вдруг слышу, он говорит: «Вот так всегда наш русский брат выносит нас на себе». Я его чуть не сбросил в ту лужу, но не стал обострять ситуацию и отшутился: «Да мы все надеемся, что вы когда-нибудь научитесь самостоятельно ходить». Вот они и научились.

Во многом мы и сами виноваты. «Курица не птица, Болгария не граница». Натренировали Тодора Живова, последнего коммунистического лидера Болгарии, так что он поднимал руку «за» на совещаниях СЭВ и Варшавского Договора еще до того, как это сделает Брежнев. Да и во внутреннюю жизнь Болгарской компартии и вообще в жизнь этого народа вмешивались беспардонно, не особо заботясь о пиетете. Забывали, что у этого народа сохранилась, несмотря ни на что, великая тысячелетняя культура, что там есть прекрасные писатели и поэты, художники и композиторы, не говоря уже об архитектуре, ровеснице Древнего Рима. А народ маленький, и, чтобы выжить под чужеземным игом, сохранить свой язык и свою веру, он вынужден был веками приспособливаться к могущественным завоевателям, что не могло не сказаться на его национальном характере.

Понять душу этого народа нелегко. В отличие от нашей, она не открыта нараспашку, а закрыта, как створки устрицы. Я не раз бывал в Болгарии, в том числе и после ее декоммунизации, и убежден, что раскрыть эти створки можно. Только нельзя это делать сразу, с наскоку. Влияние Востока на балканских славян в этом прослеживается со всей очевидностью – для начала знакомства надо вежливо помолчать и не навязываться с разговорами и расспросами.

...Я вспоминаю маленькие улочки Старого Пловдива. Они все тянутся ввысь, к вершине холма, где когда-то стояла римская крепость. Я передал из этого города единственный материал, в котором не было никакой политики, – очерк «Поиск, которому нет конца» об одной из болгарских

делегаток на фестивале художнице по керамике Анне Гребенаровой. Вот небольшой отрывок из него:

«– Как ты подбираешь краски? – спрашиваю я Анну.

– Видишь эти тарелки? Это – моя палитра. Сначала я наношу краску на них. Потом обжигаю. Смотрю, что получится. А уже потом это ложится в картину. Если ложится.

– Но ты представляешь, какой должна быть картина?

– Да, она живет во мне очень долго. Иногда годами. Очень трудно вытащить ее из себя...

– Что ты ищешь?

– Истину, как и все. Вот – посмотри. – Анна берет с полки книгу репродукций древних болгарских икон. – Эти художники нашли что-то свое. Они – предвестники Возрождения. Потом другие через ими найденное пришли к открытиям новым. Но что-то и потеряли. Находя, теряешь. Не всегда видишь что. Потом надо заново искать и потерянное, и утраченное.

– Права ли ты тогда? – показываю я на черепки разбитой керамики.

– Но я же не все ломаю. Вот смотри.

Тарелки, блюда, расписанные какими-то фантастическими красками. Морское дно. Небо. Полет птицы. Огонь. Чей-то взгляд. Полоска тишины...»

В «Комсомолке» этот очерк прошел на ура. Право, куда приятнее писать о художниках и поэтах, чем о политиках и их спорах, об идеологиях и идеологах. Мне всегда было трудно сделать этот выбор. Я очень люблю искусство и литературу и, право, неплохо в них разбираюсь. И если я написал куда меньше очерков о художниках и поэтах, о балете и театре, чем очерков с идеологического фронта, это произошло потому, что мое становление как писателя и политического журналиста проходило в чрезвычайно опасное для России время. С конца 60-х годов и вплоть до начала 90-х «холодная война» против нас велась настолько интенсивно, что могла в любой момент перерасти в горячую, а перемирие на идеологическом фронте сплошь и рядом оборачивалось поражениями для реального социализма, оплотом которого был Советский Союз. Я пошел на этот фронт добровольцем именно в это время и никогда не жалел об этом.

Тоннели под «железным занавесом»

В начале 60-х годов политика Запада по отношению к СССР и другим социалистическим странам претерпела ряд существенных изменений. Правящие круги США и их союзники были вынуждены отказаться от «лобовых атак», когда стало совершенно очевидным, что военный конфликт со странами социалистической системы, чреватый глобальной ядерной войной, равнозначен самоубийству. Даллесовская политика «с позиции силы», доктрина «отбрасывания коммунизма» и «освобождения Восточной Европы» полностью обанкротились после провала контрреволюции в Венгрии в 1956 году и агрессии США во Вьетнаме. Не удалось сломить и Кубу. Возросшая мощь Советского Союза и всего социалистического содружества заставила вчерашних поборников политики «балансирования на грани войны» искать новые методы противостояния коммунизму.

Президент США Джон Кеннеди при вступлении на пост президента США в 1961 году признал: «Мы не можем победить Советский Союз в обычной войне. Это неприступная крепость. Мы можем победить Советский Союз только другими методами: идеологическими, психологическими, пропагандой, экономикой». Именно из этого он и исходил, когда принял решение не доводить дело до войны с СССР в ходе кубинского кризиса.

Уже в 1964 году тогдашний государственный секретарь США Дин Раск провозгласил «политику наведения мостов» в отношениях с коммунистическими странами. Раск выделил три основные цели этой политики: «1. Не допускать расширения сферы коммунизма. 2. Добиваться соглашений, уменьшающих опасность всеобщей опустошающей войны. 3. *Поощрять в коммунистическом мире эволюцию к национальной независимости, мирному сотрудничеству и открытым обществам* (то есть к реставрации капитализма. Подчеркнуто мной. – В. Б.)».

Сенатор Фулбрайт в том же году дал недвусмысленную оценку целей поборников этого «нового курса»: «Они надеются, что политика мостов может дать больше в смысле освобождения Восточной Европы от ком-

мунизма, чем все храбрые и пустые слова, который были сказаны насчет того, чтобы отбросить “железный занавес”».

Антикоммунистические мозговые центры США и других стран НАТО, укомплектованные чаще всего русофобствующими политологами и взятыми сионистами, такими, как, например, Абрахам Брэмберг, главный редактор журнала «Проблемы коммунизма», быстро сориентировались в новой обстановке. Они активно участвовали в разработке доктрины «наведения мостов», в рамках которой был отлажен ряд рабочих концепций и теорий для применения их в подрывной деятельности против социалистических стран. Одновременно те же самые концепции использовались в чисто сионистских целях, для мобилизации сторонников сионизма. Это, прежде всего, «теория эрозии коммунистической убежденности», предназначенная для обработки руководящего звена правящих партий в странах социализма и дискредитации коммунистической идеологии в широких массах. Плоды этой теории мы в полной мере ощутили в СССР в период «перестройки». Это – «теория плюрализма», направленная на создание политической оппозиции правящим компартиям и последующий захват ею власти в рамках «свободной игры политических сил». В классическом варианте эта теория была применена в Польше в 1968 и в 1981–1989 годах, а также в Чехословакии в 1966–1968 годах.

Предусматривались поощрение национализма (в национальных республиках, например, в Советской Прибалтике, на Украине, в Грузии, а также среди евреев), разжигание антирусских, антисоветских настроений, дискредитация «советской модели социализма» и сотрудничества соцстран в рамках СЭВ и Варшавского Договора. Один из владельцев газетного концерна «Нью-Йорк таймс» Сайрус Сульцбергер еще в начале 70-х годов открыто призывал использовать разжигание национализма в СССР как метод борьбы с коммунизмом.

Запад не отказался при этом и никогда не отказывался от своей неизменной стратегической цели, сформулированной еще Гербертом Гувером, – уничтожения Советской империи, сложившейся в результате триумфальной победы СССР во Второй мировой войне. С точки зрения геополитики, само существование этой империи по имени «социалисти-

ческое содружество» позволяло, при всех ее недостатках и издержках, сохранять современный мир двухполярным, не допускать его превращения в вотчину американского империализма, где Соединенные Штаты играли бы роль мирового диктатора. Они этой роли добились только после развала СССР и Варшавского Договора.

Конечно, так называемый реальный социализм был далек от совершенства и, несомненно, нуждался в серьезных реформах и даже радикальной перестройке. Но не той, которую ему навязали Горбачев и его команда ренегатов и предателей, результатом чего стал крах коммунизма, а в перестройке, основанной на воплощении принципов научного коммунизма в жизнь, на развитии социалистической демократии, чего так и не было сделано в России ни после октября 1917 года, ни позже, как и в других социалистических странах после Второй мировой войны.

А стратегия борьбы антикоммунистического интернационала с социалистическим лагерем осуществлялась как раз под девизом «усовершенствования реального социализма», переживавшего повсюду период застоя. Увы, многие честные люди, в том числе и многие диссиденты, как в СССР, так и в других странах Варшавского Договора, не осознавали, что, выступая против коммунизма, они играют на руку вашингтонским претендентам на мировое господство и тем же сионистам. Как сказал Александр Зиновьев в 1992 году: «Целили в коммунизм, а попали в Россию». Увы, многие честные критики реального социализма оказались заложниками глобального антикоммунистического заговора, хотя во многом их критика была справедливой. Не поняли, что их западные покровители стремились не к улучшению социализма, а к его ликвидации в Советском Союзе и других странах Варшавского Договора. Покончив с коммунизмом, те же самые подрывные центры приступили к реализации своего давнего плана по развалу и уничтожению России.

В начале 60-х годов главная ставка была сделана, как подчеркивали чешские публицисты Милан Михалик и Милош Марко в своей книге о «чехословацком эксперименте», на «использование самых незначительных различий во взглядах в рядах международного коммунистического движения с целью подрыва единства социалистических стран и ослабления их

связей с СССР». Начались «поиски наиболее эффективных способов воздействия на социалистические страны» путем использования любой возможности «оказывать влияние на их внутреннее развитие с тем, чтобы постепенно реставрировать капитализм» (*Michalik, M. Marko. Psychologicka voina a cecoslovensky experiment. Bratislava, 1970. S. 28–29*).

Стратеги новой тактики борьбы с коммунизмом ориентировались уже не только на открытые контрреволюционные выступления, как в Берлине в 1953-м и в Венгрии в 1956-м, а главным образом на так называемую «тихую контрреволюцию», на разложение социализма изнутри, на идеологическую агрессию. В этих условиях меняет свою тактику и международный сионизм. От примитивного антикоммунизма времен «холодной войны» сионисты переходят на позиции «озабоченности» судьбами социализма, пекутся о его «улучшении». Эту политику генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл охарактеризовал как попытку «наведения подпольных идеологических туннелей» в социалистические страны («*The Daily World*», 15 сентября 1969 г.). В качестве идеологического фундамента такой политики империализм США использовал так называемую доктрину мирного объединения стран, «теорию конвергенции», суть которой, согласно автору этой теории Гэлбрайту, сводится к тому, что «капитализм и социализм в процессе развития, в конечном счете, сблизятся друг с другом, сольются». Но «слияние» это будет на деле полным поглощением социализма капитализмом.

Все эти теории были не предметом академических дискуссий горэкспертов, оторванных от реальной жизни. Они активно применялись на практике – в подрывной работе против социалистических стран, в идеологических диверсиях и пропагандистской обработке их населения. «Тоннели» под «железным занавесом» по Гэсу Холлу работали круглосуточно, и продукты идеологического экспорта, которые по ним поставлялись в социалистические страны, включая Советский Союз, пользовались достаточно широким спросом. В середине 60-х годов стало очевидным, что новая стратегия антикоммунизма оказалась достаточно эффективной. Попытки правящих коммунистических партий с этим бороться далеко не всегда достигали результата.

В конце 60-х годов размежевание советского общества, при параллельном размежевании в соцстранах Восточной Европы, пошло довольно быстрыми темпами под влиянием двух событий – «шестидневной войны» Израиля с его арабскими соседями и началом «пражской весны» в Чехословакии с одновременными антикоммунистическими выступлениями в Польше. Взаимосвязь этих событий далеко не для всех очевидна. И это не удивительно, ибо ее тщательно и долго скрывали. Работая над этой книгой, я нашел в своем архиве вырезку из израильской газеты «Джерусалем пост» с интервью изгнанного из СССР за «инакомыслие» Владимира Максимова в Лондоне в апреле 1974 года. Цитирую: «Отвечая на вопрос о советских евреях, Максимов заявил: «Существует близкая параллель между еврейскими активистами и русскими диссидентами. Движение еврейских активистов (сионистов. – В. Б.) сыграло важную роль в поощрении общего движения диссидентов, которое борется за большую свободу творчества. Эти два движения взаимно дополняют друг друга и друг друга, таким образом, стимулируют» («The Jerusalem Post», 3 апреля 1974 г.). Почему же образовалась такая взаимосвязь и чем она была вызвана?

Агрессия Израиля 1967 года против арабских стран и блистательные успехи его армии вызвали, как и в 1947 году после его образования, взрыв национализма среди евреев Советского Союза и других соцстран. В Москве в июне 1967 года в Саду им. Баумана толпы евреев пели вместе с Вадимом Мулерманом «Хава нагилу» и другие еврейские песни, что, конечно, на фоне разрыва дипломатических отношений с Израилем ни властям, ни народу не понравилось. Сионистское подполье значительно активизировалось, и дело со временем дошло даже до попыток вооруженного захвата самолетов еврейскими боевиками в СССР. Симпатии к сионизму и государству Израиль среди советских евреев, а они составляли весьма внушительный контингент в творческой и научной интеллигенции, а также в средствах массовой информации СССР и других соцстран, стали, к сожалению, нормой. Не удивительно, что такого рода симпатии органично сочетались у многих с ненавистью к советской власти, которая начиналась по сценарию Троцкого и Якоба Шиффа с еврейских поселений в Крыму, а с годами ввела «пятый пункт», перестреляла евреев-чекистов

и Антифашистский еврейский комитет вместе с «врачами-убийцами» и запретила эмиграцию в Израиль. Рост еврейского национализма и просионистских настроений наблюдались во всех социалистических странах, кроме тех, где евреев отродясь не было. А так как большинство диссидентов составляли евреи либо полукровки, то и среди лидеров антисоциалистических сил в ЧССР и Польше, да и в Советском Союзе оказались, прежде всего, сионисты. С их помощью стратеги новой тактики борьбы с коммунизмом, которые после провала вооруженного путча в Венгрии в 1956-м сделали ставку на разложение социализма изнутри, на идеологическую агрессию, воздействовали на массовое сознание не только через радиостанции ЦРУ «Свобода» и «Свободная Европа» и с помощью засылки антикоммунистической литературы, но и использовали для этого все доступные их агентам влияния средства массовой информации, концертную и лекционную деятельность, публичные и клубные дискуссии. Все это оказалось оружием, куда более эффективным, чем огнестрельное оружие венгерских мятежников.

Вчерашние коммунисты, годами скрывавшие свои сионистские взгляды, становились столь же яростными антикоммунистами, как только выходили из-под контроля властей и цензуры. Одним из таких перевертышей в Советском Союзе был Виталий Коротич. Годами он клеймил американский империализм в своих книгах, за одну из которых – «Лицо ненависти» – он был удостоен Государственной премии в 1985 году. В своих стихах он восхвалял Ленина. Поэзия была невесть Бог какая, но зато идейно выдержанная. Вот строчки из его поэмы «Ленин, том 54»:

И, всякого изведав на веку,
когда до капли силы истощались,
шли к Ленину мы,
словно к роднику,
и мудрой чистотою очищались...

Коротич был настолько правоверен, что в мае 1986 года сам Егор Лигачев, который был в этом деле действительно неправ, подписал приказ

о его назначении главным редактором всесоюзного журнала «Огонек», в котором до него так же прославляли В. И. Ленина и советскую власть, как и сам Коротич до этого. Но вот что сделал сей верный ленинец за какие-то полтора года по характеристике официального сайта «Огонька»: «С его приходом журнал повернул на 180 градусов. Трудно в мировой истории вспомнить издание, которое оказало бы на политическую жизнь страны такое же сильное влияние, как “Огонек” эпохи перестройки. Публицистика “Огонька” стала школой демократии в изголодавшейся по свободе стране. *Разоблачения стали культовым жанром всей журналистики. Начинал эту эпопею журнал “Огонек”... С ним связана эпоха “гласности”, смена политической формации, крах советской власти – сначала в умах людей, а потом и в реальной жизни* (выделено мной. – В. Б.)».

«Огонек» при Коротиче стал таким рупором самого черного антисоветизма, которому могло позавидовать даже издательство власовского НТС «Посев», подсевшее после войны на финансовую иглу ЦРУ. Со страниц журнала Коротича на читателя обрушились «разоблачения», оклеветавшие Зою Космодемьянскую, 28 панфиловцев, Павлика Морозова, да что там перечислять – все то светлое и святое, чем дорожили и во что верили советские люди. В своем антисоветском крематории по имени «Огонек» Коротич спалил это все за какие-то три года.

Иуда получил свои 30 сребреников. Американский журнал «World Press Review», один из каналов влияния, используемых ЦРУ, присвоил Коротичу в 1989 году звание «Зарубежный редактор года». И есть у бывшего главного редактора «Огонька», который поселился в США после развала СССР, во что он внес свой немалый вклад, еще одна денежная премия. В 1990 году он посетил любавичского ребе Менахема-Мендла Шнеерсона, духовного лидера Хабада, который вручил ему за его заслуги перед евреями доллар США. Это у сионистов дорогого стоит!

Перебирая сейчас свою картотеку персоналий антисоциалистического подполья, я то и дело нахожу в ней деятелей, известных, как и Коротич, своими пристрастиями как к антикоммунизму, так и к сионизму. Это, в общем-то, две стороны одной и той же медали. Так, в мартовском «путче» 1968 года в Польше весьма активно участвовали многие

будущие эксперты и лидеры «Солидарности» – Михник, Модзелевский, Куронь, Торунчук, Горецкий, Блумштейн и другие. Уже тогда в роли дирижера антикоммунистических группировок впервые выступил будущий министр иностранных дел Польши Бронислав Геремек. Его отец погиб в Освенциме, а его и мать укрыл польский католик Геремек, один из многих поляков, спасавших евреев от неминуемой смерти, рискуя собственной жизнью. В 1956–1958 годах Бронислав, взяв его фамилию Геремек, учился в аспирантуре в Сорбонне, защитил кандидатскую диссертацию как специалист по истории Средних веков. В этом качестве он не раз ездил за границу, где, по данным спецслужб ПНР, и был завербован сионистами, действовавшими в тесном контакте с американской разведкой («Tribuna Ludu», 15 марта 1968 года). Геремек проходил стажировку в сионистской ложе «Бнай-Брит» в Париже («Glos Pracy», 18 марта 1968 г.). Там же он установил связи с редакцией журнала «Культура». Этот журнал впервые увидел свет в 1946 году в Италии, где тогда базировалась армия Андерса, а затем переехал в Париж, попав в распоряжение разведки США. В рамках «Культуры» был создан шпионско-информационный «центр по исследованию и изучению Польши», а также архив – «отдел документации польской эмиграции». В 1949 году «Культура» официально перешла в ведение Комитета Свободной Европы, созданного ЦРУ как первый форпост «холодной войны» для организации вещания подрывных радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» на СССР и другие соцстраны. В 1956 году опекунов для виду поменяли – официально журнал стал курировать «Конгресс за свободу культуры», который в ходе разоблачений 1967 года в США был назван «крышей ЦРУ». Геремек установил также связи с польской редакцией «Свободной Европы», что неизбежно привело его к прямым контактам с ЦРУ. И не только. Личностями вроде Геремека активно интересовалась и израильская разведка Моссад. В январе 1982 года со ссылкой на поступившие в Париж сведения ливанский еженедельник «Аль-Кифах аль-Араби» сообщил, что Моссад сыграл активную роль в разжигании «польского кризиса». Используя тот факт, что «многие руководители «Солидарности» были сионистами, поддерживающими Израиль и его

политику, – писал еженедельник, – Моссад оказывал непосредственную финансовую и пропагандистскую помощь этой организации». При этом Моссад тесно координировал свои действия с ЦРУ. ЦРУ же активно использовало опыт и осведомленность агентуры израильской разведки в Польше («Аль-Кидах аль-Араби». 2 января 1982 г.).

«Сионистские организации в 1956–1957 годах, – отмечал польский исследователь Т. Валихновский, – а затем в 1964–1966 годах особенно усилили свои нападки на ПНР из тех капиталистических стран, где их представители занимают ответственные посты в пропагандистском аппарате. К числу их относятся, не считая самого Израиля, такие страны, как США, Англия, ФРГ, Австрия и Швеция. Антипольская кампания сионизма нашла особенно широкую поддержку в США» (Валихновский Т. Израиль и ФРГ. М., 1971. С. 114–115).

Сионистская пропаганда вопреки фактам утверждала, что «весь польский народ заражен антисемитизмом». Наиболее известен по этой части историк Ян Томаш Гросс – еврей, родившийся уже в послевоенной Польше. После событий 1967–1968 годов и кратковременного заключения в тюрьме он покинул Польшу и обосновался в США, где стал профессором Принстонского университета. Он автор книги «Соседи» о расправе с евреями в Едбавне в 1939 году в первые дни Второй мировой войны. После «Соседей» он издал еще одну книгу – «Страх» с подзаголовком «Антисемитизм в Польше после войны. История морального падения». Приводя данные об участии поляков в погроме в Едбавне, Гросс обвиняет поляков в патологическом антисемитизме. Подчеркивает, что большинство из них и в годы войны были антисемитами, а многие сами убивали евреев. Книга Яна Гросса «Страх» вызвала в Польше и за ее пределами довольно бурную реакцию. Ее автора обвинили в провокации. Резко выступила против Гросса Католическая Церковь. По сути, в книге содержался вывод о том, что все поляки – антисемиты. Ту же мысль настойчиво внушали читателю книги Ежи Косиньского «Нарисованная птица» и «Треблинка» Жана Франсуа Штейнера, которые были изданы на Западе массовыми тиражами и получили широкую рекламу. Это была целенаправленная и хорошо срежиссированная кампания.

Между тем по числу «праведников», как называют в Израиле людей, спасавших евреев от нацистского геноцида, поляки занимают первое место среди всех других народов. На Аллее праведников в иерусалимском мемориале «Яд Вашем» более 6 тысяч деревьев высажено в честь поляков, с риском для жизни спасавших евреев в годы гитлеровской оккупации.

О том, что они планировали, теперь многое известно. Еще в июле 1968 года достоянием гласности – и отнюдь не по воле его авторов – стал «оперативный план» совместных действий Пентагона и ЦРУ против социалистических стран Восточной Европы. В частности, против Польши, ГДР и Чехословакии. В нем предусматривались «дифференцированный подход» к отдельным странам, сочетание внешнеполитических и идеологических диверсий с попытками ослабить Варшавский Договор. Влиятельная боннская газета «Боннер Рундшау» в июне 1968 года довольно откровенно рассказала о тех задачах, которые ставили перед собой стратеги антикоммунизма, развертывая активную подрывную деятельность против социалистических стран. Основной мишенью был избран, по словам газеты, «железный треугольник», «ядро Варшавского Договора» – ГДР, ЧССР и Польша. «Стоит взглянуть на карту, – прикидывали стратеги из «Боннер Рундшау», – чтобы понять, что означал бы выход Праги из этого треугольника. Южный фланг Зоны (так в те времена в Бонне именовали ГДР. – В. Б.) и Польши был бы обнажен, можно было бы думать о проникновении через советскую границу. Треугольник потерял бы всякое значение. Варшавский Договор лишился бы сердца» («Bonner Rundschau». 24 июля 1968 г.). События 1968 года полностью подтвердили тот факт, что главный удар подрывных служб Запада был направлен именно в это сердце. На этом направлении весьма активно использовались «жуки-точильщики» от сионизма.

После агрессии Израиля в 1967 году против арабских стран СССР, разорвав отношения с Тель-Авивом, потребовал того же от всех стран Варшавского Договора. Согласились все, кроме Чаушеску. В 1967–1968 годах в Польше, по указанию первого секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Владислава Гомулки, началась кампания против сионизма. Для многих она была неожиданной, так как долгое время власти вообще не обращали внимания на то, что в Польше действовала развет-

вленная сионистская агентура. Финансовую подпитку польские сионисты получали из-за рубежа. Только «Джойнт» в 1966 году под видом «помощи» культурным и образовательным еврейским учреждениям переслал своим агентам 163 тыс. долларов в банкнотах и 242 тыс. долларов в товарах. Фонды «Джойнта» предусматривали, в частности, финансирование антикоммунистической, сионистской деятельности определенной части польских студентов, группировавшихся вокруг еврейского молодежного клуба «Бабель» («Комсомольская правда». 13 августа 1968 г.).

В июне 1967 года участники этой группы устроили шумную манифестацию у израильского посольства в Варшаве. Но пришли они к этому посольству не протестовать против израильской агрессии, как их сверстники в других странах Востока и Запада. Они пришли с цветами и подарками, горланили сионистские и антиарабские лозунги. В Польше повторилось то же самое, что произошло в Москве у хоральной синагоги в 1948 году при встрече Голды Меир, – «взрыв еврейского национального самосознания». И реакция на этот взрыв последовала примерно такая же, как у Сталина. «Совершенно неожиданно, – писала по этому поводу польская молодежная газета «Штандар млодых», – мы увидели, что эти юноши и девушки считали своей родиной не Польшу, которая их вырастила, а государство Моше Даяна, Бен-Гуриона и Эшкола. Столкнувшись же с единодушным осуждением поляками израильской агрессивной экспансионистской политики, они стали говорить о поляках как о “зоологических” антисемитах» («Sztandar Mlodych». 1 апреля 1968 г.). Выступления сионистов в поддержку Израиля совпали со студенческими волнениями в Варшаве и других городах страны в связи с запретом властями постановки в Национальном театре пьесы «Дзяды» Адама Мицкевича, явно антироссийского толка. Министр внутренних дел Польши Мечислав Мочар обвинил в разжигании этих волнений сионистов, хотя с протестами против таких запретов выступали и коренные поляки, в том числе мой соавтор по репортажу с Сахалина Ежи Раковский.

Вскоре после этих событий Гомулка выступил на собрании партактива Варшавы и заявил о необходимости «дать отпор израильской агрессии», добавив к тому, что Израиль поддерживают в Польше «сионистские кру-

ги», которые ведут подрывную работу. Закончил свое выступление Гомулка словами: «Нам не нужна пятая колонна!» За две недели антисионистской кампании, вызвавшей в ряде случаев вспышки антисемитизма, было проведено 1900 одних только партсобраний с осуждением сионизма. На митингах и собраниях трудовых коллективов зазвучал призыв: «Очистить Польшу от евреев-сионистов».

Партийные газеты громили сионистов – «врагов народной Польши». «Трибуна люду» писала, что в немалой степени разжиганию антисоветских и антикоммунистических страстей способствовала позиция той части польской интеллигенции, которая, по характеристике газеты, была «заражена враждебной идеологией, встала на путь ревизионизма, разделяла сионистские убеждения». В частности, центральный орган ЦК ПОРП отнес к таким просионистским и произраильским «интеллектуалам» историка Бернарда Наделя и редактора еврейского еженедельника «Идише Шрифтен» Дэвида Сфарта, вскоре обосновавшихся в Израиле вместе со сбежавшей в США директрисой Еврейского театра Идой Каминской («Tribuna Ludu». 16 июня 1968 г.).

Это выступление партийной газеты только подлило масла в огонь. 19 марта 1968 года Гомулка выступил на одном из митингов и заявил: «Евреи, которым Израиль дороже, чем Польша, должны покинуть нашу страну». Такого себе не позволял даже Сталин. Все это сыграло на руку тем же сионистам, которым таким образом удалось заманить в Израиль тысячи новых «олим». В результате кампании по борьбе с сионизмом были уволены с работы тысячи людей. В первую очередь изгоняли евреев, работавших в госучреждениях, в вузах и школах, в сфере культуры. В результате около 20 тысяч человек покинули Польшу. Для евреев, желающих ехать в Израиль, дорога была открыта. Им выдавали документ, в котором было написано, что «предъявитель сего является бывшим гражданином Польши». Страну покинули многие инженеры, врачи, ученые, университетские профессора, журналисты, музыканты и др. Это, естественно, вызвало очередной взрыв антипольской кампании на Западе, что сопровождалось хорошо продуманными и весьма чувствительными для Польши экономическими санкциями.

3. Бжезинский, который при президенте Картере, объявившем «крестовый поход» против коммунизма под лозунгом «За права человека», занимал пост советника по вопросам национальной безопасности, еще в 1966 году в своей книге «Альтернатива разделу» писал: «Вместо того чтобы ждать развала коммунистического господства, Соединенным Штатам в дальнейшем следовало бы оказывать содействие эволюционным изменениям в отдельных коммунистических странах и во всем советском блоке». Экономическое давление на Польшу совпадало с идеологическим.

Кампания «против антисемитизма в Польше» способствовала нагнетанию антипольских настроений не только среди евреев, но и среди неевреев в капиталистических странах. Специально для ведения сионистской пропаганды в ПНР в 1963 году была издана на польском языке брошюра Всемирного еврейского конгресса, посвященная не столько 20-летию восстания в Варшавском гетто, сколько измышлениям об «антисемитизме» бойцов польского Сопротивления. Естественно, что в осуждение сотрудничества юденратов с нацистами в этом гетто не было сказано ни слова. Масса макулатуры подобного толка была издана в Израиле, США, Канаде и других странах. Все это нагнетало протестные настроения в Польше, что уже в марте 1968 года вылилось в выступления студентов в Варшавском университете. Аналогичные попытки были предприняты в других городах страны.

Оглядываясь назад, легко увидеть, что уже тогда отрабатывалась механика раскручивания «цветных революций» на арабском Востоке и постсоветском пространстве. Организаторы этих протестных акций надеялись вызвать хаос в стране, разжечь националистическую истерию, возбудить антисоветские настроения, чтобы тем самым создать помимо Польши и другие очаги антисоветизма в странах Варшавского Договора. В 1968 году этого достичь не удалось. Контрреволюционное подполье в Польше, в котором сионисты действовали самым активным образом, не было ликвидировано, но на время притихло. На Западе продолжали оказывать ему активную пропагандистскую поддержку. Только в одном марте 1968 года в ФРГ были опубликованы 218, в США – 43, в Англии – 73, во Франции – 81, в Италии – 49, в Австрии – 26, в Бельгии – 21 антипольский материал. Во

всех этих выступлений фигурировал известный тезис сионистской пропаганды о «традиционном польском антисемитизме» (см.: «Комсомольская правда», 13 августа 1968 г.).

Сионистские организации во всех капиталистических странах выступили с протестами против «преследования евреев» в Польше. Во Франции под эгидой сионистов был создан специальный Комитет против польского расизма. Специальную антипольскую резолюцию принял под давлением сионистов и Социалистический интернационал (American Jewish Year Book. 1969. Р. 397). После ухода Гомулки с поста лидера ПОРП в 1970 году польские власти приняли все возможные меры, чтобы в корне пресечь любые проявления антисемитизма. И тут маятник качнулся в другую сторону. При новом Первом секретаре ЦК ПОРП Э. Гереке борьба с сионизмом была прекращена вообще и агентура влияния Запада стала действовать уже открыто, в том числе в независимых профсоюзах, прежде всего в «Солидарности», в руководстве которого оказался тот же Бронислав Геремек и другие его братья по крови из польской «пятой колонны». Но тогда, в конце 60-х, все-таки удалось отсрочить ликвидацию социализма в Польше.

Глава седьмая

ЧЕХОСЛОВАКИЯ 1968

Что там в подполье?

В ЧССР, где антисоциалистические силы действовали при поддержке ревизионистов в руководстве компартии, события развивались поначалу куда менее драматично, чем в Польше. В документе «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», принятом на пленуме ЦК КПЧ в декабре 1970 года, дан достаточно четкий анализ произошедшего в 1967–1968 годах в Чехословакии. Для более

серьезного изучения феномена «пражской весны» и ее последствий всегда рекомендую почитать этот документ, как бы его ни хаяли.

С весны 1968 года события в Чехословакии стали развиваться столь стремительно, что в Москве уже не могли ни контролировать их, ни как-то на них влиять. На заседании Политбюро ЦК КПСС 6 мая Брежнев, комментируя итоги встречи, сказал: «Когда вспоминаешь все этапы отношений после первой беседы с т. Дубчеком, в частности моей беседы в Праге, и последующие беседы, то создается такое впечатление, что он намеренно говорит одно, а делает абсолютно другое, хотя и говорит он вихляя, неконкретно». Дубчек не сумел дать ответ на вопрос Брежнева о том, почему он не остановил начавшуюся в конце апреля кампанию в чешской прессе, призывавшей к чистке КПЧ и люстрации тех, кто был причастен к репрессиям прошлых лет. «Запятнавшими», как именовали этих людей, в некоторых случаях считались и те, кто сотрудничал с советским подпольем в годы Второй мировой войны.

Особо насторожило лидеров КПСС выступление писателей Э. Гольдштюкера, председателя Союза писателей ЧССР, и Я. Прохазки, состоявшееся 26 апреля 1968 года в Праге, в Доме чехословацкой армии.

Они подвергли резкой критике весь путь развития ЧССР после февраля 1948 года, выступили за создание новой социальной системы демократического социализма и отказ следовать по пути развития СССР, который, по оценке Гольдштюкера, был «классической страной диктатуры». В Москве это расценили как открытый призыв к реставрации капитализма.

Чехословацкое руководство было приглашено в Москву для объяснений. 4 мая в Москву прибыли А. Дубчек, О. Черник, И. Смирковский и В. Биляк. С советской стороны во встрече участвовали Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, К. Ф. Катусhev и К. В. Русаков. Беседа продолжалась долго – более девяти часов – и вызвала в Кремле нескрываемое раздражение. Выслушав заверения Дубчека сохранить кадры, Брежнев заявил на этой встрече, что не верит ему, ибо первый секретарь ЦК КПЧ сменил все кадры снизу доверху и фактически «обезглавил партию». Брежнев исключительно резко высказался и в адрес «Программы действий» КПЧ: «Мне кажется, мы едины в том, что это плохая програм-

ма, открывающая возможности для реставрации капитализма в Чехословакии, правда, завуалированная разной фразеологией. Это выражение мелкобуржуазной стихии».

Об угрозе «враждебных социализму сил» в Москву сообщали не только наши разведчики и дипломаты. Бунт против Дубчека и его линии начался и в руководстве КПЧ. В мае 1968 года Пленум ЦК КПЧ открытым текстом заявил, что партия считает своей главной задачей не допустить угрозы социалистическому характеру власти и общественному строю страны со стороны «антисоциалистических и прямых антикоммунистических сил». О том, что эти силы действовали в унисон с антикоммунистическими центрами и спецслужбами Запада, теперь известно почти все. Но даже тогда, в сообщении МВД ЧССР, датированном маем 1968 года, говорилось, что в центре ЦРУ США в Вене Чехословакией занимались 44 сотрудника. При этом, как отмечалось в сообщении, «главное для ЦРУ не получение информации, а распространение в стране информации, вредящей коммунистическому режиму».

27 июня 1968 года в пражской газете «Литерарни новины» и других чехословацких газетах был опубликован документ «Две тысячи слов, обращенных к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, работникам искусства и всем прочим». Его автором был писатель Людвиг Вацулик. Он написал этот «манифест контрреволюции», как его охарактеризовали в Москве, по просьбе одного из лидеров реформистов в ЦК КПЧ члена Политбюро Франтишека Кругеля. По сути, это был призыв не столько к демократизации политического режима ЧССР, сколько призыв к отстранению от власти КПЧ, к отходу Чехословакии с социалистического пути развития. За подписями около 60-ти интеллектуалов «Две тысячи слов» опубликовали 27 июня 1968 года сразу несколько чехословацких газет – «Литерарны листы», «Праце», «Земледелске новины» и «Млада фронта». Начался сбор подписей под этим манифестом по всей стране. В статье «Атака против социалистических устоев Чехословакии», опубликованной в «Правде» 11 июля 1968 года под псевдонимом И. Александров – этот псевдоним использовался еще при Сталине для обнародования мнения Политбюро ЦК КПСС и лично Вождя, – «Две тысячи слов» объявили

манифестом «антисоциалистических сил, которые добиваются подрыва самих основ социалистического государства».

Одним из лидеров «Пражской весны» и автором концепции «социализм с человеческим лицом» был сокурсник Михаила Горбачева по юридическому факультету МГУ Зденек Млынарж (1930–1997). В 1964–1968 годах он руководил юридической комиссией ЦК КПЧ, а в 1968–1970 годах был секретарем ЦК КПЧ. Он выступал за расширение свободы слова, собраний и дискуссий, демократизацию избирательного законодательства (выдвижение нескольких кандидатов и альтернативные выборы), развитие гражданских инициатив и самоуправленческих начал. Предлагал изъять из конституции положение о КПЧ как «орудии диктатуры пролетариата». Эти идеи были изложены в статье Млынаржа «На пути к демократической политической организации общества», в которой он высказался за плюралистическое устройство и осторожно отмежевался от советской политической системы (назвав в качестве негативного примера не СССР, а маоистскую КНР). И хотя на словах Млынарж не поддерживал требований введения в ЧССР многопартийной системы, что означало бы утрату власти КПЧ, но его идея «плюралистического устройства общества» неизбежно привела бы на практике к отмене монополии КПЧ на власть.

«Если не изменится положение людей в политической системе, не изменится и положение дел, – писал Млынарж. – Без изменений в экономических отношениях невозможна эффективная и динамичная социалистическая экономика. Этот тезис основан на концепции социализма как общественного строя, сохраняющего черты активности европейского капиталистического развития. Политическая система, которая основана на этом принципе, называется плюралистической. Было бы справедливо сказать, что в Чехословакии совершается эксперимент по созданию плюралистического общества, которому в настоящее время нет аналогии среди социалистических государств» (*Mlynar, Zdenek. Towards a Democratic Political Organization of Society. May 5, 1968*).

Самым активным отрядом «пятой колонны» в Чехословакии оказались сионисты. И не случайно. «Значительное влияние в борьбе против социализма в ЧССР, – отмечали в ЦК КПЧ, анализируя события “праж-

ской весны», — оказывали силы, активно выступавшие с позиции сионизма — одного из инструментов международного империализма и антикоммунизма. Их видными представителями у нас были Ф. Кригель, И. Пеликан, А. Лустиг, Э. Гольдштюкер, А. Лим, Э. Лебл, К. Винтер и ряд других» (Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ. М., 1971. С. 27).

Документ ЦК КПЧ отнюдь не сводил смысл всех действий контрреволюционных сил в ЧССР к сионизму. Сионисты были лишь частью этих сил, так же как международный сионизм всего лишь часть мирового империализма. И поэтому, говоря об активных контрреволюционерах из числа чехословацких граждан еврейского происхождения, КПЧ характеризовала их именно как сионистов, ибо таковыми они и были в действительности. И только сионисты могли найти в такой их оценке проявление антисемитизма.

Со временем выяснилось следующее. Еще до разрыва дипломатических отношений с Израилем под прикрытием дипломатического паспорта и под другими именами израильское посольство в Праге стали укомплектовывать бывшими гражданами ЧССР. Они прекрасно владели чешским и словацким языками и прошли подготовку в сионистских организациях, как в Израиле, так и за его пределами — в частности в США, Англии, ФРГ и Австрии.

Вот только краткий перечень тех сионистских организаций, которые, по израильским данным, вели подрывную работу в ЧССР совместно с другими «заинтересованными» лицами, союзами, группами, обществами и империалистическими разведками. Это Всемирная сионистская организация, Всемирный еврейский конгресс, Организация сионистской молодежи, Конгресс европейских сионистов, Совет по координации деятельности еврейских организаций, Всемирный совет еврейских женщин, Всемирный совет сефардов, Всемирная сионистская женская организация, Всемирный совет еврейских трудящихся, Всемирный союз еврейских студентов, Еврейское телеграфное агентство, Всемирный конгресс евреев-журналистов, «Джойнт», ХИАС, Бунд, БИО и так далее («Ma'ariv». 6 октября 1968 г.). Активно действовали в то время Комитет чехословацких беженцев при

сионистском Главном документальном центре в Вене и Центр координации борцов за свободу Чехословакии в Израиле. На Западе не жалели ни средств на субсидирование контрреволюционного подполья, ни советов экспертов по антикоммунизму. Этим непосредственно занимались помимо ЦРУ и других разведок «Джойнт», ХИАС, а также Фонд Эберта при Фонде Форда (см.: К событиям в Чехословакии. М., 1968. С. 102).

В Чехословакии выступал с лекцией зять Бенеша и доверенное лицо Госдепартамента «советолог» Збигнев Бжезинский, подававший советы главарям антисоциалистических сил касательно того, как захватить руководящие посты в партии и правительстве ЧССР. На встречу с лидерами сионистского подполья в Чехословакии приезжал и главный редактор американского журнала «Проблемы коммунизма» (The Problems of Communism) сионист Абрам Брэмберг. 30 мая 1968 года в ЧССР А. Брэмберг встретился в гостинице «Алкрон» с Арноштом Лустигом – обосновавшимся позднее в Израиле писателем, не скрывавшим своих сионистских взглядов. Через Лустига Брэмберг встретился с редакцией газеты «Литерарны листы», ставшей своего рода центральным органом контрреволюционных сил, с руководством Союза чехословацких писателей во главе с сионистом Э. Гольдштюкером, а затем посетил и Чехословацкую Академию наук. В первой половине августа 1968 года в Прагу прибыл эксперт по организации эмиграции евреев в Израиль из восточноевропейских стран, эмиссар Всемирной сионистской организации и Еврейского агентства Джон Энналс. Это был его шестой визит в Чехословакию. Официально он прибыл в Прагу в августе в качестве высокопоставленного чиновника ООН. Энналс владел чешским и словацким языками, имел давние – с 1938 года – связи среди руководящих функционеров и членов еврейских общин в Чехословакии. Энналс был в ЧССР во время советско-чехословацких переговоров в Чиерне-над-Тисой и встречался со многими официальными общественными и партийными деятелями, в том числе и с тогдашним министром иностранных дел ЧССР И. Гаеком. Он знал все о содержании и результатах переговоров представителей СССР и ЧССР. С помощью таких эмиссаров международного сионизма действия сионистов в ЧССР и за рубежом четко координировались. В этом смысле

очень показательно заявление бывшего политического секретаря партии МАПАЙ Батиша, который сказал, что «Израиль может и должен быть базой для чехов и словаков, горящих желанием освободить свою родину». Батиш признавал, что сионисты нашли полное взаимопонимание и поддерживали контакты с другими антисоциалистическими силами в Чехословакии и за ее пределами.

Летом 1968 года американский сенатор Дж. Кальвер возвратился из «ознакомительной поездки» в ЧССР и рассказывал о своих встречах с бывшим генеральным директором Чехословацкого телевидения, одним из активных сионистов ЧССР Иржи Пеликаном. Вот какие перспективы нарисовал перед Кальвером Пеликан: «Сторонники либерализации рассчитывают очистить руководящие органы партии не только от враждебных элементов, но и от всех тех, кто занимает колеблющуюся или выжидательную позицию. К руководству страны придут люди, которые смогут вырвать чехословацкую политику и экономику из-под влияния красной пропаганды и повернуть их в направлении, отвечающем традициям Запада» («Аль-Хадаф». Бейрут. 29 августа 1968 г.).

Да, они рвались к власти всеми средствами, всеми силами. Выступая в компании единомышленников, другой сионист, А. Лим, прямо заявил: «Сегодня в Чехословакии стоит вопрос о взятии власти». «Масса коммунистов, – высокомерно цедил Лим со страниц “Литерарных листов”, – еще недостаточно сознательна и поэтому должна быть кем-то просвещена». Да и Гольдштюкер, поднявшийся, по словам израильской газеты «Едиот Ахронот», до уровня «главного идеолога движения за либерализацию в Чехословакии», писал еще до начала «пражской весны», что тезис о руководящей роли пролетариата «весьма туманен в теоретическом отношении» (К событиям в Чехословакии. Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. Вып. 1. М.: Пресс-группа советских журналистов, 1968. С. 36).

По сценарию «тихой контрреволюции», разработанному в США, в частности, Гудзоновским институтом (см.: «Fortune». November 1968; «Daily World». 7 декабря 1968 г.), агентам сионизма в чехословацких событиях была отведена не последняя роль. В первую очередь их задачей было вырвать органы печати и другие средства массовой информации

из-под контроля КПЧ. Рупор Гольдштюкера, газета «Литерарны листы», прямо субсидировалась международным сионизмом, о чем свидетельствует, в частности, объявление в газете «Маарив», предлагавшее отправлять пожертвования этой газете по адресу: Тель-Авив, банк «Дискаунт», счет № 450055. Пропагандой сионизма занимался журнальчик «Студент», руководители которого были тесно связаны с крайнеправыми клубами «КАН» и «Клубом-231».

Сейчас, по прошествии многих лет, виднее, за что же в действительности выступали все эти либералы, реформаторы и ниспровергатели под предлогом «очеловечивания» и гуманизации социализма. Они выбрали практически неуязвимую позицию: реальный социализм и в Советском Союзе, и в странах Варшавского Договора, переживавший своего рода стагнацию, а по-русски – «застой», действительно нуждался в реформах и усовершенствовании, прежде всего в дебюрократизации государственных структур управления, в кадровом оздоровлении аппарата правящих коммунистических и рабочих партий. И если бы инициаторы «пражской весны» – первого варианта «перестройки» в соцлагере – пошли по этому пути, это могло стать оздоравливающим вливанием свежей крови во всю социалистическую систему, включая Советский Союз. Увы – и это ясно увидели и в Москве, и в других столицах Варшавского Договора: речь шла не о реформе, а о демонтаже социализма, о реставрации капитализма, о тихой контрреволюции, управляемой из подрывных центров США и других стран Запада, а также из Израиля и основных сионистских центров.

Многие из тех «реформаторов» и «либералов», ратовавших за «социализм с человеческим лицом», после окончательного провала планов контрреволюции сбежали за границу, в частности в Израиль, окопались у микрофонов «Свободной Европы», а также в других подрывных центрах Запада. Такая судьба постигла Гольдштюкера, Шика, Лебла, Лима, Пеликана, членов редколлегии «Литерарных листов» Питхарта, Хартеля, писателей Лустига, Мнячко и ряд других сионистов, активно действовавших в рядах контрреволюции в ЧССР. Социализм там им окончательно разонравился, даже с «человеческим лицом». В прошлом главный редактор Чехословацкого телевидения, а затем сотрудник «Би-Би-Си» и активный про-

поведник сионизма Камил Винтер заявил в 1971 году: «В Чехословакии я был членом КПЧ... Но по своим взглядам коммунистом никогда не был».

Плюралистическая политическая система, за которую выступали Млынарж, Кригель и его сионистское окружение, а также другие идеологи «пражской весны», конечно, выглядела куда более демократической, чем однопартийная во главе с компартией. Но, сказав «А», надо было сказать и «Б». В такой системе неизбежно начинается борьба за власть в стране, и никто не может гарантировать, что компартия в этой борьбе не уступит место буржуазным партиям, которые свернут страну с социалистического пути развития. А так как все чехословацкие СМИ, за исключением газеты КПЧ «Руде право», оказались в руках врагов социализма, у них появилось ощутимое преимущество перед коммунистами, которые не смогли бы удержать власть демократическим путем. В наши дни не надо ходить далеко за подтверждением неизбежности такой динамики развития, а точнее, деградации социалистического общества и государства. С началом перестройки в СССР в 1985 году с манифестами, как под копирку списанными с «Двух тысяч слов», выступили видные партократы, вроде Иудушки-Яковлева, в Советском Союзе и во всех странах Варшавского Договора. До поры они все же боялись «выворачивать наизнанку пиджаки» перед публикой. Ждали своего часа. И дождались.

Перестройка Горбачева началась с той же проповеди «плюрализма» по рецептам Млынаржа, который оставался его другом до конца своей жизни, а закончилась запретом КПСС и судом над ней с привлечением в виде обвинителей самых известных зарубежных антикоммунистов того времени вроде советолога и сиониста Ричарда Пайпса. За роспуском КПСС только закономерно последовал и развал Советского Союза, были ликвидированы практически все его достижения в социальной сфере, не говоря уже об экономике, образовании и науке.

Несмотря на то, что Россия провозглашена в Конституции, принятой после развала СССР, «социальным и демократическим государством», ее граждане лишены равенства в правах с российской буржуазией и чиновничеством, в равных правах перед законом. Разрыв в доходах между богатыми и бедными в России – самый высокий в мире. Мы лишены бесплат-

ного образования и медицинского обслуживания, должного социального и пенсионного обеспечения, ибо пенсионеры, инвалиды и сироты в России живут на уровне нищеты либо ниже одного. Если бы развитие Чехословакии пошло в конце 60-х годов по сценарию Млынаржа, это неизбежно привело бы к возрождению буржуазной республики Масарика-Бенеша. Операция «Дунай» и отстранение Дубчека от власти в 1970 году позволили это превращение отсрочить на 20 лет.

Тайны «пражской весны»

Я вернулся из Болгарии сразу же по окончании фестиваля и попросил разрешить мне уйти в отпуск. В «Комсомолке» мне дали путевку в дом отдыха в Одессе, и 17 августа я уже с удовольствием, забыв обо всех проблемах и переживаниях, каждый день уходил с диких пляжей в дальние заплывы по Черному морю. Через пять дней по радио передали, что по просьбе «здоровых сил» в Чехословакию введены войска стран-участниц Варшавского Договора. Для меня это было шоком, хотя я по некоторым фестивальным дебатам, уже понимал, что реформаторы там зашли очень далеко. Незадолго до моего отъезда в Софию в «Комсомолке» всем членам партии дали прочитать закрытое письмо ЦК КПСС о положении в Чехословакии. Там уже говорилось, что «в ЧССР в ряде газет, по радио и телевидению пропагандируются призывы “к полному отделению партии от государства”, к возврату ЧССР к буржуазной республике Масарика и Бенеша». И все же я не думал, что дело дойдет до танков.

О том, как было принято это решение и кем конкретно, написано немало.

Как можно судить по недавно опубликованным стенограммам дебатов в Политбюро ЦК КПСС 19 июля 1968 года, единства по этому вопросу в советском руководстве не было. А. Косыгин, Н. Подгорный и даже идеолог партии консерватор М. Сулов призывали своих коллег и главное – генсека Брежнева – к сдержанности. А «ястребы» – А. Кириленко, А. Шелепин, К. Мазуров и особенно партийный босс Украины П. Шелест – требовали

«раздавить» пражских «ревизионистов», даже, если понадобится, с помощью танков. В роли «ястреба» на том памятном заседании Политбюро активно выступил и Юрий Андропов, который стал членом Политбюро примерно за год до введения войск в ЧССР, хотя в КГБ-ФСБ, где он до сих пор остается некоей сакральной фигурой, всячески пытаются изобразить его «голубем». Судя по тем стенографическим записям, которые остались в партархивах, Андропов выступил против предложения Косыгина и Суслова провести встречу руководства КПСС и КПЧ, чтобы обсудить все спорные вопросы и не доводить дело до силового решения. Андропов сказал, обращаясь к Косыгину: «Я считаю, что в практическом плане эта встреча мало что даст. Они сейчас борются за свою шкуру, и борются с остервенением... Правые во главе с Дубчеком стоят твердо на своей платформе. И готовимся не только мы, а готовятся и они, и готовятся тщательно. Они сейчас готовят рабочий класс, рабочую милицию. Все идет против нас».

Косыгин ответил Андропову так: «На мой взгляд, они борются не за свою собственную шкуру, они борются за социал-демократическую программу. Вот суть их борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, чтобы превратить на первых порах Чехословакию в Югославию, а затем во что-то похожее на Австрию»*.

Спор в Политбюро между «ястребами» и «голубями» шел, как видим, не о том, приемлем ли чехословацкий «эксперимент» для Москвы и ее верных союзников, а о том, покончить с ним силой или направить в русло приемлемых реформ. Косыгин был одним из немногих в руководстве КПСС, кто понимал необходимость реформ в советской экономике, без которых реальный социализм выглядел все менее привлекательным в глазах населения. Он безуспешно сражался с партийными бюрократами, доказывая, что нельзя унижать народ позорными нехватками практически всего необходимого для жизни и быта. За это в конечном итоге и пострадал. Конечно, при отсутствии рыночной системы и малого бизнеса хотя бы в виде кооперативов, изобилия и разнообразия товаров добиться было нелегко. Но вот в Югославии как-то сумели этого достичь, не отказываясь в принципе от социалистического пути развития. И в Чехосло-

* Косыгин А. Реформы // <http://www.wikidocs.ru/preview/50162/4>

вакии реформы начались именно с насыщения потребительского рынка. Когда я приехал в Прагу, меня поразило разнообразие выпечек, колбас, шпикачек, пива, вин в обычных лавках. В Советском Союзе с его пустыми полками в магазинах такого и представить себе не могли. Я уже не говорю о магазинах одежды и промтоварах.

Конечно, в Чехословакии действовала «пятая колонна», у которой были свои люди в руководстве страны. Но к августу 1968 года им еще не удалось взять партию в свои руки, хотя борьба за это шла, и тут прав Косыгин, ожесточенная. Далеко не все в ЦК КПЧ и среди актива партии разделяли идеи «пражской весны». Была группа радикалов, для которых идеалом была Чехословакия Масарика (Млынарж, Кригель и др.). Была и группа противников реформ – «консерваторов», возглавляемая Василем Биляком и Алоизом Индрой. К ней был близок и президент Чехословакии Людвиг Свобода. Происходило нечто похожее на развитие горбачевской «перестройки» в СССР, где реформы также назрели, как и во всем соцлагере, еще в 1968 году. Если бы рекомендации Косыгина решить конфликт с руководством КПЧ мирным путем одобрили на том памятном Политбюро, где он бодался с Андроповым, то реформы в Чехословакии не приняли бы необратимого антисоциалистического характера. Эта страна оставалась бы в соцлагере по сей день, да и у нас социализм обрел бы наконец человеческое лицо. Советский Союз сохранился бы как единое и мощное, процветающее социалистическое государство, как привлекательный пример для других народов. Международное коммунистическое и рабочее движение только бы способствовало этому, а не ушло бы от Москвы в сторону «еврокоммунизма» к социал-демократии.

Но, увы, у истории нет сослагательного наклонения. Подавляющим большинством голосов было принято решение о вводе войск в Чехословакию, хотя союзники СССР по Варшавскому Договору единства не достигли. Гомулка, Живков и Хоннекер были за ввод войск, Чаушеску – категорически против, а Кадар – за мирное решение. Любопытно, что и в самом руководстве Чехословакии единства не было. Бывший помощник Брежнева, а затем посол СССР в ФРГ В. Фалин утверждает в своих воспоминаниях, что Генсек ЦК КПЧ А. Дубчек за четыре дня до вторжения

звонил Брежневу и просил ввести в Прагу войска. Есть запись этого звонка. Но как только войска ввели, он выступил против этого решения. Чехи предпочитают об этом не вспоминать, ибо Дубчек стал для них в результате противостояния с Москвой национальным героем.

Президент ЧССР Л. Свобода поддержал решение Варшавского Договора, но во время визита в Москву, когда наши танки уже стояли в Праге, потребовал освободить Дубчека и других руководителей ЦК КПЧ, арестованных и доставленных на «партийную дачу» в Ужгород, добившись их участия в переговорах на равных.

С военной точки зрения эта операция под кодовым названием «Дунай» была проведена с 21 по 22 августа 1968 года блестяще со сравнительно небольшими потерями. С политической – это была катастрофа. Она стала началом конца не только «социализма с человеческим лицом», но и того, что мы знали в СССР под именем «реальный социализм». В том, что «просьбу трудящихся» о вводе войск ни чехи, ни словаки в массе своей не поддержали, наши воины могли убедиться уже в первые же дни вторжения. Повсеместно их встречали протестами и баррикадами, не давали пить, в некоторых местах даже обстреливали. Сам факт ввода войск стал бесспорным аргументом в антисоветской пропаганде ушедших в подполье активистов «пятой колонны», прежде всего в среде интеллигенции, большая часть которой перешла на позиции радикалов. Как и в любой революции, в ходе «пражской весны» борьба шла за колеблющихся и нерешительных, за инертную массу, ибо именно она становится критической в любых социальных и политических переменах. Увы, наши танки подтолкнули эту массу к контрреволюции.

Человеческий фактор в такого рода исторических поворотах играет нередко решающее значение. И в событиях в Чехословакии этот фактор проявился в полной мере. Ведомственные, карьерные и просто шкурные интересы оказывались нередко выше интересов национальных. Как и у нас при распаде СССР.

Значительное влияние на судьбу Чехословакии оказала брежневская «украинская мафия», главой которой к тому времени стал член Политбюро ЦК КПСС (1964–73), первый секретарь ЦК КП Украины (1963–72) Петр

Ефимович Шелест. Хам, матерщинник, примитивный украинский националист, этот полуграмотный партократ отличался редким умением раба учитывать пожелания хозяина еще до того, как сам хозяин их сформулирует. Такой же хам и невежда Хрущев почуял в нем своего человека, и 2 июля 1963 года по прямому предложению Хрущева Шелест был избран первым секретарем ЦК КПУ. Через год с небольшим, почуяв, что силу в партии набирает Брежнев, Шелест быстро Хрущева предал и активно участвовал в его смещении. На расширенном Президиуме ЦК КПСС в 1964 году именно он первым выступил с его критикой.

В Политбюро ЦК КПСС Шелест был самым активным сторонником «силового решения» проблемы Чехословакии и активно искал аргументы в пользу этого для Брежнева, которому активно не нравились «идеологические шатания» авторов «пражской весны». Услужливый дурак, как известно еще по басне Крылова, опаснее врага. А уж тем более, когда их несколько. В своем лоббировании «силового решения» Шелест нашел полное понимание в Политбюро с Кириленко и Мазуровым и поддержку тогдашнего посла СССР в Праге Степана Васильевича Червоненко, земляка Шелеста. С 1956 по 1959 год он был секретарем ЦК КП Украины, а затем сделал фантастическую дипломатическую карьеру, пробыв Чрезвычайным и полномочным послом в Китае, Чехословакии и Франции с 1959 по 1983 год. За те шесть лет, которые он провел в качестве посла СССР в Китае (1959–1965), отношения СССР с этой страной были испорчены вдрызг. Именно при нем Советский Союз был окончательно возведен Пекином в статус врага, а в пропагандистский обиход вошел термин «угроза с Севера». Когда в октябре 1964 года КНР произвела первое испытание атомной бомбы, в Пекине было официально заявлено, что это сделано «во имя защиты суверенитета, против угроз США и великодержавности СССР». После этого Червоненко из Китая убрали, но тут же без перерыва даже на отпуск отправили послом в Чехословакию.

Червоненко был таким же славистом, как и китаистом – ни одного иностранного языка, кроме украинского, не знал. Тип был предельно неприятный, судя по моим впечатлениям от нескольких с ним встреч в Праге. Но, в конце концов, это не главное. А главное было в том, что при

первых же сигналах о «фронде» в руководстве ЧССР Червоненко запаниковал – а вдруг его обвинят в том, что он после того, как «потерял Китай», потерял еще и Чехословакию. Обжегшись на молоке, дуют на воду. И он дул, раздувая идеологический конфликт между Прагой и Москвой до уровня межгосударственного, а затем и военного.

Главным консультантом Червоненко по чешским делам был советник-посланник нашего посольства в Праге Иван Иванович Удальцов (1918–1995), кстати, дядя известного российского бунтаря Сергея Удальцова. Он попал в ЧССР в 1965 году по командировке от ЦК КПСС, где с 1962 по 1965 год был заместителем заведующего идеологическим отделом. Формально – это было понижением с точки зрения табеля о рангах советской номенклатуры. Но Удальцов вел себя так, будто он был не просто дипломатом, а кем-то вроде «эmissара ЦК», призванного следить за идеологической чистотой Компартии Чехословакии. В Праге в 1965 году он решил показать свою полезность по этой части на полную мощь. Дипломат из него действительно получился неважный, но зато он был отличным славистом, автором ряда книг по Чехословакии и даже одно время возглавлял Институт славяноведения АН СССР. Его аргументы звучали действительно убедительно. По своим взглядам Удальцов был закоренелым сталинистом и консерватором, в чем не раз убеждались мои коллеги из Агентства печати «Новости» (АПН), которое Удальцов возглавлял после Праги в 1970–1976 годах, прежде чем его отправили послом в Грецию. Одно время, как шеф АПН, он даже был кандидатом в члены ЦК КПСС. Удальцов и был идейным вдохновителем Червоненко и автором его панических депеш в Москву. Как мне рассказывали мои коллеги в Праге, с конца января 1968 года на посольских партсобраниях и Червоненко, и Удальцов именovali Дубчека не иначе как «антипартийным явлением», а начиная с марта открыто заговорили о возможности повторения «второй Венгрии», хотя ход событий в ЧССР, особенно на той стадии, не давал еще серьезных поводов для такого вывода. Тогда события решили подтолкнуть.

И вот здесь начинается чисто детективная история, по сравнению с которой и Жорж Сименон, и Конан-Дойль отдыхают. При Червоненко советское посольство в Праге стало с подачи Удальцова связным зве-

ном между Шелестом и противниками реформ в КПЧ во главе с Василем Биляком. 23 мая 1968 года ночью в одном из небольших поселков на словацко-украинской границе состоялась первая тайная встреча Петра Шелеста и Биляка. Шелест не только выслушал, но и записал на магнитофон подробную информацию словацкого лидера. Биляк просил о постоянной связи и помощи «здоровым силам». Шелест передал всю запись Брежневу и Андропову, которому было поручено обеспечить продолжение этих контактов. В июле Шелест пригласил Биляка на отдых в Крым, но тот опасался открытых связей и просил о тайной встрече. Брежневу доложили о желании Биляка встретиться с Шелестом, и он дал согласие на это. Шелест записал в своем дневнике: «20 июля. Воскресенье. Во второй половине дня позвонил Брежнев и сказал, что я должен сегодня же вылететь в Будапешт для встречи с Я. Кадаром. “Он тебе все расскажет, как надо действовать... У тебя должна состояться встреча на Балатоне с Биляком. Он там отдыхает с группой. Надо вести себя осторожно, незаметно, чтобы не привлечь внимания остальных чехословаков. Действуй самостоятельно, ориентируясь по обстановке и настроению Биляка”». Шелест вылетел в Венгрию тайно на военно-транспортном самолете. С ним были техники из КГБ с приборами скрытой записи. Он приземлился на военном аэродроме близ Будапешта. Его встреча с Кадаром также была тайной и продолжалась более двух часов. На дачу Кадара у озера Балатон Шелест прибыл к 10 часам вечера. Биляк был извещен о приезде Шелеста, но отказался идти на дачу и просил выйти на берег озера в условленное место. Два партократа высочайшего ранга, лидеры двух республик – Украины и Словакии – вели себя как тайные агенты. «Я вышел на набережную, – записывал Шелест, – темень, шум волн, ветер, трудно даже на близком расстоянии узнать человека, тем более расслышать его голос. Назначенное время истекает, а Биляка нет... Через некоторое время появился Василь, я его окликнул, он отозвался. Так мы встретились». На берегу озера невозможно было вести запись беседы, и Шелест уговорил Биляка пройти на дачу. Они говорили друг с другом до 5 часов утра. Биляк просил о помощи, требовал решительных действий. Шелест ответил, что Москва готова к самым крутым действиям, но нужно, чтобы и «здо-

ровые силы» не сидели сложа руки. «Почему вы активно не действуете?» Биляк подумал и ответил: «Мы боимся, что нас обвинят в измене родине. Мы готовы всеми способами вас поддержать, но что нам делать, мы не знаем». Шелест сказал: «Нам нужно от вас письмо, в котором была бы изложена ваша просьба о помощи. Мы даем полную гарантию, что письмо не будет обнародовано и его авторы не будут известны». Биляк обещал подготовить такое письмо как можно быстрее.

Случилось это так. Советская делегация во главе с Брежневым прибыла 1 августа в Братиславу для личной встречи Брежнева и Дубчека. Накануне прилета туда Шелест напомнил Биляку об обещанном. Через сутки это желанное письмо от «здоровых сил» находилось уже в руках Шелеста. В своем дневнике он описал это так: «3 августа 1968 года. К вечеру я встретился с Биляком. Мы условились, что в 20.00 он заходит в общественный туалет, там должен появиться и я, и он мне через работника КГБ Савченко передаст письмо. Так и было. Мы встретились “случайно” в туалете, и Савченко незаметно, из рук в руки, передал мне конверт, в котором было долгожданное письмо. В нем излагалась обстановка в КПЧ и в стране, разгул правых элементов, политический и моральный террор против коммунистов, стоящих на правильных позициях. Завоевания социализма находятся под угрозой. В письме высказывалась просьба, чтобы мы в случае надобности вмешались и преградили путь контрреволюции, не допустили гражданской войны и кровопролития. Письмо подписали: Индра, Биляк, Кольдер, Барбирек, Капек, Риго, Пилер, Швестка, Кофман, Ленарт, Штроугал».

Прочитав письмо, Шелест передал его Брежневу, который взял это письмо трясущимися руками, бледный, растерянный и потрясенный. «Спасибо тебе, Петро, – сказал Брежнев. – Мы этого не забудем». Итак, одно из самых важных событий в истории СССР и мирового коммунистического движения получило начало в общественном туалете гостиницы «Интурист» на окраине Братиславы. Поистине – от великого до смешного только один шаг. Подлинник письма, полученного П. Шелестом, а также его отредактированные в ЦК КПСС варианты были еще в конце 1990 года по инициативе М. Горбачева переданы новым чехословацким лидерам и

были опубликованы в независимой газете «Лидове новины». (См. подробнее *Лавренев С. Я., Попов И. М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. – М.: АСТ; Астрель, 2003. Гл. 11. «Пражская весна», 1968. Долгожданные перемены; Начало и конец «Пражской весны». «Зеркало недели. Украина». № 7, 19 февраля 1999 г.)

«Тебе дадут танк»

В Одессе рано утром 24 августа меня разбудила дежурная по санаторию. «Звонят из Москвы, – сказала она. – Главный редактор “Комсомольской правды”. Дмитрий Панкин, злой как черт, сообщил мне, что наш корреспондент в Праге Андрей Крушинский умудрился врезаться в советский танк и мне придется его заменить. Я в шутку спросил: «Его или танк?» Панкин взвился: «Нужно будет – и танк заменишь. А пока давай быстро в Москву». В Москву я приехал первым же поездом после этого звонка. В отделе кадров меня уже ждали мой загранпаспорт и билет на поезд Москва–Прага.

Перед отъездом меня вызвали в ЦК КПСС на инструктаж, суть которого свелась к тому, что после ввода наших войск обстановка в Чехословакии пока сложная, антисоциалистические силы активизируются, но есть надежда на скорую нормализацию обстановки. «А потому, – сказал мне цеховский наставник, – наблюдайте, изучайте ситуацию, накапливайте факты для будущих публикаций, но пока с информацией не особо активничайте, разве что в экстренных случаях. Главное сейчас – не обострять...»

Новелла Иванова сообщила мне, что машины у меня в Праге не будет, так как наш собкор Андрей Крушинский разбил ее вдребезги, и она восстановлению не подлежит. Андрей Сергеевич Крушинский (род. в 1933 г.) известен не только как журналист-международник. По образованию и призванию он – китаист. В «Комсомольскую правду» он пришел в 1962 году после стажировки в Китае. В феврале 1966 года его направили в Пекин в качестве регионального корреспондента «Комсомолки» по Китаю, Вьетнаму, Монголии и КНДР. Работал он, надо отдать ему должное,

великолепно. Его вьетнамские репортажи из районов, которые зверски бомбили американцы, вышли его первой книгой «Люди и бомбы» и принесли ему известность и в СССР, и за рубежом. С Китаем же ему не везло. Не успел он обосноваться в Пекине, как там началась «культурная революция» и Крушинского по требованию китайских властей выслали с первой же группой советских журналистов уже в декабре 1966 года. В начале 1967 года А. С. Крушинский был командирован от «Комсомольской правды» в Чехословакию, с которой у него было много связано – в 1947 году его отец С. К. Крушинский открыл в Праге корпункт «Правды». Там Андрей проработал пять лет и в 1973 году пришел к нам в «Правду». Ему опять не повезло с Китаем – в Пекине «Правде» отказали в предоставлении аккредитации – видимо, еще не забыли репортажи Андрея о бесчинствах хунвейбинов и его книги «Кричащие батальоны» о «культурной революции». В результате «Правда» отправила его в 1978 году собкором в Болгарию, где он пробыл до 1985 года, а в 1991 году вернулся корреспондентом «Правды» в Чехословакию под самый конец существования СССР. «Правда» лишилась финансирования и начала тогда сокращать свои корпункты. В 1993 году ему пришлось закрыть и свой – в Праге. Такой же неудачной была попытка «Правды» возродить свой корпункт в Пекине в феврале 1993 года. Его закрыли в конце того же года, но Андрей остался в КНР и работал там в русской редакции Радио Китая. Закончил он свою карьеру журналиста в журнале «Проблемы Дальнего Востока», вернувшись в Россию в феврале 2007 года.

После своего знаменитого ДТП он пришел в редакцию на костылях и с перевязанной головой. Он ввел меня в курс дела и сказал: «Ты уж извини, что я машину разбил». «Пусть тебе дадут танк, – похохатывал великий шутник Григорий Оганов, наш ответсекретарь в «КП», услышав наш разговор. – Тот самый, в который Андрей врезался. Должны же они возместить нам ущерб. А танк теперь в Праге – самый надежный транспорт».

Байки об этом ДТП Крушинского ходили разные. Одни говорили, что он так спешил навстречу нашим войскам, что забыл нажать на тормоза и сломал себе в результате ногу и руку, после чего уехал в Москву лечиться. Другие шептались, что он таким образом выразил свой протест против

ввода танков в его любимую Прагу. Думаю, что второй вариант ближе к истине, т. к. Андрей по своим взглядам принадлежал к группе наших западников и был в восторге от «пражской весны». И не он один. Корпус собственных корреспондентов советских СМИ в Праге занимал примерно те же позиции, включая собкора «Правды» Василия Журавского и Владимира Кривошеева из «Известий». Владимир вообще отказался писать что-либо из Праги в свою газету до тех пор, пока из Чехословакии не выведут наши войска. Вывели, в конечном итоге, его – в Москву. Хотя и не сразу. С учетом этой журналистской «фронды» стало понятнее, почему Панкин на замену Андрея посылал меня. К тому времени у меня после публикаций по сионизму и антиамериканских материалов уже была репутация «правого», и уж точно я бы не стал отказываться писать о том, что происходит в Чехословакии. А публиковать это или нет, все равно бы решали Панкин и те в ЦК КПСС, от кого он получал указания.

Поезд наш шел в Прагу практически пустым. «Не сезон», – пошутил проводник по этому поводу, угощая меня чаем. Поезд шел почти двое суток. Ночью на станции Чоп нас разбудили и проверили паспорта. Где-то в полдень мы приехали на старинный Масариковский вокзал в самом центре Праги. Там меня встретил известинский «фрондер» Володя Кривошеев, которому Крушинский оставил ключи от корпункта «Комсомолки» на окраине Праги в районе Страшнице. Оттуда до центра можно было добраться только на такси или на трамвае. И то, и другое, как я понял из разговоров с Кривошеевым, было небезопасно. Он посоветовал мне особенно не высовываться и стараться в городе не говорить по-русски. Я его совету последовал только частично – я уже тогда по-английски говорил практически без акцента, и мне охотно отвечали и даже показывали дорогу. А это было ой как важно – в Праге посбивали все таблички-указатели улиц и номера домов, и найти кого-то по адресу без помощи местных было просто невозможно.

Уже на следующий день я выехал к советскому посольству, ориентируясь по тому плану, который оставил мне Володя. В посольстве 24 часа в сутки работал оперативный штаб «по борьбе с контрреволюцией». У военных был свой штаб, но и они действовали под началом работни-

ков ЦК КПСС во главе с заведомо соцстран, генералов Минобороны и КГБ, руководивших операцией «Дунай». Главной их задачей было соблюсти видимость того, что «братские узы» между руководством КПЧ и КПСС, как и межгосударственные отношения, сохраняются вместе с обязательствами по Варшавскому Договору и «братством по оружию» армии Чехословакии и остальных его участников. Чехи и словаки в униформе были заранее предупреждены маршалом Гречко о вводе войск, но в операции «Дунай» никакого участия не принимали, сохраняли нейтралитет. А в партии дело было куда сложнее. Московские эмиссары делали вид, что в КПЧ контрреволюция «затесалась снизу». Руководство же просто «временно заблуждалось». Желаемое, как всегда, выдавали за действительное. Все по Марксу, который заметил, что бюрократы искренне верят в то, что именно они «творят действительность», а реальность воспринимают как иллюзию. Наши партократы не были исключением.

В те дни я не раз видел Дубчека, Свободу, Смырковского в посольских коридорах и на приемах. Было такое впечатление, что их зомбировали. У Смырковского, с его почти двухметровым ростом, даже походка, как я заметил, была неестественной, будто что-то случилось у него с позвоночником. Идеологическая обработка руководства КПЧ и, прежде всего, Дубчека действительно проводилась весьма интенсивно. Но думаю, что они сломались, поблагодарив советское руководство за «братскую помощь» не под влиянием марксистско-ленинских аргументов, а перед силой обстоятельств. Против лома приема не было. Танки стояли в Праге. Именно поэтому все руководство ЦК КПЧ подписало знаменитый «Московский протокол», по которому советские войска оставались в Праге еще 20 лет. Дубчек никогда не призывал к сопротивлению этим войскам и еще три года после вторжения сохранял за собой пост руководителя КПЧ. В 1971 году на XIV съезде КПЧ его сменил Густав Гусак, бывший руководитель Компартии Словакии. Он был известен и как организатор Словацкого восстания против немецких оккупантов, и как диссидент-националист, пострадавший во время репрессий 50-х годов, инспирированных Сталиным. Однако за лояльность Москве после ввода войск многие в ЧССР считали его квислингом. И не только потому, что из реформаторов он переметнулся

в консерваторы. Именно Гусак провел после 1968 года массовые кадровые чистки, в ходе которых сотни тысяч людей были изгнаны из партии и лишены своих должностей. И в госаппарате, и в образовательной системе, в науке, культуре, творческих союзах были введены запреты на профессии для «световой», т. е. прозападной, интеллигенции. Гусак продержался на своем посту до начала перестройки в СССР, а в начале 1986 года ушел в политическое небытие и под конец своей жизни ударился в религию. Может быть, каялся за прошлые грехи.

Разбор пражской головоломки

...Мне было нелегко разобраться в том, что же действительно произошло и происходит в этой братской – я в этом прежде был совершенно уверен – стране. О том, что происходит в руководстве КПЧ, о нападениях на наших солдат, о протестах против «оккупации» – иначе чехи не называли ввод наших войск – писать было нельзя. Писать можно было только о дружбе народов ЧССР и СССР, общих боевых традициях и культуре, желательной несовременной. Некоторые мои коллеги поэтому ограничивались только протокольными сообщениями.

Что-то я узнавал в нашем посольстве, иногда – от самих чехов. Жадно читал газеты, смотрел новости по телевизору, нащупывая общие славянские корни наших языков. Но эта общность часто обманчива – слово «беспечность», оказывается, означает по-чешски «безопасность». Мир наоборот.

Увидеть, где наши и где чужие в этом мире, было невозможно уже потому, что «наши» предпочитали не высовываться. Наш Агитпроп, как и ожидалось, принялся «творить действительность», выдавая желаемое за действительное. Было начало сентября. Уже начался вывод наших войск из Праги. Но около посольства СССР все еще стояли танки. Нередко сюда приходили пражане поглядеть на них. Они стояли молча, просто стояли и смотрели. И вот тут кому-то пришло в голову вызвать в этой толпе братские чувства к Советскому Союзу. В Прагу для этой цели при-

везли девочек из Ансамбля песни и пляски. И вот, прямо перед танками они начали под баяны и балалайки исполнять русские народные танцы с припевками. Я буквально кожей почувствовал, как толпа наливается возмущением и ненавистью к организаторам и исполнителям этого шоу. Раздались крики: «Свиньи! Свиньи!» И по-русски, и по-чешски это значит одно и то же. Девчонки заплакали. Их увели в посольство. Толпа быстро разошлась.

Как «братьев» ни наших солдат, ни войска других стран Варшавского Договора, конечно, мало кто воспринимал в те дни. Военные делали свое дело, выполняли приказ, и, естественно, всякого рода пропагандистские акции им только мешали. Особенно отличились в те дни части Народной армии ГДР, где операцию «Дунай» воспринимали, как уникальный исторический шанс – впервые после окончания Второй мировой немецкие войска вторгались в иностранное, пусть даже формально братское, государство. Из ГДР в операции «Дунай» участвовали две дивизии – мотострелковая и танковая, всего до 15 000 человек. Они шли по тому же автобану, по которому вошел в Чехословакию Гитлер в 1939 году. С того момента вплоть до мая 1945 года Чехословакия перестала существовать. В годы немецкой оккупации ее расчленили, образовав Протекторат Богемии и Моравии, Первую Словацкую республику с фашистским режимом и Карпатскую Украину. Немцев с тех пор в этих местах ненавидели, но знали, что пощады от них ждать нельзя.

С началом операции «Дунай», заняв очередной населенный пункт, немцы вывешивали на центральной площади заранее заготовленный приказ на чешском и немецком языках – вводится комендантский час, после восьми вечера все лица, не имеющие спецпропуска, будут препровождены в комендатуру и т. д. и т. п. по сценарию Второй мировой войны. Они правильно понимали ситуацию и исходили из того, что никто их не будет встречать цветами.

Трудно сказать, каким идиотам в Москве пришла в голову идея, что одновременно с вводом наших танков надо начать вводить чехам и словакам сыворотку дружбы с Советским Союзом. Но идея была превращена в инструкцию, и поначалу ее неукоснительно выполняли.

22 августа параллельно немецкой колонне по второму автобану входила из ГДР колонна советской группы войск. У одного поселка оба автобана чехи перегородили, соорудив нечто вроде баррикад. Наша колонна остановилась. Солдаты вышли из своих боевых машин и под плевки, свист и вопли «Свиньи! Оккупанты! Убирайтесь домой!» принялись разбирать баррикаду. Немцы поступили иначе. Их колонна тоже остановилась. От нее отделился бронетранспортер с громкоговорителем, и оттуда послышалось знакомое до боли: «Ахтунг! Ахтунг! Немедленно разобрать баррикаду!» В ответ на свист и проклятия местного населения из бронетранспортера дали очередь поверх голов протестующих. Второго предупреждения не понадобилось. Баррикаду разобрали мгновенно, и немецкая колонна двинулась дальше, оставив далеко позади своих советских коллег. Немцы мыслили логично. По характеру военной операции предпринимались и соответствующие действия. В конце концов, их ввели подавлять контрреволюцию. Айне колоннен марширен! Цвайне колоннен марширен! И так далее. Но в штабе Объединенного командования операции «Дунай» эту логику не оценили, и войска ГДР из Чехословакии вывели. Ну, а в наших «освободителей» продолжали плевать и швырять все, что попадало под руку, по всему пути следования от границы до Праги. Кое-где в них даже стреляли, бросали в танки «коктейли Молотова». И поэтому к Праге они пошли уже на нервах и не всегда соблюдали кодекс «братской дружбы». В память о тех днях так и остался на одной из мраморных колонн Пражского музея на Вацлавской площади след от крупнокалиберного пулемета советского танка – говорили, что танкист заметил снайпера на крыше музея и дал очередь.

Такие следы затем становились символами сопротивления. На той же Вацлавской площади, где то и дело проходили митинги протеста, совершил свое самосожжение в январе 1969 года студент Ян Палах. После этого на площади на месте той трагедии днем и ночью стали зажигать свечи. У них собирались люди и стояли часами, молча, как та толпа перед нашими танками у посольства СССР. Все это потихонечку входило в традицию, становилось исторической памятью и подпитывало ненависть, вспышки которой мне не раз приходилось в те дни наблюдать в Праге.

28 октября – в День Независимости Чехословакии, провозглашенной в 1918 году, – один из самых сакральных в этой стране. Пивнушки в эти дни переполнены потомками бравого солдата Швейка, который все-таки умудрился покинуть Австро-Венгрию за несколько дней до ее исчезновения с политической карты мира. Запах шпикачек заполняет улицы. В посольстве меня, как и всех, предупредили, что в эти дни лучше на улицу не выходить, т. к. ожидаются провокации. Но именно провокации мне и хотелось увидеть вживую. По слухам, что-то должно было произойти на Новоместской площади, рядом с Академией музыкального искусства, своего рода кузницы кадров чешской творческой интеллигенции. Там помимо собственно музыкального факультета готовят специалистов в области кино и телевидения, а также театрального искусства. Поужинав в ближайшем баре шпикачками с прекрасным пивом «Велкопоповицкий козел», я пошел к академии. В Праге темнело рано, вспышка у меня на фотоаппарате то работала, то садилась, но я все же сделал несколько снимков толпы у академии. Кого-то ждали. У входа в Академию стояли кинооператоры и фоторепортеры. Светили юпитеры. Примерно через полчаса подъехала черная «Татра», из нее вышел Александр Дубчек, и толпа принялась скандировать его имя. В те дни он все же оставался символом сопротивления русским. Его буквально внесли на руках в здание. Какая-то женщина, воспользовавшись заминкой, протянула руки к нему и гладила его длинные волосы, закрывавшие ему шею, иступленно повторяя: «Дубчек! Дубчек! Дубчек!»

Я подошел слишком близко, и кто-то увидел, что я снимаю эту сцену на обычный советский «ФЭД». Я услышал, что этот кто-то сказал «Rusaci!» («Русский!»), спиной почувствовал опасность, обернулся и увидел, что на меня падает опрокинутый вместе с треногой слепящий светом юпитер, но успел увернуться. Юпитер упал на какого-то студента. Тот схватился за голову и упал. Я стал пробиваться через толпу. Английский язык и на этот раз спас меня. Меня пропустили, я благополучно выбрался с площади и пошел к своему трамваю в Страшнице.

На следующий день в посольстве мне дали почитать речь Дубчека, с которой он выступил в академии. Там не было ни слова о советской окку-

пации. Он говорил о том, какое великое значение имела борьба за независимость от Австро-Венгрии, «чудовищной империи, беспощадного агрессора, никогда не считавшегося с волей народов Чехословакии». «Швейк несчастный!!!» – прокомментировал эту фразу на полях стенограммы кто-то из посольских. Понято было всем, что Дубчек имел в виду. Он не призывал к сопротивлению. Оно и так готовилось. Ждали, видимо, только сигнала. Было видно невооруженным взглядом, что власти не собирались принимать никаких мер против антисоциалистического подполья, действовавшего практически не скрываясь.

Вскоре после Дня Независимости я встретился в Праге с одним из ведущих публицистов журнала «Студент», известного рупора оппозиции. Он дал мне свою визитку в Софии во время фестиваля. Он рассказал, что после ввода войск «Студент» закрыли. Но в ресторан пражского Дома журналистов, куда он меня пригласил на ланч, при мне доставили его свежий выпуск. Где-то кто-то умудрился напечатать весь тираж. Тут же лежали на столиках знаменитые «Литерарны листы» Гольдштюкера, хотя и этот еженедельник был под запретом. Но в пражском подполье были свои законы. Мой чешский коллега пошутил: «Спрос рождает предложение. Так у Маркса». Мы долго говорили. Но общего языка не нашли. Он жил в атмосфере «пражской весны» – дышал «озоном демократии» – больше двух лет. Все то, что он писал и говорил, как о само собой разумеющемся и желательном, в Советском Союзе воспринималось как самая зловредная крамола. Хотя он и не призывал покончить с социализмом, в отличие от многих его коллег. Он советовал в своих статьях его улучшить, модернизировать и призывал советских лидеров последовать примеру лидеров КПЧ. У нас это было равнозначно «предательству дела социализма». Обвинить моего знакомого из «Студента» и его коллег в «контрреволюции» вроде бы повода не было. Но, если экстраполировать то, что писали либеральные СМИ в Чехословакии на аналогичную деятельность журнала «Огонек» при Коротиче, станет яснее, к чему вели дело «Студент», «Литерарны листы», «Репортер» и им подобные издания в ЧССР во время «пражской весны» и после нее. Выступая в защиту «социализма с человеческим лицом», они объективно выступали за буржуазную республику.

...Обнаружить то самое контрреволюционное подполье, о котором говорили в Москве, оправдывая ввод войск в Чехословакию, было не так уж и просто. Писали о боевиках из запрещенных клубов типа КАН, но они до поры никак себя не проявляли, и понятно, что адреса этих подпольщиков никто бы мне в Праге не дал. Помощь пришла совершенно с неожиданной стороны. Собкорр «Известий» Володя Кривошеев проникся ко мне симпатией и считал своим долгом убедить меня в том, что никакой контрреволюции в Праге нет. Как-то вечером он заехал ко мне в Страшнице и сказал, что повезет меня к «нелегалам». «Главное, – предупредил он, – не говори по-русски. Я буду тебя выдавать за шведа».

Мы ездили по каким-то темным улицам, спускались в пивнушки и бары. Володя прекрасно говорил по-чешски и легко находил общий язык с их завсегдатаями, многих из которых он, видимо, хорошо знал. Они были единомышленниками. Не против русских, но против Брежнева, который послал в Прагу танки, не против социализма, но за Дубчека, не за сопротивление, но против оккупации. Уже за полночь мы приехали в какой-то пивной бар, где, как сказал Володя, собирались участники клуба «КАН». Все там было, как и в других пивнушках, только в углу у стойки бара стояли аккуратно поставленные в горку боевые винтовки. Перехватив мой взгляд, бармен прикрыл горку чехлом. Я спросил у моего гида по ночной Праге, откуда у его знакомых столько оружия и зачем оно им. Он отмахнулся: «Это охотничий клуб. Они просто охотники». Я помню, как эти «охотники» провожали нас взглядами, когда мы выходили из бара. Я шел, как сквозь строй, ожидая удара в спину в любой момент. Но, к счастью, обошлось. С Володией Кривошеевым мы больше не общались. Уже в Москве я узнал, что «Известия» из Праги его отозвали. Он был хорошим и честным человеком. Но, увы, и честные люди не гарантированы от ошибок и заблуждений.

По большому счету Дубчек и его окружение после ввода войск устроили в Чехословакии своего рода итальянскую забастовку. Правой рукой пожимая руку «советскому брату», левую держали с фигой в кармане. Все непопулярные меры по зачистке госаппарата и партии от «контры» провели Густав Гусак и его «консерваторы», сместив Дубчека, который ни своих

рук, ни репутации не запачкал. Его нейтралитет был воспринят противниками режима и Советского Союза как индульгенция. Антисоветская агитация давала свои плоды. Если бы не советские войска, КПЧ действительно не смогла бы удержать власть.

Эти крепкие старики

Первыми выступили против разжигания ненависти к России ветераны КПЧ. Так появилось их открытое письмо, в котором они предупреждали, что антисоветская кампания может привести к необратимой радикализации общества и к гражданской войне. Впервые я встретился с этими ветеранами 7 ноября в концертном зале «Люцерна», неподалеку от Вацлавской площади, где с помощью нашего посольства было организовано торжественное собрание по случаю 51-й годовщины Октябрьской революции. Выступал Василь Биляк с заверениями в верности «здоровых сил» делу революции, посол Червоненко, затем ветераны... «Люцерна», где пели «Интернационал» и другие революционные песни, напоминала чем-то Ноев ковчег, плывущий по безбрежному океану в поисках пристани. А вокруг бушевала ненависть. Под финал собрания кто-то предложил пройти по Праге колонной с развернутыми красными знаменами. Но в президиуме эту идею не поддержали. У «Люцерны» уже бушевала разъяренная толпа. Когда участники митинга стали выходить на улицу, то там, то здесь вспыхивали стычки. На Вацлавской площади на моих глазах трое молодчиков в кожаных куртках принялись избивать ветерана КПЧ, увидев у него красный бант на лацкане пиджака. Полиция не вмешивалась. Только когда в ход пошли железные прутья, драку остановили, а избитого до крови «коллорабациониста» спасли. Все было на грани взрыва. Хотя в советском посольстве теперь шарахнулись в другую сторону и сообщали в Москву уже о «нормализации обстановки». Но до этого было еще очень далеко.

Осенью 1968 года АПН подготовило «Белую книгу» о заговоре чехословацкой контрреволюции, подготовленному по сценарию ЦРУ при

участии едва ли не всех западных спецслужб, включая израильские. Позже появился уже цитированный мной документ ЦК КПЧ «К событиям в Чехословакии», где заговорщики были названы поименно. К тому времени главные архитекторы и разработчики «пражской весны» и идеологи «социализма с человеческим лицом», которых в этих документах отнесли к самым активным участникам и организаторам заговора контрреволюции, успели бежать за границу, как Гольдштюкер, Лим и др. Очевидно, что ввод войск привел в ряды их сторонников и тех, кто придерживался нейтралитета до этого, и даже некоторых правоверных коммунистов, сторонников дружбы с нашей страной. Но было ли это результатом заговора или прямым следствием операции «Дунай»? Если рассматривать события конца 60-х годов в контексте «холодной войны», можно найти массу доказательств того, что заговор все же был. Конечно. В соответствии с Ялтинскими соглашениями Чехословакия попадала в зону влияния СССР, чего Запад стремился не допустить с самого начала. Однако после Ялты США и их союзники не переходили ту черту, которая разделила весь мир на «белых» и «красных». Даже после ввода наших войск страны НАТО, и прежде всего США, ялтинские договоренности открыто не нарушали. Но это не означает, что спецслужбы Запада не занимались подрывной деятельностью против всех стран соцлагеря и не проводили против них тайных операций, не готовили заговоры с целью свержения коммунистических режимов. С момента окончания Второй мировой войны эта тайная война не прекращалась ни на день.

Понятно, что для ведения таких войн необходима своя агентура внутри той страны, против которой такая война ведется, нужны свои «мальчиши-плохиши», способные в нужный момент нанести удар в спину существующей власти. После мюнхенского сговора 1938 года, когда Англия и Франция отдали Чехословакию на растерзание Гитлеру и страна практически перестала существовать, превратившись в протекторат «третьего рейха», когда в Словакии был установлен фашистский режим, ни у чехов, ни у словаков особой любви к Западу не было. Именно потому коммунисты во главе с Клементом Готвальдом вскоре после окончания войны с Гитлером, не прибегая к помощи Красной Армии,

легко сбросили буржуазное правительство в этой стране, традиционно придерживавшейся основных ценностей западноевропейской цивилизации. Так Чехословакия попала в советскую зону влияния в соответствии с Ялтинскими соглашениями. Там начали строить социализм по советским рецептам, заимствуя не только социальный позитив, но и всю ту мерзость, которая обернулась в России произволом чекистов, ГУЛАГом и психушками для инакомыслящих.

Начало 50-х годов после конфликта Сталина с Тито было ознаменовано двумя политическими судилищами над коммунистическими лидерами Чехословакии и Польши. Одновременно с этим в Болгарии и Венгрии был подготовлен процесс титовцев. Теодор Уиттлин, автор биографии Л. П. Берии, писал по этому поводу: «Первой мишенью атаки против позиций Берии стала Чехословакия. Все ключевые позиции власти Берия предоставил там своим союзникам. После убийства Масарика и смерти Бенеша Берия управлял этой высокоиндустриальной и цивилизованной страной через своих ставленников в чешской тайной полиции так, как это находил нужным в своих собственных интересах. Как только Игнатъев стал во главе госбезопасности, он ударил по бастиону Берии в Чехословакии. По стране прокатилась волна арестов, которая охватила чиновников советского аппарата в Праге, а также высокопоставленных чиновников тайной полиции Чехословакии, работавших под руководством Берии. Главными жертвами чистки оказались ставленники Лаврентия Павловича. Чиновники были арестованы по обвинению в шпионаже, саботаже, диверсиях и государственной измене, но так как они были людьми Берия, то обвинение против них косвенно наносило удары и по нему. Однако одна поразительная черта характеризует всю эту акцию. Почти все арестованные высокие чины по главе с их лидером Рудольфом Сланским (настоящая фамилия которого – Зальцман) – Бедржих Геминдер, Рудольф Марголюс, Андре Симон, Артур Лондон и девять других протеже Берия – были евреями. Арестованных обвиняли также в том, что они “сионисты”... Новая чистка имела типично анти-семитский привкус и была, как очевидно, инсценирована Сталиным» (*Th. Wittlin. Commissar. London: Macmillan Co, 1972. P. 366–367*).

Сионистские спецслужбы активно использовали эти факты гонения на евреев в КПЧ в 50-е годы для вербовки интеллектуалов и парработников еврейского происхождения. В стране действовало и масонское подполье, что в беседе со мной признал Великий Магистр Великого Востока Франции г-н Рагаш. Я уже не говорю об ушедших в глубокое подполье правых националистах. С наступлением «пражской весны» они, как мухи после зимней спячки, повывлезали из своих щелей. Но все же они не делали погоды. Для контрреволюции нужна была массовая база. И ее активно готовили. Недовольство коммунистическим режимом нарастало в Чехословакии по тем же причинам, что и в СССР, и в других соцстранах. В первую очередь социализм начали отторгать наиболее образованные слои населения, в том числе в самой КПЧ. Отсутствие свободы творчества, политические репрессии и гонения на инакомыслящих по советскому образцу неизбежно привели к появлению многочисленной «световой интеллигенции», ориентирующейся на западные ценности и отторгавшей коммунизм во всех его проявлениях. В этой среде либеральные ценности, беспредметное искусство и модернистские тенденции в литературе, театре и кино воспринимались как норма, в соответствии с чем формировалось мировоззрение властителей умов и наставников молодежи в ЧССР.

В студии Эммануила Фамира

С началом «пражской весны» реформаторы, как и у нас в СССР четверть века спустя, начали с того, что принялись выпихивать из властных, научных и творческих структур всех «консерваторов». Соппротивление их было не столь уж мощным, но все же было. Ветераны КПЧ и Словацкого восстания, соратники Клемента Готвальда, дружно вступили против «ревизионистов» и «предателей социализма» еще в 1967 году. Одним из таких ветеранов был известный чехословацкий художник Эммануил Фамира (он умер в 1969 году, не выдержав травли, которой его подвергли за поддержку ввода войск в Чехословакию). Я встретился с ним в его студии в Пра-

ге в октябре 1968 года. Он сказал мне тогда, что лучшие представители творческой интеллигенции Чехословакии – Ярослав Гашек, Карел Чапек, Юлиус Фучик – всегда были во все тяжелые моменты истории на стороне Советского Союза, считали советское искусство маяком новой эры, своим компасом. Фамира пояснил, почему все же, несмотря на эти традиции, многие пражские интеллектуалы примерно с 1967 года ополчились поначалу на наше искусство, на принципы социалистического реализма, а затем дошли до открытых антисоветских выступлений.

«Я часто думаю о них, – говорил Фамира. – Думаю, почему не только затаившиеся враги, но и люди молодые, выросшие при социализме, могут порой сойти с магистральной дороги на ту, что ведет в тупик. Наверное, поначалу это просто фронда, вызов всему тому, что было “до меня”. Чаще всего это проходит как болезнь роста. Бывает и иначе – начав с “фронды”, молодой художник под влиянием людей, искушенных в растлении умов, переходит от критики отдельных недостатков в обществе к отрицанию социализма вообще. А когда ему при этом, и в основном за это, создают шумную рекламу на Западе, венчая его совершенно незаслуженными лаврами, он всерьез начинает верить в свою гениальность, а всех, кто выступает с его критикой, обвиняет в том, что его травят. Так он идейно перерождается, отрывается от народа, становится его врагом. Вольным или невольным, но все равно врагом. Это произошло у нас в Чехословакии с таким, например, литератором, как Свитак. Да и не только с ним...»

Единомышленников Фамиры было в Чехословакии немного. Но они все же были. И вызывали своими открытыми выступлениями за дружбу с Советским Союзом лютую ненависть «пятой колонны». Я находился в студии Фамиры часа три. За это время его телефон звонил раз двадцать. И время от времени я слышал злобные голоса из трубки: «Сволочь! Коллоборант! Предатель!» Было мучительно обидно за этого старого человека, когда он шел к телефону, прихрамывая, стоял у него в нерешительности какую-то минуту, потом брал трубку, осторожно прижимал ее к уху, затем с растерянным лицом нес ее обратно, а из нее все еще слышалось: «Предатель, повесим тебя, повесим...» Травля эта была хорошо органи-

зована. Однажды я взял в телефонной будке «желтую книгу» с номерами всех пражских абонентов, чтобы найти телефон Фамиры, и увидел, что рядом с его фамилией написано: «Предатель и коллоборант». Стало понятно, почему ему так часто звонили.

Далеко не все осмеливались высказывать свои симпатии к Советскому Союзу публично, как Фамира. Но в народе было все же трудно вытравить ту благодарность, которую испытывали чехи и особенно пражане к Красной Армии, которая еще два дня после дня Победы вела бои за освобождение Праги, сумев при этом не разрушить ее и ее всему миру известные достопримечательности. Целехонькими в тех жутких боях остались Пражский Град, Карлов Мост, Старый город, Градчаны и Староместская площадь с ее средневековыми соборами. А могли ведь и снести все это с лица земли, чтобы скорее закончить войну.

Неподалеку от корпункта «Комсомолки» в Ольшанах есть кладбище, где захоронены тысячи советских солдат, павших в боях за Прагу. Так вот даже в августовские дни 1968 года там, на могилах наших воинов, лежали красные гвоздики...

Сейчас, много лет спустя, можно ли определенно ответить на вопрос: «Что это было?» «Спор славян между собой», как говорил Александр Пушкин, либо многоходовая спецоперация западных спецслужб и их «пятой колонны» против Варшавского Договора и Советского Союза как его основы? После возвращения из Праги я попытался найти этот ответ и написал маленькую поэму под названием «Пражская тетрадь», которая была опубликована в моей книге «На пути в XXI век» (*Большаков В. На пути в XXI век. М.: «Молодая гвардия», 1986*).

Дожди времени отхлестали свое. Горбачевская перестройка дала возможность реанимировать «пражскую весну». Она возродилась в виде «бархатной революции» в декабре 1989 года, в результате которой ее вожди оживили политический труп по имени Александр Дубчек, поставив его во главе парламента, а президентом выбрали лидера диссидентов 60–70-х годов Вацлава Гавела. Они взяли курс на реставрацию капитализма и европейскую интеграцию. Еще через пару лет перестало существовать государство по имени Чехословакия. Она распалась на Чехию

и Словакию. Обе страны вошли в НАТО. Чехия – в марте 1999, а Словакия – в марте 2004 года.

Цена золотого пера

Во время моей командировки в Чехословакию в «Комсомолке» опубликовали только тройку небольших информационных, хотя я и передал из Праги несколько статей. Они недолго пролежали в редакционном портфеле после моего возвращения в Москву. Наступало время осмысления происходящего в этой братской стране, и статьи мои оказались востребованными. В июле 1968 года на чрезвычайном съезде журналистов ЧССР А. Лим, один из тех ренегатов, которые захватили в стране «четвертую власть» заявил под аплодисменты собравшихся: «О том, что социализм нуждается в печати, мы уже слышали, а вот нуждается ли печать в социализме?».

После августа 1968 года «световая интеллигенция» перешла от открытых нападок на социализм и КПЧ к позиционной войне. Притихнув на время, вновь взяли за перо такие «асы», как Л. Вацулик, А. Лим, Я. Прохазка и другие авторы манифеста «Две тысячи слов». Их коллеги, на всякий случай сбежавшие в августе за границу, возвратились, как ни в чем не бывало, из «творческих отпусков» на прежние места работы, а некоторые даже получили ордена за свою «патриотическую деятельность». В героях ходили даже те дикторы подпольных радиостанций, которые в августе 1968-го призывали граждан Чехословакии пускать под откос советские военные эшелоны и не давать союзным войскам ни воды, ни еды.

Понятно, что их убеждения не переменились ни на йоту, а ненависть к тем, кто их идеи не разделял, только усилилась. Фактически за исключением газеты «Руде право» ЦК КПЧ не контролировал чехословацкие СМИ.

Выступая на ноябрьском (1968) Пленуме ЦК КПЧ, первый секретарь ЦК Компартии Словакии Густав Гусак сказал: «Факт остается фактом: партия в такой важной сфере, какой являются СМИ, практически не могла осуществлять свою руководящую роль. Ее практически лишили такой

возможности. Я говорю это не только для истории, что это было перед августом, а потому, что это происходит сегодня».

Журналистский корпус «пражской весны» оставался весьма внушительной силой воздействия на массовое сознание. Тут Гусак не погрешил против истины. Пропаганда антикоммунистического толка доминировала практически во всех СМИ – в газетах, журналах, на радио и телевидении. На Западе это инспирировали и поддерживали с самого начала.

Проанализировав всю эту ситуацию, я написал в апреле 1969 года статью «Цена “Золотого пера”». Поводом для нее стало награждение журналистов и СМИ Чехословакии премией «Золотое перо свободы» за «образцовые в истории нашего времени действия». Премия эту учредила Международная федерация издателей газет и журналов (МФИ). Вслед за этим нью-йоркский клуб иностранной печати удостоил специальной премией «чехословацкий журналистский корпус за успешную борьбу за свободу печати в 1968 году». Ее как раз и вручали 18 апреля в Нью-Йорке, к этой дате и была приурочена моя статья.

МФИ и «Клуб иностранной печати» были не раз уличены в мировой печати в связях с ЦРУ и родственными ему спецслужбами, которые были самым активным образом вовлечены в события в Чехословакии в 1967–1968 годах и не собирались терять там рычаги своего влияния и после ввода союзных войск.

Шквал публикаций в «световой печати» вызвала моя статья «Как это делается?», появившаяся в «Комсомолке» еще раньше – 27 декабря 1968 года. Дело дошло до того, что Союз чешских киножурналистов направил на меня полную ругательств и оскорблений жалобу в нашу редколлегия за подписью председателя этого клуба некоего Ф. Гольдшайдера. Специальную передачу этой статье посвятила 14 января 1969 года и радиостанция «Немецкая волна» на русском языке. В ней, в частности, было сказано, что подвергнутый мною критике фильм Яна Немеца «О празднике и гостях» стал «бревном в глазу для “Комсомольской правды”». Ведь в нем в форме притчи разоблачается сталинская эра террора и насилия». Если бы только сталинская эра. Фильм Немеца был откровенным обличением социализма вообще.

Верно говорят, если враги тебя хвалят, задумайся, где ты поступил неверно. А если ругают, будь спокоен – ты сделал все правильно. То, что все мои статьи из Чехословакии так или иначе опровергали и критиковали откровенные враги социализма, то, что на меня писали доносы из Праги мои коллеги-либералы, в том числе и те, которых я в глаза не видел, было с этой точки зрения весьма показательным. Я попал в точку. И жалею только о том, что наша КПСС не сделала никаких выводов из того, как СМИ и почти вся творческая интеллигенция в Чехословакии и Польше не просто вышли из-под контроля партии, а превратились в «невидимое правительство», как они сами себя гордо называли, видимо не зная, что также в США именуют Центральное разведывательное управление с его «рыцарями плаща и кинжала».

Густав Гусак, став генсеком КПЧ в 1970 году, все-таки восстановил контроль партии над СМИ, и это помогло ему удержаться у власти вплоть до «бархатной революции». В СССР за нашим братом вроде бы и был надзор неусыпный и со стороны ЦК, и со стороны КГБ, не говоря уже о редакционных партийных и комсомольских организациях. И тем не менее при Горбачеве обнаружилось, что в творческих союзах СССР – от Союза журналистов и Союза писателей до Союза кинематографистов и Союза художников – процент «световой интеллигенции», а также процент откровенных сионистов примерно тот же, что и в Чехословакии к началу «пражской весны». Как так получилось?

На мой взгляд, во властных структурах СССР со времен Хрущева формировалась особая группа партократов, которая идейно и нередко этнически защищала во власти интересы тех самых «внутренних диссидентов», которые окончательно взяли власть в свои руки и в партии, и в государстве с началом горбачевской перестройки. Вот что говорил об этом один из цековских инсайдеров Федор Бурлацкий, о котором у нас уже шла речь выше. «Хрущев почувствовал необходимость в поиске новых людей. Он почувствовал недостаток и знаний, и культуры. Одни его диктовки носили такой хаотический характер, что надо было просто обладать гением решателя кроссвордов. И пошел поиск такого типа людей антисталинской направленности – из журналистской и творческой среды. Первый, кто

подхватил эти настроения, был Юрий Владимирович Андропов. Он пригласил меня в качестве консультанта, я тогда работал в журнале “Коммунист”, я пригласил Назарова, Бовина, Арбатова, Петренко, потом такая же группа возникла и в международном отделе – Черняев, Загладин. А потом эти консультантские группы уже расплодились и в других отделах» («Известия». 21 октября 2002 г.).

Бурлацкий верно подметил «Ахиллесову пяту» кремлевских партократов – они были удручающе необразованны и нередко просто безграмотными. Этим и воспользовались будущие «агенты влияния», которые обосновались в предбанниках больших кабинетов в качестве советников, консультантов и спичрайтеров полуграмотных хрущевских, а затем и брежневских руководителей днепропетровского призыва.

Брежнев и сам был не Бог весть каким грамотеем, да еще привез с собой в Москву целую когорту, скажем так, неинтеллигентов. В Молдавии у Леонида Ильича служил помощником Сергей Павлович Трапезников. В 1956 году, став секретарем ЦК, он вспомнил о нем и взял его к себе помощником. Вроде бы по анкете Трапезников был вполне пригоден для такой работы – учился в Высшей партийной школе, потом стал аспирантом Академии общественных наук при ЦК. Параллельно окончил исторический факультет Московского педагогического института, защитил докторскую диссертацию. В мае 1965 года Брежнев восстановил самостоятельный отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС и поставил во главе его Трапезникова. Когда перед этим назначением он решил посоветоваться с Александровым-Агентовым, тот пришел в ужас и сказал: «У меня в сейфе лежит написанная Трапезниковым от руки бумага, в которой на одной странице восемнадцать грубейших орфографических ошибок. И этот человек будет руководить развитием нашей науки, работой академиков?» Брежнев тем не менее Трапезникова в этой должности утвердил. Преданность он ценил куда выше грамотности.

«Фельдфебелей в Вольтеры» нашей интеллигенции назначали нередко, и это стало нормой еще при Хрущеве, который был чудовищно невежественен и вообще не получил никакого образования. Особо близкий к Брежневу член Политбюро А. П. Кириленко в 1966–1982 годах курировал

всю советскую промышленность как секретарь ЦК КПСС. Он прославился тем, что во время событий в июне 1962 года в Новочеркасске вместе с А. Н. Шелепиным руководил подавлением выступлений рабочих. С его подачи в 1976 году пленум Свердловского обкома КПСС избрал Б. Н. Ельцина 1-м секретарем Свердловского обкома КПСС. Так вот этот деятель вообще не мог написать собственноручно даже заявления об отставке. А ведь в середине 1970-х годов он считался одной из важнейших фигур в партии и возможным преемником Л. И. Брежнева на посту Генерального Секретаря ЦК КПСС. К 1982 году он впал в старческий маразм и вскоре после смерти Брежнева отправлен на пенсию.

Самый активный брежневский лизоблюд Иван Васильевич Капитонов (1915–2002), секретарь ЦК КПСС (1965–1986), председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС (1986–1988), ведал всей кадровой политикой партии. И при этом не мог самостоятельно написать элементарной служебной записки.

Мне не раз приходилось сталкиваться с этими «грамотеями», когда мои особо острые статьи в «Правде» пускали по «большому кругу» – т. е. рассылали их членам Политбюро и секретарям ЦК КПСС. Однажды я получил гранку от одного из них с такой правкой. Вместо моей фразы «Так это – секрет Полишинеля» он написал: «Так не делается говорить». Пришлось звонить его помощнику и доказывать, что так по-русски нельзя говорить.

В своей книге о Брежневе Член Общественного совета Российского еврейского конгресса, известный писатель, журналист и телеведущий Леонид Млечин тепло вспоминает о двух помощниках Брежнева – Александрове-Агентове и Цуканове.

Андрей Михайлович Александров-Агентов, которому в цековских коридорах присвоили кличку «Тире», исходя из его двойной фамилии, был основным помощником Брежнева по международным делам. Потомственный интеллигент, внук царского генерала, он каким-то образом избежал сталинских репрессий и тихо служил несколько лет в советском посольстве в Швеции, а в начале 60-х годов возглавлял скандинавский отдел в МИДе. Под его началом когда-то стажировался молодой Юрий Владимирович Андропов – перед тем как отправиться на работу послом в Венгрию.

В 1963–1964 годах «Тире» работал в международном отделе ЦК КПСС и входил в группу консультантов Ю. В. Андропова вместе с Г. Г. Арбатовым, Ф. М. Бурлацким, А. Е. Бовиным. Видимо, именно Андропов и порекомендовал этого человека Л. И. Брежневу в качестве помощника, когда того перевели на должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Он застал и Горбачева на должности помощника по международным делам Генерального секретаря ЦК КПСС, которую занимал с 1964 по 1986 год.

Любимым речеписателем у «Тире» был Вадим Валентинович Загладин, который быстро вырос в международном отделе ЦК до замзава. Я не раз с ним встречался по работе и знаю, что он был близок к группе Арбатова-Иноземцева. С помощью таких людей Александров-Агентов, по мнению многих моих знакомых работников ЦК КПСС, фактически формировал не только представления Брежнева о мире, противостоявшем Советскому Союзу в годы «холодной войны», но и советскую внешнюю политику того периода. Он был одним из основных авторов концепции «разрядки международной напряженности», хельсинкских соглашений, которые, по сути дела, предоставили Западу прямую возможность вмешиваться во внутренние дела СССР, и процесса ограничения стратегических вооружений (ОСВ-1 и ОСВ-2). Что это был за человек?

«Однажды в припадке откровенности Александров так и сказал нам, что “создал этого человека”» (т. е. Л. И. Брежнева. – В. Б.), – вспоминала Галина Ерофеева, которая знала брежневского помощника не одно десятилетие. Ерофеева свидетельствует, что «человеку с солидным университетским образованием, знающему пять языков, любящему поэзию – он увлеченно читал Сашу Черного на вечеринках, – иметь повседневно дело с ограниченным, малокультурным боссом, “тыкающим” его, когда он с собственной женой говорил на “вы”, было, конечно, не в радость».

Чем это компенсировалось? Благами и привилегиями:

«Машина с водителями, комфортабельная дача круглый год с превосходным питанием в дачной столовой за символическую плату, “кремлевская столовая” на улице Грановского, отдых в лучших цековских санаториях, в том числе и “у друзей” за рубежом. К тому же вскоре потекли ручейки всяческих подношений из различных краев и республик, которые хозяйка

дома иногда демонстрировала нам. И наши старые знакомые, жившие до этого весьма скромно, откровенно упивались открывшимися перед ними райскими возможностями, хотя и любили говорить, что “ничем не пользуются”, имея, очевидно, в виду то, что они могли бы намного расширить сферу своих возможностей.

Наблюдая за их жизнью, — пишет Галина Ерофеева, — можно было легко представить, как прекрасно они вписались бы в круг среднего класса той же Швеции, которую они оба нежно любили. Впрочем, и в Москве их образ жизни со времени работы А. А. в высших сферах власти стал похож на буржуазный: огромная пятикомнатная квартира на улице Горького, обставленная стильной мебелью, с диванным гарнитуром, обитым шелковым штофом, многочисленные украшения в виде бронзовых или фарфоровых статуэток, хрусталя и картины завершали вид богатого, процветающего дома...»

Леонид Ильич щедро вознаграждал своего помощника за труды — сделал его членом ЦК, депутатом, дал Ленинскую и Государственную премии, присвоил звание чрезвычайного и полномочного посла; на приемы в Кремле Александров-Агентов приходил в посольском мундире.

Своего рода «серым кардиналом» в Кремле был первый помощник Брежнева этнический еврей Георгий Эммануилович Цуканов, которого Леонид Ильич знал по совместной работе в Днепропетровске. Цуканов известен тем, что именно он защитил А. Н. Яковлева от окончательного изгнания из советского номенклатурного рая после публикации его русофобской статьи «Против антиисторизма» в «Литературке» и уговорил Брежнева отправить его послом в Канаду. Тем самым он спас его карьеру, что помогло впоследствии этому Иуде и агенту ЦРУ стать при Горбачеве «архитектором» перестройки и членом Политбюро ЦК КПСС.

Цуканов привлек к работе над речами Брежнева бывшего заместителя главного редактора «Правды» академика Иноземцева, а следовательно, весь Институт мировой экономики и международных отношений, который тот возглавлял. Этот институт был рассадником диссидентов и в начале 1980-х годов двое сотрудников ИМЭМО (Андрей Фадин и

Павел Кудюкин) были арестованы по обвинению в участии в диссидентской организации «Молодые социалисты», а деятельность Института проверяла прокуратура.

В группе советников председателя КГБ, а затем генсека ЦК КПСС Ю. В. Андропова оказались все те же известные «внутренние диссиденты»: Федор Бурлацкий, о котором речь шла выше, обозреватель «Известий» Бовин, в будущем – посол России в Израиле, академик Г. А. Арбатов, директор Института США, еще одного рассадника диссидентов в СССР, и Г. Х. Шахназаров (Мелик-Шахназарянов). Шахназаров с 1964 по 1988 год был консультантом, а потом заместителем заведующего международного отдела в аппарате ЦК КПСС. В 1988 году он стал помощником генсека и президента СССР М. С. Горбачева. С Горбачевым он пробыл до конца своих дней и в 1992 году возглавил Центр глобальных проблем Горбачев-Фонда. Он – автор таких монографий, написанных в духе Млынаржа, как «Цена свободы» (1993), «Откровения и заблуждения теории цивилизации» (1998), «Постшок, или Роковое расставание с прошлым» (2000). В 2001 году в издательстве «Вагриус» вышла книга его воспоминаний «С вождями и без них».

В последние годы существования СССР был отмечен и ряд случаев, когда западные спецслужбы пытались внедрить своих людей в ближайшее окружение и даже в семьи советских руководителей. Наиболее известный случай был отмечен в семье Константина Викторовича Русакова, возглавлявшего отдел ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Когда его дочь развелась, за ней начал ухаживать молодой дипломат Александр Огородник из управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИД СССР. КГБ установило, что он работал на американскую разведку. Не дожидаясь, пока Огородник станет зятем секретаря ЦК, его решили арестовать. Но при аресте он покончил с собой, приняв яд. Эта история послужила Юлиану Семенову сюжетом его шпионского романа «ТАСС уполномочен заявить», по которому был снят многосерийный фильм. Конечно, в фильме о романе американского шпиона с дочкой секретаря ЦК не было сказано ни слова.

Уже после развала СССР в моем распоряжении оказался ряд материалов, из которых удалось узнать, что двое сотрудников ЦК КПСС состояли в масонской ложе «Великий Восток Франции».

Когда Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Горбачев, он вместе с Лигачевым провел в ЦК и правительстве чистку кадров, которая была во многом оправданной, т. к. позволила покончить с геронтократией и безграмотными невеждами вроде Кириленко и Капитонова в центральном аппарате. Ясно, что возникла потребность в притоке «свежей крови». К сожалению, этот приток был обеспечен в основном за счет «внутренних диссидентов», которые, по сути дела, стали «агентами влияния» и «пятой колонной» Запада во всех властных структурах Советского Союза, что и предопределило его быстрый развал.

Ко мне присматриваются

Мои статьи по Чехословакии заметили не только в Советском Союзе, но и за границей. Ведущие американские и европейские газеты откликнулись на «Как это делается?» язвительными комментариями по поводу «московского табу на современное кино». В 1969 году я часто печатался и в «Комсомолке», и в других изданиях – в журналах «Огонек», «Смена», «Ровесник», «Агитатор», «Крокодил». Мои «Очерки с идеологического фронта», такие как «Хиппи-энд» и «Лекари безумной царевны», перепечатывали молодежные газеты Болгарии, ГДР, Кубы. В них не было обычной для нашей прессы категоричности. Я пытался понять, чем вызван протест молодежи Запада против мерзостей буржуазного общества, к чему он приведет. Эти очерки затем легли в мою первую книгу «В поисках сверхоружия» (1970) и книгу о движении «новых левых» «Бунт в тупике? Очерки с идеологического фронта» («Молодая гвардия», 1973).

Феномен «новых левых» тогда для меня только открывался. У нас в открытом доступе не было книг их идеологов и кумиров вроде Герберта Маркузе, Джерри Рубина и Кон-Бендита. Тут помог наш собкор Анатолий Михайлович Манаков, который работал от «Комсомол-

ки» в США. Он-то мне и переслал в Москву основные книги Маркузе: «Одномерный человек» (*Herbert Marcuse. One Dimensional Man*), «Эрос и цивилизация» (*Herbert Marcuse. Eros and Civilization*), «Советский марксизм» (*Herbert Marcuse. Soviet Marxism*) и «Пять лекций» (*Herbert Marcuse. Five Lectures*).

По тем временам такие «посылки» мало кто мог себе позволить, работая за границей. Но Анатолий мог. Теперь уже можно сказать, что корпункт «Комсомолки» в Нью-Йорке финансировался КГБ, так как сам Анатолий рассказал об этом в своем интервью Агентству Федеральных Расследований после выхода в отставку в 1993 году. Он окончил ИнЯз им. М. Тореца на 10 лет позже меня и в 1968 году был принят после годичного обучения в разведшколе № 101 (ныне Академия службы внешней разведки, которую оканчивал и В. В. Путин) в органы государственной безопасности, в американский отдел службы внешней разведки, где и прослужил 25 лет. С 1970-го по 1975 год и с 1980-го по 1985 год работал в Нью-Йорке как корреспондент «Комсомольской правды» и «Литературной газеты» (Агентство Федеральных Расследований – www.FLB.ru). Анатолий вошел в историю советской внешней разведки как первый из ее работников, почуявший перспективность Джорджа Буша-старшего. «В 1973 году, – рассказывал он агентству FLB, – я провел “подход” к Джорджу Бушу. Мы побеседовали полтора часа, съели стейк, выпили, все как полагается. И за время этой беседы я получил информации на пять шифрованных телеграмм. Буш – человек очень толковый, умный, образованный, и сведения, которые я почерпнул из этой беседы, были такие, что все мои телеграммы в центре прошли по “высшей разметке”» (Там же). Будущий 41-й президент США, конечно, не подозревал, что собкор газеты «Комсомольская правда», которому его представили, на самом деле был кадровым офицером КГБ. У нас в редакции тоже мало кто об этом догадывался, потому что Анатолий был не только хорошим разведчиком – две командировки в США и ни одного провала! – но и отличным журналистом. Именно поэтому его сменщика в Нью-Йорке вычислили практически сразу. Тупой, наглый хам, он и строчки не мог написать грамотно. Когда несколько лет спустя он неожиданно появился в «Правду»,

где я работал тогда, и буквально потребовал, чтобы я рекомендовал его редактору американского отдела Георгию Ратиани, я категорически отказался это делать и сказал ему: «Я не хочу загружать своих коллег правкой твоего бреда». Тогда он заорал: «Нужно будет, и ты будешь меня править, как правил в “Комсомолке”. А не захочешь – заставят!» Я ему указал на дверь, но кто-то все же порекомендовал его Георгию Михайловичу. Ратиани был интеллигентнейшим человеком, но страшно боялся КГБ. В молодости он работал в МИДе переводчиком и вскоре после войны оказался с французской делегацией на переговорах со Сталиным. Тогда всех, даже переводчиков, перечисляли в протокольных сообщениях о встрече с вождем. Увидев фамилию Ратиани, Сталин обратился к нему на грузинском языке. Когда выяснилось, что тот по-грузински не понимает, Сталин сказал ему: «Какой же ты тогда грузин? Ты – еврей». С тех пор у Ратиани появился неконтролируемый нервный смех. Как и многие либералы сталинской поры, он всю жизнь ждал, что за ним придут...

Ратиани попросил меня зайти и спросил, что я думаю об этом «претенденте». Я сказал ему, что этот тип делает пять ошибок в слове «мама», но для лучшего понимания принес ему направленные копии его «репортажей» из Нью-Йорка, хранившиеся в архиве «Комсомолки». Просмотрев их, Ратиани хохотал от души. Вскоре этому «штирлицу» в «Правде» отказали официально, и он затаил на меня злобу на всю оставшуюся жизнь. Мне это потом икалось не раз.

Лето 1970 года стало для меня весьма жарким, потому что мне почти одновременно предложили несколько новых мест работы. Первое поступило от «Литературной газеты». Должность заведующего иностранным отделом в такой газете была весьма престижной, и это было очевидным повышением. Звали на факультет журналистики МГУ защищать диссертацию и одновременно преподавать. Я даже сдал у Засурского кандидатский минимум. Но не сложилось.

В самом конце сентября позвонил мне Георгий Аркадьевич Арбатов (1923–2010), директор и основатель созданного в 1967 году Института США и Канады. В его институте с января 1970 года выходил ежемесячный журнал «США – экономика, политика, идеология». Арбатов (Дзун

по матери) предложил мне в нем должность заведующего отделом идеологии. Это было действительно заманчивое предложение. Меня тянуло в науку и в американистику, а у Арбатова можно было совместить и то, и другое и работать весьма продуктивно. Арбатов всерьез занимался идеологией и был автором ряда публикаций и монографий на эту тему (см. *Арбатов Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма. М., 1970*). Его докторская диссертация тоже была посвящена этому (ИМЭМО, 1964). Мне казалось, что мы и по взглядам нашим близки. Георгий Аркадьевич прошел всю войну, был участником парада 7 ноября 1941 года на Красной площади и закончил войну инвалидом второй группы. В 1964–1967 годах он был консультантом, а затем руководителем группы консультантов международного отдела ЦК КПСС, куда входили Бовин и Иноземцев. У меня тогда не было никаких сомнений в его патриотизме. Я был уверен, что мы – единомышленники. Мы встретились, поговорили. И я только больше утвердился в том, что делаю правильный выбор.

Если бы я его тогда действительно сделал, судьба моя сложилась бы совершенно иначе. При всех своих военных заслугах Арбатов оказался в 60-х годах одним из идеологов советских «западников», и его институт занимался не столько изучением Америки и Канады, сколь защитой интересов США в СССР. Это не только мое мнение. Приведу мнение других весьма авторитетных людей. Главный редактор «Правды» (с 1974 по 1989 г.) В. Г. Афанасьев: «Георгий Арбатов – академик, директор Института США и Канады, друг Киссинджера, советник и Брежнева, и Горбачева, и Ельцина. Большой недруг Советской Армии и военно-промышленного комплекса. Да, он друг Америки. А России? До сих пор не могу однозначно ответить на этот вопрос. Многое в нем настораживает» (*Афанасьев В. Четвертая власть и четыре генсека. М., 1994. С. 39*).

Историк Н. Н. Яковлев: «Такие “академики”, восседавшие на руководящих должностях, вели войну на истребление ученых, способных дать научные ответы на вопросы, поставленные жизнью. И преуспели. За их плечами стояли приятели и собутыльники из ЦК КПСС, да и упо-

мянутые “академики” нередко вырастали в этом муравейнике» (*Широнин В.* Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М.: Палея, 1996. С. 174).

Экс-председатель КГБ СССР В. А. Крючков:

«Помню, Арбатов работал при разных руководителях страны. Им были довольны, относились с уважением. Но после серии его выступлений я понял, что это не тот человек, который может принести пользу нашему государству, который укрепляет наши отношения с Америкой не на паритетных, что называется, началах, а путем сдачи наших позиций. Кстати, он активно выступал против нашей армии...

О чем он, кстати, подробно рассказал в своей книге “Человек системы”...

И военные его терпеть не могли. Вот сейчас он может торжествовать: мы стали страной со слабой армией, а НАТО выдвинулось вплотную к нашим границам. Наших позиций это, как вы понимаете, не усилило. К счастью, наше руководство пытается как-то поправить положение» («Трибуна». М., 16 декабря 2005 г.)

Экс-руководитель аналитического управления КГБ, бывший замначальника советской разведки генерал-лейтенант Н. С. Леонов:

«У нас существует целый институт США и Канады. Я его помню еще по временам арбатовщины. Так мы называли это политическое явление по имени его тогдашнего руководителя Георгия Арбатова. Вот этот институт по своему уставу и призван изучать Соединенные Штаты со всеми их плюсами и минусами и давать рекомендации правительству: куда “долбать” или, наоборот, куда не “долбать”, а использовать ситуацию для укрепления отношений. У американцев, конечно, тоже существовали подобные заведения – советологические центры. Но количество их было иное. По моим подсчетам, их было 120–125. Так что нас они изучали предметно, как блоху. Наш же институт занимался совсем другими делами. Советско-американскими отношениями. Не изучал США на предмет рекомендаций, как надо играть на внутренних американских противоречиях, как воздействовать на американское общество, на его национальные и социальные слои, а предлагал, скажем, построить газопровод “Северное

сияние”. Из Тюмени к Мурманску. Информировал, что американцы поджижающие газ заводы дадут кредиты. Или. Институт США и Канады занимался вопросом: надо или не надо выпускать евреев из СССР. Вот какова была сфера этого политиканствующего ученого, от которого не осталось ни учения, ни политики».

Несколько забегаая вперед, добавлю лишь, что Г. А. Арбатов по поручению «Трехсторонней комиссии», одного из филиалов «мирового правительства», сформированного «мировой закулисой», накануне развала СССР готовил доклад о положении в нашей стране, который был взят за основу разработчиками секретной директивы президента США Рональда Рейгана NSCD-75 по демонтажу коммунистических режимов в Советском Союзе и странах Варшавского Договора. В благодарность за это он был введен в состав этой комиссии консультантом (подробнее об этом – ниже).

Конечно, тогда я и помыслить не мог о том, куда приведет «американистика» Института США и Канады Г. А. Арбатова. В начале октября я дал согласие перейти к нему в журнал и сразу же после этого получил приглашение на ланч в посольство США в Москве. Приглашал посол Джейкоб Бим. На приеме было всего несколько советских гостей помимо меня с Арбатовым и двое сотрудников посольства. Арбатов представил меня Биму как будущего сотрудника своего журнала. Беседа была чисто ознакомительной и вроде бы ни к чему не обязывающей, но для Арбатова это были мои смотрины. Судя по всему, и американцам я «показался», о чем Арбатов радостно сообщил мне на следующий день по телефону. Оставалось только подать заявление Панкину о переходе на другую работу. И тут случилось нечто совершенно неожиданное.

Позвонил Василий Павлович Попов, помощник главного редактора «Правды» Михаила Васильевича Зимянина, и сообщил, что тот хочет со мной побеседовать. Желательно в ближайшие полчаса. Через полчаса я уже был на четвертом этаже в приемной главного. Он не заставил себя долго ждать и пригласил зайти. Было что-то около шести. К этому времени заканчивалась работа над вечерним выпуском «Правды», матрицы которого рассылали по всей стране, где в местных типографиях печатали

«провинциальную» «Правду». Столичный выпуск, предназначенный для Москвы и Ленинграда, выходил где-то около полуночи, а то и позже. Вот в перерыве между этими двумя выпусками Зимянин и решил со мной пообщаться. Меня поразила его огромный кабинет, половину которого занимал массивный Т-образный стол, на котором были аккуратно сложены полосы вечернего выпуска. Он вышел навстречу мне из-за своего стола, уставленного белыми (кремлевскими) и черными (внутренними) телефонами, пожал руку, пригласил садиться и сказал:

«Чтобы быть кратким – у нас работа над номером еще продолжается, – сразу скажу, что я в последнее время слежу за вашим творчеством. Мне нравится, что и как вы пишете. Я знаю, что вы уже у нас печатались. Был у вас фельетон, кажется. Я хочу предложить вам работу в “Правде”. Формально она редакторская и не будет связана с написанием статей. Это – должность заместителя ответственного секретаря “Правды” по международным отделам. Вы будете готовить две полосы международных отделов. После каждого дежурства вам полагается суточный отгул. Вот в это свободное время вы сможете писать для “Правды” статьи на свои излюбленные темы. Никаких препятствий для публикации у вас не будет. Я не заставляю вас принять решение прямо сейчас. Подумайте и позвоните моему помощнику».

Я думать не стал и сказал: «От таких предложений не отказываются. Я согласен».

Когда я сообщил Арбатову о том, что перехожу в «Правду», он просто бросил трубку и после этого со мной долго не разговаривал, хотя мы не раз встречались потом на приемах и пресс-конференциях. Панкин, когда я положил ему заявление о переходе в «Правду» на стол и сказал «Пришел с вами попрощаться», спросил: «Так что, все же решил перейти к Арбатову? Ну, что ж. Поздравляю». Он был явно в курсе моих переговоров с Институтом США. Но, когда я уточнил, что ухожу в «Правду», переменился в лице – такого он явно не ожидал. «Смотри, не пожалеешь потом? Там с нашим братом строго, не то, что здесь...»

Я никогда об этом не пожалел. 21 октября 1970 года я вышел на работу в «Правду», где мне суждено было проработать почти 30 лет.

Глава восьмая ФЛАГМАН ПО ИМЕНИ «ПРАВДА»

Немного о ЦО ЦК

О «Правде» и ее истории я знал не больше тогда, чем большинство моих соотечественников. Известно было, что основал ее В. И. Ленин, и день выхода ее первого номера в свет 5 мая 1912 года отмечался в СССР как День печати. На самом деле, социал-демократическую газету под именем «Правда» с октября 1908 до апреля 1912 года издавал сначала во Львове, а затем в Вене Лев (Лейба) Давидович Троцкий. Ленин же стал издавать свою «Правду» только в мае 1912 года, и, как Троцкий с ним ни скандалил, добиться сатисфакции от лидера большевиков, которого он назвал «узурпатором», не смог. Это и привело к их решительному разладу, который удалось преодолеть только к октябрю 1917 года. Газета выходила тогда тиражом около 40 тыс. экземпляров, иногда – 60 тыс. и то и дело меняла названия из-за запрета цензуры – «Рабочая правда», «За правду» и т. д., пока окончательно не была запрещена в 1914 году и выходила и распространялась уже нелегально вплоть до Февральской революции 1917 года.

После поражения первой русской революции 1905–1907 годов большевики активно боролись за источники финансирования своих печатных изданий. Судя по тем документам, которые есть в архивах Октябрьской революции, бюджет Ленина и его соратников по заграничной РСДРП был весьма скуден. На «Правду» денег не хватало. И тем не менее она выходила регулярно, и в 1912–1914 годах в «Правде» было опубликовано 285 ленинских работ. С началом Первой мировой войны большевики получили необходимую финансовую помощь через своего полномочного представителя в германском генеральном штабе Парвуса (псевдоним Гельфанда А. Л.; 1869–1924). В истории КПСС это одна из самых позорных страниц, как

и вся история переправки В. И. Ленина и его ближайших соратников в запломбированном вагоне через территорию Германии. Но что было, то было. Уже в январе 1921 года известный лидер правого крыла немецкой социал-демократии Эдуард Бернштейн опубликовал в берлинском с.-д. органе «Форвертс» статью, в которой сообщал, что, как ему известно из достоверных источников, большевики получили от правительства кайзера огромную сумму – больше 50 миллионов золотых марок. В ответ на поднявшиеся вопли коммунистов о «клевете» Бернштейн предложил привлечь его за клевету или к германскому суду, или к суду Социалистического интернационала, но тогда ленинские защитники умолкли; ни суда, ни расследования этого дела не было, и все заглохло...

Через четверть века, в конце Второй мировой войны, американской армией в Германии были найдены в пяти замках, расположенных в горах Гарца, архивы германского Министерства иностранных дел; они были частично разобраны американцами и англичанами, и в них было найдено множество документов, касающихся немецко-большевистского союза в 1915–1918 годах. Некоторая часть этих документов (всего 136 номеров и 2 приложения) была издана в 1958 году в Лондоне З. А. Б. Земаном под заглавием: «Германия и революция в России 1915–1918 годов». Так вот среди этих документов было обнаружено письмо кайзеру, датированное 3 декабря 1917 года от статс-секретаря (министр иностранных дел) Германии Кюльмана, который, в частности, писал в нем: «Лишь тогда, когда большевики стали получать от нас постоянный приток фондов через разные каналы и под разными ярлыками, они стали в состоянии поставить на ноги свой главный орган “Правду”, вести энергичную пропаганду и значительно расширить первоначально узкий базис своей партии». 3 июля статс-секретарь Циммерман с удовлетворением телеграфировал, что «мирная пропаганда Ленина становится все сильнее и его газета “Правда” печатается уже в 300 000 экземпляров» (цит. по: Ленин и Россия. Сборник статей профессора С. Г. Пушкарёва; 1888–1982).

В «Правде» публиковали свои статьи все известные лидеры «ленинской гвардии» – от Каменева и Зиновьева до Свердлова и Троцкого. Литературным отделом в ней заведовал Максим Горький. Бессменным главным

редактором «Правды» с декабря 1917 по 1929 год был Николай Иванович Бухарин, член Политбюро ЦК ВКП(б) (1924–1929). 13 марта 1938 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Бухарина к смертной казни. Когда я пришел в «Правду», он все еще числился во «врагах народа», что неудивительно. Тогда, в 1970 году, все еще были живы Микоян и Хрущев, входившие вместе с Берией, Ежовым и Крупской в комиссию, которая вынесла смертный приговор Бухарину, и он через два дня был расстрелян на полигоне «Коммунарка» Московской области, там же и похоронен. Он был реабилитирован только в 1988 году и в том же году посмертно восстановлен в партии и в АН СССР.

«Правду» возглавляли ближайшие соратники Сталина, входившие в руководство партии, – Л. З. Мехлис (1930–1937), П. Н. Пospelов (1940–1949), будущий идеолог КПСС М. А. Суслов (1949–1950), Д. Т. Шепилов (1952–1956). До Ильичева, который возглавлял «Правду» в 1950–1952 годах, должности «главный редактор “Правды”» не было. Ему соответствовала должность «ответственный секретарь» по старой, еще дореволюционной традиции. И только после того, как Ильичев получил очередной нагоняй от Сталина, появился приказ: «Главному редактору “Правды” Ильичеву Л. Ф. объявить строгий выговор», в номенклатурном списке появилась эта должность – «главный редактор “Правды”», к которой прилагалось и обязательное членство в ЦК КПСС, а для первого зама – титул кандидата в члены ЦК КПСС.

Конечно, вплоть до запрета КПСС Ельциным в 1991 году «Правда» была газетой номер один в стране. К 1991 году ее ежедневный тираж достиг 16 миллионов экземпляров. Она выходила на шести полосах каждый день и только в понедельник – на четырех. Подписка на нее членов партии, а их число достигло к закату КПСС 18 миллионов человек, была практически обязательной. У «Правды» были собственные корреспонденты во всех столицах союзных республик и во всех крупных городах СССР. 45 корреспондентов «Правды» работали за рубежом. Переманивший меня в «Правду» Михаил Васильевич Зимянин, руководивший «Правдой» с 1965 по 1976 год, и сменивший его Виктор Григорьевич Афанасьев (1976–1989) отбирали в «Правду» лучших советских журналистов. К ним охотно шли,

и потому что это было престижно, и потому, что нравы в редакции были достаточно свободными, особенно при Афанасьеве, по сравнению даже с изданиями ЦК ВЛКСМ или Союза писателей.

В старом здании «Правды» редакция «Правды» занимала третий, четвертый и часть пятого этажа делила с «Советской Россией». На 7-м этаже располагался самый многочисленный отдел писем. На втором ютилась «Сельская жизнь», а «Комсомолка» царствовала на шестом.

Главный редактор и его замы

Михаил Васильевич Зимянин (1914–1995), которого в «Правде» любовно называли «Михвас», много сделал хорошего для меня, и я многому у него научился, за что всегда буду ему благодарен. К сожалению, в тот момент, когда мне нужна была его защита от клеветников и стукачей, пытавшихся меня дискредитировать, он мне руку помощи не протянул. Это сумел и не побоялся сделать только Виктор Григорьевич Афанасьев, сменивший его на посту главного редактора. Не берусь осуждать нашего Михваса. Он был честным и порядочным человеком, жил скромно, в отличие от партийных вельмож, и того же требовал от нас, правдистов.

Зимянин – дитя своего времени и своей партии. Если его не поставили к стенке ни в годы сталинских репрессий, ни после войны, когда разбирались с его участием в партизанском движении в Белоруссии, то это произошло только потому, что он был всегда не просто солдатом (а затем уже и послушным генералом) партии, но и потому, что исполнял свой долг с таким усердием и, я бы даже сказал, с такой страстью, что его одинаково ценили и в сталинские времена, и после смерти Вождя, которого он боготворил. Уже после его смерти его сын Владимир Михайлович Зимянин в интервью еженедельнику «Аргументы недели» сказал: «В беседах с отцом – уже после его выхода на пенсию – я расспрашивал его о Сталине. До конца своих дней Михаил Васильевич почитал его как выдающегося руководителя партии и государства, признавал его непререкаемый авторитет как одного из лидеров международного и коммунистического движения».

В Белоруссии его партийная карьера после войны складывалась довольно гладко, и в 1952 году он занял пост второго секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Неизвестно, почему на него обратил внимание В. М. Молотов и пригласил его на дипломатическую работу. В начале 1953 года он становится членом коллегии МИД СССР. Однако после смерти Сталина Зимянин 12 июня 1953 года постановлением Президиума ЦК КПСС по докладной записке Л. П. Берии был рекомендован первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии вместо снятого с этой должности тем же постановлением Н. С. Патоличева (АПРФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 51. Л. 124). М. В. Зимянин приехал в Минск и выступил на пленуме ЦК КП Белоруссии с разгромным докладом, изболел Патоличева во всех смертных грехах. Но тут из Москвы позвонили, сначала Н. С. Хрущев, потом Г. М. Маленков. Они сообщили, что Л. П. Берия арестован и, если белорусские товарищи не возражают, Н. С. Патоличев может оставаться в Минске в прежней должности. Пленум проголосовал «за», и М. В. Зимянин возвратился в Москву в МИД. Его заподозрили в близости к Л. П. Берии, и 15 июля 1953 года он написал объяснительную записку на имя Н. С. Хрущева. В ней были такие слова: «Только узнав, что Берия является злейшим врагом партии и народа, я понял, насколько подлым является этот иезуит, насколько подлым было его отношение ко мне лично, раз и меня он пытался запятнать... Заявляю Центральному Комитету КПСС, что ничего общего с врагом партии и народа Берия не имел, честно боролся и буду бороться за дело нашей Великой Коммунистической партии до последнего дыхания» (Там же. С. 29–30).

Его простили и летом 1953 года отправили послом во Вьетнам. Затем он был послом в ЧССР и уже оттуда перешел в свой кабинет в «Правде». Михаил Васильевич проработает на этом посту почти 11 лет: с 1965 по 1976 год. Конечно, все эти перипетии не могли не сказаться на его характере и даже манере поведения. При встречах с ним у меня нередко складывалось впечатление, что он все еще стремится что-то кому-то доказать, добавить то, что недосказал, и боится быть не услышанным. Вся эта история с Берией оставила в нем затаенный страх перед КГБ. Андропова он боялся просто панически. А. Н. Яковлев вспоминает такой эпизод: «Когда я вернулся в Москву, он уже был секретарем ЦК. Однажды он пригласил

сил меня по делам Института... (По возвращении из Канады Яковлев был назначен директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР). Во время разговора раздался звонок Андропова. Зимянин сделал мне знак молчать. Все его ответы Андропову сводились к одному слову: “Есть”. Я видел его перепуганное лицо. После разговора он облегченно вздохнул и сказал мне: “Ты не говори, что присутствовал при разговоре”» (*Яковлев А. Н. Сумерки* / <http://www.rulit.me/books/sumerki-read-230314-192.html>).

Зимянин был в обращении с людьми суховатым, даже жестким. Это был человек-функция, без каких-либо видимых человеческих слабостей. Вся жизнь его проходила в его рабочем кабинете. Отдыхать он не любил и не умел, мог только изредка расслабиться и поиграть в шахматы, что было, пожалуй, его единственной страстью, хотя играл он плохо и чаще всего выбирал в партнеры своего помощника Василия Попова, который тоже в Ботвинники не годился.

Говорят, о мертвых либо хорошо, либо ничего. Поэтому я постараюсь избежать личных оценок этого человека и предоставлю слово тем, кто его знал по жизни и по работе.

«Не стану приписывать М. В. Зимянину качеств защитника и радетеля главных редакторов, – вспоминал бывший главный редактор газеты “Советская Россия” М. Ф. Ненашев, – ибо знаю, при строгой тогда иерархии партийной власти он мог только то, что ему было отведено, и не больше. Не знаю, часто ли брал он под защиту нашего брата-редактора, когда над его головой зависал меч расправы, но знаю, что не был он инициатором такой расправы. Отличался объективностью и здравомыслием. Чаще всего любая серьезная коллизия заканчивалась у него в кабинете и не имела продолжения. Деликатный по характеру, вместе с тем был прямолинейным в суждениях, честным и правдивым в оценках, недостаточно податливым к зигзагам в идейных вопросах. Лично скромный, открытый, контактный, несколько эмоциональный» (*Зенькович Н. А. Самые закрытые люди. От Ленина до Горбачева: Энциклопедия биографий* // <http://www.rulit.me/books/samye-zakrytye-lyudi-ot-lenina-do-gorbacheva-enciklopediya-biografij-read-359713-93.html>).

Создатель первого в СССР джаз-клуба музыкант Алексей Козлов не был единомышленником Зимянина, но не скрывал своего к нему уважения. «Это был суровый, прямолинейный и убежденный человек, чрезвычайно честный и неприхотливый, – говорил он. – Он держал свою семью в относительно скромных рамках в смысле быта, сильно отличаясь от представителей высшей партийной элиты, хапавших все, что было можно, для себя и своих родных. Чем-то даже он сильно напоминал мне моего отца. Увы, его принципиальность в борьбе за чистоту советской культуры иногда больно была по левой творческой интеллигенции» (*Козлов Алексей*. Козел на саксе // http://thelib.ru/books/kozlov_aleksey/kozel_na_sakse-read-30.html).

Как и многим советским партийным деятелям, ему, выходцу из рабочей семьи, начинавшему свой трудовой путь рабочим паровозоремонтного депо, а закончившим его на посту секретаря ЦК, не хватало той интеллигентности, которая отмечала его предшественника, Николая Бухарина. Главный редактор журнала «Наш современник» Сергей Викулов вспоминает о Зимянине так: «В нем не было ничего, что говорило бы о человеке гордом, волевом, самолюбивом: ниже среднего роста, курносый нос, тонкие губы, негромкий, без басовой струны голос, тараторный, лишенный ораторских интонаций говор» (<http://zavtra.ru/blogs/stoletie-melkogo-besa>). По описаниям Викулова, «щупленький, невысокий» Зимянин постоянно «нервничает», «весь в движении», «подергивается на стуле», «суетливо жестикулирует», говорит «зло и резко», «часто прерывает собеседника...».

По словам Анатолия Громыко, сына А. А. Громыко, М. В. Зимянин «искренне болел за советскую власть, за социализм. Он для них, безусловно, многое сделал. Из разговоров с ним у меня сложилось твердое впечатление, что Михаил Васильевич особенно переживал за русский народ, считая, что его нужды в государстве удовлетворяются крайне недостаточно. Зимянин в составе советского руководства был настоящим русофилом» (<http://argumenti.ru/society/n466/380246>). В этом, я думаю, сын Громыко заблуждался. Русофилом Михвас никогда не был. Как убежденный ленинец, Зимянин был против любого национализма, особенно против русского. Интернационализм в нем зашкаливал. В воспоминаниях «архитектора

перестройки» А. Н. Яковлева «Омут памяти» о Зимянине написано вот что: «Мы доверяли друг другу. На Секретариате ЦК он выступал довольно самостоятельно, не раз защищал печать и иногда спорил даже с Сусловым. Поддержал мою статью в “Литературке”, позвонил мне и сказал добрые слова». (Речь идет о русофобской статье «Бафомета» в «Литературной газете» в 1972 году «Против антиисторизма».) (<http://www.rulit.me/books/omut-pamyati-read-318546-112.html>)

Зимянин достаточно терпимо относился к моим публикациям в «Правде» по проблемам сионизма до того, как отправил меня собкором в Австралию в 1974 году. Но на посту секретаря ЦК на критику сионизма реагировал очень болезненно. Ребята из нашей Русской партии объясняли это тем, что у Михваса была жена еврейка, но, я думаю, это наивное объяснение. В 1978 году Шолохов направил закрытое письмо на имя Брежнева. В нем он призвал генерального секретаря ЦК КПСС остановить травлю русских писателей, начатую А. Н. Яковлевым и его подельниками в Агитпропе ЦК КПСС, и предупреждал об опасности сионизма, сторонники и агенты которого все активнее действовали в СССР. Брежнев, как известно, внутривластные конфликты предпочитал спускать на тормозах и сор из избы не выносить. К тому же в партийных верхах, увы, верили в то, что коммунизму в СССР среди евреев противостоят всего лишь «заблуждающиеся одиночки», а не хорошо организованное антикоммунистическое сионистское подполье, связанное и идейно, и этнически с «Западной» (еврейской) партией. О том, как отреагировали в партийных верхах на демарш Шолохова, говорит малоизвестная «Записка М. В. Зимянина секретариату ЦК КПСС». В ней Михаил Васильевич уже в качестве секретаря ЦК КПСС по вопросам пропаганды и агитации решил «дать отлуп», как говорил дед Щукарь, Михаилу Шолохову. В записке, в частности, говорилось: «В письме на имя тов. Л. И. Брежнева, направленном секретарям ЦК КПСС 14 марта 1978 года, тов. М. А. Шолохов заявляет о необходимости поставить вопрос о более активной защите русской национальной культуры от антипатриотических, антисоциалистических сил, подчеркивая, что в настоящее время русская культура является одним из главных объектов идеологического наступления врагов

социализма и особенно яростных атак со стороны мирового сионизма, как зарубежного, так и внутреннего. Тов. Шолохов выдвигает некоторые предложения о мероприятиях в защиту русской культуры, а также высказывает соображение о целесообразности более широкого и детального рассмотрения всего комплекса вопросов русской культуры, для чего, как ему представляется, следовало бы создать авторитетную комиссию, состоящую из видных деятелей русской культуры, писателей, художников, архитекторов, поэтов, представителей Министерства культуры Российской Федерации, ученых-историков, филологов, философов, экономистов, социологов, которая должна разработать соответствующие рекомендации и план конкретной работы, рассчитанной на ряд лет».

Ну, а дальше Зимянин выступает в традиционном духе – «товарищ Шолохов не понимает». Он пишет: «Деятели советской культуры активно принимают участие в идейной борьбе против империализма и всякой реакции, включая и сионистские организации. Однако изображать дело таким образом, что культура русского народа подвергается ныне особой опасности, связывая эту опасность с “особенно яростными атаками как зарубежного, так и внутреннего сионизма,” – означает определенную передержку по отношению к реальной картине совершающихся в области культуры процессов. Возможно, т. Шолохов оказался в этом плане под каким-то отнюдь не позитивным влиянием. Стать на высказанную им точку зрения означало бы создавать представление об имеющемся якобы в стране некоем сионистском политическом течении или направлении, то есть определенной политической оппозиции. Во-первых, это не отвечает действительности. Во-вторых, именно такой трактовки вопроса хотелось бы нашим классовым врагам, пытающимся сколотить, а если не сколотить, то изобразить наличие в стране политической оппозиции. В-третьих, акцент на наличие в стране сионистской оппозиции неизбежно повлек бы за собой подхлестывание у политически неустойчивых людей антисемитских настроений. Наши идейные противники только радовались бы этому».

Через 13 лет после этого письма Зимянину и его коллегам по ЦК КПСС пришлось расплачиваться за подобную «слепоту» потерей Советского

Союза и самой КПСС в 1991 году. И, говоря его же словами, «наши идейные противники только радовались этому».

В своих заметках на тему «“Русский орден” в ЦК партии: мифы и реальность», опубликованных в газете «Завтра» в июне 2002 года, руководитель Союза писателей России В. Н. Ганичев вспоминал, как Зимянин на всероссийском совещании журналистов устроил ему, тогда главному редактору «Комсомольской правды», разнос за серию статей о взяточничестве высокопоставленных руководителей в Ставрополье, Краснодаре, Сочи. «Комсомолка», мол, «тщится доказать, что в СССР есть коррупция». Позднее, уже на писательском съезде, Зимянин подошел к Ганичеву и жестко сказал: «Вы должны уйти из “Комсомольской правды”. Только не жалуйтесь...» (http://rusderjavnaya.ru/news/s_veroju_v_rossiju_ja_ne_rasstajus/2015-12-19-1124) (Ганичев полагал, что принимавшие по его кандидатуре решение партийные аппаратчики опасались заступничества М. А. Шолохова, который с большой симпатией относился к «Комсомолке» и ее главному редактору...) «Так что попытка сделать из “Комсомольской правды” оплот патриотизма, подобный “Молодой гвардии”, у меня не вышла», — говорил Ганичев (http://rusderjavnaya.ru/news/s_veroju_v_rossiju_ja_ne_rasstajus/2015-12-19-1124).

На одной из встреч с журналистами М. В. Зимянин уже в качестве секретаря ЦК КПСС обрушился, по воспоминаниям В. Н. Ганичева, на публикацию Владимира Солоухина, посвященную проблеме сохранения русских памятников старины. «Пишут черт его знает что! Вот опять об этой Оптиной пустыне (делая то ли специально неправильное ударение, то ли по безграмотности). Что, у нас нет настоящих памятников революционерам, героям? Пишите себе!»... «Да, может быть, не самый атеистически мракобесный человек был Михаил Васильевич, но невежда безусловный», — заключает В. Н. Ганичев (<http://www.optina-pustin.ru/244-valeriy-ganichev-optina.html>). Поэт Станислав Куняев, сменивший Викулова на посту главного редактора журнала «Наш современник» в своих воспоминаниях приводит разговор с Зимяниным на банкете по случаю очередного съезда Союза писателей. «Маленький Зимянин, поглядев на меня глубоко запавшими глазками, устало сказал: “А — это

опять вы! И когда научитесь отличать евреев от сионистов?» – “Я только этим и занимаюсь в последние годы,” – печально отшутился Куняев» (http://fictionbook.ru/author/stanislav_kunyaev/vozvrashencyi_gde_horoshotam_i_rodina/read_online.html?page=5).

Трудно простить Зимянину, как и его коллегам – партийным иерархам, то, что 11 марта 1985 года на заседании Политбюро, обсуждавшем вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС, они поддержали предложенную А. А. Громыко кандидатуру М. С. Горбачева. Вот выдержка из выступления Зимянина на том заседании, хранящаяся в архиве ЦХСД: «Работая вместе в Секретариате ЦК КПСС, мы убедились, насколько активен, глубок и эрудирован Михаил Сергеевич Горбачев. Он умеет выделить главное, а это очень важно, поскольку в Генеральном секретаре ЦК КПСС должны аккумулироваться мнение масс, предвидение будущего. И, во-вторых, я всегда находил и нахожу, когда обращаюсь к М. С. Горбачеву, быстрое решение при самом точном знании предмета. Он отличается тем, что постоянно пополняет свои знания. А это самое ценное качество для роста человека. Думаю, что выражу чувство каждого из нас, если скажу, что вы, Михаил Сергеевич, можете на нас полностью положиться» (ЦХСД. Ф. 89. Коллекция рассекреченных документов).

На XXVII съезде КПСС (февраль 1986 г.) Зимянин вновь был избран секретарем ЦК по идеологической работе, но Горбачев Михаила Васильевича невзлюбил и считал, что он «способен лишь проклинать мировой империализм». На январском (1987) Пленуме ЦК М. В. Зимянин был освобожден от должности секретаря ЦК КПСС по личной просьбе в связи с уходом на пенсию. Его место занял А. Н. Яковлев.

Понял ли в тот момент Михаил Васильевич, как он глубоко заблуждался, сочиняя письмо по поводу Шолохова, предупреждавшего руководство КПСС об опасности русофобии и международного сионизма? Да и представлял ли реально Зимянин, чем занималось сионистское подполье в СССР и других социалистических странах? Или он черпал основную информацию об этом из справок начальника Пятого управления КГБ генерала Бобкова, который закончил свою карьеру охранником у скандального олигарха времен «семибанкирщины» сиониста Гусинского?

В своих незаконченных воспоминаниях Зимянин написал:

«Я во многом грешен. Многого не сделал. О многом не подумал. Во многом заблуждался. Допустил много ошибок. Утешает лишь то, что всегда честно служил Родине. С этим и умру! Люблю мое поколение, некогда могучее, а теперь напоминающее вырубленный лес. Нам выпала честь трудиться и сражаться на протяжении большей части уходящего двадцатого века, по моему разумению, одного из самых противоречивых периодов в жизни всего человечества...» (<http://argumenti.ru/society/n466/380246>).

Без сомнения, он старался честно служить Родине, предполагая, очевидно, что и его коллеги-партократы так же искренне, как и он, ей преданы. Если он когда и отклонялся от линии партии, то только вместе с линией. У него не было сомнений в том, что руководители партии и правительства всегда правы на 100 процентов, и потому он беспрекословно подчинялся их воле и не думал им возражать. Такие люди, как Зимянин, и впрямь верили, что весь народ в едином порыве следует за КПСС в светлое коммунистическое будущее. Поэтому предательство этих идей с самого верха и крах коммунизма были для них страшной личной трагедией. Да будет земля ему пухом.

Теперь немного о его замах. Первым замом Зимянина был **Виктор Григорьевич Афанасьев** (1922–1994). Это – редкий русский самородок, обладатель огромного человеческого и научного таланта, ученый и философ мирового масштаба. Боевой летчик, войну он закончил капитаном ВВС. Окончил исторический факультет Читинского педагогического института (1950), с 1953 по 1960 год – зам. директора, зав. кафедрой философии Челябинского педагогического института. В 1959 году он участвовал в конкурсе на лучшее учебное пособие по философии. Конкурсанты соревновались под псевдонимами, и рукопись никому тогда неизвестного Афанасьева «Основы философских знаний» победила. С 1960 года в СССР эта его книга выдержала 14 изданий.

В 1960–1968 годах Афанасьев – зам. руководителя, руководитель кафедры научного коммунизма АОН при ЦК КПСС. Виктор Григорьевич одним из первых в отечественной философии обратился к вопросам управления общественными процессами при социализме в условиях

научно-технического прогресса и вызванных им перемен. Его работы (у меня хранятся три книги с его дарственными надписями: Человек в управлении обществом. М., 1977; Системность и общество. М., 1980; Общество: системность, познание и управление. М., 1981) стали основополагающими при разработке в мировой науке различных аспектов системного подхода, теории организации, теории операций, информатики. Это выдающиеся научные труды. Написаны они на первый взгляд несложно, но сложность поставленных в них проблем поражает и смелостью, и масштабами. Отмечу лишь, что почти все его работы по системному анализу были переведены на китайский язык и легли в основу разработки модели перехода Китая к рыночной экономике.

В 1968–1974 годах он работал заместителем, а затем первым зам. главного редактора «Правды». Всего на год покидал «Правду» и в 1974–1975 годах был главным редактором журнала «Коммунист», а затем вернулся в нашу газету и с 1976 по 1989 год оставался ее главным редактором и членом ЦК КПСС. Одновременно он был председателем правления Союза журналистов СССР, избирался депутатом Верховного Совета РСФСР 8 и 9-го созывов, депутатом Верховного Совета СССР 10, 11-го созывов, а в 1989–1991 был народным депутатом СССР.

Людей такого уровня на Западе берегут как национальное достояние. Советские партOCRкраты вынуждены были признать его как ученого и академика, члена АН СССР. Но как своего не принимали – слишком выделялся на их сером фоне этот удивительный человек. Блестящий спортсмен – он был еще и председателем общества спортсменов-воднолыжников и часто прямо с тренировки приходил в редакцию в трениках и с водными лыжами под мышкой. Он знал толк в хорошей одежде и французских винах, был до конца своей жизни бонвиваном, иначе говоря, любителем жизни во всех ее здоровых проявлениях. Всегда модно одетый, стройный и худощавый, он всем своим обликом бросал вызов этим обрюзгшим и безнадежно большим геронтократам, от которых, увы, объективно зависел и вынужден был с ними как-то ладить. Надо отдать должное Зимянину – он его защищал не раз на самом партийном верху, откуда то и дело сыпались на Виктора Григорьевича окрики и выговоры за слишком острые статьи и критику чи-

новых воров, взяточников и казнокрадов, расплодившихся в годы брежневского застоя до критически опасных размеров. А за своих правдивцов он умел постоять. Я это знаю по себе. Он вставал на мою защиту не раз.

Афанасьев, несомненно, духовно и мысленно принадлежал к Русской партии, хотя по понятным причинам это не рекламировал. Он сам был выходцем из деревенской глубинки и в академики пробился, как Ломоносов, за счет своего яркого таланта и нечеловеческой работоспособности. Именно при нем в «Правде» были опубликованы мои лучшие статьи, в том числе мои первые очерки о патриотической русской эмиграции.

С Горбачевым они поначалу нашли общий язык. Разошлись решительно уже в последние годы существования СССР. С Яковлевым отношения были вроде бы ровные, как-никак оба – академики, но цековский «Бафомет», этот моральный и физический урод, хромоногий и напоминающий внешне гоголевского Собакевича, не мог не ненавидеть Афанасьева. С самого начала «перестройки» он копал под него, намеренно подставляя под удар. Афанасьева, который продолжал в «Правде» защищать основные ценности коммунизма, стали обвинять в том, что он «никак не перестроится», «живет прошлым» и – вот оно, самое страшное – «русофильтствует»!

Один из ветеранов «Правды» Виктор Кожемяко вспоминает: «Помню, как навязывалась нашей редакции восторженная рецензия на роман А. Рыбакова “Дети Арбата”. Я чувствовал, понимал, что все в душе фронтовика Афанасьева противится такой оценке. Да он, комсомолец 30-х годов, о многом прямо говорил на обсуждениях этой статьи: “Не так все было, не так!” Обсуждений этих состоялось несколько. Афанасьев “заворачивал” статью, требовал переработки. По-моему, в конце концов, на страницах “Правды” она так и не появилась. Словом, было много поводов для недовольства “наверху”. И становилось все больше. Афанасьева гнули, но получалось плохо. Негибким оказался в “их” смысле – вот суть! А вроде бы, что стоило пойти навстречу, и жил бы припеваючи...»

С Горбачевым Афанасьев так и не нашел общий язык. Не исключено, что Горби понимал, что в сравнении с трудами Афанасьева он с его двумя дипломами о высшем образовании не более, чем пигмей. У них то и дело возникали конфликты. В конце концов, после того скандала, который возник

в 1989 году после перепечатки в «Правде» статьи об алкоголизме Б. Н. Ельцина из итальянской газеты «Република», А. Н. Яковлев порекомендовал Горбачеву «заменить академика на академика». В. Г. Афанасьев отправили в отставку, а на его место сам Горбачев привез в редакцию «Правды» нового главного редактора – академика Фролова, человека, может быть, и ученого, но с точки зрения журналистики абсолютно зряшного.

Виктор Григорьевич тяжело переживал эту историю, я это знаю, так как он звонил мне в Париж и рассказал, что уходит, будет академиком-секретарем Отделения философии и права АН СССР. По его голосу я почувствовал, как он надломлен. Я часто от него слышал: «Да мне это все не надо. Все эти вертушки, кормушки...» Да, внешние атрибуты власти его никогда не интересовали. Он любил науку, но, слаб человек, любил даже не власть, а быть во власти. И, когда его оттуда так бесцеремонно выбросили, почувствовал себя незащищенным и уязвимым. Ударила по нему вся эта история страшно. Он еще успел написать небольшую автобиографическую книжку «Четвертая власть и четыре генсека» и прислал мне ее в Париж, но здоровье его уже было непоправимо подорвано. Он ушел из жизни 10 апреля 1994 года. Вечная ему память.

Заместитель главного редактора «Правды» по международным отделам **Вадим Николаевич Некрасов** (1924–2004) отдал этой газете двадцать лет своей жизни. С 1956 года он был собственным корреспондентом «Правды» в Англии и в 60-х годах издал пару книг об этой стране и ее внешней политике. Он был одним из тех «детей оттепели», которые сменили в «Правде» долдонистых журналистов-международников сталинской школы, умел писать интересно даже о протокольных мероприятиях. Он вернулся в Москву на пост редактора «Правды» по отделу европейских стран, а в 1966 году стал заместителем главного редактора по всем международным отделам. Это был профессионал высочайшего класса. Именно из его репортажей читатель «Правды» узнавал, что происходит на важнейших саммитах глав СССР и иностранных государств в 60-х и 70-х годах, где он регулярно представлял «Правду». Некрасов был человеком разносторонним, писал даже пьесы, одну из которых в соавторстве с Томом Колесниченко поставили в нескольких театрах.

По своим взглядам Вадим Николаевич был, конечно, ближе к либералам, чем к Русской партии, но «внутренним диссидентом» ни он, ни его ближайшие друзья, включая Тома Колесниченко, не были. Уже после развала СССР я спросил Тома об этом и он сказал: «Да, ни я, ни Вадим не были диссидентами. Мы были просто нормальными людьми, которые ясно видели весь маразм, который царил в руководстве страны, и не могли этим восхищаться. Вадим же весь этот маразм воспринимал как личную трагедию». Большую часть своей жизни Некрасов проводил на работе, так как в семейной жизни не был счастлив, как, впрочем, и в служебных романах тоже. Его тихо «ушли» из редакции в 1976 году. О причинах этого решения говорили разное, но не буду пользоваться здесь слухами. Человек был хороший, но, видимо, по-своему глубоко несчастный.

В мое первое дежурство в качестве зам. ответственного секретаря дежурную смену возглавлял заместитель главного редактора «Правды» **Алексей Илларионович Луковец** (1921–1977). С 1970 года он был еще по совместительству и главным редактором журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент». Он в «Правду» пришел из Молдавии, где был какое-то время ее корреспондентом. Серьезного образования у него не было, если не считать Высшую партийную школу при ЦК КПСС, которую он окончил заочно в 1967 году. Жесткий, желчный и великий перестраховщик, он проверял каждую строчку по несколько раз, не доверяя особо нашему иностранному досье и даже корректуре. К тому же он считал себя журналистом-международником как автор сборников «Перуанские встречи» (1974) и «На разных полюсах» (1974) и активно вносил свою правку в статьи наших международников. Нарваться от него на разнос можно было по любому поводу и без повода тоже. Поэтому с ним приходилось особо держать ухо востро и по возможности не допускать никаких промахов. Несмотря ни на что у меня с ним, хоть и не сразу, сложились добрые отношения. Чаепитие у него после работы над номером проходило обычно в гробовом молчании – он все еще продолжал изучать подписанные в печать полосы вплоть до того момента, когда приносили сигнал. Помусолив его еще минут десять, он нас отпускал, если только не вылавливал какую-нибудь «блоху». Со здоровьем у него было неважно. Видимо, поэтому,

когда он достиг пика своей карьеры и стал главным редактором «Советской России» в 1976 году, проработал он там недолго и умер 8 ноября 1977 года. Как номенклатурный работник высокого ранга, Луковец был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Такой чести не удостоились ни Зимянин, ни Афанасьев.

Под статью Луковцу был и другой заместитель Зимянина **Иван Григорьевич Ворожейкин**, которого у нас за глаза прозвали Возражейкиным. Дотошный до занудности, он, собственно, именно этим мне и запомнился. Шутки юмора были не по его части. Выпускать «Правду» было делом слишком серьезным, и Ворожейкин не раз повторял это и на редколлегиях, и во время наших совместных дежурств, не допуская никакого панибратства и прочих вольностей. Упрекать его за это было бы нелепо, ибо такой же подход, за редким исключением, был и у всех его товарищей по редколлегии «Правды». И, если кто-то мешал ему делать газету именно так, как он считал необходимым, расправа следовала незамедлительно. Однажды на моем дежурстве был такой случай. Заведующий отделом фотоиллюстраций Столяров, взбалмошный и часто непредсказуемый, хотя уже далеко не молодой человек, поставил на одной из внутренних полос фотоснимок с БАМа, на котором парень поддерживал девушку, шедшую по рельсам. Под фото была подпись: «Приезжай ко мне на БАМ». Когда мы уже собрались у него на чай в ожидании сигнала, Ворожейкин еще раз посмотрел все снимки и вызвал Столярова к себе. Тот прибежал из своей лаборатории и в ответ на вопрос Ивана Григорьевича «А что означает такая подпись под снимком?», гадко улыбнувшись, сказал: «Ну как же, есть такая известная частушка». Ворожейкин эту частушку не знал, и Столяров то ли сдуру, то ли спьяну (после дежурства он нередко расслаблялся, но так как был ценным специалистом и ветераном, на это в редакции закрывали глаза) прочел эту частушку:

Приезжай ко мне на БАМ.
Я тебе на рельсах дам.
Пусть потешится п...да,
Пока не ходят поезда.

Ворожейкин посмотрел на него тяжелым взглядом, позвонил в типографию и попросил остановить номер. Затем заменил на полосе подпись под снимком на нейтральное «Свидание» и отдал выпускающему, который только что появился на пороге его кабинета с пачкой сигналов в руках. «Срочно исправьте, – сказал Ворожейкин. – А все, что напечатали, – под нож». Столярова отправили на пенсию на следующий день.

Афанасьев старался подбирать в «Правду» людей ярких и незаурядных, близких ему по своим взглядам. В 1976 году на должность заместителя главного редактора он пригласил **Дмитрия Васильевича Валового** (род. в 1927 г.), который до этого четырнадцать лет был первым заместителем главного редактора еженедельника ЦК КПСС «Экономическая газета». Ветеран Великой Отечественной, кавалер четырех орденов и пятнадцати медалей, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, он был таким же, как и Афанасьев, пророком, не услышанным в своем Отечестве. Его называли Нострадамусом от экономики за его точные прогнозы. Автор более десятка книг и сотен статей, общим объемом около 750 печатных листов, Д. В. Валовой предрек кризис советской экономики до Горбачева и ее крах при Горбачеве, а затем и крах экономики постсоветской России. Ему не верили, но предсказанные им катастрофы происходили разве что раньше, но от этого были не менее болезненными.

Среди заместителей главного редактора во времена Афанасьева отмечу **Льва Николаевича Спиридонова** (1931–2009), которого я знал еще по работе в «Комсомолке». В 60-е годы он был заместителем председателя Комитета молодежных организаций СССР. Затем работал в аппарате Московского горкома КПСС, а после этого его назначили главным редактором газеты «Московская правда» (1972–1982). На партийную работу он вернулся в 1985 году и был секретарем Московского горкома КПСС по международным связям. Стремительную карьеру он сделал в годы перестройки, благодаря тому, что ему покровительствовал А. Н. Яковлев. Не знаю, что их связывало. Они были полной противоположностью друг другу, в первую очередь по своим взглядам. Лев был настоящим патриотом

России, русским до мозга костей, хотя публично и не русофильствовал. Как раз в год моего отъезда во Францию, в начале 1986 года, Спиридонов стал первым заместителем главного редактора «Правды» и вскоре – кандидатом в члены ЦК КПСС (1986–1990). В ноябре 1990 года его назначили Генеральным директором ТАСС. В мае 1991 года он позвонил мне в Париж и в свойственной ему манере разговора с подковырками предложил: «Слушай, Володь, давай-ка завязывай со своими “лягушатниками” и возвращайся в Москву. Будешь у меня в ТАСС заместителем...» Я сказал, что подумаю. Из «Правды» мне уходить никак не хотелось. Я уже тогда чувствовал почти физически, что дело идет к концу Советского Союза и всего того, что составляло его символы – и КПСС, а значит, и «Правды», и ТАСС.

Спиридонов умудрился уехать в отпуск буквально накануне путча ГКЧП и, находясь на отдыхе под Пицундой, 19 августа утром по телевидению узнал о введении в стране чрезвычайного положения. Он тут же вернулся в Москву и в тот же день успел получить нагоняй от секретаря ЦК КПСС Дзасохова за то, что ТАСС дает по ГКЧП только негативный материал. После этого ТАСС стал исправно передавать все документы путчистов. За это после подавления путча Спиридонова с поста гендиректора ТАСС сняли. После развала СССР его карьера закончилась на комфортном, но незаметном посту заместителя генерального директора Ассоциации международных автомобильных перевозчиков, где он по совместительству был еще главным редактором их ведомственного журнала.

«Sic transit gloria mundi» (лат. «Так проходит мирская слава»). Эта латинская крылатая фраза вспомнилась мне в марте 2009 году, когда мы хоронили Льва Николаевича. Его отпевали в небольшой церквушке рядом с «Кремлевской» ЦКБ, где он, хотя всегда был здоров, как бык, регулярно проходил медицинские обследования и где умер. На похороны из бывшего партийного начальства почти никто не пришел. А из правдистов были только я и мой вечный антагонист Виктор Линник, главный редактор нерегулярного издания «Слово». Рядом с гробом Льва поставили на одновременное отпевание какую-то старушку. Приходской священник пропел им «Вечную память», и все как-то виновато разошлись...

В мае 1976 года на должность первого заместителя Афанасьева – тут он ничего поделать не мог – прислали со Старой площади заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС **Юрия Александровича Складорова** (1925–2013). Боевой офицер, прошедший по Красной площади в группе 36 знаменосцев 4-го Украинского фронта на Параде Победы, он никак внешне не напоминал героя войны. Скучный буквоед, забюрократизированный до невозможности, этакий человек в футляре времен «застоя». В «Правде» все только облегченно вздохнули, когда его перевели в мае 1982 года в Прагу шеф-редактором журнала «Проблемы мира и социализма», где он пробыл более четырех лет, а затем в июле 1986 вернулся на Старую площадь заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС. Он очень старался потрафить перестроечникам, но так и не смог понять, чего от него хотят. Горбачев терпел его почти три года, а затем в ноябре 1988 года отправил на пенсию.

Заместитель главного редактора «Правды» **Иван Дмитриевич Лаптев** (род. в 1934 г.) запомнился мне по одному эпизоду. Недолго правивший после Андропова К. Черненко в одной из своих «программных» речей выбросил малопонятный и, в общем, неграмотный лозунг «Экономика должна быть экономной». Лаптев пришел в «Правду» в 1978 году и поначалу был редактором отдела партийной жизни, а с 1982 года стал заместителем Афанасьева. Он знал, что я хорошо ориентируюсь в трудах классиков и, вызвав меня к себе, сказал: «Помоги, старик. Ты все знаешь. Я пишу подвал из серии “Вопросы теории” по этому лозунгу Черненко. Не помнишь, нет ли где-нибудь у Маркса или Ленина что-нибудь похожего?».

«У Маркса вряд ли, – сказал я. – У него очень точные формулировки. Можно найти что-то близкое в первом томе “Капитала” в разделе “Всеобщий закон капиталистического накопления”. Но Маркс к “экономии” относился скорее отрицательно».

Незадолго до этого разговора я читал книгу классика «Франкфуртской философской школы» Эрика Фромма «Марксова концепция человека». Маркс, как считал Фромм, понял, что капиталистическая политэкономия выдвигает в качестве главного принципа экономию: *Selbstentsagung* (отказ от себя, от жизни и всех человеческих потребностей). А это про-

тиворечит интересам рабочего класса. Я не стал Лаптеву об этом говорить, а просто спустился вниз к себе в кабинет и принес ему ту цитату, которую Фромм приводит в подтверждение своего тезиса: «Чем меньше ты ешь, пьешь, чем меньше покупаешь книг, чем реже ходишь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты думаешь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, фехтуешь и т. д., тем больше ты сберегаешь, тем больше становится твое сокровище, не подтачиваемое ни молью, ни червем, – твой капитал, – писал Маркс. – Чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое имущество, тем больше твоя отчужденная жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности. Всю ту долю жизни и человечности, которую отнимает у тебя политэконом, он возмещает тебе в виде денег и богатства, и все то, чего не можешь ты, могут твои деньги: они могут есть, пить, ходить на балы, в театр, могут путешествовать, умеют приобрести себе искусство, ученость, исторические редкости, политическую власть – все это они могут себе присвоить; все это они могут купить; они – настоящая сила... Все страсти и всякая деятельность должны потонуть в жажде наживы. Рабочий вправе иметь лишь столько, сколько нужно для того, чтобы хотеть жить, и он вправе хотеть жить лишь для того, чтобы иметь (этот минимум)» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 131–132). После этого сказал Лаптеву: «Вам это, наверное, не подойдет. Но вот у Ленина, помню, что-то похожее есть». Я вынул у него из книжного шкафа 45-й том В. И. Ленина, нашел там его работу «Лучше меньше, да лучше» и показал ему нужную цитату: «Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии (выделено мной. – В. Б.). Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?

Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то *мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве* (выделено мной. – В. Б.) добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации,

гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее» (В. И. Ленин. Лучше меньше, да лучше. ПСС. 5-е изд. Т. 45. С. 405).

«Будем считать, что Ленин развил теорию Маркса и по этой части», – сказал я.

Лаптев был в шоке. После этого у нас сложились очень хорошие отношения. Он производил довольно приятное впечатление, в общении был мягок, одинаково ровен и с подчиненными, и с начальством. Считался вполне интеллигентным человеком, хотя детство у него было трудным. После гибели отца на фронте его мать, доярка в колхозе под Омском, одна растила пятерых детей. Да и сам Иван в науку карабкался, как альпинист без снаряжения в гору, – после окончания «ремеслухи» работал кочегаром, крановщиком портовых кранов, механиком, эскаваторщиком в Омском речном порту. Но все же стал журналистом. С 1964 года перебрался в Москву, работал литсотрудником и спецкорром «Советской России», затем в журнале «Коммунист». Партийная карьера его привлекала всерьез, и после окончания Академии общественных наук при ЦК КПСС (1973) он стал консультантом Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. Оттуда его Афанасьев и привел в «Правду». Лаптев увлекался велоспортом и даже был чемпионом СССР в гонках за лидером. В конечном итоге он Афанасьева в этой гонке обошел. Когда в 1984 году Лаптев был назначен главным редактором «Известий» (был им до 1990 г., а с 1991 г. стал – вполне в духе времени – генеральным директором хозяйственного объединения «Известия»), он сделал ставку на Горбачева и его команду «перестройщиков». Виктор Кожемяко в своих воспоминаниях об Афанасьеве писал о том, как наш бывший зам «перестроился»: «В Колонном зале Дома союзов, на торжественном вечере в честь Дня печати и юбилея “Правды” (75 лет исполнилось газете в 1987 г.!), после доклада Виктора Григорьевича в перерыве подошел ко мне его бывший заместитель, ставший главным редактором “Известий”, и со вздохом прокомментировал: да, дескать, не меняется, по-старому говорит и по-старому газету делает...» (<https://kprf.ru/history/date/112542.html>). Это и был наш великий толкователь идеологием Константина Черненко и перестроечного бреда М. С. Горбачева. В 1984–1989 годах Лаптев – депутат Верховного Совета СССР XI созыва. В 1986–1990 го-

дах – кандидат в члены ЦК КПСС. С февраля 1990 года – председатель правления Союза журналистов СССР. С 1989 года – народный депутат СССР, входил в Комитет Верховного Совета СССР по международным делам. В 1990–1991 годах – председатель Совета Союза Верховного Совета СССР. И опять же в духе времени и нашего «минерального секретаря» – Председатель Центрального совета Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость. Лаптев благополучно пережил и распад Советского Союза. С 5 декабря 1994 года он становится сначала заместителем председателя, а с 25 июля 1995 года по 5 октября 1999 года – председателем Государственного комитета Российской Федерации по печати. Гонку за лидером он опять выиграл.

Со всеми этими замами главного редактора, людьми, достигшими немалых номенклатурных высот в партии и в государстве, мне и приходилось ежедневно работать в «Правде».

Типография – редакция – типография

С работой в типографии и версткой я был знаком по «Комсомольской правде». В те времена компьютеров не было, строчки текста отливали на линотипах из расплавленного свинца, пары которого, несмотря на кое-какую вентиляцию, не покидали наборный цех издательства «Правды», где одновременно верстали сразу несколько газет – «Правду», «Комсомолку», «Советскую Россию» и «Сельскую жизнь». Работа линотипистов – в основном это были женщины – была нелегкой. Надо было не только обладать определенной грамотностью, чтобы не напортачить с набором, но и иметь достаточно сил, чтобы всадить в плавильную камеру линотипа свинцовый слиток. Причем несколько раз за смену. С линотипистками надо было дружить – в критические моменты, когда в последний момент перед подписанием полос сверху сбрасывали правку, от них зависело сделать это как можно быстрее или потянуть время. И тут с командным голосом нечего было делать. Эти мощные женщины требовали к себе в такие моменты нежности.

Верстка полос осуществлялась на талерах вручную. Талер – это такая стальная рама размером в печатный лист А-1, куда верстальщик вставлял набранные заранее на линоTYPE свинцовые строчки, сверстанные в блоки статей и информации. Когда поступала правка, они выбрасывали правленную строчку и на ее место вставляли новый свинцовый вариант. Блоки набора лежали в типографии на специальных полках со своими кодовыми номерами, по которым их и находили. В редакции оттиски с них хранились в редакционном портфеле, и мы, заместители ответственного секретаря, делали макеты полос будущего номера по ним.

Среди верстальщиков народ был разный. В основном покладистые были ребята, но попадались и строптивые, с которыми надо было держать ухо востро. Был один такой орел, по вине которого не была сделана правка, и в сигнальном номере в перечне советских республик появились такие слова: Еблоруссия, Усраина и Казахсран. Слава Богу, это вовремя выловили. Командовали верстальщиками выпускающие. Их было пятеро, и они дежурили посменно. В типографию они спускались раньше всех и получали по воздушной почте из редакции правку по полосам, контролировали весь ход верстки и правки на талерах, и только с их «визой» сверстанная полоса уходила под пресс, где изготавливали матрицы. А уже после этого верстальщики делали оттиски сверстанных полос застрашного номера.

Я еще застал одного легендарного выпускающего сталинских времен Арона Путина, не родственника, а однофамильца будущего президента России. Он прославился тем, что в 1937 году в разгар «Большого террора» посмотрел на свет первую полосу сигнального номера, на которой был напечатан большой портрет Сталина. И увидел, что на лбу вождя просвечивался заголовок статьи на второй полосе – «Враг партии – враг народа». Он тут же подал сигнал тревоги в главную редакцию, ротацию остановили и все напечатанные экземпляры уничтожили. Чекисты затем проследили всю цепочку виновных в этой «политической диверсии», и под расстрел ушла едва ли не вся смена, работавшая над «Правдой» в ту злосчастную ночь. Арон получил за бдительность свой орден Ленина и ненависть всех работников типографии. Но дослужился в «Правде» до пенсии.

Ляпсус с фотографией на первой полосе всегда расценивали в «Правде» как ЧП, следили за ней особенно внимательно. Как-то помню, «Правда» публиковала очередной коллективный портрет членов Политбюро ЦК КПСС. На первый взгляд все вроде бы было на ней правильно. Но кто-то, приглядевшись, заметил, что у Суслова штаны полуспадали и брючины волочились по полу. Он прогрессивно старел и вообще штаны не всегда подтягивал. Пришлось срочно снимать клише с полосы и ретушировать сусловские клеша.

Ошибок при работе над номером мы вылавливали много. Но основной урожай собирала корректура, располагавшаяся в том же цехе. Работа там была адская – корректорши дежурили через день в духоте, особо тяжело было летом, т. к. кондиционеров тогда не было, едва спасали от теплового удара только вентиляторы. Мы жили с ними дружно, и не только потому, что от них зависело так много, но и потому, что женщины там работали замечательные и по-своему самоотверженные. Людмила Владимировна Муравьева, которая возглавляла одну из смен корректуры в год моего прихода в «Правду», была настоящим патриотом нашей газеты и не покинула ее даже в самые трудные постсоветские годы, работала в ней вплоть до самой своей смерти в 2014 году, несмотря на нищенскую заплату. Увы, в те годы только на таком патриотизме «Правда» и держалась. Господа из КПРФ не очень-то на нее раскошеливались.

Мое дежурство начиналось в 10.30 утра с планерки у заместителя главного редактора по иностранным делам. Когда я пришел в «Правду», эту должность уже занимал Вадим Николаевич Некрасов. У него лежали на столе сверстанные с вечера международные полосы. На планерке решали, какие материалы будем оставлять, какие ставить, какая будет колонка комментатора на пятой полосе. Заодно решали, какие статьи выставлять на следующий день. Поэтому в планерке этой участвовали помимо редакторов иностранных отделов еще и два замответсекретаря – тот, что вел текущий номер, и тот, кто готовил номер на завтра. Они эту нашу заявку и озвучивали на редколлегии. После нашей внутренней планерки мы шли к 11.00 в большой зал редколлегии «Правды» на 8-м этаже (в старом здании – на третьем). Обычно главный редактор в первую очередь сообщал

нам об указаниях сверху и давал оценку вышедшему номеру. Затем шло обсуждение выставленных на полосах текущего номера материалов, обычно недолгое, и затем заместители ответсекретаря – внутренники и международники – объявляли, что планируется поставить в завтрашний номер. После утверждения этих предложений готовили макет номера. Обычно редколлегия занимала не больше получаса.

«Правда» выходила на шести полосах и только по понедельникам на четырех. 4-я и 5-я принадлежали пяти иностранным отделам – отделу социалистических стран, Азии и Африки, Америки, Европы и отделу международной информации (ОМИ). ОМИ имел, как правило, свой блок для оперативной информации из-за рубежа на первой. Макеты полос и внутренних, и иностранных отделов утверждал ответственный секретарь «Правды». У него было девять заместителей – четыре по внутренним отделам, четыре по иностранным и первый зам.

Ответственным секретарем «Правды», моим непосредственным шефом был **Сергей Витальевич Цукасов**, «осетинский еврей», как его именovali за глаза по осетинской фамилии. Но скрыть его пятый пункт не желал сам главный редактор. Зимянин не раз в подтверждение своей лояльности к евреям подчеркивал, что ответственный секретарь в «Правде» – еврей. Евреев в «Правде» было немного. Их действительно брали туда неохотно. Самым известным был наш вице-адмирал – шеф военного отдела Тимур Гайдар, а уже с началом перестройки в «Правде» появился и его сын, Егор Гайдар, будущий премьер-министр Ельцина, возглавив отдел экономической политики. Всеобщим любимцем был шеф отдела фельетонов Илья Шатуновский. Специалистом по реабилитации репрессированных членов «ленинской гвардии» был обозреватель Давид Новоплянский. Больше было полукровок, но они все проходили либо как русские, либо украинцы, как обозреватель «Правды» Юрий Жуков или шеф-редактор ОМИ Томас Колесниченко.

Цукасов читал все поступавшие в набор статьи еще в верстке и тщательно следил за тем, чтобы в материалах «Правды» господствовал интернационализм и последовательно вымарывал везде слово «русский», если можно было заменить его на слово «советский». В остальном он был очень

хорошим и по-своему несчастным человеком. По доброте своей душевной он завел две семьи и уделял одинаковое внимание и той, и другой. Я не знаю, как он с этим справлялся, но жалоб в редакцию, где он каждый день пропадал до полуночи, на него ни от кого не поступало, хотя о его двоеженстве все знали. В 1987 году он уехал в Чехословакию на должность ответственного секретаря журнала «Проблемы мира и социализма», известного инкубатора «инакомыслящих» журналистов-международников и экономистов, тех самых «внутренних диссидентов», к которым Сергей Витальевич всегда тяготел. Было это понижением после «Правды» или просто каким-то выходом из его жизненной ситуации, я не знаю. Он обо-жал теннис до такой степени, что играл на корте до изнеможения. В конце концов, это его и сгубило. В Праге он умер от инфаркта прямо на корте. Это произошло за полгода до закрытия журнала, осенью 1989 года. Я мно-гому у него научился и всегда вспоминаю его добрым словом. Да и он при жизни относился ко мне по-доброму, и, несмотря на все мои антисионист-ские публикации, этого отношения не менял.

Цукасов был асом верстки. Очень любил во время планерки перед московским выпуском перекраивать вечерний выпуск, как Бог черепаху, отчего наши верстальщики в типографии посылали ему наверх проклятия из своей «преисподней». До того, как он стал ответственным секретарем, «Правда» выходила далеко за полночь, иногда даже в пять-шесть утра, что было заведено еще при Сталине. Он сам не спал до утра, и другим не давал, и имел привычку звонить в «Правду» и вносить свою правку в полосы, которые ему в особых случаях посылали по его просьбе. Он лю-бил напоминать правдистам, что сам был, хотя и неофициально, главным редактором «Правды» в различные периоды в 1912–1917 годах. Особенно внимательно он следил за передовицами и редакционными статьями за подписью «И. Александров». Иногда он даже вызывал к себе главного ре-дактора, как было в случае с Л. Ф. Ильичевым, главным «Правды» с 1950 по 1952 годы, и диктовал ему текст передовой.

Цукасов ввел жесткий график выпуска. В 18.00 уходил в печать про-винциальный или «союзный» выпуск. Матрицы развозили самолетами и отправляли по фототелеграфу в типографии «Правды» по всей стране.

В 22.00 подписывали московский выпуск, и к 23.00 должен был быть готов сигнал. Те материалы из московского выпуска, которые не попадали в вечерний, повторяли для провинции на следующий день, в обязательном порядке – передовицу и колонку комментатора. К 23.00 уже были готовы матрицы для ротации, но до подписания номера в печать они лежали в боевой готовности. По традиции ведущий номер – такое дежурство доверяли только заместителям главного редактора – Луковцу, Ворожейкину, Некрасову, Лаптеву, первый зам и Цукасов, как правило, не дежурили – приглашал нас к себе в кабинет на чай, где мы вместе ждали сигнального номера. Его приносил выпускающий и раздавал всем присутствовавшим на чаепитии. Ведущий вместе с нами его просматривал, подписывал, и чудо свершалось – очередной номер «Правды» выходил в свет.

От колонки к международному обозрению

«Афоризмы в сапогах» – так назывался один из первых моих «подвальчиков» на 7 колонок высотой 53 строки, или «подрезов», на нашем профессиональном языке, опубликованный в «Правде» 3 января 1971 года. Я использовал для него три карикатуры известного американского карикатуриста Герблока на лоббистов американского военно-промышленного комплекса в конгрессе США, в том числе на Мандела Риверса, председателя комиссии по делам вооруженных сил в палате представителей, и на южновьетнамского диктатора Ки. Герблок изобразил Риверса в виде миниатюрного Наполеона, обыграв, таким образом, его заявление: «Еще одно слово о военно-промышленном комплексе, и я введу здесь военное положение». А Ки, который заявил, что Южному Вьетнаму нужен даже не один Гитлер, а целых четыре, он изобразил в форме гитлеровского штурмовика с выброшенной вперед рукой. Вывод в тексте был не Бог весть какой оригинальный – мол, вы идете, господа, строим, но не в ногу с историей. Но «подрез» мой признали удачным – как-никак в малой форме довольно оригинально и не в лоб покритиковал милитаризм во всех его проявлениях.

Малые комментарийные формы – это первое, чему пришлось учиться заново в «Правде». В «Комсомольской правде» я уже был «мэтром» и пуб-

ликовался с большими очерками на полполосы. А здесь до таких объемов еще надо было дорасти. Считалось, что поместить даже маленький комментарий в «Правде» за своей подписью – это уже престижно. Пятая полоса целиком была отдана в «Правде» международной информации. Большую часть поставляли наши собкоры за границей, а оперативные комментарий-ные материалы готовили в редакции чаще всего прямо в номер, что, впрочем, и собкорам делать не возбранялось, а, наоборот, это приветствовалось. Из малых форм чаще всего использовались «вслед за телеграммой» (до 50 строк), «международные заметки» (до 150–200 строк), «международный фельетон» и ежедневно – «колонка комментатора». Эта колонка объемом всего сто строк, т. е. две странички на машинке с хвостиком через два интервала, давалась далеко не каждому. Это была своего рода ежедневная передовая «Правды» на международные темы. Тема утверждалась на утренней планерке у зама главного по международным отделам, а затем заявлялась на редколлегии. К малым формам в «Правде» относились настолько серьезно, что в отделе международной информации один из заместителей редактора ОМИ занимался только такими материалами и лично отвечал за колонку комментатора. К счастью, я этот жанр довольно быстро освоил и опубликовал таких колонок в «Правде» не один десяток. На ее написание давали не больше часа, а иногда, если главному или ведущему по каким-то причинам она не понравилась или же со Старой площади позволили и просили что-то срочно откомментировать, чтобы было в завтрашнем номере, надо было писать новую колонку. А на это уже было только 40 минут, иначе не успевали выпустить пятую полосу в срок. Рекордсменом по этой части у нас был политический обозреватель «Правды» Юрий Александрович Жуков (1908–1991). Он диктовал колонку машинистке начисто и укладывался ровно в 30 минут.

В «Правде» была своего рода иерархия в том, что касалось публикаций. До написания подвалов и «Международной недели» – еженедельного воскресного международного обозрения – допускались немногие. Это – заместитель главного редактора, политические обозреватели «Правды», редакторы отделов и 1–2 журналиста высокого класса. Таким был обозреватель американского отдела Сергей Вишневский, долго работавший соб-

кором «Правды» в США и действительно журналист от Бога. Через три года после того, как я перешел в «Правду», неожиданно для всех допустили к международному обозрению и меня. С этим связана забавная история. Перед Новым 1974 годом Зимянин созвал в Москве совещание зарубежных соборов «Правды». Когда оно закончилось, мы устроили новогодний вечер в дачном комплексе «Правды» в Серебряном бору. По традиции, чтобы это не было обычной пьянкой, мы к таким мероприятиям готовили веселые капустники. И для соборов постарались. Капустник был действительно веселый и остроумный. Мы пели песни собственного сочинения, читали стихи и эпиграммы под бурные аплодисменты заезжей элиты наших международных отделов. На том капустнике я исполнил свою песню «Колонка» на мотив песни из сериала «Семнадцать мгновений весны» на слова Роберта Рождественского «Не думай о минутах свысока». Моя «Колонка» была посвящена правдинской колонке комментатора и звучала так:

КОЛОНКА

Не думай о колонке свысока.
Наступит день –
И сам поймешь, наверное, –
Колонку пишем мы не на века,
А в чрезвычайно трудное мгновение.
Весь мир спрессован в эту сотню строк.
Общественное превратилось в личное.
Колонка – это очень малый срок,
Чтоб написать хоть что-нибудь приличное.
Пусть классики толкуют: «Не резон!»
Ну что для них колонка за отметина.
Но, если сотня строк кому позор,
То и подвал не даст ему бессмертия.
На маленьких колонках ты растешь
И даже не теряешь вдохновения.
Хотя порой почти полжизни ждешь,
Когда тебе доверят обозрение.
Не думай о колонке свысока...

«Колонку» встретили на ура. Я исполнял ее дважды на том капустнике на бис. Потом ее перепечатали в правдинской многотиражке «Правдист», и она широко разошлась среди журналистов Москвы, ее даже почему-то перепечатала многотиражка «Метростроевец». Узнал о ней и Зимянин. Прочитав, хитро улыбнулся и сказал Вадиму Некрасову: «А что, давайте, доверим Большакову обозрение. Посмотрим, что получится». Так я сломал иерархическую лестницу журналистов-международников «Правды». Конечно, Зимянин и Некрасов приняли такое решение не только потому, что им понравилась моя «Колонка». За три года работы в «Правде» я опубликовал уже достаточно много прогремевших статей подвальных размеров, которые получили и одобрение наверху, и широкий зарубежный отклик. Зимянин и Некрасов поэтому были уверены, что я и здесь их не подведу. Первое мое обозрение было напечатано в «Правде» 21 января 1974 года.

Одиссея детей революции

17 августа 1972 года в «Правде» был опубликован репортаж нашего вашингтонского корреспондента Бориса Стрельникова «Многоликий Сиэтл». Борис встретил в этом городе 78-летнего американского бизнесмена Барла Брэмхолла, который рассказал ему, что во время гражданской войны он был в России представителем Американского Красного Креста. Судьба свела его с петроградской детской колонией, где насчитывалось около 800 детей школьного возраста, которых родители в мае 1918 года отправили на Урал из голодавшего Питера подкормиться. Там их и застала война. Бои шли жестокие. Нередко прямо на глазах у детей. Приближалась зима, а в колонии не было ни у кого зимней одежды. Зима в тот год на Урале пришла рано. Дети болели, были уже случаи обморожения...

Брэмхолл вступил на русскую землю в августе 1918-го в составе девяти тысячного американского экспедиционного корпуса. Именно в то время Американский Красный Крест, в котором служил Барл Брэмхолл, открыл свои отделения в России.

Отношение к американской интервенции в СССР было однозначным. Ее осуждали с самого начала и считали, что ей не было никаких оправданий, что исторически совершенно справедливо. Формально целью этого вторжения США была поддержка адмирала Колчака, провозгласившего себя Верховным правителем России. Однако главной целью было другое – реализация плана полковника Хауса, помощника президента Вильсона, о разделе России на несколько государств, согласно которому США получали бы под свой контроль Сибирь и Дальний Восток. Когда американцы убедились в том, что Колчак не собирается следовать плану Хауса, а намерен всерьез восстановить единство России, с включением в ее прежний состав Прибалтики, Финляндии, а возможно, и Польши, то Колчака они сдали, прекратив ему военную помощь, сыграв тем самым на руку большевикам.

В начале лета 1918 года полковник Хаус в беседе с российским посланником Борисом Бахметьевым заявил, что в Россию будет направлена экспедиция, которую возглавит генерал Уильям С. Грейвс. Он пояснил, что «данный акт был направлен на демонстрацию желания САСШ участвовать в защите данных территорий от Японии». Хаус опасался, что Япония может захватить не только весь Сахалин, южную часть которого она уже поглотила после поражения России в войне 1905 года вместе с Курильскими островами, но и весь Дальний Восток, на который нацелились американцы, вместе с Сибирью, Чукоткой и Камчаткой.

К ноябрю 1918 года самым многочисленным соединением армии интервентов в Сибири и на Дальнем Востоке был японский контингент (всего около 73 тыс. человек). Американские Сибирские экспедиционные силы под командованием генерал-майора У. Грэйвса высадились во Владивостоке в августе 1918 года, где и разместили свой штаб. Всего их было около девяти тысяч солдат и офицеров, включая сотрудников Красного Креста. В боевых действиях они, однако, практически не участвовали.

Вот что писал английский историк Дж. Брэдли о поведении американцев на Дальнем Востоке в период интервенции: «Они высадились на берег и сохраняли пассивность во Владивостоке до получения новых инструкций. В силу каких-то причин такие инструкции вовсе не поступали, и аме-

риканцы бездействовали во Владивостоке на протяжении всего периода Гражданской войны в Сибири. Лишь несколько небольших подразделений покидали город; американская интервенция заключалась в основном во вмешательстве в экономические вопросы».

«Мне всегда трудно было понять, – писал позднее генерал Грейвс, – почему Соединенные Штаты согласились с желанием Англии, Франции и Японии, чтобы войска США были направлены в Сибирь». Посол Бахметьев вскоре назовет американского командующего «радикальным идеалистом, полностью подпавшим там (в Сибири) под влияние пробольшевистских элементов». Сам американский генерал вспоминал, что представители Англии, Франции и Японии «не только не отрицали, но даже хвастали своими усилиями, направленными на уничтожение большевизма. На этих союзных конференциях вскоре стало очевидным, что для них я был загадкой, и при возникновении разногласий их стрелы в основном направлялись в меня. В наших политических линиях имелись основательные различия, которые никогда нельзя было примирить, пока оставались неизменными данные мне инструкции. Англия, Франция и Япония всегда имели своей целью нанесение любого возможного ущерба большевикам, тогда как я старался не враждовать ни с одной из русских группировок. Хорошо известно, что британские и французские представители постоянно пытались добиться моего отстранения от командования по той причине, что я выполнял приказы правительства США, а не пожелания (английского) генерала Нокса».

Грейвс признавал, что критика в его адрес высказывалась и американской прессой, выражавшей недовольство тем, что американские войска не воевали с большевиками, а «местная (дальневосточная) проколчаковская печать утверждала, что я защищаю большевиков». «Япония и казачьи лидеры, – писал он, – постоянно пытаются убедить всех в том, что большая часть их неприятностей вызвана нахождением в Сибири Вооруженных сил Соединенных Штатов». Разведка Колчака сообщала, что американские войска под командованием У. Грейвса были «заражены большевизмом» и что большинство из них являлись «евреями из нью-йоркского Ист-Сайда, постоянно призывающими к бунту» (см. «Интервенция янки на Дальнем Востоке» // istpravda.ru).

Работая над своими книгами о международном сионизме, я не раз находил свидетельства открытой поддержки Троцкого и других лидеров большевиков со стороны воротил сионистского капитала (Якоб Шифф, Кун и Леб, группа Ротшильдов и др.). С деятельностью троцкистов связывались надежды монополий США на «балканизацию» России, в частности, с осуществлением «плана Хауса». Одним из таких проектов была попытка отколоть от Советской России Дальневосточную республику. Она была образована на территории Забайкалья и Дальнего Востока 6 апреля 1920 года и, как де-юре независимое и демократическое государственное образование с капиталистическим укладом в экономике, просуществовала до 15 ноября 1922 года. Это была идея Л. Троцкого, и во главе правительства ДВР он поставил своего друга по эмиграции в США украинского черномыльского еврея Александра Краснощекова (Абрам Моисеевич Краснощек, псевдоним Тобинсон; 1880–1937), которого он привез на своем пароходе, нанятом Шиффом, в Россию в июне 1917 года, где он и вступил в РСДРП (б). Краснощека в штыки встретили большевики-дальневосточники, включая предсовмина ДВР Никифорова, считавшие, что затея с этой республикой – дело временное и необходимое лишь для того, чтобы избежать войны с Японией. У ставленника Троцкого, однако, задача была другая. Ему вменялась в вину то, что он ввел эсеров и социал-демократов в правительство и с их помощью повел дело к независимости ДВР от РСФСР. Некоторое время он удерживался на своем посту благодаря заступничеству Ленина и Троцкого. Но вскоре Москва навела порядок в своей буферной республике. Сначала был смещен и выслан за пределы ДВР основной сторонник Краснощека главком НРА Г. Х. Эйхе, а после этого и сам Краснощеков в конце 1921 года был отозван в Москву. Из Народного собрания ДВР были удалены эсеры и социал-демократы. Вместо Краснощекова, боровшегося за независимость ДВР, главой правительства стал Н. М. Матвеев, военным министром был назначен В. К. Блюхер. Возвратившись в Москву, Краснощек ничем особым себя не прославил, кроме своего шумевшего романа с любовницей В. В. Маяковского Лилей Брик и грязных оргий в московских гостиницах. Несколько раз его арестовывали за растрату и коррупцию, а в 1937 году

он был расстрелян, как Г. Х. Эйхе и В. К. Блюхер, проходившие по делу о «заговоре маршалов» во главе с Тухачевским.

Что касается «американских интервентов», то после краха Сибирского правительства Колчака нахождение их экспедиционных сил на Дальнем Востоке стало бессмысленным. В январе-марте 1920 года генерал Грейвс, стремясь избежать потерь, а также в связи с осложнением отношений с атаманом Г. М. Семеновым и японскими экспедиционными войсками, по согласованию с правительством США эвакуировал американские части. Последние члены Американского экспедиционного корпуса, сам Грейвс и его штаб покинули Владивосток 23 апреля 1920 года.

В советской историографии того времени обо всех этих нюансах, понятно, не говорили. Да и многое еще до сих пор хранится за семью печатями. Было, однако, ощущение, что тему эту лучше не трогать. В деле со спасением питерских детей Американским Красным Крестом был и след 30-х годов, когда распространялась версия, согласно которой американские интервенты якобы похитили в Сибири 800 советских детей и пытались, удерживая их в плену, давить на Советскую Россию. Конечно, если бы не состоялась встреча Брежнева с президентом США Никсоном 22 мая 1972 года в Москве, положившая начало разрядке международной напряженности, репортаж Бориса Стрельникова никогда не был бы опубликован. Ведь до этого Брэмхолл неоднократно пытался через Красный Крест найти в СССР следы спасенных им детей. И каждый раз получал отказ со словами «Сведениями по вашему запросу не располагаем». А тут вдруг он взял и объявился в Москве. По счастливой случайности он позвонил в «Правду» в день моего дежурства по номеру, а я был единственным в дежурной смене, кто свободно говорил на английском языке. Мы сразу же договорились о встрече.

Направляясь к нему в гостиницу, я заранее настроил себя на то, что придется говорить со стариком, которому уже под восемьдесят, и он наверняка будет путать имена, даты и факты. Но оказалось все наоборот. Несмотря на свои годы, Брэмхолл сохранил прекрасную память и живой ум.

«О петроградских колониях на Урале, – рассказывал он, – мы узнали в ноябре 1918 года. Тогда руководство нашего Красного Креста по-

слало двух представителей Диджорджа и Мэдансона из Омска на Урал. Вернувшись, они рассказали, что положение детей поистине ужасное, и мы в Омске решили взять их на полное обеспечение, пока им не удастся вернуться к родителям.

Так петроградские дети получили зимнюю одежду, продовольствие и медикаменты. Это было спасением. Вскоре ребятам даже удалось возобновить свои занятия по программе средней школы. К весне 1919-го Красный Крест разместил 500 детей на территории летней фермы у озера Тургояк. Еще 300 юных питерцев оставались в других городах Урала также под опекой Американского Красного Креста.

Дальнейшая их судьба сложилась так, что вернуться в Петроград они смогли лишь через три года после отъезда на Урал. По мере того как Красная Армия наступала, американский экспедиционный корпус отступал вместе с войсками белогвардейцев, все дальше откатываясь к Владивостоку. В документах Красного Креста говорится по этому поводу: «Красный Крест счел опасным оставлять детей в зоне боев и решил перевести их на восток – сначала в Омск и Томск, а затем во Владивосток». Но и этот город был окружен, и вокруг него шли такие бои, что обратный путь к Петрограду оказался отрезанным. Из Владивостока уходили последние американские транспорты. Военные не стали брать на себя ответственность за русских детей, а Красный Крест не мог найти ни одного американского судна. Тогда Райли Х. Аллен, руководитель «сибирской петроградской колонии», поручил Б. Брэмхоллу, бывшему тогда ее завхозом, зафрахтовать какой-нибудь пароход, чтобы вывезти детей из района боев в Сан-Франциско, затем через Панамский канал в Нью-Йорк, а оттуда во Францию и Петроград. Иного маршрута объективно не было. Но и необходимых средств у американцев на это не было никаких, кроме керенок и царских ассигнаций на общую сумму в 250 тысяч рублей. Стоимость их с каждым днем падала, и Брэмхоллу пришлось проявить чудеса деловитости, чтобы умудриться все-таки обменять их на доллары. Он выехал в Харбин и там малыми партиями поменял всю сумму на доллары. На них и зафрахтовали японский теплоход «Йоми-мару», водоизмещением в 10 тысяч тонн, который мог двигаться со скоростью 10 миль в час, что по тем временам было неплохо.

Советских детей тепло встречали в Сан-Франциско и Нью-Йорке и во французском Бресте. В октябре 1920 года «Йоми-мару» прибыл в финский порт Койвисто (ныне Приморск). Оттуда колонистов перевезли в Халилу, где до революции любила отдыхать петербургская знать. Многие дома там стояли пустыми, и правительство Финляндии передало их Американскому Красному Кресту на три месяца. Туда перевезли продовольствие, одежду, все необходимое оборудование.

«Сразу же по прибытии в Халилу, – рассказывал мне Брэмхолл, – мы попросили детей написать письма их родителям в Петроград. И вскоре через советских пограничников получили первые ответы. Большинство родителей были живы и просили как можно быстрее вернуть им их детей. Ребят отправляли на Родину партиями. 21 января 1921 года их одиссея была завершена».

Во время того визита в Москву Брэмхолл так никого из своих питерских «детей» и не встретил. Я спросил его перед отъездом:

– А у вас есть дети, Берл?

Он ответил: «Своих, увы, нет. Есть те восемьсот, которых я полюбил, как своих. И сейчас, приехав в Россию через пятьдесят с лишним лет, я так хотел хоть кого-нибудь из них увидеть. Но не удалось...»

Брэмхолл составил список на 777 человек, переданных Американским Красным Крестом Советскому правительству в том далеком 1921 году с их адресами, именами и фамилиями. Но письма от его «крестников» стали ему приходить только после того, как в «Правде» были опубликованы два моих подвала под названием «Одиссея детей революции» (см. «Правда», 14 и 15 сентября 1972 г.). Многих, конечно, уже не было в живых. Был 37-й год, была война, блокада, было «ленинградское дело». Многие просто боялись сообщать, что когда-то были в Америке, что их спасал Американский Красный Крест. И все же кое-кого удалось найти сразу же после первой публикации. Ленинградская газета «Ленинские искры» перепечатала мою статью, а на ее публикацию откликнулись сразу же трое подопечных Брэмхолла – инженер Смолянинов, композитор И. Запольский, профессор Орехов, а затем и другие. Откликнулись около

ста человек. Поиском спасенных Брэмхоллом всерьез занялось Управление по розыску пропавших без вести советских и иностранных граждан Исполкома ордена Ленина Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Референт этого Управления Татьяна Петровна Сапегина регулярно звонила мне в «Правду» и сообщала новые открытые ею имена. Я со своей стороны сообщал ей о полученных мной письмах читателей-колонистов из «списка Брэмхолла».

Добрый отклик мои публикации получили и в Америке. В Калифорнии.

Газета «Сиеттл таймс» опубликовала почти целую полосу об этой одиссее, обильно цитируя мои статьи в «Правде». Корреспондент этой газеты Стентон Х. Патти взял интервью у Брэмхолла, который поблагодарил «Правду» за публикацию и отметил, что «главный вклад» в то, что его история получила известность в России, «внес Владимир Большаков». Используя термин из американского футбола, он сказал: «Большаков пронес этот мяч и проделал прекрасную работу» («Seattle Godfather to see his children again after 52 years». The Seattle Times, 17 июня 1973 г.) Другая газета – The Seattle Post-Intelligence – в своей статье «Человек из Сиэттла посетит Русь, чтобы увидеть своих “крестных детей”», опубликованной 5 июля 1973 года, рассказав о приключениях петроградской детской колонии, что «Владимир Большаков, заместитель ответственного секретаря “Правды”, пообещал Брэмхоллу помочь ему организовать встречу с ними».

Действительно, за тот год, который прошел со дня моей первой встречи с Брэмхоллом, удалось как следует раскатать нашу бюрократическую машину и собрать в Ленинграде участников это одиссеи из Ленинграда и 12 других городов СССР. Они подарили ему альбом со своими фотографиями и биографиями. В приветственном слове к нему написали: «Мы хорошо помним далекое детство, когда в тяжелые дни нашей жизни в Сибири мы оказались под опекой Американского Красного Креста. Уже тогда в Вашем лице мы повседневно видели заботливого и надежного друга».

Брэмхолла принимали по первому разряду. Его принял Председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и на-

градил его высшей наградой этого Союза «Почетным знаком». Его принимали в редакции «Правды» и на ленинградском «Скороходе», где его гидом стал один из его «крестников» лауреат Государственной премии В. Т. Зуев. Больше всего мне запомнилась встреча в Ленинградской консерватории на спектакле группы «Хореографические миниатюры», куда ее руководитель, еще один участник описанной мной одиссеи Леонид Якобсон пригласил около ста бывших колонистов и лично приветствовал со сцены Брэмхолла и его супругу. Право, у меня самого брызнули слезы, когда к Брэмхоллу перед этим спектаклем подошла седая женщина и сказала: «Мистер Брэмхолл, я та самая девочка Аня, которую вы учили танцевать...»

Последняя моя статья о Брэмхолле и его «крестниках» была опубликована в «Правде» под заголовком «Завершение одиссеи» 16 августа 1973 года. Вскоре после этого мне позвонили из издательства Агентства печати «Новости» и предложили написать небольшую книжку обо всей этой истории. Я быстро ее сделал, используя практически все те письма колонистов, которые пришли в «Правду», и все свои четыре статьи об их кругосветном путешествии. Из Америки пришло мне от Брэмхолла письмо, где он благодарил за теплый прием и за всю ту работу, что нам вместе удалось проделать. В свою последнюю статью о нем и его «крестниках» я включил выступление на встрече с ним бывшей колонистки Ольги Андреевны Зайцевой. Она сказала тогда: «Я помню те слова, которые сказал нам на прощание руководитель нашей петроградской колонии полковник Американского Красного Креста Райли Аллен: “Придет время, когда ваш народ и наш будут так же дружны между собой, как были дружны мы с вами, колонистами”».

Увы, это время так и не пришло. И не знаю, придет ли когда-нибудь. Народы, конечно, всегда готовы дружить. Дело только в том, кто ими правит.

Разрядка, начавшаяся после исторического визита Никсона в Москву, довольно быстро зашла в тупик, потому что те, кто реально правит Америкой, в мире с Советским Союзом заинтересованы не были и тогда, как и сейчас. Никсону в скором времени самому устроили Уотергейт и с позором выгнали из Белого дома. Отношение к теме дружбы с Америкой резко изменилось и в «Правде». Вскоре после отъезда Брэмхолла меня вызвал

к себе наш главный редактор Михаил Васильевич Зимянин и сказал: «Володя, я хотел тебе сказать, что для “Правды” тема этой одиссеи под флагом Американского Красного Креста закрыта. К тебе претензий никаких нет, но возвращаться к этому мы не будем ни в какой форме». Как я узнал позже, в ЦК КПСС пришло письмо, в котором сторонники той самой версии о «шантаже Советского Союза петроградскими детьми, захваченными Американским Красным Крестом», клеймили меня и «Правду» за «капитуляцию» перед американским империализмом. Ну, а на Старой площади на всякий случай «среагировали». За этим решением «закрыть одиссею» стоял главный идеолог КПСС М. А. Суслов.

Вскоре после этого и в АПН мне вернули уже готовую к печати рукопись. Брэмхолл, конечно, ни о чем этом не догадывался и с упоением продолжал переписку со своими «детьми». Жизнь Бэрла оборвалась трагически – через год после возвращения из СССР его убили вместе с женой грабители, ворвавшиеся в их дом в Сиэтле. Убийц так и не нашли.

Глава девятая

«ПРАВДА» ПРОТИВ СИОНИЗМА

«Антисоветизм – профессия сионистов»

Начало 70-х годов было отмечено резким обострением идеологической борьбы. Вынужденное отступление контрреволюции в Чехословакии и Польше на Западе решили компенсировать новыми операциями по разложению коммунизма изнутри. Самым активным образом в этом глобальном «крестовом походе» против коммунизма участвовали сионисты по обе стороны «железного занавеса». В Советском Союзе эту опасность, увы, понимали далеко не все. Даже в «Правде», где не столь явный, как в «Комсомолке», все же был раскол на либералов-западников и Русскую

партию. Было и свое «болото», всегда готовое переметнуться в тот лагерь, который поддержит власть.

После смерти Сталина борьба с сионизмом в СССР если и велась, то спорадически, по мере того как Израиль совершал нападения на своих арабских соседей. Ситуация изменилась после агрессии 1967 года, в результате которой Израиль восстановил свои «библейские границы», захватив Синайский полуостров, Голанские высоты, сектор Газа и западный берег реки Иордан вместе с восточным Иерусалимом. Дипломатические отношения между СССР и Израилем были разорваны 10 июня 1967 года.

Как пишет Еврейская энциклопедия, победа израильской армии в Шестидневной войне «способствовала пробуждению национального самосознания у многих тысяч почти совершенно ассимилированных советских евреев» (КЕЭ. Т. 8. Кол. 267–284). Это был уже второй «взрыв еврейского самосознания» после 1948 года. Многие евреи приходят «к выводу о невозможности дальнейшего проживания в СССР. Начался процесс национального возрождения, который приобретал различные формы. Десятки тысяч молодых евреев Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Риги стали приходить к синагогам во время еврейских праздников. Росло число евреев, подающих документы на выезд в Израиль» (Там же). Новые территории – а Израиль не собирался их отдавать – надо было кому-то осваивать. Лучше всего для этого подходили советские евреи, еще к тому времени не избалованные благами западной цивилизации. Кнессет в обращении к правительству СССР потребовал их свободной эмиграции в Израиль. Началась всемирная кампания сионистов в поддержку этого требования. Советские ворота для алии еще не открылись, но в них появилась первая щель (так, в 1968 году из СССР в Израиль выехал 231 человек, в 1969 г. – уже 3033).

В мае 1971 года КГБ СССР направил секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву по его просьбе справку № 1277 «О враждебной деятельности сионистских элементов внутри страны» от 17 мая 1971 года. Вскоре на базе этой справки появилось первое постановление ЦК КПСС «О мероприятиях по дальнейшему разоблачению реакционной сущности международного сионизма и антисоветской сионистской пропаганды». Аналогичные

постановления неоднократно принимались и в ряде союзных республик. 19 марта 1979 года было принято постановление секретариата ЦК Компартии Украины об организации выполнения принятого в 1971 году постановления ЦК КПСС по разоблачению сионизма. 14 февраля 1983 года принимается постановление политбюро ЦК Компартии Украины «О мероприятиях по усилению противодействия подрывной антисоветской деятельности зарубежных сионистских центров и антиобщественных элементов из числа просионистски настроенных лиц».

Всякий раз, когда принимались подобные постановления, отдел пропаганды ЦК КПСС обеспечивал им соответствующую поддержку в советской печати. В тот вечер, когда приказ бить по сионистским штабам пришел со Старой площади, я дежурил по номеру, и в перерыве между вечерним и столичным выпусками мне позвонил помощник главного и попросил зайти к Михвасу. У него уже сидел Вадим Некрасов. Михаил Васильевич как-то смущенно сообщил мне о сути постановления и посмотрел на Некрасова, как бы в поисках поддержки. Вадим продолжил инструктаж: «Ты понимаешь, что писать на эту тему надо очень осторожно и аккуратно. В сталинские времена перегнули палку. Тогда чуть ли не каждого еврея записывали в сионисты...» – «И это только играло на руку сионистам», – заметил я. «Верно, – сказал Некрасов. – Мы читали твои материалы по сионизму в “Комсомолке”. У тебя правильный подход к этой теме...» – «Да, грамотные были материалы, – согласился Зимянин. – Примерно в таком же ключе надо что-нибудь сделать для “Правды”, не торопясь, но поскорее. Вы проблемой, я полагаю, владеете, так что сами выбирайте тему выступления».

На том и порешили. Дня через два в «Правде» появился мой небольшой подвал «Штурмовики от сионизма» о «Лиге защиты евреев» и ее фашиствующем «фюрере» Меире Кахане (*Большаков В. Штурмовики от сионизма* // «Правда». 11 мая 1971 г.). На следующий день в коридоре третьего этажа меня остановил Олег Игнатьев (он умер в 2004 г.), спецкор отдела стран Америки, известный своими репортажами из всех «горячих точек» того времени – от Вьетнама до Никарагуа. Человек он был рискованный, смелый, но по своим взглядам – либерал круче Панкина. С сигаретой в

зубах и издевательской улыбкой он сказал: «А правда ли, говорят, Володя, что ваша настоящая фамилия не Большаков, а Гроссман?» Свидетелями нашего разговора были несколько моих коллег, и я, как говорится, не отходя от кассы, ему ответил: «Нет, у меня моя, русская фамилия. А вот вашу настоящую фамилию, Олег, я знаю». Он чуть не проглотил свою сигарету. После этого уже не надо было разъяснять, кто есть кто. Вся «пятая колонна» объявила мне войну. Но это была только первая публикация. За ней последовали другие. Надо же было выполнять Постановление ЦК КПСС. Замечу, что никто в «Правде», кроме меня, с критикой сионизма – если не считать статей, осуждающих многочисленные агрессии Израиля против арабских стран, в частности статей корреспондента «Правды» на Ближнем Востоке и будущего премьер-министра России Евгения Примакова, не выступал. Ни один политический обозреватель «Правды» – ни «выдающийся советский публицист» Юрий Жуков, ни бывший ответработник ЦК Виталий Корионов, ни американист и французолог Георгий Ратиани, ни лучший в СССР специалист по Азии Всеволод Овчинников, ни Томас Колесниченко, который стал политобозревателем «Правды» после работы собкором в США, не опубликовали ни единой строчки с осуждением сионизма. Редактор отдела Азии и Африки Павел Демченко получил премию им. Воровского всего за три статьи по Ближнему Востоку, но и в этих статьях не было ни слова с осуждением сионизма. И никакие Постановления ЦК КПСС на это моих коллег по «Правде» не подвигли. Конечно, подобный бойкот столь актуальной в то время тематики нельзя было объяснить недостатком знаний по этому вопросу у правдинских мэтров. Эта была хорошо продуманная позиция. Видимо, посчитали, что при таком бойкоте я буду выглядеть своего рода Дон-Кихотом, а сионизм – ветряной мельницей. Но просчитались.

Изучать природу сионизма, его историю и систему организаций было в те времена, когда не было компьютеров и Интернета, весьма сложно. Не было и доступа к тем архивам, которые сейчас открыты. Значительную часть тех материалов, которые я использовал для статей по сионизму в «Правде», я собрал еще в «Комсомолке» с помощью Юрия Иванова и израильских коммунистов. К счастью в ИНО-досье «Правды» был хороший

набор справочников – Who is Who ? Who is Who in Business and Finance? World Organizations, World Almanach и др. Со временем мне удалось через наших собкоров в США и на Ближнем Востоке составить целую библиотеку книг и брошюр по проблемам сионизма. Особенно трудоемким оказался сбор данных о сионистских организациях в США и Западной Европе, но, когда все это удалось привести в систему, стало не только легче готовить материалы для публикации на эти темы, но и связывать между собой, казалось бы, далекие друг от друга пласты информации. По реакции западных СМИ и официальных лиц на мои статьи о сионизме было ясно, что помимо вполне понятного раздражения по поводу того, что «Правда» осмелилась затронуть прежде запретную тему, налицо была и определенная растерянность перед теми фактами, которые прежде никогда не появлялись в широкой печати, но служили неопровержимым доказательством преступной сущности международного сионизма и его лидеров. 11 мая 1971 года в «Правде» была опубликована моя статья «Банкроты из сионистского концерна», посвященная полемике с сионистскими пропагандистами концепции «всемирной еврейской нации», согласно которой каждый еврей, независимо от того, какое у него гражданство, принадлежит к этой нации, а родина его – это Израиль. В той статье я затронул весьма чувствительную для сионистов проблему разделения евреев в самом Израиле, для характеристики которого я привел слова польского публициста Анджея Жеромского: «Нигде на свете нет такого разделения людей, как в Израиле, – по горизонтали, по вертикали, наискосок, и в клетку, и в кружок. Желая упростить этот вопрос, говорят, что разделение проходит по этническим группам». По сути дела, в Израиле деление его граждан на этнические группы, среди которых наиболее известны – сабра (уроженцы Израиля), ашкенази (восточно-европейские евреи), сефарды – потомки мавританских и испанских евреев, черные евреи из Эфиопии и других стран Африки, евреи-полукровки не по матери, наконец, просто не евреи (гои), – привело к созданию своего рода апартеида. И это не говоря уже о том, что Израиль, который живет по законам ортодоксального иудаизма, – это, по сути дела, теократическое государство. Статья вызвала весьма злобную реакцию в просионистской

прессе уже потому, что доказательно опровергала утверждения о том, что Израиль – это образец демократии на Ближнем Востоке.

Когда 17 января 1984 года «Правда» под рубрикой «С идеологического фронта» опубликовала мою статью «Фашизм и сионизм: корни родства» реакция в госдепартаменте США была просто истерической. 26 января на встрече с журналистами его представитель А. Ромберг заявил, что «взгляды, изложенные в этой статье, являются возмутительными и безответственными» и что «СССР должен отдавать себе отчет в том, что ни одного образованного человека нельзя убедить в чем-то с помощью бездоказательных обвинений, приведенных в статье» (ТАСС АД, 26 января 1984 г.).

На деле же Ромберга возмутило именно то, что в моей статье были приведены как раз те факты и доказательства родства сионизма с фашизмом, о которых лидеры мирового сионизма хотели бы позабыть и не вспоминать. Одна из самых позорных страниц в истории сионизма была открыта на процессе над нацистским преступником, бывшим начальником «отдела по делам евреев» в гестапо во время Второй мировой войны Эйхманом, который похвалялся тем, что лично отправил в нацистские лагеря смерти четыре миллиона евреев. Эйхман заключал сделки с Еврейским агентством, в частности с его представителем Р. Кастнером. Сионистские боевики Кастнера, согласно его дьявольской сделке с Эйхманом, помогали гестапо грузить в эшелоны, шедшие в Освенцим, «ненужных евреев», а «нужных», в первую очередь функционеров и активистов сионистских организаций, а также богатых евреев, люди СС переправляли в нейтральные страны. Еще один факт. В годы сотрудничества сионистов с нацистами премьер-министр Израиля Ицхак Шамир (с 1983 по 1984 г. и с 1986 по 1992 г.) был руководителем сионистской банды фашистского типа «Лехи» (известная так же, как «Штерн ганг» по фамилии ее руководителя), которая вела переговоры с гитлеровцами о совместных действиях против английских войск в Палестине. И именно Шамир осуществил против британцев ряд террористических актов в Палестине. Можно было бы напомнить и о том, что в ознаменование дружбы нацистов и сионистов министр пропаганды Третьего рейха Йозеф Геббельс вскоре после прихода нацистов к власти распорядился отчеканить па-

мятную медаль, на одной стороне которой была выбита свастика, а на другой – шестиугольная звезда Давида, символ сионизма и государства Израиль. А все дело в том, как писал немецкий журнал «Шпигель», что коль скоро национал-социалисты и сионисты возвели расу и нацию в абсолют, то между ними неизбежно должен был возникнуть общий мост. Понятно, почему Ромберг так окрысился на «Правду», которая «осмелилась» об этом рассказать, но ни одного факта, приведенного в моей статье, опровергнуть не смог. В этом сила того научного подхода, который был выработан с самого начала в международном отделе ЦК КПСС при публикациях в советской печати с критикой сионизма.

Кружок Милованова

В борьбу с сионизмом вовлекались все новые и новые журналисты и ученые, и в этом большая заслуга моих единомышленников и друзей со Старой площади.

Полностью Постановление ЦК по сионизму и справку КГБ на ту же тему уже после того разговора в кабинете Зимянина мне дал почитать покойный **Иван Васильевич Милованов** (1914–1975), зав. сектором Ближнего Востока Международного отдела ЦК КПСС. У него в секторе работал инструктором Юрий Сергеевич Иванов, автор теперь уже легендарной книги «Осторожно: сионизм!». Он отвечал тогда за связи с компартиями Израиля и Палестины.

В коридорах ЦК КПСС действовала своя «пятая колонна», и там с ехидцей говорили, что Милованов организовал при своем секторе «клуб антиссионистов» под руководством «главного жидолога Советского Союза Юрия Иванова». Мы между собой называли этот клуб «кружком Милованова», хотя главным у Ивана Васильевича по части сионизма действительно был **Юрий Сергеевич Иванов**. Он был большим знатоком Ближнего Востока, литературы и философии, особенно русской. Естественно, что в те времена иначе, как с позиций марксизма-ленинизма, подходить к критике сионизма он не мог. А уж о том, что сионизм и ком-

мунизм – близнецы-братья, вообще не могло быть и речи. Но уже то, что он смог сказать в своей книге, прозвучало в СССР подлинной сенсацией. Ю. Иванов сумел в то время дать надежную теоретическую платформу для критики сионизма в открытой печати, используя труды Маркса и Ленина, против которых трудно было возразить. Так, он вернул в научный оборот работу К. Маркса «К еврейскому вопросу».

В партии и обществе не было единства по вопросу борьбы с сионизмом. Как и в 20–30-е годы, когда сам Ф. Э. Дзержинский доказывал, что с сионистами надо дружить, в 70–80-е годы даже в ЦК КПСС, в КГБ и в советских СМИ, а тем более в писательской среде и в научных учреждениях, было немало сторонников просионистских взглядов «Железного Феликса». Ю. Иванов первым обнародовал факты о помощи евреев-банкиров Троцкому, что прежде в Агитпропе тщательно скрывали, и о сотрудничестве сионистов с контрреволюцией и с нацистами. Он и Милованов постоянно следили за тем, чтобы критика сионизма в советской печати не переходила в юдофобию и антисемитизм. Когда мы работали вместе с ними над статьями о сионизме, они весьма решительно выправляли такие, как говорил Юрий Сергеевич, «дурно пахнущие пассажи». К сожалению, иногда после публикаций с его правкой наиболее ретивые авторы умудрялись восстанавливать такие пассажи в своих книгах. Но это уже к сектору Милованова, который фактически руководил кампанией по борьбе с сионизмом, не имело никакого отношения.

Книга Иванова «Осторожно: сионизм!» в наши дни выставлена в качестве экспоната на стенде о государственном антисемитизме в СССР в Еврейском музее толерантности в Москве. Почему-то выбрали книгу именно Иванова, а не «Иудаизм без прикрас» Кичко с Украины и не «Десионизацию» Емельянова. Скорее всего, потому, что именно Иванов впервые, наверное, в советской научной публицистике так подробно и аргументированно опроверг утверждения сионистов о том, что еврей и сионисты – это понятия синонимические. Хотя бы потому, что статистическое большинство живущих в мире евреев, объединенных в рамках Всемирного еврейского конгресса, не считают себя сионистами. Когда я начал глубже вникать в проблемы сионизма, я обнаружил удивительные

факты в подтверждение позиции Иванова. Так, например, евреи-хасиды, которые регулярно совершают паломничества на Святую Землю, отрицают в своем толковании иудаизма право Израиля на существование, ибо его создание... не совпало с пришествием Мессии.

В начале 70-х годов именно Милованов и Иванов держали руку на пульсе кампании по борьбе с сионизмом, хотя, конечно, все антиссионистские публикации, особенно в республиках, они контролировать не могли. На местах время от времени появлялись такие «труды», что грохот протестов из-за рубежа заглушал любые аргументы против сионизма. Достаточно вспомнить «Иудаизм без прикрас» украинского журналиста Кичко, которого активно поддерживал сам Шелест.

В секторе Милованова мне приходилось бывать, еще когда я работал в «Комсомольской правде». Тогда же в «Комсомолке» начал публиковаться и кандидат исторических наук **Евгений Евсеев**, старший научный сотрудник Института философии АН СССР, автор ряда нашумевших антиссионистских книг – «Фашизм под голубой звездой», «Палестина в петле сионизма», «Палестинцы – непокоренный народ» и других. Он погиб при не выясненных до сих пор обстоятельствах. По официальной версии, 10 февраля 1990 года, в 22 часа, на 78-м километре Московской кольцевой автодороги его сбила «Волга». Водителя ее так и не нашли. Из его кейса исчезли все бумаги и материалы, в том числе и подготовленный им к изданию двухтомник «Сионизм и перестройка». Уже после его смерти в 2007 году вышла его книга «Сверхнарод и его рабы».

Одним из видных ученых в «кружке Милованова» был историк и автор ряда работ о происхождении Древней Руси, заместитель главного редактора журнала «Вопросы истории» **Аполлон Григорьевич Кузьмин** (1928–2004). Кузьмин был одним из самых активных участников кампании по борьбе с сионизмом, который он называл «механизмом власти врагов рода человеческого» (см. *Кузьмин А. Г.* Сионизм в системе антикоммунизма / Предисловие Е. С. Евсеева. М., 2003). Вместе со мной, Е. Евсеевым и другими учеными и журналистами он был одним из авторов монографии «Идеология и практика международного сионизма» (М.: Политиздат, 1978) и в 70-х годах опубликовал несколько рецензий на книги по той же темати-

ке. В апреле 1982 года в своей статье в «Нашем современнике» А. Кузьмин впервые запустил в оборот термин «русофобия» (потом его использовал И. Шафаревич для своей знаменитой одноименной книги), выступив против одного из известных критиков времен «оттепели» Валентина Оскоцкого (1931–2010) и обвинив его в антисоветчине. Статья Кузьмина вызвала скандал. Дело дошло до ЦК, и тогда полетели со своих постов оба заместителя Викулова, главного редактора «Нашего современника».

Такие «перестрелки» между «русской» и «еврейской» партиями происходили постоянно с переменным успехом. Прошло десять лет, и Оскоцкий стал одним из подписантов позорного «Письма 42-х», которое 5 октября 1993 года известные либералы-«западники» направили Ельцину после расстрела Ельциным русского парламента в поддержку этого варварского акта.

Под конец перестройки и Советского Союза в 1990 году Аполлон Григорьевич был избран председателем политической организации «Московское добровольное общество защиты русской культуры “Отечество”», в правлении которой участвовал Александр Руцкой. Кузьмин входил и в Координационный совет НПСР. Погиб он также при странных обстоятельствах. В начале мая 2004 года Кузьмин приехал в Рязань на отдых и лечение к своей старшей дочери Ирине. А уже 9 мая 2004 года Аполлон Григорьевич скончался от заражения крови в Рязанской областной больнице...

В ряде случаев особо острые статьи с критикой сионизма Милованов отправлял на самый верх, и решения по ним принимались на уровне секретарей ЦК. Перед публикацией моих статей по проблемам сионизма в «Правде» Михаил Васильевич Зимянин тоже производил такую рассылку. Ну, а уже все, что поступало сверху, в гранки вносилось безоговорочно. И все, конечно, понимали, что без такого одобрения на самом верху подобные статьи никогда не появились бы в нашем центральном органе. Иногда в среде русских патриотов можно услышать, что М. В. Зимянин был едва ли не скрытым сионистом. Поэтому скажу пару слов в защиту своего бывшего главного редактора. Когда в «Правде» публиковались мои статьи по тематике сионизма, причем даже самые острые, Михаил Васильевич

ни разу не приложил руку к тому, чтобы выхолостить их содержание или снять их остроту, хотя имел для этого все возможности.

Практически ни одна сколь-нибудь заметная публикация по сионизму, особенно в «Правде», не оставалась без внимания западных СМИ. Там сразу же начиналась кампания по поводу «разгула антисемитизма в СССР». В «Правде» мне удалось опубликовать несколько подвальных статей о сионизме, где я привел такие факты, которые раньше нигде не упоминались. Для многих евреев шоком стал мой рассказ о сотрудничестве украинских сионистов с Петлюрой и их обещании отправить ему в помощь в борьбе с большевизмом «евреев-казаков». Впервые я рассказал о действиях сионистской агентуры в Чехословакии в 1967–1968 годах. Статья «Антисоветизм – профессия сионистов» – самая моя ударная – была опубликована двумя «подвалами» подряд в двух номерах «Правды» 18 и 19 февраля 1971 года. Больше всего шуму вызвала следующая содержавшаяся в ней фраза: *«Человек, обращенный в сионистскую веру, автоматически становится агентом международного сионистского концерна и, следовательно, врагом советского народа»* («Правда». 19 февраля 1971 г.). Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» в Москве Бернард Гверцман откомментировал эту статью в двух номерах своей газеты, дав в одной из них заголовок: *«“Правда” пишет, что сионизм пытается подорвать коммунистический мир»* (Pravda Says Zionism Tries to Subvert Communist World // «The New York Times». 1971, February, 19), а в другой – *«Советским евреям сказали, что сионизм – это предательство»* (Soviet Jews Told Zionism is Treason // «The New York Times». 1971, February, 20). Корреспондент «Вашингтон Пост» в Москве Энтони Астракан объявил, что *“Правда” назвала сионизм оружием капитализма»* (Pravda Calls Zionism Tool of Capitalism // «The Washington Post». 1971, January, 20). Статью прокомментировали едва ли не все аккредитованные в Москве иностранные корреспонденты. Некоторые арабские газеты в Египте и Сирии перепечатали ее целиком. Шума было много. Так в «Правде» о сионизме еще никто не писал. Но главное, что эта статья была опубликована за пять дней до начала «Международной конференции о положении евреев в СССР» в Брюсселе (23–25 февраля 1971 г.).

Там, как мне рассказывал корреспондент «Правды» в странах Бенилюкса Ю. Харланов, «Правду» и меня лично ругали последними словами. Но что любопытно – ни одного из приведенных в статье фактов опровергнуть не смогли. Возмущались больше другим: «Как посмел?!»

В «Правде» в те годы у меня было столько «доброжелателей», вроде Олега Игнатьева, что о реакции на мои статьи в США, Израиле и Европе они тут же информировали Михаила Зимянина, а затем, когда он уже ушел в ЦК секретарем по пропаганде, пытались натравить на меня Виктора Григорьевича Афанасьева. Но он как настоящий русский патриот понимал опасность сионизма и меня в обиду не давал.

Я обычно свои статьи тщательно выверял и приносил нашим девочкам на проверку в наше «Инодосье» все необходимые ссылки. Но однажды я написал статью для еженедельника «За рубежом», где использовал депешу агентства «Рейтер» о сионистском капитале. В ленте, которую мне принесли с телетайпа, размер этого капитала был обозначен цифрой в триллион долларов, что, как выяснилось, было ошибкой, так как аппарат лишний раз отпечатал один ноль. Речь на самом деле шла о ста миллиардах. В наше время даже сионистские источники открыто называют цифру в триллион и выше. Но по тем временам она официально не фигурировала. Тут меня и зацепили, но Афанасьев меня отстоял, хотя дело дошло до разборок в ЦК КПСС. В Агитпропе, где тогда всеми такими делами заправлял А. Н. Яковлев, даже создали целую комиссию по поводу «искажения фактов В. Большаковым».

Но вернемся к «кружку Милованова». За визой на свои произведения приходили в ближневосточный сектор самые различные авторы. Это **В. И. Скурлатов**, научный редактор журнала «Техника – молодежи», составитель программы спецкурса «Критика идеологии сионизма» для Минобраза и знаменитого самиздатовского «Устава нрава» и других; писатель **В. Я. Бегун** («Рассказы о “детях вдовы”» и «Вторжение без оружия»), доктор философских наук **Е. Д. Морджинская**. Она пришла в науку из КГБ и была одной из самых непримиримых и последовательных критиков сионизма, но вместе с тем отличалась самым скрупулезным научным подходом к теме.

В «кружок Милованова» принимали, конечно, далеко не всех. За тему борьбы с сионизмом брались и откровенные сионисты, и оголтелые антисемиты. Были и авторы просто некомпетентные, плохо разбирающиеся в характере и структурах сионизма, как, например, ленинградский журналист А. Романенко. Он прислал мне свою книгу «Классовая сущность сионизма» (Л., 1985) с дарственной надписью и просьбой написать на нее рецензию. Я этого делать не стал уже потому, что он утверждал, будто «империализм – орудие сионизма», хотя по всем марксистским канонам все обстоит с точностью до наоборот – это сионизм служит орудием империализма. Такая «критика» только шла сионизму на пользу.

Время от времени появлялись такие публикации, что сами сионисты тут же начинали рекламировать их как образчики «государственного антисемитизма» в СССР. Так, например, произошло с книгой В. Емельянова «Десионизация». Валерий Николаевич Емельянов (1929–1999) в Википедии охарактеризован как «активный антисемит советского и постсоветского периода, председатель общества “Память”, автор книг “Десионизация”, “Еврейский нацизм и азиатский способ производства”, преподаватель арабского языка, иврита. Один из основателей русского неоязычества». Против этого трудно возразить. Емельянов был хорошо известен в кругу арабистов. Его уважали за то, что он мог работать с первоисточниками на арабском и иврите, которыми он владел в совершенстве, но опасались как абсолютно безбашенного радикала. Он назвал сионистом даже самого Брежнева на том только основании, что тот был женат на еврейке. (см. КЭЕ. Раздел «Антисемитизм в 1970–80-е гг.»). Емельянов поначалу действительно попытался протащить свою книгу «Десионизация» через ближневосточный сектор. По просьбе Милованова рецензию на нее дал Евгений Евсеев. Вывод его был однозначным: книга Емельянова антисоветская и антисемитская (см. «Новое литературное обозрение», 2003. С. 426). После того как Милованов и Иванов отказались рекомендовать «Десионизацию» к печати, Емельянов издал ее на ротапринте тиражом в 200 экземпляров, разослал всем членам Политбюро и умудрился еще издать эту книгу в Сирии. Потом уже ее издали в Израиле и в США как образец антисемитской литературы в СССР. В общем, разразился скандал,

но «кружок Милованова» он обошел стороной, так как Емельянова там с самого начала не поддержали. Емельянов вскоре после своего подвига в «самиздате» проходил по делу об убийстве, попал в психушку, и в результате его антисионистские труды уже в силу этих обстоятельств оказались дискредитированными. Да и в самой его «Десионизации» слишком много было ошибок, натяжек и неточностей, не говоря уже об откровенном антисемитизме. Уже после развала СССР он в 1986 году на какое-то время примкнул к обществу «Память» Дмитрия Васильева, а затем возглавил собственное общество с тем же названием. Составил устав Всемирного антисионистского антимаасонского фронта (ВАСАМФ). В 1989 году участники емельяновской «Памяти» и Клуба славяно-горицкой борьбы А. Белова создали Московскую языческую общину. В 1991 году он стал одним из учредителей «Славянского собора», где занимал крайне правые, по сути фашистские, позиции. В своих статьях и воззваниях автор «Десионизации» уже призывал к физической ликвидации всех евреев на территории бывшего СССР. С психикой у него явно проблемы остались. Жена не раз укладывала его в психушку. В 1999 году Емельянов скончался, утонув в ванне в ходе эпилептического припадка.

Случай с Емельяновым – один из наиболее одиозных. Его нередко приводят в пример с целью дискредитации той борьбы с идеологией и практикой сионизма, которая действительно впервые за всю историю КПСС, и достаточно последовательно, велась в СССР в 70-е годы и в начале 80-х годов с научных, марксистских позиций. Решающую роль в этом сыграли те руководители КПСС, по инициативе которых была начата и велась эта борьба. Если бы они ее не поддерживали всем своим авторитетом и своей властью, она бы захлебнулась уже в самом начале. Основные направления этой борьбы определяло Политбюро ЦК КПСС по рекомендациям секретаря ЦК КПСС по вопросам идеологии М. А. Суслова и секретаря ЦК, руководителя Международного отдела ЦК КПСС Б. Н. Пономарева. На этих направлениях были задействованы все партийные и государственные структуры, включая МИД, КГБ и МВД. Ближневосточный сектор осуществлял в этой борьбе, говоря военным языком, оперативное руководство, в чем ему активно помогали участники «кружка Милованова».

Юрий Иванов рассказывал мне, что в самом ЦК против него и Милованова постоянно велась подковерная борьба, которая резко обострилась после выхода в «Политиздате» его книги «Осторожно: сионизм!». В результате этих интрижек Юрия Сергеевича с Ближнего Востока перебросили на Австралию и Новую Зеландию, оборвав тем самым его связи с Компартией Израиля, которая поддержала его книгу и вплоть до развала СССР вела активную борьбу с сионизмом.

Кто вскрывал нашу почту?

Борьба с сионизмом в СССР осложнялась и потому, что даже в Международном отделе ЦК действовали в то время прямые пособники сионистов, одним из которых был будущий первый помощник Горбачева А. С. Черняев, с которым мы в этой книге еще встретимся. В 1970–1986 годах он был заместителем шефа этого отдела Б. Н. Пономарева. В своих «Дневниках» Черняев, в частности, описал историю с публикацией моей статьи в журнале «Вопросы истории», где работал тогда заместителем главного редактора Аполлон Кузьмин. Дело было так. Осенью 1973 года мне позвонили с просьбой написать статью об истории сионизма в России из журнала «Мировая экономика и международные отношения», которым руководил тогда Я. С. Хавинсон. Я рассказал об этом Кузьмину. Аполлон посоветовал мне с Хавинсоном не связываться и передать статью ему, что я и сделал. Вскоре статья была напечатана в «Вопросах истории». Кузьмин объяснил мне, что Хавинсон в свое время участвовал в подготовке письма с требованием казни «врачей-убийц», которое было опубликовано в «Правде» незадолго до смерти Сталина (см. в связи с этим: *Этингер Я. Я. Это невозможно забыть: Воспоминания*. Под ред. О. А. Зимарина. М.: Весь мир, 2001). После их реабилитации Хавинсону припомнили его ретивость по части «антисионизма» его же соплеменники, и если бы не поддержка близкого к семье Л. И. Брежнева академика Н. И. Иноземцева, который с 1966 по 1982 год был директором ИМЭМО, и других влиятельных лиц того времени, вряд ли бы он стал главным редактором такого журнала.

Черняев излагает мою историю в своих «Дневниках» так:

«3 января 1974 года. Приходил ко мне Трухановский (редактор “Вопросов истории”). Говорили об истории с Хавинсоном (главный редактор журнала “Мировая экономика и международные отношения”), о Кузьмине, его заместителе, которому было поручено вести тему антисиионизма, и тот ее проводит во вполне антисемитском духе. Некий Большаков из “Правды” (зам. главного) подвизается на разоблачении сиионизма. Сунулся он со статейкой с Хавинсону. Там не приняли. Тогда он принес ее в “Вопросы истории”, и здесь прошло, – вопреки мнению редколлегии и позиции Трухановского, зафиксированной в протоколе заседания. Кузьмин, воспользовавшись отсутствием Трухановского, включил в статью критику журнала Хавинсона (ИМЭМО) “за ошибки в борьбе с сиионизмом”. Я, говорит Трухановский, думал, что дело в простой недисциплинированности или редакторском огрехе. И уж никак не подозревал, что Кузьмин и Большаков закадычные друзья на весьма “идейной” почве».

Заканчивая этот пассаж, Черняев откровенно признал, что за Кузьминым активно следили и вскрывали всю его переписку, включая поздравительные открытки: «Новогодняя поздравительная открытка Большакова к Кузьмину, вскрытая секретаршей, все объяснила. В ней было написано: “Дорогой (идет имя Кузьмина)! Желаю тебе новых побед. Против нашей Руси (а Кузьмин занимается древностями российскими. – *А. Ч.*) вся эта сволочь жидковата”. Так-то вот. Трухановский мне предложил рассказать все Пономареву и попросить его посоветовать Федосееву подыскать для Кузьмина какую-нибудь “повышенную” должность, в институт перевести или что-нибудь в этом роде» (*Черняев А.* Проект. Советская политика 1972–1991 гг. – взгляд изнутри). Пономареву всю эту историю доложили, но Кузьмина тогда не тронули.

А мне вскоре после этого подыскали новую должность – в августе 1974 года решением Политбюро ЦК КПСС я был направлен собственным корреспондентом «Правды» в Австралию, Новую Зеландию и Океанию. Как сказал мне тогда на прощание главный редактор «Правды» М. В. Зимянин, «езжай от греха подальше, глядишь, сиионисты тебя там не достанут». Михаил Васильевич, увы, не знал, что в Австралии действует одно

из самых мощных в мире региональных сионистских объединений. К статьям и книгам по сионизму я вернулся только в 1976 году, но с «кружком Милованова» я связи не порывал и там, тем более что компартии Австралии и Океании в международном отделе в те годы курировал Ю. Иванов. К тому времени Милованова уже не стало. Иван Васильевич скончался в 1975 году. Вскоре после него ушел из жизни и Юрий Сергеевич Иванов – в 1978-м в ЦКБ. Говорили, что у него открылось желудочное кровотечение. Было ему всего 48 лет. Еще одна загадочная смерть...

В самом ЦК КПСС у «кружка Милованова» было немало врагов. Естественно, открыто никто не выступал. Ключевую роль в подковерной игре против него играл «Бафомет», как звали в ЦК А. Н. Яковлева, намекая на его нетрадиционную сексуальную ориентацию и связь с масонством. Так ли это было, не знаю, свечку не держал, но слухи такие о нем тогда ходили. Ну, а что касается масонства, то тут еще сложнее с доказательствами. Разве что предположить, что в бытность его в Оттаве советским послом в масоны «Бафомета» посвятил его друг, премьер Канады Трюдо, масон 33-го градуса посвящения. Свои просионистские симпатии Яковлев даже не скрывал. Уже тогда и в его команде, и в близком окружении появились люди откровенно сионистских убеждений из числа, как их назвал изгнанный из «Правды» Федор Бурлацкий, «номенклатурных диссидентов». Точно такая же публика пригрелась и около тогдашнего шефа КГБ Андропова. Но тогда они себя все же вели достаточно осторожно, так как в то время в Политбюро доминировали патриоты во главе с Брежневым. Хотя сам генсек был женат на еврейке, он активно поддерживал выступления Михаила Шолохова в защиту русских писателей-деревенщиков от нападок сионистствующих «западников» и фактически остановил критику И. В. Сталина в советской печати и литературе, так как считал, что это «чернит наше прошлое». Яковлев с июля 1965 года фактически руководил отделом пропаганды ЦК КПСС (сначала он был первым заместителем, а с 1969 по 1973 год исполнял обязанности заведующего этим отделом). И хотя Яковлева назначил в этот отдел именно Брежнев, особенным доверием он у него не пользовался, потому что якшался с «инакомыслящими», и в должности заведомо его так тогда и не утвердили.

Первые книги В. Большакова 1970–1986 гг.

Когда готовилась к печати в «Политиздате» моя книга «Сионизм на службе антикоммунизма» (1972), Яковлев узнал об этом и попытался не допустить ее публикации. Набор уже готовились разобрать, и мы с моим редактором даже выпили по сто грамм по столь печальному поводу. Но тут мне позвонил Юрий Сергеевич Иванов и сказал, что я расстраиваюсь рано. Как оказалось, Милованов сумел сообщить об этом Б. Н. Пономареву, который терпеть не мог, когда кто-то вмешивался в его дела, особенно Яковлев, и шел в таких случаях на принцип. Он и сообщил о его происках в «Политиздате» М. А. Суслову. Как мне рассказал мой редактор, Суслов, который Яковлева вообще терпеть не мог, затребовал мою книгу в гранках, ознако-

мился с ней, и после этого с небольшими поправками из ЦК она все-таки вышла. Тут мы уже выпили не по сто грамм. Книга вышла массовым тиражом 100 тысяч экземпляров и имела потрясающий успех. У сионистов, как и во всей «пятой колонне», она вызвала бешеную ненависть. Мне звонили на работу и домой какие-то анонимы и ругали меня последними словами, в том числе на идише, предполагая, что я его хорошо знаю, раз уж занялся столь серьезно проблемами сионизма. Пару раз пришлось отбиваться от весьма подозрительных типов, поджидавших меня то у редакции, то у моего дома. Я тогда вспомнил с благодарностью Военно-дипломатическую академию, где усвоил основные приемы самбо и карате. Книга быстро исчезла с прилавков книжных магазинов в Москве, и я был обязан этим не только своей популярности. Знающие люди – обозначим их так – рассказали мне, что по Москве разъезжал грузовик, из которого выходил некий гражданин, который подъезжал к книжным магазинам и пачками скупал мою книгу. После этого ее отвозили куда-то в Малаховку, где и сжигали.

Малаховку для этих целей выбрали не случайно. Она с давних пор была духовным и культовым центром московского еврейства. Евреи там жили с 1890-х годов, и со временем поселок стал местом отдыха богатых евреев Москвы. Да и в советские времена большинство дач в этом поселке принадлежало не бедным евреям. В 1919 году там была открыта еврейская трудовая школа, где обучение велось на идише и где преподавали Марк Шагал, Дер Нистер, И. Энгель, философ М. Каган и другие. Там находится второе по значению еврейское кладбище Москвы и Московской области. После окончания войны малаховская синагога, действовавшая с 1926 года нелегально, была официально зарегистрирована. Малаховка стала местом производства мацы, за которой ездили евреи из Москвы и подмосковных поселков. В конце 1970-х – начале 1980-х годов синагога в Малаховке стала одним из самых активных центров иудаизма в СССР. Там же действовали и нелегальные (до 1987 г.) сионистские организации. Они и снарядили за моими книгами свой грузовичок. Правда, больше одного рейса ему совершить не удалось – при новой попытке скупить тираж моей книги и шофера, и скупщика задержали. После проверки документов их отпустили, но этот грузовичок из Малаховки у московских книжных магазинов

больше не появлялся. У меня вся эта история вызвала очень горький осадок. Я тогда написал вот эти стихи:

ВРАГАМ РОССИИ

Вы жжете книги наши.
Видно ждете,
Что пеплом их посыпавши главу,
Мы к вам придем,
        в пыль перед вами ляжем,
покорные,
        как смертники во рву.

Вы ждете,
        согреваясь у пожарищ,
        в чьем отблеске видней надежд тщета.
Вы знаете,
        как больно ранит жалость,
как травит водка нас
        и душит нищета.

Вы нас жалеете...
Мы вам нужны живые.
Живые,
        но со сломанным хребтом.
Нам раны нанесут не ножевые,
        а если ножевые,
то потом.

Вы ждете.
Вы прославились терпением.
Вы верите –
        мы все-таки придем
и рухнем перед вами на колени,
        раздавленные собственным крестом.

Вы – мудрецы.
У вас богатый опыт.
У нас – одна славянская душа,
Столетия рабства,
                    черного, как копоть,
и за душой, конечно, ни гроша.

Мы не умеем в масках лица прятать.
Издrevле в бой ходили без забрал.
За это били нас столетия кряду,
А лучших – убивали наповал.
На их крови
                    замешана Россия.
На их костях
                    построены кремли.
От их любви
                    мы брали нашу силу,
Как брал Антей
                    от матери-Земли.

Мы – правнуки клейменных,
                    непокорных
забитых насмерть,
                    сосланных в Сибирь.
Нас не сломать.
Нас можно только с корнем
Из русской почвы
                    вырвать и убить.

В 1973 году после публикации нашумевшей статьи Яковлева «Против антиисторизма» в «Литературке» Брежнев в сердцах буркнул: «Этот мудака хочет поссорить нас с русской интеллигенцией», – и распорядился убрать Яковлева из аппарата ЦК КПСС. Его отправили послом в Канаду, откуда он был возвращен при Андропове спустя десять лет. Яковлев мне потом все это припомнил, когда возглавил Агитпроп при Горбачеве.

«Ложь Лубянка» действует

Действия сионистского подполья в СССР далеко не всегда получали должную оценку и в КГБ СССР. Сейчас, когда стало известно, что даже на Лубянке в те годы действовали и прямые агенты ЦРУ и «Шин-Бет», и тайные агенты влияния, которых в Русской партии называли масонской «Ложью Лубянка» в честь бывшего покровителя российских масонов чекиста Глеба Бокия, расстрелянного в 1937 году, понятно, почему наши штирлицы на активность сионизма в стране нередко вообще смотрели сквозь пальцы либо сводили борьбу с ним к осуждению «Лиги защиты евреев». А ее, как известно, не принимали за свою даже многие сионисты.

Передо мной «Справка», направленная 10 мая 1972 года в Секретариат ЦК КПСС начальником 5-го управления КГБ СССР генералом Ф. Д. Бобковым, который после развала СССР работал начальником охраны у еврейского олигарха В. Гусинского. На этом документе, на бланке КГБ с сопроводительным грифом «Ознакомить секретарей ЦК КПСС», имеются подписи Б. Н. Пономарева, Ф. Д. Кулакова, Д. Ф. Устинова, И. В. Капитонова, П. Н. Демичева, М. А. Сулова, А. П. Кириленко, К. Ф. Катушева.

Половину бобковской «Справки» занимает статистика о благополучном положении евреев в СССР, и делается вывод, что «евреи наравне с другими народами являются активными строителями коммунистического общества и их труд высоко оценивается советским государством». Сообщается, что «только в 1972 году было выпечено более 100 тыс. кг мацы. В 1968 году издан новый иудейский молитвенник тиражом в 10 тыс. экземпляров». Далее идет текст, в котором автор «Справки» сетует, что на Западе это еврейское счастье игнорируют и на Советский Союз клеветают. «Лига защиты евреев» во главе с М. Кахане так и вовсе распоясалась и нападает на советских граждан. А «американские сионистские организации активно используют канал туризма для засылки в Советский Союз своих эмиссаров, которые стремятся использовать свое

пребывание в нашей стране не для обогащения своих знаний о жизни советских людей, а для распространения антисоветской литературы, сбора тенденциозной информации о “положении евреев в СССР” с целью еще большего разжигания антисоветской истерии в США и других западных странах, направления еврейским националистам в СССР денежных переводов и товарных посылок для финансирования их антисоветской деятельности. Об этом свидетельствуют показания группы преступников, пытавшихся совершить разбойное нападение на гражданский самолет в Ленинграде, а также признания одного из бывших активных сионистов Г. Вертлиба». И так далее, в том же духе (menhist.ru. 2012.11).

Право, по информационной насыщенности, не говоря уже о позорно нулевом содержании с точки зрения контрразведки, этот документ Бобкова – шедевр некомпетентности и дезинформации одновременно. Шеф 5-го управления КГБ, которое отвечало как раз за контрпропаганду и противодействие психологической войне против СССР и сионизму, предлагал руководителям КПСС одну версию: сионизм поддерживают лишь отдельные заблуждающиеся лица еврейской национальности. Более того, Бобков (конечно, с подачи Андропова) делал вид, будто и не подозревает о том, что в СССР возрождаются сионистские организации, что они пошли на прямое сотрудничество с диссидентами, с тем антисоветским подпольем, которое установило прочные связи с западными антикоммунистическими центрами. Далеко ходить не надо было, чтобы это понять. Во время процесса над Н. Щаранским в Москве в 1978 году лидер советских диссидентов академик А. Сахаров и его сторонники устроили у здания суда бурную демонстрацию в его поддержку. Щаранский работал помощником Сахарова, был членом Московской группы по контролю за соблюдением Хельсинкских соглашений в области прав человека и лично представлял отказников и диссидентов, выступая перед иностранной прессой, дипломатами и политиками. Через него на Запад попадала информация и о преследованиях еврейских активистов. В конце 70-х годов практически во всех публичных акциях сионисты и диссиденты-антисоветчики действовали в унисон. Бобков, конечно, не мог обо всем этом не знать. А уж Андропов тем более.

В сионистском подполье

После смерти Сталина еще долго любое проявление симпатий советского еврея к Израилю рассматривалось как доказательство его государственной измены. Поэтому, когда в 1961 году учитель иврита – председатель правления (габай) Ленинградской синагоги Г. Печерский – подал несколько заявлений властям о разрешении открыть курсы по изучению иврита и еврейской истории, он и еще два члена правления синагоги были арестованы КГБ и осуждены по обвинению в «шпионаже в пользу одного капиталистического государства». По подобному обвинению тогда же были осуждены три руководителя еврейской религиозной общины в Москве. С наступлением хрущевской «оттепели» метнулись в другую крайность – практически перестали реагировать даже на открытую вербовку евреев в ряды сионистов и в кандидаты на выезд в Израиль.

Как же в действительности обстояло дело с сионистским подпольем в СССР, само существование которого лежа «Лубянка» всячески старалась скрыть? По данным Еврейской энциклопедии, после агрессии 1967 года в СССР, я цитирую, «активизировалась деятельность сионистских групп в различных городах страны. В 1969 году предпринимались попытки создать объединенную сионистскую организацию. В Москве 16–17 августа на встрече представителей сионистских групп Риги, а также Минска и Тбилиси было принято решение о создании Всесоюзного координационного комитета. Следующая встреча произошла в Риге 8–9 ноября 1969 года. Было решено выпускать самиздатский еврейский журнал... Еврейские активисты развернули в довольно широких масштабах изучение иврита, еврейской истории, выпуск учебной литературы. Растет распространение еврейского самиздата. В феврале 1970 года в Риге вышел в свет первый журнал еврейского самиздата – “Итон”». КЕЭ, понятно, не упоминает о чисто сионистской пропаганде под видом изучения иврита, еврейской истории и знакомства с Израилем. А такая пропаганда велась, и активно, что оборачивалось не только ростом поданных заявлений о выезде в Израиль, но и откровенной уголовщиной. Упомянутое в записке Бобкова

«разбойное нападение на гражданский самолет» связано с несколькими «самолетными процессами» в СССР. По сведениям той же Еврейской энциклопедии, все началось с того, что бывший летчик Г. Бутман предложил Комитету сионистских организаций (был и такой) идею «захватить огромный лайнер, все пассажиры которого будут наши», угнать самолет в Швецию и организовать пресс-конференцию, «рассказать всему миру о тяжелом положении евреев в СССР и об их готовности пойти на смертельный риск ради выезда в Израиль». Большинство членов комитета не поддерживали эту акцию, но, несмотря на это, подготовка операции началась. В Ленинграде, Риге и Кишиневе был подобран состав участников. Сам Г. Бутман отказался от проведения этой акции. Ее задумала осуществить группа сионистов во главе с Э. Кузнецовым, планировавшая захватить небольшой самолет «Ан-2» во время его рейса в Приозерск, затем М. Дымшиц должен был пилотировать самолет в Швецию. 15 июня 1970 года в аэропорту «Смольный» под Ленинградом и в Приозерске были арестованы одиннадцать человек по подозрению в попытке захвата самолета. Вслед за тем в 1970 году в Риге, Ленинграде, Кишиневе и других городах были арестованы десятки сионистов, вовлеченных в эту операцию (См.: КЕЭ. Т. 8. Кол. 267–284). 24 декабря 1970 года судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда приговорила М. Дымшица и Э. Кузнецова к смертной казни за «измену Родине», И. Менделевича к 15 годам лишения свободы, А. Хноха (родился в 1944 г., в Израиле с 1979 г.) к 13 годам, А. Альтмана (родился в 1941 г.) к 12 годам, Сильву Залмасон (родилась в 1944 г.) и Б. Пэнсона (родился в 1946 г., с 1979 г. в Израиле) к 10 годам. Этот приговор вызвал бурю протестов за рубежом, в которых приняли участие даже компартии ряда стран, после чего в СССР решили заменить смертную казнь М. Дымшицу и Э. Кузнецову 15 годами заключения, И. Менделевичу срок заключения был сокращен до 12 лет, А. Хноху и А. Альтману – до 10 лет. Затем прошли «самолетные» процессы в Риге, Кишиневе, в Свердловске и в Одессе, в ходе которых выяснилось, что к захватам самолетов для вылета за границу готовились и другие сионистские активисты. Они получили небольшие сроки. Все они, как правило, освобождались досрочно и выезжали в Израиль уже легально (См.: КЕЭ. Т. 8. Кол. 267–284).

К концу 70-х годов сионисты в СССР уже действовали в прямом контакте с представителями израильской разведки, работавшими под дипломатическим прикрытием в посольстве Израиля в Москве, и с международными сионистскими центрами. Н. Щаранский, например, получал из этого посольства израильские паспорта и распространял их среди тех, кого сионисты склоняли к выезду в Израиль. На этом, кстати, он и попался, когда приехал в одну русскую деревню, где по какой-то исторической случайности жители приняли иудаизм, хотя и молились в своей синагоге на русском языке, и стал там раздавать эти паспорта. Широкая международная поддержка сионистского подполья в СССР была продемонстрирована и в ходе подготовки и принятия резолюции Конгресса США, получившей имя «Поправка Джексона – Вэника». Она была принята Конгрессом и Сенатом США в январе 1975 года по просьбе 83 евреев из Москвы, Киева, Ленинграда и других городов, выступивших с призывом к США поддержать свободный выезд евреев из СССР. Эта поправка, лишившая СССР, а затем и Российскую Федерацию статуса наибольшего благоприятствования в торговле с США, действовала вплоть до 2012 года (КЕЭ. Т. 8. Кол. 267–284).

Состоявшаяся 17–19 февраля 1976 года в Брюсселе Вторая всемирная конференция еврейских общин, на которой присутствовали 1200 делегатов из 32 стран, активно поддержала «отказников» в СССР и «узников Сиона» вроде Кузнецова и Дымшица. В 1979 году, несмотря на то, что издание еврейских журналов «Евреи в СССР» и «Тарбут» было прекращено, журналы «Наш иврит», «Евреи в современном мире», «Выезд в Израиль: право и практика» и другие продолжали выходить практически беспрепятственно.

С началом перестройки сионизм в СССР получил все права гражданства. В сентябре 1988 года в Москве была учреждена Еврейская культурная ассоциация (ЕКА; председатель М. Членов) с большим количеством филиалов, которая стала основной еврейской неформальной организацией в стране. При ЕКА функционировали Еврейское историческое общество и Клуб любителей еврейской книги. В 1988 году в Москве был создан Молодежный центр по изучению и развитию еврейской культуры (МЦИРЕК), зарегистрированный при МГК ВЛКСМ. В Ленинграде продолжало дей-

ствовать Ленинградское общество еврейской культуры. Активизировалась религиозная жизнь; происходило возвращение к иудаизму сотен молодых евреев в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах. В 1988 году в различных городах страны стали активно действовать представители движения «Хабад». В 1988–1989 годах сначала в Москве, а затем и в других городах стали открываться отделения различных еврейских организаций: «Бетара», ВИЦО и ордена «Бнай-Брит».

В конечном итоге кампания сионистов за свободу выезда советских евреев в Израиль превратилась при поддержке западных спецслужб в подрывную деятельность против СССР и в открытые антисоветские выступления. Большинство населения нашей страны относилось к этому достаточно сдержанно, как и большинство советских евреев. И в этом значительную роль сыграли не столько «профилактические» меры КГБ и выборочные аресты сионистских активистов, сколько та пропагандистская кампания против сионизма, которую мы начинали в «кружке Милованова». Несмотря на все сложности и откровенную травлю авторов, рискнувших выступать со статьями и книгами на прежде запретную тему, в 70-е годы была проведена огромная работа по подготовке и выпуску популярных и научных изданий, посвященных истории, идеологии и практике сионизма. Вокруг «кружка Милованова», помимо уже упомянутых авторов, сформировался крепкий авторский коллектив. Это – д.ф.н. Е. Д. Морджинская, Д. С. Асанов, к.ф.н. Г. А. Баканурский, д.ю.н. И. А. Блищенко, к.ю.н. Л. Я. Диадани, д.и.н. Г. А. Деборин, д.и.н. А. Г. Кузьмин, д.ф.н. А. С. Логачев, к.ф.н. Б. Г. Прахье, наш правдист В. В. Пересада и др. Практически все они вместе с Е. Евсеевым и со мной участвовали в подготовке ряда научных сборников и монографий, посвященных анализу различных аспектов международного сионизма. От Академии наук СССР за это обычно отвечал академик М. Б. Митин. Активно участвовал в антисионистской кампании и видный историк академик Исаак Израилевич Минц. Он был руководителем авторского коллектива вышедшей в Москве в 1973 году монографии «Сионизм: теория и практика».

По подсчетам Еврейской энциклопедии, в 1975–1979 годах было выпущено в свет 30 книг антисионистской направленности. В начале 1980-х

годов число подобных книг увеличилось: в 1980 году их было опубликовано 28, в 1981 – 19, в 1984 – 61, в 1985 – 46. В эти годы резко возросло число подобных публикаций в советской прессе (в 1967–1980 годах – 2262, в 1981–1988 годах – 48 997 статей, то есть более чем в 22 раза). Были проведены десятки научных симпозиумов и конференций, прочитаны тысячи лекций. Многие из изданных в те годы книг и статей по сионизму были переведены практически на все основные иностранные языки и активно распространялись за рубежом через заграничные бюро АПН, прежде всего в арабских странах и других странах третьего мира.

Борьбу с сионизмом поддержало и мировое сообщество. 10 ноября 1975 года XXX сессия Генеральной Ассамблеи ООН усилиями СССР (при поддержке арабских и «неприсоединившихся» стран) приняла (72 голосами при 35 против и 32 воздержавшихся) Резолюцию № 3379, которая квалифицировала сионизм как «форму расизма и расовой дискриминации». Символично, что она была отменена резолюцией 46/86 Генеральной ассамблеи ООН по требованию Израиля и США всего за две недели до официального развала СССР – 16 декабря 1991 года.

Конечно, во всей этой кампании были перегибы. Не всегда учитывалось, что обывательская реакция на критику сионизма, увы, была далека от марксистского подхода и нередко сводилась к поношению евреев, иудаизма и Государства Израиль. Но борьба за умы и лояльность советских евреев велась достаточно последовательно вплоть до развала СССР и даже некоторое время после этого.

Народ и стая

В начале 80-х годов наступил решающий момент в глобальном противостоянии коммунизма и империализма. В Вашингтоне, не объявляя, понятно, об этом открыто, сделали окончательную ставку на уничтожение коммунизма и на развал Советского Союза. Международный сионизм, как во время революции в России, готовился к тому, чтобы использовать евреев в своих целях. Сионистами им была уготована участь «пятой ко-

лонны», разрушителей коммунистической убежденности и агентов влияния Запада.

К чести советских евреев надо сказать, что в массе своей они на эту роль не согласились, хотя, по понятным соображениям, многие из них, даже отрицая сионизм, симпатизировали Израилю. В этой сложной обстановке по инициативе Ю. В. Андропова была сделана попытка повторить эксперимент с Антифашистским еврейским комитетом, только на более широкой этнической базе. 29 марта 1983 года ЦК КПСС принял решение о создании Антисионистского комитета советской общественности (АКСО). В п. 62гс протокола № 101 заседания Секретариата ЦК от 29.03.1983 записано: «согласиться с предложением Отдела пропаганды ЦК КПСС и КГБ СССР о создании Антисионистского комитета советской общественности (АКСО)». Возглавил его начальник курсов «Выстрел» боевой генерал Д. А. Драгунский, а заместителем назначили ему юриста С. Л. Зивса (Зивс, кстати, активно участвовал в подготовке отдельных материалов и сборников статей с критикой сионизма). Основных работников тем же решением прикрепили к цеховской «кормушке», «вертушке» и ЦКБ, приравняв их таким образом к номенклатуре ЦК, а в «Правде» опубликовали «Обращение советской общественности» с призывом «принимать активное участие в политическом обличении сионизма, давать твердый отпор его проидам». «...По своей сути сионизм концентрирует в себе крайний национализм, шовинизм и расовую нетерпимость, оправдание территориальных захватов и аннексий, вооруженный авантюризм, культ политической вседозволенности и безнаказанности, демагогию и идеологические диверсии, грязные маневры и вероломство, – говорилось в Обращении. – Единой многонациональной семьей мы строим новое прекрасное общество – коммунизм, ведем борьбу за мир и дружбу между народами, даем отпор любым попыткам подорвать интернациональную общность советских людей. Абсурдными являются попытки идеологов сионизма выдать критику сионизма, любое осуждение советской общественностью агрессивной политики правящих кругов Израиля за проявление антисемитизма. Хорошо известно, что советские люди – подлинные интернационалисты – решительно отвергают любые формы шовинизма, в том числе

сионизм и антисемитизм» («Правда», 1 апреля 1983 г.). Все акценты были расставлены правильно. И только поэтому борьба с сионизмом в СССР не перешла, как при Сталине, в государственный антисемитизм.

Надо отдать должное АКСО: Драгунский и его товарищи, с которыми мне в 80-е годы часто приходилось встречаться, много сделали для мобилизации общественности, прежде всего советских евреев, на противостояние сионизму. Хотя и известно, что многие из тех евреев, которые участвовали в подготовленных АКСО антисионистских пресс-конференциях, после открытия дверей для эмиграции поселились в Израиле, включая члена Президиума АКСО, бывшего главного редактора «Юности» Андрея Дементьева. Он, правда, потом в Россию вернулся. Владимир Солоухин писал об одном из таких активистов АКСО: «Григорий Свирский, вероятно, и по паспорту значился евреем (т. е. входил в 0,69 %), ибо он больше и громче других обличал антисемитизм в СССР. Мой однокурсник Наум Мандель (Коржавин), уже будучи в эмиграции, написал даже о Свирском шутивное стихотворение, как Свирский переехал в Израиль и как ему сразу стало нечего делать: нет антисемитов и не с кем бороться. Но даже ведь и Григорий Свирский спокойно окончил Московский университет, издавал романы (например, “Ленинский проспект”), стал членом СП СССР и был в Московской писательской организации видным партийным деятелем (членом парткома). Его жена тоже окончила университет и стала кандидатом наук» (Солоухин В. При свете дня. М., 1992).

Драгунский же держался до последнего. Еще летом 1988 года Политбюро ЦК КПСС с подачи Горбачева и Яковлева приняло решение о роспуске АКСО. Но Антисионистский комитет прекратил свое существование только в 1994 году. Даже через год после развала СССР, 1 сентября 1992 года, Драгунский обращался с письмом к мэру Москвы Ю. Лужкову с требованием отменить Постановление правительства Москвы о передаче помещения, занимаемого АКСО, в аренду МЕКПО (Московскому еврейскому культурно-просветительскому обществу). В своем письме генерал возмущался решением мэра передать помещение АКСО «неким организациям сионистского толка» и предупреждал мэра: «Подобная практика неизбежно ведет к разжиганию межнациональной розни». Но его уже никто

не слушал. А мэр Лужков в обнимку с мэром Иерусалима, надев ермолку, торжественно шел поклониться Стене плача... До чего же любят эти «русские политики» шеголять в ермолках на Земле обетованной!

...Много было разговоров о том, что АКСО – это искусственное образование уже потому, как заявляют в унисон и сионисты, и антисемиты, что «каждый еврей в душе – сионист». Тем не менее многие советские евреи искренне поддерживали Драгунского и его комитет. Именно потому, что своей родиной они все же считали Россию, а не Израиль, хотя стали охотно ездить на Землю обетованную, когда все границы стали для них открытыми. (Это в России, кстати, многие приветствовали уже потому, что вновь открылся и для православного человека доступ на Святую Землю.) Известный бард Александр Городницкий, который не раз бывал с гастролями и в Израиле, и в США, выражая настроения тех евреев, для которых Родиной остается Россия, написал великолепные стихи:

Неторопливо истина простая
В реке времен нащупывает брод:
Родство по крови образует стаю,
Родство по слову – создает народ.
Не оттого ли, смертных поражая
Непостижимой мудростью Своей,
Бог Моисею передал скрижали,
Людей отъединяя от зверей.
А стае не нужны законы Бога:
Она живет Завету вопреки.
Там ценятся в сознании убогом
Лишь цепкий нюх да острые клыки.
Своим происхождением – не скрою –
Горжусь и я, родителей любя.
Но если Слово разойдется с Кровью,
Я СЛОВО выбираю для себя.
И не отыщешь выхода иного,
Какие возраженья ни готовь:
Родство по слову порождает СЛОВО,
Родство по крови – порождает кровь!

В «кружке Милованова» всегда исходили из того, что «еврей» и «сионист» – это не синонимы, так же как не синонимы «антисионизм» и «антисемитизм». Тожество этих понятий – изобретение сионистов. К сожалению, в России это далеко не все понимают и принимают.

Русская партия против «еврейской»

В последнее время немало написано о Русской партии, которая, по утверждению ряда авторов, активно действовала на фронте борьбы с сионизмом в годы брежневского «застоя». Наиболее известные из такого рода публикаций – это диссертация Н. Митрохина (см.: *Митрохин Н.* Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003), книга М. Назарова «Вождю третьего мира» (см.: *Назаров М.* Вождю Третьего Рима. Гл. 7. «Русская партия» и власть. М.: Русская идея, 2005), а также ряд работ моего друга, ныне покойного историка Сергея Семанова, в частности его книга об Андропове (см.: *Семанов С.* Председатель КГБ Юрий Андропов. М.: Алгоритм, 2008. С. 148–203; *Семанов С.* Русский клуб. М.: Алгоритм, 2013). Александр Байгушев, бывший цековский работник, какое-то время состоявший в помощниках М. А. Суслова, добавил в эту библиотеку свою книгу в духе очень бойкого бестселлера (*Байгушев А.* Русский орден внутри КПСС. М.: Эксмо – Алгоритм, 2006).

Как о политической организации о Русской партии говорить, конечно, нельзя. После Второй мировой войны в СССР время от времени появлялись разного рода подпольные кружки монархического и черносотенного толка, которые превращались в «партии» уже в ходе расследования их деятельности в КГБ. Таким был ВСХСОН (1964–1967), члены которого, пройдя через лагеря, действовали в 70–80-е годы в разного рода патриотических кружках и клубах. Были и группы менее известные, такие как «Народно-демократическая партия» (1955–1958, около 10 человек). Такого рода факты тщательно скрывали. Только на процессе Щаранского я увидел в числе свидетелей одного из организаторов Рус-

ской монархической партии, члены которой, по его словам, были осуждены на 10–15 лет лагерей.

В 60–70-х годах в СССР в среде русской интеллигенции вновь стали популярными идеи славянофилов и почвенников – Ф. Достоевского, К. Аксакова, К. Леонтьева, П. Астафьева и других, а также русских религиозных философов – Н. А. Бердяева, Д. С. Мережковского, П. Б. Струве, о. Сергия Булгакова, Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина, П. А. Флоренского и других. На этой базе возникали полуподпольные кружки в университетах и гуманитарных вузах. Наибольшую известность приобрела группа «молодых православных антикоммунистов», как их называет Митрохин, в которую входили теперь уже известные писатели, поэты и публицисты В. В. Кожинов, П. В. Палиевский, С. Ю. Куняев, С. В. Викулов, главный редактор журнала «Наш современник», О. Н. Михайлов, С. Н. Семанов, возглавлявший редакцию «ЖЗЛ», а затем журнал «Человек и закон», Ю. И. Селезнев, сменивший его в «ЖЗЛ», и другие. Близкие к ним патриотические позиции занимали такие писатели, как Леонид Леонов, главный редактор журнала «Советский Союз» Николай Грибачев, Анатолий Софронов, главный редактор журнала «Огонек» в 1953–1986 годах.

Общепризнанным духовным авторитетом этого Русского Возрождения был М. А. Шолохов (1905–1984). Удачно избежав арестов и репрессий, он уже к началу 30-х годов получил общесоюзную известность, а его романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» стали классикой советской и мировой литературы. Шолохов вступил в ВКП (б) в 1932 году. Был членом ЦК КПСС с 1961 года и депутатом ВС СССР с 1937 года, а также действительным членом АН СССР (1939). Размежевание с отечественными «жуками-точильщиками» началось у Шолохова еще в 30-е годы, но в 1966 году, выступая на XXIII съезде КПСС, он поддержал осуждение Синявского и Даниэля, которые получили по семь лет тюрьмы за издание своих произведений на Западе (см. XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 29 марта – 8 апреля 1966 года, стенографический отчет. Т. 1. М.: Издательство политической литературы, 1966. С. 358). Это его выступление привело к окончательному размежеванию «русской» и «западной» (а точнее – еврейской, хотя в ней состояли и этнически русские)

партий в советской творческой интеллигенции. Конечно, эти «партии» не были политическими, а сторонники той и другой – никакого официального членства в них не было – нередко состояли в правящей партии, в КПСС. Естественно, что и о существовании этих «партий» тогда открыто никто не говорил. Шолохов, однако, решился назвать вещи своими именами.

Шолохов обладал серьезным влиянием в партии и в государстве. К нему прислушивались на самом верху. Я уже говорил выше о закрытом письме на имя Брежнева, в котором он предупреждал об опасности сионизма, о реакции на это письмо М. В. Зимянина, который к тому времени перешел из «Правды» на должность секретаря ЦК КПСС.

Письмо Шолохова Брежневу пытались всячески замолчать, но долго под грифом «Секретно» оно не пролежало и быстро разошлось по всей России. И это послужило новым поводом для гонений на Русскую партию, или Русский орден. Признанным лидером этой партии был и остался после смерти Шолохова и распада СССР Валерий Николаевич Ганичев, занимавший в 1967–1968 годах пост заведующего отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ. С приходом Е. Тяжельникова на пост первого секретаря ЦК ВЛКСМ он стал директором издательства «Молодая гвардия», а в 1978–1980 годах был главным редактором «Комсомольской правды». С этого поста его снял лично М. В. Зимянин без объяснения причин, убрав из политики за «русофилство», и он стал главным редактором журнала «Роман-газета». После развала СССР Ганичев вместе со своими единомышленниками создал в 1994 году Союз писателей России и был избран его председателем. Он также стал заместителем главы Всемирного русского народного собора, учрежденного и курируемого Московской Патриархией.

Ганичев поддерживал самую тесную связь с «кружком Милованова», дружил с Юрием Ивановым. И у меня они бывали дома, иногда даже вместе. Ганичев помогал нашим авторам с изданием их трудов в «Молодой гвардии». Все мои первые книги были изданы именно там. В вышедшей в 1984 году моей «Агрессии против разума» была целая глава о роли сионизма в борьбе против коммунизма (см.: *Большаков В. Агрессия против разума*. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 143–184). Выходили в том же издательстве книги Е. Евсеева и В. Бегуна, а также других авто-

ров, близких к «кружку Милованова». Ганичев, его друзья и соратники по Русской партии внесли немалый вклад в борьбу с сионизмом, но на своем, литературном поле.

Митрохин пишет, что с «антисионистами» был тесно связан Семанов. Действительно, такие связи были, мы даже общались домами, но практически никто из деятелей Русской партии глубоким знанием проблем сионизма не обладал, включая Семанова. Отношение к марксизму, на базе которого мы и критиковали сионизм, у них было резко отрицательным, хотя, конечно, в то время они это не рекламировали. Отсутствие научного подхода к «основному вопросу», как они в своих «Русских клубах» именовали «еврейский вопрос», многих из них, к сожалению, привело впоследствии к откровенной юдофобии, а то и к антисемитизму. И к тому же после развала СССР практически вся Русская партия перешла на позиции антикоммунизма.

Особое течение в Русской партии составляли «писатели-деревенщики» или «новые почвенники», которые отстаивали и воспевали русские национальные традиции и христианские нормы нравственности. Это Ф. А. Абрамов (трилогия «Пряслины», 1958–1973), В. И. Белов («Привычное дело», 1966; «Плотнические рассказы», 1968; «Кануны», 1972–1976; «Лад», 1979–1981), В. А. Солоухин («Письма из Русского музея», 1966; «Черные доски», 1969), В. Г. Распутин («Деньги для Марии», 1967; «Последний срок», 1970; «Живи и помни», 1975; «Прощание с Матерой», 1976), Д. М. Балашов (автор серии исторических романов «Государи Московские»), В. А. Чивилихин (роман-эссе «Память», 1978–1984) и другие. К той же школе примыкал и Василий Шукшин. Был и кружок «националистов» при Университете молодого марксиста (1963–1965, В. И. Скурлатов и другие), распространявших в 1965 году «Устав нрава» и «Книгу Велеса». Там больше увлекались язычеством, чем Православием, и утверждали, что христианство русским навязали евреи.

Русская партия как течение в русской литературе и искусстве родилась в той весьма острой борьбе, что началась в СССР еще при Хрущеве между «деревенщиками», которых называли русофилами и славянофилами, и западниками-шестидесятниками (Б. Окуджава, Е. Евтушенко,

А. Вознесенский, А. Рыбаков и др.). У того и другого лагеря были «свои» журналы и газеты. У русских патриотов – популярные журналы «Молодая гвардия», «Техника – молодежи», «Наш современник», «Огонек», «Москва» и целое издательство «Молодая гвардия», а также газета «Литературная Россия». У «западников» – «Новый мир», «Юность», «Октябрь», «Литературная газета» и до перехода туда главным редактором Валерия Ганичева – «Комсомольская правда» во главе с будущим ельцинским министром иностранных дел Б. Панкиным. Демаркационная линия, разделившая советскую интеллигенцию на два откровенно враждебных лагеря, проходила не только по литературному фронту, но и по всему полю искусства и культуры.

Викулов, Ганичев, Кожинов, Куняев, Палиевский, Семанов, Селезнев были главными закоперщиками антилиберальной «кампании» 1977–1982 годов. По этническому составу среди «почвенников» преобладали славяне, а среди «западников» – евреи и полукровки. Поэтому не без оснований в те годы говорили о борьбе Русской партии против Еврейской партии. А это был серьезный противник. В уже цитировавшейся «Справке» генерала КГБ Бобкова приводились такие данные о советских евреях:

«В Советском Союзе, по данным переписи 1970 года, насчитывается 2 151 000 лиц еврейской национальности, что составляет 0,9 % от общего населения страны. 24 % всего еврейского населения – люди с высшим и средним специальным образованием. Число лиц, имеющих высшее образование на 1000 человек населения, у евреев больше, чем у русских – в 9 раз, украинцев – в 12 раз, белорусов – в 17 раз. 110,1 тысячи евреев – студенты высших учебных заведений, что составляет 5,12 % всего еврейского населения страны. По общему числу студентов высших учебных заведений евреи занимают пятое место среди народов СССР. 63,7 тысячи представителей еврейской национальности работают в области науки, что составляет 7,2 %. Из них 3,5 тысячи – доктора наук, 20 тысяч – кандидаты наук, 5,5 тысячи – аспиранты. По численности научных работников евреи занимают третье место после русских и украинцев. По численности докторов наук – второе место после русских». На самом деле, «еврейский процент» был гораздо выше.

Один из самых известных «деревенщиков» Владимир Солоухин писал: «Опубликованы данные, будто евреев в СССР 0,69 % (еще меньше, чем у Бобкова. – В. Б.). Но это не так. Израильский закон говорит, что евреем считается каждый, кого родила еврейская мать. Если же еврей отец, то сын его тоже должен считаться евреем, но после уточнения факта отцовства. Если исходить из этого положения, то евреев в СССР не 0,69 %, а между десятью и пятнадцатью миллионами человек. Дело в том, что большинство евреев по паспорту значатся русскими, украинцами, узбеками, грузинами и т. д. Скажем, известный писатель Ю. Трифонов по советскому паспорту значился русским, но по израильскому правилу был евреем, потому что его родила еврейская мать. Я ограничусь этим примером, хотя мог бы перечислить десятки своих коллег, которые, подобно Трифонову, статистически не входят в 0,69 %, на самом же деле принадлежат к еврейской нации. В столице государства четверть населения – евреи. В Московской писательской организации евреев около 80 %, а в других творческих союзах, как-то: в Союзе композиторов, Союзе художников, Союзе кинематографистов, Союзе журналистов, а также в Московской филармонии, в Москонцерте, на Мосфильме, на телевидении – этот процент не ниже, а быть может, и выше. Десятки, сотни тысяч учителей, врачей, кандидатов и докторов наук – евреи...» (*Солоухин В. А. При свете дня* // <http://ricolor.org/history/b/vs/ld/10/>).

Кстати, если посмотреть под этим углом список подписантов вышеупомянутого «расстрельного» «письма 42-х» Ельцину, то станет ясно, кто там составлял этническое большинство и кто же действительно держал командные позиции в советской литературе и искусстве, театре, кино, в журналистике, шахматном спорте, архитектуре и других областях культуры и науки в СССР. Влияние сионистов в этой среде было наиболее сильным. И они, конечно, использовали его для обработки массового сознания в своем духе. Бунт Русской партии против этого засилья был естественной реакцией патриотов России на очевидное стремление новых «западников» лишить советское искусство национальных корней, а русскую литературу – корней русских.

В мае 1964 года создается клуб «Родина» в защиту памятников старины. В 1966 году появляется Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), которое объединило многих деятелей культуры. В него вошли архитекторы П. Д. Барановский и М. П. Кудрявцев, искусствовед В. А. Десятников, художники И. С. Глазунов и П. Д. Корин, писатели В. А. Солоухин и О. В. Волков, академики Б. А. Рыбаков (историк) и И. В. Петрянов-Соколов (химик), журналист «Комсомольской правды» Василий Песков, певец И. С. Козловский и десятки других. В конце 60-х годов в рамках этого общества стали проводиться «Русские клубы», которые стали своего рода «первичками» набиравшей силу Русской партии. Через пять лет Общество охраны памятников насчитывало 6 миллионов членов и имело активные группы по всей стране. Тем не менее Русская партия оставалась в основном просветительским обществом, собранием единомышленников, а не некоей «боевой организацией» с конспиративными ответвлениями на всех уровнях – от ЦК КПСС и руководства ЦК ВЛКСМ до редколлегии журналов и издательств патриотического толка, как это подает А. Байгушев в книге «Русский орден внутри КПСС». Некоторые авторы, развивая концепцию Байгушева, утверждают, будто именно Шолохов возглавлял этот «орден» вместе с Семановым, который после смерти писателя стал «генеральным секретарем Русской партии». Но это чистой воды вымысел.

Из этого «ордена» впоследствии действительно вышли разные союзы и партии, включая общество «Память» и движение русских национал-патриотов монархического толка, близкого по идейной ориентации к Союзу русского народа. В их среде, признаем, были и откровенные черносотенцы, и монархисты. Илья Глазунов и Владимир Солоухин в то время не особо рекламировали свои монархические взгляды, разве что в кругу очень близких им людей. Но после развала СССР этого уже не скрывали.

В ряде публикаций о Русской партии, прежде всего в работе Митрохина, говорится, что журнал «Молодая гвардия» и одноименное издательство тогда поддерживала «национал-большевистская группа Павлова» – первого секретаря ЦК ВЛКСМ, которая начала складываться в первой

половине 1960-х годов. Митрохин и другие связывают ее с патриотами в Союзе писателей, армейскими «красными патриотами» в структуре политруков (Главпур А. Епишева) и даже с «группой Шелепина» в высшем партаппарате в опоре на органы госбезопасности. А. Н. Шелепин был председателем КГБ (1958–1961), затем секретарем ЦК КПСС (1961–1967) и членом Политбюро (1964–1975). Его соратниками считались В. Е. Семичастный (председатель КГБ, 1961–1967), П. Н. Демичев (секретарь ЦК КПСС по идеологии, 1961–1974), В. И. Степаков (завотделом агитации и пропаганды ЦК КПСС, 1965–1970), Н. А. Михайлов (председатель Госкомитета по печати, 1965–1970), Н. Г. Егорычев (председатель Гостелерадио, 1964–1970), Л. Н. Толкунов (главный редактор «Известий», 1965–1976) и другие аппаратчики, «всего более 30 человек с национал-большевистскими взглядами», по Митрохину. Он отмечает, что к 1967 году «часть ее продолжала оставаться на позициях антисемитского “красного патриотизма”... Другая часть “павловцев” под влиянием ностальгически настроенных монархистов (в первую очередь И. Глазунова) стала исповедовать комплекс идей, которые можно назвать “православно-монархическими” или “белогвардейскими”. К концу 1960-х последнее направление стало доминировать в “группе Павлова”» (Митрохин Н. А. Указ. соч. С. 239–251). Митрохин записал в «Русский орден» даже нескольких западников, как например, главного редактора «Известий» Л. Толкунова.

Н. Митрохин пишет, что «Председатель госкомиздата СССР Б. Стукалин также был русским националистом, сочувствующим движению». Почему? На том основании, что тот был личным другом Л. Леонова. Еще более произвольно его деление руководства КПСС на «наших» и «чужих». Политическое прикрытие русских националистов, по его раскладу, якобы осуществляли член Политбюро Д. С. Полянский, а также помощник Суслова В. В. Воронцов, помощник секретаря ЦК КПСС по идеологии (в дальнейшем министра культуры СССР), кандидата в члены Политбюро П. Н. Демичева, Г. Г. Стрельников, зам. завотделом культуры ЦК КПСС З. Туманова, завсектором Ближнего Востока Международного отдела ЦК И. Милованов, в некоторых случаях – скрыто сочувствующий русскому национализму завотделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро. На москов-

ском уровне русских националистов в Московском отделении СП представлял Ф. Кузнецов, литературным органом был журнал «Москва» (главный редактор в 1968–1990 годах – М. Алексеев), руководителем издательства «Московский рабочий» был русский националист Н. Елисов. В регионах, как утверждает Митохин, ячейки Русской партии были в Ленинграде, Петрозаводске вокруг журнала «Север», в Вологде (вокруг В. Белова и О. Фокиной) и в Саратове вокруг журнала «Волга».

Этот «расклад» Н. Митрохина достаточно условен. Чиновники от литературы нередко поддерживали Русскую партию потому, что видели в западниках, еще до прихода Горбачева к власти, прямую угрозу не только русской национальной культуре и своему благополучию у партийной кормушки, но и угрозу советской власти, самому существованию СССР. И поэтому рьяно, хотя нередко и бездарно, выступали против любых посягательств такого рода. Типичным в этом отношении стал последний роман писателя В. А. Кочетова «Чего же ты хочешь?» (1969), в котором он открыто, но безыскусно выступил против разложения советского общества западной культурой и пропагандой. Кочетов был секретарем Ленинградского отделения СП (1953–1955) и членом правления СП СССР с 1954 года, главным редактором «Литературной газеты» в 1955–1959 годах, а с 1961 года – журнала «Октябрь». По партийной линии он входил в высшую номенклатуру как член Центральной ревизионной комиссии. Кочетову в Русской партии, где к коммунизму относились весьма скептически и считали большевизм еврейским изобретением, не особо доверяли. Иван Шевцов, например, автор нашумевшего в свое время юдофобского романа «Тля», говорил: «Ну, чего хотеть от Кочетова? У него жена еврейка». Да и сам роман Кочетова в стане патриотов восторга не вызвал, так как скорее был идеологическим произведением в защиту коммунизма, чем литературным шедевром. Это использовали «западники», которые начали травлю писателя. На него было написано сразу две пародии: З. С. Паперного «Чего же он кочет?» и С. С. Смирнова «Чего же ты хохочешь?». Эти пародии ходили по Москве в самиздате. В 1969 году в ЦК поступило письмо двадцати «представителей интеллигенции» с протестом против публикации «мракобесного» романа Кочетова в Минске. Мужика затравили, и 4 ноября 1973 года он покончил

жизнь самоубийством, застрелившись из охотничьего ружья. Хотя, как говорят, у него был рак, и он не мог больше выносить боли...

Мне доводилось при жизни Семанова говорить с ним о том, была ли у Русской партии поддержка в партийных верхах, как утверждал Митрохин, и действительно ли он сам обеспечивал прикрытие той партии в этих верхах. Все мы знали, что Семанов в эти верхи был вхож, что он дружил с детьми Андропова. Не думаю, что Сергей лукавил или не хотел раскрывать эти секреты. Дело было давнее. Но то, что у Русской партии были политические покровители на самом партийном верху, он решительно отрицал. Говорил, что там с удовольствием читали тех же «деревенщиков» и выступления М. Шолохова, Л. Леонова, В. Ганичева и других русских писателей в защиту нашей культуры и народных традиций. И, увы, не более того. Естественно, и я, и мои единомышленники в советской печати, как и все члены «кружка Милованова», считали себя членами Русской партии и делали все возможное, чтобы помочь своим «однопартийцам». Но, понятно, никаких партийных билетов, кроме КПСС, и у нас, как и у членов Русской партии, не было. Единственным организационным успехом Русской партии было создание советско-болгарского клуба творческой молодежи, по инициативе В. Ганичева. Как вспоминает Валерий Николаевич, когда он «был в Болгарии, там идею поддерживали. От меня такую записку могли не принять, и я ее запустил из Болгарии. Такой клуб был создан даже по решению ЦК партии. Все ключевые позиции в клубе заняли мы. Привлекли всех молодых филологов и историков, писателей и художников, критиков. Там бывали Ланщиков, Олег Михайлов, Василий Белов, Валентин Распутин. Это был как бы клуб русской национальной интеллигенции под болгарским прикрытием. Кстати говоря, со временем левые силы в Болгарии написали записку в ЦК КПСС, что клуб стал рассадником шовинистических взглядов». И на том все кончилось.

В одной из своих книг об Андропове, изданной уже после развала СССР, Семанов писал: «В Москве сплетничали тогда, что нам-де помогают Полянский, Шелепин и другие. Это совершенно неверно». Группа Шелепина – Мазурова – Полянского пыталась лишь противодействовать прозападным и либерально-еврейским кругам в аппарате, но, как писал Се-

манов, «никакой связи с молодыми русскими патриотами не установила... Все они оказались не политиками, а просто аппаратчиками. Они не имели опоры в обществе и проиграли» (Семанов С. Н. Андропов... С. 90–91). Это действительно так. Нередко ведь и наша борьба с сионизмом на страницах партийной печати напоминала партизанщину. Общие указания были. Но мы никогда не были уверены в том, поддержат нас «наверху» после очередного «выстрела по Сиону» или оттуда кто-то позвонит по «вертушке» и даст указание «попридержать» неугодного автора.

Загадок вокруг Русской партии много. В течение 1960–1970-х годов КГБ не применял против нее карательных мер. Андропов даже заигрывал с ней, так как вынужден был считаться с тем, что на партийном верху у «русистов», как он их называл, были весьма влиятельные единомышленники. Сам Брежнев активно поддерживал Михаила Шолохова. Поэтому при Брежневе Андропов всячески изображал из себя «сочувствующего». Репрессии в отношении русских националистов применялись тогда нечасто. Более того, существует достаточно свидетельств того, что в годы брежневского «застоя» высшее руководство КГБ благожелательно относилось к Русской партии. Я сам знал несколько человек из числа помощников Андропова, которые к сионизму и еврейству вообще относились крайне отрицательно. Таким был помощник шефа КГБ И. Е. Синицын – на его роман о царской разведке я писал рецензию в «Комсомолке». Таким же был наш правдист, помощник Андропова В. Шарапов. КГБ оказало тогда помощь писателю Н. Н. Яковлеву в создании антимасонской книги «1 августа 1914». Помогали на Лубянке и Д. Жукову в 1972 году в создании фильма «Тайное и явное. Цели и деяния сионизма». Положение, однако, радикально изменилось, когда в 1982 году Брежнев перебрал Андропова с Лубянки на место умершего Суслова, на пост секретаря по идеологии. Он уже тогда начал свою «антинационалистическую» кампанию, которая в первую очередь ударила по Русской партии. Первой жертвой этой кампании стал покровитель Ганичева Е. Тяжельников, который к тому времени стал уже руководителем отдела пропаганды ЦК КПСС. Уволили Семанова с поста главного редактора журнала «Человек и закон». Затем последовал арест Л. Боро-

дина 13 мая 1982 года, следствие и суд над А. Ивановым (Скуратовым), закрытие самиздатского журнала «Многая лета» в 1982 году. Андропов как бы зачищал поле перед давно запланированной перестройкой, где Русской партии места уже не было.

На Лубянке, куда впоследствии попал на допрос и сам Семанов, за любыми «проявлениями русского национализма» с приходом Андропова на пост генсека стали следить куда внимательнее, чем за сионистским подпольем. И, надо думать, при любой попытке оформить русское патриотическое движение в некое подобие «русской партии» Андропов не постеснялся бы отправить в ГУЛАГ всех ее лидеров и рядовых участников. И это понимали все. К моменту прихода Горбачева к власти Русскую партию практически загнали в подполье, откуда она смогла выйти только после развала СССР.

Совсем иное отношение в годы перестройки власти демонстрировали по отношению к «западникам». В 1989 году был образован Русский ПЕН-центр как филиал международного ПЕН-клуба. Вопрос о его создании в СССР был поднят еще в 1956 году, и тогда эту идею дружно угробили М. А. Сулов вместе с руководителями Союза писателей СССР Борисом Полевым и Сергеем Михалковым. Затем один из советских диссидентов писатель Владимир Войнович в 1975 году вновь предложил создать в Москве ПЕН-центр. В ответ КГБ было поручено провести с ним «беседу предупредительного характера», о чем Войнович написал в повести «Дело № 34840». Однако в созданный в 1989 году ПЕН-клуб именно Войновича долго отказывались принять, в результате чего он решил, что такой ПЕН никому не нужен.

Президентом перестроенного ПЕН-центра в 1989 году стал известный западник писатель Андрей Битов, а вице-президентами были при жизни поэты Андрей Вознесенский и Белла Ахмадулина. Я знал и Андрея, и Беллу, и даже не в их защиту, а справедливости ради отмечу здесь, что от политики они были далеки. И если они и фигурировали в разного рода политических акциях и партиях, то это происходило у Андрея по инициативе его собственной Боннер (я имею в виду жену академика Са-

харова Елену Боннер) – прозападной критикессы Зои Богуславской, которая активно сотрудничала после краха СССР с Борисом Березовским. Политическую позицию Беллы формировали в окружении ее мужа, театрального художника Бориса Асафовича Мессерера, Президента ассоциации художников театра, кино и телевидения Москвы, объединившей в основном лиц еврейского происхождения, все тех же «внутренних диссидентов» и оголтелых антисоветчиков. В 1979 году Ахмадулина участвовала в создании самиздатовского альманаха «Метрополь», подписывала сама, или от ее имени это делали, воззвания в поддержку советских диссидентов – Андрея Сахарова, Льва Копелева, Георгия Владимова, Владимира Войновича. Ее заявления в их защиту публиковались в «Нью-Йорк Таймс», неоднократно передавались по «Радио Свобода» и «Голосу Америки». А кончилось это тем, что ее подпись появилась под «расстрельным» «письмом 42-х» Ельцину.

Сейчас этим ПЕН-клубом руководят такие «русские» писатели сионистского толка, как Людмила Улицкая, Александр Городницкий, Евгений Бунимович и Вячеслав Пьецух.

Последней акцией Русской партии было знаменитое «Письмо 74-х», которое привело к открытой конфронтации внутри Союза писателей СССР, насчитывающего в то время около 11 000 человек. В результате ССП после событий августа 1991 года раскололся на два крыла: «патриотический» Союз писателей России (СПР) во главе сначала с Юрием Бондаревым, а затем с Валерием Ганичевым, и «демократический» Союз российских писателей (СРП), в руководство которого (во главе со Светланой Василенко с 1996 года) вошли известные либералы Юрий Карякин, Юрий Кублановский, Игорь Шкляревский и др.

Появление «Письма 74-х» было своеобразным жестом отчаяния русской интеллигенции, которую А. Н. Яковлев и его команда подвергли систематической травле с помощью таких своих рупоров, как «Огонек» Коротича. Поводом к написанию его первой редакции стал призыв запретить запланированный на 20–25 февраля 1990 года в Ленинграде культурно-просветительный фестиваль «Российские встречи» с участием писателей-«деревенщиков» Валентина Распутина, Василия Белова, Владимира Со-

лоухина, редакций и авторов журналов «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», а также газет «Литературная Россия» и «Московский литератор». Противники мероприятия публично заявляли, что оно будет «гнать националистическую волну», чем вызовет акты «хулиганства, насилия и, не дай Бог, кровопролития». В ответ на это в газете «Литературная Россия» 2 марта 1990 года было опубликовано «Письмо писателей России Верховному Совету СССР, Верховному Совету РСФСР, делегатам XXVIII Съезда Коммунистической партии Советского Союза», под которым поставили подписи 74 советских литератора – в том числе такие известные писатели, как Петр Проскурин, Леонид Леонов, Валентин Распутин, Александр Проханов, Юрий Ложиц, Вадим Кожин, Станислав Куняев, Юрий Кузнецов, Аполлон Кузьмин, Игорь Шафаревич и Владимир Кругин («Литературная Россия». № 9. 2 марта 1990 г.)

После избрания Президента СССР этот текст с небольшими дополнениями Юрия Бондарева и Марка Любомудрова был опубликован под названием «Письмо писателей, деятелей культуры и науки России Президенту СССР, Верховному Совету СССР, Верховному Совету РСФСР, делегатам XXVIII Съезда Коммунистической партии Советского Союза» («Наш современник». 1990. № 4. С. 136–145). В связи с заявлением, что текст открыт для подписания, под ним поставили подписи более тысячи советских деятелей литературы, искусства и науки. Вот что они заявили в этом документе:

«Под знаменами объявленной “демократизации”, строительства “правового государства”, под лозунгами борьбы с “фашизмом и расизмом” в нашей стране разнуздались силы общественной дестабилизации, на передний край идеологической перестройки выдвинулись преемники откровенного расизма. Их прибежище – многомиллионные по тиражам центральные периодические издания, теле- и радиоканалы, вещающие на всю страну.

Происходит беспримерная во всей истории человечества массированная травля, шельмование и преследование представителей коренного населения страны... Тенденциозные, полные национальной нетерпимости, высокомерия и ненависти публикации “Огонька”, “Советской культуры”, “Комсомольской правды”, “Книжного обозрения”, “Московских новостей”,

“Известий”, журналов “Октябрь”, “Юность”, “Знамя” и др. вынуждают заключить, что пасынком нынешней “революционной перестройки” является в первую очередь русский народ. Люди русского происхождения – ежедневно, без каких-либо объективных оснований именуется в прессе “фашистами” и “расистами”...»

Авторы «Письма-74-х» и подписавшие его тысячи лучших представителей русской интеллигенции без обиняков назвали главную причину этой пропагандистской вакханалии – русофобия.

«Русофобия в средствах массовой информации СССР сегодня догнала и перегнала зарубежную, заокеанскую антирусскую пропаганду, – говорилось в этом «письме». – Русский человек сплошь и рядом нарекается «великодержавным шовинистом», угрожающим другим нациям и народам. Для этого лживо, глумливо переписывается история России, так что защита Отечества, святая героика русского патриотического чувства трактуется как “генетическая” агрессивность, самодовлеющий милитаризм... “Прогрессивная” пресса, в том числе и органы ЦК КПСС, насаждает кощунственное понятие “русского фашизма”...»

Авторы письма предупреждали, этот ярлык внедрялся в массовое сознание для того, чтобы отвлечь внимание народа от внешних угроз, оправдать разрушение Советской Армии, дезавуировать победу СССР в Великой Отечественной войне, а также подтолкнуть граждан к «переосмыслению, упразднению как события и состава преступления такой реальности, как измена Родине, сотрудничество с иностранными фирмами и правительствами на основе предательства государственных интересов нашей страны». В общем и целом, как утверждалось в документе, усердно внедряемый фантом «русского фашизма» был призван «внушить самим русским комплекс вины, усугубить их ощущение национальной приниженности, подорвать до конца их национальное самосознание, поставить под сомнение русское чувство патриотизма в любом из его проявлений».

Особое неприятие авторов письма вызывала проводимая «передовыми» органами печати идеализация еврейского народа «как истинно интернационалистического, самого гуманного, самого талантливого, самого трудолюбивого и понесшего притом якобы наибольшие жертвы».

Так, в документе значилось:

«Не замечателен ли сам по себе факт, что фабрикация мифа о “русском фашизме” проходит на фоне стремительной реабилитации и безоглядной идеализации сионистской идеологии? Эта идеализация равно касается ныне и советских, и зарубежных культурных, общественных деятелей еврейского происхождения – в том числе политических деятелей фашистского государства-агрессора Израиля. Эта чисто расистская идеализация дошла ныне до игнорирования едва ли не всей мировой общественности с ее трезвыми оценками и выводами».

В обращении утверждалось:

«Некритическое, слащаво-умильное, по существу – раболепное отношение к еврейству в его прошлом и настоящем, к здешнему и зарубежному, к империалистам и сионистам в том числе, оказывается, с точки зрения ведущих средств массовой информации, главным мерилom личного, общественного, даже профессионального достоинства советских людей нееврейского происхождения».

Письмо требовало «положить конец антирусской, антироссийской кампании в печати, на радио и телевидении».

Заканчивалось оно следующими словами:

«Всегда помните о национальном достоинстве великороссов, завещанном нам нашими славными предками, тысячелетней историей России; ежедневно помните, что мы, русские, – высокоталантливый, геройски отважный, знающий радость осмысленного, созидательного труда, могучий духом народ. Что “русский характер”, “русское сердце”, бескорыстная русская преданность истине, русское чувство справедливости, сострадания, правды, наконец, – неистребимый, беззаветный русский патриотизм – все это никогда и никем не может быть изъято из сокровищницы человеческого духа» (см. Письмо писателей России. О русофобии // «Завтра». 1998. № 46 (259) – 17 ноября). Совершенно неожиданно для многих против «Письма 74-х» выступил Сергей Семанов, заявив, что его авторы занимаются «жидоедством» (Семанов С. Н. Дневник 1990 года // <http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/328/401/index.html>). Это обрело его в конечном итоге

на длительный бойкот со стороны Русской партии, посчитавшей такой «протест» предательством.

Обращение вызвало небывалый резонанс. (См. *Иванова Н.* Год Солженицына, или В поисках примиряющей идеологии: 1990 // *Иванова Н.* Ностальгическое: Взгляд на литературу новой России: 1990-е / Знамя: сайт журнала (Раздел «Виртуальная библиотека»). «Литературная Россия» опубликовала в те дни немало откликов, которые свидетельствовали о том, что писатели патриотического крыла выразили законные опасения русского народа нагнетанием в СССР русофобии, которая не впервые в нашей истории оборачивалась геноцидом русского народа.

Но господа перестройщики продолжали гнуть свою антирусскую линию, иезуитски прикрываясь то Марксом, то Лениным. Ленин, по свидетельству Молотова, видел главную опасность для большевизма в «великорусском шовинизме», то есть в патриотических чувствах русского народа. Уже после того, как большевики узурпировали власть в России, Ленин писал в одной из своих записок: «...Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой “великой” нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу» (*Ленин В. И.* ПСС. Изд. 5-е, Т. 45. С. 360). Основную помеху в претворении своих антирусских идей в жизнь Ленин усматривал в приверженности русского человека к добру, в его добротолюбии. Как вспоминал Троцкий, «Владимир Ильич говорил: “Главная опасность в том, что добер русский человек... Русский человек рохла, тютя”». Ненависть и презрение к русским у Ленина с приходом к власти приобрели воинствующий характер. Его записки часто полны эпитетов «дурак», «идиот» применительно к нашему народу. «“Русским дуракам раздайте работу”, – любил говорить Владимир Ильич» (*Шульгин В.* Что нам в них не нравится? С. 157–158).

Причины ленинской русофобии нельзя объяснить только его происхождением от еврея Моше Бланка. Ленин был последовательным «интернационалистом» и марксистом в «русском вопросе» – ведь Маркс и Энгельс были известными русофобами и открыто выступали за уничтожение «реакционного» славянства, прежде всего русских. И когда стало ясно, что русский народ большевистскую революцию принимать не хочет, Ленин вспомнил о том, что говорили «классики» о «ненависти к русским» как о «революционной страсти»:

«...Борьба, беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть со славянством, предающим революцию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм... в интересах революции!» (Это письмо не было включено в собрание сочинений Маркса и Энгельса. Оно было написано Ф. Энгельсом 14–16 февраля 1849 года и напечатано в «Neue Rheinische Zeitung»: № 222–223. 15–16 февраля 1849 г.) Позднее Маркс уточнил направление главного удара, предсказав помимо всего прочего и Первую мировую войну, и геноцид русского казачества, осуществленный большевиками: *«В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом...»* (выделено мной. – В. Б.). Ближайшая борьба с Россией выдвинет великий вопрос: быть Европе конституционной или казацкой» (Маркс К. Из письма к Энгельсу. Париж, 1865).

Антирусские пристрастия Ленина проявлялись, прежде всего, в подборе руководящих кадров правительства и партаппарата. Назначение евреев на разные ответственные посты стало у Ленина государственной политикой. Молотов рассказывает, что однажды по поручению Ленина сформировал комиссию, не назначив туда ни одного еврея. Ленин, узнав об этом, запротестовал: «Ни одного еврейчика? Нет, ничего не выйдет!» (Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 273 // http://thelibrary.ru/books/platonov_oleg_anatolevich/istoriya_russkogo_naroda_v_xx_veke_tom_1_glavy_39_81-read-13.html). По словам Л. М. Кагановича, Ленин постоянно настаивал, чтобы в любом советском учреждении либо сам руководитель, либо его ближайший заместитель был обязательно евреем (Чуев Ф. Так говорил Каганович. М., 1992. С. 100).

«Верные ленинцы» М. С. Горбачев и А. Н. Яковлев тщательно следили за тем, чтобы «заветы Ильича» скрупулезно выполнялись. Десятилетиями прививавшееся русскому народу «чувство вины» перед евреями и другими народами СССР обернулось не только тем, что русские жили беднее их всех, но и подавлением русского национального самосознания, национальной гордости великороссов, перед которой расшаркивался при необходимости, но и боялся до истерики «вождь мирового пролетариата». И те, кто, как Семанов, обвинял лучших представителей русской интеллигенции, вставшей на защиту национального достоинства русского народа в преддверии распада СССР, не могли или не хотели понять, что сионизм и русофобия – это две стороны одной и той же медали, также как сионизм и антисоветизм – это дополняющие друг друга понятия. Подобное идеологическое легкомыслие и обернулось потерей нашей советской родины, крупнейшей геополитической катастрофой XX века.

Глава десятая

«ВАЖНЫЙ ИДЕОЛОГ ПАРТИИ»

Наведение мостов

С того момента, как в 1918 году в Вашингтоне приняли на вооружение известный «план полковника Хауса», предусматривавший раздел России, на Западе менялись лишь средства, формы борьбы с коммунистической идеологией и с социализмом, с обществом, на этой идеологии основанным. Но главным в этом крестовом походе была борьба за уничтожение русского народа и государства Российского. Когда мы слышим призывы какого-нибудь американского генерала «убивать как можно больше русских» или вопли Ю. Тимошенко о намерении «уничтожать Россию

ядерной метлой», не надо думать, что это плод какой-то истерики. Они действительно осознанно и убежденно именно этого и добиваются.

Все разговоры и декларации о приверженности Вашингтона и союзников США по НАТО идеалам свободы и демократии в наши дни после агрессии США в Индокитае, преступных бомбардировок Ливии, Ирака и других кровавых преступлений уже обманывают только тех, кто сам хочет обмануться. Цену заокеанского «гуманизма» все знают.

Конечно, будь в Пентагоне уверены, что не получат сокрушительного ответного удара, Россию давно бы превратили в одну большую Хиросиму.

Говорят, что первым понял это президент США Джон Ф. Кеннеди после кубинского кризиса 1962 года. Ныне рассекреченные материалы показывают, что в Пентагоне стали понимать это гораздо раньше – во время войны в Корее в 1952 году, где советские летчики за несколько месяцев уничтожили в воздушных боях более 1500 американских военных самолетов, включая бомбардировщики В-29, которые использовали при нанесении ядерных ударов по Хиросиме и Нагасаки летом 1945 года. Увы, в Вашингтоне и по сей день понимают только язык силы. Как показали последние события в Сирии, Россию в Белом доме перестали именовать «второстепенной региональной державой» только после того, как убедились, что она восстановила свою военную мощь до такого уровня, что по ряду параметров превосходит сейчас Соединенные Штаты. Вот поэтому, как и в 60–70-е годы, во время «холодной войны» против СССР, ставка делается на разложение нашего государства и общества изнутри с целью последующей «балканизации», т. е. развала России на несколько слабых государств, лишенных всех средств защиты от внешнего врага.

Мне не раз приходилось спорить и на Западе, и в России с интеллектуалами и политиками по поводу того, действительно ли в США и НАТО вынашивают такие людоедские планы. Характерно, что мои оппоненты приводили в опровержение моих слов в первую очередь несовместимость ядерного людоедства с таким гуманизмом, который утверждали в своих произведениях лучшие представители американской литературы и искусства – от Уолта Уитмена до Уильяма Фолкнера. С этим было бы глупо не согласиться. Так же, как нелепо было бы отождествлять банду Адольфа

Гитлера с великими немецкими гениями от Бетховена и Вагнера до Шиллера и Гете, и в России всегда умели видеть и понимать эту разницу.

Милитаризм и ненасытность тех, кто реально правит Америкой и хочет управлять таким же образом всем остальным миром через свое суперолигархическое «мировое правительство», в котором представлен и сионистский капитал, но на правах младшего партнера, – это явление совершенно иного порядка. Гуманизм, нравственность, духовность – это понятия совершенно иного ряда, абсолютно несовместимые с мировосприятием и деятельностью мирового олигархата. В своей журналистской практике я не раз убеждался в том, что именно это «правительство» стоит за изматывающей мировую экономику гонкой вооружений и всеми теми подрывными операциями, которые были нацелены на уничтожение России и русского народа. К гуманизму они имеют не большее отношение, чем киборги. Да и сами они – киборги наживы, которые действуют по раз и навсегда вложенной в них программе и не могут остановиться, пока их кто-то не остановит.

Москва, 1981 г. В. Большакову вручают литературную премию им. Николая Островского.

В начале 60-х годов стратеги новой тактики борьбы с коммунизмом переходят от примитивного антикоммунизма времен «холодной войны» на позиции «озабоченности» судьбами социализма, предпринимая, по словам секретаря Компартии США Гэса Холла, попытку «наведения подпольных идеологических туннелей» в социалистические страны, используя так называемую доктрину мирного объединения стран, «теорию конвергенции», суть которой сводится к тому, что «капитализм и социализм в процессе развития, в конечном счете, сблизятся друг с другом, сольются». Венгерский ученый Янош Берец в своей книге «Что такое тихая контрреволюция?» в числе авторов этой «теории» называет американца Уолта Ростоу и француза Раймона Арона (*Berecz J.. Mi a csendes elenforradalom? Budapest, 1970. Old. 13*).

Ростоу, выходец из семьи российского бундовца Ростова, один из ближайших советников президента США Л. Джонсона, в свое время долго служил в разведке, выполняя задания ЦРУ, работая в Массачусетском институте. Ростоу был одним из авторов политики эскалации агрессии во Вьетнаме и антикоммунистической доктрины, названной именем Джонсона. От идеи установления гегемонии империализма США, составлявшей основу «доктрины Джонсона», Ростоу не отказался и в своей книге «Некоммунистический манифест», в которой разрабатывались основы теории конвергенции («*New Republic*». 1967, November, 4). Из Белого дома Ростоу ушел вместе с Джонсоном, став скромным профессором Техасского университета. Но и в этом амплуа, как профессиональный антикоммунист и активный функционер международного сионизма, Ростоу продолжал разрабатывать тактику новых идеологических диверсий против стран социализма.

Раймон Арон, один из владельцев и главный редактор газеты «Фигаро», был известен не только многочисленными трудами в области международных отношений, не только своими «панегириками» капитализму, но и как активный сионист. В своем письме на имя Брюссельской конференции сионистов, в которой его пригласили участвовать, он подтвердил, что полностью ассоциирует себя с поставленными конференцией целями, с ее махровым антисоветизмом.

Ростоу и Арон, несомненно, были не единственными антикоммунистами, приложившими руку к теоретизированию в области «советологии» и к разработке тактики идеологической войны против СССР и других социалистических стран. Сионисты составили весьма значительный контингент в армии «советологов», «кремленологов», сотрудников «русских», «советских» и тому подобных антикоммунистических центров. Так, пост главного редактора американского журнала «Проблемы коммунизма» (*Problems of Communism*), который издавался поначалу правительственным информационным агентством ЮСИА и претендовал на роль главного «аналитика» проблем социализма и теории коммунизма, занимал Абрам Брэмберг, известный своими широкими связями с подрывными службами международного сионизма. Журнал был хорошо осведомлен и сумел предсказать развал СССР, что с удовлетворением отметил один из историков сионизма Уолтер (Вальтер) Лакер (см.: *Walter Laqueur. The Dream that Failed: Reflections on the Soviet Union. Oxford [Oxfordshire]: Oxford University Press, 1994. P. 187*). После 1992 года журнал издается теперь частной фирмой и выходит раз в два месяца под названием «Проблемы посткоммунизма» (*Problems of Post-Communism*). А главным его редактором стал Дмитрий Горенбург (*Dmitry P. Gorenburg*). Из «наших». Он родился в 1970 году в Ленинграде. С 1979 года живет в США, где окончил Принстонский университет. После работы в Пентагоне был переброшен на журналистику и исследования проблем национализма и сепаратизма на постсоветском пространстве, Тема, как понимаете, очень перспективная для развала теперь уже России.

Автором ряда работ по проблемам международных отношений и коммунизма не раз выступал Ганс Моргентау, руководитель Центра по изучению внешней и военной политики США при Чикагском университете, профессор Нью-Йоркского университета, считающийся в США представителем так называемой школы политического реализма. Этот «реализм» Моргентау проявил в полном цвете, требуя в своем докладе в 1972 году на антисоветской Брюссельской конференции сионистов «усовершенствованных средств нажима на правительство Советского Союза».

Сионисты заняли важные посты в ряде «русских центров» при Гарвардском университете, Институте по изучению современной России при

Фордхэмском университете, Институте по изучению свободы и коммунизма при Сент-Луисском университете и так далее. Так, Морис Фридберг, профессор славянских языков и литературы, возглавлял Русский и Восточноевропейский институт при университете штата Индиана, известный как один из ключевых центров «советологии». Перу Фридберга принадлежит немало антисоветских трудов, в частности публикация «Антисемитизм как орудие политики в советском блоке». Фридберг активно участвовал во всех антисоветских акциях Американской конференции о положении советских евреев и других сионистских организаций. Джерри Гудман, активный функционер Американского еврейского комитета, также выступал в роли специалиста по «восточноевропейским делам». В ряде своих работ ратовал за «независимость» восточноевропейских стран от Советского Союза. Статьи Гудмана регулярно публиковались и в чисто сионистской печати, и в общеамериканских газетах и журналах.

Рональд Рубин, доцент кафедры общественных наук Городского университета Нью-Йорка, известен как специалист в довольно узкой области «советологии»: он автор ряда работ, посвященных проблеме «Советские евреи в ООН»; один из тех, кто разрабатывал стратегию «обсуждений» положения евреев в СССР в специализированных органах ООН. Рубин был тесно связан с сионистским Координационным советом еврейских организаций. В него входят «Бнай-Брит», Совет представителей английских евреев и Южноафриканский еврейский совет представителей, которые, по свидетельству «Американского еврейского ежегодника», выступали «с самыми яростными нападка на Советский Союз в ООН» (American Jewish Year Book. 1970. P. 141–159).

В многонациональной когорте «советологов», действующих в США, хорошо известны и такие «теоретики» антикоммунизма из числа сионистов, как: профессор Флоридского Атлантического университета Сеймур Либман – специалист по Кубе; Моше Дектер – автор ряда исследований о «советском еврействе»; видный советолог Рой Эттингер выступал по этой же «проблеме» на конференции в Брюсселе. С «исследованиями» в области «советологии» подвизаются А. З. Рубинштейн, Дж. Уорбург, Герберт Динерштейн, Уильям Кори, Инна Шлезингер, Джошуа Ротенберг, Ри-

чард Пайпс, Р. Эбенштейн, Джон А. Армстронг и ряд других «ученых» от сионизма (см. Documents... American Jewish Conference on Soviet Jewry, a Summary Report on Activity. P. 13–14. 1970).

Сионистский капитал щедро финансировал деятельность антисоветских, антикоммунистических центров. В свою очередь эти центры всячески помогали деятельности сионистов-советологов, активно используя их в своих целях. Так, известный американский советолог Леон Шапиро, автор «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (в сионистском варианте, разумеется), писал в своем предисловии: «Предложение написать настоящую книгу было получено мной от руководителей исследовательской программы по изучению КПСС, финансируемой Фондом Форда и руководимой Межуниверситетским комитетом. Эта организация оказала мне помощь в ряде областей и дала возможность получить печатные материалы и микрофильмы, которых в противном случае мне не удалось бы увидеть, обеспечила квалифицированную помощь и средства на поездку, а также для сбора материалов, в том числе и возможность пробыть с этой целью два месяца в Нью-Йорке, и предоставила в мое распоряжение рукописи исследований и мемуаров, подготовленных в соответствии с программой ее работы. Я глубоко благодарен за всю эту материальную поддержку, которая оказывалась мне членами комитета на протяжении всего времени, за их полезные советы».

В деятельности Фонда Форда, как известно, принимает активное участие сионистский капитал, в частности представленный миллионером-сионистом Сидни Уэйнером. Межуниверситетский комитет, упомянутый Шапиро в его благодарственном слове, – это уже чисто сионистская организация, действующая при «Национальном совете молодого Израиля». И, наконец, сам Леон Шапиро, лектор университета Ратгерса в Нью-Брансуике, – активный сионист, автор многих работ о «положении евреев в Советском Союзе и Восточной Европе». Его статьи на эти темы регулярно публиковали сионистский «Американский еврейский ежегодник», журнал «Комментари» и прочие сионистские издания. Сионисты активно трудились в антикоммунистических центрах не только США, но и других капиталистических стран.

В Австралии с рядом работ по «советологии» выступил Поль Лендвай, автор книги «Антисемитизм без евреев: коммунистическая Восточная Европа». Его «труды» охотно печатает сионистская пресса США, в частности «Камментари», «Америкен Зайонист» и другие. Книга другого «советолога» от сионизма, Иси Лейблера, «Советские евреи и права человека» также опубликована в Австралии.

В мюнхенской «Народной высшей школе» проблемами ГДР занимался сионист Ганс Ламм. В Англии с рядом антисоветских работ выступили в годы «холодной войны» активные сионисты Тибор Сэмюэли, бежавший в 1956 году из Венгрии, и «литературовед» Леопольд Лабек, Морис Кронстон и ряд других. Всемирную известность получил автор ряда работ о «Большом терроре» в СССР сионист Роберт Конквест, преподававший одновременно в Лондонской школе экономики и политических наук и в Русском институте Колумбийского университета. В начале апреля 1972 года Т. Сэмюэли и Р. Конквест основали антисоветский бюллетень «Soviet Analyst», в предисловии к которому оповестили читателей, что будут держать их «в курсе дела в отношении советской действительности, советской политики в Восточной Европе, на Ближнем Востоке и Индийском океане».

В конце 60-х годов, как отмечалось в тезисах XVI съезда Компартии Израиля, «израильское правительство приняло линию, официально отождествляющую внешнюю политику Израиля с идеологической борьбой сионизма против СССР и других социалистических стран». «В этой борьбе, – подчеркивалось на XVII съезде КПИ, состоявшемся в июне 1972 года, – против социалистического лагеря, и в основном против Советского Союза, империализм мобилизует себе на службу сионистские организации и правительство Израиля, которые предоставляют все политические средства и средства связи, имеющиеся в их распоряжении, империализму для его глобальной борьбы против Советского Союза и коммунизма» (IB CPI 3/4 – 69. Tel-Aviv, 1969. P. 201).

Сионистские «специалисты по делам России и Восточной Европы» в США, Израиле и других странах мира выполняли социальный заказ, за что на Западе неплохо платили. Но дело было не только в деньгах. Для осуществления своих специфических целей международный сионизм,

как правило, прибегает в первую очередь к помощи преданных ему интеллектуалов из числа лиц еврейского происхождения. Их используют и для обоснования антинаучной теории «всемирной еврейской нации», и для «научного» подкрепления расистских концепций о «превосходстве» евреев над всеми другими народами, о чем можно судить по «трудам» Наума Соколова, Л. Пинскера, Мартина Бубера, Шац-Анина, Джастиса Брандиса и др. Их же мобилизовали и на глобальную борьбу с коммунистическим и рабочим движением, с социализмом.

В этой борьбе западным агентам влияния в СССР, среди которых было немало убежденных сионистов, была отведена роль своеобразных «жуков-точильщиков», «разрыхлителей» коммунистической убежденности. Эта роль обусловлена теориями «эрозии», «размывания», «выхолащивания» коммунизма, разработанными в антикоммунистических лабораториях США и других государств при самом активном участии сионистов. Разрушающую силу этих «теорий» они сумели использовать как взрывное устройство для раскола социалистического содружества, для «деидеологизации», то есть «декоммунизации», общественного сознания в странах социализма.

Роберт Кайзер и другие

В начале 70-х годов я опубликовал в «Правде» целую серию статей под рубрикой «С идеологического фронта». Речь в них шла как раз о «жуках-точильщиках» и о рытье «идеологических тоннелей» в соцлагерь. Статьи эти были замечены и в западной прессе, где их активно комментировали. 26 января 1972 года в газете «Вашингтон пост» появилась статья ее московского корреспондента Роберта Кайзера (будущего главного редактора этой газеты) под заголовком «Новый сокрушительный удар по политическому диссидентству». Статья эта последовала за процессом над известным диссидентом, будущим лидером «Интернационала сопротивления коммунизму» Владимиром Буковским. Он состоялся в Москве 5 января 1972 года. Буковский, которого в «Правде» за год до этого на-

звали в редакционной статье «хулиганом, устраивающим антисоветские провокации», был приговорен тогда к 7 годам заключения и 5 годам ссылки, но выпустили его раньше. 18 декабря 1976 года Буковского обменяли на лидера Коммунистической партии Чили Луиса Корвалана, которого диктатор Пиночет бросил в тюрьму после фашистского переворота. По Москве тогда ходили неприличные частушки:

Обменяли хулигана
На Луиса Корвалана
Где б найти такую б...,
Чтоб на Брежнева сменять?

Вряд ли частушки эти вышли из народа. Скорее, из антисоветского подполья, которое всерьез активизировалось к тому времени. Были арестованы тогда несколько человек из окружения диссидента Петра Якира, сына расстрелянного в 1937 году маршала, появились резко критические статьи в адрес Александр Солженицына. Перечислив все эти факты, Кайзер писал в своей статье: «Эти события совпали с призывами к членам партии сохранять бдительность перед лицом зарубежных подрывных идей. Так, например, *важный партийный идеолог Владимир Большаков* (выделено мной. – В. Б.) писал недавно в “Правде”, что действия сил контрреволюции в Чехословакии в 1968 году... были попыткой реализовать новую тактику борьбы империализма против социализма, тактику, известную под именем “политики наведения мостов”. Западные “наводчики мостов, – добавил Большаков, – надеются, что по этим мостам удастся вместе с промышленными товарами экспортировать контрреволюцию в страны социализма”. Партийные идеологи явно опасаются, что нечто подобное “Пражской весне” возникнет и в Советском Союзе» («The Washington Post». 1972, January, 26).

И далее Кайзер, оказавшийся весьма проницательным аналитиком, пишет: «Конечно, КГБ проводит аресты диссидентов и контролирует наиболее важные события интеллектуальной жизни в этой стране. Они могут судить диссидентов, запрещать книги, фильмы, пьесы и делают это регу-

лярно. Но это не порождает того тотального подчинения, которое наблюдалось во времена террора. А без такого подчинения неизбежны проявления смелого, а то и отчаянного диссидентства. Ваш корреспондент убедился в этом на собственном опыте, беседуя с некоторыми весьма ответственными советскими официальными лицами, доверенными членами Коммунистической партии, которые дали понять, что недовольны цензурой и ограничениями на поездки за рубеж... Если подобные настроения действительно имеют широкое распространение, то те небольшие группки, которые их уже не скрывают, скорее всего, будут действовать в соответствии со своими убеждениями. Этим, собственно, и занимается диссидентство в современном Советском Союзе. Пока Брежнев и его коллеги добились стабильности. Но, возможно, внешнее давление будет способствовать переменам. Впрочем, это только мое предположение» (там же).

Почти за двадцать лет до развала СССР Кайзер, корреспондент влиятельнейшей американской газеты, принадлежащей сионистскому семейству Шиффов, а в будущем и ее главный редактор, сформулировал стратегию подрывных действий против Советского Союза. Поощрение диссидентского движения одновременно с его поддержкой из-за рубежа и оказанием внешнего давления на руководство СССР с требованиями «не нарушать права человека» и не трогать диссидентов должны были расшатать тот фундамент, те идеологические скрепы, которые обеспечивали единство советского общества. Собственно, по этой методе и действовали в Вашингтоне, используя своих агентов влияния в нашей стране еще до прихода к власти Горбачева. Ну, а уж при нем...

1972 год стал знаковым в советско-американских отношениях и положил реальное начало разрядке международной напряженности, за которую советское руководство выступило сразу же после смерти Сталина. Сейчас мало кто помнит, что и автором термина «разрядка» был не Хрущев, не Брежнев, а Г. М. Маленков. В своей статье Роберт Кайзер, кстати, отметил, что советское руководство, несмотря на достаточно жесткую позицию в идеологическом противостоянии с Западом, всячески поощряло контакты с Западом. Больше советских людей стали ездить за границу, Москва активно заманивала иностранцев через Интурист «посмотреть СССР».

Конечно, все эти контакты строго контролировали не только партийные комиссии в виде Отдела выездов в ЦК КПСС, где утверждали даже состав советских туристических групп, после того как они проходили через фильтр «комиссии ветеранов», действовавших при всех райкомах КПСС, но и, прежде всего, КГБ, который действовал в тесном контакте с Отделом выездов и с этими комиссиями. За всеми контактами советских людей с иностранцами следила целая армия оперативников и стукачей КГБ, «наружка» и многочисленные комсомольские активисты и бригадмил. Пятое управление КГБ СССР во главе с генералом Бобковым держало под контролем всю творческую и научную интеллигенцию СССР. Не доверяли никому. Даже партийным журналистам. И конечно, такие люди, как Роберт Кайзер, не могли этого не знать и не видеть.

С Кайзером мы встретились во время визита президента США Ричарда Никсона в Москву, состоявшегося 22–30 мая 1972 года, в пресс-центре этого исторического советско-американского саммита в гостинице «Интурист». Я ему так и представился, процитировав его статью по-английски, — «Владимир Большаков, важный партийный идеолог». Он улыбнулся и сказал: «Вот вы какой. А я думал, что вам, по меньшей мере, за пятьдесят». А потом спросил, почему приняты такие меры безопасности. Еще за триста метров до входа в отель «Интуриста» улица Горького (ныне Тверская) была перекрыта. Патрули КГБ тщательно проверяли документы всех входящих и выходящих. Посторонняя муха не проникла бы в этот пресс-центр, не говоря уже о самой гостинице, куда и мы проходили не по редакционным удостоверениям, а по специальным пропускам. Я, как мог, объяснил, что такие меры безопасности, очевидно, приняты на случай, если на пресс-конференцию в «Саввой» придет сам Никсон. Но, конечно, он туда не приехал, и брифинги проводил его пресс-секретарь.

Тот визит Никсона был действительно историческим. Тогда в ходе его встреч с Л. И. Брежневым были подписаны Договор по ПРО и Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), а также ряд других двусторонних соглашений, положивших начало долговременному сотрудничеству СССР и США в самых различных областях — от космоса

до защиты окружающей среды. Каждый день вместе с Сергеем Вишневым мы передавали в «Правду» прямо из пресс-центра сообщения о ходе этих переговоров. Естественно, в этих репортажах ни слова не было об обострении идеологической борьбы с империализмом – пиетет надо было соблюдать, – но и не было того захлебывающегося восторга по поводу «возрождения разрядки», которым отличались «Известия» и другие газеты, а был, скажем так, осторожный оптимизм.

Пресс-центром заведовал капитан КГБ Вадим Бирюков. Был он помимо этой своей секретной деятельности действительно неплохим журналистом и неплохим человеком тоже. Он вместе с нами присутствовал на всех брифингах, которые проводились по итогам каждого дня переговоров, как корреспондент Агентства печати «Новости» и заодно присматривал за нами – советскими и, главным образом, иностранными корреспондентами, аккредитованными при пресс-центре. Как мы могли судить по последствиям его надзора, на нас Вадим не стучал. Даже когда один из моих коллег слегка перебрал в баре с иностранными напитками и настойчиво продолжал требовать «еще джина с тоником», он уладил этот инцидент так, что этого даже никто из присутствовавших не заметил.

Судьба Вадима вскоре после этого сложилась трагично. Из КГБ его вышибли, так как узнали, что у него завязался роман с нелегалкой. Он долго не мог устроиться на работу и как-то пришел ко мне в «Правду» и попросил опубликовать что-нибудь под его именем, чтобы, как он говорил, «реабилитироваться». Я поручил ему колонку комментатора, и он написал ее практически безукоризненно. На следующий день она появилась в «Правде» за его подписью. Потихоньку его стали печатать в Москве и в других газетах и журналах. В последние годы существования СССР Вадим основал журнал «Деловые люди», который имел большой успех, и в начале 90-х годов мы с ним встретились в Париже, где он договорился о совместном выпуске своего журнала с французским издательством газетного магната Робера Эрсана, владельцем правой газеты «Фигаро» (в наши дни газета принадлежит авиационному магнату Сержу Дассо). Он производил впечатление очень успешного человека. Мы посидели в кафе, выпили по чашке кофе, и он сказал, что с КГБ у него все кончено и теперь он зани-

мается только бизнесом. Сотрудничество его с Эрсаном, однако, долго не продлилось. В те лихие 90-е даже с такими связями, как у Вадима Бирюкова, было трудно выстоять в бизнесе. Однажды его нашли мертвым в его гараже связанным по рукам и ногам скотчем. Видимо, его зверски пытали. После этого журнал его перестал выходить. Убийц так и не нашли.

Танец у пирамид

В конце сентября 1973 года после моего долгого невыезда из-за многочисленных «телег» из Чехословакии от моих «либеральных коллег», меня вызвали на инструктаж в Международный отдел, где Милованов сообщил, что мне поручено отправиться в Египет в составе делегации партийной печати СССР. Миссия была почетная, но скорее протокольная, чем деловая. В «Правде» никто не возражал, мне быстро оформили паспорт и визу. В Каир мы прилетели к вечеру 5 октября. Накануне отлета я созвонился с Анатолием Агарышевым, который там все еще работал собкором «Комсомолки». Он встретил меня в аэропорту, и мы вместе с ним уехали смотреть ночной Каир, благо, что в тот вечер у нашей делегации кроме неофициального ужина не было ничего запланировано.

Каир – город не просто шумный и перенаселенный, он еще и по-восточному сумбурный и бестолковый, и без проводника разобраться в нем поначалу просто невозможно. Анатолий же с его свободным арабским и прекрасным знанием местных обычаев чувствовал себя в нем, как рыба в воде. Он привез меня в «Голубиное кафе», где подавали жаркое из голубей, излюбленное блюдо жителей Каира. Мы проговорили до полуночи, после кафе еще долго бродили по городу. Его интересовало все, что касалось «Правды», и особенно то, как готовились и проходили мои статьи в «Правде», от которых он был в восторге. «Не думал никогда, – радовался он за меня, – что “Правда” сумеет так блестяще выступить против сионизма. Это благодаря тебе, молодец». Я не мог и подумать, что вижу его в последний раз. Он говорил, что арабы никогда не смирятся с оккупацией Израилем их земель, хотя с самим существованием Израиля им рано или

поздно придется примириться, хотя бы потому, что в состоянии перманентной войны жить нельзя. Он ожидал новой войны. «К ней готовятся и в Египте, и в Сирии, в Ливане и в Иордании, – говорил Анатолий. – У меня такое ощущение, что вот-вот рванет».

Ощущение его не обмануло. Арабы решили взять реванш за поражение в семидневной войне 1967 года и избрали для нападения праздник Йом-Киппур, самый важный из праздников в иудаизме – день поста, покаяния и отпущения грехов. Именно в этот день в пустыню отпускают знаменитого «козла отпущения», возлагая на него ответственность за все совершенные за год грехи. Но на этот раз удалиться в Синайскую пустыню от берегов Суэцкого канала пришлось израильтянам. Йом-Киппур как раз и пришелся на 6 октября, на следующий день после нашего прилета в Каир. Египетские войска перешли Суэцкий канал и нанесли сокрушительное поражение израильским войскам в зоне канала и на Синае. В стране царил ликование. По радио и телевидению передавали победные репортажи, которые активно иллюстрировали по телевидению фото- и кинокадрами подбитых израильских танков и колонн пленных израильтян.

В тот день в честь нашей делегации устроили роскошный прием. Египет – светское государство, и законы ислама там соблюдают далеко не все. Поэтому вино и виски на приеме лились рекой, закуски сменяли еще более изысканные блюда, и царила такая атмосфера торжества и братства – все понимали, что без советского оружия и наших советников о такой победе невозможно было б и мечтать, – что даже не верилось, что египтяне – народ, сдержанный на эмоции. В конце приема нам преподнесли особый подарок – концерт с народными танцами и песнями, кульминацией которого стал танец живота. До этого я никогда ничего подобного не видел и смотрел на танцовщиц, которые вошли в зал, бешено крутя бедрами, как из «Сказки Шехерезады», не веря в реальность происходящего. Но реальность вскоре дала о себе знать. Наступление египетских войск захлебнулось. Израильтяне контратаковали.

На следующий день после приема мы должны были ехать к Суэцкому каналу. Нам обещали переход через канал по понтонной переправе и поездку на Синай. Привезли нас в город Алькантара, который Суэцкий ка-

нал рассекает надвое. Западная часть, где стояли египетские войска, была почти полностью разрушена. Со стороны Синая израильтяне изощренно обстреливали этот город – снарядами создавали рисунки на стенах обрушенных домов то в виде Звезды Давида, то вырубали какие-то надписи на иврите. А люди между тем все еще жили в этом аду. На улице нам повстречался египтянин с маленькой девочкой на руках. В ее глазах застыл такой ужас, что меня это заставило вспомнить свое детство в Сычѳвке под фашистской оккупацией. Ничто так не калечит детскую психику, как постоянные обстрелы и бомбардировки. Привыкнуть к этому невозможно. Мы отдали им наши завтраки, которыми нас нагрузили в дорогу. Они приняли их, не суетясь, с удивительным достоинством, как отец, так и малышка, и скрылись в руинах. Там где-то было их жилье.

С переправой на Синай у нас ничего не вышло. Мы попали под обстрел израильтян и укрылись в подвале какого-то административного, судя по тому, что над ним реял египетский флаг, здания. Стреляли ракетами. Никогда раньше не слышал, как они звучат. Раздался какой-то многократный вой, чем-то похожий на завывание поезда метро, набирающего скорость в тоннеле. О том, что это все же обстрел, напомнил только песок, посыпавшийся с потолка подвала после взрыва ракеты поодаль. Египтяне, видимо, к таким обстрелам привыкли и спокойно пили крепко заваренный кофе, который нам принес официант в белой галабии. Как только обстрел кончился, нас отвели к автобусу и мы поехали обратно в Каир. Город потускнел. Огней было заметно меньше. Только кабаре «У пирамид» по-прежнему светилось всеми огнями радуги, заманивая туристов рекламами танцовщиц живота.

В Египте меня ожидал сюрприз. Там перевели мою книгу «Сионизм на службе антикоммунизма» на арабский язык, правда, в сокращенном варианте. Это обеспечило мне столь же неожиданную популярность. Мои египетские коллеги, видимо, впервые в жизни встречались с русским специалистом по проблемам сионизма. Для меня это тоже было чрезвычайно интересно. Я увез из Каира целый чемодан книг по сионизму на английском языке, о которых раньше ничего не знал. Позже я использовал их в своих статьях и в работе над книгами на эту тему. Мои

собеседники, среди которых были и обосновавшиеся в Египте ученые-палестинцы, знали, что такое сионизм не только в теории, а встречались с ним лицом к лицу и в ежедневной жизни на оккупированных Израилем территориях, и на поле боя. Вся проблема противостояния сионизму открылась для меня в тех каирских беседах с ними с совершенно иной стороны, я ее увидел как бы живьем.

В перерывах между встречами с нашими коллегами и дискуссиями о ситуации на Ближнем Востоке мне все же удалось с помощью Толи Агарышева лучше узнать Каир и даже побывать у пирамиды Хеопса, куда нас провели его знакомые. Пирамида эта при всей своей громадности не давит, как это ни странно, и, войдя внутрь ее, не испытываешь клаустрофобии или какого-то иного угнетающего ощущения. Напротив, чувствуется какая-то легкость, особенно когда из какого-то узкого прохода попадаешь в большую залу гробницы. Еще далеко не все тайны этой великой древней цивилизации удалось открыть, и, наверное, познавать их будут еще долго. Я уезжал из Египта с твердой уверенностью в том, что его народ рано или поздно вновь обретет свое утраченное величие, хотя ему и не удалось взять реванш в той, как ее называли, «Войне Судного дня» 1973 года, которая началась тогда на моих глазах.

Глава одиннадцатая

ПО ДОРОГАМ ПЯТОГО КОНТИНЕНТА

Джин с тоником и немного шока

Видимо, с подачи Роберта Кайзера, представившего меня в своей статье как «важного партийного идеолога», да и в связи с частым упоминанием моего имени в откликах зарубежной прессы на мои статьи под рубрикой «С идеологического фронта» и на мои международные обозрения,

меня стали часто приглашать на приемы в иностранные посольства в Москве, в том числе и в посольство США. Формально нам никто посещать такие рауты не запрещал, но на всякий случай надо было о полученном приглашении информировать редактора «Правды» по соответствующему региону. Никто, как правило, не возражал – ни редактор по странам Европы Владимир Михайлов, бывший долгое время собкором «Правды» в ФРГ, ни Георгий Ратиани, шеф американского отдела. Только шеф отдела Азии и Африки Павел Демченко всегда перед тем, как дать разрешение пойти кому-нибудь на прием в посольство страны его афро-азиатской епархии, всегда отвечал: «Я посоветуюсь». Понятно с кем. Но и там, как правило, не возражали.

В посольстве США в начале 1974 года меня познакомили с новым советником-посланником и заместителем главы миссии Джеком Мэтлоком. Его назначение в Москву, конечно, не случайно совпало с эскалацией идеологической агрессии США против СССР и других социалистических стран. Это был зубр американской советологии, крупный специалист по проблемам идеологии и пропаганды. Темой его диплома было «Функционирование “руководящих органов” Союза писателей СССР». Он прекрасно знал русский язык и в 1953–1956 годах преподавал русский и литературу в Дартмутском колледже. В 1971–1974 годах Мэтлок стал директором по советским делам госдепартамента США, и с этого поста его направили в Москву. В дальнейшем вся его карьера была связана с СССР и другими соцстранами. Вернувшись в Вашингтон из Москвы, он работал в аппарате Совета национальной безопасности, а в 1981–1983 годах его направили послом США в Чехословакии. Затем в течение трех лет при Рональде Рейгане он работал специальным помощником президента и старшим директором по делам Европы и СССР в Совете национальной безопасности США. Мэтлок был непосредственным разработчиком серии директив Совета национальной безопасности США (NSCE-75) по демонтажу коммунизма в СССР, а затем курировал все связанные с этим операции непосредственно из Москвы, где в 1987–1991 годах он был послом США в СССР.

На одном из приемов Мэтлок подошел ко мне и сказал: «Я, как Сталин, свое утро начинаю с чтения “Правды” и часто вижу там ваши ста-

тьи. Вы так расписываете коварство Соединенных Штатов, что ваши читатели должны находиться в постоянном страхе. Сами-то не боитесь нас, коварных американцев?» – «У нас, русских, есть такая пословица – “Волков бояться, в лес не ходить”». – «Ну-ну! – засмеялся он в ответ. – Смелый вы человек, мистер Большаков. Кажется, это у Горького есть такая фраза – “Безумству смелых поем мы песню”». – « “Безумству храбрых”, если быть точнее», – поправил я его. «Ну, тогда выпьем за храбрых, – сказал Мэтлок и подозвал посольского негра-официанта с набором разных напитков на подносе. – Что вы предпочитаете? Виски, бурбон, джин? Или водку?» – «Джин с тоником», – ответил я, и негр тут же передал мне стакан с моим любимым напитком.

После того приема тот же самый негр, уже не спрашивая, подходил ко мне с улыбкой и с бокалом джина с тоником. Так случилось и незадолго до моего отъезда на работу собкором «Правды» в Австралию. Из посольства США пришло приглашение на прием по случаю Дня независимости 4 июля. Прием, как обычно, состоялся в резиденции посла США в Спасо-хаус, названной так по адресу, где этот дом расположен в Спасопесковском переулке. Я там бывал не раз, но один, а тут решил на прием в Спасо-хаус пойти со своей первой женой Валентиной, рассудив, что пора уже ей привыкать к великосветским раутам, так как решение о нашей командировке в Австралию уже было принято на Старой площади. Народу было, как всегда на таких приемах, полно. Я поздоровался с Мэтлоком и другими знакомыми дипломатами, помахал рукой Роберту Кайзеру, поговорил с приятелем из отдела печати МИДа. «Тебя тут все знают», – с удивлением сказала Валя. Ко мне подошел знакомый негр, подал Вале бокал шампанского и, с улыбкой протягивая мне литой стакан для виски, сказал: «Вам, как всегда, джин с тоником?» Я поблагодарил, взял у него стакан, отхлебнул глоток и буквально через какое-то мгновение почувствовал, что теряю сознание. Я только успел сказать Валентине: «Срочно выведи меня отсюда на улицу. Быстро». Она увидела, как я побледнел, но не стала ни о чем спрашивать и повела меня к выходу, навстречу все подходившим на прием гостям. Мы сели на скамейку напротив Спасо-хауса, и я почувствовал, как у меня слабеют мышцы ног до такой степени, что я не мог подняться. Валя порыва-

лась было позвонить через автомат по телефону и вызвать «Скорую», но я ее остановил. Так мы и просидели на этой скамейке минут сорок. Постепенно я пришел в себя, и мы тихо побрели к Садовому кольцу ловить такси. С тех пор я никогда не пил больше джин с тоником.

По всем правилам надо было обо всем этом доложить, куда следует. Но это означало бы почти неизбежный срыв моей командировки в Австралию. Наверняка с Лубянки потребовали бы оставить меня в Москве из соображений моей собственной безопасности. В посольстве мне подсыпали в джин какую-то гадость с очевидным расчетом, что я рухну на пол при всем честном народе в самый разгар приема и меня, как пьянь несчастную, выведут из этого приличного общества со всеми отсюда вытекающими. Если бы я тогда упал на этом приеме, то больше не поднялся бы. После такого скандала мне уже не пришлось бы повидать пятый континент да и «Правды» я бы больше не увидел. Расчет на полную мою дискредитацию был точный, со знанием дела и советской действительности.

Там, внизу...

Когда австралийцы говорят про свою страну и ее месте на земном шаре, они говорят, что живут «down under», что переводится с английского примерно как «у нас там, внизу», т. е. «в подбрюшье» нашей матушки Земли. Ну, а уж что там говорить о Новой Зеландии! А я был корреспондентом «Правды» по Австралии, Новой Зеландии и Океании. Это – огромная территория, куда входят, помимо этих двух основных для меня стран, Фиджи, Папуа-Новая Гвинея, Новая Каледония, Науру, Тонга, Тувалу и еще два десятка государств и подмандатных территорий США, Австралии, Франции и Новой Зеландии. Да и сам пятый континент настолько огромен, что путь с севера на юг, а тем более с запада на восток, занимает несколько суток на поезде или машине. Это тот самый случай, когда в точности по Козьме Пруткову «нельзя объять необъятное». Собственно, этого от меня никто особо и не требовал.

Перед нашим отъездом в Сидней, где располагался корпункт «Правды» и где меня уже ожидал на чемоданах мой предшественник Олег Скалкин, редактор отдела Азии Павел Демченко, которого я терпеть не мог и он отвечал мне взаимностью, с подлой улыбочкой сообщил мне, что теперь на подвалы в «Правде» я могу не рассчитывать. «Австралия и Океания вообще, как ты сам понимаешь, – сказал он, – это не приоритет советской внешней политики».

В нашей последней беседе Михаил Васильевич Зимянин сказал, что от меня ожидают «меньше экзотики и больше политики». Я попросил у него совета напоследок и услышал от него вот что: «Помни, что в дверь войти легко, но надо всегда знать, как из нее выйти». Это был совет опытного дипломата и партукрата. У меня, увы, такого опыта не было. Тем не менее я дипломатично умолчал о том, что знаю, откуда Михвас почерпнул эту мудрость. Он процитировал древнюю китайскую поговорку, но не сослался на оригинал.

...Нам было не привыкать к дальним перелетам – камчатский опыт в этом отношении был бесценен. Но Австралия – в два раза дальше от Москвы, чем Камчатка, и туда мы с женой летели с посадками в Ташкенте, затем в Дели и Сингапуре. Дальше «Аэрофлот» не летал, и пришлось в Сингапуре пересаживаться на австралийский «Куонтас». Это была тогда одна из самых роскошных авиакомпаний в мире с новейшими «Боингами» и очаровательными стюардессами.

До Сиднея мы летели почти восемь часов. Небо над пятым континентом было чистое, и с высоты можно было разглядеть огромные четко разгороженные участки земли. Позже я узнал, что в Австралии так продавали земли впрок – новый владелец не брал на себя обязательства ее обрабатывать. Он должен был только огородить свое приобретение забором, чем воспользовались американские монополии, скупившие десятки тысяч гектаров австралийских земель. Все это приводило к печальным последствиям – эрозия земли в Австралии с ее лессовыми почвами – это настоящее бедствие. Сверху были видны бесконечные овраги и каньоны, будто шрамы, искалечившие Землю.

Континент, как это ни удивительно, освоен фактически только по бережьям Тихого и Индийского океанов. А между ними – пустыня, горы и солончаки.

Об Австралии у нас знают мало. Это объясняется и тем, что она – там, внизу, за многие тысячи километров от нас, и историей российско-австралийских отношений. Долгие годы из Англии туда ссылали на каторгу бунтарей против британской короны, воров и мошенников. «Первые белые поселенцы Австралии, – мрачно пошутил как-то Дуглас Копленд, журналист “Сидней морнинг геральд”, – отбирались лучшими судьями Англии». Но и к вольным поселенцам отношение было не лучшим. Один из первых губернаторов Нового Южного Уэльса Л. Макгвайр писал своим другу в 1882 году: «У нас здесь есть только два класса людей. Первые – это те, кто осужден. А вторые – те, кого следовало бы осудить». Но в наши дни эти слова уже вспоминают как похвалу предкам. Австралийцы любят бравировать тем, что они потомки каторжников, хотя по-настоящему могут этим похвастаться только жители острова Тасмания, где действительно существовала каторга, да некоторые поселки в штате Новый Южный Уэльс, столицей которого стал город Сидней.

У России никогда не было серьезного интереса к пятому континенту. Известно, что великий князь Александр Михайлович в 1888 году посетил Австралию по пути в своем кругосветном путешествии на корвете «Рында». Он даже поучаствовал в праздновании 100-летия основания колонии Новый Южный Уэльс. Какие-то были достигнуты после этого договоренности о взаимной торговле. Фактически первым русским ученым и общественным деятелем, который открыл Россию для Австралии, стал наш великий ученый Н. Н. Миклухо-Маклай. Он не только создал первую в Южном полушарии морскую биологическую станцию в Сиднее, но и породнился с премьером колонии Новый Южный Уэльс, женившись на его дочери Маргарет Робертсон. Консульские отношения с Австралией Россия установила в 1903 году, и ее представительства были открыты в основных городах страны. Но после 1917 года фактически все отношения между нашими странами были прерваны, и только во время Второй мировой войны мы стали союзниками, хотя и в этот период в Москве не особо заботились

о налаживании нормальных отношений с этой страной. Результат известен. Так же, как природа не терпит пустоты, так и сферы влияния в мире заполняются, в соответствии с законами геополитики, великими державами, как только где-то образуются пустота.

Австралия и по сей день остается на положении доминиона Британской империи. Формально главой государства остается английская королева, которая назначает генерал-губернатора. Он разъезжает по Сиднею на автомобиле, на котором вместо номеров прикреплена английская корона. И если английский король как-то сказал, что его носовой платок – это единственное место, куда он может сунуть свой нос в Соединенном Королевстве, то генерал-губернатор Австралии может вмешиваться самым активным образом во все австралийские дела и даже смещать премьер-министра.

В послевоенные годы Англию в Австралии сильно потеснили по своему влиянию Соединенные Штаты. Пятый континент стали называть непотопляемым авианосцем США. Страна покрыта сетью военных баз и тайных аэродромов Пентагона, которые активно использовались во время агрессии США в Индокитае. Ведущие американские корпорации контролируют всю экономику Австралии. Подобный симбиоз пошел во многом на пользу стране – она и сегодня остается одной из ведущих стран по уровню развития экономики и по уровню жизни населения.

Российское влияние там почти нулевое. После «дела» Петрова (апрель 1954 г.), третьего секретаря советского посольства в Австралии, кадрового офицера КГБ, как и его жена, Е. А. Петрова, который был завербован австралийской контрразведкой АСБР и попросил политического убежища, дипломатические отношения с Австралией были разорваны. Восстановили их только в 1959 году. Но отношение к советским дипломатам и торговым представителям на пятом континенте оставалось подозрительным – многих из них, увы не без основания, подозревали в том, что их направил в советские миссии не МИД СССР, а КГБ. Показания Петрова просто шокировали. Он передал АСБР документы, согласно которым советские спецслужбы использовали в качестве прикрытия посольство СССР в Канберре для управления разветвленной шпионской сетью в Австралии и Океании.

Кроме того, Петров предоставил информацию о структуре всего советского разведывательного аппарата и советской агентурной сети на Западе. С его помощью были раскрыты более 600 советских агентов, в том числе легендарная «кембриджская пятерка». В частности, Петров сообщил, что двое из уже проваленных агентов «пятерки» – Гай Берджесс и Дональд Маклин, – были вывезены в СССР и жили в Куйбышеве. Данные Петрова помогли в дальнейшем раскрыть т. н. третьего, которым оказался офицер британской разведки Ким Филби.

В Сиднее нас встретил Олег Скалкин и отвез в наш корпункт, который располагался на самом берегу залива Рашкаттерс-бей на улице Дарлинг пойнт роуд, 75, в семиэтажном панельном доме с небольшим бассейном и гаражами для каждой квартиры. Олег быстро ввел меня в курс дела, познакомил со своим банкиром в банке «Commonwealth Bank», где мы тут же открыли счет на мое имя, представил очаровательной блондинке Шэрон из риэлтерской конторы, сдававшей нам квартиру для корпункта, и после этого повез в советское консульство на Фулerton-стрит, 7, где размещалось также и торгпредство, знакомиться с соотечественниками. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять с первого взгляда на сотрудников этого заведения, что дипломаты составляли там очевидное меньшинство. Не знаю, по какому принципу отбирают на Лубянке своих сотрудников, но, как правило, их всегда выдают пустой, отсутствующий взгляд и манера говорить, не предполагающая возражений собеседника, от которого ничего не ждут, кроме признательных показаний. Я сразу вычислил сиднейского резидента. Это был Николай Денисенко, бабник, пьяница и, как оказалось, удивительно подлый человечиска, готовый настучать на мать родную, чтобы только выслужиться перед начальством. Он плохо кончил. Его излишнее рвение на Лубянке не оценили и отправили в Афганистан, откуда он вернулся совершенно больным и вскоре умер от рака.

С остальными можно было хотя как-то ладить. Но Олег предупредил меня на прощанье: «Ты старайся в этот гадюшник ходить пореже».

Через три дня после нашего приезда я отвез Олега в аэропорт. Привыкнуть к правостороннему рулю было непросто. Несколько раз я автоматически выскакивал на встречу. А машина в нашем корпункте была резвая –

«Монаро-Холден» местного производства. После тихоходных «жигулей» она производила впечатление гоночного болида. 100 км/час набирала за две секунды. Я оценил эти преимущества, только узнав, что такое австралийские скоростные дороги и как по ним ездить.

Канберра авеню, 78

Моей первой командировкой была поездка в Канберру, где надо было представиться по традиции послу и посольскому коллективу. Из Сиднея в Канберру путь хоть и недолог, около трехсот километров, но выезжать надо рано, пока не вырвались на шоссе гигантские трейлеры и фургоны-холодильники. На «дороге смерти», как называют изрядно потрепанное и узкое шоссе Хьюм, ведущее в столицу Австралийского Союза, встреча с ними небезопасна. Статистика дорожных происшествий тоже неутешительна – в ДТП здесь гибнет ежегодно до четырех тысяч австралийцев. В двадцать раз больше число покалеченных. Впрочем, это не удивительно в стране, где на каждую тысячу человек приходится до 500 авто.

После раздолбанного шоссе Хьюм въезд на Федеральную столичную территорию (ФСТ) можно ощутить с закрытыми глазами. Колдобины, принадлежащие штату Новый Южный Уэльс, остаются за «пограничной» доской с надписью ФСТ, и начинается ухоженная трасса, по которой можно было бы гнать со скоростью сто миль в час, если бы не аккуратно предупреждающие знаки со все уменьшающимися по мере приближения к центру столицы цифрами. В Канберре ездят тихо и живут тихо. Даже в rush-hour, т. е. «в час, когда все спешат», или час-«пик» по-нашему, никто не несется по местным дорогам сломя голову. Утром аккуратно выстроенная колонна чиновничьих машин так же чинно следует к офисам, как и покидает их вечером. В остальное время Канберра полупустынна. Только в центре можно встретить прохожих, да и то по большей части туристов. Стоит же съехать с широкой, пересекающей весь город авеню, как попадаешь в уютный пригород с аккуратными коттеджами, отгороженными от дороги аккуратно постриженными живыми изгородями. Тротуаров нет.

Прохожих тоже. Лениво бродят откормленные короткопалые псы, ревниво охраняя хозяйскую собственность. Летают, словно голуби у нас, огромные белые какаду. Приглядевшись, увидишь даже опоссума в листве эвкалипта. Наше посольство расположено на тихой Канберра авеню, 78. Здесь тоже по-канберрски никакой суеты.

Как ни парадоксально, но и в нашем МИДе, а скорее на Красной площади, нередко использовали посольство СССР в Канберре так же, как Лондон в свое время использовал Австралию, – туда ссылали людей, попавших в опалу или просто дискредитированных. Таким был посол СССР, ветеран советской контрразведки Николай Месяцев (1920–2011). В 1945–1946 годах он работал в Главном управлении контрразведки «СМЕРШ». В 1953 году по поручению Сталина был переведен в органы госбезопасности, где курировал следствие по «делу врачей». В 1964–1970 годах в его карьере происходит новый поворот – его назначают председателем Гостелерадио СССР. С этой должности он был смещен Л. И. Брежневым как член группировки «комсомольцев» А. Н. Шелепина и направлен в Австралию. Как Чрезвычайный и Полномочный посол СССР он пробыл там с 1970 по 1972 год. Но и тут ему не повезло. В резидентуру КГБ в Канберре прибыл на работу Михаил Цуканов, сын помощника Брежнева Г. Э. Цуканова. О его пьяных загулах вспоминали в Канберре старожилы посольства еще и при мне, хотя он разбился в пьяном виде на машине за два года до моего приезда. Месяцева тут же отозвали в Москву и 1 августа 1972 года исключили его из партии с формулировкой: «За грубое нарушение норм партийной морали в бытность Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Австралийском Союзе и неискренность при рассмотрении персонального дела». А «неискренность» его заключалась в том, что в ответ на вопрос, как он мог допустить, чтобы сотрудник посольства ездил по стране в пьяном виде на служебной машине, Месяцев совершенно искренне сказал: «Я не сумасшедший, чтобы конфликтовать с сыном помощника Брежнева». Ну, тут он и получил по полной программе. «За неискренность». По воспоминаниям бывшего корреспондента ТАСС в Австралии Бориса Чехонина, КГБ распустил слух, будто Месяцева отозвали за попытку изнасилования в сиднейской гостинице

приезжей советской балерины. Чехонин, автор нашумевшей книги «Журналисты и разведка», был в курсе многих подобных грязных дел КГБ, и ему можно верить. В конечном итоге с Месяцевым разобрались и восстановили в партии через два года после смерти Брежнева.

В 1974 году, когда я начал работать в Сиднее, послом в Канберре был профессиональный дипломат и очень приличный человек Дмитрий Петрович Мусин, сменивший Месяцева. Но в 1975 году на его место прислали Александра Васильевича Басова (1912, по другим данным 1914 г., – 1988). Тут я позволю себе нарушить правило – «о мертвых либо ничего, либо только хорошее», ибо ничего хорошего об этом монстре советской партократии сказать невозможно.

Когда Басов прибыл в Канберру, еженедельник «Единение», старейшая русская газета в Австралии (издается с 1950 г.), «приветствовала» его большой статьей о кровавых событиях в Новочеркасске Ростовской области в 1962 году. Басов, который был первым секретарем Ростовского обкома КПСС, имел к ним непосредственное отношение. В Советском Союзе любое упоминание об этих событиях было под строжайшим запретом практически вплоть до его развала. И я о них до этой публикации ничего не знал.

Речь в статье шла о том, как в 1962 году рабочие Новочеркаска поднялись на забастовку против повышения цен на хлеб, молочные и мясные продукты якобы «по инициативе трудящихся» города Горький (ныне – Нижний Новгород). Тогда еще в СССР ходила такая байка: «Самолет разбился над Горьким. Зацепился за высокую сознательность». Протесты против этого решения Хрущева были отмечены в нескольких городах СССР. Но самым трагическим образом они обернулись в Новочеркасске. Дирекция тамошнего электровозостроительного завода (НЭВЗ) не придумала ничего лучше, как приурочить к повышению цен на мясо, молоко и хлеб увеличение норм выработки, о котором объявили 31 мая. На практике эта мера снижала доходы рабочих-сдельщиков на 25–30 %. Чтобы «привлечь внимание Москвы», рабочие завода перекрыли проходившую неподалеку железную дорогу и остановили пассажирский поезд «Ростов-на-Дону – Саратов». На локомотиве кто-то написал крупными буквами: «Хрущева

на мясо!». Утром 1 июня около 200 рабочих направились к заводууправлению. По пути к ним присоединялись рабочие других цехов, так что перед зданием собралась примерно тысяча человек. К 16:00 Басов приехал в заводууправление в сопровождении всего местного руководства и попытался разъяснить им, что «постановление партии и правительства о повышении цен на продовольствие» якобы «пойдет на пользу трудящимся». Рабочие освистали его и принялись кидать в партийный десант камни и пустые бутылки. Басов заперся в кабинете. Он начал звонить военным и в управление КГБ в Ростов, требуя присылки войск для «подавления мятежа». Звонил он и в Москву своему покровителю, члену Президиума ЦК КПСС А. П. Кириленко. Хрущеву доложили о происходящем практически немедленно. Он позвонил Басову, который напугал его своими паническими воплями о «мятеже». После этого Хрущев, испугавшись, что «мятеж» перекинется и на другие города, отдал приказ председателю КГБ Семичастному и министру обороны Малиновскому «навести порядок» и в назидание всем бунтовщикам «патронов не жалеть»...

Между 18:00 и 19:00 на завод прибыли около 200 милиционеров, а чуть позже – три БТРа и пять грузовиков с солдатами. Главной их задачей было вывести блокированных в заводууправлении начальников. Когда их оттуда вывели, они поехали в аэропорт встречать московское начальство. В Новочеркасск прилетела чуть ли не половина членов Президиума (так тогда называлось Политбюро) ЦК КПСС: Фрол Козлов, Анастас Микоян, Андрей Кириленко, Леонид Ильичев и Дмитрий Полянский, а также секретарь ЦК Александр Шелепин, зампреда КГБ Петр Ивашутин и срочно отозванный с учений командующий Северо-Кавказским военным округом Иса Плиев. За старшего был Козлов, считавшийся на тот момент вторым человеком в государстве и наиболее вероятным преемником Хрущева. Козлов и отдал приказ стрелять по забастовщикам, которые двинулись по главной улице Новочеркасска к зданию горкома, где заседало столичное начальство.

Забастовщиков встретили автоматные очереди. Солдаты вели огонь на поражение. Тела 26 человек по распоряжению правительственной комиссии тайно захоронили на разных кладбищах Ростовской области.

С участников похорон, названных «правительственным спецзаданием», взяли подписки о неразглашении. Уже 3 июня в Новочеркасске началась охота на людей. Основанием служила оперативная фотосъемка КГБ. Арестовывали тех, кто шел в первых рядах и, судя по фотографиям, вел себя наиболее активно. Братья приходили по ночам, как в 37-м году. Всего во время волнений и в последующие дни были задержаны около 240 человек. Состоялись несколько судебных процессов. Семерых – Александра Зайцева, Андрея Коркача, Михаила Кузнецова, Бориса Мокроусова, Сергея Сотникова, Владимира Черепанова, Владимира Шуваева – приговорили к смертной казни, 105 человек – к заключению в колониях строгого режима, в основном на сроки от 10 до 15 лет.

Прошло много лет с тех пор, прежде чем «тайна Новочеркасска» была раскрыта. Президент России В. Путин публично возложил цветы к монументу расстрелянным в 1962 году рабочим. За это преступление никто не был наказан. Басова просто убрали из Ростовской области, но вплоть до 1976 года он оставался членом ЦК КПСС и был делегатом XXII, XXIII и XXIV съездов КПСС, хотя на партийную работу его больше не допускали. Но, как говорится, «и щуку бросили в реку». По рекомендации его покровителя члена Политбюро В. П. Кириленко Басов как зоотехник по образованию получает назначение на Кубу, где с 1962–1965 годов действует как советник по вопросам животноводства при Правительстве Кубы. Там впервые проявилась его склонность к силовой дипломатии. Московский «советник по животноводству» принялся давить на кубинское руководство с целью заставить кубинцев «сеять кукурузу», т. к. с этой идеей тогда носился Н. С. Хрущев в СССР, где «королеву полей» принялись высаживать даже за Полярным кругом. В конце концов, Кастро потребовал убрать не в меру ретивого зоотехника обратно в Москву, и, как только там убрали Хрущева, Басова вернули на родину, где опять же с подачи Кириленко назначили министром сельского хозяйства РСФСР. Палач Новочеркасска, однако, по своему профилю больше года не стал трудиться, т. к. почувствовал вкус к дипломатической работе. С 1965 года Басов – Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Румынии. Это был тот самый год, когда к власти в этой стране пришел Николае

Чаушеску. Результатом шестилетней дипломатии Басова в Бухаресте стал постепенный отход Румынии из-под влияния Кремля. Чаушеску отказался порвать дипломатические отношения с Израилем после шестидневной войны 1967 года, хотя на этом настаивала Москва и ее союзники по Варшавскому Договору. Он установил дипломатические и экономические отношения с Федеративной Республикой Германия. В 1968 году Чаушеску осудил ввод советских войск в Чехословакию. В 1974 году Бухаресту был предоставлен режим наибольшего благоприятствования в торговле с США. Трудно сказать, в какой еще тупик зашли бы советско-румынские отношения, если бы Басова не вернули в Москву в 1971 году. Однако в Москве он долго не задержался. Его – ох уж этот покровитель Кириленко – в 1971 году бросили на Чили, где в 1970 году к власти пришел Сальвадор Альенде, лидер Народного единства – коалиции социалистов, коммунистов и других левых и демократических партий.

В мире шла жесткая борьба за влияние, по сути дела, за «новую Ялту». Советские спецслужбы схлестнулись с американцами на этом фронте борьбы за передел мира. Дальнейшее проникновение СССР после Кубы в Южную Америку, этот регион традиционного американского влияния, с которого и начиналась идея «американского мира» (*Rex Americana*), с точки зрения геополитики было для США абсолютно неприемлемым. Было ясно с самого начала, что Чили они просто так не сдадут. Альенде трижды посещал Советский Союз с официальным визитом: в 1954-м, в ноябре 1967-го и за полгода до своей гибели, в декабре 1972 года. Чтобы не допустить этого «левака»-социалиста, объединившегося с коммунистами, к власти, американцы потратили на предвыборную кампанию в Чили около полумиллиона долларов, но их деньги оказались менее действенными. Только на предвыборную кампанию Альенде КГБ выделил \$420 тыс. Как отмечал проф. Кристофер Эндрю: «В документах архива эта операция КГБ носит название “Лидер”, а избрание Альенде в 1970 году президентом Чили называется “революционным ударом по системе империализма в Латинской Америке”. Есть документы, свидетельствующие, что КГБ финансировал его избирательную кампанию, выплачивал ему десятки тысяч долларов и даже передал в его личную коллекцию несколько икон.

400 тысяч долларов было выплачено Коммунистической партии Чили» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Альенде,_Сальвадор).

Мой друг Вадим Листов, бывший собственный корреспондент «Правды» по странам Латинской Америки, рассказывал мне, что с первых же дней своей работы в Чили Басов стал готовить... социалистическую революцию в этой стране. Советское посольство в Сантьяго он превратил в штаб-квартиру по ее подготовке. «Зоотехник», как звали Басова между собой наши журналисты, так хотел преподнести Брежневу Чили на тарелочке с красной каемочкой, что совсем забыл об осторожности. Известно, чем все это кончилось. В стране произошел военный переворот, в результате которого к власти пришел ставленник ЦРУ диктатор Пиночет. Альенде застрелился, а Луис Корвалан попал в тюрьму. Тысячи чилийских коммунистов и сторонников Народного единства были арестованы и замучены в застенках хунты. Вадим рассказывал, что во время переворота около сотни коммунистов попытались найти убежище в советском посольстве. Но Басов приказал никого внутрь не пускать, и их расстреляли солдаты Пиночета перед воротами советской миссии. Отношения с Чили были прерваны. Напоследок Басов вывез советским пароходом всю мебель из нашего посольства, которую потом переправил к себе на дачу. Поболтавшись около года в МИДе в посольском отстойнике, он получил назначение в Австралию в 1975 году. Австралии не повезло.

В течение десятилетий власть в стране удерживали правые партии, которые послушно шли в кильватере внешней политики США, что обернулось позорным участием Австралии в американской агрессии в Индокитае. Только в 1972 году лейбористы победили на парламентских выборах, пост премьер-министра Австралии занял их лидер Гоф Уитлем. Он принадлежал к австралийской аристократии и во Второй мировой сражался в рядах королевских ВВС с японцами. По своим взглядам он был умеренно левым и ни к каким радикальным переменам не был склонен. Тем не менее во время нахождения у власти правительство Уитлэма провело ряд политических и экономических реформ – отменило смертную казнь и всеобщую воинскую повинность, предоставило всеобщее медицинское обслуживание населению и ввело бесплатное обучение в ВУЗах. На волне

популярности партия вновь выиграла выборы в 1974 году. С 12 по 16 января 1975 года Уитлем, по приглашению советского правительства, первым из премьер-министров Австралии посетил с официальным визитом Советский Союз. Правая пресса развернула против Уитлема и его ближайших соратников из числа левых лейбористов истерическую кампанию. Их программы социального обеспечения, борьбы с безработицей и реформы задевали интересы крупного капитала страны. А лозунг Гофа Уитлема «Выкупим Австралию у иностранцев», с которым лейбористы и пришли к власти, был направлен непосредственно против американских монополий, превративших Австралию в 51-й штат США. Панику в Вашингтоне вызвало и решение Уитлема поставить под 100-процентный контроль добычу урана в стране и его экспорт. Резкое сопротивление со стороны правых сил, а также британских и американских спецслужб, лейбористы почувствовали с особой остротой после визита Уитлема в СССР. В этой ситуации советскому посольству в Канберре было бы лучше всего держаться на безопасном для себя и лейбористов расстоянии от правящей партии. Но не таков был посол Басов. Он решил в Австралии взять реванш за Чили и привести этот британский доминион в состав социалистического содружества. Заставь, говорят, дурака Богу молиться, он лоб расшибет. Да ладно бы только себе. Во время нашей первой встречи он спросил меня: «Как вы думаете, возможна ли в Австралии социалистическая революция?» Я, не задумываясь, ответил: «Я думаю, что Австралия будет предпоследней страной, где она свершится». – «А какая же тогда будет последней?» – заинтересовался Басов. «Новая Зеландия», – ответил я. Ответ послу не понравился. «Для корреспондента “Правды” у вас совсем не революционный настрой», – сказал он. Я не удержался и ответил ему: «У меня настрой реалистический. Здесь революционной ситуации нет, и вряд ли она скоро возникнет. По Ленину – нет ни одного из ее трех признаков. Верхи могут и хотят жить по-старому. Низы хотят не революции, а прибавки к жалованью. А активность масс ограничивается мелкими забастовками. И знаете, за что выступают забастовщики на строительстве газопровода в Западной Австралии? Они требуют, чтобы в их передвижной столовке было три вида йогурта, а не один, как сейчас».

Я понял, что с Басовым мне общего языка не найти. На Канберра авеню, 78, с момента прибытия туда Басова шли ежедневные совещания по поводу «главной стратегической задачи» – обращения Гофа Уитлема и его левых лейбористов в коммунистическую веру. Не знаю, что ему советовал его первый секретарь, в роли которого выступал полковник КГБ Лозовик, шеф канберрской резидентуры, но, думаю, как опытный разведчик он не мог не догадываться, что советское посольство было поставлено на круглосуточную прослушку не только австралийскими спецслужбами, но и американскими ЦРУ и АНБ. А то, что стенограммы таких совещаний уходят в АНБ и ЦРУ и во втором экземпляре – в английскую МИ-6 и дальше по правительственной рассылке, ни для кого не было секретом. Лозовик исполнял обязанности пресс-атташе и помимо всего прочего официально заведовал корпунктом Агентства печати «Новости» – обычной крыши для лубянских кадров за рубежом. В его обязанности входило распространять пропагандистскую литературу на английском языке. Но он сам этим не занимался из опасения, что его на таком деле прищучат, и предпочитал нагружать этой макулатурой недипломатов, в том числе меня. Это был удивительно неприятный тип. Он никогда не смотрел в глаза собеседнику. Глядел куда-то в сторону и не говорил, а шипел, отчего в уголках рта у него скапливалась пена. Его побаивались в нашей колонии. Я удивлялся, как он вообще оказался в КГБ с таким количеством особых примет, которые нельзя было скрыть даже под гримом. Узенький лобик, нависший над глазками-буравчиками, переходил в рано облысевший розовый череп с редкими пучками грязно-серых волосиков. Бесформенный нос – скорее всего он занимался боксом – сливался с огромным лягушачьим ртом. В довершение ко всему его и без того уродливое лицо было покрыто буграми, родинками и прыщами. Портрет резидента был бы великолепной иллюстрацией к книге Ломброзо о типах преступников.

Говорили, что он скор на расправу. Со времен Петрова так уже сложилось у бдительных чекистов, служивших в Австралии под различными личинами, – при малейшем подозрении высылать потенциально неблагонадежных на родину в 24 часа. Так как «Аэрофлот» в Австралию не пускали, то для этих целей использовали советские пассажирские па-

роходы и сухогрузы – жертву привозили в порт, предварительно накачав наркотиками, и опускали в трюм, где и держали вплоть до момента прибытия в родной порт.

Американцы знали Басова как облупленного еще по Чили и внимательно следили за его деятельностью. Не вдаваясь в детали, скажу лишь, что в ноябре 1975 года оппозиция в парламенте страны во главе с лидером либералов Малкольмом Фрейзером спровоцировала политический кризис, в результате чего генерал-губернатор Австралии Джон Керр уволил Уитлема с поста премьер-министра и объявил досрочные парламентские выборы. По всем правилам Британского Содружества Наций Керр должен был поставить об этом в известность английскую королеву и получить у нее одобрение такого решения. Но в Лондоне в тот момент была ночь, королева спала, и ее даже не стали будить. Это лишний раз подтверждает, что увольнение Уитлема было делом рук американцев, у которых вообще историческая идиосинкразия на английскую монархию. К тому же с Уитлемом они решили поторопиться. Обо всем этом я подробно рассказал в своей книге об Австралии (см. *Большаков В. На скоростной дороге не останавливаются*. М.: «Молодая гвардия», 1978. Гл. 2. «Именем королевы». С. 116–200), поэтому не буду повторяться. Здесь – о главной интриге.

Предвыборная кампания была короткой, но и тут посол Басов успел отметиться. Он запретил всем дипломатам и советским корреспондентам, аккредитованным в Австралии, а нас всего-то было трое – Николай Марков из ТАСС да я, ну, и формально Лозовик, – встречаться с лидером либералов Фрейзером, которому Керр уже поручил исполнять обязанности премьера. Всем было приказано оказывать всяческую поддержку Уитлему и его лейбористской партии. Правая пресса активно использовала флирт Басова с лейбористами для подтверждения вмешательства «руки Москвы» в предстоящие выборы. А из Москвы ни в Политбюро ЦК КПСС, ни на Лубянке его, конечно, никто не просил в это вмешиваться, ибо там понимали, что такое влезать во внутренние дела Британского Содружества Наций. Басов просто хотел выслужиться и «всем доказать». Услужливый дурак и впрямь опаснее врага!

Я не стал слушаться Басова и, переговорив с редакцией «Правды», договорился об интервью с Фрейзером и бывшим вице-премьером в правительстве лейбористов Кернсом об интервью. Оба охотно со мной встретились, и «Правда» без купюр опубликовала то, что они мне сказали перед финишем предвыборной гонки. Для Уитлема она закончилась неудачно – лейбористы проиграли, и у власти на долгие годы утвердились либералы. Естественно, что никакого «революционного протеста масс» это не вызвало. Скорее наоборот, всколыхнувшаяся было ряска всеавстралийского политического болота надолго стабилизировалась.

Фрейзер по-своему поблагодарил меня за интервью. Он пригласил меня на торжественную церемонию представления нового правительства дипломатическому корпусу, куда прибыл и Басов со своей свитой. Мы с Марковым стояли рядом, наблюдая за тем, как Фрейзер обходил шеренгу дипломатов, выстроившихся, как на параде. Подойдя ко мне, он сказал: «Владимир, я, к сожалению, во время предвыборной кампании так и не сумел встретиться ни с кем из советских дипломатов. Не будете ли Вы любезны представить меня вашему послу». Я, конечно, представил ему Басова. Они молча пожали друг другу руки, и Фрейзер двинулся дальше приветствовать дипломатов. Басов испепелил меня взглядом, полным такой ненависти, что я понял – мне впредь нельзя ожидать от него ничего, кроме пакостей. Они последовали уже на следующий день. «Зоотехник» сообщил в «Правду», что я игнорирую мнение посольства и часто действую ему вопреки. Заодно он порекомендовал перевести корпункт «Правды» из Сиднея в Канберру для «лучшего взаимодействия корреспондента с посольством». Большой гадости он «Правде» не мог подложить. К счастью, мой предшественник Олег Скалкин сумел доказать Зимянину в Москве, что в Австралии если что и происходит, то не в Канберре, а в Сиднее, где живет более 15 % населения страны и расположены штаб-квартиры всех политических партий, редакции всех ведущих газет и руководство всех профсоюзов. Я его поддержал в разговоре с Михвасом по телефону. Корпункт остался в Сиднее. Мне казалось, что я услышал лязг зубов на Канберру авеню, 78.

Мои друзья-коммунисты

Перед отъездом в Сидней я побывал на Старой площади и поговорил с Юрием Ивановым, которого к тому времени уже перебросили на мой регион – Австралию и Новую Зеландию. Он сказал, что очень надеется на мою помощь. «Собкоров “Правды” за рубежом наши товарищи-коммунисты, – сказал он, – воспринимают вроде бы как “эмиссаров ЦК”, так как по сложившейся традиции правдисты поддерживают постоянные контакты с нашим Международным отделом и компартиями на местах. Теперь в Австралии, – сказал он, – целых три коммунистических партии – просоветская Социалистическая партия (СПА), троцкистская Компартия Австралии и маоистская “марксистско-ленинская”. Юрий Сергеевич посоветовал мне на прощанье в их внутренние свары не лезть, но ориентироваться на СПА.

Раскол Компартии Австралии на три партии был зеркальным отражением того «шизма», который поразил все мировое коммунистическое движение в конце 60-х годов. Началось это еще с разногласий Мао Цзэдуна и Хрущева по поводу осужденного на XX съезде КПСС «культ личности Сталина». В ходе китайской «культурной революции» эти споры перешли из идеологической сферы в межпартийную и межгосударственную. Все контакты между КПСС и Компартией Китая были прерваны, и дело едва не дошло до разрыва дипломатических отношений. Китай перестал соглашаться с ведущей ролью КПСС в мировом коммунистическом движении. На эту роль стала претендовать КПК. На ее деньги едва ли не в каждой стране создавались маоистские группировки и союзы молодежи. В конце 60-х годов активизировались троцкисты, возник «еврокоммунизм», и на этой идеологической базе в ряде случаев и происходил раскол традиционных компартий, как это случилось в Австралии с КПА. Любопытно, что после распада Советского Союза и перехода Китая на капиталистический путь развития все эти раскольники тихо свернули свои знамена и больше уже не претендовали на роль авангарда коммунистического и рабочего движения. Это лишний раз подтвержда-

ет наши опасения по поводу того, что в те годы в его рядах действовали штатные провокаторы западных спецслужб.

В Австралии так и случилось. В 1991 году «старая компартия» (КПА), ударившаяся поначалу в троцкизм, а затем в его современную форму – еврокоммунизм, прекратила свое существование. Социалистическую партию Австралии, основанную в 1971 году после раскола КПА, возглавили ветераны коммунистического и профсоюзного движения Пэт Клэнси, который стал председателем партии, и Питер Саймон, ставший ее генеральным секретарем в 1972 году. В октябре 1996 года СПА вернула себе по праву нынешнее название – Коммунистическая и ее Генеральным секретарем был избран Саймон. Последний раз мы виделись с ним в 2002 году в Москве на IX съезде КПРФ в Колонном зале в Москве. После смерти Саймона в декабре 2008 года на пост Генсека КПА была избрана доктор Ханна Миддлтон, а Винисио Молина сменил ее на посту президента партии. Все они были моими друзьями, как и другие ветераны Компартии. Давно это было, но я помню их и наши беседы до сих пор.

КПА по-прежнему придерживается марксистско-ленинской идеологии, называя своей конечной целью «революционное преобразование австралийского общества и построение социализма в Австралии». До этого, конечно, теперь далеко, хотя, впрочем, и не дальше, чем во времена существования СССР и КПСС.

Не только в наши дни, но и уже тогда в СССР наши либералы любили подтрунивать над коммунистической пропагандой преимуществ социализма перед капитализмом. Конечно, нередко эта пропаганда была и примитивной, и недостаточно убедительной и не только потому, что реально-го капитализма у нас в глаза никто так и не видел, за исключением «особо доверенных и проверенных». А прежде всего потому, что подходили к этой работе формально, бездушно, не вникая в гуманистическую суть коммунистических идей всеобщего равенства и социальной справедливости. Социалистической партии приходилось именно там, «за бугром», в одной из самых передовых стран развитого капитализма, у жителей которой о Советском Союзе, как и у нас о Западе, мало у кого было реальное представление, пропагандировать преимущества социализма. Я пытался

понять, как это делается, и поэтому старался чаще бывать на дебатах и митингах с участием СПА.

В Сиднее есть свой филиал лондонского Гайд-парка, где каждый может публично озвучить свои взгляды и убеждения. Это парк «Домейн». В один из воскресных дней мне довелось там послушать дебаты, которые организовали лидеры бастовавших профсоюзов и Соцпартия Австралии, представленную Пэтом Клэнси. Внешне, со своими огромными плечами и мощными руками, он напоминал крепкого портового грузчика. Рабочие всегда воспринимали его как своего. Искусство оратора, выступающего в «Домейн», в том и заключается, чтобы говорить на одном языке с простым народом, не прочитать заранее заготовленную речь, а повести диалог с собравшимися, поспорить. И чем больше таких споров, тем больше людей приходит к импровизированной трибунке. Клэнси выступил и сказал, что инфляция и безработица растут в Австралии по вине монополий, которые на каждую прибавку к зарплате, добытую с бою рабочими в ходе забастовок, отвечают ростом цен. Его прервал какой-то парень: «Ты лучше расскажи, как по вине твоего профсоюза растут цены на жилье?» Пэт тут же выдал ему сполна: «Кто это тебе сказал? Домовладелец? Или банкир? Давай поговорим с цифрами в руках. Допустим, кто-то захочет себе построить собственный дом. Так вот, если бы он купил участок земли, то заплатил бы за это примерно 16 тысяч долларов (это цены 1974 г.), и дом ему обойдется еще во столько же. Итого 32 тысячи. Это я так, на глазок. Теперь, если денег у тебя нет, а я думаю, у тебя их нет, то ты пойдешь в банк просить ссуду. И если тебе ее, приятель, дадут, то, получив, скажем, 20 тысяч, ты заплатишь своему банкиру за 25 лет из расчета 9–10 % годовых 33 тысячи 600 долларов только процентов. Примерно в 28 400 обойдутся тебе проект, материалы и прочие затраты на строительство. И только 3600 фирма, которая будет строить твой дом, заплатит рабочим из моего профсоюза. Так вот, смотри, что получается. А получается то, что оплата труда рабочих-строителей составит всего шесть процентов от стоимости твоего дома. Остальное ты заплатишь банку и подрядчикам. Все остальные 94 %. Так что нечего валить на рабочих, приятель. Смотри в корень – и увидишь, по чьей вине растут цены на жилье».

Я подумал о том, что надо бы посоветовать нашим идеологам со Старой площади присылать сюда на стажировку лекторов ЦК, ну, хотя в порядке обмена.

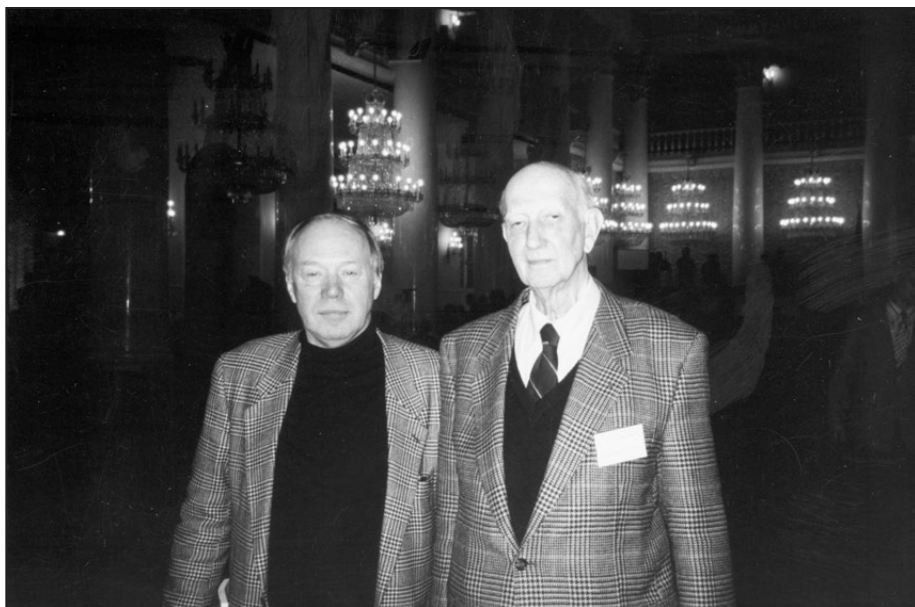

Австралия, 1975 г. Встреча с активистами Соцпартии Австралии. В. Большаков вручает статуэтку В. И. Ленина в подарок ветерану СПА.

Я часто бывал в штаб-квартире СПА, скромном офисе на тихой сиднейской улице Сассекс. Там же располагалась редакция газеты «Соушелист», центрального органа СПА. Нормированного рабочего дня там никогда не было. Даже поздним вечером можно было всегда застать там Генсека СПА Питера Саймона. Саймон – полная противоположность Пэта Клэнси. Высокий, худой, рано облысевший с седыми прядями на висках, он выглядел как кабинетный ученый. Но это был человек железного здоровья, вынос-

ливый и по-австралийски жесткий. Однажды, как мне рассказывали, торопясь на заседание отделения СПА в штате Южная Австралия, где начали брать верх троцкисты, он на машине за день доехал из Сиднея до Аделаиды, покрыв расстояние в полторы тысячи километров. Мой рекорд за день был ровно тысяча километров, и я знаю, что для таких бросков надо иметь не только крепкое здоровье, но и, если знать австралийские дороги и нравы местных лихачей, железные нервы. Саймон очень любил Россию и был женат на русской. Он не был большим теоретиком марксизма, но любил поговорить и поспорить, довольно умело, не по-начетнически применяя марксизм к австралийской действительности. Как-то он пригласил меня на Джордж-стрит, где СПА держала магазин социалистической книги «Новая эра», которым заведовал Рей Кларк. Там собрались знакомые из руководства СПА: очаровательная толстушка Ханна Миддлтон, Ив Эллиот, Билл Браун, Джек Макфиллипс, Джуда Уотен... Кларк выставил несколько банок прекрасного австралийского пива «НВ» и легкие закуски.

Москва. В. Большаков с генеральным секретарем ЦК Социалистической партии Австралии Питером Саймоном в Колонном зале в Москве.

«У вас что, праздник сегодня?» – спросил я.

«И твой тоже», – ответил Кларк, вручая мне книжку, на обложке которой я увидел надпись: «Vladimir Bolshakov. Whither and with Whom?». Так я узнал, что издательство «Прогресс» в Москве издало мою книгу «Бунт в тупике?» о «новых левых» на английском под заголовком «Куда и с кем?». (ВААП, которое возглавлял тогда Борис Панкин, даже не считало нужным сообщать советским авторам о переводах их книг. Об этом мы узнавали постфактум в виде извещения о жалком гонораре, если такой нам вообще полагался.) Конечно, Кларк сделал маленький бизнес, продав всем присутствующим по экземпляру, и я им подписал их. Рей Кларк позже опубликовал на мою книгу рецензию в газете «Соушелист». «Книга Владимира Большакова “Куда и с кем?” дает марксистский анализ “новых левых”, – писал он. – У этой книги есть подзаголовок “Очерки с идеологического фронта”. И уже поэтому всем активистам борьбы за революционные перемены ее следует прочитать. Одним из показателей того, какой интерес вызвала эта книга, служит тот факт, что ее русское издание было распродано в Советском Союзе за три дня» («The Socialist». 1976, March, 17). Как мне рассказал потом Кларк, об этом факте ему сообщил один из его друзей, который был в Москве и попытался купить «Бунт в тупике?» на русском. Кларк отметил в своей рецензии мое «глубокое знание марксизма». Это было наилучшей рекомендацией и одновременно рекламой книги в США. С тех пор со мной мои друзья-коммунисты стали советоваться по проблемам марксистской теории. Так было, например, когда они работали над новой программой США и обсуждали национальный вопрос, в частности, положение аборигенов и борьбу за их права. Мои советы тоже пригодились.

Довольно быстро я стал в США своим. Меня приглашали уже не только на митинги и дебаты, но и на семейные барбекю. Особых кулинарных изысков австралийцы не любят. Все просто. Разжигают мелко поколотые эвкалиптовые поленья, и, как только гриль достаточно раскалится, на нем обжаривают бараньи и свиные колбаски под пиво. Но главное блюдо – это стейк, а чаще всего король говяжьих стейков «T-bone», то есть Т-образный. Рецепт его приготовления прост. У Кларков его готовили так. Рой натирал «T-bone» стейк солью и перцем, а с боков – травками. За-

тем, побрызгав стейк оливковым маслом с двух сторон, выкладывал его на гриль, слегка прижав мясо к решетке, и обжаривал не более 3 минут. В это время стейк как бы кармелизуется, покрывшись тонкой корочкой. Перевернув стейк, Рой прожаривал его еще 2–3 минуты. После этого снимал его с гриля и поливал горячим расплавленным чесночным маслом, в который добавляют несколько капель черного соевого соуса. При этом стейк сразу не едят, а дают ему «созреть» в течение трех-четырех минут, чтобы сок распределился по нему равномерно. Затем подают со свежими овощами – салатом, огурцом и помидорами. Австралийцы обычно к этому блюду подают местное красное вино типа «мерло», но гораздо чаще – пиво.

Пиво там пьют не просто много, а очень много. От этого у мужчин пятого континента немало проблем.

С мандатом Коминтерна

Меньше всего я ожидал встретить в Австралии человека, который скажет про себя: «Я видел Ленина». И у нас-то с такой фразой чаще встретишь самозванца, чем реального свидетеля нашей революционной поры. А в Австралии это и вовсе казалось невероятным. Но мои друзья из СПА дали мне адрес этого человека, и я, преодолев сомнения, направился в Мельбурн, а оттуда через Кресвик проехал в городишко по имени Ключнс. Точного адреса моего героя у меня не было. Но мне сказали, что в Ключнсе каждый скажет, где живет Томас Пейн. Свою первую политическую речь Том Пейн произнес в 1916 году, когда ему исполнилось 18 лет на митинге бастовавших шахтеров Броукен Хилла в Западной Австралии. Его заметили, и в 1917 году он был уже одним из организаторов стотысячной забастовки рабочих штата Новый Южный Уэльс и активистом комитета «Руки прочь от Советской России!». С таким мандатом он и поехал в Москву на IV Конгресс III Интернационала.

... Дорога в Ключнс шла через поля пшеницы и ячменя, перемежавшиеся лугами, поросшими клевером. Было время сенокоса, и то там, то здесь

по лугам ползали крохотные тракторы с копноукладчиками. Копенки из них выходили маленькие, как брикеты.

Клюнс вынырнул неожиданно из-за поросшей эвкалиптами сопки. Надпись при въезде в город сообщала, как это принято в Австралии, в Ключе проживает 11 тысяч человек. Ни одного из них не было на улице. Городишко словно вымер. И только у продуктовой лавочки прямо на земле сидел улыбающийся карапуз и пригоршнями швырял на дорогу красноватый сухой песок. Мать карапуза болтала с продавщицей, очевидно обсуждая в деталях все местные новости. На мой вопрос, где можно найти мистера Пейна, они среагировали не сразу. Затем, поняв, о ком идет речь, обе женщины заговорили одновременно: «Ах, Том вам нужен, Том Пейн? Ну, так он через два дома живет отсюда. Садик у него очень красивый. Идите влево и сразу найдете». И добавила с ехидцей: «Мистер...».

В Австралии не принято это обращение. Даже в сугубо официальной обстановке его избегают и называют друг друга по имени.

Домик Пейна и впрямь смотрелся, как на картинке. Вдоль свежевыбеленной веранды стояли в узорчатых кадках буйно цветущие фуксии – такие же, как в крестьянских избах наших старых русских деревень, только побольше. Том окапывал яблони.

Я окликнул его, и он посмотрел на меня настороженно – седой, как лунь, глаза пытливые, живые, поблескивающие из-под очков. Настороженность его как рукой сняло, как только он узнал, что я корреспондент «Правды». В его домике пахло клубникой и сыроватой прохладой бобыльего жилья. Жена его давно умерла. Дети разъехались. Остались детские комнаты, которые всегда ждут своих хозяев, которые в Ключе навещаются редко. Сам Том обосновался в гостиной, где у него горой лежали свежие газеты и наши журналы – «Советский Союз», «Советская женщина». На камине портреты классиков – Маркс, Энгельс, Ленин. «Когда ко мне приходят люди, – говорит он, – и спрашивают, кто это, ты не удивляйся, это Ключ, я отвечаю, что это три величайших композитора, авторы гениальной оратории под названием “Будущее человечества”. Тем, кто потолковее, разъясняю, кто есть кто и что есть что. Но таких в Ключе мало».

– А в Ключе знают, что ты был в России и видел Ленина?

— Знают. Я ведь у вас был дважды — в 1922 году и в 1969-м. И знаешь, для того, чтобы иметь возможность своими глазами увидеть и сравнить то, что было, и то, что есть, стоило прожить жизнь. Тогда, в двадцать втором, я видел голодную, полуразрушенную страну. И то, что говорил о будущем Ленин, казалось недостижимой мечтой. А через сорок семь лет я увидел воплощение этой мечты. Для меня это счастье.

Тогда, в 1922-м, в Москве было холодно, снег лежал на улицах. Даже в гостинице, где нас разместили, приходилось спать в одежде, чтобы согреться. Кормили нас, как и всех делегатов Конгресса Коминтерна, по талонам, по которым полагались миска супа, каша и кусок черствого черного хлеба. Да и тогда это было роскошью. Но нас кормили, отрывая от себя. И меня уже тогда поразила удивительная черта советских людей — думать о судьбах всего человечества, о будущем всего мира, даже испытывая немалые лишения в своей собственной стране. Это величайший дар революции, сущность пролетарского интернационализма, которому учил коммунистов Ленин...

Речь Ленина о нэпе на конгрессе я воспринял скорее сердцем, чем умом. Ведь я был попросту бунтарь, и никакой теоретической подготовки у меня не было. Но я понимал, чувствовал, что у меня на глазах творится история.

Ленин подошел к нам во время обеденного перерыва. Говорил он главным образом с Джоном Гарденом, главой нашей делегации и лидером Компартии Австралии. Меня поразила тогда способность Ленина вникать в самые, казалось бы, несущественные детали, настраиваться на мозговую волну того человека, с которым он беседовал. Казалось, что через Гардена он хотел мысленно воспринять весь австралийский образ жизни и определить место компартии в структуре нашего общества. Он спрашивал, почему, имея экономическое влияние в профсоюзах, компартия была так слаба политически. Много позже я понял, что Ленин, беседуя с нами, старался определить, какова же реальная сила нашей компартии и каковы ее возможности. Мозг Ленина, как уникальный политический барометр, мог на гигантском расстоянии определить силу предстоящих классовых битв. И этот барометр нельзя было обмануть...

На прощание Ленин написал нам записку. В ней, как я помню, были такие слова: «Привет австралийским товарищам. В. Ульянов (Ленин)». Я эту записку передал австралийскому рабочему-журналисту Биллу Томасу в конце 1923 года. К сожалению, потом найти ее не удалось...

Разговор наш прервал сосед Тома. Том вышел из комнаты вместе с ним, забрал у него корзину и сказал: «Подожди меня здесь». Сосед присел на краешек стула и спросил: «Вы из Москвы, журналист? Будете писать о Томе? Знаете, я не коммунист. И никто у нас в Ключесе не коммунист, у нас вообще не очень-то любят левых. Но Том – другое дело. У нас говорят так: если все такие коммунисты, как Том, то газеты врут, когда о них пишут всякую дрянь. Том ведь всегда поможет. Знаете, здесь, в Ключесе, в 1830 году нашли золото. Здесь началась золотая лихорадка. Сейчас никакого золота не осталось. А про Тома говорят, что он единственный оставшийся в Ключесе самородок. У него – золотое сердце. Вы знаете, зачем я пришел? Я пришел взять у него свежую клубнику. Том фрукты и ягоды из своего сада раздает здешним пенсионерам. Это хорошая помощь тем, кто живет на одну пенсию. Я ему помогаю...»

Мы простились с Томом. Он проводил меня до машины. На прощанье сказал: «У нас здесь, внизу, до революции еще далеко. А в вас мы, коммунисты Австралии, верим и смотрим на вас с надеждой. Берегите вашу революцию. У нее много врагов».

Увы, мы нашу революцию не уберегли. И виноваты в этом не только Горбачев и К°, хотя среди врагов нашей революции самыми опасными оказались все же враги внутренние. Тут все мы виноваты. Том Пейн, глядя из далекой Австралии на Советский Союз, считал, что мы пример для всего мира. А советские партократы, вроде Басова и ему подобных, для кого и революция была не более чем предметом экспорта, ослепнув от блеска западных витрин, научились презирать собственное Отечество и сдали его без боя самым ее злостным врагам. Когда-нибудь Россия заново перечитает свою историю и особенно историю Русской Революции. В ней было много страшного и кровавого. Но в ней было и то Прекрасное, что делало Россию притягательным примером для всех людей труда на Земле. Это тот Величайший Дар Революции, о котором

говорил Томас Пейн, – умение думать о судьбах всего человечества, о будущем всего мира, даже испытывая немалые лишения в своей собственной стране. То, что этот дар подменили торгашескими идеалами – стяжательством и неутолимým стремлением к наживе, – величайшая потеря для русского народа. Да и не только для русского. Наблюдая «там, внизу», да и не только там – во всем мире – за тем, как Советский Союз постепенно уходил от коммунистических норм и идеалов высоконравственной партии, народного государства и демократического общества, трансформируясь то в диктатуру, то в Гуляй-поле хрущевского волюнтаризма и анархии, то в застойную геронтократию, народы мира разочаровывались в нашей революции и искали свои пути развития либо пытались так или иначе усовершенствовать существовавшие буржуазные государства и их систему ценностей. Это произошло практически во всех странах «золотого миллиарда». И в Австралии с Новой Зеландией в первую очередь.

Еще южнее вниз

Если австралийцы определяют место своей страны на глобусе словами «там, внизу», то Новая Зеландия находится «еще ниже» – на 1700 км. Еще южнее. Не погрешу против истины, сказав, что это самая красивая и самая ухоженная страна на земном шаре. Несколько раз мне удалось побывать там, повидать и Северный остров, который я проехал от столицы Новой Зеландии Веллингтона до ее самого большого города Окленда, и Южный остров с его городом храмов по имени Крайстчерч, что означает в переводе «Церковь Христа». За свою жизнь я установил три личных рекорда по купанию в особо холодной воде. Первый – в проруби в Подмосковье. Там температура была всего пять градусов тепла. В бухте Петропавловска-Камчатского температура воды составляла в июле 7 градусов тепла. В Веллингтоне в Проливе Кука в феврале, который по параметрам лета в Южном полушарии соответствует нашему июлю, я искупался при температуре 11 градусов тепла и убедился, что Антаркти-

да там все-таки совсем рядом. А вот на самих островах тепло, потому что их прогревают горячие подземные воды.

Новая Зеландия во многом напоминает Камчатку по восхитительным горным пейзажам и по термальным источникам и гейзерам. Там есть своя Долина Гейзеров по имени Роторуа, где издревле селились мастера полинезийцев – прежде всего народ маори. В этих священных для них местах до сих пор работают лучшие мастера по изготовлению нефритовых украшений и резьбе по дереву, которая веками заменяла маори письменность. Вся их история и запечатлена в этой резьбе. А история древняя. Первые полинезийцы поселились здесь в 1250–1300 годах после продолжительных путешествий по южным тихоокеанским островам по тому маршруту, который века спустя воспроизвел великий Тур Хейердал в ходе своего путешествия на плоту Кон-Тики. Первые европейцы, достигшие Новой Зеландии, прибыли на корабле вместе с нидерландцем Абе́лем Тасма́ном в 1642 году. Но только в 1769 году британский исследователь Джеймс Кук нанес на карты почти всю береговую линию островов Новой Зеландии. Британский суверенитет над всей Новой Зеландией был установлен 21 мая 1840 года. В 1907 году по запросу парламента Новой Зеландии король Эдуард VII провозгласил ее доминионом Британской империи. Глава государства, как и в Австралии, – королева Англии. Точно так же ее представляет там генерал-губернатор. Существует еще и Королевство Новая Зеландия, куда входит несколько независимых островных государств во главе все с той же Елизаветой II. Но это королевство просто входит в Соединенное королевство, а само как государство не признано. XXI век и монархия – это казалось бы анахронизм. Но вот ведь какова сила традиций – в 2015 году провели конкурс на новый государственный флаг Новой Зеландии. И что же? Большинство проголосовало за то, чтобы сохранить флаг старый, на котором в верхнем уголке изображен флаг Великобритании.

Население страны – небольшое, около пяти миллионов человек. Всего 18,5 % жителей этой страны живут в сельской местности. Остальные в городах. И тем не менее из семимиллиардного валового национального продукта страны полтора миллиарда приходится на сельскохозяйственную продукцию. На пять миллионов человек здесь приходится свыше 60 мил-

лионов овец, а поставки на экспорт мяса, молочных продуктов и шерсти приносят стране до 80 % всего дохода от экспорта.

Я встречался в этой стране с разными людьми, в том числе с тогдашним заместителем премьер-министра Р. Тизардом, говорил с лидерами лейбористской и национальной партий, сменяющих друг друга у власти, с лидером Новозеландской федерации труда Д. Ноксом, национальным секретарем Партии социалистического единства Новой Зеландии (аналог СПА в Австралии) Джорджем Джексоном, с поэтом Денисом Гловером и настоятелем неортодоксальной «Церкви любви Христа» в Крайстчерче. Я пытался понять, в чем суть новозеландского чуда, свершившегося в условиях капитализма со всеми присущими ему пороками, описанными Марксом, Энгельсом, Лениным и легионом современных марксистских теоретиков. По рейтинговым показателям среди стран «золотого миллиарда» Новая Зеландия держит самые первые места. Это одна из наиболее стабильных и хорошо управляемых стран мира. По состоянию на 2014 год она была четвертой по силе демократических институтов в мире. Индекс развития человеческого потенциала – 7 из 187. По индексу восприятия коррупции по системе Transparency International страна уступает только Дании – 2 из 180. Рейтинг конкурентоспособности экономики – 23 из 133. И, наконец, глобальный индекс миролюбия составил 4 из 162. Еще в 1973 году премьер-министр Новой Зеландии Н. Кирк с трибуны ООН поддержал советское предложение о создании системы коллективной безопасности в Азии. Его преемник У. Роулинг высказался за превращение Индийского океана в зону мира. А в 1987 году Новая Зеландия пошла еще дальше и впервые в мире законодательно провозгласила свою территорию безъядерной зоной. В результате принятия данного статуса Новая Зеландия ввела запрет на вход в свои территориальные воды кораблей с ядерным оружием на борту и с ядерными силовыми установками, что существенно ограничило возможность захода кораблей Военно-морских сил США в порты Новой Зеландии.

В России, где все еще ищут, как бы выйти из кризиса наименее затратным способом и опять не выпасть в рецессию, зря не изучали новозеландский опыт. Страна добилась небывалых успехов в экономике, сведя

до минимума ее государственное регулирование. По индексу барьеров для ведения бизнеса страна занимает второе место в числе 189 стран. А Россия тащится по этому показателю в самом конце.

В Новой Зеландии совершенно по-иному, чем в Австралии, сложились отношения белых пришельцев с туземным населением. После ряда кровавых столкновений был заключен мир с маори, который последние двести с лишним лет практически не нарушался. Маори получили равные права с белыми. Язык маори – второй государственный язык после английского. Есть даже третий государственный язык маори – язык жестов, утвержденный как государственный для глухонемых. На островах Королевства Новая Зеландия родилась новая единая нация, и входящие в нее народы придумали для себя новое имя – киви, по имени бескрылой птицы, ставшей символом этой страны. Все это не могло не сказаться на менталитете ее граждан. Равенство и взаимное обогащение культур в сочетании с уважением к человеку независимо от его расы и других отличий породили ту толерантность, которой свойственна государственная логика – все то, что идет на благо Новой Зеландии и ее граждан, – допустимо, и наоборот. Соединение полинезийской ментальности маори с деловой хваткой британцев и шотландцев обернулось немалой пользой для экономики страны, в первую очередь для туризма и сельского хозяйства. Киви относятся к природе как к живому существу, а к любому живому существу с должным уважением. В Крайстчерче я провел сутки в семье проповедника «Церкви любви Христа». Он и его жена – вегетарианцы, они уверены, что любое живое существо имеет право на жизнь, а Христос – это любовь и суть христианства заключается в любви к ближнему. И это не из серии: ударят по одной щеке, подставь другую. Маори традиционно были отличными воинами, и их белые соотечественники – тоже. Для них война – дело вынужденное, но необходимое для защиты тех, кого они любят.

Все эти вроде бы очевидные взаимосвязи и взаимозависимости я искренне пытался совместить со своим марксистским мировоззрением и с его помощью истолковать как феномен новозеландского экономического чуда, так и закономерности толерантности киви. Как ни странно, «Прав-

да» тоже проявила толерантность по отношению к моим корреспонденциям из Новой Зеландии, не вырубив безжалостно столь невыгодные для СССР показатели процветания этой страны, хотя, конечно, сохранила при этом и высказывания киви-коммунистов о том, что инфляция съедает, к сожалению, те прибавки к жалованью, которых профсоюзы добиваются с таким трудом...

В Веллингтоне в то время были аккредитованы только два советских журналиста – один от ТАСС, я его, честно говоря, не запомнил, и другой – мой добрый приятель Олесь Петрович Бенюх (1928–2015) – от АПН. Бенюх издавал там журнал «Совет ньюс», как до этого в Индии – «Совет лэнд» и с 1983 по 1989 год – «Совет лайф» в США. Мы с ним были коллегами вдвойне и по военной, и по журналистской линии – он успел окончить Институт иностранных языков Советской Армии еще до того, как его закрыл Хрущев, а я – созданный на его базе факультет иностранных языков при Военно-дипломатической академии. В 1953 году он как раз попал под хрущевские сокращения и был уволен из армии. Бенюх был известен и как очень способный лингвист, автор нескольких учебников английского языка, и как писатель резко антиссионистской направленности («Удар “Триады”», «Русь, куда же ты?», «Правитель империи», «Рабы не мы», «Шлюха, которую он обожал» и др.). У нас с ним было о чем поговорить. Поэтому в Веллингтоне я останавливался у него в квартире, которая служила одновременно и корпунктом АПН, а не в гостинице. Конечно, без него мне не удалось бы вот так с налету познакомиться с теми, кто делает политическую погоду в Новой Зеландии. Бенюх, вечная ему память, и познакомил меня с поэтом Денисом Гловером, который совершенно с иной стороны – поэтической – открыл мне Новую Зеландию.

«Русский след» на Фиджи

Я вряд ли сумел бы попасть на Фиджи при жестком режиме командировочных, выделявшихся на корпункт «Правды» в Сиднее, если бы авиакомпания «Air New Zealand» не предложила мне билет по маршруту

Сидней–Окленд–Сува – Сидней с задержкой на два дня в Суве – практически по той же цене, что Сидней–Окленд, и обратно. В Москве эту экономию одобрили, и вот в восемь утра я уже вступаю на борт «Боинга» и затем лечу над Тихим океаном, прощаясь из окна с изумрудным оклендским заливом, отгороженным от города частоколом небоскребов, построенных с учетом всех коварств и опасностей местных землетрясений. Путь на Фиджи из Окленда не близкий – 1700 километров. Почти четыре часа лететь до Наусори. Это – воздушные ворота, оттуда до нее 23 километра. Добраться до столицы можно только на такси. На другом конце острова Вити-Леву есть аэропорт Нади. Он побольше, но для того, чтобы от него добраться до столицы, надо пересечь поперек весь остров Вити-Леву.

В 1975 году Фиджи еще были Королевством. В наши дни это уже республика. Но никто не гарантирует, что монархию там не реставрируют. Слишком сильны племенные традиции, которые требуют сильной власти и сильной руки. Демократическими методами очень трудно управлять страной, расположенной на архипелаге Фиджи из 322 тропических островов, из которых сотня официально необитаема, но неофициально туда лучше белому человеку не соваться.

По традиции посол СССР в Австралии был одновременно и послом на Фиджи. Но и по сей день постоянного представительства нашей страны там нет. Бенюха между тем там хорошо знали, и с его помощью я договорился по телефону с двумя бизнесменами о встрече и интервью. По их королевскому английскому я догадался, что они по происхождению из Туманного Альбиона, хотя и обосновались в самом центре Тихого океана. Это были единственные деловые люди во всем Королевстве Фиджи, которые пытались наладить торговые отношения с Советским Союзом, куда они хотели поставлять кокосовые орехи и тропические фрукты. О том, что на Фиджи прибывает корреспондент «Правды», каким-то образом узнал и корреспондент местной газеты «Фиджи сан» Роберт Уильямс, разбитной парень, который ворвался в мой номер в гостинице «Трансконтиненталь» ровно через двадцать минут после того, как я поставил там свой чемодан и подарил матрешку официантке, принесшей

мне в номер сок манго со льдом и блюдо фруктов. Матрешку я заготовил заранее, по совету Бенюха, который предупредил меня, что чаевые на Фидже лучше не давать, т. к. фиджийцы воспринимают их как деньги, данные в долг, который надо отдать.

Уильямс быстро выяснил, зачем я прибыл на Фиджи, не служу ли я помимо «Правды» еще и в КГБ и как мне нравятся фиджийские женщины. После ланча в холле гостиницы мы встретились с моими собеседниками из делового мира Фиджи, очень симпатичными и по-своему наивными бизнесменами, которые совершенно не представляли себе, что такое реальный социализм и как там можно вести какой-то бизнес по западным образцам. Я подал им несколько конкретных советов, и они любезно согласились отвезти меня на местный рынок, ибо без этого трудно понять Фиджи и фиджийцев. Однако на следующий день в назначенный час эти деловые люди в моей гостинице не появились. Зато пришел сияющий Роберт Уильямс со своей газетой. На первой полосе «Фиджи таймс» была опубликована почти полосная фотография, на которой была запечатлена моя встреча с двумя торговцами кокосовым орехом. А по бокам от нашего столика в том же холле гостиницы сидели какие-то два типа в черных очках и с газетами в руках. Уильямс в своем репортаже объяснил, что корреспондент «Правды» Владимир Большаков, который решительно отрицает какую-либо свою связь с КГБ и который в восторге от фиджийских женщин, приехал пообщаться с местными бизнесменами, которых с нетерпением ждут в Советском Союзе. А за ним устроили слежку два агента фиджийской секретной службы, которые вслушиваются в их беседу, укрывшись газетами, в холле гостиницы «Трансконтиненталь». На снимке они были помечены белыми стрелками. «Ну, как? – торжествующе спросил Уильямс. – Какую я тебе создал рекламу?» Мне ничего не оставалось, как только его поблагодарить.

На базар я отправился один, благо от гостиницы он оказался недалеко. Продовольственная его часть, где продавались фрукты, овощи и дары моря, явно уступала по своим размерам сувенирному рынку. Чего там только не было. Причудливые раковины, панцири гигантских черепах и изделия из них, украшения из нефрита и кораллов всех цветов, холодное

оружие и маски. Для любителей экзотики – раздолье, хотя маски достаточно примитивные по сравнению с теми, что я видел у маори в Роторуа и в Папуа–Новой Гвинее. Фиджийцы предпочитают в своих масках длинные, конические лица с узкими прорезанными в дереве глазами и ртом с нехитрой насечкой на «щеках». Чем-то они напоминают картину Мунка «Крик». Но еще больше – изображения инопланетян в книгах об НЛО. Я не устоял и купил комплект из трех настенных масок, сильно подорвав тем самым семейный бюджет. Но на рынках Фиджи, увы, торговаться не принято. Вечером перед отлетом мы встретились с моими коллегами из «Фиджи таймс», одной из самых старых газет Океании, отметившей незадолго до моего приезда свой столетний юбилей. Я полистал подшивку, удивляясь, как быстро бежит время, как, говоря словами древних римлян, «времена меняются и мы меняемся вместе с ними» (*лат.* – “*Tempora mutantur et nos mutamos in illis*”). Давно ли на этих островах закончился каменный век? А теперь жители этих островов живут в мире компьютеров и самой передовой электроники. А традиции предков остались разве что в ритуальных танцах на раскаленных углях и в звуках вырезанных из бамбука труб. Да и то это больше развлечения для туристов. Парусники уже давно не служат средством соединения с материком. Сюда и отсюда летают самые современные реактивные самолеты, и юные фиджийцы изучают в местном университете сложнейшие науки и технологии. Мир меняется такими быстрыми темпами, что я подумал на том рынке в Суве: а ведь недалек тот день, когда и резчики по черепашьему панцирю станут такой же редкостью, как и сами черепахи. Что-то мы находим на нашем пути в будущее, но сколько доброго и полезного безвозвратно теряем.

В стране райских птиц

...Допотопный двухмоторный самолет местных авиалиний, на котором я вылетел в Порт-Морсби из Сиднея, немного не дотянул до места назначения и присел для ремонта двигателя в Дарвине, столице Северной территории Австралии. В результате мы опаздывали на восемь ча-

сов и должны были прибыть в столицу Папуа–Новой Гвинеи (ПНГ) не раньше часа ночи. Когда мы уже подлетали к ней, мой сосед по креслу, белый бизнесмен из семьи старых колонизаторов, как он мне представился, спросил: «А вас кто-нибудь будет встречать в Порте-Морсби?» Я ответил, что нет и что до гостиницы я просто возьму такси. Тогда он сказал: «Не советую. Как бы вам это объяснить. В общем, в этой стране действует секта каннибалов и у них мясо белого человека все еще в цене. Так что лучше позвоните из аэропорта своим знакомым, и они подъедут и встретят вас. У нас это в порядке вещей». Я решил не рисковать и все же позвонил профессору Робертсону, разбудив его где-то в половине второго ночи. Он быстро приехал и довез меня до гостиницы. На мой вопрос о каннибалах он ответил: «Увы, они все еще существуют. Но не берите это в голову, сектанты с патологическими наклонностями есть в любой стране. И эта не исключение». Увы, мой попутчик оказался прав. Много лет спустя я узнал, что в 2012 году секта каннибалов даже сорвала проведение выборов в ПНГ, терроризируя местное население. Оказалось, что наследники аборигенов, которые «съели Кука» по Высоцкому, – это все еще реальность в Стране райских птиц.

К своему празднику папуасы готовились долго и тщательно. Подолгу не кончался трудовой день в правительственных зданиях, украшенных черно-красными национальными флагами с изображением Южного Креста и райской птицы и лозунгами, которые в буквальном переводе звучали так: «Ты и я – мы – наша страна – независимы!». Об этой независимости официально должен был сообщить всему миру премьер-министр Австралии Гоф Уитлем. (С 1884 г. юго-восточная часть о. Новая Гвинея (Папуа) находилась под господством Британской империи, которая в начале XX века передала ее Австралии.) Уитлем выполнил свое предвыборное обещание предоставить независимость папуасам. Противники этого решения были и в Австралии, и даже в самой ПНГ, где опасались, что самостоятельность обойдется стране слишком дорого финансово. В конечном итоге было принято соломоново решение – независимость провозгласить, но остаться в составе Британского Содружества Наций, а королеве Англии предоставить статус главы государства, как в Австралии и Новой Зеландии.

С чем эта страна пришла к независимости? Если и есть такое место на Земле, где знаменитая фраза журналиста-международника Игоря Фесуненко – «Это страна контрастов» – подошло бы на сто процентов, то это Папуа–Новая Гвинея. 750 племен, еще больше языков, наречий и диалектов, наипестрейшая мозаика обычаев и традиций, культурных ценностей и этнических характеристик, редчайшие перепады в уровне образования и культуры – от выпускников ведущих университетов мира до людей, всего лишь несколько лет назад открытых для остального мира неутомимыми этнографами и шагнувших неожиданно для себя из каменного века в XX-й. Большинство племен до объявления независимости оставалось вне денежного обращения: зарплату получали только 16 % взрослого населения страны. Остальные – это либо безработные искатели счастья и пропитания, которых нужда гонит в города, либо члены общин, живущих в рамках натурального обмена, за счет охоты и рыболовства. Из каждых 10 человек девять живут в деревне. Первое правительство независимой ПНГ во главе с лидером партии Пангу-парти Майклом Томасом Сомаре провозгласило амбициозный план развития страны по пути индустриализации при интенсивном развитии сельского хозяйства. Сомаре не был социалистом, но его программа предоставления более широких возможностей для каждого жителя его страны во многом перекликалась с социальными программами лейбористов Австралии. Партия Сомаре внимательно изучала советский опыт в решении прежде всего национального вопроса, в развитии культуры и образования. Любопытная деталь. Мои новые знакомые в ПНГ показали мне объявление, которое разместил в местной прессе экономический факультет Университета Порт-Морсби. Вот его текст: «Требуется преподаватель социалистической экономики или политической экономии на 1975–1976 учебный год. Особенно нужны специалисты по политэкономии, экономическому планированию, роли государств в экономике стран третьего мира, а также экономической теории Маркса». Вот это был сюрприз!

Уитлем прилетел в Порт-Морсби 14 сентября, накануне провозглашения независимости. Своим почти двухметровым ростом он сильно выделялся в толпе встречавших его низкорослых папуасских чиновников,

которые вывели на летное поле аэродрома целый ансамбль танцоров из разных племен страны, чтобы приветствовать высокого гостя, как это и положено у папуасов. Разноцветные перья райских птиц почти не прикрывали наготы танцовщиц, которые довольно агрессивно наступали на Уитлема в приветственном танце. Смущенный, он помахал им рукой и пошел к почетному караулу в сопровождении премьер-министра ПНГ Майкла Томаса Сомаре. Оркестр не очень слаженно заиграл гимн ПНГ, который должен был стать со следующего дня главным гимном нового папуасского государства. Перед тем как сесть в свой лимузин, Уитлем не преминул сказать окружившим его журналистам: «Как видите, мы выполняем свои предвыборные обещания. Папуа–Новая Гвинея останется другом Австралии, но обретет свою независимость».

К моменту приезда Уитлема, наследника Британской короны Принца Чарльза и советского посла Басова и других делегаций на праздник провозглашения независимости, я уже несколько дней работал в Папуа–Новой Гвинее. К этой командировке я готовился особенно тщательно. Изучил всю доступную тогда мне литературу, включая очерки Миклухо-Маклая, прожившего среди папуасов около четырех лет в конце 1870-х и в начале 1880-х годов. В Сиднее я познакомился с консулом ПНГ Винсентом Эри, который оказался писателем и высокообразованным человеком – учился в Кембридже, где и защитил диссертацию. Он подарил мне свою книгу с простеньким названием «Крокодил», которую я прочитал уже по пути в Порт-Морсби. Для меня были откровением описанные им верования папуасов и их обычаи, что потом мне пригодилось, когда я посетил папуасскую деревню. Мои друзья из СПА дали мне адрес и телефон австралийского этнографа профессора Робертсона, который долгие годы жил в ПНГ и написал несколько книг об этой стране и о мастерах по изготовлению масок. Конечно, для того подвальчика на пять колонок, которые мне предоставили в «Правде» для репортажа из Порто-Морсби, мне и сотой доли моих познаний о папуасах не пригодилось. Но с годами журналистской работы я стал особенно скрупулезно подходить к цифрам, фактам и именам, ибо, как я убедился, – это своего рода ахиллесова пята многих прекрасных журналистов, статьи которых на самые острые темы наши идейные про-

тивники дискредитировали только потому, что находили в них какие-то статистические или фактурные погрешности.

Очень охотно помогали мне в познании местной действительности и правительственные чиновники. В министерстве образования меня пригласили посетить рыбацкую деревню в ста километрах от Порт-Морсби. Сопровождать меня взялась одна из сотрудниц министерства Элис Момасе, полногрудая, круглолицая женщина лет тридцати с буйной копной мелкозавитых волос, огромными, надутыми от природы губами, с цветными татуировками в виде красных и синих розочек на щеках и многочисленными браслетами на обеих запястьях. По папуасским понятиям – просто красавица. Мы договорились о встрече, я взял в аренду небольшой «валиант» английского производства, и точно в назначенное время Элис появилась у входа в мой отель с двумя своими дочерьми с такой же копной волос на голове, как у мамы, и хорошо поставленными голосами, не умолкавшими все сто километров до рыбацкой деревни, где, как выяснилось по дороге, жили родители Элис – вождь племени и его жена, бабушка моих маленьких пассажиров.

Дорога до деревни, конечно, была грунтовой, и разметки на ней, естественно, не было. Время от времени навстречу нам из облака пыли выскакивал на бешеной скорости грузовик, кузов которого был битком набит людьми, которые держались друг за друга, чтобы на полном ходу не выпасть. Элис посетовала, что часто местные водители не соблюдают правила дорожного движения и нередко их просто не знают. Дело в том, что согласно местным обычаям, если кто-то из жителей деревни получает водительские права, то они становятся собственностью всех его односельчан, которые рулят, как хотят. Поняв, в чем дело, я старался всякий раз, когда на горизонте появлялось облако пыли, мчащееся по встречке, держаться ближе к обочине. Километров через пятьдесят, едва разминувшись с очередным обладателем общедеревенских прав, я наскочил на что-то твердое, и мой валиант остановился. Оказалось, что я переехал полутарометрового удавчика, который решил переползти через дорогу и в результате намотался на рулевые тяги моего валианта, одна из которых снесла ему голову. Вместе с Элис мы его осторожно вытянули из-под машины,

и я хотел было уже выбросить это мерзкое, дурно пахнущее создание в ближайшую канаву, но Элис запротестовала: «Оставь. У нас в деревне из него сделают отличное жаркое». Мы бросили удава в багажник и вскоре подъехали к деревне, которая показалась мне нежилой. Вдоль берега моря стояли хижины на сваях, а рядом с ними на высоких платформах, будто в сухих доках, были установлены рыбацкие лодки с парусами из пальмовых листьев, по форме напоминавшими клешню краба. У рва, который шел по периметру деревни, я остановил машину, мы вышли из нее и пошли к хижинам, пятясь и широко расставив руки, как велела Элис. Я уже знал из моих подготовительных занятий, что таким образом мы сигнализировали об отсутствии у нас каких-либо враждебных намерений. Люди появились сразу, откуда-то будто выскочив из-под земли, и повели нас к деревне. Отец Элис, вождь племени, и его жена встретили нас у похжей на трап лестницы, поднимавшейся ко входу в хижину на сваях. На вожде не было ничего, кроме набедренной повязки, чем-то напоминающей пионерский галстук, а его жена вышла к нам в длинной юбке, но топлесс, демонстрируя свои богато татуированные обвисшие до пупа груди. Бюстгалтеры в этих краях вообще не носят.

В Папуа–Новой Гвинее более 700 племен и почти столько же языков, так что общаться между собой им помогает английский, переделанный в пиджин-инглиш. Это что-то вроде «моя твоя не понимай нету». Но на этом «языке» местные поэты даже пишут стихи. Элис говорила с родителями на языке племени, время от времени переходя на пиджин, который я понимал. Вождь говорил только на своем, хотя, как сказала мне его дочь, знал немного и английский, т. к. был официальным лицом, кем-то вроде мэра своей деревни, которая оказалась достаточно большой и протянулась вдоль побережья на пару километров. Элис рассказала ему, что я из той страны, откуда к папуасам приезжал Миклухо-Маклай. Для них это пароль, память о нашем соотечественнике хранят в ПНГ до сих пор. Буквально накануне моего приезда в ПНГ в городе Маданг, где когда-то жил Миклухо-Маклай, местное издательство «Кристан пресс» выпустил в свет полный текст его знаменитого дневника на английском языке. Это было первое издание такого рода.

Нам принесли молодые кокосовые орехи с восхитительным холодным молочком внутри, который мы пили через соломку. Вождь рассказал мне по-английски, что деревня живет рыбной ловлей и продажей раковин, а также немного охотой. С гордостью он сообщил, что у племени есть почти 50 казуаров, что в Папуа–Новой Гвинее считается показателем богатства племени, а также небольшое стадо свиней. Заметив, как я кивал, он понял, что это на меня произвело должное впечатление, и произнес какую-то тираду на своем языке, попросив дочь жестом, чтобы она перевела мне его слова. Выяснилось, что он предложил мне стать членом его племени, но для этого мне надо было бы пройти инициацию. Элис пояснила, что это небольшая формальность – дети племени обычно проходят инициацию, как только им исполнится 12 лет, причем не в деревне, а в джунглях, где их оставляют на ночь наедине с духами. Мне ничего не оставалось, кроме как сдаться. Вождь привел меня в свою хижину. Внутри ее ничего не было, кроме большого закоптелого чайника и нескольких циновок. На большом столбе, на котором держалось это сооружение, висели какие-то бубенцы, маски и плетеные веревки. Вождь указал мне на столб и жестами показал, чтобы я снял свою рубашку. Затем он взял веревку и, поставив меня спиной к столбу, привязал к нему веревкой. Не крепко, так что при желании я мог легко от этой привязи освободиться. Похлопав меня по животу и бедрам, как жеребца, он удалился, сверкнув на прощание желтыми от жевания бетеля зубами.

Прошло несколько минут, и я услышал звуки каких-то дудок и бубна. По «трапу» кто-то поднимался. Служившая дверью в хижину занавеска отошла в сторону, и появились гости – раскрашенные белой краской воины с перьями на голове и в юбочках из каких-то шкур и веток, с копьями и мачете в руках. На ногах у них были погремушки в виде ножных браслетов. Они окружили меня и принялись с воплями и рычанием вертеться вокруг столба, к которому я был привязан, раскачиваясь и притоптывая. Потом они остановились и стали с угрожающим рычанием целиться в меня копьями и размахивать мачете. Снаружи до меня донесся запах и потрескивание горящих дров. Невольно вспомнились слова моего попутчика по полету в Порт-Морсби: «Мясо белого человека все еще в цене». Танцоры между тем

разошлись не на шутку, и, чтобы не видеть их страшные рожи, я закрыл глаза, решив про себя, что без боя не сдамся, и потихонечку отвязал себя от столба. Танец с копьями и мачете так же неожиданно закончился, как и начался. «Людоеды», которые, как мне потом объяснили, изображали лесных духов и пугали меня, имитируя инициацию подростка в лесу, гуртом сбежали по трапу вниз, где действительно разложили костер, на котором готовили большую свинью для пира по поводу принятия меня в состав племени. По этому поводу вождь вывел меня на палубу своего парусника, где Элис меня и сфотографировала с ним и ее матерью. Они о чем-то говорили между собой, и Элис попросила меня сделать еще один их снимок. Вождь с женой вышли к нам в европейской одежде. Он в черном смокинге, а она в бальном платье. Правда, оба фотографировались босыми. Покончив с фотосессией, я сходил к машине и принес бутылку «Столичной», которую прихватил с собой из Сиднея как сувенир. Вождь отпил глоток из горлышка и передал ее мне. Я сделал то же самое, и дальше бутылка пошла по кругу. Отведав жареной свинины в банановых листьях, мы поблагодарили хозяев и направились к машине. В путь-дорогу нам принесли кокосовые орехи с соломинкой и куски какого-то жареного мяса. Это был тот самый удав, которого мы переехали. Когда я подвез Элис с детьми к ее дому, уже темнело. Вечер в тропиках сразу же переходит в ночь. В номере меня ждала записка, в которой подтверждалось мое интервью на следующее утро с заместителем премьер-министра, министром иностранных дел и внешней торговли Маори Кики.

Кики совсем не был похож на папуаса. Скорее на индонезийца. По егоговору и манере себя вести в нем легко угадывался выпускник Оксфорда или Кембриджа. Он рассказал мне о планах правительства Сомаре по подъему экономики страны. Большие надежды они связывали с проектом строительства энергопромышленного комплекса на реке Пулари на севере страны в районе города Вабо. Там планировалось построить пять-шесть электростанций, что превратило бы этот район в мощный индустриальный центр. Дешевая электроэнергия позволила бы освоить богатейшие природные ресурсы и выплавлять на месте алюминий, цинк, медь и вести добычу и обработку урана. «В этом, – сказал Кики, – мы надеемся на сотрудниче-

ство с вашей страной. У нас к России всегда было доброе отношение. Мы могли бы развивать торговые отношения с вашей страной...»

Это интервью я включил в свою статью «Флаг независимости над Порт-Морсби», опубликованную в «Правде» 17 сентября 1975 года. И в этом был свой подтекст. Дело в том, что посол Басов перед моим отъездом в Порт-Морсби попросил меня выяснить, в каких областях ПНГ хотело бы развивать сотрудничество с Советским Союзом. Он прилетел утром 14 сентября на следующий день после моего интервью с Кики и попросил меня заехать к нему в отель. Было где-то около полудня, но Басов уже опохмелился – на столе стояла початая бутылка Johnny Walker Black Label. Он предложил мне выпить с ним, но я отказался, сославшись на то, что был «за рулем».

В номере мы были одни, его помощник поехал в ведомство Кики за пригласительным билетом на церемонию провозглашения независимости. «Сказали, что буду сидеть в первом ряду, вместе с принцем Чарльзом, – похвастался он. – Уважают». Потом спросил: «Ну, что ты здесь разузнал, чего эти папуасы хотят?» Я посмотрел на него и вполне понятным жестом показал на потолок и стены, а затем себе на уши. Басов отмахнулся: «Да в гробу я их видел». Я рассказал ему о разговоре с Кики и о том, что руководство республики рассчитывает на помощь России в строительстве гидроэлектростанций на реке Пурари. Предварительные переговоры на этот счет можно было бы провести сразу же после праздника.

Басов налил себе еще виски и сказал: «Вот еще. Они только вчера еще с дерева слезли, а сегодня им, видишь, электростанции подавай». – «Ну, зачем же вы так, Александр Васильевич, – возразил я. – Республику возглавляют весьма образованные и опытные люди». – «Я им лучше наши рыболовные суда предложу с рефрижераторами. Меня об этом Ишков попросил». Я не знал тогда, что бессменный министр Минрыбхоза СССР А. Ишков был приятелем Басова. Познакомились они еще в конце 50-х годов. В 1957 году Ишков обзавелся дипломом о высшем образовании, окончив заочно Ростовский-на-Дону педагогический институт. А Басов в то время был председателем Исполкома Ростовского областного Совета (1955–1960). С тех пор и сдружились, и где бы Басов ни трудился в качестве

Чрезвычайного и Полномочного, он лоббировал интересы Ишкова, согласно основному закону советской партократии – ты мне, я тебе.

Последствия нашего разговора, о котором после прослушки австралийские спецслужбы, как очевидно, поспешили доложить Майклу Сомаре, оказались для Советского Союза весьма печальными. Басов не получил приглашения в первый ряд по соседству с наследником английского трона. Вместо него это кресло занял китайский посол. А Басова разместили в шестом ряду, отказав к тому же в месте его переводчику. Он от этого пришел в ярость и улетел в Сидней тем же вечером. Дипломатические отношения с ПНГ были установлены только в мае 1976 года, но советское посольство в Порт-Морсби было открыто только в 1990 году, под конец существования СССР, и в начале 1992 года было закрыто. В наши дни интересы России в ПНГ представляет российский посол в Индонезии, и с 2009 года роль Почетного консула РФ в ПНГ исполняет некая российская гражданка М. А. Лаврентьева. И, конечно, СССР так и не принял никакого участия в проектах электрификации ПНГ. Да и постсоветская Россия в этом не преуспела. Объем двусторонней торговли между нашими странами минимален – в 2014 году он составил 6,9 млн долл. (в 2013 г. – 7,5 млн). Поставки в Россию товаров из ПНГ составили 5,7 млн долл., а российский экспорт туда – 1,2 млн. Такова расплата за хамство партократа Басова, который сыгнорировал известную истину, согласно которой «и у стен есть уши».

После этой истории наши отношения с Басовым, и так не дружественные, только ухудшались с каждым днем. Однажды, когда я возвращался из Канберры в Сидней, ко мне в машину napросился попутчик – сотрудник сиднейского консульства, который по совместительству был сотрудником КГБ. Он мне рассказал о том, как Басов переселил из своих апартаментов уборщицу, которая занимала там небольшую комнату вместе со своим мужем, в подвальное помещение, узнав, что она беременна. Побоялся, что новорожденный будет его беспокоить своим плачем. Для жилья это помещение не было приспособлено, и дело кончилось тем, что в результате переживаний и хамства Басова она родила мертвого ребенка. Я не выдержал и сказал, что от «палача Новочеркасска», как я назвал

Басова, и не такого можно ожидать. Конечно, мой подсадной попутчик донес мои слова до адресата.

«Табель о рангах»

Какое-то время у меня, как и у многих советских граждан, сохранялась вера в то, что основной принцип социализма – от каждого по способностям, каждому по труду – в нашем обществе реализован и применяется повседневно и повсеместно. В соответствии с этим принципом Басова следовало бы изгнать раз и навсегда из партии и управленческого аппарата уже после Новочеркасска, а уж после Чили – вообще не допускать к дипломатической работе. Но этого не случилось. Басов, пользуясь покровительством Кириленко и других партийных вельмож, оставался в орбите власти. Это произошло потому, что партократия в СССР жила по своим законам, построив для себя свой, бюрократический коммунизм привилегий, где принципом было не марксово «от каждого по способностям, каждому по потребностям», а просто – «каждому партократу по потребностям».

Началось строительство этого варианта бюрократического коммунизма еще в 1920-е годы. Самой сенсационной его «новинкой» было возвращение к бюрократической системе, существовавшей до революции. Ввел ее 24 января 1722 года Петр Первый, когда издал свою знаменитую «Роспись чинов» или «Табель о рангах», которая определила порядок прохождения службы чиновниками в Государстве Российском. Практически все не крепостное население России получило возможность приобщиться к бюрократии. Петр ввел 14 рангов или классов чиновников по трем видам службы – воинской, штатской и придворной. Это была своего рода бюрократическая революция в России. «Табель о рангах» ставила бюрократическую иерархию на место иерархии аристократической. Знатность рода сама по себе положения в обществе человеку более не гарантировала. Чин, или, как при Петре говорили, «характер», давали уже не по «породе», а по заслугам перед государем и отечеством.

«Табель о рангах» поставила чиновничество, государственную бюрократию выше родовой аристократии в России. Со временем эта бюрократия сосредоточила в своих руках всю полноту реальной власти. Никакое самодержавие ей в том не мешало. «Табель» просуществовала вплоть до Октябрьской революции 1917 года и вскоре после нее была отменена.

Уничтожив монархию, большевики обратились к ее опыту. Но не правы те, кто говорит о Сталине как о монархе. Это была не монархия, а скорее «цезаризм», в чем-то даже бонапартизм без формального, конечно, коронования. Сталин понял, что структура империи вполне подходит и для строительства социализма в отдельно взятом СССР, и для подготовки мировой революции, в том числе путем аннексии. Геополитически любая имперская структура тяготеет к глобализму. Отсюда политическая двойственность Сталина – ксенофобия грузинского семинариста сочеталась в нем с интернационализмом коммуниста-большевика. Советское государство при Сталине восстановило всю петровскую структуру управления, только поменяв названия. И к тому же добавило скроенные по петровскому образцу свои, советские бюрократические структуры.

Это невероятно, но это так. Во-первых, осталась военная бюрократия.

В 1942 году, когда гитлеровцы еще оккупировали огромные пространства европейской части СССР, Сталин неожиданно отменил революционные воинские чины и вернул в армию царские. «Комбригов», «начдивов», «комэсков» и т. д. не стало. Они надели погоны генералов, полковников, майоров, капитанов. Только что пятиконечные звезды на погонах отличали советских военных чиновников от царских. Остальное было почти то же – от униформы до фуражек с кокардами. Даже 14 чинов сохранились. От генералиссимуса до прапорщика (при Сталине – «старшина»). Ну, а что касается гарнизонного образа жизни и офицерства как служилой касты, то все это осталось.

Штатская бюрократия тоже, естественно, осталась и получила название «административно-хозяйственный аппарат». От народных комиссариатов, которые заменили после революции царские министерства и департаменты, при Сталине тоже освободились и вернулись к министерской

системе, существовавшей при царе-батюшке. В руководстве министерств и ведомств была произведена соответствующая «ропись чинов» точно по петровскому образцу. Одно время, например, все служащие центральных министерств носили мундиры.

В Министерстве путей сообщения, в Министерстве финансов, в Прокуратуре, на Таможне эти мундиры сохранились и после августа 1991 года. В МИДе это сохраняется до сих пор.

Во время войны директора заводов и других предприятий получали воинские звания соответственно чину. Директор завода – генерал, начальник цеха – полковник и т. д.

Универсальность «Табели о рангах» по-советски просто потрясает своей схожестью с петровской.

Но еще больше потрясают аналогии в иерархии партократии, созданной Сталиным, и придворной бюрократии русских самодержцев. И здесь та же самая магическая цифра 14.

Генеральный (Первый при Сталине) секретарь ЦК КПСС занимал в Советском государстве должность царскую. Действительно, власть у него была абсолютнее, чем у любого монарха. Дальше по иерархической лестнице стояли:

1. Секретарь ЦК КПСС, Член Политбюро ЦК КПСС (как правило, на этом уровне стояли Первые секретари Горкомов КПСС Москвы и Ленинграда).

2. Член Политбюро ЦК КПСС.

3. Секретарь ЦК, Кандидат в Члены Политбюро ЦК КПСС.

4. Кандидат в Члены Политбюро ЦК КПСС.

5. Секретарь ЦК КПСС.

6. Первый секретарь ЦК КП Союзной Республики, не член Политбюро.

7. Заведующий секретариатом Генерального секретаря ЦК КПСС (именно с этой должности на самую вершину партийной пирамиды поднимался верный соратник Брежнева Константин Черненко).

8. Заведующий отделом ЦК КПСС (эту должность могли иметь Члены Политбюро и Секретари ЦК КПСС).

9. Помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, Заведующий секретариатом члена Политбюро ЦК КПСС (либо зав. секретариатом Кандидата в Члены Политбюро ЦК КПСС, либо Секретаря ЦК КПСС).

10. Первый секретарь обкома (крайкома) КПСС, республиканской организации КПСС в Автономной Республике, Автономной области.

11. Второй и т. д. секретарь ЦК КП Союзной Республики. (Приравнивался к Заместителю заведующего отделом ЦК КПСС.)

12. Первый секретарь райкома КПСС, районного и областного горкома КПСС (кроме Москвы, Ленинграда и столиц Союзных Республик), заведующий сектором ЦК КПСС.

13. Секретарь (Второй и т.д.) горкома и райкома КПСС, референт ЦК КПСС.

14. Инструктор ЦК КПСС, заведующие отделами горкомов и обкомов КПСС.

Аналогичную структуру повторяли центральные и местные органы советской власти. В советской бюрократии тоже было примерно 14 «рангов» от Председателя Президиума Верховного Совета СССР (в совмещении, как правило, с должностью Генерального секретаря ЦК КПСС) до председателя сельсовета.

Эта иерархическая лестница партократии и советократии во время войны (в мирное время при планировании военного резерва) также была приведена в соответствие с военным табелем о рангах. Секретари ЦК союзных республик, горкомов Москвы и Ленинграда были приравнены к генералам армии. Армейские комиссары набирались из числа партработников высшего ранга.

Брежнев, например, начав свою партийную карьеру в 1937 году, воевал в качестве полкового комиссара. К концу войны он дослужился до должности начальника Политуправления фронта, получил чин генерала. И уже поэтому был сразу после войны «избран», т. е. назначен Первым секретарем сначала Запорожского обкома КП Украины, а затем – первым секретарем Днепропетровского обкома КПУ. На генеральскую должность!

Такая номенклатура присутствовала на всех уровнях КПСС и Советского государства. Была своя «Табель о рангах» и при распределении вы-

борных должностей даже в партийной печати. Так, например, в «Правде» членом Верховного Совета СССР избирался главный редактор, который был еще и членом ЦК КПСС. У главного был «свой» регион – Ульяновск, родина Ленина, основателя «Правды». Первый заместитель главного редактора был кандидатом в члены ЦК КПСС и поэтому избирался только депутатом Верховного Совета Российской Федерации. А ведущий политический обозреватель «Правды» (им был долгие годы покойный Юрий Жуков) избирался как член Ревизионной комиссии ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР в Совет национальностей и почему-то от Чечено-Ингушетии, к которой он никакого отношения не имел. «Правде» еще была «положена» должность депутата в Моссовете, должность члена бюро Свердловского районного комитета КПСС, а также определенное число «корыт», т. е. мест в специальном распределителе продуктов и товаров, «черных волг», номеров «кремлевского» телефона («вертушка»), мест в кремлевских ЦКБ и поликлиниках и т. д.

И так было везде, на всех уровнях. Блага и выборные должности распределялись в строгом соответствии с иерархической «Табелью о рангах».

Как-то довелось мне читать лекцию в райкоме партии в Великих Луках. До революции этот старинный русский город славился своими ремеслами, мясо-молочным производством, рыбаками. Но при советской власти все это куда-то подевалось. Рыбу потравили, когда проводили эксперименты по выведению в местных водоемах бесетра (помесь белуги и осетра). А в районе, который до революции хлеб вывозил за границу, даже с хлебом были перебои. И вот что рассказал мне инструктор райкома (должность вовсе незначительная) в Великих Луках: «Зарплата у меня, конечно, маленькая. Но зато мне, по моей должности, в райкоме положено две белые булочки в неделю и молоко. А у меня две дочки маленькие. Им без молока и белого хлеба никак нельзя».

С затаенной тоской подрастающего номенклатурщика розовощекий инструктор сказал, вздохнув: «Вот если стану заместителем заведующего отделом, то будут колбасу давать раз в неделю и еще сыр». И ради этого стоило делать революцию!?

Советская бюрократия, в отличие от царской, в качестве одной из привилегий пользовалась правом доступа к дефицитным товарам и услугам. (Чиновнику времен царизма такое просто в голову бы не пришло, хотя «борзыми щенками» и тогда брали.) Началось это, как уже говорилось, приобщение к потреблению для избранных в самые первые годы советской власти с кусочка сыра. В 1918 году Ленин подписал декрет о выделении «особо ответственным работникам, которые не щадят себя на службе революции», дополнительного пайка в виде 100 граммов сыра в неделю. Под это постановление попали все руководящие работники. И это было первое обособление большевистской номенклатуры от остальной массы революционеров, с которыми они до «сырного декрета» Владимир Ильича сидели на одинаково полуголодном пайке. «Вот как-то Бог послал кусочек сыра...»

Каждый сверчок в советской империи знал свой шесток и никогда не посмел бы без высочайшего на то указания перескочить на шесток другой. Встречали и провожали по чину. В президиум собраний садились в точном соответствии с «Табелью о рангах». Даже когда хоронили ответственных работников – от Генерального секретаря и ниже – то и за его гроб держались так, что с правой стороны шел преемник усопшего, а с левой – уже его преемник, следующий по иерархии. По тому, кто возглавлял похоронную комиссию усопшего коммунистического самодержца, кто читал речь на похоронах, кто нес гроб справа, слева, сзади, западные кремленологи легко вычисляли, кто есть, кто и кто кем будет, а кого надо списывать.

Даже отказаться от благ в той системе никто не мог. Если партократу был положен паек в специальном партийном магазине, он должен был его брать. Но ни в коем случае не смел от него отказываться. Как не смел отказываться от дачи, от служебной машины, от спецполиклиники, отдыхать не на спецкурорте... Если вдруг кто отказывался, что было, впрочем, чрезвычайно редко, тогда говорили, что «товарищ не понимает». И за этим следовали очень неприятные «оргвыводы». При Петре такого не знали.

Иллюзия коммунизма

Знатоки партократии могут упрекнуть меня в формальном сравнении петровской «Табели о рангах» с таблицей советской, номенклатурной. Могут сказать, например, что чин титулярного советника (низший в петровском расписании чинов) никак нельзя приравнивать к чину «инструктор ЦК КПСС», ибо нередко в инспекционных поездках по советским городам и весям либо посольствам СССР такие «инструкторы», особенно из отдела заграничных кадров, выступали в роли едва ли не генералов. Это и понятно, потому что партократия была высшей кастой советской бюрократии и по существу – аналогом придворной.

Но я затеял разговор о бюрократии вовсе не для эффектных сравнений числа бюрократических рангов в России XVIII и XX века. Гораздо интереснее даже не система подчинения одной бюрократии другой, а сама суть государственного чиновничества России. И я осмелюсь заявить, что она мало с петровских времен изменилась, как и суть российской бюрократии. В этом причина того, что внутренняя структура власти в России от Петра Первого до Владимира Путина практически не менялась, даже при смене социального строя.

Петр Первый, создавая «Табель о рангах», взял за образчик бюрократию немецкую, точнее прусскую. Это было явление по-своему уникальное. И пересадка его на русскую почву была операцией чрезвычайно мучительной, сопровождавшейся многовековыми осложнениями для России. В конечном итоге бюрократический недуг перечеркнул все положительные результаты реформ Петра и Екатерины Второй, которая их продолжила. Уже в начале XX века большевики пришли к выводу, что царский бюрократический аппарат – это не сила, а слабость самодержавия. Когда В. И. Ленину сказали, пытаясь сдержать его революционный пыл: «На что вы посягаете, молодой человек? Перед вами стена!», – он имел все основания ответить: «Стена, да гнилая. Ткни пальцем – развалится». Пальцем – это, конечно, образ. Но вот когда ковырнули штыком, то действительно развалилась.

Как могла такая мощная система, как царская бюрократия, в три ряда выложенная, возвышавшаяся на целых 14 этажей тщательно продуманной иерархии, рухнуть?

Вот как Карл Маркс представил феномен прусской бюрократии в своей ранней работе «К критике гегелевской философии права»:

«Бюрократия составляет... особое, замкнутое общество в государстве...»

«Государственный формализм», воплощенный в бюрократии, есть «государство как формализм», и в качестве такого формализма описал бюрократию Гегель. Так как этот «государственный формализм» конституирует себя как действительная сила и самого себя делает своим собственным «материальным» содержанием, то ясно само собой, что «бюрократия» представляет собой сплетение практических иллюзий или что она есть «иллюзия государства...».

«Иллюзия прусского государства» рухнула так же, как и иллюзия государства Российского в 1917 году, а затем – иллюзия государства Советского в году 1991-м. В. И. Ленин и его окружение, создавая Советское государство, более всего, как это теперь видится, были обеспокоены перспективой его бюрократизации. Отсюда – отказ от прежней министерской системы, от прежних чинов, званий и рангов. Ленин не раз говорил: «Бюрократия нас погубит!» То, что он имел в виду анализ Маркса, теперь очевидно. Но по мере того, как пролетарская революция большевиков превращалась в государство, революционеры должны были превратиться в управленцев. Неизбежно они учились науке управлять у царских чиновников, так же как во время гражданской войны учились воевать у царских офицеров и генералов. И так же неизбежно они становились бюрократами и жили уже не по революционным законам, а по бюрократическим.

Бюрократия и революционное государство – несомненные антиподы. Ибо бюрократия есть по своей сущности «государство как формализм». И по своей цели, как подчеркивал Маркс, оно такое же. «Действительная цель государства, – писал он, – представляется бюрократии противогосударственной целью. Дух бюрократии есть “формальный дух государства”. Она превращает поэтому “формальный дух государства” или действительное бездушие государства в категорический императив.

Бюрократия считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои “формальные” цели своим содержанием, то она повсюду вступает в конфликт с “реальными целями”. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание – за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи в государственные. Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть иерархия знания. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных дел; низшие же круги доверяются верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение».

Во время своей поездки на Урал в первые перестроечные годы Горбачев сказал: «Мы в центре разрабатываем общие направления развития нашей экономики. И надеемся, что снизу, с мест, нам дадут точную картину реального положения вещей. А нас дезинформируют снизу. Используют разные приписки и натяжки. Так как же мы у себя наверху можем правильно планировать, если снизу нас дезинформируют!?»

Хотелось сказать «философу» Горбачеву: «Маркса надо читать. Причем лучше раннего!» Но «отец перестройки» хотя бы по институтской программе должен был познакомиться с классиками. А что касается основной массы партократов, то они ни раннего Маркса, ни позднего, как писал Есенин, не читали «ни при какой погоде».

Марксизм для подавляющего большинства этой коммунистической касты сводился к набору цитат на все случаи жизни и для всех выступлений. Большевики эти цитатники придумали задолго до хунвейбинов с их красными книжками Мао. (Более десяти лет спустя после развала СССР академик Капица, великий умница, бросил в одной телепередаче такую фразу: «Те, кто преподавал марксизм в СССР, ничего в нем не понимали, отчего Советская власть и рухнула...») В результате и марксизм в среде партократов был сведен к формализму. И, как формализм, он утратил свою революционную сущность, превратился в интерпретации бюрократов от большевизма в иллюзию революционного учения, если не в его прямую противоположность.

Какой там социализм! А уж тем более коммунизм как «высшая ступень развития человеческого общества»! Мы могли конструировать только иллюзии социализма и коммунизма, если провозглашенные коммунистическим государством цели – от «максимального удовлетворения духовных и материальных потребностей трудящихся» до «построения коммунизма» – представлялись его бюрократии антигосударственными целями.

Советское государство тем не менее существовало во вполне реальном измерении, как и ее законопослушный гражданин по имени *homo soveticus* (термин Александра Зиновьева). Именно благодаря ему Советский Союз все же достиг весьма ощутимых успехов в сфере образования, научного прогресса, развития техники, в военном деле. Если для партократии и марксизм был всего лишь набором цитат, то *homo soveticus* искренне в него верил и по мере своих возможностей и познаний старался «строить социализм» по рецептам бородатых классиков, даже если и понимал их труды не глубже, чем шолоховский дед Щукарь словарь иностранных слов. Если без партократии не было бы КПСС, то без миллионов *homo soveticus* не было бы никакого социализма, который они воспринимали не как иллюзию, а как реальность, данную им в ощущении.

Реальность Советского государства до поры мирно сосуществовала с его иллюзией в виде советской бюрократии. Так же, как реальный марксизм сосуществовал с его бюрократической иллюзией. Так, реальное Советское государство создавало первоклассные больницы и клиники, дома отдыха и санатории, дома культуры и стадионы для людей труда. А бюрократия создавала на этой материальной базе свой параллельный «спецмир», свою иллюзию коммунизма, который она представляла как все возрастающий (для нее!) объем благ и услуг, привилегий и чинов. Тем самым ее иллюзии наполнялись материальным содержанием, а материальный мир коммунистического строительства превращался в иллюзию. Тем более что принимавшиеся бюрократические решения «об улучшении» систем здравоохранения, образования, социального страхования сплошь и рядом, особенно с начала 80-х годов, вели дело к их катастрофическому ухудшению.

Провозглашая своей целью заботу о благе народа, советская бюрократия народ презирала. Не удивительно поэтому, что для партократа Басова и народ Папуа–Новой Гвинеи относился к категории людей второго сорта. Сама забота о народе представлялась советской бюрократии посягательством на ее собственные права и привилегии. В этом разгадка того, почему даже разумные решения, время от времени принимавшиеся съездами КПСС и сессиями Верховного Совета СССР, сплошь и рядом превращались в нечто прямо противоположное. Декларируя своей целью «улучшение благосостояния трудящихся», бюрократия сразу же принималась улучшать свое личное благосостояние, действуя тем самым против интересов трудящихся.

«Государство – это мы», – с гордостью говорили миллионы рабочих и крестьян, которые в первые годы советской власти, в годы пятилеток действительно поверили в то, что строят новый мир, справедливое общество, способное стать маяком для всего остального человечества.

«Государство – это вы!» – говорили на первых порах бюрократы массам, одержимым энтузиазмом. Но про себя они всегда говорили другое: «Государство – это все-таки мы!»

Сталин благословил их, сказав: «Кадры решают все!» Под «кадрами» рабочих и крестьян, рядовых служащих не имели в виду. Кадры – это партократия и руководящий административно-хозяйственный аппарат, высшие советократия и офицерство армии и спецслужб. Вот эти-то кадры и переиначили лозунг революции, решив сначала в своем кругу, а затем и заявив открыто: «Государство – это не вы, а мы!» И чтоб ни у кого уже не оставалось сомнений по поводу того, кто правит в Советском государстве, кто перед кем несет ответственность, уже в 70-х годах на каждом заборе написали крупными буквами: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи!».

Так партократия утвердила в Советском государстве свою монополию на истину, сама себе подписала индульгенцию на все грехи и декларировала свое право на непогрешимость. Партия поставила себя вне критики остального общества, провозгласила свою привилегию быть его элитой и его духовным властителем, а значит, оставаться вне его суда и его суж-

дений. И дело не ограничилось тут только лозунгами на заборах и транспарантами. Монополию КПСС на управление государством при Брежневле закрепили в ст. 6 новой Конституции СССР. На это не шел даже Сталин.

Что же оставалось остальному обществу, кроме подчинения и моральной деградации, если ему было отказано в праве на самостоятельное мышление, на честь и на совесть?

Общество, конечно, в своей здоровой части не могло признать за партийной бюрократией ни морального, ни тем более интеллектуального превосходства, ибо знало ей цену. Как ни прячась за «спецабором», народ свое истинное лицо все равно увидит. А в народе уважение к «настоящим большевикам», сложившееся в первые послереволюционные годы, во время сталинских пятилеток и особенно во время войны, когда первыми в бой шли именно коммунисты, стало сходить на нет. Если в годы гражданской войны и при Сталине даже руководители КПСС жили достаточно скромно (об этом в своем описании быта кремлевской «коммуны» достаточно красноречиво рассказала Светлана Аллилуева), а уж рядовые коммунисты и вовсе ничем от других трудяг, кроме вечной готовности работать бесплатно и сверхурочно, не отличались, то после смерти Сталина партия стала разлагаться на глазах. Люди видели, что членство в партии так или иначе означало и привилегированное положение в обществе. Не будучи коммунистом уже нельзя было попасть на какую-либо ответственную должность. Да к тому же партократы, не боясь больше сталинских опричников, стали активно обогащаться. Казнокрадство, взяточничество и неудержимое моральное разложение довершали картину. Став привилегированным классом, новая элита повторяла все ошибки царской аристократии и бюрократии. Принцип взаимной выручки «рука руку моет» был возведен в государственный принцип, как и правило ведения дел: «ты – мне, я – тебе». В этом секрет выживания таких заведомо провальных «выдвиженцев», как Басов, Шелест, Черненко, Горбачев. Кризис убежденности во «внутренней КПСС» к тому же почти синхронно совпал с кризисом нравственности. Народ видел, что творилось на обкомовских дачах и частных дворцах республиканских партийных «князей», «ханов» и «воевод». Рыба, как известно, гниет с головы.

Операция «Гайдар»

Басов ждал своего часа, и, как только в августе 1976 года я вслед за женой уехал в отпуск, он отправил на меня донос, составленный с помощью его стукачей Лозовика и Денисенко. Накануне моего отъезда Басов появился в Сиднее. Время от времени он приезжал туда, чтобы лично сопроводить очередную посылку с сувенирами для кого-то из его покровителей наверху. 500-килограммовые ящики, набитые шкурами кенгуру, масками, раковинами, кораллами, разного рода украшениями, мебелью и просто импортным барахлом. Все это грузилось на наши пароходы в сиднейском порту и доставлялось затем так же бесплатно в Москву по железной дороге. Я не знал, что это личный бизнес Басова, и, когда мне рассказали об этом в торгпредстве, на одном из партсобраний в посольстве сказал со всей большевистской прямоотой, что с подобной практикой отправки полутонных ящиков за счет государства пора кончать. Надо думать, что и за это Басов заплатил мне сполна. В последний раз мы встретились с ним в нашем консульстве, и он передал мне письмо для Тимура Гайдара (1926–1999), шефа военного отдела «Правды», с которым, как он пояснил, они подружились на Кубе, где Гайдар работал нашим корреспондентом в те годы, когда Басов убеждал Фиделя Кастро сеять там кукурузу. В Австралию из отпуска мы уже не вернулись. Наш главный редактор Виктор Григорьевич Афанасьев написал об этой истории в своей книге «Четыре генсека...» вот что:

«Владимир Большаков был собственным корреспондентом “Правды” в Австралии (с 1974 по 1976 г. – *Авт.*). Человек достаточно принципиальный, но слишком эмоциональный, невыдержанный. Стоило ему сказать пару нелестных слов по адресу посольских гебистов, как в августе 1976 года он был отозван в Москву... Мои попытки прояснить это не совсем ясное дело ни к чему не привели. Ровно десять лет я потратил, чтобы реабилитировать Большакова. Брал его в заграничные командировки, добился для него разовых командировок, но в каждом случае представлял в ЦК личное письменное поручительство. И только в декабре 1988 года

(Виктор Григорьевич здесь ошибся – это было в декабре 1986-го. – В. Б.) ему открыли двери за рубеж... Мне удалось утвердить его постоянным собкором “Правды” во Франции. Единодушно коллектив “Правды” признал его лучшим корреспондентом газеты за рубежом» (Афанасьев В. Г. Четвертая власть и четыре генсека». М.: «Кедр», 1994).

Добавлю несколько деталей к этой истории. Месяц отпуска пролетел быстро. Я уже заказал билеты в «Аэрофлоте» на обратный путь, но тут меня вызвал Павел Демченко, шеф отдела Азии и Африки, и попросил задержаться на пару недель в отделе, якобы дежурить было некому, все в отпусках. Не подозревая подвоха, я сдал билеты и заказал новые на две недели позже. В это время шло перетягивание каната. Андропов лично потребовал моего отзыва на основании бумаги, присланной из посольства его резидентом Лозовиком. Зимянин, который стал к тому времени секретарем ЦК по пропаганде, слабо возражал, упирая на то, что особых доказательств собранного на меня компромата нет. А приписали мне ни много ни мало роман с женой консула США в Сиднее. Основание: «В Королевском яхт-клубе был зафиксирован танец Большакова с женой консула США, в ходе которого она прижималась к нему всем телом». Когда Афанасьев спросил меня «было или не было», я ответил: «Видел я эту женщину два раза в своей жизни и один раз действительно с ней станцевал один танец». «Что-то здесь не так, – сказал он. – Пока никому об этом». На следующий день в «Правде» была опубликована моя залежавшаяся статья с аншлагом «Собственный корреспондент “Правды” передает из Австралии». Но это была последняя моя публикация в этой роли. Зимянин согласился меня отозвать... 20 августа было принято соответствующее решение секретариата ЦК. И вот буквально через два дня в «Правду» приходит телеграмма из Канберры от Басова: «Вместо отозванного с поста корреспондента “Правды” В. В. Большакова прошу направить на его место талантливого советского журналиста Тимура Гайдара». Получив эту телеграмму, Афанасьев на следующий день на редколлегии «Правды» потребовал от Гайдара разъяснить, что это значит. Вечно красная от пьянства физиономия нашего сухопутного контр-адмирала (у них алкоголизм был семейной болезнью – Аркадий Гайдар в пьяном виде

был по свидетельству очевидцев «страшнее зверя», а его внук Егор Гайдар злоупотреблял виски) побагровела от неожиданности, и он принялся объяснять, откуда Басов узнал о его существовании, что были вместе на Кубе, но почему Басов проявило такую инициативу, он-де не знает. И тут Афанасьев при всех публично выдал ему по полной: «Вот что я тебе скажу. Ты со своим дружкой Басовым попытался опорочить Володю Большакова, своего коллегу и товарища по “Правде”, чтобы поехать в Австралию и там с ним вместе пьянствовать. Так вот я тебе заявляю при всех: ни в какую Австралию ты не поедешь. Сиди здесь и налаживай работу в своем военном отделе, там тебе действительно есть чем заняться».

У Афанасьева с Гайдаром вообще были сложные отношения. Бывший правдист, а затем министр печати у Ельцина Михаил Полторанин в своих заметках вспомнил такой случай с Гайдаром: «Тимур ведал военным отделом и держался от всех чуть в стороне. Когда-то служил на флоте, там получил воинское звание и, работая позже корреспондентом “Правды” на Кубе, в Югославии и других местах, получал новые звездочки офицера запаса. Отдел он возглавлял уже в мундире с погонами капитана первого ранга.

На одну из редакционных планерок Тимур пришел в новенькой форме контр-адмирала. Сел среди нас на стул в глубине зала. Планерка шла как обычно, а когда заканчивалась, кто-то громко сказал главному редактору “Правды” Афанасьеву:

– Виктор Григорьевич, а Гайдар у нас получил звание контр-адмирала...

– Да? – воскликнул Афанасьев и, оглядывая зал, увидел Гайдара. – Встань, покажись народу, Тимур!

Гайдар поднялся – низенький, толстенький, лицо и лысина – цвета бурыка. Нашего коллегу, должно быть, постоянно мучило высокое давление.

Афанасьев долго смотрел на него оценивающим взглядом, потом ехидно сказал:

– Да, Тимур, на контру ты, конечно, похож. А вот на адмирала – насколько!» (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/186583>).

Полторанин не прав, говоря, что Гайдар держался от всех в стороне. Он держался своих. О его еврейском окружении, правда, знали тогда не-

многие. Был ли он на самом деле сыном карателя времен гражданской войны, а затем писателя Аркадия Гайдара, многие сомневаются. Тимур в детстве носил фамилию матери и был Соломянским. При получении паспорта он взял псевдоним отца и стал Гайдаром. Его мама – Лия Лазаревна Соломянская, которую на самом деле звали Рахиль. Поговаривали, что ее сын Тимур вовсе не был сыном автора популярной в СССР повести «Тимур и его команда». Рахиль, живя в Перми вместе с семьей, отцом и матерью, которые были евреями по национальности, познакомилась с Аркадием Гайдаром, когда у нее уже был трехлетний сын Тимур. По другой версии он был рожден, когда Аркадий Гайдар находился в длительной командировке, из которой он вернулся только спустя два года после рождения сына. В «Правде» Тимур примыкал к «еврейской партии», как, впрочем, и его сын Егор. А дочь Егора от первого брака Мария Гайдар, отказавшаяся от российского гражданства после перехода на службу к М. Саакашвили, следовала той же традиции уже в постсоветской России, примкнув к антирусской «болотной оппозиции» Касьянова–Навального–Яшина. Яблоко от яблони, как говорят в России, и впрямь недалеко падает.

Афанасьев эту подноготную контр-адмирала хорошо знал. И в этом еще одна причина того разноса, который он ему устроил в связи с заявкой Басова. Гайдар после этого не просыхал три дня. В Австралию решили снова послать Олега Скалкина. Меня вскоре после этого Афанасьев решил повысить в должности и назначил редактором «Правды» по отделу международной информации. Все, что сказал Афанасьев о Гайдаре публично на редколлегии, буквально через час стало известно Андропову. Понятно, что пойти на попятную шеф КГБ не мог. Решение секретариата ЦК о моем отзыве тоже не стали признавать ошибочным, поэтому телега Басова так на мне и повисла.

Но свою разборку этого случая Андропов, видимо, проделал. Как мне рассказывали сотрудники нашего консульства, вскоре после той знаменитой редколлегии «Правды» в Сидней прибыл Лозовик, и вместе с Денисенко они стали вызывать по одному всех аккредитованных в Сиднее советских граждан на допрос и, задавая один и тот же вопрос:

«Что вы знаете о Большакове?», требовали от них компромата на меня. Попытались добыть его и в Соцпартии Австралии, о чем мне рассказал два года спустя после всей этой истории сам Питер Саймон. Но в СПА не надо было спрашивать, что они знали о Большакове, и там дали мне самую лучшую характеристику. Излишнее рвение руководителей австралийской резидентуры КГБ на Лубянке, видимо, не оценили. Николай Денисенко направили в Афганистан, откуда он прибыл безнадежно больным и вскоре умер. Лозовика отозвали, и больше он уже нигде во фраке дипломата не появлялся. Басова отозвали в Москву в 1979 году и тут же отправили на пенсию. Гайдара никогда больше не посылали собственным корреспондентом «Правды» за границу, и он покинул нашу газету еще до путча ГКЧП в августе 1991 года, т. к. его сынок Егор Гайдар, возглавивший в «Правде» в 1990 году экономический отдел, перешел в команду предателя Ельцина. К концу жизни контр-адмирал спился окончательно и свой век доживал в писательском поселке Красновидово, откуда его время от времени вывозили на встречи в Дом пионеров им. А. П. Гайдара в московском районе Текстильщики рассказывать о папе. Конечно, о том, что его папу мучили по ночам «мальчики кровавые в глазах» после тех массовых расстрелов, в которых он участвовал, Тимур Аркадьевич не рассказывал.

Мне пришлось еще долгие годы отмываться за то совершенно невинное танго в Королевском яхт-клубе Сиднея. Конечно, жена американского консула была очень сексуальной женщиной. Но героиней моего романа она не стала. Увы, мне не удалось это доказать Михаилу Васильевичу Зимянину, который перед Андроповым робел и меня в трудную минуту не поддержал.

Мой шеф – моя защита

Афанасьев защищал меня действительно героически. На Старой площади мое новое назначение восприняли без энтузиазма. На Лубянке это сочли вызовом со стороны Афанасьева. Началось перетягивание каната,

которое продолжалось почти десять лет. Меня во все детали этой подковой борьбы не посвящали. Но мне и так было ясно, что она идет. Дня через два после моего назначения шефом ОМИ ко мне пришел наш завхоз Валентин Ситников. Он принес какие-то книжечки, похожие на абонементные, с отрывными талончиками и попросил заполнить два формуляра, один из которых предназначался в ЦКБ в Кунцево, где лечилась и помирала вся советская номенклатура, а другой отсылали в цековский спецраспределитель. Ситников, однако, поспешил, приняв решение нашей редколлегии о переводе меня в номенклатурные работники, что предполагала должность редактора «Правды» по ОМИ, окончательным. Его, однако, быстро поправили, и на следующий день он пришел ко мне с виноватым видом и сказал, что вышла ошибочка, и все его блатные анкеты, которые я так и не успел заполнить, и книжечки надо вернуть, что я сделал с искренним облегчением. Это был первый сигнал о том, что решение Афанасьева и редколлегии «Правды» о моем назначении признано в ЦК КПСС, говоря судейским языком, «юридически ущербным». Причина все та же – висевшая на мне телега Басова и его чекистской компании. По той же причине мне был закрыт выезд из СССР. И вплоть до моей командировки во Францию всякий раз, когда «Правда» направляла меня в заграникомандировку, Афанасьев, по его собственным словам, «клал на стол свой партийный билет». Ситуация дикая, конечно, и Афанасьев предпринял несколько попыток решить мой вопрос, хотя и понимал, что это было практически нереально.

Завет Владимира Ильича Ленина, согласно которому «каждый член партии должен быть агентом ЧК» в КПСС помнили вплоть до последнего дня ее существования. В «Правде» так не считали, и этот ленинский завет поддерживали только действительные агенты ЧК.

О журналистах-международниках у нас в «Правде» говорили так: «Вам оказано особое доверие». Да, мы имели прямой доступ к иностранным газетам и журналам, которые поступали в редакцию по подписке и от наших собкоров за рубежом. Мы читали закрытые сообщения ТАСС и бюллетени радиоперехвата с обзорами сводок зарубежного радиовещания на СССР на русском языке.

Когда я работал в «Правде», мне не раз приходилось писать статьи по заказу ЦК и даже отдельных членов Политбюро и секретарей ЦК. Естественно, я получал их не прямо, а через главного редактора «Правды» – сначала Михаила Зимянина, а затем Виктора Афанасьева. Такие заказы считались у нас делом весьма почетным, и я не помню случая, чтобы кто-нибудь от этого отказался. Единственное, что можно было при этом себе позволить, – максимальную поддержку каждой строчки такой «заказухи» реальными фактами. Правку, которую мы получали после прочтения таких статей в ЦК или даже после обсуждения на Политбюро, а в моей практике бывало и такое, надо было учитывать обязательно. И мне лично приходилось часами просиживать в больших кабинетах на Старой площади и сводить воедино правки членов Политбюро и секретарей ЦК, у которых и почерк был невозможный, и грамматика хромала. Один как-то «поправил» мою статью, вставив фразу: «Так не делается говорить!» Ничтоже сумняшеся. Пришлось потом долго разъяснять его помощнику, почему так «не делается» ни говорить, ни тем более писать. Иногда по заданию редакции я шел на Лубянку и там читал суперсекретные материалы о пойманных в СССР шпионах. Эти документы я не мог вынести из здания КГБ и вынужден был писать статьи для «Правды» прямо там, не отходя от сейфа. Вращаясь в этих кругах по служебной необходимости, а вовсе не из желания там бывать, я узнавал такие тайны нашего государства, о которых даже не догадывались иные суперпроверенные люди. По наивности своей я искренне верил в то, что и мне оказывают полное, как бы сейчас сказали, супердоверие. Да и не только я так считал. Моя работа в «Правде», где я публиковался чаще любого политического обозревателя, убеждала и аккредитованных в Москве дипломатов, и иностранных корреспондентов в том, что характеристика, данная мне Робертом Кайзером, как «важного партийного идеолога» соответствует действительности и к моим статьям следует относиться с особым вниманием. Кайзер, конечно, не мог себе представить, что на высшем партийно-бюрократическом верху не доверяли никому и что упомянутый им «партийный идеолог» мертво «невыездной». Невыездным я был, очевидно, несколько раз еще до Австралии, потому

что меня то пускали за границу, то вдруг в этом отказывали, а почему отказывали, естественно, не сообщали. Это была государственная тайна. Оставалось только догадываться, кому ты в последний раз рассказал анекдот про Брежнева или ляпнул что-нибудь вроде: «Социализм у нас такой реальный, что тянет к абстракции...»

По парадоксу вещей в СССР можно было работать в «Правде», входить в то, что называется элитой советской журналистики, и быть при этом полностью либо частично невыездным, т. е. лишенным визы КГБ на краткосрочные либо долгосрочные выезды в заграничные командировки. В таком «отказе» среди наших «работников идеологического фронта» пребывали сотни людей. Даже в «Правде» сохранялся тот принцип, по которому при Сталине организовывали так называемые шарашки в ГУЛАГе, хорошо описанные Солженицыным: Берия собирал за колючей проволокой лагерей лучших специалистов из числа «врагов народа» для работы даже над такими проектами, как создание атомной бомбы. Казалось бы, тут доверять человеку надо на 100%. Ничего подобного. Человек имел доступ к самой секретной информации, работал по специальности для обеспечения обороноспособности государства, но в то же самое время продолжал сидеть в тюрьме. Как и мы, самые доверенные журналисты-международники и невыездные «партийные идеологи», сидели в СССР, не имея права пересечь его границу. И если даже ее пересекали по чьему-то поручительству, то все равно не имели права этого делать. Берию расстреляли, но бдительное око КГБ следило даже за нами, правдистами, где бы мы ни были. И чуть что – «принимались меры». Так случилось и со мной.

В мае 1978 года Афанасьев добился, чтобы меня принял Николай Михайлович Пегов (1905–1991). Пегов был одним из выдвиженцев Сталина, который в последние годы своей жизни подбирал себе смену из молодых партийцев, т. к. старой гвардии уже практически не доверял. Постановлением Бюро Президиума ЦК КПСС о работе Секретариата ЦК КПСС от 17 ноября 1952 года на тогда мало кому известного Пегова вместе с Маленковым и Сусловым возлагалось поочередное председательствование на заседаниях Секретариата ЦК КПСС в случае отсутствия И. В. Стали-

на. После смерти Сталина Пегова оттеснили на второй план, и долгие годы он работал послом СССР в Иране, Алжире и Индии, был замминистра в МИД СССР и, наконец, вернулся на Старую площадь, где с 1975 по 1982 г. работал заведующим Отделом ЦК КПСС по работе с иностранными кадрами и выездам за границу. Это была одна из самых ответственных должностей в аппарате ЦК КПСС.

В соответствии с рядом партийных документов, принятых после смерти Сталина КГБ, как Церковь от государства, отделили от партии. Было запрещено работникам КГБ возбуждать какие-либо дела против номенклатурных работников КПСС, внедрять свою агентуру в ЦК КПСС и в его органы печати, а главное – вмешиваться в их кадровую политику. Если бы все эти постановления выполнялись, Андропов и его команда не смогли бы повлиять на мою судьбу ни в Австралии, ни в «Правде» в Москве. Видимо, из этого Пегов и исходил. После нашей короткой беседы он сказал мне буквально следующее: «Ваша австралийская история была ошибкой. Можете быть уверены, и я уполномочен вам это заявить, что партия доверяет вам полностью». Увы, это не означало, что мне доверяет КГБ, хотя Пегов был уверен в обратном. И его «поправили» его «коллеги» с Лубянки...

Андропов, который возглавлял КГБ СССР с 18 мая 1967 года по 26 мая 1982 года, использовал свое положение для того, чтобы вернуть КГБ ту власть, которой он обладал во времена Берии. При Андропове были созданы райотделы КГБ со штатом сотрудников, «курировавших» практически все предприятия и организации. Личный состав получил высокие оклады и привилегии, которых не имели ни сотрудники МВД, ни военные. Это неизбежно привело к разложению в рядах сотрудников КГБ, которые возмнили себя чем-то вроде «неодворян» в Советской империи. Любопытно, что именно этот термин употребил в своем интервью «Комсомольской правде» председатель ФСБ С. Патрушев, характеризуя своих сотрудников. «Неодворяне» советского разлива благодаря контролю над всеми сферами жизни и взаимной поддержке получили возможность решать не только любые личные вопросы, но и сводить личные счета с теми, кто не признавал их за новых хозяев жизни. Они могли легко сломать человеку

карьеру раз и навсегда. Хотя формально кадровой политикой ведали партийные органы, при Андропове сложился порядок, при котором ни одно сколько-нибудь важное назначение не могло состояться без заключения КГБ о кандидате. Таким образом, Андропов и получил контроль над всеми назначениями в партии и правительстве СССР, а также за всеми кадровыми перестановками на местах.

Мне не раз приходилось убеждаться в том, что тех, кто к КГБ не принадлежал, эти «неодворяне» за людей не считали и им не доверяли. Но именно в рядах этих «особо доверенных» в годы правления Андропова в КГБ и после того, как он сменил Брежнева на посту генсека КПСС, оказалось наибольшее число предателей Родины. Стоит здесь напомнить об этом. В октябре 1979 года остался в Японии, а потом перебрался в США сотрудник легальной резидентуры внешней разведки майор С. Левченко. Сдал агентуру КГБ в Японии. В 1980 году в США вывезли майора В. Шеймова, сотрудника 8 Главного управления КГБ, одного из самых секретных управлений КГБ, занимавшегося шифровальными системами разведки и контрразведки. Шеймов там работал с 1971 года. В 1980 году сотрудник научно-технической разведки внешней разведки (ПГУ) подполковник В. И. Ветров стал работать на французскую разведку. Его приговорили к расстрелу и привели приговор в исполнение в 1985 году.

Лето 1982 года Из Ирана бежит в Англию майор В. А. Кузичкин, сотрудник легальной резидентуры внешней разведки. В том же году бежал в США сотрудник вашингтонской резидентуры внешней разведки подполковник В. Мартынов. И после того, как Андропов стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, сменив на этом посту Брежнева, его «неодворяне» еще чаще оказывались перебежчиками. В 1983 году сбежал сотрудник резидентуры внешней разведки в Англии майор С. М. Моторин. Заместитель начальника отделения Московского управления КГБ майор С. Воронцов связался с агентами ЦРУ в Москве в 1984 году. Его осудили и расстреляли в 1986 году. В 1984 году сотрудник аппарата советского военного атташе в Венгрии полковник Владимир Васильев вышел на агентов ЦРУ в Венгрии и стал сотрудничать (1984–1986) с американской разведкой. Был арестован и расстрелян.

Сотрудник 8 Главного управления КГБ лейтенант Виктор Макаров работал в управлении шифрования КГБ, в 1985 году был завербован. Его осудили на 10 лет. Сотрудник легальной боннской резидентуры внешней разведки подполковник Геннадий Вареник в 1987 году обратился в ЦРУ с предложением о сотрудничестве. Передал ЦРУ информацию о трех советских агентах в правительстве Германии. Вареник был расстрелян.

В июле 1985 года в Англию был вывезен из Советского Союза завербованный СИС еще в 1974 году бывший ио резидента внешней разведки в Англии полковник О. А. Гордиевский. В том же 1985 году в Италии стал перебежчиком сотрудник внешней контрразведки В. С. Юрченко. В 1986 году в Греции сбежал сотрудник резидентуры внешней разведки полковник В. П. Гундарев. В 1990–1991 годах в Бельгии «избрали свободу» сотрудник резидентуры внешней разведки И. Черпинский, а в Италии – сотрудник резидентуры внешней разведки по научно-технической линии С. Илларионов. Он рассказал ЦРУ о 28 агентах КГБ в Италии. 1991 год – год развала СССР – побил все рекорды предательства чекистов. В Бельгии сбежал заместитель резидента по линии научно-технической разведки полковник В. Я. Коноплев. В мае 1991 года в Норвегии – сотрудник резидентуры внешней разведки майор М. Бутков, а в октябре 1991 года в Германии – подполковник ПГУ В. Фоменко.

При Горбачеве и Ельцине ЦРУ влезло с ушами в Россию. Дело дошло до того, что люди Лэнгли обосновались в Кремле рядом с кабинетом Ельцина. Активным «перестройщиком» стал потомственный чекист, бывший генерал-майор КГБ, бывший высокопоставленный руководитель подразделений центрального аппарата и территориальных органов КГБ О. Д. Калугин, завербованный ЦРУ еще за 30 лет до этого. В 1995 году он совершенно легально выехал из России в США, где не раз выступал в СМИ и свидетелем на судебных процессах против выявленных и арестованных агентов КГБ-СВР. В 1992 году в Великобританию бежал бывший начальник архива КГБ полковник Василий Митрохин. В первые несколько недель после его появления в Британии МИ-6 провела операцию по доставке в шести больших ящиках материалов Митрохина из Москвы в Лондон. И все это «Служба» проморгала. А на основе этих

документов в Лондоне была опубликована книга «Архивы Митрохина» о «советских разведывательных операциях по всему миру на протяжении десятилетий». После развала СССР провалы пошли один за другим. Так, в 1994 году сдали агента Олдрича Эймса, сотрудника ЦРУ, завербованного КГБ в 1985 году. Затем в 2001 году сдали агента Роберта Хансена, сотрудника ФБР, завербованного КГБ в том же 1985-м. В 2003 году к 18 годам лишения свободы за госизмену приговорен бывший заместитель начальника отдела СВР полковник Александр Запорожский, по данным следствия, он в течение пяти лет передавал спецслужбам США секретную информацию. В июне 2010 года нелегально эмигрировал в США А. Н. Потеев, зам. начальника Управления «С» (нелегальная разведка), в котором он возглавлял 4-й (американский) отдел, прихватив с собой личные дела десятка нелегалов. (Андропов, кстати, состоял на партийном учете именно в Управлении нелегальной разведки. Там уж были проверенные-перепроверенные.) В числе выданной Потеевым информации – личное дело ценного нелегального сотрудника генерала СВР Михаила Васенкова, что стало беспрецедентным случаем в истории российской разведки. Местонахождение Потеева до сих пор никому неизвестно. (Данные о чекистах-предателях приведены по интернет-справочнику «Википедия».)

За всю историю существования СССР, отмечу, не было такого случая, чтобы сотрудник газеты «Правда» оказался перебежчиком. Но и это не прибавляло нам доверия на Лубянке. После разговора с Пеговым я прилетел в редакцию, как на крыльях. Афанасьев меня поздравил от души. Сменивший Вадима Некрасова на посту зам. главного по иностранным отделам Евгений Григорьев, узнав о решении Пегова, сказал: «Ну, теперь готовь чемодан. Вскоре поедешь за бугор». Но торжествовать нам было рано. Лубянский узурпатор и после того, как Пегов дал мне индульгенцию, отступил только на полшага – в КГБ дали согласие на мои поездки за границу, но только под личную ответственность главного редактора «Правды». Дезавуировав таким образом решение Пегова о моей полной реабилитации, Андропов лишний раз подчеркнул, что КГБ, как и во времена Берии, по-прежнему стоит над партией.

Глава двенадцатая

АФАНАСЬЕВ КЛАДЕТ ПАРТБИЛЕТ НА СТОЛ

На посту редактора «Правды»

Я приступил к обязанностям редактора «Правды» по отделу международной информации 6 января 1977 года. До меня редактором ОМИ был Томас Анатольевич Колесниченко (1930–2003). Личность яркая. В «Правде» ходили слухи, что он внебрачный сын Соломона Лозовского (Дридзо), руководителя Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), расстрелянного в 1952 году по обвинению в шпионаже в пользу США. Документальных подтверждений этой версии нет, но на Лозовского Том с его еврейской внешностью действительно был очень похож, но по паспорту значился русским. Официальный отец Тома – челюскинец и заместитель министра морского флота СССР А. С. Колесниченко – был его отчимом. В советские времена Том был одним из самых известных журналистов-международников, работал от «Правды» собкором в Африке, США и Англии. Его работа в США закончилась скандалом, т. к. в корпункте «Правды» в Нью-Йорке, как писал в своей книге воспоминаний «Встречи на перекрестках» друг Тома Евгений Примаков – премьер-министр у Ельцина и руководитель Службы внешней разведки у Путина, – регулярно бывал Олдрич Хейзен Эймс, начальник контрразведывательного подразделения ЦРУ, начальник советского отдела управления внешней контрразведки ЦРУ. В 1985 году Эймс был завербован КГБ. Почти десять лет до своего ареста уже после развала СССР он был агентом КГБ, а затем СВР и сдал десятки агентов ЦРУ в СССР, в том числе работавших в КГБ. Из-за этого скандала Том долгие годы не мог получить визу в США и вновь посетил Нью-Йорк только незадолго до своей смерти. На Лубянке о роли Колесниченко в процессе вербовки Эймса, как очевидно, не забыли. Иначе чем можно было бы объяснить,

что Президент России Владимир Путин выразил соболезнования родным, близким и коллегам Тома в связи с его кончиной. Вряд ли такого почета мог удостоиться далеко не первого ранга чиновник, возглавлявший Департамент информации и связи с общественностью в Торгово-промышленной палате России при Евгении Примакове. Том был его советником в те годы, когда тот был премьер-министром, а затем вместе с ним работал в ТПП. О том, был ли он его советником в СВР, данных нет. Но то, что он был тесно связан с КГБ, если не был его сотрудником, в «Правде» знали.

На посту редактора «Правды».

Ко мне Том относился неплохо, но мои публикации по проблемам сионизма его откровенно раздражали. Он говорил: «Большаков, ты самый талантливый из антисемитов. Если бы ты писал только стихи, цены бы тебе не было». Мои стихи «Замок на песке», опубликованные в «Юности», он знал наизусть. Доказать ему, что, выступая против сионизма, я никогда не был антисемитом, было невозможно. Для него сионист и еврей были понятиями идентичными. Это все, однако, не мешало мне работать с ним вместе в командировках и в редакции «Правды».

Том был неплохим организатором, и отдел я принял у него достаточно хорошо сформированным, но как бы застывшим в своем когда-то современном виде. Не было оперативности. Не было остроты. Конвейер работал, но информационный продукт на нем частенько бывал несвежим. Колонки комментатора залеживались в редакционной папке по несколько дней, а то и по неделе. А это уже были комментарии вчерашнего дня. Практически не использовались наиболее оперативные ленты западных телеграфных агентств, поступавшие на редакционный телетайп. Собкоры «Правды» за рубежом в большинстве своем в мелких информационных жанрах работать не любили, и заказать им что-либо в номер было проблемой. Самыми активными в сотрудничестве с ОМИ были, пожалуй, политические обозреватели, особенно Жуков и Корионов. На первых порах поэтому пришлось старые привычки, как у собкоров, так и у штатных сотрудников ОМИ, ломать, заставлять писать в номер, причем не только в провинциальный, но и в московский. Это не всем нравилось. На Филиппинах у нас работал некто Озеров, пижон и сибарит экстра-класса. Не знаю, откуда его прислали в «Правду», но заставить его работать в номер было просто невозможно. Помню, на тех же Филиппинах была подавлена забастовка, вспыхнули волнения. Я связался с ним по телефону и попросил дать информацию в номер, а на следующий день – комментарий. Отказался, даже не подыскивая благовидного предлога. Сказал: «Дайте по ТАСС». Конечно, дали по ТАСС, но затем все же я его добавил, и он передал свой комментарий по тем событиям, качеством хуже, чем в ТАСС, пришлось его практически переписывать, но все же это был комментарий «Правды». Время от времени под прикрытием «Правды» в нарушение всех постанов-

лений ЦК КПСС, запрещавших использовать нашу газету как крышу для сотрудников КГБ, с Лубянки посылали за рубеж в качестве наших «корреспондентов» таких орлов, которые не могли двух строчек написать грамотно. Про них у нас говорили: «Ну, может быть, он стреляет хорошо». Один из таких стрелков как-то прислал мне в ОМИ совершенно бредовый текст, дав ему собственную рубрику: «Проект колонки комментатора». Хохот стоял по всем правдинским этажам.

Особой была работа с правдинским Иностранным досье, которым руководила интеллигентнейшая женщина Светлана Данкова, под началом которой трудились дамы всех возрастов и вкусов, как правило, хорошие знатоки тех стран, за которые отвечали, а нередко и пожившие там, как красавица Иля Котова, жена собкора «Правды» во Франции в конце 70-х Бориса Котова. В ИНО-досье материалы, которые мы отдавали на проверку, изучали, что называется, под микроскопом. Если автор откуда-то брал цитату, он должен был принести в досье на нее ссылку, как в научной работе. Действовало правило – «В “Правде” не может быть ошибок».

Особые отношения были с представителями Главлита, т. е. с цензурой. Они бдительно следили за тем, чтобы в печать не попадали сведения, признанные секретными в их ведомстве. Особенно трудно нам приходилось, когда они вылавливали что-то в материале, который шел в номер «с колес». Мы знали примерно, к чему они могут придраться, и поэтому старались визировать такие материалы заранее. Так, практически любые материалы о деятельности радиостанций ЦРУ «Свобода» и «Свободная Европа» мы отправляли на Лубянку на визу с курьером в Пятое управление КГБ, которое возглавлял генерал Бобков. Я уже и лично знал всех, кто там отвечал за эти радиостанции, поэтому мог с ними что-то согласовывать и по телефону, чтобы успевать в номер, а они уже давали команду на публикацию нашим главлитчикам.

Именно на 5-й полосе в «Правде» публиковали карикатуры на международные темы. Среди наиболее известных карикатуристов, работавших в этом жанре, конечно, были классики советской политической карикатуры Кукрыниксы, которых я еще застал в живых. Они даже нарисовали на меня шарж с натуры для моей книжечки в «Библиотеке “Корокоди-

ла”», правда не очень похожий. Может быть, потому, что рисовали вдвоем – Николай Куприянов (1903–1991) и Николай Соколов (1903–2000). Порфирий Крылов (1902–1990) тогда болел. Но подпись была за троих – Кукрыниксы. Чаще других печатали мы еще одного классика сатирического плаката – Марка Абрамова (1913–1994). Он работал очень оперативно, хотя и без особых ухищрений, – карикатуры свои он делал, как под копирку, и все натовские генералы и реваншисты очень походили на него самого. Зато Марк был прекрасным пейзажистом. Его акварели заслуживают место в добротных художественных галереях. Были и другие, менее известные художники. Изредка мы под карикатурами давали подписи в стихах. Одним из таких дежурных поэтов у нас был С. Демин, помощник председателя Моссовета Промыслова. Он очень трепетно относился к публикациям в «Правде». Если мы принимали карикатуру, то она поступала в обработку в отдел иллюстраций, вместе с которым мы подбирали все «пятна» (фотоматериалы) для номера.

На уровне редактора «Правды» по отделу международной информации ЦУ нередко поступали напрямую по «вертушке» от заместителей заведующих отделами ЦК КПСС – отдела соцстран, международного, пропаганды и международной информации, реже – от отдела культуры. Наиболее активным по части инструкций был Владимир Николаевич Севрук (1932–2005), выпускник Академии общественных наук при ЦК КПСС (1966). Начав в 1966 года с инструктора, он стал позднее заведующим сектором и закончил свою работу в ЦК заместителем заведующего отделом пропаганды в 1988 году. Севрук отвечал за организацию пропагандистских кампаний внутри страны против таких противников режима, как Солженицын, Максимов, Зиновьев и других. Тип был крайне неприятный, суетный, и его стремление как можно скорее воплотить решения инстанции в жизнь навело тогда меня на мысль, что усердие его идет не от убеждений, а из соображений чисто карьерных. Валерий Ганичев вспоминает о нем так:

«Пономарев и все советники генсека были наши явные враги. Андропов, Шеварднадзе ненавидели Русскую партию и боялись ее. Помню, мы выпустили несколько книг против сионизма: Евсеева “Фашизм под голубой звездой”, Бегуна “Вторжение без оружия”. За книгу Бегуна нам

досталось по высшей мере – и от цензуры, и от начальства. Меня вызывал Севрук, кричал на меня: как вы можете выпускать такие книги? Но у нас были свои козыри, своя поддержка. Мы тоже умели обороняться. Даже стали готовить второе издание. Севрук выступил категорически против, но в это время поступил звонок от Машерова, первого секретаря Компартии Белоруссии – почему у вас задерживается выход книги Бегуна? Мы отвечаем: есть возражения отдела пропаганды. Нам было сказано Машеровым: “Я считаю, что задержка неправильная, книгу надо выпускать”. Спрашиваю: я могу сослаться на наш разговор? – “Да, пожалуйста”. На второй день с тихим торжеством пришел в отдел пропаганды. Начинаю разговор о книге. Слышу: хватит говорить об этом, ее выпускать не будем. А вот Машеров, кандидат в члены Политбюро, говорит, что книгу эту надо выпускать... Севрук побелел. Ну, я не говорил, что не надо выпускать совсем, но надо подработать... Давайте работать. Мы работали, еще был звонок Машерова: “Поторопитесь, эта книга нам очень нужна в борьбе с буржуазной идеологией”. Книга вышла 200-тысячным тиражом. Вот такую прямую поддержку нам не один раз оказывал Петр Миронович Машеров» (<http://antisys.wikispaces.com/В.+Ганичев.+Русский+орден+в+ЦК+партии+мифы+и+реальность>).

С 1988 по 1991 год Севрук был сначала зам. главного, а затем и главным редактором «Недели» и превратил этот еженедельник в рупор реформаторов. Закончил он свою карьеру в 1999 году на посту помощника премьер-министра Белоруссии.

В Отделе пропаганды был также сектор международной информации, которым руководил Борис Александровский, человек очень закрытый, внешне напоминавший участкового оперуполномоченного. Он отвечал за внешнеполитическую контрпропаганду, в частности, за кампании по дискредитации диссидентов и политической оппозиции в соцстранах. Отделу пропаганды подчинялись все советские СМИ, издательства и типографии, а с 1968 года и советские СМИ, вещавшие на зарубежную аудиторию.

В Отделе международной информации ЦК КПСС, который просуществовал с 1982 по 1986 год, материалы идеологического характера, выступления по диссидентам и контрпропаганду курировал мой бывший сосед

и коллега по «Комсомолке» заместитель Л. М. Замятина Виталий Игнатьенко, о котором речь шла выше. Отдел этот был расформирован вскоре после встречи Горбачева с Рейганом в 1985 году в Женеве, где Замятин проявил себя не лучшим образом, и в 1986 году он был направлен послом СССР в Великобритании.

Собственно эти люди и занимались непосредственно инструктажом СМИ в том, что касалось международной информации, контрпропаганды и на основных направлениях идеологической борьбы, поэтому с ними мне приходилось не раз непосредственно соприкасаться на различных уровнях.

На уровень общей координации деятельности идеологических отделов ЦК мне приходилось выходить только в тех случаях, когда я получал от их руководителей замечания по своим статьям и тем материалам, которые готовил, как, например, по полосе «Права человека подлинные и мнимые». Ключевую роль здесь играли член Политбюро ЦК, главный идеолог партии М. А. Суслов и секретарь ЦК по идеологии Петр Нилович Демичев. Но с ними непосредственно общался уже главный редактор «Правды».

После того как в ЦК КПСС был организован наш аналог – Отдел международной информации во главе с Замятиным, мороки нам прибавилось. ОМИ на Старой площади дублировал во многом не нас, а Отдел пропаганды ЦК КПСС, который после 1975 года возглавлял наш бывший главный М. В. Зимянин. По этому поводу даже ходила шутка в цековских коридорах – оба отдела так же похожи друг на друга, как и фамилии их руководителей. По своей манере поведения и даже внешне Замятин чем-то напоминал буйного российского телепропагандиста С. Курганяна. Зимянин же был само спокойствие. Это не мешало, однако, им переругиваться по «вертушке» и по «кремлевке», когда дело доходило до «принципов».

Однажды Афанасьев по просьбе Зимянина попросил меня написать заметки об академике Сахарове в связи с его очередным заявлением о преследовании диссидентов в СССР. Учитывая, что Виктор Григорьевич был действительным членом Академии наук СССР, т. е. коллегой Сахарова, я написал комментарий довольно сдержанный, не прибегая к тем разгромным характеристикам, на которых настаивал Замятин. Афанасьев отправил его текст в оба адреса – и Зимянину, и Замятину. Было негласное

правило – если до полуночи по материалу, отправленному в «Инстанцию» на ознакомление, не поступало замечаний, он считался одобренным. До полуночи оставалось десять минут. Мы уже готовились подписать московский номер, в котором стоял мой комментарий, но меня неожиданно вызвал к себе Афанасьев. Когда я вошел к нему в кабинет, он говорил одновременно по двум телефонам. На одном был Зимянин, на другом – Замятин. «Вот и автор пришел», – сказал он облегченно и передал мне обе трубки. Обычно поправки «Инстанции» на таком уровне принимал сам Афанасьев, и они тут же вносились в полосу. Но на этот раз он вынужден был нарушить субординацию, так как просто запутался в противоречивших друг другу замечаниях своих непосредственных начальников. Суть разногласий двух секретарей ЦК КПСС заключалась в том, что Замятин хотел представить Сахарова читателю в моем комментарии не иначе, как врага народа, а Зимянин – как заблуждающегося академика, далекого от реальной жизни и попавшего под антисоветский каблук своей жены. Конечно, оба они были неправы, т. к. диссидентов действительно преследовали и высылали, а на Западе их действительно использовали в пропаганде против СССР. Да и Сахаров не был таким уж подкаблучником, когда дело касалось выступлений в защиту диссидентов. Я видел собственными глазами, как он во главе толпы своих сообщников шел стенка на стенку с милицейским кордоном у здания суда, в котором шел процесс над сионистом Натаном Щаранским. Зимянин поздоровался со мной так, как будто мы расстались пару дней назад, и сказал: «Вы же опытный человек, Владимир Викторович. Предложите нам компромиссный вариант». После этого он изложил свой вариант, а Замятин на повышенных тонах – свой. Потом каждый прокомментировал, что он думает о предложенной версии оппонента. Пока они переругивались через посредство Афанасьева, я набросал на оттиске пятой полосы фразу, из которой следовало, что антикоммунистические центры на Западе, ведущие психологическую войну против СССР, использовали в своих целях заявления Сахарова независимо от того, хотел он того или нет. Дуэт Зимянин–Замятин после этого продолжался еще минут пять, но мой вариант одобрили и, немного его поковыряв, дали добро на публикацию. С выходом номера мы опоздали

почти на час, а меня от получасового разговора по столь высокопоставленным телефонам просто трясло. Афанасьев, довольный, что все уладилось, попросил помощника передать окончательную правку в цех, а сам пошел в свою персональную комнату и вынес оттуда бутылку французского коньяка. «Выпей, – сказал он, налив мне рюмку. – На тебе лица нет». И добавил: «А у меня так с ними каждый день».

Такие люди, как Афанасьев, были чрезвычайно редки в высших эшелонах КПСС. За его принципиальность и умение защищать нас, правдистов, за то, что он был всегда хорошо одет и подтянут, его на Старой площади не любили. Даже кличку ему придумали «Плейбой». Зато мы его обожали. Не раз он был из-за своего «инакомыслия» на грани увольнения с поста главного редактора.

Через три месяца после моего назначения на редколлегии «Правды» состоялся разбор работы ОМИ, куда пригласили всех его сотрудников. Я коротко доложил о том, что за это время мы успели сделать, потом высказались члены редколлегии. Афанасьев подвел итог. Была и критика, но в целом признали, что даже за столь короткий период сделан шаг вперед, в первую очередь в том, что касается оперативности. Афанасьев отметил и то, что наши материалы стали острее, и сказал: «Чувствуется, что руководит теперь отделом настоящий боец идеологического фронта».

Работа моя как редактора начиналась с девяти утра, а по понедельникам еще раньше. До начала планерки у Некрасова надо было быстро просмотреть свежие листы ТАСС и ленты иноагентств, посмотреть, что прислали собкоры, и только после этого идти со своими предложениями к шефу. На планерке утверждали тему колонки и ее автора, а также заявки на наиболее весомые материалы типа «Заметки политического обозревателя». В течение дня приходилось общаться по «вертушке», как мы называли кремлевский телефон закрытой связи, с кем-то из отделов ЦК, МИДа СССР либо других ведомств и в соответствии с полученными ЦУ решать, как оперативно на это откликнуться. Чаще всего откликаться надо было «с колес» и писать, а затем, если требовалось, и согласовывать быстро, чтобы успеть хотя бы в московский номер. Из сотрудников иностранных отделов никто от наших заказов, как правило, не отказывался.

Чаще сами предлагали материалы в номер или на следующий день. Эта практика взаимопомощи и поддержки была для «Правды» того времени нормой. Именно в те годы моей работы редактором «Правды» по ОМИ я приобрел ту практику, которая оказалась поистине неоценимой впоследствии, когда я руководил такими журналами, как «Финансовый контроль» и «Контроль стиля», а также информационным агентством «ФК-новости» при Счетной палате России.

На посту редактора меня так и не утвердили, несмотря на все усилия Афанасьева. А тут и вовсе события повернулись так, что и из «Правды» мне едва не пришлось уйти. Новый 1977-й год стал в моей судьбе еще одним поворотным годом. В «Правду» тогда пришла работать студентка вечернего факультета французского языка ИнЯза Дарья Жданова. Кра-

Дарья Леонидовна Большакова.

савица, умница и потомственная интеллигентка. Мать ее Галина Жданова была актрисой театра Моссовета, а отец – Леонид Жданов – балетмейстером Большого театра. В Дарью просто нельзя было не влюбиться, что со мной и произошло. Мое решение о разводе с бывшей женой облегчила она сама банальным адюльтером, не оставив мне выбора. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Новую жизнь мы начинали трудно – во-первых, все же была большая разница в возрасте, я старше ее на 22 года, а во-вторых, я оставил старой семье квартиру и все, что там было, кроме части своей библиотеки и личных вещей. Мы стали снимать квартиру на Кутузовском

проспекте у знакомых, а в декабре 1978 года отпраздновали свадьбу. С Дашей мы прожили на момент написания этой книги 39 лет. Она подарила мне двух прекрасных дочерей, Анастасию и Ксению.

Москва, 7 ноября 1984 г. В. Большаков с дочкой Настей у трибуны Мавзолея перед парадом на Красной площади.

В руководстве «Правды», узнав о моем предстоящем разводе, попытались этому помешать. Афанасьев подумал поначалу, что это обычный служебный роман, – ну, увлекся юной красавицей, ну бывает, но зачем же разводиться? Мало ли служебных романов в «Правде», где на это по традиции закрывают глаза. Когда я ответил ему, что я Дашей не просто увлекся, что я ее люблю, он сказал: «Ты пойми, что в таком случае тебя на посту редактора и вовсе не утвердят». Судьбу мою решали на закрытой летучке замов главного у Афанасьева. О решении сообщил мне его первый зам Скляр. Он был далеко не семи пядей во лбу, если не считать его большой лысины. По большому счету Скляр был типичным партократором и к журналистике пришел не как пишущий человек, а как номенклатурный работник. Он и говорил на том «новоязе», которым пользовались между собой такие кадры. Скляр вызвал меня к себе и заявил буквально следующее: «Вы должны понимать, Владимир Викторович, что “Правда” – это продолжение партийных органов, и разводы здесь не поощряются». Я не смог сдержать улыбку, представив себе эту фантастическую конструкцию – партийные органы и их продолжение в виде «Правды». Скляра это взбесило, и он говорил дальше уже на повышенных тонах: «По всем правилам надо было бы вас уволить из “Правды” за это, *но так как вы в определенной степени человек талантливый и не чураетесь писать на острые темы* (конечно, мной выделено. – В. Б.), то было решено вас в “Правде” оставить. На какой должности, вам сообщат». Я не стал с ним спорить и задавать вопросы вроде «Почему же Том Колесниченко благополучно развелся и уехал с новой женой собкором “Правды” в Америку, а я из-за развода даже не могу остаться в Москве работать на прежней должности?». Я не хотел никого ставить в неудобное положение. Решил, «не чураясь, писать на острые темы» именно в «Правде». А там – будь что будет.

Цукасов сразу же предложил мне вернуться к нему в секретариат на ту же должность его заместителя по иностранным отделам. Но меня в цех не тянуло. Я стал заместителем самого себя. А в мое кресло посадили Мая Подключникова, бывшего собкора «Правды» в ГДР, солдафонистого субъекта, который вошел в историю нашего отдела с фразой, направленной в

мой адрес: «Вы что думаете, что ваш начальник дурак?» Мне ничего не оставалось делать, кроме как ответить на это: «Ну, что вы, что вы!»

Со временем все утряслось. Я готовил колонки комментатора и прочие комментарийные материалы на пятую полосу. Подключникова без всякой волокиты утвердили во всех правах у «вертушки» и у кормушки. У него не было ни малейшей способности к журналистике, но зато он был выездным и никогда не разводился с женой.

«Вы знаете, что вы – Поэт»

В России нередко бывает так: неудачи в карьере или личной жизни приводят к тому, что человек начинает искать себе утешение и оправдание на дне стакана с водкой. Я не против хорошего русского застолья, в том числе и с водкой, хотя предпочитаю красное вино, но когда попадал в полосу неудач, вообще отказывался от любого алкоголя и работал, не покладая рук, еще активнее, чем до того, как Судьба повернулась ко мне спиной.

К началу 1979 года у меня уже был солидный список моих опубликованных книг, статей и стихов. В издательстве «Молодая гвардия» вышли мои книги «В поисках сверхоружия», «Бунт в тупике?», «На скоростной дороге не останавливаются», в «Библиотеке “Крокодила”» вышел сборник памфлетов и фельетонов «Король рулетки». Книги мои переводили на иностранные языки и языки союзных республик. В АПН на 50 языках были изданы мои небольшие брошюры по сионизму, терроризму США и правам человека. Журнал «Юность» опубликовал подборки моих стихов.

Советская печать встречала мои публикации очень по-доброму. Рецензии были прекрасные в самых разных изданиях – чаще других их публиковал журнал «За рубежом», реже – «Известия», «Смена», «Комсомольская правда», «Агитатор» и другие издания. С таким набором публикаций и рецензий можно было вполне вступать в Союз писателей, куда иной раз, но «своих» конечно, принимали даже по одному единственному рассказу или одной книжке. Но я как-то все не решался подать туда заявление.

Творческий вечер в библиотеке им. Достоевского в Москве.
В. Большаков читает свои стихи.

Раздача автографов. Книга стихов В. Большакова «Заветные тетради».

Но вот в марте 1978 года, вскоре после того как вышла книга моих австралийских очерков «На скоростной дороге не останавливаются», в «Правду» зашел Юлиан Семенов. Он время от времени у нас печатался, но каких-то дружеских отношений у меня с ним не было. А тут вдруг он зашел в мой кабинет и сказал: «Слушай, старик, я прочитал твою книжку об Австралии. Там, конечно, есть и чисто политический комментарий, но в основном – это хорошая литература. Тебе надо вступать в Союз писателей, Володя. Я готов тебе дать рекомендацию». – «За чем же дело, – сказал я. – Вот тебе перо и бумага, пиши».

У Юлиана действительно слова никогда не расходились с делом. Он тут же сел писать мне рекомендацию, уточняя по ходу отдельные детали моей творческой биографии. Получился в итоге вот такой текст:

«Рекомендация.

Владимир Большаков принадлежит к той плеяде писателей-правдивых, которая все более и более громче заявляет о себе в нашей литературе, причем громкость эта не носит характера сенсационного, броского: следом за В. Овчинниковым писатели-правдивы, и В. Большаков в их числе, не перестают радовать меня, да и вообще читающую публику, глубиной знания, точностью оценок и высокой мерой доброжелательства к исследуемому предмету.

В. Большаков молод еще, но успел написать много книг, в высшей мере интересных. Я начну отсчет с его последней книги «На скоростной дороге не останавливаются», ибо она, эта его книга, свидетельствует о постоянном поиске писателя, который начал с великолепных памфлетов «Король рулетки» (имеется в виду моя книжечка, изданная в «Библиотеке «Крокодила»». – В. Б.) в 1972 году, а до этого опубликовал очень интересную книгу «В поисках сверхоружия», глубоко вскопал тему, трагическую надо сказать, «новых левых», разочарованных, запутанных, где-то очень чистых людей, оказавшихся, тем не менее, в стане врагов, в своей книге «Бунт в тупике?». Перо литератора в работах Большакова спаяно с пером ученого – как истинный интернационалист, с позиций писателя-коммуниста он исследовал тему сионизма и выпустил в «Политиздате» книгу «Сионизм

на службе антикоммунизма”, которую отличает не только знание предмета, но и безукоризненность позиции автора.

Владимир Большаков – будь то его книги об Америке или Австралии – исповедует добро как метод. Он хочет отделить “злаки от плевел”, он ищет и находит в далеких странах славных людей, умных людей; естественно, он беспощаден по отношению к врагам – а как же иначе?! Но цель его литературы – рассказать нашему читателю о хорошем, в первую очередь, и – понятно – свести лицом к лицу с плохим.

Книги Большакова читаются с постоянным интересом, он растет от работы к работе, он ищет и находит свой стиль, перо его остро – все это не только позволяет, но и предполагает его вступление в Союз писателей.

Я убежден, что литература международной темы будет развиваться все больше. Я не сомневаюсь, что в этой литературе Большаков не только сказал уже, но скажет еще многое.

Именно поэтому я от всего сердца рекомендую Владимира Большакова в члены СП.

Юлиан Семенов.
9 марта 1978 г.»

Через три дня после той встречи с Юлианом мне дал свою рекомендацию в ССП заведующий отделом фельетонов «Правды» Илья Шатуновский. С его именем связаны самые известные публикации в советской фельетонистике, в первую очередь прославивший его памфлет «Плесень». Ко мне он относился, я бы сказал, по-отечески и бдительно следил за моими сатирическими публикациями в «Правде» и «Крокодиле», искренне радуясь каждой удаче. Вот что написал в своей рекомендации Илья:

«В последнее время мое внимание привлекли некоторые литературные работы, появившиеся в печати. В издательстве “Правда” вышел сборник острых, боевых фельетонов “Король рулетки”. В журналах “Юность” и “Молодая гвардия”, в “Литературной газете” я встретил подборки стихов о “зеленом континенте”. Много полезных для себя сведений я почерпнул из книги “Сионизм на службе антикоммунизма”. Прочитав

книгу “На скоростной дороге не останавливаются”, я почувствовал, что гораздо больше знаю теперь о делах, думах и заботах народа, живущего в далекой от нас Австралии.

Автором всех названных работ является Владимир Большаков, публицист, очеркист, поэт, сатирик. Его перу принадлежит ряд литературоведческих работ, в том числе предисловия к книжкам англоязычных авторов.

Что же объединяет, роднит разножанровые произведения Владимира Большакова? Это, прежде всего, отточенная литературная работа, яркость и образность изложения, свежесть восприятия окружающего мира, глубина и широта исследования сложных процессов.

Правдист-международник Владимир Большаков написал много других книг. Это – “В поисках сверхоружия”, “Бунт в тупике?” и другие. Они изданы и за рубежом: в Чехословакии, в Болгарии. И если учесть, что В. Большаков еще молодой человек, то можно с уверенностью сказать, что он наверняка порадует читателя многими интересными произведениями.

Считая, что творчество Большакова отмечено зрелой писательской работой, я рекомендую принять его в члены Союза Писателей СССР.

Илья Шатуновский.
12 марта 1978 г.»

И третьим рекомендовал меня в писатели главный редактор «Юности» Андрей Дементьев. Мы были тогда друзьями, и он даже посвятил мне стихотворение «У мужчины должен быть характер» в одном из своих стихотворных сборников. Вот что он написал тогда в своей рекомендации:

«Владимир Большаков – известный публицист, автор книг, среди которых особо хочется отметить “В поисках сверхоружия”, “Бунт в тупике?”, “На скоростной дороге не останавливаются”.

В. Большаков часто выступает на страницах нашей прессы, в том числе на страницах газеты “Правда” с литературными обозрениями и публицистическими очерками. Кроме того, я хорошо знаю стихи В. Большакова, которые публиковались в “Юности” и других столичных изданиях.

В. Большаков – человек одаренный, с острым пером, чутко чувствующий художественное слово, умеющий тонко передать психологию своих героев, которых рисует с натуры.

Рекомендую принять В. В. Большакова в члены Союза писателей.

А. Дементьев, член СП СССР с 1959 г. № билета – 2800.

Г. Москва».

Все три моих рекомендателя были евреями – так уж получилось, – и это особенно тронуло меня. Юлиан Семенов даже счел нужным отметить безукоризненность моей позиции по сионизму, хотя вполне мог этого не делать. Я мог только гордиться такой оценкой моего творчества и был уверен, что с рекомендациями этих корифеев советской литературы мне открыта «зеленая улица» в Союз советских писателей. Но, увы, на каком-то уровне, я даже не стал выяснять тогда на каком, мне отказали в приеме, не особо утруждая себя объяснением причин. Только уже после развала СССР и раскола ССП Валерий Ганичев принял меня в Союз писателей России.

Теперь я знаю, кто хотел меня отлучить тогда от советской литературы и признания. Но не буду называть их имена, чтобы это не показалось кому-нибудь личной мстостью. У советских – собственная гордость, особенно у таких советских, как Большаковы. Я помнил слова Леонида Мартынова, который написал в своем письме мне на Камчатку: «Вы сами знаете, что вы – Поэт». С этим знанием не всегда было легко жить, но я оставался верным и своему призванию, и своим читателям, которым было все равно, признан я официально писателем либо нет. Книги мои в магазинах не залеживались, иные я даже не успевал купить, т. к. они расходились за два-три дня даже при тех сумасшедших тиражах, которыми их издавали в СССР.

В конце концов даже профессиональные критики признали меня так же, как когда-то Леонид Мартынов. Журнал «Литературное обозрение», в редколлегию которого входили будущие «разрушители», но тогда еще «правоверные» Виталий Коротич, Феликс Кузнецов и Валентин Оскоцкий, дал очень добрую рецензию на мою поэму «Черная тетрадь»,

опубликованную в «Юности». Это было уже признание меня как поэта, так как журнал котировался очень высоко. Вот отрывок из той рецензии автора этого журнала Л. Павлова: «В советской поэзии издавна существует благородная традиция – откликаться на чужую боль так же горячо, как на свою собственную. Сегодня одним из таких откликов стала поэма Владимира Большакова, посвященная трагедии чилийского народа, «Черная тетрадь». Надо сказать, что тема Чили одновременно и “выигрышная”, и крайне трудная, ибо здесь существует реальный соблазн пойти по пути беллетризированного пересказа событий, тем самым как бы заслоняя собой собственно художественную форму.

Лучшие строки произведения В. Большакова говорят о том, что поэт избежал этого соблазна, сумел так вжиться в материал, что читатель не сомневается в выстраданности и остроте его чувств. Вот, скажем, завершающее поэму «Прощальное» (поэма разбита на отдельные главки), где речь ведется от лица человека, ожидающего казни:

Недолго осталось.
Бледнеет луна.
До солнца и казни – минута.
Прощайте, товарищи!
Жизнь одна –
И нам в нее не вернуться.
На гаснущих звездах
Ночь ворожит,
Бессмертие нам пророчит...

И тут вдруг возникают такие понятные и все-таки неожиданные строчки:

И все же –
хочется жить,
хочется жить,
хочется жить
очень...

Передано подлинное состояние человека, причем не эффектными метафорами или смысловыми выкрутасами, а поэтическим дыханием, интонацией» («Литературное обозрение». № 3, 1984 г. С. 77–78).

Когда сцена зовет

Осенью 1980 года мне неожиданно позвонил Игорь Павлович Скачков из Министерства культуры СССР. Сказал, что у него есть ко мне разговор, и предложил встретиться. Я подъехал к нему в Китай-город, где тогда располагалось это министерство, и он сказал мне, что давно следит за моими публикациями в «Правде», в которых, по его мнению, проявляется не только мое знание предмета, но и несомненный литературный дар. «А поэтому, – сказал он, – я хотел бы, чтобы вы попробовали себя и как драматург». В этом жанре я себя действительно никогда не пробовал, если не считать капустников. Я сказал Игорю Павловичу, что я не Бог весть какой драматург, но это его не обескуражило. Он, правда, честно признался, что его обращение ко мне вызвано, помимо всего прочего, и тем, что незадолго до нашей встречи ЦК КПСС принял постановление, в котором Министерству культуры было рекомендовано принять более активное участие в идеологической борьбе и подготовить ряд пьес на международные темы для постановки в советских театрах. К тому времени кроме пьесы «Русский вопрос» Константина Симонова, написанной в 1946 году, театральных постановок на международные темы в СССР практически не было. Так появилась моя первая пьеса «Именем короля», в основу которой легла хорошо знакомая мне история с отстранением Гофа Уитлема с его левым лейбористским правительством вице-королем, генерал-губернатором Австралии Дж. Керром. Конечно, там одним из главных действующих лиц был и советский журналист, аккредитованный в «Аралии» (о том, что речь шла об Австралии можно было легко догадаться, но придрататься австралийскому посольству к этому было бы невозможно) и успешно отразивший все происки ЦРУ. Вскоре Скачков издал эту пьесу в ротاپринтном варианте

Минкульта. Именно в таком виде и рассылали рекомендуемые пьесы по всем советским театрам.

В августе 1981 года эту пьесу опубликовал журнал «Театральная жизнь». Вскоре мне позвонил в редакцию из Махачкалы режиссер Хайбулла Абдулгапуров. Он сообщил, что перевел мою пьесу на аварский язык и поставил ее в драматическом театре имени Гамзата Цадасы, названного так в честь отца народного поэта Дагестана Расула Гамзатова. Премьера спектакля была намечена на 21 февраля 1982 года. Он просил меня приехать за несколько дней до этого и посмотреть спектакль. В «Правде» меня по такому случаю отпустили на несколько дней, и за два дня до премьеры я приехал на поезде в Махачкалу. Я посмотрел прогон спектакля, и, хотя аварского языка я не знаю, свою пьесу в действии я узнал. Труппа работала отлично, я поправил только несколько деталей. Например, актер, игравший лидера оппозиции в парламенте Аралии, по ходу пьесы несколько раз доставал расческу из кармана и на людях, в том числе в присутствии генерал-губернатора, подправлял свой пробор на прилизанных бриолином волосах. Так, конечно, премьер-министр вести себя не мог. Даже в Аралии это восприняли бы как моветон.

Премьера прошла под овацию зала, где присутствовало все руководство Республики во главе с Председателем Президиума Верховного совета ДАССР А. Умалатовым и министром культуры Магомедовым. Меня вызвали на сцену и вместе с актерами и Хайбуллой наградили аплодисментами. А на следующий день меня ждал сюрприз.

Рано утром ко мне в гостиницу приехал Магомедов и сказал, что в полдень меня ждут на заседании Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР. Там мне вручили грамоту со всеми орденами республики и с текстом, в котором говорилось, что мне присвоено звание «Заслуженный деятель искусств Дагестанской АССР за заслуги в развитии театрального искусства республики». Подписал эту грамоту А. Умалатов. Конечно, это было слишком. Особых заслуг перед Дагестаном у меня не было. Но было Постановление ЦК КПСС о постановке пьес на международные темы, и автором такой пьесы оказался зам. редактора «Правды» по отделу международной информации. Я такого, конечно,

не ожидал, но отказываться, понятно, не стал. Сказал только, что считаю эту награду авансом, постараюсь написать новые пьесы и буду надеяться, что их поставят в Театре им. Гамзата Цадасы. Не знаю их дальнейшего репертуара, но о том, что наш спектакль показали во всех городах Дагестана, Хайбулла сообщил мне сам.

Свое обещание я выполнил. Всего для Министерства культуры СССР я написал еще четыре пьесы. Это – «Ошибка Большого компьютера», «Заложники Генри Марлоу», «Давай по-хорошему» и «Галатея на связь не выйдет».

Душамбе, 1983 г. Постановка пьесы В. Большакова «Заложники Генри Марлоу» на сцене Русского драматического театра им. В. В. Маяковского.

«Заложники Генри Марлоу», в основу которой легла история с захватом американских заложников в Тегеране в ходе исламской революции, поставил в Москве режиссер театра им. Н. В. Гоголя Борис Гаврилович Голубовский. Год спустя меня пригласили на ее премьеру в Русский драмати-

ческий театр им. Маяковского в Душанбе. «Давай по-хорошему» опубликовал журнал «Театр», самый престижный по тем временам театральный журнал в СССР. Но эту пьесу нигде не поставили, насколько я знаю. А вот пьесу «Галатея на связь не выйдет» о советском дипломате, завербованном ЦРУ за границей и разоблаченном в СССР, взял в свой репертуар Калужский драматический театр, когда я уже работал во Франции. Они прислали мне дипломатической почтой свою афишу с анонсом «К 70-летию КГБ СССР». Во Франции это мне было как-то совсем не с руки. Тем более что за год до моего приезда из посольства СССР в Париже выслали едва ли не половину дипломатов, уличенных в работе на советскую разведку.

Честно говоря, драматургия в том варианте, в котором мне предложили работать в Министерстве культуры, меня особенно не увлекала, хотя я был на самом высоком уровне признан за драматурга и о постановках моих пьес были написаны самые положительные рецензии. Но самую дорогую мне пьесу не приняли в Минкульте, и мне не удалось ее поставить нигде до сих пор. Это – политическая опера в стихах «Приди к источнику Правды». Я написал ее на основе опубликованной в «Юности» поэмы «Черная тетрадь». Надеюсь все же, что когда-нибудь она найдет свою дорогу на сцену.

«Польский эксперимент»

После моей встречи с Пеговым прошло почти полгода, прежде чем Афанасьеву удалось прорвать блокаду КГБ на мой выезд за границу. В октябре 1978 года меня направили в Польшу в короткую командировку для участия в международной встрече журналистов «Яблонна – IV». Конечно, времени для того, чтобы разобраться в происходивших в стране событиях, не было. Но так случилось, что я приехал в Польшу 16 октября 1978 года, как раз в тот день, когда было объявлено об избрании Папой Римским краковского кардинала Кароля Юзефа Войтылы. Новый предстоятель Римско-католической Церкви получил при вступлении в должность имя Иоанн Павел II и оставался на папском престоле вплоть до своей

смерти в апреле 2005 года. Это был период радикальнейших перемен в мире, отмеченных развалом СЭВ и Варшавского Договора, ликвидацией социализма в СССР и странах Восточной Европы, превращением в итоге двухполярного мира двух сверхдержав США и СССР в однополярный под гегемонией Вашингтона. Войтыла сыграл в этом свою роль.

В Польше я до этого никогда не был. Международная встреча журналистов стран СЭВ проходила в Кракове, так что в Варшаве, которая произвела на меня грустное впечатление столпотворением безвкусных бетонных зданий, построенных на послевоенных развалинах, мы долго не задержались. Зато Краков очаровал своей аурой хорошо сохранившегося древнего города и неспешным ритмом жизни. Там меня поразило количество людей, собравшихся у костелов слушать проповедников в черном, и обилие бело-желтых флагов Ватикана, свисавших с костелов и общественных зданий. Бело-красный флаг Польши терялся на этом фоне, был почти незаметен.

Обстановка в стране была напряженной. Мои коллеги из «Трибуна людю» мне рассказывали, что в стране открыто действует «Комитет защиты рабочих» (КОР) во главе с Куронем, что издаются «нелегальные» листовки, брошюры, книги. Власти на все это смотрели сквозь пальцы...

С учетом опыта 1968 года в Польше и Чехословакии США вместе со спецслужбами стран НАТО начали скрупулезную подготовку к новым акциям по «разложению социализма изнутри». Объектом номер один в их планах на этот раз стала Польша, хотя происходившие там события нельзя рассматривать в отрыве от общего контекста глобального сценария войны против коммунизма. (См. подробнее об этом *Большаков В.* Пружины «польского эксперимента» // Библиотека «Огонек», 1982.) На Западе учли и ряд просчетов руководства Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). По мере растущей экономической зависимости ПНР от Запада, на идеологическую работу с населением, и особенно с молодежью, все меньше обращали внимания. Страну наводнили эмигранты, долгие годы жившие за границей среди тех, кто люто ненавидел коммунизм. После избрания Войтылы Папой Римским, что было сделано явно не без подсказки США, влияние Ватикана и Католической Церкви в стране становилось куда силь-

нее влияния СССР и ПОРП. Я уже не говорю о давних «спорах славян между собой» и традиционных антирусских настроениях в Польше.

Новый лидер ПОРП Э. Герек в своем подходе к оппозиции то и дело оглядывался на Запад, опасаясь новых экономических и политических санкций против ПНР. А на Западе в это время всерьез приступали к операции по демонтажу коммунизма в Польше. Оппозиционным группировкам, опекаемым разведслужбами США и других стран НАТО, практически беспрепятственно оказывалась материальная помощь.

Главным координатором деятельности антисоциалистических сил в Польше стал мюнхенский центр ЦРУ – радиостанция «Свободная Европа», с которой активно взаимодействовали «польское правительство в эмиграции» (Лондон), центр польской эмиграции во главе с журналом «Культура» (Париж), сионистские группы эмигрантов из Польши, объединенные в США и Швеции вокруг журнала «Анекс», а в Израиле вокруг газеты «Новини и Курьер», организации андерсовцев в разных странах – от Англии до Австралии. Активно включились в поддержку «Солидарности» американские профсоюзные объединения, прежде всего АФТ-КПП, и профбоссы из сионистского объединения ОРТ в США. Новый этап «польского эксперимента», целью которого была ликвидация социализма в Польше, начался в январе 1981 года уже в рамках новой стратегии по демонтажу коммунизма, взятой на вооружение республиканской администрацией во главе с Р. Рейганом. Фактически это было объявлением войны против всех стран Варшавского Договора. Увы, нежелание признать этот факт, неспособность дать совместный отпор агрессору уже тогда, всеми силами «братских социалистических стран», привели в конечном итоге к краху всего соцсодружества.

Для начала рейгановцы решили провести экономическую диверсию против Польши. Одним из авторов этого плана был Збигнев Бжезинский. Польше предложили «помощь» по типу бартера. Предполагалось, что западные партнеры поставят в Польшу предприятия, а в виде оплаты будут брать произведенную на этих предприятиях продукцию. Предприятия запустили, но брать их продукцию на Западе отказались. В результате сумма польского валютного долга полезла вверх. После этой диверсии поляки

влезли в огромные долги, в Польше начали вводить карточки на все товары (даже на пеленки и средства гигиены). Начались забастовки рабочих. Груз польского кризиса лег и на экономику СССР. Польше была оказана финансовая помощь в размере 10 млрд долларов, однако долг ПНР рос и достиг 12 млрд долларов даже после этого вливания. В Вашингтоне рассчитывали, что в случае успеха контрреволюции в Польше дестабилизация пойдет во всем соцлагере, включая СССР. В Москве это хорошо понимали. Рассматривался вариант вмешательства в польские дела по примеру Чехословакии августа 1968 года. Разведка докладывала, что польская оппозиция получает мощную финансовую помощь от стран Запада и действует практически открыто. Оппозиция издавала 1,7 тыс. газет и журналов, 10 тыс. книг и брошюр, действовали «подпольные», а по сути дела открытые типографии, по радио «Голос Америки» и «Свободная Европа» открыто отдавались указания, когда и где устраивать забастовки.

В июне 1982 года активистами «Солидарности» была создана нелегальная антиправительственная организация «Борющаяся Солидарность». Возобновилось нелегальное издание антикоммунистических газет в Варшаве, Вроцлаве, Познани, Жешуве и Щецине. В начале 1986 года была создана «исполнительная группа» для организации «уличных акций» (вывешивание транспарантов, написание лозунгов в общественных местах и др.) (см. *Padraic Kenney. A Carnival of Revolution: Central Europe 1989. Princeton University Press, 2003. P. 30*).

В моих боях на идеологическом фронте в начале 80-х годов Польша заняла самое важное место. В своих статьях в «Правде», в журналах «Огонек», «Агитатор» и других изданиях я писал о том, что в самом сердце Варшавского Договора идет подготовка к контрреволюции, поддерживаемой из США и других стран НАТО, а также международным сионизмом. Мой чехословацкий опыт подсказывал мне, что на этот раз речь идет не об игре в «социализм с человеческим лицом», а о реставрации капитализма и полном переходе Польши в западный лагерь. В то время я много выступал с публичными лекциями, где тоже говорил об опасности контрреволюции в странах Варшавского Договора. Довольно откровенно о роли сионистов в подрывных действиях против Чехослова-

кии и Польши я рассказал во время своего творческого вечера, который мне устроила организация «Память» в клубе им. Зуева на улице Правды. Там можно было об этом рассказать достаточно откровенно, ибо аудитория в клубе собралась соответствующая.

До поры до времени на Старой площади к таким моим выступлениям относились настороженно и даже предупреждали: «Не надо нагнетать!» И доосторожничались до того, что Брежнев уже приготовился повторить танковый марш-бросок на Варшаву, как в августе 1968 года в Чехословакии. К счастью, этого удалось избежать.

С февраля 1981 года Председателем Совета Министров ПНР, а с октября 1981-го также 1-м секретарем ЦК ПОРП становится генерал армии Войцех Витольд Ярузельский (1923–2014). С 12 по 13 декабря 1981 года он ввел военное положение, интернировал лидеров «Солидарности», составлявших основную оппозицию власти партии, и подавил все попытки дестабилизировать свое правление малой кровью – в стране было введено чрезвычайное положение, и в процессе репрессий погибло, по разным оценкам, от 15 до 20 человек. «Ярузельский был очень порядочным человеком, – говорил о нем последний министр обороны СССР маршал Советского Союза Д. Т. Язов. – Фактически он спас Польшу, введя в стране военное положение. Когда Брежневу доложили, что вокруг Варшавы стоят восемь польских дивизий, ему пришлось отказаться от ввода советских войск». Тем не менее добиться решительной победы над оппозицией партии и армии Польши не удалось.

25 декабря 1981 года через две недели после введения военного положения в Польше в «Правде» двумя подвалами на четвертой и пятой полосах была опубликована моя статья «О вмешательстве спецслужб США в дела ПНР». Перечитывая ее 35 лет спустя, не могу не отметить, что «Правда» той статьей впервые открыто поставила вопрос о нарушении администрацией США и ее союзниками по НАТО тех ялтинских договоренностей 1945 года, согласно которым мир был поделен на две зоны влияния двух сверхдержав – СССР и США. Стремления порвать с этими договоренностями, обеспечивавшими мир и стабильность в Европе все послевоенные годы, уже не скрывали на Западе. В моей статье, в частно-

сти, приводилась вот такая цитата из влиятельной американской газеты «Крисчен сайенс монитор»: «Запад жизненно заинтересован в польском эксперименте, который, если он увенчается успехом, может обернуться для Запада геополитическим выигрышем». Это был прямой вызов Ялте. Тогда мы еще не знали о целой серии директив NSCD администрации Рейгана, согласно которым начиналось прямое вмешательство во внутренние дела всех социалистических стран с целью демонтажа в них существующего строя и ликвидации социализма в Советском Союзе. Но о сути рейгановского плана по демонтажу Советской империи и ликвидации коммунизма в той моей статье «О вмешательстве спецслужб США в дела ПНР» уже было все сказано. Там было приведено свидетельство близкого к Белому дому вашингтонского обозревателя Симона Розенфельда, который писал 15 декабря 1980 года, комментируя кризис в Польше: «Взгляд лагеря Рейгана на эту проблему сводится к следующему: США не должны отговаривать от борьбы поработанные народы только потому, что такая борьба причиняет неудобства западной дипломатии. США скорее должны предложить любую поддержку, на которую они способны, исходя из того, что сопротивление, включая военные столкновения, может полыхать в Восточной Европе десятилетиями до тех пор, пока она не будет окончательно свободной». В тех знаковых двух подвалах был представлен убийственный набор фактов, детально описана вся инфраструктура поддержки контрреволюции в Польше, которая была создана ЦРУ, спецслужбами НАТО и Израиля при участии польской антикоммунистической эмиграции. В частности, я привел такую цифру: «...к июню 1981 года в различных странах, в первую очередь в США, были созданы 400 центров, поддерживающих деятелей политической оппозиции в ПНР». Ясно было как дважды два, что речь идет не просто о пропаганде, а о крупномасштабной операции по подготовке контрреволюционного переворота в ПНР. Отмечу, что нашим дамам в досье мне пришлось принести целую сумку своих ссылок на иностранные источники, в которых я основательно покопался при подготовке этой статьи. Работа была проделана четкая – в зарубежных СМИ не появилось ни одного опровержения приведенных в ней фактов.

Моя статья вызвала небывалый отклик. Все западные корреспонденты, аккредитованные в Москве, все информационные агентства подробно передали ее содержание. Статью перепечатали в Индии и широко цитировали в Японии. В социалистических странах, в том числе в Польше, перепечатывали ее целиком, на два разворота ее процитировала и газета коммунистов США «Дейли Уорлд». Р. Уэйнтрауб в «Вашингтон пост», как и многие другие обозреватели на Западе, обратил внимание на то, что в «двух подвалах Большакова в “Правде” были подробно документированы факты об участии ЦРУ» в организационной и финансовой поддержке польских контрреволюционеров («The Washington Post». 1981, December, 26).

Дороже всех для меня был отклик моих австралийских друзей на эту статью. Ее перепечатали целиком в специальном выпуске журнала Социалистической партии Австралии «Сервей». В предисловии к публикации было сказано: «Эта статья написана Владимиром Большаковым, которого знают в Австралии, где он несколько лет работал, как вдумчивого, глубоко пишущего журналиста. Мы перепечатываем эту статью целиком, т. к. факты, в ней изложенные, должны быть широко известны всем. Прочти и передай товарищу» («The Survey». 1982, Feb., page 4).

Любопытно, что во многих западных комментариях прозвучал явный интерес к тем разоблачениям деятельности ЦРУ и других спецслужб в Польше, которые предоставила «Правда» мировой общественности этой статьей. Московский корреспондент «Нью-Йорк таймс» С. Шмеман, подробно изложив статью, отмечал: «Статья содержит самые всеобъемлющие на сегодняшний день обвинения в адрес США, согласно которым события в Польше были частью длительной и сложной кампании Соединенных Штатов, направленной на то, чтобы “вырвать страну из социалистического содружества и, прежде всего, из Варшавского Договора”. Статья, – писал Шмеман, – определенно ставит своей целью обеспечить авторитетную и подкрепленную деталями поддержку заявлению о том, что Польша стояла перед лицом государственного переворота (выделено мной. – В. Б.), подготавливаемого врагами коммунизма

из числа лидеров “Солидарности”, за которыми стояло ЦРУ» («The New York Times». 1981, December, 26).

7 декабря ведущая новостей американской телекомпании Си-Би-Эс Р. Флинн сообщила, что в госдепартаменте «внимательно изучают статью о Польше в “Правде”, хотя и не считают ее официальным заявлением Советского правительства». Конечно, наше правительство я в соавторы не приглашал. Но все понимали, как отметил уже 25 декабря в своем комментарии по моей статье корреспондент агентства Рейтер в Москве Ричард Балмфорт, *«на такую публикацию, как очевидно, было дано согласие на высоком уровне»*. Балмфорт попал в точку. Перед публикацией Афанасьев разослал мою статью по «большому кругу», т. е. для ознакомления всем членам Политбюро и секретарям ЦК КПСС. В течение суток от них пришли незначительные поправки. Статью послали и М. С. Горбачеву, который 27 ноября 1978 года на Пленуме ЦК КПСС был избран Секретарем ЦК КПСС, а с 21 октября 1980 года был членом Политбюро ЦК КПСС. От него я не получил ни одного замечания, кроме его подписи, что при такой рассылке было равнозначно резолюции «Согласен». Так статья получила «зеленую улицу» действительно на самом высоком уровне.

Можно ли было удержать Польшу в орбите Москвы? Уверен, можно было, если бы не предатель Горбачев. В руках Ярузельского была вся полнота власти. С ноября 1983 года он стал Председателем Комитета обороны и Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами ПНР. Да и у Советского Союза была вполне боеспособная армия. Однако с началом горбачевской «перестройки» польские власти оказались практически один на один с контрреволюцией. Увы, на ее сторону вскоре перешли и многие поляки, если не большинство. После этого сопротивление уже потеряло смысл, и в 1990 году Ярузельский дал согласие на проведение в Польше многопартийных выборов президента (а ранее – в Сейм Польши) и по их итогам мирным путем передал власть в руки лидера «Солидарности» Леха Валенсы. Так закончилась история социалистической Польши и вместе с ней – Варшавского Договора.

Тема Польши продолжала меня привлекать, ибо проведенная там операция США по демонтажу коммунизма – это классика идеологической

борьбы времен «холодной войны». Теми же методами Вашингтон готовил «майданы» на Украине и по той же схеме действует сегодня против России, стремясь с помощью своей агентуры дестабилизировать политическую обстановку в нашей стране и свергнуть существующий режим Владимира Путина. Именно поэтому я к этой теме не раз возвращался и в «Правде», в частности в своей статье «Павианы из ЦРУ» («Правда», 17 мая 1982 г.), где рассказал о подрывных операциях спецслужб США в Польше, и в своих книгах, изданных до и после распада СССР. В 1982 году для «Библиотеки “Огонька”» на базе той статьи в «Правде» я подготовил небольшую книжечку «Пружины польского эксперимента». Она вышла большим тиражом 100 тысяч экз. и в нашей прессе была отмечена самыми добрыми рецензиями. В одной из них «Пружины антипольского заговора», опубликованной в моем родном журнале «За рубежом», К. Александров писал: «Книга Владимира Большакова, небольшая по объему, но богатая фактами, проливает свет на трудный период, пережитый Польшей, и помогает понять суть продолжающейся на Западе пропагандистской шумихи вокруг польского вопроса. Ведь империализм не намерен отказываться от вмешательства во внутренние дела Польши, все еще рассчитывает повернуть ход событий в выгодное для себя русло» («За рубежом». № 34(1207), 1983 г., с. 16).

Был и неприятный момент, связанный с этой книжечкой. Один шустрый преподаватель факультета журналистики МГУ Георгий Вачнадзе передул ее полностью и, даже не сославшись на автора, включил в свой компилятивный фолиант, который он издал у себя в Грузии (*Вачнадзе Г. Заговор против Польши. Тбилиси: «Мерани», 1983*). С моими публикациями он это, увы, проделывал не раз. В 1984 году в «Молодой гвардии» вышла моя книга «Агрессия против разума». А Вачнадзе издал в 1987 году целый том под заголовком «Агрессия против разума: информационный империализм». В нем он украл у меня не только заголовок. Нравилось ему у меня воровать. Своих-то мозгов не хватало. Но я с ним не судился. Бог ему судья.

Тему Польши я поднимал и в своих книгах «Убийство советского человека» (2005), «Остров Россия» (2009) и «С голубой звездой против красной» (2014).

Глава тринадцатая

В ОКОПАХ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Права человека подлинные и мнимые

Всякий раз за границей меня донимали вопросами о соблюдении прав человека в СССР. Это была большая проблема. Тема «прав человека» стала доминировать на идеологическом фронте в конце 70-х годов после того, как на встрече на высшем уровне в Хельсинки, проходившей с 30 июля – 1 августа 1975 года был принят Заключительный акт. Хельсинкские соглашения в соответствии с этим актом предусматривали ряд обязательств государств, поставивших под ним свои подписи. Среди них, в частности, значились: «уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, а также – невмешательство во внутренние дела друг друга». Выполнение этих обязательств оказалось затруднительным и для социалистических стран Европы, и для США и их европейских партнеров. В соцстранах обязательство соблюдать права человека в том варианте, в котором это было обозначено в Заключительном акте, формально было вполне приемлемым – примерно в тех же выражениях гарантировались права граждан в их конституциях. Но это отнюдь не означало, что они соблюдались. Моя проблема с выездом – типичный, хотя и далеко не вопиющий пример нарушения прав человека в СССР. «Свобода мыслей и убеждений» означала в западном понимании и свободу излагать свои мысли в печатном или магнитофонном виде, а это привело бы к легализации самиздата и магнитиздата, с которыми власти боролись, не жалея сил, и к открытию границ для импорта разного рода антисоветской литературы из-за рубежа. С «правом народов распоряжаться своей судьбой» было еще труднее, хотя национальным республикам в СССР по Конституции было

дано право самоопределения вплоть до отделения. Но вот что касалось евреев, немцев и прочих нацменьшинств, то им никто права на выезд из СССР давать не собирался. Немало возникло проблем и с воссоединением семей, в чем я лишний раз убедился в Берне весной 1986 года, где освещал Международную конференцию по проблеме воссоединения семей.

В борьбе за свои права не только диссиденты в СССР и других соцстранах, но и прежде вполне лояльные граждане начали добиваться их реализации, ссылаясь на Заключительный акт. Это использовали в своих целях западные спецслужбы, разведка Израиля и сионистские организации. Антисоветская «Конференция в защиту советских евреев» – только один тому наиболее яркий пример. Запад, дав обязательство не вмешиваться во внутренние дела соцстран, продолжал в них активно вмешиваться под предлогом «защиты прав человека». В свою очередь возникшие в СССР и других соцстранах правозащитные движения апеллировали к Заключительному акту, выдвигая все новые и новые требования к властям. Брежнев, видимо, не раз пожалел, что подписал этот акт. Никакой разрядки международной напряженности не получалось, активно возрождались худшие формы противостояния двух систем в «холодной войне».

В ноябре 1976 года на президентских выборах в США побеждает кандидат от демократической партии Джеймс Эрл (Джимми) Картер-младший. Он не был профессиональным политиком. Скорее – убежденным баптистским проповедником. Свою президентскую кампанию он начал с того, что ходил по домам и бесплатно раздавал Библию. «Права человека» были его коньком, на котором он и въехал в Белый дом. Картер стал первым президентом США, включившим в приоритеты внешней политики этой страны защиту прав человека во всем мире. Хотя на практике речь шла только об обеспечении прав человека в Советском Союзе, других соцстранах и в «третьем мире», а в самих Соединенных Штатах поправление прав человека, в первую очередь бедняков и национальных меньшинств, людей левых убеждений и просто инакомыслящих, было и остается реальностью американского общества по сей день. Ясно было, что политика «защиты прав человека во всем мире» предназначалась исключительно на экспорт. Не случайно видный английский советолог Р. Конквест под-

черкивал, что кампания Запада в защиту прав человека в соцстранах направлена на глубокую перестройку советской политической культуры, на психологическое разоружение СССР.

«В свое время для правозащитников в СССР избрание Джимми Картера президентом США, – рассказывает глава Московской Хельсинкской группы, дуайен советских диссидентов и правозащитников Людмила Михайловна Алексеева, – стало подарком судьбы. 12 мая 1976 года Юрий Федорович Орлов провозгласил Московскую Хельсинкскую группу, которая настаивала на соблюдении Хельсинкских соглашений полностью, включая гуманитарные статьи. Это означало, что правозащитники требовали соблюдения прав человека в Советском Союзе в тех объемах, в каких пользовались своими правами граждане демократических государств. А в ноябре 1976 года президентом США стал Джимми Картер. В ходе предвыборной кампании Картер заявил, что в своей внешней политике Соединенные Штаты должны ориентироваться, прежде всего, на то, насколько их партнеры соблюдают права человека в своих странах». При этом Алексеева, зная положение дел в США, добавляет: «Удивительно, что американские избиратели поддержали это намерение кандидата и выбрали его в президенты» (<http://urokiistorii.ru/current/news/2009/10/karter>).

В СССР власти с правозащитниками боролись тоже, оглядываясь на Заключительный акт. Наиболее подлую форму этой борьбы изобрели на Лубянке при Андропове. 29 апреля 1969 года Андропов направил в ЦК партии проект плана расширения сети психиатрических больниц и предложения по усовершенствованию использования психбольниц для защиты интересов советского государства и общественного строя. Кроме того, принимались и соответствующие закрытые постановления ЦК партии и Совета Министров (см. *Королева Л. В.*, докт. ист. наук. Власть и советское диссидентство: итоги и уроки. Часть 1 // Электронный журнал «Полемика»).

Еще в 1971 году советские правозащитники предоставили западным психиатрам документы на 150 страницах, свидетельствующие о злоупотреблениях психиатрией в политических целях и сопровождавшиеся письмом В. Буковского. В нем он просил западных врачей рассмотреть

копии судебно-психиатрических заключений в отношении П. Григоренко, В. Файнберга, Н. Горбаневской, В. Борисова, И. Яхимович и др. Позже жертвами карательной психиатрии стали заключенные андроповских «психушек» Есенин-Вольпин, Йосиф Бродский, Михаил Шемякин и другие диссиденты из числа творческой интеллигенции.

Ясно, что такого рода методы «идеологической борьбы» были объективно преступны, что и привело в 1983 году к выходу Всесоюзного общества невропатологов и психиатров СССР из Всемирной психиатрической ассоциации (по рекомендации главы КГБ Федорчука, сменившего Андропова на том посту). Это было сделано добровольно во избежание мирового скандала, грозившего СССР исключением из этой ассоциации. Советские психиатры смогли вернуться в нее только в 1989 году после признания того факта, что в СССР карательная психиатрия применялась для борьбы с инакомыслящими.

Это еще одно подтверждение того факта, что вести борьбу с нашими идейными противниками на идеологическом фронте в годы существования советской власти нельзя было преступными методами, ибо в конечном итоге это оборачивалось против самой идеи социалистической демократии, против советской власти. В этом отношении Андропов и его команда нанесли реальному социализму куда больший вред, чем все подрывные радиостанции ЦРУ.

Тема «прав человека» была взята на вооружение организаторами рейгановского «крестового похода» против коммунизма вовсе не из гуманных соображений, а, прежде всего, именно потому, что она была выигрышной вдвойне. Защиту этих прав в СССР и других социалистических странах Белым домом воспринимали одобрительно и в США, чему пример – победа Картера на президентских выборах 1976 года, и в Советском Союзе. Причем эту борьбу поддерживали не только такие профессиональные диссиденты, как Л. Алексеева. В среде советской интеллигенции, где нарушение этих прав воспринималось особенно болезненно, выступления западных политиков за их соблюдение в СССР и других странах Варшавского Договора только приветствовались. С учетом того, что правозащитное движение объективно способствует дискредитации реального социализ-

ма, помощник госсекретаря США по гуманитарным вопросам Э. Абрамс, один из тех, кто непосредственно отвечал за подготовку «тезисов по правам человека» перед саммитом 1985 года в Женеве, четко сформулировал направленность долгосрочной политики США на этом направлении: *«Любая политика в области прав человека не может быть серьезной, если она не базируется на антикоммунизме»*.

Уже после того, как Андропов стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, «Правде» по его инициативе было дано указание подготовить материал на целую полосу о нарушениях прав человека на Западе и о защите основных прав трудящихся в СССР. Мне это и поручили.

Самым любопытным в этом идеологическом противостоянии двух миров было то, что в коммунистическом мире никому не приходило в голову почитать раннего Маркса и у него взять аргументы для спора с Западом вместо того, чтобы вести этот спор базарным методом по принципу «А у вас негров вешают!». Из тех первых его работ, прежде всего речь идет о «Святом семействе» и «К еврейскому вопросу», ясно, что первый теоретический спор основателя марксизма и его противников начался с прав человека (см., например, постановку вопроса Марксом об эмансипации евреев через их эмансипацию от еврейства (*Judendudt*), т. е. торгашества). Но спор этот был очень похож на известный диспут о том, что раньше появилось – яйцо или курица. Оппоненты Маркса считали, что гражданские свободы превыше всего и, только обладая ими, человек способен добиться обеспеченного достойного существования для себя и своей семьи. Государство же должно стоять и на страже этих прав, и на страже тех достижений, которых добился удачно воспользовавшийся этими правами гражданин, т. е. на охране священного права собственности. Это положение, как известно, закреплено во всех демократических конституциях. Маркс считал, что ничего эти декларируемые права и свободы не стоят, пока они не обеспечены материально. А раз не обеспечены, то человек неизбежно попадает в капиталистическое рабство, продавая свой труд, становится бесправным наемным рабочим и т. д. Отсюда впоследствии и появился большевистский рецепт – отнять собственность у имущих и поделить

ее между неимущими, чтобы таким образом материально обеспечить их равенство. Исторический спор между капитализмом и социализмом шел как раз в первую очередь по поводу прав человека, ибо по Марксу человек свободный работает гораздо продуктивнее человека, лишенного личностной и политической свободы, т. е. фактического раба. К этой философской стороне проблемы прав человека у нас, увы, обращались редко.

Подобрать факты для международной части этой полосы не составляло никаких проблем – в тех же США имели место вопиющие факты нарушения прав человека, включая карательную психиатрию. Причем в американские «психушки» попадали не только левые, но и в первую очередь активисты движений за права афро-американцев и других национальных меньшинств, так что это еще сочеталось и с расизмом. Но ведь у нас в Советском Союзе фразу «А у вас негров вешают» воспринимали как юмор, хотя и при Рейгане были случаи, когда такие расправы над неграми устраивал Ку-клукс-клан. Убедить читателей «Правды» в том, что по сравнению с Западом советская демократия имеет существенные преимущества, было не так-то легко. Но мы все же попытались это сделать. 18 июня 1986 года в «Правде» появилась полоса под рубрикой «В зеркале двух миров» и заголовком «Права человека подлинные и мнимые». Вскоре в издательстве «Правда» эта полоса вышла стотысячным тиражом в виде карманной книжечки под тем же названием.

Для меня эта тема была одной из основных в моих статьях и книгах. В «Правде» 2 июля 1985 года была опубликована моя подвальная статья «Право говорить о правах человека» с обзором нарушений прав человека в капиталистических странах. Но основной работой на эту тему стала моя книга «Бизнес на правах человека». Она выдержала два издания в издательстве «Мысль» в 1980 и 1983 годах. По сути дела, это была монография со всеми необходимыми в таких случаях ссылками и высказываниями классиков марксизма-ленинизма по поводу самой сути концепции «права человека и гражданина» и ее классовом содержании. В книге можно было куда подробнее поговорить о проблеме, чем на газетной полосе. И меня эта работа действительно увлекла. «Мысль» была по тем временам весьма солидным издательством, которое специализировалось на издании научных

трудов весьма маститых авторов. И то, что в «Мысли» мне предложили написать такую работу, для меня было большой честью. Нина Ивановна Калашникова, которая была редактором этой книги, сказала мне как-то, что издательство привлек, прежде всего, мой научный, марксистский подход к проблеме «прав человека».

Собственно с философского анализа проблемы прав человека при капитализме Маркс и Энгельс начинали свой путь к научному коммунизму. Наиболее полный анализ этой проблемы они дали в «Святом семействе». «Провозглашая права человека, – говорилось в этой работе, – буржуазное государство действует не в интересах человека труда, а в интересах собственника средств производства... Эти права не освобождают человека от собственности, а предоставляют ему свободу собственности, не освобождают его от грязной погони за наживой, а только предоставляют ему свободу промысла» (Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 125). И далее:

«...Признание прав человека современным государством имеет такой же смысл, как признание рабства античным государством. А именно, подобно тому как античное государство имело своей естественной основой рабство, точно так же современное государство имеет своей естественной основой гражданское общество, равно как и человека гражданского общества, т. е. независимого человека, связанного с другим человеком только узами частного интереса и бессознательной, естественной необходимости, раба своего промысла и своей собственной, а равно и чужой своекорыстной потребности. Современное государство признало эту свою естественную основу как таковую во всеобщих правах человека» (там же, с. 125–126).

При замене общества привилегий, каким было феодальное общество, деление на имущих и неимущих, ясно, не было уничтожено. Привилегию заменило право. Неимущий теоретически получил право стать имущим, а на деле лишь право продавать свой труд, оплата за который давала возможность не умереть с голоду, а нищеты его не уничтожала.

Обращение к классикам марксизма-ленинизма неизменно помогало мне в поисках аргументов в полемике с нашими противниками на идеологическом фронте. Тот философский подход, который свойственен в

первую очередь Марксу и Энгельсу, давал возможность полемизировать с философами Франкфуртской школы и других направлений буржуазной философии, которые пришли к отрицанию марксизма и непосредственно к антисоветизму, начав с изучения ранних трудов классиков марксизма, таких, как «Святое семейство». Это только в дешевой пропаганде можно было заниматься шапкозакидательством и аргументами по принципу «сам дурак». А для серьезной полемики с такими корифеями, как Раймон Арон, Р. Конквист, Р. Пайпс, Г. Маркузе и другими, нужна была серьезная подготовка. То, что она у меня есть, заметили в нашем ученом мире. Из различных научных учреждений мне не раз предлагали защитить кандидатскую диссертацию на тему прав человека и другие темы моих книг, но я по молодости лет не очень был склонен выполнять все те формальности, которые для этого требовались. Я так и остался «незащищенным», хотя и жалею теперь о том, что проявил в этом отношении своего рода снобизм. Так было в случае с моей книгой о «новых левых» «Бунт в тупике?», когда мне предлагали защититься по этой тематике. Точно так же было и с книгой «Многоликая безработица», вышедшей в издательстве «Международные отношения» в 1984 году. В своей рецензии на нее руководитель одного из научных институтов СССР написал: «Эта работа равна по своему результату работе нашего коллектива за целый год». Союз журналистов СССР признал ее лучшей книгой за 1984 год. После таких дифирамбов мне казалось просто унижительным тогда переписывать свою уже опубликованную и отрецензированную книгу в диссертацию. Я предлагал присвоить мне научное звание по совокупности опубликованных работ, но на это, к сожалению, никто не шел. В общем, нашла коса на камень.

Терроризм по-американски

С приходом Рональда Рейгана к власти в 1980 году особо остро встала проблема международного терроризма. И не потому, конечно, что Рейган 30 марта 1981 года, всего через два месяца после его вступления в должность, сам едва не стал жертвой террориста – психически ненормального

Джона Хинкли-младшего, который ранил самого президента и троих его сопровождающих при выходе из гостиницы «Хилтон» в Вашингтоне, где Рейган выступал с речью перед делегатами федерации профсоюзов. А потому, что терроризм был возведен при Рейгане в ранг государственной политики США. Такая постановка вопроса в нашей пропаганде была в новинку, хотя и до прихода Рейгана в Белый дом ЦРУ и другие спецслужбы США активно использовали терроризм для устранения неугодных США лидеров. Секретный доклад агента ЦРУ Дональда Уилбера, озаглавленный «Свержение премьер-министра Ирана Моссадыка», был написан в марте 1954 года, а рассекречен в октябре 1969-го. В нем впервые было рассказано о применении агентами ЦРУ в Иране в ходе операции ЦРУ «Аякс» терроризма вместе с другими методами влияния на население страны, избранной для подрывной деятельности, – от дезинформации до терактов. Эти методы были взяты последователями братьев Даллес (Аллен возглавлял ЦРУ, а Джон Фостер Даллес – госдепартамент) на вооружение и с годами только усовершенствовались, воплотившись в американскую технологию «управляемого хаоса» по свержению неугодных Вашингтону режимов. С ее помощью американцы с момента прихода Рейгана к власти активно дестабилизировали законные правительства во всем мире – от Латинской Америки, прежде всего Кубы, до Африки и от Польши до Афганистана. На одного только Фиделя Кастро было совершено более десяти покушений.

Проблемами терроризма я занимался весьма активно. Впервые я выступил на эту тему в 1981 году в «Огоньке» со статьей на разворот журнала «Ставка на терроризм». Уже в той статье я обратил внимание на то, что под предлогом «борьбы с терроризмом» США повели борьбу с национально-освободительными движениями и прогрессивными режимами, со странами социализма с помощью террористических банд, которые формировало и финансировало ЦРУ еще в первые послевоенные годы. ЦРУ потратило сотни миллионов долларов на поддержку террористических контрреволюционных банд, действовавших после войны на территории Советской Прибалтики, в Польше, на Западной Украине и в Албании. Затем ЦРУ поддерживало террористов из подпольных антисоциалистических группиро-

вок в Венгрии в 1956 году, а в 1967–1968 годах – террористов из «КАН» в Чехословакии и «КОР» в Польше. Зверства американской военщины во Вьетнаме и Лаосе, вторжение подготовленных ЦРУ «контрас» на Гренаду, в Никарагуа и на Ямайку и подготовленный ЦРУ кровавый переворот в Чили – это и есть проявления государственного терроризма США, какими бы демагогическими заявлениями о «защите демократии» это ни прикрывали. Именно американские «рыцари плаща и кинжала» выпестовали первые группы террористов в Афганистане, из которых потом выросла «Аль-Каида» Бен Ладена, уже в наши дни превратившаяся в сатанинские полчища «Исламского государства».

В «Правде» я не раз публиковал подвалы и небольшие материалы и комментарии на эту тему. Назову только некоторые: «Павианы из ЦРУ» («Правда». 17 мая 1982 г.), «Экспортер геноцида» («Правда». 15 августа 1982 г.), «Тайная армия Вашингтона» (7 сентября 1983 г.), «Пирамида насилия. О некоторых наставлениях по терроризму, изданных в США» («Правда». 25 февраля 1985 г.) и др.

В Вашингтоне эти мои публикации воспринимали очень нервно, потому что в них приводились неопровержимые факты, что действительно подтверждало мой главный вывод: «Терроризм возведен в ранг государственной политики США». Дело дошло до того, что после публикации в «Правде» моей колонки комментатора «Направляется и планируется» (1 ноября 1984 г.), где я отметил, что США выделили на поддержку душманов в Афганистане 75 млн долларов и субсидируют сепаратистское движение в индийском Пенджабе, разразился международный скандал. Государственный секретарь США Дж. Шульц встретился с премьер-министром СССР Н. Тихоновым в Дели во время похорон Индиры Ганди и заявил ему протест (как отмечали в американской печати, «это была просто истерика») против публикаций «Правды» с обвинениями США в поддержке терроризма (см. «The International Herald Tribune». 1984, November, 5; «Time». 1984, November, 19). Тихонов был не в курсе и обещал «разобраться с советской печатью», но для меня и «Правды» скандал этот прошел без всяких последствий. При всех своих «протестах» Шульц не смог опровергнуть ни одного из фактов, приведенных в моих статьях.

В 1985 году издательство «Международные отношения» издало мою книгу «Терроризм по-американски», как всегда снабженную солидным научным аппаратом, где я уже представил полную, объемную картину государственного терроризма США, который вылился впоследствии в бомбардировки Югославии, Ливии и вторжении в Ирак. Книгу эту издательство АПН в сокращенном виде издало на 50 иностранных языках. Уже тогда те материалы, которые я «накопал» для этой работы, позволяли сделать вывод о том, что это далеко идущая политика, одно из средств обеспечения мирового господства мировой закулисы с помощью тайной агрессии против стран социалистического содружества и прогрессивных режимов того времени. В принципе? эта задача в рамках стратегии «управляемого хаоса»? как показали события начала XXI века в Египте, Сирии, Тунисе и Марокко, осуществляется и сегодня. Мировая закулиса в последние годы стала использовать терроризм и для дестабилизации государств, которые относятся к числу союзников США, как в Азии, так и в Европе. Последний тому пример – использование мигрантов для вторжения в Европу как носителей терроризма (см. об этом подробнее *Большаков В. «Война цивилизаций. Всемирный халифат вместо тысячелетнего рейха»*. М.: «Алгоритм», 2016).

Объявление глобального джихада за создание мирового «исламского халифата» обычно связывают с самым крупным террористическим актом, организованным «Аль-Каидой» 11 сентября 2001 года, – атакой на здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне. Однако «Аль-Каида» начала свой «всемирный джихад» за создание «Великого исламского халифата» куда раньше – в 1998 году со взрывов в столицах Кении и Танзании, т. е. через десять лет после своего образования в 1988 году под эгидой ЦРУ (см. *Lawrence Wright. The Looming Tower: Al-Qaeda and the Road to 9/11*. New York: Knopf, 2006). Чаще всего «джихадисты» подставляют под теракты именно своих единомышленников и нередко организуют теракты в самых святых для мусульман местах, как это было с захватом Великой Мечети в Мекке в 1980 году исламскими экстремистами. Далекое не везде и не всегда исламский терроризм связан с «Аль-Каидой», хотя это детище Бен Ладена и ЦРУ США

любит присваивать себе чужие «лавры» по части международного терроризма. После своего создания «Исламское государство» практически все громкие теракты в мире берет на себя.

Разобраться в калейдоскопе террористических организаций не так-то просто. Они скрываются за сотнями названий и вывесок. Центральное разведывательное управление США полагает, что абсолютное большинство террористических организаций в мире имеет отношение к радикальному исламу. Так, по данным ЦРУ, только в 2004 году из 80 международных террористических организаций 72 представляли воинствующий ислам. В том году они совершили 651 теракт, в которых погибло 1907 человек. Практически все они присоединились к ИГИЛ. В создании этой группировки принимала участие «Аль-Каида».

Безусловно, реальные организаторы и руководители международного терроризма – это США и их «департамент грязных дел» по имени ЦРУ. Достаточно наглядно это продемонстрировала война с террористами в Сирии, где с помощью разного рода исламистских группировок террористического толка США годами пытались свергнуть режим Башара Асада, не допуская монополии США к захвату сирийской нефти и окончательному доминированию на Ближнем Востоке. Даже после женевских договоренностей 2016 года о перемирии в Сирии американское оружие продолжало поступать ИГИЛ и его филиалу «Джихад аль-Нусра» через Турцию, члена НАТО и союзника США. Такова реальность современного мира. Об опасности подобного развития событий я говорил в своих статьях и книгах еще в начале 80-х годов.

Как сбили корейский «Боинг»

В июне 1983 года я попросил Афанасьева перевести меня из отдела международной информации в международные обозреватели. Просто устал от этого информационного конвейера. Виктор Григорьевич согласился, и у меня появилось время для того, чтобы спокойно работать над

своими статьями, а не выкраивать для этого по часу в ежедневной «гонке за фактами». Время было тревожное. В Вашингтоне, судя по всему, решили вновь испробовать в отношениях с СССР даллесовскую политику «балансирования на грани войны». После того как в 1979 году СССР ввел свои войска в Афганистан, а в 1980-м президентом США стал Рональд Рейган, напряженность в наших отношениях с Америкой росла не по дням, а по часам. Советско-американские отношения достигли низшей точки со времен «карибского кризиса». Возобновление «холодной войны» было отмечено регулярными призывами Рейгана к «противостоянию коммунизму» и открытой поддержкой антисоциалистических сил в странах Варшавского Договора, что в 1981 году уже обернулось введением военного положения в Польше. В Кремле на все это реагировали чрезвычайно остро. Интенсивная гонка вооружений в США создавала впечатление о подготовке к нанесению первого ядерного удара по Советскому Союзу. В этих целях была модернизирована и космическая программа США. Но и на земле провокация следовала за провокацией – в Пентагоне явно взялись «дразнить русского медведя». И преуспели в этом.

Весной 1982 года две авианосные группы ВМС США обогнули Камчатку и вышли в Охотское море, на берегах которого располагались базы советских ракетных подводных лодок.

В конце марта 1983 года три авианосца ВМС США с кораблями сопровождения провели трехнедельные учения в районе Алеутских островов.

23 марта Рейган объявил о своей «стратегической оборонной инициативе».

4 апреля в районе Малой Курильской гряды 6 самолетов А-7 «Корсар» вошли в воздушное пространство СССР на глубину от 2 до 30 км и имитировали авиаудар по острову Зеленый, сделав несколько заходов для атаки по наземным целям.

Напряженность поддерживалась изо дня в день. А затем произошла трагедия – 1 сентября 1983 года пассажирский «Боинг-747» (регистрационный номер HL7442) южнокорейской компании Korean Air выполнял регулярный рейс KAL-007 по маршруту Нью-Йорк – Сеул с посадкой для дозаправки в Анкоридже, на Аляске. В 03:00 по местному времени (11:00

по Гринвичу) он вылетел из Анкориджа. Маршрут пролегал над Тихим океаном, огибая территорию СССР. Однако уже на подходе к советской границе «Боинг» начал отклоняться от заданного маршрута и все более углублялся на территорию СССР, в некоторых местах более чем на 500 километров. В результате он был сбит советским истребителем ракетой над Сахалином. На борту находились 23 члена экипажа и 246 пассажиров: южнокорейцев, американцев (в том числе конгрессмен США Ларри Макдональд), тайваньцев, японцев и филиппинцев. Все они погибли, в том числе 23 ребенка.

Сейчас, когда об этой трагедии говорят как о деле «давно минувших дней», когда вскрыты практически все детали, к ней приведшие, появилась ясность в том, что все-таки произошло тогда над островам Сахалин и как это вообще могло произойти. Приведу в этой связи комментарий, переданный по радиостанции Би-Би-Си на русском языке 31 августа 2013 года. Вот как описан в нем 30 лет спустя полет южнокорейского «Боинга»:

«Пролетая в районе радиомаяка в Бетеле, последнего пункта контроля на американской территории, корейский самолет “Боинг-747” отклонился от курса в северо-западном направлении на 20 километров. Ситуация была штатной и не давала оснований для тревоги, но незначительная ошибка, постепенно накапливаясь, к моменту гибели самолета выросла до 500 с лишним километров. По данным расследования, проведенного Международной организацией гражданской авиации (ИКАО) и впоследствии подтвержденного информацией с “черных ящиков”, экипаж неправильно настроил автопилот, а в дальнейшем не выполнял ручных проверок текущих координат, положившись на автоматику.

В 04.51 по местному времени самолет вторгся в советское воздушное пространство и продолжил полет над запретной зоной на Камчатке, где располагалась советская ракетная база. В тот день ожидалось очередное испытание советской баллистической ракеты SS-25, которая должна была стартовать с космодрома в Плесецке и поразить цель на камчатском полигоне Кура. К берегам Камчатки в таких случаях всякий раз направлялись самолеты-разведчики Р-135, которые при помощи бортовой аппаратуры наблюдали за полетом и падением ракеты. (Здесь автор «Би-Би-Си» по-

стеснялся упомянуть еще одну немаловажную деталь – одновременно с появлением в районе полигона Кура на Камчатке самолета-разведчика США, в космосе над Курой завис американский разведывательный спутник «Феррет», работа которого была синхронизирована и с полетом Р-135, и с полетом южно-корейского «Боинга». – В. Б.)

Р-135 строились на базе “Боингов” и внешне почти не отличались от них, особенно в темноте и в облаках. Разведывательный самолет достиг границы СССР в 02.35 и начал курсировать в заданном районе. В определенный момент он и пассажирский “Боинг” сблизилась настолько, что слились на экранах дальних радаров в одну точку. Затем “Боинг” продолжил движение в сторону Камчатки, а Р-135 удалился в направлении, более или менее совпадавшем с международным воздушным коридором.

Советские операторы приняли пассажирский лайнер за воздушного разведчика. На перехват поднялись шесть истребителей МиГ-23, которые сопровождали подозрительный объект над Камчаткой и вернулись на базу, когда он покинул советское воздушное пространство и продолжил полет над Охотским морем.

Средствами электронного контроля было зафиксировано, что в 06.10 экипаж сообщил по радио наземным службам на Аляске и в Японии, что полет проходит благополучно.

В 06.13 “Боинг” вновь пересек советскую границу, на этот раз над Сахалином. Навстречу взлетели два перехватчика Су-15 с авиабазы “Долинск-Сокол”. В 06.24 поступил приказ: “Уничтожить цель”.

Капитан Геннадий Осипович выпустил две ракеты, поразившие авиа-лайнера. Через 12 минут обломки упали в море с высоты девяти километров в районе острова Монерон юго-западнее Сахалина».

Изложение событий в этом материале Би-би-си достаточно точное и корректное, особенно по сравнению с теми истерическими антисоветскими комментариями Би-би-си сразу после того, как был сбит «Боинг». Дополним этот материал еще несколькими фактами, о которых после той трагедии мы могли только догадываться, ибо ни Министерство обороны СССР, ни КГБ не предали гласности тогда те материалы, которые свидетельствовали о самом активном участии военной разведки США

в организации полета корейского пассажирского «Боинга» над советской территорией.

Только в 1997 году вышла книга бывшего высокопоставленного сотрудника японской военной разведки Иосиро Танака «Правда о полете КАЛ–007». В результате собственного расследования он пришел к выводу, что спецслужбы США сознательно направили пассажирский лайнер в воздушное пространство СССР, чтобы выявить засекреченные объекты советской ПВО на Дальнем Востоке, которая была модернизирована и значительно усилена в 1982 году. В свою очередь член «Координационного совета ветеранов разведки» Рей МакГоверн, работавший аналитиком ЦРУ при семи президентах США, вскоре после этой публикации Танаки призвал «не верить всему тому, чем пытается кормить мир Вашингтон». Рассказав подлинную историю уничтожения лайнера, летевшего над секретными военными объектами СССР, МакГоверн заявил: «В эпизоде с трагедией KAL–007 администрация Рейгана откровенно извратила факты». Американская разведка знала, что эта трагедия стала результатом ошибки, а вовсе не намеренным убийством, – так же как и трагедия 3 июля 1988 года, когда американский крейсер Vincennes выпустил ракету, сбившую иранский пассажирский лайнер в Персидском заливе и президент США Рональд Рейган назвал эти действия «объяснимой случайностью», – напомнил МакГоверн. Однако, чтобы очернить Москву, «администрация Рейгана утаила оправдательные улики, полученные американской радиоразведкой», – тогда мантрой США стала «преднамеренная атака гражданского пассажирского самолета», а на обложке одного из номеров журнала Newsweek появился заголовок «Убийство в небе». Тогда же глава Информационного агентства США Чарльз Уик дал команду ведущим сотрудникам «создать специальную рабочую группу для раскручивания этой истории за границей. Проще говоря, цель заключалась в том, чтобы как можно сильнее очернить Советский Союз».

Мало того, по данным американских же СМИ, в 1983 году «администрация Рейгана зашла настолько далеко, что опубликовала фальшивую расшифровку данных радиоразведки Совбеза ООН!» «Только 10 лет спустя удалось достать полную версию расшифровки секретных переговоров – в

том числе тех ее отрывков, которые администрация Рейгана утаила, – стало понятно, что многие центральные элементы американской версии тех событий были фальшивыми», – пишет МакГоверн (politonline.ru).

В годы моей службы в войсках ПВО страны я не раз наблюдал похожие ситуации – полеты самолетов-разведчиков США и Р-135 и разведчиков морской авиации А-6, даже легендарного U-2 проходили регулярно. Я предложил Афанасьеву написать статью на эту тему, объяснив ему, что с ней хорошо знаком. Он даже обрадовался: «Вот и хорошо. Мне как раз звонили от Замятина и просили дать по этому “Боингу” хороший подвал». Он передал мне свои записи разговора с шефом цеховского ОМИ, из которых я понял, что у самого Замятина не было четкого представления о том, а что же он хотел бы сказать этим подвалом. Информация об этом инциденте в советской прессе поначалу была и вовсе скудной, напоминавшей многим 50-е годы. О сбитом «Боинге» сообщили, что он «ушел в сторону Японского моря».

Непонятно было и то, кто дал приказ его сбить. Исходя из моего опыта работы в ОСНАЗ ПВО страны, я был уверен, что сбить гражданский самолет, даже если он вторгся в советское воздушное пространство, можно было только по приказу минимум командующего ПВО Дальневосточного округа. Кто отдал такой приказ, тогда тщательно скрывали, и получалось, что эту инициативу взял на себя по собственной дурости майор Осипович, пилот истребителя Су-15, который осуществил перехват. Только много лет спустя была обнаружена стенограмма советских военных переговоров по перехвату цели 60-65, как был обозначен в ПВО южнокорейский «Боинг», проводившихся в режиме реального времени. В ней была зафиксирована целая цепь приказов по иерархии к майору Осиповичу, пилоту истребителя Су-15, который осуществил перехват. Стало ясно, что никакой собственной инициативы Осипович не проявлял. Дело было, как в той сказке «Дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабку...» Репку вытянули с грохотом на весь мир, и, когда начали искать крайнего, во всем обвинили мышку. Осипович же оправдывался: «Ни на минуту я не думал, что могу сбить пассажирский самолет. Все, что угодно, но только не это!» Поскольку авиапассажиры ночью имеют обыкновение спать, «Бо-

инг» летел с закрытыми иллюминаторами, и это только усилило впечатление пилота-перехватчика, что он бьет по военному самолету-разведчику. Осипович утверждал, что выпустил целую серию снарядов вдоль курса «Боинга», но допускал, что корейские летчики могли этого не увидеть, поскольку он летел за «Боингом» в хвост и стрелял не трассирующими (за неимением таковых), а обычными снарядами. Это дало повод госсекретарю США Джорджу Шульцу заявить на пресс-конференции 1 сентября: «Нет никаких свидетельств того, что Советский Союз пытался предупредить самолет путем пуска трассирующих снарядов».

Разборки, как очевидно, продолжались почти неделю после инцидента, и лишь 7 сентября советское правительство признало факт уничтожения лайнера и выразило сожаление по поводу гибели ни в чем не повинных людей. Командир авиадивизии, в которой служил Осипович, Анатолий Корнуков, не был ни поощрен, ни наказан. Впоследствии он стал генералом армии и главкомом ВВС и ПВО России. Но из стенограммы ясно, что и он, хотя и хвастался потом, что по его приказу был сбит «Боинг», сработал только как ретранслятор приказа командующего Дальневосточным военным округом генерала армии Ивана Третьяка. Но от кого получил его Третьяк?

«Мы были поставлены перед фактом. Кто принимал решение? Знал ли генсек? Это так и осталось неясным», — записал в своем дневнике член Политбюро Виталий Воротников. Скорее всего, приказ исходил от члена Политбюро Дмитрия Устинова, министра обороны СССР, которому, естественно, Третьяк тут же доложил о самолете-нарушителе, как только тот залетел на Камчатку. Андропов узнал о том, что сбит гражданский самолет, на очередном заседании Политбюро, и это, по свидетельству очевидцев, стало для него шоком. С Андроповым у Устинова были испорчены отношения еще со времени операции в Чехословакии. И не исключено, что он просто не счел нужным беспокоить генсека, который был и так нездоров. Но получилось так, что Андропова он этим добил. В Крыму, куда Андропов отбыл после того Политбюро, состояние его ухудшилось, и с тех пор он находился на больничной койке с подключенной «искусственной почкой», а к активной работе так и не вернулся. Что касается Устино-

ва, то на внеочередном заседании Политбюро по поводу сбитого «Боинга» он сказал: «Наши действия были абсолютны правильными. У советских летчиков есть запрет стрелять по гражданским самолетам, но в данном случае их действия были вполне оправданы».

Это сейчас, когда под рукой есть вся необходимая информация, можно обо всем этом писать. Но тогда из заметок Афанасьева после разговора с Замятиным было ясно только то, что никакой ясности со сбитым «Боингом» нет. Замятин руководствовался теми указаниями, которые Андропов дал советскому послу в США Добрынину перед его отлетом в Вашингтон: по его словам, генсек, с одной стороны, уверял, что все это «козни Рейгана», с другой стороны, бранил «тупоголовых генералов, совсем не думающих о большой политике» (явный намек на Устинова). Андропов сказал Добрынину: «Поезжай без промедления обратно в Вашингтон и постарайся сделать все возможное, чтобы потихоньку приглушить этот совершенно ненужный нам конфликт». Потихоньку не вышло. Скандал прогремел на весь мир. Рейган открыто обвинил Москву в «преднамеренном убийстве ни в чем не повинных людей». А в Южной Корее, и не только там, тысячи людей вышли на демонстрацию протеста. После протестов по поводу ввода наших войск в Афганистан это стало еще одним ударом по имиджу Советского Союза.

На подготовку статьи у меня ушло несколько дней, и это помогло мне собрать больше фактов, просочившихся в американскую и мировую печать, которые подтверждали уже тогда то, что только в 1997 году признали бывший японский разведчик Танака и американский – МакГоверн. Изучив все эти факты, я пришел к выводу, что вся эта операция с «Боингом» была затеяна не только в разведывательных целях. Она сработала дуэтом, ударив и по имиджу СССР, и по тем советско-американским переговорам об ограничении ядерных средств средней дальности в Европе в Женеве, которые фактически зашли в тупик из-за нежелания Рейгана идти на какие-либо сокращения ракет-носителей ядерного оружия. Заодно новый виток антисоветской истерии подтолкнул конгресс США к одобрению дорогостоящей программы СОИ (Стратегическая оборонная

инициатива), объявленной президентом США Рональдом Рейганом 23 марта 1983 года, ее главными целями были завоевание господства в космосе, создание противоракетного «щита» США для надежного прикрытия всей территории Северной Америки посредством разворачивания нескольких эшелонов ударных космических вооружений, которые можно было бы использовать и для обороны, и для нападения. Главный вывод моей статьи был поэтому таков:

«Южнокорейский самолет был направлен ЦРУ в советское воздушное пространство преднамеренно, с явным расчетом на то, что он будет уничтожен Советским Союзом. Такой исход инцидента, по мнению авторов одной из статей в “Вашингтон пост”, возлагал бы за это всю ответственность на Советский Союз, в то время как США, имея возможность для глобального разжигания антисоветской истерии, сохранили бы маску невинности.

Взвинчивая до предела антисоветскую истерию, президент Рейган вознамерился убить по меньшей мере двух зайцев: с одной стороны, оправдать нежелание своей администрации добиваться позитивных результатов на женевских переговорах об ограничении ядерных средств средней дальности в Европе, а с другой – протолкнуть через Конгресс новые программы Пентагона, означающие новый виток в гонке вооружений, нацеленные на достижение Соединенными Штатами военного превосходства» (*Большаков В.* Провокационный дуплет // «Правда». 16 сентября 1983 г.).

Когда с версткой своей статьи «Провокационный дуплет» я приехал на Старую площадь за поправками, в кабинете Виталия Игнатенко были еще два зама Замятина. Верстку им послали заранее, так что они были в курсе, и разговор шел не столько о поправках, их практически не было, сколько о том, а стоит ли вообще «дразнить американцев» и публиковать эту статью. В кабинете стоял такой мат-перемат, что у меня, привыкшего к исключительно джентльменским обсуждениям моих статей в международном отделе ЦК и в отделе пропаганды, создалось впечатление, что коллеги Игнатенко (сам он сохранял нейтралитет в этой странной дискуссии) хотят самих себя таким образом убедить в правоте наших генералов, отдавших роковой приказ сбить «Боинг». Дискуссия тут же закон-

чилась, как только в кабинет Игнатенко зашел Замятин с оттиском моей статьи, на котором он поправил пару слов. «Молодец, – сказал он, передавая мне оттиск. – Все четко. Будем печатать». 16 сентября 1983 года статья появилась в «Правде». Мы успели с ней даже в вечерний номер. Любопытно, что западные СМИ не опровергли ни одного приведенного в ней факта, ограничившись лишь ее изложением.

Венский Диалог-2

Одним из важнейших направлений идеологической борьбы в конце XX века я считаю борьбу за мир, прекращение гонки вооружений и ядерное разоружение. Пока что никто не удосужился подвести итог тому, что было сделано Советским Союзом на этом направлении и как удалось все-таки спасти мир от ядерного Апокалипсиса. А он был близок уже тогда, и его пришествие не исключено окончательно до сих пор. Мир так запугали «красной угрозой», что в нее начали верить даже те, кто ее выдумал.

Через 20 лет после развала СССР многие в России и за ее пределами пришли к выводу, что антикоммунизм был лишь одной из форм русофобии. Русофобия же, замечу, это не просто патологическая форма восприятия действительности, это еще и политика, и идеология военных приготовлений к войне с Россией. В наши дни на Западе, ставя все с ног на голову, принялись обвинять уже не существующий Советский Союз в том, что гонка вооружений, поставившая мир на грань катастрофы, началась по его вине, а западный мир якобы только «вынужденно реагировал». В тех же самых терминах – ничто не ново под Луной – Запад оправдывает и продолженную им уже в XXI веке гонку вооружений. Тем же, только уже «русской угрозой», объясняют и расширение НАТО на восток вплоть до границ России. Но механизм построенной на этом пропаганды – все тот же.

Анализируя динамику и идеологическую составляющую гонки вооружений, еще в годы моей работы в «Правде» я пришел к выводу, что эта истощающая экономику и Запада, и Востока гонка направлена не только на

«сдерживание коммунизма», как не уставала трубить американо-натовская пропаганда. Со времен президента Вильсона мировая закулиса сделала США своим основным орудием в деле завоевания мирового господства, развязав и Первую, и Вторую мировые войны, а сразу же после победы над фашизмом стала готовиться к Третьей мировой. И именно поэтому гонка вооружений угрожала не только существованию и независимости Советского Союза и всего социалистического лагеря, но всему человечеству, большую часть которого невидимое «мировое правительство» готово было принести в жертву ради осуществления своих планов мировой гегемонии. Движение за мир при активном участии Советского Союза стало после Второй мировой войны мощной силой, и во многом благодаря ему удалось предотвратить ядерную катастрофу.

Вена, 1983 г. Слева направо – Е. М. Примаков, В. Г. Афанасьев и В. В. Большаков.

13 ноября 1983 года я приехал в Вену. Там на следующий день начиналась Вторая всемирная конференция-диалог по проблемам разоружения и

разрядки, или «Венский Диалог-2». Первая, по инициативе проходившего в 1977 году в Москве Всемирного форума миролюбивых сил, состоялась там же, в Вене, в конце января 1982 года («Венский Диалог-1»). Конференция была весьма представительной. Для участия в ней в столицу Австрии приехали почти 4000 делегатов из 60 стран мира. Конечно, среди них были и «профессиональные» борцы за мир, которые обеспечивали «международную поддержку» Советскому комитету в защиту мира на наши деньги, но в основном это были действительно убежденные «мирники», как их называли в США, в том числе высокопоставленные. В венском отеле «Шенбрунн», где проходил диалог, встретились вице-президент Эквадора Леон Ротдес Агилера, один из лидеров социал-демократов Финляндии Пиркко Тьюеляярви, член английской палаты общин Дж. Лэмонд и член ЦК КПЧ Томаш Травничек, член законодательного собрания штата Коннектикут Роберт Соренсен, бывшие натовские генералы Нино Пасты и Михфэл Томбопулос. Советскую делегацию возглавлял заместитель заведующего Международным отделом В. С. Шапошников. В нее входили также главный редактор Виктор Афанасьев, митрополит РПЦ Ювеналий и Евгений Примаков, тогда будущий кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС при Горбачеве, при Ельцине министр иностранных дел и затем премьер-министр России, а при Путине – директор СВР и Председатель Торгово-промышленной палаты России, возглавлял Институт востоковедения СССР и одновременно был профессором Дипломатической академии МИДа. Я знал его раньше, т. к. он часто бывал в «Правде», но в Вене мы познакомились ближе и с тех пор, куда бы нас ни бросала судьба, сохраняли дружеские отношения.

Работа в Вене был для меня интересной, прежде всего, потому что в том диалоге «мирников» участвовали люди самых различных убеждений – от коммунистов до анархистов и от социалистов до консерваторов. Они по-разному объясняли те причины, которые привели их в ряды борцов за мир, и далеко не однозначно воспринимали сложившуюся в мире ситуацию. В своих выступлениях и кулуарных беседах они приводили аргументы в обоснование своих взглядов из трудов святого Августина, пришедшего к выводу в древние времена о том, что человечество смо-

жет выжить только в условиях мира, и даже из Зигмунда Фрейда, призывавшего к тому, чтобы духовное начало возобладало в человеке над «инстинктом самоуничтожения». Для меня этот калейдоскоп взглядов не был таким уж откровением после Австралии, но та убежденность, с которой они высказывались, потрясала. Участники форума приводили цифры, подсчеты, которые широкой публике были наверняка неизвестны. По экспертным оценкам стоимость одного танка уже тогда была равна стоимости тысячи классных комнат, в которых смогли бы учиться 50 тысяч детей. А цена одной подводной лодки США «Трайдент» эквивалентна стоимости квартир для двух миллионов человек. Все эти цифры я назвал в своей итоговой статье о венском «Диалоге-2», которая была опубликована в «Правде» под заголовком «Разум против ядерного безумия» 3 декабря 1983 года. Для человека думающего там были и факты для размышления, во что же советскому народу обходилась программа вооружений и почему мы вынуждены были отвечать на подготовку США и их союзников к ядерной войне против нашей страны и всего мира социализма.

«Горячие» факты о «холодной войне»

Характерно, что по пришествии Горбачева к власти тему борьбы за мир продолжили, но практически закрыли всю информацию об американских планах нападения на Советский Союз. Нас, бойцов идеологического фронта, стали укорять тем, что мы якобы «раздуваем страхи». В 80-х годах мне не раз приходилось выступать с лекциями и объяснять те причины, по которым Советский Союз был вынужден реагировать на вызов западных поджигателей войны. Для большинства моих слушателей те факты, которые я приводил, были полным откровением. Думаю, что и на Западе, особенно в США, где до сих пор можно встретить людей, убежденных в том, что во время Второй мировой войны СССР воевал против американцев на стороне Гитлера, мало кто знаком с этими фактами уже потому, что они замалчиваются и в массовую печать не попадают.

Не открою большой секрет, если скажу, что в США по сей день не отказались ни от планов дальнейшего расчленения России, ни от планов уничтожения нашей страны. В глобальном замысле мировой закулисы по завоеванию мирового господства, мировой власти, Россия остается главной целью планируемого ядерного удара. Да это и понятно. Напомню поэтому вновь высказывание отца-основателя международного сионизма Теодора Герцля: «Чтобы овладеть миром, надо овладеть Россией». Напомню, о каких планах идет речь.

Не успела закончиться Вторая мировая война, как уже в ноябре 1945 года в США был составлен документ, в соответствии с которым намечалось подвергнуть атомной бомбардировке 20 городов в Советском Союзе. Среди них – Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Грозный...

Более обширный список был включен в 1947 году в чрезвычайный общий план боевых действий «Бройлер», затем одобрили еще более людоедские планы «Фролик» и «Хафмун» (осенью того же года). Директивы президента Трумэна предусматривали, что «нанесение первого удара по советскому ядерному потенциалу – главная задача в случае войны». Генерал ВВС США Хойт Ванденберг в ноябре 1947 года потребовал разъяснений по этому плану в совете национальной безопасности США. Вот в такой форме: «Будет ли в случае войны с СССР наша цель состоять в уничтожении русского народа, промышленности, коммунистической партии, коммунистической иерархии или какого-то сочетания этих элементов? Будет ли поставлена цель оккупировать Россию после победы и, возможно, провести в ней восстановительные работы?» (http://velib.com/read_book/bolshakov_vladimir_viktorovich/ostrov_rossija/glava_vtoraja_strategija_rusofobii/kriterii_unichtozhenija_russkikh/).

Разъяснения были даны генералу в совершенно секретном меморандуме № 20/4 Совета национальной безопасности США от 23 ноября 1948 года. Суть его сводилась к тому, что уничтожить следует не только Россию и как можно больше русских, но и «организационные структу-

ры коммунистических партий». Единый план военных операций «Троуджен», одобренный в декабре 1948 года, предусматривал ядерную бомбардировку уже 70 советских городов. Принятый в октябре 1949 года чрезвычайный план военных операций «Офтэкл» – 105 городов. Перечень целей стратегической авиации США в 1956 году насчитывал 2997 целей атомных бомбардировок, в начале 1957-го – 3261 цель.

В 1959-м, рассмотрев около 20 тысяч объектов на территории СССР, разведслужба ВВС рекомендовала довести к 1970 году число целей для ядерных ударов ракет и бомбардировщиков США до 6955...

И что переменялось за все то время, прошедшее со дня принятия первых планов «атомной бомбардировки СССР» в «медных лбах», как именуют в США пентагоновских генералов? В конце июня 1984 года генерал морской пехоты Б. Трейнор, заместитель начальника штаба по планированию, оперативным и политическим делам, выступил в военно-морском колледже в Ньюпорте с прогнозом, от которого у многих пробежали по коже мурашки: «В ближайшие 20–30 лет война с Советским Союзом представляется почти неизбежной... Мы, по всей вероятности, еще при нашей жизни вступим в столкновение с русскими. И миру следует проникнуться мыслью, что мы одолеем их...»

Генерала даже не одернули – просто досадливо поморщились: «Зачем болтать на публике о том, о чем говорят только в своем кругу?» Тогдашний шеф Пентагона Уайнбергер издал директиву, согласно которой впредь все официальные лица его ведомства должны были согласовывать с руководством Министерства обороны тексты своих публичных выступлений. Президент Рейган, когда его спросили на пресс-конференции, что он думает по поводу выступления Трейнора, от ответа ушел: «Надо еще мне посмотреть, что он там наговорил...»

Единый оперативный план действий № 2, принятый к концу правления президента Эйзенхауэра, предполагал, по характеристике ядерного физика Герберта Йорка, который с ним ознакомился, «превратить Россию в мусорную свалку». С некоторыми поправками этот план остается на вооружении американской военщины по сей день. Модификации эти за-

служивают особого внимания даже не только с военной точки зрения. Приведу по западногерманскому журналу «Шпигель» рассказ об одном таком «усовершенствовании»:

«...В 1977 году еще один человек познакомился с “единым планом”. Это польский аристократ по рождению и по имени Збигнев Бжезинский (аристократ – это, кстати, громко – шляхтич из-под Львова. – В. Б.), которому удалось добиться благосклонности самого Дэвида Рокфеллера и должности советника президента Джимми Картера по вопросам национальной безопасности и войти в тот самый узкий круг, где принимаются самые ответственные решения.

Бжезинский немедленно потребовал тщательной перепроверки оперативного плана руководства по применению ядерного оружия (это “директивы по разворачиванию ядерного оружия”, которые основаны на “едином плане”). В плохом настроении на заседании в подземной “оперативной комнате” Белого дома он слушал, как члены штаба экспертов Совета национальной безопасности поясняли ему критерии применения ядерных сил и намеченные цели. Первоначально будет произведен удар по советским ядерным силам, чтобы уничтожить как можно больше ракет и ракетных подводных лодок еще в их пусковых шахтах и на базах. Затем наступает очередь обычных вооруженных сил противника, а потом промышленных целей.

Бжезинский прервал. “А где, – спросил он, – критерии уничтожения русских?”

После нескольких секунд удивленного молчания референт попытался объяснить то, что Бжезинскому уже давно должно было быть известно: советские города и гражданское население не рассматриваются действующими “единым планом” и “директивами” как отдельные цели. Но поскольку наряду с промышленными объектами большинство военных объектов также размещено в крупных населенных районах, автоматически вместе с упомянутыми целями будет уничтожена и значительная часть советских граждан.

“Нет, нет, нет, – нетерпеливо вскричал Бжезинский. Он имел в виду отнюдь не просто советских граждан. – Я имею в виду русских в Советском Союзе”.

Референт стоял словно пораженный громом. Оказалось, что позиция Бжезинского по вопросу о “русских в Советском Союзе” сводится к следующему: “Русские господствуют в Советском Союзе, русские – враги, если мы хотим предотвратить войну, то следует запугать русских. Если же система сдерживания не сработает, необходимо убивать прежде всего русских. Если убивать русских именно за то, что они русские, то можно было бы ускорить распад русской империи”» (http://fictionbook.ru/author/vladimir_bolshakov/ostrov_rossiya/read_online.html?page=8).

Как очевидно из этого пассажа, с 1912 года планы «мировой закулисы» в отношении России и русских не изменились. Появляются только «модификации».

Бжезинский потребовал увязать стратегические требования ведения ядерной войны именно с этой его политической целеустановкой. В результате «завороженные и просветленные идеями бывшего поляка, стратеги-мыслители, – пишет «Шпигель», – начали разрабатывать новые формы ядерной войны, которая не только бы превратила Советский Союз “в сплошную мусорную свалку”, но и привела бы к расколу между ее народами, развалила бы его политическую систему, то есть войны, где не просто бы бессмысленно убивали, а которой даже можно придать некоторые гуманные черты, если бы в ее ходе по возможности не трогали союзные государства и нерусские народы Советского Союза при условии, что пощаженные заслужат свою жизнь и свободу проведением восстания против “русских в Советском Союзе” (там же).

Установки Бжезинского были приняты, учтены. Русофобия обрела право гражданства в военной доктрине США и была вмонтирована в конкретный план поражения ядерных целей на территории СССР. Подтверждает это и американский журналист Джеймс Чейс. В своей книге «Состоятельность: цена выживания» он пишет, что уже к 1980 году Вашингтон стал формулировать новую внешнюю политику, которая направлена «скорее против русской нации, чем против всемирной коммунистической идеологии». Это замечание чрезвычайно важно для понимания главного в противостоянии России и мировой закулисы – нашим врагам неважно,

какой существует в России политический строй. Их основной враг – Россия как таковая и ее титульная нация – русские.

Конечно, такого рода патологическая русофобия чревата ядерной авантюрой, в которой могут погибнуть не только русские – все человечество. В том числе и те, кто входит в мировую закулису, как бы там не надеялись на свои супербункеры. Но у ненависти логики нет. А планы ядерных маньяков по нанесению «упреждающего превентивного удара» по нашей стране и после развала СССР и ликвидации коммунизма в России по-прежнему базируются на идеологии русофобии и «ценных указаниях» русофоба Бжезинского. Поощрение национализма и сепаратизма в России и вне ее пределов за счет нагнетания русофобии рассматривается при этом как наступательное оружие. Уже потому, что с их помощью можно и в наши дни изолировать Россию извне и попытаться расколоть ее изнутри так же, как раскололи и развалили в 1917 году Российскую империю и как СССР – в 1991-м.

Нередко российскую печать упрекают в том, что она использует имя Бжезинского как своего рода жупел, когда хочет показать, что на Западе существуют патологические русофобы. Да, русофобия Бжезинского – случай клинический. Но ведь те, кто прибегает к его услугам, вроде бы и не сумасшедшие. Бжезинский возглавлял Институт по вопросам коммунизма при Колумбийском университете в Нью-Йорке, был автором глобальной американской стратегии антикоммунизма, работал в госдепартаменте США. Пика влияния достиг в конце 70-х годов, став помощником президента Картера по вопросам национальной безопасности. Он приложил руку к втягиванию Советского Союза в войну в Афганистане, а после распада СССР создал концепцию расширения НАТО на Восток и выступал в поддержку чеченских сепаратистов. Вышедшая в конце 90-х годов книга Бжезинского «Великая шахматная доска» стала, по сути, программой по окончательному развалу России. Все думали, что стар уже неистовый советолог, пора ему на покой. И времена новые, и первый в истории США чернокожий (значит, прогрессивно мыслящий?) президент избран. А президент Обама взял и зачислил Бжезинского в свои внешнеполитические советники вместе с мадам Олбрайт, бывшим госсекретарем США.

А эта дама известна в мире как «дипломатический палач» Югославии. К России она относится так же, как и Бжезинский. И если ему приписывают слова: «В XXI веке США будет развиваться против России, за счет России и на обломках России», то Мадлен Олбрайт уже открыто заявила претензии США на Кавказ и его нефтяные месторождения и посягнула даже на территорию суверенной России. По ее словам, «необустроенная Сибирь с ее нефтью, газом и бездорожьем является достоянием всего мирового сообщества», а «Северный морской путь – тоже не Россия, поскольку она не в состоянии его оборудовать портами, пристанями и причалами. А деловой мир в результате этого теряет экономическую выгоду – в Тихий океан из Атлантического попадает не через Северный Ледовитый, а через Суэцкий или Панамский каналы» (цит. по «Московский комсомолец» 25 февраля 2009 г.). Но не в личностях дело, в конце концов. В политике. А она-то и порождает «бжезинских» и «олбрайт».

При Обаме ядерная стратегия США, в разработке которой принял столь активное участие его советник Бжезинский, приобрела новые очертания. В апреле 2009 года Федерация американских ученых опубликовала доклад, озаглавленный «От противостояния к минимальному сдерживанию». Федерация эта, хотя и относится к категории неправительственных организаций, имеет большое влияние. Среди ее членов – 68 нобелевских лауреатов. Она была создана еще в 1945 году ядерщиками, разрабатывавшими первую в США атомную бомбу, и с тех пор на постоянной основе консультирует Белый дом и военные ведомства США. Ученые, наконец, пришли к выводу, что нынешний ядерный потенциал США не только бесполезен, но и опасен для самой Америки. В недрах федерации поэтому была разработана идея, выдвинутая Обамой, о радикальном ядерном разоружении. Авторы доклада предлагают сократить количество ядерных боеголовок до минимума, считая, что наиболее актуальным в современных условиях является «минимальное сдерживание». США, по их мнению, необходимо теперь иметь всего несколько сотен ядерных боеголовок, и этого будет достаточно, чтобы потенциальные противники остерегались нападать на США. А для военных действий могут использоваться и обычные вооружения. До подобного же уровня, по мыс-

ли авторов доклада, свой ядерный потенциал снизит и Россия. Авторы доклада составили список мишеней на территории РФ, достаточных для эффективного сдерживания. Всего таких объектов 12. Во-первых, это три нефтеперерабатывающих завода – Омский (принадлежит «Газпром нефти»), Ангарский («Роснефть») и Киришский («Сургутнефтегаз»). Во-вторых, важнейшие металлургические предприятия – Магнитогорский, Нижнетагильский и Череповецкий металлургические комбинаты (принадлежат ММК, «Евразу» и «Северстали» соответственно), «Норильский никель», а также принадлежащие «Русалу» Братский и Новокузнецкий алюминиевые заводы. Список мишеней на территории России замыкают Березовская ГРЭС (принадлежит ОГК-4, основным акционером является немецкий E.ON), Среднеуральская ГРЭС (ОГК-5 и итальянская Enel соответственно) и Сургутская ГРЭС (электростанций с таким названием две, ГРЭС-1 принадлежит газпромовской ОГК-2, ГРЭС-2 принадлежит ОГК-4 – E.ON). Эти объекты подобраны не только как важнейшие предприятия России, но и как цели, в результате уничтожения которых ее экономика будет парализована. Кроме того, при этом неизбежно погибнет миллион россиян. Запланированная на этот раз цифра потерь явно ниже той, что значилась в прежних планах ядерного нападения на СССР и Россию. Так, согласно похожему докладу 2001 года, потенциальными целями американских ракет с ядерными боеголовками на территории России были от 150 до 194 крупнейших городов, а находящиеся на прицеле промышленные предприятия и вовсе исчислялись тысячами. Согласно же ядерной доктрине периода «холодной войны», разработанной министром обороны Робертом Макнамарой, необходимым условием ядерного удара по СССР было уничтожение 25 % населения, в основном русского. Что же вдруг подвигло американских ученых-ядерщиков и пентагоновских стратегов к такому «гуманизму»?

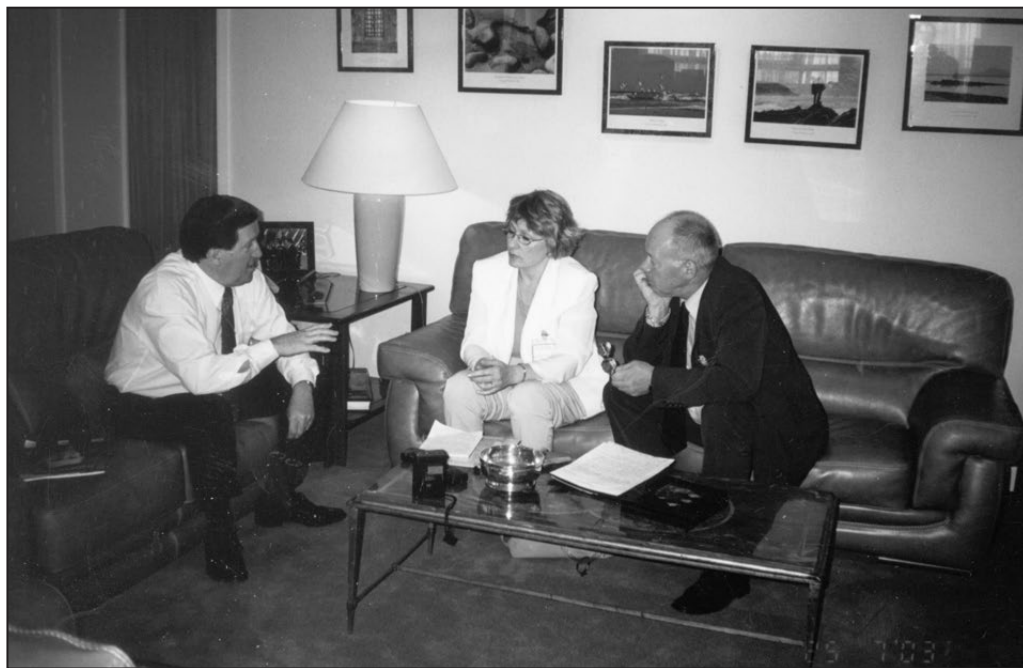
В интервью газете «Коммерсантъ» бывший начальник главного управления международного военного сотрудничества МО РФ, президент Академии геополитических проблем Леонид Ивашов сказал по этому поводу следующее: «Через переговорный процесс США хотят до минимума сократить российские ядерные вооружения – до того уровня, который смо-

жет нейтрализовать американская система ПРО». При этом, по его словам, по силам общего назначения никакого паритета между Россией и США давно нет. А разработанное в США высокоточное оружие позволяет поражать стратегические цели на территории России с не меньшей эффективностью, чем с помощью ядерных боеголовок (см. «Коммерсантъ» 15 апреля 2009 г.). В результате – жертв будет меньше, но ставки в войне с Россией становятся куда выше. Главная цель на этот раз – захват природных ресурсов, включая воду и землю, в свободном от ядерной радиации виде. Вот и все причины вашингтонского «ядерного гуманизма».

СССР официально прекратил свое существование в декабре 1991 года. Но за этим не последовало радикальных сокращений военных бюджетов ни США, ни других стран блока НАТО. Разговоры о сэкономленных триллионах долларов, выделявшихся во все послевоенные годы «на отражение советской угрозы», прозвучали только как панегирик «холодной войне», в которой СССР проиграл. Но что-то эти доллары никто не спешил передать неимущим и голодающим на нашей планете. Они пошли все на ту же гонку вооружений в США и других странах НАТО. Военные расходы США составляют 48 % всех военных расходов на нашей планете.

«Россия, будучи хартлэндом, т. е. центром континентального мира, всегда опасалась враждебного окружения, – говорил мне в одном из наших интервью для «Правды» летом 2003 года основатель современной геополитики, французский генерал Пьер Галуа. – Именно поэтому после окончания Второй мировой войны Сталин постарался создать пояс безопасности по всему периметру СССР из теперь уже бывших социалистических стран и дружественных режимов. И он его создал – от Финляндии до Северной Кореи». Я рассказал ему тогда о моих встречах в Брюсселе. Там за два дня до этого меня принимал в своем офисе Генеральный секретарь НАТО Робертсон. Я спросил тогда Робертсона: «Как так получилось, что всего лишь несколько лет назад в Париже на первой встрече Россия–НАТО вы утверждали, что ни одной военной базы НАТО на территории стран-бывших участниц Варшавского Договора не будет. А теперь там ваши базы создаются одна за другой. Границы НАТО стали проходить уже по нашим границам. Вы готовитесь к войне с Россией?» Робертсон признал, что дан-

ное слово в Париже натовцы, конечно, не сдержали, но принялся убеждать меня, что НАТО России не угрожает и угрожать не будет. Галуа был иного мнения на этот счет. Он сказал: «Хотя у нас многие и поморщились, когда Владимир Путин сказал, что крах СССР стал крупнейшей геополитической катастрофой XX века, он был прав. СССР имел сухопутные границы только с двумя странами НАТО – Норвегией и Турцией. Теперь страны НАТО граничат с ним по всему периметру с юга на север. Натовские военные самолеты базируются в бывшей Советской Прибалтике, в Киргизии, в Узбекистане, в Туркмении. В НАТО приглашают и Грузию, и Молдавию, и Украину... Что это, как не угроза России?»

Встреча с Генеральным секретарем НАТО М. Робертсоном.

При Горбачеве, а затем и при Ельцине, да и в первые два президентских срока Путина, в Москве не любили говорить об угрозах безопасности России со стороны США и НАТО. Утверждали, что с развалом Советского

Союза Запад якобы кардинально изменил свое отношение к России и более не является ее потенциальным противником. А между тем на Западе Россию по-наглому отнесли к разряду «второстепенных региональных держав» (термин президента США Обамы). Наглеют же, как известно, от ощущения безнаказанности. Оно появилось у западных лидеров, когда стало ясно, что Россия более не может играть первую скрипку при решении как глобальных, так и локальных проблем. Сирия 2016 года, как известно, заставила Запад более реалистично посмотреть на вещи, но это уже тема другой книги, поэтому не буду здесь ее развивать.

Отмечу главное. Крах СССР и ликвидация военно-политического союза в рамках Варшавского Договора, отказ России от коммунистической идеологии в пользу демократии и переход к капиталистической модели экономики формально положили конец «холодной войне» и противостоянию со «свободным миром». Но только формально. Противостояние Запада с Россией, увы, не закончилось, как и «холодная война». Несмотря на то, что с распадом социалистического лагеря произошел переход России в мировую капиталистическую систему. Несмотря на то, что Ельцин, как и Горбачев, делали все возможное, чтобы российских «новых демократов» на Западе приняли за своих. И Путин, а затем Медведев не жалели сил, чтобы убедить Запад в том, что Россия ему более не угрожает и к коммунизму уже никогда не вернется. Частью «свободного мира» Россия так и не стала.

В США на лыжах

9 февраля 1984 года умер Андропов. Он пробыл во главе государства всего пятнадцать месяцев. Сменивший его К. У. Черненко продержится на посту генсека еще меньше.

После моей весьма успешной поездки в Вену с Афанасьевым в 1983 году меня решили поощрить. 13 февраля 1984 года начальник отдела кадров «Правды» Федор Кожухов принес мне лично постановление № 5/5-0 редколлегии «Правды» с таким текстом: «Направить обозревателя

“Правды” по международным проблемам Большакова В. В. в марте-апреле с.г. в США сроком на 12 дней для участия в традиционной встрече участников Международного клуба журналистов (СКИЖ) по приглашению этого клуба». Идея SCIJ (сокращение от Ski Club International des Journalistes) родилась в начале 50-х годов. Молодой французский журналист Жиль де ля Рок, корреспондент «Франс-суар», оказался в Берлине на конференции министров иностранных дел. Больше всего его потрясло не то, что министры сражались между собой по самым жестким правилам «холодной войны», а то, что журналисты с Запада и журналисты с Востока, аккредитованные на той встрече, не общались между собой. Он решил это исправить с помощью не идеологических, а спортивных состязаний горнолыжников. А этим спортом увлекались многие журналисты-международники. В 1955 году был основан СКИЖ. Жиль де ля Рок стал его президентом. И через год на первую встречу клуба в Мерибель, во французских Альпах, в сердце Трех Долин, где проводились Зимние Олимпийские игры 1992 года, приехали 65 журналистов из восьми стран, «восточный блок» представляла Югославия. Кто бы мог подумать тогда, что один из курортов Мерибеля – Куршавель – станет местом паломничества «новых русских» и даже получит название «Русский Куршавель»?!

Идея прижилась. Встречи стали ежегодными, количество участников росло, в начале 60-х в СКИЖ вступает СССР и большинство стран Европы. И вот в 1984 году клуб решил провести свое заседание в Парк-сити, в США, где через 18 лет прошли Зимние Олимпийские Игры 2002 года. В выборе этого места была своеобразная символика и дань уважения Жилю де ля Року – Парк-сити – побратим Куршавеля.

Для меня это был неоценимый подарок. Ведь по своей специализации я был, прежде всего, американистом. Конечно, в ту пору в СССР были сотни невыездных американистов, которые писали свои статьи об этой стране и ее политике, так и не побывав за всю свою жизнь за океаном. И все же в «Правде» оставаться на таком унижительном положении было обидно. Кожухов вместе с постановлением принес мне и очередную сплетню на хвосте. СКИЖ был не простым клубом, в него входили журналисты-международники, увлекающиеся горнолыжным спортом.

В программу семинара журналистов-международников-горнолыжников входили спуски с гор по Олимпийской трассе.

От «Правды» поначалу предложили на эту поездку нашего американиста номер один Юрия Жукова. Но, когда дело дошло до замзав Международным отделом Шапошникова, с которым мы познакомились во время встречи в Вене, он сказал с присущим ему «полевым» юмором: «Нет, Жукова нельзя. Из него же песок сыпется, всю лыжню испортит. Пошлите кого помоложе. Например, Большакова, я его видел в деле в Вене, не подведет». Так и решили. Афанасьев в очередной раз выложил свой партбилет на стол. И в ведомстве Пегова дали добро на мою поездку в США. Это казалось невероятным.

В нашей делегации было четыре человека. Помимо меня – обозреватель «Известий» Виккентий Матвеев (1923–1997), лауреат Ленинской премии, которую он получил за участие в коллективном труде «Лицом к лицу с Америкой» по итогам знаменитой поездки Хрущева в США в 1959 году,

корреспондент ТАСС Вячеслав Быков и обозреватель «Литературной газеты», мой коллега по «Комсомольской правде», Геннадий Бочаров. Пару дней мы провели в Нью-Йорке. Этот город никого не оставляет равнодушным.

Я воздал ему должное. «Можно тысячу раз увидеть его на фотографиях и по телевидению, но так и не решить для себя не утихающий вокруг него спор – красив он или уродлив, типичен для Соединенных Штатов или нет. Не решишь, пока не увидишь сам, своими глазами, не сравнишь стоэтажную Америку с одноэтажной.

Панорама города уникальна. Буйная многоэтажность целесообразна. Это не прихоть, а следствие рационального расчета – земля в той точке Америки будет только дорожать. Чем ближе к небу крыша дома, тем он быстрее окупится. Архитекторам здесь было не до излишеств – все здания предельно функциональны. И тем не менее архитектурных повторов нет. Стандартизация породила ансамбли.

Словно короны, вершины бетонных “кактусов” венчают названия банков и корпораций – “Пан-Америкэн”, “Чейз Манхэттен бэнк”, “Тайм энд Лайф”... Если судить лишь по этим сияющим никелем и неоном вывескам, Нью-Йорк останется в памяти только как столица Империи Доллара, некоронованных королей Америки. Но Нью-Йорк – это еще и гимн нелегкому человеческому труду, Монумент Американцу-Строителю, Мастеру» (*Большаков В. Америка на сотом и первом этажах // «Правда». 21 мая 1984 г.*)

Так начиналась первая из моих трех статей об Америке, которые были опубликованы в «Правде» после моего возвращения из США. По тем временам столь симпатичная презентация Нью-Йорка, который со времен Горького подавался в нашей прессе не иначе, как «Город желтого дьявола», была редкостью, тем более для «Правды». Но уж в том, что касается политики, то радужных красок для нее у меня не нашлось.

Я начал изучать Соединенные Штаты еще в армии, за двадцать лет до этой поездки. И тем не менее уже в Нью-Йорке то и дело сталкивался с тем, о чем не имел ни малейшего представления. Поразили бедные кварталы Нью-Йорка, настоящие трущобы, их обитатели, напомнившие мне фантастические фильмы о Нью-Йорке после ядерной войны. Я никак не ожидал, что в этом богатейшем мегаполисе повсюду можно встретить

нищих с протянутой рукой. Ни в Австралии, ни в Новой Зеландии, ни в Сингапуре, где я бывал проездом, я ничего подобного не видел. Хотя мы и писали о том, что в США высокий уровень безработицы и нищеты, все же подсознательно думали, что это больше дань пропаганде, чем реальности. Ну не могло такого быть в самой богатой стране мира! Вот только увидев все это своими глазами, и начинаешь понимать, что такое обратная сторона свободы, где ты свободен искать любую работу и даже свободен не работать, но тебе свободно откажут в найме, дадут тебе свободно побираться на улицах и даже свободно умереть с голоду. У человека, воспитанного в традициях русского Православия с наложившимися на это коммунистическими идеалами, такое в голове не укладывалось. И уже только для того, чтобы понять это как реальность, мне надо было побывать в Америке.

В Солт-Лейк-Сити меня познакомили с авиадиспетчером Бобом Тоем. Его уволили с работы после того, как он принял участие в забастовке авиадиспетчеров, которую Рейган признал «незаконной» и разогнал их профсоюз. Боб после этого работать по специальности не смог. «Я не бедствую, – рассказывал он нам. – Работу себе нашел. Но дело не только в деньгах. Скорее в ощущении беспомощности, беззащитности перед теми, кто может тебя выбросить за борт, как собаку, а то и утопить...» Боб спросил, а как у вас, могут вот так выбросить человека на улицу? Я рассказал ему, как, будучи редактором ОМИ, попытался было уволить одного своего сотрудника, бездельника и бездаря, но на его защиту тут же стала профсоюзная организация «Правды», напомнив мне, что для его увольнения я должен был бы дать этому товарищу минимум два выговора, причем один строгий с предупреждением. В советские времена мы как-то не думали о том, насколько защищены в нашей стране и право на труд, и гарантии его оплаты. А вот в постсоветской России хлебнули этого беспредела сполна – даже на космодроме «Восточный» под государственным надзором умудрялись по полгода не платить рабочим зарплату. А что делалось на рыбзаводах на Курилах и Камчатке, как выбрасывали за ворота гастарбайтеров, ничего им не заплатив, в Москве, Питере, других городах. Те права, которыми мы пользовались

в Советском Союзе, мы воспринимали так же, как человек воспринимает воздух и свою способность дышать, — об этом не задумываются. А попробуйте, переключите кислород...

Мы приехали в США в самый разгар предвыборной кампании. Шла ожесточенная борьба между кандидатами от демократов У. Мондейлом и Г. Хартом за право противостоять действующему президенту республиканцу Рональду Рейгану, который уверенно шел на второй срок. Мне удалось побывать в штаб-квартире кампании Мондейла, где меня уверяли, что он «лучший кандидат для Америки». Понятно, что республиканцы уверяли меня в обратном. Увидеть американскую демократию в действии дорогого стоит. Тем более что та президентская кампания, по характеристике одного из моих американских коллег обозревателя Дж. Рестона, была действительно беспрецедентной по тому количеству грязи, которая лилась потоком из Белого дома на соперников Рональда Рейгана. Подобной деградации норм политической этики, считал Рестон, не наблюдалось в США со времен Джо Маккарти, председателя сенатской комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, самого одиозного антикоммуниста в США и «охотника на ведьм», т. е. на американцев левых взглядов в 50-х годах. И конечно, это было главной темой моей первой публикации об Америке.

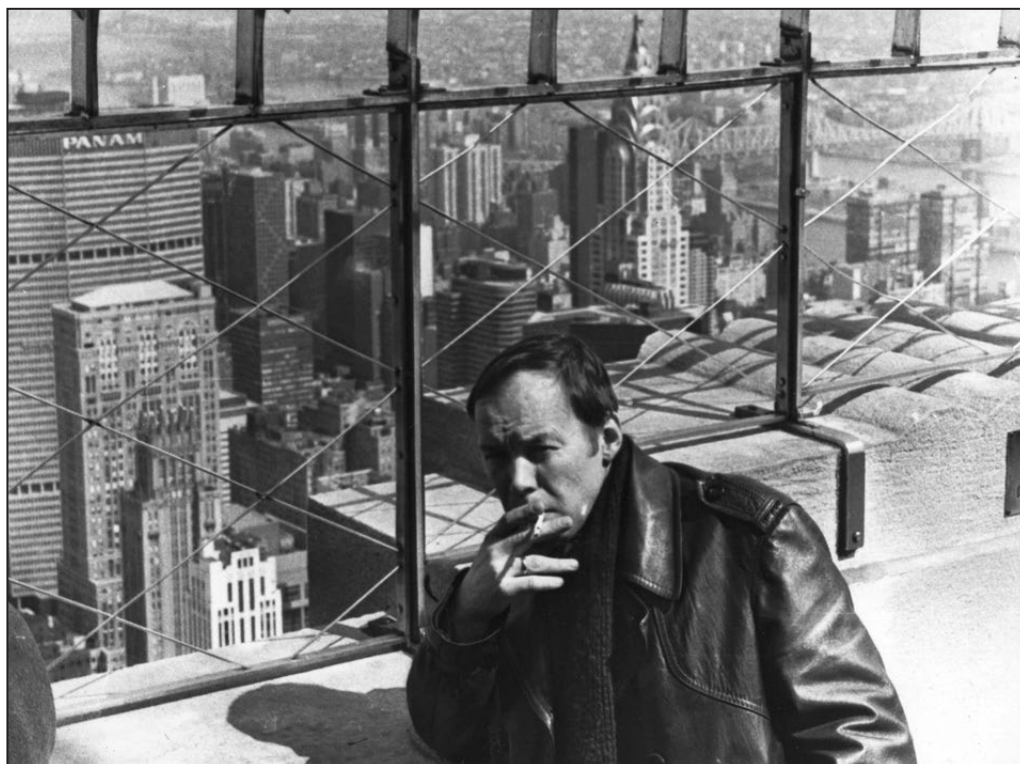
За месяц до смерти Юрий Андропов совместно с Рональдом Рейганом был признан «Человеком года» (1983) в журнале «Time». Такой чести его предшественник Леонид Ильич Брежнев (находившийся у власти 18 лет) не удостоивался ни разу. О том, как выбирают «Человека года» в «Тайм», нам рассказали в том самом небоскребе «Тайм энд Лайф Инкорпорейтед» в самом центре Манхэттена. Журнал выходит с 1923 года. Его основателями были мэтры американской журналистики Генри Люс и Брайтон Хэдден, выпускники Йельского университета и тайного общества «Череп и кости», среди членов которого наиболее известны бывшие президенты США Джордж Буш-старший и Джордж Буш-младший, а также госсекретарь США при Обаме Джон Керри. У нас в «Правде» чтение «Тайм» для журналиста-международника считалось просто обязательным. Он был и остается одним из самых влиятельных еженедельни-

ков политических новостей по сей день. Нам устроили туда экскурсию. Разговор в редакции был вежливый, но далеко не сердечный. Да иного и ждать было нечего – политический профиль «Тайм» традиционно анти-советский и антирусский. Гордостью журнала было его досье, в котором собраны сведения обо всех более-менее значимых личностях всех стран мира. «Сейчас посмотрим, что у нас есть на вас», – сказал нам заведующий этим огромным информационным хозяйством. Мы дали ему свои визитки, и через некоторое время перед нами разложили стопочки картотеки, где на аккуратных бланках были зафиксированы упоминания наших имен в прессе. Самой пухлой оказалась картотека на меня: все ссылки на мои статьи начиная с «Комсомолки», а затем в «Правде» были разложены по темам: Чехословакия, Австралия, Польша, сионизм, идеология и политика...

«О, – сказал начальник досье «Тайма», – вы вполне можете претендовать на место на обложке нашего журнала, мистер Большаков! Мы собрали на вас весьма солидное досье». – «Я подумаю», – ответил я.

В своих статьях я всегда старался полемизировать с нашими идеологическими противниками на том уровне, который был принят в советской американистике, не скатываясь к дешевым и расхожим аргументам типа «А у вас негров вешают». Но в США на этом уровне не всегда держатся даже политические обозреватели ведущих газет и журналов. Репортажи «из-под развесистой клюквы» из СССР были и тогда, как и сейчас из России, обычным делом. Расчет в этой пропаганде делается на то, что многие американцы настолько плохо информированы, что до сих пор уверены не только в том, что только США победили Германию во Второй мировой войне, но и в том, что это русские сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Над тем, что именно русских в Белом доме при Рейгане, как и в наши дни при Обаме, обвиняют во всех бедах Соединенных Штатов, потешаются и в среде американской интеллигенции, и в либеральных газетах. В одной из них в Нью-Йорке я увидел рисунок, на котором была изображена семейная пара перед разводом. Муж говорит покинутой им жене: «Мне кажется, что Советы – весьма важный фактор в дестабилизации нашего брака».

Нью-Йорк, 1984 г. На 101-м этаже знаменитого небоскреба Эмпайр-Стейт билдинг.

...На углу 15-й улицы нью-йоркского Ист-сайда паренек в потертой куртке защитного цвета со значком «Freeze!» («Заморозить!»), который носят в США сторонники движения за замораживание ядерных арсеналов, протягивал прохожим листовки. Беру одну: «Новая кампания о “красной опасности”. Возрождение маккартизма». На ней – карта, на которой едва ли не полпланеты занимают Соединенные Штаты в соответствии с масштабами «жизненных интересов» Вашингтона. А там, где согласно реальной географии располагается наша страна, значится надпись: «СССР – безбожные коммунисты, обманщики и шпионы!». Такое представление о Советском Союзе рейгановская администрация пыталась с первых дней своего пребывания в Белом доме привить амери-

канцам. И не безуспешно, хотя антисоветская пропаганда того времени была поистине примитивной.

«Советофобия – застарелая политическая болезнь Америки», – говорил профессор Принстонского университета С. Коэн (<http://fanread.ru/book/10963753/?page=7>). А его коллега профессор Нью-Йоркского университета известный историк Артур Шлезингер, на лекции которого нам удалось побывать, уточнял: «В США возрождена оценка “холодной войны” как “священной войны”, данная бывшим госсекретарем США Дж. Ф. Даллесом еще 30 лет назад». Такая концепция «холодной войны» исключает даже саму мысль о примирении или компромиссе, идею сосуществования, ибо как можно идти на компромисс и сосуществование со «злом»? Она не предлагает никакой другой перспективы, кроме противодействия «всеми силами» и «войны до последнего вздоха».

Рейган после под конец предвыборной кампании, правда, пообещал больше не называть Советский Союз «империей зла», но свой «крестовый поход против коммунизма» возобновил сразу же после переизбрания с новой силой.

Ничего не меняется в противостоянии Соединенных Штатов и их союзников по НАТО с Россией. Оно продолжилось и после того, как коммунизм прекратил свое существование на ее территории. Риторика та же. Как и ставка «на войну до последнего вздоха».

На беговых и горных

23 марта мы вылетели из Нью-Йорка и с пересадкой в Далласе добрались до Солт-Лейк-Сити. Жаль было, что не смогли посмотреть Даллас, столицу Техаса, где в 1963 году убили президента Джона Кеннеди. Но маршрут наш был строго определен Службой иммиграции и натурализации, и отклоняться от него не рекомендовалось. Солт-Лейк-Сити – столица штата Юта, который пересекают знаменитые Скалистые горы, известные своими горнолыжными курортами. Этот «медовый штат», как его называют, один из самых консервативных в Америке. Во-первых,

там расположено большинство предприятий военно-промышленного комплекса США, активно использующего природные ресурсы штата, в недрах которого сосредоточены едва ли не все элементы таблицы Менделеева. Уже поэтому там обитает в основном белое население, черных, пардон, афроамериканцев, в отличие от Нью-Йорка, где их большинство, почти не встретишь на улицах.

И, во-вторых, Солт-Лейк-Сити – это столица мормонов, где расположен их самый большой главный храм, чем-то напоминающий Рейнский собор. И самое главное – небоскреб, в котором разместились Генеалогическая библиотека, где собраны данные о происхождении не одного миллиона человек на Земле. Считается у последователей мормонской религии, что обнаружение связи с давно умершими родственниками и размещение об этом данных в мормонской библиотеке на небесах воспринимается как помощь им в загробной жизни. Мормонскую религию исповедуют приверженцы Церкви Иисуса Христа Святых последних дней.

В своем номере в гостинице в Солт-Лейк-Сити я обнаружил Книгу Мормона на русском языке. Ее текст, опубликованный в 1830 году, используется мормонами в качестве Священного Писания вместе с Библией. Она была продиктована мормонским первосвященником Джозефом Смитом-младшим, которому она открылась по откровению где-то около 1830 года. Он утверждал, что это перевод древних летописей коренного населения Америки, составленных пророком Мормоном и его сыном Моронием, последними представителями народа нефийцев. Нефийцы, согласно учению мормонов, – мифический древний народ, живший на Американском континенте. О нефийцах еще говорят как о потерянном 12 колене народа Израиля. Они названы по имени своего пророка и лидера Нефия, который покинул Иерусалим со своей семьей примерно в 600 году до Р. Х. Нефию и его потомкам Бог якобы заповедал вести летопись своего народа, сокращенная версия которой и находится в Книге Мормона. Книга, как считают мормоны, представляет собой описание отношений между Богом и доколумбовыми цивилизациями Америки в период примерно с 2600 года до н. э. по 420 год н. э., составленное пророками и последователями Иисуса Христа. Здесь также повествуется об учении Иисуса Христа, изложен-

ном Им Самим во время личного посещения Америки уже после Своего воскресения. Как я уже говорил, с точки зрения Русской Православной Церкви – это чистой воды ересь.

Термин «мормоны» чаще всего используют для обозначения мормонов-фундаменталистов, придерживающихся практики многоженства, от которой Церковь Иисуса Христа Святых последних дней официально отказалась в 1890 году. В штате Юта живут и те, и другие мормоны. Мы с Геннадием Бочаровым побывали в Парк-Сити в одной из моногамных мормонских семей, но в их коммуне были и многоженцы. В последние годы мормоны вели активную миссионерскую работу, и их приверженцы появились даже в России.

Заседание клуба началось 24 марта в Парк-Сити, расположенном в получасе езды от Солт-Лейк-Сити. Нам сообщили программу, согласно которой с утра все занимались спортом, а после обеда – дискуссиями. Со спортом у меня вышла накладка. Я привез с собой отличные беговые лыжи и легкий спортивный костюм. Точно так же поступил и Гена Бочаров. Ни мне, ни ему не сообщили, что СКИЖ – это клуб не просто лыжников, а горнолыжников. А в горах было весьма прохладно. В первый день, правда, проходили соревнования на беговых по трассе в пять километров. Я даже получил «утешительный приз», так как из примерно ста участников пришел тринадцатым. В горах, где воздух всерьез разряжен, Парк-сити расположен на высоте 2050 метров, да еще при ежедневном моем тогдашнем потреблении двух пачек сигарет в день – это был неплохой результат. Но вот кататься на горных лыжах пришлось учиться. Нам с Геной дали лыжи, огромные ботинки, которые весили даже больше, чем сами лыжи, и приставили инструктора – очаровательную девушку Сандру, которая удивительно доброжелательно и с хорошим юмором сделала из нас горнолыжников за один день. Главное – научила тормозить «утюгом», что нас и спасало на тех олимпийских трассах, куда нас запустил СКИЖ. Второй день мы уже тренировались сами на небольших склонах. Но вот на третий день нас собрали у гостиницы, усадили в автобус со всем горнолыжным снаряжением и повезли к гигантскому подъемнику. Это был целый вагон, вмещавший до полста человек с лыжами. Он вознес нас в облака в бук-

вальном смысле этого слова за несколько минут. Когда мы вышли из него на трассу, Сандра сказала: «Отсюда каждый из вас сможет увидеть свою столицу. Мы с вами находимся на высоте 3080 метров». Мы с Геней надели лыжи и медленно пошли за нашим гидом по лыжне к спуску. Видимость была почти нулевая. Мы шли по вершине горы вместе с облаком. Когда мы подошли к спуску с наклоном в 45 градусов, Гена сказал: «Володя, это происки ЦРУ. Здесь мы с тобой и отдадим концы!» Впечатление от спуска действительно было жутковатое. На такие подвиги идут только опытные спортсмены. Но наши коллеги по клубу только радовались. Чтобы вдребезги не разбиться, я съехал «утюгом» к более пологой горке, где кататься было уже одно удовольствие. А Гена не рассчитал своих возможностей и на полпути врезался на спуске в дерево, к счастью отделавшись только легкими ушибами и потерянными часами. Зато потом мы до обеда наслаждались этим волшебным спортом для настоящих мужчин, поднимались на подъемниках все выше и выше, но все же не до той точки, с которой была видна Москва. Эти навыки пригодились мне впоследствии. Уже работая во Франции, я получил приглашение на заседания СКИЖа в Андорре. Там спуски еще круче, чем в Парк-Сити, и хуже оборудованы. И я с благодарностью вспоминал Сандру и ее уроки.

После обеда начинались дебаты. К нашей команде интерес был особый. Как-никак мы прибыли из «империи зла». И хотя наши коллеги прекрасно понимали, что имидж Советского Союза в Америке доводят до полного искажения действительности из конъюнктурных соображений, особенно в год выборов, многие уже тогда понимали, что на этот раз речь шла уже не просто о пропаганде, а о пропагандистском наступлении по всем фронтам «холодной войны». Поэтому центральным вопросом наших дебатов было: что это? Подготовка к войне горячеей, к ядерному Армагеддону, где спасения не будет никому, или очередной шантаж, попытка разорить Советский Союз, толкая его на путь гонки вооружений? И тут мало было спросить задушевно заокеанского коллегу: «А вы сами-то в это верите?» Надо было доказать, что русские действительно не хотят войны. Дебаты в Парк-Сити были нашим образом жизни в этом городке. Были семинары и пленарные заседания, но небольшие. Но основные беседы шли

в барах за чашкой кофе или стаканом виски. Настороженность, как правило, таяла вместе со льдом. А в нашей делегации пьяниц не было, но никто не изображал из себя трезвенников.

В один из вечеров ко мне подошел Тимоти Чарльз Браун, сотрудник Гуверовского института мира, революции и войны. Это один из ведущих мозговых центров в США, его услугами пользуются со времен Гувера, который основал его в 1919 году, все планировщики внешней политики этой страны. Он входит в систему Стэнфордского университета. Это один из самых престижных в мире институтов, передовик академических рейтингов вузов США и мира. В библиотеке Гуверовского института собраны уникальные документы по истории России периода Первой мировой войны и Октябрьской революции. В эту библиотеку сдали на хранение свои личные фонды такие общественные и политические деятели России и Белого движения, как генерал П. Н. Врангель, А. Ф. Керенский, генерал Л. Г. Корнилов, князь Г. Е. Львов, граф В. Н. Ковцов, русский посол в Париже В. А. Маклаков, генерал Н. Н. Юденич и многие другие. Туда же сдавали такие документы и их родственники, оказавшиеся в эмиграции.

Брауна я заинтересовал как относительно молодой – мне было тогда всего 47 лет – сотрудник «Правды». Видимо, он ожидал кого-то не младше Юрия Жукова. Начал он издавека – с рассуждений о консерваторах, которые не дают хода молодежи в условиях царящей в СССР геронтократии, а перешел к партии – вот опять выбрали Черненко, человека больного и преклонного возраста. «Это все люди косного, старого мышления. Они не способны понять динамику развития современного мира и мыслят устаревшими понятиями и категориями, – говорил Браун. – Будут ли у вас, наконец, перемены?»

Разговор был достаточно откровенным, так как в клубе действует негласное «правило Четхем Хауса» – сказанное его участниками в любых дискуссиях, даже в частных разговорах в дни работы СКИЖа, не цитируется. Я ответил Брауну латинским афоризмом «Tempora mutantur et nos mutamur in illis» (лат. «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними»).

«Вы знаете латынь?» – удивился он.

«Да, – ответил я. – Я изучал ее в средней школе».

«Не знал, что такие школы существует в России, – сказал Браун. – Так вы ожидаете перемен?»

«Объективно, да. Даже генеральные секретари, как показывают последние события, не вечны».

«Вы рассчитываете, что кто-то придет на этот пост помоложе?»

«Я рассчитываю на среднее звено партии, на людей моего возраста. Они мыслят современными категориями, шире видят и мир, и то, что в нем происходит, оставаясь при этом убежденными коммунистами. За ними – будущее России».

«Вы видите это будущее только коммунистическим? Вы же можете сравнивать советскую реальность с тем, что вы видели в Австралии, Новой Зеландии, здесь в США...»

«Я верю, что в конечном итоге, если нам ничего не помешает, в России будет достигнут такой уровень жизни, что нас будут ставить в пример здесь, у вас, и там, в южном полушарии. Но для этого нужно время и новые люди с новым мышлением. А они придут...»

Мы снова встретились с Брауном во Франции, куда он приехал на время визита туда Горбачева. Он нашел мой телефон, и мы встретились. Он задал мне один вопрос: «Скажите, вы, судя по-всему, знали уже тогда, в Парк-Сити, что к власти придут новые люди, такие, как Горбачев?»

Конечно, даже при соблюдении «правила Четхем Хауса» я не мог сказать ему, что я надеялся на новых людей, но не таких, как Горбачев. Но обнадежил коллегу, сказав: «Догадывался, конечно. Но то ли еще будет!» В подробности я, конечно, вдаваться не стал. Я ведь и сам не знал тогда, что с нами со всеми будет. Догадывался только, что ничего хорошего ждать с Горбачевым нам не приходится.

В Парк-сити мы подолгу разговаривали с совладельцем и редактором калифорнийской газеты «Сакраменто Би» («The Sacramento Bee») Чарльзом Кенни Макклетчи. Спортивный, крепко сбитый парень, он был немного моложе меня, но мы как-то сразу нашли общий язык. Его газета была основана еще в конце XIX века и слыла либеральной. Она одна из первых

осудила Ку-клукс-клан и расизм и не меняла этой позиции никогда. Со временем созданный семейством Макклетчи концерн объединил более двух десятков газет, и «Сакраменто Би», что в переводе звучит, как «Пчела Сакраменто», стала обладателем нескольких премий Пулитцера, высшей журналистской премии США. Чарльз Кенни с юмором воспринимал советофобию Рейгана и считал, что с Россией Америке нельзя ссориться, что надо восстановить тот союз, который сложился у наших стран в войне с Гитлером. К концу заседаний клуба Макклетчи пригласил всю нашу делегацию в Калифорнию. Матвеев как глава делегации, передал об этом сообщение в Москву. Нам разрешили продлить командировку на три дня, но, к сожалению, американцы нам не продлили визу. Тогда Чарльз Кенни сказал мне. «Вот тебе моя визитка, будешь в Америке, позвони мне и приезжай. Гостиницу не заказывай, у меня есть где остановиться».

Я, конечно, не стал ему объяснять, что я ни с того ни с сего никак не смогу «собратиться в Америку», что у нас есть «Инстанция», которая держит меня на крючке и без решения которой я не мог бы приехать в Парк-Сити покататься на лыжах и поговорить с ним, хорошим, но наивным человеком. Представление американцев о советской жизни и о нас, советских людях, было действительно далеко от реальности. Они многого не понимали, потому что никогда не сталкивались в своей жизни с аналогами нашего общества. И если они убеждались в общении с нами, что мы просто нормальные люди, а не роботы от коммунизма с пропагандистской программой, они этому искренне радовались и готовы были даже пригласить в свой дом просто погостить. К сожалению, Чарльз Кенни рано умер. Подвел спорт – он увлекался джоггингом и во время очередного утреннего забега в Уильям Ленд Парке в Сакраменто умер всего в 62 года. Отказало сердце. Может быть, и прав был Уинстон Черчилль, любитель крепких сигар и виски, когда говорил, объясняя причины своего долголетия, с присущим ему юмором: «Главное – никакого спорта».

В Парк-Сити нам подарили соломенные ковбойские шляпы и поглядывали, наденет ли кто-нибудь из нас этот головной убор, ну, хотя бы на прогулку. В этом для них проявилось бы наше отношение к Америке и непосредственно к штату Юта. Детский подход, конечно, но американцы

искренне любят свою страну и нередко реагируют, как дети, на любое нежелание иностранцев разделить с ними эту любовь. В Парк-сити местная журналистка, которая брала у меня интервью, смущаясь, попросила меня сфотографироваться для ее таблоида в этой шляпе. И, когда я без колебаний исполнил ее просьбу, она просияла: «Господи, да вы же такие, как и мы». Очевидно, ей казалось это невероятным. Она долго расспрашивала меня о «Правде», о том, что за люди там работают, и действительно ли в Кремле так ненавидят Америку, как об этом пишут. Она опубликовала на следующий день очень приличное интервью со мной, без всяких подлянок и подковырок, типичных для бульварной прессы. А лейтмотивом статьи как раз и было: «Да они же, советские, даже в “Правде”, – нормальные люди, такие же, как мы».

Матвеев решил использовать наше разрешение задержаться в США и предложил вылететь в Москву уже из Монреаля. Был в этом и практический подход – как старожил Америки он знал, что в столице Квебека была самая большая и даже при наших жалких командировочных доступная барахолка. А в Москве была семья, молодая жена, двое детей и многочисленные друзья и родственники. А потому, как в песне у Высоцкого – «Привези, хоть черта в ступе, привези», – решили там отовариться. Так что я побывал сразу в двух капиталистических странах, не попросив ни в одной из них политического убежища, и в моем досье на Лубянке появился дополнительный плюс.

Америка заставила меня задуматься куда больше о нашем имидже, чем об идеологическом противостоянии, в частности о том, как воспринимают нашу газету «Правда» за рубежом и в нашей собственной стране. Судя по тому, что я слышал в Парк-сити от своих коллег из США и других капстран, имидж этот был, мягко говоря, малопривлекательным. И, видимо, дело было не только в антисоветской пропаганде. Сейчас, когда перечитываешь старые газеты, видишь, сколько шаблонов и пустых фраз использовалось на правдинских страницах, каким порой нечитаемым новоязом партийных бюрократов писались передовые и редакционные статьи. «Так не делается говорить...» – вспомнил я замечание одного из членов Политбюро на верстке моей статьи.

Увы, в горбачевские времена думали не об обновлении реального социализма, а о его уничтожении под предлогом обновления. Тот дух новатора и убежденного коммуниста, который был присущ Твардовскому, несмотря на все его левацкие выходы, к сожалению, принялись изживать именно те, кто восхищался тем, как он вывел «Правду» в образе «Гроб-газеты». Но ведь мы, правдисты, и сами в том виноваты, что делали такую газету. У нас один Скляров чего стоил с его вечной перестраховкой и чудовищной правкой в духе «новояза» партократов. Он вполне мог бы стать для Твардовского прообразом редактора «Гроб-газеты» как «продолжения партийных органов». Я думал обо всем этом, когда уже вернулся в Москву и принялся писать свои «путевые заметки» из Америки. В последней из этой серии «По дорогам медового штата», опубликованной уже в июле (см. «Правда», 16 июля 1984 г.), я рассказал о том вечере, который провел в семье Эла Дэвиса, директора водоочистительной станции в Парк-Сити. Рассказал так, как если бы делился впечатлениями, не предназначенными для печати, со своими близкими. О том, как нас угощали картофельной запеканкой с молоком. О том, как после ужина всей семьей в микроавтобусе Дэвисов ездили смотреть Солт-Лейк-Сити. О том, как детишки заснули у нас на руках, когда мы возвращались оттуда. И как на прощанье жена Эла сказала: «Даст Бог, не будет войны. Правда?»

Такого подхода очень не хватало многим материалам «Правды» на международные темы. Теоретически наши авторы правильно отделяли «трудящиеся массы стран капитала» от «правлящих кругов», а практически только немногие из них, такие, как Борис Стрельников, Сергей Вишневский и Том Колесниченко, доказывали это в своих статьях на примере человеческих судеб. «Так, по-человечески, в “Правде” об Америке никогда не писали», — отметил в письме ко мне один из наших читателей, откликнувшийся на статью о «Медовом штате». Но ведь никто в «Правде» и не завернул эту статью, и никто из наших ведущих не снял ее из номера, хотя она и пролежала в редакционном портфеле с апреля по август.

Исторически коммунисты были правы. И не только « в области балета», но и в том, что касается социального обеспечения, защиты права на труд, системы образования, здравоохранения, обеспечения бесплат-

ным жильем, предоставления практически бесплатно мест детям в яслях и детсадах, равенства в правах различных национальностей и этносов мы действительно шли «впереди планеты всей». В постсоветской России это стали понимать только тогда, когда медицина стала платной, а жилье – недоступным. А вот человечности нашему «реальному социализму» действительно не хватало. И виной тому были, в первую очередь, партократия, обособившаяся от народа, и тотальное недоверие к людям, насаждавшееся КГБ, который поставил под свой контроль и партию, и государство. Понятия «советский народ», «трудовые массы» были безликими, заботились обо всех, а не о каждом, что и обернулось развалом экономики и всеобщим недовольством, когда возникли униительные нехватки практически всего, а при Горбачеве дошли даже до продовольственных карточек.

Не случайно ведь враги социализма упирали именно на человечность, на изобилие товаров и услуг в капиталистических странах, маскируя свои планы ликвидации коммунизма вместе с коммунистами терминами типа «социализм с человеческим лицом». Человеческое измерение приобретало все более важное значение в идеологической борьбе именно в последние годы существования СССР и Варшавского Договора. И наши противники это учитывали и активно использовали.

Шпионские истории

В начале августа 1985 года Вадим Некрасов дал мне очередное задание. «Володя, – сказал он, – на Лубянке тобой опять заинтересовались». Увидев, что я напрягся, он улыбнулся и сказал: «Не волнуйся, в хорошем смысле. Они поймали очередного шпиона и хотят, чтобы в “Правде” об этом дали детектив с продолжением».

«Но это скорее для наших внутренних отделов», – попытался я увильнуть от этого задания, т. к. знал, какая это морока.

«Нет, дорогой. Они попросили именно тебя. Им нравится, как ты пишешь. Может быть, после этого на тебя писать перестанут», – скаламбурил Вадим.

Мне пришлось заниматься расследованиями КГБ задолго до этого. С 10 по 14 июля 1978 года в Москве одновременно проходили два процесса – Натана Щаранского и А. Филатова. И того, и другого обвиняли в преступлениях, предусмотренных пунктом «А» ст. 64 УК РСФСР, т. е. в измене Родине. Щаранский также обвинялся по ст. 70-й за антисоветскую пропаганду, а Филатов еще и за контрабанду. Филатов был классическим предателем, его завербовали американцы в служебной командировке в 1974 году, и он работал на ЦРУ почти четыре года, одновременно занимаясь и контрабандой, пока не был взят с поличным в Москве вместе со всей своей шпионской аппаратурой. На этот процесс на Западе – провал есть провал – никто не реагировал, было бы себе дороже. А вот Щаранского защищали с пеной у рта. Будущий министр Израиля по тем временам работал подручным академика Сахарова, лидера советских правозащитников. Сахаров пришел на его процесс лично с группой своих сторонников, которые пытались прорвать милицейский кордон и проникнуть в здание суда. А в том суде, который проходил в полном соответствии с советскими законами, в это время выступали свидетели обвинения. Они и подтвердили, что Щаранский занимался не просто распространением израильских паспортов для потенциальных эмигрантов из числа советских евреев, но и собирал с осени 1976 года сведения, которые составляли государственную тайну. Он изготовил список на 1300 человек, в котором были указаны режимные предприятия с их адресами и именами руководителей, и передал эти секретные сведения агенту израильской разведки Моссад, который работал под крышей иностранного корреспондента в Москве. Защитники Щаранского просчитались, потому что начали кампанию с доказательств его невиновности, и утверждали, что в СССР в его лице судят все правозащитное движение. А оказалось, что защищали не просто правозащитника и сиониста, но еще и шпиона. Получился конфуз.

Об этом я написал в «Правде» в своей статье «По поводу одной шумихи» (см. «Правда» 19 июля 1978 г.), и мне пришлось согласовывать ее с чекистами. С тех пор с Лубянкой у меня контактов практически не было, если не считать обязательную тогда визу КГБ на всех наших материалах

по радиостанциям «Свобода» – «Свободная Европа». А тут вдруг я оказался востребованным.

Первое знакомство с делом Ю. В. Павлова, сотрудника Арктического и Антарктического НИИ Госкомгидромета, агента западногерманской разведки, затем перевербованного ЦРУ под кличкой «Рольф Даниэл», у меня состоялось в начале августа 1985 года в здании КГБ, в кабинете следователя, который вел это дело. Досье на Павлова было весьма обширное, все мне не показали, естественно, но все же, хоть и в обычной манере (часть текста дела закрывали бумагой и разрешали просмотреть на странице только то, что считали возможным), дали почитать достаточно для того, чтобы написать приличный детектив. История «Рольфа Даниэла» была, увы, достаточно типичной для шпионов-любителей, «инициативщиков», как их называют в КГБ. Они даже пугают кадровых вербовщиков, потому что предлагают свои услуги иностранной разведке сами, без какой-либо предварительной подготовки. Мотивация в таких случаях также обычна – жажда денег или признания, которого не удалось добиться на Родине, – на Западе. У Павлова было и то, и другое. Он сам родом из Куйбышева. Отец – горный инженер. Мать – преподаватель английского языка. Судьба бросала семью с новостройки на новостройку. Лишь после войны Павловы осели в Ленинграде, где будущий «Рольф Даниэл» окончил институт по редкой тогда специальности «экспериментальная ядерная физика». В поисках признания начал работать над собственным проектом «создание искусственных алмазов с помощью ядерных взрывов», который специалисты признали бесперспективным. Обиделся на весь мир и решил попытать себя в океане на борту научно-исследовательского судна, теперь уже легендарного «Витязя». Так он совершил не одно кругосветное путешествие и повидал разные страны, в том числе и такие, где побывать обычные советские люди не могли тогда и мечтать.

Вернувшись в Ленинград, он устроился в одну воинскую часть, где занимались такими делами, информацию о которых держат только за семью печатями. Естественно, с него взяли все необходимые в таких случаях подписки о неразглашении государственной тайны. Но именно ее он и решил разгласить и на этом заработать себе имя и деньги.

«Он играл роль супермена, – рассказывал мне следователь на Лубянке. – Он искренне считал себя таким. По сути дела, он авантюрист, игрок, уверенный в том, что сумеет переиграть всех. На следствии, кстати, он никак не мог поверить, что его провал был предопределен. Все искал, где он совершил ошибку, позволившую КГБ взять его с поличным».

Повели его в Москве в парке Измайлово в 1983 году, в тот момент, когда он доставал из шпионского контейнера, изготовленного в виде камня, инструкции и деньги за шпионаж, заложенные туда сотрудником посольства США, работавшего в ЦРУ. Того выслали из СССР, а Павлова арестовали несколько позже.

В ходе следствия выяснилось, как он стал предателем. Осенью 1981 года во время одного из заграничных плаваний на научно-исследовательском судне «Профессор Визе» от НИИ Госкомгидромета он сошел в норвежском порту Олесунн на берег. В кармане у него было письмо на английском языке. В нем он кратко описал свой метод добычи алмазов, пожаловался, что его в СССР не признают и что ему не хватает денег, и предложил свои услуги. Письмо ушло по адресу «Олесунн. Консульство ФРГ». Он описал маршрут своего судна и то, как его можно будет узнать, когда он будет выходить на берег в портах следования. В первые два выхода на него никто не вышел. В третий – в Гамбурге 23 марта 1982 года контакт с ним установила разведка ФРГ. Дальше все прозаично – немцы завербовали его и, воспользовавшись его услугами, получили нужную им информацию за гроши. Затем его повели уже американцы.

Его встречали обычно в порту, он незаметно передавал свои шпионские донесения, в ЦРУ ему открыли счет, куда якобы поступали деньги за это, и так продолжалось почти три года. Санта-Крус, Копенгаген, Рио-де-Жанейро, Маврикий, Копенгаген, Ленинград – такова география предательства Павлова. В Ленинграде сразу же после того, как он взял в парке Измайлово в тайнике-контейнере «посылку» ЦРУ, предварительно вскрытую КГБ, за ним установили жесткое наблюдение, чтобы выяснить, с кем из американцев он поддерживает контакт.

24 июля 1983 года жена американского разведчика Аугустенберга, работавшего под прикрытием в консульстве США в Ленинграде, подала

сигнал «Ролфу Даниэлу», что ему следует заложить очередную «посылку» для ЦРУ в тайник «Сорок», на 40-м километре Приморского шоссе. Мимо этого места сотрудники консульства США обычно ездили на свою дачу под Ленинградом. Там и разыгрался финал этого шпионского детектива. При попытке забрать послание Павлова, прикрыв его детским одеяльцем, было взяты с поличным все семейство Аугустенбергов. Их выслали из СССР осенью 1983 года после предъявления всех улик.

Я был на процессе Павлова в Ленинграде, где после окончания следствия его судили и приговорили к расстрелу. На суде он выглядел жалко, во всем покаялся и признал в своем последнем слове: «Я недостоин жить среди людей. Я не могу смотреть им в глаза».

Шпионаж – занятие не для слабонервных. Если спецслужбам удалось завербовать человека, они его не станут жалеть и используют до конца, а то и подведут под провал. Не случайно в Америке ЦРУ называют «департаментом грязных дел». В «Правде» я опубликовал немало статей об этих «рыцарях плаща и кинжала», которым было суждено сыграть роковую роль в развале СССР. Уже в той публикации в «Правде» о шпионе Павлове я привел слова президента Рейгана, сказанные им при посещении ЦРУ в июле 1982 года, как раз в том году, когда завербовали Павлова: «Вы, мужчины и женщины, работающие в ЦРУ, – глаза и уши свободного мира. Мы должны призвать все страны мира к крестовому походу за свободу в глобальной кампании за права человека, за свободу в условиях мира и войны и в том призрачном мире, который находится между ними». Так глава Белого дома расставил все точки над *i*. В том «крестовом походе» против коммунизма, который он провозгласил сначала тайно – среди своих обершпионов в ЦРУ, а затем и открыто, на весь мир, – нам не следовало ожидать пощады. Об этом я, собственно, и предупреждал в своих статьях.

«Правда» опубликовала мою статью «Конец “Рольфа Даниэла”», по сути дела небольшой детектив на базе реальных фактов, тремя кусками в полполосы каждая 13, 14 и 15 августа 1985 года. Это был тот редкий случай, когда по совету Вадима Некрасова я подписался своим псевдонимом В. Чирков, по фамилии моей мамы. При моих участвовавших выездах

за границу такая осведомленность в делах КГБ, которую мне пришлось проявить, чтобы рассказать, как взяли американского шпиона, могла насторожить западные спецслужбы, и тогда я из «невъездного» в страны Запада превратился бы в «невъездного» туда.

В ходе работы над этим «детективом» мне активно помогал начальник следственной службы Ленинградского управления КГБ полковник Виктор Васильевич Черкесов, который и вел это дело на питерском этапе. Человек непростой. В Питере ему до сих пор не простили преследования диссидентов (дело М. Мейлаха и др.). Писатель Игорь Бунич, проходивший свидетелем по одному из таких дел, которые вел Черкесов, вспоминал, что «стиль допросов у него был мягкий, без угроз. Нежность вообще свойственна его характеру. Однажды, когда Виктору Васильевичу на работу позвонила дочь (аккурат во время допроса), он, видимо, на вопрос “Что подделываешь?” – устало вздохнул: “Допрашиваю, кошечка”. Но, когда дело доходило до “посадок” и “психушек” он был человеком весьма жестким» (http://www.profile.ru/archive/item/41558-items_4717).

Черкесову, видимо, перед моим приездом дали соответствующие указания из Москвы, и он встретил меня в Большом доме (так называют Управление КГБ по Ленинградской области) как дорогого гостя. Показал все, что мог. Даже одиночную камеру в Крестах, где сидел во времена царизма Владимир Ильич Ленин и где сохранился даже его персональный унитаз. В 80-х годах Черкесов был известен только в довольно узком кругу. Впрочем, как и Владимир Путин, с которым они дружили. Благодаря этой дружбе карьера Черкесова в постсоветский период складывалась поначалу более чем удачно. С 1992 года он – начальник Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. С 1998 года – первый заместитель Директора Федеральной службы безопасности Российской Федерации, т. е. Путина В. В. Весной 2000 года Черкесов участвовал в избирательной кампании Путина, работал в его предвыборном штабе. С мая 2000 года – Полномочный представитель Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе.

11 марта 2003 года Указом Президента РФ Черкесов был назначен Председателем Государственного комитета РФ по контролю за оборотом

наркотических средств и психотропных веществ (затем это ведомство под его руководством называлось Федеральной службой РФ по контролю за оборотом наркотиков, а затем – Государственным антинаркотическим комитетом). В этом качестве в 2003 году – пути Господни неисповедимы – Черкесов ответил на мои вопросы в интервью для журнала «Финансовый контроль», где я тогда был главным редактором.

В 2000–2003 годах Путин ввел своего дружка в Совет Безопасности России. Его явно готовили к роли Директора ФСБ, о чем уже поведала всему свету по секрету его жена. Но тут вдруг началось некоторое головокружение от успехов и смятение в уме. Черкесов не понял, что в секреты «чекистской корпорации», которая захватила власть в России при Путине и занялась разборками между собой при дележе бюджетного пирога, никак не следует посвящать широкую публику, а надлежит, как в итальянской мафии, решать все спорные вопросы в узком междусобойчике. Видимо, сработали у моего гебистского гида по шпионскому Ленинграду одновременно два инстинкта – остаточное ощущение своей принадлежности к «чекистской элите» времен советской власти и понятие о чести мундира из того же периода нашей истории. В результате Черкесов опубликовал свою статью «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев» в газете «Коммерсантъ» с осуждением чекистов-воров и пособников наркодельцов. В той статье он, в частности, заявил следующее:

«Наркомафия управляет триллионами долларов и контролирует тысячи профессиональных убийц. ФСКН объединила в своем строю тех, кто готов бороться с подлинно глобальной “темной империей”. Нечистоплотность абсолютно недопустима в наших рядах.

Все, кто может помочь органам наркоконтроля обнаружить и очиститься от “оборотней в погонах”, найдут во мне активного и надежного союзника. Но каждый, кто попытается превратить благородное дело борьбы с коррупцией в мутную и двусмысленную склоку, получит категорический отпор.

Страна в начале 90-х годов пережила полномасштабную катастрофу. Известно, что после катастрофы система рано или поздно начинает собираться заново вокруг тех своих частей, которые сумели сохранить

определенные системные свойства. Именно в таком смысле “чекизм” может быть принят к рассмотрению. Рыхлое, неоднородное, внутренне противоречивое и далеко не однозначное сообщество людей, выбравших в советскую эпоху в качестве профессии защиту государственной безопасности, оказалось в социальном плане наиболее консолидированным. Или, если точнее говорить, наименее рыхлым. Для того чтобы оно могло уплотниться, понадобились все катастрофические воздействия. Кто-то быстро отпал, вышел из профессионального сообщества. Кто-то предал. Кто-то стремительно “сcurвился”. Но какая-то часть сообщества все-таки выстояла.

Падая в бездну, постсоветское общество уцепилось за этот самый “чекистский” крюк. И повисло на нем (выделено мной. – В. Б.). А кому-то хотелось, чтобы оно ударилось о дно и разбилось вдребезги. И те, кто этого ждал, страшно обиделись. И стали возмущаться, говоря о скверных свойствах “чекистского” крюка, на котором удержалось общество. Безусловно, я не считаю, что критика “чекистских пороков” была абсолютно беспочвенной. Во-первых, непорочны только ангелы. Во-вторых, реальные законы нашей профессии порождают многочисленные издержки. Безоглядно воспевать такое ремесло могут только дети младшего и среднего школьного возраста. В-третьих, катастрофа – она и есть катастрофа.

И все же мы помогли, в конце концов, удержать страну от окончательного падения. В этом один из смыслов эпохи Путина, в этом историческая заслуга президента России. И это налагает на наше профессиональное сообщество огромную ответственность, не имеющую ничего общего с кичливым самодовольством.

Для того чтобы любая корпорация (чекистская в том числе) была здоровой, она должна быть носителем норм. Желательно, чтобы эти нормы были не только внутренними, но и общенациональными. Но они, прежде всего, должны быть нормами. Если нормы исчезают и наступает произвол, корпорация разрушается. Уже сейчас эксперты и журналисты говорят о “войне групп” внутри спецслужб. В этой войне не может быть победителей. Такая война “всех против всех” закончится полным распадом корпорации. Крюк истлеет, окончательно разрушится от внут-

ренной ржавчины. Начнет распадаться вся общественная конструкция. Кто-то скажет: «Мы спасли страну от чекизма!» На самом деле страну не спасут, а погубят.

Сегодня наша *корпорация* (вот этот тайный термин ему никак не следовало употреблять, тем более несколько раз подряд, что ему и не простили. – В. Б.) важна не сама по себе. Она должна выстоять и выдержать нагрузки переходного периода. Затем она может превратиться в локомотив и вывести общество в новое качество. А после этого – перейти из *корпорации* (опять! – В. Б.) в нормальную профессиональную группу, ничем, по сути, не отличающуюся от других. Пока стабильность общества в значительной степени опирается на эту силу, вопрос о ее качестве – это вопрос о судьбе страны. Цена вопроса тем самым слишком высока. И потому абсолютно недопустимы ни замалчивание проблемы, ни ее превращение в большую склоку. Такой процесс внутри советской номенклатуры уже обернулся социальной и геополитической катастрофой» («Коммерсантъ». 9 октября 2007 г.).

В семье повешенного, как известно, не говорят о веревке. Поэтому реакция Путина на журналистский дебют Черкасова была однозначной – он посоветовал ему его статьи «выбросить на помойку!». Вскоре после этого по тому же адресу отправили самого Черкасова. Ветерана КГБ, однако, приютил Геннадий Зюганов, включив его в список КПРФ на выборах в Госдуму в 2011 году.

Глава четырнадцатая «ОРГАНЧИК» ОТ КПСС

Год 1984 по Оруэллу и календарю

К моменту прихода к власти Горбачева и его команды на всех заборах висели плакаты с изображением Ленина и якобы его фразы: «Верной доро-

гой идете, товарищи!». Мало кто задумывался о том, что Владимир Ильич при жизни этих слов никогда не произносил. Но их донесла до нас отсидевшая свое в ГУЛАГе старая большевичка, выступив на XX съезде с рассказом о своем сне, в котором она видела Ильича. Он будто бы сказал ей эту фразу. При всей абсурдности подобного рода аргументации, она переключалась с трибуны того съезда в хрущевско-брежневскую пропаганду, что еще раз подтверждает вывод Маркса: бюрократия всегда принимает желаемое за действительное, а свои иллюзии за реальность. Тот знаменитый плакат с одобрением давно умершим Лениным политики КПСС 60-х – 80-х годов провисел вплоть до развала СССР, породив целые тома анекдотов, пародий и карикатур. Самое смешное – в своих сонниках профессиональные гадалки отмечают: «Если Ленин вам явился во сне, это означает, что вы подсознательно стремитесь вернуться к прошлому».

И вот пришло время всерьез задуматься о том, а верной ли дорогой шел Советский Союз после октябрьского переворота? Заканчивался 1984 год. Год знаковый, который дал название знаменитому роману английского писателя Джорджа Оруэлла (1903–1950). Чтобы отметить эту дату, я написал большую статью «1984 по Оруэллу и календарю» для еженедельника «Собеседник». Она была опубликована под рубрикой «Авторитетное мнение» в № 45 этого журнала в декабре 1984 года.

Джордж Оруэлл (настоящее имя Эрик Артур Блэр) вошел в мировую литературу и в классики антикоммунизма с сатирической повестью «Скотный двор» (я предпочитаю более точный перевод – «Звероферма») и романом-антиутопией «1984». Он сражался в Испании против Франко в отрядах троцкистов-антисоветчиков ПОУМ, но к коммунизму, даже в его троцкистском варианте, не пришел и люто ненавидел всех его лидеров, не делая между ними особых различий. Социализм для него был олицетворением тоталитаризма, и в этом он полностью разошелся с левой западной интеллигенцией. Несомненно, Оруэлл верно подметил все отвратительные характеристики сталинского «социализма». Он имел на это полное право и был в этом прав. Другое дело, что Оруэлл дискредитировал саму идею коммунизма, того действительно справедливого и свободного общества, о котором мечтали основатели марксизма, но которое так никто и не по-

строил ни в Советском Союзе и других странах Варшавского Договора, ни в Китае, ни на Кубе. После смерти Сталина у нас в СССР принялись его как бы достраивать. Но это была все та же «мельница в один кирпич» по Оруэллу, которая неминуемо должна была развалиться, потому что ее строили нерадивые и безграмотные строители. А так называемая «социалистическая демократия» с ее многочисленными, по Ленину, «ограничениями» была всего лишь «немножечко демократией», что, как и невозможность быть «немножечко беременной», есть всего лишь попытка выдать желаемое за действительное.

Фабула повести «Звероферма» (1945) проста – животные на скотном дворе устраивают революцию, изгоняют фермеров, провозглашают, что «все животные равны», и начинают самостоятельную жизнь без эксплуатации с человеческой стороны. Однако свиньи захватывают на ферме власть и утверждают новый принцип: «Все животные равны, но некоторые более равны, чем другие». В конечном итоге, свиньи договариваются с фермерами и все возвращается на круги своя. Эту пародию на революцию 1917 года, после которой прежнюю аристократию сменила партократия, состоявшая из лиц далеко не аристократического происхождения, идеологи антикоммунизма активно использовали для дискредитации коммунистических партий в СССР и других странах социализма. При этом больше всего доставалось Хрущеву, которого очень похоже изображали на карикатурах в виде хрюка. Для этой аллегории использовался и тот факт, что высшая партократия в СССР строила коммунизм, прежде всего, для себя с помощью разного рода закрытых распределителей и прочих привилегий, недоступных для простого народа.

Роман «1984» имел как бы несколько жизней. В нем представлен мир будущего, сложившийся после ядерной катастрофы 50-х годов. Мир будто бы оказался поделен между тремя «сверхгосударствами». Одно из них, Океания, включает Северную и Южную Америки и все страны нынешнего «золотого миллиарда», за исключением Японии. А действие романа происходит на «Взлетной полосе № 1», как именуют в Океании Англию. Океанией правит «Партия», во главе которой стоит чисто символическая фигура – «Большой Брат». Его изображения существуют, но его никто

не видел. «Партия» разделена на «Внутреннюю» и «Внешнюю» партии. Первая – это правящая элита. Вторая – средняя и мелкая бюрократия. Остальные 85 процентов населения – это «проли», т. е. пролетариат. Их удел – изнуряющий рабский труд, примитивные удовольствия, жизнь за гранью нищеты в условиях сверхэксплуатации со стороны государства. Формально экономический уклад Океании вроде бы социалистический. Частная собственность там упразднена, за исключением мелкой. Всем владеет «Внутренняя партия» – от средств производства до средств контроля над мыслями людей.

Из этого фантастического мира в современную политологию пришли такие термины, как «двоемыслие», «мыслепреступление», «новояз», «правовёрность» и афоризмы «Большой Брат следит за тобой», «Тот, кто владеет прошлым, владеет настоящим и будущим», а также названия основных министерств Океании. Это – «Министерство Правды» (ведомство по переписыванию истории и фабрикация лжи для массовой пропаганды), «Министерство Мира» (обороны), «Министерство Любви» (политическая полиция, нечто вроде гестапо) и т. д. По замыслу Оруэлла, который, кстати, ввел в политический оборот и термин «холодная война», этот мир, наоборот, должен был создать в умах реально существующих стран Запада гротескный образ мира социализма как мира тотального подавления личности, тоталитаризма и беспредела правящей партии.

Вот такая судьба была уготована в Океании «пролям»: «Они будут продолжать из поколения в поколение, из века в век плодиться, работать и умирать, не имея не только импульса к восстанию, но даже способности осознать, что мир может быть иным, чем тот, в котором они существуют. Им можно разрешить даже интеллектуальную свободу, потому что у них нет интеллекта...» Исследователи политических нравов Третьего рейха, прочитав эти строки, не могли не вспомнить такое, например, высказывание Адольфа Гитлера:

«Какое счастье для правительства, когда люди не мыслят. Мышление должно состоять только в отдаче или исполнении приказа» (<http://www.proza.ru/2013/01/21/706>). А вот какое «интеллектуальное» будущее фюрер готовил собственному народу: «Немецкое население не должно по-

лучать никакого образования. Если мы совершим эту ошибку, то мы посеём семена будущего сопротивления нашему господству. Конечно, надо оставить школы, за посещение которых они должны будут платить. Но учить там надо не больше, чем пониманию знаков уличного движения. По географии пусть они примерно знают, что столица империи зовется Берлином, и каждый должен один раз в жизни там побывать» (<http://www.proza.ru/2013/07/31/1131>). Гитлер, как очевидно, был убежден в том, что в невежестве подданных «тысячелетнего рейха» – залог вечности нацизма. Параллели с романом «1984» здесь очевидны. Лозунги, провозглашенные Партией в этом романе, таковы: «Война – это мир. Свобода – это рабство. Невежество – это сила». Подобная, вывернутая наизнанку, истина, по Оруэллу, – «двоемыслие» – типична для нацистского мышления. Действительно, нацистские бонзы убеждали немцев, что война принесет Германии мир, что быть рабом фюрера – это и есть высшая форма свободы.

С момента выхода романа идеологи антикоммунизма пытались убедить западного обывателя в том, что социалистическое общество к 1984 году будет именно таким, каким оно изображено в романе Оруэлла. Однако не только опыт Третьего рейха доказал, что подобное общество куда больше соответствует фашизму, хотя черты советского государства периода «ежовщины» и 1937 года в нем тоже угадываются. В новейшей же истории вариант репрессивного общества Океании был в точности воспроизведен в Камбодже во время правления «красных кхмеров» с Пол-Потом в роли Большого Брата.

Да и на Западе мыслящие люди не восприняли облыжное изображение реального социализма Оруэллом. Автора романа «1984» осудили даже люди, далекие от коммунизма. Прежде всего, потому, что, посещая Советский Союз, они убеждались в очевидном – несмотря на репрессии в годы «большого террора», при всех издержках социалистического строительства и при всех пороках партократии советский народ никак не напоминал бессловесных животных ни до Второй мировой войны, ни тем более после победы над фашизмом. Мы поверили в коммунизм вопреки «внутренней КПСС» и «Большом Брату», как те самые верующие, которые оказались большими католиками, чем сам папа Римский. Да и будь

мы таким быдлом, как герои «Зверофермы», мы никогда бы и не победили фашизм, не покорили бы космос и не осуществили ту культурную революцию, которая вывела СССР в число самых передовых стран в области науки и техники. И это тоже было достигнуто не благодаря «внутренней КПСС», а вопреки ей.

Как это нередко бывает с выдающимися произведениями, а среди известных литературных утопий роман Оруэлла относится именно к этой категории, как бы он ни был нам идеологически неприятен, «1984» обернулся против его создателя. В послевоенном капиталистическом мире весьма четко проявились те черты тоталитарного общества, которые описаны Оруэллом в его романе. В первую очередь это манипуляция массовым сознанием и стереотипизация мышления «массовых людей» – явление, обычное для высокоразвитого буржуазного общества с его культом потребительства, растущей концентрацией производства, которая приводит к средоточению на одном предприятии, в одном научном центре тысяч и десятков тысяч человек. Для управления ими используются, прежде всего, «бихевиористы» – специалисты по изучению поведения людей, психолог и даже психиатры. Мировая закулиса всерьез занялась вопросом массовой «чипизации» людей, и не только для их обнаружения в случае пропажи или похищения, но и для управления оторванными от родной земли армиями труда на расстоянии.

В той статье в «Собеседнике» и в других статьях, прежде всего в «Правде», и в моих книгах я доказывал, что подавление личности – это неизбежный результат усиления государственно-монополистического характера буржуазного государства. Это подавление имеет не только политический или морально этический, но и экономический характер. Независимо от того, какими средствами достигается подобное подавление – репрессивными законами или манипуляцией сознанием, цель его – максимальная эксплуатация рабочей силы, как интеллектуальной, так и низко квалифицированной. «Никто не скажет, что думать запрещено, – писал о такого рода манипуляциях немецкий писатель и философ И. Бехер. – Но желательные мысли производятся в таких масштабах... что люди принимают чужое мышление за результат работы собственной мысли и в высшей

степени как свое идейное достояние». Эффект воздействия телевидения и соцсетей на массовое сознание подтверждает это наблюдение Бехера на 100 процентов (<http://psyfactor.org/propaganda2.htm>).

Тенденцию к подобным манипуляциям людьми подметили еще в 30-х годах представители Франкфуртской школы философии, выступившие с «критической теорией общества», и не коммунистического, заметим, а именно капиталистического. Согласно своей теории, «неомарксисты» этой школы, которую в СССР отнесли к «мелкобуржуазной и ревизионистской», манипулирование сознанием масс характеризовали как «свидетельство репрессивности буржуазного общества» и его «моральной деградации». Наиболее полно эта критическая теория изложена в ряде работ основателя этой школы М. Хоркхайдера, а применительно к США в уже упоминавшейся мною книге Г. Маркузе «Одномерный человек». Близкий к Маркузе представитель Франкфуртской школы Эрик Фромм в послесловии к роману Оруэлла «1984» писал, что было бы ошибочно рассматривать эту книгу как «исключительно направленную против русского коммунизма».

«Мы изображаем наше общество, – писал Фромм, – как общество свободной инициативы, индивидуализма и идеализма, когда в реальности это в основном слова. Мы представляем собой централизованно управляемое индустриальное общество сугубо бюрократического характера... Возьмем, к примеру, рассуждения отдельных наших писателей в духе “двоемыслия” о том, что с христианской точки зрения лучше убивать, чем быть убитым. (Тут много можно привести имен американских писателей. Назову лишь Эрнста Хэмингуэя. Еще до окончания Второй мировой войны он заявил, что лучше было бы кастрировать всех немцев и стерилизовать немку, нежели ожидать от Германии развязывания новых мировых войн. – В. Б.) Читатель найдет и много других черт нашего современного западного общества в оруэлловском описании 1984-го, если только он сумеет преодолеть свое лично, выработанное этим обществом двоемыслие» (http://www.orwell.ru/library/novels/1984/russian/rnt_ef).

«Двоемыслие, согласно Оруэллу, означает способность одновременно удерживать в голове два взаимоисключающих понятия и принимать их оба. Говорить заведомую ложь и в то же время верить в нее, забыть

любой факт, который стал неудобным, а затем, когда потребуется, вновь извлечь его из небытия, отрицать существование объективной реальности и в то же самое время принимать во внимание ее существование, хотя и отрицаемое, – все это в высшей степени необходимо» (http://www.orwell.ru/library/novels/1984/russian/rnt_ef). Этот принцип работы оруэлловского «Министерства Правды» как один к одному подходит для западной пропаганды, как антисоветской, так и антироссийской, особенно последнего времени, периода санкций и кризиса на Украине. Так действует бумеранг по имени роман «1984». Перефразируя Александра Зиновьева, скажу: «Оруэлл целил в коммунизм, а попал в капитализм».

А в нашей стране поклонники Оруэлла из числа перестройщиков, хорошо освоившие двоемыслие как метод подрывной деятельности и пропаганды, с помощью этого романа и повести «Звероферма» шельмовали коммунизм самым активным образом. К сожалению, это сработало. Но конечно, когда я писал ту статью для «Собеседника» я был абсолютно уверен в том, что у Советского Союза – светлое будущее. И у меня были для этого все основания, хотя я никогда не закрывал глаза на те объективно существовавшие мерзости, которые имели место в нашей жизни, в первую очередь все то, что было связано с попытками партократии построить коммунизм в точности с прогнозом Хрущева «уже при жизни нашего поколения». С той лишь разницей, что строили они этот коммунизм для себя. Объективно же к моменту прихода Горбачева к власти в 1985 году СССР имел все шансы выиграть историческое соревнование с капитализмом.

Александр Зиновьев отметил в одной из наших бесед, что коммунизму был отпущен слишком малый исторический срок для того, чтобы он смог реализовать все свои возможности. На Западе это хорошо понимали. И сделали все, чтобы сократить этот срок до минимума.

Два поезда идут по расписанию Истории

Многие западные советологи и охотно повторяющие их выводы российские демократы утверждают, что иного пути реформирования социа-

лизма, кроме его развала, не было. Но это ложь. И тут не надо дожидаться прошествия веков для того, чтобы эту ложь опровергнуть. Шеф пекинского бюро «Нью-Йорк таймс» Николас Д. Кристофф в сентябре 1998 года писал в своей серии статей из Китая, забавно названной «Китай, о “загадках” китайского “рынко-ленинизма” («China Gropes Toward MarKet-Leninism»):

«Китай сбивает с толку тех интеллектуалов, которые высоко ценят права человека, уже тем, что Коммунистическая партия, которая столь часто и жестоко эти права подавляет, могла добиться таких поразительных успехов в деле улучшения жизни населения.

...Правительство с одинаковым натиском борется с проказой и с диссидентством. Оно делает прививки детям с таким же упорством, с которым арестовывает своих критиков... Но, в конце концов, – резюмирует Кристофф, – в том, что касается приоритетов простых людей, то многие предпочтут иметь здорового ребенка, чем право голосовать действительно свободно...»

Западные интеллектуалы, если верить Кристоффу, искренне уязвлены тем, что демократическая Индия, например, не может добиться столь же быстрых успехов в здравоохранении, социальном обеспечении и образовании, которых добился коммунистический Китай, не единожды обвиненный Западом в нарушении прав человека.

Но это, однако, вовсе не означает, что избранный Индией путь хуже. И пока история не прошла положенного ей пути, никто не докажет, что путь Китая – лучше или, наоборот, хуже. У истории свои мерки исторической целесообразности, и именно в соответствии с ними она судит государства, народы, политические системы и отдельных лидеров.

Но вот что ясно сейчас: Китай, как и другие социалистические страны до него, прежде всего Советский Союз, просто выбрал в соответствии со своей идеологией, историческими традициями и, что архиважно, практическими возможностями – иную форму движения к обеспечению прав человека в полном объеме, пошел к ним с другого конца, начав не с обеспечения индивидуальных прав и свобод, а с обеспечения прав социальных и экономических. А для того, чтобы вот эти-то права для своих 1 миллиарда 300 миллионов граждан обеспечить, он и вы-

нужден был подавлять именно те личностные права и свободы, которые для Запада остаются основополагающими, поначалу даже право на собственность. И если вспомнить здесь законы движения масс, то этот путь Китая, да и СССР в конечном итоге, был логичен. Но такой путь нелогичен, например, для Албании, где всего один миллион населения и где классическая демократия имела бы гораздо больше шансов на успех, чем административно-командная экономика.

В ленинской модели социалистической демократии (подавление меньшинства эксплуататоров и им сочувствующих большинством трудящихся) труднее всего приходится интеллигенции. Ведь после «ликвидации сопротивления эксплуататорских классов», как правило, вместе с самими этими классами давят, увы, в первую очередь тех, кто особенно такими правами и свободами дорожит. Давят тех, кто «мешает» тоталитарному государству двигать массы к «высокой цели» своими напоминаниями о том, что права человека следует уважать. В первую очередь – творческую и научную интеллигенцию, а также учащуюся молодежь. Давят, конечно, не только их – всех. Просто интеллигенция этот тоталитарный пресс болезненнее ощущает.

На Западе не отрицают существования такого явления в мире капитализма, как «скрытое подавление» и «социальное манипулирование», о чем говорилось выше. Система рыночных отношений в странах развитого капитализма и особенно – изощренная система потребительского кредита создали возможность опосредствованного и тем не менее практически тотального контроля над населением. Кредитные карточки и разного рода электронные системы оплаты, аудио-визуальные средства охраны, информатизация экономики в целом позволили создать такую систему электронной слежки и сыска, подслушивания и подсматривания, до которой КГБ, ФБР и прочим подобным службам с их многомиллионными армиями дозлектронных осведомителей весьма далеко. Будучи включенным в систему потребления Запада, гражданин развитого постиндустриального общества редко из нее по своей воле выпадает. Он законопослушен, потому что примерно себе представляет, сколь ужасным будет для него «выпасть» из того общества, где он живет, – и с точки зрения полицейских и судеб-

ных репрессий, которым он наверняка подвергнется, и – что страшнее – с точки зрения изоляции от всей остальной массы потребляющих граждан, включая часто его собственную семью. А этот страх уже сам по себе, не говоря уже о вездесущей рекламе, на фоне которой не потреблять просто неприлично и непатриотично, – совершеннейшее средство манипулирования сознанием. (Весьма наглядно вся эта система показала себя в действии во время расследования во Франции в конце 90-х годов дела о подкупе игроков команды «Валенсьен» клубом Бернара Тапи «Олимпик де Марсель». С помощью следов, оставленных кредитными карточками, и через месяц удалось проследить передвижения основных действующих лиц этой аферы буквально до минут.) Не секрет, что и «свободная» пресса весьма часто используется на Западе в тех же целях.

Именно эта система опосредствованного социального манипулирования и контроля позволяет цивилизованным государствам Запада и Востока избегать открытых репрессий, обходиться без ГУЛАГов и «Тяньаньмэней» (имеется в виду расправа с танками над диссидентами в Пекине на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. – *В. Б.*).

Полицейские расправы, тем не менее, и на Западе имеют место. Но кто под них попадает? В период массовых и не санкционированных властями протестов могут попасть все их участники. Но в обычной жизни это, в первую очередь, злостные нарушители законов и общественно-го порядка, люди, выпавшие из системы потребления или еще в нее не включившиеся. Это разорившиеся мелкие торговцы и фермеры, безработные, иммигранты и молодежь, в основном, как правило, иммигрантского либо местного «цветного» происхождения, люмпены и разного рода маргиналы. Все эти «бунты в гетто», «расовые беспорядки» и т. д. – плата постиндустриального общества за эксплуатацию наемного труда из третьего мира непосредственно на своей территории. В наши дни вторжение мигрантов в Европу показало, насколько хрупок тот «социальный мир», миф о котором долгие годы служил основой «толерантности» стран «золотого миллиарда».

В социалистических странах, или коммунистических по западной терминологии, использовался небогатый набор средств управления на-

селением для обеспечения «единомыслия» и прямолинейной реализации христианско-коммунистического принципа «Кто не работает, тот не ест». Это:

а) манипуляция сознанием с помощью партийных пропагандистов и средств массовой информации, через идеологизированную культуру и спортивно-зрелищные мероприятия, а также путем изоляции от «враждебных» источников информации;

б) поощрение законопослушных и образцовых граждан через государственную систему распределения благ и наград;

в) превентивная слежка и контроль за умонастроениями граждан;

г) подавление инакомыслящих всей силой репрессивного аппарата и репрессивной пропаганды.

В такой системе управления обществом видимые нарушения личных прав и свобод были всегда гораздо более очевидны, чем при опосредствованной западной системе контроля и манипуляции, которую впоследствии быстро переняли в ельцинско-путинской России.

В годы «холодной войны» Запад активно использовал защиту прав человека против социалистического Востока. Его изображали «репрессивным» и «тоталитарным», что уже само по контрасту если не компенсировало, то оправдывало недостаток экономических свобод в «обществе потребления».

История этих идеологических баталий, однако, не должна заслонить для нас главное – вопреки всем теориям, человечество по мере своего развития объективно шло к созданию общества свободы, равенства и если не братства, то одинаковой социальной защищенности для всех. Это было вызвано самой практической потребностью не простого выживания, а прогрессивного развития человеческой, прежде всего христианской, цивилизации. Возникновение системы реального социализма объективно ускорило этот процесс в капиталистических странах. Перераспределение национального дохода через налоговую систему, которое предпочли западная и восточная социал-демократия, оказалось более результативным методом подъема уровня жизни, чем тотальное государственное регулирование и распределение через государственный бюджет при социализ-

ме. В чистом виде сейчас мало где можно найти классическое капиталистическое или социалистическое государство. По степени социальной защиты такие страны, как Швейцария, Австралия, Новая Зеландия, Ирландия, Франция, Швеция, Норвегия, Дания, Исландия, превзошли Советский Союз еще до его развала. Будут эти государства именоваться впредь капиталистическими, социалистическими, социальными или политологи придумают какой-то другой термин, не столь уж и важно. Важно то, что и капитализм, и так называемый реальный социализм были формами социальной организации для движения к одной и той же цели. Другое дело, что маршруты были разные.

Для упрощения понимания попробуем изобразить это социальное движение графически. Представьте себе некую сферу, похожую на нашу планету, и отметьте где-то на экваторе точку «А». В европейской истории она примерно означает ликвидацию монархии и становление общества без титулов и привилегий, но с рыночной экономикой. Как известно, в капитализме и тем более в демократической республике после свержения монархии в феврале 1917 года Россия долго не задержалась. Октябрь 1917 года положил начало коммунистическому периоду в ее истории. Началось «историческое соревнование» социализма с капитализмом. Цель его для каждого участника – прийти в точку «Б» – то самое идеальное общество, о котором мечтали гуманисты всех времен и народов. Кто скорее? Соревнование или Битва Титанов?

Как это проходило в XX веке, мы знаем. Могло ли быть иначе? Могло. Эволюционное развитие предполагает последовательную замену одной формации другой, как только новый общественный строй вызреет в недрах старого. Коренной причиной перехода от одной стадии общественной эволюции к другой марксисты, как известно, считают несоответствие между возросшими производительными силами и сохраняющимся типом производственных отношений. Так примерно в передовых западноевропейских государствах феодализм уступил место капитализму.

Смена формаций бескровной не была, но она была исторически закономерной и экономически оправданной. В подобном варианте поезду по имени «Социализм», если бы он шел по историческому «расписанию» не путем

революции, а путем эволюции, не суждено было бы стартовать из точки «А» до тех пор, пока буржуазная демократия, как писал Маркс, а затем в «Государстве и революции» это скрупулезно повторил Ленин, не «будет развита до конца». Сколько на это отвела бы история капитализму времени, можно судить по истории Франции – Великая Французская революция совершена в 1789 году. Начертанные на ее знамени и на гербе Французской Республики прекрасные слова «Свобода. Равенство. Братство» вовсе не означают, что во Франции XXI века все граждане пользуются свободой, равенством и относятся друг к другу по-братски. Для развития заложенных в буржуазной демократии потенциалов и либеральных ценностей здесь простор великий, и времени для его заполнения – не один еще век.

Большевики, как известно, отказались следовать историческому рисованию и не захотели следовать совету Плеханова (Г. Плеханов, дуайен российской социал-демократии, не раз увещевал Ленина и Троцкого, советуя им не спешить с пролетарской революцией), вставать в «плехановскую «очередь» в затылок буржуазии. Представителям этого класса они предпочитали стрелять в затылок. История в России, а затем и в других странах, ставших под ее влиянием социалистическими, пошла не эволюционным путем, который мог быть, а мог и не быть бескровным. Время понеслось вскачь путем революционным, кровавым. Революцией было предопределено, что теперь в заветную точку «Б» поезд по имени «Социализм» придет даже не одновременно, а раньше «Капитализма». Россия и все остальное человечество оказались в разных поездах. И вот, началось... «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка! Иного нет у нас пути, в руках у нас винтовка!» А «клячу Истории» решили «загнать». Так сказал великий Маяковский. Итак...

...Из точки «А» стартуют два поезда – «Капитализм» и «Социализм».

В задачу машинистов того и другого состава входит прийти в точку «Б» на прямо противоположной стороне земного шара. Исторически теперь уже предопределено, что они придут туда примерно в один и тот же час. Но, стартовав в это «кругосветное» путешествие в разное время и прямо противоположными маршрутами, каждый из них будет стремиться прийти в точку «Б» первым.

Не будем уточнять, кого и как в поезд «Социализм» загнали насильно и сколько там было арестантских вагонов. Ясно, что их поначалу больше, чем в западном.

Посмотрим, однако, на эту «транспортную схему» исторически, а не с точки зрения практической целесообразности, норм соблюдения прав и свобод человека или чистого гуманизма. «Капитализм» поначалу имеет время в запасе и идет, не поспешая, с остановками и передышками. Машинисты тщательно следят за тем, чтобы механизм локомотива не перегрелся. Чем ближе к точке «Б», тем больше в этом поезде заботятся о хорошем питании, медицинском обслуживании и прочих благах не только пассажиров спальных вагонов, но и тех, кто едет в третьем классе. Сказываются информация о положении в поезде «Социализм» и опыт Второй мировой войны.

Не только страх перед революцией, но и страх перед возрождением фашизма, этого политического движения обнищавших масс, заставил капитализм после войны пойти на перераспределение национального дохода и создание мощной системы социальной защиты населения. Вот почему по мере приближения к точке «Б» пассажиры капиталистического поезда внешне уже мало отличаются друг от друга, по крайней мере по степени социальной защищенности. Этот феномен постиндустриального общества, кстати, отметил идеолог «новых левых» Герберт Маркузе, когда писал в своей книге «Одномерный человек» о секретарше и жене ее босса, одевающихся в одном и том же магазине.

...«Социализм» между тем рвется к точке «Б» на всех парах, не особо обращая внимания на «мелкие неполадки» и на то, что его собственные пассажиры едут не в комфортабельных спальных вагонах, а в основном – в товарных. Главная его задача прийти в точку «Б» раньше «Капитализма», а какой ценой это будет достигнуто, неважно. Дело доходит до того, что всех возражающих против такой «трудовой повинности» просто пристреливают у ближайшего светофора и оставляют «на свалке истории».

Только по мере приближения к точке «Б» машинист и проводники поезда «Социализм» начинают заботиться и о механизмах своего локо-

мотива, и о пассажирах. Понимая, что иначе в заветную точку им просто не прийти. Соответственно сбавляется и скорость.

В реальной жизни социализм все больше цивилизуется. Он становится по своим параметрам обществом, близким к капиталистическому по насыщению товарами и услугами, по все большему соблюдению прав и свобод человека, а введенное революцией социальное обеспечение граждан переходит от прежней уравниловки на уровне нищеты к качественным улучшениям.

В классическом варианте именно в таком локомотиве и движется к будущему обществу социального равенства и защищенности, включая теперь уже и защиту частной собственности, Китай.

С Советским Союзом на том же маршруте продвижение к точке «Б» шло до поры достаточно успешно. Постепенно все же жизненный уровень «пассажиров», т. е. населения, повышался. Была частично решена жилищная проблема. Не буду перечислять «наши достижения», как писали раньше в парадных отчетах, отмечу лишь главное – СССР перестал закрывать наподобие сказочных Трех обезьян глаза, рот и уши, когда Запад говорил о правах человека. У нас уже начинали понимать, что без личностных прав и свобод на одном принуждении экономику вперед не двинешь, хотя раньше, несмотря на то что именно этому и учил Маркс, подобные рекомендации выполнять не спешили и не хотели. Репрессивный аппарат постепенно модифицировался, хотя и с большим скрипом, т. к. вопреки предсказанию Ленина его никто отменять не собирался. Тем не менее уже после XX съезда КПСС стал невозможен возврат к террору сталинского типа, к концу жизни и правления Брежнева (1982) диссидентов уже старались не сажать, а предпочитали «ссаживать» с «социалистического» поезда, т. е. высылать за границу. СССР подписал Хельсинкские соглашения и худо-бедно выполнял их. Если бы дело шло так и дальше, мы пошли бы по нынешнему китайскому пути, осторожно вводя частный сектор и расширяя личностные права и свободы, при одновременном укреплении уже достигнутого по части защиты свобод экономических и политических.

Увы, с нашим поездом в 1985 году получилась полная глупость. К тому времени механизм его поизносился и локомотив стал на подъ-

емах в горку пробуксовывать. И тогда новые машинисты «Социализма» во главе с Горбачевым решили загнать его в тупик «перестройки». А там, посоветовавшись, они пришли к выводу, что «наш бронепоезд» 70 лет кряду шел неверным путем, решили его срочно переоборудовать в похожий на западный пассажирский состав и направить в прямо противоположную сторону догонять «Капитализм» по тому маршруту, по которому тот пошел давным-давно, стартовав из точки «А» где-то в начале XX века. Догнать его – пустая надежда. В лучшем случае СССР смог бы наверстать страны «третьего мира», пошедшие капиталистическим путем.

Результат известен – Россия, порастеряв на маршруте «вагоны», т. е. бывшие республики СССР, которые двигаются теперь уже к точке «В» на попутных локомотивах либо просто по инерции, сразу же отстала от «Капитализма» на 70 лет. На те самые 70 лет, за которые, несмотря на многочисленные жертвы и беды, все же очень близко продвинулась к точке «Б». Теперь вообще неизвестно, когда она туда попадет. Очевидно только, что не скоро. И заодно по ее вине, чего пока многие не понимают, нескоро попадет туда и Запад, потому что Россия, все прежние сателлиты СССР в Европе тянут сейчас Запад назад, тормозят его продвижение вперед, к той самой заветной точке.

Историческое движение, по сути дела, остановилось, что дало повод философам Франкфуртской школы говорить о «конце Истории». И пассажиры обоих составов чувствуют себя неуютно, конечно, больше всего страдают при этом в том составе, на котором слово «Социализм» уже замазали, но за неимением краски и мысли ничего нового так и не написали. Капитализм в России и после развала СССР долгие годы не мог обрести легитимности. По сути, он оставался полукриминальным, бандитским. И не случайно многие российские фирмачи, даже банки, долго не решались вывешивать таблички с названиями своих фирм на дверях своих офисов. Обычно посетителя встречала глухая железная дверь со звонком и переговорным устройством. Если решали, что посетитель не опасен, – впускали. Как где-то в Чикаго в 20-х годах при Аль-Капоне и ему подобных. Наш поезд пришел именно туда.

Конечно, движения человечества к точке «Б» все это не остановит. Оно рано или поздно туда придет. Неизбежно будет создано глобальное общество без границ, без антагонистических политических систем и государств, но с социальным равенством и должной социальной защищенностью. Иначе человечество просто не выживет, не сможет одолеть своих экологических и демографических проблем, не избавится от болезней и голода, от отсталости и элементарной дикости. Остановится, пожалуй, лишь продвижение к точке «Б» идущего впереди всех нелитерных составов элитного экспресса, где обитают сегодня две дюжины высокоразвитых государств. В рамках будущего глобального социального равенства они должны будут притормозить и дать себя догнать всему нашему остальному отставшему миру, где будет еще долго находиться и Россия. Возможен, однако, и другой, менее оптимистический сценарий. Группа высокоразвитых быстро уйдет вперед в своем скоростном экспрессе, а всех остальных загонят в тупик, своего рода резервацию для народов, обреченных на отсталость и вымирание. Не исключено, что в этом случае составители графиков движения развития и расписания поездов современной цивилизации уже никогда не позволят народам бывшего СССР, вынесшим неисчислимые страдания по мере «продвижения к социализму», вообще доехать до точки «Б» даже в том весьма относительно комфортном, в котором они уже могли оказаться к концу XX века, сохранись у нас советская власть.

Им предстоят новые страдания, испытания тяжелейшие, к ним они не подготовлены и природы их не понимают. Исход этой очередной «битвы за светлое будущее» предсказать сегодня невозможно. Я не исключаю, что он катастрофичен, но хочу все же быть оптимистом и верю, что Россия выдержит и это испытание на пути к своему историческому предназначению.

Когда-нибудь, когда утихнут политические страсти и наступит время трезвого анализа, всем сестрам, как говорят русские, раздадут по серьгам. Тогда станет ясно, почему поезд «Социализм» в России сошел с рельсов.

Воздадут должное и «машинистам», и «проводникам», и «пассажирам». И, может быть, пассажирам в первую очередь. Мы, русские, склон-

ны все наши беды приписывать своим правителям и «внешним врагам» да судьбе-злодейке. Но самые опасные наши враги – это мы сами. И пока мы не поймем, что именно наша пассивность, лень, наши иррациональность и гражданская безответственность мешают нам жить так, как положено жить нормальным людям, Россию никакое чудо не спасет.

Состав по имени «Социализм» мы не жалели на маршруте, это очевидно. И все же дойти к точке «Б» своим ходом и в прежнем направлении он мог. Просто нам, его пассажирам, надо было этот состав беречь и не относиться к нему и к рельсам, по которым он шел, наподобие героя чеховского «Злоумышленника».

Партия сказала «Надо!»

Один из популярных лозунгов времен Брежнева: «Партия сказала “надо!” – комсомол ответил “есть!”» – не столько отражал реальную действительность, сколько характеризовал менталитет партократии. Комсомол, конечно, выполнял указания свыше. Но «Партия», с большой буквы конечно, как советский «истэблишмент» всегда исходила из того, что стоит ей только приказать, как все по ее приказу в Стране Советов будет сделано.

Эта почти мистическая вера в чудодейственность «Решения Инстанции» поражает, если не задумываться над философским объяснением иррациональности мышления бюрократии как иллюзии государственного мышления.

Маркс в уже упоминавшейся работе отмечал, что бюрократия рассматривает реальную сущность через призму бюрократической, а на деле потусторонней, спиритуалистической сущности. Обладая государством, виртуальной сущностью общества как своей частной собственностью, бюрократия всячески поддерживает свой всеобщий дух. Это ее тайна, таинство, соблюдение которого она обеспечивает в своей собственной среде соответствующей иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру – корпоративной замкнутостью.

Чтобы проиллюстрировать эти философские категории из работ Гегеля и Маркса о бюрократии, а также тезис Ключевского об «искусственном общежитии», расскажу, как поддерживалась эта корпоративность на номенклатурном уровне во времена Брежнева – Черненко. Да и при Горбачеве тоже.

Все номенклатурные работники, независимо от того, где они числились – в ЦК КПСС, в КГБ, в редколлегии «Правды» или «Известий» либо в коллегии какого-то министерства, имели в своих кабинетах «вертушки», т. е. телефоны правительственной связи. На уровне членов и кандидатов в члены ЦК КПСС таких аппаратов могло быть до пяти и больше, включая аппараты высокочастотной связи. Рядом с этими «вертушками» и ВЧ цвета слоновой кости, украшенными советскими гербами, стояли и обычные переговорные устройства, по которым бюрократы высшего эшелона могли легко соединиться друг с другом. (В РФ, кстати, эта система сохранилась.) Имелись у них также внутренние и городские телефоны, по которым они тоже могли пообщаться. Но обычные средства связи они использовали только для общения с подчиненными. С «равными себе» даже внутри своего ведомства и с начальством говорили только по «вертушке» либо, на самом верху, по ВЧ. Они никогда даже кофе не пили с теми своими коллегами, у которых не было «вертушек» и «кормушек», а питались исключительно в своем кругу, в «спецбуфетах», куда был закрыт вход всем простым смертным.

В «спецмире» советской номенклатуры существовала, конечно, и своя мораль, и свое мировоззрение, не имевшие, однако, ничего общего с реальностью. «Депутаты», жившие в этом «искусственном общежитии», или, по-советски, в «спецмире», искренне верили в то, что они действительно «избраны народом» либо «партактивом», а не назначены по разнарядке ЦК КПСС. Чиновники от журналистики, язык которых на Западе не зря называли «дубовым», были уверены в том, что им дают премии Союза журналистов СССР за «творческие заслуги», а официозные писатели получали даже Государственные и Ленинские премии за «выдающиеся произведения». Каково же им было, когда после развала СССР их книги, которые и так-то никто не читал, перестали издавать и выбросили

на помойку. Они были по-своему несчастны. Но и по-своему подлы. Их мир был искусственным, иллюзорным, потому что ни по каким законам и нравственным нормам он не имел права на существование. И вместе с тем он существовал как чудом материализовавшаяся иллюзия...

Обитатели этого мира понимали, что любые их тайны, в том числе и тайну пропитания и доступа к дефициту, лучше не рекламировать в стране хронических нехваток. В полном соответствии с анализом Маркса партократия считала «открытый дух государства, а также и государственное мышление... предательством по отношению к ее тайне».

В этом и сила бюрократии, и ее слабость. «Авторитет есть принцип ее знания, и обоготворение авторитета есть ее образ мыслей, – писал Маркс. – Но в ее собственной среде спиритуализм превращается в грубый материализм, в материализм слепого подчинения, веры в авторитет, в механизм твердо установленных формальных действий, готовых принципов, воззрений, традиций. Что касается отдельного бюрократа, то государственная цель превращается в его личную цель, в погоню за чинами, в делание карьеры» (здесь и далее о бюрократии – *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 219–368).

Те, кто имел дело в Советском Союзе с партократами, руководившими промышленностью и сельским хозяйством, городским строительством или транспортом, рано или поздно ощущали свою полную беспомощность. Нормальные специалисты, не умудренные в аппаратных играх, никак не могли понять, почему партийный либо советский бюрократ, а то и простой чиновник отраслевого ведомства сплошь и рядом действуют не согласно, а вопреки деловой логике, вопреки всем рекомендациям специалистов и, наконец, элементарному здравому смыслу.

Мне рассказывали, как строили атомную электростанцию в Татарии. Местные партийные бонзы всячески подгоняли строителей, не давали, что называется, бетону затвердеть, приказывали строить быстрее, быстрее, быстрее. В результате фундамент АЭС дал трещины, и строить на нем станцию, устанавливая реакторы было смертельно опасно. И не было бы счастья, да несчастье помогло. Как раз в это время произошла катастро-

фа в Чернобыле. Бракоделы из Татарии перепугались и вынуждены были признать публично, что фундамент надо весь переделывать. Сколько туда вбухали народных денег, одному Богу известно. Зачем все это делалось?

Способность бюрократических систем превращать государственные задачи в антигосударственные, вскрытая Марксом, во всем блеске проявилась в СССР в феномене «социалистического соревнования». Поначалу эта форма трудового состязания между рабочими и колхозниками за право называться лучшим специалистом в своей области или отрасли, за «переходящее красное знамя» действительно способствовала росту производительности труда и улучшению качества продукции.

При Сталине победителей соцсоревнования, «ударников» (т. е. работавших ударными темпами), стахановцев (следовавших примеру шахтера 30-х годов Стаханова, который за одну смену в шахте выполнил едва ли не 10 норм угледобычи) награждали орденами и медалями, не жалели для них места в центральных газетах и времени на радио. После того как появился лозунг «Партия – вдохновитель и организатор всех наших побед» (кажется, впервые нечто подобное повесили на заборах во времена Хрущева, чтобы тем самым «подчеркнуть коллективность руководства в КПСС и воспрепятствовать повторению культа личности»), партийный бюрократ почувствовал себя прямо причастным ко всем победам ударников, работавших под его началом.

Отрапортовать о досрочном завершении строительства какого-нибудь крупного объекта, посевной кампании во вверенном им уделе, перевыполнении пятилетнего или даже годового плана стало у партocrats целью всей их бурной «хозяйственной» деятельности. За «досрочность» они получали не только переходящие знамена, но и денежные премии, ордена, новые квартиры, новые привилегии, а то и – это заветнейшая мечта всех провинциальных бюрократов – повышение в должности с переводом в центр.

В стране складывалась, в полном соответствии с характеристикой Платона, не социалистическая демократия, а социалистическая тимократия, т. е. «правление честолюбцев». Они обожали награды и вешали их друг другу на лацканы самозабвенно. Брежнев досамонаграждался до

того, что стал «пятирежды Героем» (в «Правде», например, даже не знали, есть ли такой термин – «пятирежды» – в русском языке и боялись его употреблять в газете, полагая, что народ просто будет хохотать), получив пять золотых звезд – медалей Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда.

Забавы эти были, однако, не так уже и невинны. Дела творились невероятные. Так, в 1979 году партOCRкраты умудрились «сдать в эксплуатацию» моторемонтный завод в Сиверске, под Ленинградом, который предназначался по плану для ремонта сельскохозяйственной техники в Ленинградской области и других районах Нечерноземья. О том, что завод был сдан, свидетельствовал акт государственной комиссии со всеми подписями и печатями.

Оказалось, что и через год после того, как этот акт был подписан, завод не был еще достроен. Приняли не готовый завод, а только его фундамент, но отрапортовали «досрочно». Отрапортовали, получили премии, ордена и медали и успокоились, решив, что как-нибудь достроят завод... Потом.

При плановом же хозяйстве государство тут же учло рапорт и отказалось далее выделять средства на строительство и «достройку». Зато выделили фонд заработной платы работникам якобы вступившего в строй завода. Вот на это и «достраивали», пока дело не попало в прокуратуру. Но уголовным дело о «досрочном пуске» стало только потому, что в Ленинградской области закрыли ставшие «ненужными» с «пуском» Сиверского завода мелкие мастерские по ремонту сельскохозяйственной техники. И техника встала. И нечем было пахать и сеять. И не о чем было рапортовать. Пришлось сдаваться.

И ведь это еще что! Умудрялись сдавать электростанции в горах с трещинами в бетоне плотины, а потом тратили миллиарды, чтобы их латать и спасать долины под ними от катастрофы. В конце концов, и Чернобыль – это результат «социалистического соревнования». Накануне катастрофы какой-то бюрократ из Киева настойчиво потребовал у парторга АЭС срочно, чтобы можно было отрапортовать в центр о «досрочном выполнении социалистических обязательств», закончить все запланированные научные эксперименты к празднику Международной

солидарности трудящихся, т. е. к 1 Мая. И к 26 апреля закончили все досрочно. Рвануло.

Самое страшное было в том, что они ничему не хотели учиться. Они все знали. Все умели. Все могли.

Маркс в своей работе «К критике гегелевской философии права» писал: «Если бюрократия, с одной стороны, есть воплощение грубого материализма, то, с другой стороны, она обнаруживает свой столь же грубый спиритуализм в том, что хочет все сотворить, т. е. что она возводит волю в *causa prima* (первопричину. — В. Б.). Для бюрократа мир есть просто объект его деятельности» (*Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 219–368).

Когда советская бюрократия дошла до того, что решила повернуть северные реки, впадающие в Ледовитый океан, и заставить их впадать в Аральское море, которое до того от ее решений обмелело, когда грянул Чернобыль, стало ясно, что дальше уже эту публику терпеть нельзя. Надо было что-то делать, пока наш поезд не сошел с рельсов, а мы все — с ума.

На Западе многие до сих пор считают, что решающую роль в дискредитации «партократии» брежневско-черненко-ского типа сыграли диссиденты. Это не так. Они все же были маргиналами. Система гораздо болезненнее реагировала на критику рядовых коммунистов снизу. По мере деградации брежневского режима они все чаще выступали против царившего в стране идиотизма, как могли и умели. За это уже не сажали. Но диссидентство в партии преследовалось как особо опасное. Самое страшное, что могли тогда сделать с любым мыслящим человеком, это лишить его способности мыслить. В психиатрических «спецбольницах» работали целые отделения по «нормализации» инакомыслящих. Это было страшнее любой тюрьмы.

Были и другие, «мягкие» способы подавления, но по-своему не менее жестокие. И все же не только страх перед вездесущим КГБ и ГУЛАГом удерживал людей от открытого протеста, даже когда он был объективно необходим, а установленные и режимом, и семейным и школьным воспитанием внутренние тормоза. Во-первых, нам всем с детства внушали, что выступление с какой-либо критикой советской власти и лидеров СССР нанесет вред нашей Родине, нашему народу, ибо внешний враг, в суще-

ствовании которого редкий homo soveticus сомневался, тут же эту критику использует в своих целях. (Я на Камчатке написал серию стихов, мягко говоря, критических по отношению к существовавшим тогда порядкам в армии и обществе. Я их собрал в отдельную тетрадку и дал к ним предисловие: «Данный сборник не предназначен для печати, ибо его могут использовать наши враги во вред России».) Во-вторых, так же как Черчилль считал, что капитализм, при всех его недостатках, все же лучшее из того, что придумало человечество, многие в СССР искренне верили, что человечество ничего не придумало лучше социализма, при всех его, увы, очевидных недостатках.

Часто в тех дебатах на кухнях, где при нашей квартирной тесноте только и можно было до утра, по-русски, поговорить «за жизнь», даже те, кто сегодня ходит в демократах, соглашались с убежденными коммунистами в том, что идея социализма прекрасна. А те соглашались с ними в том, что воплощение ее в жизнь уродливо беспредельно. Мало кто в СССР считал, что в конце XX века мы продолжили таким образом извечный русский спор о том, каким путем идти России – своим собственным либо западным, т. е. либерально-демократическим, социал-демократическим и т. д. Тот же спор, что начался еще в XIX веке между славянофилами и западниками. Мы тогда искали истину вместе и не думали, что пути наши так радикально разойдутся в 80–90-е годы. Конечно, в партийных верхах об этих спорах узнавали не только из сводок КГБ. Даже на страницы «Правды» выплескивались эти споры, причем с помощью тех, кто ею тогда руководил, – самого Виктора Афанасьева и его заместителя Дмитрия Валового, не говоря уже о резко критических статьях наших внутренних обозревателей и корреспондентов «Правды» на местах.

В 1977 году в «Правде» была опубликована серия статей Валового с критикой «вала». Он доказывал в них, что вал как единственный показатель, по которому судили об успехах и неудачах советской экономики, по меньшей мере, порочен, если не фатально вреден, ибо лишает эту экономику и возможности диверсификации, и перспектив нормального развития. Откликом на эти статьи были две тысячи писем в редакцию «Правды» в поддержку автора. А вот на Старой площади эти статьи вы-

звали почти истерическую реакцию, и Афанасьеву пришлось отстаивать Валового, спасти его от изгнания с правдинского Олимпа. Основные идеи той серии статей Валовой воспроизвел и развил в своей монографии «Экономика: взгляды разных лет. Становление, развитие и перестройка хозяйственного механизма», вышедшей в 1998 году в издательстве «Наука» под редакцией В. Г. Афанасьева. Она стала настольной книгой для современных экономистов не только в России. Около 30 его работ переведены на английский язык и хранятся в Библиотеке Конгресса США. Ее перевели и активно использовали в Китае при переходе к рыночной экономике. Валовой был помощником президента Казахстана Н. Назарбаева и много сделал для того, чтобы Казахстан не постигла та же катастрофа, которая постигла Россию после развала СССР.

С публикациями Валового в «Правде» не раз разбирались правительственные комиссии, как это было после его статьи «Экономика в человеческом измерении», опубликованной у нас 19 января 1988 года, а Горбачев даже устроил коллективный разнос и осуждение его статьи об «ускорении» и «вале» на заседании Политбюро.

В конечном счете, Д. В. Валовой доказал свою правоту, заявив, что советская экономика развалится в середине 1990-х годов. Но из-за горбачевского курса на ускорение, который не отменили, это случилось несколько раньше. Досталось от него и новой власти. В феврале 1992 года он опубликовал в «Правде» статью «Гайдаровская “бомба” для экономики», в которой утверждал, что «шоковая терапия» в России побьет все мировые рекорды по спаду производства, росту безработицы и падению жизненного уровня. Он и на этот раз не ошибся.

После развала СССР Дмитрий Васильевич продолжал трудиться и как преподаватель в Академии труда и социальных отношений, где он возглавил кафедру экономической теории, и как исследователь и аналитик. Его книга «Реформы» (М.: ИД «АТИСО», 2012) показала, насколько Дмитрий Васильевич востребован как ученый. Его приглашали не раз в крупнейшие фирмы и корпорации Европы, США, Японии, Китая. Он встречался со многими главами государств и правительств, известными зарубежными учеными. Только у тех, кто правил тогда при Горбачеве

в нашей стране и в КПСС, наш правдинский Нострадамус от экономики оказался невостребованным и даже гонимым. Как, впрочем, и у тех, кто сменил их в Кремле позже.

Идя по трупам

Анализируя те факты, которые стали доступны в последнее время, я прихожу к выводу, что одной из первостепенных задач операции мировой закулисы по демонтажу коммунизма было приведение к власти в СССР «своего человека», агента влияния, если не прямого агента, который помог бы взорвать существовавший в нашей стране строй изнутри. Такого Мальчиша-Плохиша нашли в Горбачеве и повели его к власти. Эта операция была задумана и осуществлена силами мировой закулисы, и далеко не во все ее тонкости посвящали даже Роналда Рейгана. Только этим я и могу объяснить его поведение в Женеве с глазу на глаз с Горбачевым – они оба думали, что вершат историю. А на деле были только фигурами на той «мировой шахматной доске», если использовать название известной книги Збигнева Бжезинского, которые передвигали сифогранты мировой закулисы.

Они, повторюсь, руководствовались известным афоризмом отца международного сионизма Теодора Герцля: «Чтобы овладеть миром, надо овладеть Россией». По ней и был нанесен главный удар.

В постсоветские годы даже людям непосвященным стало понятно, что в Советском Союзе и странах Варшавского Договора мировая закулиса имела разветвленную агентуру и свое действующее подполье, которые использовала весьма эффективно в своих целях. В средствах при этом никогда не стеснялись. ***Кто-то расчищал Горбачеву путь наверх. Скорее всего, это была глубоко законспирированная шпионско-террористическая сеть, руководители которой свободно ориентировались в советских коридорах власти и были вхожи в высшие ее эшелоны.*** К этому выводу, который я специально выделил шрифтом выше, нельзя не прийти, анализируя ту эстафету смертей в высших кру-

гах партократии, которая привела в конечном итоге к восхождению Горбачева на вершину властной пирамиды.

Следователь по особо важным делам прокуратуры СССР, автор книг «Киллеры Кремля» Александр Чернов писал, что Горбачев пришел к власти по трупам. Причем по трупам именно тех, кто мог составить ему реальную конкуренцию на выборах Генерального секретаря ЦК КПСС. Публицист Валерий Легостаев, работавший еще при Андропове и после него помощником Лигачева, составил говорящий сам за себя список череды смертей членов Политбюро, открывших сначала Андропову, а затем Горбачеву дорогу в генсеки. Список этот не просто впечатляет. Он ужасает.

В 1976 году «уснули и не проснулись» лично преданный Брежневу министр обороны, дважды Герой Советского Союза маршал А. А. Гречко (1903–1976), а затем заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС в 1964–1976 годах, весьма перспективный *секретарь ЦК КПСС* Ф. Д. Кулаков (1918–1978). В 1971 году его избирают членом Политбюро ЦК КПСС. Кулаков был предшественником Горбачева на посту первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС и терпеть его не мог – на Ставрополье у Горбачева, как у известного взяточника, была кличка «Мишка-пакетник». А что касается его достижений в той сфере, которую курировал Кулаков, то вывод специалистов был однозначен: «Эффективность вложений в сельское хозяйство в Ставропольском крае самая низкая по стране». Кулаков не раз устраивал Горбачеву разносы. И вот 5 июля 1978 года, отметив 40-летие своей свадьбы, он заболел, а 17 июля 1978 года скончался от паралича сердца. Через год освободившееся место секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству, которое занимал Кулаков, по настойчивой, как говорят, рекомендации самого Ю. В. Андропова занял Горбачев. Почему с ним произошел такой «выброс наверх», когда его вдруг решили поднять от секретаря Ставропольского обкома партии до уровня высшего руководства КПСС при столь низких показателях его «бурной деятельности» в крае? Знатоки утверждают: потому что умел Михаил Сергеевич принимать высоких московских гостей, следовавших из Москвы на курорт Минеральные Воды с остановкой в Ставрополе. А Андропов был почечник.

В 1980-м в странной автомобильной катастрофе на сельской дороге погиб *П. М. Машиеров*, еще один из возможных преемников Брежнева. Вскоре после не менее странного происшествия во время прогулки на байдарке умер *председатель Совета министров А. Н. Косыгин*.

В 1982 году умирает, приняв таблетку на прощание при выписке из ЦКБ, второй человек в партии, ее *главный идеолог Михаил Суслов*. На его место приходит из КГБ Ю. В. Андропов.

В 1983 году Брежнев уснул и не проснулся. А за несколько дней до этого Леонид Ильич даже съездил в Завидово на охоту, спокойно отстоял на Мавзолее весь парад и демонстрацию 7 ноября.

Жестоко расправились с министром обороны СССР с 1976 года маршалом Д. Ф. Устиновым (1908–1984). Народный комиссар и министр вооружения СССР (1941–1953), министр оборонной промышленности СССР (1953–1957), министр обороны СССР (1976–1984), член (1952–1984) и секретарь (1965–1976) ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС (1976–1984), он был одним из самых влиятельных людей в партии и государстве. Его именем на Западе была названа новая военная доктрина СССР. «Доктрина Устинова» предусматривала создание мощных бронетанковых сил в соответствии со сценариями «неядерного конфликта высокой интенсивности» в Центральной Европе и на Дальнем Востоке. При нем была также разработана концепция «укрепления евростратегического направления». Особое внимание уделялось роли тактического и оперативно-тактического ядерного оружия на европейском ТВД. В 1976 году началась плановая замена моноблочных ракет средней дальности Р-12 (SS-4) и Р-14 (SS-5) на новейшие РСД-10 «Пионер» (SS-20). В 1983–1984 году в дополнение к ним СССР развернул на территории Чехословакии и ГДР оперативно-тактические комплексы ОТР-22 и ОТР-23 «Ока», которые позволяли поражать цели на всей территории ФРГ. После прихода Горбачева к власти в ходе переговоров с США американцы, как уже говорилось выше, добились ликвидации прежде всего ракет SS-20, подлинного шедевра советского ракетостроения.

Д. Ф. Устинов входил в неофициальное, «малое» Политбюро, в котором помимо него участвовали старейшие и наиболее влиятельные члены

руководства СССР: Брежнев, главный идеолог и второй человек в партии и государстве Суслов, председатель КГБ Андропов, министр иностранных дел Громыко. В «малом» Политбюро принимались важнейшие решения, которые затем формально утверждались на голосовании основного состава Политбюро, где голосовали иногда заочно. *В декабре 1984 года* в Чехословакии проводились маневры войск Варшавского Договора с участием министров обороны стран – участниц этого блока. *По возвращении с маневров один за другим поумирали с интервалом в несколько дней главы военных ведомств ГДР, Венгрии, Чехословакии и СССР.* От чего умер Дмитрий Федорович, так никто и не объяснил. Говорили, что он простудился во время показа новой боевой техники. Перед тем как улететь в Москву, Устинов до трех часов утра обсуждал со своими генералами детали предстоящих учений. На предложение одного из них отдохнуть он ответил: «Не беспокойтесь, я сталинской закалки». 20 декабря 1984 года он умер в ЦКБ. Диагноз – скоротечное тяжелое воспаление легких. Шеф ЦКБ Чазов писал, что его смерть «оставила много вопросов в отношении причин и характера заболевания». Вскоре появились вопросы и к самому Чазову...

И тем не менее смерть министров обороны четырех государств Варшавского Договора не вызвала ни расследования, ни наказания их убийц. А в том, что это были убийства, сомнений не оставалось. Есть чему удивиться!

После смерти Брежнева на пути к высшей ступеньке власти у Горбачева оставалось два соперника – Ю. В. Андропов и сменивший его К. У. Черненко. Андропов покинул КГБ после того, как был избран секретарем ЦК КПСС 24 мая 1982 года. Это было воспринято многими как назначение преемника Брежнева. После смерти Брежнева 12 ноября 1982 года на Пленуме ЦК КПСС Андропов и был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС, а 16 июня 1983 года также занял пост председателя президиума Верховного совета СССР. Андропов, став Генеральным секретарем, принялся расставлять на ключевые посты своих людей. Через месяц после смерти Брежнева уволили министра внутренних дел Щелокова. На его место перевели из КГБ Федорчука, выдвиженца Щербиц-

кого. В 1984 году Щелоков вроде бы застрелился – дома из охотничьего ружья. Застрелился генерал Цвигун, которого Брежнев назначил заместителем Андропова в КГБ. В 1985 году, уже при Горбачеве, которого Андропов упорно продвигал к руководству партией, другого назначенца Брежнева, генерала Цинева, отправили в «райскую группу», созданную для престарелых высших военачальников. Брежневских кадров в КГБ не осталось. Но и Андропов был уже обречен.

В июле и августе 1983 года здоровье Андропова неожиданно резко ухудшилось, и большую часть времени он работал в загородном доме, часто не вставая с постели. 1 сентября 1983 года Андропов провел заседание Политбюро и улетел отдыхать в Крым. Как оказалось, это заседание стало для него последним: в Крыму он простудился и окончательно слег – у него развилась флегмона (гнойное воспаление клетчатки). Операция прошла успешно, но послеоперационная рана почему-то не заживала. Вскоре обострилась у него и болезнь почек. Он вновь оказался в ЦКБ под попечением Чазова. Там Андропов и умер 9 февраля 1984 года, днем, в 16 часов 50 минут. Согласно официальной версии, причиной смерти стал отказ почек вследствие многолетней подагры. Некоторые эксперты, однако, подвергают сомнению официальную версию смерти Андропова. И Александр Коржаков, бывший начальник службы охраны первого президента России Бориса Ельцина, заявил следующее: «Ситуация несколько странная... У Юрия Владимировича, когда он лежал в ЦКБ, постоянно дежурили три реаниматора, но если два из них – настоящие профессионалы, выбрали эту специализацию еще в мединституте и с первого курса готовились вытаскивать больных с того света, то третий был терапевт (может быть, и хороший), который всего лишь соответствующие курсы закончил. Именно в его дежурство Андропов скончался, причем сменщики в один голос твердили, что, если бы там находились, не дали бы ему умереть...» (см.: Мужской разговор. Интервью с Александром Коржаковым // Бульвар Гордона. № 48 (136). 27 ноября 2007 г.). Были и другие свидетельства – один из врачей ЦКБ под страшным секретом рассказывал, что для Андропова специально выписали из Японии специальный аппарат – искусственные почки. Но, пока он лежал в ЦКБ, их так и не

распаковали в аэропорту «Шереметьево», где они ждали свидания со своим высокопоставленным пациентом почти две недели...

После смерти Андропова генсеком был избран К. У. Черненко. Болезней у него был полный букет – эмфизема легких, сердечная недостаточность, почки... К тому же вскоре после избрания генсеком он неожиданно отравился рыбой, которую одновременно с ним ели его гости. Им хоть бы что, а он едва не погиб. *Черненко умер «со второй попытки» – 10 марта 1985 года.* С подозрением на инфаркт он лежал в постели, но во время очередных выборов в Верховный Совет СССР его заставили встать и проголосовать перед телекамерами. Сердце не выдержало. По поразительному совпадению, *за несколько дней до этого Щербицкого во главе делегации Верховного совета СССР направили в США. Узнав о смерти генсека, он потребовал от нашего посла в Вашингтоне немедленного возвращения на Родину, на что получил ответ: «Ваше возвращение сейчас нежелательно».* На основании каких же указаний решился посол на такую дерзость по отношению к члену Политбюро? Известно, что именно А. А. Громыко после смерти К. У. Черненко при избрании нового генсека 11 марта 1985 года предложил на этот пост кандидатуру М. Горбачева – сначала на заседании Политбюро, а затем и на Пленуме ЦК КПСС. Это предложение Громыко, который явно подыгрывал Западу, было принято единогласно. Не исключено, что именно Громыко в обмен на обещание Горбачева сделать его председателем Президиума Верховного совета СССР отдал распоряжение советскому послу в США задержать в Вашингтоне члена Политбюро ЦК КПСС В. Щербицкого любым способом. *А Громыко знал, что Щербицкий никогда бы не допустил этой победы Горбачева,* так как вполне мог сам стать Генеральным секретарем. Все повернулось так, как и было спланировано. Вопрос только в том – кем.

Напомню, что одним из участников рабочей группы Рейгана, руководившей операцией по демонтажу коммунизма, был вице-президент США, бывший шеф ЦРУ Джордж Буш-старший, член той самой мистической организации «Череп и кости», одной из ударных организаций мировой закулисы. В 1985 году он выступал соперником Рейгана на пре-

зидентских выборах. Но, не дойдя до финиша, сошел с дистанции. И тем не менее перед самыми выборами на съезде республиканцев Рейган назначил его кандидатом в вице-президенты США. Кто заставил его принять такое решение, неизвестно. Мы знаем лишь, что в администрации Рейгана Буш играл ключевую роль. Как бывший директор ЦРУ именно он руководил всеми тайными операциями против СССР, включая теракты, формирование «пятой колонны», а также расстановку агентов влияния на ключевые посты «в целях осуществления фундаментальных изменений» в СССР.

Джордж Буш лично отслеживал развитие событий в нашей стране непосредственно на поле битвы с коммунизмом. Именно он представлял США на похоронах советских лидеров – Брежнева (1982), Андропова (1984) и Черненко (1985). Он был одним из немногих посвященных, которые знали, что вместе с ними хоронят и коммунизм. В августе 1991 года Буш посетил СССР и в своих выступлениях в Киеве поддержал «перестройку» Михаила Горбачева и даже выступил против развала Советского Союза. В 1988 году он победил на выборах президента США. В декабре 1991 года Буш с Борисом Ельциным подпишет документ об окончании «холодной войны»... Вместе они приедут на Мальту, где Ельцина, как до него Горбачева, примут в «рыцари» Мальтийского ордена.

В 1989 году в своей инаугурационной речи президент Джордж Буш-старший скажет: «Я стою перед вами и полагаю, что президентство имеет большие перспективы. Мы живем в мирное, благополучное время, но мы можем сделать его еще лучше. Когда подует новый ветер и мир, обновленный свободой, покажется родившимся заново, в сердцах людей дни диктаторов закончатся. Тоталитарная эра проходит, старые идеи сдуваются как листья со старых безжизненных деревьев. Дует новый бриз, и нация, обновленная свободой, готова к действиям. Есть новая земля, которую следует вспахать, и новые действия, которые следует предпринять» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Буш,_Джордж_Герберт_Уокер).

Теперь понятно, об освоении какой новой земли говорил Буш. Новым Клондайком для США предстояло стать поверженной России, а новыми золотоискателями на ее земле – американским предпринимателям. Один

из них, миллиардер и видный сионист, член «Бнай-Брит» Дж. Сорос уточнил, что имел в виду Буш: «Сейчас мы, наконец, добрались до самого лакомого кусочка, до России. На кон поставлен главный куш – все государство в целом...». Сорос не уточнил при этом, какая судьба была уготована русскому народу (http://bookz.ru/authors/vladimir-bol_6akov/mirovaa-_051/page-4-mirovaa-_051.html).

Только недавно стали доступны протоколы заседания Бильдербергского клуба в феврале 1985 года. На этом заседании было решено развалить СССР на 52 карликовых независимых государства и заставить их между собой конфликтовать вплоть до того момента, когда удастся вдвое сократить народонаселение бывшего СССР, примерно к 2020 году. Госпожа Тэтчер, бывший премьер-министр Великобритании, которая лично следила за продвижением Михаила Горбачева к власти в СССР, предусматривала еще более страшный результат геноцида русского народа – она планировала сократить его численность до 15 миллионов человек.

Александр Зиновьев считал распад СССР подлинной катастрофой и не случайно «перестройку» назвал «катастрофкой» в своей одноименной книге. Он был уверен, что Горбачев оказался «засланным казачком» не случайно, а был своевременно «вычислен» за кордоном, и без Запада, где «заранее спланировали внедрение Горбачева на пост главы СССР», он никогда бы не пробился к власти. В 2001 году в интервью прохановской газете «Завтра» Зиновьев заявил: «Еще в 1984 году люди, которые активно работали над разрушением нашей страны (а в Мюнхене, где жил в эмиграции Зиновьев с семьей, он регулярно встречался с сотрудниками радиостанций ЦРУ «Свобода» и «Свободная Европа». – В. Б.), говорили мне: “Подождите год, и на русском престоле будет сидеть наш человек”. И вот на русский престол посадили своего человека. Именно через год. Приход Горбачева к высшей власти и перестройка послужили решающим событием, которое ввергло нашу страну в состояние кризиса и краха». Покойный депутат Госдумы от КПРФ В. Илюхин, председатель Комиссии по расследованию антигосударственной деятельности бывшего президента СССР, в 1992 году публично заявил, что у его комиссии имеются

сведения, согласно которым английская спецслужба «еще до 1985 года подцепила на крючок Горбачева М. С.». Но было еще кое-что.

В апреле 1984 года к советскому представителю на переговорах по разоружению в Женеве В. Израэлю обратился вице-президент США Д. Буш с просьбой организовать ему в Женеве неофициальную встречу с М. Горбачевым. Объяснял он это свое желание тем, что «вашим следующим лидером будет Горбачев». Об этом разговоре В. Израэль доложил А. А. Громыко, члену Политбюро, министру иностранных дел СССР (*Израэль В. Несостоявшаяся встреча // Аргументы и факты. 1991, № 25*).

Активно работали с Горбачевым и сионисты. Через Киссинджера на него вышел орден «Бнай-Брит», который стал первой сионистской организацией, получившей лично от Горбачева разрешение на открытие своего филиала в СССР. По личной инициативе Горбачева ООН отменила известную резолюцию 30-й сессии Генеральной ассамблеи ООН 1975 года, в которой сионизм был всем миром признан одной из форм расизма и расовой дискриминации. Горбачев приказал снять практически все ограничения на эмиграцию евреев из СССР и разрешил сионистским организациям открывать свои филиалы в нашей стране. Вслед за ним так же поступили и во всех столицах стран – участниц Варшавского Договора. Услуги Горбачева сионизму оценены высоко. Он награжден «Звездой героя» Университета Бен-Гуриона (Израиль, 1992), стал почетным доктором философии Университета им. Бар-Илана (Израиль, 1992). В 1997 году в США Горбачев получил Премию Царя Давида вместе с хрустальной шестиконечной звездой. В 1998 году его наградили премией от Международной женской сионистской организации. Компания «Израиль бондс» (Нью-Йорк) вручила ему памятную награду «Врата свободы» в честь 10-летия со времени предоставления евреям бывшего СССР возможности свободно эмигрировать (1998). Комментируя эти факты, наши конспирологи утверждают, будто Горбачев пошел на сближение с сионистами, потому что он сам еврей по происхождению и настоящая его фамилия Гарбер. В подтверждение этого ссылаются на то, что Горбачев во время посещения Израиля в феврале 1992 года пришел в белой ермолке к Стене Плача в Иерусалиме и там молился в окружении

ортодоксальных раввинов. Снимки этого момента обошли весь мир. В российских СМИ появилось сообщение о том, что в ходе того визита, «выступая в израильском парламенте (Кнессете), Горбачев-Гарбер заявил: “Все, что я сделал с Советским Союзом, я сделал во имя нашего Бога Моисея”...» Объясняли это обращение к Моисею тем, что сионисты влияли на Горбачева через его жену Раису (Титаренко), которая якобы была караимкой и тайно исповедовала иудаизм, и что Горбачев в конечном итоге тоже принял иудаизм. Эта версия прочно закрепилась в Интернете и гуляет по многим русским националистическим сайтам. На самом деле Горбачев, и об этом, кстати, узнав его поближе, писал Рейган в своих мемуарах, был «тайным верующим христианином». Известно, что в мае – июне 1988 года проходили мероприятия, посвященные 1000-летию принятия христианства на Руси при князе Владимире Святославиче в 988 году. Горбачев одобрил планы празднования этого юбилея, лично встречался с Патриархом Пименом и предпринял ряд шагов по сближению государства с РПЦ.

Объяснять те уступки сионизму, на которые пошел Горбачев, тем, что он Гарбер, наивно. Тем более что подтверждений этому нет. Можно, однако, смело утверждать, что к концу своей деятельности на посту генсека он пришел к сионизму совершенно сознательно. Сионисты просто купили Горбачева, сыграв на его тщеславии, жадности и его антикоммунизме, который он тщательно скрывал, но который они быстро распознали. Ведь и у него, и у его жены были счеты с советской властью за те репрессии, которым подверглись в 30–40-е годы члены их семей. Окружение Горбачева настойчиво разъясняло ему, какая внушительная сила стоит за сионистами и масонами. Поэтому в своих поисках признания со стороны Запада он стал заигрывать с ними и быстро свернул всю антисионистскую кампанию. Государственные издательства перестали печатать книги и сборники против сионизма. Последним был труд Антисионистского комитета советской общественности под руководством Героя Советского Союза генерал-полковника Д. А. Драгунского «Перестройка и еврейский вопрос». Горбачев начал сдавать одну позицию за другой в том, что касалось политики КПСС и Советского государства по отноше-

нию к международному сионизму и к последствиям агрессии Израиля 1967 года против арабских стран. В полном объеме были восстановлены дипломатические и торговые отношения с Израилем и сняты все запреты на эмиграцию. Но это были только первые шаги. Затем последовали договоренности с еврейскими банками и представителями сионистского капитала, слетавшимися в СССР как мухи на мед.

Сразу же после 1988 года, когда в результате ряда чисток «консерваторов» Горбачеву и Яковлеву удалось укомплектовать ЦК КПСС своими людьми, в стране резко активизировалась деятельность сионистских организаций. 3–4 августа 1989 года в Москве состоялся учредительный съезд Всероссийской сионистской организации. В Москве, Вильнюсе, Риге, Петербурге, Киеве, Одессе, Нижнем Новгороде, Новосибирске открываются филиалы «Бнай-Бри». В августе оформляется сионистская партия «Иргун-Циони» во главе с Л. Городецким, 3–4 декабря 1989 года она проводит свой съезд. С тех пор подобные съезды происходят каждый год, образуются еврейские школы, лицеи, университеты, академии, общества, клубы, выпускаются многочисленные газеты, журналы, сборники.

Выходит, прав был А. Зиновьев? Частично на этот вопрос дала ответ М. Тэтчер в своем выступлении в ноябре 1991 года в элитном «Американском нефтяном институте» (США, Хьюстон). «Советский Союз, – говорила Тэтчер, – это страна, представлявшая серьезную угрозу для западного мира. Я говорю не о военной угрозе. Ее, в сущности, не было... Я имею в виду угрозу экономической. Если учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков. Поэтому мы всегда предпринимали действия, направленные на ослабление экономики Советского Союза и создание у него внутренних трудностей. Основным было навязывание гонки вооружений. К сожалению, несмотря на наши усилия, политическая обстановка в СССР долгое время оставалась весьма стабильной. Сложилась весьма трудная для нас ситуация. Однако вскоре поступила информация о ближайшей смерти советского лидера и возможности прихода к власти с нашей помощью

человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения... Этим человеком был М. Горбачев» («Наше дело». 2006, № 29).

Уже после развала СССР в одном из интервью Александр Зиновьев поделился с нашими читателями своими мыслями о разработанных на Западе планах геноцида русского народа. Он сказал:

«В антирусском проекте можно выделить три этапа.

Первый – низвести русских до уровня народов третьестепенных, отсталых, неспособных на самостоятельное существование в качестве суверенного народа.

Второй этап – направить русский народ на путь биологической деградации и вымирания, вплоть до исчезновения его в качестве этнически значительного явления. Планируется его сокращение до пятидесяти и даже тридцати миллионов, а потом и того менее. Разработан богатый арсенал средств для этого – недоедание, разрушение даже примитивной системы гигиены и медицинского обслуживания, сокращение рождаемости, стимулирование детских заболеваний, алкоголизма, наркомании, проституции, гомосексуализма, сектантства, преступности.

Планируется “сжатие” русских в сравнительно небольшом пространстве Европейской России. Возможно введение закона пропорционального разделения территорий в зависимости от числа людей. Тогда на “законных” основаниях русских просто сгонят в резервации, как индейцев в Северной Америке. Суть таких планов – довести русских до такого состояния, чтобы они не смогли удерживать занимаемую ими территорию, которая стала величайшим соблазном для западного мира.

...Самый страшный, завершающий аккорд русской трагедии состоит в вычеркивании русских как народа из мировой истории, после чего “лишь с помощью логических и математических методов можно будет вычислить”, что в XX в. существовал какой-то (именно какой-то!) великий народ, сыгравший огромную историческую роль. Однако вряд ли новые хозяева мира позволят себе признание того факта, что этот народ – русские... *Вся история будет сфальсифицирована так, чтобы от русских и следа не осталось»* (выделено мной. – В. Б.).

«Органчик» от КПСС

После смерти Черненко в 1985 году высшая партийная бюрократия решила, что настало время перемен. Но это должны были быть перемены без перемен. По-французски. Решили: пусть все останется, как было раньше, хотя для виду все будет по-другому.

Партийные «сифогранты» на роль «реформатора без реформ» прочили Горбачева, у которого при Черненко в высшем эшелоне КПСС особой поддержки не было. Расчет был прост: вовремя «остановить безответственную болтовню» и все вернуть на круги своя. Горбачева снять, а поставить после этого своего, надежного.

В годы перестройки безответственной болтовни действительно было предостаточно на всех уровнях. И все же кремлевская геронтократия недооценила Горбачева. В аппаратных играх он оказался сильнее своих противников и крестных отцов. Он их переиграл, умело манипулируя кадрами. Горбачев выдвигал на руководящие посты Ельцина и Янаева, Лигачева и Язова, Лукьянова и Яковлева. С приходом Горбачева к власти в партии и Советском государстве номенклатура среднего звена и региональная партократия, не посвященные в планы верха, ни в перестройке, ни в гласности не увидели поначалу ничего, кроме сигнала к очередной кампании по дискредитации всех предшественников нового Генерального секретаря. Это было почти ритуалом, к которому уже все давно привыкли. Никому и в голову не могло прийти, что первое лицо в государстве и партии примется разваливать и то и другое. Когда спохватились, было уже поздно.

Высшее руководство КПСС не сумело вовремя убрать Горбачева и потому, что в народе ему поначалу поверили. Радовались, что наконец к власти у нас пришел относительно молодой человек, сменив Черненко, со смертью которого затяжной период геронтократии в СССР кончился. Все верили, что эпоха этого маразма, от которого так было горько за державу, не повторится. Но, увы, к власти вместе с «Горби», как его стали ласково звать на Западе, пришли просто более молодые «тимократы», куда более опасные, чем «тимо-геронтократия» Брежнева – Черненко.

Какое-то время партократия, как могла, приспособливалась к новым веяниям. Это было нелегко. Один анекдотический случай был зафиксирован на весьма высоком уровне – первый секретарь одного из обкомов КПСС на совещании в ЦК возопил о помощи: «Вот нам сказали, надо перестраиваться. И мы согласны. Но пусть нам скажут, как перестраиваться. А нам не сказали...»

Сановного дурака быстро убрали с поста «первого», но его недоумение разделяли и более толковые партократы. Никто не знал, что такое «перестройка», что такое «гласность». Этого, не исключая, не знал даже сам Горбачев. Логика его доказательств в пользу перестройки сводилась к обычной партийной тавтологии: «Нам, товарищи, надо перестраиваться. Надо, потому что перестройке нет альтернативы».

В 1993 году, когда Горбачев уже был рядовым президентом на пенсии, он выступал в диспуте по французскому телевидению. И его давний советник Вадим Загладин, бывший главный специалист ЦК КПСС по контактам с «братскими партиями» Западной Европы и США, что-то зашептал ему на ухо. Но Горбачев отмахнулся и, как всегда в таких случаях, понес ахинею.

«Господи! – воскликнул бывший у меня в тот вечер в гостях приятель из семьи старых русских эмигрантов. – Каким ты был, таким остался. Органчик несчастный!»

Я подивился тогда точности этой характеристики Горбачева. «Органчик!» Так прозвали в город Глупове градоначальника Брудастого, героя сатирической повести Салтыкова-Щедрина «История одного города». У него было две особенности – пустая говорящая голова, которую он в свободное от работы время откручивал и использовал как пресс-папье. И еще – большое родимое пятно. Салтыков-Щедрин, правда, не угадал, разместив его не на лбу, а на щеке у своего героя.

«Пить или не пить – вот в чем вопрос»

Самым роковым образом на судьбу Горбачева повлияла антиалкогольная кампания, начатая почти сразу же после его избрания генсеком.

Вопреки всеобщему мнению, не Горбачев ее начал. Инициаторами той кампании были члены Политбюро ЦК КПСС М. С. Соломенцев и Е. К. Лигачев, которые вслед за Ю. В. Андроповым полагали, что одной из причин стагнации советской экономики был общий упадок морально-нравственных ценностей «строителей коммунизма» и халатное отношение к труду, в чем якобы «был повинен массовый алкоголизм». В эпоху застоя пить стали в СССР действительно много. То ли от тоски, то ли от безысходности. То ли от того и другого вместе. Если потребление алкоголя не превышало 5 литров на человека в год ни в Российской империи, ни в эпоху Сталина, то к роковому, и не только по Оруэллу, 1984 году оно достигло отметки в 10,5 литра зарегистрированного алкоголя, а с учетом подпольного самогонварения могло превышать и все 14 литров. Это примерно 90–110 бутылок водки в год на каждого взрослого мужчину, исключая небольшое количество трезвенников. Причем пили-то в основном водку и самогон, вино было больше для дам-с.

7 мая 1985 года были приняты Постановление ЦК КПСС («О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма») и Постановление Совмина СССР № 410 («О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения»). Всем партийным, административным и правоохранительным органам предписывалось решительно и повсеместно усилить борьбу с пьянством и алкоголизмом, причем предусматривалось значительное сокращение производства алкогольных напитков, числа мест их продажи и времени продажи. И так за всем были очереди в продовольственных магазинах, а тут стали выстраиваться километровые очереди за водкой. А она в России дефицитом никогда не была. Стали гнать на дому. Повсюду появился «Привет Горбачеву» – так называли резиновую перчатку, которую надевали на трехлитровую банку с брагой. Когда газы при брожении в перчатке скапливались, она так подавала сигнал о готовности домашнего пойла с градусами. Травились только еще больше.

Так случилось, что в тот день, когда было принято это антирусское Постановление, я оказался в Дании в составе делегации Советского комитета защиты мира. Меня снова выпустили под залог на неделю. Нашу

делегацию возглавлял генерал в отставке, не буду называть его фамилию, крепкий мужик и большой любитель разделить с товарищами фронтовые 100 грамм. 9 мая – день Победы – мы встретили в Кронборге на северо-восточной оконечности острова Зеландия, где рядом с городом Эльсинор расположен знаменитый замок Гамлета, тот самый, где и происходит все действие одноименной пьесы Шекспира. Внутри нас не пустили. Оставалось только представить, глядя на вековые стены замка, как тут Гамлет встретился с призраком своего отца.

Я встал в позу Гамлета и сказал: «Пить или не пить? Вот в чем вопрос!»

«Это ты о последнем Постановлении?» – спросил генерал.

«Ну, да», – ответил я, не желая уличать старого вояку в незнании Шекспира. Он был хорошим воякой и ужасно переживал все, что было связано с разоружением в СССР. Утром в Кронборге у нас прошла встреча с датчанами из антивоенных организаций, где мы все вместе осудили гонку вооружений и планы Рейгана разместить оружие в космосе. Выступая там, генерал рассказывал, что мы уничтожили в соответствии с советско-американскими соглашениями наши ракеты средней дальности «SS-20». «Такие ракеты, – рассказывал он с болью в голосе. – Красавцы. Только-только сошли с конвейера, а их...» И опомнившись, продолжал: «Их мы уничтожили в соответствии с нашими договоренностями. А вот американцы с этим тянут».

Встреча прошла нормально. Мы подписали совместное заявление, пожали друг другу руки и с чистой совестью поехали по направлению к нашей гостинице. В машине, выданной нам в посольстве, разместилась вся наша делегация – четыре человека вместе со мной. Генерал ехал на переднем сиденье. В небольшом перелеске он попросил шофера остановиться. Он вышел из машины, открыл багажник и достал сумку-холодильник, откуда вынул запотевшую бутылку водки и бутерброды. «С этими запретами, – сказал генерал, имея в виду только что принятое Постановление о борьбе с пьянством, – никогда не знаешь, на что нарвешься. А здесь тихо, хорошо». Разлив водку по бокалам, генерал предложил тост за Победу. Я извинился и сказал, что вот уже больше года в рот не беру ни капли. Все

притихли. «За Победу, Володя, – это святое. Болеешь, что ли? – спросил генерал. – Или соблюдаешь Постановление?» Я вынужден был соврать, чтобы меня не заподозрили в возможном стукачестве, и сказал, что болею и принимаю такие лекарства, что алкоголь для меня яд. И затем сказал: «Но, если вы мне не верите, я выпью глоток. Наливайте!»

«Ладно, – примирительно сказал генерал. – Не рискуй. Но мы еще по одной примем за твое здоровье». Бутылку быстро уговорили. Ко мне больше никто не приставал.

Я не стал рассказывать, что прекратил пить даже пиво безо всякого постановления всего за год до этого, после того как умер мой друг Сергей Вишневский. Случилось это в субботний день, он дежурил и после дежурства, видимо, по привычке крепко выпил. Была у него такая слабость. А сердце не выдержало. Незадолго до этого Сергей развелся с женой Светой, поэтессой, женщиной необычайно тонкого вкуса и ума, и женился на девушке попроще, которая была его моложе на 30 лет. У них родился сын, но Сергей, к сожалению, пить не прекратил. В «Правде» на это старались не обращать внимания, потому что его любили и уважали. Он был по-настоящему талантливым журналистом, никогда не отлынивал от работы, и его слабость – неумение вовремя остановиться с возлияниями – до поры на его работе не сказывалась. И вот – такая трагедия. После того как узнал о смерти Сергея, пришел домой, посмотрел на своих подраставших девчонок. Одной было пять, другой – два. Подумал: «А случись со мной такое, как они с Дашкой без меня?» Вот я и решил полностью исключить алкоголь из своей жизни, хотя и раньше им не злоупотреблял, разве что мог выпить за кампанию. И как отрезало. Только во Франции, да и то года через два после начала моей там работы, я позволил себе пить вино. Без него во Франции как-то общаться не получается. Но к водке старался больше не прикасаться.

Горбачев с Лигачевым, конечно, по-дурацки и не по-русски повели эту кампанию борьбы с пьянством. В результате только озлобили народ. Да и навредили немало, вырубая виноградники старинных сортов в том же Крыму и на Кавказе. У нас ведь так всегда – заставь дурака Богу молиться, он лоб разобьет.

Горбачева готовились было убрать уже к концу 1985 года. К тому времени популярность его начала падать, в первую очередь из-за нехваток и антиалкогольной кампании, с началом которой он получил прозвище «минеральный секретарь». Но и более серьезных поводов было более чем достаточно. Один Чернобыль чего стоил. Но «Минеральный» всех опередил и выбросил одним ударом из ЦК КПСС около ста человек, заставив их объявить об уходе с партийных постов «по собственному желанию». Сила Авторитета сработала, и партократия это проглотила. А Горбачев после этого своего «маленького переворота» всюду смог расставить своих людей и уже не боялся удара в спину.

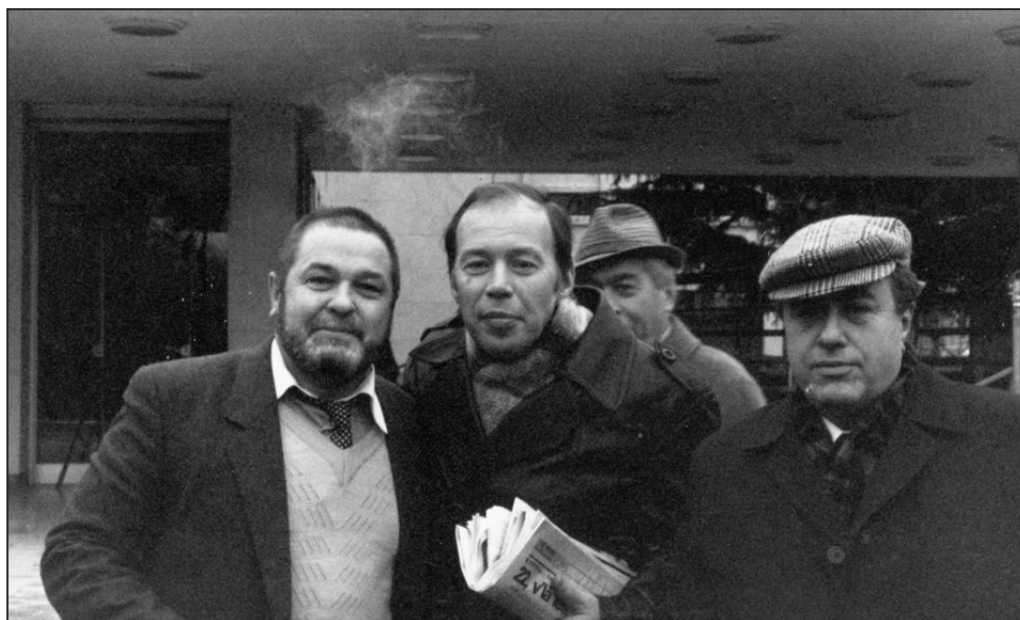
Партократия взбунтовалась по-настоящему (об этом можно судить по выступлениям региональной партийной печати и «Советской России» в 1990–1991 гг.), когда поняла, что Горбачев предал ее, предав ее тайну. Ту самую, которую она хранила в своих цековских и обкомовских кабинетах и коридорах, в своих закрытых буфетах и распределителях. Она поняла, что опасность смертельна, но опять не сумела мобилизоваться. Слишком сильна была описанная Марксом бюрократическая традиция «обожествления Авторитета».

И когда отменили 6-ю статью брежневской Конституции, закрепившей монополию КПСС на власть, партократия поняла, что колокол звонит по ней. Понял это и Горбачев. И испугался по-настоящему. Даже если предположить, что он не сам организовал августовский путч 1991 года, чтобы покончить с им же самым затеянной «перестройкой» раз и навсегда и все вернуть на круги своя, то поведение членов ГКЧП лишь подчеркивает правоту Маркса. Они также обожествляли Авторитет. И, фактически свергнув Горбачева, поехали к нему в Форос просить благословения на это свое переворотное дело.

Саммит в Женеве 1985

Русский народ удивительно доверчив. И этим всегда пользовались негодяи, на всем протяжении русской истории. Я не склонен относить

к категории сознательных негодяев Горбачева. Скорее всего, он просто классический недоумок, достигший своего уровня некомпетентности в соответствии с Законом Паркинсона, и его использовали в своих целях негодяи действительно злодейского калибра. Он, видимо, и сам не заметил, как стал агентом влияния злейших врагов России. И не осознал этого до конца своей жизни. Когда-нибудь мы об этом узнаем во всех подробностях. Впервые я смог наблюдать за ним с близкого расстояния в Женеве, где с 19 по 20 ноября 1985 года проходила советско-американская встреча на высшем уровне. Впервые М. С. Горбачев и Рональд Рейган встретились лицом к лицу.

С бригадой правдивов на женевском саммите. Слева направо: Ю. Семенов, В. Большаков, Б. Дубровин и Т. Колесниченко.

От «Правды» в Женеву на эту встречу отправили целую бригаду – зам. главного редактора по иностранным отделам Евгения Григорьева, Тома Колесниченко, незадолго до этого вернувшегося из соборов в США

на пост политического обозревателя «Правды», собкора «Правды» в Австрии и Швейцарии Бориса Дубровина и вашего покорного слугу. Перед поездкой всех нас, кроме Бориса Дубровина, пригласил на Старую площадь А. Н. Яковлев. Летом 1985 года он стал заведующим отделом пропаганды ЦК. Много воды утекло с тех пор, как Брежнев, продержав его на птичьих правах и. о. заведующего Агитпропом, убрал его с этого поста послом в Канаду после публикации в «Литературной газете» его русофобской статьи «Против антиисторизма». Он вернулся в Москву через десять лет после канадской «ссылки» и занял пост директора Института мировой экономики и международных отношений, который при академике Иноземцеве стал своего рода мозговым центром ЦК КПСС. Мало кто знал, что кандидатура Яковлева на этот важный пост была предложена М. С. Горбачевым, который близко познакомился с ним в ходе своего визита в Канаду 17–24 мая 1983 года. О причинах покровительства Яковлеву со стороны Горбачева рассказал мне под большим секретом бывший корреспондент «Правды» в Канаде Николай Брагин. Думаю, что сейчас об этом можно рассказать. В Канаде, куда его направили послом, Яковлев быстро адаптировался и подружился с тогдашним премьер-министром этой страны, масоном 33-й степени посвящения Пьером Трюдо. Трюдо по-своему любил Россию и даже в знак любви к русской культуре называл своих сыновей русскими именами Миша и Саша. С Яковлевым они подружились. В мае 1983 года в Канаду приехал Горбачев, который был тогда секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Юрий Андропов был против этого визита, ибо государственной необходимости в том не было, но Горбачев настаивал, так как рвался себя показать во всей красе Западу, и генсек согласился.

«Так вот, во время поездки по стране вместе с Яковлевым Горбачев решил провести встречу с местными журналистами, чтобы попиариться, – рассказывал Николай Брагин. – Те охотно согласились и стали задавать ему разные вопросы, на которые Михаил Сергеевич отвечал весьма охотно и подробно. Когда его спросили: “Вот вы такой молодой. А руководят вашей страной одни старики. Не хотели бы вы занять место Андропова?” Горбачев подвоха не почувствовал и стал говорить, что, конечно, он мог бы и всей страной, и партией руководить, а не только сельским хо-

зайством. И если ему партия предложит, то он, конечно, с удовольствием такой пост займет. На той встрече присутствовал всего лишь один телеоператор, который и записал это выступление Горбачева на пленку. После пресс-конференции Яковлев сказал Горбачеву: “Ну, завтра ждите реакции на ваше выступление. Думаю, что Андропову вряд ли понравится, что вы готовы занять его место”. Горбачев понял, что сдуру наговорил лишнего, и запаниковал: “Что же делать, что делать? Теперь они меня с дерьмом смешают!” Яковлев, однако, дело уладил». Как рассказывал Брагин, он позвонил своему приятелю Трюдо, и тот отдал все необходимые распоряжения. В результате из штаб-квартиры Королевской конной полиции поступило распоряжение изъять у независимого журналиста пленку с записью пресс-конференции. Тот протестовать не рискнул. Так Горбачева крепко подцепили на крючок. После этого им можно было манипулировать...

Женева, сентябрь 1995 г. Саммит «Рейган – Горбачев». На пресс-конференции М. С. Горбачева Юлиан Семенов задает «удобный вопрос». Слева от Горбачева – Э. Шеварднадзе и М. Замятин. Второй справа – А. Н. Яковлев.

В феврале 1993 года последний председатель КГБ СССР В. Крючков открытым текстом сообщил Горбачеву, что Яковлев, по данным агентуры КГБ, был замечен в «несанкционированных контактах» с иностранной разведкой, Горбачев от этого отмахнулся, и Яковлев отделался легким испугом. И хотя после специального расследования, проведенного Генпрокуратурой и Службой внешней разведки, обвинения Крюčkова не подтвердились, сам он продолжал настаивать на своем. И вот какой тут возникает вопрос. Крючков был руководителем службы внешней разведки (Первое главное управление КГБ СССР) при Андропове. Андропов не мог не знать о той информации, которую Крючков доложил Горбачеву. Знал он и о похождениях Горбачева в Канаде – думаю, что Брагин рассказывал о них не только мне. А Брагин был не простой человек – во время войны служил председателем военного трибунала на одном из фронтов. И что же? На пост директора ИМЭМО Яковлева назначают именно при поддержке Ю. В. Андропова, который к тому времени уже стал Генеральным секретарем ЦК КПСС. Более того, эту рекомендацию поддерживают и другие члены Политбюро помимо Андропова и Горбачева – К. У. Черненко и А. А. Громыко. В своих воспоминаниях автор «Правды» С. М. Меньшиков отметил, что с приходом к власти Андропова «было принято решение о подготовке новой редакции Программы КПСС, а А. Н. Яковлев, став директором ИМЭМО, фактически возглавлял группу по подготовке новой программы партии». Это могло означать только одно – полную реабилитацию будущего «архитектора перестройки», который закончил советский период своей жизни членом Политбюро ЦК КПСС.

В кабинете А. Н. Яковлева нас собралось человек двадцать – освещать встречу с Рейганом должны были все центральные газеты, радио и телевидение, ТАСС и АПН. Яковлев выглядел очень уверенным в себе и спокойным.

Собственно, ничего нового он нам не сообщил, если не считать рекомендации не реагировать с «излишней нервозностью» на разного рода заявления американских «ястребов». Главное с его точки зрения было то, что советско-американский диалог на высшем уровне возобновился

впервые после 1979 года и риторика Рейгана стала менее агрессивной. По крайней мере, он не называет больше Советский Союз «империей зла».

12 ноября Борис Дубровин встретил нас в аэропорту Цюриха и отсюда повез на своей машине в Женеву. Через день мы передали в «Правду» свой первый репортаж сразу за четырьмя подписями, а потом уже подписывались по двое, хотя готовили наши корреспонденции все вместе, каждый приносил в клюве, что сумел добыть в пресс-центре или в кулуарах встречи. В Женеву прибыли сотни журналистов со всего мира и, как это всегда бывает, в отсутствие официальных лиц активно брали интервью друг у друга.

Сразу же по приезде на третьем этаже международного пресс-центра в самом центре Женевы на рю де Варемб мы обжили небольшую комнату, где была вывешена табличка «Правда». Она, как магнит, притягивала наших коллег. Вопросы были одни и те же: «Что привезет с собой Горбачев?», «Что пишет “Правда” о предстоящем саммите?». Задавали вопросы и о Раисе Горбачевой, для которой приготовили специальную программу, как и для Нэнси Рейган.

18 ноября «Правда» опубликовала мою большую статью из Женевы «Время быть мудрым». ТАСС передал ее в изложении на всех языках, и мне было легко ответить на вопрос, что именно я написал в своей газете, просто предъявив эту «тасовку». Об этой статье сообщили в тот же день и другие агентства. Рейтер, в частности, отмечал: «Западные дипломаты говорят, что статья специального корреспондента “Правды” Владимира Большакова из Женевы показывает некоторое смягчение тона перед тем, как Горбачев собрался в дорогу» («Reuters». 1985. November, 19).

Перед встречей с Рейганом СССР выступил с рядом предложений по разоружению. В августе, в 40-ю годовщину американской ядерной бомбардировки Хиросимы, Москва объявила мораторий на любые ядерные взрывы. В своей статье я приводил слова американского журналиста Б. Киммела, который отмечал «разительный контраст в подходе СССР и США к переговорам по разоружению». В то время как в США продолжалась гонка вооружений и военный бюджет достиг триллиона долларов, «Советский Союз, – писал Киммел, – прекратил размещение ракет

средней дальности в своей европейской части, ввел мораторий на разработку противоспутникового оружия, призвал к созданию в Центральной Европе зоны свободной от химического оружия». Все ожидали, что США на эти односторонние инициативы ответят в ходе переговоров в Женеве хотя бы отказом от Стратегической оборонной инициативы и гонки вооружений в космосе. Однако, судя по утечке письма тогдашнего министра обороны США Уайнбергера, который призывал Рейгана накануне встречи с Горбачевым «ни в чем не уступать русским в Женеве», надежд на это было мало. Более того, в кулуарах встречи один из моих знакомых американских журналистов сказал мне, что Рейган в переговорах с Горбачевым с глазу на глаз потребует свободы рук для оппозиции в Польше и Чехословакии. С учетом этого я написал в той статье о политической мудрости вот что:

«...Кое-кто на Западе и по сей день тешится надеждой, что мы переродимся, переделаемся по давно и упорно навязываемым нам буржуазным образцам. Они убеждают сами себя, что современный и цивилизованный человек убежденным коммунистом быть не может. А оказывается, может. Ибо коммунизм — наследник всего лучшего, что создали мировая цивилизация, передовая мысль человечества. И если бы на Западе реально смотрели на вещи, то пришли бы к выводу, что нынешние перемены в СССР — это не вырванный из контекста нашей истории политический феномен, а практический результат последовательного осуществления нашей партией ленинских принципов, идеалов Великой Октябрьской социалистической революции. В том, что именно эти здоровые начала нашего общества определяют его магистральное развитие, и заключается секрет силы и жизнеспособности советской власти, над “загадкой” которой не одно десятилетие бьются разного рода “советологи” и “кремленологи”».

Статья заканчивалась в достаточно примирительном тоне (перед такой встречей никто не хотел копыя ломать):

«Мы никому не навязываем свой взгляд на мир. Но мы уверены, что торжеству разума нет разумной альтернативы. От ядерного безумия человечество спасти могут лишь воля народов и мудрость государственных руководителей. Сейчас время быть мудрыми».

...Я впервые увидел его близко через день после опубликования этой статьи. У виллы Флер д'О, где проходили переговоры с Рейганом, собрались сотни журналистов, и все выкрикивали свои вопросы, на что Горбачев, на пути к вилле, ответил, не останавливаясь, одной фразой: «Работа началась». После этого обнадеживающего сигнала мы ничего о ходе встречи не знали и могли только пользоваться какими-то утечками и намеками от шефа Отдела международной информации ЦК Леонида Замятина, который отвечал за все освещение визита и пресс-конференции Горбачева. Но и он был не очень щедр на информацию, а может быть, и его не допускали слишком близко к столу переговоров. Уже в первый же день встречи представитель Белого дома по связям с печатью Ларри Спикс объявил «блэк-аут» – никакой информации нам не давали вплоть до окончания встречи и совместной пресс-конференции Рейгана и Горбачева.

Поначалу вроде бы все шло нормально, и наша журналистская братия с восторгом писала о том, как легко и непринужденно генсек общается с президентом США. Однако к концу этого саммита я пришел к выводу, что диалог Горбачева с Рейганом – это беседа слепого с глухонемым.

Горбачев не мог понять, чего хочет от него Рейган. А в то, что ему шептали на ухо его советники, многоопытные специалисты по разоружению, по правам человека, по советско-американским отношениям, он не вслушивался, а потому проблемы просто не понимал. Его бесили и раздражали заранее приготовленные ими записки для его ориентации. Эта аллергия на советников сохранилась у него и после отставки. Он никого не умел слушать, кроме самого себя.

...Я помню, как выступал Горбачев в представительстве СССР в Женеве на пресс-конференции сразу же после отъезда Рейгана. Замятин специально раздал «своим» журналистам все «удобные» вопросы. Первым поднялся писатель Юлиан Семенов и так завернул свой вопрос, что получалось, будто бы мудрая политика Михаила Сергеевича заставила американских «ястребов» отступить и отпустить Рейгана в Женеву. Такая постановка вопроса Горбачеву понравилась. Поначалу речь его была спокойной и сдержанной. Он то и дело сверялся с бумажкой, чтобы, не дай Бог, что-нибудь невпопад не ляпнуть. Потом он бумажки отложил. И

его понесло. Я не скажу, что он порол абсолютную чушь. Но он говорил как дилетант, как пригостишка. И, когда аргументов ему не хватало, он хватался за свои дежурные спасательные слова, чаще всего повторяя одно и то же: «Перестройка, перестройка, перестройка». Как повторял щедринский «Органчик» свое «Не потерплю!», «Разорю!».

Лидер великой державы все же должен быть с головой. Иначе державу ждет катастрофа. Так и получилось. «Органчика» от КПСС быстро «вычислили» и у нас, и на Западе. А затем опытные кукловоды использовали «Горби» как хотели, всячески поощряя его комплекс Нарцисса. Он думал, что он творит Историю, а весь мир на него смотрит с восхищением. А на деле он был даже менее самостоятелен, чем щедринский Органчик. Он был своим зомби для Запада и охотно озвучивал все то, что ему вкладывали в уста. Для этого не надо было даже его вербовать, хотя, если вспомнить те 100 тысяч долларов, что ему вручили, как утверждал бывший шеф КГБ В. А. Крючков, в Южной Корее, подношений, и крупных, наш последний Генеральный секретарь не чурался.

По классической традиции недалеких русских правителей он любил отражаться в западных зеркалах и постоянно требовал, как героиня пушкинской сказки: «Молви, зеркальце, мой свет, я прекрасен или нет?» Достаточно было президенту США Бушу-старшему или канцлеру ФРГ сказать Горби: «Ты прекрасен, спору нет!» – чтобы он сдал даже то, о чем его не просили.

Самое трагичное, что он не понимал и этого. И уже после того, как он стал, по выражению его же клеветы Яковлева, политиком «в плюсквам-перфектум», он часто публично жаловался, что вот на Западе о его выступлениях пишут, а российская пресса «замалчивает». И говорил о себе не иначе как в третьем лице: Горбачев сказал, Горбачев считает и т. д.

Конечно, о том, что в Белом доме и ЦРУ уже тогда приготовили секретные директивы Совета национальной безопасности США, в соответствии с которыми будет последовательно осуществляться демонтаж коммунизма в странах Варшавского Договора и, прежде всего, в Советском Союзе, знали немногие. Даже в ближайшем окружении Рейгана, который эти директивы подписывал, редактировал и непосредственно руководил

операцией по ликвидации советской власти, к этим директивам был допущен весьма узкий круг.

Тем не менее даже в открытой печати США и Западной Европы появились кое-какие «утечки», по которым можно было судить о том, что США готовятся к решительной конфронтации с миром социализма. 19 сентября 1985 года в «Правде» под рубрикой «С идеологического фронта» была опубликована моя статья «Доктрина “крестоносцев”». В ней, напомнив читателям о «доктрине Монро» и «доктрине Вильсона» начала XX века, «доктрине отбрасывания коммунизма» Дж. Ф. Даллеса, на которых базируется внешняя политика США, я отметил, что «доктрина Рейгана» стала их продолжением, с той лишь разницей, что она «возводит открытое вмешательство в дела других стран, в том числе с целью ликвидации существующего в них строя, в долгосрочную стратегию, в ранг государственной политики США». («Правда». 19 сентября 1985 г.). А дальше я приводил факты:

«Уже за первый свой срок (с 1981 по 1984 г.) рейгановская администрация предоставила никарагуанским “контрас” 80 миллионов долларов (по частным каналам, они получили еще 17 млн. долларов только в 1984 г.), а афганским душманам – порядка 600 миллионов долларов, не говоря уже о тайной помощи ЦРУ практически всем отрядам мировой реакции. “Доктрина Рейгана” провозглашает, что США теперь не намерены более ограничиваться тайной подрывной деятельностью. Они собираются осуществлять ее “публично”, субсидируя контрреволюцию в рамках официального федерального бюджета».

По данным газеты «Вашингтон таймс», которую я цитировал в своей статье, с января 1985 года Конгресс США, идя навстречу Рейгану, «отменил запрет на помощь контрас, что развязало руки ЦРУ и для поставок им оружия; отменил «поправку Кларка» и тем самым «официально санкционировал программу помощи ЦРУ антиправительственным силам в Анголе; поддержал открытое осуществление 250-миллионной программы помощи афганским душманам».

Была принята президентская директива-77. В соответствии с ней при Белом доме учреждался штаб «крестового похода» против коммунизма – «группа специального планирования по вопросам публичной ди-

пломатии». Ряд директив предусматривал выделение дополнительного финансирования внешнеполитической пропаганды США, включая Информационное агентство США (ЮСИА), а также подрывные радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа».

Особо в той статье я отметил роль ЦРУ и его директора У. Кейси: «О Кейси говорят сейчас как о “втором по могуществу директоре ЦРУ после Аллена Даллеса”. Регулярные личные смотры контрреволюционных банд, которые проводит Кейси в ходе своих “инспекционных поездок” в Юго-Восточную Азию, Центральную Америку и в Африку, не оставляют сомнения в том, что именно ЦРУ поручена роль координатора действий этих формирований, находящихся у США на содержании» (там же).

Уже тогда – и я приводил в той статье множество подтверждавших это фактов – Вашингтон сделал ставку на террористические группы, с помощью которых повел наступление на национально-освободительные движения и не устраивающие США режимы. Тогда только начинались контакты эмиссаров ЦРУ с «Аль-Каидой» Бен Ладена, которую они и выпестовали, с террористами Африки и Ближнего Востока. Уже позже, когда были опубликованы все секретные документы о глобальной подрывной деятельности ЦРУ, в том числе в СССР и других странах социализма, стало яснее, что к своему второму сроку Рейган, вместе с будущим президентом Дж. Бушем, который был у него вице-президентом и руководил всей глобальной операцией по демонтажу коммунизма, уже был готов к финальной стадии своего «крестового похода» против коммунизма.

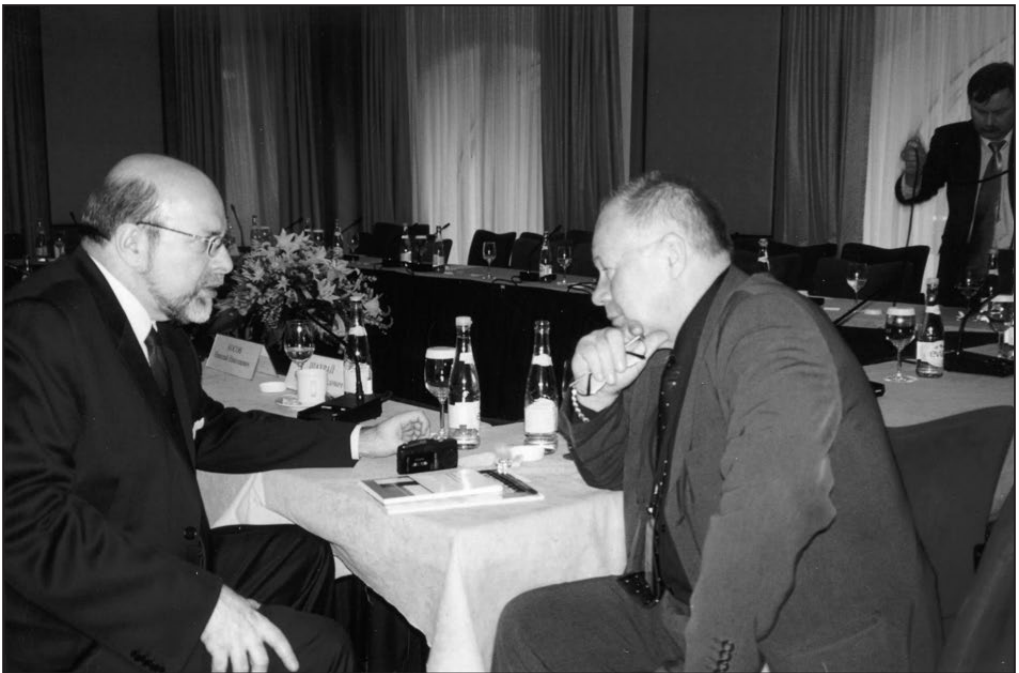
Для него этот поход был делом решенным, и поначалу он вообще считал, что переговоры с Горбачевым в Женеве – это пустая трата времени. Только позже, убедившись, что «Горби» готов сдать без боя и Варшавский Договор, и Советский Союз, он сменил, как говорится, гнев на милость. Как бы там ни было, о сентябрьском саммите в Женеве удалось договориться. Мы искренне верили, что переговоры с Рейганом пойдут нашей стране на пользу, позволят снять напряженность в отношениях с США, найти какое-то понимание с Рейганом. Мы искренне расстраивались по поводу того, что нашу страну именуют «империей зла», и всячески пытались доказать миру обратное. Не буду вдаваться в детали тех переговоров,

об этом достаточно много написано. Отмечу лишь два момента. Весь ход переговоров в Женеве достаточно ясно показал, что особой заинтересованности в них у Рейгана и его команды не было. Они и так уже все решили и примерно знали, сколько еще просуществует Советский Союз, если у кормила власти останется Горбачев. Его не воспринимали всерьез.

Уже в ходе первой пресс-конференции в Женеве Горбачев отодвинул в сторону предложения, подготовленные для него группой переговорщиков из нашего Генштаба, и принялся излагать свои. Он готов был подписать соглашение о взаимном уничтожении ракетно-ядерных арсеналов СССР и США здесь и сейчас, прямо в Женеве. Сидевший рядом со мной на той пресс-конференции наш переговорщик побледнел и шепнул мне на ухо: «Слушай, чего он несет?» Потом уже Замятину пришлось пояснять журналистам, что на самом деле хотел сказать господин Генеральный секретарь. Как стало известно много лет спустя, Рейган над Горбачевым в Женеве просто посмеялся. Он сказал ему: «Сломайте Берлинскую стену для начала, а потом поговорим» – и отказался вывести американские ракеты средней дальности из Европы.

Официальным итогом встречи Горбачева и Рейгана стала мало к чему обязывающая торжественная Декларация о недопустимости ядерной войны. А Горбачев и после Женевы, где он сдавал одну позицию за другой, продолжал демонстрировать «добрую волю». В конечном итоге он подписал договор, согласно которому США сократили на половину меньше баллистических ракет, чем СССР, а уж о ракетах средней дальности я и не говорю. 20 декабря 1987 года был подписан Вашингтонский договор, по условиям которого стороны согласились уничтожить РСМД как класс ракет под контролем инспекторов. В результате сговора Горбачева с Рейганом были уничтожены наши лучшие ракеты средней дальности СС-20 («Пионер») и СССР вообще остался без БРСД, а американцы из каждых 10 своих БРСД «Першинг» уничтожали только семь. А там пошло-поехало... Советский Союз заставили уничтожить твердотопливные баллистические ракеты шахтного базирования и мобильные МБР на железнодорожных платформах, самые надежные и неуязвимые из всех имевшихся у нас на вооружении.

Горбачев и его «перестройщики» принялись вдалбливать в головы наших сограждан идею о прекращении военного противостояния России со странами «Большой семерки» и блоком НАТО. «Горби», как его прозвали тогда в Женеве, сдавал все. Бесплатно. Уже после развала СССР я встречался в Москве с бывшим советским диссидентом Димой Цимесом. Когда-то он был мальчиком на побегушках у Боннер и Сахарова, а затем перебрался в США, где возглавил Фонд Никсона и стал Дмитрием Саймсом. Именно в этом качестве он часто выступает по российскому телевидению. «Вот я недавно читал последнюю книгу Анатолия Черняева, – рассказывал мне Саймс. – Он пишет очень интересную вещь. Его спрашивают: “Когда Советский Союз согласился на объединение Германии, был ли поставлен вопрос о том, чтобы Восточная Германия и другие государства, выходившие из Варшавского пакта, не вступили в НАТО?” Черняев говорит: “Нет, так вопрос не был поставлен”. Тогда его спрашивают: “Были ли у Горбачева

В. Большаков берет интервью у Д. Саймса.

какие-то советники, которые сказали бы ему, что нужно поставить этот вопрос перед американцами?” – “Нет, – говорит Черняев, – нам такое в голову не пришло. И это было бы абсолютно неправильно при тех новых отношениях доверия, которые были у нас с американской администрацией, с госсекретарем Бейкером и президентом Бушем-старшим”».

«В Америке, – не без юмора комментировал Саймс эту благоглупость Черняева, одного из самых бездарных помощников Горбачева, – есть такое выражение: “Длинный контракт – большая дружба”. Как ты можешь ждать, что твои друзья и партнеры дадут тебе долгосрочные обязательства по соблюдению твоих интересов, если ты сам эти интересы не побеспокоился четко сформулировать? Это были действительно какие-то уникальные люди во главе Советского Союза, которые абсолютно были неспособны мыслить стратегически, у которых было какое-то упоение своей честностью и открытостью и ощущение, что им эти качества компенсируют. К сожалению, мне это неприятно говорить, но в политике услуга, которая ценится наибольшим образом, – это услуга еще не оказанная. Вот за эти услуги готовы платить и заранее готовы быть за них благодарны. А когда ты все уже отдал сам по себе, фактически по своей инициативе – ну сделал, и слава Богу, – то не приходи и не требуй от меня компенсации после свершившегося факта».

Перечитывая это интервью с Саймсом, я вновь вспоминаю Женеву в ноябре 1985-го. Вся рейгановская команда не упускала случая продемонстрировать свое превосходство над Горбачевым и его «спецами» из ЦК, которые по классу своему и функциональности оказались настолько ниже американцев, что за державу было обидно. В Женеве в разговорах с глазу на глаз Рейган то и дело шпынял Горбачева, как нашкодившего школьника, и откровенно показывал, что плевал на его перестройку, предложения «наладить отношения» и приступить к «всеобщему и полному разоружению». В конце концов, он достал Горбачева, и тот даже решил напомнить ему о том, что «возглавляет великую державу по имени Советский Союз». Но Рейгана это не проняло. Он когда-то был актером и неплохо играл, но в Женеве очень плохо скрывал, что Горбачева презирает. Рейган просто не хотел разговаривать с ним на равных.

Кстати, примерно так же вела себя и Нэнси Рейган по отношению к Раисе Горбачевой.

Увы, не тем помянуть покойную, Раиса не выдержала первого испытания Западом. Мне рассказывали, что в президентском номере гостиницы, в котором они остановились с Горбачевым в Женеве, она нашла на свое имя золотую карточку «Америкэн экспресс» с правом безлимитного расхода во время пребывания в отеле. Это, скорее всего, не было провокацией или попыткой подкупа, а просто одной из традиционных услуг роскошного отеля – карточку предлагали на всякий случай, вдруг у гостя не окажется с собой наличных, а надо будет где-то расплатиться. Горбачева, однако, с этой карточкой хорошо погуляла по женевским бутикам, пока ее муж вел переговоры с Рейганом. К счастью, в прессу об этом не просочилось ни слова.

Рейгану наверняка об этом доложили, что у него уважения к Горбачевым не прибавило. Но главное, Рейган как настоящий американский патриот и националист не мог испытывать никакого почтения к Горбачеву после того, как Маргарет Тэтчер рассказала ему о его визите в Лондон еще в качестве просто члена Политбюро. В декабре 1984 года М. Горбачев по приглашению М. Тэтчер посетил Англию как глава делегации Верховного совета СССР. Бывший агент КГБ «Янис» сообщил, что он в 1984 году выполнял поручение по обеспечению визита в Англию члена Политбюро Горбачева М. С. и там от офицера английской спецслужбы услышал, что Горбачев – «агент влияния», человек, которому предстоит оказать «выдающееся влияние на мировую политику» («День». 1992. № 33. С. 3).

В ходе того визита Горбачев встречался с Тэтчер и вел с ней переговоры. И тут уже не кто иной, как сам А. Н. Яковлев, раскрыл после развала Союза, что происходило за дверями этой встречи. Он рассказывал, что на одном из заседаний, на котором он присутствовал, Горбачев разложил на столе перед Тэтчер секретную карту Генштаба с обозначениями мест базирования советских стратегических ракет, нацеленных на английские города (см.: *Шевякин А. П.* Разгром советской державы. От «оттепели» до «перестройки». М., 2004. С. 55). Подобные деяния в Уголовном кодексе

РСФСР и тогда и сейчас квалифицируются как шпионаж и государственная измена. Известно также, что после этой встречи с Горбачевым Тэтчер направила послание президенту США Рейгану, в котором «рекомендовала всячески его (Горбачева. – В. Б.) поддерживать, так как он поможет покончить с коммунизмом» («Гласность». 13 февраля 1992 г. С. 5).

Горбачев утверждал, что он это сделал для того, чтобы убедить английского премьера в необходимости сокращения и полного уничтожения ядерных вооружений. Но чем бы он ни мотивировал свой поступок, это было предательством Родины. И Рейган, скорее всего, именно так это и воспринял. А предателей не любят нигде. Вот он и не посчитал нужным соблюдать на вилле Флер д'О правила хорошего тона. Познакомившись с «Горби» поближе, он, конечно, мог прийти к выводу, что Горбачев – это недоумок, достигший на посту советского лидера своего потолка некомпетентности. Но, скорее всего, он знал то, о чем никто из нас тогда не посмел бы и подумать. У него, надо думать, на «Горби» было полное досье.

Горбачев был поражен в ходе встреч Женеве прежде всего тем, что Рейган обращается с ним не как с лидером второй по мощности ядерной державы, а как с политиком третьеразрядного государства «третьего мира». По сути, это были переговоры не о сотрудничестве и взаимодействии в международных делах, а о капитуляции СССР в «холодной войне» на американских условиях.

Он никак не хотел поверить в то, что от своих планов уничтожения Советской империи и коммунизма во всех его проявлениях Рейган не собирается отказываться, хотя это было известно еще до того, как он пришел в Белый дом. Свой «крестовый поход» против коммунизма он открыто провозгласил и во время своей первой предвыборной кампании. В своей книге «На пути в XXI век», написанной по следам моей командировки в Женеву, я отмечал, что этот поход не просто очередная пропагандистская кампания, а серьезная угроза для социалистического содружества и народов развивающихся стран: «С начала 80-х годов в США впервые заговорили о “доктрине Рейгана”. Это стратегия открытого вмешательства в дела “не устраивающих” США стран с целью изменения существующе-

го в них строя, впервые опробованная на Гренаде, против которой были брошены отборные американские интервенционистские войска, возводилась в ранг долгосрочной государственной политики Вашингтона. Свое “право” на международный разбой эмиссары Белого дома пропагандировали во всеуслышание при любой возможности. То же самое они намеревались предпринять и в Женеве» (Большаков В. На пути в ХХІ век. Репортаж-размышление. М.: «Молодая гвардия», 1986. С. 198). Рейган в ходе своего нелицеприятного разговора с Горбачевым на вилле Флер д’О заявил об этом ему напрямую.

«Доктрина Рейгана, – цитировал я в моей книге американского обозревателя Джеймса Престона, – сводится к тому, что Соединенные Штаты окажут поддержку любому государству и любой группировке, борющейся за свободу против коммунистического господства в любой точке земного шара. Это – продолжение доктрины Трумэна и обещания Джона Кеннеди “вынести любое бремя в защиту свободы”».

За год до женевского саммита известный американский политолог профессор Гарвардского университета Дж. Най в своей статье в журнале «Форин афферс», одном из рупоров мировой закулисы, недвусмысленно озаглавленной «Может ли Америка управлять своей советской политикой?», выделил в политике США три главные цели: «1) предотвращение ядерной войны; 2) сдерживание распространения советской мощи и идеологии; 3) *постепенное содействие изменению природы и поведения СССР* (выделено мной – В. Б.)». Най был хорошо осведомленным человеком, и выделенные им пункты 2 и 3 были вписаны в директиву Совета национальной безопасности США по демонтажу коммунизма буквально год спустя.

Очевидно, что о подлинных намерениях Рейгана руководство СССР и лично Горбачева предупреждали как наши дипломаты, так и внешняя разведка КГБ и ГРУ. Горбачев явно запаниковал, когда практически сразу же после своего избрания генсеком стал лихорадочно искать возможности встречи с Рейганом, буквально засыпая его своими «мирными инициативами». Кто его так напугал, остается неизвестным до сих пор. Очевидно было только, что он испугался. Конечно, продемонстрированные ЦРУ

способности к государственным переворотам и убийствам лидеров суверенных государств, видимо, могли навести его на мысль, что и его могут также устранить киллеры из ЦРУ, как это проделала группа «Альфа» из КГБ с президентом Афганистана Амином. А может быть, и кто-то специально наводил его на такую мысль. Скорее всего, все же он боялся, что его отстранят от власти, как в свое время Хрущева, те же самые «консерваторы» из Политбюро, которые его и поставили во главе партии и государства. И это была реальная угроза. Но я не исключаю, что в разговорах с глазу на глаз Рейган поставил перед Горбачевым ультиматум: либо ты принимаешь наши условия и работаешь вместе с нами по демонтажу коммунизма в СССР и в Варшавском Договоре (выше было сказано, что для начала в Женеве Рейган потребовал от Горбачева снести берлинскую стену, и это подтвержденный факт), прекращаешь поддержку своих клиентов в «третьем мире», либо мы подберем на пост Генерального секретаря ЦК КПСС кого-нибудь другого. То, что Горбачев выбрал первое, очевидно, независимо от того, был ли в действительности перед ним поставлен такой ультиматум на вилле Флер д'О или нет.

Предпоследний съезд

После возвращения из Женевы по просьбе АПН Евгений Григорьев, Том Колесниченко и я как очевидцы женевского диалога на высшем уровне написали, а точнее скомпоновали из своих репортажей и статей небольшую книжку. У меня, к сожалению, не сохранилось ни одной ее копии. Но как только она вышла, мне позвонила Раиса Чекрыжова из моей любимой «Молодой гвардии» и сказала: «Ты нас обижаешь, Володя. Для АПН пишешь на такую важную тему, а для нас нет? Валерий Николаевич (Ганичев) попросил тебя зайти». Светлый человек Раечка, она, к сожалению, рано умерла, редактировала все мои книги, вышедшие в том издательстве, и на следующий день я уже был на Суцесвской улице в кабинете Ганичева. С ним и Раисой мы обсудили план книги, сроки сдачи и тут же подписали договор. Когда деловая часть закончи-

лась. Ганичев, хитро подмигнув, спросил: «Ну и как там наш смотрелся на берегу Женевского озера?»

«Смотрелся неплохо, – ответил я, жестом указав на стоявший на столе Валерия Николаевича белый телефон. – Но мы его почти не видели. Все шло за закрытыми дверями. А о чем там говорили, читайте ТАСС».

«Вот ты и напиши, как оно было, почему и что нам ждать от этого, – сказал Ганичев. – Главное, сейчас дать точный анализ того, чего добивается Рейган и как идет его “крестовый поход” против нас».

Книга у меня получилась достаточно жесткая. Я все назвал своими именами и показал в ней основные направления той глобальной атаки на мир социализма и народно-освободительные движения, где администрация Рейгана вышла на «противостояние с коммунизмом». Поначала Горбачев и его окружение не отрицали, что это противостояние при Рейгане перешло в открытую конфронтацию. В своем Политическом докладе на XXVII съезде КПСС он сказал: «Правая группировка, пришедшая к власти в США, и их основные попутчики по НАТО круто повернули от разрядки к военно-силовой политике. Они взяли на вооружение доктрины, которые отвергают добрососедство и сотрудничество как принципы мирового развития, как политическую философию международных отношений. Вашингтонская администрация осталась глуха к нашим призывам остановить гонку вооружений, оздоровить обстановку». Но добавил, ссылаясь на свои «мирные инициативы»: «Надо искать, находить и использовать даже малейший шанс, чтобы – пока еще возможно – сломить тенденцию к нарастанию военной опасности». Как к этим «поискам» относился Рейган, Женева показала достаточно убедительно, и Горбачев даже не рискнул приводить в пример проведенные там переговоры как успешную попытку остановить гонку вооружений. Фактически, вскоре после того съезда Горбачев с подачи Шеварднадзе положил в основу своей внешней политики принцип «разрядка любой ценой». А это означало практически капитуляцию перед мировой закулисой.

Работая над книгой «На пути в XXI век» для «Молодой гвардии», я поднял мало известные документы, которые подтверждали, что в своем стремлении к мировой гегемонии Соединенные Штаты шли в разное вре-

мя на союз с Россией, но, одержав с ее помощью победу над очередным противником, тут же Россию предавали и объявляли ее «врагом номер один». Так было и после Первой мировой войны, и после Второй. «Доктрина Рейгана» была просто очередной редакцией «Доктрины Вильсона». В одном из американских военных журналов я нашел статью, где приводились цитаты из инструкции войскам США, как действовать на оккупированной советской территории в случае войны. Она мало чем отличалась от инструкций солдатам вермахта перед вторжением в СССР в июне 1941 года. Коммунистов было рекомендовано уничтожать в первую очередь. Было ясно, что и при Рейгане, случись война, эти инструкции оставались бы в силе. Не скажу, что эта моя книга вызвала восторг на Старой площади. А. Н. Яковлев, которому я с дарственной надписью вручил ее, сказал, что «книга Большакова хлестко написана, но нашему диалогу с Америкой не способствует». А речь-то уже тогда шла не о диалоге, а об активной операции США по ликвидации СССР, в которой самым активным образом участвовал г-н Яковлев по кличке «Бафомет».

XXVII съезд КПСС – первый съезд после смертей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова и К. У. Черненко и предпоследний в истории КПСС – проходил в Москве в Кремлевском Дворце съездов с 25 февраля по 6 марта 1986 года. На съезд было избрано 5 тысяч делегатов.

Внешне съезд был так же традиционно выстроен, в чем я убедился лично уже в день его открытия, как и все предыдущие после Хрущева. «Правда» отправила освещать его Николая Брагина, приехавшего из Канады в отпуск, и меня в составе группы своих спецкоров. Нас аккредитовали при пресс-центре съезда в здании АПН на Зубовском бульваре. Пропуск туда давал возможность понаблюдать и за ходом самого съезда с балкона Дворца съездов в Кремле. Интерес к нему был огромный. При пресс-центре аккредитовались 394 органа печати из 72 стран, более тысячи журналистов. Ожидали сенсаций от нового и наконец-то относительно молодого Генерального секретаря. Но сенсаций не произошло, хотя, открывая съезд, Горбачев сказал, что наша страна находится «на крутом переломе».

В Пресс-центре XXVII Съезда КПСС. В. Большаков у стены – крайний справа.

Если судить по докладу Горбачева и другим выступлениям на съезде, то, не считая жалкого лепета Ельцина о необходимости «борьбы с привилегиями», никакими крутыми переменами в СССР не пахло. Все речи были достаточно ритуальными, а обсуждение доклада Горбачева то и дело сопровождалось откровенной лестью в его адрес и бурными продолжительными аплодисментами по этому поводу.

Для меня съезд был интересен скорее встречами с лидерами зарубежных компартий. Приехал из Австралии Питер Саймон. В кулуарах съезда и в пресс-центре удалось поговорить с генеральным секретарем Компартии США Гэсом Холлом, с лидером Компартии Израиля Меиром Вильнером и взять у них короткие интервью для «Правды». Это еще была и возможность получить последние труды идеологов коммунистических партий – от еврокоммунистов до стопроцентно просоветских. После встреч с ними я уносил в редакцию кипы этой литературы.

Я ни в чем не мог упрекнуть Горбачева на том съезде. По сравнению со своим дебютом в Женеве он выглядел на съезде куда более уверенным в себе, не путался в словах и вставных зубах, как «дорогой Леонид

Ильич». «Может быть, и впрямь будет толк», – думал я. И не я один думал так. Вся страна так думала. По-настоящему же «крутой перелом», перешедший, по Александру Зиновьеву, из «перестройки» в «катастрофку», произошел практически сразу после съезда, когда в ходе внеочередных пленумов Горбачев вычистил ЦК КПСС от «старой гвардии» и поставил во главе партии и страны своих людей.

Снова в Швейцарию

Берн – столица Швейцарии – красив своими хорошо сохранившимися средневековыми улицами и площадями, но, на мой взгляд, один из самых скучных городов мира. Его жители настолько законопослушны, что они успевают сообщить полиции о том, что вы неправильно припарковали машину еще до того, как вы из нее выйдете. По местным законам за это стукачу-добровольцу полагается процент от взимаемого с нарушителя штрафа. И бернцы бдительно дежурят у своих окон и стучат с упоением. Если смотреть в течение недели телепередачи Бернского телевидения, то можно гарантировать, что либо вы разобьете телевизор в припадке безысходной тоски, либо повеситесь. И к тому же в Берне говорят на немецком языке, к которому у меня идиосинкразия с детских лет, проведенных в оккупированной фрицами Сычёвке.

Немецкий я, естественно, давно забыл. Французский – второй официальный язык Швейцарии – был у меня в институте третьим, и я только-только начал его восстанавливать с помощью Лены Груздовой, тети моей жены, которая преподавала в ИнЯзе, хотя и не думал, что этот язык когда-нибудь мне пригодится. В Берне, однако, именно французский меня выручал, так как по-английски там, как правило, никто говорить не хочет.

А попал я в Берн опять же с подачи Виктора Григорьевича Афанасьева, который упорно меня обкатывал в коротких командировках по заграницам в надежде, что на Лубянке с меня, наконец, снимут епитимью невыезда. На этот раз моя миссия заключалась в освещении Европейского совещания экспертов по контактам между людьми. Задачей его была

выработка конкретных соглашений о характере таких контактов в продолжение Хельсинкских договоренностей и положений Заключительного акта. Эксперты ежедневно с присущей им занудностью разбирали пункт по пункту этот акт, выясняя, что государства, его подписавшие, выполняют в области контактов между людьми, а что нет. Задачей этого совещания было создать дополнительный теперь уже Бернский акт, т. е. тот документ, который бы все эти контакты и воссоединение семей регулировал. Конечно, писать на эту тему было так же скучно и неинтересно, как смотреть Бернское телевидение. И, если бы не Юра Кашлев – с ним мы познакомились еще перед фестивалем в Софии, когда он был заместителем Геннадия Янаева в Комитете молодежных организаций, а в Берне выступал как зав. тем отделом в МИД СССР, который всем этим крючкотворством как раз и занимался, – конец моей бернской командировки был бы печальным. А Кашлев все же убедил меня, что делом он занимается действительно серьезным и что без решения тех вопросов, которые обсуждались на совещании, тысячи людей не могут соединиться со своими семьями годами, что оборачивается многими тысячами человеческих трагедий. К тому же Юрий был просто хорошим парнем, и мне искренне жаль, что он рано ушел из жизни.

Решение о моей командировке гласило, что в Берн я еду «в апреле сроком на 8 дней, а в мае – сроком на 9 дней». Особых шедевров от меня в редакции не ждали. Задачей моей было передавать краткие информации о том, как проходит совещание, что я и делал исправно, а «Правда» публиковала их через день. Совещание шло ни шатко ни валко, и когда я вернулся из Москвы в Берн в мае, то оказалось, что коллеги Юры Кашлева далеко не продвинулись. Он рассказал мне, что ему с большим трудом удалось уломать их подготовить пусть даже не самый универсальный документ, но все же снимающий многие прежние запреты на воссоединение семей и контакты между людьми. Работа эта также продвигалась медленно, но все же к концу мая этот документ удалось согласовать со всеми делегациями стран – участниц Хельсинкского совещания. Ждали одобрения Вашингтона, с которым активно консультировался по ночам (с учетом разницы во времени) глава американской

Берн. Перед встречей экспертов.

делегации М. Новак. С самого начала участники совещания заподозрили этого господина в том, что он заинтересован не столько в его успехе и выработке желанного документа, а в том, чтобы обвинить Москву в невыполнении Хельсинкских соглашений. В полном объеме она их, конечно, не выполняла. Существовали сотни, если не тысячи поводов не выпускать людей за границу из нашего Отечества либо всячески их притормаживать, и мой личный пример это доказывал. Поэтому еще душа у меня не лежала к полемике с американцами. Другое дело, что уже тогда по воле администрации Рейгана они откровенно провозгласили как норму своего поведения в международном сообществе тот самый принцип, который придумали свиньи в повести Дж. Оруэлла «Звероферма»: «Все животные равны, но некоторые более равны, чем другие». М. Новак открытым текстом сообщил журналистам, аккредитованным на совеща-

нии в Берне, что США будут соблюдать только те международные нормы, которые сочтут нужными. Это было еще одним подтверждением того, что «доктрина Рейгана» не признавала международное право, и это давало США возможность открыто вмешиваться во внутренние дела суверенных государств, включая Советский Союз.

Когда под конец совещания удалось все же согласовать итоговый документ, министр иностранных дел ФРГ Геншер лично обратился к госсекретарю США Шульцу с просьбой одобрить его. Но получил отказ.

27 мая М. Новак провел свою последнюю конференцию, на которой и сообщил, что США ничего не станут подписывать. Итоговый документ, согласованный всеми участниками совещания, можно было выбросить в корзину. Аргументами себя Новак не утруждал, заметив лишь, что «США имеют право на несогласие». Двухмесячная кропотливая работа 34 делегаций пошла, то что называется, «коту под хвост».

В заключительной статье из Берна «Вашингтон снова говорит: “Нет!”» я написал тогда: «Берн стал свидетелем беспардонного политического стриптиза вашингтонских “поборников прав человека”. С самого начала они попытались превратить совещание в некое судилище над странами социализма, в низкопробное пропагандистское шоу, сценарий которого был заранее составлен в Вашингтоне в худших традициях “холодной войны”».

Саботажем совещания в Берне американцы не ограничились. Еще в апреле они откомандировали туда делегацию «Интернационала сопротивления». Эту антикоммунистическую организацию создали во Франции в мае 1983 года по инициативе советского диссидента Владимира Буковского и кубинского диссидента Армандо Вальядареса. Президентом «интернационала» стал Владимир Буковский, председателем – Эдуард Кузнецов. Позднее ее руководителем был Арман Малумян. Практическое руководство осуществлял исполнительный директор писатель Владимир Максимов. Членами «интернационала» были Корнелия Герстенмайер, лорд Николас Беттелл, Уинстон Черчилль-мл., Мстислав Ростропович, шеф сионистского «Центра документации» в Вене Симон Визенталь и др.

Люди разные, и биографии у них весьма колоритные. Арманд Вальядерес (род. 1937) – кубинский диссидент, многолетний политзаключенный, поэт и художник, в 1960 году отказался поставить на свой рабочий стол табличку с надписью «Я с Фиделем!». После этого он был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и приговорен к 30 годам заключения. Вальядерес писал в тюрьме стихи и тайно переправлял их на волю. В 1974 году его поэтический сборник был опубликован за пределами Кубы и ПЕН-клуб Франции наградил его «Премией свободы». «Международная амнистия» признала его узником совести.

Вальядерес был освобожден в 1982 году, после двадцати двух лет заключения, по просьбе президента Франции Франсуа Миттерана и эмигрировал в США. В 1988 году он был назначен представителем США в Комиссии ООН по правам человека и занимал этот пост до 1990 года. В 1986 году были опубликованы его воспоминания «Against All Hope» (под названием «С надеждой в сердце» отрывки из них были опубликованы в 1992 году в журнале «Новый мир»).

Владимир Буковский (род в 1942 г.) – один из основателей диссидентского движения в СССР, провел в общей сложности 12 лет в тюрьмах и в «психушках», прежде чем в 1976 году его обменяли на Луиса Корвалана. В 1991 году он приезжал в Россию по личному приглашению Ельцина, вернул себе гражданство РФ, но все же осел в Англии, где в 2016 году был привлечен к суду за распространение детской порнографии.

Арман Малумян (1928–2007) родился в Марселе в семье армянских эмигрантов из Турции. Во время геноцида большинство его родных погибли. Отец, профессор Жан-Батист Малумян, бежал во Францию. Арман участвовал во Французском сопротивлении и в 1944 году, прибавив возраст, 16-летним вступил во 2-ю бронетанковую дивизию французского генерала Леклерка. За проявленный героизм был награжден шестью боевыми орденами и медалями. Агитационная кампания в Париже в 1946 году среди эмигрантов-армян из Турции за возвращение на «историческую родину» привела семью Малумянов в Советскую Армению в 1947 году. О «возвращении» Малумянов был снят советский пропагандистский фильм. Но скоро наступило разочарование. С 1948 года

Малумяны пытались вернуться в Париж, трижды Арман Малумян обращался во французское посольство. 31 октября 1948 года Арман был арестован МГБ по обвинению в шпионаже. На следствии его пытали, 14 месяцев он провел в одиночной камере, был приговорен к расстрелу, но через три месяца приговор заменили на 25 лет заключения. В 1950–1953 годах он отбывал срок в Речлаге, участвовал в забастовках заключенных. Только в 1954 году, через год после смерти Сталина, семье Малумяна разрешили вернуться во Францию. Сам Арман Малумян получил возможность туда вернуться только после освобождения в 1956 году. В 1976 году он опубликовал книгу воспоминаний о Гулаге «*Les fils du Goulag*» («Сыновья Гулага»), которая было переведена на несколько языков.

Корнелия Герстенмайер родилась в 1943 году в Берлине в семье Ойгена Герстенмайера, в будущем председателя бундестага ФРГ. Мать Корнелии Бригитта фон Шмидт происходила из семьи балтийских немцев, бежавших в Германию после Октябрьской революции. Корнелия училась в гимназии в Штутгарте и в Бад-Годесберге. Некоторое время училась в школе в Англии. Изучала историю Восточной Европы, философию и славистику в Боннском и Фрибурском университетах. По приглашению Министерства культуры СССР в течение года училась в МГУ в Москве, но затем ей отказали во въезде в СССР за связи с диссидентами. В 1970 году она участвовала в создании Центра исследований религии и коммунизма в Лондоне, в 1971 году занималась проблематикой эмиграции советских евреев в Иерусалиме. В 1972 году вместе с Иваном Агрусковым основала во Франкфурте-на-Майне Общество прав человека и была его председателем до 1978 года. Затем руководила общественной организацией *Gesellschaft Kontinent e.V.* и помогала находившемуся в эмиграции Владимиру Максимова издавать русскоязычный журнал «Континент».

Эдуард Кузнецов (род. в 1939 г.) учился на философском факультете МГУ. В 1961 году он был впервые арестован за антисоветскую деятельность и участие в самиздате. Освободившись в 1968 году, создал вместе со своей женой группу боевиков-сионистов и с ними попытался захватить самолет, чтобы таким образом эмигрировать в Израиль из СССР.

За это Кузнецов был приговорен к смертной казни, замененной на 15 лет лишения свободы.

В 1979 году его обменяли на советских разведчиков, он приехал в Израиль, а затем в 1983–1990 годах работал редактором новостного отдела на радио «Свобода».

Владимир Максимов (при рождении – Лев Алексеевич Самсонов; 1930–1995) в 1963 году был принят в Союз писателей СССР после ряда удачных публикаций в советских журналах. Но его романы «Карантин» и «Семь дней творения» были признаны антисоветскими, и в результате его сначала исключили из Союза писателей, а затем упрятали в «психушку». В 1976 году Максимов был вынужден эмигрировать. О наших встречах с ним в Париже и о том, как он стал автором «Правды», я расскажу дальше. (Биографические данные об участниках «Интернационала сопротивления» приведены по информационному portalу «Википедия».) «Интернационал» просуществовал до 1988 года и затем самораспустился. Финансировали его в основном американцы (Конгресс США выделил в 1983 году \$6 млн) и частные фонды.

Я был на их пресс-конференции в Берне, но передавать ничего не стал. Конечно, они выступали тогда с враждебных позиций по отношению к СССР. Можно было бы про того же Кузнецова сказать, что никаким «узником совести» он не был, и судили его не за сионистские убеждения и пропаганду, а за разбой и терроризм. Но тогда надо было объяснять, почему он оказался в одной компании со вполне интеллигентными людьми – я не случайно привел здесь их биографии – и почему они вместе с ним выступали в Берне. Потому ли, что их купили американцы, или потому, что искренне верили в то, что говорили, выступая в защиту прав человека в СССР. Нельзя было их всех отнести к категории «предателей и уголовников», как это нередко без разбора делала наша пресса тогда. Это были люди самых глубоких убеждений, за которые они были готовы пострадать и даже отдать свою жизнь. С ними нужен был диалог, а их поначалу использовали в пропагандистских целях госдепартамент и ЦРУ, а затем – Горбачев и Ельцин, выслуживаясь перед Западом. Мне все же удалось наладить этот диалог с диссидентами, правда, пять лет спустя.

Глава пятнадцатая ПОЗНАВАЯ ФРАНЦИЮ

Путевка в Париж

Перед самым моим отъездом из Берна мне позвонил Афанасьев. «Как у тебя с французским?» – неожиданно спросил он.

«Как в анкете, – ответил я. – “Читаю со словарем и могу объяснить”. А что?»

«У нас беда, Володя. В Париже умер Ваня Щедров. Поедешь вместо него. Согласен?»

Я представил себе, как обрадуется Даша. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Она всю жизнь мечтала о Париже, а повидать сумела его только одним глазком тогда, на празднике «Юманите»... Конечно, я бы предпочел поехать собкором в США или Канаду, а еще лучше – обратно в Австралию. Но все это было нереально, и потому я и ответил: «Конечно, согласен».

Мне было очень жаль Ивана Щедрова. Он был отличным журналистом и, работая нашим собкором в Ханое, ходил вместе с партизанами в Южный Вьетнам, где не раз попадал под бомбы и газы американцев. Бесследно это не прошло. У него была тяжелая форма астмы, и без своего баллончика с лекарством он не мог преодолевать ее приступы. Так случилось, что в нашем парижском корпункте он был один и, когда начался приступ, до баллончика не дотянулся. Вечная ему память.

Через два дня после того разговора с главным я уже был в редакции и зашел к нему. Он сказал, что пока есть решение о моей поездке специальным корреспондентом на три месяца. «Как я ни пытался тебя отмыть от австралийских доносов, ничего пока не получается. Ну, будем бороться. Сначала поедешь на три месяца, а если пробить тебе выезд

не удастся, будем продлевать, пока они не отступят. Но сейчас поедешь без семьи»...

Все повторялось. Я оставался в подвешенном состоянии, так как никто не хотел поставить точку в моем деле. Классический вариант – «Казнить нельзя помиловать». Было горько, обидно, больше даже не за себя, а за Дашу и девочек. Но «дан приказ ему на Запад»...

Я написал свое последнее международное обозрение («Правда». 8 июня 1986 г.) и опубликовал последнюю статью в качестве обозревателя «Правды». Это была большая публикация на полполосы: «В поисках братьев по разуму. Раздумья о новом мышлении в ядерный век» («Правда». 25 августа 1996 г.). Это было и мое последнее выступление в «Правде» в качестве американиста – Рейгану от меня досталось по полной за эскалацию напряженности и гонку вооружений и за то, что он продолжал плевать на призывы Горбачева освоить «новое мышление» и отказаться от конфронтации с СССР.

Посол Рябов нас выручает

В Париж я прилетел 12 сентября 1986 года вместе с Афанасьевым. Он, как обычно, возглавлял нашу делегацию на празднике «Юманите». Машины у меня не было – она стояла в гараже, т. к. была зарегистрирована на Ивана Щедрова и переоформить ее на мое имя было не просто. Французы очень щепетильны в вопросах собственности и потребовали согласия на это от вдовы Ивана, хотя наше «Рено» покупала ему «Правда». Выручило наше посольство, куда незадолго до нашего приезда был назначен Яков Петрович Рябов. Он прикрепил к нашей делегации посольскую машину с шофером. Я очень люблю этого человека и многим ему обязан. Рябов был настоящим выходцем из народа. Он родился в 1928 году в село Шишкеево Пензенской губернии в многодетной крестьянской семье. В 1930 году семья переехала в Свердловск на строительство Уралмашзавода, лидера нашей оборонки. Трудовой путь он начал еще мальчишкой в 1944 году, работал токарем-карусельщиком, как

и многие его сверстники, сменившие отцов, которые ушли воевать с фашизмом, на рабочих местах. 15 лет Яков Петрович проработал на Свердловском турбомоторном заводе, где с 1958 года был секретарем парткома завода. С этого началась его партийная карьера. В 1971–1976 годах он – 1-й секретарь Свердловского обкома КПСС. На этом посту его и сменил Ельцин, хотя сам Рябов считал его полной посредственностью.

Рябов почти 20 лет был членом ЦК КПСС (1971–1990). С 1976 по 1979 год как Секретарь ЦК КПСС по вопросам обороны курировал отрасли ВПК. Но был освобожден от должности, т. к. не поладил с министром обороны Дмитрием Устиновым. Его перевели тогда на пост первого заместителя председателя Госплана СССР. В 1983–1984 годах Рябов – министр СССР, председатель Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям. В 1984–1986 годах – заместитель Председателя Совета Министров СССР. Горбачев убрал Рябова с советского властного Олимпа одним из первых сразу после XXVII съезда и отправил его Чрезвычайным и Полномочным послом СССР во Францию. (Данные о Я. П. Рябове приведены по: Центральный Комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): историко-биографический справочник // Сост. Ю. В. Горячев. М.: Изд. дом «Парад», 2005; *Чернев А. Д.* 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. Справочник. М.: Журнал «Родина», Научный центр «Руссика», 1996.)

С дипломатической работой Яков Петрович был незнаком, но не растерялся и довольно быстро вошел в курс дела. Для него после многих лет блестящей карьеры партийного лидера и государственного чиновника высшего ранга это, конечно, была ссылка. Он принял меня тепло, и во время праздника «Юманите», куда он и сам наведился, мы общались каждый день. Как-никак Афанасьев был членом ЦК КПСС. А табель о рангах в СССР соблюдался четко. Шофер, которого к нам направил Рябов, помог мне и Афанасьеву во время того праздника с одним весьма деликатным делом. В составе делегации «Правды» оказался наш собкор из одной среднеазиатской республики СССР. Не буду называть его имени. Он был в первый раз за границей. А делегацию «Правды» обычно

селили в отеле рядом с Пляс Пигаль – это самое злчное место Парижа с многочисленными стрип-клубами, порнолавками и киношками в подвалах, где 24 часа в сутки крутят порнофильмы. Заплати свои 30 франков и сиди там хоть двое суток. Так вот вечером этот наш «азиат» вышел прогуляться по Пляс Пигаль и забрел в такое «кино». Бедолага потерял счет времени, просидев перед экраном с порнухой почти двадцать часов. Все это время мы искали его по Парижу. И как раз по наводке нашего польского шофера вынули его из того заведения. Рябов приказал дело это замять, и нашему любителю порнухи все обошлось, хотя больше Афанасьев его за границу не посылал.

В остальном праздник «Юманите» прошел отлично. Афанасьев уехал довольный, услышав мое первое выступление в нашем павильоне на французском языке (если б он знал, сколько я наделал грамматических ошибок, то пришел бы в ужас) и пожелав мне всяческих успехов. Рябов обещал ему меня в обиду не давать и четко выполнял это свое обещание все те годы, что мы работали вместе в Париже.

Под прицелом террористов

Раскачиваться мне долго не пришлось. Сразу же после отъезда главного я едва ли не ежедневно писал о терактах во французской столице. Париж было не узнать в те сентябрьские дни. Город-праздник, по характеристике Хемингуэя, «который всегда с тобой», туристическая Мекка, где многоязычная толпа фланирует по Елисейским полям и магазинам на Больших Бульварах, вдруг как-то сразу приутих и замер...

«Париж в панике», – шел через всю первую полосу заголовков в газете «Матэн». «Ужас становится обычным», – утверждала «Либерасьон». Репортаж в «Фигаро» об очередном террористическом акте заканчивался словами: «Итак, пять покушений за десять дней». Волна террора действительно захлестнула французскую столицу в те сентябрьские дни 1986 года.

4 сентября. В 18.30 обнаружена бомба в парижском метро на станции «Лионский вокзал». Она чудом не взорвалась.

9 сентября. В семь часов вечера бомба рванула в вестибюле парижской мэрии. Одна женщина убита. Четверо тяжело ранены, в том числе шестилетний ребенок.

12 сентября. В парижском деловом пригороде Дефанс в жилом комплексе, где всегда людно, в кафе в час обеда взорвалась бомба. Ранен 41 человек.

14 сентября. Служащий клуба «Рено», где всегда полно туристов и автолюбителей, обнаружил замаскированную бомбу. Когда ее попытались обезвредить, она взорвалась. Один полицейский убит, еще двое, в том числе обнаруживший бомбу служащий, тяжело ранены.

15 сентября, полдень. Террористы нанесли еще один удар и тоже, как всегда, там, где возможно наибольшее число жертв. На этот раз выбрали префектуру парижской полиции, расположенную рядом с собором Нотр Дам де Пари. Один человек убит. Еще 51 ранен.

Полицейские машины метались, как ошалелые, по городу, оглушительно воя сиренами, но так никого и не нашли. Террористы заявили о себе сами. На этот раз «пальму первенства» оспаривали две никому ранее неизвестные организации. Первая – некий «комитет солидарности с арабскими и ближневосточными политическими заключенными» и вторая, незадолго до этого объявившаяся, – «сторонники права и свободы». И та и другая распространили в Бейруте и в Париже соответствующие «коммюнике», взяв на себя ответственность за сентябрьские взрывы. «Комитет» потребовал освобождения нескольких человек, осужденных во Франции по обвинению в причастности к терроризму. «Сторонники», помимо этих требований, добивались изменения политики Франции на Ближнем Востоке. И те и другие угрожали – если не выполните наши требования, будем взрывать и дальше. В письме из Бейрута была названа главная цель – Елисейский дворец, резиденция президента Франции.

Они не шутили. 17 сентября среди бела дня прогремел новый взрыв. На этот раз на Монпарнасе, на улице Ренн у «Тати», «бюджетного» магазина, популярного у парижской бедноты и советских туристов. Цель, время и место были выбраны с изощренной жестокостью. В послеобеденные часы у «Тати» всегда много покупателей, которые роятся в развалах,

подбирая себе нехитрый товар. Прямо в эту толпу из проезжавшего по улице Ренн автомобиля бросили мощную бомбу. Наших там, к счастью, не оказалось. Но на месте теракта остались пятеро убитых и более 60 человек раненых. Из них 12 – тяжело. После этого меры безопасности еще усилили, хотя, казалось бы, куда больше. Обычно полиция во Франции предпочитает работать в скрытом режиме – по улице патрули не ходят. А в том кровавом сентябре патрули полиции и спецназа (военизированной охраны – CRS) были повсюду. Нельзя было войти без проверки ни в универмаг, ни в гостиницу, ни в музей, не говоря уже о правительственных учреждениях.

Кто за всем этим стоял, так и осталось неизвестным. И этому не следует удивляться. Террористы нередко придумывают названия своих организаций, от имени которых берут ответственность за тот или иной теракт. Это – простая маскировка, к которой прибегают и реальные исламские джихадистские группировки, и террористы-одиночки, ведущие джихад самостоятельно. У исламского терроризма есть как бы общее направление – в данном случае «Белая Франция», которую организаторы нового джихада вознамерились уничтожить. И кто это сделает конкретно, не столь уж важно. Важно направление главного удара. Французский политолог Тьерри Вольтон отмечает, что исламистский терроризм не представляет собой единой структуры с общим управлением. Отдельные группы существуют автономно и часто не связаны друг с другом. Вот поэтому среди организаторов терактов в Европе и, в частности, во Франции было так много одиночек и то возникающих, то исчезающих «комитетов», «сторонников» и т. д. и т. п. Только в последнее время большинство из них встало под черные знамена ИГИЛ.

Спустя почти десять лет в Париже террористы взорвали бомбу на станции парижского метро Гар-Сан Мишель. Опять рядом с Собором Парижской Богоматери. Район этот всегда полон туристов и молодежи – рядом Сорбонна, другие вузы. Взрыв грянул как раз в тот момент, когда поезд подходил к платформе станции. В шестом вагоне состава свободных мест не было. Начинался час пик. В результате жертв было много – четверо убиты и 62 человека ранены, из них тридцать тяжело. Я видел, как

их выносили из метро в близлежащие кафе в Латинском квартале. Один вид изуродованных и окровавленных людей приводил парижан в состояние полного шока. А через несколько дней после этого очередной взрыв бомбы, изготовленной из газового баллона, прогремел неподалеку от Триумфальной арки, где тоже всегда полно туристов. Убитых, к счастью, не было, но 17 человек раненых увезли в госпиталь. Вновь надрывно выли сирены скорой помощи, пожарных и полиции. Метались по городу патрули, всюду была усилена охрана, как и в сентябре 1986-го. Но и на этот раз террористы успешно скрылись.

Теракты стали, увы, обычным явлением в жизни Франции после того кровавого сентября 1986 года. Теракты в Париже в 2015 и 2016 годах потрясли весь мир. Но в те дни, когда я только начинал работать в Париже, до этого еще было далеко и по времени, и по степени понимания французским обществом, почему это происходит и почему именно Францию террористы избрали своей целью номер один в Европе. Да и я сам не сразу это понял. Францией я никогда раньше не занимался и знал о ней не больше, чем любой обыватель. А здесь пришлось копать глубоко, ибо иначе все, что я писал из Парижа, было бы признано в «Правде», где тогда еще работали такие знатоки этой страны, как Георгий Ратиани и Борис Котов, всего лишь «дилетантством».

Мои коллеги из других газет, аккредитованные в Париже, знали меня по публикациям в «Правде» совсем на другие темы, в основном с идеологического фронта, но по знанию Франции могли дать мне сто очков вперед. В том числе по знанию французского языка. Среди них был мой коллега по «Комсомолке» Саша Сабов, который во многом помог мне в первое время. Он был собкором «Литературной газеты». «Известия» представлял Юрий Коваленко. Он начал работать в Париже года за два до меня, но так там и остался после развала СССР и продолжал работать то на «Известия», то на «Новые Известия», то опять вернулся в «Известия». Остался жить в Париже и Вячеслав Прокофьев, работавший тогда от газеты «Труд». Собкором «Комсомольской правды» был в то время Кирилл Привалов. К моему сожалению, он сменил Сашу Сабова в «Литературке», а его сменил в «Комсомолке» Николай Долгополов, автор многочислен-

ных книг и очерков о «героях невидимого фронта». После отбытия своего срока во Франции он вернулся в Москву и со временем стал заместителем главного редактора «Российской газеты». АПН представлял Дима Якушкин, потомок декабриста Якушкина, у которого знание Франции, ее истории, литературы и французского языка было семейной традицией. После развала СССР он стал пресс-секретарем Ельцина. Сильные ребята работали в корпунктах ТАСС, АПН и Гостелерадио.

1998 г. Интервью с бывшим директором французской контрразведки ДСТ Ивом Бонне, депутатом от социалистической партии в Национальной ассамблее.

В Париже за моими публикациями бдительно следили и в советском посольстве, где, как и в других наших представительствах, работали профессиональные франковеды из всех советских ведомств того периода, включая Лубянку. За год до моего приезда наших дипломатов в штатском сильно потрясли – французская контрразведка ДСТ, которую

тогда возглавлял Ив Бонне, представила вновь избранному президенту-социалисту Франсуа Миттерану список на сорок сотрудников посольства СССР, заподозренных в шпионаже, и он, не раздумывая, подписал распоряжение об их немедленной высылке. Конечно, в СССР были приняты ответные меры, но Горбачев, пришедший к власти почти одновременно с Миттераном, особо обострять ситуацию не стал. Впоследствии они стали с ним большими друзьями.

Конечно, в посольстве знали, что статус корреспондента «Правды» у меня временный. А надо было не только встать на партучет в посольстве и на учет в консульстве, но и легализоваться по французским законам. Получить вид на жительство, заменить советские права на вождение на французские, аккредитоваться при Министерстве иностранных дел и т. д. и т. п. Надо было делать что-то и с машиной – старенький корпунктовский «Рено», а это был далеко не шедевр французского автопрома, уже по всем срокам подлежал замене хотя бы на новый. В общем, проблем было масса, но решать их мог только тот, кого в отделе выездов ЦК КПСС утверждают как постоянного собкора «Правды». Уже поэтому идея Афанасьева продлевать срок моего пребывания во Франции каждые три месяца не срабатывала. Естественно, что об этих моих проблемах я никому ни из моих коллег, ни в посольстве не рассказывал. Но, когда три отпущенные месяца подходили к концу, я пришел к Якову Петровичу Рябову и рассказал ему все, как есть. К тому времени мне удалось в «Правде» опубликовать несколько статей, которые ему понравились. Он знал меня и раньше по правдинским публикациям. Рябов сказал: «Мне другого собкора “Правды” здесь не надо. Я еду в Москву и за тебя повоюю».

Как я выяснил уже потом, против меня действовала сильная команда. С одной стороны, КГБ не хотел признать, что все доносы его сотрудников из Австралии были ложью и клеветой. Защищали честь мундира тех, кого сами же за это уже наказали. С другой – отдел пропаганды ЦК КПСС все еще курировал мой старый супостат «Бафомет» – А. Н. Яковлев, а возглавил его, вернувшись в Москву из Праги, другой мой ненавистник – бывший первый зам. главного «Правды» Скляр. Он

не мог мне простить то, как я публично высмеял его в «Правде» после того, как он назвал ее «продолжением партийных органов». И каждый раз, когда Виктор Григорьевич обращался к нему за помощью в моем деле, отказывал ему, ссылаясь на «возражения органов», тех, что на Лубянке. К тому же он ненавидел Афанасьева и потому, что не сумел занять его место, и за то, что тот меня последовательно защищал и пытался сделать все, чтобы открыть мне выезд. Этот «гордиев узел», завязанный совместно партократами и гебистами, Рябову удалось разрубить с помощью его доброго друга по партийной работе на Урале члена Политбюро ЦК КПСС Егора Лигачева, который был на первых порах у Горбачева куда влиятельнее Яковлева в 1985–1988 годах. Как секретарь ЦК КПСС по идеологии, Егор Кузьмич фактически был вторым человеком в партии и государстве. А Яковлев только в 1985 году стал секретарем ЦК. Как рассказывал мне Яков Петрович, после того как он все рассказал обо мне и моих проблемах Лигачеву, тот позвонил Яковлеву и спросил: «А ты почему задерживаешь оформление Большакова собкором “Правды” во Францию?» «Бафомет» задержался и сказал: «Видите ли, у Большакова есть проблемы», – на что Лигачев ему ответил: «У Большакова больше нет проблем. Это я тебе говорю». Разговор этот состоялся в конце ноября. Какое-то время Яковлев и Склярлов еще пытались затянуть дело, но Лигачев держал его на контроле, и вскоре мне позвонил из «Правды» Борис Аверченко, редактор отдела соцстран, временно заменявший Вадима Некрасова, и поздравил с окончательным утверждением. Перед самым Новым годом Даша вместе с моими дочурками Настей и Ксенией прилетела в Париж. Так была прорвана моя многолетняя «блокада». По сей день благодарю всех тех, кто помог мне защитить мое честное имя и остаться в международной журналистике. Если бы этого не случилось, я скорее всего ушел бы из нее и из «Правды», не выдержав незаслуженного недоверия и связанных с этим унижений. К счастью, я остался на своем посту на идеологическом фронте, где обстановка с началом горбачевской «перестройки» накалялась с каждым днем.

Во Франции мне предстояло провести почти 15 лет после того решения.

Житье-бытие по-французски

Когда я приехал в Париж, корпункт «Правды» располагался на авеню де Суфрен рядом с ЮНЕСКО, неподалеку от Марсова поля и Эйфелевой башни. Как и везде, отдельного бюро у нас не было. Там, где поселялся собкор, там он и работал. Когда Иван Щедров жил там вдвоем с женой, помещения им вполне хватало. А нас было четверо, и, как только меня окончательно утвердили в Москве в собкорских правах, я уже мог искать помещение попросторнее. Обычно такими поисками занимаются риэлторские бюро и на этом зарабатывают, как у нас сейчас в России. Но тогда ничего подобного в России не было и мне пришлось осваивать французские реалии заново. Квартиру мне подобрали довольно быстро рядом с посольством на бульваре Сюше. Затем наступил период прописки по-французски. Надо было прежде всего получить вид на жительство на себя и семью. Этим занималось уже наше консульство.

Вскоре после того, как наши документы ушли в префектуру, меня вызвали в Министерство внутренних дел на беседу, где очень похожий на Фернанделя чиновник целые полчаса задавал мне дурацкие вопросы типа «А почему вы решили жить и работать во Франции именно в этом году?». А затем пошли уже вопросы на засыпку: «А есть ли у вас правительственные награды, и если есть, то какие?», «Где вы служили в армии?». К тому времени у меня была только одна награда – «Медаль за трудовую доблесть». Я перевел это на французский как «Медаль за хороший труд». Он никак не мог вникнуть, почему в СССР награждают за труд. И я ему объяснил на пальцах – вот у нас в «Правде» есть колонка комментатора. Так вот за год я написал больше таких колонок, чем все остальные. За это и получил медаль. На этом мы с ним и расстались. Видимо, он поставил на моей анкете свое «Добро», и после этого у нас уже не было никаких проблем в префектуре – мы получили вид на жительство, а затем и французские водительские права.

Следующим этапом «прописки» в Пятой республике стал банковский счет. По традиции, все собкоры «Правды» в Париже открывали

свои счета в банке «Сосьете женераль» в 15-м аррондисмане. Это действительно один из ведущих банков страны, и я не пожалел о том, что выбрал именно его, т. к. в годы тех тяжелых испытаний, которые выпали во Франции на мою долю, банк этот всегда шел мне навстречу. Увы, те, кто ведал нашим финансированием в Управлении делами ЦК КПСС, по сути дела, подставляли нас под разного рода санкции за границей, т. к. счета мы открывали не на «корпункт “Правды”», а на свое собственное имя. А это автоматически означало, что все те расходы на содержание корпункта – от парковки автомашины до квартплаты, оплаты электричества, телевидения и связи, которые превышали мою зарплату в несколько раз, – налоговая служба Франции воспринимала как мой личный доход, с которого я должен был оплачивать налоги. До поры нас не трогали, т. к. считалось, что мы платим налоги в СССР и потому не подвергаемся двойному налогообложению, хотя я передавал каждый год в марте копию своего финансового отчета в «Правду» в налоговую службу Франции. Но после развала Союза был введен новый закон – от двойного налогообложения человек, работающий во Франции, освобождался только в течение первых двух лет, а затем уже он должен был платить налоги, как все французы. Это и привело к тому, что под финал моей работы во Франции налоговая служба насчитала мне огромную сумму задолженности по налогам, которую потребовали уплатить. К счастью, с помощью моих французских друзей-адвокатов я сумел доказать свою правоту и уплатил только самую малую часть этого «долга».

Не обеспечили нас товарищи со Старой площади и необходимой медицинской страховкой. Считалось, что мы получаем медицинскую помощь в нашем медпункте при посольстве. Но если там ее не могли оказать, то можно было в крайнем случае обратиться к французскому врачу, и счета за это Москва оплачивала. В первую очередь это касалось стоматологов – их при посольстве не было. Да и вообще в наш медпункт обращаться было небезопасно. Могли так «помочь», что ни один французский врач не вылечил бы. Эту незащищенность при отсутствии медицинской страховки во Франции мы ощутили в полной мере, когда Москва после развала Союза сократила наше финансирование до минимума.

...Потихонечку жизнь налаживалась. «Административные помехи», как я называл все эти заботы с обустройством меня и моей семьи во Франции, постепенно сошли на нет. Я с головой окунулся в работу. И постепенно стал открывать Францию – и для себя, и для читателей «Правды».

«В нашем доме поселился...»

Привыкнуть к Франции и французам очень сложно. Слишком много несовпадений в нашем менталитете и национальных традициях. Можно только привыкнуть к тому, что ты живешь во Франции. К тому же частично мы продолжали одновременно жить и в Советском Союзе. В отличие от Австралии, где я работал в Сиднее на отшибе от советского посольства в Канберре, в Париже с посольством, а также с нашим представительством в ЮНЕСКО, у меня был контакт самый тесный. Меня выбрали в посольское партбюро, хотя оно так открыто не называлось и именовалось «для конспирации профсоюзным», как и партийная организация посольства. Детей я каждый день возил во французский детский сад, но по средам – в посольский, а затем и в русскую школу в посольстве. Летом они отдыхали в пионерлагере и детсаду на посольской даче в Манте, в 50 километрах от Парижа. Вместе с посольскими мы ездили в выходные и на рыбалку, и за грибами в Рамбуйе. Естественно, с кем-то общались домами.

С одной стороны, хорошо было не терять русскоязычную среду и для нас с женой, и для детей, а с другой – мне приходилось с учетом горького опыта общения с консульскими «штыками» в Сиднее соблюдать необходимую осторожность и близко к себе такую публику не допускать. Впрочем, это не всегда удавалось. А с Лубянки, видимо, отдали указание своим людям в Париже за мной присматривать.

Даже среди моих коллег были и те, кто работал за границей под прикрытием. Мы их называли на нашем жаргоне «соседями». В основном они были нормальными ребятами и выполняли свой долг так, как его

понимали, не очерняя тех, кто не был причастен к их тайнам, но и не навязываясь к ним в друзья-товарищи с целью прощупать, чем они дышат и о чем думают. А была мразь в погонах и без, и единственным их устремлением было подсидеть ближнего и тем самым как бы «послужить Родине». В первые месяцы моей работы в Париже моим соседом по дому как раз и оказался такой гаденыш в штатском. Он ну просто лез из кожи, чтобы доказать мне, какого почитателя своего таланта я в нем нашел, а вся моя семья – в лице его самого и семьи – своего незаменимого друга. Поначалу я и не понял, чего ему от меня нужно. Но вскоре пришлось все же отлучить его от дома. Посоветовал мне это сделать, как ни странно, резидент ПГУ во Франции, который работал в советском посольстве под прикрытием дипломата. Он оказался удивительно порядочным человеком, опытным, а потому правильно понимавшим свой долг, и достаточно интеллигентным, чтобы не обращать внимания на мелкое доноительство, в котором умел разглядеть и зависть, и ущербность стукачей нашей советской колонии в Париже. Однажды он не выдержал и сказал моей жене: «Дашенька, я прошу вас, будьте поосторожней с этим вашим соседом. Он мне доносит о каждом вашем с Володей шаге. Я даже знаю, какой длины платье вы себе купили на днях на Пасси». После этого мы тихо отстранились от этой парочки (не буду называть их фамилии, чтоб их детям не было за них стыдно).

Но однажды я все же не выдержал. Дело было так. Незадолго до развала Союза меня пригласил СКИЖ принять участие в таком же заседании, что и в Парк-Сити в США. Оно как раз и проходило в Андорре, маленьком горном княжестве на границе Франции и Испании. Из Москвы в Париж для участия в этом клубе приехала наша правдистка Наташа Ларионова. Она была в том же состоянии полувыезда, что и я до моего утверждения собкором во Франции. Кто-то что-то на нее написал. Очевидно, и за нее Афанасьев выкладывал свой партбилет на стол в отделе выездов на Старой площади. Мы уже собирались выехать в Андорру, как «сосед» напросился ко мне в машину. Он тоже вдруг оказался горнолыжником. Формального повода отказать ему у меня не было, новая корпунктовская «вольво»-240, на которую мне разрешили наконец сменить наш

старенький «рено», была достаточно вместительной, и я согласился. Поначалу все шло хорошо. Мы доехали к вечеру до границы с Испанией и там переночевали в горном отеле, где нас застало сообщение о том, что перевал засыпан снегом и его только-только начали расчищать. С учетом этого мы двинулись в путь не торопясь. «Сосед» воспользовался этим и принялся буквально допрашивать Наташку по поводу ее визита в Америку, с которым и был связан донос на нее, и довел ее до слез.

Я решил этот допрос прекратить и попросил его открыть дверь с его стороны. «Надо проветрить машину», – пояснил я, и он покорно открыл дверь. Тогда я развернулся в своем кресле в его сторону, выбросил ноги вперед и вытолкнул «соседа» в снег. Затем быстро закрыл дверь и тронулся в путь.

Машина шла медленно, снег еще был рыхлым, и он бежал за машиной, что-то кричал, размахивая руками. Я над ним, конечно, сжалился, остановил машину и впустил его. «За-зачем ты это сделал?» – спросил он, заикаясь от пережитого страха остаться одному в снежных заносах.

«Я тебе сказал, чтобы проветрить машину, – ответил я. – А то в ней дурно пахло». Он все понял. Притих. И до самого отеля не произнес больше ни слова. В друзья к нам этот «сосед» больше не лез.

Глава шестнадцатая ЛЮДИ ВО ВЛАСТИ

Разорванный кокон

Демократия, к которой у нас более не прибавляют ругательного эпитета «буржуазная», сильна своими законами. Во Франции они базируются на давней еще дореволюционной традиции (до 1789 г.), на Декларации прав гражданина, Всеобщей декларации прав человека и на Кодексе

Наполеона. На этом фоне любой новый законопроект – это скорее поправка к закону, чем законотворчество.

В стране и месяца не проходит без какой-нибудь манифестации, ни дня – без митинга или пикета протеста. Со стороны все это кажется таким стихийным действием, но на самом деле все протестные акции прекрасно аранжированы, уложены в рамки закона и, значит, разрешены. Как только они из этих рамок выходят, навстречу демонстрантам выходят силы порядка и порядок восстанавливают. В том числе с применением силы.

Согласно закону, принятому 23 октября 1935 года и действующему до сих пор, во Франции шествия, марши, собрания людей и все другие публичные манифестации должны быть предварительно объявлены. Единственное исключение – это манифестации, соответствующие обычаю той или иной местности, религиозные шествия или народные празднества.

Когда в «Правде» мы писали о «выступлениях трудящихся» в той же Франции, мы никогда не упоминали о том, а как вообще проводятся массовые манифестации на Западе. Это только в наши дни в России был введен порядок предупреждения властей об очередном выступлении, будь то сторонников социалистической революции или поборников революции «голубой». А во Франции эта практика существовала уже не один век. Перед проведением демонстрации о ней следует заявить в мэрию или префектуру (для Парижа), по меньшей мере, за три дня и максимально за 15 дней до проведения демонстрации. Следует при этом назвать имя и домашние адреса ее главных организаторов. Заявка на ее проведение должна быть подписана, по меньшей мере, тремя из них с указанием их профессии, наличия гражданских прав, цели демонстрации, даты ее проведения, часа проведения, перечисления группировок, в ней участвующих, а также предполагаемого маршрута. На проведение демонстрации выдается специальное разрешение. Если заявка делается в мэрии, решение о ее проведении принимается не позднее, чем через 24 часа, в префектуре полиции.

Префект полиции или мэрия могут запретить проведение демонстрации, если она будет сочтена опасной для общественного порядка. За-

прещены демонстрации, которые проводятся без объявления заранее или после того, как они были запрещены полицией. Такого рода выступления могут быть разогнаны силой, а их участники привлечены к административной ответственности.

Представитель сил порядка может отдать приказ о применении силы для разгона подобной демонстрации после двух устных предупреждений. За нарушение правил проведения демонстраций их участники могут быть подвергнуты административному штрафу. Аналогичным образом могут быть привлечены к ответственности те, кто либо в публичных речах, либо письменно (через газеты, листовки и плакаты) призывает к проведению демонстрации, которая запрещена. Они могут быть привлечены к тюремному заключению на срок от одного месяца до одного года, а также приговорены к штрафу до почти двух тысяч евро.

Если кто побывал во Франции и не застал «манифа» (демонстрации), тот Францию, можно сказать, не видел. Я видел не раз эти манифы. И видел, как их разгоняют.

«Как парижане умеют идти по улицам своего города с лозунгами и транспарантами! Нельзя не любоваться этими людьми, их легко угадываемой внутренней свободой, суть которой определяется нехитрой формулой – можно все, что не запрещено законом. Эту формулу нельзя усвоить сразу. С ней надо родиться...»

Примерно так я прекраснодушествовал, наблюдая за тем, как в декабре 1986 года шли и шли от Монпарнаса к площади Инвалидов студенты. С грузовика, на котором они установили нечто трехэтажное, где разместились штаб манифестации, джаз-оркестр и «дирижеры», по сигналу которых колонны подхватывали то двестишье, то очередной лозунг против ненавистного «закона Деваке». Деваке занимал в тогдашнем правом правительстве «сосуществования» (с президентом-социалистом Ф. Миттераном) Ж. Ширика не бог весть какую высокую должность, но был в партии голлистов личностью довольно влиятельной, одним из ее идеологов. Вот он и придумал закон, по которому правые намеревались перекрыть доступ «простолюдинам» к университетским дипломам. А это в условиях Франции означает лишить молодежь из небогатых семей шанса

выбиться из нищеты, получив высокооплачиваемую работу. Студенческая вольница взбунтовалась. В начале декабря 1986 года к ней присоединились учащиеся лицеев, по-нашему – старшекласники, преподаватели, даже родители студентов.

Буза была прекрасной. На пожухшей травке площади Инвалидов стояли два «шпаненка», которых отец всячески уговаривал: «Ребята, поздно уже. Пойдем домой. Посмотрели, и хватит. Не дай Бог что случится...»

«Пап, – отвечали ребята. – Это наш первый в жизни “маниф” (так сокращенно они звали манифестацию). – Дай посмотреть! И потом, сейчас петь будут...»

У родителя вроде бы и впрямь не было никаких причин волноваться. Демонстрация была явно мирной. Поближе к мосту Александра III заранее установили эстраду. Там уже готовились выступать ораторы. А потом должен был начаться концерт. Говорили, приедет «сам Рено» – звезда французского рока, кумир бедняцких районов и парижского студенчества. Мелкие торговцы спешили на площадь со своей нехитрой снедью. Дымили переносные жаровни, к небу поднимался горьковатый запах шашлыков и свиных колбасок. Студенчество не то, чтобы пировало, а просто закусывало. Но на площади собралось уже едва ли не сто тысяч участников «манифа», и с близлежащих улиц все подтягивался народ. Тут и по франку можно было торговцам-лотошникам прилично подзаработать.

Ребятишки, для которых этот «маниф» был первым в их жизни, кричали громче всех, вторя «дирижерам»:

Деваке, идиот!
Твой закончик не пройдет!

Через минуту из творческой лаборатории, установленной на «штабном» грузовике, кто-нибудь выдавал очередной перл, и вся площадь опять скандировала:

Эй-гей, Монори!
Мы бастуем до зари!

Это площадь отвечала министру образования Р. Монори. Накануне он пытался уговорить студентов вернуться в аудитории, не бастовать больше и обещал, что в «закон Деваке» внесут кое-какие поправки. Студенты заявили, в том числе Миттерану, что будут бастовать, пока ненавистный закон не отменят совсем.

Нашла коса на камень. Правительство решило, что демократия выходит ему боком. К площади Инвалидов заранее стянули части внутренних войск (CRS), перекрыв все подходы к Национальному собранию, Матиньонскому дворцу и близлежащим министерствам. Между сэ-эр-эсовцами и студентами пролегла невидимая черта, переступить которую означало уже преступить закон. Но среди студентов мало кто думал об этом. «Маниф» был прекрасен, это был праздник, и весь Париж принадлежал им, а не этим угрюмым молодчикам в темно-синих мундирах, с карабинами и пластмассовыми щитами. Гигантский «маниф» раскачивался, скандируя лозунги, вторя ораторам и певцам. Конечно, его еще и «раскачивали». Многотысячная мирная толпа притягивала к себе, как магнит, группки анархистов с их вечно неуголенной жаждой потасовок с полицией. Она сама по себе подогревала зуд хулиганья и заранее спрограммированное «возмущение» провокаторов.

Трудно сказать, как это произошло, но невидимую черту переступили, нарушили. А стражи порядка словно ждали этого. Сэ-эр-эсовцы двинулись на площадь, оттесняя «маниф» на бульвары. Упали первые раненые. Кому-то выбили глаз резиновой пулей. Кричала девчонка от удара кованым ботинком в живот. Словно масла в огонь плеснули «дирижеры» новое двустишье:

Сэ-эр-эс –
Эс-Эс!

Темно-синие мундиры зверели. Над толпой пронесся крик: «На баррикады!» Студенты перевернули чью-то машину, брошенную на площади незадачливым владельцем. Она загорелась. Это было словно сигналом.

Целый отряд «темно-синих» с пластмассовыми щитами вклинился в толпу, нанося без разбору удары увесистыми дубинками.

Их гнали по бульварам, по набережной Сены вплоть до самого Латинского квартала. Шла охота. Шел гон под крики «Ату их!». Незадачливых бунтарей в азарте били по голове, чем попадая, и сбрасывали с мостов в Сену...

Около полуночи, миновав кордоны полиции, мне удалось проехать к площади Данфер-Рошери. Толпу студентов у памятника в центре площади рассекли мотоциклисты-полицейские – прославившиеся своей жестокостью «мотары», специально натасканные на разгон забастовок и недозволенных демонстраций. Водитель на полной скорости направляет мощный мотоцикл в толпу, а сидящий сзади него полицейский-напарник на ходу наносит удары дубинкой. Студенты бежали, прятались в подъездах домов, пробираясь переулками к своим альма-матер. Еду на улицу Жюсье. Там – несколько факультетов Парижского университета, там, как мне сказали, самая буча.

Когда студенты, убегая от полиции, прибежали к его чугунным воротам, университет был закрыт. По территории бегали овчарки. Ворота все же удалось открыть, и ребята объявили, что оккупируют свою альма-матер. Кто-то крикнул: «Ура! Мы взяли Жюсье, а наши взяли Сорбонну!» Они разгорячены погоней, стычками, схватками, как сказали бы военные – арьергардными боями. Им все еще хочется действий, а значит, и баррикад. Но уже заработал координационный комитет. «Идите в 55-ю аудиторию! – говорит какой-то студент в мегафон. – Там решим, что будем делать завтра!»

По одному, проверяя студенческие билеты, участников «манифа» пускают в здание. Это и безопаснее. Ведь охота на студентов продолжается.

Улица Жюсье. Час ночи. Откуда-то от набережной к Сорбонне пробирается толпа студентов человек в сорок. Навстречу им с улицы Кардинала Лемуана вылетают три микроавтобуса мышиного цвета, битком набитые сэ-эр-эсовцами. Они выскакивают из автобусов, отсекают студентов от университета. Будут бить. В этом уже нет сомнений – солдаты

идут на безоружных мальчишек сомкнутым строем. И вдруг команда: «Огонь! Газом!»

Удушливое облако заполняет перекресток. Слезы из глаз льются безостановочно. Дышать тяжело, но я все же далеко, мне полегче. А какой-то студент зашелся в кашле, упал. Бумажная канистра из-под слезоточивого газа падает мне под ноги. На ней под сиреневой полосой латинскими буквами написано: GR FL Ma LAC MFA. В кружочке выведены буквы СВ, а чуть пониже – 9-PSM-75. Что это такое за маркировка, я так и не выяснил, но канистра эта по сей день стоит у меня на рабочем столе. Это сувенир – объясняю я своим гостям. На память о французской демократии.

...Там, на Жюсье, я только-только познакомился с тем, как эта демократия действует. Мои французские коллеги поопытней. У них на головах – я даже не сразу заметил – каски, как у строительных рабочих, с надписью «Пресса» либо мотоциклетные шлемы. В любом случае, даже если на голову опустится по недосмотру дубинка, самортизирует.

Офицер «темно-синих» видит, что я одет не по форме, и выхватывает у меня фотоаппарат. Тут же по бокам встают два солдата. Карточка прессы меня, однако, выручила. Офицер отдает мне фотоаппарат, крутанув его зачем-то на прощание в руках, будто хотел разбить его с размаха о тротуар. Я не заметил, но мне потом объяснили, что у него был в руках специальный приборчик, с помощью которого он и засветил пленку в моем аппарате. Солдаты толкнули меня на пяточок, оккупированный журналистами: «Смотри, отсюда ни шагу!»

Два часа ночи. На улицах горят костры. Многие участники «манифа» приехали в Париж из пригородов, а то и из других департаментов, остались без крова, греются. Хоть и парижский декабрь мягкий, все же холодно. Подъезжают солдаты, пожарные. Костры гасят, студентов разгоняют. Дубинками лупят их, не стесняясь журналистов.

Еду к Сорбонне. У Пантеона улица перегорожена автобусами с сэ-эрсовцами. Заграждение, проверка документов. Но меня пропускают. Пешком иду к площади Сен-Мишель по одноименному бульвару. Чудно. Вокруг такое творится, а в кафе со стеклянными стенами сидят люди и с живей-

шим интересом наблюдают за происходящим, попивая пиво и кофе. Как на представление пришли. Потом я уже узнал, что не всем из них повезло. Многие стеклянные витрины на Сен-Мишеле повыбивали в ту ночь...

У самого моста, через который можно проехать к знаменитой тюрьме Консьержери и к префектуре, мигалки полицейских машин и «Скорой помощи», серые облачка слезоточивого газа. Студенты мечутся по площади перед мостом, с которого в толпу влетают «мотары». Я едва успеваю вскочить на крышу чьей-то машины: тут не разбирают, кто журналист, кто студент, кто просто вышел поглазеть на студенческую бузу. Бьют жестоко. Укрывшись за машиной, вижу, как студентов выбрасывают из кафе, прижимают к стенке, избивают дубинками, гонят по улице куда-то к Пантеону...

До утра продолжалась эта баталия в Латинском квартале. На «яйце-головых» была, судя по всему, объявлена вольная охота. Я пожалел только, что не увидел этого до того, как начал писать свою книгу «Бизнес на правах человека». Как бы подошла туда глава об этой бойне в Латинском квартале! Но поезд уже ушел, и в отделе пропаганды ЦК КПСС при Яковлеве начали ставить буржуазную демократию в пример и укор социалистической.

В гостях у Франсуа Миттерана

Мой статус корреспондента «Правды», ведущей газеты Советского Союза и центрального органа печати правящей КПСС, был во Франции, где существует с незапамятных времен свой «Табель о рангах», весьма высок. На приемы по случаю национальных праздников и по другим поводам меня регулярно приглашали и президенты, и премьер-министры Французской республики, равно как и ведущие министры, прежде всего глава МИД Франции. Бернард Шоу сказал как-то: «Вообще говоря, власть не портит людей, зато дураки, когда они у власти, портят власть». Мне было в этой связи чрезвычайно интересно сравнивать тех, кто сто-

ял у власти во Франции и у нас в СССР. И с печалью признавать, что мы Франции сильно проигрывали, как по интеллектуальным показателям наших правителей, так и по поведенческим.

Приглашение в Елисейский дворец – честь, которой удостоиваются далеко не многие. Я не раз бывал в этой резиденции французских президентов, но ощущение того, что прикасаешься к тайне, участвуешь в некоей мистерии, не покидало меня никогда. Да и сам дворец того стоит: когда-то он принадлежал знаменитой мадам Помпадур, имя которой вошло в поговорку. Где-то здесь 22 июня 1815 года подписал свое второе отречение Наполеон... Но уже почти 150 лет это резиденция президентов Франции.

*Le Président Laurent Fabius
le Bureau de l'Assemblée Nationale
vient Monsieur Vladimir Bolchakov*

d'assister au déjeuner offert en l'honneur de

Monsieur Anatoli Loukianov

Président du Soviet Suprême de l'Union des républiques socialistes soviétiques

le jeudi 18 avril 1991, à 13 h 15

à l'Hôtel de Lassay

*R.S.V.P.
40.63.86.33*

*128, rue de l'Université
75007 Paris*

18 апреля 1991 г. Личное приглашение В. Большакова от президента Национальной ассамблеи Франции Лорана Фабиуса на прием по случаю визита во Францию Председателя Верховного Совета СССР А. Лукьянова.

Monsieur Jacques Chirac
Président de la République
prie Monsieur Vladimir Bolchakov

---

de bien vouloir assister à la réception qui sera donnée
au Palais de l'Élysée, à l'occasion du Nouvel An
le jeudi 9 janvier 1997 à 11 heures 45.

Личное приглашение В. Большакова на встречу с президентом Франции Ж. Шираком по случаю Нового 1997 года.

...Гусары в медных кирасах с шашками наголо по обе стороны парадной лестницы. Вышколенные мажордомы в черном с серебряными цепями на шее. Роскошь шитых золотом гобеленов по стенам и затейливая роспись потолков, напоминающих о стиле ампир. Фантастически дорогие картины, статуи, светильники, сервизы, составляющие внутренний декор дворца, где семью президента и его гостей обслуживает немалый штат чиновников, прислуги, поваров, интендантов, садовников, декораторов...

Не хуже, чем при королевском дворе. А может быть, даже лучше. Я как-то прочитал отрывки из дневника Людовика XVI, которого казнили как раз за два квартала отсюда, на площади Согласия, именем Великой Французской революции. Так вот там мне попалась запись: «Потратил шесть ливров на книгу. Очень дорого...» Между тем одним из обвине-

ний, предъявленных монарху и особенно его жене, было «увлечение излишней роскошью».

В общем, от ощущения того, что здесь живет самодержец всей Франции, в Елисейском дворце избавиться трудно.

Мажордом бьет жезлом об пол и объявляет: «Президент республики». По залу прокатывается почтительный шорох и замолкает где-то под потолком. Для тех, кто впервые видел президента Франции Франсуа Миттерана, – это был момент, как правило, самый сильный. Ястребиный профиль, высокий лоб, немного откинута назад голова. Он среднего роста. У него облик древнеримского патриция, самой природой созданный для того, чтобы быть увековеченным в камне. Сразу же ощущаешь, что это Человек № 1 во Франции, ибо он сам по себе излучает власть. Причем такую, которой не ведал наверняка ни один Людовик. Я сразу же заметил, что он нездоров – об этом говорили мешки под глазами, бледное лицо с желтизной, иссеченное морщинами.

Франсуа Миттеран родился 26 октября 1916 года в городе Жарнак, департамент Шаранта, неподалеку от провинции Коньяк, где производят лучшие коньяки в мире. Родился будущий президент Франции в многодетной семье (у него три брата и четыре сестры). Отец его, железнодорожный служащий, сумел всем своим детям дать хорошее образование. Франсуа он отдал учиться на адвоката. Миттеран с детства чувствовал свое предназначение. Когда его еще мальчишкой спросили, кем он хочет стать, когда вырастет, тот ответил: «Королем или Папой Римским».

Утверждают, что в его жилах текла кровь французских королей.

Специалисты по генеалогии установили, что Миттеран к тому же еще и «наш человек». Утверждали, что он – Рюрикович, прямой потомок Рюрика Новгородского (879 г.) и Киевского князя Владимира Красное Солнышко по линии Анны Ярославны, дочери Ярослава Мудрого (1024–1075), которая была королевой Франции и женой одного из первых Капетингов Генриха I. Помимо генов французских Капетов, а также королей Андалузии и древних правителей французских Бургундии, Тулузы и Бо, в крови Миттерана обнаружили целый букет генов французской

родовой аристократии. Если это действительно так – а сам Миттеран ни разу не подтвердил и ни разу не отрицал этого, – то гены эти, особая королевская косточка ощущались у него во всем. Прежде всего в умении говорить, держать себя на публике, по-царски принимать парады и высокопоставленных гостей.

Далеко не каждого примут в Елисейском дворце. А если и примут, то тоже не одинаково. Тут все по гамбургскому счету. К одним президент выйдет через парадный вход на лестницу перед дворцом. К другим выйти и не подумает. А третьих во дворец впустят, но президент их в своих покоях не примет, а как бы пройдет мимо и поприветствует в кабинете какого-нибудь своего помощника на встрече с «гостем Елисейского дворца». С одной стороны, оказал уважение, с другой – поставил на место. Вроде бы принял, вроде бы и нет. Так Миттеран поступил с Ельциным в 1990 году, когда тот всеми правдами и неправдами рвался к нему на прием, но повстречался с Миттераном как бы случайно, только в кабинете начальника его канцелярии. Вроде и принял он его тогда, а вроде бы и нет. Только после развала СССР Ельцин взял реванш и уже был принят как глава государства. Но Миттеран плохо скрывал, что терпеть его не может. А он, как никто другой, умел это дать почувствовать.

Я старался не пропустить ни одной его встречи с иностранными журналистами. В Елисейском дворце свой ритуал, свои игры. Знатоки этого почти придворного этикета знали, что Миттеран внес в него множество нюансов. Вот Миттеран выходит к своим гостям. Легкая усмешка в уголках рта. Глубоко посаженные глаза – живые, внимательные – глядят испытующе и с затаенным вызовом. Президент и рядом с нами, и бесконечно далеко от нас. Микрофон установлен точно на уровне его рта. Франсуа Миттеран невысок. Но знающие люди осведомлены, что многих своих высокорослых политических противников он превращал в карликов всего одной-двумя фразами. Попасть на острие шпаги его юмора бояться – после этого подниматься трудно.

Говорит президент без бумажки. Не имея привычки, понять его речь до конца не просто. И дело не только в речевых оборотах, но и в манере

прятать за образами и идиомами, в модуляциях голоса то, что он хочет одновременно и сказать, и вместе с тем скрыть.

Даже те, кто был знаком с ним годами, не могли сказать со всей определенностью, как он поступит завтра, а уж тем более послезавтра. Миттеран ощущал свое предназначение. Каждый его шаг был соотнесен с тем местом и ролью, что были отведены ему Историей. Точно так же он относился и к своим современникам – французским политикам и государственным деятелям других стран. Каждый президент Франции старается оставить по себе добрую память – кто мост построит, кто, как президент Помпиду, – скоростную дорогу вдоль Сены. В ходе подготовки к 200-летию Великой Французской революции и Миттеран расставил себе памятники по всему Парижу – Пирамиду Лувра, новое здание Национальной библиотеки, Министерство финансов, позолоченный купол храма Дома инвалидов, в котором похоронен Наполеон, отреставрированный мост Александра III... Это были его «Великие работы».

Один из его биографов писал, что президент не сводит себя ни к стратегии, ни к позе. Величие Франции – это его естественная забота. «Шестиугольник», как называют французы свою страну, – это его страсть и его одержимость. Его часто поэтому сравнивали с президентом Жоржем Клемансо. Прежде всего, по схожей «шестиугольности», порожденной одинаковым культом французской глубинки, любовью к национальным корням и к земле. А по одержимости величием Франции Миттеран не уступал де Голлю. Именно при Миттеране Франция небывало нарастила свои ядерные мускулы, укрепив одновременно все вооруженные силы.

Когда ему все надоедало и он хотел отдохнуть, президент уезжал в свое имение в Лаше, куда допускались только самые близкие друзья, а из государственных деятелей только те, с кем Миттеран и особенно его жена Даниэль подружились. В Лаше он пригласил, например, Горбачева. Но только после того, как тот ушел в отставку, и, скорее всего, в пику Ельцину.

Там, в Лаше, Миттераны любили собираться всей семьей. Приезжали обычно два сына президента со своими детьми. Иногда – его братья, сестры. Под сенью деревьев Лаше Миттеран уходил от внимательного взгля-

да страны и прессы и мог немного побыть самим собой. О его хобби мало кто знал. Известно было, что иногда он играет в теннис, но больше всего любил бродить пешком по окрестным холмам...

В Лаше часто бывала и Кристин, сестра Даниэль Миттеран.

К концу своего президентства Миттеран перестал скрывать свое охлаждение к Даниэль. Они уже были просто друзьями. Из сенсационного фоторепортажа «Пари матч» в 1994 году французы узнали, что у него есть вторая семья и есть внебрачная дочь Мазарин. Соотечественники президента за это не осудили и только больше стали уважать его и Даниэль, которая приняла его дочь как свою. Потом, во время его похорон, они шли за гробом Миттерана вместе – Даниэль и Мазарин...

Миттеран медленно поднимался по ступеням власти – и в этом еще одно его сходство с Клемансо. Некоторое время он работал адвокатом по специальности, пробовал себя и в журналистике. Но основной страстью Франсуа была политика, в которой он преуспел далеко не сразу. На то было много причин. Во время Второй мировой войны Миттеран с сентября 1939 года на военной службе. Раненым он в 1940-м попал в немецкий плен. После побега из фашистских лагерей в 1942 году Миттеран добрался домой в Жарнак, который находился в еще «свободной зоне» Франции. Там он поступил на службу в вишистскую администрацию. Уже под конец его президентства французская пресса опубликовала немало подробностей о работе Миттерана «на режим маршала Петена». Имя этого маршала в Первой мировой войне было символом славы французской армии – Петен привел ее к победе над немцами. А во Второй мировой – символом позора Франции. Петен сдался немцам в 1940 году и возглавил коллаборационистский режим Виши. Выяснилось, что Миттеран даже был награжден Петеном какой-то медалью. После этого ежегодные церемониальные визиты Миттерана на могилу Петена 11 ноября, когда французы отмечают день победы в Первой мировой, а маршалу по традиции отдавали почести как автору этой победы, стали смотреться совсем в ином свете. Ширак, кстати, от этой практики паломничества к могиле Петена отказался.

Биографы Миттерана не раз опровергали все инсинуации по поводу его «сознательного коллаборационизма». Миттеран, как они пишут, долго в Виши не задержался и, нащупав связь с подпольем, выбрался к де Голлю в Алжир. Он участвовал в движении Сопротивления и возглавлял Национальное движение военнопленных (НДВ) и уже 1944-м стал генеральным секретарем по делам военнопленных в правительстве, в которое тогда входили и лидеры ФКП. Миттеран по своим убеждениям всегда был левым, но антикоммунистом, как и многие лидеры Социалистического интернационала по сей день. В поисках собственной политической базы Миттеран сблизился с левыми социалистами и стал одним из лидеров небольшой партии Демократический социалистический союз сопротивления (ЮДСР). От этого союза в 1946–1958 годах он избирается в парламент, а в 1953–1965 годах был председателем ЮДСР. После войны Миттеран не раз занимал министерские посты в различных правительствах Четвертой республики, но серьезной карьеры не сделал.

Затем эта игра во власть заканчивается. С 1962 года Миттеран переходит в оппозицию и начинает титаническую работу по созданию политической партии социалистов. Именно с поста ее первого секретаря он трижды выдвигался кандидатом в президенты – в 1965-м, в 1974-м и в 1981-м.

Решающие дни в политической жизни Франсуа Миттерана наступили осенью 1965 года, когда подошел к концу первый президентский мандат генерала де Голля. В отличие от тогдашнего мэра Марселя, социалиста Гастона Деффера, который попытался создать коалицию некоммунистических левых сил, отказавшись от союза с Французской компартией (ФКП), Миттеран пошел на прямой союз социалистов «левого центра» с коммунистами. Эта идея левоцентристского блока и стала впоследствии сутью «миттеранизма», хотя сам Миттеран всякий раз весьма вольно истолковывал ее в зависимости от политической конъюнктуры. Его кандидатуру на президентских выборах 1965 года поддержал ЦК ФКП. Однако раскол в рядах левых сил, спровоцированный Деффером, не позволил Миттерану набрать больше 45 процентов голосов. И все же в главном Миттеран тогда выиграл – французы стали воспринимать его как реального лидера оппозиции, всего союза левых сил.

В 1974 году Миттеран вновь выступил кандидатом левых сил. Французская социалистическая партия (ФСП), став одной из ведущих партий Франции, вновь выступала в союзе с ФКП. На этот раз он не добрал менее одного процента голосов. Того самого процента сомневающихся, которые делают свой выбор в последний момент и перебегают к правым из боязни, что коммунисты, придя к власти, у них все отберут. Последующие семь лет Миттеран посвятил укреплению ФСП, в первую очередь ее позиций в парламенте и на местах. Он тщательно продумал причины своих двух поражений и понял, как много зависит от сомневающегося до последнего момента избирателя. В 1981 году Миттеран решил идти на выборы без коммунистов и без подписанной с ФКП Совместной правительственной программы. И получил на 7 лет мандат президента Пятой республики. Затем он сумел победить еще раз в 1988 году, на этот раз вместе с коммунистами, которые вошли в его правительство. К тому времени во Франции не было более авторитетного политика, чем он.

У Миттерана было несколько настольных книг, которые он любил перечитывать, когда выдавалось свободное время, чаще всего когда уединялся в своем деревенском доме в Лаше. Это, прежде всего, одна из книг Библии Екклесиаст – образец древней диалектики. Миттеран любил ее цитировать наизусть: «Всему свое время... Время разбрасывать камни и время собирать камни. Время сеять и время вырывать посеянное. Время жить и время умирать...» Для президента эта древняя книга стала источником политической мудрости, обладателю которой надо уметь подниматься над сиюминутным, не скатываясь при этом к заботе только о том, чтобы закрепить свое место в вечности. Да и что такое вечность, если все, как говорил Екклесиаст, – «суета сует»?

Миттеран не отрицал, что любит власть. Хотя и не ради власти. А потому, что убежден: именно он был в тот исторический момент востребован на посту президента Франции. И никто другой. Именно поэтому ничто не могло оторвать его от выполнения своих обязанностей. И в первый раз, когда он был избран, и во второй он объявлял роспуск парламента, что позволяло ему хотя бы первые пять лет работать с правительством социалистов. А когда на следующих выборах побеждали правые, спокойно

«сосуществовал» с правым правительством. Так было в 1986 году, когда правительство возглавлял Жак Ширак, и в 1988-м, и после победы правых на выборах 1993 года. Миттеран решил, что такое сосуществование только идет на пользу Франции. Он даже дистанцировался по-своему от партии социалистов, предпочитая быть не партийным лидером на посту президента Франции, а «президентом всех французов».

Никто вплоть до самой его смерти не знал, каково ему давалось его президентство. Не успел остыть труп Миттерана, как его личный врач Клод Гублер в сотрудничестве с журналистом «Пари матч» Мишелем Ронодом подготовил к публикации в издательстве «Плон» книгу «Великий секрет». Великий секрет Ф. Миттерана заключался в том, что он узнал о своем заболевании раком не в 1992 году, как было официально сообщено, а в ноябре 1981 года – всего шесть месяцев спустя после своего первого избрания на пост президента Республики. Проведенные в то время исследования показали, что уже тогда рак предстательной железы был у президента в достаточно запущенном состоянии. Метастазы проникли в костную ткань. Врачи считали, что он проживет немного – от трех месяцев до трех лет. «Он прожил, однако, – говорится в «Великом секрете», – четырнадцать лет, и это стало возможным только благодаря исключительной физической сопротивляемости организма Франсуа Миттерана и качеству полученного им лечения. С точки зрения медицины – это случай, без сомнения, единственный в мире».

Миттеран мужественно выдержал эту многолетнюю пытку раком и властью. Признайся он в 1988 году, что болен раком, социалисты его, конечно, не выдвинули бы даже кандидатом. Факт болезни президента скрывали от всех, в том числе от его семьи. Болезненные процедуры, анализы делались втайне. Болезнь президента стала государственным секретом по собственному распоряжению Миттерана. Усилием воли он заставил ее отступить. И врачи делали все возможное. На заключительной стадии болезни президенту провели еще две операции после первой в 1992 году, но ему становилось все хуже. Вне протокольных мероприятий Миттеран не вставал с постели. Приближался финал. «Всею свое время. Время жить и время умирать...»

Я был одним из немногих советских журналистов, которым Миттеран дал интервью. Это было в 1988 году перед его официальным визитом в Советский Союз по приглашению М. С. Горбачева. Интервью было заочным. Я отправил вопросы, он на них ответил, потом ко мне в корпункт приехала переводчица Миттерана, и мы вместе с ней перевели это все на русский язык. И вот после одной из встреч с журналистами в Елисейском дворце я подошел к президенту и напомнил о себе как об авторе интервью с ним, рассказал о том, как много пришло в редакцию писем по этому поводу. Он внимательно выслушал, ответил на мой вопрос (задавать больше одного нельзя, иначе это уже целое интервью), пожелал мне успеха. На этом мы и расстались.

Я не думал, что Миттеран меня запомнит. Но вот он пригласил меня на встречу в Елисейском дворце по случаю награждения русских и французских космонавтов – участников совместного космического полета. После церемонии награждения президент неожиданно сам подошел ко мне и протянул руку, уже как старому знакомому. Не дай Бог в таких случаях увлечься и заговорить с ним как со старым знакомым. Слава Богу, я это знал. Миттеран всегда дистанцировался от людей и от событий – умел находиться в их гуще и тем не менее с ними не сливался и не отождествлялся.

Во французском обществе каждый сверчок точно знает свой шесток. И это разграничение начинается с президента. Наравне он может быть только с равными себе. Но таких в мире – считанные единицы: главы государств, правительств, короли, папа Римский...

Его биографы говорят о нем так: «Он не указывал дорогу, он шел по ней». Перед народом он выступал только тогда, когда в этом действительно была необходимость, и нация ждала его слова, как ждут решения арбитра. Независимо от того, высок был или низок уровень его популярности на тот момент, после таких выступлений он всегда заметно повышался. У него было обаяние особого толка – то, что называют харизмой политиков и национальных лидеров. Миттеран не вещал, не пророчествовал и уж тем более не витийствовал на своих чрезвычайно редких пресс-конференциях.

В душе он был аристократом, и ему претил популизм любого сорта. Перед микрофоном и с телеэкрана он рассуждал вслух, приглашая аудиторию к соразмышлению – как мудрец, как отец нации.

24 мая 1990 года «Правда» опубликовала мою большую статью о Миттеране – «Сфинкс из Елисейского дворца». Там я как раз и попытался рассказать о президенте, не только как о великом политике, но и как о человеке. Мало кто знает, что он писал хорошие стихи. Такие случаи, когда талантливый человек ради политики зарывал свой талант в землю, не первый в истории случай. Андропов, например, тоже был неплохим поэтом. Но это не помешало ему стать шефом КГБ и потом генсеком ЦК КПСС. Другое дело, может ли талант жить и развиваться независимо от того, кем человек стал. В конце концов, разве не прав Виктор Гюго, сказавший, что поэт – это закрытый мир внутри человека? Другое дело – насколько. Ведь поэзия – это прежде всего человечность. А история знает примеры и бесчеловечных правителей, писавших стихи, миленькие акварели, сочинявших музыку...

Миттеран как раз, напротив, для многих был удивительно симпатичен чисто в человеческом плане. Те, кто знаком с ним близко, говорили, что первая отличительная его черта – доброта. Его соратники по партии отмечали, что он никогда никого не предавал из своих. Он, как никто, умел продвигать тех, кто ему сослужил добрую службу. И, как говорили знатоки тайн Елисейского дворца, трогательно заботился о карьере всех своих бывших любовниц. А они у него, судя по всему, были, за что его французы не порицали.

«Что вам нравится больше всего в вашем муже?» – спросил как-то Даниэль Миттеран корреспондент газеты «Фигаро». Та ответила: «Он человек удивительно чуткий. Очень верный в дружбе. Он может критиковать людей в политическом плане, но никогда в личном. Он, как никто другой, умеет работать, но вместе с тем и прекрасно организует свое рабочее время». «Шарль де Голль был окружен сподвижниками, Франсуа Миттеран – друзьями, испытывавшими к нему личную симпатию, даже если они не разделяли его идей», – писала его биограф К. Нэй. «Уже став

президентом, – отмечал другой автор, – Миттеран не раз ставил в тупик своих помощников. В каком бы уголке страны, в какой бы части света он ни оказался, везде у него обнаруживались друзья. Знатные, безвестные, состоятельные, бедные, политически близкие или далекие ему. Его отношения зиждутся не на политических предпосылках, а в большей мере на дружбе» (<http://presidents.h1.ru/site/presidents/france/mitteran.html>; <http://persona.rin.ru/cgi-bin/rus/forum.pl?i=25043>). И еще одна немаловажная деталь для представления о президенте и его семье: «Никогда в жизни мы не пытались сделать деньги...» Когда Миттеран умер, французы узнали, что на счету их президента были весьма скромные сбережения. Ему принадлежал пакет акций всего на 9 тысяч франков (1 евро = 6,5 франка). Все его состояние оценили в 250 тысяч франков (около 40 тысяч долларов). Основные свои доходы он получал от написанных им книг. При этом он никогда не использовал для этого литературных «негров».

7 мая 1995 года состоялся второй тур очередных президентских выборов. Кандидат социалистов Лионель Жоспэн проиграл их лидеру голлистов Жаку Шираку. Пятому президенту Пятой республики предстояло пробыть в Елисейском дворце семь лет и встретить там XXI век. По всем правилам Ф. Миттеран должен был передать ему бразды правления после 20 мая. Но он их передал на три дня раньше. Врачи вновь подтвердили, что надежд на излечение рака у него нет. И все-таки он упорно продолжал бороться с болезнью, прожив до 8 января 1996 года.

Он был убежден в том, что служение идее, своему народу должно быть прежде всего бескорыстным. Иначе он не имел бы права заявить в октябре 1993-го, выступая по французскому телевидению в программе «Час правды»:

«Пост, который я занимаю, накладывает на меня определенные обязательства: я первый отвечаю перед Историей и перед моими современниками за то, какой предстанет пред ними Франция». Французам за него не было стыдно. Они признали его Великим Президентом. С тенью его величия его преемник на посту президента Жак Ширак сражался до конца своего срока. Во многом Ширак ему подражал, даже не сознавая этого...

Жак Ширак, которого звали «Бульдозером»

Я впервые увидел Жака Ширака лицом к лицу в мае 1987 года перед его поездкой в СССР. Перед своим визитом в Москву, который проходил с 15 по 16 мая, он пригласил всех советских журналистов, аккредитованных в Париже, в Матиньонский дворец, резиденцию премьер-министра Франции. Времена наступали новые, смутные, в Москве вовсю уже фонтанировала «перестройка», а в Париже все еще кипели антисоветские страсти. На фоне этой сиюминутности попытка Ширака поговорить с нами о дальних перспективах отношений между СССР и Францией на переломе XX века, увы, казалась всего лишь вежливым жестом. К тому же он ни с того ни с сего принялся обвинять французских коммунистов в том, что от них во Франции – все беды. В ответ на это я спросил его, а не логичнее ли было бы поискать причины этих бед в другом месте, т. к. коммунисты в правительство Франции уже не входят, и он как-то по-детски смутился, поняв, что у советских журналистов его выпады против ФКП понимания не встретят.

Я отбарабанил в Москву корреспонденцию по принципу «он сказал, а мы его спросили», так и не поняв, к чему это он так долго говорил о своей любви к России, русской литературе и искусству и почему, когда у нас вовсю идет перестройка, возглавляемое им правительство никак перестраиваться не хочет.

Личность Ширака со временем стала меня интересовать все больше и до такой степени, что я даже стал собирать все посвященные ему статьи в газетах и журналах.

Жак Рене Ширак родился 29 ноября 1932 года в семье банковского служащего, который впоследствии стал одним из руководителей крупной авиационной фирмы «Дассо». Среди французских военных и оборонщиков он свой. Но сами Шираки – вовсе не аристократы, вопреки изысканиям некоторых «придворных» специалистов по генеалогии, которые в пику Миттерану накануне выборов 1988 года вывели его корни чуть ли не к рыцарям «Круглого стола» короля Артура. «Все мои пра-

деды, – опроверг их изыски сам Ширак, – были бедными крестьянами, а деды – деревенскими учителями». Вот почему его всегда, как и Помпиду, тянуло во французскую глубинку, в родной департамент Коррез, в самом центре Франции, от которого он был впервые избран в 1967 году депутатом Национального собрания. На тех выборах он, кстати, победил и брата Ф. Миттерана, выставившего свою кандидатуру от соцпартии, и кандидата коммунистов.

Де Голль был кумиром Жака Ширака, и сразу же после своего избрания президентом он отправился в родную деревушку де Голля поклониться его могиле. Говоря о де Голле как о человеке, который «создал во Франции систему социального страхования, дал право голоса женщинам, гарантировал экономическое и политическое обновление страны», Ширак призвал продолжить «эту давнюю французскую традицию держаний, действенности и щедрости». Это уже было кредо. Он видел себя вторым де Голлем. А может быть, даже и первым. Ширак в силу самой своей натуры не мог играть вторые роли. Он мог быть только первым, и никакие препятствия, казалось, не могли его остановить. Не случайно еще в самом начале своей политической карьеры в окружении президента Помпиду он получил кличку «Бульдозер». Его напор пугал, точнее, отпугивал. Это была одна из причин, по которым он проиграл Миттерану на президентских выборах.

Но после того фиаско «Бульдозер» вдруг перестал идти напролом. У него изменилась даже манера говорить. Ширак стал артикулировать каждую букву, как на уроке фонетики. Судя по всему, он специально занимался орфоэпией перед зеркалом. Он стал упорно прокладывать дорогу к сердцам французов. Два последних года перед выборами 1995-го были во многом посвящены именно этому. Он объехал всю Францию. Встречался и беседовал с тысячами своих соотечественников – от рабочих и крестьян до банкиров и предпринимателей. Именно обращаясь к ним, он скажет потом, в день своей победы 7 мая: «Я буду президентом всех французов». Впрочем, и в этом он повторил Миттерана.

Только «сходив в народ», Ширак смог добиться той любви, в которой ему прежде отказывали. Во втором туре 7 мая 1995 года он получил почти

53 % голосов. Его соперник Лионель Жоспен взял остальное. После этого поражения ни лидеры социалистов, ни ФСП уже не смогли справиться с голлистами ни в 2002 году, ни в 2007-м.

Еще из мэрии Парижа, а затем из Матиньонского дворца мне регулярно приходили приглашения от Ширака на разные мероприятия и приемы, и я старался их по мере возможности не пропускать, как и форумы возглавлявшейся им голлистской партии. Ширака было всегда интересно слушать именно потому, что он действительно умел видеть перспективу развития событий.

Ширак своих соотечественников-журналистов не любил, и они платили ему за это взаимностью, к месту и не к месту напоминая, «как было при Миттеране». Когда Ширак видел, что окружен телекамерами и микрофонами, он сразу же чувствовал себя не в своей тарелке, всегда опасался подвохов со стороны прессы и потому играл с ней постоянно в одну и ту же игру – «Да и нет не говорить, черное и белое не называть...». Он вроде бы и отвечал на вопрос, но так, чтобы ничего не сказать.

Наблюдая за Шираком во время таких встреч с прессой, на разных приемах в мэрии и в других местах, я всегда отмечал его манеру держаться, в которой было куда больше от американской традиции, чем от французской. Видимо, он подцепил это в Штатах во время учебы в Гарварде. Правда, улыбки и жесты профессионального американского политика, всегда готового пожать руки сразу всей толпе своих почитателей, у него странным образом сочетались с военной выправкой и умением ходить чуть ли не в ногу. Видимо, годы службы в армии во время войны в Алжире не прошли даром. Французские военные в бытность его премьер-министром в 1986–1988 годах при Ф. Миттеране говорили о Шираке так: «У него безупречная выправка. Вот он может, как никто другой, принимать парады». Уже поэтому с точки зрения французского военного истеблишмента Ширак был «президентабельным».

Он долго и упорно над собой работал. Гордо посаженная голова. Повелительные жесты уверенного в себе лидера. Безупречная осанка. Прекрасно пошитые костюмы. Репутация самого элегантного мужчины

Франции. Отец сумел дать ему образование в самых престижных частных школах Парижа – в Лицее Карно и в Лицее Людовика Великого, где он изучал, кстати, русский и английский языки. В молодости Ширак даже переводил «Евгения Онегина» на французский. И то ли влияние Пушкина, то ли влияние левой французской интеллигенции, обожающей русскую культуру, сказалось на нем, но в этих закрытых для простых смертных лицах он пришел впервые в политику не справа, а слева.

Ширак, который, став президентом, объявил, что «возобновление ядерных испытаний обусловлено высшими интересами Франции», за что его критиковали и справа, и слева, в начале 50-х годов даже был арестован за распространение Стокгольмского воззвания, призывавшего к запрещению ядерного оружия. Так он попал было в «черный список» подозреваемых в сотрудничестве с коммунистами, за что ему пришлось потом отчитываться в посольстве США, когда он просил там визу, чтобы поехать учиться в Гарвардский университет. Но это было позже. До этого будущий президент закончил «Сьянс По», знаменитую Школу политических наук, своего рода «кузницу» французских политиков, через которую прошли едва ли не все видные политические лидеры и ведущие правительственные чиновники страны. Ширак через «Сьянс По» получил доступ в элиту французского общества, где все еще чувствовал себя не в своей тарелке. Даже женившись по возвращении из Америки на аристократке Бернадетт Шодрон де Курсель, от которой у него двое дочерей.

Его духовным наставником с детских лет был его дед, учитель сельской начальной школы, вечный радикал-социалист и франкмасон. Дед носился с идеями социального равенства и вообще слыл якобинцем. Эту репутацию впоследствии завоевал и Ширак. Не случайно его противники в правых партиях звали его «леваком», а социалисты жаловались, что Ширак «украл» их программы социальных перемен и борьбы с безработицей. Но правда заключалась в том, что Ширак еще в 1974–1976 годах, когда он стал премьер-министром у президента Жискара д'Эстена, выдвинул такую амбициозную программу борьбы с безработицей, на которую не решались даже социалисты. Жискара д'Эстену это не понравилось, он стал Ширика осаживать, и тот, еще молодой 42-летний

премьер-министр, бросил перчатку истеблишменту и подал в отставку со своего поста.

Ширак часто шел напролом, не признавая обходных маневров. Его не назовешь мягким и податливым лидером. Он считал своих политических противников и свято верил в свою звезду. Как и все люди, «отмеченные небом», он никогда не забывал преданных друзей и соратников и никогда не прощал предательства. Он тяжело переживал, когда тогда еще совсем молодой Николя Саркози, на которого он делал ставку, фактически предал его и поддержал на президентских выборах его соперника премьер-министра Эдуарда Балладюра. Правда, потом он его почему-то простил, а в 2007-м помог ему стать президентом.

Как умный человек и талантливый лидер, Ширак больше всего боялся в своем окружении дураков. Ему можно было сказать в лицо прямо о его недостатках, если эти недостатки вредили тому делу, которому он служил. Доминик де Вильпэн именно на этом сделал карьеру – еще будучи молодым референтом, он сказал Шираку, что тому мешает стать президентом. Ширак выслушал и сказал: «Продолжайте в том же духе. Когда-нибудь мы будем работать вместе». Де Вильпен в первый президентский срок Ширака стал шефом президентской администрации, а во второй – премьер-министром.

Ширак впервые выдвинул свою кандидатуру в президенты в 1981 году, чем, как говорят, облегчил победу Миттерана над Жискаром д'Эстеном. Тогда он не прошел даже во второй тур. По иронии судьбы он стал в 1986 году премьер-министром при Миттеране. Началось мучительное для него существование, еще более мучительное, чем «выучка» у Жискара д'Эстена. В 1988 году Ширак вновь выдвинул свою кандидатуру на пост президента теперь уже от всех правых партий Франции, но проиграл и на этот раз с небольшим отрывом от Миттерана во втором туре.

Из книги «Раздумья-1» Жака Ширака можно понять, что он пережил свою политическую трагедию 1988 года как глубоко личную. Вопреки утверждениям его противников, он никогда не был циником в том, что касается политических убеждений и понятия долга. А свой высший долг он всегда видел в служении нации. Ширак решил поэтому «вернуться

к основам», противопоставить социализму Миттерана и его последователей идеалы Французской буржуазной революции не в прочтении Социнтерна, а в прагматическом смысле современного демократического государства с доминирующим средним классом. Это характерно для голлистского движения конца XX века. Оно повернулось в значительной мере под влиянием таких его лидеров, как Ж. Ширак и председатель Национального собрания Филипп Сегэн, к французскому «среднему классу», в который входят не только мелкие и средние предприниматели, но и многочисленные служащие и высококвалифицированные рабочие. Именно поэтому соперник Ширака от его же голлистской партии, бывший премьер Э. Балладюр, сориентировавшийся целиком на французскую финансовую элиту и аристократию, проиграл Шираку уже в первом туре. И не случайно лозунгом предвыборной кампании Ж. Ширака стало: «Франция для всех». В первую очередь под этим новый президент и его окружение понимали предоставление реального шанса добиться жизненного успеха тем, чей «лифт» застрял на нижних этажах французского общества и кому пробиться в верха, как это удалось, скажем, отцу Ширака или президенту Помпиду, уже не удастся никак. Единственное, против чего выступает Ширак, так это «против рецепта Парижской коммуны» – все поделить поровну. Часто Ширака обвиняли в «нежелании принимать какие-либо внятные решения». Больше всего ему досталось за нерешительность в конце 2005 года, когда экстремисты устроили бунт и по всей Франции горели машины и дома в пригородах. В день поджигали до ста и больше машин. И так больше месяца. Шираку эта «нерешительность» далась нелегко. Но все же он не повторил ошибку де Голля 1968 года, которая стоила его кумиру президентского кресла. Бунт был подавлен, но мягко, бескровно.

Как и де Голль, Ширак считал, что для Франции жизненно важен союз с Россией. Но, как и де Голль, он мечтал, что когда-нибудь она перестанет быть коммунистической и повернется к Западу. Еще будучи мэром Парижа, он делал все возможное, чтобы поддержать продвижение Бориса Ельцина к высшей политической власти в России. Я помню тот митинг в Зале празднеств в Отель-де-Вилль, которым встретили голлисты Ельци-

на во время его первого президентского визита во Францию в 1990 году. Чем-то мне это даже напомнило митинги под лозунгом «Русский с китайцем – братья навек» времен моей студенческой юности.

Один из любимых героев Ширака – Наполеон Бонапарт. Когда его ближайшие сподвижники приходили в уныние, он всегда говорил, по-своему перефразируя «императора всех французов»: «Единственная битва, которая проиграна наверняка, это та, в которую вы так и не вступили». Уверенность в конечной победе его выручала не раз. Выручила и в той, самой решительной битве его жизни за пост президента Франции.

...К 1994 году многие Ширака уже списали как бесперспективного политика – все опросы общественного мнения показывали, что президентом Франции будет избран Эдуард Балладюр. Даже «Интернэшнл геральд трибюн» обозвала Ширака «лузером», т. е. «безнадежным неудачником». Левые журналисты открыто издевались над «претензиями мэра Парижа» судить о внешней политике и о положении в мире. Предполагалось, что это не его компетенция, а прерогатива обитателей президентского Олимпа. В газетах охотно цитировали уничижительные оценки Ширака: «Он быстро бежит, но не знает куда». «Он не способен быть президентом». Эти слова приписывали Миттерану. Говорил он это или нет, точно неизвестно. Но ясно, что любви у него к Шираку никогда не было.

Для Ширака было вдвойне трагичным то, что к мнению его противника номер один прислушались и, казалось бы, верные ему товарищи по возглавляемой им голлистской партии. После победы правых партий на выборах 1993 года Ширак отказался идти на второе «сосуществование» с Миттераном. Голлисты решили, что премьер-министром станет Эдуард Балладюр, а Ширак целиком сосредоточится на подготовке к президентским выборам 1995 года. У Балладюра с Миттераном сложились прекрасные отношения. И в помине не было тех резких столкновений между правым премьером и левым президентом, отличавших период сосуществования Ширака и Миттерана 1986–1988 годов. В то время строптивость Ширака объясняли его принципиальностью. На фоне покладистости Балладюра заговорили о «невыдержанности» Ширака. Уже

с середины 1994 года его стали покидать один за другим его прежние соратники, спешившие сделать ставку на «верняк». Перебежчиков в лагерь более «президентабельного», как считали тогда Балладюра, было много. Котировка Ширака по опросам общественного мнения не оставляла ему шансов даже на то, чтобы выйти во второй тур. Летом 1994 года всего лишь 11 % французов намеревались голосовать за него. А Ширак уже осенью 94-го говорил: «Когда мы победим во втором туре на президентских выборах...» Те, кто тогда над ним похихатывал, потом предпочитали об этом не вспоминать. Что же касается уверенности Ширака в самом себе, то она ему сыграла хорошую службу – все это время его окружение готовило рабочую программу перемен и приступило к ее осуществлению сразу же после прихода к власти. Буквально в первые же дни. Приоритет номер один – борьба с безработицей, выравнивание шансов различных социальных слоев, «вытаскивание» тех, кого называют во Франции «исключенными» из общества, с «обочины жизни» (термин Ширака) на ее магистраль.

Левые увидели в этом одну демагогию. Традиционные правые – популизм. Крайне правые – «отрыжку коммунистического прошлого Ширака». Ни то, ни другое, ни третье. К власти во Франции вместе с Шираком впервые пришло послевоенное поколение политиков. Оно было менее идеологизировано и более открыто для новых идей и веяний. В правительстве появилось больше министров в возрасте до сорока лет. Им предстояло вести Францию в XXI век.

Как подлинный лидер, Ширак понимал, что не сможет иметь широкой поддержки, если будет ставить на узкую группу людей, как бы богата она ни была. Он делал ставку на мощный средний класс и объявил, что намерен способствовать его благополучию. Он знал, что обывателям политика «до ноги» и он о политиках судит по тому, что они для него конкретно сделали, что дали и что отняли. Ширак намерен был дать многое из того, что отняли до него, вернуть людям веру в то, что лозунги Французской революции предназначены не только для украшения стен и монет. Он ставил и на французскую интеллигенцию. Не случайно в его окружении было столько актеров, художников и писателей. И это не

свита, а друзья. Он ставил на предпринимателей и финансистов, среди которых он вырос. Он органически вошел в эту элиту, хотя и не потерял свои крестьянские корни. В этом была сила Ширака, которая помогла ему выиграть выборы и 1995 года, и 2002-го, хотя и с трудом, чтобы стать «президентом всех французов».

Начало его второго президентства было отмечено тем, что Франция резко качнулась вправо. Во второй тур президентских выборов 2002-го вышел не лидер социалистов Жоспэн, а кандидат от французского ультраправого Национального фронта Ле Пен. И чтобы не допустить его победы, и коммунисты, и социалисты голосовали во втором туре за голлиста Ширака.

После 2002-го Ширак сдал. Судьба методично его добивала, он как-то резко постарел и, видно было, уже с трудом нес бремя власти. Еще в 2001 году прокуратура принялась готовить против него судебное дело за злоупотребления во времена его бытности мэром Парижа, и только президентская неприкосновенность ограждала его от допросов у следователей, которые терпеливо ожидали окончания его срока в Елисейском дворце. Из-за своего нежелания втягивать Францию в войну в Ираке, Ширак вконец испортил свои отношения с Вашингтоном, и Джордж Буш даже на публике не скрывал, что его на дух не переносит. То и дело во Франции арестовывали террористов, а к концу 2005 года по всей стране прокатилась волна бунтов в иммигрантских гетто. Но по странной иронии судьбы самый серьезный кризис за годы своего президентства Ширак, как и де Голль в 1968 году, пережил в результате левого студенческого бунта. Студенческая революция 1968 года заставила де Голля уйти в отставку. Режим Ширака едва не рухнул так же, как режим де Голля, когда весной 2006 года во Франции начались массовые выступления против Закона о первом найме, который подготовил де Вильпен в попытке гарантировать занятость выпускников французских вузов. Но именно будущие выпускники и встретили его в штыки и получили при этом поддержку всей трудовой Франции. Ширак вынужден был отступить и отозвал злополучный закон. Он уже не был тем Бульдозером, которым его знали прежде. И как в той басне о стареющем льве, не лягал

его уже под конец его правления только ленивый. Как только он покинул Елисейский дворец, уступив его Саркози, его вызвали в суд. Поначалу как свидетеля по старому делу о злоупотреблениях в мэрии Парижа...

Странная штука власть. Миру известно столько трагедий властителей, что, казалось бы, стремиться во власть может только умалишенный. Но нет ничего слаще возможности властвовать для тех, кто ощущает в себе неукротимые гены лидера. Пригубив однажды напиток по имени власть, человек уже жить без него не сможет, даже если осознает, что он несет ему гибель. Она настигает лидеров чаще всего на рабочем месте. А если они добровольно уступают бразды правления другим, то долго, как правило, не живут. Только после их смерти их по-настоящему оценят и либо воздадут им должное, либо предадут забвению.

Во Франции президентская власть теперь, как это доказал в первую очередь де Голль, не слабее власти королевской времен Людовика XIV, Короля-Солнца, который говорил: «Государство – это я!» Ее мощь завораживает, и, для того чтобы ей обладать, мало быть профессиональным политиком. Французы стремятся наделить этой властью прежде всего человека неординарного и талантливого. В политическом классе Пятой республики таких людей немало, ибо их подготовка ведется тщательно и продуманно со школьной скамьи. В галерее французских президентов есть с кого брать пример будущим лидерам.

Миттерана еще при жизни возвели в ранг великих. Шираку повезло меньше уже потому, что после «Великих работ» его предшественника ему пришлось основательно потрудиться, чтобы навести порядок на строительной площадке. Кого оценит в результате История выше, не нам судить.

У отца комиссара Мегрэ

Время от времени «Правда» отправлял меня в командировки из Парижа в соседние страны. Одна из таких поездок вновь привел меня в Швейцарию в апреле 1989 года. Дело было в Лозанне, где мой знакомый Даниэль Пийар, главный редактор еженедельника «Иллюстре», рас-

сказал мне, что в их городе доживает свои дни Жорж Сименон, автор многочисленных и популярных во всем мире, в том числе и в России, детективных романов с главным героем комиссаром Мегрэ. Даниэль помог мне связаться с помощницей Сименона, который был очень болен и никого уже не принимал. Она ничего не обещала, но сказала: «Звоните». Осталось только добиться встречи...

Вдоль берега Женевского озера степенно расхаживали перекормленные туристами лебеди, а по набережной, мягко покачиваясь, проплывали сверкающие лимузины. Они останавливались у дорогих отелей, где посетителей тщательно отфильтровывают натренированные на face-control швейцары и телевизионные камеры, у роскошных особняков с полутораэтажными заборами, куда простым смертным вход раз и навсегда заказан. В лозаннском предместье Уичи у самого озера таких резиденций куда больше, чем в соседней Женеве. И понятно почему – Лозанна богата, респектабельна и для тех, кто относится к этой же категории людей, безопасна. За соответствующую плату здесь можно скрыться от кого угодно – от налоговых инспекторов, излишне любопытных репортеров и даже от ревнивых жен.

Сименон провел свои последние дни в отеле Beau Rivage («Бо Риваж»). Один только список его постояльцев – как «прописанных» в пансионе, превратившемся в самый дорогой хоспис в мире, так и приехавших ненадолго – получится на несколько страниц справочника «Кто есть кто среди миллионеров».

Запарковав машину у отеля, набираю номер, который дал мне Даниэль Пийар. Несколько раз – неудачно. Наконец, слышу в трубке уже знакомый голос Терезы, верной спутницы «короля детектива», и наконец-то долгожданные слова: «Он ждет вас. Поднимайтесь...»

Я в это до конца не верил, боялся, что интервью сорвется. Ведь ко времени нашей встречи Сименон практически перестал принимать журналистов.

Импозантный портье ведет меня по устланным коврами коридорам «Бо Риважа», потом передает меня бою в парадной униформе, и вместе

с ним мы входим в лифт, где на кнопку не нажимают, а открывают ее специальным ключом, без чего на нужный этаж не попадешь... Тереза отворяет дверь.

— Одна только просьба,— говорит она,— полчаса, не больше... Жорж, это Владимир из «Правды».

Пожалуй, мало найдется людей, никогда не слышавших о Жорже Сименоне. И все же краткая справка не помешает. Он родился в 1903 году в Бельгии. Как журналист приобрел известность довольно рано. Признанным писателем стал не сразу, несмотря на то что после 1931 года его знаменитые романы о полицейском комиссаре Мегрэ появлялись регулярно. Стали классикой такие шедевры, как «Смерть красавицы», «Неизвестные в доме», «Револьвер Мегрэ», «Железная лестница». С 1967 по 1973 год издавалось полное собрание его сочинений: 330 названий, 72 тома. Статистика, связанная с его творчеством, ошеломляет прежде всего его чудовищной работоспособностью. Только под своим именем Сименон издал 218 романов, из них восемьдесят о Мегрэ. Но написал, используя по меньшей мере семнадцать псевдонимов, еще ровно три сотни книг. Общий тираж произведений Сименона достиг 500 миллионов экземпляров. По его романам созданы 52 кинофильма, 211 телефильмов и постановок. 22 актера сыграли роль комиссара Мегрэ — 12 на телевидении и 10 в кино, включая Жана Габена, Жана Ренуара и нашего Бориса Тенина. В своей «номинации» он, наверное, побил все рекорды Книги Гиннеса.

...Сименон сидит в мягком кресле у полуоткрытого черного рояля в своей знаменитой белой рубашке-косоворотке с красным галстуком веревочкой. Говорят, он получил подобную рубашку впервые в подарок во время своей поездки на Украину в 1933 году и потом уже неоднократно шил такие же на заказ. В руке он держит погасшую трубку, рядом на столике лежат наготове еще шесть — разного калибра и длины. Указывает мне на стул рядом:

— Садитесь поближе. Я слышу плохо. Старость. И еще эта болезнь. Я ведь больше не хожу, возят меня на коляске гулять. Каждый день полчаса гуляю...

В декабре 1984 года Сименон перенес тяжелейшую операцию – трепанацию черепа и удаление опухоли мозга. К счастью, не злокачественной. Последствие – левосторонний паралич.

Интервью наше шло трудно. Тереза многое мне «переводила» с французского на французский же. Сименон пошутил по этому поводу: «У меня после операции язык заплетается. Только Тереза понимает все». Потом сказал, улыбнувшись одной половиной лица: «Нога и рука левая не двигаются. Но все, что осталось, использую вовсю».

– *Неужели пишете что-нибудь?*

– Книжки? Нет, что вы! Ни романов, ни повестей больше не пишу. Ничего не пишу. Последний мой роман появился в 1976 году («Ветер северный, ветер южный». – В. Б.). А после него, что я вообще написал, так это мемуары, в 1980 году. Через год они были изданы. Я тогда сказал: писать я еще могу, но это дело очень сложное и тяжелое. Больше – ни одного романа.

– *Вы вообще живете затворником и никуда не выезжаете. И действительно практически не встречаетесь с журналистами?*

– Выезжаю я – это правда – редко. Мне же все-таки 86! И тем не менее недавно побывал во Франции. В Ла-Рошели моим именем назвали набережную в память о том, что я жил в этом городе во время войны. А что до журналистов, то... Понимаете, я ведь ничего больше не пишу сейчас. Вот когда писал, считал своим долгом с ними встречаться и отвечать на все их вопросы. А о себе я все сказал в мемуарах.

– *В «Интимных мемуарах»? Вы работали над ними в Лозанне?*

– Да, причем писал от руки для большей достоверности.

– *Журналисты вам говорили после опубликования «Интимных мемуаров», что вы рубите сук, на котором сидите, никаких тайн Сименона не осталось. А следовательно, не осталось и тем для сенсационных интервью для радио и телевидения...*

– Да, – ответил он, – они так говорили. И тем не менее просьбы об интервью – спросите Терезу, она знает, она с ними занимается – поступают и сейчас едва ли не ежедневно.

– *Поговорим о Мегрэ. Какой из романов о нем вам самому нравится больше всего?*

– Для меня все это как мозаика, из которой складывается одна картина. По сути, эти романы – одна большая книга о Мегрэ.

– *Вас и Мегрэ часто отождествляют. Есть ли между вами какое-то сходство?*

– Никакого. По крайней мере, внешнего. И к тому же я не способен вести расследование.

– *Недавно один наш читатель прислал мне письмо с просьбой сообщить адрес Мегрэ. Хочет посоветоваться с ним по одному запутанному делу.*

– Браво, Мегрэ!

– *Вы создатель этого героя. Как вы объясните, что для многих он не плод вашего вымысла, а совершенно реальное лицо?*

– Наверное, потому, что Мегрэ стремится всегда и прежде всего понять человека, а не осудить его. Понять мотивы его поступков, его слабости. В нашей Вселенной человек – самое слабое существо физически. У него нет ни клыков, ни когтей, ни даже рогов, чтобы защититься. Только интеллект.

– *Но это его и спасает?*

– Я был в Латинской Америке. Там видел людей, которые живут в джунглях без всякого оружия и выживают, хотя на каждом шагу их подстерегают опасности. Они знают законы своего мира, одинаково обязательные и для людей, и для животных, следуют им, поэтому никого не боятся, в том числе хищников. Мегрэ тоже стремится познать законы тех

джунглей, в которых оказались его подследственные, чтобы понять, почему они поступают именно так, а не иначе... Что же касается восприятия моих романов вообще, то люди везде люди. Я был в Африке, и цвет кожи там у людей иной, и одежду они порой почти не носят, а по сути своей от нас, европейцев, ничем не отличаются. Я люблю людей, где бы они ни жили, и больше всего люблю маленького человека.

– *Это человеческое измерение, в котором действует Мегрэ, наверное, и делает его одинаково понятным и близким людям в самых разных странах? Вот многим у нас Мегрэ настолько близок, что кажется соотечественником. Чем вы объясните это?*

– Где-то и тем, что я себя ощущаю гораздо больше русским, чем, скажем, американцем, хотя в России был всего два раза и то недолго. Правда, будучи в Одессе и в Архангельске, я много разговаривал с русскими, и они помогли лучше понять вашу литературу. Ну и к тому же у меня в роду есть русские корни...

(Тереза рассказала мне потом, что это, оказывается, легенда. По специальному заказу писателя специалисты в области генеалогии составили его генеалогическое древо вплоть до 1460 года, описав его более чем на ста страницах. Подтверждения легенды о русском происхождении рода Сименонов, увы, не нашлось. Но разубеждать Сименона Тереза не стала.)

– Самое главное, – продолжает он, – это то, что я учился писать у русских классиков, прежде всего у Гоголя. И, конечно, у Достоевского, Чехова. Гоголя же прочитал даже раньше, чем Бальзака.

Он вспоминает любимую гоголевскую строчку: «Тройка, птица-тройка...»

– Гоголь говорил: «И какой же русский не любит быстрой езды...» Что ж, вы мчитесь очень быстро...

– *А современных русских писателей знаете?*

– К сожалению, очень мало. Дело еще и в том, что, когда я начал писать как профессионал, времени на чтение практически не осталось.

К тому же я не мог себе позволить подвергаться чьему бы то ни было влиянию. Читал только мемуары, специальные исследования.

– *Кто из актеров в роли Мегрэ больше всего вам понравился?*

– Вообще я редко смотрел фильмы, поставленные по моим романам, так же, как никогда не перечитывал сами романы. Зачем? Но все же кое-что видел. Больше других мне нравится в этой роли Жан Габен. Он ближе всего к тому Мегрэ, которого я себе представляю. Видел и Тенина в этой роли. Он мне понравился.

– *Вы прожили большую, чрезвычайно насыщенную, интересную жизнь. Вы счастливы?*

– Сейчас – как никогда прежде! Нет никакого груза обязательств. Я внемлю всему живому. Со мной рядом – Тереза. И мы прекрасно понимаем друг друга.

– *А если бы была возможность прожить жизнь сначала? Стали бы вы заново писать все ваши романы или предпочли заняться чем-либо другим?*

– Собственно, ничего другого, кроме как писать романы, я и не умею. Не могу, например, сочинять сонаты. Еще когда мне было шестнадцать и я работал репортером в Льеже, мечтал стать писателем. Кстати, журналистика мне помогла лучше познать человека.

В нашей стране Сименона знали и любили давно, еще до того, как он стал всемирно известен. Впервые он побывал в Советском Союзе в журналистской командировке в 1933 году. Его книги переведены на русский, белорусский, украинский, молдавский, грузинский, армянский, эстонский и другие языки.

– У вас замечательный народ, – говорит Сименон. – Я всегда ощущал себя учеником русской литературы, и поэтому меня совершенно не волнует, читают ли меня американцы, а вот читают ли русские – волнует. И то, как они меня воспринимают, тоже...

Сименон пытается раскурить погасшую трубку и сердится, потому что это у него не получается. Тереза спешит на помощь с коробком спичек. Вместо отведенных мне тридцати минут мы проговорили почти полтора часа. Тереза разводит руками: Сименон устал. Он подает мне на прощанье руку. Она холодная, но крепкая.

Сквозь стекла очков вижу его глаза – в них глубокое, затаенное страдание, смешанное с какой-то тихой радостью, что порой бывает у людей, чудом вырвавшихся с помощью хирурга из лап смерти.

– Хочу пожелать вашему народу счастья, успеха, – говорит он.

На том наше интервью и кончилось. Я сделал несколько снимков и попросил Терезу сфотографировать нас вместе. Уже проявив пленку, обнаружил, что с моим аппаратом она не совладала – на фотографии рядом с Сименоном лицом я в кадр не попал.

Прошло меньше месяца с тех пор, и вдруг мне позвонил из Лозанны Даниэль Пийар, главный редактор еженедельника «Иллюстре», который помогал мне встретиться с Жоржем Сименоном. Он сказал: «Владимир, вы последний журналист, который сумел взять у него интервью...» Действительно, мое интервью с Сименоном, опубликованное в «Правде» 14 апреля 1989 года, оказалось последним интервью самого читаемого франкоязычного писателя на Земле. По просьбе Даниэля я еще раз прослушал свою пленку с записью нашего разговора и передал в «Иллюстре» все то небольшое, что в правдинскую публикацию не вошло. Все это он напечатал в своем журнале под заголовком «Последнее интервью он дал “Правде”» («L’Illustré». № 37, 1989). О смерти Сименона в Швейцарии официально сообщили только после того, как его прах был развеян под кроной ливанского кедра, бывшего гордостью сада, разбитого перед последним домом писателя в Лозанне. Такова была последняя воля Сименона. По радио вскоре прозвучала фраза: «Сегодня в возрасте 86 лет умер отец комиссара Мегрэ...»

Обращаясь к семье Сименона, президент Франции Ф. Миттеран написал, что писатель «останется верным товарищем читателей всех поколений и континентов. Вобрав в себя различные культуры, Жорж Сименон оставил нам труд, который стал достоянием всего человечества».

Глава семнадцатая ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА «ЮМАНИТЕ»

Награда нашла героя

6 июля 1987 года мне исполнилось 50 лет. Тогда казалось, что за этим уже наступает «преклонный возраст», все ближе к пенсии и небытию. Если бы сейчас вернуть мне мои 50 лет! Я был в прекрасной форме – по утрам бегал по Булонскому лесу, подтягивался на турнике, плавал в бассейне рядом с нашим корпунктом, благо такие заведения в том лесу были практически бесплатными. Но главное – я никогда не чувствовал себя до этого таким востребованным. Многочисленные письма читателей, признание в «Правде» – наш весьма придирчивый коллектив присудил мне звание «лучшего собственного корреспондента за рубежом» – придавали и силу, и оптимизм, и выносливость – практически ежедневно я что-то да передавал в «Правду», а примерно раз в неделю шла моя большая статья либо интервью. Постепенно во Франции меня признали. Слово «Правда» удалось лишить прежнего негатива. Меня стали приглашать на радио и теледебаты. Звали и студенты – я выступал в Страсбургском университете и в других французских вузах. А в Сорбонне мне пришлось даже схлестнуться с представителями власовского издательства «Посев». Перестройку они активно использовали для своей реабилитации, представляли себя «патриотами» России, а свой антикоммунизм – показателем истинного патриотизма. Ну и пришлось им во всеуслышанье открытым текстом напомнить, что ни во Франции, где коллаборационисты понесли суровую кару после войны, ни в Советском Союзе предателей за патриотов никто никогда не считал.

В Советский Союз мы каждый год приезжали всей семьей в отпуск и проводили его либо на правдинской даче в Серебряном бору, либо

Франция. Бургундия. Лекция о перестройки в местном университете. Надписи на классной доске: «Юность», «Кремлевка», «Новый мир», гласность.

в правдинском пансионате в Пицунде. Жили, то что называется, полной жизнью и радовались ей.

В июле 1988 года меня неожиданно вызвали в Москву, даже не сообщив зачем. Только сказали, что срочно. С учетом моего горького опыта я сказал Даше, чтобы она на всякий случай собрала чемоданы, и первым же самолетом вылетел в Москву. В аэропорту меня встретил правдинский шофер, он сказал, что меня ждет главный, и мы поехали прямо в редакцию. Я по дороге все прикидывал, с чего бы это такая спешка и что такое главный намерен мне сообщить. Афанасьев был занят, и я минут двадцать просидел у него в приемной. Когда он меня пригласил войти, я уже был весь на нервах, хотя так и не понял, за что мне придется оправдываться, если придется.

Виктор Григорьевич обнял меня и сказал: «Рад тебя видеть, Володя. Прими мои поздравления. Завтра поедешь в Кремль. Там будут награждать наших правдивов орденами и медалями. И тебя в том числе. Тебя наградили Орденом Дружбы народов». Как уже потом выяснилось, наградили меня этим орденом Указом Президиума Верховного Совета СССР еще 30 июля 1987 года, как бы к моему 50-летию по представлению «Правды». Но мне об этом Афанасьев сообщил только год спустя. Почему так затянули дело с моим награждением, я так и не узнал. Но, думаю, что и на сей раз мои супостаты костями ложились, чтобы этого не допустить.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко
вручает В. Большакову Орден Дружбы народов.

Слева – секретарь Президиума ВС СССР Т. Н. Ментешашвили.

В Кремль по тем временам просто так пройти было нельзя – всех награжденных правдивостов повезли туда на автобусе и каждому вручили именной пропуск. Награды нам вручал в Георгиевском зале сам Председатель Президиума Верховного Совета СССР Андрей Андреевич Громыко, занявший эту должность после избрания Горбачева генсеком с его подачи в 1985 году, и секретарь Президиума Тенгиз Николаевич Ментешашвили. Когда назвали мое имя, я подошел к Громыко, он меня поздравил и неожиданно спросил: «Ты где сейчас трудишься, Володя?»

Я ответил, что – собкором «Правды» в Париже.

Он на мгновение задумался, а потом сказал: «Да, да. Я тебя читаю. Хорошо пишешь. Успеха тебе».

Я хотел было ответить по-военному: «Служу Советскому Союзу!» Но сдержался. Меня бы не поняли.

Коммунизм по-французски

В посольстве СССР вплоть до 1991 года был специальный советник, который ведал связями с «друзьями» – т. е. с Французской коммунистической партией. В мои обязанности это не входило. Но время от времени мне приходилось бывать в здании ЦК ФКП на площади Полковника Фабьена. Его построили в начале 1970-х годов по проекту знаменитого бразильского архитектора О. Нимейера. Здание – символ, эталонное бетонное развешивающееся знамя, начисто лишенное какого-либо декора, отождествляло собой идею равенства людей, скромность жизни и бескорыстие неимущих пролетариев.

Это здание странным образом связано с личностью Генерального секретаря ФКП Жоржем Луи Рене Марше (1920–1997). Он был первым генсеком ФКП, который поселился в этом шедевре О. Нимейера. И последним. После его смерти в 1997 году штаб-квартиру ЦК ФКП сначала стали сдавать в аренду, а затем и вовсе продали. Мне приходилось несколько раз брать интервью у него. К нему нельзя было подойти просто так, даже на празднике «Юманите», где он обычно выступал с речами.

Надо было договариваться об интервью заранее, проходить всю ту бюрократическую процедуру, которая была установлена в ФКП для общения с советскими журналистами. А вот родной французской буржуазной печати и западным журналистам Марше давал интервью охотно и без всякого предварительного согласования. Такая манера давать нам знать свое место была у него своего рода проявлением еврокоммунизма.

Марше был на редкость несимпатичным человеком. Большой лоб с крутыми надбровьями, свидетельствующий о перенесенном в детстве рахите, нависал над маленькими глазками, а кривая улыбка говорила о том, что ее носитель – человек весьма скверного характера. Он был начисто лишен харизмы, так необходимой публичным политикам, и отстаивал свои коммунистические или, точнее, еврокоммунистические убеждения без доли юмора и с такой упертостью, что его специально приглашали французские телевизионщики на дискуссии о проблемах Франции и просили объяснить положение в стране «с позиций марксизма-ленинизма». Он пояснял с такой серьезной физиономией закоренелого долдона, что вся Франция лежала. Левая интеллигенция его не любила. Тем более что у него была уязвимая деталь биографии – он утверждал, что во время оккупации Франции немцы депортировали его на работы в Германию, а его противники утверждали, что он поехал туда добровольцем.

В левых кругах Франции Марше называли французским Сталиным. Он действительно держал партию в ежовых рукавицах. И, по большому счету, сам он, как и его ближайшие клеветы вроде Максима Гремеца, по своим убеждениям еврокоммунистом не был, ибо железной рукой подавлял в ФКП внутрипартийную демократию, а к тому же публично по телевидению поддержал ввод советских войск в Афганистан. Ему понадобилось обращение к еврокоммунизму потому, что он боялся из-за вмешательства советских товарищей с их коминтерновскими повадками в дела ФКП лишиться своего поста лидера, а не из-за идеологических разногласий с международным отделом ЦК КПСС. В коридорах ЦК на Старой площади все эти идеологические метания ФКП оценили как «изыски оппортунистов и ревизионистов», но в публичный спор с еврокоммунистами не вступали, т. к. рассудили, что себе будет доро-

же. Поэтому при всех разногласиях КПСС продолжала оказывать еврокоммунистическим партиям финансовую помощь, а те в свою очередь старались воздерживаться от публичных осуждений КПСС и ее идеологических братьев из Варшавского Договора и с коммунистической перефирии. Марше прекрасно понимал, что его партия сильно подседа на иглу финансовых вливаний из кассы КПСС, и в нужный момент, как черт из коробочки, выскакивал со своим «Одобрямс!», как в случае с Афганистаном. Но он знал, что именно за это его и ценят в Москве, и мог себе позволить саморекламы ради даже такую фронду, как «бунт на корабле». Так, во время визита Л. И. Брежнева в Париж в 1983 году он отказался с ним встретиться.

За это ему по-своему отомстил М. С. Горбачев во время визита в Париж в 1989 году. Марше вместе с Гремecem подъехал к резиденции советского посла на рю Гренель, где Горбачев должен был их принять. Но тот торопился на встречу с Миттераном и только поздоровался с Марше, который стоял во дворе резиденции вместе с толпой журналистов и горбачевскими охранниками. Это было публичное унижение и, думаю, намеренное со стороны Горбачева, которому к тому времени международное коммунистическое и рабочее движение уже только мешало договариваться с американцами, и он начал дистанцироваться от его лидеров так же, как в свое время еврокоммунисты от КПСС.

За год до этого я брал интервью у Марше, которое было опубликовано в «Правде» перед очередным съездом ФКП в 1989 году с его портретом. На том съезде нашу газету представлял первый зам. главного редактора «Правды» Лев Спиридонов, кандидат в члены ЦК КПСС. Марше принял меня в своем кабинете. Так как вопросы я передал ему заранее через Максима Гремeca, то на них уже были готовы и ответы в письменном виде. Он спросил, есть ли еще вопросы, тоном, исключаящим таковые, но я все же нарушил протокол и попросил передать его пожелания читателям «Правды». Пожелания, конечно, были самые теплые, и он уместил их в одной фразе.

В интервью его не было ничего необычного. Одна фраза о солидарности с КПСС и две – о пути, избранном коммунистами после 1970 года

и их программе широкого демократического фронта, т. е. еврокоммунизма. Две фразы в поддержку перестройки и три – с намеком на то, что именно ФКП своим примером помогла советским коммунистам прийти к идее перестройки.

Жорж Марше объективно сыграл роль «могильщика коммунизма», когда в 1994 году назначил своим преемником на посту генсека ФКП Робера Ю, у которого если что и было от коммунизма, так это членский билет ФКП, который можно было спокойно купить, уплатив членские взносы за месяц вперед на празднике «Юманите». Идеологические метания лидеров ФКП привели к тому, что партия начала таять на глазах. Если в 1947 году она насчитывала почти миллион человек в своих рядах, то уже в 1975 году, после первой «пятилетки» еврокоммунизма, в ней не осталось и половины этого числа. К выборам 1981 года ФКП пришла с 280 тысячами членов партии, а в наши дни их насчитывается чуть больше 100 тысяч. И если в результате президентских выборов 1981 года Марше получил 15,35 % голосов избирателей и тем самым занял четвертое место, то в наши дни кандидаты ФКП едва набирают 1 % голосов на таких выборах, уступая даже троцкистам и анархистам. Такова плата за увлечение «еврокоммунизмом». Он практически сошел на нет уже в начале 90-х годов. Но, как феномен ренегатства в революционном движении, он существует давно, хотя и под другими именами.

«Еврокоммунизм» не есть нечто новое в идеологии, это тот же меньшевизм, оппортунизм и соглашательство с буржуазией, ставка на парламентскую борьбу и за теплые места в буржуазном правительстве вместо классовой борьбы за интересы рабочего класса, клятвы в верности марксизму и одновременно отказ от его фундаментальных основ, прежде всего от диктатуры трудящихся (пролетариата). В этом суть всех разногласий с «советской моделью», которые возникли в международном коммунистическом движении вскоре после доклада Хрущева «О культе личности И. В. Сталина» на XX съезде КПСС, а затем все более усиливавшихся после подавления контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956 году, ввода войск Варшавского Договора в Чехословакию в 1968 году и в Афганистан через десять лет после этого.

И можно было бы не возвращаться к его критике – еврокоммунизма как такового уже нет, ну, прокляли и забыли. Но дело в том, что он активно использовался на идеологическом фронте самыми яркими антикоммунистами в те годы, когда активно осуществлялся план Рейгана по демонтажу коммунизма.

Возник этот феномен не только потому, что европейские коммунисты, как и австралийские, решили отмежеваться от непопулярных в мире решений Советского правительства, руководители которого были одновременно и лидерами КПСС. Дело в том, что марксизм в Советском Союзе испытывал тот же застой в своем развитии, что и само наше государство при Брежневе. Он не развивался. Официальный марксизм, олицетворяемый Сусловым, а он ни в Марксе, ни в Энгельсе, да и в Ленине толком не разбирался, не сумел вовремя и адекватно проанализировать те перемены, которые привнесла в мировую экономику и общество научно-техническая революция одновременно с революцией в образовании, профтехобучении и социальном обеспечении. Если сравнить это с военной техникой, то мы готовились воевать с трехлинейками против крылатых ракет. В результате марксистские вроде бы идеологи не заметили либо проигнорировали кардинальные изменения в характере труда и производительных сил в капиталистическом обществе в период массового вытеснения роботами и ЭВМ рабочих физического труда. То и дело апеллируя к марксизму по поводу и без повода, подопечные главного идеолога партии М. А. Суслова не поняли, что происходит то, что предвидел Маркс, указав в «Капитале», что со временем «наука станет производительной силой».

Третья промышленная революция как раз это и подтвердила. Эту революцию иногда называют еще и «цифровой революцией». С ней связан повсеместный переход в производстве к применению информационно-коммуникационных технологий, способствовавший формированию постиндустриального общества. Эти технологии привели к востребованности совершенно новой категории рабочего класса – работников преимущественно умственного труда – операторов ЭВМ, программистов, компьютерщиков и т. д. Автоматизация и роботизация производства

практически повсеместно вытеснили физический труд и тех, кто за счет его жил. Произошло массированное перетекание рабочей силы в сферу обслуживания, где занято до 60 процентов трудового населения. Рабочий класс стремительно превращался в «средний класс», в марксистском учении не предусмотренный. Появилась совершенно новая категория люмпен-пролетариата – люди, живущие на социальные пособия, среди которых все больше тех, кто за свою жизнь вообще никогда не работал. И этим пролетариям было чего терять, кроме своих «цепей», – пособие и медицинскую страховку, помогающие им выжить.

Когда я написал обо всем этом в своей книге «Бунт в тупике?», Ричард Косолапов, который стал через некоторое время главным редактором журнала «Коммунист», в своей рецензии на ее рукопись отметил мои выводы как «шаг в направлении развития марксизма», что помогло книге выйти. Но за это Ричард впоследствии получил нагоняй от М. А. Суслова. Тот как раз и увидел в моей книге о новых левых «проявления еврокоммунизма». Но это был всего лишь трезвый анализ того, что происходило на самом деле.

Неумение и нежелание понять диалектику развития промышленных революций привело Советский Союз к потере конкурентоспособности в соревновании с капитализмом. А в посткоммунистической России так и не адаптировались к четвертой промышленной революции, которая характеризуется усиленной интеграцией «киберфизических систем», или CPS, в заводские процессы. CPS – это, по сути, всеобъемлющий термин, который используется в разговорах об интеграции небольших подключенных к Интернету машин и человеческом труде. Руководители предприятий, используя CPS, не просто переосмысливают принцип сборочной линии, но и активно создают сеть машин, которые будут не только производить товары с меньшим количеством ошибок, но и смогут автономно изменять производственные шаблоны в соответствии с необходимостью, оставаясь высоко эффективными. Тут отставание России от Запада зашло настолько далеко, что догнать его будет практически невозможно в ближайшее время. Такова цена догматизма в оценке промышленных революций и связанных с ними перемен в обществе и производстве.

В среде еврокоммунистов, в чем я убеждался не раз, было немало «неомарксистов», которые пытались реалистически оценить те процессы, которые происходили в развитых странах Запада, меняя не только характер их экономики и классовый состав общества, но и те возможности, которые эти перемены давали коммунистическим партиям для прихода к власти в результате парламентской борьбы с опорой на средний класс, и особенно на новый пролетариат – высококвалифицированных рабочих преимущественно умственного труда. Другое дело, что социальные сдвиги, происходившие в странах «золотого миллиарда» под влиянием научно-технической революции, они восприняли как аргумент в пользу создания «нового коммунизма», широкого «левого фронта» для завоевания политической власти в союзе с другими левыми силами и даже с буржуазными партиями. На деле ФКП своими голосами способствовала победе своих традиционных соперников – социалистов, которые за это бросили им подачку – предоставили лидерам коммунистов места в своем буржуазном правительстве. А ФКП тем самым взяла на себя ответственность за политику этого правительства, что только способствовало ее дискредитации в глазах рабочей Франции. С министрами-коммунистами произошло то же самое, что и со всеми ренегатами, – их использовали, а затем выбросили за ненадобностью. Я собственнно это и предсказывал моим еврооппонентам еще ходе наших дебатов в парке Курнев в 1982 году.

Во многом, конечно, идеологические метания западных интеллектуалов левого толка были вызваны не столько заботой о развитии марксизма, сколько стремлением выйти в разряд респектабельных партий из положения политических изгоев и «агентов Кремля», на которое традиционно были обречены компартии на Западе из-за своей поддержки СССР. Чем-то эти метания напоминают переживания щедринского помещика – либерала, который мучился вопросом, «чего ему больше хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать».

Такого рода раздвоенность типична для интеллигенции уже потому, что по своей социальной природе она не принадлежит ни к какому классу. Эта интеллигентская раздвоенность очень четко проявилась у нас в годы перестройки, а также после нее в среде советской интеллигенции,

которая из одной крайности – истового служения партократии – бросилась в другую – в услужение олигархам. Не случайно еще Ф. Достоевский в «Бесах» отметил: «Наш русский либерал (читай – интеллигент. – В. Б.), прежде всего, лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить (или лизнуть)». Так выходит: не только русский либерал, но и западный той же породы, что весьма убедительно показала история еврокоммунизма.

...Я не думал, что мне когда-нибудь придется продолжить спор с французскими еврокоммунистами, в который я вступил на том празднике «Юманите», где мы побывали вместе с моей женой Дашей в 1982 году. Но вот на съезде ФКП в 1994 году уже после развала СССР генеральным секретарем был избран Робер Ю, который за годы своего правления вообще практически похоронил партию. Довольный собой и своим докладом на съезде, Ю подошел ко мне и спросил: «Ну, как “Правде” мой доклад?» – «Ленину он бы не понравился», – ответил я.

Ю увидел, что вокруг нас собираются делегаты съезда, поэтому спорить не стал и сказал: «Ну, а кто такой Ленин?» Я ответил: «Ну, Ленина, положим, все знают». И скаламбурил по-английски, не удержавшись: «And who are you, You?» («А ты кто такой, Ю?»). Народ вокруг грохнул. Так мой спор с «еврокоммунистами» и закончился через 12 лет после того праздника «Юманите». После этого меня на съезды ФКП не приглашали, а я особо туда не рвался.

С первых же дней своей работы во Франции я наладил контакты не только с ЦК ФКП, но, прежде всего, с газетой «Юманите», «Юма», как ее называют левые. Это было необходимо уже потому, что «Правда» постоянно участвовала в празднике «Юманите», и у нас даже существовал целый отдел по обеспечению таких праздников газет братских компартий, который возглавляла очаровательная, интеллигентная дама Алла Борисова. Она прекрасно знала французский и итальянский языки, так что на европейском направлении еврокоммунизма ей цены не было. Именно через нее и шли все поставки наших «сувениров» на такие праздники.

В годы моей работы во Франции объединенная редакция «Юманите» и ее воскресного приложения «Юманите-диманш» располагалась в

парижском пригороде Сен-Дени, большинство населения которого составляют иммигранты либо их потомки. Ролан Леруа, член ЦК ФКП и политический директор «Юма», и ее главный редактор Клод Кабан регулярно выезжали в СССР на отдых в партийные санатории, что не мешало им столь же регулярно «воспитывать» своих советских патронов в духе еврокоммунизма. Меня они тоже обрабатывали в том же духе достаточно регулярно, но я воспринимал это скорее как ритуал и чаще отшучивался, чем с ними спорил.

Москва помогала этой компартии довольно активно по различным каналам, предоставляя ей возможность зарабатывать на гастролях советских артистов во Франции, на туристах и показах советских фильмов. Я уже не говорю о поставках на праздник «Юманите» советских деликатесов, водки и сувениров, доход от продажи которых шел в кассу ФКП.

Леруа был из тех коммунистов, которые оказали свое влияние на развитие французской культуры, литературы и философии начала XX века. Он из той же породы левых интеллектуалов, что и Жан-Поль Сартр (1905–1980), Альбер Камю (1913–1960), Роже Гароди (1913–2012) и Луи Альтюссер (1918–1990). Леруа сыграл свою роль в судьбе Владимира Высоцкого и Марины Влади, которая вступила в ФКП для того, чтобы беспрепятственно ездить в Советский Союз. Вот как Марина описывала свою первую встречу с Л. И. Брежневым в советском посольстве в 1977 году в своей книге «Прерванный полет», как бы обращаясь к Высоцкому: «Я причесываюсь, пудрюсь – я еду на встречу активистов общества дружбы “Франция – СССР” с Леонидом Брежневым. Актерская дисциплина снова выручает меня. Я приезжаю в посольство СССР как ни в чем не бывало, готовая к рандеву, важность которого я предчувствую. Мы ждем в салоне, все немного скованы, потом нас впускают в зал, где стулья стоят напротив письменного стола. Входит Брежнев, нам делают знак садиться. Нас пятнадцать человек, мужчин и женщин всех политических взглядов – голлисты, коммунисты, профсоюзные деятели, дипломаты, военные, писатели – все люди доброй воли, которым дорога идея взаимопонимания между нашими странами. Мы слушаем традиционную речь. Брежнев держится свободно, шутит, роется в портсигаре, но ничего оттуда не достает,

сообщает нам, что ему нельзя больше курить, и долго рассказывает об истории дружбы между нашими народами.

Ролан Леруа мне шепчет: “Смотри, как он поворачивается к тебе, как только речь заходит о причинах этой дружбы...” Действительно, я замечаю понимающие взгляды Брежнева. Я знаю, что ему известно все о нашей с тобой женитьбе. Когда немного позже мы пьем шампанское, он подходит ко мне и объясняет, что водка – это другое дело, что ее нужно пить сначала пятьдесят граммов, потом сто и потом, если выдержишь, – сто пятьдесят, тогда хорошо себя чувствуешь. Я отвечаю, что мне это кажется много. “Тогда нужно пить чай”, – заключает он, и я получаю в память об этой встрече электрический самовар, к которому все-таки приложены две бутылки старки. Прежде чем уйти, мы фотографируемся: группа французов вокруг советского главы. Этот снимок сделал гораздо больше, чем все наши хлопоты, знакомства и мои компромиссы, вместе взятые.

Леруа организовывал и первые концерты Высоцкого в Париже, включая его знаменитое выступление перед русской эмиграцией. Он страшно этим гордился и вообще всячески подчеркивал свою близость к советским диссидентам, так что у нас с ним, понятно, общего было мало. Более того, он никак не мог мне простить моих статей по Чехословакии, по сионизму и моего двойного подвала по Польше. Разными мы с ним были коммунистами. Очень разными. Леруа руководил «Юманите» 20 лет – с 1974 по 1994 год, пока не ушел на покой.

Мы довольно часто встречались до развала СССР. А когда финансовая подпитка ФКП из Москвы прекратилась и «Правда» уже не могла больше участвовать в праздниках в парке Курнев, интерес ко мне в редакции «Юма» исчез. Когда у «Правды» после ее первого запрета в августе 1991 года начались проблемы с финансированием, я попросил Леруа помочь мне найти в Сен-Дени помещение для нашего корпункта подешевле. Ему это было сделать просто, с учетом того, что мэром Сан-Дени был его приятель. Но он, конечно, мне отказал. Солидарность коммунистов тут не сработала.

С 1994 года «Юма» перестала быть органом ФКП и ушла в свободное идеологическое плавание, впрочем, вместе с самой компартией и самим

Леруа – его убрали из редакции на пенсию. Так мощная когда-то компартия заплатила за свое увлечение еврокоммунизмом.

С космонавтом на Корсику

В чем мне все-таки помогали мои коллеги из «Юма», так это контактами в моих поездках по различным регионам Франции, где коммунисты из местных ячеек ФКП охотно шли мне навстречу. Обычно после праздника «Юманите» делегацию «Правды» прилашали погостить и отдохнуть несколько дней где-нибудь на базе ФКП в провинции. В сентябре 1989 года в составе такой делегации вместе с Виктором Афанасьевым и космонавтом Владимиром Джанибековым мы отправились на Корсику, родину Наполеона. Сопровождала нас настоящая корсиканка, член ФКП и жена Жана Рабате, ответственного секретаря «Юманите», отличного парня, с которым мы дружили долгие годы даже после распада СССР. Жан обычно ведал нашим павильоном в парке Курнев, и через него шли все наши «поставки» в адрес «Юманите». Жан с трогательной заботой погрузил нас в аэропорту Орли на рейс «Париж – Аяччо». Как всегда, у меня был с собой диктофон, и все интересное по пути я записывал на пленку либо к себе в блокнот. Вместе с нами через металлодетекторы аэропорта проходили итальянские туристы. И они первыми попали у меня на пленку в тот день.

– Джованни! – кричал один из них провожающему, перегнувшись через стойку компании «Эр-Энтер». – Это правда, что Наполеон родился в Аяччо?

– Правда, правда. Все великие корсиканцы родились в Аяччо...

– Джованни, а если я буду говорить по-итальянски, меня поймут?

– Поймут. Только не забудь, что говорить там надо не «Буона сера!» («Здравствуйте!»), а «Бьюена зер-ра»...

Джанибеков повторил, чтобы не забыть: «Бьюена зерра»...

– Ариведерчи! – крикнул парижанин Джованни.

Поспать нам в самолете не дали, хотя накануне мы все не выспались, т. к. допоздна отмечали вместе с коммунистами окончание праздника

«Юманите». Стюардесса между тем никак не хотела умолкать и продолжала сыпать цифрами вплоть до самой посадки, что мне потом пригодилось, когда я расшифровал свои записи и написал очерк об этой поездке на Корсику. По ее рассказу получалось, что этот небольшой остров в 160 километрах от Франции, площадью около 8,7 тысячи квадратных километров, постоянно кто-нибудь завоевывал. Впрочем, вся история Средиземноморья выбита на гранитных скрижалях корсиканских гор.

Примерно за двенадцать веков до нашей эры здесь поселились иберийцы и кельтско-лигурийские племена. Лет через триста сюда пришли жить этруски, которые на самом деле, как утверждает профессор Валерий Чудинов, были славянами, затем вторгались финикийцы, карфагеняне, римляне, другие завоеватели. В XI веке уже нашей эры Корсика перешла под власть архиепископа Пизы, а с 1347 года – Генуи. С небольшим перерывом генуэзцы управляли островом, жестоко подавляя многочисленные восстания, вплоть до 1768 года, когда был заключен Версальский договор, по которому Корсика отошла к Франции. Всего на два года это право вырвал у Парижа английский король Георг III, но со времени Консульства Корсика уже накрепко привязана к Франции. Борьба за независимость тем не менее не была забыта. Разве только что во время войны, когда Корсика стала одним из крупнейших очагов французского Сопротивления. Немцы так и не смогли оккупировать весь остров – только кое-где сумели установить дзоты. И до сих пор их развалины уродуют побережье.

После войны корсиканские сепаратисты взяли на себя ответственность за ряд, как их квалифицируют официальные справочники, «насильственных акций». В 1978 году их было 379, в 1980-м – 463, в 1982-м – уже 715. В середине 80-х волна терроризма пошла на спад. А с 1989-го опять загремели взрывы. Корсиканские террористы – особый отряд, ни в какие мусульманские и анархистские объединения не входят, а остаются по сей день жесткими националистами и воюют за независимость Корсики и ее выход из состава Франции. Иностранцев они не любят. Всех.

– Пинсунти! – процедил презрительно нам вслед хозяин сувенирной лавочки в Аяччо, у которого мы не купили ни одного Наполеона – они

были у него выставлены по росту на всех полках – от самого миниатюрного, размером со спичечный коробок, до поясного бюста. На корсиканском наречии это словечко означает «иностранец». К этой же категории в равной степени относят и французов, если только те не живут на острове.

– Это – русские, – примирительно пояснил хозяин соседней лавочки, где продавались длинные ножи, с помощью которых, согласно традиции, следует сводить счета с обидчиками по законам корсиканской вендетты. – Их привезла дочка Морелли...

Элен Рабате, жена Жана Рабате, в девичестве Морелли, сразу из аэропорта привезла нас к музею Наполеона, объясняя по пути, кто, когда и почему именно в таком виде – то римского консула, то генерала, то небожителя – изобразил в графике и бронзе великого корсиканца, ставшего теперь неотъемлемой частью всех центральных площадей Аяччо, города, где, кстати, ни его, ни его семью при жизни не любили, но зато обожествовали после смерти.

Дом номер 1 на площади Летиция – дом Наполеона – закрывает теперь двери только на ночь. Поток туристов не иссякает. Они дружно раскупают открытки, бесхитростные книжечки, повествующие о любви Бонапарта и Жозефины, о наполеоновских походах времен Великой французской революции и после нее, наконец, о его финальных «ста днях». Портреты, скульптуры, оружие начала XIX века, старые, потрескавшиеся и пожелтевшие от времени зеркала. Гиды в музее удивительно похожи на своего венценосного соотечественника. Может быть, они и впрямь из одного с ним клана? Ведь до сих пор живы многочисленные потомки Наполеона. На генеалогическом древе во всю стенку музея – великое множество его праправнуков и прочих родственников. Корсиканская кровь смешалась с таким количеством «пинсунти», что от императорских генов мало что осталось. Одна веточка на древе тянется и к России. Пьер Бонапарт, родившийся в 1908 году, прямой потомок сестры Наполеона Элизы, в 1939 году женился на Ирине Александровне Овчинниковой, маркизе де Монлеон. Брак, судя по всему, был бездетным. Я спрашивал своего коллегу по «Правде» Всеволода Овчинникова, не родственник ли он Бонапарту, но он упорно отрицал всякие с ним связи.

Интерес к личности Наполеона велик и с течением времени не ослабевает. Его жизнеописанию посвящены тысячи книг. Изданный во Франции в 1986 году «Словарь Наполеона» составляли 205 историков под руководством ведущего специалиста по этой части Жана Тюлара. В словаре 1763 страницы, 15 тысяч статей, 17 миллионов знаков...

Чем же объясняется интерес обывателя к особе императора, давным-давно скончавшегося на острове Святой Елены? Многие приписывали ему исключительную заслугу в создании основ правового государства во Франции, в первую очередь «кодекса Наполеона». Но в наше время его авторство оспаривают. В основу кодекса, названного именем «императора всех французов», легли, оказывается, труды известного французского юриста Потье, немного не дожившего до взятия Бастилии, а потом уже и труды адвокатов, современников Наполеона, которые разрабатывали новые законы после революции. Не было бы ее – не было бы и «кодекса Наполеона».

В связи с 200-й годовщиной революции, исполнившейся как раз в том 1989 году, интерес к Наполеону Бонапарту вырос, как и число туристов в Аяччо. Миф о «маленьком капрале», символизирующий возможности простого смертного – подняться от капрала до императора, – заманчив. У историков же этот интерес академичен. В поисках истины они развенчивают мифы. По мнению многих из них, Наполеон не был великим полководцем. Он мог выиграть – и часто выигрывал – локальные сражения на площади до нескольких сот гектаров и продолжавшиеся несколько часов. Но длительные кампании (в Испании, в России), как и многодневные сражения, чаще всего проигрывал. Тут его известный принцип «ввяжемся в бой, а там посмотрим» уже не срабатывал. Для Франции его авантюры обернулись такой трагедией, от которой она долго не могла оправиться демографически. В период с 1803 по 1815 год в наполеоновских войнах было потеряно около 1,5 миллиона французов, то есть примерно столько же, сколько в Первой мировой войне 1914–1918 годов. Наполеон, получивший за это еще одну кличку – Людоед, как выясняется сейчас, внутренне презирал французов, считая их пушечным мясом,

и только. Он обескровил Францию, опустошил ее деревню и поставил экономику страны на грань краха.

И все же его чтят вот уже около 200 лет... Почему? Неужели все-таки в людях живут одновременно и тяга к величию, и к возможности управлять и повелевать людьми, а вместе с тем – неистребимое желание подчиняться командам более сильного, пусть даже жестокого правителя, но способного возвеличить нацию и указать ей путь? Для меня это всегда было загадкой, особенно когда я изучал причины культа личности Сталина и ностальгии по нему сегодня. Но в основе культа Наполеона лежит то же самое – сочетание стремления к величию и самоуничтожению, страсти управлять и подчиняться одновременно, жажды неограниченной свободы и самого жесткого порядка...

Неписаная традиция Корсики: если тебе хотят оказать уважение, показать, что доверяют, то приглашают в свой дом. Необязательно, на обед или ужин. Даже просто испить воды. Уже смеркалось, когда Элен привела нас к своему дому у порта. Два гигантских парома, светясь всеми огнями, вбирали в свои чрева потоки автотуристов.

Мы сидели на старинных стульях, смотрели на тлеющие уголья декоративного камина и пили из фарфоровых чашек минеральную воду.

- Завтра поедem в горы, в Боконьяно, – сказала Элен.
- Там родился кто-нибудь из великих корсиканцев? – спросил я.
- Там родилась я, – рассмеялась Элен.

– И там есть такие же красивые девушки, как ты? – игриво поинтересовался Афанасьев, подтверждая данную ему в ЦК кличку «Плейбой».

Боконьяно расположился в долине между двумя хребтами. Дома вдоль горной дороги стояли гнездами – три-четыре, пять-шесть, кое-где по десятку и больше. На вопрос, как называется деревня, возникавший всякий раз с появлением домов вдоль обочин, Элен отвечала:

– Боконьяно.

И поясняла:

– Просто разные амо. (Клан, где все – родственники, пусть иногда даже совсем дальние. – В. Б.)

Амо из шести домов, в котором родилась Элен, расположилось у самого хребта. Под огромными каштанами нас ждал Антуан Жозеф Морелли – крепко сбитый старичок с загорелым, обветренным лицом, на котором белели разбегающимися лучиками морщинки у глаз – признак доброго и веселого нрава. Элен обняла отца.

– В дом, в дом, – позвал он.

Такие дома из камня и горного каштана здесь строят на века. С таким же расчетом ставил свой очаг и старик Морелли, вырубив остов камина из 120-килограммовой гранитной глыбы. Все здесь сделано его руками.

– Когда-то я работал на почте в Париже, но все свободное время тратил не на кино, не на кафешантаны, а смотрел, как люди работают. И учился у них, – рассказывает он. – Смотрел, как камень кладут, как вставляют стекло, как прокладывают трубы. Пила, рубанок, долото, сверло, мастерок, напильник – все эти инструменты для меня, как для вас, журналистов, перо...

У него были только участок земли здесь, в Боконьяно, и мечта выйти на пенсию и начать строить свой дом. Строил он его почти десять лет. Ни у кого нет такого – ни в их амо, ни в соседних. Даже старое колесо от телеги папаша Морелли ухитрился приспособить под столик в своем саду. Золотые руки! Сколько можно сделать такими руками, когда человек как хозяин работает на своей земле, для своих детей, внуков, правнуков! Во Франции, кстати, а не только на Корсике, – это традиция. Из поколения в поколение создается *patrimoine* – общесемейная собственность, семейный капитал, который помогает потомкам и жить лучше, и выжить в трудные времена. Нечто подобное существовало у нас до революции в виде семейной усадьбы, поместья...

Пока старики Морелли хлопотали, готовя для гостей семейный чай, Элен повела нас вниз, к ручью, где виднелась старая водяная мельница. Горная тропинка вилась вдоль отвоєванных у камня участков с изгородями из ежевики, над которыми раскинули свои кроны каштаны и грецкий орех. Мельницу в Боконьяно – а она работает – держит Жан Бонелли, двоюродный брат Элен. Досталась она ему по наследству, но

проку в этом никто не видел: давно уже перестали здесь сеять хлеб. А Жан наладил производство питательной муки из каштанов, потом стал показывать мельницу туристам за небольшую плату. Все Морелли – трудяги. На Корсике, где уровень безработицы в полтора-два раза выше, чем в материковой Франции, без выдумки и умения вкалывать 24 часа в сутки не проживешь.

Наш визит, естественно, в тайне ни от кого не мог остаться и к вечеру стал делом общим. В небольшом ресторанчике, чем-то напоминающем вагончик строителей, стоял длинный стол, во главе которого усадили нашу делегацию. Особый почет воздали Владимиру Джанибекову, и все вновь прибывающие сразу же подходили к нему и знакомились. Пожимали руку, побывавшую в космосе, на Корсике вряд ли кто мог похвастаться этим до его приезда в Боконьяно. Я едва успевал записывать в блокнот имена: Андре, Даниэль, Жан, Франс, Мари, Франсин, Жюль Люсьен Шарли Клер (вот такое длинное), Франсуа, Ненет, Сюзан... А родственники Морелли все подходили и подходили.

Поначалу беседа не очень клеилась, но всех выручил богомол, который выполз неизвестно откуда и вышагивал по стенке, покачивая своей зеленой головкой, будто прислушиваясь к голосам нашего застолья. Все принялись бурно обсуждать, что делать с богомолем: то ли выгнать, чтобы, не дай Бог, не упал кому в бокал с местным прекрасным сухим «розе» или в тарелку, то ли оставить, так как вроде когда он в доме – это хорошая примета.

Джанибеков пошутил:

– Может, оставить? Вот ведь как он нас внимательно слушает, зелененький! А что, если прилетел с другой планеты?

Смех прорвал шлюз всеобщей сдержанности. Вопросы посыпались один за другим.

– Наш космонавт Жан-Лу Кретъен опять готовится в полет? С вами полетит снова или с кем другим?

– На этот раз, увы, не со мной. А я бы с ним полетел с удовольствием...

– Он у вас так давно... Наверное, уже и от хлеба нашего отвык...

– А вы знаете, – сказал Джанибеков, – мы брали с собой в полет французский хлеб. Попробовали его в космосе. А потом долго крошки собирали – они разлетелись по всей кабине. Невесомость...

Мы переночевали в одном из отведенных нам домов в этом амо. Афанасьев долго не мог заснуть и курил одну за другой свои сигареты с ментолом. Потом будто эхом повторил слова Джанибекова: «Да, невесомость. Это как у нас сейчас. Мы все в каком-то подвешенном состоянии. Не знаешь, где приземлишься...»

Видно, Виктор Григорьевич чувствовал, что под него активно копают, и знал кто. Яковлев и Скляр не выступали против него открыто, но действовали из-за кулис.

Как «ушли» Афанасьева

Афанасьев явно чувствовал тогда на Корсике, что впереди его ждут крупные неприятности. Поначалу, как и все, он поддерживал перестройку и с Горбачевым у него складывались неплохие отношения. Но в какой-то момент нашему отважному фронтовику изменило чувство опасности, и он сам не заметил, как перешел ту черту, которую с Горбачевым было переходить нельзя. «Правда» никак не хотела быть тем волшебным зеркальцем, которое ежедневно сообщала бы Горбачеву в своих десяти с лишним миллионов экземпляров, что он «прекрасен, спору нет». Афанасьев не только не боялся печатать статьи с критикой «перестройки», но и посылал Горбачеву «для информации» выдержки из писем читателей, которые открытым текстом писали, что его «реформы» погубят страну. «Органчика» с его смешанным комплексом превосходства и неполноценности это бесило до крайности. Говорили, что кто-то наклепал ему, будто опубликованная в «Правде» басня «О бабе Рае и самогонном аппарате» намекала на вмешательство супруги Горбачева Раисы Максимовны в дела аппарата ЦК КПСС! Но дело было, конечно, не в этом. При всем своем разрекламированном «демократизме» Горбачев не выносил неподчинения, а Афанасьев проявлял его достаточно регулярно.

Он искал повод заменить Афанасьева на своего человека. И повод нашелся. Вскоре после возвращения Виктора Григорьевича из Франции в Москву «Правда» опубликовала статью Витторио Дзуккони из итальянской газеты «Република» об алкоголизме Ельцина и о том, как он, набравшись своего любимого виски «Джек Дэниэлс», по пьяни едва не сорвал свое запланированное выступление в США.

То, что Ельцин был беспробудным пьяницей, знали все и в СССР, и за рубежом. Он то и дело попадал в разные истории по пьянке – то упадет с моста, то попадет в ДТП, то выпадет из самолета при посадке, как в Испании. Даже столь солидная газета деловых кругов США, как «Уолл стрит джорнэл», много лет спустя после ухода Ельцина из Кремля писала в своей редакционной статье, подводя итоги его президентства: «Худшим врагом Ельцина был он сам. Пьяные выходки не только подрывали его здоровье, но и становились симптомами некомпетентности кремлевской власти» («The Wall Street Journal». 2007. April, 24). Но тогда «пятая колонна» в перестроившихся на антисоветизм и русофобию советских СМИ всячески раздувала авторитет Ельцина как «борца с привилегиями», готовя его к роли узурпатора власти и убийцы Советского Союза. Горбачев попытался было убрать его на хозяйственную работу и вывел из кандидатов в члены Политбюро, но это только прибавило Ельцину популярности. К тому времени противостояние Ельцина и Горбачева уже обострилось до крайности. Афанасьев Ельцина откровенно презирал как полуграмотного и примитивного дуболома областного масштаба, и поэтому, получив по ТАСС перевод статьи о Ельцине из «Републики», решил в «Правде» ее перепечатать. Не исключено, что он тем самым надеялся сделать подарок Горбачеву, который всячески стремился дискредитировать Ельцина.

Как же все было на самом деле? Вот что писал в своей книге воспоминаний о работе в «Правде» «От Сталина и Рузвельта до Горбачева и Рейгана» заместитель главного редактора «Правды», любимец В. Г. Афанасьева, которые не раз его защищал на Старой площади, выдающийся советский экономист Дмитрий Васильевич Валовой:

«Был воскресный день, и В. Г. Афанасьев, как обычно, был на работе. В переферийном номере этой статьи не было. Но где-то после его выхода

между 18 и 19 часами статья из “Республики” пришла в редакцию по обычным каналам ТАСС. Дежурный по номеру В. Губарев и ответственный секретарь А. Черняк зашли к Афанасьеву. Посоветовались и опубликовали». Для меня это вообще звучит странно. Я хорошо знаю и Володю Губарева, и Сашу Черняка. Мы довольно долго вместе с ними работали в «Правде», с Володей – еще в «Комсомолке», и оба они навещали меня во Франции. Ответственные люди, которые никак не походили на того дурного «юмориста» из нашего отдела иллюстраций, который «схохмил» по поводу БАМа так, что вылетел с работы. Да и Афанасьев просто так на подобную публикацию не решился бы. А тут все трое вдруг захотели подыграть Горбачеву в его тогда уже открытой борьбе с Ельциным. Я не исключаю, что кто-то позвонил со Старой площади сначала в ТАСС и обратил внимание на публикацию в «Республике», а потом в «Правду» якобы «в порядке информации». Сработало. Как пишет Валовой, «страсти и эмоции захлестнули Москву. “Правду” жгли на Пушкинской площади и в других местах, где проходили митинги в защиту Бориса Николаевича. Большая толпа штурмовала редакцию. Проникли на первый этаж. Пришлось вызывать наряд милиции».

В этой ситуации Яковлев, который к тому времени уже сумел оттеснить Лигачева на третий план и сам стал вторым человеком в партии, посоветовал Горбачеву принести Афанасьева в жертву «возмущенному народу». А тот только этого и ждал.

«23 октября 1989 года Горбачев лично в сопровождении секретаря по идеологии В. А. Медведева привез в “Правду” своего помощника И. Т. Фролова и объявил о решении Политбюро о назначении его главным редактором газеты, – вспоминает Д. В. Валовой. – После отстранения В. Г. Афанасьева и назначения вместо него И. Т. Фролова ситуация в редакции резко ухудшилась. Афанасьев, который сильно переживал все, что происходило в “Правде” после его ухода, имел все основания написать в своей брошюре “Четвертая власть и четыре генсека” написать: “С октября 1979 года “Правда” стала придворной газетой Горбачева”. В первые же дни Фролов заявил: “Я человек Горбачева и не потерплю никакой критики его деятельности”».

Фролов был философом, далеким от проблем экономики СССР и вообще реальной жизни. Он вышел из той самой когорты придворных советников, которые кормились в цеховских подворьях больших начальников, придавая их выступлениям необходимую «научность» и «марксистость». Он работал помощником секретаря ЦК, а потом его направили в журнал «Проблемы мира и социализма», в тот самый рассадник «внутренних диссидентов» от партократии, который возглавлял тогда наш бывший первый зам Складов. Говорили, что именно Складов и отправил его на Родину «за непристойное поведение за границей». Что-то у Фролова с этим зарубежным «продолжением партийных органов» не сложилось. Какое-то время он болтался без дела в Москве. Но с возвращением в ЦК из канадской ссылки А. Н. Яковлева, с которым у него была какая-то давняя связь, Фролов получил назначение на пост главного редактора журнала «Коммунист». Проработал он там недолго, и вскоре Яковлев пристроил его помощником к Горбачеву. Что дало ему возможность быстро стать академиком. А оттуда уже его бросили в «Правду».

В «Правде» его не только не взлюбили, его откровенно презирали. Общась с ним во Франции, куда он приезжал на праздник «Юманите» в 1990 году в сопровождении Егора Гайдара, я понял, что Фролов страдает недугом, который психиатры называют «логореей», т. е. словесным поносом. Он вещал без остановки, а я, понятно, заткнуть ему рот не решался, тем более что он приехал на праздник с женой, такой же занудой и с тем же недугом недержания речи. Как мне потом рассказывали на редколлегиях «Правды», которые при Афанасьеве не занимали более 20–30 минут, потому что людям надо было срочно работать над текущим номером и готовиться к следующему, Фролов мог часами рассказывать про свою жизнь, о том, как он вышел из крестьянской семьи, что отец его не мог даже расписаться, а вот он все же пробился в люди и стал академиком. В результате этих приступов логореи он несколько раз срывал график выпуска «Правды» и восстановил против себя всех. Правдисты не выдержали и провели партийное собрание, на котором выступили человек тридцать с резкой критикой «академика» — как-никак в стране провозгласили «гласность». Предложение было одно — доложить в Политбюро ЦК КПСС о не-

пригодности коммуниста И. Т. Фролова для руководства газетой «Правда» и просить о его замене. Эта резолюция прогремела не только по всей Москве, но и по всей стране, что Горбачеву популярности не прибавило. Тогда он в пику правдистам ввел «академика» в Политбюро. Чтоб знали в «Правде», как ценят в руководстве партии его ставленника. Фролов после того собрания, как мне говорили, перестал заниматься словоблудием по крайней мере на редколлегиях. Но на правдистов обиделся на всю оставшуюся жизнь. Ему, впрочем, уже недолго оставалось...

Площадь Бастилии: позор Горбачева

В июле 1989 года состоялся официальный визит Горбачева во Францию. Его переговоры с Ф. Миттераном проходили в основном в резиденции французского президента в Шато Рамбуйе. Это старинный замок с пятью башнями по углам, построенный в 1374–1384 годах, с парком в лучших традициях французского ландшафтного дизайна школы Ленотра. Его не раз достраивали и перестраивали, приспособлявая ко вкусам владельцев и оборудуя соответствующей эпохе техникой. С его историей связаны последние дни короля Людовика XVI и его супруги Марии-Антуанетты, казненных после Великой Французской революции 1789 года, на 200-летнюю годовщину которой и пришелся визит советского лидера. Во время революции замок разграбили, и только Наполеон вернул его к жизни. Последний раз Наполеон приезжал в Рамбуйе уже после своего отречения в ночь на 30 июня 1815 года перед самым отъездом из Франции. В августе 1830 года в Рамбуйе отрекся от престола последний из Бурбонов, Карл X. Последним монархом, проживавшим в Рамбуйе, был Наполеон III. Решение превратить Шато Рамбуйе в летнюю резиденцию главы государства принял в 1896 году президент Феликс Фор. А в 1944 году эту традицию возобновил Шарль де Голль, остановившийся в Рамбуйе перед возвращением в освобождённый от немцев Париж.

Меры безопасности в Рамбуйе были самые строгие, но мы смогли на нашей машине проехать прямо к пресс-центру встречи, т. к. я заранее по-

заботился о пропуске в МИД Франции, в котором было указано, что со мной вместе в машине едет спецкор «Правды» Владислав Дробков. С ним мы и вели репортажи из Рамбуйе двумя перьями. К своему удивлению, в Рамбуйе я обнаружил в свите Горбачева двух своих старых знакомых – Виталия Игнатенко и Андрея Грачева. С Виталием, моим коллегой еще по «Комсомолке», я не виделся с тех пор, как он в качестве зама Замятина визировал мою статью о сбитом корейском «Боинге». Официально он все еще был главным редактором «Нового времени», но во время визита Горбачева во Францию уже выполнял обязанности его пресс-секретаря. Встретил он меня весьма приветливо, похвалил за публикации в «Правде» и всячески помогал с информацией о переговорах и визите Горби, которую мы тут же оперативно передавали в Москву.

Андрея Грачева я знал еще по Комитету молодежных организаций при ЦК ВЛКСМ. Он там вырос с референта до зампреда КМО СССР, а в 1973 года стал работать в Международном отделе ЦК КПСС, потом в Отделе внешнеполитической пропаганды. При Горбачеве его повысили, и с 1989 по 1991 год он был заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС. В этом качестве он и прибыл в Рамбуйе. После августовского путча и вплоть до развала Союза Грачев работал пресс-секретарем Горбачева, а затем объявился как корреспондент «Нового времени» в Париже, где и остался на ПМЖ. Любопытно, что Горбачев его от себя не отпускал и во время своих визитов за рубеж уже в качестве президента-плюсквамперфектум таскал его за собой по всему свету и представлял как своего пресс-секретаря. Уже после 1991 года я узнал из попавших мне в руки документов логи «Великий Восток» о том, что Грачев стал участвовать в масонских сборищах во Франции. Ходили слухи, что у него был ранг мастера еще до того, как СССР приказал долго жить. И с этим товарищем мы неоднократно пересекались и в Москве, на Старой площади, где он время от времени визировал мои материалы, и в Париже!

Самым любопытным его явлением было выступление в качестве пресс-секретаря генерала Лебеда, который в самый разгар своих президентских амбиций приезжал показать себя во Францию в феврале 1997 года. Не простой был товарищ. Ну, а тогда, в Рамбуйе, мне и в голо-

ву не могло прийти, что Грачев может щеголять в масонском фартучке и обмениваться тайными масонскими знаками с министром иностранных дел Франции, масоном самых высоких степеней Роланом Дюма. Наивными были мы тогда людьми, хотя, казалось бы, имели доступ в самые недоступные для смертных коридоры власти.

Миттеран, о чем Горбачев, кстати, вспоминает в своих мемуарах, пытался в Рамбуйе договориться с Горбачевым о совместных действиях по обеспечению большей независимости Европы от США. При Миттеране Франция все-таки оставалась формально членом НАТО, но не входила в военную организацию этого альянса. И президент Франции вел активную работу со своими коллегами в Европе за создание общеевропейских вооруженных сил, независимых от США. Горбачев на словах это поддерживал, но на деле он уже тогда был на сто процентов проамериканским и предпочитал договариваться напрямую с Вашингтоном. Это его и погубило вместе с Советским Союзом. А Миттеран до конца своих дней на посту президента уговаривал Горбачева не сдавать ГДР, не допускать объединения Германии, ибо знал, что после этого Европа попадет в тотальную зависимость от американцев, из которой ей уже не вырваться. Так оно и произошло.

Горбачеву всегда не хватало чувства реальности. Он жил в выдуманном им мире, где не существовало тех жестких законов, по которым действовала мировая закулиса, поставившая Рейгана, а затем Буша во главе всемирного крестового похода против коммунизма. А сталкиваясь с реальной жизнью, он делал глупость за глупостью. И одну из них на глазах у всего мира совершил во время того визита в Париж. Вот как он рассказывает об этом сам в своей книге воспоминаний:

«Мы попросили составителей программы включить посещение площади Бастилии. Мне и Раисе Максимовне хотелось оказаться именно в том месте, где стояла когда-то цитадель абсолютизма, разрушенная санкюлотами. Это оказалось не так уж просто, но, поскольку гидом у нас был министр иностранных дел Ролан Дюма, наш давнишний знакомый и хороший друг, место нашли. На площади собралось много парижан, которые хотели выразить нам свои чувства, но войти в контакт с ними

не удалось – нас буквально блокировали журналисты. Я подумал: уж не специально ли это придумано?

Тем не менее я хотел выразить признательность французам за радужный прием и сделал это. Когда кортеж двинулся в обратный путь, я попросил остановиться. Пресса “сплоховала”, и мы смогли пожать руки парижанам, поздравить с приближающимся национальным праздником. В ответ услышал много добрых слов и пожеланий успеха начатому мной делу» (*М. Горбачев. Жизнь и реформа. Кн. 2. Гл. 20*).

Я никогда не забуду 5 июля 1989 года. В тот день Горбачев и его супруга, прибывшие во Францию с официальным визитом, в сопровождении всей своей свиты действительно поехали «пообщаться с парижанами» на площади Бастилии. В протоколе государственных визитов зарубежных лидеров во Францию ничего подобного не предусматривалось. И французы эту «причуду» советского гостя уже из-за тех дополнительных хлопот и затрат по обеспечению его безопасности, которых было не избежать, восприняли как блажь и явно не одобряли, хотя вида и не показывали. Но поставить на место тех, кто пытается им диктовать свои порядки, французы умеют. И Горбачев испытал это на себе в полной мере.

...С утра к площади потянулся народ. Кто его оповестил, можно только догадываться. Но известно, что советское посольство провело серьезную работу с «друзьями». Так у нас кодово именовали коммунистов и прокоммунистические профсоюзы, коммунистическую молодежь и «сочувствующих» из общества дружбы «СССР – Франция», с которыми отдельно встречалась Раиса Горбачева. В основном они и представляли парижан, с которыми Горбачев решил пообщаться. Многие приехали к Бастилии с раннего утра в надежде получить от Горбачева автограф на его книге «Перестройка», только что вышедшей на французском и активно распространявшейся бесплатно представительством АПН и пресс-службой посольства.

Когда мы со Славой Дробковым приехали на площадь Бастилии, меня поразили две вещи. Во-первых, никаких специальных пропусков на площадь нам не выдали. На встречу с Горбачевым мог пройти любой об-

ладатель журналистской карточки, моя жена прошла со мной просто по советскому паспорту. Во-вторых, меня поразила та легкость, с которой жандармерия оцепления пропускала за металлические барьеры фотокорреспондентов. Ни аппаратуру, ни их самих не проверяли, хотя их было несколько сотен. Неподалеку от площади стояли их мощные мотоциклы, на которых они должны были лететь, что есть мочи, обратно в свои редакции и агентства после съемки.

Горбачевы вкатили на площадь на персональном ЗИЛе вместе с посольским кортежем. И тут началось! Фоторепортеры и телевизионщики взяли Горбачева и его супругу в плотное кольцо. Они снимали их во всех ракурсах, задавали Горбачеву вопрос за вопросом, но к загородкам, из-за которых любители автографов протягивали ему его «Перестройку» на подпись, не подпускали. Как Горбачев ни упрасивал: «Ну, дайте же мне пообщаться с парижанами, а потом я отвечу на ваши вопросы», – его и Раису Максимовну из кольца не выпускали. Фотографы и репортеры, дымя им сигаретами прямо в лицо, делали свое дело.

Жандармы и военные из спецназа «Се-эр-эс» во все это не вмешивались. Они спокойно, с чувством собственного превосходства наблюдали за тем, как двигается по площади какими-то лихорадочными зигзагами этот «медиатический» спрут, поглотивший чету Горбачевых вместе с их свитой. Они не вмешивались, хотя, наверное, были настороже. Потому что понимали – высокого гостя могла смести вся эта одетая в кожу, пропахшая потом и бензином «банда».

А «банда» работала. Работала первоклассно, высокопрофессионально, и ей было наплевать на то, что «Горби» ехал на Бастилию «на встречу с народом». Для них было главное то, что они заставили его общаться с ними, и уж на этот раз они свои редакции не подвели. Растерянное лицо Горбачева. Перекошенное от страха лицо Раисы. Снимки они делали первоклассные.

В какой-то момент мне показалось, что их затопчут. Но посол Я. П. Рябов вовремя развернул кольцо охраны. Металлическая стремянка одного из фоторепортеров, с которой он снимал и которая, упав, пошла было прямо на голову Горбачева, попала в плечо охранника. Тот охнул,

но виду не показал. Горбачев быстро сел в машину. И только перед самым выездом с площади выскочил из нее снова, пожал пару протянутых к нему рук. И уехал. А за его машиной еще долго мчались на своих черных мотоциклах и во всем черном французские папарацци, напоминая мне образы Всадников Апокалипсиса...

От всего это осталось такое ощущение, будто всех нас облили помоями там, на площади Бастилии, когда фоторепортеры гоняли по ней, как тараканов на беггах, советского президента с его супругой.

Я еще раз убедился тогда, что Горбачев – дилетант, провинциальный актер-любитель. Его освистали, а он не понял и продолжал раскланиваться, думая, что это свист в одобрение. Как в Америке.

Я не раз потом прокручивал в памяти эту сцену «общения с народом». Она стала для меня знаком Апокалипсиса, предвестьем гибели Советского Союза, хотя я и не знал, откуда прискачут Всадники Смерти. Но я слышал приближающийся топот их коней именно тогда в Париже, на площади Бастилии.

Править такой державой, как Советский Союз, могли только профессионалы. А профессионалы, даже такие холерики, как Хрущев, все же, хоть и вполуха, слушали специалистов. Горбачев же их полностью игнорировал. Они мешали ему говорить во всеуслышание в выдуманном им мире, за который он принимал мир реальный. А он хотел говорить без помех, без конца, без умолку и обращаясь непременно ко всему человечеству. Диалог ему был не нужен. Советы тоже. Он мог слушать только самого себя. Если он даже спрашивал тех, кто был рядом с ним: «А вы что думаете по этому поводу», – то только для того, чтобы услышать подтверждение своих слов. Несдобровать было тому, кто принимался с ним спорить. Подобная нетерпимость типична для людей, одержимых какой-то идеей либо манией. Враги Горбачева в КПСС говорили, что он параноик. Американцы вежливо писали о его «неестественном блеске глаз». Я видел Горбачева с расстояния полуметра тем июлем 1989-го, перед тем как он выходил из особняка нашего посла на рю Гренель в Париже. Могу засвидетельствовать – блеск в глазах действительно был. Как в фильме ужасов.

Последняя битва Рябова

Уже после того визита Горбачева в Париж Яков Петрович Рябов пригласил меня в свою посольскую резиденцию и показал мне проект своего выступления на январском пленуме ЦК КПСС 1990 года. Это был тот самый пленум, на котором Горбачеву удалось на высшем партийном уровне сломать хребет партии и превратить ее в орудие демонтажа социализма в СССР. Именно против такой перспективы и хотел выступить Рябов на этом Пленуме. Выступить ему не дали, но он настоял, что текст, над которым мы вместе работали тогда на Рю Гренель, был включен в стенограмму Пленума. Вскоре после своего возвращения из Москвы в Париж Рябов был отозван с должности посла. Горбачев никакой критики не терпел.

Рябов страшно переживал развал СССР и все, что произошло после этого в России. «Советский Союз развалился потому, что к власти в нашей стране, Владимир, пришли тщеславные преступники, – говорил он мне во время одного из своих наездов в Париж весной 1994 года. – Я знал их всех не понаслышке, а лично. Как говорится “по совместной работе”. Ни о каких их “демократических” убеждениях и речи быть не может. Даже демократичность поведения и на работе, и в быту была им абсолютно чужда. Что Горбачеву, что Ельцину. Горбачев терпеть не мог, когда ему перечили. И, увы, не многие на это решались. Горбачев одного за одним ликвидировал своих противников. Не физически, конечно, время не то, а политически. Достаточно вспомнить о разгроме Центрального комитета. Вычистил около ста человек одним махом. После этого сопротивление его авантюрам в руководстве партии было сломлено. Власть сосредоточилась в руках преступной троицы Горбачев-Яковлев-Шеварднадзе. Они и довели развал социализма и партии до конца.

– Ну, а Вы, лично, Яков Петрович, – спросил я его, – Вы же оставались членом ЦК и после Вашего назначения послом во Францию...

– Уже будучи послом, я попытался в 1990 году высказать на пленуме ЦК то, что думал о ходе перестройки. Но мне не дали выступить. Я на-

стоял, чтобы текст моего выступления включили в стенограмму. Последствия себя ждать не заставили – с поста посла меня вскоре после этого убрали на пенсию. Я попытался поговорить с Горбачевым лично. Но он меня и слушать не стал.

– С руководством партии мне более-менее все ясно, – продолжал я расспрашивать его. – Но почему молчала партия, почему народ в полном смысле этого слова безмолвствовал?

– Понимаешь, мы росли и жили при социализме. Так уж было заведено, что всем в стране руководит штаб Партии, ее Центральный комитет. И ни народ, ни партия не могли поверить, что там-то и оказались их самые страшные враги. Ведь демонтаж социализма начался не снизу, а сверху. Поначалу народ не сумел это распознать за завесой горбачевско-яковлевской демагогии. А потом было уже поздно.

Яковлев очень умело использовал свой опыт работы в агитпропе, полностью подчинив себе средства массовой информации страны, прежде всего радио и телевидение.

– Можно ли было спасти Советский Союз?

– Конечно. Это пытались сделать не раз еще до 19 августа 1991 года...

– И после этого путча тоже?

– 19–21 августа 1991 года – это не путч. Путч начался 23 августа. Во всей этой истории еще много неясного. Но для меня рассказы о том, что Горбачева якобы изолировали в Форосе, неубедительны. Мне Ганс Модроу (один из последних руководителей СЕПГ и ГДР. – В. Б.) рассказывал, что к даче Горбачева в Форосе и 19 августа, и позже (а Ганс там был как раз в это время) можно было спокойно пройти пешком, никаких чрезвычайных кордонов, о которых рассказывали потом, установлено не было. Все это довольно скоро откроется. Все станет на свои места. Я в этом уверен...»

Вернувшись в Россию, Рябов стал одним из создателей российской Партии пенсионеров. Большого успеха она не имела. Но он, как мог, несмотря уже на свой преклонный возраст, продолжал сражаться с нашими «ветряными мельницами», так и не поняв, что все эти пугала и идеологические страшилки выставили специально для того, чтобы отвлечь народ

от поисков истины, а заодно дискредитировать наших Дон-Кихотов, всегда готовых в бой за светлое будущее.

Мир во время чумы

1990 год заканчивался тотальным провалом перестройки. 15 марта 1990 года III Съезд народных депутатов принял поправки в Конституцию СССР, допускающие многопартийность, и отменил статью 6, закреплявшую роль КПСС как правящей партии. Она потеряла свою монополию на власть. Экономике страны это не помогло, и она трещала по швам. Еще осенью 1989 года в Москве впервые после войны были введены талоны на сахар. Участились катастрофы и аварии на производстве. О том, что творилось в Москве, я в полной мере себе не представлял, разве что по звонкам родных понимал, что там наступает настоящий голод, и потому мы с Дашей использовали любые возможности и оказии, чтобы переслать им самое необходимое – соль, спички, сахар, консервы, сыры, колбасу...

Сформированное после I Съезда народных депутатов новое Правительство СССР во главе с Н. И. Рыжковым, попытавшись осуществить свою концепцию перехода к регулируемой рыночной экономике, которая предусматривала реформу цен, привело страну к полному их обвалу. Уже в тот день, когда Рыжков излагал в Кремле свои планы, в городе было все распродано: месячный запас растительного и сливочного масла, трехмесячный запас блинной муки, продано крупы в 7–8 раз больше обычного, вместо 100 тонн соли – 200. (26 декабря 1990 г. Николай Рыжков перенес обширный инфаркт и был отправлен в отставку.) По стране прокатилась волна митингов с требованием не повышать цены. Начался полномасштабный кризис. Золотой запас разбазарили. Если в 1985 году он составлял 2 500 тонн, то к концу правления Горбачева – всего 240 тонн. 11-процентный спад производства и 20–30-процентный дефицит бюджета, громадный внешний долг, выросший с 25 млрд долларов в 1985 году до 103,9 млрд долларов. Не только продукты, но и мыло, спички распределя-

лись по карточкам, которые к тому же зачастую не отоваривались. В столице появились «карточки москвича», иногородним просто в магазинах ничего не продавали – таковы были итоги горбачевской перестройки, которую уже проклинали открыто в Москве и по всему Союзу. Страну сотрясали забастовки и межнациональные конфликты. Армянский погром в Баку. Кровавые события в Тбилиси, абхазский и осетинский конфликты. Армяно-еврейский погром в Андижане, резня в Фергане, в Приднестровье... Сейчас только диву даешься, как это мы все пережили.

Придя к полному банкротству своих «реформ» в СССР, Горби решил отыграться на поле внешней политики, где его всегда встречали с таким же восторгом, с каким встречают профессиональные игроки в карты азартного новичка, именуемого в их междусобойчике «мясом».

19 ноября по инициативе Горбачева в Париже открылось Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Освещать его из Москвы приехали Томас Колесниченко и Владислав Дробков, который к тому времени занял пост заместителя главного редактора «Правды» по иностранным отделам, отчего его толстые щеки раздулись еще больше. В Париже готовились официально закрепить роспуск Варшавского Договора и подписать Договор об обычных вооруженных силах в Европе, который был подготовлен заранее на совещании министров иностранных дел стран-участниц ОБСЕ в Вене, а также «Венский документ по мерам укрепления доверия и безопасности в Европе». Самым главным идеологическим и политическим итогом той встречи должно было стать подписание Парижской хартии для новой Европы, которая знаменовала собой окончание эпохи «холодной войны». Парижский саммит принял и ряд решений, которые, по сути дела, ставили нашу страну под полный контроль международных чиновников, назначенных на Западе во все органы ОБСЕ для того, чтобы отслеживать выполнение хельсинкских соглашений.

Все эти документы настолько устраивали Запад, что даже традиционно антисоветская газета «Фигаро» писала, что отныне «холодная война» — это не более чем мрачное воспоминание, раздел Европы исчез, гонка вооружений прекращена, а те обязательства, которые примут на себя участники Совещания в Париже, поистине революционны в контексте отношений

Запад – Восток. Еще одно подтверждение того, что Горбачев сдавал даже то, чего у него и не просили, опасаясь вполне законного отказа.

Уже в первом нашем репортаже Том Колесниченко, как человек хорошо осведомленный, вписал нам такую фразу, комментируя восторги западных комментаторов накануне Совещания по поводу подписания подготовленных к нему документов, а также сочувствие на Западе «трудностям» Горбачева в связи с «непониманием» его действий в Москве: «Вчера все средства массовой информации Франции, как о событии номер один, сообщили о том, что происходило в последние два дня в Кремле. Важно отметить, что лейтмотив их комментариев таков: “Перестройка себя защищает, организационно укрепляется, развивая при этом гласность и демократию”. И это, по мнению западных наблюдателей, напрямую способствует укреплению стабильности и безопасности Европы. Без стабильности и демократии в СССР, как здесь подчеркивают, просто не может быть стабильности и безопасности на нашем континенте» (*Большаков В., Дробков В., Колесниченко Т.* «Европа: отсчет нового времени» // «Правда». 19 ноября 1990 г.).

В западные СМИ тогда просочились слухи о том, что Горбачеву едва удалось подавить тот бунт на корабле, который вспыхнул в Политбюро 17 ноября. Тогда Лигачев и Лукьянов потребовали от него остановить наступление антисоциалистических сил, которые повели уже прямую атаку на КПСС и социализм в СССР, принять срочные меры по нормализации положения в стране, покотившейся в кризис по всем направлениям. 18 ноября Горбачев едва не подал в отставку. Известно, что он заявил тогда, обращаясь к Лигачеву: «Ну что мне, в отставку подавать?» От Лигачева зависело дать утвердительный ответ на этот риторический вопрос. Но он не нашел в себе мужества это сделать. И вопрос так и остался риторическим.

...Когда Совещание закончилось и все документы были подписаны, мы сидели у меня в корпункте с Томасом и Владиславом. На мой тост: «Ну, что ж, за мир во всем мире», – отреагировал Том: «Мир во время чумы». У него было все в порядке с юмором. Дробков же добавил пессимизма: «Ты здесь сидишь в Париже и не видишь, что все катится к чертям собачьим». В общем-то, это было видно и из Парижа. Горбачев лишний раз подтвер-

дил это в те дни, подписав все, что для него приготовили перед отправкой его, недоумка и предателя, на свалку истории. Теперь он уже был больше никому не нужен. Дело действительно шло к концу.

Что касается самих подписанных тогда в Париже документов, то они так и оказались пожеланиями. «Фигаро» неспроста радовалась по поводу их подписания. Соединенные Штаты вместе со своими союзниками по НАТО с начала 1991 года приступили к финальной стадии демонтажа коммунизма в России и Восточной Европе. Советский Союз развалился в декабре 1991 года. Во всех странах Варшавского Договора к власти пришли антикоммунисты. Вскоре после того совещания в Париже с помощью ЦРУ была сформирована Армии освобождения Косова, которая начала боевые действия против югославской армии. Все это закончилось Операцией «Союзная сила» – зверскими бомбардировками Югославии силами НАТО в период с 24 марта по 10 июня 1999 года. Ну а что касается подписанного в Париже Договора, то 13 июля 2007 года Владимир Путин подписал Указ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров». Путин обосновал это тем, что некоторые члены НАТО не присоединились к договору, другие члены НАТО не ратифицировали его и не выполняли его условий. По словам Путина, Россия придерживалась условий договора только в одностороннем порядке.

Глава восемнадцатая **РУССКИЙ СЛЕД**

У древних источников

Под самым Меленом, в 50 километрах от Парижа, на правом берегу Сены стоит старинный замок Во-ле-Пениль. Его тогдашний владелец

78-летний Пьер Аржиле, основатель первого и единственного в мире музея сюрреализма, разместившегося там же, назначил мне встречу в этом замке перед открытием первой в России выставки работ Сальвадора Дали, художника с мировой славой, классика сюрреализма, в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Я с ним познакомился в самом начале апреля 1988 года, когда Аржиле пришел в наше посольство в Париже и передал в Советский фонд культуры несколько работ из собрания своего музея. И в первую очередь гравюру «Нептун» С. Дали. Дали мечтал выставиться в Москве всю свою жизнь. Не получилось, потому что в нашем Министерстве культуры искусство его долго считали «декадентским». Так и умерла, не повидав родины своих предков, его жена Гала, урожденная Елена Дьяконова. А затем болезнь не позволила и самому Дали приехать в СССР. Повсюду в замке были расставлены его скульптуры, а на стенах картины. Помню, как впервые поразили меня знаменитые «Часы» Дали – словно потекшие от неимоверной жары циферблаты, расплывшиеся по земле, висящие на ветке, на спине улитки. Не раз потом я вспоминал эту работу, когда видел на снимках запекшиеся в атомном взрыве в Хиросиме часы с остановившимися в момент смертельной вспышки стрелками.

В 1975 году в Австралии в экспозиции нью-йоркского музея «Метрополитен» я увидел еще одну его работу – «Мадонна на стене». Вновь поразился тогда, какой он великолепный рисовальщик. В искусстве сюрреалистов – это непременное качество. У них работа методом Поллока, корифея абстракционизма, писавшего, разбрызгивая краски по полотну, не проходит.

Пьер Аржиле проводил меня по всему замку, который, как оказалось по его рассказу, напрямую связан с Россией. История проходила по этим местам семимильными шагами, под которыми рушился, и не раз, замок, возведенный на римском фундаменте. В XI и XII веках он служил цитаделью, защищавшей дворец французских королей, от которого теперь ничего не осталось. Дворец был расположен напротив, на острове посредине Сены.

Именно на этот остров привезло французское посольство из Киева Анну Русскую, дочь Ярослава Мудрого, в жены королю Генриху I. Она стала королевой Франции и в царствование своего малолетнего сына Филиппа I практически правила ею. В напоминание об этом в музее Во-ле-Пениль выставлен экспонат из Киева – чеканный портрет Анны Ярославны. Правда, современного изготовления. Президент Украины Ющенко попытался было во время своего визита во Францию переписать историю и объявил, что Анну следует звать не Русской, как принято во Франции, а Украинской. Но эта поправка к истории Франции, которой королева Анна Русская правила после смерти мужа, как-то не прижилась. История России и Франции слишком велика, чтобы ее переписывать таким образом.

В XIII веке Мишель Луи Фрето де Сен-Жюст построил на этом месте четвертый по счету замок, который и стоит в Во-ле-Пениле по сей день. Сен-Жюст-старший был первым секретарем Марии Лещинской, польской принцессы, ставшей женой Людовика XV и введшей моду во Франции на кровати с балдахином, именуемые «польскими». (Одна такая кровать стоит в музее замка, правда, «творчески» обработанная сюрреалистами.) Мишель-Филипп Сен-Жюст, избранный в 1789 году председателем Национального собрания Франции, один из авторов Декларации прав человека и гражданина, пять лет спустя был арестован именно здесь якобинцами и в 1794 году отправлен на гильотину в Париже.

Много позже, в 1815 году, в замке Сен-Жюста расположился победитель Наполеона русский царь Александр I. А еще век спустя французский генерал Жоффри и английский фельдмаршал Френч решали здесь, как им совместно вести знаменитую битву на Марне, в ходе которой удалось отбросить от стен Парижа воинство немецкого фельдмаршала Мольтке. Аржиле показывает нам комнату, где это было, и говорит: «Разгром немцев на Марне оказал самое прямое влияние на русскую революцию. Если бы немцам тогда удалось взять Париж, неизвестно, как сложилась бы европейская и конкретно русская история...»

Все взаимосвязано в этом мире, и не будем спорить с трактовкой истории, которой придерживается нынешний владелец замка Во-ле-Пениль.

В любом случае для истории Франции он сделал немало, раскопав под замком несметные археологические сокровища. Даже древнеримский родник восстановил в подземелье, которое когда-то уходило под Сену и вело прямо к королевскому дворцу.

Анна Русская, став женой Генриха I и впоследствии французской королевой, вряд ли задумывалась о том, что от нее пойдет порода «французов, русских по крови». Мы в России часто говорим: поскреби русского – найдешь татарина. Во Франции вполне имел бы право на жизнь аналогичный афоризм: поскреби француза – найдешь русского. На берегах нынешней французской Атлантики наши предки славяне появились еще со времен варягов. У них были целые поселения в долине Луары, в нынешней Нормандии и в парижском регионе Иль-де-Франс, хотя официальная французская археология относит все связанные с этим находки к этрускам и варягам.

Постоянная торговля с Европой не могла не оставить о себе след в генофонде французской нации. Француженки влюблялись в русских дворян, купцов и царских воинов, а в России многие сходили с ума от француженок. Представители французских фирм и «великих марок» годами жили в России. «Дом Камю» и «Вдова Клико», а затем и другие виноделы были поставщиками двора его императорского величества. Сотни французских специалистов – те же французские крестьяне Бенуа – получили русское дворянство, а русские офицеры не раз становились кавалерами ордена Почетного легиона. В наши дни эта традиция продолжена, и высшим орденом Почетного легиона президент Франции Жак Ширак наградил президента России Владимира Путина.

В ходе войны 1812–1815 годов против Наполеона русские войска прошли всю Европу от Москвы до Парижа. Уже в январе 1814 года первые русские части вошли во Францию. По ходу наступления наши казаки едва не взяли в плен Наполеона, который был вынужден лично отбиваться от неожиданно окружившего его штаб казачьего разъезда. 19 марта русские взяли Париж. Им вновь его пришлось брать в 1815 году после разгрома Наполеона под Ватерлоо. Русская армия стояла во Франции до

1818 года. И если в военном отношении наши солдаты и офицеры были достаточно пассивны в то время, то в мирных баталиях они действовали весьма напористо и укрепили позиции русского гена на сотни лет вперед. Французы нам отчасти заплатили той же монетой еще в 1812 году и во время Крымской войны, но уже через полгода после ее окончания русская эскадра получила постоянную прописку в бухте Вильфранш под Ниццей, и наши матросы и гардемарины там не простаивали.

...В ходе Первой мировой войны русские войска участвовали вместе с французами в самых кровопролитных битвах под Седаном и Верденом. Большая часть русского экспедиционного корпуса уже после Февральской революции 1917-го попыталась из французских окопов уйти в Россию. Но ушли не все. Многие остались жить во Франции, и их дети уже были французами.

После революции только через Париж прошло примерно 140 тысяч русских эмигрантов. В 1926 году население «русского Парижа» – главного центра послеоктябрьской эмиграции – составляло 71 928 человек. Со временем часть эмигрантов вернулась на родину, другие подались в Америку, иные страны. В Париже в начале 30-х годов оставалось 63 394 русских эмигранта. В основном это была интеллигенция. Всего же, по данным Нансеновской комиссии, к началу 30-х годов во Франции осело около 400 тысяч русских из 860 тысяч послеоктябрьских эмигрантов, то есть почти половина.

В эмиграции наши «хуацяо» (буквально – зарубежные китайцы; этим термином китайские коммунисты обозначили соотечественников, поселившихся за рубежом, но считавшихся патриотами Китая) оставались русскими. Но их дети уже говорили лучше по-французски, чем по-русски, и исключения здесь, такие, как действительный член Французской академии Элен Каррер д'Анкос, довольно редки. А уж их внуки и вовсе не владели языком своих предков, хотя редко кто из них предпочитал забыть, что в них течет русская кровь. В большинстве своем они этим гордились, в чем я не раз убеждался на личном опыте; о степени интеграции русских во Франции говорит такая цифра – только 10 ты-

сяч французов в ходе переписи начала 90-х годов XX века заявили, что они – русские.

Вскоре после развала Советского Союза во Францию приехал Ролан Быков. Он готовил фильм к 50-летию Победы и попросил меня помочь ему поискать во Франции следы русских солдат, которые ушли в маки или сражались в рядах союзников на французской земле с 1944 по 1945 год. Следов мы нашли немало. Одна из моих историй Ролана просто потрясла. Я повез его съемочную группу в г. Ним, где до сих пор в отличном состоянии сохраняются римский амфитеатр и древнеримский двухъярусный виадук. Так вот этот виадук немцы перед своим отступлением решили взорвать. Но не сумели. Спасли его для будущих поколений советские военнопленные, бежавшие из немецких лагерей к французским партизанам.

Под Нимом живет мой давний знакомый с русским именем – Иван Гарсия, о котором я не раз писал в газете. Его отец Григорий Еськов бежал из фашистского плена летом 1944 года, и его укрывала какое-то время семья Гарсия. Мария Гарсия, мать Ивана, только перед своей смертью рассказала сыну о том, кто его настоящий отец. После войны в 1945 году его репатриировали, и сколько Мария не писала писем в СССР по тому адресу, который ей оставил Григорий, ответа не было. Только после того, как я написал об этой истории в «Правде», Еськов откликнулся и прислал свой адрес из Ставрополя. Иван поехал туда, и они наконец встретились. Отцу его был уже 71 год, а Ивану – 45. Когда я рассказал Ролану об этой истории, он загорелся и решил ехать в Ним снимать сюжет о французском сыне русского солдата. Мы созвонились, и Иван согласился принять нас на пару дней. Там он и рассказал нам перед камерой Ролана все подробности своей поездки в Ставрополье. Приняли его как родного, и он к радости своей узнал, что у него есть в России братья и сестры, многочисленные племянники и даже один внук. Таких судеб, которые живыми нитями связывают наши две страны, немало. В XX веке эти нити в Стране Советов безжалостно рвали и нередко по-живому. К счастью, это безумие мы сумели преодолеть.

Наша «диаспора»

Русская диаспора за границей, в том числе и во Франции, исторически была сильно политизирована и с французами не смешивалась. У нас в России часто всех французов русского происхождения зачисляют в «русскую диаспору». В наши «хуацяо». Это неверно, и поэтому я решил предварить свой рассказ о русских во Франции кратенькой справкой о том, откуда эта наша диаспора «есть пошла», что позволит читателю легче сориентироваться в бурных волнах русской эмиграции и в ее истории.

Положили начало русской диаспоре несколько столетий назад первые политические противники царизма, вроде Курбского, еще в период русского средневековья. В Петровскую эпоху появилась и религиозная эмиграция. В целом же, в XVI–XVIII веках русские переселенцы в дальних землях в Западной Европе, Америке, Китае, Африке, Индии были редкостью. С наступлением XIX века русская диаспора во Франции и других европейских странах – это уже явление. В XX веке – неотъемлемая часть политической и этнической реальности мира, расколотого надвое с Октября 1917-го коммунистическими революциями.

Исследователи этого вопроса (см. «Проект Русский Архипелаг» // www.archipelag.ru) насчитывают шесть волн русской эмиграции. Первую «волну» политэмигрантов из России вызвали репрессии против участников заговора и восстания декабристов в 1825 году. Главным центром российской эмиграции того времени был Париж. После революции 1848 года центр этот переместился в Лондон, где, как известно, была основана первая Вольная русская типография (А. И. Герцен и Н. П. Огарев). В основном это была «дворянская эмиграция». Она легко интегрировалась в Европе и имела сравнительно высокий уровень жизни. Многие политэмигранты первой «волны» выехали в свое время вполне легально. Как правило, они не рассчитывали на возвращение и старались заранее обеспечить свою жизнь за рубежом.

Вторая «волна» политэмиграции возникла после польского восстания 1863–1864 годов. Эта так называемая молодая эмиграция состояла из

тех, кто бежал из России уже разыскиваемый полицией, кто спасался от тюрьмы, самовольно оставил место ссылки и т. п. Эта волна социальный состав русской диаспоры сильно перемешала – к дворянам прибавились мещане, разночинцы, интеллигенция. Именно тогда, в третьей четверти XIX века, в этой среде появились и профессиональные революционеры, не раз уезжавшие за рубеж и вновь возвращавшиеся в Россию. В Швейцарии возник новый крупный регион расселения политических беженцев, пользовавшийся репутацией «второй России», с центром в Базеле. Этому способствовало и перемещение герценовской Вольной русской типографии из Лондона в Женеву. Русские политические беженцы того времени жили уже не за счет личных капиталов, а за счет литературного труда, уроков в семьях и т. д.

Третья «волна» российской политической эмиграции, возникшая после внутривластного кризиса в России начала 80-х годов, охватила почти четверть века. Левое крыло российской политической эмиграции («большевизм») занял в ней ведущее место в первые же годы XX века. Издательства, типографии, библиотеки, склады, касса партии – все это находилось за границей. Политэмигранты иной идейной ориентации из этой «волны», следуя традиции декабристов, занимались подготовкой своей революции в России по типу Великой французской. Многие из них вступили в масонские ложи. По данным царской «охранки», весной 1905 года, с началом первой русской революции, «вольными каменщиками» стали десятки представителей российской интеллигенции, как временно проживавшие за рубежом, так и эмигранты «со стажем».

Четвертая «волна» эмиграции последовала после разгрома революции 1905–1907 годов: в эмиграции появились рабочие, крестьяне, солдаты. 700 матросов бежали в Румынию только с броненосца «Потемкин».

До начала 80-х годов XIX века число покинувших Россию по экономическим мотивам не превышало 10 тыс. человек, но затем оно начало быстро расти. Этот рост продолжался вплоть до торгового договора России и Германии 1894 года, облегчившего переход границы с краткосрочными разрешениями, заменявшими населению паспорта и позволявшими ненадолго выезжать и быстро возвращаться.

Более половины выезжавших из России по экономическим мотивам в конце XIX века оседало в США, но многие нашли работу на шахтах на севере Франции и в Эльзасе. За период с 1820 по 1900 год эмигрировали более миллиона подданных Российской империи. В российской историографии начала XX века господствовало мнение, что тогда эмигрировали лишь «политические» и «инородцы», а «коренное население за границу не уходило». Действительно, отъезд нескольких тысяч собственно русских (что составляло 2 % уехавших) вряд ли сопоставим с исходом евреев (38 % убывших), поляков (29 %), финнов (13 %), прибалтов (10 %) и немцев (7 %). Выезжали российские эмигранты через финские, русские, германские порты, где и велся учет отъезжающих. Но за границей они все, как правило, числились русскими, как подданные Российской империи. На основании данных германской статистики известно, что за 1890–1900 годы выехало всего 1200 православных. Преобладали мужчины трудоспособного возраста. Согласно сведениям В. Д. Бонч-Бруевича, с 1826 по 1905 год Российскую империю покинуло 26,5 тыс. православных и сектантов, из которых 18 тыс. выехало в последнее десятилетие XIX в. и пять предреволюционных лет (подавляющая часть выехавших была великороссами).

Экономические соображения по-своему формировали «волны» покидавших Россию известных деятелей культуры начала XX века. Их первый «поток» сформировался из «маятниковой миграции»: вначале музыканты Н. Н. Черепнин и И. Ф. Стравинский, художники А. Н. Бенуа, Л. С. Бакст, Н. С. Гончарова, М. Ф. Ларионов, балетмейстеры М. М. Фокин, В. Ф. Нижинский, балерины А. П. Павлова, Т. П. Карсавина и многие другие лишь подолгу жили за рубежом, но возвращались с гастролей на родину. После Первой мировой войны, которая многих из них застала вне России, и особенно после октября 1917 года, возвращались уже единицы.

Февральская революция 1917 года означала конец четвертого этапа политической эмиграции. В марте 1917 года в Россию вернулись даже такие старожилы эмиграции, как Г. В. Плеханов и П. А. Кропоткин. В то же время Февральская революция положила начало и новому эта-

пу российской политической эмиграции (1917–1985), которая после октября 1917 года приобрела характер антибольшевистский, антикоммунистический, антисоветский. Уже к концу 1917 года за рубежом оказались выехавшие в течение лета – осени некоторые члены царской фамилии, представители аристократии и высшего чиновничества, выполнявшие дипломатические функции за границей. Однако их отъезд не был массовым. Напротив, количество возвращавшихся после долгих лет пребывания на чужбине было больше числа выезжавших.

Иная картина начала складываться уже в ноябре 1917 года. Подавляющее большинство выехавших в пятую «волну» российской политической эмиграции (около 2 млн человек) составили люди, не принявшие советской власти и всех событий, связанных с ее установлением. Это были не только, как писалось раньше, «представители эксплуататорских классов», верхушка армии, купцы, крупные чиновники. Точную характеристику социального состава эмиграции того времени дала уехавшая из большевистской страны поэтесса Зинаида Гиппиус: «...одна и та же Россия по составу своему, как на Родине, так и за рубежом: родовая знать, люди торговые, мелкая и крупная буржуазия, духовенство, интеллигенция в разнообразных областях ее деятельности – политической, культурной, научной, технической и т. д., армия (от высших до низших чинов), народ трудовой (от станка и от земли), представители всех классов, сословий, положений и состояний, даже всех трех (или четырех) поколений русской эмиграции налицо...».

Людей гнал за границу ужас насилия и Гражданской войны. Поначалу шла эмиграция, как бы в наше время сказали, в ближнее зарубежье. Это прежде входившие в Российскую империю Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, Польша. Оседание в соседних с Россией государствах объяснялось надеждами на скорое возвращение на родину. Однако позже эти неоправдавшиеся надежды и неприязнь со стороны новых местных властей к русским заставили выехавших податься дальше, в центр Европы – в Германию, Бельгию, Францию. Третье направление – Турция, а из нее – в Европу, на Балканы, в Чехословакию и Францию. Известно, что через Константинополь только за годы Гражданской войны прошло не

менее 300 тыс. русских эмигрантов. Судьба их была поистине ужасной. Десятки тысяч солдат и офицеров Белой армии, брошенные на произвол судьбы, погибли в холодных бараках на турецких островах от голода, холода и эпидемий. Четвертый путь эмиграции российских политических беженцев связан с Китаем, где в основном они селились в Маньчжурии. Кроме того, отдельные группы россиян и их семьи оказались в США и Канаде, в странах Центральной и Южной Америки, в Австралии, Индии, Новой Зеландии, Африке и даже на Гавайских островах. Уже в 1920-е годы можно было заметить, что на Балканах сосредоточивались главным образом военные, в Чехословакии – те, кто был связан с Комучем (Комитет Учредительного собрания), во Франции – кроме представителей аристократических семей – интеллигенция, в Соединенных Штатах – дельцы, предприимчивые люди, желавшие нажить капиталы в крупном бизнесе. «Перевалочным пунктом» туда для одних был Берлин (там ждали «окончательной визы»), для других – Константинополь.

Центром политической жизни русской эмиграции в 20-х годах был Париж, здесь были расположены ее учреждения и проживало несколько десятков тысяч эмигрантов. Другими значительными центрами русской диаспоры стали Берлин, Прага, Белград, София, Рига, Гельсингфорс. Возобновление и постепенное угасание деятельности за рубежом различных российских политических партий хорошо описаны в литературе. Меньше изучен быт и этнографические характеристики рассматриваемой волны российской политической эмиграции.

Наметившееся после окончания Гражданской войны «возвращенчество» в Россию не приняло всеобщего характера даже после объявленной в 1921 году политической амнистии, однако в течение нескольких лет оно все же было массовым. Так, в 1921 году в Россию возвратились 121 343 уехавших, а всего с 1921 по 1931 год – 181 432 человека. Этому немало помогли «Союзы возвращения на Родину» (самый крупный – в Софии). С вернувшимися репатриантами советские власти не церемонились: бывших офицеров и военных чиновников чекисты расстреливали сразу же после прибытия, часть унтер-офицеров и солдат отправляли в северные лагеря ГУЛАГа. Те, кому удалось в этом ужасе выжить, по раз-

ным каналам обращались к возможным будущим «возвращенцам» с призывами не верить «гарантиям большевиков», писали и комиссару по делам беженцев при Лиге Наций Ф. Нансену. Так или иначе, но нансеновская организация и проект паспорта, предложенный им и одобренный 31 государством, способствовали размещению и обретению места в жизни 25 тыс. россиян, оказавшихся в США, Австрии, Бельгии, Болгарии, Югославии и других странах.

Пятая «волна» российской политической эмиграции, по понятным причинам, совпала и с новой «волной» религиозной эмиграции из России. В отличие от первого потока уезжавших по религиозным причинам, в послеоктябрьские десятилетия покидали страну не сектанты, а представители православного духовенства. Это были не только высшие его чины, но и рядовые священники, дьяконы, синодальные и епархиальные чиновники всех рангов, преподаватели и учащиеся духовных семинарий и академий. Общее число лиц духовного звания среди эмигрантов было невелико (0,5%), но даже малочисленность уехавших не предотвратила раскола. Созданные в ноябре 1921 года в Сремских Карловцах (Югославия) Синод и церковный совет при Высшем русском церковном управлении за границей не были признаны главой Московской патриархии Тихоном, передавшим управление западноевропейскими приходами своему ставленнику. Взаимные обвинения в ереси не притупились и спустя десятилетия. Русская православная Церковь Заграницей стала реальностью.

Завершение разгрома фашизма в 1945 году означало новую эпоху и в истории российской эмиграции. На родину возвращались те, кто испытал гонения и преследования в годы «коричневой чумы». Но вернулись далеко не все, и даже не большая часть эмигрантов нынешнего столетия. Кто-то был уже стар и боялся начинать новую жизнь, кто-то опасался «не вписаться» в советский строй жизни... «Во многих семьях произошел раздел, – вспоминала В. Н. Бунина, жена писателя. – Одни хотели ехать, другие оставаться...» Те, что не вернулись «к большевикам» и остались, составили так называемую «старую эмиграцию». Вместе с тем возникла и эмиграция «новая» – это были покинувшие родину россияне шестой

«волны» политэмиграции (и второй после октября 1917 г.). «Новую эмиграцию» составляли преимущественно «ди-пи» – *displaced persons* («перемещенные лица»). Их после окончания Второй мировой войны было около 1,5 млн. Были среди них и советские граждане, в том числе русские – военнопленные, насильно вывезенные в Европу, а также военные преступники и коллаборационисты, стремившиеся избежать заслуженного возмездия. Все они сравнительно легко получали льготные права на иммиграционные визы в США: в посольстве этой страны не было проверки на бывшую лояльность по отношению к фашистским режимам. Всего же в разных странах мира только при содействии Международной организации по делам беженцев было расселено около 150 тыс. русских и украинцев, причем более половины – в США и примерно 15–17 % – в Австралии и Канаде. При этом «беженцами» стали называть и жертв нацистского или фашистского режимов, и коллаборационистов, и тех, кто в условиях сталинского тоталитаризма «преследовался вследствие политических убеждений». Последним президент США Трумэн просил оказывать «особую помощь и поддержку» на том основании, что «среди них имеются способные и смелые борцы против коммунизма».

Новая и последняя до «перестройки» политическая эмиграция из России возникла в конце 60-х годов вместе с движением инакомыслящих, диссидентов. Считается, что в ее основе лежали (в порядке значимости) национальный, религиозный и социально-политический факторы. Первый из перечисленных для русской нации значения не имел, второй и третий же действительно повлияли на рост числа желающих уехать.

В западной печати фигурируют разноречивые данные о количестве покинувших СССР в годы «застоя». Наиболее часто встречается цифра 170–180 тыс. человек за 1971–1979 годы и другая – 300 тыс. человек за 1970–1985 годы. Однако следует учитывать, что абсолютное большинство эмигрантов того времени выезжали по израильским визам (только в 1968–1976 гг. было выдано 132 500 виз для выезда в Израиль). Разумеется, среди этих уехавших были и не евреи – русские, украинцы, люди других национальностей, главным образом диссиденты, «вытолкнутые» из страны по израильским визам (например, Э. Лимонов),

а также русские – члены еврейских семей. Однако определить количество уехавших русских в общей численности эмигрантов 69–70-х годов пока возможности нет.

У Английского променада

Придорожные щиты на скоростном шоссе, ведущем в Монако, пестрят швейцарскими и итальянскими названиями – поблизости граница. Оттого и название музея «Terra Primata», расположившегося на самом выезде из Ниццы к Вильфраншу, воспринимается скорее как итальянское, а не латинское. Музей небольшой, содержат его в основном энтузиасты. И главный его экспонат – остатки первобытной стоянки, раскопанные местными археологами.

В музее мне рассказали, что территория нынешней Ниццы была обитаема человеком уже 400 тысяч лет назад, а в IV веке до н. э. там появился греческий полис под названием Никея. Ницца стояла на пути всех завоевателей и всех великих переселений народов. После греков здесь осели лигуры, а со II века до н. э. – покорившие их римляне. От римской крепости Семенелум на холме Симье остались только развалины. А когда-то это был один из крупных военных и административных центров юго-восточной Галлии, продержавшийся вплоть до развала Римской империи. Спасаясь от набегов варваров и сарацинов, Ницца, уже к V веку получившая от папы римского епископскую кафедру, перешла под покровительство графов Провансальских, правивших Южной Францией. В 1388 году Ницца добровольно перешла под корону Амадея VII, графа Савойского, и сохраняла верность этой итальянской династии вплоть до 1860 года, а затем при Наполеоне III окончательно стала французской.

С тех пор начинается ее история как курортного города, непровозглашенной столицы французского Лазурного Берега. Если ехать к Ницце из Канн, то сразу же на съезде с авторута увидишь непривычный в галло-романской окружающей среде указатель «Английский променад». Именно сюда надо свернуть, чтобы проехать по самому красивому и самому

длинному на Лазурном Берегу приморскому бульвару, увидеть Ниццу с ее фасада и заодно сразу же прикоснуться к ее истории.

Немногим более ста лет назад никакого променада здесь не было, и там, где стоит сейчас дворец Массена, названный так, как и прилегающая к нему площадь, в честь наполеоновского маршала – уроженца Ниццы, жители города охотились на бекасов и водяных курочек. В начале 20-х годов XIX века любившие отдыхать в этих местах англичане проложили в складчину вдоль берега моря узкую, но прямую дорожку для ежедневных прогулок. Отсюда и пошло название самого красивого приморского бульвара Ниццы – «Promenade des Anglais», то есть «Английский променада», а точнее – «Променада англичан». Однако присутствие Англии в Ницце больше ассоциируется с многочисленными войнами, опалевшими Средиземноморье, чем с мирными променадами. Впоследствии здесь строили свои особняки, дворцы и отели и немцы, и испанцы, и голландцы, и шведы. А от англичан остался только их Променада.

В богатой истории Ниццы каждый народ Европы отыщет для себя если не главу, так страничку либо строку. Для нас, русских, столица Приморских Альп в силу ряда исторических обстоятельств и поворотов – это целая книга, увы, послереволюционными поколениями не прочитанная. Мало кто знает, что именно на Английском променаде танцовщица Айседора Дункан, жена великого русского поэта Сергея Есенина, села в тот роковой автомобиль, на колесо которого намотался ее легендарный длинный шарф, мгновенно удушивший ее. В доме № 57 на том же Променаде снимал квартиру Владимир Набоков. На Лазурном Берегу не раз бывали, а то и жили подолгу Гоголь, Салтыков-Щедрин, Саша Черный, Стравинский, Сухово-Кобылин, Цветаева, Куприн, Чехов, Бунин, Мережковский, Гиппиус, Марк Алданов... В королевском салоне отеля «Негреско», разместившемся на том же Променаде, рядом с портретами европейских монархов можно и сегодня увидеть бюст Марии Федоровны, матери Николая II. Во многом Ницца – это символ России, ушедшей в прошлое, сгоревшей в огне революции. В советском обыденном сознании она долгое время оставалась где-то в одной связке с буржуями, поедающими ананасы и жующими рябчиков, с ресторанами экзотиче-

ской Ривьеры и «осенью в прозрачном бреду» из песен Александра Вертинского, с белой гвардией, бежавшей на Запад после Великого Октября и замышлявшей начать отсюда новый поход против нас. Все это и так, и совсем иначе. Хотя бы потому, что, помимо Герцена и Огарева, Кропоткина и Плеханова, здесь бывали и почти все вожди Октябрьской революции 1917-го, включая Ленина, который писал своей сестре отсюда, что Ницца ему очень нравится...

Русская Ницца

...С площади Массена, стоит пройти небольшую крутую лестницу и ступить на брусчатку узеньких улиц старой Ниццы, сразу переносишься в другой мир. Первое, о чем думаешь, – сколько же простояли эти дома, сколько видели и сколь прекрасны они сегодня по сравнению со своими современными многоэтажно-бетонными братьями. Туристическое восхищение, однако, сменяет прозаический вопрос: как живут люди в этих исторических развалюхах? Как умудряются туда провести современные коммуникации, электричество, газ, телекабели?

«Дворец Ласкари?» Задумавшись на минуту над моим вопросом, прохожий – чистенький старичок в соломенной шляпе – затараторил в почти что итальянском стиле: «Пройдете налево, направо, потом – по лестнице прямо, а там через двор выйдете на соседнюю улицу и уткнетесь во дворец».

Переплетение улиц и проходных дворов, где дома смотрят друг на друга окно в окно, – наследие средневековья, с которым приходится жить и сегодня. Старая Ницца хоть и превращена в заповедник, тем не менее населена плотно. И живет здесь люд небогатый. Поэтому я не удивился, увидев сразу по два служителя на каждом этаже (а они не столь уж и просторны – всего две-три небольшие залы) дворца Ласкари – мэрия, отремонтировав его, дала работу «первоочередникам». И поэтому они, хоть и вежливы предельно, ничего рассказать о дворце и его истории, а уж тем более об экспозиции не могут.

Из разложенных в холле проспектов я узнал, что дворец начали строить еще в начале XIII века и закончили в 1261 году, постепенно приращивая к нему те дома, что удавалось купить поблизости. Одним из его владельцев в 1802 году стал 55-й Великий Магистр Мальтийского ордена, а затем после его смерти он переходил из рук в руки, пока не был выкуплен окончательно городскими властями, и устроившими здесь музей.

Экспозиция его достаточно эклектична – тут тебе и Рубенс, и фламандские гобелены, и восстановленная специалистами аптека конца XVIII века.

В одном из залов музея неизвестно почему были выставлены под стеклянными колпаками макеты декораций старых балетных спектаклей. Я просто замер от неожиданности. Над макетами значилась надпись – «Дягилевский сезон в Опере Монте-Карло 1932–1935». Автор их – знаменитая русская художница, эмигрировавшая во Францию, Наталья Гончарова. Рядом – работа Александра Бенуа, декорация к постановке «Петрушки» 1912 года и к «Шехерезаде» Римского-Корсакова, где танцевали Нижинский и Карсавина.

«Откуда у вас все это русское?» – спрашиваю уже внизу у служителя, обложенного рекламными проспектами, путеводителями и незатейливыми открытками с видами Старой Ниццы.

«В Ницце не следует этому удивляться, месье, – отвечает он. – Русские появились здесь раньше французов, хотя и несколько позже римлян...»

Последнее уточнение дает ему возможность сбыть мне путеводитель «Ницца и Древний Рим», и я, следуя напечатанной в нем карте, поднимаюсь по крутой лестнице на холм Шато, на вершине которого сохранились развалины римских терм и какое-то старинное сооружение, превращенное ныне в смотровую площадку.

На холме Шато есть еще и старое кладбище, а там – могила А. И. Герцена. Он умер в Париже 9 (21) января 1870 года от воспаления легких – простудился на митинге протеста против режима Наполеона III. Поначалу его похоронили на кладбище Пер-Лашез, а уже потом перевезли сюда, в Ниццу. И теперь памятник Герцену глядит с вершины холма на Средиземное море, которое поглотило его мать и малолетнего сына во время

кораблекрушения на их пути из Марселя в Ниццу. Вместе с легендарным Искандером похоронена его жена, которая умерла во время родов через несколько месяцев после той катастрофы. На пьедестале памятника Герцену вместе с их именами выбито и имя его дочери Лизы, которая по воле безжалостной к Герцену судьбы покончила с собой в неполные семнадцать лет. Так соединили их всех смерть и земля Ниццы. В том была их последняя воля остаться неразлучными хотя бы в смерти. В том и причина, почему и в советские времена прах «нашего Герцена» так и оставался на чужбине, и не было никаких попыток перевезти его на Родину.

Плана кладбища у меня не было, я пошел наугад, но, побродив с полчаса меж семейных склепов местных миллионеров, все же отыскал служителя, объяснил, что я из России, и попросил его помочь. «Александр Герцен? – спросил он, ставя, как все французы, ударение на последнем слоге, к чему русскому человеку привыкнуть никак невозможно. – Это очень просто, месье. Идите прямо и увидите бронзовый памятник, он, кстати, единственный на этом кладбище...» Мягкий, скрытый упрек прозвучал в этой фразе. Только у самой могилы, увидев единственно бронзового Герцена работы украинского скульптора П. П. Завелло на фоне ослепительно белых мраморных скульптур и гранитных кладбищенских стел, я понял, почему упрек служителя был адресован именно мне, а в моем лице и всем моим соотечественникам. Из-за близости моря и от времени памятник Герцену почернел и покрылся зеленой грязной пленкой, от которой бронзу надо очищать регулярно. Но кому это делать? И кое-кто скажет теперь: «Да и надо ли?» Я всегда в таких случаях говорю: «Обязательно надо. Нельзя кусками изымать из нашей истории то, что с ней неразрывно связано. Иначе прервется преемственность истории, ее органическая нить. А России в наши дни надо всю эту преемственность восстановить и сохранить. Иначе не будет ни у наших детей, ни у их потомков ощущения принадлежности к России и сопричастности к ее истории». В этом корни русского патриотизма. И, слава Богу, что при Путине это наконец поняли.

...Улица Лоншан – когда-то, в бытность Ниццы в составе Сардинского королевства, именовавшаяся Виа ди Кампо Лонго. На самом углу русский

православный храм, освященный по старому стилю 31 декабря 1859 года. На двери табличка сообщала, что богослужения проводятся здесь по вторникам еженедельно. Было восемь часов утра и как раз вторник. Я поднялся по лестнице, прислушиваясь к звукам заутрени.

Роскошный иконостас псковско-новгородского стиля из мореного дуба. Великолепной работы иконы с позолотой. Царские врата с кружевной резьбой по дереву. Церковные хоругви, пудовые свечи. И на фоне всего этого старинного великолепия – седой священник, тихо подпевающий ему с клироса розовощекий дьячок с косичкой да три старушки, сохранившие при всей своей дряхлости легко узнаваемый даже нашим поколением «старорежимный» облик. Видно было по этой немногочисленной заутрене, что православных в Ницце осталось совсем немного и что некогда многочисленная русская колония неизбежно ассимилируется. Подобно тому, как ассимилировались, переделавшись на местный лад, старинные русские названия – знаменитая когда-то вилла Апраксина, где разместился приют для слепых и глухонемых, теперь названа «виллой Апраксин», а ведущая от нее крутая улица в планах Ниццы 30–40-х годов нашего века именовалась последовательно – «Апраксинский спуск», затем «Спуск святого Апраксина» и, наконец, – «Святая Апраксия»...

В библиотеке при церквушке на Лоншан меня встретила библиотекарь Нина Владимировна, по мужу мадам Гийе. Она рассказала мне, что библиотека была основана еще П. А. Вяземским в 1859 году, когда только началось строительство этого первого русского приходского храма в Западной Европе. Вскоре в ней насчитывалось уже более двух тысяч книг, что по тем временам немало. Сегодня здесь более 13 тысяч томов, среди которых есть уникальнейшие. Рук на все у Нины Владимировны не хватает. Она одна, а прихожане – в основном старики, помощь от них какая?

...Им всем где-то было тогда далеко за семьдесят. Они сдавали и брали книги, но сразу не уходили. И дело здесь было не только в политеесе, благоприобретенном еще в те, стародавние времена либо уже позже от родителей, оканчивавших те самые «царскосельские лицеи». Все русские в Ницце знают часы работы этой библиотеки – с трех до пяти по вторникам – и приходят сюда, как на утреннюю службу в храм. Приходят даже

не столько почитать, сколько услышать живую русскую речь, обменяться последними новостями...

Нина Владимировна дает мне несколько книг об истории русской колонии в Ницце, и я сижу, делаю выписки, прислушиваясь к разговорам, которые мне самому кажутся надиктованными на магнитофон отрывками то ли из «Анны Карениной», то ли из «Белой гвардии».

«Здорова ли супруга ваша? Со Страстной не видим ее ни здесь, ни в соборе». – «Слава Богу, здорова. Отлучалась в Кале повидать нашу младшенькую. А вы, князь, давно ли виделись с вашим непутевым братцем?» – «Истинно непутевым. Он летом опять в Совдепию собирается. Говорит – зов предков...» – «Вольно же ему...»

На этом островке русской жизни, оторвавшемся от материка нашей нации, говорят на другом русском языке, давно у нас забытом. Так сложилось, и не в одночасье.

Под андреевским флагом

Первым открыл для русских Лазурный Берег граф Алексей Григорьевич Орлов, родной брат графа Григория Орлова, фаворита Екатерины II, так же, как он, один из главных участников дворцового переворота 1762 года. Алексей Орлов командовал русской эскадрой в Средиземном море. Незадолго до Чесменского сражения с турками в 1770 году, за победу в котором он получил титул Чесменского, его эскадра появилась на рейде Вильфранша. Городишко это небольшой, но по-средиземноморски живописный – небольшие домики и виллы карабкаются вверх по склону горы к «корнишу», т. е. к дороге над пропастью, вдоль которой и идет старинный тракт из Ниццы в Монако. Внизу у бухты – рыбацкий порт с множеством рыбных ресторанчиков. На повороте к порту в конце XX века местные власти по просьбе своих друзей из Санкт-Петербургского Морского собрания установили мраморные бюсты и братьев графов Орловых, и адмирала Ушакова. Привез же эти бюсты в Вильфранш в начале 90-х годов потомок боевых графов российский адмирал Николай Орлов. Самый

красивый бульвар Вильфранша, что ведет наверх к старинной цитадели и далее к центру городка, назван именем императрицы-матери Александры Федоровны, вдовы Николая Первого. А бухту свою жители Вильфранша тоже называли когда-то русским именем – «бухтой Орлова». Русские утвердились там прочно и надолго.

«Русская Ницца», если говорить о серьезно организованной и значительной по тем временам зарубежной русской колонии, взяла свое начало 26 октября 1856 года. В тот день в «бухту Орлова» на борту сардинского фрегата «Карло Альберто» прибыла вдовствующая императрица Александра Федоровна. В Вильфранше подобающего ее рангу жилья не нашлось, и вдова Николая Первого обосновалась в соседней Ницце на вилле «Авигдор». Специально для нее из Вильфранша до Ниццы была построена новая дорога.

В европейских столицах этот императорский десант вызвал немалый переполох. Ведь Александра Федоровна бросила якорь в Вильфранше всего полгода спустя после окончания Крымской войны и подписания позорного для России Парижского мирного договора, по которому ей запрещалось иметь свой военный флот в Черном море. В Санкт-Петербурге, однако, знали, что сложные дипломатические маневры фактически привели к развалу той антирусской коалиции (Англия, Франция, Турция, Сардиния), которая вела Крымскую войну. Франция боялась усиления Англии, а Сардиния панически боялась Франции. Вот почему русская императрица, которая официально искала зимнюю резиденцию для заболевшего наследника русского престола великого князя Николая, получила от савойской династии самую активную помощь. Накануне ее первого визита в Ниццу российские дипломаты подписали с Сардинией секретное соглашение, которое позволило русскому флоту иметь свою постоянную базу в Вильфранше.

...21 января 1859 года в Ницце ждали сардинского короля Виктора Эммануила. Историки отмечают, что, помимо пушек форта Вильфранш, его приветствовали салютом из всех стволов с борта русского военного фрегата «Орлов». Король немедленно отправился с визитом к русской императрице на виллу «Авигдор», где за обедом и было окончательно ле-

гализовано русское присутствие в Ницце и Вильфранше. Русской колонии король разрешил построить здесь даже православную церковь (на рю Лоншан), что по тем временам было совершенно немыслимо, ибо Ватикан не допускал православных священников в Западную Европу. Но куда важнее было другое – Россия получала право захода в сардинские воды и разрешение на практически постоянное базирование в Вильфранше своей военной эскадры, что с учетом русской военно-морской базы на Крите существенно подрывало позиции англичан в Средиземноморье. Савойская династия явно пыталась, таким образом, с помощью России обезопасить Сардинское королевство и от происков Наполеона III. Но безуспешно. Франция буквально через год после исторического обеда на вилле императрицы оккупировала Ниццу, и по Туринскому договору вся Савойя вошла в ее состав окончательно. Любопытно, что Наполеон III не рискнул отменить даже после этого все те привилегии, которыми пользовалась русская Ницца по договоренности с Виктором Эммануилом. Вдовствующая императрица, например, потребовала для своей охраны французских зуавов, и они ей были немедленно предоставлены. Помимо зуавов, в подтверждение суверенитета Русской Ниццы в бухте Вильфранша фактически постоянно реял андреевский флаг над весьма внушительной русской эскадрой.

В октябре 1864 года Наполеон III во время встречи с Александром II в Ницце согласился продлить соглашение об аренде «бухты Орлова» еще на десять лет. Соглашение это, однако, действовало всего шесть лет, т. к. в 1870 году Наполеон III потерпел сокрушительное поражение во Франко-прусской войне. Россия тут же в одностороннем порядке денонсировала статьи Парижского мира 1856 года о демилитаризации Черного моря. Севастополь вновь получил статус военно-морской базы, что и было закреплено Лондонским международным протоколом 1871 года. Русская эскадра вернулась из «бухты Орлова» в гавани Крыма. В Вильфранше, однако, база для русского флота фактически сохранялась еще долго и после этого. Русские военные и гражданские суда не раз ее использовали, пополняли там запасы горючего и продовольствия, когда находились в Средиземноморье.

По мере освоения русскими Лазурного Берега росла и торговля с Сардинией и Францией. В «бухте Орлова» еще в 1858 году открылся торговый причал, были сооружены хлебные склады – до 17 русских торговых судов ежегодно заходили в бухту и только к концу 1856 года доставили до 155 тыс. пудов русского зерна на продажу. Обрато они везли оливковое масло и цитрусовые. Уже в 1858 году торговый оборот «бухты Орлова» достиг 450 тыс. французских франков, что по тем временам было немало.

В порту Вильфранша шла и весьма интенсивная научная жизнь. В наши дни там разместилась «Лаборатория морской биологии Парижского университета – VI». Но мало кто знает, что она прописалась в бывших военно-морских казармах русского флота, где в конце XIX века профессор Российской императорской Академии наук Алексей Коротнев создал Русскую океанографическую лабораторию морской зоологии. Тогда это был крупный научный центр со своим океанографическим музеем, аквариумом, научной библиотекой. В 1907 году там работали 33 русских и иностранных ученых. Задолго до Ива Кусто в «бухте Орлова» появилась пристань для нескольких русских гидрографических судов, которые вели активные исследования Мирового океана. Центр Коротнева регулярно публиковал свои годовые научные отчеты и просуществовал как «русское научное учреждение» до 1932 года, когда он окончательно перешел в ведение французского Национального центра научных исследований.

Средиземноморского Севастополя больше не было, но Русская Ницца осталась. Императрица-мать превратила этот город в зимний филиал российского царского двора. Помимо забот о здоровье внука и своем собственном, вдовствующая императрица тревожилась и о восстановлении пошатнувшегося здоровья Российской империи. В ходе первых своих рекогносцировок на Лазурном Берегу она, видимо, пришла к выводу, что Ницца идеально подходит для западноевропейского филиала ее двора. Многочисленные родственники Романовых, так или иначе породнившиеся со всеми европейскими монархами, могли приехать сюда из любой столицы запросто, без протокола повидаться с родными, что не так было

просто сделать, выезжая к императору в гости в Россию. Так же, не возводя все это в ранг государственного визита, могла поступать – и поступала вплоть до 1914 года – вся императорская семья. По подсчетам летописцев дома Романовых, только с 1856 по 1898 год здесь побывали все дети Николая I (кроме его дочери, умершей в 1844 г.), включая Александра II, который сюда приезжал не раз. Постоянно отдыхали в Ницце и его дети, в том числе будущий царь Александр III, их ближайшие родственники. Список посетителей императорских вилл в те годы читается как справочник европейских королевских семей. Такие возможности общения с коронованными особами Европы и членами их семей трудно было переоценить, особенно в те годы, когда Россия активно искала выход из тупика, в который загнал ее Парижский мирный договор. А для этого было необходимо искать союзников.

Вслед за императрицей начали скупать земли в Ницце и русские аристократы. Одной из первых купила в Ницце свой «шато» на побережье великая княгиня Елена, жена брата Николая I Михаила и свояченица Александры Федоровны. До сих пор в «бухте Орлова» стоит вилла князя Трубецкого. «Зимний двор» в Ницце притягивал русскую аристократию в эти места еще и потому, что наследник императорского престола, великий князь Николай Александрович, который и должен был бы войти в нашу историю под именем Николая II, жил там практически постоянно. Он был тяжело болен, и потому средиземноморский зимний курорт стал для него на какое-то время спасением. Врачи, однако, запустили его болезнь и, когда наступил очередной приступ, спасти его не смогли. Его отец император Александр II мчался к нему из Петербурга, но застал его уже при смерти. Его наследник умер в Ницце в 1865 году. Ему шел всего лишь двадцать второй год. Тело царевича на фрегате «Александр Невский» было доставлено в Петербург, и 6 июля 1865 года Николай Александрович был похоронен в усыпальнице русских царей в Петропавловском соборе.

После его смерти Александр II выкупил парк, где стояла вилла Бермон, и построил там поминальную часовню в честь престолонаследника. В память о нем власти Ниццы назвали близлежащий бульвар именем Ца-

ревич. В 1903 году здесь началось строительство храма Святого Николая по проекту профессора архитектуры Императорской Академии художеств М. П. Преображенского. Храм по-настоящему великолепен. Он был выстроен в старорусском стиле допетровских церквей Москвы, Ярославля и Ростова Великого конца XVI – начала XVII веков. Купол колокольни и все шесть крестов, венчающих главы, покрыты сусальным золотом. Внешние декоративные элементы (арочные проемы, ниши для окон, наличники дверей и проемы южного фасада, балкончики на колокольне и т. д.) выполнены из резного белого мрамора. Внутренняя отделка храма проводилась под руководством русского художника Л. А. Пьяновского, одного из лучших мастеров церковного зодчества московско-ярославской школы. Иконостас собора создали в Москве в знаменитых мастерских братьев Хлебниковых по образцу старинных храмов Москвы и Ярославля. Иконы писаны художником Глазуновым в духе школы Симона Ушакова. На освящении храма в 1912 году присутствовал племянник умершего цесаревича – император Николай II, и с тех пор улочка, ведущая к храму, носит его имя. Мать Николая II – императрица Мария Федоровна, урожденная принцесса Дагмар, вдова Александра III – принимала в строительстве этого храма самое активное участие и была официальной попечительницей созданного в 1903 году «Строительного комитета нового русского православного храма в Ницце». Для Марии Федоровны это была и личная дань памяти царевича – ведь она была его официальной невестой и только после смерти Николая стала женой Александра III.

Храм Святого Николая в Ницце, по определению Святейшего Синода, первым из зарубежных русских церквей получил почетное наименование собора. Для русской послереволюционной эмиграции на юге Франции он стал таким же духовным центром, как храм Александра Невского в Париже. Там хранятся редчайшие иконы и списки с самых известных шедевров русской иконописи.

Именно в этом храме находится удивительная просветленная икона Чудотворца Николая. Это – личная икона царевича Николая, которая была с ним на его смертном одре. После его кончины она долгое время украшала вход в памятную часовню. Под влиянием южного солнца

и влаги икона почернела и изображение исчезло. Когда построили храм, ее перенесли туда. И вот 22 мая 1935 года, в день перенесения мощей Святителя Николая, церковный сторож вдруг заметил, что образ просветлел. Просветление увеличивалось с каждым днем, словно таяла и испарялась под невидимыми лучами темная пленка. Из-под затвердевшего лака появилось изображение Святителя Николая, а по сторонам – Спасителя и Божией Матери. Вскоре можно было свободно прочесть текст раскрытого Евангелия в руках Спасителя и надпись над иконой. 1 июня 1935 года, в субботу, об этом торжественно объявили прихожанам храма и отслужили молебен. За прошедшие с тех пор годы в соборе засвидетельствованы случаи чудесной помощи и исцелений от этого образа. В наши дни этот храм был передан Русской Православной Церкви.

Русская Ницца к концу правления Наполеона III стала своего рода дипломатическим полигоном, где проверялись на прочность соглашения о «правилах игры» в Европе после Крымской войны. В сложных отношениях между Россией и Францией той поры даже один какой-нибудь неловкий жест, неудачное слово, несоблюдение того или иного пункта протокола могли обернуться длительной враждебностью, а то и войной. Александр II, как и его мать, урожденная принцесса Пруссии, не скрывали своей неприязни к Наполеону III. В 1860 году Александра Федоровна унизила его в Ницце: не вышла к нему во время приема на своей вилле, сказавшись больной. А Наполеон две недели спустя отомстил ей за это в Париже, усадив ее внука, великого князя Николая, за один стол с бароном Дантесом – убийцей Александра Сергеевича Пушкина...

Александр II во время своего первого посещения Ниццы в 1864 году (кстати, он дважды инспектировал Вильфранш, что сильно нервировало «императора всех французов», как именовал себя Наполеон III) узнал, что племянник Бонапарта прибыл в Ниццу инкогнито. Он решил не упустить случай продемонстрировать русский флаг и «случайно» с ним встретился в городской префектуре.

Такого рода «уколами» Париж и Петербург обменивались постоянно вплоть до прихода на трон Александра III, с именем которого связан не только самый красивый мост через Сену в Париже, но и небывалый рас-

цвет русско-французских отношений в конце XIX века. Русская Ницца на всех этапах их развития играла далеко не последнюю роль.

Романовы и Пушкины в Ницце

Судьба Александра II странным образом переплелась с судьбой Пушкина и судьбой Русской Ниццы. Известно мистическое предсказание поэта о судьбе будущего царя, бюст которого он увидел в квартире Жуковского в Царском Селе. Пушкин, будто наблюдая некое видение, сказал, как в бреду: «Вижу славное царствование, великие дела и, Боже, какой ужасный конец! По колени в крови!» Эти слова он повторил несколько раз...

Екатерина Михайловна по своей родовитости вполне могла поспорить с Александром II. Тем не менее брак их, который император оформил через месяц после смерти его супруги Марии Александровны в 1880 году, был признан морганатическим, т. к. Рюриковичи уже нигде не правили. Александр не успел сделать ее императрицей. Не прошло и года после их свадьбы, как 1 марта 1881 года царя-освободителя убил террорист-народник. С тех пор Екатерина Михайловна поселилась со своими детьми в Ницце: Романовы ее так и не приняли в свою семью.

Влияние России во Франции подкреплялось, замечу, не только русскими военными кораблями. Зимний двор императорской семьи в Ницце, как магнит, притягивал туда и российскую знать, и богатых людей того времени, желавших быть поближе к царствующим особам. Одним из таких людей стал барон фон Дервиз, разбогатевший на строительстве железных дорог в России. На родине аристократия его не жаловала и считала выскочкой. В высшее общество этому «чухонцу» из эстонских баронов вход был перекрыт. Барон зато взял реванш в Ницце. В 1867 году он построил там свой дворец Шато-де-Вальроз, куда приезжал каждую зиму, отряжая для этого целый поезд. Барон привозил в Ниццу из Петербурга своих музыкантов и хористок. А к каждому визиту императорской семьи в Ниццу устраивал (задолго до Дягилева) великолепные концерты русских звезд того времени в своем собственном театре на 500 зрителей, которой

построил его личный архитектор Макаров. Оркестр из 700 музыкантов и «хор» из восьми певцов выступали там исключительно для барона, его супруги, двух его детей и домочадцев. Знатоки приравнивали его к оркестру Парижской консерватории. На званые концерты к фон Дервизу приглашалось все высшее общество Ниццы, а потому воротившие от барона нос в Петербурге русские аристократы вынуждены были идти к нему на поклон и кланяться билетик. Места были платными, а цены по тем временам – заоблачные, но, несмотря на это, их нельзя было достать уже за два месяца. Официально прибыль барона с его театра и прочих зрелищ шла на развитие города. Однажды он действительно передал Ницце 60 тысяч золотых франков на общественные цели, а в 1877 году устроил надолго всем запомнившийся благотворительный бал.

В историю города вошли его загульные «русские карнавалы», как впоследствии дягилевские «русские театральные сезоны» в Монте-Карло. У барона был роскошный розарий, в котором работали десятки садовников, и посмотреть на это чудо приезжали знатоки роз со всей Европы. Как-то уже в Москве я получил по Интернету письмо от одного из потомков барона. Он спрашивал, как бы найти его следы. Я честно пытался их отыскать, но кроме рассказов о том, что барон разорился, проигравшись в пух и прах в Монте-Карло, я ничего потомку сообщить не мог.

...В Ниццу среди русского дворянства стало ездить престижно. «Как? Вы не были никогда в Ницце?» – как часто звучала эта фраза и в салонных разговорах, и в душещипательных романах. Ницца вошла в моду и у врачей – сюда рекомендовали ехать больным туберкулезом. А. П. Чехов лечился здесь несколько лет подряд от этого недуга, хотя и поругивал Ниццу, «пропахшую артишоками и апельсинами». Сюда ехали прожигатели жизни, которые, подобно фон Дервизу, не представляли себе отдыха на Лазурном Берегу без кутежа на Ривьере и без игорного дома в Монако в районе Монте-Карло. И Чехов тоже в силу присущего ему азарта не миновал это казино. Накануне премьеры пьесы «Три сестры», над которой Чехов, кстати, работал в Ницце, он в своем письме домой написал: «Если эта пьеса провалится... так поеду проигрывать-ся в Монте-Карло». Помимо Чехова завсегдатаями казино Монте-Карло

были князь Сумбатов, более известный как актер и драматург Южин, Маяковский, Куприн, Адамович... Поскольку мода на Монако возникла лишь в прошлом столетии, то и наша культура здесь расцветала медленно. В Монако я однажды удостоился редкой чести – меня сопровождал по княжескому игорному дому сам директор Великого казино. От него я узнал, что основали это казино русские аристократы, которые затем посадили здесь те самые миллионы, на которых, как на дрожжах, быстро поднялось княжество Монако. Сардинский король едва было не продал это княжество русскому царю, но царь купить его отказался. В Монако до сих пор помнят княгиню Суворову, у которой была кличка «Безумная княгиня». В казино Ниццы и в Монте-Карло она играла ночи напролет, проигрывая целые состояния. Говорят, что именно с ней связана традиция русских аристократов пить шампанское из дамских туфелек. В казино Монте-Карло в Монако, как рассказал мне директор монашеских слот-машинз и рулетки, бывал во время своих гастролей Шаляпин, а затем и Дягилев со своими танцовщиками. Он показал мне бюст Дягилева, который был установлен там в память о том, что в 1932 году он основал в Монако Русский балет. И в Монте-Карло первым главным хореографом был великий Баланчин...

К началу XX века русское влияние в Ницце было столь очевидным, что один журнал того времени писал: «На улицах города – сплошные русские костюмы и всюду слышна русская речь...» Русские рестораны, отели, русские театры, банки, страховые компании, акционерные общества – вот что составляло экономическую базу влияния Русской Ниццы, сохранившегося, кстати, и после революции в России. Вот небольшое тому свидетельство из «Вестника Русской Ниццы» за 1927 год.

«Русская Ницца, – сообщает хроникер тех лет, – имеет даже своих финансовых тузов, которым принадлежат и доходные дома, и роскошные виллы: ни один спектакль, ни один бал не обходится без блещущих элегантными туалетами русских дам: всюду – на музыке, на прогулках, в поездах и трамваях, в кинематографах, кафе и барах и просто на людных улицах – слышится русский говор и бросается в глаза золоченая молодежь с претензиями на элегантность и шик. Все куда-то спешат – мужчины,

по большей части без шляп и с пустыми руками, по-видимому догоняя растрачиваемое попусту время. Нечего и говорить, что для такого рода благородных занятий необходимо иметь свободные ресурсы...»

Революция нарушила связь времен

Империалистическая война, а затем революция и Гражданская война преобразили не только Россию. Русская Ницца окончательно оторвалась от родного национального материка и жила уже своей жизнью, связанной с родиной разве только что воспоминаниями. В 1913 году русская колония в Ницце насчитывала 3300 человек. К 1930 году в Ницце и близлежащих – до Канн – городах и поселках оказалось 5312 русских. Далеко не все они успели перевести сюда свои капиталы, даже если их и имели в России. Революция выбросила на французский Лазурный Берег сливки российского дворянства. Ту самую знать, которая годами собиралась здесь на императорском курорте. Тех, кто кутил в лучших отелях и ресторанах «Английского променада», не помышляя ни на миг, что однажды им придется заниматься туда официантами, вышибалами и швейцарами.

«Памятка русской колонии в Ницце» с дежурным оптимизмом встречала вновь прибывших: «Нигде в Европе русскому бедняку не живется так хорошо, как в Ницце. Кто не калека и не совсем еще износился в физическом смысле, тот здесь найдет себе работу или занятие... Кто устраивается в шоферы, кто в “кухонные мужики”, кто в агенты комиссионных контор, кто возит в колясочке больного...

Что касается до женского труда, то спрос на него буквально неограничен. В Ницце нет, кажется, ни одного обывателя, который бы не мечтал иметь русскую прислугу. А кто к такого рода работе не привык, для того всегда готово место к детям, правда преимущественно к маленьким, или работа по части рукоделий...» Больше Ницца бывшим российским аристократам предложить не могла ничего.

Быт русской эмиграции того времени был нелегким. Далеко не все, конечно, сошли с круга, обнищав и отчаявшись. Большинство как-то су-

мело устроиться в новой жизни, и надо отдать должное Франции, она все же приютила наших соотечественников, отринутых революционной Россией, а тем самым помогла и нам с их помощью сохранить для будущей России многое из того нашего общего культурного и исторического наследия, что революция в своем нетерпении и нетерпимости отрицала и уничтожала безжалостно. Постепенно русская эмиграция интегрировалась во французское общество. И Русская Ницца этому всячески способствовала. Хотя не секрет, что многие в те годы все же заканчивали «меранвиловкой» – так именовали благотворительную столовую, которую содержали на Лоншане для русских эмигрантов маркиз Меранвиль де Сен-Клер со своей супругой Ольгой Николаевной, либо приютом «Убежище имени императора Александра II». Политически, как только окончательно растаяли надежды на быстрое возвращение в Россию, русская эмиграция в Ницце оказалась банкротом куда большим, чем в финансовом отношении.

«Поначалу, – рассказывает один из очевидцев событий 20-х годов, – “политические страсти” переживали здесь бурный период. То была борьба вокруг вакантного престола. Спорили, ссорились, избирали и переизбирали председателей, посылали друг другу даже секундантов, которых роль, в конце концов, сводилась к редактированию примирительных писем, но, конечно, дальше этого не пошли, ибо и идти было некуда. Потом все это выдохлось и окончательно опостылело...»

Неподалеку от Ниццы на своей вилле в Антибе поселился в эмиграции Главнокомандующий русской армией в начале Первой мировой войны, внук Николая I, генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич. В 1929 г. он умер и был похоронен в склепе русской православной церкви Святого Михаила-Архангела (Eglise russe Saint-Michel-Archange) на выезде из Канн по дороге в Ниццу. Хоронили его со всеми почестями и с караулом казаков, что описано свидетелем этой церемонии великим русским писателем Иваном Буниным в его романе «Жизнь Арсеньева». Бунин жил тогда неподалеку в Грассе, столице французских парфюмеров. Церковь в Каннах – просто игрушечка, безошибочно нашей архитектуры. Она была освящена в присутствии великого князя Михаила Михайловича

еще до революции, 22 ноября 1894 г., когда русская колония в Ницце и соседних с ней местах процветала. Собор, как и все практически православные соборы на Лазурном Берегу, отошел после революции к Русской Зарубежной Православной Церкви. Попасть туда просто так, по-туристически в 90-е годы было не так легко, церковь то работала, то на несколько дней закрывалась, да и московских визитеров ее священнослужители не очень жаловали. Но однажды мне повезло, и во время очередного Каннского кинофестиваля я заглянул за знакомую ограду, и послушник в черной рясе провел меня вовнутрь и рассказал об истории этого уникального храма. Как оказалось, сюда привезли после революции мощи святых Алексея, Иоанна Кронштадтского, Серафима Даровского и Симеона Верхотурского. Все это хранится в крипте, посвященной Святой Мученице Екатерине и Святому Князю Александру Невскому. Там же хранятся форма Александра II и фотография императора на смертном одре. Это дар его любимой жены княгини Юрьевской, которая умерла в Ницце в 1922 году. За год до ее смерти, 30 января 1921 года, в церкви состоялась свадьба великого князя Андрея Владимировича и великой балерины Матильды Кшесинской. На венчание дал свое благословение провозглашенный наследником русского трона великий князь Кирилл Владимирович, который находился тогда в Каннах. 17 марта 1922 года здесь отпевали великую княгиню Анастасию Михайловну, внучку Николая I.

В крипте храма монах показал мне могилы членов семьи Романовых. Рядом с гробницей великого князя Николая Николаевича, на которой по камню высечено: «Русская армия – своему Верховному главнокомандующему», хранится его штандарт и все его регалии. Тут же – могилы его супруги, великой княгини Анастасии Николаевны; великого князя Петра Николаевича, генерал-лейтенанта, родного брата Николая Николаевича. Здесь же нашла свой последний приют и его неумная супруга Милица Николаевна, сестра великой княгини Анастасии Николаевны. Именно княгиня Милица представила царской семье французского целителя Низье Филиппа, с которым, говорят, познакомилась в Ницце и привезла в Россию лечить царевича Алексея. Она же представила ко двору и Григория Распутина...

Улица Шмен де Кокад. Единственное в мире зарубежное русское православное кладбище на окраине Ниццы. Единственное, потому что здесь похоронены только русские. Ни французов, как на русском кладбище под Парижем в Сен-Женевьев-дю-Буа, ни немцев, как под Кале, ни американцев, как в Калифорнии, ни австралийцев, как под Сиднеем, тут нет. Его организовали еще в 1866 году первосвященники Лоншана. И до сих пор следит за ним Православная Церковь. Стоит часовенка – дар барона фон Дервиза, из его знаменитого Шато она перешла сюда...

...Печальную историю рассказывают каменные надгробия с надписями на русском языке – историю гибели Русской Ниццы. Могилы военных моряков, тех, кто когда-то служил на кораблях в Вильфранше и на Крите. Имена князей, графов, баронов. Помню, когда я впервые написал в «Правде» о русских захоронениях под Парижем, один разъяренный читатель прислал мне письмо, в котором писал, что нечего, мол, поминать всяких там князей да графьев, с которыми мы покончили в 17-м году. Да, в 17-м, а в основном уже в Гражданскую и позже, мы покончили, в том числе физически, с российским дворянством и российской буржуазией – двумя самыми просвещенными, образованными классами и с русской интеллигенцией. Те потери, которые понесла наша нация в результате этой общероссийской резни, уничтожения до корней вместе с «бывшими» многовековых традиций культуры, нравственности и управления обществом, – невосполнимы, и это нам горько аукается до сих пор.

...Есть какая-то магия в этих именах, от которых веет ароматом самой истории. Княгиня Урусова, урожденная Лазарева, 1842 года рождения, умерла здесь, в Ницце, в 1932 году и легла в землю Савойи вместе с князем Михаилом Леонидовичем Оболенским. Могила заросла травой, мхом. Взгляд выхватывает из рядов надгробий имена, знакомые с детства по учебникам истории, литературы. Ведь мы все это «проходили»...

Княгиня Грузинская, урожденная княжна Туманова... Крестник императора Александра II граф Соколовский в одном ряду с потомками декабриста Пущина, с князьями Волконскими, графами Капнистами, Мусиными-Пушкиными, князьями Голицыными, Ростовскими, Строгановыми. Кажется, тут весь царский двор. Скромные могилы у членов

императорской фамилии. Князь Ростислав Александрович Романов... Вдова Александра II (по второму браку) княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская, урожденная Долгорукая. Умерла она только в 1922 году. А в 1947 году, помню, у нас праздновали 800-летие Москвы, и мы, мальчишки, приходили смотреть, как перед Моссоветом устанавливали на высоком гранитном постаменте бронзового всадника – памятник ее предку Юрию Долгорукому, сыну Владимира Мономаха.

Революция нарушила связь времен в России так же, как в ходе Великой французской во Франции. Ведь нашлись же среди якобинцев такие выродки, которые заставили толпу выбрасывать из каменных гробниц в соборе Сен-Дени под Парижем кости захороненных там французских королей – от Пепина Короткого до Карла Великого. В России повторилось то же самое после октябрьского переворота в Архангельском соборе Кремля. Чудом спасли эти реликвии. Кому, как не нам, эту связь времен восстанавливать? Пока не поздно. Пока не исчезли все те следы на земле, в том числе и здесь, во Франции, которые позволят это сделать. Еще в советские времена я в своих статьях из Франции призывал к великодушию, которое всегда было нашей национальной чертой, к умению прощать. Ничего же не случается с Французской Республикой, когда она сохраняет в целостности могилы королей и императоров Франции и даже называет их именами улицы. В США, где тоже была гражданская война, уже давно примирены потомками генералы Севера и Юга, сторонники английской империи и независимых штатов. Слава Богу, что благодаря публикациям уже той поры через 200 лет и мы придем к той же душевной щедрости.

Кто, скажите, принесет сейчас цветы к могиле Герцена? А кто сможет провести соотечественников по Русской Ницце, если у нас с ней практически нет никакой связи, кроме туризма и закупленной здесь нашими нуворишами недвижимости? Разве что кто-то из французских ученых, занимающихся нашей историей.

Как раз французы и раскопали историю художника Жозефа Фрисеро из Ниццы, выставка работ которого проходила в Вильфранше в июне – июле 1989 года. Четыре акварели Фрисеро для этой выставки прислали из Эрмитажа. Как они к нам попали? А оказывается, еще весной 1847 года

князь Гагарин познакомился с художником где-то на Лазурном Берегу, когда тот рисовал пейзаж с натуры, и предложил ему съездить в Россию. Так Фрисеро попал в Санкт-Петербург и был представлен ко двору. Там он познакомился с внебрачной дочкой Николая I Жозефиной Кобервейн, которая стала его женой и уехала вместе с ним в Ниццу в 1849 году. Впоследствии оба они были приняты к зарубежному «зимнему двору» Александры Федоровны, где Фрисеро нарисовал немало акварельных портретов петербургской знати. Это же целый роман, но, увы, так никем у нас и не написанный.

Да уж ладно, скажут, Фрисеро все же француз. Пусть у французов о нем и голова болит. А нам бы порадеть о наших. Радеем ли? Авеню Доктора Менара. Узенькая улочка, пропахшая паприкой и свежестриженными кипарисовыми кустами, забита туристическими автобусами до самого верха холма. Там – знаменитый на весь мир музей Марка Шагала. В нем 17 самых известных его громадных, во всю стену, картин, множество акварелей, написанных маслом набросков и портретов, его гуаши, пастели, литографии, скульптуры...

С Шагалом дело у нас известное – не сложилось. Не сложилось дважды, если не трижды. Сначала в первые послереволюционные годы, когда он был комиссаром искусств в своем родном Витебске и воевал с Малевичем. Потом когда эмигрировал во Францию, а оттуда во время войны – в США. Затем уже в начале 60-х годов, когда он сам послал свой альбом в дар Хрущеву, а тому его даже не показали, так как Никита Сергеевич «абстракционистов» не жаловал. Картины Шагала так и были нашими критиками дружно списаны в «абстрактные», «полурелигиозные», «мистические» и потому «народу не нужные». О нем практически забыли. И если все же иногда вспоминали, то, как правило, нелестно. А Ницца с 1973 года получает миллионы за счет Музея Шагала.

Я сам не любитель его творчества. Оно меня за душу не берет. Но отрицать за Шагалом дар Божий невозможно. В искусстве это явление. Будучи евреем по рождению, он до конца своих дней воспевал стародавнюю Россию. Шагал умер всемирно известным «русским художником» и абсолютно никому не известным у себя на родине. А сейчас, когда вроде бы уже

его признать можно, наши специалисты едут сюда, просят «поделиться» с нами Шагалом. И не раз еще, видно, придется нам так кланяться, если не научимся беречь все свое, отечественное.

...В Ницце я совершенно случайно встретил своего парижского знакомого – доктора Сергея Николаевича Чехова. «Поздравьте, – сказал он. – Мне наконец-то разрешили построить госпиталь в России, правда, не в Москве, в одном из корпусов Боткинской больницы, как я мечтал, но все равно...»

Доктор уже в том возрасте, когда можно вообще не заниматься ничем, кроме собственных удовольствий. Он богат. У него свой самолет, своя вилла в Швейцарии, своя практика под Парижем. У него то, что называется «все есть». И давно он уже живет во Франции, как французский гражданин. И все же притяжение России неодолимо. С его-то корнями!

– Мой отец, – говорит Сергей Николаевич, – еще студентом медицинского факультета стал социалистом-революционером. В 1905 году он был арестован, осужден и затем выслан в Сибирь. Оттуда убежал. Неплохим это удавалось. Шел он через всю Россию и, сумев уйти от преследований, уехал за границу, устроился в Париже.

Ему здесь пришлось заново осваивать не только французский язык, но и заканчивать медицинский факультет. В 1914 году началась Первая мировая война. В Россию отец не мог вернуться: ведь он был политический – ссыльный и беглый. Тогда он пошел добровольцем во французскую армию и почти всю войну провел на передовой, в том числе под Верденом, где была настоящая мясорубка. Таких добровольцев, как известно, посылали не в тыл, а на верную гибель. После Вердена, где он пробыл от начала до конца, его направили в госпиталь Монпелье, где лечили раненых русских солдат, воевавших на Восточном фронте.

Моя мать была дочерью Сергея Петровича Боткина. Он мало жил в России. Его считали при дворе либералом, а на них тогда смотрели подозрительно. Поэтому он не любил жить в России, а жил либо в Финляндии, либо в Париже или в Италии, особенно на Капри. Там Боткины познакомились со многими русскими эмигрантами, включая Игоря Стравинского и Максима Горького. Горький, кстати, едва ли не ежедневно бывал в

гостях у моей бабушки. Мою мать война застала в Женеве. Как и отец, она тоже хотела хоть как-то помочь России в ее борьбе против немцев и пошла в Красный Крест. Так и ее назначили в военный госпиталь в Монпелье. И в этом госпитале они и познакомились с моим отцом, а в 1917 году поженились.

После первой, Февральской, революции мой отец в Россию не вернулся. И причина вроде бы была несерьезная. Дело в том, что тот корабль, на котором он должен был плыть в Россию, потопили немецкие подводные лодки в Средиземном море. Поездку пришлось на время отменить. А затем пришла Октябрьская революция, и эсеры, как вам известно, с большевиками не ладили. Он поэтому остался во Франции окончательно и работал терапевтом в маленьких французских городах.

Я воспитывался в двуязычной атмосфере – учил русский и французский. Моя бабушка – жена Сергея Петровича Боткина – много мной занималась вплоть до своей смерти. Она умерла в 1929 году, 8 апреля. В белых русских кругах я бывал мало. Не потому, что ко мне относились с подозрением, скорее не так принимали, хоть русское дворянство не могло Боткиных отбрасывать. Все-таки сын Боткина был до конца с императором. Это был мой дядя – Евгений Сергеевич Боткин. В Екатеринбурге в 1918 году его расстреляли вместе с царем и со всей его семьей.

Князь Оболенский, мой прадед, женился на девушке из знатного венецианского рода Маруцци. Собственно, как это получилось? После убийства турками молдавского господаря князя Гикки его семья была принята при дворе Екатерины Великой. Одна из дочерей Гикки, Елена, вышла замуж за посла Венецианской республики маркиза Маруцци. У них родилась дочка, которая вышла замуж за князя Сумарокова, а уже ее дочка вышла замуж за князя Оболенского, и у них родилась дочка Екатерина, которая и вышла замуж за Сергея Петровича Боткина...

– А за что же тогда вас не любили в эмиграции?

– Где-то начиная с 70-х годов, еще когда я практиковал хирургию, я оперировал, когда в этом возникала нужда, практически всех советских граждан, работавших во Франции. И теперь я консультирую русских, им помогаю...

Он читает мне «Заповеди Боткина», пояснив:

— Это мне подарили в Боткинской больнице, когда я там был: «Помни слова Сергея Петровича Боткина. Главнейшая и существенная задача практической медицины — предупреждение болезни и лечение болезни развившейся и, наконец, облегчение страданий больного человека. Спешу к людям, будь внимателен, терпелив, милосерден. Из всех сил и до последней минуты борись за жизнь человека. Человеческий организм — целостная система. Сделай больного своим союзником в борьбе с недугом. Внушай веру в выздоровление, восстанови душевное здоровье. Все новое, создаваемое медицинской наукой, методы, препараты, приборы, неси в практику врачевания. Всегда учись. Не стыдись обращаться к товарищам за помощью и советом. Нет ничего опаснее думать, будто знаешь все. Не скрывай ошибок, ни своих, ни чужих. Зависть и амбиция несовместимы с твоей профессией, а ложь не спасает авторитета. У нас нет второстепенных работников и работ. В борьбе за здоровье человека все важно и все ответственны. Храни славные традиции нашей больницы, гордись званием боткинца. Будь всегда достоин носить это звание». Красиво?

— Красиво, — отвечаю я ему. — И разумно.

— А ведь это написано более ста лет назад. И все современно. Даже учение о системности...

Он неугомонен. Низкий ему поклон за это. За доброту. Терпимость к нам и умение прощать.

...Я уходил из библиотеки на рю Лоншан и с благодарностью ко всем тем, кто хранит эти бесценные тома со времен Вяземского, и с сожалением — уйдет ведь все, как в песок, погибнет вместе с этими стариками, если мы вовремя не найдем с ними общего языка, не договоримся о том, чтобы как-то спасти это вместе для нашей общей Родины.

Старики провожали меня взглядами, в которых, я спиной чувствовал, не было тепла. Да и с чего это им, потомкам князей да белых офицеров, испытывать теплые чувства к корреспонденту «Правды»; а кто я такой, им, видно, Нина Владимировна рассказала. Слава Богу, не было у них уже той былой ненависти к комиссарам, к «советчикам». Видно,

давно уже все перегорело, перешло в измерение другое. Они быстрее нас поняли, что есть у всех русских одна общая святыня, которую не поделишь и доступ к которой у русской души, где б она ни маялась, не отнимешь никакими декретами. Это – Родина, Русь. Осознав простую и вечную эту истину, они не бросились в объятия к коммунистам. Они так же, как и мы, научились бороться за наши общие святыни. И все же по разные стороны баррикады. Это надо уметь понять и принять как данность, которую никаким волевым решением не изменишь. А для этого, прежде всего, необходимо признать их право быть такими русскими, которыми их предки были века...

Очень хотелось подойти к ним, поговорить. Что у них на душе? Что думает о нас, сегодняшних русских, Русская Ницца? Если только она еще существует...

...На пороге моего гостиничного номера стоял человек в белом чечучовом костюме, с выдавшей виды шляпой-канотье в руке. Уже по тому, как он представился, слегка наклонив голову: «Игорь Борисович Ласкин-Ростовский», как сел в кресло, прямо держа спину, будто в седле, как положил руки, почти не касаясь подлокотников, было видно, что это пришелец из нашего далекого прошлого. И легко было догадаться, что титул князя достался ему по наследству не только юридически, но, прежде всего, генетически. Род Ласкиных-Ростовских действительно древний, идет от удельных князей, сидевших в подмосковном Ростове, а те уже вели свою генеалогию от самих Рюриковичей. Прадедом Игоря Борисовича по матери был «царскосельский гусар», генерал-майор Бухаров, друживший с А. С. Пушкиным. В полку Бухарова служил М. Ю. Лермонтов, который именно ему и посвятил стихи «К портрету старого гусара».

– У прадеда было имение Михалево в Псковской губернии, – неторопливо, будто четки, перебирая слова, говорит мой гость. – Я там много-много лет не был. Только в 1975 году удалось, наконец, увидеть родные места. Ведь мы уехали из России вскоре после Октябрьского переворота, в 1920-м. Я был совсем еще мальчиком... Нашей семье пришлось много пережить в те годы. Дело в том, что отец мой по окончании

Пажеского корпуса стал офицером царской армии. В 1917 году он как раз был прикомандирован к нашему посольству в Вашингтоне и ждал, что мы тоже туда приедем, но известные обстоятельства нам это сделать помешали...

Нет, у меня нет никакой ненависти к большевикам. Даже, как это ни странно, определенное чувство благодарности. Во-первых, красные спасли нашу семью в 20-м году, так как в нашем Порховском уезде действовали тогда банды Булака-Балаховича, который просто вырезал дворянские семьи, и, если бы не красноармейцы, неизвестно, что с нами стало бы. А так нам в 1920 году все же удалось легально перебраться в Эстонию, где мы снова встретились с отцом. Оттуда уже переехали сюда, во Францию...

Во-вторых, при советской власти уже наше имение все же не разорили дотла, а как-то сохранили. Я, конечно, не к тому это говорю, что надеюсь получить его когда-нибудь обратно. Просто приятно возвращаться в родное гнездо и видеть его целым. А возвращаться надо... Ведь это Родина...

— А в Русской Ницце многие так думают?

— Начнем с того, что ее практически уже нет. Те, кто былые времена помнит, — это старики, которым под 90. Они доживают свой век в Русском старческом доме здесь, в Ницце. Таких, как я, из того поколения, что встретило революцию детьми, тоже осталось немного. Наши дети уже путали русские и французские слова. А внуки, современная молодежь наша, они по-русски практически не говорят, так, кое-что. Церковь захирела. Сейчас в основном службы идут в соборе на бульваре Царевич. На рю Лоншан мало кто ходит. Разве что зайдут французы. Но для них это экзотика, развлечение... Ну, а что касается вашего вопроса об отношении к моим поездкам на Родину, то оно, поначалу особенно, было у многих просто враждебным. Сейчас, правда, попривыкли, да и перемены в России делают свое дело и здесь...

— В этом году поедете в Михалево?

— Обязательно.

Мы вышли с князем на улицу. Было поздно уже, и в небе Ниццы горели крупные, прозрачные звезды, бросая свой рассеянный свет на купол старой русской церквушки на рю Лоншан. От этого она казалась совсем воздушной и будто бы пришедшей из другого мира. Как Русская Ницца.

У русских могил

...Авторут А-6 в нескольких километрах от Парижа распадается надвое. Новая автострада А-11 ведет на Лонжюмо, где до революции В. И. Ленин и Н. К. Крупская организовали партийную школу для большевиков, а оттуда – на Шартр и Нант, к Атлантике. Старая – на Лион, к Средиземному морю. Если ехать по шестой на юг, примерно через полчаса увидишь указатель поворота на городок Сен-Женевьев-дю-Буа. Он ничем особо не примечателен, кроме «русского православного кладбища». Первые могилы появились там в 1927 году на участке, который был выкуплен покровительницей Русского старческого дома у местного погоста. Поэт Роберт Рождественский написал об этом святом для нас месте так:

Здесь похоронены сны и молитвы,
Слезы и доблесть,
«Прощай!» и «ура!».
Штабс-капитаны и гардемарины.
Хваты-полковники и юнкера.
Белая гвардия.
Белая стая,
Белое воинство, Белая кость.
Влажные плиты травой зарастают.
Русские буквы.
Французский погост...

Да, в основном тут белая кость. И не какая-нибудь захудалая, а отборная. Уцелевшие Романовы – князья Гавриил, Андрей, Владимир. Кня-

зья Юсуповы – в том числе и сам Феликс Юсупов, организатор убийства Распутина, князья Гагарины, Голицыны, Оболенские, графы Зубовы, Вырубовы, Татищевы. Рядом с ними – потомки Радищева и Пушкина, Сумарокова и Одоевского.

Могилы Белой гвардии выстроились в последнем каре вокруг святыни Белого движения – копии Галиполийского мемориала, разрушенного в 20-х годах землетрясением в Турции. По его цоколю надписи – «Корнилову и всем корниловцам», Деникину, Колчаку, Врангелю, Алексееву, Маркову... Как в учебнике истории – имена за рядом ряд, даты, знакомые по летописи Гражданской...

Галиполийцы, донские артиллеристы, Русский кадетский корпус, казачьи полки. На памятнике дроздовцам выписка из последнего приказа начальника дроздовской дивизии: «Севастополь, 2 ноября 1920 года. Покидая родную землю, храните память о 15 тысячах убитых и 35 тысячах раненых дроздовцев, проливших кровь свою за честь и свободу Отчизны. Этими жертвами мы неразрывно связаны с Родиной...»

Надолго порвалась эта связь у «русской диаспоры». Первые годы они еще ждали, верили, что возвращение в родные края не за горами. Но время шло, и они, наблюдая из парижского далека за событиями в Советской России, все отчетливее осознавали, что лишь на одной небольшой полоске земли их всегда готовы принять такими, какими они были, – на русском кладбище в Сен-Женевьев-дю-Буа. Я впервые увидел его в 1988 году, еще в то время, когда поездки в такие места в Советском Союзе, мягко говоря, не приветствовались.

Я попал в другой мир. Вроде бы и русский, но, как показалось мне тогда, нереальный. Когда на могиле белогвардейского полковника я увидел исхудавшего до прозрачности человека в махровой панамке, который, ни к кому не обращаясь, сказал: «Я здесь, господа, в гостях у своего начальника, полковника Анатолия Ивановича Кульнева...», – я вдруг почти физически ощутил, что переступил какую-то невидимую границу, отделяющую реальный мир от потустороннего, что путешествую в давно прошедшем, в умершем, а раз так, то и мне необходим свой Вергилий, знаток загробных маршрутов...

Случай явил мне его совершенно неожиданно в лице председателя комитета русского кладбища Григория Юрьевича Христофорова. Он сразу же сообщил мне, что воевал в армии Врангеля. Тогда ему было, видимо, не меньше 18 лет. Значит, он – минимум ровесник века.

Ровесник века смотрел на меня пристальным и изучающим взглядом, поглаживая время от времени чисто бритую голову, словно проверял, не осталось ли где незамеченного «островка». Память у него ясная, мысль четкая, выправка сохранилась еще с тех офицерских времен... Воевал он не только во врангелевской, но и во французской армии против немцев. Потом был плен, затем отпустили к вишистам. А они не воевали. Кем только не работал... И во Франции, и в Алжире. Чаще всего таксистом. Трудно ли было? Трудно. Французы все же русских эмигрантов не признавали за равных. Столбовые дворяне, родовитые князья шли в привратники, в официанты, крупье, а то и просто в рабочие. Сколько их было?

Эмигрантские «Последние новости», издававшиеся тогда в Париже, писали в апреле 1920-го: «Из России ушла не маленькая кучка людей, группировавшихся вокруг опрокинутого жизнью мертвого принципа, ушел весь цвет страны, все те, в руках кого было сосредоточено руководство ее жизнью, какие бы стороны этой жизни мы ни брали. Это уже не эмиграция русских, а эмиграция России...» Над этими строчками впоследствии, бывало, посмеивались – эка, хватили! Россия-то осталась на тех же параллелях и меридианах, где извечно стояла! Да, осталась. Но, увы, без значительной части той элиты, той интеллигенции, которая составляла ее законную славу. Далеко не все приняли революцию сразу, безоговорочно, как Маяковский, Блок, Брюсов, Тимирязев. Не всех удержала на якоре любовь к родине, как Анну Ахматову. Не все решили вернуться, как Алексей Толстой и Александр Куприн, Марина Цветаева и Андрей Белый. Не найдя себе места в Советской России, предпочли эмиграцию Иван Бунин, Сергей Рахманинов, Федор Шаляпин, поэты Константин Бальмонт, Игорь Северянин, Ирина Кнорринг, художники Коровин, Сомов... Во Франции осталась целая плеяда писателей, к сожалению на десятилетия вычеркнутых из русской литературы. К российскому читателю только в конце 80-х годов стали возвращаться не прочтенные нами классики русской литера-

туры – Евгений Замятин, Георгий Адамович, Алексей Ремизов, Георгий Иванов, Владимир Набоков, Иван Шмелев...

За ними пришли еще и десятки других – поэты Владимир Злобин и Иван Савин, Владимир Смоленский, Георгий Раевский, Анна Присманова, Юрий Трубецкой, Дмитрий Кленовский, Анатолий Величковский, Иннокентий Анненский, Владислав Ходасевич, прозаики Владимир Варшавский, Яков Горбов, Сергей Шаршун, который к тому же был и известным художником...

С моим Вергилием-врангелевцем иду вдоль могильных плит русского кладбища в Сен-Женевьев-дю-Буа. У могилы балерины Ольги Преображенской мы останавливаемся, и Христофоров говорит: «Когда ваш балет (я отмечаю про себя это в кавычках «ваш») на гастролях здесь, кто-нибудь обязательно приходит к ней с цветами. Помнят... А вот там, на другой аллее, поближе к центральной, в 1986 году похоронили Сергея Лифаря... Знаете его, конечно, наш балетмейстер из Киева... («наш»...) Французы... Особенно молодежь... Для них эти могилы что? Чужое, непонятное. Балуют, – ворчит Христофоров. – С казачьих могил потаскали георгиевские кресты на сувениры. Да и только ли это... А тут, посмотрите, какие люди лежат!»

Запыленные надгробия над могилами художников К. А. Коровина, К. А. Сомова, артистов МХАТа Петра Павлова и В. М. Греч. Могилы балетмейстера А. Е. Волынина, танцевавшего когда-то со знаменитой Анной Павловой, балерины В. А. Трефиловой, балерины Кшесинской.

Кшесинскую любили трое Романовых. Первым ее любовником был будущий император Николай II, с которым она рассталась в 1894 году, записав в своем дневнике: «Я потеряла своего Ники...» После Николая у нее был бурный роман с двоюродным братом Николая князем Сергеем Романовым, а затем с князем Андреем Романовым, который был младше ее на 7 лет. От него в 1920 году уже во Франции она родила сына Андрея. В 1921 году они обвенчались, и она стала не Романовой, т. к. брак был морганатический, а княжной Романовской-Кшесинской. Под этим именем она и похоронена в одной могиле с князьями Андреем и Владимиром Романовыми.

«Люди, понимаете, умирают, – говорит Христофоров, поправляя опрокинутый ветром цветочный горшок на могиле княжны Гагариной, – а следить за могилами некому. А ведь это – наша история, ее хранить надо...»

Скромное надгробие-крест над могилой И. А. Бунина. Он – первый русский писатель, получивший Нобелевскую премию в области литературы в 1933 году. Еще скромнее могилы писателей А. Ремизова и И. Шмелева. Лежат под одним надгробием поэты «Белой гвардии» и «черной ненависти» к большевикам – Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) и его жена – Зинаида Николаевна Гиппиус-Мережковская (1869–1945).

Да, их можно было упрекнуть во многом, особенно Мережковского за его увлечение Пилсудским и ранним Муссолини. Но можно ли было на этом основании вычеркнуть их из нашей литературы, отринуть их Слово? В феврале 1927 года в обществе «Зеленая лампа» (в XIX веке существовало такое же общество в России, и его собрания посещал А. С. Пушкин), объединявшем цвет русской интеллигенции в Париже, с докладом «Русская литература в изгнании» выступила З. А. Гиппиус. Она сказала (этот отрывок я привожу по книге Юрия Терапиано «Литературная жизнь русского Парижа за полвека») буквально следующее:

«Скажут, пожалуй: изгнание, эмиграция – это такие неблагоприятные условия, что нечего и ждать, кроме анабиоза. Но ведь и в России условия для процесса жизни не очень-то благоприятны. Мы их знаем. Рабство, нищета, насильническое вытравливание моральных ценностей, отрыв от общеевропейской культуры, беззаконие и бесправие, – если эти условия положить на одну чашу весов, а на другую наши условия: чужая земля, сознание безродности, распыленность, трудность заработка и т. д., – не думаю, чтобы вторая перевесила. Даже, думаю, первая окажется тяжелей. Но чтоб не вызывать лишних споров, поставим между неблагоприятными условиями там и здесь знак равенства. Что ж, разве мы считаем, что Россия в анабиозе? Разве мы не приглядываемся жадно, какие там, в глубинах, происходят изменения, что дал людям в России их кандалный опыт?

Опыты наши различны. Но ихний впоследствии пригодится нам, а им – наш. Ничья паника, что вот, мол, мы с ними разделены, на меня

не действует: между нами – нерушимая связь. Одно разделение, впрочем, я вижу и предлагаю его принять: это разделение труда. По тому же предмету нам задан судьбой один урок, им – другой. Вот и все...» Гиппиус трудно отказать в логике. Учтите, доклад был сделан в 1927 году. А уж в 1937-м! Отмечу, что присутствовавший на том вечере «Зеленой лампы» И. А. Бунин тоже выступил против мифа о невозможности писать в эмиграции. «Говорят: там (в России. – В. Б.) счастливые, а мы здесь... – смеялся он над авторами этого мифа. – Переселение, отрыв от России – для художественного творчества смерть, катастрофа, землетрясение... Выход из своего пруда в реку, в море – это совсем не так плохо и никогда плохо не было для художественного творчества... Но, говорят, раз из Белевского уезда уехал, не пишет – пропал человек...» Пропадали не от того, что не писалось, а от тоски, от бедности и одиночества.

Только Константин Бальмонт выпустил за границей с 1920 по 1931 год такие сборники стихов, как: «Светлый час», «Из мира поэзии», «Дар земле», «Марево», «Зовы древности», «Сонеты солнца, меда и луны», «Мое – ей», «В раздвинутой дали», «Северное сияние». Всего этого мы в СССР не знали. Бальмонт мучился оттого, что связь с Родиной потеряна. Как поэту ему не хватало Антеевой связи с родной землей, с языком предков. В 1931 году слабеющей рукой он написал: «Есть в году праздник всех святых. Хочу и верю: будет в истории праздник всех славян...» Муза его слабела, он в последние годы своей жизни почти ничего не написал. Умер Бальмонт в русском общежитии в Нуази-ле-Гран, устроенном легендарной матерью Марией 26 декабря 1942 года. Всего несколько человек пришли с ним проститься...

Пример Бальмонта порой приводили как хрестоматийный, говоря об «обреченности» русского писателя в эмиграции на творческое бесплодие и безвестность. Но о бесплодии тут говорить явно не приходится. И только Бога можно благодарить за то, что ему удалось спастись от палачей ЧК и его не постигла судьба расстрелянного чекистами поэта Гумилева или Осипа Мандельштама, погибшего в ГУЛАГе. Страшно подумать, сколько талантов, какой цвет русской культуры сгубили сталинские палачи!

Русская эмиграция, обреченная на отрыв от Родины, скитания и материальные лишения, создала богатейшую литературу. С 1918 по 1932 год за границей существовало 1005 русских периодических изданий. В период с 1919 по 1952 год увидели свет 2230 эмигрантских журналов и газет. В американских источниках есть такие цифры – за период с 1918 по 1968 год в эмиграции было создано 1080 романов, больше тысячи сборников стихов. С кем были эти мастера культуры, по большей части нам неизвестные, все эти годы? Их в эмиграции скопом и автоматически зачисляли в антикоммунисты и антисоветчики. А потом уже в советских «литературных исследованиях» появлялись ссылки на «западные источники», где «точно сказано»: писатель-эмигрант имярек – убежденный «антикоммунист», «противник» и т. д. Это означало, что такому писателю после этого доступ в литературу на родине был закрыт.

...Березы, как и на наших погостах, ласкают плакучими ветками камни кладбища Сен-Женевьев-дю-Буа. Писатель Иван Сергеевич Шмелев (1873–1950). Один из самых значительных русских прозаиков XX века. Судьба его – и личная, и литературная – трагична. Его сын, белогвардейский офицер, добровольно перешел на сторону революции, но был расстрелян красными в Крыму. В Париж Иван Шмелев уехал по ходатайству Луначарского. Оставаться там не собирался. Говорят, не возвращаться уговорил его И. А. Бунин. Но затем тот же Бунин вместе с Николаем Рощиным обвинил его в «сотрудничестве с немцами». На том основании, что главы из романа Шмелева «Лето Господне» печатались в антикоммунистической газете «Парижский вестник», выходившей в оккупированном Париже. Непричастность Шмелева к «коллаборационизму» была доказана только много лет спустя. Лишь в 1964 году наш «Новый мир» напечатал несколько отрывков из его «Лета Господня».

В августе 1990 года моя давняя знакомая Марина Дориомедова пригласила меня к себе в гости в скромную студию, в которой все свободное пространство занимали книги. Судьба у нее сложилась непросто. Она родилась и выросла во Франции, а русскому языку ее учила бабушка – воспитанница Смольного института благородных девиц. Марина окончила физико-химический факультет Парижского университета и защитила

французскую «докторскую», а по-нашему кандидатскую диссертацию. Затем неожиданно ушла монахиней в католический монастырь и пробыла там десять лет. Но, видно, сказала русская кровь, и Марина отказалась и от монашеского обета, и от католицизма и перешла в Православие.

Во время нашей встречи она рассказала мне, что лет за пять до этого ее двоюродная тетя балерина Ирина Гржебина, дочь известного до-революционного издателя, жившая в Париже, сообщила ей, что во время уборки своего чулана нашла коробку, на которой было написано имя Юрия Дориомедова, отца Марины. Родители Марины – Юрий и Галина Дориомедовы – погибли совсем молодыми. Гитлеровцы в упор расстреляли их из пулеметов на первых баррикадах Парижа в январе 1944 года. «Мне рассказывали, – сообщила мне Марина, – что на теле отца насчитали 20 пулевых ранений и 50 на теле матери». Она показывает мне документ, подписанный французским генералом Кенигом 7 января 1944 года. Там написано, что Жорж (Юрий) Дориомедов был одним из главных организаторов Русского Сопротивления во Франции. Он участвовал в формировании многочисленных отрядов советских партизан и погиб во время боев за освобождение Парижа. В той же коробке Марина обнаружила рукопись Алексея Ремизова...

Я не поверил своим глазам. На рукописи «Алексей Ремизов. Докука-заяц. Тибетские сказки» стоял его парижский адрес – рю Буалло, 7, 16-й аррондисман. Находка была и впрямь уникальной, сказки нигде до того не публиковались. Мне вскоре удалось без особых трудов уговорить в Москве издательство «Молодая гвардия» издать их отдельной книгой. Слава Богу, на дворе была перестройка, и писатели русской диаспоры уже выходили из прежней опалы.

Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957) уехал из России в 1921 году в той первой волне высылки инакомыслящих, которую поднял лично Ленин. Новыми властями писатель-сказочник был объявлен «религиозным мистиком», и если впоследствии упоминался в советской критике, то только с этим ярлыком и еще с уточнением: «употреблял архаичную лексику». Пошла за ним эта репутация после того, как в 1907 году вышла его книга старинных преданий и апокрифов под мудреным названием «Ли-

монарь, сиречь Луг духовный». И автобиографию свою он назвал «Подстриженными глазами». Русский язык Ремизова, однако, был чист, как родниковая вода. Ему претил советский «новояз». Вот несколько строк из его «Зайца»:

«Созвал Бог всех зверей полевых, луговых и дубравных, и слонов, и крокодилов, поставил перед ними миску, а в миску положил небесную сладкую пищу: разум.

– Разделите, звери, кушанье себе поровну.

Звери и стали подходить к миске – кто рогом приноравливается, кто клыком метит, кто хоботом нащупывает: всякому ухватить лестно небесную сладкую пищу...»

Обращение его к тибетским сказкам не случайно. Ремизов искал корни русской цивилизации в арийской, в ведических мифах и преданиях. «Ремизов, – писал о нем в своей книге о русской литературе в эмиграции Ю. Терапиано, – отличался глубоким знанием древнерусской письменности и народного фольклора. В сказках, легендах и преданиях любого народа он умел находить скрытый смысл, как в области вечной темы о любви, о жизни и смерти, так и в сфере инобытия...» Не исключено, что о тибетских легендах, записанных исследователем Г. Н. Потаниным, с которым Ю. Дириомедов дружил, Ремизов как раз и узнал от отца Марины.

Удивительны судьбы рукописей. Они и впрямь не горят. Не горят, наверное, потому, что у Слова несколько жизней. Возьмите, например, стихотворение «Наступление» Николая Гумилева, посвященное знаменитому Брусиловскому прорыву.

Для Белой гвардии оно было тем же, что для коммунистов в Великую Отечественную стихи А. П. Межирова «Есть в военном уставе такие слова...».

«Наступление» приводилось в советские времена в качестве прямого подтверждения причастности поэта к контрреволюционному заговору профессора Таганцева, за что Гумилев и был расстрелян петроградской ЧК в августе 1921 года. Независимо от того, участвовал Гумилев в нем или нет – в 80-е годы вроде бы было доказано, что нет, – его стихи стали работать во время Второй мировой войны уже не против больше-

виков, а за них, звали на бой с гитлеровцами. То же самое произошло и со многими бывшими противниками советской власти в тот тяжелый час испытаний для нашей Родины. Дориомедов, отец Марины, был дворянином и никакой симпатии к Советам не испытывал, но свою сторону в войне выбрал без колебаний и умер в борьбе против общего для нас врага России.

По всей черно-белой логике вроде следовало бы ожидать, что Белая гвардия стройными рядами встанет под штандарты Третьего рейха и пойдет «освобождать Россию» от большевиков. Но получилось не так. Лишь небольшая часть русской эмиграции – казачьи атаманы Шкуро и Краснов, ветераны Дикой дивизии – воевали с Красной армией в частях гитлеровского вермахта и в армии предателя Власова. Но за это их в русской эмиграции презирали. Патриотизм русских людей оказался выше классовой ненависти. Вчерашние белогвардейцы уходили в маки и армию генерала де Голля, возвращались, если могли, на родину, чтобы – неважно на каких условиях – сражаться в Красной Армии, разгромившей их в Гражданскую.

Для большинства русских патриотов, оказавшихся в эмиграции, и особенно их детей, борьба с фашизмом, помощь Советской России были единственным возможным выбором в те годы. Вот что рассказывал мне наш бывший торгпред во Франции К. К. Бахтов, который в 1941 году оказался в командировке в Виши:

«16 июня 1941 года в наше посольство пришел князь Волконский. Он сказал, что хотя и был противником советской власти, сейчас готов защищать свою Родину как рядовой солдат Красной Армии. Князь рассказал, что военный комендант Парижа предложил ему стать “диктором киевского радио” после оккупации Украины фашистами и сказал, что Германия начнет войну против СССР 22 июня. Волконский от должности сразу не отказался, чтобы не угодить в концлагерь, попросил разрешения подумать, но после беседы в советском посольстве сразу же через Испанию выехал в Англию». Сталин, конечно, его предупреждению о нападении на СССР не поверил, а князь Волконский был не единственным русским дворянином в Сопротивлении...

...Христофоров останавливается у могилы с пропеллером, выбитым на надгробии. Еще – пропеллеры, а над ними русские имена. Странно распорядилась история. Где-то в далекой России остались навечно лежать французы – летчики из славной эскадрильи «Нормандия – Неман». А здесь русские летчики, воевавшие во французских частях, но против тех же гитлеровцев.

«Владимир Поляков» – надпись на французском языке звучит как «Полякофф». «Это, знаете, отец актрисы Марины Влади, жены Владимира Высоцкого, – говорит подошедшая к нам активистка комитета русского кладбища. Представилась она только по имени-отчеству – Татьяна Борисовна. – Он был летчиком-добровольцем еще в Первую мировую, попал сюда с Русским экспедиционным корпусом. Тут и остался...» Полная его фамилия – Поляков-Байдаров. Немцы, оккупировав Париж, искали его, так как знали, что он изобрел устройство для быстрого снижения скорости самолета в полете. Ему сулили богатство, большие чины в Третьем рейхе. Он сжег чертежи, чтобы ими не завладели фашисты, и сбежал на юг Франции, а оттуда к де Голлю.

Потрясающе переплетаются судьбы выходцев из России. Рядом с могилой Полякова – надгробие генерала французской армии, участника Иностранного легиона Зиновия Пешкова, приемного сына Максима Горького. Он – родной брат цареубийцы, председателя Совнаркома Якова Свердлова. От его могилы до могилы князей Романовых, Андрея и Владимира, – несколько шагов. И при жизни, и после смерти он оказался куда ближе к ним, чем к своему родному брату и даже своему приемному отцу.

Неподалеку от кладбищенской церкви Успения Пресвятой Богородицы, построенной архитектором А. А. Бенуа в 1939 году, – небольшая часовенка, напоминающая семейный склеп. На могильных камнях с пожелтевших фотографий смотрят молодые лица. В первом ряду – княгиня В. А. Оболенская. «Вики», «красная княжна», участница Сопротивления. Ее арестовали фашисты в декабре 1943 года. Пытали страшно. 4 августа 1944 года в возрасте 33 лет ей отрубили голову в берлинской тюрьме Плетцензее. 18 ноября 1965 года Указом Президиума Верховного

Совета СССР В. А. Оболенская посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени.

Этим же Указом и тоже посмертно был награжден медалью «За боевые заслуги» потомок великого Александра Радищева Кирилл Радищев, руководивший в годы оккупации в Париже антифашистской группой русской молодежи «Мщение».

...Прошло уже много времени после того, как в «Правде» я рассказал об этом русском кладбище. И вдруг незадолго до Дня Победы 1989 года мне позвонил шеф парижского отделения «Аэрофлота» Р. Г. Глушков и сказал: «Приезжай, привез тебе из Москвы посылку с пометкой “Срочно”». Посылка была необычная – искусственные гвоздики да лента, на которой по красному шелку золотыми буквами написано: «Вике Оболенской от соотечественниц». Приложенное письмо все объяснило. Писали мне ветераны войны В. Д. Бабурина и Л. П. Гончарова: «С большим волнением прочли вашу статью “Русские березы под Парижем”, в которой говорится о судьбе наших соотечественников, захороненных на русском православном кладбище в городке Сен-Женевьев-дю-Буа, под Парижем. Особенно нас потрясла трагическая биография участницы Сопrotивления В. А. Оболенской (“Вики”, “красной княжны”). Ее судьба нам очень близка и небезразлична, так как мы сами в годы Великой Отечественной войны сражались в рядах партизан. Преклоняя головы перед подвигом наших соотечественников, мы просим вас от нашего имени возложить цветы на могилу В. А. Оболенской. К сожалению, у нас нет возможности послать живые гвоздики...»

В тот же день я поехал в Сен-Женевьев-де-Буа. Долго раздумывал, как быть: куда возложить присланные из Москвы цветы? Ведь дело в том, что на этом кладбище у В. А. Оболенской две символические могилы. (Где настоящая – под Берлином? – неизвестно.) На одной – надгробие с ее портретом, а рядом захоронены те потомки родовитых русских дворян, которые вместе с ней сражались в рядах Сопrotивления. Имя лейтенанта французской армии В. А. Оболенской выбито и на надгробии ее мужа священника Николая Оболенского, который также сражался в Сопrotивлении. Он умер в 1979 году и захоронен рядом с Зиновием

Пешковым. Цветы я положил все же у первой могилы – вроде как всем юным подпольщикам сразу.

1992. Сент-Женевьев-де-Буа. На Русском кладбище.

На могильных плитах захоронения «русской молодежи, погибшей в рядах Сопротивления» все надписи на французском. По-русски нет ни слова, как и упоминания о советских посмертных наградах. Христофоров объясняет это прозаически: «Дорого, знаете, по-русски. Французы берут за русские буквы в три раза дороже. А у нас средств нет...»

Как же мне было горько, зная о русских дворянах – героях Сопротивления, читать много лет спустя после моего возвращения из Франции статью политического обозревателя «Парламентской газеты» С. Веревкина «“Другие” русские» («ПГ». 18 мая 2006 г.), в которой автор (он, увы, в России теперь не одинок) попытался обелить задним числом и власовцев, и других выходцев из России, воевавших против нас вместе с гитлеров-

цами. Перечислив известные преступления сталинского режима против русского народа и других народов СССР, этот власовец от журналистики попытался убедить читателя, будто перебежчик Власов и его армия предателей... вели гражданскую войну против советской власти и теперь, в России демократической, заслуживают реабилитации и восстановления в правах. Вот здесь у парламентского обозревателя ошибка вышла. Он не понял главного – никогда идеологические и прочие расхождения с властью и отдельными правителями не оправдывают предательства Родины и своего народа. Борьба против правителей, тем более тиранов, вполне допустима. Пособничество тем, кто хочет поработить твою Родину и уничтожить твой народ, а у Гитлера были вполне конкретные планы массового истребления русских и других славян в гигантских концлагерях за Уралом, нельзя ни оправдать, ни простить. Оказавшиеся во время войны в эмиграции русские дворяне и разночинцы в массе своей это понимали и на предательство не пошли. Автор «Парламентской газеты» шестьдесят с лишним лет спустя после победы над Гитлером этого не только не понял, но и предал своей публикацией память таких русских патриотов, как Вика Оболенская и ее друзья. Позор вам, господа власовцы от журналистики! Позор!

...«Блаженны изгнаны правды ради» – эта библейская цитата выписана белым по черному граниту. А рядом с ней знакомое, гремевшее у нас в 60-е годы имя – Александр Аркадьевич Галич (19.XI.1919 – 15.XII.1977). Цитата из Библии выбрана точно. Галича, известного сценариста и поэта, поначалу лишили доступа к печати и кино, запретили выступать с концертами, а потом изгнали из нашей страны именно те, о ком он пел в своих «крамольных» по тем временам песнях. На Западе Галич тоже себя не нашел. Был слух, что разочарованные в нем мастера «психологической войны» против СССР подсунули ему в подарок аппаратуру, включив которую Галич погиб. Но поди, докажи. При довольно странных обстоятельствах погибла в 1986 году и его вдова Ангелина Николаевна. Оба они захоронены в Сен-Женевьев-де-Буа в чужой могиле некой Магдалины Голубицкой.

Еще одна могила третьей «волны», совпавшей с тем периодом, что обозначается сейчас термином «годы застоя». Виктор Платонович Некра-

сов (17.VI.1911 – 3.IX.1987). Автор повести «В окопах Сталинграда», фронтовик. Как у него «не сладилося», по чьей воле он оказался в эмиграции в Париже, когда-нибудь напишут подробнее и у нас. Довольно долго, как и семья Галич, он покоем в чужой могиле – не известной никому дотолы Ромы Семеновны Клячкиной. Потом почитатели его таланта все же нашли деньги и на землю для него на том же кладбище, и на памятник.

В чужую могилу – земля в Сен-Женевьев-де-Буа стоит дорого – опустили здесь и кинорежиссера Андрея Тарковского – классика, как давно это уже ясно, не только советского, но и мирового кино. Только в 1988 году создателя «Андрея Рублева» и «Ностальгии» перезахоронили, положили в отдельную могилу, вырытую на субсидию французского правительства. Из СССР ни на первые, ни на вторые похороны не поступило ни франка.

Одна из последних песен Галича называлась «Когда я вернусь...». Ни он, ни Тарковский, ни Некрасов не вернулись. Не успели. А я задаю себе вопрос: захотели бы? Ведь вернулись далеко не все из эмигрировавших в советские годы диссидентов даже после развала СССР. Про Галича можно сказать точно: вернулся бы. Его дочь А. Архангельская-Галич прислала мне в «Правду» такое письмо: «Направляю вам текст магнитофонной записи высказываний отца, сделанных за день до его отъезда (23 июня 1974 г.). Думаю, ознакомление с ними снимет любые сомнения насчет того, вернулся бы Галич на родину и с кем был бы сейчас». Вот этот текст:

«Мне все-таки уже было под 50. Я уже все видел. Я уже был благополучным сценаристом, благополучным драматургом... И я понял, что я так больше не могу, что я должен наконец-то заговорить в полный голос, заговорить правду. Кончилось это довольно печально, потому что, в общем, в отличие от некоторых моих соотечественников, которые считают, что я уезжаю, я ведь, в сущности, не уезжаю. Меня выгоняют. Это нужно абсолютно точно понимать.

Добровольность этого отъезда, она номинальна. Она фиктивна, она, по существу, вынужденная. Но все равно. Это земля, на которой я родился. Это мир, который я люблю больше всего на свете. Это даже “посад-

ский, слободской мир”, который я ненавижу лютой ненавистью и который все-таки мой мир, потому что с ним я могу разговаривать на одном языке. Это все равно то небо, тот клочок неба, большого неба, которое накрывает всю землю. Но тот клочок неба, который мой клочок.

И поэтому единственная моя мечта, надежда, вера, счастье, удовлетворение в том, что я все время буду возвращаться на эту землю. А уж мертвый-то я вернусь в нее наверняка». Читаешь и думаешь: «Господи, за что!» Конечно бы, он вернулся... Да он от нас, по сути, и не уходил...

Думаю, и Тарковский вернулся бы, хотя гадать трудно, да и не нужно. Ибо значение Тарковского в мировом, как и русском, искусстве определяет не гражданство. Некрасов в эмиграции ожесточился. Но все же незадолго до смерти написал теплое письмо в свою любимую «Юность», опубликовавшую его повесть...

У самого входа на русское кладбище – могила писателя Владимира Емельяновича Максимова, главного редактора литературного журнала «Континент», самого значительного в послевоенной истории русской эмиграции. В начале 80-х он возглавлял «антибольшевистский блок», «интернационал сопротивления», базировавшийся в Париже, под штандартами которого проходили все антисоветские выступления тех лет. Поначалу он с радостью воспринял перемены в СССР, но после расстрела Ельциным парламента России в октябре 1993 года выступил против демократов из команды Ельцина – Гайдара и стал постоянным автором «Правды», о чем еще расскажу ниже.

Литература эмиграции третьей «волны» – явление сложное. Лучшее, подлинно патриотическое в этой литературе останется жить надолго и придет к нашему читателю. Остальное канет в небытие.

Понимание того, что и белогвардейцы были не «вроде бы русскими», как в стихах Р. Рождественского о кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа, а русскими на все сто процентов, в России пришло не сразу, но все же пришло. И я могу только гордиться тем, что этому поспособствовали и мои статьи о «русской диаспоре» из Франции, и интервью с жившими там советскими диссидентами. Это главное, ибо вместе с этим пришло осознание возможности союза русских по этно-историческому принципу, в

интересах защиты русской государственности независимо от идеологических разногласий.

...Мне запомнилось, как мы стояли рядом у русских могил в Сен-Женевьев-де-Буа. Трое русских. Татьяна Борисовна рассказывала, как она, родившаяся и выросшая здесь, во Франции, и своим детям передала любовь ко всему русскому. Вроде бы формально они уже французы, у них – французские фамилии, а часто и имена. «Но кровь наша – сильная, – говорила она. – Россия к себе их как магнит притягивает». Да, и ее отец вместе с Христофоровым воевал против красных в рядах Белой армии. Его могила тут же, в Сен-Женевьев-де-Буа. Но Татьяна Борисовна искренне была убеждена, что и красные, и белые просто не поняли друг друга, хотя и воевали, по сути, за одно и то же – за лучшую жизнь для народа России.

Я не спорил с ней. И не спорил с Христофоровым, потому что он, когда-то врангелевский офицер, а затем – французский гражданин, душой болел за нашу с ним общую родину, которую не выбирают, которая всем нам – мать. Я мог сказать ему только спасибо за то, что он и еще девять человек рабочих, занятых на кладбище, его комитет, поддерживали в таком образцовом порядке русские могилы на чужбине. Вскоре и Христофоров был похоронен в одной из них. Он тоже стал пусть маленькой, но частью истории русской диаспоры, а значит, и истории России, которую нельзя поделить на части, что-то взяв, от чего-то отказавшись. Она – цельная, какая есть, и никуда от нее не уйдешь. Чтобы нация умела познать самое себя, эту историю надо тщательно и именно во всей ее целостности сохранить.

Потребность в этом жила в самой русской нации изначально, несмотря на все революции и контрреволюции. Я помню, какой поток писем в «Правду» вызвала моя статья «Русские березы под Парижем» о кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа. Ведь тема была запретной вплоть до конца 80-х годов. Это теперь русские церкви и кладбища во Франции и других странах стали местами паломничества русских туристов, а в те времена за это можно было стать мертво невыездным. Ведь вплоть до развала СССР в руководстве нашей страны были люди, которые счита-

ли, что только советский паспорт можно считать свидетельством русского патриотизма, и никак не хотели поверить, что русским патриотом в равной степени могут быть и монархист, и коммунист. Слава Богу, мы примирились и не стали делить русские могилы на «приемлемые» для нас и неприемлемые.

Бывая во Франции, я всегда стараюсь съездить в Сен-Женевьев-де-Буа. Там по-прежнему тихо шелестят березы над русским кладбищем. Покачивает ветер колокола на звоннице прикладбищенской церкви. Пахнет сырой землей, ладаном, Россией. У всех нас она одна.

Когда я опубликовал в «Правде» первые статьи о русской диаспоре, мне стали приходить сотни писем читателей, которые мне из редакции пересылали в Париж. Я на все старался ответить. И на те, где люди искренне благодарили меня за то, что я призвал к примирению русской эмиграции и советских людей, подчеркнув, что русский патриотизм – понятие безклассовое и не является привилегией советских граждан, а в равной степени присущ каждому русскому человеку, если он только по каким-то обстоятельствам, Бог ему судия, не стал врагом России. И на те, кто упрекал меня в «капитуляции перед врагами революции». Первых писем было куда больше.

Для многих все, что я рассказал тогда о бедах и страданиях наших соотечественников, изгнанных из России после революции и во времена «борьбы с диссидентами», было внове. Но новой была и сама постановка вопроса – у советских «собственная гордость», но у них нет монополии на русский патриотизм, ибо это понятие бесклассовое. Еще больше писем пришло мне после выхода в свет в 1990 году в издательстве «Молодая гвардия» моей книги «Русские березы под Парижем». Она разошлась мгновенно. Я получил сотни добрых откликов, и это было по-настоящему трогательно и лишь подтвердило мою убежденность в том, что этого великого примирения русских ждали давно по обе стороны разделившей нас после революции 1917-го года идеологической и политической баррикады. За эту книгу я был удостоен в 1991 году высшей награды Союза журналистов СССР – «Премии им. В. Воровского». Как ни парадоксально, Вацлав Воровский был один из тех большевиков-интернационалистов

ленинской гвардии, которые в немалой степени способствовали в годы революции расколу Русского мира, и был, в частности, одним из инициаторов гонений на Русскую Православную Церковь.

Глава девятнадцатая

В ГОСУДАРСТВЕ ИЗ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Мое первое интервью с Зиновьевым

Российские «демократы» растеряли свой авторитет в народе даже не столько потому, что их «демократический эксперимент» провалился, а потому, что они отвергли с порога все советское прошлое, просто вычеркнули все предыдущие 70 лет как «черную дыру», в которую будто бы провалилась наша российская реальность. Они не поняли либо по недомыслию, либо преднамеренно, трудно сказать, что, утратив связь времен, народ теряет не только свое прошлое, но и свою историческую перспективу. А одним настоящим живут только мотыльки-однодневки. Советский опыт дан русскому народу в поучение. К нему нам предстоит присматриваться и примеряться еще не раз, т. к. в нем самым прихотливым образом переплелись величие России и ее позор, ее взлеты и падения, грандиозные свершения ее народа и великие злодеяния ее лидеров.

Пожалуй, никто лучше не проанализировал наше советское прошлое и феномен советского коммунизма, как Александр Зиновьев. Он вошел в мировую науку как выдающийся философ и логик. Уже в 60-х годах ему было обеспечено мировое признание. Однако в Советском Союзе, где он тогда жил и преподавал в Московском университете, в признании ему отказали.

В 1976 году на Западе вышла его потрясающая книга «Зияющие высоты», за которой еще в рукописи охотились ловцы диссидентов с Лубян-

ки. После этого в СССР ему отказали в советском гражданстве. Зиновьев стал гражданином ФРГ. Он обретает известность теперь уже не только как писатель, но и как самый беспощадный критик коммунизма.

В СССР его заносят в списки активных врагов. По ненависти к нему партноменклатуры Зиновьев опережает Солженицына.

На Западе, однако, он остается чужаком: «самый ярый критик коммунизма», по характеристике партийных идеологов, оказывается не антикоммунист и провозгласить себя таковым отказывается.

Еще непонятнее: изничтожив своей убийственной сатирой советское общество и его нравы в «Зияющих высотах» и повести-памфлете «Номо Sovieticus», Зиновьев публично говорит о своей ностальгии по советскому образу жизни. Еще до «перестройки». В то же самое время он по-прежнему остается абсолютно неизвестным русскому читателю.

Антисталинист, всерьез готовивший убийство Сталина в свои юные годы, Зиновьев пишет книгу «Нашей юности полет», которую многие воспринимают как апологию Сталина.

Вскоре после начала «перестройки» в 1985 году в Советском Союзе отменили прежние распоряжения властей о высылке теперь уже всемирно известных писателей за границу и лишении их советского гражданства. В Москве готовились выдать индульгенцию и Зиновьеву. Но в этот момент, когда уже и на Западе все принялись аплодировать «перестройке», Горбачеву и его команде реформаторов, Зиновьев пишет книгу «Катастрожка», где высмеивает Горбачева.

Развал СССР и становление в России дикого капитализма стали новой вехой в творчестве Зиновьева. Он перестал смеяться над коммунизмом. Он стал его активным защитником. Его статьи и интервью после августа 1991 года все чаще появляются в «Правде», «Советской России», в газете «День» («Завтра» с октября 1993 г.). В 1998 году он вернулся в Россию и к преподавательской деятельности в МГУ и других вузах нашей страны.

...Мы впервые встретились в Ницце в ноябре 1989 года. Шел созданный французскими правыми, а уж если быть точнее, очень правыми орга-

низациями, «международный конгресс по дезинформации». В зале было скучно, ораторы занудно пугали друг друга происками коммунизма. Когда меня пригласили на трибуну, я рассказал собравшимся, как действует в СССР гласность, а в качестве примера дезинформации привел статью ультраправого писателя Пьера де Вильморе (1922–2008), который сообщил в ней, что Горбачев был сотрудником КГБ. «Уж в чем-чем можно заподозрить Горбачева, – сказал я, – но только не в этом. Это – чистой воды дезинформация». На следующий день досталось и мне. Ультраправая газета «Минют», рупор Национального фронта Жан-Мари Ле Пена, среди акционеров которой значится целый набор занятых личностей от певицы Жюльет Греко и писательницы Франсуазы Саган до семейства французских Ротшильдов, опубликовала заметочку, в которой, изложив мой спор с де Вильморе, объявила буквально следующее: «Досточтимый господин Большаков, корреспондент “Правды”, так называемый журналист, в действительности является офицером КГБ, полковником, чтобы быть точнее, который проявил свои весьма специфические таланты в Австралии, где у него были кое-какие неприятности» («Minute». 1989. 26.11–6.12). Вот ведь как перевернули мою австралийскую историю! Я не стал судиться с «Минют». Просто отправил им письмо, в котором написал: «Если быть точнее, я давно уже генерал». Не знаю, оценили они юмор или нет, но больше ко мне не лезли.

После своего выступления я вышел в холл. И увидел Александра Зиновьева. Я исподволь наблюдал за ним, размышляя, с кем он, этот человек? Как получилось, что такой крупный русский философ и писатель с явным талантом от Бога с нашими властями не поладил, да и с Западом тоже не слился.

Вспомнилось, как он говорил в одном интервью: «Даже после того, как при Брежневе меня выслали из Советского Союза и я стал жить на Западе, мне не удалось вырваться из обстановки ложных слухов и клеветы. Меня зачисляли в антисемиты и сионисты, в русофобы и в русские шовинисты, в коммунисты и антикоммунисты... Я ни то, ни другое, и не прочее. Моя позиция такова: я – самостоятельное государство из одного человека, я никому не служу, не следую ни за кем...»

Как узнаешь, чего больше было в этом заявлении – оборонительно-го высокомерия непонятого и оскорбленного интеллектуала или отчаяния от непонимания?

К моменту нашей встречи ему исполнилось 68 лет, из которых 12 лет он уже прожил на Западе, так ни разу и не вернувшись в СССР после изгнания. У него за спиной помимо самого значительного его романа «Зияющие высоты» уже были десятки книг, сотни статей, выдающиеся научные работы по математической логике, философии, истории, социологии...

Что-то там творится в этом государстве из одного человека? Как получить туда визу мне, корреспонденту «Правды»?

Я все же рискнул и представился ему. И с «визой» в один миг все решилось. Мы шли вдоль моря, и я с разрешения Зиновьева записывал наш разговор на пленку. Я сам не ожидал еще, что из этого когда-нибудь получится интервью, которое потом, во что по тем временам и поверить было невозможно, все же будет опубликовано в нашей суперпартийной газете. Но времена менялись. Ивана Фролова, который был выписан Зиновьевым в «Зияющих высотах» под кличкой «Философ», Горбачев к тому времени уже лично привел в «Правду» на пост главного редактора. Вернувшись в Париж, я быстро подготовил интервью с Зиновьевым и стал терпеливо ждать. «Философ» на этом интервью сидел недели две. Потом все же, спасибо ему, опубликовал.

Первое интервью как первая любовь. С него протянулась между мной и Зиновьевым уже неразрывная ниточка. Я в том интервью почти ничего не изменил и приведу его здесь с тем, чтобы рассказать о подробностях его высылки.

– Александр Александрович, расскажите, как так получилось, что вы оказались здесь, на Западе? Все началось с «Зияющих высот»? Или раньше?

– Раньше. Я очень плодотворно работал в области логики. Мои книги издавались на Западе. По подсчетам некоторых социологов, я держал первое место среди советских философов по числу ссылок на мои рабо-

ты на Западе. Я получал приглашения на все международные конгрессы, причем персональные. Но я никогда на них не ездил, меня не пускали.

Как я потом узнал, даже люди довольно мне близкие писали на меня доносы, утверждая, что я хочу остаться на Западе. Кончилось тем, что я потерял студентов, аспирантов. Меня перестали печатать в Советском Союзе и допускать на научные конференции.

– *Чему были посвящены ваши исследования?*

– Я перестроил всю логику. Ну, в частности, я построил эмпирическую геометрию, в которой доказал постулат Эвклида о параллельных. Потом я построил мою формальную арифметику и в ней доказал недоказуемость великой теоремы Ферма. А это – проблема, которую не могли решить более 400 лет. Я ее решил. Я настаиваю на этом. И могу это доказать. Но все отмахиваются. Слишком много, считают, для одного человека. Это всегда вызывало раздражение...

– *Значит, главной движущей силой кампании против вас была зависть? Зависть ваших коллег?*

– Я не знаю. Они думали, может быть, что воюют за интересы науки. Я не хочу их судить. Но так получилось, что я оказался не у дел.

– *И тогда настала пора «Зияющих высот»?*

– Не сразу. В 1973 году я написал эссе о скульпторе Эрнсте Неизвестном. Потом отрывки из него я использовал в «Зияющих высотах».

– *Когда вы закончили над ними работу?*

– Я написал эту книгу за шесть месяцев с небольшими перерывами в 1974–1975 годах.

– *А как она попала на Запад?*

– По неосторожности ряда моих друзей в соответствующих органах узнали, что я что-то такое пишу, и за мной установили надзор. Время было

тогда такое, не очень приятное. Писал я книгу быстро и по кускам отдавал ее моим друзьям, а они уже пересылали ее на Запад. Поначалу я печатать ее не собирался. Но в 1976 году мне сказали, что есть издатель, который хочет ее напечатать, и спросили, не буду ли я возражать. Мы с женой целую ночь не спали, думали, как быть, взвешивали все за и против. Меня Ольга спросила тогда, смогу ли я спокойно жить, если книга останется ненапечатанной. Я сказал нет, теперь я уже ею болен.

И еще спросила – считаю ли я, что нанесу своей стране ущерб этой книгой. Я сказал нет, не считаю. Пройдут годы – и люди поймут, что это надо было сделать. Но я сказал все же – решай сама. И она сказала: «Будем печатать!»

– *Последнее слово осталось за женой?*

– Конечно. Жена и ребенок – это все так важно. Если бы меня арестовали, а Суслов, говорят, настаивал на этом, что с ними было бы? Сибирь!

– *И после этого все началось...*

– Да, после этого.

– *На Западе «Высоты» не восприняли как политический манифест. А на Родине?*

– Пожалуй, тоже нет. Скорее, как социологический анализ советской системы. А этим я занимался более тридцати лет. Лично для себя. Ну, например. Один из героев «Зияющих высот» говорит в главе «На овощной базе»: «Если хотите понять коммунизм, то выясните, почему эта страна может производить самые совершенные космические корабли и атомные бомбы, но неспособна производить мало-мальски приличную картошку». Вот я и объяснял, почему так получается.

– *Как конкретно произошла ваша высылка?*

– Мы жили после «Высот» без работы, без средств, продавали книги, вещи. Нам, правда, помогали. Например, Капица-старший, которому очень понравилась книга. Да и другие. Я подрабатывал, в том числе редактировал диссертации.

Ни о какой эмиграции тогда и речи не было. Но к 1978 году на Западе вышла моя вторая книга – «Светлое будущее», где прямо по имени был назван Брежнев. Ну и описан он был в довольно сатирическом виде. После этого, как мне говорили, для меня было приготовлено два сценария. Первый – посадить за антисоветскую деятельность на семь лет с последующей высылкой еще на пять. И второй – не поднимать лишний шум и меня выслать. Короче говоря, нам, в конце концов, предложили в течение пяти дней выехать из страны. В противном случае в ход пошел бы первый сценарий...

Никогда не забуду день отъезда. Мы раздали оставшиеся вещи и отправились в аэропорт. И все же до последней секунды я надеялся, что решение это отменят. Мне так не хотелось уезжать. В 56 лет! Ведь я не просто советский человек, я не боюсь этого слова, а суперсоветский человек. Я прожил жизнь вместе со всей советской историей и не собирался от нее отречься. Для меня покинуть страну было тяжелым наказанием. Если мне память не изменяет, при Ленине даже смертная казнь считалась более легким наказанием, чем высылка.

Мы ждали до последней минуты, что придут и скажут: «Оставайтесь, все отменяется!» Но никто не пришел. Мы оказались во Франкфурте, потом в Мюнхене. И началась жизнь на Западе. К здешней жизни мы привыкали трудно. Первые года четыре были почти что в шоковом состоянии...

Потом я нашел объяснение этому в книге Зиновьева. Один из героев его «Гомо советикус» излагает свои настроения после приезда в «свободный мир» так:

«Я почти не переживаю потерю родственников и друзей, московской квартиры... Но мне ни днем, ни ночью не дает покоя то, что я потерял коллектив... Любой какой-то наш (мой) коллектив. Здесь, на Западе, есть организации, которые очень похожи на советские коллективы, но... они не дают той защищенности индивиду и душевной теплоты, какие есть в советских. Здесь корыстные интересы сильнее и острее. Люди холоднее и беспощаднее. Это звучит комично, но тут нет партийной органи-

зации – высшей формы внутриколлективной демократии. Хочу посидеть на партийном собрании. На субботник хочу. Я готов даже на овощную базу поработать сходить и в колхоз на уборку поехать...»

В этом «вопле» явно звучал голос самого Зиновьева.

Но вернемся к нашему интервью.

– *Вы говорили как-то, что вы были и остаетесь коммунистом. Вас исключили из партии?*

– Да, исключили. Вернее я сам ушел. По уставу все равно было положено исключать. Я вышел из партии еще до публикации «Зияющих высот». Я просто пришел в партбюро и сказал: «Исключайте!» Не потому, что я считаю партию плохой, – а потому, что я начал совершать поступки несовместимые по тем временам с пребыванием в партии.

– *Между тем на Западе вас считают самым острым критиком коммунизма...*

– Но не антикоммунистом. Это нечто иное.

– *Может быть, вы критикуете не коммунизм, а общество, которое сложилось в нашей стране, да и не только в нашей, на базе неверно понятых коммунистических идеалов?*

– Я не рассматриваю это общество отступлением от идеалов. Я как социолог утверждаю, что другого и быть не могло. Это нормально. Это общество сложилось по законам организации масс людей в единое целое. Оно сложилось не на основе идей, а независимо от идей. Ленин говорил после революции, что марксизм поняло всего человек 50, да и то неправильно. Многие считают, что у большевиков был какой-то проект и по нему они делали наше общество. Но советское общество складывалось по законам, о которых ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин никогда не думали. Я думаю, что я был первым, кто начал эти законы абстрагировать. Так, когда вышла моя книга «Коммунизм как реальность», то такой крупный философ, как Раймон Арон сказал, что это – первая научная книга о коммунизме. За эту книгу я получил премию Токвиля.

– *Токвиль был блестящим сатириком...*

– Я люблю Токвиля, потому что сам по натуре сатирик. Это мое литературное амплуа, мое призвание. И это мало кому нравится. Ведь я не даю пощады ни друзьям, ни врагам. Ни консерваторам, ни реформаторам, ни оппозиционерам, ни защитникам власти. Это – закон жанра.

– *А может быть, вы как сатирик просто не воспринимаете власть как таковую?*

– Наоборот – приемлю. Для меня власть есть нормальное явление. Другое дело, что я не хочу принимать участия лично ни в какой власти. Это совсем другая позиция. Всегда, когда у меня возникал шанс сделать карьеру, я или сам отказывался, либо меня отбрасывали. Я не рожден для власти, а рожден для ее критики. Но критика власти – это еще не есть неприятие власти.

– *Зато почти всегда есть неприятие властью критика.*

– Верно. Возьмите все произведения Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Грибоедова, А. К. Толстого. Вы не найдете ни одного крупного русского писателя, у которого не было бы критического отношения к власти. Но это вовсе не означает, что они все были анархистами. Достоевский, например, дружил с Победоносцевым. Салтыков-Щедрин был вице-губернатором, а потом в числе его знакомых были очень многие государственные деятели. Да даже Пушкин был придворным.

– *Да и Фонвизин переписывался с графом Паниным...*

– Не надо подгонять людей под какие-то штампы. Жизнь сложнее штампов. История нашей страны последних 70 лет показывает весьма убедительно, что не критика вредит обществу, а нетерпимость к ней. Нетерпимость – это наша беда.

Как только я сюда приехал, эмигрировавшие на Запад экс-диссиденты меня сразу стали учить: «Этому руки не подавай, с этим не здоровайся, там не печатайся». Если бы я последовал их советам, я бы здесь строчки

не напечатал. Эта нетерпимость эмиграции по-своему отражала и нетерпимость в самом Советском Союзе.

– *Кривое зеркало?*

– Да. И в моих книгах, когда я осуществляю анализ коммунизма, я показываю, почему вырастает эта нетерпимость. В силу законов коммунальности. Существуют коммунальные отношения между людьми в больших коллективах. Это явление естественное. Но столь же естественной должна стать и борьба против этого. В конце концов, вся история цивилизации была историей ограничения стихии коммунальности.

* * *

...Мы встретились вновь в Париже. Он выступал с лекцией в Доме писателей, а потом долго отвечал на вопросы. У Зиновьева был один недостаток для человека, вынужденного по роду своей профессии общаться с широкой публикой, – он терпеть не мог дураков, не умел этого скрывать и сек их публично.

Покидая те дебаты, один мой коллега, всплеснув пухленькими ручонками наследственного буржуа, заверещал: «Он просто несносен, этот Зиновьев. Ну, нельзя же так! Он никого не признает и никого не щадит. И, в конце концов, за что он сам выступает?» Я рассказал об этом разговоре Зиновьеву. Он пожал плечами – мне не привыкать. Я проводил его до гостиницы. И там мы снова с ним долго говорили...

– *Вы критик. Но вас воспринимают скорее как овода, а вашу миссию отнюдь не как лечебную. Часто говорят, как сегодня, – вот Зиновьев все критикует, а что он предлагает, какие решения? И, если вы ничего не предлагаете, то вас называют демагогом, критиканом, кем угодно. Как вы выходите из этого положения?*

– Никак. Я продолжаю идти своим путем. Я следую правилу, которое высказал Петрарка и повторил Маркс, – иди своей дорогой, и пусть другие говорят, что угодно.

Париж, 1992 г. В. Большаков и Александр Зиновьев в корпункте «Правды» работают над очередным интервью А. Зиновьева для «Правды».

– *А как это сказывается на вашей популярности?*

– Меня проблема популярности совершенно не волнует. Я не популярен, я это знаю. Вспомните Лермонтова, когда он писал в предисловии к «Герою нашего времени», что общество нуждается в горьких лекарствах. Правда, здесь должна быть мера в дозах. У нас на Родине она сейчас, увы, нарушена.

– *Ваше лекарство горчит от желчи или от лечебного яда? И всем ли оно показано? Вот Горбачев, говорят, от прочтения «Катастройки» даже заболел.*

– Это, Владимир, закон жанра. Можете вы представить себе, что в щедринской истории града Глупова вдруг появился бы параграф, в кото-

ром было бы написано: «Но, несмотря на это, надо отдать должное тому, что все-таки были в Глупове и хорошие губернаторы, которые делали то-то и то-то». Ведь в русской истории действительно были великие политические деятели и хорошие губернаторы. Цари даже были хорошие. Что касается «Катастройки», то она действительно стала бестселлером и пользуется огромным успехом, на что ни я, автор, когда писал ее, ни издатель не рассчитывали.

– *Кто-то написал, что «Катастройка» – это еще одна иллюстрация того, что «Октябрь 17-го был ошибкой», а все, что было потом, – «черным провалом». А вы сами как считаете?*

– Я вовсе не считаю, что в нашей истории было только плохое. Было и немало хорошего. Коммунизм относительно молод, 70 с немногим лет. Западная цивилизация существует много столетий. Мы с вами не можем предвидеть, что будет через 500–600 лет. Историческое время – это не жизнь отдельного поколения. Историческое время – это столетия и тысячелетия. К сожалению, за жизнь одного поколения мало что можно сделать. Я категорически протестую против того, чтобы нашу историю рассматривать как «черный провал». Я считаю, что это абсурд. Советская история – тяжелая, трагическая, страшная, но грандиозная. Не все в ней было злом. Были великие достижения. Люди еще не оценили их по достоинству, но это придет с годами.

Быть или не быть «Гомо советикусу»?

...Он приехал в Париж на очередной семинар уже после августа 1991-го, и мы долго бродили с ним по Латинскому кварталу, а потом зашли в какое-то кафе поговорить. Я давно хотел спросить, как у него все же сочетается тоска по Родине со своего рода ностальгией по той окружающей среде, в которой живет «гомо советикусу». Вопрос не надо было придумывать:

– *Неужели Вы и впрямь отождествляли себя, хоть в какой-то мере, с Homo Sovieticus, Александр Александрович? В это мало кто верит...*

– Это, в общем, нормально. Русские писатели – сатирики прошлого – жесточайшим образом критиковали свою социальную среду. Но никто из них только на этом основании от Родины, да и от этой среды, не отказывался. Я родился после революции и вырос в Советской России. Нас воспитывали на лучших идеалах коммунизма и лучших идеалах революции. Я получил в СССР образование, которым очень дорожу. В него вошло все лучшее, что создавало человечество в прошлом. Может быть, не во всем объеме. Но, по крайней мере, для нас отбиралось все лучшее. Это – моя нормальная среда обитания. И я стал жесточайшим ее критиком именно в силу этого.

– *Все же что-то было отправной точкой. Чем был ваш протест обусловлен, вызван?*

– Мой протест выражал несоответствие между идеалами и реальностью. Я рано начал понимать, что реальность никогда не станет соответствовать провозглашенным идеалам общества. Тем не менее это все моя семья. Представьте, тьфу-тьфу, что у нас с вами дети родились бы с дефектами. Мы что, на этом основании выбросили бы их за дверь? Нет, конечно. Более того, наверное, стали бы еще сильнее их любить. И есть еще одна тонкость. Я очень рано понял, что я с такими идеалами и с таким мировоззрением мог появиться только в этом обществе. Моя жизнь была очень тяжелой. Но я не хотел бы поменять ее на другую, мою страшно трудную, кошмарную жизнь.

– *Ваша критика нашего общества никем не воспринималась как доброжелательная, а уж тем более как сыновняя. Она была уничтожающей, и во многом ее использовали те, кто вел психологическую войну против СССР, холодную войну. Ваши книги взяли на вооружение отнюдь не сторонники советской власти. Вы создали образ жуткой страны, жуткого общества, которое может только заставить отшатнуться нормального человека. Именно такой образ и возникал у читателя ваших книг.*

– Это верно. Но не совсем. Поначалу на Западе не разобрались, что я такое, и приняли меня за обычного критика режима, за диссидента. Но буквально через несколько недель после моего появления на Западе я приобрел репутацию «агента Москвы». К счастью, мои книги использовали против нашей страны очень мало. Мне на Западе устроили своего рода бойкот. Я проскочил, меня проглядели, и я приобрел определенную репутацию и свой круг читателей, благодаря чему я до сих пор существую и могу что-то печатать.

Что же касается использования в эфире... Пару раз передали беседы со мной по «Свободе» и тут же прекратили. Та же самая история произошла с «Немецкой волной», с Би-би-си. Все радиостанции прекратили меня, как вы говорите, «использовать». Даже ссылки прекратили на меня. И мне сказали, что, когда составлялись списки книг, которые надо было засылать по соответствующим каналам в Советский Союз, сам Солженицын вычеркнул мое имя. В результате организации, засылавшие антисоветскую литературу в СССР, отказались покупать у издателей мои книги. И мне приходилось заниматься этой «засылкой» самому, тратя при этом немалые деньги. Причем приходилось мне платить не только за книги, но и оплачивать услуги своих «курьеров».

И это продолжалось даже в горбачевские годы. Когда у меня вышла книга «Евангелие для Ивана» (о пьянстве), горбачевцы сочли ее едва ли не самой вредной, и мне пришлось платить «верному человеку» за то, чтобы он провез несколько ее экземпляров моим знакомым в Москву. Он рисковал, конечно.

Что касается критики, то она доброжелательной не бывает. Есть критика идеологическая – такой была критика в работах диссидентов. И была такая критика, как у меня, внеидеологическая. Вот сейчас ситуация в России изменилась и те мои книги, которые прежде объявляли антисоветскими и антикоммунистическими, теперь те же самые люди, те же «запретители» и «хранители основ» объявляют просоветскими и прокоммунистическими.

Я признаю, что сатира моя острая. А что Щедрин писал менее хлестко? А что Свифт щадил свою страну? А Бальзак? Я сейчас его перечиты-

ваю. Так у него такая критика, что действительно впору было из Франции бежать. А Толстой? Почитайте сейчас его книги. Я только теперь начал понимать, какая это бичующая сатира, почему Толстого предавали в России анафеме. И вот еще одна деталь. Когда я начал писать, я был уверен, что коммунизм пришел в Россию на века и что моя критика не поколеблет его нисколько. Если бы я знал, что это пойдет СССР во вред и тем более будет способствовать его гибели, я бы не написал ни строчки. Мое самлюбие было вполне удовлетворено моими открытиями в логике.

Кстати, когда я отправил рукопись «Зияющих высот» во Францию, я сказал, почему я это сделал – чтобы рукопись не пропала. Я сказал «Если десять человек прочитают эту книгу, я буду счастлив». И действительно, книга-то на широкие массы не рассчитана. Она рассчитана на то, чтобы над ней думать, читая ее потихоньку. Как, впрочем, и все мои другие книги. Так что вот, если все эти обстоятельства учесть, с меня часть вины за ущерб, причиненный стране, можно снять.

– *А Вы не думаете, что с Вами произошло нечто вроде «перехода в Зазеркалье». Объект Вашей критики стал объектом Вашей горячей любви. И наоборот. И хотя это нормально, потому что любовь и ненависть всегда рядом, все же остается вопрос: почему у Вас как философа, логика, ученого энциклопедического кругозора появилось неприятие советского общества именно на том этапе, когда Вы принялись писать «Зияющие высоты»?*

– Во-первых, неприятие надо понимать только в том смысле, что существовавшая в СССР система не была реализацией моих идеалов. И это я понял еще в 1939 году. Я даже не рассчитывал тогда на то, чтобы выжить, уж не говоря о литературной деятельности. «Зияющие высоты» в какой-то мере появились случайно. Я был целиком и полностью погружен в науку, был одержим ею, логикой, математикой и нелегально занимался социологическими исследованиями. И, если бы меня спросили, что есть моя главная страсть, я бы ответил тогда – «Логика и социология». «Высоты» получились произвольно. Я писал отдельные куски, без всякого заранее выработанного плана. Но, поскольку на меня, едва я только начал

писать, мой ближайший друг донес в КГБ, за мной установили надзор и мне приходилось написанное прятать.

Я смолоду обнаружил в себе способность «хохмить», развлекать людей не столько даже бытовыми анекдотами, сколько политическими. Объектом моих шуточек была наша социальная среда. Я не собирался против нее бороться, когда писал «Высоты». Я еще в 1939 году принял решение принимать это общество таким, как есть. У меня сложился просто определенный менталитет, выработался свой голос. И когда я начал писать, то я просто по-другому «петь» уже не мог.

Конфликт между идеалами и реальностью произошел у меня еще в школьные годы. Я вырос, как идеальный коммунист. Или, как говорили, «настоящий коммунист». Не в смысле «член партии, делающий карьеру», а как мы понимали, что такое Коммунист с большой буквы. Каким был Павка Корчагин и другие герои гражданской войны. Таким был мой дядя, герой штурма Перекопа, известный большевик, член ЦК Михаил Маев. Он для меня был прообразом настоящего коммуниста. Ходил в шинели, отказывался от квартир и закрытых распределителей. Как говорил Маяковский, «кроме свежевымытой сорочки мне ничего не надо». Бескорыстное служение своему обществу, своим товарищам, своему коллективу, всей Родине – это был мой принцип. Вот во время войны, если надо было прикрыть отступление товарищей, я выходил добровольцем. Но при этом предполагалось, что и другие будут поступать точно так же. Будут такими же. Увы, это бы расчет наивный...

Еще мальчишкой в 15–16 лет, когда я уже хорошо для своего возраста знал марксистскую литературу, я пришел к выводу, что если все люди будут настоящими коммунистами, жизнь будет справедливой, чистой, честной. А в реальности, увы, ничего подобного не было. В реальности люди хапали, воровали, доносили друг на друга. То есть происходило нечто прямо противоположное. Вот в чем дело.

– Да, так было. Но одни воспринимали это нормально. Другие – так или иначе это осуждали и протестовали против этого. Третьи воспри-

нимали это как данность, возмущаясь про себя, старались сами не запачкаться, никоим другим образом против подобной практики тотального подонкизма не протестуя. На каком этапе Вы пришли к активному неприятию такой действительности?

– В 1939 году меня исключили из института, обследовали в психиатрическом диспансере и отправили на Лубянку. Тогда я понял – такого идеального общества, о котором я мечтал, нет и не будет никогда. И принял решение: «Я принимаю советское общество таким, как оно есть, и ставлю задачу: делать идеальное общество из одного самого себя». Я решил стать сам таким, чтобы соответствовать своему идеалу. И я начал свой эксперимент. И вся моя жизнь была таким экспериментом. Но это не неприятие реальности. Наоборот, я ее принял и сейчас принимаю.

Потом прошла целая долгая жизнь. И я не предполагал, что так долго проживу. Внутри где-то вызревало, принимая литературные и научные формы, понимание этой реальности, совсем другого рода понимание. Я нелегально строил социологическую теорию советского общества и разрабатывал для нее математический аппарат.

– В чем суть вашей теории? Что такое коммунистическое общество? Улей, муравейник, термитник?

– Улей – это частный случай социального объединения. Человеческое общество гораздо сложнее, грандиознее. Его структура дифференцирования куда сложнее. И формы, с помощью которых надо описывать это общество, требуют такого математического аппарата, которого пока официально не существует. А я рассматривал человеческое общество, отвлекаясь от того, что человек имеет какой-то свой внутренний мир. Я исходил только из того, что человек имеет тело и мозг. Мозг – орган расчета и управления. А этот орган управления подчиняется определенным правилам. Это – предпосылки моей теории, которая легла и в основу «Высот». Многие критики полагают, что я ходил и подсматривал, подслушивал, записывал все, что в нашем обществе происходило. И так получились «Высоты», потом другие книги. Ничего подобного. Я вычислил это общество.

Весь мой Ибанск – это город, который я извлек из своей головы, руководствуясь определенными логическими правилами. В «Высотах» есть такой пассаж: «Ибанск выдумал Шизофреник в пьяном виде...» и т. д. Примерно так это и происходило. В значительной мере книга автобиографическая. Я этот город выдумал, но выдумка опиралась на определенные познания реальности.

– *С одной стороны, был подход социологический. С другой – биологический. Вот вы рассматриваете человека как робота фактически – тело и голова, центр расчета и ориентации. Ну, а как же духовность?*

– Как понимать духовность. В том смысле, как вы понимаете, мы, конечно, бездуховные. Но это не значит, что само общество бездуховное. Но в Ибанске, да. Духовности там нет. Ее не было в предпосылках. Я намеренно это исключил. (Это фантастика, но в октябре 1994 года в репортаже из бездуховного, купленного аферистом Мавроди города Мытищи американская журналистка писала: «Мытищи напоминают один к одному Ибанск, описанный Зиновьевым в его “Зияющих высотах”»!)

– *А почему? Без этого же нет и не может быть России?!*

– Для того чтобы построить теорию, нужно производить упрощения. Если упрощения не произведешь, ни одного шага вперед не сделаешь. Я много лет изучал советское общество, используя свою систему упрощений. Я вместе со своими некоторыми студентами строил логико-математические модели этого общества. Ну, например, для того, чтобы выяснить, возможны ли кризисы в советском обществе или нет. Официально считалось, что общество это бескризисное. Я строил модель, в рамках которой и доказывал как теорему, что кризисы неизбежны. Возникновение экстремальных ситуаций неизбежно, ибо развитие общества идет не по прямой линии, а напоминает кардиограмму, где есть взлеты, падения. Но для того, чтобы все это доказать, надо многое исключить. В том, что касается общества, то человека приходится сводить к такому существу, у которого есть тело и органы управления. Органы управления должны производить определенные действия, чтобы тело сохранялось.

– Но это – схема?

– Да. Еще студентом я писал работу о «Капитале» Маркса. Моя работа называлась «Метод восхождения от абстрактного к конкретному». Я в моей социологической теории до сих пор применяю этот метод.

В «Высотах» я такого сделать не смог. Я решил, что новые аспекты буду рассматривать в других книгах. Я начал книгу «В преддверии рая». Там я уже разбирал проблемы идеологии, религии. В «Высотах» этого не было.

– *Иначе говоря, после «Высот» Вы приступили к созданию целой серии книг, идя от самого простого, абстрактного, как в «Высотах», к конкретному описанию все новых и новых аспектов коммунистической, советской реальности. Так?*

– Да. Так появились и «Желтый дом», и «Светлое будущее», и другие книги. Но я эту серию не довел до конца по той самой простой причине, что с 1985 года в стране стали происходить известные всем события. И мое внимание отвлеклось, переключилось на исследование кризиса коммунизма и его распада. Если бы этого не произошло, я бы продолжил работать над этой задуманной мной серией, постепенно, и здесь Вы правы, расширяя круг исследования реалий коммунизма. Со временем я, быть может, опубликую те материалы, которые у меня были заготовлены для всей серии.

– Они как-то использовались?

– Да. Например, книга «Смута», которая вышла на французском языке, была написана еще до 1985 года. А затем мне пришлось дописать вторую часть, и получилась совершенно другая книга. Я готовил книгу о советских партийных работниках, но ее теперь придется перерабатывать с учетом эволюции таких оборотней, как Яковлев, Горбачев, Шеварднадзе и прочие. Сначала я задумывал эту книгу как конкретное описание аппарата власти, а теперь она у меня превращается в книгу «Откуда появились Яковлевы и Горбачевы». Жизнь коротка, так что я вряд ли смогу выполнить все задуманное. На полдороге остановился.

– *Как вам удастся укладывать логическую схему в литературу?*

– Думаю, что целиком она не укладывается. Наверное, я начал создавать особый жанр, который я называю «социологическим романом». Моя логическая теория пересекается с тем, что я делаю в литературе. Не все можно включить в литературу и не все в литературе можно свести к логической схеме. Ну, например, нельзя к такой схеме свести юмор, шутки, анекдоты.

Когда я начинал писать, у меня превалировал логический подход. Но постепенно материал овладевал мной, и я непроизвольно начинал подчиняться материалу. Далеко не всегда удастся написать книгу так, как она первоначально задумана, даже профессиональному логику. Даже концовка иной раз совершенно неожиданно, сама по себе выскакивает и такая, какую совсем не ожидал.

– *Иначе говоря, логическую схему заменил парадокс?*

– Парадокс, метафора, шутка, гротеск. И не то, чтобы заменил, скорее оттеснил.

– *После августа 1991-го Вы не раз выступали за воссоздание в России коммунистического общества. Почему?*

– Я защищаю не само это общество, а правду о нем. А в современной пропаганде России и других стран СНГ, и уж тем более в западной, это общество изображается в жутко извращенном виде. Как сторонник научного похода, я, прежде всего, отмечаю это идеологическое извращение. Как ученый, я не лишен тщеславия. Я хочу делать открытия. И описывать общества адекватно истине. Нравится мне это общество или нет, это второстепенно. А воспринимают этот подход, однако, так, будто я коммунистическое общество защищаю.

– *Вольно или невольно?*

– Объективно. Как бы то ни было, но это было общество поголовной грамотности. В нем минимальные потребности людей удовлетворялись, люди имели работу, гарантированное медицинское обслуживание – пло-

хое оно или нет, другой вопрос, и т. д. Любые антисоветские идеологи воспринимают сам факт упоминания всего этого как апологетику коммунизма. Но это всего лишь реальность. Второй аспект. Я не могу сказать, что я абсолютно равнодушен к этому обществу. У меня есть свои пристрастия, симпатии и антипатии. Я продукт этого общества, человек советский, происходящий из этого советского общества. Заявлять это сейчас и в России, и тем более здесь, на Западе, означает вызывать на себя огонь.

— *По-своему повторилась Ваша история с выездом на Запад. Ведь в России сторонники демократов тоже попытались поначалу взять Вас в свои союзники.*

— Да, все приезжавшие ко мне в Мюнхен люди изображали из себя борцов с режимом, утверждали, будто они с этим обществом ничего не имеют общего. А я говорю — это мое общество и я продукт этого общества. Если бы я не написал «Высоты», меня бы оттуда никто не выгнал, а сам бы я не уехал.

Я пришел к такому выводу, что для России существовавший до 1985 года там строй был спасением, был рывком вперед, и с любым другим социальным строем Россия погибла бы. Но, защищая этот строй, я вовсе не идеализирую его. Я могу ошибаться. Но считаю, что Россия может устоять как великая страна, а русский народ может уцелеть как великий народ только с такой социальной системой. С любой другой он будет разгромлен.

Если бы началась сегодня гражданская война и с одной стороны были бы те, кто воевал бы за результаты Октябрьской революции и достижения Советского периода, а с другой — их противники, я бы стал воевать на стороне первых.

Я для себя решил эту проблему еще во время войны с Германией. Будучи антисталинистом, я даже вел антисталинскую пропаганду. Но, если бы во время войны мне пришлось бы пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти Сталина как верховного главнокомандующего, я бы без колебаний пошел на это. Нечто подобное я и делал в качестве солдата и офицера Советской армии.

Идеальная позиция Идеального Коммуниста. Да и она не могла быть иной у человека, который не на жизнь, а на смерть сражался с врагом, вторгшимся на нашу землю. Ненависть к Сталину-тирану сменилась преданностью Сталину – Верховному Главнокомандующему. В этом суть русского патриотизма, до которой так и не докопались ни перестройщики из тогдашней «пятой колонны», ни господа из «болотной оппозиции» в «пятой колонне» нынешней.

«Генерал Власов от идеологии»

Споры об историческом предназначении русского народа и его многочисленных «кармах», если возможно здесь употребить этот термин, к концу XX века настолько поляризовались, что просто нет никакой возможности в споре найти истину. Каждый выкрикивает свое, стараясь заглушить другого.

Смена вех после августа 1991 года породила и новую антисоветскую историографию, основоположниками которой, как и следовало ожидать, стали советские историки. Отбросив свои прежние ориентиры – труды Маркса, Энгельса и Ленина, – они взяли за основу исторические исследования белой эмиграции, которая доказывала, что советская власть, коммунизм были для русского народа наваждением дьявола, были ему навязаны масонами, евреями, агентами немецкого кайзера, ненавистниками Православия и т. д.

Тем не менее 74 года русской истории прошли под знаком советской власти, марксизма, марксизма-ленинизма точнее, социализма и коммунизма в расхожем понимании этого термина. Так что же это было? Затянувшимся наваждением? Идеологической агрессией либо все же одним из тех экспериментов, которые сам на себе ставил и ставит русский народ?

Нашу историю принялись переписывать еще до развала Советского Союза по прямому распоряжению М. С. Горбачева и А. Н. Яковлева, а затем – по личному указанию Б. Н. Ельцина. Одним из самых активных авторов на этом направлении демонтажа СССР выступил «идеологический

крот» генерал-полковник Д. Волкогонов (1928–1995). Он был одним из первых перебежчиков с идеологического фронта, который открыто перешел на сторону нашего главного врага – мировой закулисы, организатора всемирного «крестового похода» против коммунизма. История его предательства сродни такой же истории Александра Яковлева.

Волкогонов был не рядовым, а действительно одним из генералов идеологического фронта. Начальник управления спецпропаганды («психологической войны») Минобороны СССР (1979–1984), заместитель начальника Главного политического управления СА и ВМФ, а в 1988–1991 годах – начальник Института военной истории Министерства обороны СССР.

Он всю свою жизнь делал карьеру именно на идеологическом фронте. Только сначала – на нашей, коммунистической стороне, где был делегатом XXVII и XXVIII съездов КПСС, XIX конференции КПСС и избирался депутатом Верховного Совета РСФСР в 1985 году... а когда стал перебежчиком – на антикоммунистической.

В 1990 году генерал был избран народным депутатом РСФСР вместе с Сергеем Степашиным, будущим шефом ФСБ, премьер-министром РФ и Председателем Счетной палаты, был сопредседателем фракции «Левый центр – сотрудничество». Он вошел в ближайшее окружение Ельцина и с июня по сентябрь 1990 года был заместителем Председателя Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР. 12 декабря 1991 года, будучи членом Верховного Совета РСФСР, проголосовал за ратификацию Беловежского соглашения о прекращении существования СССР.

С 24 сентября 1992 года по 24 января 1994 года – советник Президента Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности.

В 1993 году Волкогонов был избран депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 1 созыва, был членом фракции «Выбор России», членом Комитета по обороне и членом Совета по кадровой политике при Президенте Российской Федерации. Под конец своей жизни он потерял покровительство Ельцина, но куда раньше – уважение своих прежних сослуживцев и однопартийцев. Его презирали по обе стороны идеологического фронта – и коммунисты, и антикоммунисты.

С Волкогоновым лично я не был знаком, но у нас в «Правде» работала его дочь Таня, взбалмошная, смешная девица, глядя на которую никак нельзя было подумать, что она выросла в столь правоверной генеральской семье. Я хорошо знал генерала по его трудам. Он был чрезвычайно плодовит и написал массу книг по проблемам идеологической борьбы и психологической войны. (Методология идейного воспитания. М.: Воениздат, 1980; Идеология – важнейший фронт классовой борьбы. М.: Знание, 1982; Борьба идей и воспитание молодежи. М., 1983. Психологическая война. М.: Воениздат, 1983 и др.) Книги не то чтобы блестящие, скорее солдафонские, но, как говорили тогда, идейно выдержанные. Генерал часто выступал по радио и телевидению. Еще осенью 1985 года в «Московской правде» была опубликована серия статей «Отравители эфира». Их автор Д. Волкогонов писал, например, о «кликушестве на радиостанции “Свобода” Владимира Максимова» – в прошлом уголовном преступнике, перебравшемся на Запад... с рвением отработывавшем свои «тридцать сребреников».

Однако вскоре после начала перестройки Волкогонов быстро выворачивает свой «идеологический пиджак» наизнанку. Не щадит даже Ленина. Еще в 1989 году в книге «Триумф и трагедия. И. В. Сталин. Политический портрет» Волкогонов писал о Ленине: «Гений этого человека был велик...», «Подлинный социализм, каким его видел Ленин, это когда в центре внимания человек. Ленинская концепция социализма – это демократия, гуманизм, человек, социальная справедливость». Однако уже в 1992 году генерал «заклеймил» Ленина как «малопривлекательную личность» и «примитивного философа».

Никогда в жизни мне не могло бы прийти в голову, что за своими трудами советского периода Волкогонов скрывал свое подлинное лицо идеологического перебежчика, мошенника от истории, клеветника и предателя. Но вот в начале 90-х годов одна за другой в издательстве АПН выходят книги его трилогии «Вожди» (Волкогонов Д. А. Сталин. В 2 т. М.: Новости, 1991–1992; Троцкий. В 2 т. – М.: Новости, 1992; Ленин. Политический портрет. Кн. 1 и 2. – М.: Новости, 1994). И уже после его смерти

вышла в том же издательстве его монография «Семь вождей» (Дмитрий Волкогонов. Семь вождей. Галерея лидеров СССР в двух книгах / Коротков А. В. М.: Новости, 1995). Комментируя эту его серию, советский историк и этнограф Ю. И. Семенов не случайно охарактеризовал Волкогонова как идеологического двурушника: «...Хотя этот человек носил звания доктора философских и доктора исторических наук, профессора и числился членом-корреспондентом РАН, все его сочинения никакого отношения к науке не имеют. Всю свою жизнь Дмитрий Антонович Волкогонов верно служил начальству, действовал по принципу “чего изволите?” или, выражаясь словами А. И. Солженицына, “заказ собачий выполнял”. Надо было начальству, славил большевиков и В. И. Ленина, переменилась власть, стал обливать их грязью».

Понятно, что в советские времена вряд ли кто бы посмел поставить под сомнение добропорядочность и идейную закалку политработника такого калибра. Но ясно, что подобное перерождение началось у Волкогонова задолго до краха советской власти. Объясняя его причины, некоторые историки указывают на то, что генерал не мог простить коммунистам то, что его отец был расстрелян в годы ежовщины, а мать умерла в ссылке. Но такие трагедии ударили по миллионам советских граждан, как и по нашей семье, и только единицы под влиянием этого перешли на позиции активного антикоммунизма. Дело, видимо, не только в этом. Вот что рассказывал о Волкогонове и его окружении генерал В. И. Филатов, бывший главный редактор «Военно-исторического журнала»:

«Наш журнал вообще был карманным изданием Волкогонова, кормушкой. Вообще-то, все так называемые историки нынешние незримо объединены в некое очень закрытое сообщество, в котором своя железная дисциплина, свои взгляды на исторические события, так есть свои команды... свои суд и свои наказания заслушание не через повешение — ослушника просто перестают печатать, признавать за историка, а если он преподает, то лишается работы. Самая что ни на есть 100-процентная мафия во главе с хорьком Волкогоновым. Историки от Волкогонова приносили мне в журнал вторичную, третичную серятину. Нагло переписы-

вали друг друга. Тираж журнала был чуть больше 20 000. Это в то время, когда тиражи других журналов были многомиллионные. Тогда еще не знали такое слово “отмывание” – отмывание денег. Историки от Волкогонова в “Военно-историческом журнале” отмывали деньги, а сам Волкогонов по-крупному отоваривался гонорарами в Воениздате. Печатали и издавали этих историков только по рекомендации и с разрешения пахана – Волкогонова. Так шакал Волкогонов выстраивал своих историков по ранжиру. Это была мафия» (http://www.klich.ru/2010/05/articles05_01.htm). Оглядываясь назад, понимаешь все отчетливее, что подобных мафий в Советском Союзе было немало. И они орудовали не только по части ширпотреба где-то в Грузии или по части хлопка в Узбекистане. У них было общее – страсть к наживе, к торгашеству, заклеянная как патология человечества еще Марксом.

Любопытно, что и на Западе, где книги Волкогонова из серии «Вожди» распространялись бешеными тиражами, серьезные историки встретили их весьма скептически. 30 августа 2010 года американский историк и советолог Юрий Фельштинский заявил буквально следующее:

«Все книги Волкогонова очень специфические. Когда началась перестройка, долго решали, кому “поручить” написание «прогрессивных» биографий советских лидеров, в духе перестройки. Выбор пал на генерал-полковника Волкогонова. И он быстро написал несколько томов: “Сталин” в 2-х томах (4-х книгах, 1989), переведенный чуть ли не на 20 языков (весь мир должен был увидеть, что в СССР началась перестройка); “Троцкий” в 2-х томах (1992), “Ленин” в 2-х томах (1994), “Семь вождей” в 2-х томах (1996). Все книги вышли в издательства АПН (“Новости”).

Почему выбор пал на Волкогонова? Потому что, с одной стороны, он был свой, номенклатурный автор. При этом он был человеком военным. Ему можно было по-военному что-то приказать (делать – не делать). Все-таки Волкогонова пустили в архивы работать с материалами, которые раньше были для историков закрыты. Пустить туда гражданского историка было для тех, кто “пускал Волкогонова”, абсолютно невозможно. С другой стороны, у Волкогонова была подходящая биография – он

был сын репрессированных родителей. 9 ноября 1987 года Волкогонов опубликовал в “Литературной газете” статью “Феномен Сталина”, ставшую лакмусовой бумажкой по проверке готовности населения к восприятию Волкогонова как автора новой биографии Сталина.

Интересна хроника издания. С изданием явно торопились, с одной стороны, и боялись издавать – с другой. Рукопись первого тома была сдана в набор в декабре 1988 года, но подписана в печать только в июне 1989 года (и тогда же, в июне, был сдан в набор второй том). Издание было массовым (300 тысяч) и дешевым (2.90 за книгу, 11.60 за 4 книги в мягком переплете).

Теперь мы подходим к вопросу, который, уверен, у читателя давно на языке: кто “решал”, кто “пускал”. Решал первый заместитель председателя КГБ СССР Филипп Денисович Бобков, генерал армии (с 1987 г.), руководитель 5-го Управления КГБ, по “защите конституционного строя”, отвечавший за идеологию, т. е. за борьбу с демократией, демократами, диссидентами и прочее. Совершенно не в упрек Волкогонову (он правильно сделал, что согласился) следует тем не менее подчеркнуть, дабы нас не считали наивными дурачками, что весь “проект Волкогонова” был гебешной операцией по созданию нового перестроечного “имиджа” Советского Союза.

Есть ли у нас тому доказательства (или все вышеописанное мои предположения)? Думаю, что доказательства есть два: одно – прямое, другое – косвенное. Прямое – что в первом издании двухтомника (в 4-х книгах) “Триумф и трагедия. И. В. Сталин. Политический портрет” автор выражает “сердечную признательность товарищам, оказавшим ему бескорыстную помощь в подготовке книги, особенно... Бобкову Ф. Д. ”. Бобков, правда, не единственный, кого благодарит Волкогонов. Но в список “бескорыстных товарищей” Бобков мог попасть только потому, что он решал, будет или не будет Волкогонов работать в архивах с новыми материалами, т. е. будет или не будет Волкогонов писать эту книгу. Если бы идея написания книги исходила от Волкогонова, а не от Бобкова, Бобкова бы в этом списке не было. Ну, понятное дело, что когда Волкогонов писал био-

графию Троцкого и Ленина, Бобков формально был уже выведен из КГБ (“уволился” в январе 1991 года) и курировал своего старого агента Владимира Гусинского, создавшего при помощи Бобкова концерн “Мост”. Так что повторных благодарностей от Волкогонова Бобков уже не получал.

В дополнение ко всему этому Волкогонов допускает огромное количество фактических ошибок и неточностей, которыми пестрит буквально каждая страница его двухтомника».

В 1995-м Волкогонов умер. Один из лидеров троцкистского IV Интернационала Феликс Крайзель (США) так охарактеризовал Волкогонова в посвященном ему некрологе:

«5-го декабря в Москве умер один из сталинистских, антикоммунистических лжеисториков. Генерал Дмитрий Волкогонов взобрался на верх советской иерархической пирамиды по трем направлениям: с военной стороны он достиг чина генерал-полковника, в роли историка он возглавлял Институт военной истории, и, как надежный партиец, он был заместителем начальника Политического отдела Советской Армии при ЦК КПСС. Волкогонов покинул терпевшее крушение судно компартии достаточно рано, чтоб занять место главного помощника Ельцина по делам военной истории. С 1992 года он был одним из трех советников Ельцина в вопросах, связанных с классификацией, публикацией и открытием тайных архивов, и неоднократно ездил в США и другие страны, представляя своего “демократического” шефа.

Волкогонова следует определить как придворного историка. Такие бряцающие медалями и позолотой слуги правящих элит специализируются в изобретении исторических мифов, необходимых двору и заказанных двором. Каждый король, папа Римский, царь и президент нуждается в таком лакее, в мастере приукрашивать и расхваливать своих господ, искусном схоласте, путающем и морочащем головы народу, таким способом защищая и охраняя этот отвратительный режим.

Волкогонов был воспитан историографической школой (а позднее и возглавил ее), которая была на редкость грубой и примитивной. В отличие от своих западных коллег сталинистские историки не видели нужды

писать связные рассказы, хоть как-то соответствующие историческим фактам. Невский, Ярославский, Гусев, Жданов, Суслов и Волкогонов выдвинулись вперед благодаря замалчиванию фактов, зажатию ртов и убийству свидетелей, переработке учебников истории на макулатуру, многократному изобретению новых мифов. Правящая элита нуждалась в огромных дозах лжи именно потому, что она сама являлась живым подлогом. Сталинская бюрократия притворялась коммунистической, но не следовала учению Маркса; она выдавала себя за прогрессивную и революционную, но являлась одной из наиболее реакционных сил в истории, она даже отрицала собственное существование, хотя являлась наиболее видной, раскормленной, извращенной и злокачественной язвой советской системы.

Образованная публика в Соединенных Штатах должна была быть тем более удивлена тем сногшибательным приемом, которым были встречены последние работы Волкогонова. Американский исторический истеблишмент вышел из себя в восхвалении и распространении этих томов. Их моментально перевели с русского языка, рецензии на них появились во всех уважаемых журналах, и эти рецензии были, в огромном своем большинстве, лестными и некритическими. Ввиду того заслуженного презрения, с которым западные историки встречали прежде каждый советский труд, это отношение казалось поразительным.

Другой троцкист, мой одноклассник Вадим Роговин, примерно в том же духе разнес Волкогонова за его книгу о Троцком (см. *Роговин В. З. Волкогоновский Троцкий* // Бюллетень Четвертого Интернационала. 1993. № 7. С. 189–210).

Когда в эмигрантской «Русской мысли»^{*} появилась статья Волкогонова, в которой он облил грязью всех – и Ленина, и Сталина, и Троцкого,

---

^{*} В «Русской мысли» пост главного редактора с 1979 года, сменив Зинаиду Алексеевну Шаховскую, занимала Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти (1924–2000) – журналистка, славистка, в 1970-е годы была секретарем А. И. Солженицына. С ее приходом на страницах газеты в основном стали активно печататься представители третьей «волны» русской эмиграции, правозащитники, диссиденты, западные слависты и советологи: В. Е. Максимов, Н. Е. Горбаневская, М. Я. Геллер, А. М. Некрич, В. А. Суворов, А. Безансон и др.

и всю советскую историю, я ответил на это статьей в «Правде», в которой открыто назвал его предателем, ренегатом и «генералом Власовым от идеологии». Я не знал тогда, что он еще и палач. В октябре 1993 года генерал Волкогонов в качестве помощника генерала армии К. И. Кобеца принимал самое активное участие в штурме Белого Дома и разгоне Съезда народных депутатов и Верховного Совета России. По свидетельству Ю. Воронина, в разгар расстрела Белого Дома он заявил ему по телефону:

«Ситуация изменилась. Президент как Верховный главнокомандующий подписал приказ министру обороны о штурме Дома Советов и взял всю ответственность на себя. Мы подавим путч любой ценой. Порядок в Москве будет наведен силами армии».

Конечно, таких мерзавцев, как Волкогонов, было немало в те времена. И все же непосредственно на идеологическом фронте перебежчика и предателя такого калибра не было. Уже после его смерти выяснилось, что он передал в США часть тех секретных архивов, к которым его допустили в последние годы существования СССР.

Прокрустово ложе для русских

Александр Зиновьев, решивший создать в самом себе человека-государство, где живет «идеальный коммунист», поставил на себе уникальный эксперимент длиной в свою жизнь. Коммунизм как идеология не был для него ложным сознанием. Это был его сознательный выбор.

А был ли коммунизм сознательным выбором русского народа? В какой роли вообще в своих социальных экспериментах над собой и другими выступает русский народ? Кто он – палач или жертва? А Россия сама – это не Прокрустово ли ложе, в котором ни одной западной и восточной модели развития не выжить, потому что ей руки-ноги оторвут, изуродуют, либо обкорнав, либо вытянув?

Или все же большевики, которые навязали, как утверждают идеологи эмиграции, коммунизм русскому народу, сыграли роль Прокруста, уложив в марксистскую «постель» страданий несчастную Россию?

Весной 1993-го Зиновьев приехал в Париж ненадолго и забежал ко мне на часок, а проговорили мы полдня. Я только успевал в магнитофоне менять пленки. Вот первое, с чего он начал:

– В отличие от марксистов, которые считают, что новое коммунистическое общество не вызывает до революции, я считаю, что советское общество было продолжением того, которое было до революции.

– *Это, пожалуй, самое убедительное доказательство того, что Вы, Александр Александрович, не марксист. И все же, каковы доказательства?*

– Я брал свою родную местность, свой район. Вся революция у нас выразилась в том, что взяли и сняли одни вывески, а затем повесили другие. Ну, был у нас один капиталист, он уехал в Париж. Был помещик. Так он тоже куда-то испарился. А все остальное осталось нетронутым. Вместо полиции получилась милиция. Вместо городского головы – горсовет образовался. И все осталось даже в тех же самых помещениях. Изменились только бланки да печати.

– *То есть чиновничество осталось, просто сменило мундиры с фуражками с царскими орлами в кокардах на гимнастерки и красноезвездные буденовки. Так, что ли?*

– Практически. Революция и гражданская война – это ведь не только штурм Зимнего, не только Чапаев, который размахивал шашкой, или Буденный. Нужна еще и контора для того, чтобы Чапаев шашкой размахивал. Нужно документы оформлять, распределять те же самые шашки, обозы, еду. Без этого не обойдешься. Бюрократический аппарат неистребим. Он существовал, и будет существовать всегда. Без него не проживешь. А это уже все было и до революции. Маркс считал, что государство, в конечном счете, отомрет. Я сказал: нет, не отомрет. Общество без государства немыслимо.

– *Думаю, что Маркс говорил об этом, заглядывая на многие сотни лет вперед. Говоря об общественном самоуправлении, он подчеркивал*

необходимость выработки у людей привычки действовать в соответствии с общественным интересом, а не тянуть одеяло только на себя. В России эта задача тем более затруднена. Ее решение потребует, возможно, еще одного тысячелетия, так как у нас нет той двухтысячелетней и более традиции западноевропейского законопослушания. Поэтому в России и марксизм был вынужден пройти своего рода русификацию. Иначе бы он здесь не прижился.

– Верно. Из каких феноменов выростал коммунизм в России? Если почитать труды Герцена, идеологов народничества, книги Михайловского, найдешь массу идей, которые классический марксизм в себя не включал или исключал все это как вздорное, тем более что в западную социологию, на которую марксизм ориентировался, эти идеи не входили.

– *В результате получилась особая модель, которая не столько соответствовала марксизму, сколько русскому национальному характеру. То, что вы называете не коммунизмом, а коммунальностью. А могло ли появиться в России нечто другое? Ведь был же заговор декабристов, были петрашевцы, был Герцен, Чаадаев, которые четко ориентировались на Францию после штурма Бастилии. Была, наконец, самая серьезная в нашей истории попытка превратить Россию в парламентскую республику европейского типа – Февральская революция 1917 года. Ведь могла же Россия пойти по западному пути, по французскому, например?*

– Могла. Но тогда бы она не выжила. Она была бы раздроблена, ее бы просто растащили на куски, которые превратились бы в колонии западных стран. Сейчас и стремятся сделать именно это, «другое». А этот западный путь для России – гибель. Почему я пришел к такому выводу? Я принял во внимание всю совокупность факторов. Не просто проанализировав демократию или механику рынка. Все это – пустые слова. Я принял во внимание историю России, ее историческую традицию, размеры страны и ее взаимоотношения с другими странами, характер населяющих ее народов, то, какие возможности у них имеются, ситуацию на Западе и существующие там намерения в отношении России. Причем не субъективные какие-то настроения, а то, в чем Запад нуждается, что

хочет от России получить. Вот исходя из этой совокупности факторов я и пришел к выводу, что если Россия хочет выжить как великая, независимая страна, то у нее других путей, кроме коммунизма, и именно в его российском варианте, не существует.

(Зиновьев в той нашей беседе вплотную подошел к тому, что единственно возможный путь гармоничного развития России – это реализация русской идеи в ее советской редакции. Мне очень хотелось, чтобы он сформулировал это четче. И поэтому задал ему «провокационный вопрос».)

– Знаете, мне Ваша аргументация странным образом напоминает доказательства монархистов, которые оперировали после революции теми же самыми аргументами, что и Вы, доказывая только, что иного пути кроме монархии у России, если она хочет остаться великой державой, нет. Хотя – не парадокс ли это – сами представители дома Романовых, например, мой большой друг князь Михаил Федорович, решительно против восстановления монархии в России, по крайней мере в наше время, т. к. русский народ к этому не готов. А вот наши доморожденные роялисты говорят, что монархия – единственная форма государственного устройства России, отвечающая национальному характеру не только русского, но и всех населяющих ее народов. И у них аргументов немало. Уже к началу XX века, напоминают они, Российская империя вышла в число ведущих мировых держав, у нас были достаточно развиты и промышленность, и сельское хозяйство. Я уже не говорю о науке, литературе, искусстве. Тут мы впереди многих традиционно. А монархию уничтожили большевики и заявили, что революция – единственное спасение России. Так, может, и не стоило копыя ломать?

– Дело не в монархии. Монархия тоже разная бывает. В конце концов, бывает монархия и коммунистическая. Примеры Мао Цзе-дуна в Китае, Ким Ир Сена в Северной Корее и Сталина у нас говорят сами за себя. Ни у одного китайского императора, ни у одного русского царя такой абсолютной власти не было. Я говорю о другом. О том, что на протяжении всей русской истории основой, на которой зиждилось российское общество, была государственность.

– Суть ее, однако, менялась. Ключевский очень точно подметил это в своей серии лекций об истории Смуты. Вот как он описывал перемены в общественном сознании россиян после первых на Руси выборов царя:

«...Стали переверстываться в сознании, приходиться в иное соотношение основные стихии государственного порядка: государь, государство и народ. Как прежде из-за государя не замечали государства и народа и скорее могли представить себе государя без народа, чем государство без государя, так теперь опытом убедились, что государство, по крайней мере, некоторое время, может быть без государя, но ни государь, ни государство не могут обойтись без народа». Напомню, что Ключевский отмечал и другое важное обстоятельство – понимание всем русским народом после Смуты собирательной роли Московского государства...

– Да, и как только это осознал весь народ, он и осознал себя уже не племенем, а нацией. Ослабление же государственности может повернуть этот исторический процесс вспять. Перед революцией 1917 года в России действовало три основных социальных фактора. Отмирало дворянство как класс отживший. Набирала силу очень еще слабая буржуазия. Но существовал при этом могучий государственно-бюрократический аппарат, который вел свою родословную еще с Киевской Руси со сборщиков дани для татаро-монгольских ханов.

А для бюрократии – монарх, или, скажем, генеральный секретарь ЦК КПСС – это вариации.

По существу, Сталин, став во главе государства, превратился в императора. В такого же по сути, каким стал Наполеон во Франции. Всевластным, абсолютным и неограниченным монархом. И если б он, допустим, захотел установить наследственную должность генерального секретаря, то вряд ли кто бы стал возражать. Поэтому я скептически отношусь к утверждениям о том, что Октябрьская революция прервала естественный ход русской истории. Она была прямым наследником до-революционной системы. Даже уничтожив прежние классы собственников, революция не смогла, да и не захотела сломать российскую бюрократическую структуру управления страной. Советский строй был

продолжением той системы государственности, которая сложилась в течение многих столетий в России.

Русский народ сформировался как народ государственный. И это шло только на пользу тем народам, которые с ним были вместе. Посмотрите, каким разношерстным был этот союз, на каком различном уровне развития находились входившие в него народы. И чтобы удержать все это в единстве, нужна была мощная армия, мощный бюрократический аппарат. И только он их удерживал. Как показал недавний опыт СССР, достаточно было ослабить систему государственности, как страна стала рассыпаться.

Если же вспомнить Первую мировую войну и последовавшие за ней революции, мы увидим, что происходило то же самое, что с начала перестройки с 1985 до 1991 года. Как только в 1918–1920 годах государственность России стала рушиться, страна немедленно распалась на десятки, сотни мини-государств и республик. Потребовались годы, чтобы все вновь собрать воедино.

– *Не предстает ли в Вашем изложении Октябрьская революция подтверждением известного французского афоризма: «Все будет так, как было, даже если будет по-другому»?*

– По моей теории в любом обществе есть два аспекта. То, что я называю «коммунальный аспект», и то, что можно назвать «деловым аспектом». От того, какой аспект доминирует, получается либо общество коммунистического типа, Вы тут можете употребить любое другое слово, даже «тоталитарное», либо общество западного типа. С капитализмом, с рынком и т. д. К обществу первого типа в равно степени можно отнести, как это для Вас странно ни прозвучит, одинаково и Советский Союз, и Китайскую империю, и Византийскую империю, и империю инков. Обществ западного типа пока что немного, это почти уникальное явление в масштабах планеты. Народы не выбирают себе сами социальное устройство. Они на это вынуждаются так или иначе, в нашем случае – вынуждаются на государственную организацию общества.

– Вынуждаются кем или чем?

– Условиями жизни.

– Значит, по-вашему мнению, русский народ пришел к этатизму для того, чтобы выжить?

– Да.

– И это был сознательный выбор?

– Сознательным выбор становится, когда эта потребность проявляется и так или иначе привносится в государственную организацию общества.

– Хорошо. Почему тогда произошла революция? Почему в гражданской войне большевики все-таки победили? Ведь у них не было опыта государственной организации общества. Русский народ жил в условиях сильного и хорошо организованного монархического государства. При чем царская бюрократическая машина была отлажена блестяще. Почему же в конечном итоге русские пошли в своем большинстве за большевиками, хотя многие из них шли, в том числе и совершенно простые крестьяне, за белыми?

– Большевиков поначалу никто не воспринимал всерьез, и они сами это признавали. Они воспользовались тем, что демократы, свергшие монархию в феврале 1917-го, оказались слишком слабыми, не смогли предложить стране приемлемой, жизнеспособной организации общества и государства. По сути дела, большевики восстановили прежнее государство, только без помещиков и капиталистов. Их победа в гражданской войне сразу же обернулась укреплением государства и созданием новой Федерации, а затем уже и Союза Нерушимого. И уже Ленина народ воспринимал как нового царя. Это не случайно. Это историческая традиция. Есть социальные законы. И если какая-то социальная система рушится, то на ее месте привыкшая к ней масса людей создает новую систему, но максимально близкую к предыдущей. Это общий социальный закон.

Вот сейчас на месте так называемой Советской империи возникли новые государства. Что там – создаются государства западного типа? Нет. В ряде мест, особенно в Средней Азии, происходит возврат к феодально-байским обществам, к родовым конструкциям, т. е. к тому, что там было раньше до советской власти. Кстати, все эти недемократические формы организации очень близки к коммунистической системе. В некотором роде коммунизм – это продолжение феодализма.

Возьмите Китай, например, Монголию. Китайская империя была феодальной империей, но там не было частной собственности. Все феодалы были служащими государства. А коммунизм, что это такое? Это строй, при котором, говоря упрощенно, все являются служащими государства.

Теперь второй фактор. Социальная система организации масс зависит и от того материала, который организуется. Общество западного типа нельзя создать из любого человеческого материала. Нужен определенный человеческий материал. Такое общество не могли создать ни папуасы, ни африканцы...

– *Ни скифы...*

– Вот-вот. И не латиноамериканцы. Возьмите совокупность народов, населяющих Россию, а их больше ста разных национальностей. У каждой свой характер, своя история. Такие народы могут быть организованы только в рамках такой системы, где господствует государственность. Далее такие факторы, как огромная территория, трудные климатические условия. Чтобы страна существовала как единое целое, она должна иметь мощную систему централизованного управления. Если отдельные регионы такой страны предоставить самим себе, они быстро самоизолируются и начнет происходить распад.

И, наконец, о взаимоотношениях с другими странами. Чтобы противостоять претензиям Запада, да теперь и Востока, российское общество должно быть организовано государственным порядком. А не просто на уровне чисто экономическом или на базе демократии западного типа.

– *Вы считаете, что иной системы нам фатально не дано. Когда Вы это говорите, Вы имеете в виду русский народ или конгломерат народов, составлявших еще Российскую империю?*

– Прежде всего, русский народ, потому что он и образует основу империи. Герцен писал, например, что западноевропейским странам нет надобности в создании такой системы полицейского надзора, поскольку западный человек имеет Третье отделение в своей собственной голове. Действительно это так. Они правопослушны. Люди, как и любые другие виды живых существ, отличаются друг от друга. И в этом нет никакого расизма или шовинизма. У русского человека в голове, независимо от внешней организации, такого, как у западноевропейца либо гражданина США, полицейского участка нет. Для того чтобы с русскими сохранять в стране порядок, организация должна быть привнесена извне. Иначе начнется хаос...

Как то я прочитал в «Коммерсанте» от 26 октября 2004 года заявление Общественного движения «За права человека», в котором решили призвать к ответственности губернатора Санкт-Петербурга Валентину Матвиенко. Отвечая на вопрос корреспондента: «А не лучше ли для России парламентская республика?» – Матвиенко сказала: «Нет, для нас это не годится, мы не готовы к подобному эксперименту! По менталитету русскому человеку нужен барин, царь, президент... Словом, единоначалие».

Ответ бывшей «комсомольской богине», а ныне – неомонархистке, последовал незамедлительно:

«Мы предельно возмущены этим высказыванием, которое грубо и публично унижает нашу страну, национальное достоинство русского народа, – говорилось в заявлении этих правозащитников. – Очевиден смысл этой формулы – русский народ может быть лишь холопом (который не может быть без барина), верноподданным (которому нужен царь, т. е. самодержец). Помещение в этот ряд должности “президент” означает лишь то, что для представителей новой правящей верхушки глава государства – это не демократический лидер, но авторитарный владыка – царь для подданных, барин для окружения. Заявив о врожденном

(ментальном) холопстве русского народа, не готового, дескать, к парламентской демократии, губернатор Санкт-Петербурга, по сути, допустила расистскую выходку...

Мы считаем необходимым напомнить, что представления о государственной неполноценности и врожденном рабстве русского народа – это сердцевина основных русофобских теорий. Именно на подобных доктринах идеологи германского нацизма основывали свои агрессивные планы в отношении России. И особенно отвратительно, когда такие взгляды пропагандирует “хозяйка” города-героя Ленинграда».

И так далее. Автор Заявления исполнительный директор ООД «За права человека» Лев Пономарев обвинил Матвиенко еще и в нарушении Конституции и потребовал отставки губернатора. Пономарев с его заявлением отражает определенные настроения в нашем обществе и одновременно – полное непонимание той аргументации о необходимости централизованного управления для России, за которое выступал тогда в разговоре со мной Зиновьев. Надо признать, что и Матвиенко сформулировала эти аргументы не лучшим образом. Так что тот наш разговор с Зиновьевым помогает многое прояснить в такого рода спорах.

– Что это означает, – спросил я Зиновьеву, – что русский человек – раб, который без палки ничего не станет делать и не способен соблюдать дисциплину, или что он все же более свободен, чем западные люди? Либо он менее ответствен социально? Есть же внутренняя свобода, а есть состояние перманентного бунта против любой власти и любого порядка. Есть, наконец, просто зуд неповиновения, босаяцкое отношение к власти. А есть и неспособность воспринять социальную организацию, социальную ответственность взять на себя. Так кто мы, русские, по-Вашему?

– Тут все вместе у русских. Это результат нашей истории. Обратите внимание на то, с чего началось русское государство. «Приходите и правьте нами». Все русские племена просто передрались друг с другом. Невозможно было преодолеть эту междоусобицу. Пришлось систему организации привносить извне. Я имею в виду княжескую структуру управления. Потом на нее наложилась татарская система сбора дани...

Насчет «призвания князей из-за моря» летопись, известная как «Повесть о начале Руси», историческим фактам соответствует не во всем. Дело было в догосударственной Руси. Перессорились новгородцы, близкие к ним славянские племена, а также финские – кривичи, чудь, меря, весь и т. д. Вот они вроде и послали послов за море к знакомым варягам. Было это в IX–X веках. Ключевский, проанализировав ряд летописных сводов, считает, что получившая популярность версия о приглашении варягов изложена была несколько вольно. Хотя бы потому, что приглашенный князь Рюрик не решил жить среди тех, кем его якобы попросили править, «боясь звериного их обычая и нрава», а «срубил город» себе поближе к нынешней русско-финской границе, чтобы в случае чего бежать к своим. И новгородцы, кстати, свой нрав не раз показывали, потому что опасались «стать рабами» варягов. Ключевский считает поэтому, что точнее следовало бы говорить «не о благодушном приглашении чужаков властвовать над безнравственными туземцами, а скорее о военном найме». Варягов использовали на Руси примерно так же, как в Европе вплоть до наполеоновских войн использовали полки швейцарцев – для охраны и защиты городов-крепостей. Описывая восстание новгородцев, жестоко подавленное Рюриком, Ключевский именно так и оценивает их роль: «Заморские князья с дружиною призваны были новгородцами и союзными с ними племенами для защиты страны от каких-то внешних врагов и получали определенный корм за свои *сторожевые услуги* (выделено мной. – В. Б.). Но наемные охранители, по-видимому, желали кормиться слишком сытно. Тогда поднялся ропот среди плательщиков корма, подавленный вооруженной рукой. Почувствовав свою силу, наемники превратились во властителей, а свое наемное жалованье превратили в обязательную дань с возвышением оклада. Вот простой прозаический факт, – заключает Ключевский, – по-видимому скрывающийся в поэтической легенде о призвании князей: область вольного Новгорода стала варяжским княжеством». (Ключевский В. О. Цит. соч. Т. 1. С. 153). Так что, я думаю, говорить о «неспособности» русских управлять своими делами самостоятельно в свете действительных исторических фактов не больше оснований, чем говорить об аналогичной неспособности англосаксов

к самоуправлению. Ведь после битвы при Гастингсе (1066) они хоть и позже на сто лет, но тоже были завоеваны варягами или, как их еще называли норманнами, т. е. «северными людьми». Так что варяжские порядки были порядками оккупантов, а не добровольно принятыми Новгородской Русью. Точно так же русские приглашали «на корм» и немцев, и французов, и шведов, и англичан. Особенно Киевская Русь. Но править им русские князья, а потом цари Россией все же не давали. Исключением были, пожалуй, только Самозванец Лжедмитрий (Гришка Отрепьев), креатура поляков да Петр III, которого Ключевский называл «пруссским агентом». Даже немка по происхождению Екатерина II стала одной из величайших патриоток России и сделала для нее много больше, чем иные коренные русские. Я напомнил об этом Зиновьеву. Он ответил так:

– В принципе, в моем анализе Ваше уточнение мало что меняет. Организация управления была привнесена извне. И она на Руси не была уничтожена, а осталась. И только благодаря ей славянские племена образовали со временем единую нацию. А посмотрите, что произошло в России после 1985 года? Организацию, созданную в течение многих десятилетий, а если брать предыдущую историю, то и столетий, причем очень сильную, разрушили. И пошел распад. И, если этот процесс не остановили бы вовремя, все опять, как в древние времена, распалось бы до отдельных деревень.

– Допустим, что все это удастся собрать, вернувшись к тоталитарной или в лучшем случае – авторитарной власти. Оправдано ли это исторически хотя бы, не говоря уже о человеческом измерении? Хорошо это для русских или плохо?

– Это не плохо и не хорошо. Это просто качество.

– Иначе говоря, вы считаете, что русскому народу нужно бюрократическое управление в рамках полицейского государства?

Зиновьев, не задумываясь, ответил:

– Понимаете, если бы дело обстояло так, что русские живут на одной планете, а другие народы – каждый на своей. Но все живут на одной-един-

ственной планете. И все зарятся друг на друга, как бы где урвать кусок. Надо каждому народу учиться себя защищать. А это дает только государственная организация.

– *Выходит, любые поиски демократических форм для русского народа бесполезны. Он обречен на то, чтобы вечно блуждать в лабиринте диктатур. Без всякой Ариадновой нити?*

– Все критики советского режима и революции почти единогласно утверждали, что был хороший русский народ, но произошла революция, и еврей-большевики, используя латышских стрелков, навязали ему новый социальный строй. Они даже не отдают себе отчета в том, что они воспроизводят ту же самую идею: навязали. Действительно, революцию русскому народу преподнесли на блюдечке с голубой каемочкой, извне. А теперь что? Опять-таки извне привнесена уже западная демократия. Она не на русской почве, не из русских душ выросла. Но что такое западная демократия и рыночная экономика? Они не враз появлялись, они создавались веками. И людьми определенного типа. В литературе эти люди хорошо описаны. Это люди холодные, способные на риск, жестокие временами. Люди, лишенные романтики. А для русских людей характерна эта рефлексия – поболтать, поразмышлять вслух. Основной талант русских в том, чтобы болтать о деле и желательно ничего не делать. А западные люди – деловые, целеустремленные. Это складывалось веками.

– *Тем не менее, когда надо, русские работать умеют. Не только болтать. Достаточно вспомнить войну, атомные, космические исследования.*

– Да. Но это было возможно только в условиях чрезвычайно жесткой организации. Плюс те, кто в оборонной промышленности работал и во время войны с Гитлером, и в годы «холодной войны», понимали: речь идет о выживании нации. В СССР можно было приказом учредить, допустим, космическую промышленность. На Западе это невозможно. Рыночную экономику не учредишь. А рыночного механизма в России нет, и не было никогда. И он ничего не имеет общего с тем, как его пред-

ставляют в России. Для многих у нас он ассоциируется с толкучкой и только. В виде блошиного рынка!

А в демократии увидели только одно – парламент, несколько партий, которые время от времени сменяют друг друга у власти. Но это же примитивное представление о демократии, крайне поверхностное. Реальная демократия – это весьма сложная и изощренная система управления. Смотрите, например, в Италии. Один кризис за другим, а страна живет. Управляется ничуть не хуже, чем другие страны. А в России, где нет такого глубинного аппарата управления, который складывался веками, а есть лишь поверхностная демократия, и получается бардак. По сути – безвластие.

Глава двадцатая

ПЕРЕВОРОТ В НАШИХ ДУШАХ

Ревизия Ялты

При Горбачеве и Яковлеве на идеологическом фронте наступило затишье на главном направлении: о борьбе двух систем речь практически не велась. Предпочитали говорить об их сосуществовании, даже несмотря на очевидную эскалацию «холодной войны» с приходом Рейгана в Белый дом. Наши партократы и в этом повторили своих прусских предшественников, выдавая свои иллюзии за реальность. А реальность была такова. 26 марта 1981 года тогдашний директор ЦРУ Уильям Кейси прибыл с докладом к Рейгану о положении «в стане врага». Он сообщил Рейгану следующее: СССР оказался в очень трудном положении: в Польше восстание, русские застряли в Афганистане, у них масса проблем на Кубе, в Анголе и Вьетнаме. Кейси убедил Рейгана, что лучшего времени для начала операции по развалу СССР не существует. Рейган согласился, и Кейси начал

готовить свои предложения. В тот же день Рейган сделал в своем дневнике следующую запись: «СССР в очень плохом положении, если мы воздержимся от кредитов, они будут просить помощи у других, потому что в противном случае умрут с голоду». На следующий день Рейган создал рабочую группу для руководства операциями по развалу СССР.

Представлять себе Рейгана, бывшего актера второго плана с весьма низким интеллектом (ни в школе, ни в вузе он не блистал, да и увлечение американским футболом с частыми травмами головы его развитию не способствовало), неким «Мессией, спасшим мир от коммунизма», по меньшей мере, нелепо. Когда годы спустя студенты спросили его, какова польза в том, чтобы быть президентом, он ответил: «Я мог отдать ФБР приказ строго засекретить мои школьные оценки». В этой шутке – большая доля правды. IQ Рейгана, т. е. показатель его умственных способностей, был ниже, чем у его предшественников на посту президента. И скрыть это не могло даже вездесущее ФБР.

Мировой закулисе и нужен был такой президент в Белом доме, которым можно было беспрепятственно манипулировать из-за кулис. В это время готовили ему в Советском Союзе в качестве партнера по предстоящему демонтажу коммунизма Михаила Горбачева.

Сильные мира того, замахнувшись на мировое господство, расставили вокруг Рейгана своих людей. В его «рабочую группу», руководившую тайными операциями против СССР, помимо самого Рейгана, вошли Уильям Кейси, вице-президент США Джордж Буш-старший, в прошлом директор ЦРУ и председатель Совета по международным отношениям, а также министр обороны США Каспар Уиллард Уайнбергер (1917–2006), выходец из семьи немецких евреев-выкрестов. Перед ними была поставлена глобальная задача ревизии договоренностей трех великих держав – Советского Союза, США и Великобритании – в ходе Ялтинской (Крымской) конференции (4–11 февраля 1945 г.), в соответствии с которыми после разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии был создан новый мировой порядок. В Ялте были определены зоны влияния США и их союзников и Советского Союза, проведены четкие демаркации

онные линии, пересекать которые было запрещено под страхом ответного удара всей мощью того государства, на чью империю посягнули.

Ялтинский порядок в первоначальном виде продержался, однако, недолго. Уже 4 апреля 1949 года Соединенные Штаты создали военно-политический блок НАТО (Организация Северо-Атлантического Договора), объединивший большинство стран Европы, США и Канаду, «чтобы защитить Европу от советского влияния». Тогда государствами – членами НАТО стали 12 стран – США, Канада, Исландия, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Дания, Италия и Португалия. После распада СССР и Варшавского Договора состав НАТО значительно пополнился – к началу 2016 года в этот блок входили 28 стран. Военные расходы всех членов НАТО в совокупности составляют более 70 % от общемирового объема. Как известно, создание блока в 1949 году СССР воспринял как угрозу собственной безопасности. В 1954 году в Берлине на совещании министров иностранных дел США, Великобритании, Франции и СССР советских представителей заверяли в том, что НАТО является сугубо оборонительной организацией. Несмотря на прямую агрессию НАТО против Югославии и Ливии, за таковую ее пытаются выдать до сих пор. Так, по словам генерального секретаря НАТО Андерса Фог Расмуссена, «НАТО была создана для защиты Европы от советского вторжения» (*Anders Fogh Rasmussen. Why it is more important than ever to invest in defence of democracy // «The Telegraph». 2014, April, 6).*

Напомню, что СССР 31 марта 1954 года направил ноту с предложением рассмотреть «совместно с заинтересованными правительствами вопрос об участии СССР в Североатлантическом договоре». На эту инициативу Москве ответили решительным отказом. В ответ Советский Союз образовал в 1955 году Варшавский Договор – военный блок социалистических стран. Попытки перейти демаркационную линию, разделившую мир на «Восток» и «Запад» не только в Европе, но и в Азии, предпринимались с обеих сторон. Я уже упоминал план Черчилля, датированный июлем 1945 года, об использовании капитулировавших немецких войск

для нападения на СССР. Тогда господа союзники вовремя опомнились и не пошли на эту авантюру. Война в Корее (1950–1953), в которую Советский Союз втянули руководители КНДР и Китая, была первой серьезной конфронтацией двух миров, которая, к счастью, закончилась восстановлением статус-кво по 38 параллели.

Конфронтация 1953 года в Западном Берлине, которая привела к возведению знаменитой Берлинской стены, была порождена скорее революционным нетерпением руководителей только что образованной Германской Демократической Республики (Ульбрихт, Гротеволь и др.), чем происками ЦРУ, хотя происки тоже были.

И все же де-факто, несмотря на противостояние двух блоков, созданный в Ялте биполярный мир и раздел Европы сохранились до конца 1980-х годов. Демонтаж этого мира не случайно начался одновременно с операцией по демонтажу коммунизма. И именно Соединенные Штаты первыми выступили в качестве «ревизионистского государства», взорвав послевоенный мир.

Понятие «ревизионистские государства» появилось вскоре после Второй мировой войны. Этот термин изобрел создатель теории «Перехода власти» А. Ф. К. Органский, американский геополитик, автор книги «Мировая политика» (*Organski, A.F.K. World Politics. New York, 1958*). В дальнейшем эту теорию развивали Е. Р. Уиткопф (*Wittkopf, Eugene R. World Politics: Trend and Transformation. New York: St. Martin's Press, 1997*) и Рональд Л. Таммен (*Tammen, Ronald L. Power Transitions: Strategies for the 21st Century. Seven Bridges Press, 2000*). Органский в своей теории перехода власти исходил из того, что степень могущества государств и их власти в мире определяется циклическим характером войн, которые взрывают мировой порядок каждые 20–30 лет. В современном мире, согласно его теории, мировой порядок базируется на иерархии могущества. В этой иерархии он выделяет четыре уровня могущества государств, которые характеризуют их возможности вести политику с позиции силы. Наилучшей иллюстрацией теории Органского служит сложившийся новый мировой порядок на базе договоренностей трех великих держав в Ялте в 1945 году.

Как можно нарушить и разрушить такой порядок? По теории Органского, в мире существует множество слабых и всего лишь несколько сильных государств. Самые сильные государства относятся к категории «доминирующих держав», или к «гегемонам».

К **доминирующим** Органский относит государства с наибольшей степенью сосредоточения ресурсов могущества (численность населения, территория, природные ресурсы, вооруженные силы, доля в мировой экономике, объем производства, сплоченность народа и политическая стабильность). В наши дни такое государство именуется «сверхдержавой», а в условиях однополярного мира – гипердержавой. До «холодной войны» такие термины не употреблялись.

«**Великие державы**» – это собрание потенциальных соперников доминирующей державы, которые вместе с ней поддерживают мировой порядок, т. е. всю систему иерархии могущества и контроль над распределением ресурсов. Обычно великие державы распространяют свою власть за пределы своего географического региона.

«**Средние державы**» имеют те же характеристики, что и «доминирующие», но в пределах своего региона. Они не способны бросить вызов ни доминирующей державе, ни сложившейся системе.

«**Малые державы**» – остатки национальных государств, у которых недостаточно власти в их географических регионах и незначительное влияние за его пределами.

Доминирующие государства, или «гегемоны», будучи заинтересованными в сохранении «статус-кво» этой системы, используют свое могущество для того, чтобы создать необходимые политические и экономические структуры, а также нормы поведения с целью обеспечения стабильности существующей системы и общепринятых «правил игры».

Эти правила игры стремятся нарушить **«ревизионистские государства»**, которые в определенный момент достигают такого могущества, что могут потребовать для себя нового места под солнцем в международном сообществе, соизмеримого с этим качественно новым могуществом. Они выражают «общее недовольство» своим положением в системе и стремятся пересмотреть те правила, в соответствии с которыми строятся отно-

шения между государствами. Так как статус-кво системы защищает доминирующая держава, такой вызов ей может быть брошен только самой сильной из великих держав, которая стремится изменить статус-кво. Такой вызов может быть чреват войной между доминирующей державой и державой, бросившей ей такой вызов, а в случае победы последней – переходом доминирующего положения в мире и власти в нем.

В этом суть теории перехода власти, которая легла в основу современной геополитики и которой руководствовались в Белом доме, начиная тайные операции против Советского Союза в начале 80-х годов.

Демонтаж коммунизма

Мировая закулиса с начала 80-х годов весьма активно начала зондаж руководства КПСС с целью обнаружить в нем человека, с которым, по известной фразе британского премьера Маргарет Тэтчер, «можно будет иметь дело». В Лондоне еще в 2013 году в открытый доступ было отправлено около 400 документов из архива британского Форин офис (МИДа страны), касающихся контактов Горбачева с руководством Великобритании. Из них, в частности, следует, что осенью 1984 года ставилась задача выбора одного из молодых и перспективных членов Политбюро ЦК КПСС, чтобы пригласить его с визитом в Лондон для знакомства и установления деловых контактов на высшем уровне.

Первоначально в списке было двое членов Политбюро – Алиев и Горбачев. После изучения и анализа ситуации ставку в Лондоне сделали на Горбачева как более перспективного руководителя. Из рассекреченных документов следует, что поставить на Горбачева британскому премьеру Маргарет Тэтчер рекомендовал профессор Оксфордского университета, советолог Арчи Браун, обративший на него внимание еще в 1978 году, когда тот стал секретарем ЦК. С тех пор Браун внимательно следил за восхождением Горбачева вверх. Одним из источников информации для Брауна был давний друг Горбачева по МГУ чех Зденек Млынарж, один из «архитекторов» «пражской весны» 68 года, секретарь

ЦК КПЧ. Он учился в одной группе с Горбачевым на юрфаке МГУ, и они жили в одной комнате в общежитии университета. Млынарж, бежавший в 68-м из Праги на Запад, сообщил Брауну, что Горбачев по своим анти-сталинистским взглядам представляет собой перспективный объект для его обработки в западном духе.

В переписке и аналитических материалах из архива британского МИДа много комплиментарных высказываний о Горбачеве и его супруге. Более того, в одном рассекреченном документе говорится о личных симпатиях «железной леди» к Горбачеву. И даже о попытках флирта в резиденции британских премьеров в Чеккерс, где Тэтчер намеренно по-домашнему усаживалась с Михаилом Сергеевичем на диване, поджав коленки и оголяя ноги. Имела она с ним дело на том диване либо нет, об этом в документах английской разведки не говорится, но свою рекомендацию мировой закулисе «иметь дело с Горби» она дала.

2 марта руководство Архива Национальной Безопасности США разместило на своем сайте 14 документов, касающихся деятельности Горбачева в 1984–1991, с которых был снят гриф секретности. В этих документах содержатся записи его переговоров с Рейганом в Рейкьявике, Женеве и на Мальте, личная переписка с Рейганом, а также оценки, данные Михаилу Сергеевичу в переписке Рейгана с Тэтчер и Буша с Колем. Наибольший интерес в этом «Досье» представляют рассекреченные документы ЦРУ. В одном из них, он озаглавлен «Горбачев, новая метла» (документ C05332240), дана такая оценка Горбачева по итогам первых 100 дней его нахождения на посту генсека:

«СЕКРЕТНО

Управление разведки ЦРУ.

Июнь 1985 года

...За первые 100 дней своего правления Горбачев проявил себя как наиболее агрессивный и решительный советский лидер со времен Хрущева. Он продемонстрировал готовность идти на противоречивые и даже непопулярные меры, в частности, по антиалкогольной кампании или отказу от прежней практики не критиковать действия своих коллег на заседаниях Политбюро»...

Далее аналитики ЦРУ отмечают: «Горбачев полагает, что атака на неэффективность и коррупцию, а не радикальные реформы способна радикально изменить к лучшему обстановку в стране. Это рискованный курс, но шансы на успех Горбачева не следует недооценивать... В краткосрочной перспективе его шансы выглядят неплохо... Он начал формировать собственную группу поддержки в Политбюро и Секретариате партии... может также рассчитывать на поддержку среднего класса, разочарованного застоем брежневских времен... Общественность страны, судя по первоначальной реакции, также позитивно отреагировала на стиль работы и точку зрения Горбачева».

В последующих документах, которые доказывают, что в ЦРУ следили за каждым шагом Горбачева с первых дней его пребывания у власти, дан достаточно объективный анализ итогов его деятельности. Первая страница документа под номером 50USC4039, который в ЦРУ подготовили 29 апреля 1991 года для президента США Буша-старшего по поручению замдиректора ЦРУ Джона Хелджерсона, говорится: «Обобщая, можно сказать, что Советский Союз в настоящий момент переживает революционную ситуацию, и нынешняя централизованная система управления в нем обречена на провал. Как это уже произошло за последние два года в других странах Восточной Европы, в СССР сейчас налицо все признаки того, что в ближайшее время в нем не только произойдет смена власти, но и быстрая ликвидация существующей политической системы» («Комсомольская правда». 28 июня 2016 г.).

Как очевидно из этих документов, за Горбачевым было установлено самое пристальное наблюдение еще с 1978 года. В дальнейшем секретные службы Запада отслеживали каждый его шаг. Теперь известно многое и о секретных директивах Белого дома, принятых в начале 1982 года, в соответствии с которыми президент Рейган вместе с группой ближайших советников приступил к разработке наступательной стратегии по демонтажу «советской империи». В ЦРУ была создана ее рабочая модель, согласно которой эта империя представляла собой четыре кольца. Внутреннее ядро – это сам Советский Союз. Второе кольцо – социалистические страны, зависимые от СССР (т. е. участники СЭВ и Варшавского

Договора). Третье – страны социалистической ориентации. И четвертое – дружественные по отношению к Советскому Союзу развивающиеся страны. Империи решено было «откусывать по кусочку».

Цели и средства этого глобального наступления были обозначены в серии секретных «директив по национальной безопасности» (NSDD), подписанных непосредственно президентом. О чем же говорилось в этих документах? Вот суть некоторых из них. В марте 1982 года была принята директива «NSDD-32», в которой давались указания спецслужбам и дипломатам США по «нейтрализации» советского влияния в Восточной Европе и применению тайных мер и прочих методов поддержки антисоветских организаций в этом регионе. В мае 1982 года Рейган подписал директиву на восьми страницах, определявшую экономическую стратегию США по отношению к СССР. В документе содержались инструкции для конкретных подразделений президентской администрации, а акцент делался на «использовании» слабых сторон советской экономики. Ставилась цель ее подрыва посредством «насильственного вовлечения Москвы в технологические гонки». В ноябре 1982 года в «NSDD-66» было прямо объявлено, что цель политики Соединенных Штатов – это подрыв советской экономики методом атаки на ее «стратегическую триаду», т. е. на базовые отрасли, составлявшие основу советского народного хозяйства.

В американской, да и российской печати нередко можно встретить утверждения о том, что советская экономика развалилась, потому что не выдержала соревнования с США в первую очередь в сфере гонки вооружений, которую Рейган пытался навязать Советскому Союзу. До последнего времени считалось аксиомой, что именно программа этой гонки, разработанная Уайнбергером (бомбардировщик В-1, «флот из 600 кораблей», Стратегическая оборонная инициатива и др.), вынудила Советский Союз многократно увеличить свои военные расходы, что-де и привело его к экономическому краху. Однако ученые-экономисты Уильям Истерли и Стэнли Фишер из Массачусетского технологического института, анализировавшие по заказу Всемирного банка причины коллапса советской экономики, пришли к выводу, что «военные расходы СССР не

были той соломинкой, что сломала спину верблюда по имени “Империя зла”». Они писали в этом докладе, что «война в Афганистане и советский ответ на рейгановскую программу “звездных войн” привели к относительно небольшому росту военных расходов СССР. В целом же массивные вложения в оборону в США в период с 1960 по 1987 год лишь незначительно способствовали экономическому упадку в СССР» (см. *Dale, Reginald* (June 17, 1994). *Many Can Learn From Soviet Downfall* // «The New York Times». 2010, April, 28). Советская экономика, как объективно подтверждают авторы этого доклада, обладала большим запасом прочности до того, как ее начали разлагать изнутри «рыночники» вроде Ясина и Гайдара. Ясно, что ставка была сделана не столько на экономические и военные факторы, сколько на действия агентов влияния, способных взорвать коммунизм изнутри.

Объявляя в 1982 году новый «крестовый поход» против СССР и других социалистических стран, Рейган заявил: «Обстановка обязывает нас принять чрезвычайные меры. Давайте же перестанем колебаться, давайте воспользуемся нашим могуществом». Основным оружием достижения поставленных целей были выбраны тайные операции. Рейган высказался совершенно недвусмысленно: «Я думаю, что тайные операции являются составной частью деятельности правительства». При Кейси число тайных операций увеличилось в пять раз.

В книге американского историка, исследователя Гуверовского института Петера Швейцера, известной в России под заголовком «Победа» (*Peter Schweizer. Reagan's War: The Epic Story of His Forty-Year Struggle and Final Triumph over Communism*) и посвященной операции по развалу СССР, рассказано о том, как 30 января 1982 года на собрании рабочей группы был принят план Кейси по развертыванию тайных наступательных операций против СССР. Под грифом «Совершенно секретно» он получил название «план NSDD» («Директива администрации Рейгана в деле стратегии, целей и устремлений США в отношениях с СССР»). План NSDD предусматривал, что целью США с момента вступления этого плана в действие является уже не сосуществование с СССР, а из-

менение советской системы. Вся рабочая группа признала необходимое достижение одной цели – распада СССР.

Суть «плана NSDD» по развалу СССР сводилась к следующему:

1. Тайная финансовая, разведывательная и политическая помощь движению «Солидарность Польши». Цель: сохранение оппозиции в центре Варшавского Договора;
2. Значительная финансовая и военная помощь афганским моджахедам. Цель: распространение войны на территорию СССР;
3. Тайная дипломатия в странах Западной Европы. Цель: ограничить доступ СССР к западным технологиям;
4. Психологическая и информационная война. Цель: техническая дезинформация и разрушение экономики СССР;
5. Рост вооружений и поддержание их на высоком технологическом уровне. Цель: подрыв экономики СССР и обострение кризиса ресурсов;
6. Сотрудничество с Саудовской Аравией для снижения мировых цен на нефть. Цель: резкое снижение поступления твердой валюты в СССР (см. *Рубченко М.* Заложники индустриализации // «Эксперт». № 32 (716). 16 августа 2010 г.).

Уже 19 января 1982 года состоялось заседание созданного в 1949 году Комитета по контролю над экспортом (КОКОМ), на котором США требовали, чтобы все коммерческие контракты с социалистическими странами на сумму более 100 млн долларов автоматически представлялись на утверждение КОКОМ. Фактически это означало предоставление США права накладывать вето на любые европейские контракты со странами социалистического блока, и американцы этим правом активно пользовались: к осени того же года таможенные службы США при сотрудничестве со своими европейскими коллегами задержали около полутора тысяч различных поставок в СССР почти на 200 млн долларов.

В январе 1983 года Рейган подписал секретную президентскую директиву «NSDD-75», в которой ставилась цель «фундаментальных изменений советской системы». Это действительно был план активной, наступательной стратегии против Советского Союза и других стран Варшавского Договора. А поскольку значительная часть этой стратегии базировалась на ведении тайных операций, то именно директор ЦРУ Кейси

стал ключевой фигурой этой необъявленной войны. Он имел круглосуточный доступ к президенту США. Именно «Барон» (таков был псевдоним Уильяма Кейси) держал в руках главные приводные ремни механизма по дестабилизации социалистического лагеря, включая тайные подрывные операции в Польше, Чехословакии, Афганистане. Качественно новым этапом в подрывной деятельности против СССР стало то, что руководство ею, которое раньше осуществлялось спецслужбами якобы без ведома политических инстанций, теперь официально возглавили ватингтонские чины высшего государственного уровня. Одним из красноречивых свидетельств этого и была директива «NSDD-75», которая предписывала прямое вмешательство во внутренние дела соцстран с целью подрыва их режимов. При этом главная ставка делалась на создание и консолидацию «внутренних оппозиционных сил», которые при поддержке извне должны были добиваться захвата власти и политической переориентации своих стран на Запад, в директиве говорилось, что в основу конкретных действий должна быть положена «программа демократии и публичной дипломатии». Этой программой, в частности, предусматривалось выделение в 1983–1985 годах 85 млн долларов для подготовки будущих руководящих кадров и создания прозападных политических партий и профсоюзов в соцстранах, а также в странах «третьего мира», придерживающихся социалистической ориентации. На создание «национального и интернационального рабочего движения» ассигновалось 17,8 млн долларов, а на издание и распространение литературы, опровергающей «марксистскую диалектическую философию», – около 5,5 млн долларов (см. *Широнин В.* Цит. соч.; *Лисичкин В. А., Шелепин Л. А.* Третья мировая информационно-психологическая война. М., 1999).

Здесь я хочу особо подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, даже невооруженным глазом видно, что за серией NSDD Рейгана стояло стремление «мирового правительства» утвердить новый мировой порядок путем экспорта американских «ценностей». Немало чернил западные пропагандисты потратили на то, чтобы внедрить в сознание обывателя понятие «экспорт коммунизма». Но, оказывается, в 80-х годах экспортом идеологии всерьез занялась именно администрация Рейгана, причем с ис-

пользованием всего арсенала спецслужб, выделяя на это немалые средства. Во-вторых, в Вашингтоне уже не скрывали, что одной борьбой с коммунизмом не ограничатся.

Под предлогом установления «демократии во всем мире» США готовились к переходу от биполярного к однополярному миру, к своей новой роли «единственной сверхдержавы». Что это означает, мы начали распознавать лишь сегодня, когда развален Советский Союз, реставрирован капитализм в Восточной Европе и странах сооциентации, осуществлены разгром и раздел Югославии, оккупированы Афганистан, Ирак, Ливия и Сирию едва не постигла та же судьба. Для мировой закулисы демонтаж коммунизма был только началом нового передела мира. Те лидеры стран Запада и Востока, которые поддержали «крестовый поход» Рейгана против коммунизма, не понимали тогда, конечно, что СССР и другие страны – участницы Варшавского Договора – это лишь первые жертвы мировой закулисы на пути к ее мировому господству, а следующие – это они. Переворот на Украине и последовавшая за этим ее дезинтеграция, вторжение иммигрантов в Европу в 2015–2016 годах, развал Евросоюза, начавшийся с победы на референдуме в Великобритании сторонников выхода из него, показали, что «управляемый хаос», организованный мировой закулисой на Ближнем Востоке и в Африке, принимает глобальные масштабы. В повестке дня – окончательная балканизация Европы с распадом ее на мелкие княжества и развал России на 85 мелких государств, о чем предупреждал мир генерал Галуа еще во время наших с ним бесед в Париже. Совершенно очевидно, что «мировое правительство» и стоящие за ним владельцы 90 % мирового богатства повели дело к окончательному захвату мировой власти, сделав ставку на тотальное мировое господство. Понятно, что это может обернуться только гигантской катастрофой для всего человечества, не говоря уже о том, что Россию и русский народ ждет в этом случае тот самый сценарий исчезновения из истории, который описал Александр Зиновьев. В руководстве России осознание того, что такой сценарий вполне реален, пришло только к третьему сроку президентства Владимира Путина. Даст Бог, нам удастся избежать той жалкой участи, что уготована России мировой закулисой.

Президент с черного хода

Миттеран, как я могу судить, не был заинтересован в развале Советского Союза. Но, конечно, он понимал, что Горбачев – фигура временная. Такие долго у власти не держатся. И если он его поддерживал, то потому, что, как аристократ по своему интеллекту и происхождению, понимал – Ельцин еще хуже. Помимо того, что этот кандидат в квислинги Вашингтона был начисто лишенным интеллигентности недоумком, он еще был и мертвым пьяницей. Рябов рассказывал мне, что Ельцин, прибыв в Париж в апреле 1991 года, позвонил ему среди ночи и пригласил его в гостиницу, где он остановился, «поговорить». «Он был мертвецки пьян, – вспоминал Яков Петрович. – И я, понятно, к нему не поехал». Ельцин, который был обязан Рябову своей партийной карьерой, т. к. Яков Петрович и рекомендовал его как своего преемника на посту первого секретаря Свердловского обкома партии, был существом злопамятным и подлым и потом это ему припомнил, когда стал президентом России. И, если бы не уральские друзья, Рябову с его супругой Татьяной Ивановной пришлось бы очень туго в те лихие 90-е.

Ельцин прибыл тогда с визитом во Францию уже в качестве Председателя Верховного Совета РСФСР. И вел себя так же, как глава независимого государства. Между тем из официальных лиц его там никто не ждал – прибыл он туда по приглашению малоизвестной общественной организации «Международный политический форум». Однако с самого начала Ельцин попытался обставить эту поездку как официальный государственный визит. Но во Франции, где «Табель о рангах» отработан на всех уровнях и традиционно почитаем, официальные лица если и принимали его, то как бы с черного хода. В Европарламенте, куда он свалился, как снег на голову, ибо его никто туда не приглашал, тогдашний председатель Европарламента Энрике Барон Креспо был вынужден заявить, что Ельцин в Страсбург не был приглашен официально, а «был принят после консультации в бюро Европарламента». Более того, Креспо заявил: «...симпатии Европейского парламента все-таки больше на стороне линии Горбачева».

Тем не менее Ельцин по возвращении в Москву объявил, что был принят самим президентом Миттераном. Был, но тоже – с черного хода. В действительности принял его генеральный секретарь Елисейского дворца Жан Луи Бьянко. «А президент Миттеран, – как писала газета «Либерасьон», – просто зашел, чтобы пожать ему руку во время этой встречи».

Шла большая геополитическая игра. И сейчас, с расстояния почти в четверть века, видно, что из Вашингтона тогда всячески давили на европейских лидеров, требуя от них поддержать рвавшегося к власти Ельцина, наплевав на Горбачева, который уже свое дело сделал, подготовив Советский Союз к развалу, и его можно было сдать. Решающий удар по Советскому Союзу и коммунизму должен был совершить Ельцин.

Он был настолько уверен в том, что у него при такой поддержке все получится, что приходил буквально в бешенство, когда сталкивался с нежеланием его воспринимать серьезно как «лидера России», забывая, что она все еще входит в состав СССР, о чем ему напрямую напомнили в Совете Европы. Либеральная газета «Монд», наблюдая за его турне по Франции, ехидно заметила по этому поводу: «Столкнувшись со стеной непонимания, Ельцин и его сотрудник, ответственный за отношения с прессой (тогда это был Коржаков. – В. Б.), проявили дурное настроение, причем до такой степени, что как один, так и другой забыли все формы политеса, проявляя подлинную натуру советского коммунистического аппарата».

Вспоминая то время, отчетливо видишь, что методы подрывных действий Вашингтона против суверенных государств мало меняются. Даже те лозунги, с которыми Ельцин рвался тогда к власти, взяли на вооружение организаторы оранжевой революции на Украине, а затем лидеры Майдана в Киеве, совершившие в феврале 2014 года государственный переворот. Да и те, кто готовил Майдан в России в 2012 году, выходили на Болотную площадь все с теми же лозунгами – борьба с привилегиями, с коррупцией, против монополии партии власти (тогда КПСС, теперь – «Единой России»). Сейчас к этому попривыкли, а тогда все было в новинку и Ельцину, который быстро стал покорной марионеткой Вашингтона, многие поверили.

Александр Зиновьев раньше многих других понял, что Ельцин сознательно вел дело к развалу Советского Союза. Сейчас уже стало ясно, что делал он это тайно, по прямым указаниям из Вашингтона, и не случайно о подписании Беловежских соглашений он отрапортовал в первую очередь президенту США Бушу-старшему, проигнорировав президента СССР М. Горбачева. В декабре 2014 года и Горбачев набрался смелости и открыто признал, что так оно все и было. Тогда, в апреле 1991-го, мало кто догадывался, что и года не пройдет, как КПСС запретят, советскую власть отменят, а Союз развалится. В ходе того визита Ельцина в Париж произошла единственная в своем роде словесная дуэль между Ельциным и Зиновьевым. Организовал ее телеканал «Антен-2». Мне посчастливилось при этом присутствовать – буквально за час до эфира мне позвонила жена Зиновьева Ольга Мироновна и пригласила в «Антен-2». Нас разместили не в студии – дуэль есть дуэль – а на балконе, с которого мы могли наблюдать за происходящим и записывать все на пленку. Я увидел в окно, как во двор телестудии въехал огромный «членовоз» Ельцина, который он, видимо, взял в посольстве, и через несколько минут он появился в студии. Ельцин по условиям дуэли не знал, кто будет его противником. А когда узнал, то сразу же повел себя по-хамски. Когда Зиновьев предложил ему в дар свою последнюю книгу «Катастройка», не просто отказался ее взять, а как бы отшвырнул от себя. Зиновьев усмехнулся, и дуэль началась. Воспроизвожу ее частично, без всякой редакции:

Ведущий: Почему вы не хотите войти в номенклатуру горбачевскую, почему вы отказываетесь от привилегий?

Ельцин: Когда я стал в составе Политбюро – я убедился, насколько это безнравственно. Особенно по отношению к своему народу, когда 48 миллионов человек живут ниже черты бедности. И эта царская роскошь членов Политбюро ЦК просто поражает.

Зиновьев: С социологической точки зрения это шаг бессмысленный. Общество, в котором нет привилегий, развалится. Это все равно что армия, в которой генералы питаются как солдаты. Наличие иерархии и привилегий – это нормально... Отказ от них производит сильное

впечатление на массы – и будут все кричать «ура». Но когда политический деятель совершает такой шаг, это свидетельствует о непонимании закономерностей.

Вот Борис Николаевич возмущается, что повысили зарплату работникам аппарата. Да потому что инфляция. Вот я был профессором, я получал 500 рублей, и сейчас профессора получают 500 рублей в месяц, а люди в кооперативах в день теперь зарабатывают 500–700 рублей. Отказ от привилегий вызывает восторги масс. Но если Борис Николаевич встанет во главе государства, это будет его самым большим несчастьем – посмотрим, как тогда он поступит. Можно отменить привилегии, но они восстановятся другими путями! Люди все равно будут получать то, что они могут урвать согласно своему положению.

Ведущий: Александр Зиновьев, ваш роман «Катастрожка» – зубастая сатира на перестройку. Но если бы не перестройка, Ельцин не имел бы возможности говорить с писателем, который считается отщепенцем...

Зиновьев: Что вы хотите сказать? Я должен быть счастлив, что могу видеть Ельцина? Ну, это же несерьезно. Перестройка не есть прогресс, это болезнь общества, это кризис! И выходом может быть только контрперестройка. Выходом из болезни не может быть продолжение болезни. Почему не происходит перестройка в партии? А никакой партии нет! Это не политическая партия. Там ничто не может быть перестроено. Вы можете допустить в Советском Союзе тысячу партий – и все они вырождаются в политические мафии! Создайте их и увидите, что получится.

Ведущий: Когда Ельцин говорит, что нужно ускорить перестройку, вы считаете, он хочет ускорить болезнь?

Зиновьев: Да, хочет приблизить страну к смерти.

Ведущий: Но меня удивляет, что у вас нет программы, например, по национальному вопросу. Думаете ли вы, что Литва может завтра стать независимой? Вы не предлагаете решений, вы описываете только общую перспективу.

Ельцин: Ну, незнание моей программы еще не значит, что ее нет. Может, наши средства массовой информации не дают.

Ведущий: Как вам видится будущее СССР?

Ельцин: Эта поспешность Горбачева – немедленно собрать съезд и на съезде избрать президента, вместо того чтобы избрать народом, – это, конечно, вызывает протест, и наша группа будет блокировать выборы. Ряд республик, я думаю, тоже будут блокировать. Они понимают, что усиление власти может привести к подавлению их суверенитета...

А господин Зиновьев не знает процессов, которые идут в народе – на заводах, на фабриках. Народ теряет терпение, люди выйдут на улицу. Критическая масса недовольства сейчас достигает уже предела.

Ведущий: Александр Зиновьев, вы обвиняете западные страны, которые сделали из Горбачева звезду.

Зиновьев: Я хочу сделать короткое замечание по поводу того, что сказал Ельцин. Народ уже однажды брал власть в Советском Союзе в свои руки. И что вышло? Сталин вышел. И если народ возьмет власть в свои руки, кто бы ни вылез наверх – даже Ельцин, – он все равно будет новый Сталин. Он выполнит ту же роль.

Теперь почему Запад аплодирует Горбачеву и Ельцину? Что вы думаете, Запад хочет, чтобы советские люди жили роскошно, были сыты? Ничего подобного! Западу нужно, чтобы Советский Союз развалился. Горбачева похлопывают по плечу и Ельцина, поскольку думают, что они разваливают страну. Они говорят: действуй, Миша, – а они и рады стараться. Много партий, парламент! Это все игра на Запад. Как только Запад увидит, что Горбачев не разваливает советское общество, а выходит из кризиса, кончится здесь слава Горбачева, и на него будут лить потоки грязи. Помяните мое слово!

Ведущий: В таком случае нужно было сохранить старый режим, где железной рукой управляли?

Зиновьев: Я не политик, я исследователь. Что будет, я вам точно скажу. Через пять-шесть лет восстановится нечто такое, что было при Брежнев. Даже, может, хуже, ближе к сталинскому варианту. А о брежневском времени будут вспоминать как о «золотом веке». Вот что будет... Но если Горбачеву удастся развалить советское общество, он будет назван Челю-

веком века. Ни Ленин, ни Сталин – действительно личности эпохального масштаба, – а ничтожный аппаратчик Горбачев.

Удивительную прозорливость Зиновьева мы не могли тогда оценить полностью. Но его прогноз относительно Горбачева и Ельцина, будущего России на ближайшие десятилетия оказался почти буквально точным. Вашингтонский сценарий разгрома коммунизма, в котором Ельцину была отведена роль Нерона Советского Союза, был успешно реализован. Никто не мог тогда сказать, что будет дальше с Россией, каким путем она пойдет.

В США одобрили план развала СССР, разработанный окружением Ельцина, и, скорее всего, дали гарантии беловежским заговорщикам, что в случае неуспеха их путча расправы над ними не допустят. Не случайно о решении президентов России, Украины и Белоруссии о роспуске СССР, подписанном ими в Беловежской пуще в конце 1991 года, Ельцин сообщил в первую очередь американскому президенту, а не президенту СССР Горбачеву. Будь к тому времени на месте «Горби» сильный лидер-государственник, беловежский «путч» не сработал бы. Ельцин, Кравчук и Шушкевич, подписав приговор СССР, это отлично понимали и просто поторопились захватить власть, пока не поздно, пока не пришел кто-то другой, кто смог бы восстановить величие нашей державы, сохранив и укрепив Советский Союз. В последнем случае у них не было бы шансов не только на власть в своих республиках, но и, по меньшей мере, на свободу. А то ведь могли и к стенке поставить.

Переворот в наших душах

Оглядываясь на наше советское прошлое, несложно прийти к выводу, что рыба тухнет с головы. Вместо Рябова послом прислали Юрия Владимировича Дубинина (1930–2013). Это был типичный советский барин, который всю свою сознательную жизнь провел за границей, начав

свою дипломатическую карьеру в Париже еще в 50-х годах. В Советском Союзе он, как говорили тогда, только «пересиживал» срок между загранкомандировками, а затем с очередным повышением опять возвращался в какое-нибудь посольство – во Францию, в США, в Испанию, а под конец опять во Францию – Чрезвычайным и Полномочным. Руководила им во всем его жена, властная и своенравная дама, бюст которой, как мне рассказывал наш корреспондент в Испании, встречал посетителей на входе в советское посольство в Мадриде, когда Дубинин был там послом.

Таких профессионалов, оторванных от России, как правило, сыновей и дочерей наших партократов, было особенно много в Париже, в частности в представительстве ЮНЕСКО, которое занимало вместе с жилыми помещениями целый многоквартирный дом. В большинстве своем они остались после развала СССР во Франции на ПМЖ, за исключением тех, кто работал под «прикрытием». До поры до времени они активно изображали из себя «верных ленинцев», но как только Яковлев и его команда дали с подачи Горбачева добро на идеологические «разброд и шатания», стали открыто выступать в том же духе, что «Огонек» Коротича и вся антисоветская свора в Москве. В апреле 1991-го, в годовщину рождения В. И. Ленина, партбюро посольства поручило мне выступить с докладом. Собралось все посольство в нашем актовом зале. Но дочитать доклад до конца мне не дали. Сидевшие в первых рядах юнесковские «перестройщики» начали топтать ногами, свистеть и возмущаться тем, что их «заставляют» слушать «эту пропаганду в нерабочее время». К тому времени и само существование парторганизации при посольстве, которой руководил присланный из Москвы профессиональный парторг, было поставлено под вопрос. После путча его, понятно, отозвали в Москву.

Наблюдать это массовое ренегатство даже в масштабах нашей парторганизации в советском посольстве в Париже, было горько. Но ведь и эта ячейка советского общества, пусть даже находившаяся вне границ СССР, как в капле воды отражала то, что происходило у нас на родине.

Можно спорить с философом Ильиным, который считал, что в 1917 году русский народ оказался не на высоте своего исторического предназначения. Но то, что он этому предназначению изменил в году

1991-м, – бесспорно. На референдуме еще в апреле 1991-го большинство советских людей высказались против развала СССР. Но чтобы этот развал предотвратить, никто и пальцем не пошевелил, кроме ГКЧП. А между тем «русская идея» в ее советизированном варианте требовала от русского народа всемерной мобилизации и немалых жертв во имя сохранения единства Советского Союза, его великого статуса сверхдержавы. Ни на то, ни на другое он не пошел. Почему? Тому есть немало объяснений, и часть их в этой книге уже перечислена. Но вот еще одно.

В работе историка Льва Гудкова о русской идентичности мы находим весьма любопытный пассаж относительно того, как эрозия идеологии привела в СССР к развалу его экономики, к формированию в ее недрах черного рынка и тех «менеджеров», которым предстояло после гибели коммунизма «строить капитализм». Гудков пришел к выводу, что коммунистическая система рухнула в России, потому что была... бесплодной. Она просто не воспроизводилась:

«Крах советской системы, – пишет он, – был вызван не столько экономическими или политическими причинами, как это нередко утверждают, сколько неспособностью этого режима к самовоспроизводству. Он мог существовать только при наличии институтов массового устрашения, чрезмерной и нерациональной эксплуатации человеческих и природных ресурсов. Систематическое занижение запросов и массовых потребностей, требующее постоянного и жесткого социального контроля над социальным поведением во всех сферах частной и общественной жизни, ограничение информационных и культурных горизонтов, редукция многообразия и, соответственно, индивидуальной мотивации к достижению производительности работы неизбежно должны были обернуться технологическим отставанием от мирового уровня. Это отставание невозможно компенсировать никакими рывками, “ускорением”, частичной промышленной модернизацией и пропагандистскими кампаниями по подстегиванию интенсивности труда (соцсоревнование, ориентация на передовиков и проч.). Как только тоталитарная бюрократия в интересах самосохранения была вынуждена вначале сузить, а затем свести до минимума масштабы массовых репрессий как неперемennого условия принудительной

организации общества и экономики, начались процессы эрозии системы, возникновение теневых или дублирующих официальные структуры отношений и форм регуляции. Именно такого рода компенсаторные и дополнительные образования, с одной стороны, позволили системе сравнительно стабильно просуществовать еще 15–20 лет (вспоминаемых сегодня массовым сознанием как золотое время стабильности и относительного достатка), а с другой – вырастили поколение людей с иными запросами и ориентациями, людей, не желающих довольствоваться нормами прежней жизни с ее дефицитом, всеобщей уравнительностью, пассивностью и надеждами на патерналистскую власть.

Именно невозможность обеспечения подобных ожиданий и даже их воспроизводства стали фактором, медленно разрушающим ресурсы советского режима. Эрозия шла в двух направлениях. С ослаблением репрессивного режима усиливалась открытость общества, информированность об условиях жизни в других странах, что порождало соответствующие претензии к власти, которые не могли быть ею удовлетворены. Кроме того, нарастали центробежные тенденции – стремление национальных элит в других, нерусских республиках к самостоятельности, и чем дальше, тем больше, вплоть до выхода из состава СССР» (http://polit.ru/article/2004/04/05/national_identity/). Тут, как любил говорить г-н Черномырдин, ни убавить, ни прибавить.

Заблудившись в партизвинах...

Предположить, что о тех выводах, к которым пришел Гудков, не докладывали ЦК КПСС особо доверенные исследователи, работавшие на КГБ, было бы наивно. Но у бюрократов, а уже тем более столь идеологизированных, как партократы, свое видение мира. Бесплезно поэтому было им доказывать что-либо с позиций здравого смысла. Партократы были уверены, что верна только их позиция, даже если нормальные люди воспринимали ее как идиотскую. Весь мир, по Марксу, был объектом их деятельности. И стоило им только захотеть, они перевернули бы его

безо всякого Архимедова рычага. Одним лишь «решением Инстанции». Оно могло быть каким угодно. Вчера это было решение «построить социализм в отдельно взятой стране по имени Россия». Сегодня – «построить капитализм». В некотором «ползучем» виде, отмечу, он существовал даже при Сталине. Бригады шабашников строили дачи и целые поселки. После войны почти пять лет липовый «стройбат» прокладывал дороги на Украине. Мошенников в униформе уличили, лишь узнав, что они... не платили партвзносы.

В период «застоя» предпринимательством по поручению партии занялся именно комсомол. В 1971 году для обеспечения молодых семей квартирами было решено разрешить их строить на основе хозрасчета. Так были созданы первые молодежно-жилищные кооперативы (МЖК), которые стали своеобразной «школой капитализма». Только в Москве к середине 1980-х было организовано 52 МЖК. Комсомольцы, выбивая фонды, стройматериалы, кредиты, становились предпринимателями. Впоследствии на базе МЖК выросли не только строительные фирмы, но и банки. Еще одной школой капитализма стали хозрасчетные центры научно-технического творчества молодежи (НТТМ). Их разрешили создавать в соответствии с постановлением Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ № 321 от 13 марта 1987 года. «Как и многие другие экономические структуры, появившиеся в годы перестройки, – писал еженедельник «Версия», – центры быстро отошли от первоначальной ориентации, занявшись различными формами коммерческой деятельности. Чаще всего это была банальная перепродажа сырья, закупленного по госцене. К началу 90-х в СССР насчитывалось уже более 600 центров НТТМ: они не платили никаких (!) налогов, но отчисляли 3 % дохода в общесоюзный фонд НТТМ и 27 % – в местные фонды, которыми распоряжались координационные советы НТТМ. При этом государство не получало вообще ничего: средства фондов направлялись на “развитие научно-технического творчества и социальные цели” (общий оборот фондов в 1989 году составил 1,5 млрд рублей). Получив право обналичивать деньги, центры НТТМ стали одновременно и колыбелью российской бизнес-элиты, и локомотивами инфляции. Комсомольский капитал

рос как на дрожжах...» (<http://versiasovsek.ru/material.php?1862>). Именно из этого гнезда и вылупился олигарх Михаил Ходорковский, а вместе с ним Березовский, Фридман, Потанин, Авен и др.

Официально разрешенное предпринимательство мирно сосуществовало с подпольным. Комсомольский капитал тихо срашивался с преступным. В этот процесс затянуло и великое множество чиновников, без разрешения которых нельзя было ничего «выбить» при отсутствии открытого рынка и доступа к фондам. Поэтому под финал советской власти коррупция в бюрократической среде процветала. В постсоветские времена она стала сутью работы «отдельного бюрократа», для которого «государственная цель», превращаясь в его «личную цель», сводилась к личному обогащению любой ценой.

При любом окладе бюрократ будет брать в лапу, если он будет подменять своей волей волю народа, избравшего тех, кто создает законы, обязательные для исполнения государственными чиновниками всех рангов. Бюрократы необходимы как управленцы, и против этого могут возражать только анархисты (из принципа) и неучи (в силу своего невежества). Но они не могут подменять собой государство. Бюрократия есть управленческая машина, которую создают те, кому она служит, т. е. теоретически народ, либо некий правящий класс (монарх, буржуазия в парламентской республике, пролетариат с его диктатурой, просто трудящиеся при социализме). Но когда эта машина заставляет служить себе тех, кто ее создал, то сам принцип управления превращается в свою противоположность, в иллюзию управления. Если у нас в России этого не понимают, то не из-за отсутствия извилин у русских и других населяющих ее народов, а в силу неистребимого желания бюрократов жить и кормиться за наш счет.

Бесславное правление Бориса Николаевича Ельцина по-своему вновь подтвердило, что в России, несмотря на все перемены, ничего не меняется в одном плане – со времен Петра Государство Российское остается сугубо бюрократическим. Бюрократия сумела пережить и Февральскую, и Октябрьскую революции 1917 года.

Даже после того, как большевики уничтожили величайшую бюрократическую «конституцию» России – петровскую «Табель о рангах»,

бюрократия не уступила своих позиций и, в конечном итоге, уже при Сталине вернула их обратно и укрепила многократно, обретя при этом новые формы партократии и советократии. Потеряв, казалось бы, все свои позиции с распадом СССР, бюрократия тем не менее восстала из пепла и чудовищно расплодилось в России и бывших союзных республиках. Даже по численности в России число государственных чиновников превысило численность бюрократического контингента в СССР. Прежние структуры слились с новыми, и в результате этого симбиоза родилась новая, тотально коррумпированная бюрократическая «демократия». Говорухин не случайно называет ее «воровской властью коммунистов-оборотней». Он исходит из того, что это все те же бюрократы, только надевшие другие мундиры.

Конечно, они не переменились, выбросив свои партбилеты. У них остались те же манеры, те же привычки. Точно так же они верят в силу «Авторитета» и «Решения», и что с того, что «авторитеты» все больше воровские, а решения – незаконные? Главное в другом – в том, что они сумели сделать свои антигосударственные цели действительными целями Российского государства, в том, что они были и остаются «надменной кастой», по характеристике президента Путина. Для них русский народ годится только для того, чтобы высасывать из него жизненные соки, обирать его и грабить. Они его презирают, и потому в их среде такое количество космополитов, даже не «западников», для этого у них интеллекта маловато, а скорее обожателей западного образа жизни на потребительском, обывательском уровне. Ведают ли они, что творят? Я с большой осторожностью отношусь к критике «авторитаризма» из уст «прораба перестройки» А. Н. Яковлева, но в данном случае приведу из его интервью «Независимой газете» характеристику той бюрократии, которая как бы перетекла из номенклатуры КПСС времен «перестройки» в номенклатуру постсоветской России: «...Меня тревожит наше чиновничество. Оно жадное, ленивое и лживое, не хочет ничего знать, кроме служения собственным интересам. Ненавидящее людей. Оно, как ненасытный крокодил, проглатывает любые законы, любые инициативы людей, оно ненавидит свободу человека. Авторитаризм всегда считал людей простым возобновляемым

ресурсом. Как трава или дерево – скосил, срубил, снова все вырастет. Отношение к людям – как основное мерило цивилизованности общества – у нас находится на очень низком уровне» (19 апреля 2005 г.). Тут «прораб» прав. Он этих «крокодилов» хорошо знает. И прекрасно понимает, что они и его съели, когда он перебрал по части критики авторитаризма и посягнул на их бюрократические «тайны». Своим они этого не прощают.

Во всем мире поступление на государственную службу обязывает чиновника отказаться от какого-либо участия в бизнесе, передать в управление доверенному лицу имеющиеся у него активы. В постсоветской России все наоборот – чем выше пост занимает чиновник, тем в большее число правлений разного рода государственных и смешанных предприятий он входит. И там получает такие добавки к зарплате, которые в разы превышают его должностной оклад. Чиновники на местах, как показал ряд исследований Счетной палаты РФ, в тех же целях сплошь и рядом используют местные фирмы, а также региональные и муниципальные бюджеты, активно путая государственный и корпоративный карман со своим. Примеров тому не счесть. Уголовные дела о коррупции чиновников всех уровней составили за постсоветский период тысячи томов.

Классические, по Марксу, бюрократы не мыслят ни единого государственного дела без того, чтобы на этом, как они говорят на своем аргю, «не срубить капусту». История приватизации и залоговых аукционов дает тому бесчисленное множество подтверждений. Как показал доклад Счетной палаты РФ об итогах приватизации, государственные чиновники специально занижали цену госпредприятий, чтобы получить взятку от прихвизаторов, никоим образом не смущаясь притом, что грабят, таким образом, нанявшее их на службу государство, обирают собственный народ.

Они обезумели от своей страсти к наживе, и эту вакханалию никто не хотел остановить в ельцинском Кремле, где действовали целые структуры по получению «отката» от разграбления России. Но было не только это! По вине этих мерзавцев на госслужбе обороноспособность РФ была, по сути, полностью подорвана за какие-то первые десять лет после развала СССР. На лом продавались новейшие танки и бомбардировщики,

боевые корабли и спасательные плавучие базы, ракеты и пусковые установки. Ни одна западная спецслужба не смогла бы добиться такого за годы подрывных действий против нашей страны. К счастью, Владимиру Путину удалось этому положить конец.

Часто говорят, что в среде высшей и средней бюрократии советских времен никакой веры в коммунистические идеалы после смерти Сталина уже не было. Не буду спорить. Но было, по крайней мере, другое – нормы поведения и формы контроля за партократией, которая эти идеалы должна была по определению утверждать в сознании *homo soveticus*. Когда эти идеалы были официально сданы в утиль, бюрократ почувствовал полную свободу от всякой ответственности за свои действия в приватизированном им государстве. В стране наступил чудовищный кризис веры, который, как и водится, привел к столь же чудовищному падению нравов и общественной морали, к засилью кумовства и коррупции. Для многих советских людей этот кризис обернулся личной катастрофой, потому что годами их учили, что общественное и личное суть понятия тождественные. Не случайно начало 90-х годов отмечено в РФ таким скачком в статистике самоубийств.

Советские бюрократы высшего и среднего звена – партийные, советские, комсомольские, военные, судебные, правоохранные и прочие номенклатурные работники – в массе своей пережили этот кризис безболезненно. Они, как говорят французы, просто «вывернули пиджак наизнанку», и оказалось, что под кумачовым бархатом у них скрывались либо лиловые сюртуки «либералов», либо махрово-коричневые облачения «консерваторов». Разницы между двумя этими понятиями они так же не могли бы объяснить толком, как и разницу между материализмом и эмпириокритицизмом в советские времена. Но зато очень грамотно и быстро образовали новую российскую бюрократию, поменяв лишь вывески на дверях своих кабинетов либо сами кабинеты, увеличив себе при этом денежное содержание в разы.

Очень любопытно порой перелистать страницы российского «Who is Who?» и подивиться удивительной способности российского бюрократа к политической мимикрии. Вот лишь несколько имен из этого справочника:

Болдин Валерий Иванович, бывший редактор сельхозотдела «Правды», эксзав. Общим отделом ЦК КПСС при Горбачеве, бывший член ГКЧП, а затем заключенный тюрьмы в Лефортово – мирно перекочевал в коммерческий банк «Нефтяной» и стал одним из его руководителей.

Бобков Филипп Денисович, генерал, бывший первый заместитель председателя КГБ СССР, член ЦК КПСС. Именно он возглавлял Пятое Главное управление КГБ, в ведении которого находилась борьба с диссидентами и противодействие «империалистической пропаганде». Без визы его экспертов в советской прессе не могла появиться ни одна публикация по диссидентам. Едва свалили памятник Дзержинскому на Лубянке, он перешел на службу к господину Гусинскому и стал начальником аналитического управления, а на деле шефом службы безопасности группы «Мост».

Грошев Владимир Павлович, бывший зав. отделом агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ, затем работник аппарата ЦК КПСС, стал председателем совета директоров банка АБ «Инкомбанк» и президентом Союза менеджеров.

Щербаков Владимир Иванович, бывший первый заместитель премьер-министра СССР В. Павлова (1990), глава калининградской компании «Автотор», которая собирает у нас BMW и «хаммеры».

Газета «Новые известия» 30 октября 2003 года привела список бывших секретарей ВЛКСМ разных уровней, которые «весьма удачно адаптировались к “новой жизни”». Среди них: *Владимир Зюкин* – первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1990–1991) и глава брокерской компании «Крэйтон капитал»; *Виктор Мишин* – первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1982–1986) и председатель правления «Крокус-банка», член правления и Совета попечителей Московского Английского клуба; *Людмила Швецова* – секретарь ЦК ВЛКСМ (1981–1989) и первый заместитель председателя правительства Москвы; *Станислав Смирнов* – первый секретарь МГК ВЛКСМ (1985–1989), секретарь ЦК ВЛКСМ (1989–1990) и Президент Торгово-промышленной палаты РФ (1991–2001); *Иосиф Орджоникидзе* – первый секретарь ЦК ЛКСМ Грузии, секретарь ЦК ВЛКСМ (1990–1991) и заместитель председателя правительства Москвы; *Ва-*

лентина Матвиенко – заведомо, секретарь, первый секретарь Петроградского райкома ВЛКСМ (1972–1977), секретарь, второй, первый секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ (1977–1984) и губернатор Санкт-Петербурга; *Сергей Кириенко* – второй секретарь Нижегородского обкома ВЛКСМ (1990–1992); в 1998 году – премьер РФ, затем – глава Росатома; *Михаил Ходорковский* – заместитель секретаря Фрунзенского районного комитета ВЛКСМ г. Москвы (1986–1987), директор Центра научно-технического творчества молодежи (1987–1989) и Председатель правления НК «ЮКОС», мультимиллиардер, самый богатый человек в России в 2004 году по данным журнала «Форбс», а после отсидки – лидер «болотной оппозиции»; *Александр Волошин* – освобожденный секретарь комитета ВЛКСМ станции Москва-Сортировочная (1982–1983) и руководитель администрации президента РФ (1998–2003).

Я взял всего несколько имен этих «верных ленинцев». Почти наугад. А их – тысячи, десятки тысяч. И все они в числе тех самых 15% населения России, которых статистика относит к числу самых богатых в нашей стране.

Имена эти приведены здесь вовсе не для того, чтобы кого-то прибить, таким образом, к позорному столбу на века, – всего лишь для иллюстрации процесса трансформации коммунистической бюрократии в новую, антикоммунистическую буржуазную, денежную элиту. Наследники большевиков, которые в октябре 1917 года не захотели вставать в «плехановскую очередь», и на этот раз эволюции предпочли революцию. Пусть даже с приставкой «контр». Новую буржуазию для российского «капиталистического проекта» не стали готовить по примеру венгров, поляков или китайцев, постепенно реанимируя частный сектор, в первую очередь в торговле, сфере услуг и в сельском хозяйстве. Коммунизм отменили так же, как в свое время капитализм. Поэтому новая буржуазия не могла сформироваться иначе как из номенклатурных работников, составлявших правящий класс в СССР, их услуги, дельцов черного рынка и подпольных цеховиков да уголовников. Поэтому и капитализм в России мог стать только таким, каким он и оказался, – полукриминальным, олигархическим, т. е. завязанным на коррумпированную власть, и анти-

либеральным. По той же причине в России и демократия стала развиваться вообще в форме невиданной прежде разновидности, что именуются на Западе теперь «авторитарной демократией». Что это, как не гибрид социализма и «банановой республики»? Бюрократию в СССР вполне устраивал реальный социализм, но ей не хватало буржуазных свобод и западного изобилия. Ясно, что в результате они создали только иллюзию капитализма и иллюзию демократии. Зато сохранили Власть и Авторитет и великие тайны своей бюрократической иерархии и превратились в конечном счете, как сказал Владимир Путин в своем Послании Федеральному собранию в 2005 году, в «замкнутую, надменную касту».

Все это постсоветское действо только напомнило мне финал повести Джорджа Оруэлла «Скотный двор», где описывается примирение свиней (т. е. революционеров) и фермеров (помещиков-капиталистов): «Двенадцать голосов кричали одновременно, но все они были похожи. Теперь было ясно, что случилось со свиньями. Оставшиеся снаружи переводили взгляды от свиней к людям, от людей к свиньям, снова и снова всматривались они в лица тех и других, но уже было невозможно определить, кто есть кто».

Признаем, что такого рода трансформации только закономерны в том капиталистическом государстве, первым президентом которого стал бывший первый секретарь обкома КПСС и кандидат в члены Политбюро. Ельцин – часть партократии СССР, ее высшего эшелона. Его даже не выбирали на партийных конференциях и съездах, а назначали. Именно как бюрократа от партии. Так, он был назначен сначала заведующим отделом, а потом третьим секретарем Свердловского обкома КПСС. Так же он был назначен заведующим отделом ЦК КПСС. В его карьере советского периода даже партийной демократией не пахло.

Точно так же высшие партократы захватил власть в получивших независимость советских республиках, где после развала СССР к власти пришли либо первые секретари их компартий, либо коммунисты среднего номенклатурного звена.

В Азербайджане первым президентом республики с 1991 по 1992 год стал первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана *Аяз Муталибов*.

После ряда переворотов и борьбы за власть президентом стал генерал-майор *Гейдар Алиев*, бывший председатель КГБ Азербайджана, а затем первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана с 1969 по 1982 год. Его пост унаследовал его сын *Ильхам Алиев*, и, судя по всему, там попахивает наследственным президентством.

В Молдавии президентом стал *Мирча Снегур*, до этого – первый секретарь ЦК Компартии Молдавии с 1985 года. В Киргизии президентом с 1990 по 2005 год был бывший первый секретарь ЦК Компартии Киргизии *Аскар Акаев*. В Казахстане с 1991 года президентом оставался *Нурсултан Назарбаев*, бывший первый секретарь ЦК Компартии Казахстана и член Политбюро ЦК КПСС. В Таджикистане первым президентом после объявления независимости стал первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана *Кахар Макхамов*. После ряда трагических событий в республике и кровавой борьбы за власть в президентское кресло сел *Эмомали Рахмонов*, бывший председатель совхоза и провинциальный партработник, член КПСС. На Украине президентом стал *Леонид Кравчук*, один из предательской тройки, подписавший позорные «Беловежские соглашения» вместе с Ельциным и президентом все еще советской Белоруссии *Станиславом Шушкевичем*, кстати, членом КПСС с 1968 по 1991 год. Как ни чудовищно это звучит, он был вторым секретарем ЦК Компартии Украины и ведал проблемами идеологической борьбы и пропаганды. Даже в прибалтийских республиках, где антисоветские настроения были особенно сильны, партократы не сдали своих позиций и после развала СССР. 1 сентября 1993 года президентом Литвы был избран *Альгирдас Миколас Бразаускас*, первый секретарь ЦК Компартии Литвы с 1988 по 1998 год.

В Туркменистане *Сапармурат Ниязов*, первый секретарь ЦК КП Туркмении с 1985 по 1991 год стал «пожизненным президентом» Туркмении с титулом Вечно Великий Сапармурат Туркменбаши. Режим его личной диктаторской власти с одновременным культом личности в духе самых жестких азиатских ханств сохранялся вплоть до его смерти в 2006 году. Его сменил заместитель председателя кабинета министров Туркменистана (председателем кабинета министров Туркмении был сам Ниязов) *Гурбангулы Бердымухамедов*, как утверждают, внебрачный

сын Туркменбаши, на которого он действительно похож как две капли воды. В Узбекистане с 1990 года действовал президент *Ислам Каримов*, бывший первый секретарь секретаря ЦК Компартии УзССР (1989–1991).

Можно ли подобрать более убедительную иллюстрацию того, что развал СССР был делом рук высшей партократии КПСС?

Ни у кого не было иллюзий по поводу этой публики, составлявшей угодливую свиту генеральных секретарей. Все они до развала СССР не просто клялись в верности коммунизму со всех партийных и государственных трибун. Они еще и пресмыкались перед столичными лидерами КПСС. Эта практика сохранялась во все годы советской власти и мало изменилась со времен Сталина.

В Грузии после ликвидации режима Гамсахурдии в 1992 году приходит к власти бывший генерал-майор КГБ, руководитель сначала МВД республики, а затем – первый секретарь ЦК Компартии Грузии, член Политбюро ЦК КПСС (1985–1990), Герой Социалистического Труда, ближайший соратник М. С. Горбачева и экс-министр иностранных дел СССР, ближайший подельник Горбачева по развалу нашей страны, предатель *Эдуард Шеварднадзе*. На этом посту он продержится до 2003 года.

Георгий Лебанидзе, собкор «Правды» в Грузии, рассказал мне, как Шеварднадзе получил свою «Гертруду» (так называли звезду Героя Соцтруда) непосредственно из рук Брежнева. Дело было в 1981 году. И всё шло к тому, что Шеварднадзе готовились убрать с поста первого секретаря по причине небывалого расцвета в Грузии коррупции, подпольного бизнеса и полного разложения партийной верхушки республики. Решение было уже практически принято, и из Москвы уже послали в Тбилиси оперативную группу «ликвидаторов» для подготовки внеочередного Пленума ЦК Компартии Грузии, который и должен был его снять. Шеварднадзе, узнав об этом, нажал на все педали в Москве, куда он чемоданами, если не вагонами, отсылал нужным людям свои подарки, и добился того, чтобы Брежнев принял его приглашение посетить Грузию. Брежнев к тому времени уже медленно, но верно угасал. В аэропорту Тбилиси Шеварднадзе, встретив Брежнева, повез его не в ЦК, как предполагалось поначалу и где уже были готовы ораторы для выступления на пленуме

ЦК Компартии Грузии с осуждением Шеварднадзе, а в горы. Оторвавшись по пути от кортежа Брежнева, головная машина уходила все дальше от столицы Грузии. «Ты куда меня везешь?» – спросил Брежнев, сообразив, что они направляются не в Тбилиси. «Сейчас увидите, дорогой Леонид Ильич», – ответил Шеварднадзе. И через несколько минут машина остановилась у забора госдачи. Ворота открылись, и Шеварднадзе подвел его к небольшому домику. Это была копия того дома в поселке Каменское в Екатеринославской губернии (на Украине в 2016 г. Екатеринославль переименовали в Днепр), где родился Брежнев. Воспроизведено было все до деталей. Брежнев растрогался до слез и только спросил, впадая в очередной момент старческого маразма: «А где мама?»

«Вот этого я, дорогой Леонид Ильич, сделать не могу, – ответил Шеварднадзе. – Но мы создали этот музей Леонида Брежнева, чтобы все видели, что вы вышли из простой рабочей семьи и прошли такой героический жизненный путь до генерального секретаря нашей Коммунистической партии». Тут, как рассказывал Лебанидзе, Брежнев пустил слезу, обнял Шеварднадзе и сказал: «Я тебе этого, Эдик, никогда не забуду». Он тут же снял со своей груди одну из пяти звезд Героя Социалистического Труда и навесил ее на грудь Шеварднадзе. Пленум ЦК Компартии Грузии состоялся в тот же день, но там выступали уже совсем другие ораторы.

Конечно, широкая публика о таких драматических эпизодах в жизни КПСС не знала. Но то, что партократия была коррумпирована, мы все знали. Достаточно вспомнить, как встречал Брежнева в Баку будущий президент буржуазной республики Азербайджан, а тогда всего лишь Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гейдар Алиев. Там были и народные танцы, и праздничные концерты на улицах. Но главное, что запомнили советские зрители в первом репортаже о визите Брежнева в Баку, – это тот перстень с большим бриллиантом, который появился у генерального секретаря на безымянном пальце, когда он сел в торжественный президиум. Брежнев увлеченно играл с ним, как ребенок с новой игрушкой, поворачивая его то к свету, то телекамерам. В вечерних новостях, правда, этот эпизод вырезали.

Одним из самых ярких сторонников Бориса Ельцина в 1991 году был кинорежиссер Станислав Говорухин. Именно его фильм «Так жить нельзя» сыграл во многом решающую роль при избрании Ельцина Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, а затем и Президентом РСФСР. Но Говорухин довольно быстро понял, кому он взялся служить, назвав режим Ельцина «самой *ничтожной из всех*, самой коммунистической из всех (выделено мной. – В. Б.) властью».

«Что вы имеете в виду, когда так определяете эту власть?», – спросил его один из западных корреспондентов в Москве.

«То, что она ничтожна, – это, я думаю, всему миру ясно, – ответил Говорухин. – Ну, начнем с того, что она воровская. Ведь не было даже в истории советского государства, чтобы такое мелкое ворье взяло власть в стране. То, что она коммунистическая, это тоже понятно. Причем это не просто коммунисты, а коммунисты-оборотни. Ведь все они убежденные коммунисты, все они были в КПСС, и не просто там люди, которые в партию вступали, потому что не могли, допустим, работать по своей основной специальности инженера, или ученого, или летчика (а ведь раньше командиром корабля стать было невозможно, если ты не член партии). Большинство, конечно, процентов 98, в партии были только потому, что таковы были правила игры. Как они выкинули партбилеты, так они ничуть не изменились, какими были, такими и остались. Но ведь эти все (т. е. Ельцин и его окружение. – В. Б.) либо идеологами были, либо партийными начальниками. Давайте посмотрим конкретно. Гайдар – зам. редактора “Правды”, зам. редактора журнала “Коммунист”, то есть всю жизнь коммунистическими идеями руководствовался. Бурбулис – доцент кафедры научного коммунизма. Михаил Полторанин – редактор “Московской правды” (Полторанин, министр информации в первом правительстве Ельцина, а затем его ближайший советник, начинал свою карьеру в «Правде», затем был назначен Ельциным главным редактором «Московской правды», которая была органом Московского городского комитета КПСС, сразу после того, как Ельцин стал партийным боссом Москвы. – В. Б.). Ельцин – секретарь обкома, а потом кандидат в члены Политбюро, как можно сделать карьеру до кандидата в члены Политбю-

ро, не предав, не продав, не переступив через труп товарища? Значит, все они убежденные коммунисты, в один день нельзя выбросить партбилет и сразу стать другим человеком».

Я соглашусь с Говорухиным, лишь с одной поправкой: не коммунисты, а партократы. А эта категория все-таки к рядовым коммунистам, в массе своей нормальным, порядочным людям, и тут он прав, говоря о 98 %, имела столь же отдаленное отношение, как Ленин, Троцкий и Сталин с их боевиками и экспроприаторами к легальным марксистам в России до революции (Струве и др.).

Формально Говорухин прав, когда говорит о том, что практически все руководство постсоветской России оказалось коммунистическим. Но таковым оно было лишь по партийной принадлежности к КПСС. Другой-то партии в СССР и не было. Кадры брать было неоткуда. Наличие партбилета, однако, не означало наличия убежденности у его обладателя в идеях коммунизма. Задолго до его краха в СССР в самой КПСС и в обществе произошел раскол на тех, кто еще верил в эти идеи, и на тех, кто делал вид, что них верит. Причем среди первых, как правило, не было «партийных фундаменталистов», а вторые из карьерных соображений не стеснялись выступать в роли фанатиков от коммунизма. Даже «Правда», где я работал с 1970 года, не была исключением. Разделительная линия проходила и по нашей редакции. Она проявилась весьма четко уже в первые годы перестройки. Для меня поэтому не стал сюрпризом уход правдистов Егора Гайдара, Бориса Миронова и Михаила Полторанина на службу антикоммунистическому режиму Ельцина, а затем и уход части моих коллег по «Правде» в бизнес. Каждому, как говорится, свое.

Обыкновенная мимикрия

Конечно, тем, кто был коммунистом действительно по убеждению, а не по карьерным соображениям, наблюдать все это постсоветское «выворачивание пиджаков» было нелегко. Я знаю это по своему личному опыту. Удручало собственное бессилие. Чем-то мне все это напоминало рас-

сказ Александра Зиновьева о первых днях войны, когда красноармейцы массово сдавались в плен вместе со своими командирами и комиссарами. И ничего нельзя было сделать. Оставалось только сражаться в одиночку, отстаивая все то, во что веришь.

О том, что в Советском Союзе сформирован ГКЧП, объявивший в стране чрезвычайное положение, о том, что по улицам Москвы по его приказу идут танки, я узнал только из утренних новостей парижской первой программы «TF-1» 19 августа 1991 года. Я связался с «Правдой», но там мне ничего рассказать то ли не смогли, то ли не сумели. Прислали только по факсу первое заявление ГКЧП, распространенное ТАСС.

По «ящику» то и дело показывали танки, идущие по улицам Москвы, окружившие Красную площадь. На кого наступали наши войска? По чьему приказу? По телевидению в Москве показывали только танец маленьких лебедей из «Лебединого озера».

Часов в одиннадцать показали, наконец, весь ГКЧП в полном составе. Вид у них был ужасный. Будто бы они пили всю ночь и к утру предстали перед телекамерами. Больше всего меня удручало то, что во главе ГКЧП оказался Геннадий Янаев. Тот самый, который когда-то в Комитете молодежи организаций СССР, где он председательствовал, не смог мне человеческим языком толком рассказать, чем этот комитет занимается, и только приказал своим помощникам, указав на меня пальцем: «Оброшюрьте его!» Тот самый, к которому не рекомендовали заходить после обеда, ибо он уже к тому времени был «хорош». Но ведь сам Горбачев почему-то выбрал его в вице-президенты СССР. Наверное, потому, что уж кто-кто, а Янаев не будет его конкурентом. И это ничтожество будет теперь править нами! Или сидевший с ним рядом Председатель КГБ Крючков, андроповский выкормыш и горбачевский прихвостень, при попустительстве которого яковлевская «пятая колонна», прорвавшаяся к власти в партии и государстве, шесть лет подряд беспрестанно уничтожала наши святыни, нашу партию и наше государство под предлогом «развития социалистической демократии»! В какой роли он теперь выступит? Нового Ежова? Или Берии? Да и вся эта хунта озбоченных партократов, тех самых, что «более равны, чем другие», не

внушала мне никакого доверия. Я еще не знал тогда, что весь этот так называемый «путч» Горбачев запустил сам с таким расчетом, что если удастся – восстановит всю полноту своей власти, а не удастся – обвинит во всем тех, кого сам же и выпустил с танками «защищать социализм». А с танками, как известно, защищаться можно только от врага, а не от своего собственного народа.

Только через 20 лет после этих событий, в августе 2011 года, Михаил Горбачев заявит, что заранее знал о планах ГКЧП. Однако в сентябре 1991 года на следствии по делу ГКЧП он говорил, что был не в курсе. Врал, как всегда. Между тем Крючков именно по его указанию начал за год до рокового августа 91-го готовить структуры ГКЧП. Геннадий Янаев неоднократно заявлял, что и документы ГКЧП были разработаны по поручению Горбачева. Одним из прямых пособников ГКЧП был Валерий Иванович Болдин – заведующий Общим отделом ЦК КПСС, руководитель аппарата Горбачева, бывший член редколлегии нашей «Правды» и редактор ее сельхозотдела. И кто мог знать, что в нашем правдинском коллективе подрастают такие серые кардиналы. Последний председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов, ссылаясь на свои воспоминания и на воспоминания первого секретаря МГК КПСС Юрия Прокофьева, утверждает, что прообраз ГКЧП – комиссия по ЧП – была создана на совещании у Горбачева в марте 1991 года и даже имела собственную печать.

Сразу же после того, как появились первые сообщения о путче из Москвы, меня вызвали в посольство. Сообщили, что посол Дубинин категорически запретил всем советским гражданам во Франции выступать с какими-либо комментариями по поводу событий в Москве. Колония особо доверенных и проверенных притихла. Ждала поворота событий и команды – поддержать ГКЧП или решительно осудить.

К вечеру мне позвонил ведущий французского телеканала «La Cinq» («Пятый») и предложил приехать к ним в студию для участия в передаче о путче в Москве. Когда я приехал, то первым, кого я там встретил, был Мишель Тати, обозреватель газеты «Монд», который несколько

лет работал в Москве. Тати, внешне чем-то похожий на нашего телемеждународника покойного Валентина Зорина, набросился на меня еще до выхода в эфир: «Ну что ж, поздравляю. Фашисты захватили в Москве власть!» В этом же духе он потом и высказывался в прямом эфире. Тати был известным русофобом и заядлым сионистом, и ожидать от него какой-либо объективности при освещении любых событий в СССР было делом безнадежным.

После Тати ведущий спросил уже меня в прямом эфире, что я думаю «по поводу переворота в Москве». От меня как от корреспондента «Правды», опубликовавшей тогда все декреты ГКЧП, на «La Cinq» ожидали безусловного «Одобряем-с!». Но поддержать ГКЧП во главе с Янаевым я просто не мог, но не мог и промолчать, даже несмотря на категорический запрет посла Дубинина выступать нам, советским, с какими-либо комментариями во французских СМИ по поводу путча, хотя и Ельцину не симпатизировал. Я высказал тогда не бог весть какую оригинальную мысль. Сказал, что не все так просто в Москве, как это представляют американский канал CNN и французское телевидение. И добавил, что все же, по моему глубокому убеждению, говорить, будто демократический процесс в СССР продолжается, уже нельзя, ибо «демократия и танки несовместимы». И еще я сказал, что хотел бы знать, где в этот момент находится генеральный секретарь моей партии Михаил Горбачев, центральный орган которой – «Правду» – я представляю в Париже. Наутро эти мои слова процитировали в газетах. И хотя то, что «демократия и танки несовместимы» – это достаточно банальная истина, от меня после интервью по La Cinq все в посольстве отвернулись, как по команде. У нашего корпункта почти двое суток дежурила какая-то машина с номерами нашего посольства. И только после разгона ГКЧП со мной снова стали здороваться.

Когда Ельцин закрыл «Правду», я, ее собственный корреспондент, оказался в Париже с женой и двумя детьми без всяких средств к существованию и без надежды их когда-либо получить. Раньше при входе в посольство все мои статьи и даже мелкие заметочки, опубликованные в «Правде», вывешивали на доске перед входом в посольство. А после провала путча ни один из членов советской колонии в Париже даже не вы-

разил мне сочувствия, я уж не говорю о том, чтобы как-то помочь мне и моей семье. И не потому, что они были черствыми душой и недобрыми людьми. Нет – сработал синдром покорности homo soveticus, готовности осудить и отмежеваться от всех тех, кто хотя бы на микрон посмел «отклониться от линии партии» не вместе с этой линией.

Зато рядовые, часто незнакомые мне французы звонили в корпункт «Правды», спрашивали, нужна ли помощь, есть ли у меня деньги заплатить за квартиру, будет ли где жить, не надо ли на время пристроить детей. Предлагали даже временную работу, пока «Правда» не начнет вновь выходить. До сих пор храню банковский чек на 100 франков от одного из них.

Из «родного» посольства не позвонил никто. Категорически отказались подписать обращение в защиту «Правды» и представители СССР в ЮНЕСКО во главе с моим «приятелем» Владимиром Ломейко.

Для французов, для которых понятие «свобода печати» свято, эти шаги Ельцина «по пути демократии» были абсолютно неприемлемы. Первыми в поддержку «Правды» выступили наши друзья из газеты «Юманите». За ними с протестом против закрытия «Правды» Ельциным выступила «буржуазная» ассоциация «Репортеры без границ», в которую входят такие киты правозащитного движения, как «Международная амнистия», «Статья 19» (названа так в честь 19-й статьи Всеобщей декларации прав человека, гарантирующей свободу слова), Международная федерация журналистов (МФЖ), объединение журналистов США. Потом, кстати, МФЖ выступила с отдельным аналогичным заявлением. Можно было только покаяться задним числом за то, что мы иной раз в «Правде» обрушивались на эти организации за их поддержку нелегальных изданий «Самиздата» и советских диссидентов, клеймили их как «заклятых врагов СССР» и «поборников буржуазных прав и свобод». С «классовым подходом» у нас было все в порядке. Но оказалось, что идеологические шоры на глазах мешали нам увидеть реальный мир и мы по-своему, как прусские бюрократы по Марксу, «творили» действительность капиталистического мира в соответствии с принятыми в СССР догмами, не видя там возможных союзников, которые совершенно неожиданно пришли на помощь «Правде» в столь трудное для нее время.

Сюрпризы следовали за сюрпризами. После моего выступления по пятому каналу, мне предложили выступить и в других СМИ с призывом к возобновлению издания «Правды», что я и сделал. Отклик был небывалый. Даже такая либеральная газета, как «Либерасьон», предложила мне регулярно печатать статьи из «Запрещенной “Правды”». В Москве этот протест услышали и «Правде» разрешили вновь выходить. На время это спасло и наш корпункт во Франции.

Наконец, отмечу и еще одно немаловажное обстоятельство – исключительно лояльное отношение французских властей лично ко мне как корреспонденту «Правды». А казалось бы, могли вообще выслать из страны в 24 часа, раз КПСС по сути дела перестала и править, и даже существовать, а ее центральная газета больше не выходит.

Я рассказал все о той поддержке в первом же номере «Правды» после запрета. Свою статью «Переворот в наших душах» я закончил такими словами:

«Давайте не забывать всех этих уроков истины, если мы хотим видеть окружающий нас мир таким, как он есть. Если мы хотим достойно вернуться в мировую цивилизацию и быть уже не изгоями, а полноправными членами мирового сообщества. Мы начинаем “Правду” заново. Пусть она будет всегда соответствовать своему имени» («Правда». 2 сентября 1991 г.).

После провала путча «линия партии» в посольстве качнулась в прямо противоположную сторону, со мной снова стало быть здорово, но теперь я должен был, по мысли всех наших посольских «гомо советикусов», аплодировать уже не Янаеву, а Ельцину. Но не дождалось. Посол Дубинин, кстати, кандидат в члены ЦК КПСС, узнав о провале переворота и получив новые инструкции из Москвы от вновь назначенного министра иностранных дел Бориса Панкина, моего бывшего главного в «Комсомолке», так и поступил, сообщив не кому-нибудь, а... корреспонденту радио «Свобода» в Париже Фатиме Салказановой о своем выходе из КПСС. Посольский «Фантомас» так разбушевался, что издал приказ о «немедленной департизации посольства». В знак протеста. А ведь когда он вступал в должность посла, он на нашем «профсоюзном» собрании

(под таким кодированным названием проходили партийные собрания в посольствах СССР) говорил: «Всем, чего я достиг в этой жизни, я обязан партии!» И правильно говорил.

2 сентября 1991 года в «Правде» в статье «Переворот в наших душах» я написал о Дубинине, комментируя его публичный стриптиз с расставанием с КПСС: «И вот – поворот посла на 180 градусов, активные интервью по радио, телевидению, в газетах, суть которых сводится к тому, что господин посол всегда, оказывается, был искренним сторонником демократии и столь же искренне возмущен поведением КПСС и ее руководства.

Те, кто знают его лично, могут сказать, что сторонником демократии господин посол никогда не был. Не свойственна ему демократия. Скорее свойственно барство, чванство, самовлюбленное павлинство, которое так нам всем знакомо по общению с партийными вельможами. А когда стало ясно, что партия уже перестала быть правящей и отныне гонима, плюнул ей вслед и заплодировал новым властям».

После этой публикации мне вообще было лучше не появляться в посольстве. На всякий случай от меня и моей жены, когда мы приводили своих детишек в детский сад и школу, просто шарахались. Все ждали – кто же победит, уберут этого упертого коммуниста Большакова или посла? Меня уже и убирать-то было некому. Не было больше ни ЦК КПСС, ни Отдела выездов при нем, ни Отдела пропаганды. А Геннадий Селезнев, будущий спикер Государственной думы, пришедший в «Правде» на пост главного редактора после изгнания из нее нашим дружным коллективом балабола Фролова, был моим большим другом, и все те постсоветские годы, что он был у власти, поддерживал и меня, и корпункт «Правды» в Париже.

Дубинина же довольно быстро убрали из Франции еще в 1991 году, как он ни доказывал, что путч не поддерживал, а только передал послание ГКЧП президенту Миттерану, выступив «всего лишь в роли почтальона». В общем, не рассчитал старый карьерист. На его место Ельцин прислал послом академика Рыжова, который представлял там Россию с 1992 по 1998 год, человека, без сомнения, порядочного и честного, но типичного западника. Как ни странно, ко мне он отнесся вполне доброжелательно.

Не помогал, но спасибо и на том, что не мешал и никак не вставлял мне палки в колеса. Со временем, вернувшись в Москву, он перешел в решительную антипутинскую оппозицию.

Горбачев и другие мелкие склочники

Наблюдать из Парижа за Горбачевым, который сдавал одну за другой свои позиции Ельцину, было тем печальнее, чем очевиднее становился конец Советского Союза. КПСС запретили. Готовился суд над ней с привлечением бывших диссидентов и международных экспертов из антикоммунистических объединений и советологических центров Запада. Судить КПСС ехал в Москву сионист и русофоб, один из ведущих советологов Ричард Пайпс. Горбачеву уже напрямую советовали из Вашингтона отойти в сторону и не мешать Ельцину. А он, отвергнутый и советскими людьми, и преданной им партией, все еще продолжал убеждать Запад в своей нужности и незаменимости.

Он вновь приехал во Францию в самом конце октября, и его приютил у себя в поместье Латче президент Миттеран. Говорить ему с Горбачевым было уже не о чем. Финал и нашего «Органичка» от КПСС, и Советского Союза уже был всем ясен. Миттеран и так сделал для него все что мог, обратившись 19 августа к Янаеву с требованием немедленно предоставить Горбачеву свободу. Миттеран, конечно, не мог знать, что никто Горбачеву эту свободу в Форосе не ограничивал, как свидетельствовал и мой разговор с послом Рябовым. Для запутавшегося в собственных интригах и маневрах Горбачева сам путч был всего лишь фарсом, с помощью которого он попытался укрепить свою власть в стране и убрать Ельцина, а когда не получилось, он принялся обвинять «путчистов» в попытке его свергнуть вместе со всеми благами воссозданной им «демократии». Он за это заплатился в конечном итоге, потеряв и власть, и партию, и теперь только оставалось спорить, сделал он это сознательно или просто не рассчитал, во что оно выльется. В своих версиях произошедшего он излагал разные варианты. Выступая уже после своей отставки в израильском парламенте,

сказал, что «исполнил волю нашего бога Моисея, низвергнув коммунизм, который всегда ненавидел», но тогда, сразу же после путча, быстренько со-
 стряпал книгу «Путч», в котором так описывал свое «освобождение»: «Из Фороса состоялся разговор с президентом Бушем. Должен был позвонить президент Миттеран. Но не получилось. До сих пор переживаю. Но сразу в Москве попросил соединить с ним». Сразу же после издания этой книги на французском языке вокруг нее начался скандал. Дело в том, что во французское издательство «Оливье Орбан», опубликовавшее «Путч», как мне удалось выяснить у самого господина Орбана, рукопись книги Горбачева на русском языке поступила из лондонского издательства, купившего права на ее издание на Западе за 500 тысяч долларов. В этой рукописи текст о Миттеране был. В тексте же, предназначенном для публикации на английском языке, вышеприведенный абзац был заменен на следующий: «Из Фороса состоялся разговор с президентом Бушем. Должен был позвонить маме. Не получилось...» Далее по тексту. Почему из Москвы сделали такую поправку для Англии, а для Франции, где перепутать маму с Миттераном – это уже грандиозный скандал, – не потрудились, так и осталось невыясненным. Для Миттерана, как я рассказал об этой истории в своей статье «Казус с книгой президента» (см. «Правда». 4 ноября 1991 г.), это было неприятным сюрпризом, ибо его противники из правых партий, да и в левых кругах, утверждали, будто Горбачев недоволен «мягкой позицией» хозяина Елисейского дворца по отношению к «хунте». А Миттеран действительно заявил еще 19 августа, что будет судить о Янаеве и его коллегах по ГКЧП «не по словам, а по их делам». Горбачев же якобы потому и вставил во французскую версию фразу о том, что ждал его телефонного звонка в Форосе, но не дождался, желая показать, что на него обиделся, а из английской версии это изъясил. Миттеран в ходе визита Горбачева в Латче подтвердил, что к своему гостю никаких претензий не имеет в связи с его книгой, что я и подтвердил в статье об этом казусе. Из Латче Горбачев 31 октября со своей свитой выехал на курорт Биарритц на границе с Испанией, сбежав от доставших его журналистов.

В секретариате Горбачева в Москве, где готовили его книгу, публикация в «Правде» вызвала бешеную реакцию. Мой старый недруг, по-

мощник Горбачева г-н Черняев написал на мое имя письмо в лучших традициях «разгромных посланий» Агитпропа, не жалея «подковырок» в мой адрес. Привожу его целиком:

«Корреспонденту “Правды” в Париже Большакову.

Я тот самый из секретариата Горбачева, который имел отношение к вычитке текста его книги и которого вы публично заподозрили в разных намерениях. Так вот.

1. Я сидел напротив Горбачева в Форосе, когда ему вернули связь, и он звонил различным деятелям. Из иностранцев он звонил из Фороса только Бушу и никому другому.

2. Никто из иностранных деятелей не мог знать, когда Горбачеву возвращена связь, чтобы попытаться именно в этот “момент” звонить ему.

3. Все права на распространение книги где бы то ни было, за исключением немецкоязычных стран, были переданы англо-американскому издательству “Харпер энд Коллинз”. “Корректировать” французское или какое то ни было другое издание из Москвы уже просто никто не имел права. Это – к вопросу “о разгильдяйстве” или “неуважении к французам”, о чем вы с таким смаком сообщили в статье.

4. Ни в английском, ни в русском издании этой изготовленной “ложки дегтя нет”. Нет ее и в авторизованной рукописи.

5. Если вы решили тоже поиграть вместе с французскими СМИ этой “ложечкой”, могли бы приехать 31-го в Биарриц, поинтересоваться у меня, как на самом деле. Да и просто позвонить по телефону. Но, видно, факты вас не очень интересовали в данном случае.

6. Выход книги Горбачева в такой момент, когда весь мир следит за тем, что у нас происходит, – хороший предлог для серьезного публициста порассуждать о ее содержании. Вместо этого вы занимаетесь дешевкой.

Примите и прочее.

А. Черняев.

Помощник Президента СССР».

Пресс-секретарь Горбачева, еще один мой давний знакомый Андрей Грачев переслал это послание в «Правду» с просьбой довести его до мое-

го сведения и с приписочкой: «Возможно, его содержание заинтересует и читателей “Правды”».

14 ноября 1991 года «Правда» опубликовала и письмо Черняева с сопроводительной Грачева, и мой ему «ответ турецкому султану» с пожеланием забыть о хамских привычках, обретенных им в Агитпропе, которого больше не существует, и не пытаться оправдать свои собственные ляпы и проколы, сваливая все это на других. «Правда», не задерживаясь, опубликовала и этот мой ответ под общим заголовком «Кто подставил М. Горбачева?» («Правда». 14 ноября 1991 г.).

Я быстро выяснил, что господин Черняев «соврамши». Переведя его письмо на французский, я договорился о встрече с Оливье Орбаном, владельцем издательства, опубликовавшего книгу Горбачева. Месье Орбан для начала показал мне ту самую «спорную» страницу в отпечатанной им книге, а также русский текст, воспроизведенный в книге «Путч» на с. 127 с надписью «т. Черняеву А. С.», с подписью Горбачева. Фотокопию этого текста с факсимиле Горбачева я передал в «Правду», и она была опубликована вместе с моим ответом. «Так что, – писал я, комментируя этот факт в своем ответе на письмо Черняеву, – ваше утверждение о том, что текста о Миттеране в авторизованной рукописи нет, действительности не соответствует. Факты – упрямая вещь».

Далее я приводил записанное мной на пленку интервью с Оливье Орбаном и предупреждал Черняева, что эта пленка хранится в моем банке. На всякий случай.

Орбан детально подтвердил, что на всех этапах издания книги Горбачева никаких поправок этого текста о Миттеране из его секретариата не поступало, хотя другие поправки были.

Приведу пассаж из этого интервью:

Вопрос: Но Михаил Горбачев так и заявил на пресс-конференции 31 октября, что если такая фраза о Миттеране есть в его книге, то ее писал не он. Кто же тогда, как говорится у Гоголя, сказал «А»?

Ответ: Не знаю, не знаю. Надо тем сотрудникам, которые занимались книгой Горбачева, самим подумать о том, как же так получилось, что от английского издателя, который приобрел права на мировое издание его

книги, мне прислали рукопись на русском языке, подписанную от руки его именем, где фигурировала эта фраза.

Сегодня уже никто не сомневается, что эта фраза фигурировала в русском тексте. Если этой фразы там не было, то меня могли бы обвинить в том, что я мошенник. Это слишком серьезное обвинение для издателя.

Вы, конечно, не думаете, что я позволил бы себе развлекаться таким образом: изменять какие-то фразы в тексте, написанном главой государства. Я не сумасшедший...

Так Оливье Урбан подтвердил, что и Михаил Горбачев, как и его помощник, тоже «соврамши». Причем публично. Но это была типичная манера вершителей «перестройки» – врать, а когда поймают на лжи, изворачиваться, валить свою вину на других, обвиняя их в том, что они «клеветают» и «очерняют».

«Это ли, господин бывший товарищ Черняев, – писал я в заключение своего ему ответа, – не рецидив мышления Старой площади, которую вечно преследовали сонмы внутренних и внешних “врагов”, “очернителей” и “подстрекателей”. Слава Богу, прошло это время. И “Правда”, которую нам удалось восстановить после августовских запретов, уже никогда не будет вотчиной бюрократического аппарата, который погубил КПСС вместе с развалившимся Советским Союзом».

Эти мелкие склочники из горбачевского окружения, да и он сам затеяли эту глупую свару вокруг наспех состряпанного «Путча» не от большого ума, а от желания показать, что они все еще что-то значат, что у них в руках пусть и небольшая, но все-таки власть. И не понимали, что у них от нее остались лишь символы, внешние атрибуты, что и эти побрякушки у них скоро отнимут и выставят в «плюсквамперфектум».

...Русский народ удивительно доверчив. И этим всегда пользовались негодяи на всем протяжении русской истории. Я не склонен относить Горбачева к категории сознательных негодяев. Скорее всего, его использовали в своих целях негодяи действительно злодейского калибра.

Уповать на то, что История все поставит на свои места, только логично. Исхода смуты современники предвидеть не могут. А российской – тем более. Остается одно – надеяться на Историю.

Когда советская бюрократическая машина, вместо того чтобы сдерживать центробежные силы, разваливавшие Советский Союз, принялась раскручивать разрушительный маховик и делать все для того, чтобы этот развал наступил как можно быстрее, возникла угроза катастрофы едва ли не планетарных масштабов.

Переступившие черту

Уже после своей отставки Горбачев проговорился по французскому телевидению, что еще во время переговоров с Рейганом в Рейкьявике в 1987 году он переступил ту черту, «после которой уже не было возврата обратно». Что имелось в виду, судить не берусь. Но известно, что именно после Рейкьявика во всех тех структурах, на которых держалось Советское государство, от партии до армии и КГБ, где осознали, наконец, реальную угрозу развала страны, начались выступления против продолжения перестройки и лично против Горбачева. Его, как там, очевидно, решили, надо было убирать срочно, немедленно, пока он не разоружил Советский Союз до последнего солдата, не пустил державу по миру, раздав все ее достояние добровольно, бесплатно, безоговорочно и безвозвратно. В КПРФ до сих пор считают, что именно из этих опасений исходили организаторы августовского «путча» ГКЧП 1991 года. До сих пор идут споры о том, была это реакция на некую внешнюю угрозу безопасности и целостности СССР, либо попытка реставрации режима, существовавшего до 1985 года, т. е. до начала перестройки, либо последней попыткой Горбачева укрепить свою власть и не дать ее взять Ельцину.

На процессе ГКЧП в конце ноября 1993 года бывший председатель КГБ В. А. Крючков говорил, например, что пойти на путч его заставили сообщения агентуры КГБ о планах НАТО, согласно которым Советский

Союз якобы уже был поделен на «сферы влияния» и Запад планировал «сократить его население» с 260 миллионов до 150 миллионов человек в течение предстоящих 30 лет. Но об этих планах шефу КГБ было известно, надо полагать, еще до начала перестройки.

Приближение катастрофы действительно уже было видно невооруженным глазом — к началу 1991 года с прилавков магазинов в Москве исчезла даже соль, и мои мама и теща просили прислать им из Парижа соль и мясные консервы. В провинции вообще было шаром покати. В республиках всюду шли протестные выступления, которые вылились затем в кровавые погромы. Набирал силу сепаратизм — от Прибалтики и Украины до Кавказа. Все понимали, что надо что-то делать. Причем срочно.

До поры на Западе любое посягательство на Горбачева рассматривалось едва ли не как попытка нового переворота. Слабый президент СССР, и к тому же легко манипулируемый, всех по обе стороны Атлантики устраивал. Ему срочно соорудили лавры «мученика Фороса» и принялись издавать его «мемуары» о том, как он там, на крымском курорте, посылал к соответствующей матери «заговорщиков» во главе с Болдиным. Парижское издательство «Орбан» опубликовало, помимо горбачевского «Путча», еще и книгу Раисы Горбачевой.

Чем обернулось бы дальнейшее президентство нашего «Органчика» для СССР, можно было предсказать без всякой помощи НАТО. Его руками Запад ликвидировал самые совершенные советские ракеты, которых у США не было даже в проекте. На очереди стояло полное ядерное разоружение СССР. Руководители Вооруженных сил СССР того времени считают, что «узник Фороса» был готов пойти и на это, чтобы угодить Западу. И за счет его поддержки укрепить свою власть. По указанию Горбачева Шеварднадзе уже подписал в Вашингтоне с тогдашним госсекретарем Бейкером договор о новой морской границе, который отдавал десятки тысяч квадратных километров прибрежного шельфа СССР под контроль США. И хотя ни Верховный Совет СССР, ни Госдума впоследствии тот договор не ратифицировали, первый шаг к «сдаче» СССР был сделан уже

тогда. Известно, что после его возвращения из Фороса военные потребовали у Горбачева остановить одностороннее разоружение Советского Союза. На Западе об этом узнали. И испугались нового ГКЧП. Ельцин, признавший в своих мемуарах, что все свои действия он согласовывал с посольством США в Москве, видимо, подал сигнал тревоги по этому поводу. Скорее всего, именно после этого Запад решил ставить уже не на «Горби», а на Ельцина.

Не прошло и двух лет после нашей последней встречи с Горбачевым на площади Бастилии, как он сдал и партию, и Советский Союз, и советскую власть, и всех наших союзников и друзей без боя. Без единого выстрела. Просто проболтал их и даже не заметил, как сам оказался у разбитого корыта, один на один с телевизионной камерой в Кремле в ту самую предновогоднюю ночь, когда зачитывал кем-то написанную для него речь об отставке.

Он так и не научился говорить правильно по-русски. Его «ставро-полизмы» были неистребимы. Он и после своей отставки все еще говорил и безумно много писал о «пользе перестройки», о том, что надо было идти его путем, уверял всех в своей любви к Ленину и к социализму. Над ним посмеялись на прощание. Хотя и беззлобно. У народа были уже другие заботы. Надо было спасать то, что осталось. Свои семьи, самих себя...

Несколько лет спустя мы вновь встретились с Горбачевым в Париже, в конференц-зале французского МИДа, где он представлял книгу своих мемуаров на французском языке. Я задал ему один-единственный вопрос, который всегда хотел задать, да все не было случая:

«Ответьте, Михаил Сергеевич, мне на один вопрос: ощущаете ли вы свою личную вину перед советским народом? Только, пожалуйста, ответьте, не растекаясь мыслью по древу, как всегда, а просто да или нет». Горбачев посмотрел на меня исподлобья, потом опустил глаза и, подумав с минуту, выдавил из себя все-таки: «Да, ощущаю». Ну что ж, как говорят на Руси, покаявшемуся прости.

Откуда берутся квислинги?

Я никогда не был сторонником Ельцина и его команды. Я воспринимал его как заурядного партократа самых средних способностей, в чем убедился еще до того, как Ельцин стал президентом РФ. После развала СССР, однако, просто сбрасывать Ельцина со счетов уже было нельзя. Определить его место на шкале российской истории помог мне Александр Зиновьев.

– Скажите, что Вы думаете о команде Ельцина, – спросил я его. – Кто они? Некомпетентные люди либо чиновники, которые в силу исторических обстоятельств вынуждены были пойти на службу тому режиму в России, который Вы называете оккупационным?

– Они действительно люди, по меньшей мере, некомпетентные. Но даже это не самое главное. Ельцин и его команда повели страну к полной капитуляции перед Западом.

– Но есть ведь и другой взгляд на то, что Вы называете «капитуляцией». Мы действительно устали от состояния перманентной войны со всем миром. Сколько можно, в конце концов? В XX веке как началось с войны с Японией, так практически до войны в Афганистане и шло без перерыва. Кровь, разрушения, похоронки в каждой семье. И вот приходят демократы во главе с Ельциным и говорят: давайте откажемся от коммунизма, и тогда войны сами по себе прекратятся, мы заключим новый альянс с Западом. Вчерашний враг пусть станет другом России. И при этом добавляют, что это будет именно такое союзничество с Россией, к которому на Западе якобы всегда стремились, только вот коммунизм мешал.

– Это умышленная ложь. Коммунизм был лишь предлогом. Россия была всегда бельмом на глазу у Запада. И не столько коммунизм стремились уничтожить, когда разваливали Советский Союз. Конечной целью

Запада было уничтожение России и ее народа. Это давняя задача Запада – стереть Россию с лица земли, а ее богатства захватить. Ельцинское руководство России всячески Западу в этом помогает, способствуя в том числе и физическому уничтожению русского народа, о чем говорит, например, статистика превышения смертности среди русских над рождаемостью за последние годы. Нехватки, нищета, а затем и просто голод довершат начатое. Да что там говорить, уже чума гуляет по России, холера, туберкулез, инфекционный дифтерит, а теперь и СПИД. Что это, случайность? В конце-то XX века! Ведь такого не допускают сейчас даже в самой отсталой стране мира. А тут – Россия, хотя и не такая, как СССР, но все же ядерная держава. Если дело так и пойдет по этому сценарию господ «демократов» еще несколько лет, даже не десятилетий, то процесс физической гибели русского народа станет необратимым.

История идет сейчас такими темпами и ситуация в мире такова, что России просто не дадут встать на ноги. Идет убийство русского народа в полном смысле этого слова, убийство физическое. И, думаю, в свое время такая перспектива была запланирована соответствующими людьми и организациями. И если процесс этот не повернуть вспять уже сейчас, сегодня, то русский народ вообще может исчезнуть с лица Земли. И воспоминания о нем не останутся. Руководство России сыграло здесь позорнейшую роль.

– *Вы имеете в виду только захват власти Ельциным и его «командой» после августа 1991 года, либо всех, кто разваливал СССР с 1985 года?*

– Ельцин лишь продолжил то, что начал Горбачев. Он создал правительство предателей, правительство «пятой колонны» Запада на территории России.

– *Как с Ельциным могло произойти такое перерождение?* – спросил я Зиновьева.

– А он пошел на это не сразу, – ответил он. – Его к этому подвели обстоятельства и его окружение. Ельцин относится к той породе людей, которые, творя негодяйства, умудряются убедить себя и своих последо-

вателей в том, что делают благородное дело. И если уж говорить о терминах, то проанализируйте отношение демократов к предателю Родины генералу Власову. Уж если этого мерзавца нынешний российский режим возвел в ранг героя, как «борца со зверствами сталинизма», то тут уже не надо рассуждать о том, откуда ветер дует.

Теперь о популярности «народного кумира». Я утверждаю, что интеллектуальный уровень как Горбачева и горбачевцев, так и Ельцина с его «ельциноидами» чудовищно примитивен. Это люди, которые делали карьеру в партаппарате и были отъявленными карьеристами. Они не могли выработать научного понимания происходящего в советском обществе и во всем мире.

Москва, 2004 г. Беседа с Александром Зиновьевым.

Мировоззрение карьеристов формируется, мягко говоря, на ненаучной основе. И к тому же они не могли бы выбиться, не будь они посредственностями. Я описал эту систему в «Зияющих высотах». В секретари обкомов обычно попадали люди интеллектуально серые, заурядные, и только при большой натяжке можно было Горбачева, который и по-русски-то не умел правильно говорить, выдать за интеллектуала. А уж Ельцина... Вот мы и получили во владыки обкомовских «интеллектуалов», а в результате – буйство посредственностей. Я уже не говорю о моральных качествах новоиспеченных властителей. Они окружены людьми, которые не дают им полной информации о происходящем. Ими манипулируют. Поставляют им информацию выборочную, препарированную. Да они и сами не хотят знать всю правду. Слишком, видимо, страшно.

– Значит, они живут в выдуманном мире, в своего рода Зазеркалье?

– Я не склонен их идеализировать. Мир их выдуманный. Но это не мир идеалистов. Он создан по закону самооправдания. Иначе им жить было бы невозможно, будь они порядочными людьми. Но можно ли их отнести к такой категории? Если бы Ельцин и его партнеры по сговору в Беловежской пуще отдали себе полный отчет в том, какое великое злодеяние они совершили, пусть даже в ослеплении, то, будучи порядочными людьми, пустили бы себе по пуле в лоб. Но мы, увы, имеем дело с не лучшими представителями советского общества.

– Мне довелось в свое время присутствовать на вашем теледиспуте в Париже с Ельциным в 1990 году, когда по французскому телевидению рекламировали его книгу. По всеобщему мнению, дуэль была неравной. По части интеллекта Ваш соперник явно Вам уступал. Хотя по апломбу выигрывал.

– Я и тогда был невысокого мнения о Ельцине. И тогда, говоря о его посулах процветания России в случае, если он к ней придет к власти, я открыто сказал, что это все – демагогия, что его обещания нереальны, а, став президентом, он будет действовать не исходя из популистских лозунгов, а по законам власти. Так оно и случилось.

– Но ведь все же пошел за ним русский народ. Наваждение какое-то...

– Я не стал бы утверждать, что русский народ пошел за Ельциным. Он ни за кем не пошел. И не идет. Он сейчас в состоянии некоего смятения умов и брожения. И, увы, разложения. Тут о движении вперед говорить не приходится. Движение скорее Броуново. Другое дело – реакция народа на антикоммунизм сначала Горбачева, а потом Ельцина. Вот тут у него не оказалось идеологического иммунитета. И это одна из важнейших причин нынешней катастрофы в России.

– Чем Вы это объясняете? Ведь мы все вроде бы так старались. Сами себя убедили, что коммунистическая убежденность – это и есть тот цемент, что спаял «новое историческое единство советский народ». И куда все подевалось?

– Именно потому, что вдабливали эту «убежденность», она и не привилась. И еще важно понять, что вдабливали идеологию слишком высокого интеллектуального уровня. Она была неадекватна массовому сознанию. Несмотря на все вульгаризации марксизма, народ не мог его воспринять. Большинство его просто не понимало. Меньшинство делало вид, что понимает.

В официальной пропаганде улавливали лишь нечто утилитарное, практически применимое на бытовом уровне. Остальное отторгалось на уровне массового сознания. Но так как вакуума не бывает, то в образовавшихся в результате подобного отторжения пустотах стала формироваться так называемая «практическая идеология». А в ней находилось оправдание и карьеризму, и взяточничеству, и прямому воровству. А теперь и предательству, русскому вишизму. Именно эта идеология и стала в ельцинской России государственной.

В целом западная, буржуазная идеология в практическом, бытовом применении оказалась гораздо мощнее коммунистической. Уже потому, что она примитивна до ужаса и рассчитана на самые низкие инстинкты, на потребительство. Она имела колоссальный успех в СССР. В том числе и потому, что запрещалась. Постепенно посеянные семена взошли.

– Не будем, однако, все сводить к «тлетворному влиянию Запада». Не только повидав западные витрины или фильмы с ними, советские люди стали задавать вопрос: «А чем мы хуже, чем они?» Они жили в нищете по западным стандартам. И только столкнувшись с этими стандартами, поняли, что это унижительно. В конце концов, и ваш собственный опыт показывает, что против коммунистической формы организации жизни, общества люди так или иначе восставали. И Вы в том числе.

– Я? Нет!

– Но ведь Вы же объективно не воспринимали той системы развития, по которой шла страна после Октябрьской Революции. Восставали против несоответствия провозглашенных идеалов и реальной практики коммунизма. Вы мне как-то рассказывали о вашем школьном заговоре против Сталина. Вы замахнулись на этого коммунистического монарха или бога, как Вы сами говорили, в первую очередь потому, что жили в нищете. А в то время уже появилась совбуржуазия, которая жила куда как лучше, чем советские «проли».

– И все же благодаря советской власти я получил прекрасное образование. Мы бросили нудную жизнь в деревне и перебрались в город. Я стал профессором. Мой брат стал полковником. Другой брат – директором банка. Это все не так-то просто...

– В этом-то все и дело, что все непросто, неоднозначно. С одной стороны, Вы были нищими, а с другой – интеллектуалами, читавшими Шпенглера, Кропоткина и Томаса Мора. С одной стороны, люди жили в землянках и во виах, а с другой – могли теоретически посетить Большой театр во время общеколхозного культпохода в Москву. Но культпоход, согласитесь, – это еще только культурная революция, а не культура.

– Это был переходный период. Потом вши и землянки исчезли...

Переходный период, о котором говорил Зиновьев, конечно, затянулся и в силу неопытности большевиков, и из-за сталинских репрессий,

и из-за войны. Но тем не менее процесс пошел, как любил говорить Горбачев. поголовная грамотность приобщала людей к русской и мировой культуре, и это не проходило бесследно при всех издержках нашей культурной революции. Самое страшное, что в ней было – это отсутствие преемственности, разрыв с национальными традициями, отрицание поначалу русской культуры, Православия и его традиций. Это неизбежно приводило к трудно излечимому духовному уродству, за которое всем нам потом пришлось расплачиваться. Тысячу раз был прав Достоевский, когда писал: «Если Бога нет, все дозволено...»

По парадоксу вещей именно начатая большевиками культурная революция и погубила советскую власть. И Зиновьев – тому живое подтверждение. Человек, познавший Канта и Гегеля даже в переводе, не сможет признать за духовного вождя невежественного партократа любого ранга – а они у нас были невежды на подбор – Хрущев, Брежнев, Суслов, Черненко и т. д. Интеллигенты в первом поколении воспроизводили интеллигентов во втором поколении и в третьем. И чем прочнее утверждалась русская и мировая культура в привилегированной прослойке потомков крестьян и пролетариев, тем активнее эта среда генерировала инакомыслие, производила диссидентов и бунтарей.

Зиновьев был диссидентом по определению, хотя с ними сходилась очень трудно, мне довелось это лично наблюдать в Париже на разного рода диссидентских мероприятиях, где «настоящий коммунист» Зиновьев вынужден был общаться с «настоящими антикоммунистами». Объективно я понимал, что Зиновьев прав в своем анализе развития России в годы советской власти. В русской истории достигнутое за этот период объективно и есть вершина нашей истории. И все же во многом путь к этой вершине шел по трупам.

Однажды, выслушав очередной панегирик Зиновьева коммунизму, я сказал:

– Я не думаю, что все преступления большевиков когда-либо исчезнут из памяти народной. Народ не будет классифицировать коммунизм по периодам, а коммунистов по номенклатуре, по рядовым и сознательным. Для него все эти жертвы – дело рук коммунистов. А число жертв

было неоправданно огромным даже для гражданской войны. Пусть не 66 миллионов, как у Солженицына подсчитано, но 3,4 миллиона, причем далеко не самых худших по знаниям и интеллекту, уж точно уничтожили. Эти цифры не отрицал даже Берия. А вспомните «раскулачивание» десятков тысяч крестьянских хозяйств, которые действительно кормили Россию, были основой нашей народной жизни. Их вырубили под корень. Причем никто так и не объяснил, зачем это сделали.

– Кажется, Спиноза сказал, что история не для того существует, чтобы над ней плакать или смеяться, а для того, чтобы ее понимать. Понять – не обязательно простить. Но без понимания того, чем был коммунизм для России со всеми его издержками и даже преступлениями советского периода, русский народ не найдет правильной дороги в будущее. У коммунизма – краткая, можно сказать, пока одноактная история. Всего семьдесят с небольшим лет прошло. Для истории – это миг. Коммунистическая система еще просто не имела возможности укрепиться и показать свои преимущества. Хотя и то, что сделано, грандиозно. За кратчайший срок были ликвидированы нищета, безграмотность...

– *Нищета не была ликвидирована. Она, увы, продолжала существовать. Даже в Москве, не говоря уже о деревнях, вообще о провинции.*

– Был восстановительный период. Была война. И, если Вы хотите говорить о результатах революции, возьмите достижения в космосе хотя бы и период Хрущева, первые годы брежневского периода, когда еще не начался кризис. Вот вам результат. А не то что на другой день после революции.

– *Согласен, и все же о коммунизме судить надо не только по достижениям, но во всей совокупности добра того периода и зла. И по Звездному городку, и по ГУЛАГу. В народной памяти все эти «великие репрессии», увы, останутся вместе с великими свершениями. Мне кажется, что пока объективному восприятию советской власти мешает определенная личностная причастность людей к событиям того времени, эмоциональ-*

ное восприятие советской истории. Мы даже о Петре Первом не можем пока говорить объективно. Стоит сказать, что он не щадил русских и не считал крестьян за людей, как тут же начнут говорить о том, что он прорубил окно в Европу. Так и с советской властью... И Ленин у нас хороший, и Сталин, т. к. при нем «был порядок» и «он войну выиграл». А теперь и Троцкий с Бухариным тоже хорошие...

Мы не раз подходили с Зиновьевым к этому рубежу, где начинались наши расхождения во взглядах на коммунизм, — он видел его в длительной исторической перспективе, причем необязательно в российском контексте, а потому «частности» были для него менее важны, чем основные «закономерности». Для меня в наших спорах было важно определить отношение русского народа не только к государственности, тут я согласен с Зиновьевым на 100 %, но и к демократическому пути развития, который никогда не исключали ни русские демократы, ни первые русские марксисты направления Г. Плеханова.

В наших спорах о прошлом, перемежая аргументы о бесспорных достижениях СССР и репрессивном характере советского общества, мы часто забываем о том, с чего собственно начиналась советская власть. Забываем, что она была выхолощена партократией и лишена основного — того демократического начала, который народ вложил в это понятие, создав первые Советы независимо от большевиков. Ведь от слова «совет» и пошло название «советская власть». И если идея коммунизма была действительно привнесена извне, тут Зиновьев прав, то эта власть как форма организации и управления имеет русские корни и никак не могла быть привнесена извне. Ее идея родилась в самом народе. А народу вместо той советской власти, которую он принял, поддержав большевиков, навязали действительно прежнюю, и тут Зиновьев тысячу раз прав, монархическую бюрократическую организацию общества, но на коммунистический манер. Вот поэтому народ, который всегда против этой бюрократии бунтовал, и отринул в конечном итоге коммунистическую, а точнее партократическую, организацию общества. Это, конечно, учитывали и на полях «психологической войны». А главное — в ходе экономической войны против нашей страны.

«Все империи были разрушены извне»

История наша по-своему повторилась. Люди пошли за Ельциным и за местными националистами не потому, что эти лидеры были семи пядей во лбу. А потому, что они рискнули (по каким соображениям — это особый разговор) сказать: «Так дальше жить нельзя!» И это было правильно. Действительно, так дальше жить было нельзя. А у Ельцина и компании даже и альтернативы толковой коммунизму не было. По сути, они как были аппаратчиками, так ими и остались. И я отмечу тут еще один момент чрезвычайной важности. Конфликт 1993 года между Ельциным и парламентом мало кто рассматривал с точки зрения перспективы сохранения советской власти как формы политического устройства России. Ведь те, кто шел за Ельциным в августе 1991 года, фактически выступали за крестьянский, точнее эсеровский, лозунг времен гражданской войны, времен восстания в Кронштадте: «За Советы без коммунистов». Наиболее честные из них и по сей день за это выступают. Ельцину же и его людям нужны были послушные советы коммунистического образца (даже без коммунистов!) на всех уровнях — от Верховного совета до местного. В этом суть конфликта 1993 года, едва не переросшего в гражданскую войну. Ельцин с самого начала как раз и пытался восстановить партократический режим, т. е. тот, который унаследовал все традиции еще царской бюрократии. Он и вел себя так же, как вели себя до него генеральные секретари. И не мог вести себя иначе, ибо он такой же, как и его собратья по партократии, по номенклатуре, из одного корыта ели-с!

Таким образом, с августа 1991 года готовился действительно серьезный заговор, целью которого было очередное уничтожение русской идеи советской власти, т. е. давайте поставим точки над «і» — русского варианта демократии. Заговор этот, отметим, готовился с двух сторон. Путчисты хотели его осуществить в масштабах всего Советского Союза. И не только проиграли, но и помогли своим дурацким путчем очистить Советы от КПСС. Просто путем ее запрета, коммунисты-то там формаль-

но остались. Ельцин же повел себя так же, как большевики в 1917 году. Сначала он завоевал большинство в Советах, включая Верховный Совет РСФСР, под лозунгом «демократии» и «Советы без коммунистов». Не случаен поэтому его выход из партии. Затем он взял с помощью теперь уже «своих» Советов власть в масштабах Российской Федерации. А затем, когда он уже стал не просто одним из 15 президентов союзных республик СССР, а президентом суверенной ядерной державы, то тут Советы ему уже оказались не нужны. Ни с коммунистами, ни без них. Ему понадобилась уже неограниченная власть диктаторская. С демократией, тем более русской, господину президенту было никак не по пути.

Зиновьев, когда я ему изложил эти свои рассуждения, отреагировал на них так:

– Я бы сказал, что Ельцин не воссоздавал коммунистическую модель, а пытался приспособить ее – она ведь до сих пор существует, хотя и в усеченном, изуродованном виде, – для своих диктаторских целей. Его режим сумел поставить себе на службу прежние государственные структуры, включая КГБ, МВД, армию, откуда танки-то взяли палить по Белому Дому!? Присягнув ему на верность, они тем самым гарантировали его законность. Ни о какой законности этого режима и речи быть не могло. На мой взгляд, куда законнее, чем ельцинский режим, был так называемый «августовский путч ГКЧП». А вот все законы, защищающие режим, созданный путчем Ельцина, – фиктивны. И против них – законность истории. А в соответствии с ней каждый народ имеет право любыми средствами защитить свое существование, свое будущее, свою независимость. Это – высшее право народа.

– *В чем-то ваша позиция совпадает с платформой КПРФ...*

– Я мало связываю надежд с компартией России. И не только потому, что я не сторонник Маркса. На мой взгляд, нельзя сейчас в его теории и догмы втискивать российскую, да и любую другую реальность. Учение, созданное Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным, сегодня для руководства к действию и анализа действительности не годится. Нужна новая

идеология. Соответствующая историческому опыту советского народа, в первую очередь тем реалиям, которые характерны для периода советской власти начиная с Октября 1917-го.

И эта идеология должна быть понятной рядовому гражданину, трудящемуся. И есть еще одна причина моего скептицизма по поводу компартии. В ней многие все еще не могут отказаться от перестроечных мифов, цепляются за них, не понимая, что они-то и тянут их ко дну. Вот тот же Лигачев, например, заявляет, что он был одним из инициаторов перестройки. Так за это судить надо. Этим нельзя гордиться. Перестройка – это тяжелейшее преступление против советского, в первую очередь русского народа и всей России.

– *Каким же вам видится будущее России?*

– Только социалистическим. Несмотря на то, что меня обвиняют – и облыжно, в том, что я зову обратно к ГУЛАГу, к сталинским репрессиям и «застоем», – я как раз против возвращения к старому. Я за социализм, отвечающий тому историческому опыту, через который прошла наша страна. Как там теперь не истолковывают историю заново, революция 1917 года была воинстину Великой. И советский период в жизни России был – на сегодня по крайней мере – верхом ее величия.

– *Вы считаете, что русский народ этого хочет?*

– Не нужно обожествлять народ и приписывать ему какие-то мессианские качества. Народ хочет вести более или менее обеспеченную жизнь, избегать всякой ответственности и риска, чувствовать, что кто-то о нем заботится, что-то кто-то ему даст что-то в подарок, причем принесет на блюдечке с голубой каемочкой и решит все его проблемы. Для нашего народа, увы, не характерны те формы инициативной организации общества, которые есть на Западе.

– *Иначе говоря, отсутствие гражданского общества в России практически на протяжении всей ее истории не дало возможности народу*

научиться социальной, политической, гражданской, наконец, самостоятельности. Так?

– Некому его было учить и, наверное, не нужно было учить. Это должно вызреть в самом народе.

– Но разве свобода практической деятельности, того же предпринимательства, не помогла Западу обогнать коммунизм практически по всем параметрам, в первую очередь в том, что касается информатики, компьютеризации общества и т. д. Сможет ли Россия теперь Запад догнать? Поезд ушел...

– Дорогой Владимир, это лишь одна сторона дела и абстракция. Нужно брать всю совокупность факторов, а говорить о том, что у них хорошо, а у нас худо, и наоборот – просто бессмысленно. Разные условия порождают разные системы. Запад совершил рывок не столько благодаря демократии и гражданской активности своих граждан, сколько благодаря тому, что он занял господствующее положение на всей планете. Вот в чем все дело. И поставил себе на службу всю планету. Существовала Британская Империя. Существовала Французская Империя. Даже Бельгия с Голландией грабили весь мир. Испания и Португалия веками только на этом и жили. Вот эта группа народов и совершила еще тогда колоссальный рывок за счет ограбления всех народов планеты. Да и сейчас этот грабеж продолжается. Нельзя абстрактно так брать – советское общество, западное. Надо брать соотношение Запад и Россия. И считать. Только по числу людей Запад во сколько раз превосходил Россию? Раз в пять. Но даже это не главное преимущество. Возьмите историческое развитие – у Запада за плечами несколько тысячелетий цивилизации, а Киевская Русь появляется на арене истории только тысячу лет назад. Исторически совсем недавно. И этот комплекс стран Запада к тому же захватил наиболее удобные и климатически благоприятные места на планете для развития во всех отношениях. А что досталось России? Полстраны – это вечная мерзлота...

Теперь насчет свободы. Конечно, свобода предпринимательства сыграла свою роль. Это одно из условий развития западного общества. Но

ведь эта свобода предпринимательства опиралась на мощную систему государственности, ее защищавшую и поддерживавшую. Западные державы к тому же, несмотря на всю вражду между собой, к господству над планетой пробивались вместе. Какой был тут заложен интеллектуальный потенциал!

Возьмите само население России. Только к концу своего существования СССР подошел к рубежу 300-миллионного населения! А сколько там было к началу века? Миллионов сто. И посмотрим на состав. Эскимосы, калмыки, якуты. Это народы совершенно иного интеллектуального типа, традиционно невосприимчивые к предпринимательству западного толка. И если подсчитать, сколько людей способно усвоить и поддерживать на практике западную цивилизацию на территории России, то мы увидим, что их процент ничтожен в населении нашей страны. Все подражание Западу у нас всегда шло как заимствование, а не как результат внутреннего развития. Не тянем мы по-западному.

– *На что же тогда, по-Вашему, русский народ обречен?*

– Я сказал и могу повторить. Или он восстанавливает ту систему, которая существовала до 1985 года, как самую оптимальную для нашего народа, для всех условий его существования. Или он распадется на мелкие группы и станет колонией Запада. Здесь будет Эфиопия. А то и того хуже. Будет реализована программа Гитлера. Русский народ превратится в заштатную нацию и в конце концов сойдет с исторической арены вообще либо вымрет.

– *Иного не дано?*

– Нет. Либо-либо. Это как в природе: животные пустыни не способны конкурировать с теми, кто живет в джунглях. Они могут конкурировать с ними, только оставаясь в пустыне. Так и у людей. У нас в России – социальная пустыня. Запад – это социальные джунгли. И сейчас перевес сил колоссальный. Запад не позволит России возродиться. По крайней мере, приложит для этого все усилия. И уж ни в коем случае не позволит ей подняться до своего уровня.

– *Вы считаете, что русский народ, чтобы самосохраниться, неизбежно должен жить в условиях жесткой государственной централизации. Иначе ему ничего не дано в исторической перспективе. Или вы все же видите какую-то возможность соединения в будущем варианта гражданского общества с посткоммунистическим и в результате демократизацию нашего национального сознания?*

– История коммунизма слишком коротка. Мы не успели очухаться, как снова остались у разбитого корыта. Так далеко я заглядывать не могу. Если система, грубо говоря, брежневского типа получит возможности развития, то она неизбежно демократизируется. Ведь переход от сталинизма к брежневизму был уже колоссальным прогрессом, движением вперед в эволюции той же самой системы. Но эволюция таких больших систем предполагает время. Время историческое. Развитие – это эволюция, на это уходят столетия, тут декретами ничего не сделаешь.

Я написал в свое время «Манифест социальной оппозиции», в котором выдвинул идею о том, что гражданское общество в России еще должно сложиться. Я вижу развитие не в том, чтобы поломать эту систему и перейти к капитализму. Разумеется, то, как мы жили, не устраивало людей. Но от того, что они решили – давайте жить лучше, – они же сразу лучше жить не начнут. Опыт показал, что им предстоит вновь карабкаться на тот уровень, с которого они скатились. Я считаю, что прогресс на основе этой системы в России, на основе завоеваний советского периода истории возможен. Но для этого нужно время. Я вижу только такой путь: создание гражданского общества, которое должно было сложиться постепенно. Оно уже начинало складываться при Брежневе. Но при Горбачеве и Ельцине оно, увы, сыграло негативную роль в России. В условиях гражданской войны на него наложилось разного рода негативные факторы, которые все вывернули наизнанку. В принципе, если бы развитие шло нормально, бесконфликтно, мирно, то это гражданское общество стало бы базой демократизации и экономического прогресса. А тут оно сыграло разрушительную роль.

– *Выходит, поторопились?*

– Увы... На последнем этапе развития советского общества уже стала возможна борьба различных социальных сил. Вырисовывался путь нор-

мального развития в рамках коммунистической системы. Эту возможность пресекли. Стратеги «холодной войны», которые понимали, к чему это ведет, увидели возможности такого развития довольно четко. И это их испугало. Ведь одной из главных задач «холодной войны» было не допустить, чтобы коммунистическая система стала заразительным примером. В том, что произошло, решающую роль сыграло внешнее вмешательство. Эта система была разгромлена извне, а не изнутри.

– *Изнутри она, однако, изрядно прогнила.*

– И все же изнутри, учтите, Владимир, никакие системы не погибают. Они ослабевают изнутри. Но погибают всегда под внешним воздействием. Все империи – Римская, Византийская, Османская и другие – были разрушены извне. Это очень существенно...

Глава двадцать первая РОССИЯ ВО МГЛЕ

«Кто не рискует, тот не пьет шампанского»

...Горбачев ушел в политическое небытие. И Франция готовилась принимать Бориса Ельцина в теперь уже официальном качестве президента России. До того, когда он был в Париже и Страсбурге еще до своего избрания и до путча, весной 1991 года, с ним мало кто хотел иметь дело. А президент Ф. Миттеран ясно показал ему его место – главы одной из республик, входивших тогда в Советский Союз.

В 1992 году Франция взглянула на Ельцина совершенно иначе – в ореоле государственных флагов и в сиянии надраенных до блеска кирас и сабель почетного караула. И сам он, отразившись в зеркалах Версаля, обрел куда больше импозантности и уверенности в себе. Это выгодно

отличало его от Ельцина-91, когда его окружение неуклюже пыталось превратить визит Бориса Николаевича во Францию по частному приглашению малоизвестного журнала в визит государственный. И все же чувствовалось, что никаких симпатий к российскому президенту в Париже нет. Газета «Фигаро» приветствовала Ельцина в первый день его визита далеко не лестным шаржем. Известный карикатурист Лури изобразил его в виде Статуи Свободы, но не с факелом в поднятой правой руке, а с бутылкой водки.

В остальном визит «демократического» президента мало чем отличался от визита президента «коммунистического». Разве что вместо «ставрополизов» Горбачева в ход пошли «екатеринбургизмы». Но дело даже не в том, что Ельцин, как и Горбачев, путал ударения и падежи. Они оба одинаково путали место и время. Они не делали разницы между собранием французских бизнесменов и областным или республиканским партийно-хозяйственным активом, между встречей с соотечественниками – русскими эмигрантами – и инструктажем «представителей советской творческой интеллигенции». Они по своей партократской привычке все так же «требовали», давали указания, разъясняли решения...

В Париже в «Павильоне Габриэль» Ельцин выступал перед Патроном. Звал «вкладывать капиталы в Россию, пока не поздно!» И не понимал, почему это, «раз уже на самом верху в России решили открыться для контактов с Западом», на наши широты никто из Франции не спешил со своими капиталами.

«...Когда предприятиям, организациям и фирмам дано напрямую контактироваться (я сохраняю текст оригинала по своей магнитофонной записи. – В. Б.) с фирмами мира, заключать сделки, минуя бюрократические какие-то препоны на высшем государственном уровне России, – гремел голос Ельцина в «Габриэле», – когда после распада Союза молодая российская демократия еще не обзавелась бюрократией, которая была бы коррумпирована, пока она, эта бюрократия, не коррумпирована, этим моментом надо воспользоваться...»

Язык бюрократов чудовищен. У них даже грамматика не соответствует ни живому языку, ни тем более литературному. Какой-то устано-

вочный язык, бумажно-канцелярский. Тезисный. И так же далеки от реальной жизни их заявления. Ну, кто из французских бизнесменов, хотя раз побывавших в России после августа 1991-го, поверил бы в то, что российская бюрократия «не коррумпирована»? Да она и по сей день так коррумпирована, что от этого всех воротит. И кого мог вдохновить «вкладывать в Россию» призыв Ельцина «кто не рискует, тот не пьет шампанского»? В России это, в общем-то, лозунг проходимцев, обшмыг, по Достоевскому, и мелкого ворья. А во Франции, где шампанское – обязательный компонент любого мало-мальски приличного приема и популярный аперитив, ничем рисковать не надо для того, чтобы его испить. Надо просто заказать его у официанта нормальным цивилизованным способом.

Партократия, однако, западную цивилизацию и все, что с ней связано, перевела, после захвата власти большевиками, в категорию дефицита, доступ к которому был простому смертному затруднен. Попасть туда можно было только особо доверенным и трижды проверенным в КГБ и в разного рода выездных комиссиях – от райкомовской до центральной в ЦК КПСС. Поэтому в восприятии Ельцина и его окружения из провинциальных обкомов «пить шампанское» означает «красивую жизнь» с ресторанами и красивыми женщинами. Складывавшееся годами мировоззрение труднее переменить, чем костюм «индпошива» на тройку от Кардена. И в этом – едва ли не главная трудность приобщения нынешней России, ее бюрократов и «деловой элиты» к «западной жизни», а проще – к жизни цивилизованной.

На встрече с русскими эмигрантами в особняке российского посла Ельцин подошел к Великому Князю Владимиру Романову, хлопнул его по плечу и сказал: «Ну что, князь. Давай мириться». Князь вздрогнул и побледнел, словно перед его глазами возник призрак тех самых «освободителей» русского народа, которые расстреляли в доме Ипатьева в Екатеринбурге всю царскую семью вместе с детьми. Он ведь знал, что в этом городе, переименованном в честь Мойши Свердлова, отдавшего приказ совершить это убийство, долгие годы царствовал Ельцин на посту первого секретаря обкома КПСС и что он лично отдал приказ снести дом Ипатьева. А теперь он стоял перед ним со своей покрасневшей от пьян-

ки быдловатой рожей и говорил: «Теперь, князь, после отмены политики коммунизма, которая проводила политику, которая мешала нам контактироваться», нам надо «дружить». Одна из приглашенных знатных дам в ужасе всплеснула руками: «Господи! Какая речь! Те-то, большевики, за 70 лет хотя бы пообтесались!»

Эти тоже пообтешутся, подумал я тогда, услышав эту реплику. И 70 лет не пройдет. В конце концов, можно и «поконтактироваться». Куда важнее для России и Запада не их манеры и речь, а то, куда эти лидеры поведут русский народ. А вот здесь отсутствие даже не цивилизованности, а элементарной культуры и соответствующего взгляда на мир чревато уже не просто насмешками родовой аристократии, а катастрофой. Причем – не исключено – и глобальных масштабов.

Планета стала однопартийной

...Тогда, в Париже, в ходе нашего разговора о так и несостоявшейся демократической эволюции коммунизма мне было интереснее всего узнать мнение Зиновьева о том, каким путем она бы могла пойти. Ведь речь шла о будущем России, пусть даже гипотетическом. Итак, обращаюсь к нашему тогдашнему диалогу:

– *Вернемся к проблеме исторического выбора, Александр Александрович. Так или иначе прежняя модель отвергнута. Возможно, новая будет только ее копией, а возможно, усовершенствованным вариантом. Лучшие второе, конечно. Но, разрабатывая эту модель, необходимо учесть ошибки первой и каким-то образом совместить государственность со свободой. То есть добиться того, что коммунизму решительно не хватало. Иначе для общества, почувствовавшего, что же такое свобода действий, новая модель не подойдет.*

– Да. Это очень важный вопрос, хотя я считаю, что абсолютной свободы не существует. Есть определенный тип свободы. В западном обществе свободы одного типа преобладают, в советском обществе – другого

типа. Я различаю свободы политические и юридические. В этом смысле западный человек свободен. И есть свободы социальные. Граждане коммунистических стран были более свободны социально, не будучи свободны в юридическом и политическом планах. Это вопрос довольно тонкий.

Что такое социальные свободы в отличие от формально-юридических свобод? Вот сейчас русским гражданам объявили, что они могут лететь хоть в Южную Африку. Но насколько социально реальна эта свобода? У какого процента населения найдутся несколько тысяч долларов на такой билет и на оплату гостиницы, не говоря уже о питании? А если денег таких нет? Где же тогда свобода передвижения? Формально западный человек имеет право выбирать любую профессию, любое место работы, а практически?

– Ну, это есть у Маркса и Энгельса. Они писал еще в «Святом семействе», что без экономической свободы нет политической. И это, считал Маркс, – то же самое рабство. Но рабство все же без ошейника.

– Я говорю шире – без социальной свободы обесцениваются все другие. Нельзя сказать, что граждане коммунистического общества вообще не были свободны. Они имели свои формы свободы. Я в советском обществе ощущал себя гораздо более свободным человеком, чем на Западе. На Западе я себя вообще не чувствую свободным. Я здесь раб. Я вынужден делать то, что реально возможно, а вовсе не то, что я хочу делать. У нас в Советской России были какие-то гарантии. Отпуск, работа, медобслуживание. Я не говорю там о качестве. Но это все же создавало какие-то гарантии свободы.

– Даже, как это ни странно, – духовной. Это было удивительно! Лучшие стихи, песни, книги, ваши «Зияющие высоты» например, были созданы в условиях политической несвободы, авторитарного режима. А объявили свободу и – пиик. Искусство принялось тихо помирать, но зато расцвели эротические театры, пошлая эстрада, мразное телевидение, игорные дома и бордели. Действительно, настоящая духовность

рождается только в борьбе за свободу. Но что потом, когда свобода обретаена?

– Да, это перспектива далекая. Настоящей свободы нигде нет. И граждане Запада далеко не свободны. Чтобы свободу, гарантированную конституцией, здесь использовать, нужно иметь не только гарантированный доход, но и определенные накопления. И даже с этим надо уметь еще распорядиться своей свободой. На Западе огромное количество богатых людей, но если посмотреть, как они проводят свободное время, то можно увидеть, что они такие же рабы обстоятельств, как и те, кто не имеет их финансовых возможностей. На меня набрасывались в свое время, когда я говорил, что есть свобода и при коммунизме. Никто не хотел слушать.

– *Кстати, многие в Европе даже не понимали, что наш социальный эксперимент шел больше им на пользу, чем нам, потому что оказывал влияние на весь их образ жизни, заставлял их государства учитывать наш опыт, например, социального обеспечения и использовать его, пусть даже неохотно. А теперь у них будут потихонечку все это отбирать. Тем более что кризис все спешит.*

– Да, был противовес. Сейчас же, после распада СССР, в Европе наблюдается нечто вроде периода после разгрома Наполеона. Только тогда наступала монархическая реакция. А сейчас – капиталистическая реакция. Причем это ощущается везде на Западе. Отсюда многое. И спад активности, и уныние. Даже люди, имеющие работу, особенно интеллигенция, втягиваются в это состояние тревоги, уныния, потери интереса к жизни. Исчез враг. Исчезла цель, а где-то и смысл жизни.

– *Мир был биполярным, а стал однополярным...*

– Планета стала однопартийной. И теперь выход из положения один – создавать такой полюс внутри самих себя.

– *Да вот во Франции, например, бывший премьер-министр и экс-лидер социалистов М. Рокар заговорил о необходимости перегруппировки политических сил, о «Большом взрыве», как он сказал («Big Bang»).*...

– В Италии то же самое, в Японии даже. Нужна двуполярность. Иначе – хаос. В этом смысле любопытна и та эволюция, которая происходит с интеграцией Европы. Ведь она задумывалась как противовес коммунистическому блоку в Европе. А теперь это потеряло смысл. И она может реализоваться теперь только как антиамериканская. И, кстати, если Советский Союз в той или иной форме не возродится, то Объединенная Европа может превратиться в новую мировую державу, в мощный противовес США. И тогда конфронтация американцев и Европы неизбежна. Она станет реальностью.

– *То есть мы вернемся к началу века.*

– Да. Я так и думаю, что все эти события в СССР отбросили нас всех лет этак на сто назад.

Князь Михаил Романов: «Оглянуться и посмотреть вперед»

После развала СССР и воцарения ельцинистов в Кремле появилось великое множество оракулов от политики, которые предлагали России наперебой наилучшие варианты политического будущего. Внимать им было столь же бесполезно, как и лечиться водой, «заряженной» от телевизора популярными тогда проходимцами. В поисках ответа на свой вопрос – «Куда пойдет Россия?» – мне было необходимо совершить путешествие во времени – вернуться туда, где естественный ход истории был прерван, – к прекращенной большевиками монархической традиции России. К счастью, во Франции такое путешествие оказалось возможным.

...Пригород Парижа Нейи. Маленькая улочка, на которой две машины разойдутся с трудом. Седой худощавый мужчина в очках, которые не скрывают его по-мальчишески озорного взгляда, открывает мне дверь в свою квартиру. В ней чисто, прибрано, нет ничего лишнего. Обилие русских книг говорит о том, что здесь живет не француз, а наш соотечественник. Далеко не всегда и не все русские в эмиграции соглашались с этим

термином. Мне не раз приходилось слышать: «Да, я по происхождению русский, но отчества у нас разные, ибо я гражданин Франции».

Для Михаила Федоровича Романова, а именно он и открыл мне дверь, Отечеством всегда была Россия, хотя он и посетил ее впервые в своей жизни только в 1990 году, открыв для себя постсоветский Санкт-Петербург, названный так вновь по имени его великого предка. Он не однофамилец Петра Великого. Михаил Федорович – член императорского Дома Романовых. По отцу, князю Федору, он – внук великой княгини Ксении Александровны (дочь Александра III, сестра Николая II) и великого князя Александра Михайловича (внук Николая I, племянник Александра II и двоюродный брат Александра III). По матери – княгине Ирине Павловне Палей – внук великого князя Павла Александровича (младший сын Александра II, брат Александра III и дядя последнего императора Николая II).

В. Большаков с Михаилом Федоровичем Романовым, внуком Николая II.

Михаил Федорович родился в Париже в 1924 году в доме бабушки – княгини Ольги Палей, вдовы великого князя Павла. Он воевал в рядах французского Сопротивления, с боями дошел вместе с американской армией до Германии. После войны вся его жизнь была связана с кино. Он работал с французским кинорежиссером Жюльеном Дювилье, а в 1971 году создал свою студию короткометражных фильмов «Ализ филмс». Меньше известна другая сторона его творческой биографии. Знатоки проблемы называют его «живой памятью рода Романовых», большого рода, подрубленного революцией под корень, но все же выжившего, хоть и рассеявшегося по свету. Они живут в США, в Англии, в Испании, в Италии, в Греции, в Австралии, в Дании, в Канаде, во Франции. У нас об этом мало известно. «Мне говорили в Петербурге: “Не дурите нам голову, господин. Все Романовы погибли”. – Даже журналисты приняли меня за самозванца...», – горько усмехается Михаил Федорович.

В паспорте он записан как «Michel de Russie» – то есть Михаил Русский. Во Франции когда-то таким же образом записали и дочку Ярослава Мудрого, вышедшую замуж за французского короля Генриха I: «Анна Русская».

Михаил Федорович показывает мне «Семейный альбом Романовых» – богато иллюстрированный трехтомник, изданный в 1989–1992 годах парижским издателем Ж. Ферраном. Это – его гордость, его детище. И, хотя я, автор этих строк, – человек далекий от монархии, думаю, что такой альбом нашел бы и в России своего читателя. «Всему, – как сказано в “Екклесиасте”, – свое время...»

Нависший над судьбой императора Николая II и его семьи злой рок не оставляет их и после мученической смерти. Надо же было так случиться, что ярые антимонархисты стали столь же яркими монархистами, подняли императорские символы и штандарты на государственную высоту в РФ. Даже сам Б. Н. Ельцин, по указанию которого (в бытность его первым секретарем Свердловского обкома КПСС) был снесен с лица земли дом Ипатьевых, в подвале которого расстреливали и штыками добивали семью Николая II, в первые годы после развала СССР не прочь был поиграть на монархическом поле. Ходили слухи, что в его семье уже примеряли корону Царю Борису, а унаследовать ее должна была бы его дочь, царица

или даже императрица Татьяна. Неспроста, видно, окружение Ельцина запуская пробные шары по поводу возможного восстановления монархии в России через регентство Бориса Николаевича над малолетним наследником, внуком последнего претендента на русский трон великого князя Владимира Кирилловича.

С удивительной бесцеремонностью, полностью игнорируя многочисленных и ныне живущих членов Дома Романовых, вчерашние номенклатурщики КПСС принялись перерывать могилы, искать в неизвестно откуда взявшихся останках гены царской фамилии Романовых. Уже по тому, что пробу на эти гены брали у членов королевской семьи Англии, а к ныне живущим Романовым, которые по линии наследования к Николаю II стоят гораздо ближе, даже не обратились, можно было заподозрить, что устроителей похорон царской семьи гораздо больше заботит политическая, если не заодно и финансовая сторона дела, чем восстановление исторической справедливости.

Мы говорили с Михаилом Федоровичем незадолго до того, как в Кремле решили захоронить так называемые останки Николая II и его семьи, обнаруженные вдруг неподалеку от Екатеринбурга. Российская пресса была полна сообщений об этом, и газета «Известия» возвестила на весь мир, что предназначенный для захоронения прах – «это останки царя, царицы, трех великих княжон, врача и слуг» и что на этот раз «научные выводы об идентификации исчерпывающи» и «их достоверность даже избыточна».

Я спросил Михаила Федоровича, согласен ли он с этим утверждением.

– Если говорить о «научных выводах», – ответил он, – то «Известия» не упоминают, что именно в Америке, где проводилась генетическая проба, единого мнения о том, что же нашли – останки Романовых или нет, – не было с самого начала. Не так давно в Нью-Йорке вышла книга Альберта Масси, где как раз об этом и идет речь. Но даже это не самое главное, – говорит Михаил Федорович. – Более 70 лет мы считали, что костей императорской семьи вообще больше нет. После того как сожгли трупы, облив их бензином, их полили серной кислотой. В книге известного французского историка Алэна Дэко сказано, что в результате получил-

ся «суп», который вылили в заброшенную шахту. Поэтому надо решить, во что верить: в то, что говорили еще с двадцатых годов либо в то, что нашли в 1989 году? Вот мой вопрос... У меня такое ощущение, что все это организовано не без участия англичан. Почему они в этом заинтересованы, я не знаю. Мне говорили в Санкт-Петербурге, что англичане нашли еще какие-то деньги, принадлежащие Романовым, и им наверняка нужно ответить со всей определенностью, что императорская семья умерла. Но независимо от этого, у меня всегда были большие вопросы по поводу самого факта существования костей, а также их поисков еще до того, как их нашли в 1989 году. Когда же мне сказали, что будут не просто похороны, а панихида в Екатеринбурге, затем – в Москве, а потом уже и в Петербурге, то мне стало ясно: готовится явная политическая акция, сопровождающаяся, если хотите, немалой политической рекламой.

– В российской прессе писали, что история с захоронением останков царской семьи отмечена своей закономерностью: именно из Екатеринбурга, где она погибла, пришел Ельцин, положивший конец советской власти, человек, с благословения которого, если не по его инициативе, и проводилось все это расследование подлинности обнаруженных царских останков.

– Есть и другой вопрос: почему именно Ельцин взорвал тот дом Ипатьевых в 1978 году, где расстреляли Николая II с семьей? Говорят, что по распоряжению из Москвы. Тогдашним лидерам не нравилось, что туда началось паломничество. Цветы каждый день, горящие свечи. Для меня это другой вопрос. В доме были хорошие полы. Толстые, деревянные. Раз уж кровь Романовых между половицами пролилась, найти ее можно было, не обращаясь ни за какой генетической пробой. Ведь известно, что следы крови сохраняются почти 400 лет. Легко было бы определить, чья же там кровь пролилась. Так почему ликвидировали такую возможность узнать истину? У меня нет и на это ответа. Только вопрос.

– Если нет полной уверенности в том, что речь идет о захоронении царских останков, да и то не всей семьи, – не найдены, как известно, останки царевица Алексея и великой княжны Марии, – то вместо реше-

ния проблемы предания их земле организаторы похорон создадут другую проблему...

– Да, вопрос этот очень трудный и деликатный. Представьте себе, что есть хотя бы один человек, который знает истину. Что он сделает после того, как состоится захоронение костей царской семьи в Петропавловке? Если он живет в России, то он вряд ли рискнет говорить вообще. Но если он находится за границей...

Когда похороны состоялись, почти все члены Дома Романовых все же поехали в Санкт-Петербург. Не столько потому, что их убедили в подлинности положенных в царские гробы костей, а скорее потому, чтобы принять участие в примирительном акте России и династии Романовых. С этой точки зрения, как они считали, их участие в церемонии в царской усыпальнице в соборе Петропавловской крепости было куда более важно, чем подлинность самих останков. Михаил Федорович считал иначе, в церемонии решил участия не принимать и в Россию не поехал.

Вся эта история, несомненно, вызвала интерес у россиян к поискам правды о гибели царской семьи, к судьбе монархии в России и непосредственно – к судьбе Романовых. «Правда» с моим интервью с Михаилом Федоровичем разошлась в момент.

В России между тем появились монархические союзы и партии. Было воссоздано Дворянское собрание. В Москву зачастили «Кирилловичи» – вдова покойного князя Владимира Кирилловича, его дочь и внук Георгий, которого уже принимали чуть ли не как будущего царя.

Я спросил Михаила Федоровича:

– *А насколько законны претензии этой ветви Романовых на русский трон?*

– Да Георгий, – ответил он, – скорее немецкий княжич, чем русский. Но для меня сейчас его претензии ничего не значат. Мне важнее другое: хотят ли русские, чтобы мы, Романовы, вернулись? Даже не как цари, а просто, чтобы жить у себя на Родине, в России. Для меня самое главное, чтобы мои внуки могли вернуться. Пока они итальянки, француженки, американки. Это безумно грустно. Семья разрушена совсем. К сожалению, Мария (дочь

великого князя Владимира Кирилловича, мать Георгия. – В. Б.) не способствует ни ее единению, ни лучшему пониманию Романовых в России. Я вообще не хочу вступать сейчас в споры такого рода. Это несвоевременно. Претензиями на трон России мы не занимались. Нам было не до того. Мы работали всю жизнь, и у нас на такие претензии просто не было денег. В Америке, в Англии, в Италии мои братья и сестры Романовы – небогатые люди. У них нет наследства, на которое можно жить безбедно. Они, как вы говорите, трудящиеся. Владимир же (имеется в виду великий князь Владимир Кириллович Романов. – В. Б.) никогда не работал. Откуда он деньги получил, меня не касается. Но в течение последних 37 лет именно он и его семья выступали в качестве законных претендентов на трон.

– *Западная, в частности французская, пресса писала, что после смерти Владимира Кирилловича Романовы не признали его дочь княжну Марию за главу русского императорского дома исходя из того, что в соответствии с решением еще императора Павла I женщина не может претендовать на русский трон.*

– Да, такое решение действительно было принято Павлом.

– *Но в таком случае и Георгий не может быть таким претендентом. Между тем он регулярно посещает Россию, совершает путешествия по стране вместе с великой княжной Марией и вдовой Владимира Кирилловича. Его представляют именно в качестве наследника русского трона. И именно в связи с ним шли разговоры о возможном регентстве над ним президента Ельцина...*

– Я этого не одобряю. У кого больше прав претендовать на российский трон – это вопрос не первостепенной важности. Россия, на мой взгляд, пока не готова к таким поворотам. А историю нельзя ни торопить, ни поворачивать вспять.

– *Действительно. Идут споры, кто имеет право на российскую корону, кто нет, а мы даже не знаем, что собой представляют Романовы сегодня.*

– Да уж. Тот же Собчак в свое время оказался в весьма сложном положении, потому что он верил Владимиру и Марии. И считал, что они единственные наследники. И вдруг приехали в Петербург Андрей, Никита и Михаил Романовы, о существовании которых никто не подозревал.

– *Таким образом, вновь встал вопрос о законном наследнике?*

– Мы этот вопрос не ставили.

– *Какое вы вынесли впечатление от поездок в Россию? Хотят русские возвращения Романовых или нет? Ведь там уже всюду действует движение за возрождение дворянства, есть и монархические партии. Хотя, честно говоря, у меня такое впечатление, что все это – маскарад.*

– Пока, очевидно, – сказал Михаил Федорович с грустной улыбкой, – русские нашего возвращения не хотят. Я это вынес и из разговоров с людьми, и из общения с нынешней администрацией. Я не бьюсь за то, чтобы мне в Петербурге вернули дом моего отца. Но надеюсь, что мы получим пусть не дворец, а хотя бы маленький домик. Увы, администрация Петербурга пока нам навстречу не идет. Что же касается монархического движения, то тут вы правы. Там есть искренние люди, но, к сожалению, больше ряженных...

– *Среди тех, кого вы называете ряженными, есть теперь немало и новоявленных графов, маркизов, даже князей. Говорят, что за определенную цену это можно приобрести в монархических кругах в Москве. Это так?*

– Вы, наверное, знаете, сколько было самозванцев, претендентов на трон Романовых после гибели царской семьи. Что это были за люди? Проходимцы, жулики... То же самое относится и к тем, кого вы именуете «монархическими кругами», раз они занимаются таким бизнесом. Никто не может присвоить ни дворянского, ни графского, а уж тем более княжеского титула в отсутствие в России самого института монархии и царствующего монарха. Это исключено. Ни за какие деньги купить это нельзя.

– *А вы бы поехали в Россию, чтобы там постоянно жить? Ведь вы были инициатором создания «Фонда Романовых для России» в 1992 году, по линии которого осуществляется гуманитарная и другая помощь РФ. Это уже своего рода возвращение Романовых в Россию.*

– Я готов приехать. Хотя я и понимаю, что жить там 12 месяцев в году будет мне нелегко. Уже потому, что все 70 лет моей жизни были связаны с Францией. Жизнь Николая Романова – с Италией, жизнь Дмитрия – с Данией. Но, думаю, это можно преодолеть.

– *Вам уже немало лет. Но я смотрю, покой вам только снится. Вы были одним из инициаторов встречи Романовых в Париже в 1992 году. Какие цели вы ставили при этом?*

– Прежде всего, мы искренне стремимся помочь восстановить историческую правду о Романовых. Когда я был в Петербурге, меня спрашивали, почему мы не вернулись раньше. Но как? Кто бы нас пустил? Кто бы дал визу? Кто бы дал мне, например, гарантию после войны, что меня не уничтожат еще до того, как я пересеку границу России? А мы ведь не были на стороне Гитлера. Мы все сражались против него. Я – во французской армии, Никита – в английской армии, другие – в американской.

– *Владимир Кириллович между тем не воевал. Он попал к немцам в самом начале войны. Насколько известно, он отказался с ними сотрудничать.*

– Фактически он был у немцев в плену. Его нашли в Баден-Бадене в 1945 году. В Германии нельзя было его оставлять. Англия принять его отказалась. Швейцария тоже. В результате он выехал на жительство в Испанию и только много лет спустя вернулся во Францию. Так что не только большевики были против Романовых. Вся Европа. И наша проблема не бывший Советский Союз. Это – Европа. Никто не хочет, чтобы мы вернулись в Россию. Хотя у нас ничего не осталось, кроме имени.

– *Объективно в войне против Гитлера вы были союзниками большевиков?*

– Объективно, да. История поворачивается иной раз самым неожиданным образом. Кстати, когда я был в Санкт-Петербурге, я разговаривал с теми, кто его защищал от немцев во время войны. Для них война связана с «блокадой Ленинграда», с «защитой Ленинграда». И как солдат я понимаю их возмущение тем, что город переименовали в Санкт-Петербург. Кстати, и это было сделано не по инициативе русских. Был такой знаменитый обед Ельцина в Париже с господином Жаком Сегалю (специалист по рекламе, социолог, близкий к Социалистической партии Франции, один из организаторов ее предвыборных кампаний. – В. Б.) пять лет назад. Так вот Сегалю ему сказал: «Вы хотите все переменить? Перемените имя Ленинград на прежнее!»

– *Вы поддерживаете постоянные связи со своими родственниками по линии рода Романовых. Что он сейчас собой представляет?*

– В мире, наверное, немного настолько разрушенных семей, как род Романовых. Если до Второй мировой войны еще как-то поддерживались нормальные связи, то война многое разрушила, всех разбросала. Я своего отца в последний раз до войны видел на Пасху 1938 года. А затем я его увидел только в 1946 году. Романовы, как я уже сказал, воевали во всех союзнических армиях, кроме советской. А после войны осели повсюду. Точной статистики, сколько сейчас в мире Романовых из нашего царского рода, я не вел. (В 1967 году одна газета подсчитала, что в мире 29 мужских наследников Дома Романовых. – В. Б.).

...Михаил Федорович показывает мне фотографию, сделанную в 1992 году. Семь князей Романовых. Дмитрий (Дания), Александр, Андрей и Никита (США), Ростислав (Англия), Николай (Италия), Михаил (Франция). Я спрашиваю его на прощание:

– *Что вы думаете о будущем политическом устройстве России, когда смотрите на нее сегодня?*

– Когда я там был весной 1993 года, я уже увидел, что страна распродается по частям. Итальянцы покупали дома в Петербурге, немцы.

Ростроповичу дом не продали, но зато он купил двухкомнатную квартиру. За пятьдесят тысяч долларов. Мы ему сказали: «Вы нас убили. У нас нет такой суммы, чтобы купить две комнаты в Петербурге». В общем, осталось у меня такое впечатление, что идет гигантская распродажа России. Так, кстати, было в 20-м и 21-м годах, – говорит Михаил Федорович. И, подумав немного, заключает нашу беседу так: – Мне трудно судить о положении в России, ибо для этого надо постоянно следить за ситуацией, для чего у меня, увы, нет возможностей. Думаю все же, что будущее за теми, кто сможет объединить Россию и восстановить ее бывшее могущество. Самое главное сейчас – не допустить ее дальнейшего распада. Поймите, это самое главное.

Мы расстались у порога его дома. Михаил Федорович вышел меня проводить, подробно объяснил, как мне кратчайшим путем выехать из Нейи в Париж. Мне все это показалось тогда какой-то фантастикой. Я, корреспондент «Правды», только что мирно побеседовал с правнуком Александра III... Потом мы, не удивляйтесь, подружились семьями с Михаилом Федоровичем, и мои дочери играли с его внучкой, отчаянной забиякой и затейницей принцессой Татьяной Русской (Романовой). Бывало, что во время наших парижских застолий князь, забыв о политике, срывался и кричал: «Кто довел Россию до ее нынешнего состояния? По чьей вине все рушится? Это вы – большевики – во всем виноваты!» В нашем доме он как бы открывал для себя Россию, которую увидел только в конце своей жизни, но по которой тосковал душой всю свою жизнь. За это он был нам благодарен и иногда в порыве благодушия говорил: «Приятно все-таки узнать, что и среди коммунистов есть вполне приличные люди». Я не реагировал на эти его уколы. В поисках ответа на вопрос о том, куда идти России в XXI веке, для меня было куда важнее его мнение о том, что происходит в нашей стране, в том числе и о дебатах на нашем «верху» вокруг проблемы царской семьи, о возможности восстановления монархии. Мне повезло, что я смог узнать ответ на это, что называется, из первых уст.

Диалог с «Нострадамусом»

...Улица Ренуар идет по крутому правому берегу Сены, как бы отчеркивая границу парижского района Пасси. С давних пор, когда Пасси еще был деревенькой, здесь любили селиться писатели. Об этом свидетельствует сохранившийся до наших дней дом Бальзака на рю Ренуар, в котором создатель «Человеческой комедии» скрывался от кредиторов. После революции Пасси облюбовали и русские писатели-эмигранты.

Я поднимаюсь на самый верхний этаж старинного дома с ротондой на рю Ренуар, в котором живет Элен Каррер д'Анкос. Прежде, не особенно интересуясь ее биографией, я считал, что она француженка. И только уже потом узнал, что имя ее напрямую связано с Россией не только в силу ее занятий советологией.

Ее книги – «Разваливающаяся империя», «Ленин, революция и власть», «Десталинизация начинается», «Русское несчастье», «Слава наций», «Победоносная Россия» и другие – принесли ей за последние 20 лет славу крупнейшего советолога и русолога не только во Франции, но и далеко за ее пределами.

В ноябре 1991 года Элен Каррер д'Анкос получила высшее признание для французского ученого и литератора – ее избрали во Французскую академию. Она заняла кресло, в котором до нее сидели Корнель, а затем Виктор Гюго. В приветственной речи академик Мишель Дрюон сказал: «Советологов много. Но Вас отличает от других Ваше личностное отношение и любовь, совмещенная с неимоверной жалостью к тому народу, которого судьба обрекла на “русское несчастье”».

На шпаге академика, которую создал француз грузинского происхождения мастер Горджи специально для Элен Каррер д'Анкос, есть такие символы: андреевский флаг, Георгий Победоносец, поражающий дракона, Золотое Руно и Галльский Петух. Это символы России, Грузии и Франции.

Линия матери Элен Каррер д'Анкос восходит к графам Паниным – от Никиты Панина, ближайшего советника Екатерины II, до Софьи Пани-

ной, единственной женщины в правительстве Керенского, министра по делам народного образования. Золотое Руно на ее шпаге – дань памяти отца, по происхождению грузина.

Среди ее предков (это по ее собственному утверждению, что некоторые ее родовитые соплеменники отрицают) – граф Алексей Орлов и его брат Григорий, фаворит Екатерины II и президент Российской Академии, – удивительные все же бывают совпадения. Но это в судьбе Элен Каррер д'Анкос не единственное. Ее бабушка переводила в России на русский язык романы Жорж Санд. Могла ли она подумать, что ее внучка станет действительным членом Французской академии, той самой, где прозванные «бессмертными» академики со времен кардинала Мазарини творят великое таинство – раз в 60 лет издают академический словарь французского языка! И уж, конечно, не могло никому в голову прийти до революции, что в академики эту русскую аристократку будет принимать секретарь Французской академии Морис Дрюон, автор знаменитой серии исторических романов «Проклятые короли», но по происхождению тоже русский. А шпагу академика вручит ей Анри Труайя, признанный классик французской литературы, урожденный Лев Тарасов. И еще пошутит при этом: «Наших тут, кажется, уже многовато...»

...У нее очень живые глаза. Улыбка не покидает уголки ее рта. Она вся в делах – ожидает приезда своего внука, которому сегодня исполняется два года, и день рождения будут праздновать здесь всей семьей, у нее, признанной главы семьи. При всем при том Елена Георгиевна – так она разрешила мне себя называть – одета безукоризненно, в почти обязательный для деловых французов пиджак-«тайер» канареечного цвета. И когда я попросил разрешения ее сфотографировать, она сказала: «Одну минуточку, я только накрашу губы...»

Я задаю ей вопрос за вопросом, и она отвечает, даже еще не дослушав вопрос до конца, будто считывает мои мысли:

– *Вы – академик, пожизненный член Французской академии. Что это означает для вас? Это работа? Должность? Символ статуса?..*

– Я каждый четверг, если только не путешествую, работаю в Академии. Можно было бы, конечно, просто приходить на собрание ее членов каждый четверг, где говорят о том, как пересмотреть академический словарь французского языка. Это в общем всего полтора часа работы в неделю. А можно работать в комиссиях, где идет основная работа над словарем, целый рабочий день. Я выбрала второе, потому что люблю языки и для меня это страшно интересно. И к тому же – чрезвычайно приятно.

Французская академия существует три с половиной века. В ней неизменно – 40 человек. Это своего рода замкнутый клуб. Критерий здесь гениально прост – «бессмертными» должны быть люди и талантливые, и порядочные одновременно. Приятно все-таки, согласитесь, оставаться до смерти в компании порядочных людей.

– *Скажите, кем вы больше себя чувствуете – француженкой, русской, в вас есть и грузинская кровь. Что стало для вас определяющим – кровь, гражданство, культура, образ жизни?*

– Родители воспитали меня хотя и в Париже, но на русской почве. Мой отец был патриотом Грузии. Но он сам решил, что мне надо передать русскую культуру. Во мне поэтому две культуры, два языка. Конечно, и по гражданству, и по жизни я француженка. Но я себя чувствую как в своей стихии и в России, в русской культуре. С Грузией у меня более сложные отношения. Ведь я по-грузински не говорю.

– *Как впервые состоялась ваша встреча с родиной предков?*

– Это было в 1955 году. Меня познакомили с одним сотрудником французского МИДа, который оказался внуком Плеханова. Во Франции никто не знал, кто такой вообще был Плеханов. А я знала. Однажды он предложил мне поехать в Россию в составе научной делегации. Я была тогда студенткой. В те времена мало кто ездил в Советский Союз, кроме разве что коммунистов.

Меня встретили в России, ну скажем так, неласково. Вызвало подозрение прежде всего то, что я свободно говорю по-русски, а когда узнали,

что я из семьи эмигрантов, то и вовсе ужаснулись. Приняли меня, наверное, за шпионку. Обидно было...

– *Имена ваших предков тесно связаны с историей России. Есть ли у вас в связи с этим ностальгия по «памятным местам»?*

– Я очень люблю Россию. И я этого раньше даже не знала. Первый раз она меня напугала. Слишком много там было Советского Союза и очень мало России. Но ностальгия была и тогда, и есть сейчас, хотя и своеобразная. Я люблю большие города. Санкт-Петербург, Москву. В Москве у меня множество всяких любимых закоулочков... Я не стремлюсь идти по следам своих предков. Скорее мои маршруты там определяет русская культура: я иду по следам Раскольникова, Чехова...

– *Почему вы занялись именно советологией?*

– Меня интересовал не Древний Рим, а мир, в котором я живу. Коммунизм в то время был на подъеме. И тогда все спорили о том, достигнется ли коммунистическая революция до Западной Европы. Вот я и занялась коммунизмом, потому что по своему интеллектуальному складу предпочитаю смотреть в будущее. И мне хотелось понять законы его развития и тем самым – срок его жизни. Так что и в этом плане, не говоря уже о русских и грузинских корнях, мой интерес к Советскому Союзу совершенно естественен.

– *Что вы считаете отправной точкой в ваших трудах о Советском Союзе?*

– XX съезд КПСС. Это было как шок. Приоткрылась завеса, за которой я увидела перспективу. Я начала жадно читать. В том числе и русскую художественную литературу.

– *Советских авторов?*

– Живших в СССР. Потрясли меня «Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Матренин двор» Солженицына. Я вдруг ощутила, что Россия жива, не убита...

– После того как вы написали свою книгу «Разваливающаяся империя», вас стали называть Нострадамусом от советологии. Жизнь, увы, подтвердила ваш прогноз. А как встретили вашу книгу тогда, в 1978 году?

– Разошлась она огромным тиражом. Но ее атаковали и справа, и слева. В «Фигаро» написали, что я работаю на КГБ, потому что «дезинформирую» западный мир. С другой стороны, коммунисты обвинили меня в том, что я работаю на ЦРУ, потому что «клеветшу» на СССР. Ну и, наконец, некоторые либеральные критики заявили, что я просто сумасшедшая, потому что никакого национального вопроса в СССР, по их мнению, просто не было. И даже когда началась перестройка, наметились центробежные тенденции, меня все еще спрашивали: ну, где же ваши бунтующие мусульмане, малые народы? Сейчас, после войны на Кавказе, кровавых драм в Средней Азии и особенно в Таджикистане, таких вопросов уже не задают. Почему я пришла к этой книге? С моей первой диссертации, посвященной Бухаре в Российской империи и в первые годы Советской системы, меня волнует главный вопрос: что такое Россия, где она начинается и где кончается? На чем это все построено?

Начав со взаимоотношений между православными и мусульманскими народами в России, я сейчас к этому возвращаюсь, пытаюсь понять, куда пойдет дальше развитие отделившихся республик, как будут складываться их отношения с Россией, что станет с ней самой.

– Вы ищете ответ на то, кто мы – европейцы, азиаты, скифы, как говорил Блок, евразийцы?

– Я хочу понять, каков исторический интерес России. Она не может ориентироваться исключительно на европейский континент. Большею своей частью она расположена в Азии. И потому скорее всего ее будущее развитие определит ее двуконтинентальность. И не только я так думаю. Я встречалась с Назарбаевым. Он умница. И мы с ним долго говорили. Важно, что он все же желает жить с Россией, а не без нее. И в этом я вижу какое-то окошко в будущее...

– *Вы предрекли развал СССР за 13 лет до того, как это случилось. Вы действительно думали тогда, что это близкая реальность?*

– Я не думала, что это будет так быстро, скажу честно. Мне казалось, что СССР просуществует до конца века. Но не одна я задумывалась о непрочности Советского Союза. И Амальрик написал книгу под названием «Доживет ли СССР до 1984 года?» Он ошибся всего на 7 лет. В этих предсказаниях нет чуда. Есть анализ. Когда я только начинала изучать всю эту проблематику, документов в руках у меня было мало. Но я обратилась к истории Второй мировой войны. Там был уже какой-то момент развала. Но гитлеровская политика и свирепость, то, что фашисты повели себя на оккупированных территориях, как дикари... Может быть, это и спасло тогда Союз. Ведь на Украине поначалу их встретили многие хлебом-солью. Да и взаимоотношения других народов с немцами тоже заставляли меня задумываться о том, что «единство советского народа», о котором так уверенно писала всегда ваша печать, – это вовсе не аксиома.

И Ленин, и Сталин осуществили все это деление на национальные районы, области и республики настолько произвольно, что было с самого начала ясно многим – придет время, когда люди начнут это оспаривать.

Например, сейчас таджики открыто отрицают право узбеков владеть Самаркандом. И доказывают, что исторически они имеют на это право. Так, когда делили Среднюю Азию на республики, разве об этих претензиях не знали? Конечно, если бы был жив Сталин, никто бы не резал горло соседу. Да и при Горбачеве на первых порах. И тем не менее постсоветское кровопролитие – это результат того раздела России на национальные «улусы», авторами которого были большевики.

– *Мог ли, по-вашему, Горбачев удержать Союз от распада? И хотел ли он его сохранить? Как вы вообще относитесь к Горбачеву?*

– Поначалу Горбачев мне понравился. Мне казалось, что он начинает мирную реорганизацию Союза. Горбачев не хотел его ликвидировать. Я и сама не считала, что СССР необходимо было, скажем так, распустить. У меня никаких к тому же нет здесь личных интересов. Но я

считала, что реорганизация его нужна. И, когда надо было двигаться к такой реорганизации, Горбачев начал пропускать момент за моментом. Примерно с 1989 года он, видимо, уже перестал что-либо понимать и считал, что надо просто удерживать Союз, а в результате упустил момент, когда его все-таки можно было спасти. В значительной мере из-за его упрямства ничего из этого не вышло.

Он ничего не понял в литовской истории. Я уже не говорю о грузинской истории. В общем, в один прекрасный день я поняла, что он человек конченный. И надо смотреть в другую сторону. Я не могу, говоря о нем, оперировать категориями «люблю» или «не люблю». Но я могу доказать, что он не тот человек, которым люди на Западе хотят его видеть. У меня, поймите, нет никакой личной оппозиции к Горбачеву. Я рассматриваю его как историк. И именно поэтому считаю, что нам всем еще придется многое пересмотреть. Многое неясно мне, кстати, и в истории путча. В том числе и позиция Ельцина мне неясна.

После путча Горбачев себя вел не лучшим образом. Он упустил момент, когда нужно было себя вести как великому политику. И как интеллигентному человеку. Он держался за власть, когда от нее надо было с достоинством отказаться. И, если бы он именно так и поступил, в истории осталась бы о нем совершенно иная память. Ему надо вообще было либо вовремя уйти, либо быть более тонким политиком и сделать вид, что он уходит. Он не сделал ни того, ни другого. Сидел, как дурак, и говорил – нет, я не уйду. А затем это... то, что турки называют «базарлык». Эти разговоры о том, какую ему оставят машину, дачу и т. д. Неэлегантно это. Ельцин тоже тут повел себя не лучшим образом. В общем, оба они оказались не на высоте. И, наконец, эта история с Конституционным судом... Если уж человек сыграл такую историческую роль, то тут надо подумать немножко о себе как об исторической фигуре, о своей репутации, а не просто о своих личных, сиюминутных интересах. Но вот тут-то Горбачев и не смог, как говорят, преодолеть планку.

Тем не менее, несмотря ни на что, все же последняя революция в России была совершена в основном без крови. И это – заслуга Горбачева. Когда-нибудь подлинная история Горбачева будет написана. Пока рано.

Надо смотреть архивные документы, анализировать все заново. То, что публикуют сейчас, – это либо сплошная горбомания, либо ненависть к нему. Объективности нет.

– В своей книге «Слава наций» (1990) вы пришли к достаточно парадоксальному выводу, когда написали, что только развал СССР, если он произойдет, поможет входящим в него республикам понять сложившуюся у них историческую общность с Россией. Скажите, после сговора в Беловежской Пуще жизнь действительно подтверждает ваш вывод?

– В этой книге я писала, что Россия и другие нации уже не могли далее жить вместе в рамках прежнего Союза, в условиях жесткого централизма. Перемены были неизбежны. Но я не считаю тем не менее, что Беловежская Пуща ознаменовала собой конец процесса. История никогда не заканчивается таким образом. Я не скажу, что Союз возродится. Но в будущем пусть не все бывшие республики, но часть их придут к новому альянсу. Здесь, конечно, многое определит то, какую роль сыграет Украина. Куда пойдет Казахстан. Особенно Украина. Есть на Западе силы, подталкивающие ее к окончательному разрыву с Россией. Украину воспринимают как европейское государство, ей сулят перспективу со временем вступить в Европейское сообщество. Россию же продолжают воспринимать как государство азиатское. И при этом Запад не понимает, что разрыв Украины с Россией был бы огромной трагедией не только для России, но и для всей Европы. Я согласна с Солженицыным. Все возможно для России, кроме разрыва с Украиной и Белоруссией. Россия без Украины – это историческая трагедия. Это означало бы, что граница Европы пройдет по русско-украинской, что Россию вытолкнули из Европы. Запад не понимает, какая это будет трагедия. И я боюсь, что Запад будет и впредь вести себя здесь весьма неосторожно. Я, кстати, именно поэтому стала советником Европейского банка реконструкции и развития. Я считаю, что смогу через него оказывать влияние, разъяснять, что неосторожную политику на этом направлении Западу следует остановить.

Я была в Грузии после того, как она стала независимой, и долго говорила с Шеварднадзе. Он понимает, что Грузия не может жить одна, она

должна найти какую-то форму связи с Россией, хотя с этим моим тезисом явно не согласится грузинская эмиграция. Возможно, что Узбекистан, Таджикистан пойдут по другому пути. Время покажет...

– *Какие сценарии развития нынешнего СНГ вы считаете наиболее вероятными?*

– Я не верю в реинтеграцию бывших советских республик в новый Союз. Скорее они создадут нечто напоминающее «Общий рынок» в Западной Европе. Им придется решать и территориальные вопросы, самые трудные. Нельзя все время все откладывать на потом. Не получится. Возьмите, например, крымский вопрос. Россия без Крыма – это что-то все-таки не совсем нормальное. И почему Крым при Хрущеве был приписан к Украине, никому не известно. Это была глупость, и большая. Надо будет решать этот вопрос. Решать и вопрос крымских татар. Нельзя ведь просто так игнорировать историю России двухсот последних лет (заметим, что это было сказано в 1992 г.! – В. Б.).

Так что все это пока – переходный этап. И в этом свете надо рассматривать все явления сегодняшнего периода. Нет ничего стабильного. Я не исключаю даже, что и России придется пересмотреть свои границы. Одно дело – Татарстан. Казань уже более четырех веков живет в составе России и в российской организации. Четыре-пять веков – это уже необратимо. Но Кавказ – это немногим более века. Там каждый еще себя мнит Шамилем. И тут никакой совместной жизни, я думаю, не будет. Какую-то реорганизацию придется принять, чтобы избежать ежедневных войн.

– *В одной из своих последних книг – «Победоносная Россия» – вы говорите о России будущего, о ее возрождении как великой державы. Что питает эти ваши надежды? Какой вы видите будущую Россию?*

– Россия – это историческое государство и историческая нация одновременно. Есть нации, которые, достигнув своего предела, распадаются на маленькие страны. У России, видимо, другая судьба. У нее огромные территории и богатства, хотя их пока и не могут рационально использовать. Различные народы, живущие в составе России, исторически объ-

единены. Общая судьба их связывает много веков. Россия, несмотря на нынешнюю разруху, это не третий мир, а страна развитая. Население ее в массе своей образованно. И хотя народ долго подвергали идеологической обработке, люди на родине моих предков нормальные. На Западе это не всегда понимают. Здесь судят о России по фильмам Лунгина «Такси-блюз» и «Луна-парк». Но это – большой город, а не вся страна. Такие фильмы можно сделать и о Франции.

Нельзя абсолютизировать понятия и мыслить стереотипами. Я верю в будущее России и ее народ, который единственно и может возродить ее величие. Для этого у России есть все возможности. Без нее не будет европейского континента. Я считаю, что европейцам надо сейчас как можно активнее прийти на помощь бывшим социалистическим странам. И в первую очередь России. Это и их обязанность, и долг.

– Вам приходится принимать участие в различных форумах, на которых обсуждается вопрос о помощи России. Какое у вас сложилось впечатление? Готов Запад помогать России вновь встать на ноги, либо он не хочет видеть ее великой, а предпочитает, чтобы она распалась на мелкие княжества и волости, чтобы так было ее удобнее эксплуатировать?

– У Запада сейчас нет ясной доктрины. О помощи говорят все время, но как в опере, где поют «Мы идем, идем!», а все стоят на месте. Помощь пока очень маленькая. И европейские страны, которые в первую очередь должны быть в этом заинтересованы, чувствуют себя с Россией неуютно. Здесь не понимают, что такое Россия. Для многих это какой-то зверь. Советский Союз – то было нечто пугающее, но зато знакомое, привычное. На Западе, по-моему, просто до сих пор не поняли, что Россия существует. Не Советский Союз, а Россия. И они считают, что раз Союз развалился, то и Россия должна развалиться. Вместе с тем заявляют, что Украина не должна развалиться.

Япония поставила вопрос о роли азиатских стран. Она готова помогать именно азиатским странам на территории бывшего СССР. Видимо, речь вообще идет о каком-то новом блоке азиатских стран, который может представлять потенциально немалую угрозу для европейского мира. За-

пад должен понять, анализируя такого рода процессы, что Россия – это часть Европы, что разлагать ее по кускам не дело, ибо это в конечном итоге ударит по самой же Европе. Азиатские страны пошли вперед, и они Европе подарков делать не будут. А России нужно куда-то прописаться. Я считаю, что в интересах Европы помочь как можно быстрее поставить Россию на ноги. В этом отношении я оптимистка. И именно поэтому говорила в своей книге о Великой России. Я могу только в хронологии ошибиться. Но, в общем, я права. В конце XIX века Россия показала огромный динамизм. Ее развитие было изумительным. Этого никто не ожидал. Это показало, какой гигантский потенциал есть у русского народа. Страна – великая.

...Я не раз встречался и говорил с Элен Каррер д'Анкос и после той нашей первой беседы у нее дома на рю Ренуар. Она во многом оказалась права, предсказав почти все основные этапы развития России после 1991 года. Не зря ее прозвали Нострадамусом. Самое главное ее предсказание, однако, не в этом. Элен Каррер д'Анкос считает, что демократическая система, капитализм установились в России окончательно и необратимо.

«Русские, – говорила она мне, – нормальные люди. Они не глупее других и также способны воспринимать демократию, как и другие. В конце концов в истории России демократические начала были еще в XII веке».

Выживание по-парижски

После путча корпункт «Правды» в Париже Геннадий Селезнев все же успел профинансировать, т. к. оставались еще те фонды, которые были выделены нам ЦК КПСС с начала 1991 года, и их не дали разворовать.

Но после развала СССР начались проблемы. Пришлось съехать с нашего корпункта на Бульваре Сюше, рядом с посольством, снять квартиру подешевле в 15-м арондисмане. В конечном итоге новый 1993 год мы встретили уже на рю Лурмель в 15 арондисмане Парижа, где живет в основном средний класс и где традиционно с давних пор селились русские эмигранты.

Москва. На встрече со спикером Госдумы, бывшим главным редактором «Правды» Геннадием Селезневым руководства Ассоциации Дружбы Франция-СССР. Слева от В. Большакова – председатель Ассоциации Мишель Сиарди.

Не вдаваясь в подробности бытового плана, останавлиюсь на главном. И Селезнев, и руководство КПРФ во главе с Геннадием Зюгановым поначалу приняли решение сохранить, елико возможно, корпункт «Правды» в Париже. Но при этом Селезнев сказал мне еще на последнем празднике «Юманите», в котором мы принимали участие в сентябре 1991 года, что теперь мне «надо учиться выживать». На том празднике в Парке Курнев у нас уже был не гигантский павильон, а маленькая палаточка, и наших гостей мы угощали уже не черной икрой, а русскими щами. Их очень вкусно готовила в большом котле, который нам от своих щедрот одолжили коммунисты Франции, супруга Селезнева Ирина Борисовна.

Конечно, во многом «Правда» и ее редколлегия могли еще во времена Афанасьева и Фролова, когда газетам была предоставлена куда большая самостоятельность, чем раньше, обеспечить себе надежную финансовую базу и непотопляемость на много лет вперед. Но «кто знал, – как говорил бывший предводитель дворянства из “Двенадцати стульев” Ильфа и Петрова, – что будет революция». А надо было знать! Еще до развала СССР французский предприниматель Юрий Филиппов, обосновавшийся во Франции в 80-х годах, предложил нам свои услуги в деле обеспечения рекламой. Одной из первых в «Правде» была опубликована добытая им реклама немецкой авиакомпании «Люфтганза». Потихоньку, за свои неплохие проценты конечно, Юрий наладил поставки платных объявлений.

Летом 1990 года Юрий побывал в Англии и познакомился с корреспондентом газеты «Дейли миррор», входившей в группу «Mirror Group Newspapers», принадлежавшую Роберту Максвеллу. Он рассказал ему о том, что сотрудничает с «Правдой» через ее корпункт в Париже. Об этом разговоре узнал сам Максвелл, и в июле непосредственно от него мне пришло приглашение посетить его в Лондоне. Я попросил у Фролова разрешения на такую командировку и возможное интервью с Максвеллом, а когда он согласился, позвонил нашему корреспонденту в Лондоне Александру Лютому и попросил снять мне гостиницу на пару дней. У Лютого были серьезные связи с деловыми кругами Англии, и после развала СССР он стал работать в России директором по корпоративным отношениям российского филиала фирмы «Бритиш Америкен Тобэкко». Но даже он удивился, почему Максвелл пригласил к себе именно меня.

Зачем я ему понадобился, я никак не мог понять, но все же получил визу в английском консульстве в Париже и поехал в Англию своим ходом на корпунктской «Вольво». В Кале погрузился с ней на паром и через пару часов был уже в Дувре, откуда поехал в Лондон, вспоминая свои австралийские навыки вождения машин с правосторонним рулем. С утра на следующий день Лютый привез меня в мини-небоскреб «Group Newspapers», где на 20-м этаже меня уже ждал Максвелл. Он поинтересовался, как я добрался до Лондона из Парижа, и, узнав, что я ехал до Лондона из Дувра

на своей «Вольво», сочувственно сказал, обращаясь к Лютому: «Ну, что же вы мне не позвонили, Саша. Я бы прислал за Владимиром вертолет».

У Максвелла на меня, видимо, составили целое досье. Он даже знал о нашем с Дашей интервью «Дейли мейл». И вот мы сидим и разговариваем, как старые знакомые. Максвелл чем-то был похож на нашего Илью Шатуновского, только еще полнее, чем Илья. Судя по его внешнему виду, Максвелл был большим любителем жизни и сибаритом, о чем говорили роскошные кубинские сигары, лежавшие у него на столе, и весь его вид – от прически, галстука и до ботинок – как бы сам по себе напоминал, что передо мной пусть не наследственный, но все же английский лорд. Он сразу взял быка за рога. Он захотел купить «Правду», если не целиком, то хотя бы половину. Если не половину, то пусть 49 % в рамках joint venture (совместного предприятия) с солидным акционерным капиталом и выходом на фондовую биржу.

Это и впрямь была бы сделка века. Ведь «Правда» – это, прежде всего, всемирно известный и легко узнаваемый брэнд, который не надо было продвигать на рынок, он уже там и так был хорошо известен. Возможности у «Правды», тогда одного из лидеров мировой печати, были действительно серьезными. «Правда» издавалась общим разовым тиражом 10–12 млн экземпляров, печаталась одновременно в 42 городах с полос, принятых по каналам фототелеграфной связи, или с матриц, доставленных самолетами. В советские годы «Правду» выписывали более чем в 120 зарубежных странах. 105 постоянных корреспондентов «Правды» работали внутри страны и за рубежом. С газетой сотрудничали сотни общественных (внештатных) корреспондентов. Редакция «Правды» получала ежедневно более 1300 писем (свыше 450 тыс. ежегодно).

В перспективе Максвелл хотел влить в свое совместное с «Правдой» предприятие не только нашу газету, но и все издательство «Правды». Он готов был предоставить нам рекламу, наладить издание «дайджеста» со статьями «Правды» на английском языке и издание книг и сборников речей советских лидеров, русской и советской классики.

Планы были грандиозными. Я сказал, что для ответа ему я должен слетать в Москву, и мы договорились, что через две недели я снова при-

еду в Лондон и вот тогда попрошу у него прислать за мной вертолет. На том мы и расстались. Максвелл организовал мне экскурсию по своему издательству. Я посмотрел на современные компьютеры, на которых там работали, фототелетайпы, увидел первые, еще тогда громоздкие, мобильные телефоны, всю последнюю оргтехнику и типографское оборудование. У Максвелла уже отказались от линотипов, о чем свидетельствовал последний такой мастодонт, выставленный при входе в редакцию «Дейли миррор». Побывал я и в отделе рекламы, получил там конкретный запрос на те технические характеристики нашей офсетной печати, которые должен был сообщить в Лондон, чтобы рекламщики Максвелла могли это учитывать, готовя для нас слайды.

В тот же день я выехал из Лондона обратно в Дувр, а оттуда в Париж. Ну, точно по маршруту Д'Артаньяна из «Трех мушкетеров» Дюма, только без королевских подвесок.

Через два дня после моего возвращения мне пришло письмо от Роджера Истоу (Roger Eastoe), заместителя директора-распорядителя «Миррор групп ньюспейперс». Он ставил вопросы уже конкретные:

«Дорогой г-н Большаков!

Я и мои коллеги были в восторге от нашей с вами встречи и считаем, что наши с вами разговоры стимулируют к действию.

В связи с этим хотелось бы знать следующее:

1. Когда мы говорили с вами, вы упомянули, что в Группе «Правда» существуют и другие издания общим тиражом около 50 млн экземпляров. Готовы ли будут эти издания принимать рекламу? Если да, нам было бы интересно узнать, какие темы они поднимают, на какую аудиторию рассчитаны, обслуживают ли интересы каких-то демографических или других специфических групп. Также интересно узнать, отличаются ли их типографские параметры от полос «Правды». Есть ли у них рейтинговые рекламные карты?

2. Вы говорили, что реклама алкогольных напитков пока невозможна. Есть ли другие запреты?

3. Если мы поставим вам рекламу, есть ли в вашей стране районы, где она будет нежелательна...

4. Очень интересным нам показалось ваше предложение об организации «Делового клуба “Правды”»...

И так далее на двух страницах убористого текста.

В заключение письма г-н Истоу написал: «Я считаю, что перед нами открываются огромные возможности. Особенно в связи с развитием импорта Россией зарубежных товаров».

Вернувшись в корпункт, я позвонил Фролову, и он попросил меня приехать в Москву, чтобы все эти предложения обсудить. Я набросал подробный план создания совместного предприятия «Правда-Интернэшнл» на базе редакции и издательства «Правды» в содружестве с «Mirror Group Newspapers». Перспективы были действительно увлекательные. Там были и идеи «Делового клуба “Правды”», и даже водки трех сортов: «Чистая правда», «Истинная правда» и «Горькая правда». Каждый член редколлегии получил от меня по папке с планом и схемами создания совместного предприятия с Максвеллом. Когда я доложил обо всем этом на заседании редколлегии, воцарилось долгое молчание, которое нарушил заместитель главного Михаил Королев. Он, в недавнем прошлом редактор «Правды» по отделу науки, сказал: «Это все, как у братьев Стругацких». На том и разошлись.

А в СССР между тем уже начиналась приватизация, которая позволила многим нашим газетам обеспечить себе финансовую самостоятельность. Иван Лаптев, бывший зам Афанасьева, ставший к тому времени главным редактором «Известий», очень быстро приватизировал эту газету вместе с его издательством и стал ее финансировать без всяких подачек Управделами ЦК, у которого Ельцин сразу же после разгона ЦК КПСС отобрал все «деньги партии», включая те, что были размещены в зарубежных банках. «Правда» же в конечном итоге осталась у разбитого корыта.

Сделка с Максвеллом у нас не состоялась в чем-то и по моей вине. Когда начались наши переговоры, я предложил ему провести аудит его издательства и одновременно «Правды». Это его, видимо, насторожило. Я же не знал, что к тому времени у него была весьма серьезная недостача, он влез в долги, грозившие ему банкротством, и на аудит не пошел бы ни в коем случае. Он как раз и надеялся, рассчитывая на простаков, поправить

свои дела с помощью «Правды». А я к нему с аудитом. Это уже только годы спустя я узнал о нем такое, что тогда мне и в голову придти не могло.

Роберт Максвелл был личностью незаурядной. Будущий английский лорд и газетный магнат родился в 1923 году в еврейской семье в Чехословакии в закарпатском Слатино-Село. Ныне это украинский поселок Солотвино. Абрахам Лажби был девятым ребенком в семье Михаила и Анны Хох. В сельской книге регистрации рождений он был записан как Мехел Гершович Гох. Отец – Герш Лейбович Гох, мать – Рухель Янkelович. Когда Гитлер оккупировал Чехословакию, родители записали сына на немецкий манер – Ян Людвиг Хох. Ян стал членом подпольной организации, которая нелегально переправляла молодежь во Францию. Его арестовали, приговорили к смерти. Но Ян сбежал, убив жандарма-охранника. Большинство его родственников (дед, отец, мать и три сестры) были убиты нацистами в Освенциме. Через Сербию, Болгарию и Турцию Ян добрался до Алеппо – известный всем ныне сирийский город. В ту пору это была подмандатная французская территория. Ян вступил во французский Иностранный легион и воевал в его рядах и в Чешской дивизии в составе французской армии. Во Франции он активно участвовал в движении французского Сопротивления, взял себе новое имя – Айвен дю Морье. В 1940 году Максвелл прибыл в Великобританию и вступил добровольцем в британскую армию, участвовал в знаменитой операции «Оверлод» по высадке союзников в Нормандии. После окончания войны он прослужил до 1947 года и вышел в отставку в звании капитана.

Это только часть его официальной биографии. Только после развала СССР стала известна и часть неофициальная. Геннадий Соколов, автор ряда книг о российских и британских спецслужбах дал подробное интервью «Комсомольской правде» (см. «Комсомольская правда». 5 нояб. 2016 г.), в котором сообщил о Максвелле ряд до этого неизвестных фактов. Почерпнул он их в основном из книги Г. Томаса и М. Диллана «Роберт Максвелл – супершпион Израиля. Жизнь и убийство медиа-магната», вышедшей в 2002 году в издательстве «Де Капо Пресс» в Бостоне, США, а затем переизданной в Англии (Gordon Thomas & Martin Dillon, Robert Maxwell, *Israel's Superspy: The Life and Murder of a Media Mogul* De Capo Press, 2002.

Boston). Но, как очевидно, дополнил свой рассказ информацией, полученной непосредственно на Лубянке. Вот отрывки из этого интервью:

«Когда судьба забросила его в Великобританию, Максвелл стал Лесли Джонсом. Англичане взяли парня на службу в разведку. МИ-6 приходилось работать с военнопленными, офицерами СД и гестапо, а также беженцами из стран Восточной Европы. А Лесли владел английским, немецким, французским, чешским и словацким, венгерским, румынским, русским, ивритом. Ежедневно участвовал в бесконечной череде допросов. Заодно англичане использовали его в качестве шифровальщика. А когда получил боевую награду из рук самого маршала Монтгомери, сменил имя в пятый и последний раз. На Роберта Максвелла. Под этим именем его позже и узнает весь мир. Тогда же он впервые вышел на связь и с советской разведкой».

Однако самой главной разведкой для Максвелла, как рассказал Соколов, всегда оставался израильский Моссад. Это так. Но так с небольшим уточнением. Соколов говорит, что в Моссад во время войны его привлек ветеран израильских спецслужб – бывший премьер-министр Израиля Ицхак Шамир. «В начале Второй мировой он, – говорит Соколов, – лично ввел молодого Яна Людвиг Хоха в сионистскую подпольную организацию “Иргун”. Парня направили на учебу в Тель-Авив, где он освоил приемы подпольной борьбы и саботажа. Там же получил агентурный псевдоним “Маленький чех”, под которым проработал всю жизнь. Французское Сопротивление и британская армия стали первыми этапами службы “Маленького чеха” на сионистскую разведку еще до создания государства Израиль и Моссада». Тут требуется небольшое уточнение. Шамир до Моссада был руководителем тайной сионистской организации «Лехи» в Палестине*, которая сотрудничала с нацистами и оказывала услуги абверу. Скорее всего, через «Лехи» Максвелл и попал в израильскую разведку. Что касается «Иргун», точнее «Иргун Цваи Леуми», то это – сионистская подпольная военная организация, действовавшая в Па-

* Подробнее о «Лехи» и ее сотрудничестве с нацистами см. Original Document in German Auswärtiges Amt. Archiv. Bestand 47–59. E 224152 and E 234155–58; *Yisraeli, D.* 1974. The Palestine Problem in German Politics 1889–1945. Israel. P. 315–317; *Polkhen, K.* The Secret Contacts. Journal of Palestine Studies. Spring-Summer 1976. P. 78–80.

лестине с 1931 по 1948 г. К разведке она прямого отношения не имела. На ее базе впоследствии сформировалась Цахал – армия Израиля. «Из британской армии капитан Максвелл уволился в 1947 году. Похоже, по приказу сионистов. В тот год началась арабо-израильская война. Переселенцам на Землю обетованную катастрофически не хватало оружия, – говорит Соколов. – Сталин тогда не дал “добро” на продажу евреям оружия, считая их пособниками империалистов. А Запад боялся продавать, чтобы не лишиться арабской нефти. Но, несмотря на оружейное эмбарго ООН, Тель-Авив смог-таки закупить стрелковое оружие, боеприпасы, средства связи, пушки, танки, даже боевые самолеты, которые все годы Второй мировой делали на знаменитых чешских заводах для германского вермахта. Поставки из Чехословакии организовал через своих здешних друзей агент Моссада “Маленький чех”. Израиль тогда победил, стал независимым государством. Не без помощи Максвелла». Здесь позволю себе еще одно уточнение. Сталин в тот период еще не лишился иллюзий по поводу создания в Израиля ближневосточного очага социализма в пику англичанам. Ведь не случайно же отца-основателя Израиля Бен-Гуриона именовали «израильским Лениным». А разрешение на поставки оружия из Чехословакии дал именно Сталин и тут Максвелл был использован НКВД как подручный. А оружие доставляли в Палестину на советских сухогрузах, которых у Чехословакии, как известно, никогда не было.

После увольнения с военной службы в 1947 году, Максвелл начал свой собственный бизнес, основав издательство «Пергамон пресс». Название символичное. На западе Малой Азии есть античный город Пергам (Пергамон), бывший центр влиятельного государства династии Атталидов, основанный в XII в. до н. э. Пергам упоминается в Новом Завете в Откровении Иоанна Богослова. Там, согласно св. Иоанну, находится одна из семи церквей Апокалипсиса, где расположен «престол сатаны» (Откр. 2:13). А Максвелл был печатью Сатаны отмечен, по жизни своей.

В 1964–1970 годах он избирался в палату общин парламента Великобритании от Лейбористской партии, где и получил титул лорда Англии. По-настоящему он разбогател, основав газетную компанию «Mirror Group Newspapers» в 1984 году, а затем издательство «McMillan» и фир-

му по продаже компьютерных игр. С середины 80-х годов «Маленький чех» неожиданно начал издавать биографии лидеров социалистических стран – Тодора Живкова, Эриха Хонеккера, Николае Чаушеску. В 1985 году после введения военного положения в Польше под редакцией Максвелла была издана книга избранных речей Войцеха Ярузельского, в которую было включено интервью, взятое у него самим Максвеллом. Личные контакты с коммунистическими лидерами западные бизнесмены использовали для продвижения своего бизнеса еще при Ленине. Миллионер А. Хаммер – самый типичный тому пример. Это был верный способ получить разрешение на инвестирование в соцстранах в выгодные проекты, что Максвелл и сделал в Болгарии. Присматриваясь к Советскому Союзу, он с 1949 года сотрудничал с нашим издательством Международная книга. Его «Pergamon» издавал книги избранных речей и статей Брежнева, Суслова, Черненко, Громыко. В 1981 году Максвелл участвовал в 3-й Московской международной книжной выставке-ярмарке. Встречался с Брежневым, Черненко, Горбачевым. Хорошо знал Эдуарда Шеварднадзе, Александра Бессмертных, Бориса Панкина, Валентина Павлова. Что же за всем этим скрывалось? Послушаем Соколова дальше: «Умный Максвелл сделал ставку на научную информацию. Предвидя ее важность и ценность в современном мире. Конечно же, эта сфера стала благодатной нивой и для спецслужб. Ведь лучшие ученые стремились публиковать свои научные работы в его журналах, выпускать книги. Хозяева “Маленького чеха” могли найти там много интересного. (Между прочим, Максвелл печатал нашего академика-физика Ландау.)

Вскоре “Пергамон” стал лидером в выпуске научно-технической литературы, а также историко-политической и мемуарной. Это тоже было сделано с дальним прицелом для спецслужб. Заодно разведчик взял под контроль выпуск шести ведущих британских газет компании “Mirror Group”, а также журналов, книг и газет популярного американского издательства “Macmillan”. Это были так называемые “издания для простых людей”. Сам же Максвелл, хоть и получил от британской королевы титул лорда, всегда оставался для публики человеком левых взглядов. Правда, с тщательно скрываемым сионистским уклоном.

В середине 80-х медиа-империя Максвелла охватывала 125 государств мира. Он считался крупнейшим издателем Великобритании и вторым – в США. Кроме газет, журналов, книг в его активе были популярные радиостанции, телеканалы. Достаточно сказать, что Максвелл был президентом музыкального MTV. Размер его состояния оценивался в 4 с лишним миллиарда фунтов стерлингов, что даже по нынешним меркам весьма весомо.

Завистливые конкуренты за спиной называли его “Бобом-ураганом”. А спецслужбисты – “капитаном Бобом”. Только вот на поверку эта громадная медиа-империя стала операцией прикрытия для шпионской миссии “капитана Боба”. Бизнес был поставлен на службу разведки. Это была сверхсекретная операция Моссада, ЦРУ и МИ-6. Только англосаксы проводили ее совместными усилиями, а евреи шли своим путем. Цель операции – ни много, ни мало! – внедрение “крота” в кремлевскую верхушку! Хозяева “капитана Боба” организовали такое “легендирование” агента, что у руководителей СССР не возникло ни малейших сомнений в искренности и преданности британского миллиардера.

В августе 1968 года в Прагу вошли войска стран Варшавского договора. Даже не все страны соцлагеря это одобрили! Что уж говорить про возмущенный “оккупацией” Запад... И вдруг крупнейший западный медиа-магнат, к тому же депутат британского парламента от правящей лейбористской партии, лорд Англии публично заявляет, что полностью поддерживает ввод советских войск в Чехословакию. Мол, это необходимо для сохранения мира и безопасности в Европе. Пикантности придавал факт, что сам он родом из Чехословакии. Заявление стало информационной бомбой.

Леонид Ильич немедленно пригласил Роберта в Москву. Говорили тет-а-тет по-русски, без переводчика и протокола. О чем душе было угодно. Их многое сближало: боевое прошлое, любовь к автомобилям, женскому полу, охоте, выпивке и курению. Максвелл стал другом генсека. Встречались они регулярно. Отчеты о беседах аналитики западных разведок ждали с особым нетерпением.

ЦРУ и МИ-6, Моссад добились поставленной цели. Их человек стал вхож в высшие кремлевские кабинеты. И даже в кабинеты руководите-

лей КГБ. Лубянка не могла оставить без благосклонного внимания нового друга Леонида Ильича. Наживка западных разведок была с аппетитом проглочена. Брежнев был честолюбив, обожал лесть и похвалу, награды любого свойства, громкие дифирамбы своим книгам, написанным другими авторами. После смерти Брежнева “капитан Боб” отметил себя развитием контактов с новыми генсеками Андроповым, Черненко, Горбачевым. И остался для Кремля важнейшим пропагандистом советской власти за рубежом. Агитпроп ЦК КПСС щедро оплачивал услуги Максвелла из государственной казны. Прогорбачевская “Правда” и либеральные “Московские новости” начали выходить на английском языке на Западе. Журнал Раисы Горбачевой “Наше наследие” стал в один ряд с популярными глянцевыми изданиями ведущих стран мира. Все это обеспечивал Максвелл. Мировое общественное мнение стало на сторону Горби».

Тут наш историк спецслужб не в ладах с фактами. Первый номер «Moscow News» на английском языке вышел еще 5 октября 1930 года и с тех пор выходил регулярно. 16 мая 1956 года появился первый номер французского издания – «Нувель де Моску», затем с 1962 года газета стала выходить на испанском языке – «Новедадес де Моску», а с 1969 года – и на арабском – «Анба Моску». «Правда» на английском языке выходила только разовыми изданиями для разного рода международных мероприятий и чрезвычайно редко. Максвелл никакого отношения к этому не имел. Чаше перепечатывали на английском отдельные статьи из «Правды», в том числе мои. Но это все – детали. Куда важнее другое: Максвелл получил никем не контролируемый доступ к высшему советскому руководству.

Соколов напоминает о том, что тогдашний директор ЦРУ Кейси по приказу президента Рейгана «разработал новый план борьбы с СССР». Речь, как очевидно, идет о серии секретных директив Совета национальной безопасности США в соответствии с которыми с начала 80-х годов осуществлялся последовательный развал Советского Союза руками Горбачева, его горе-перестройщиков и завязанных предателей из вскормленной Западом пятой колонны. «Империи Максвелла, – говорит Соколов, – там отводилась особая роль. Развернуть на Западе масштабную кампанию информационно-пропагандистской поддержки разрушительной для

СССР политики Горбачева. Сам автор перестройки был доволен сотрудничеством с Максвеллом. Оно обеспечивало новому кремлевскому лидеру хвалебный пиар по всему миру».

Все это происходило на глазах наших доблестных чекистов! И они не только не помешали этому проникновению американо-сионистского «крота» в святыя святых советского государства, но и всячески тому способствовали. Невероятно, но факт. Вот как объясняет этот факт наш историк Лубянки:

«Возможности реально повлиять на политику кремлевского начальства у чекистов не было. Мнение разведки не принималось в расчет высшим партийным руководством страны. Один из руководителей внешней контрразведки КГБ полковник Анатолий Серегин утверждал, что его коллеги прекрасно понимали всю пагубность перестроечного курса Горбачева, но сделать ничего не могли. На Лубянке справедливо считали, что западные разведки активно используют Максвелла как прямой канал доведения направленной информации (дезинформации) до советского руководства. Агент имел уникальную возможность зондирования отношения Кремля к тем или иным политическим инициативам Запада. Кроме того, Максвелл, что называется, держал руку на пульсе советского режима и его вождей, оценивая их устойчивость и жизнеспособность. О чем и докладывал своим кураторам в Вашингтоне, Лондоне и Тель-Авиве. Но поделаться Лубянка ничего не могла. Так, во всяком случае, высказывался начальник британского направления в 3 отделе ПГУ (первого главного управления КГБ СССР, то есть внешней разведки) полковник Михаил Любимов. Ведь Максвелл вышел в Москве на недоступный для Лубянки уровень, контактировал с верхушкой номенклатуры, которую чекисты трогать не могли.

«Конечно, – говорит Соколов, – Лубянка ставила задачу по нейтрализации возможностей «кремлевского крота» и даже использования его связей и возможностей в наших целях. В частности, в финансовой, банковской и валютной сфере. С Максвеллом целенаправленно работали наши ведущие разведчики и контрразведчики, например, резидент КГБ в США генерал Дмитрий Якушкин. В Лондоне с ним встречался начальник ПГУ КГБ (внешней разведки) генерал Леонид Шебаршин».

Напрашивается на фоне всего этого вопрос: а была ли Лубянка все-речь заинтересована в ликвидации деятельности Великого Крота по имени Максвелл? Ясно, что не была. Он ведь рыл свои норы, по меньшей мере, в двух направлениях. А в западном направлении были кровно заинтересованы такие люди, как тогдашний руководитель ПГУ (первого главного управления внешней разведки КГБ СССР) Владимир Крючков – от полученной на этом направлении информации многое зависело, как во внешней, так и во внутренней политике СССР.

Вот что рассказал Соколов о бывшем шефе ПГУ и затем КГБ в своем интервью «Комсомолке»:

«Владимир Александрович Крючков, поставленный осенью 1988 года во главе КГБ СССР, имел свои виды на шпиона. Его беспокоили “реформы” Горбачева и судьба страны, летящей под откос. Крючков довольно быстро нашел общий язык с Максвеллом, благо, оба хорошо говорили по-венгерски. Этот язык в Москве мало кто понимал, так что в любой момент можно было устроить “междусобойчик”. Шеф КГБ Крючков во время путча 91-го года понадеялся на помощь Максвелла и Тель-Авива.

В первой половине 91-го года шеф КГБ провел две секретные встречи с агентом Моссада. Речь шла о поддержке Израилем... грядущей операции ГКЧП по свержению Михаила Горбачева! Крючков искал на Западе союзников в борьбе за спасение СССР. Максвелл поддержал идею Крючкова. Были оговорены взаимные обязательства. ГКЧП получал политическую и материальную поддержку со стороны Тель-Авива. Максвелл обеспечивал информационно-пропагандистскую кампанию поддержки ГКЧП через свои издания по всему миру. А Крючков в случае победы гарантировал беспрепятственный выезд всех евреев из СССР в Израиль. Магнат пошел навстречу Крючкову не из добрых чувств к СССР и братьям по крови. У него был свой интерес. К 1991 году долги компании “Максвелл Коммюникейшнз” значительно превысили доходы. Чтобы спасти медиа-империю, Максвелл присвоил 1,2 млрд долларов из «неприкосновенного» пенсионного фонда журналистов “Миррор Груп”. Но денег все равно не хватало. Срочно требовались новые заимствования. Крючков помочь не мог. СССР сам влез в долговую яму. Лондон и Вашингтон уже

потеряли интерес к “капитану Бобу”. План Кейси по развалу соцлагеря был реализован. “Холодная война” закончилась. Согласно апрельскому докладу ЦРУ президенту Бушу, СССР тоже вскоре ждал развал, Горби обречен. Только Тель-Авив мог профинансировать Максвелла за посредничество в великом исходе евреев из СССР. А кредит ему был нужен как воздух. Дело оставалось за малым. Чтобы “Маленький чех” убедил Тель-Авив поддержать грядущий ГКЧП».

Соколов, спасибо ему, раскопал весьма существенные детали той закулисной игры, которая шла у перестройщиков с Западом и международным сионизмом. Но для лучшего понимания ее пружин, напомним, что первоначально идея ГКЧП обсуждалась с участием Крючкова у Горбачева и он дал добро на путч в надежде сохранить свою власть и пост президента СССР. Когда же к концу августа наступил «день X», он в последний момент отказался возглавить ГКЧП, испугавшись, что Запад его осудит, чего он боялся больше всего на свете, и в результате вся эта затея с путчем превратилась в жалкую комедию, переросшую молниеносно в трагедию развала России, в самую крупную геополитическую катастрофу XX века по характеристике президента Владимира Путина. Крючков, понятно, этого не ожидал. Ему казалось, что все шло по заранее согласованному плану и, несмотря на свой немалый опыт в разведке, как шпион-приготовишка целиком доверился авантюристу Максвеллу и его подельникам из Моссад.

«В начале августа 1991 года, – пишут Г. Томас и М. Диллан в своей книге о сионистском супершпионе Максвелле, – состоялась третья конфиденциальная встреча Крючкова с магнатом на борту его яхты в открытом море. Максвелл пригласил также своих доверенных лиц из руководства Моссада. Однако израильский премьер Ицхак Шамир не поддержал план Крючкова-Максвелла. Испугался политических последствий, если произойдет «утечка» и о сделке с КГБ станет известно. Кроме того, шансы на успех ГКЧП, по мнению его аналитиков, были невелики. Узнав об отказе премьера, «Маленький чех» по телефону отчаянно попытался убедить Шамира помочь СССР избежать распада и срочно дать кредит его зашатавшейся медиа-империи. Даже решил шантажировать премьера, угро-

жать ему. Он явно перегнул палку. И тем самым поставил себя под удар. А тут еще осенью, уже после краха ГКЧП, проговорился в узком кругу о тайной встрече на яхте. Узнав об этом, Шамир связался с шефом Моссада и потребовал избавить его раз и навсегда от «Маленького чеха».

Шамир, отметим, был хорошо осведомлен о той операции по развалу СССР, которую осуществляло ЦРУ. Кейси не раз приезжал в Израиль и информировал его об этом. Более того, израильская разведка Моссад и другие секретные службы сионистов активно в этой операции участвовали в полной синхронности с ЦРУ, передав в распоряжение американцев часть своей агентуры из сионистского подполья в СССР. Попытка Максвелла вмешаться в эту игру и помешать ей была заранее обречена на провал, а он сам – на гибель. За подобные «инициативы» спецслужбы не щадят даже своих.

Дальнейшая судьба Максвелла сложилась трагически. 5 ноября 1991 года появилось сенсационное сообщение – он погиб при невыясненных обстоятельствах во время прогулки на морской яхте в Атлантическом океане близ острова Гран-Канария. Г. Томас и М. Диллан эти обстоятельства в конце концов выяснили. В Моссад выбрали «нулевой вариант»: нет человека – нет проблем.

Ночью 4 ноября 1991 года группа ликвидаторов Моссада на катере подошла к яхте Максвелла и высадилась на борт. После короткой схватки магнату сделали смертельный укол, вызвавший остановку сердца. Тело сбросили в воду. «Проблемы израильской разведки, связанные с Максвеллом, были закрыты навсегда той холодной ноябрьской ночью», – цинично вспоминал один из «ликвидаторов». После его смерти кредиторы разорили его издательство, а его сыновей обвинили в мошенничестве, предъявив им иск на 600 млн долларов. Труп его все-таки нашли и похоронили в Иерусалиме, на Масличной (Елеонской) горе. На древнем еврейском кладбище, где упокоились еще ветхозаветные герои. Великая честь! Ведь при втором пришествии Христа, согласно Библии, именно с Елеонской горы начнется воскрешение мертвых. Сам премьер Шамир произнес траурную речь о герое нации, про подлинные заслуги которо-

го, дескать, еще не пришло время говорить. А через полтора месяца приказал долго жить Советский Союз...

Соколов отмечает еще одну немаловажную деталь. Погиб Вадим Бирюков, тот самый, которого я «реабилитировал» в глазах его начальства на Лубянке, опубликовав в «Правде» колонку комментатора за его подписью, был, оказывается на оперативной связи с Максвеллом в конце 80-х и начале 90-х годов. Его коллеги по журналу «Деловые люди» рассказывали мне, что он погиб страшной смертью. Вадима нашли в его гараже связанного скотчем по рукам и ногам. Его бросили рядом с машиной с работающим двигателем, и он умер от удушья угарным газом. Преждевременно ушли из жизни при невыясненных обстоятельствах и полковники КГБ Владимир Головин и Виктор Бредихин, также державшие контакт с Максвеллом. Возможно, тоже были ликвидированы. Такие вот творились тогда страшные дела.

Разные «Правды»

Само по себе название «Правда», как ни странно, привлекало внимание как интеллектуалов левого толка, так и антисоветчиков, как авантюристов, так и политических хулиганов, в том числе и «идеологов» мирового гей-сообщества, или, как у нас его называют, «Всемирного Интернационала гомосексуалистов и лесбиянок».

В 1981 году во время турпоездки во Францию попросила политического убежища журналистка Московского радио Рената Лесник. Она родилась в Молдавии в 1950 году и затем училась в МГУ на факультете журналистики. В 1986 году она впервые издала на французском языке интегральный номер газеты «Правда», а затем также представила французам номер «Красной звезды». Лесник очень хорошо знала французский язык и даже переводила с русского Михаила Булгакова. Во Франции она стала звездой разного рода антисоветских телешоу, работала на радио «Свобода» и считалась во Франции одним из лучших советологов, а после развала СССР – лучшим специалистом по постсоветской Рос-

сии. В 1986 году она стала издавать во Франции журнал «Говорит Москва!» («Ici Moscou»), который затем переименовала в «Другую Правду» («L'Autre Pravda»). Она практически без комментариев публиковала в переводе на французский статьи из советских, в основном республиканских и провинциальных газет на русском языке, с критикой наших «отдельных недостатков». Так, например, журнал «L'Autre Pravda» № 9 за 1988 год был целиком посвящен проституции в СССР.

Во Франции вышло несколько ее книг в соавторстве с Анной Бланк – «Предатели из Кремля», «Замужем за КГБ», «Империя всех мафий» и др. К новой власти в России Рената отнеслась еще хуже, чем к предыдущей, и нещадно раскритиковала Ельцина. Что касается ее «Другой Правды», то долго это издание не продержалось и судиться с ней было бы трудно, т. к. она использовала похожий, но все-таки не наш бренд.

Иногда выходили отдельные номера «Правды» на французском языке. Так, например, был буквально воспроизведен столичный номер 26 декабря 1986 года. Не исключено, что автор на этом просто хотел заработать – цена была указана за 1 экземпляр 10 франков.

Явно с целью заработать малоизвестная фирма F-2S после приостановки издания «Правды» Ельциным в августе 1991 года выпустила 2 октября на французском языке «Правду запрещенную» («La Pravda Interdite»).

Еще в ноябре 1991 года ко мне заявился некий Пьер Шанлу, француз алжирского происхождения, и предложил мне вместе с ним издавать газету «Новая Правда» («Nouvelle Pravda») на французском языке объемом А-2 на 16 полосах.

Предложение было заманчивое и решало все мои проблемы во Франции. Мы заключили договор при участии видного парижского юриста. В Париже я должен был возглавить новую газету как ее главный редактор. Моим заместителем Шанлу назначил свою знакомую русскую эмигрантку Анну Степанову. Откуда она взялась, я выяснять не стал, и, как оказалось, зря. Моей Дарье предложили должность секретаря редакции.

В Москве мы создали небольшую редакцию во главе, конечно, с Геннадием Селезневым. В нее вошли, как было указано на 15-й полосе, Николай Потапов, зав. отделом культуры «Правды», Александр Платошкин

(экономика), Виктор Кожемяко (политика), Юрий Владимиров (международные события), Николай Кривомазов (общество), Владимир Губарев (наука) и Владимир Потапов (биржа и финансы).

В полной уверенности, что дело пошло и я смогу поддержать не только свой корпункт, но и помочь своим товарищам в Москве, как только пойдет реклама, я дал несколько интервью, чтобы рассказать о столь новой для Франции газете. В конце ноября меня пригласили в Клермон-Феран. Это небольшой удивительной красоты средневековый городок, столица региона Овернь, сердце Франции. Еще до прихода римлян Овернь был крупным центром земли галлов. Уроженцем этих мест считается вождь галлов Верцингеторикс, который сумел победить в битве самого Цезаря. Его статую на центральной площади Клермон-Феррана изваял великий скульптор Бартольди. Четыре королевских лилии и крест на гербе города как бы подчеркивают и непрерывность истории Франции, и приверженность жителей этих мест национальным традициям и христианству. В наши дни Клермон-Ферран стал видным культурным центром Франции. Там проводится всемирно известный Международный фестиваль документальных фильмов, а ЮНЕСКО взяла под свою опеку ряд исторических памятников архитектуры в городе. Пригласил меня туда Мишель Рено, основатель дискуссионного клуба «2-СИА», где я встречался с городской интеллигенцией и студентами местного университета, а затем с журналистами. Мишель после этих встреч взял у меня интервью и опубликовал его в местной газете с нашим совместным портретом, где у него в руках была «Правда». В этом интервью он сообщил, что между 15 и 20 декабря во Франции выйдет в свет «Новая Правда» на французском языке. Вот как он меня представил в качестве ее будущего редактора:

«Владимир Большаков не обычный журналист. Он не только журналист, работающий в “Правде” вот уже много лет. Он еще и единственный из советских граждан, аккредитованных во Франции, кто первым публично осудил августовский путч. Уже этот жест говорит сам по себе об этом мужчине.

Он признает, что, когда он решил в самый разгар путча заявить перед телекамерами, что осуждает эту хунту, он не мог быть уверен в том, что

ему это сойдет с рук. Сегодня, когда История подтвердила, что он был прав, можно понять, чем все же ему, корреспонденту «Правды» в Париже, это грозило в случае, если бы переворот Геннадия Янаева закончился успешно. Это сегодня он с юмором рассказывает о том, что перед тем, как отправиться в студию Пятого канала, он сказал жене: «Если я не вернусь, считайте меня погибшим на баррикадах».

Мы все получили очень ценную информацию о том, что происходит в Советском Союзе из уст столь выдающегося человека – журналиста, писателя и автора 23 книг и множества статей, известного в России и за рубежом драматурга, а к тому же и известного теперь художника.

Владимир Большаков, который вот уже пять лет работает корреспондентом «Правды» во Франции, теперь будет не только передавать свои статьи в Москву, но и станет главным редактором еженедельной «Правды» на французском языке». Лучшей рекламы мне было трудно пожелать.

Мы быстро подготовили материалы для первого номера, который вышел уже 1 февраля 1992 года. На первой полосе с переходом на третью была опубликована моя статья «Политический Чернобыль», в которой я напрямую назвал виновников развала Советского Союза, и довольно острые статьи моих правдинских коллег.

«Новая правда» поступила в газетные киоски и хорошо продавалась. Мы стали готовить второй номер, но он вышел, неожиданно для меня, в том же формате, но с новым названием «Редактор» и с новым главным редактором, которым оказалась моя заместительница Анна Степанова. Никого из прежней правдинской редколлегии уже в ней не было.

Не вдаваясь в детали, скажу только, что мы подали на Шанлу в суд и выиграли его в Версале с первого же заседания. Правда, оплаченный нам материальный ущерб весь ушел на оплату услуг нашего адвоката Франсуа Кальдора, но моральную сатисфакцию мы все же получили. Издание «Редактора» Шанлу прикрыл сразу же после этого. Почему он пошел на эту авантюру, он так и не объяснил, если не считать его ответа на суде: «Я издатель, и я так решил». В Москве мои коллеги с юмором

объяснили это «происками ЦРУ». В этом юморе была, скорее всего, и доля правды. В то время, когда уже было ясно, что с Советским Союзом покончено, допустить возрождение одного из его всемирно известных символов по имени «Правда», да еще на французском языке, никому на Западе было не нужно, в том числе, увы, даже французским коммунистам. Думаю, что Шанлу просто получил отступного и наш проект «Nouvelle Pravda» сдал.

В начале 90-х годов из редакции парижского «голубого» еженедельника «Гей эбдо» мне прислали свежий выпуск газеты «Гей Правда» («Gay Pravda») на русском языке. В письме, приложенном к этому мерзопакостному изданию, сообщалось, что совместно с голландским голубым журнальчиком «Гей Крант» оно выпущено в свет тиражом 105 тыс. экземпляров, из которых 85 тыс. пойдут подписчикам, а 20 тыс. голубые волонтеры будут распространять летом в Советском Союзе. Все ждали, как на это среагируют в Москве в редакции «Правды» и в ее парижском корпункте. Конечно, если бы мы подали в суд за незаконное использование нашего брэнда, то мы бы его выиграли, как выигрывали подобные процессы во Франции не раз. Но я на это реагировать не стал.

Мне потом несколько раз звонили узнать, понравилось ли. Я с большевистской прямоотой сказал все, что думаю по этому поводу, стараясь, конечно, при этом не нарушать права моих интервьюеров и придерживаться политкорректности: публика эта нервная, скандальная и лучше с ними не связываться. Судиться мы с ними не стали и правильно сделали, потому что потешалась бы над нами вся Франция. «Gay Pravda» довольно быстро сошла на нет, и о ней благополучно забыли.

Голубой интернационал

Откуда они берутся? И действительно ли во Франции вместе с Голландией у голубых журналов почти сто тысяч подписчиков? А сколько тогда читателей? И почему вообще в Европе гомосексуализм стал не толь-

ко нормой, но и своего рода обязательной меткой популярных политиков, звезд эстрады и интеллектуалов?

Во Франции гей-сообщество, которое весьма активно, по-своему даже популярно. Только ли потому, что сексуальные привычки этой нации весьма своеобразны? В Париже действительно из 10 тысяч зарегистрированных проституток – 6 тысяч мужчины. К концу XX века в быт больших городов, особенно Парижа, вошли шумные и, надо признать, красочные шествия «голубых». Эти гей-парады, призванные продемонстрировать «gay pride» их участников (т. е. гордость за то, что они – гомосексуалисты), проводятся ежегодно и с немалым размахом. «Голубой» мэр Парижа Бертран Деланоз говорил, что это не просто «роскошные праздники», но еще и «торжество свободы, и на них стекаются даже большее количество гетеросексуалов с детьми и семьями, чем сексуальных меньшинств». Вместе с другим «голубым мэром» – градоначальником Берлина Клаусом Воверайтом – Деланоз не раз пытался уговорить и мэра Москвы Юрия Лужкова провести такой же парад в российской столице. Лужков перед этим натиском устоял. Но геи – народ упорный. Был создан даже международный комитет по подготовке гей-парада в Москве. И хотя его не разрешили, геи в Москве на улицу все же вышли и в 2006 году, и в 2007 году, и это популярности им в России не прибавило, хотя в основном отнеслись к этой выходке у нас спокойно. И все же осталось у многих ощущение того, что кто-то эти все «парады» субсидирует, дабы заставить все человечество если не сменить сексуальную ориентацию в массовом порядке, то хотя бы признать, что такого рода забавы не патология, а норма, и всемирно тому порадоваться.

Французские геи чрезвычайно активны не только сексуально, но и политически. В годы моей работы во Франции я не раз был свидетелем бурных «манифдов» за права геев, за разрешение вступать им в гражданские и даже церковные браки. И они увенчались успехом – теперь работник мэрии за отказ зарегистрировать однополый брак будет предан суду и наверняка попадет за решетку. «Гомосексуализм, – объявил Б. Деланоз, – не является чем-то противоестественным. Это природа делает людей гомосексуальными или гетеросексуальными. Я сам борюсь за равноправие

между мужчиной и женщиной, за равноправие конфессий, национальностей и считаю, что гомосексуалисты должны иметь такие же свободы, как и гетеросексуалы». Для француза эта позиция идеальна с точки зрения Декларации прав человека. А раз так, то и мэр их столицы вполне может быть голубым, и гей-парады – это не что иное, как «торжество свободы и демократии». Поэтому французы к геям в массе своей терпимы. Считают, что и у голубых есть право жить так, как они хотят, что европейской, гуманистической концепции прав человека ни в коем разе не противоречит. В принципе с этим можно согласиться, в конце концов, кому какое дело до того, кто с кем и как спит. Но геям, мучимым смешанным комплексом превосходства и неполноценности, нужно восхищение общества их голубизной, постоянное подтверждение того, что они не только нормальны, но даже нормальнее, чем другие. Причем пассивного признания им мало. Отсюда и такая навязчивая манера, шум, грохот и показуха гей-парадов, которым свойственна просто-таки «революционная» нетерпимость – «Кто не с нами, тот против нас!». Вот здесь у многих французов традиционной ориентации вместе с гей-парадами начались с геями расхождения. Во-первых, агрессивная голубая пропаганда может привести в лоно гомосексуализма и тех неопытных молодых людей, у которых не было к тому природной склонности, но есть податливость на модные веяния. (А голубизна, надо признать, на просвещенном Западе в большой моде. В мире искусства, у французской богемы это почти норма. Ткни пальцем – попадешь в голубого.) Во-вторых, французы не любят, когда им что-то навязывают, а уж тем более в том, что касается секса. Тут я с французами полностью солидарен. Одно дело – посмотреть на гей-парад со стороны, как на шоу, а другое – в нем участвовать. Каждому свое. Но геев это как раз и не устраивает. В советские времена, когда у нас еще существовала драконовская статья УК, по которой за «мужеложество» карали, геи устраивали шумные кампании солидарности со своими единомышленниками за железным занавесом и протесты у посольств соцстран.

Я увидел всю эту публику воочию впервые в Австралии, в Сиднее, еще в 1974 году. Вышел из паба в обеденный перерыв и попал на улице в шествие того, что сейчас называют ЛГБТ-сообществом. По центру го-

рода шествовали, словно персонажи рок-оперы «Rocky Horror Show», пародии на «переделанных», размалеванные трансвеститы, трансгендеры, мужики с губной помадой во весь рот и подведенными глазами и целующиеся взасос по ходу шествия лесбиянки. Это был парад «гей-прайд», демонстрация «гордости» геев, людей с большой психикой, за свои пороки, марш для выставления их на публику. Участники парада и пытались доказать, что они вовсе не больны, а здоровы, что их сексуальные извращения – это норма, чем они к тому же гордятся и призывают всех остальных жителей Австралии и всех других земных континентов следовать их примеру. Тогда в Сиднее, когда какой-то размалеванный транс с проросшей щетиной и огромной имплантированной грудью, от которого несло потом, дешевыми духами и пудрой, попытался затащить меня в ряды этого парада, меня чуть не стошнило.

Во Франции, где гей-парады проходят регулярно, а на улицах и даже в метро часто можно увидеть лобызających педерастов, я к этому как-то попривык, хотя позы на рвоту при виде всей этой публики были.

Геи во Франции – это скорее цветы асфальта, явление больше городское, чем общенациональное. Там, где голубые, там, как правило, и наркотики, а там, где наркотики, там и СПИД. То, что среди голубых ВИЧ-инфицированных больше, чем достаточно, неоспоримо свидетельствует статистика. Впрочем, и СПИД у французов, как выяснилось, имеет свои национальные особенности. Если уж француз ударился в сексуальные похождения, то он будет авантюрен донельзя. Знакомство с сексом у него начинается, как правило, в раннем возрасте и у проститутки. Нередко в этих похождениях дорога французского сластолюбца проходит либо через Булонский, либо через Венсенский лес (и тот и другой – практически в городской черте Парижа), где стоят плотными рядами проституирующие мужчины и женщины бок о бок с «переделанными» трансвеститами, как правило, из Латинской Америки. Все они сплошь сидят на игле и торгуют собой главным образом затем, чтобы заработать на наркотики. Стоит это «удовольствие» недорого, иной раз всего двадцать-тридцать евро, примерно столько, сколько надо заплатить за дозу героина. Трансвеститы готовы работать даже без презерватива за двойную плату. И не-

редко вместе с «удовольствием» клиент получает СПИД, ибо проститутки парижских лесопарков, особенно мужского пола, на 60 процентов ВИЧ-инфицированы.

Глава двадцать вторая

ВОЙНА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

«Пан-Европа для евреев и африканцев»

Во Франции еще в те годы, когда я там работал, говорили о том, что ее захлестывает нелегальная иммиграция. Политкорректные журналисты всячески избегали алармистских формулировок. Правые, не стесняясь, называли это «вторжением». И все же тогда это были только цветочки. Ягодки созрели к 2015 году. В прессе появился новый термин – «Операция “Беженец”», что верно отражало организованный характер этого вторжения иммигрантов в Европу с Ближнего Востока, стран Магриба и Центральной Африки.

Эксперты портала «РусНекст – Русская весна» считают, что мигрантов использовали в операции «Беженец» определенные силы для того, чтобы «вызвать кризис идентичности европейских народов, их традиционных европейских культур и ценностей. Через мультикультурализм, т. е. устранение понятия местной, своей, отечественной, доминирующей культуры. Все равны – и мусульмане, и христиане, и арабы, и немцы (в Германии, например), а значит ни одна культура не имеет преимущества. А, значит, культура как таковая заканчивается, остается толерантный винегрет. Наплыв мигрантов вызван не только разрушением Западом их стран (Ливии, Сирии, Ирака), но и серьезным, а главное, резко увеличившимся в последнее время финансированием миграционных волн, захлестнувших Европу. Можно предположить, что ставятся

какие-то краткосрочные цели. Например, вызвать шок в управленческих структурах ЕС, чтобы затем переформатировать бюрократическую надстройку по своим более удобным для финансового интернационала лекалам» (RusNext.ru. 30 августа 2015 г.). Анализ интересный. Но, думаю, что одним шоком планы тех, кто использует мигрантов для дестабилизации Европы, не ограничиваются.

Плохо скрываемую заинтересованность «финансового интернационала» и связанных с ним сил в операции «Беженец» чаще всего объясняют стремлением к наживе. Действительно – в этом бизнесе по переброске миллионов людей по отлаженным маршрутам крутятся миллиарды. И без гигантской прибыли подобные структуры не взялись бы за столь масштабную пропагандистскую, организационную и логистическую задачу. Но только ли в этом дело?

16 ноября 2012 года на торжественном заседании в честь 90-летия со дня создания Панъевропейского движения председатель Европейского Совета (с 2009 по 2014 г.) Херман Ван Ромпёй был награжден премией Куденхове-Калерги. Среди лауреатов этой премии – президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга (2006) и канцлер Германии Ангела Меркель (2010). Все три лауреата куда более известны, чем тот человек, чьим именем названа эта самая престижная в Евросоюзе премия. Не больше известно и о Панъевропейском движении. Однако к теме этой книги и это движение, и сам Куденхове-Калерги как его основатель имеют самое прямое отношение. Уже потому, что Ван Ромпёй и Меркель не простые последователи его идей. Они воплощают их в жизнь, не считаясь с тем, как это скажется на жизни и благополучии рядового европейца. Они – образцовые исполнители воли тех сил, которые и затеяли всю эту операцию «Беженец», за что и были награждены задолго до ее начала. Премии Куденхове-Калерги абы кому не дают. За что же ратовал этот человек со столь странной фамилией и не менее странной биографией?

Помню, еще в институте, на семинаре научного коммунизма, мы походя изучили небольшую статью В. И. Ленина «О Лозунге Соединенных Штатов Европы», в которой было четко сказано, что «с точки зрения экономических условий империализма, т. е. вывоза капитала и раздела мира

“передовыми” и “цивилизованными” колониальными державами, Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны» (*Ленин В. И. О Лозунге Соединенных Штатов Европы. ПСС, 5-е изд. Т. 26. С. 352–353*). Понятно, что и Панъевропейский союз, созданный графом Куденхове-Калерги в 1922 году, попадал в тот же разряд реакционных организаций.

Иудушка-Троцкий и в этом не соглашался с Ильичом и считал, что с точки зрения мировой революции «Соединенные Штаты Европы (все же) мыслимы только как политическая форма революционной диктатуры европейского пролетариата» (*Троцкий Л. Разоружение и Соединенные Штаты Европы. Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев). № 6. 4 октября 1929 г.*).

Если докапываться до корней всего этого движения, то первым инициатором объединения Европы были еще римские императоры. А после распада Римской империи король восточных франков Оттон I Великий создал в 962 году Священную Римскую империю (с 1512 г. – Священная Римская империя германской нации). Она была провозглашена наследницей Рима и франкской империи Карла Великого. Это межгосударственное образование, объединявшее многие территории Европы, просуществовало до 1806 года и окончательно развалилось в ходе наполеоновских войн.

Теперь о графе-прародителе Европейского Союза. По сравнению с ним его последователи Жан Моне и Роберт Шуман, о роли которых в создании ЕС все знают и говорят, всего лишь жалкие плагиаторы. Граф Рихард Николаус Куденхове-Калерги (1894–1972), основатель Панъевропейского движения и Панъевропейского союза, родился в Токио в семье австро-венгерского поверенного в делах в Японии графа Генриха фон Куденхове-Калерги и японки Мицуко (Мицу) Аоямы, происходившей из семьи крупного торговца. Рихард получил также японское имя Эйdzиро и в Японии известен как Эйdzиро Аояма. По отцовской линии он происходил из брабантского рода Куденхове, пожалованного дворянством за участие в крестовом походе 1099 года. В 1857 году дед Рихарда женился на дочери знаменитой пианистки Марии Калергис, племянницы Карла Нессельроде. В начале XX века их сыновья подали прошение о соедине-

нии отцовской и материнской фамилий и с 1903 года стали именоваться Куденхове-Калерги.

В 1896 году, когда Рихарду исполнилось полтора года, родители с обоими сыновьями, родившимися в Японии, переехали в Австро-Венгрию и поселились в фамильном замке в городе Роншперг (ныне – Побежовице в Западной Чехии) на границе с Германией. Генрих Куденхове-Калерги (1859–1906) оставил дипломатическую службу, посвятив себя управлению чешскими поместьями и научно-философским трудам. Под конец жизни он близко сошелся с основателем Всемирной сионистской организации Теодором Герцлем и автором книги «Еврейское государство», которую Герцль подарил графу с теплой дарственной надписью. Так в семейной библиотеке Куденхове-Калерги появились первые книги по сионизму. Эту коллекцию Рихард значительно пополнил сам, в том числе книгами отца «духовного сионизма» Ахада Гаама и Зеева Жаботинского, основателя движения сионистов-ревизионистов.

Рихард получил прекрасное образование. Благодаря отцу, владевшему 16 языками, выучил русский и венгерский языки. Позже он окончил Епископскую школу в Бриксене и императорско-королевскую Терезианскую академию в Вене, затем изучал философию и историю в Венском университете, а в 1917 году защитил диссертацию на соискание степени доктора философии.

В 1922 году Куденхове-Калерги основал Панъевропейский союз (ПЕС). В 1923 году в Вене вышел манифест Рихарда Куденхове-Калерги «Пан-Европа», призывающий к объединению Европы перед лицом угроз, подстерегающих Европу: новой мировой войны, экономической гегемонии США, экспансии Советской России и т. д. В 1924 году вышел первый номер журнала «Пан-Европа» – официального печатного органа ПЕС. В 1925 году главный офис ПЕС переехал в Вену, а в октябре 1926 года в Вене состоялся Первый Панъевропейский конгресс, в котором приняли участие 2000 представителей 24 народов Европы. Куденхове-Калерги был избран Международным президентом движения.

В 1929 году Куденхове опубликовал свой знаменитый «Меморандум о Соединенных Штатах Европы». Однако при своей жизни идею

Пан-Европы на практике ему так и не удалось реализовать, хотя ее поддержали такие властители умов, как Бернард Шоу, Поль Валери, Генрих и Томас Манн, Хосе Ортега-и-Гассет, Стефан Цвейг, Райнер Мария Рильке, Зигмунд Фрейд, Альберт Эйнштейн, Мигель де Унамуно и др. Этот союз поддержали и многие европейские политики – президент Чехословакии Т. Масарик и его верный последователь премьер-министр Эдвард Бенеш, благодаря чему ПЕС развивался в Чехословакии наиболее успешно, а также канцлер Австрии Игнас Шейпель, будущий премьер-министр Франции Леон Блюм, министр иностранных дел Германии Густав Штресеман, будущие канцлеры ФРГ и Австрии К. Аденауэр и Б. Крайски. Панъевропейское движение взял под свое крыло Аристид Бриан, бессменный премьер-министр Франции с 1909 по 1929 год. Он стал Почетным председателем ПЕС в надежде, что в случае реализации этой идеи ему удастся обеспечить французскую гегемонию в будущей Единой Европе. На заседании Лиги наций 5 сентября 1929 года в Женеве был поставлен вопрос о создании Федерации европейских народов. Время для этого, однако, тогда еще не пришло.

В Германии идея Куденхове нашла поддержку не только у китасионистского капитала Макса Варбурга, но и у президента Рейхсбанка (1923–1930, 1933–1939) и будущего рейхсминистра экономики (1936–1937) Ялмара Шахта, который выступал на первом многочисленном собрании Панъевропейского союза в Берлине, проходившем в Рейхстаге. Позже, произнося речь перед представителями другого Панъевропейского конгресса в Базеле в октябре 1932 года, он заявил: «Через три месяца Гитлер придет к власти... Гитлер создаст Панъевропу. Только Гитлер может создать Пан-Европу» (Synarchism: The Fascist Roots of the Wolfowitz Cabal History of the Synarchist Movement and its Resurgence. – by: Jeffrey Steinberg, 2003-05-3017). В 1933 году Куденхове встречался с К. Хаусхофером, близким к Гитлеру «отцом геополитики», а в 1936 году – с отцом итальянского фашизма графом Чиано и Б. Муссолини, который первоначально относился к идее Куденхове скептически, но после встречи с ним изменил свое отношение к панъевропеизму (<http://communitarian.ru>). Основатель ПЕС и фашистские лидеры, однако, не сошлись во взгля-

дах, прежде всего в том, какая раса будет в будущем править в Европе и мире.

Уже в октябре 1932 года на Третьем Панъевропейском конгрессе в Базеле Куденхове-Калерги выдвинул тезис о непримиримом отношении к Гитлеру и Сталину. В 1933 году панъевропейская литература в Германии была запрещена и сожжена (объединение Европы, по мнению нацистов, привело бы к недопустимому «смешению рас»). Организация переместилась в Австрию. В 1935 году в Венском парламенте прошло заседание Четвертого Панъевропейского конгресса, посвященное борьбе с национал-социализмом. В Германии после прихода нацистов к власти деятельность масонов и Панъевропейского союза были запрещены, а все книги Куденхове-Калерги включены в список книг, подлежащих сожжению. В марте 1938 года, после аншлюса Австрии, нацисты разгромили секретариат ПЕС в Вене, а Р. Куденхове-Калерги был вынужден бежать в Швейцарию. В 1940 году он эмигрировал в США, где в марте 1943 года в Нью-Йорке состоялся Пятый конгресс Пан-Европы. С 1942 по 1945 год Калерги преподавал историю в Нью-Йоркском университете.

В 1945 году граф вернулся в Европу и стал сотрудничать с одним из мозговых центров мировой закулисы – Королевским институтом международных дел. После Второй мировой войны Рихард Куденхове-Калерги стремится привлечь к процессу объединения Европы Уинстона Черчилля и Шарля де Голля, выступает за «освобождение народов Центральной и Восточной Европы от советской оккупации» и более тесное экономическое и политическое объединение свободных европейских государств. Потомок первых крестоносцев выступил за «крестовый поход» против коммунизма и непосредственно против СССР. Резко антисоветская позиция лидера ПЕС оттолкнула от него левые силы, укрепившие свои позиции в Европе после войны. Европейские социалисты обвиняли панъевропейское движение в правом консерватизме, христианской направленности и даже монархизме. Особую неприязнь вызывало в среде левых резкое неприятие панъевропейцами социализма и коммунизма. Мировая закулиса, однако, вновь оказала архитектору Пан-Европы всяческую поддержку. 19 сентября 1946 года Уинстон Черчилль произнес в

Цюрихском университете речь, посвященную необходимости создания Соединенных Штатов Европы, текст которой был подготовлен совместно с Куденхове-Калерги. В сочетании с Фултонской речью, положившей начало «холодной войне» и полному подчинению Великобритании своей бывшей американской колонии, это определило и определяет характер панъевропейского движения по сей день.

В 1947 году с целью объединения европейских парламентариев Куденхове-Калерги основал Европейский парламентский союз (ЕПС). 18 мая 1950 года Куденхове стал первым лауреатом Международной премии имени Карла Великого «за деятельность по объединению Европы, ставшую делом всей его жизни». В 1966 году он выпустил мемуары «Жизнь ради Европы». В 1965 году Рихард Куденхове-Калерги складывает с себя функции почетного президента и проводит реорганизацию ПЕС. После его смерти в 1972 году Панъевропейское движение возглавил наследник австрийских императоров Отто фон Габсбург.

В годы «холодной войны» ПЕС выступал как одно из подразделений ЦРУ, поддерживая контрреволюционное подполье в странах Восточной Европы. Как признается открыто в документах Международного Панъевропейского союза в наши дни, «отделения Союза в этих странах способствовали падению коммунистического режима». После распада социалистического блока в ПЕС вступает Венгрия (1989), отделения союза создаются в Чехии, Словакии, Польше, Румынии, Хорватии. В декабре 1990 года в Праге прошло генеральное собрание ПЕС, в котором приняли участие 400 делегатов от 26 больших и малых европейских народов. В апреле 2002 года в Вене и Братиславе состоялся Панъевропейский конгресс, посвященный 80-летию основания Союза. Все вернулось на круги своя.

Биография графа Куденхове-Калерги была бы неполной без разговора о том, какой политический и духовный смысл вкладывал он в свой панъевропейский проект. В последнее время об этом стало известно больше, как и о самом графе. Именно Куденхове-Калерги заложил основы нынешней европейской идеи в своем проекте «Пан-Европы». Поначалу Объединенная Европа, единая в политическом и экономиче-

ском плане, по его мысли, должна была стать экономическим, культурным и политическим противовесом США, России и Восточной Азии, а также способствовать предотвращению новой мировой войны. После Второй мировой войны граф уже не противопоставлял США Европе. Ее дальнейшее развитие он видел возможным только под американским «ядерным зонтиком». Понятие «Европа» Калерги использовал в широком цивилизационно-культурном смысле, а Соединенные Штаты Европы или Панъевропейскую федерацию рассматривал как шестой проект европейского объединения после империй Македонского (эллинской), Юлия Цезаря (римской), Карла Великого (германской), Иннокентия II (папской), Наполеона I (французской).

Исходя из этого в своей «Шестой Европе» Куденхове-Калерги в перспективе видел и Россию, считая, что она временно отделилась от европейской демократии и что в будущем культурные границы между Европой и Азией будут проходить даже не по Уралу и Алтайским горам, что «Шестая Европа» будет простирается до Китайской и Японской империй и Тихого океана. Эту идею, кстати, впоследствии использовал президент Франции Шарль де Голль, выступив за «объединенную Европу от Атлантического океана до Тихого». Но Куденхове-Калерги считал, что это станет возможным только после демонтажа коммунизма на всей этой территории. «Шестая Европа, – писал он, – простирается так далеко на Восток, насколько далеко распространяется демократическая система» (*Куденхове-Калерги Р. Н. Пан-Европа. М.: Вита Планетаре, 2006*).

Во многом идеи Куденхове-Калерги были навеяны масонством. И не случайно, что в еще год основания Панъевропейского союза Куденхове-Калерги стал членом венской масонской ложи «Humanitas». Он также поддерживал постоянные контакты с масонами Центральной Европы, Англии и США. Идею панъевропейского целого Калерги изложил в своей известной книге «Пан-Европа» («Pan Europe»), вышедшей в 1922 году. Для нас она интересна не только изложенной в ней идеей Маастрихтского договора (официально «Договор о Европейском союзе», подписанный 7 февраля 1992 года в голландском городе Маастрихт), в соответствии с которым Общий рынок (Европейское экономическое сообщество) превратился в Ев-

росоюз с единой валютой (евро) и Шенгенской зоной. Калерги обосновал в той книге и идею продвижении Евросоюза в сторону границ Восточной Европы, принятую в наши дни стратегами НАТО. Он рассматривал эту часть европейского континента, включая Россию до Урала, как пространство для экспансии западноевропейской цивилизации путем «культурного освобождения», т. е. навязывания населяющим ее народам норм западноевропейского либерализма и единой модели государственности за счет потери их национальной идентичности. По сути, эта идея заложена и в серию «цветных революций» на постсоветском пространстве.

Основной труд прародителя Евросоюза графа Рихарда Николауса Куденхове-Калерги «Пан-Европа» издан на многих языках, в том числе на русском (см. *Куденхове-Калерги Р. Н. Пан-Европа*. М.: Вита Планетаре, 2006). Такие киты мировой закулисы и сионистского капитала, как Поль и Макс Варбурги, Бернард Барух и Яков Шифф, субсидировавший, как мы знаем, Лейбу Троцкого и его боевиков, встретили эту книгу и создание Панъевропейского союза с восторгом. Куденхове-Калерги писал по этому поводу: «В начале 1924 года мы получили сообщение от барона Луи де Ротшильда: один из его друзей Макс Варбург прочитал мою книгу и хотел бы познакомиться с нами. К моему большому удивлению, Варбург неожиданно предложил нам 60 000 золотых рейхсмарок на развитие движения в первые три года. Макс Варбург, один из выдающихся и мудрейших людей, которых я когда-либо встречал, придерживался определенных принципов в финансировании подобных движений. Он всю свою жизнь был искренне заинтересован в создании Пан-Европы. Макс Варбург в 1925 году организовал мою поездку в Соединенные Штаты, чтобы представить меня Полю Варбургу и финансисту Бернарду Баруху». Речь в этом письме графа жене идет о том самом Поле Варбурге, который заявил перед Сенатом США 17 февраля 1950 года буквально следующее: «У нас будет новый мировой порядок и правительство, хотя этого люди или нет. Единственный вопрос: будет ли эта форма правления достигнута добровольно или принудительно».

Визит Куденхове был крайне плодотворен. В мировой закулисе его идеи европейской интеграции получили полное одобрение с одной по-

правкой – возглавить этот процесс должны были Соединенные Штаты. Не случайно «Американский объединенный комитет Панъевропейского союза», созданный буквально перед отъездом графа на родину, возглавил Стефан Дагган, руководитель Совета по международным отношениям, одного из основных центров мировой закулисы, и директор Института международного образования Нью-Йорка (Этот институт, основанный в 1919 г., занимался академическим обменом между университетами и студентами разных стран для «обеспечения взаимопонимания между народами») (см. *Coudenhove-Kalergi R. Eine Idee erobert Europa. Meine Lebenserinnerungen*, 1958. P. 15).

После этих встреч в 1925 году в Вене и Лейпциге одновременно была опубликована его вторая книга «Практический идеализм». (см. *Coudenhove Kalergi. Praktischer idealismus. Adel – Technik – Pazifismus. Wien-Leipzig*, 1925). Она считается библиографической редкостью и исчезла из всех библиотек мира, а набор ее был уничтожен. Когда в России издательство «Независимые Новости» примерно в 1990 году выпустило аннотацию к книге и обнародовало планы по ее выпуску, правительство РФ инициировало полицейский обыск в помещении издательства, и единственный экземпляр «Практического идеализма» был конфискован. В Германии она неофициально запрещена до сих пор, хотя текст ее на немецком языке можно скачать с открытого сайта (www.mediafire.com). Объясняют это тем, что книга эта предназначалась только для узкого круга «посвященных» в конечные цели Панъевропейского союза. Дело в том, что в ходе своих встреч и бесед в США Куденхове-Калерги как бы «обкатал» идеи этой своей новой книги и внес туда соответствующие коррективы, учтя пожелания эмиссаров мировой закулисы.

Ключевой идеей «Практического идеализма» было обоснование духовного лидерства иудаизма в европейской цивилизации и необходимости превращения евреев в руководящую элиту Европы. Как отметил один из наших философов, характеризуя эти идеологические построения, «что у тайных обществ на уме, то у Калерги на языке» (см. *Бондарев Г. Антропософия на скрещении оккультно-политических движений современности*). Апологетика иудаизма в книге графа базируется

все на тех же старых постулатах, согласно которым христианство является лишь регенерацией иудаизма. Но граф пошел дальше, обратив внимание на первородство сионизма и коммунизма. «“Духовными иудеями”, наследниками учения Моисея,— писал он, — были самые известные носители христианских идей, сегодня же ими являются еврейские социалистические вожди, стремящиеся уничтожить первородный грех капитализма, избавить людей от несправедливости, насилия, рабства и привести мир к раю на Земле».

По этой книге видно, что Куденхове, провозгласив евреев «руководящей духовной расой Европы», явно увлекался книгами классиков сионизма от Герцля до Ахад Гаама и Жаботинского из библиотеки своего отца, а также трудами Маркса, Лассалья, Бернштейна и Троцкого, которого он называл «национальным героем, почти основателем и спасителем государства». Понятно почему — ведь Троцкий вопреки Ленину выступал за «революционные» Соединенные Штаты Европы.

Европейцев Куденхове называл «людьми количества», но выделял среди них две расы «людей качества», которые верят в свою высшую миссию, в свое превосходство по крови — родовое дворянство и евреев. На этой генетической базе он предлагал создать ядро будущей европейской аристократии, в которой евреи как в силу «особого этического отношения к миру», так и в силу превосходства их ума составят так называемое «дворянство мозга» или «духовную аристократию», «нацию вождей», которая и займет лидирующие позиции в борьбе за управление человечеством. Остальным народам по замыслу автора «Шестой Европы» была уготована роль рабочей скотины.

«Практический идеализм» — это своего рода ключ к той политике «расовой толерантности» и поощрения иммиграции из стран Африки и Ближнего Востока, которой придерживалось руководство Евросоюза с момента создания «Общего рынка» в ущерб коренному населению Европы. Читая эту книгу, лучше понимаешь и суть операции «Беженец». Все становится на свои места. В основу методики «сотворения» будущего населения Пан-Европы граф взял этнографическую историю России и США, где, хотя и по-разному, действовал «плавильный котел наций». «Предтечей плане-

тарного человека будущего в современной Европе является русский – человек, представляющий собой славяно-татарско-финскую помесь», – писал Куденхове-Калерги (*Coudenhowe Kalergi. Praktischer idealismus*). А в США его привлекала идея слияния белых, афро-американцев и мексиканцев. Мечта его сбылась как раз в год воцарения в Белом доме потомка африканских негров Барака Обамы. При нем, что весьма символично, число темнокожих в США превысило число белых американцев. Для Европы Куденхове дал такой прогноз: *«...человек далекого будущего будет смешанных кровей. Расы и классы исчезнут вследствие преодоления пространства, времени и предрассудков. Будущая евразийско-негроидная раса, внешне похожая на древнеегипетскую, заменит разнообразие народов разнообразием личностей»* (там же). Политическая власть традиционной элиты, в соответствии с проектом графа, будет в «Шестой Европе» заменена духовной властью еврейства. Историк О. Черникова считает, что основные положения «Практического идеализма» Куденхове «удивительно созвучны или повторяют идеи “духовного сионизма” Ахад Гаама. Речь идет о том самом Ахад Гааме, который считается автором «Протоколов сионских мудрецов» и который открыто развивал идею “экстерриториальной всемирной еврейской духовной нации”, призванной встать над другими народами и подчинить их господству иудейской верхушки» (цит. по http://communitarian.ru/posts/novyuy_mirovoy_poryadok_plany/o_duhovnom_otce_edinoym_evropu).

В свете нашествия мигрантов на Европу становится понятнее теперь, почему так чтят Куденхове-Калерги в Евросоюзе и за что награждают таких его лидеров, как Ангела Меркель, премией его имени. Живучесть расписанного Калерги «панъевропейского Плана» подтвердил известный сионист, бывший президент Европейского банка реконструкции и развития, член Бильдербергского клуба Жак Аттали. Выступая на волнах «России сегодня», он ратовал за включение РФ в состав Единой Европы, заявив при этом, что *«все ее поиски самоидентичности – не более чем болезнь роста»*. Единственная возможная для России судьба, по его мнению, – «судьба в составе Соединенных Штатов Европы». Это почти буквальное цитирование «Практического идеализма» Куденхове-Калерги.

А между тем та же канцлер ФРГ Меркель засылает в маленькую деревушку, где всего 100 человек коренного немецкого населения, почти 700 мигрантов из Африки и Ближнего Востока не потому, что она начиналась Керуака, Кьеркегора, Хаксли или Ремарка с Беллем и воспарила в результате в самые выси человеколюбия, а потому, что получила на этот счет прямое указание на одной из Бильдербергских встреч непосредственно от главарей мировой закулисы.

Ангела Меркель родом не из просоветской Восточной Германии, как многие думают. Она родилась в Гамбурге (ФРГ) в 1954 году. Вскоре после рождения Ангелы ее семья сделала нетипичный выбор, переселившись на восток. Отец Меркель, пастор лютеранской церкви, основал семинарию в ГДР и занял пост директора дома инвалидов. Благодаря своему привилегированному социальному положению он часто совершал поездки на Запад. Меркель вступила в государственную молодежную организацию «Freie Deutsche Jugend» («Свободная немецкая молодежь»), став в итоге секретарем отдела пропаганды и одним из главных специалистов по политическим коммуникациям в коммунистической системе. Именно в этом ее «советском прошлом» немецкие правые усматривают истоки ее «интернационализма» по отношению к беженцам – мол, воплощает в жизнь коммунистический лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Но тут все с точностью наоборот. Николя Бонналь разобрался в этой ситуации куда лучше, чем Веллер. Он пишет в одной из своих статей, что в ноябре 1989 года, когда уже стало ясно всем, что «социалистическое содружество» долго не протянет, ЦРУ предприняло попытку завербовать ряд должностных лиц «Свободной немецкой молодежи». Через месяц Ангела Меркель резко сменила политическую ориентацию и присоединилась к «Демократическому возрождению» – движению, вдохновленному Христианско-демократической партией, которая считалась всегда на 100 % проамериканской. Второго мужа Меркель, Иоахима Зауэра, наняла американская компания «Biosym Technology», после чего Зауэр год отработал в лабораториях Пентагона в Сан-Диего. Позже он устроился в компанию «Accelrys», также сотрудничавшую с Пентагоном. В 2003 году

канцлер Герхард Шредер выступил против англо-американской интервенции в Ираке, после чего Ангела Меркель написала «смелую» статью в «Washington Post», в которой разнесла доктрину европейской независимости Ширака-Шредера, выразила благодарность Америке, заверила янки в своем дружественном настрое по отношению к США и поддержала эту скандальную войну. «Тот, кто отказывается от военного вмешательства в качестве крайней меры, ослабляет давление, которое необходимо оказывать на диктаторов, и не снижает, но усиливает вероятность войны», – написала она в этой верноподданнической статье, призвав в ней европейцев следовать в кильватере американской внешней политики. Так что с канцлером все ясно. Оказалось, что казачок-то засланный.

Идея панъевропеизации Старого мира и ее реализация могут быть приведены как пример воздействия идеологии на целые государственные объединения не менее убедительный, чем пример Интернационала и Коминтерна с его идеологией марксизма-ленинизма. В войне цивилизаций идеология действительно становится наиважнейшим фактором. И мои встречи во Франции и других странах Европы с современными идеологами глобализации и панъевропеизма, как и с их противниками, это подтверждают на сто процентов.

В преддверии катастрофы

....Тихая, уютная улочка имени великого Рембрандта упирается прямо в ограду знаменитого парижского парка Монсо. Здесь и поселился генерал Галуа, живой классик современной геополитики. Мы познакомились еще в начале 90-х годов и не раз встречались и беседовали часами. Пьер Галуа издал за свою жизнь не один десяток книг. Тематика их столь же разнообразная, как и его биография. Он родился в семье художника и с юных лет уже неплохо рисовал. Когдаходишь во двор его парижского домика, сразу видишь тому подтверждение – по всей внутренней стене он нарисовал арки и выглядывающих из окон жильцов так, что получается полная иллюзия объемной картины. В доме – прекрасное собрание

работ французских живописцев. По стенам висят его собственные акварели и портреты. В стеклянных шкафах – его знаменитая коллекция кукол XVIII века в костюмах времен Великой французской революции.

С детства он увлекался еще и авиацией. Подрабатывал в фирме, которая занималась в Париже подсветкой памятников архитектуры, чтобы заработать себе на курсы пилотов. Именно Пьеру Галуа поручили иллюминацию советского павильона на Парижской всемирной выставке 1937 года. Вот с тех пор у него на всю жизнь осталась любовь к России.

Войну он встретил пилотом бомбардировщика и сразу же после поражения Франции перешел на сторону де Голля. Со временем он стал одним из его ближайших советников. Став президентом Пятой республики после войны, де Голль поручил генералу Галуа разработку ядерной стра-

Париж, 1994 г. Во время интервью для «Правды» с генералом Пьером Галуа, автором ядерной стратегии Франции и основателем послевоенной школы геополитики.

тегии Франции. Тогда же вместе с трудами по проблемам ядерной войны («Война за сто секунд», «Баланс террора», «Стратегия ядерного века» и другие) появились его первые работы о геополитике. После отставки именно эта дискредитированная нацистскими бонзами наука стала его основным занятием. Генералу Галуа предстояло создать новую, очищенную от влияний нацизма и реваншизма школу европейской геополитики, что он успешно завершил к 1990 году, когда в Париже в издательстве «Плон» вышла его книга «Геополитика. Пути могущества» (*Gallois, Pierre M. Geopolitique. Les voies de la puissance. Plon, Paris. 1990*). Она есть у меня с его дарственной надписью, и это одна из жемчужин моей домашней библиотеки. Среди послевоенных геополитиков мало кто может сравниться по авторитету с Пьером Галуа. У него удивительный взгляд на тот мир, в котором мы живем. Мы часто встречались, когда я работал в Париже, но и после моего отъезда в Россию я не упускал случая с ним встретиться. Теперь, когда я перебираю записи наших бесед, я поражаюсь его видению мира в дальней перспективе. Сбылось практически все.

...На очередную нашу встречу с Пьером Галуа весной 2005 года я приехал в Париж из Люксембурга, где встречался с таким количеством евробюрократов, что у меня рябило в глазах от имен и названий евроорганизаций. Французы только что на своем референдуме отказались принять Конституцию Европейского союза, несмотря на то что комиссию по ее подготовке возглавил их бывший президент Жискард д'Эстен. Генерал Галуа не скрывал, что на этом референдуме сказал Евроконституции «Нет!».

Незадолго до нашей встречи он закончил свою новую книгу «Конец Европы». Название ее он выбрал не случайно, потому что в 2005 году Европейскому союзу, в который входит Франция, предстояло принять два судьбоносных решения – либо одобрить, либо отвергнуть Конституцию ЕС и либо допустить в ЕС Турцию, либо отказать ей в этом. Если Европа ответит «да» и в первом, и во втором случае, это, по мнению Галуа, будет началом конца европейской цивилизации.

Видение нашего мира современными геополитиками весьма специфично.

Они умеют предвидеть те тектонические сдвиги, которые приводят к противостоянию и даже гибели цивилизаций. Актуальна ли сегодня зародившаяся в Германии геополитика для Европы после решений Маастрихта, согласно которым интеграция стала единственно признанным путем развития в противовес прежней школе охраны суверенитетов?

Пьер Галуа считает, что актуальна. Он уже в своей первой книге на эту тему писал, что авторитет германской геополитической мысли признан повсюду, т. к. ей удалось «пробудить глубокие течения, скрытые спящими водами Истории». Но очевидно также и то, что эта школа геополитики, отмечал он, «вдохновила весьма опасные идеологии, приведшие Германию к катастрофе. И не только к военной катастрофе, но также к моральной и интеллектуальной».

В наши дни не отказались от пангерманизма и от восприятия Германии как геополитического сердца Европы. Поэтому нелепо изображать традиционный пангерманизм как нечто принадлежащее историческим архивам. Он просто принял другие формы, не менее опасные.

– Действительно, германские геополитики, чья современная школа доминирует в идеологии Евросоюза, соседей теперь рассматривают под иным углом зрения, – говорил мне генерал Галуа. – Рассматривают уже не как расу, живой (а потому и смертный) народный организм, и не как жизненное пространство, покоряемое силой. Теперь школа немецкого политического мышления исповедует теорию постоянного движения наций, наподобие Броунова движения, импульсивного и беспорядочного. В Европе, например, предусматриваются новые политические и социальные «обустройства», которые приведут к созданию новых государственных образований. Нынешние политические структуры, как считается, постепенно сойдут на нет и уступят место другим политическим единствам, которые займут их нынешние территории, разрушив прежние границы, оживив давно уже забытые посягательства на расширение национальных владений, разъединив народы, еще вчера, казалось бы, пусть искусственно, но надежно соединенные в результате войн и мирных договоров.

Во Франции, знаете ли, – сказал генерал, – далеко не все в восторге от этой Конституции Евросоюза. И дело здесь не в том, что мы против объединения Европы. Мы как раз против ее раздробления на минигосударства. И к тому же предполагаемое административное устройство «Большой Европы» грозит только еще более запутать уже существующую во Франции и в ЕС систему общенационального и местного управления, в которой как бы заложено это раздробление...

И дальше он меня просто ошарашил своими выкладками, особенно после моих люксембургских впечатлений.

– Судите сами, – продолжал он. – Во Франции в соответствии с ее административным устройством зарегистрировано 36 555 коммун, т. е. на 10 тысяч больше, чем в Германии, Испании, Италии и Англии, вместе взятых. Во всех этих коммунах существуют 36 555 выборных мэров. Добавьте к этому 460 700 муниципальных советников. Это означает, что один из каждых десяти французов занимается проблемами своих сограждан по месту жительства. Помимо коммун во Франции существуют 3856 кантонов (194 из них приходится на заморские территории Франции). Эти кантоны представлены в Генеральных советах в департаментах. Отсюда – соответствующее число генеральных советников. Добавьте к этому еще и такие административные образования, как 339 аррондисманов и заморских департаментов, а значит, и соответствующее число заместителей префектов.

Франция разделена на 100 департаментов (96 – в метрополии, 4 – заморские). Каждый имеет своего префекта, префектуру, заместителей префектов и свои Генеральные советы. Эти департаменты объединены в 26 регионов (22 в метрополии), каждый из которых возглавляет президент региона, который руководит региональными советами, т. е. региональными парламентами. Туда избирают 1829 региональных советников всеобщим голосованием. Добавьте к этому весьма значительное число административного персонала. В каждом регионе есть Экономический совет (от 40 до 110 членов) в зависимости от значения региона и региональная Счетная палата (340 аудиторов и 300 помощников).

Над всем этим возвышаются общенациональные структуры – нижняя палата, т. е. Национальная ассамблея (577 депутатов, из них 555 от метрополии), и Сенат (321 сенатор, из них 296 от метрополии).

В правительстве Франции – 43 министра, включая министров без портфеля и государственных секретарей. Их функции зависят от богатства воображения Президента Республики. При Шираке была, например, создана должность «министра по делам паритета и профессионального равенства» и «министра без портфеля по делам престарелых граждан». Есть государственный секретарь по «длительному развитию» и «по правам жертв». И т. д. Все они заседают в кабинете министров, где настоящих рабочих министров – от силы 12–15 человек. В Администрации Президента также работают тысячи людей.

На всю эту структуру накладываются структуры общеевропейские. Я приведу цифры по Евросоюзу в составе 25 государств, а не 35, как это запланировано в связи с интеграцией всех стран Центральной и Восточной Европы и части бывших республик СССР.

Это – Европейский парламент (626 депутатов); Комиссия Евросоюза: 20 комиссаров и 17 500 «технических» работников, которые обеспечивают работу Еврокомиссии; исследовательская служба (3250 сотрудников); издательская служба «Европубликации» (520); Европейский суд (800); Счетная палата ЕС (500); Комитет регионов (500); Европейский экономический и социальный совет (222 сотрудников).

Различные евроучреждения разбросаны по всем странам ЕС.

В Люксембурге, где вы там только что с этим познакомились, находятся Европейский инвестиционный банк и Европейский инвестиционный фонд, Счетная палата Евросоюза, Евростат, Центр переводов. Во Франкфурте – Европейский центральный банк.

В Салониках (Греция) – Агентство по реконструкции и Центр развития профессиональной подготовки. В Гааге – Европол. В Лиссабоне – Центр слежения за наркотиками и токсикоманией. В Вене – Центр наблюдения за расизмом и ксенофобией. В Бильбао (Испания) – Агентство по обеспечению безопасности на рабочем месте. И так далее.

Помимо этих организаций существуют еще и наднациональные – Европейский банк реконструкции и развития, ОБСЕ, Евроконтроль, Западноевропейский союз (ЗЕС), Европейский союз радиовещания и т. д. В них работают тысячи и тысячи штатных сотрудников. Так вот вся эта «евробюрократия» в рамках «европейского строительства» начинает навязывать свое собственное управление национальным администрациям, удваивая и утраивая число «администраторов», которые в свою очередь плодят новые «евроструктуры». И все строительство этого гигантского политико-административного небоскреба вынужден оплачивать из своего кармана бедный налогоплательщик. И его же заставят платить за сооружение Вавилонской башни «общеевропейских» законов, директив и правил. Нигде в мире не существует ни отдельных государств, ни сообществ стран, которые бы так сверхуправлялись.

Я не попробовал защитить Евросоюз, но сказал, что в Люксембурге еврочиновники много говорили мне об образовании новой европейской нации, в которой национальные различия сотрутся, что-де и пойдет на пользу всем.

– Вы верите в то, что это возможно? – спросил я его.

Он ответил:

– Да, возможно. Но это будет образование искусственное. Нации не создаются по декрету. Они формируются в соответствии с теми природными и географическими условиями, в которых люди живут. Это и определяет не только их национальный характер, но и характер их экономики, их вооруженных сил и даже внешней политики, их политическое и административное устройство. Такие нации существуют тысячелетиями. А те, что созданы по декрету, разваливаются куда быстрее. Даже Священная Римская империя развалилась, потому что была все же искусственным образованием. А провозглашенный Гитлером тысячелетний рейх не просуществовал и десяти лет.

Если «стирание различий» будет продолжаться, то европейские нации потеряют свою идентичность и наши национальные государства в ближайшие 50 лет придут в упадок, опустятся до уровня развивающихся стран.

О потере идентичности во Франции сейчас говорят не только в связи с европейской интеграцией. В первую очередь – в связи с тем новым геополитическим явлением, которое мы наблюдали в Европе в 2015–2016 годах – «вторжением иммигрантов». Пьер Галуа назвал это «войной цивилизаций». Вот как он это видит с точки зрения классической геополитики:

– Вследствие Первой войны в Заливе, в результате экономического бойкота, заставившего иракцев голодать, Второй войны с Ираком, приведшей к хаосу, а также бомбардировок Афганистана с целью укрепить свое главенство американцы вызвали гнев более 1,5 млрд мусульман, которые ранее были позитивно настроены к Западу в силу торговых или каких-либо других причин. Так сформировался новый пояс нестабильности от Филиппин до Ливана, где расположены страны с преимущественно мусульманским населением. Во времена «холодной войны» мусульманский мир боролся с советским атеизмом, а теперь невольно, не отдавая себе в этом отчет, переметнулся в лагерь противника, что было прямым следствием американских бомбардировок. Таким образом, изменился характер противостояния, а линия противостояния поменяла место расположения. Она не проходит больше по Атлантике, она переместилась в сторону Азии и Тихого океана.

На Ближнем Востоке все началось еще с декларации Бальфура 1917 года. (Названа по имени лорда Бальфура, министра иностранных дел Англии. Согласно этой декларации, евреям разрешили въезд в Британскую Палестину для постоянного поселения. Это открыло путь еврейской колонизации арабских земель. – В. Б.) В принципе, конфликт между Израилем и арабами надо рассматривать на фоне резко обострившейся борьбы за источники энергии. Напомню, что англосаксонские страны – США и Англия – раньше других принялись за поиски нефти в мире.

После окончания Первой мировой войны было подписано соглашение Сайкса-Пико, первый был английским дипломатом, а второй – французским. Согласно этому соглашению, было выписано два мандата – первый ставил под контроль Англии юг Ирака, а второй – север Ирака ставил под контроль Франции. Но как только несколько месяцев спустя после подписания данного соглашения была обнаружена нефть в Киркуке на севере

Ирака, Англия объявила это соглашение недействительным и предъявила свои претензии на северный Ирак. Это показывает, что уже в 20-х годах прошлого века шла драка за нефть. США вступили в эту драку после Второй мировой войны. Дело в том, что их собственный резерв нефти и газа истощается. Уже сейчас США потребляют 20–22 млн баррелей нефти в день. В 2020 году они будут потреблять примерно 27 млн баррелей в день. Сами США производят порядка 400 млн баррелей в день. Резервов у них осталось лет на 20–30.

Вот почему США сразу же после войны стали искать себе союзников среди нефтедобывающих государств. После Ялты (1945) президент Рузвельт по пути в США остановился на борту своего крейсера в Красном море. Туда пригласили семейство Сауда. С ним США и подписали в ходе этого «круиза» соглашение сроком на 60 лет, которое истекает в 2005 году. По этому соглашению США получили эксклюзивные права на поиски и разработку нефтяных месторождений в Саудовской Аравии. В обмен на это США помогли семейству Сауда прийти к власти в Саудовской Аравии и дали ему все гарантии безопасности. Все это лишний раз подтверждает, что именно нефть двигала политикой США в Ираке и Саудовской Аравии и других мусульманских странах этого нефтеносного региона. Во многом этим объясняется на первый взгляд странное поведение американцев, когда Египет национализировал в 1956 году Суэцкий канал. В период Суэцкого кризиса французское и британское правительства объединились, чтобы наказать Египет. Но, к изумлению Парижа и Лондона, в разгар «холодной войны», через семь лет после заключения Атлантического пакта, вдруг выяснилось, что Москва и Вашингтон прекрасно могут договориться и выступить против них. Когда речь шла о нефти, США, как показывают и последующие события, всегда жертвовали интересами своих европейских союзников и Израиля, поддерживая интересы арабских мусульманских государств. Так было и в 1957, и в 1973 годах.

Первый раскол альянса был вызван именно нефтью, так как и Москва, и Вашингтон рассчитывали управлять нефтедобывающими странами. Второй кризис был вызван арабо-израильской войной Йом-Киппур

в октябре 1973 года. Киссинджер смог частично уладить проблемы, но цена нефти поднялась. И страны – производители нефти вдруг осознали, что именно они могут стать хозяевами положения в вопросах развития индустриальных держав, быть первыми на мировой арене и претендовать на главенство. Хотя эти мусульманские страны исполняют последние роли на международной сцене и уровень жизни их населения крайне низок. Вот откуда возникает у них чувство глубокой обиды, подогреваемое арабо-израильским конфликтом: вот уже 60 лет эти палестинцы и израильтяне не могут поделить 25 000 кв. км спорных территорий. На момент начала конфликта в 1948 году в этом регионе было 2 млн жителей, а теперь 11 млн живущих в ужасающих условиях, в частности из-за отсутствия воды. По расчетам ученых-демографов, к 2025 году число жителей там достигнет 20 млн. Невозможно разместить 20 млн человек на 25 000 кв. км да еще без питьевой воды. Возникает проблема дополнительного пространства и выживания, но никто не хочет ее решать. А решить ее достаточно просто: рядом находятся свободные территории Синайской пустыни площадью 50 000 кв. км. Ведь нашли возможность выделить 500 км территории Газы для палестинцев, так расширьте ее еще на 5000 кв. км, и проблема будет частично решена. А применив технологию получения питьевой воды из моря путем обессоливания, как это делает Саудовская Аравия, можно провести ирригацию Синая и сделать эту землю процветающей. Для этого есть все технические возможности, но никто этого не делает...

– *Не думаете ли вы, – спросил я генерала, – что международный терроризм – это некая репетиция завоевания варварами Римской империи? Разрушение одной цивилизации другой...*

– В основе набегов варваров, – ответил Пьер Галуа, – было стремление завоевать новые пастбища и культуры, чтобы жить. Сегодня же мы видим несколько факторов, которые подспудно взаимосвязаны. Первый – то, что французы называют фрустрацией, когда наступает предел унижения тех, кого считают народом второго сорта. Другая тенденция свидетельствует о распространении ислама в Европе, и это проблема дня завтрашнего.

Запасы нефти кончатся через 50 лет, а запасы природного газа – через 60. Целая индустрия, целая экономика, основанная на этих деньгах, исчезнет. Надо будет искать нечто другое. Когда кончатся запасы нефти и газа, в нынешних нефтедобывающих мусульманских странах останутся только пески. Не будут работать станции по переработке морской воды в питьевую, т. к. для их работы требуется очень много денег, которые тоже давала нефть. Итак, через 50 лет 600 млн человек в этих странах, которые образуют пояс нестабильности, будут низвергнуты в полную нищету. Этим объясняется стремление народов этих стран к плодородным землям, а именно к Европе в недалеком будущем, или к пространствам Сибири, где огромные запасы питьевой воды. Это движение нужно принимать во внимание уже сегодня.

Сегодня мусульманские страны по уровню развития науки находятся на уровне XVII века, в то время как в США и странах Европы, в России в том числе, процветают передовые технологии и прикладные науки. А мусульманские страны заняты интеллектуальными изысканиями в области религиозной и политической проблематики. Ситуация складывается таким образом, что сегодня мы зависим от их запасов черного золота. Но они зависят от нас в обыденной жизни. Они отдают себе отчет в полной зависимости от нас: машины, самолеты, продукты потребления – все это они не могут производить. И это еще усугубляет их обиду, которая, на мой взгляд, и является источником ненависти к европейской цивилизации. Речь не идет о ее уничтожении. Скорее, они хотят занять наше место, полагая, что природа нам дала слишком много. Наши земли находятся в умеренном климате, они плодородны, на них легко существовать, и в этом наше главное преимущество. Тогда как их земли состоят из песка, всегда стоит жара, не располагающая к каким-либо действиям и замедляющая их развитие. Отсюда и возникают идеи идти туда, где легче жить.

– *Я так понимаю, что без насилия, агрессии и уничтожения населения им у нас земли не отобрать? Может быть, в этом их цель?*

– Они такие, какие они есть, и вы не можете требовать от них разумных действий и терпения, – сказал Галуа. – Вспомните заявления г-на Из-

беговича, которого я, впрочем, совершенно не уважаю, первого президента Боснии-Герцеговины. В своей Мусульманской декларации 1970 года он заявлял: «В нашей истории были моменты, когда ни пяди мусульманской земли не было независимой, мы все были колонизированы. Это должно, наконец, закончиться». Нельзя не почувствовать в этом высказывании страдания раба. Видите ли, столкновения между христианами и мусульманами шли веками. Первая мусульманская экспансия датировалась VIII веком и осуществлялась от Испании до Индии. Вторая экспансия – это Османская империя XVII века. Ее армии подошли к стенам Вены и были остановлены поляками. В обоих случаях у них было такое же оружие, как у нас: те же луки, стрелы, примитивные ружья и пушки. Как и сегодня, тогда мусульманская религия боролась против христианской. Сегодня у них уже нет того оружия, что есть у нас, но у них есть вера, которую мы утратили. Что же могут они нам противопоставить? Самопожертвование, терроризм... и веру.

До сентября 2001 года США были ближайшим союзником Саудовской Аравии, где добыча нефти стоит недорого и осуществляется в больших объемах. Теракты 11 сентября, однако, заставили задуматься США над тем, что Саудовская Аравия, вполне возможно, ведет двойную игру. С одной стороны, эта страна дружила с США, а с другой – поддерживала те силы, которые хотят США уничтожить.

Я снова обращаюсь к недавней истории. В ходе войны в Афганистане США поддерживали тех, кто выступал против кабульского просоветского режима и советских войск. Им США предоставили даже ракеты «Стингер» и другие средства ПВО. В то время с афганскими силами сопротивления у США был прямой контакт. Немало афганских моджахедов поселилось в США. Часть из них США использовали впоследствии в войне на Балканах, в частности в Боснии-Герцеговине и в Косове. Но вскоре отношения США с исламистами стали меняться. Во время первой войны в Заливе США и их союзники разместили в Саудовской Аравии 500–600 тыс. человек. Эти люди, а там были и французы, и англичане, и испанцы, в своем большинстве не исповедовали мусульманской религии. И результатом этого стало отторжение. Как говорил Хантингтон, после-

довал шок цивилизации, шок религии. Это вызвало пересмотр отношения к США в арабском мире, а затем и пересмотр союзнических отношений с ними. Те самые моджахеды, которые были союзниками американцев в борьбе против русских в Афганистане и с ними же выступали против сербов в Боснии, стали антиамериканцами. США этого никак не ожидали. Результатом этого поворота и стала серия терактов. Первая война в Заливе закончилась в марте 1991 года. А уже в 1993 году последовало первое нападение исламистов на World Trade Center в Нью-Йорке. Уже тогда в его подготовке участвовал Усама бен-Ладен, т. е. «Аль-Каида». Затем последовала серия терактов, включая самые кровопролитные в Дар-эс-Саламе, Кении, Мозамбике. Счет жертв пошел на сотни убитых и тысячи раненых. США тогда не сразу привязали к этому Саудовскую Аравию, а обвинили в этом Судан, где у Усамы бен-Ладена был завод по производству взрывчатки. Затем врагом США был объявлен Афганистан, где базировались лагеря «Аль-Каиды».

Теракты 11 сентября 2001 года, в результате которых погибли тысячи людей, позволили вскрыть роль саудовцев в поддержке исламского терроризма. Это в корне изменило ситуацию. Страны мусульманского мира – от Марокко до Индонезии – представляли до этого в глазах американцев в виде некоего пояса, который отделяет европейскую экономику от азиатско-тихоокеанской. В этом территориальном поясе располагаются значительные запасы нефти, там были миллионы потенциальных потребителей американских товаров. Считалось, что люди, которые жили в этом поясе, должны быть союзниками американцев. Однако уже война в Заливе подкосила эти иллюзии. Жесткое эмбарго, наложенное США на Ирак, в результате которого из-за нехватки продовольствия и медикаментов погибли тысячи иракцев, оттолкнули от США рядовых мусульман в арабском мире, хотя и не правительства расположенных там стран. Я подчеркиваю этот момент, ибо правительства арабских стран, по сути, поддерживали США в их войне против Ирака. Но на бытовом уровне США имеют теперь около миллиарда человек, которые считают их своим врагом. Это имеет свои последствия в политике. В том же Китае, где живут мусульмане-уйгуры, должны задуматься, а стоит ли поддерживать США

в их «крестовом походе» против терроризма, если этот поход проходит по территории мусульманских стран. Ведь в том районе, где живут уйгуры, есть нефть, так необходимая Китаю. Вот это – миллиард мусульман против США – новый фактор в мировой политике, который уже дает ощутимые геополитические последствия.

Что действительно важно, так это естественное стремление народов улучшить свою участь. Они полагают, что способ улучшения судьбы – в индустриализации. Мы, Европа, показываем им пример с XVIII–XIX веков. Индустриализация предполагает расход энергии. А энергия до настоящего времени добывается из недр или с помощью расщепления атома. У них нет ядерной энергетики, и в целях собственной безопасности мы делаем все, что от нас зависит, чтобы и не было. Зато у них есть нефть, которой нет у нас. Но они понимают, что однажды, лет через 50, нефть закончится... Вот тогда у них не останется ничего. Отсюда и беспокойство, которое накладывается на ощущение фрустрации, вызванное их зависимым положением. Я думаю, пока не решена эта проблема, борьба за источники нефти и трубопроводы ведет человечество в тупик катастрофы. Мы обязательно с этим столкнемся лет через 25 или 30, когда нефть уже станет редкостью, а потребности возрастут. Спор достигнет своей вершины. Люди начнут убивать друг друга еще больше. А затем что-то должно измениться, и решающим фактором станет уровень развития науки народов мира. В это время мы будем пожинать плоды нашего прогресса, и народы вновь будут в растерянности. Ведь отставание накапливается...

– *Мой генерал, – напомнил я ему наш давний разговор, – еще в 1991 году вы сказали мне, что с распадом Советского Союза мир из биполярного рискует стать однополярным, а США в результате этого будут единственной сверхдержавой, которая и будет диктовать свою волю всему миру. В связи с этим вы предсказывали серьезные геополитические перемены в современном мире. Как вы смотрите на это сейчас?*

– В начале 90-х годов, – сказал он, – для США открылись новые перспективы. После того как 13 июня 1990 года Верховный Совет СССР

отменил плановую экономику и узаконил рыночную, Советский Союз вошел в стадию агонии. Путь для США к мировому регентству был расчищен. После распада СССР они и не вздумали разоружаться. НАТО должно было самораспуститься одновременно с Варшавским Договором. Напомню, что НАТО создали в 1949 году, а Варшавский Договор был образован в качестве ответной реакции только в 1955 году. В НАТО по сей день никто не может толком объяснить, почему после роспуска Варшавского Договора в 1990 году НАТО осталось существовать.

Чтобы легче было понять все это, я хотел бы немного вспомнить историю. Вернемся к Первой мировой войне и первой попытке США вмешаться в международное положение. В 1918 году президент США Вудро Вильсон приезжает в Париж, подписывает мирный договор и открывает для себя весьма сложный мир. В то время США еще проводили достаточно изоляционистскую политику. И тем не менее в январе – феврале 1918 года был разработан и опубликован «План Вудро Вильсона» из 14 пунктов. Формально этот план представлял собой набор правил, согласно которым следовало проводить переговоры о мире и организовывать жизнь в послевоенное время. Уже в этом плане появился пункт под названием «Освобождение народов». Рассматривалась эта проблема в свете крушения империй. Прежде всего, конечно, речь шла о Российской империи. Но в том же списке были разрушенная в ходе войны Германская империя, Австро-Венгерская империя и Османская империя. С исчезновением этих империй на их месте, по мысли Вильсона, должны были появиться куда меньшие социально-политические образования, которые он называл «народностями». Иначе говоря, он выступил как создатель определенной парцеллизации (деления на парцеллы, т. е. мелкие участки. – В. Б.) и раздробления мира, что, как предполагалось, похоронит империи. Америка, естественно, сохранила между тем все атрибуты империи. Интересно отметить в этой связи, что создание Югославии и Чехословакии после Первой мировой войны было осуществлено в полном соответствии с рекомендациями г-на Вильсона. Они просуществовали почти до конца XX века, а затем были разрушены по рекомендациям того же Вильсона, только применены они были 80 лет спустя не для

разрушения империй, а для разрушения уже сложившихся государств. Тот же метод парцеллизации, раздробления. А почему это было сделано? А потому, что с распадом СССР США остались единственной супердержавой в мире, и за счет этого преимущества они хотели максимально использовать ситуацию себе во благо, получить как можно больше. США сосредоточили свои усилия на трех основных направлениях. Во-первых, они поставили задачу занять ведущие позиции в науке и научных исследованиях. Во-вторых, подчинить себе мировую экономику. В-третьих, получить превосходство над всем остальным миром в военном отношении. И они в этом преуспели. Интересно теперь посмотреть, как США, заполучив все эти три преимущества, используют их.

Прежде всего, возрождена доктрина Вильсона. В соответствии с ее рекомендациями осуществляется раздробление государств. Зачем? Потому что государства, рожденные в результате перекройки карты мира в 1918 году, защищают входящие в них народы. Защищают таможенными барьерами, организацией собственного производства без внешней конкуренции, путем налаживания производств, конкурентоспособных на мировом рынке, как, например, производство «Аэробуса» во Франции. Идея Вильсона используется в данном случае для ликвидации «неудобных» государств в пользу регионализации. И Евросоюз, подстрекаемый Германией, играет роль Троянского коня в проведении этой политики, деформирует саму идею регионализации. Он хочет раздробить Европу на 150–250 регионов. Вместе они будут вроде бы более конкурентоспособны. Но каждый по отдельности не смогут оказать никакого протекционистского отпора Соединенным Штатам и Германии в силу законов рынка. В самой этой концепции органически заложена концепция «балканизации Европы», раздробление ее нынешних государств на мелкие автономии с превращением их затем в самостоятельные «национальные» государства по югославскому сценарию.

Кто от этого выиграет больше всех? – задал вопрос генерал. И сам себе ответил: – В целом – США, а непосредственно в Европе – конечно же, Германия, т. к. это практически мононациональное государство.

Он показал мне карту, составленную в одном из немецких геополитических центров. На месте современной Франции значились как государства Страна Басков, Бретань, Корсика, Савойя... Россия на этой карте вообще напоминала лоскутное одеяло.

– Для самоутверждения в качестве сверхдержавы, для ликвидации конкурентоспособности Европы США способствуют поощрению иммиграции, – отметил генерал Галуа. – Именно в этих целях была развязана война на Балканах, создано первое мусульманское государство в Европе – Босния-Герцеговина. Затем предпринята попытка создать второе – «Великую Албанию» – путем поддержки албанского меньшинства в Косове. Так исподволь осуществлялась подготовка к вступлению Турции в Европейский союз с ее почти 100-миллионным мусульманским населением. Легко понять, какой придется взять груз на свои плечи Европейскому союзу с его 400-миллионным населением. Не надо быть провидцем, чтобы понять, что технологическая и научно-техническая конкурентоспособность Европы будет нарушена в результате такого «вливания» чужеродного населения, ибо речь идет о приходе людей другой культуры, чья производственная культура скорее ремесленная, чем научная. В тех же целях используется искусственно поощряемая иммиграция в Европу из Африки. Цель этой операции очевидна – уничтожить европейскую идентичность, слив ее с африканской.

....Геополитики нередко употребляют термины из геологии. Один из таких терминов – это «разлом». Поистине тектонической силы достигло в XX веке взаимное отторжение цивилизаций. Вырвавшаяся наружу ненависть, порожденная нетерпимостью и невежеством аграрно-сырьевого Юга, с одной стороны, и эгоизмом и надменностью высокотехнологичного Севера – с другой, породили тот разлом, который вызвал волну терактов в конце XX века, ударившую по Франции и другим странам Европы. С началом XXI века волна эта достигла и США. Разлом предстоящий грозит куда более тяжелыми последствиями. Вот что говорил о нем Пьер Галуа:

– Разлом проходит между богатыми, индустриально развитыми, но лишенными собственных источников нефти странами и странами, бур-

но развивающимися. Первая группа стран на стороне Америки, а вторая – на стороне Китая, и между этими двумя лагерями стоит Россия. Так как именно у России ключи от скорейшего развития Китая. Россия обладает значительными энергетическими ресурсами, огромными сырьевыми месторождениями в Сибири и в недалеком будущем может выступить арбитром в битве этих двух титанов. Денежный ресурс, научный и экономический прогресс на стороне Америки, а на другой стороне – огромные количественные и качественные показатели, массовое производство, а теперь еще и значительный научный и технический потенциал Китая и Индии. Вот что в общих чертах я думаю о том разломе, который сформируется к 2020 или 2025 году. Эти две огромные силы готовятся к будущему соперничеству. Противостояние не будет военным, тому препятствует наличие ядерного оружия. Но оно будет экономическим и дипломатическим. Они будут вступать в противоборство путем контроля над территориями, необходимыми для производства товаров массового потребления...

Соединенные Штаты отдают себе отчет в том, что к 2020–2025 годам их соперником, а может быть, и противником может стать Китай. Соответственный подход и у Евросоюза с НАТО. Действительно, каковы же характеристики этой страны? Ну, для начала это 1 400 000 000 жителей, активных и работающих. После победы коммунистической революции и провозглашения КНР в 1949 году страна смогла полностью изменить свое отношение к науке, которая ранее совершенно не соответствовала требованиям жизни, а теперь соответствует уровню развития прогресса. Китаю не только удалось в кратчайшие сроки ликвидировать отсталость, накопленную веками, но и выйти на невиданный уровень развития производительности труда благодаря ресурсу работающего населения, численностью около 900 млн человек. И что особенно интересно, лишь только меньшая его часть, примерно треть миллиарда работающих, занята в сельском хозяйстве. Они живут в несравнимо худших условиях и стремятся в города, где работа на более высоком техническом уровне и требует согласования с местными властями. Ведь вы знаете, что Китай – это единственная страна в мире, регулирующая заработную плату. Контролируя

приток работающего населения, там за счет повышения или ограничения зарплаты добиваются значительного экономического подъема.

Вероятно, к 2020 году Китай будет в состоянии сосредоточить 20 % мировых богатств, мирового ВВП. Самостоятельно! Но, на мой взгляд, есть три проблемы. Первая: как политически можно управлять народом численностью в 1,5 млрд, это не просто. Китайское руководство должно найти способ сочетания демократических тенденций со сложностью управления таким многочисленным населением. Надо понимать, что демократия на бытовом уровне и автократия на региональном или управленческом уровнях – это не простое сочетание. Вторая проблема, слабость, если хотите: Китаю надо прокормить население одной пятой планеты, имея в активе всего 7 % пахотных земель, что влечет за собой необходимость увеличения доли импорта. И третье – нехватка источников энергии. Ведь источники энергии, нефти и газа в мире распределены таким образом, что их меньше в густонаселенных странах и больше в странах и районах малонаселенных.

Все эти три слабости внимательно изучаются соперниками Китая в мире. Что это означает? Это означает, что китайское руководство только лишь своей способностью управлять, в условиях мирных взаимоотношений, способно представлять угрозу для Соединенных Штатов. Сила Китая состоит в том, что он, производя в общей массе большой объем продукции, закупает сырье во всем мире, поднимая его первоначальную стоимость. Закупая сырье у стран с более низким уровнем развития, которые не в состоянии его обработать, Китай завязывает с ними тесные дружеские связи. Так было в случае с Аргентиной, Бразилией, даже Мексикой, если хотите. Увеличение импорта сырья в Китай повлекло за собой возрастание цен на морские перевозки. Не хватает морских судов, чтобы обеспечивать импорт в эту страну, с ее уровнем потребления и производства. К тому же следует учитывать значительный рывок в области научного прогресса, выстроенную энергетическую систему из 25 атомных электростанций, бурное развитие космического направления и желание в будущем соперничать с США в этой области. Не стоит также забывать, что в союзе с Индией, численность населения которой стремится к мил-

лиарду, работающая масса только этих двух стран составит 2,5 млрд человек, почти все активное население на планете (сейчас примерно 7 млрд жителей на земле). Если представить себе, что события будут развиваться по прямой, без колебаний и скачков, то в будущем можно оказаться в ситуации, когда Китай и Индия, только эти две страны, смогут обеспечить продуктами потребления весь мир. Встает вопрос: а чем будут заниматься остальные народы? Что станет с Европой? Конечно же, американцы разбираются лучше меня в том, что происходит (смеется), я лишь в общих чертах описал ситуацию. И у нас, и у них есть ученые, которые серьезно занимаются этой проблемой, как, впрочем, и в Китае, и в России. Они знают гораздо больше, чем я. Все готовится к этой конфронтации.

Генерал Галуа – это целое явление во французской военно-политической элите. Именно геополитика, а вовсе не сентиментальная привязанность к нашей стране и культуре, привела его к осознанию необходимости прочного союза Франции и России, о чем он всегда говорил, когда мы встречались у него на улице Рембрандта...

Террор толерантности

«Война цивилизаций», о которой говорил генерал Галуа, может оказаться куда страшней Второй мировой. Готовится ли к ней европейская цивилизация, к которой исторически принадлежит Россия? В рамках Евросоюза то, что эта война уже практически началась со вторжения в Европу в 2015 году неконтролируемых полчищ нелегальных иммигрантов из Африки, Афганистана, Индостана и Ближнего Востока, предпочитают не признавать. Регулировать этот все сметающий на своем пути людской поток предпочитают не столько административными мерами, сколько непотворением злу насилием, на современном языке – толерантностью.

Французы, например, гордятся своей толерантностью. И за это их можно только уважать. В конце концов и в то время, когда Ельцин за-

прещал «Правду», во Франции выступили против этого не потому, что, скажем, те же «репортеры без границ» были настроены прокоммунистически, а из соображений толерантности и искреннего убеждения в том, что свобода печати, взглядов и убеждений – это святое. Но одно дело, когда француз защищает право на публикацию далекой от него во всех отношениях «Правды» или морских котиков в Ледовитом океане, а другое – когда у дверей его дома появляется неизвестно откуда взявшийся мигрант со своей многочисленной семьей и требует у него половину его помещения, ссылаясь на обязательства Франции защищать права человека и право беженцев на убежище.

Вновь повторю Дицгена-младшего, который говорил, что «любая истина, доведенная до абсурда, превращается в свою противоположность». Нечто подобное произошло и с французской толерантностью. Она превратилась в нетерпимость меньшинств к общепринятым взглядам общества. И общество отступило перед их натиском, не осознавая до поры, что подписывает себе приговор. Как только толерантность превращается во вседозволенность, меньшинство неминуемо начинает утверждать свои взгляды как универсальные. Но если реализация кем-то своего права на что-то нарушает права других, то эти, другие, имеют все основания потребовать уважать их права, взгляды и убеждения. В противном случае толерантность по отношению к правам меньшинств оборачивается террором толерантности, нетерпимостью – меньшинство навязывает свои убеждения большинству других, т. е. всему обществу, не стесняясь в средствах. Этим, кстати, и отличается переворот от революции.

То, чем может обернуться несоблюдение норм сосуществования большинства и меньшинства в обществе, во Франции показала история с сатирическим еженедельником «Шарли Эбдо» (Charlie Hebdo), который выходит под разными названиями с 1969 года. На первый взгляд, это типичное анархистское издание, которое не за кого-то, а против всех. Но так, как известно, не бывает. Даже если вы против всех, то вы все равно за кого-то, за тех же, кто по каким-то причинам почти против всех, кроме... Вот в этом «кроме» и заключается идеологическая тайна таких изданий.

Протестуя против всех, за ниспровержение любых авторитетов, они защищают свое право и право своих единомышленников на вседозволенность, на разрушение не столько политических, сколько идеологических, моральных и этических основ общества, т. е. на разрушение не столько его фундамента, сколько его надстройки.

В свое время после грубой шутки о смерти Шарля де Голля в 1970 году этот журнал, который назывался тогда «Хара-Кири», был закрыт. 23 ноября 1970 года вышел первый номер «Шарли Эбдо».

Журнал публиковал карикатуры на ведущих политиков Франции и других стран. Но если это особенных протестов не вызвало, то карикатуры на Иисуса Христа и пророка Мухаммеда верующие сочли издевательством над святынями христианства и ислама. Часто карикатуры журнала были откровенно непристойными, вроде тех рисунков, которые карябают на стенках общественных туалетов сексуально озабоченные посетители. Нередко от журнала доставалось и России. В 2014 году журнал иронизировал над референдумом в Крыму и внешней политикой Путина в отношении Украины, а в ноябре 2015-го «Шарли Эбдо», глумясь над памятью погибших, опубликовал две карикатуры на катастрофу российского самолета А-321 над Синайским полуостровом.

Коллектив журнала, собравший людей левых взглядов – от троцкистов и анархистов до социалистов и коммунистов, таким образом еще раз подтвердил, что у него и его авторов нет ничего святого, что деса-крализация народных и религиозных святынь, разрушение духовности – суть его публичного разрушительства. Зачем это понадобилось именно в наше время? Историк и искусствовед Григорий Ревзин считает, что карикатуры журнала «Шарли Эбдо» можно считать продолжением традиции «смеховой культуры», возникшей в период Великой французской революции 1789 года, но они не имеют никакого отношения к свободе слова, а относятся скорее к явлениям «гораздо более древней свободы – освобождения от оков цивилизованности, раскрепощения животного начала в себе», и подчеркивает, что «принцип свободы слова существует не для того, чтобы рассказывать похабные истории о Боге и церкви,

государстве и семье, великих и мелких людях» (*Ревзин Г.* Неверно считать журнал «Шарли Эбдо» выражением свободы слова // «Православие и мир». 11 января 2015 г.).

Не вдаваясь в такие тонкости, террористы «Исламского государства» 7 января 2015 года в ходе вооруженного нападения на офис редакции в Париже совершили налет на редакцию «Шарли Эбдо» как раз в момент заседания редколлегии. Были убиты 12 человек, включая двух полицейских. Нападение произошло спустя несколько часов после появления в «Твиттере» издания карикатуры на одного из лидеров группировки ИГИЛ Абу Бакра аль-Багдади. Террористов после погони и перестрелок пристрелили. А память расстрелянных в редакции «Шарли Эбдо» почтили как мучеников, погибших в борьбе за свободу слова.

В Париже прошел грандиозный марш в память о жертвах терактов. По бульварам французской столицы в его колоннах прошли несколько десятков глав государств мира, в частности Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Польши и других. Даже от России под лозунгом «Je suis Charlie» («Я – Шарли») прошел во главе колонны протестующих вместе с лидерами Европы глава МИД РФ Сергей Лавров.

Однако и во Франции, и в других странах мира далеко не всем пришлась по душе идея «быть Шарли». В Московском Патриархате заявили, что терроризм не может быть оправдан, но участники кампании «Je suis Charlie» ошибочно ставят свободу слова выше чувств верующих. В XX веке крушение идеологий вместе с их носителями привело к тому, что традиционные религии становятся теми духовными скрепами, которые удерживают от распада не только отдельные страны и союзы государств, но и целые цивилизации. Вскоре после развала Советского Союза великий геополитик и автор ядерной доктрины Франции генерал Пьер Галуа сказал в одном из наших с ним интервью для «Правды»: «Время войн между религиями и идеологиями закончилось, Владимир. Началась война цивилизаций».

Вторжение беженцев в Европе и все, что за этим стоит, включая финансирование этой операции мировой закулисой (см. об этом подробнее

Большаков В. Война цивилизаций. Всемирный халифат вместо тысячелетнего рейха. М.: Алгоритм, 2016), подтверждают этот прогноз на сто процентов. События 2015–2016 годов в Европе, на Ближнем Востоке, в первую очередь в Сирии и Ливии, показали, что к этой войне старушка Европа оказалась неготовой. И в этом во многом повинны такие разрушители основ европейской цивилизации, как издатели «Шарли Эбдо» и проповедники вседозволенности из «Голубого Интернационала».

Во французском языке есть такая идиома – *dire ses quatre verites*. В буквальном переводе – «выскажи свои четыре правды», а в переносном – «выскажи это (кому-то) без обиняков», «начистоту». Французский писатель Николя Бонналь как раз и работает колумнистом в журнале *Quatre verites*. И без обиняков говорит о главных причинах неминуемого поражения Европы, подвергшейся нашествию мигрантов, в своей статье «Западная культура как оружие уничтожения». Вот что он в ней пишет: «Токвиль указывает нам, что любое социальное установление никогда не распаляет столько гнева, как в момент, когда оно должно исчезнуть. Сегодня на Западе это относится и к Церкви, и к государству. Безумие рынка и темных сил, обитающих в нем, разрывается от ненависти, направленной против социальной защиты, против сил порядка и против церквей, которые все это оберегают.

Для наших элит не достаточно просто упадка христианства на Западе. Церкви пустеют или наполняются лишь иногда людьми престарелыми и зеваками, ищущими духовного опыта. Остается только малое количество христиан, которых все меньше и меньше поддерживают в нашем обществе. На Западе сатанизм превратился в официальную массовую культуру, и Запад готов на все, чтобы таковую защищать. Посылки на сатанизм скрупулезно подсчитаны и являются воплощением скрытого обличья гуманитарной демократии, которая в любой момент готова щедрой рукой сбросить бомбы на Сирию, Иран или пригрозить России Владимира Путина. Мишенью является все, что не вписывается в систему, но главной мишенью становится христианство. Провокаторы, подоб-

ные Мадонне, – это сионисты; провокаторы, подобные Pussy Riot, – это те, кто уважает и боится исламистов и срывает зло на Церкви, обвиненной в том, что она есть открытое проявление наследия, которое просто не выносят на Западе.

Церкви препятствуют нашим демонам устраивать праздник, а наши демократии приходят от этого в бешенство. Текучее общество желает ликвидировать всякий след чистоты и духовных корней. Оно хочет уничтожить даже саму память. Потому что идеальный потребитель – это тот, кто забывает, что именно он только что купил. Отступим немного в прошлое. Советский Союз на Западе не пользовался уважением по причинам политическим, но имелись также и причины культурного и художественного характера. Он не производил Поллоков, но художников, работающих в жанре фигуративной живописи; он не производил Биттлз, но Прокофьева, Шостаковича или народные танцы; он не воспевал люциферовой свободы. Это, как говорят у нас, старомодно и отстало от жизни. Это отжило и не модно. Нам подавай новенькое, и каждое утро! Западная культура не является больше христианской культурой, она не укоренена в истории или земле данного народа. Она связана с духовной дрессурой людей, она абстрактна и массивна, у нее гнусные цели и точные глобализационные планы, ее историю можно прочертить от так называемой “современной литературы” до постклассического кинематографа.

Воцарение же наркотиков и контркультуры соответствует полицейско-политическому проекту (как то – МК-Ultra, Cointelpro, Artichoke), в котором черпал вдохновение Голливуд. Касательно сексуальной революции, то она была предписана как некое чудодейственное лекарство уже в “Дивном новом мире” Хаксли!.. Вылилась она в доступную всем массовую порнографию и в злобный рык политически корректного. Мы кичимся сексуальным безумием.

Обусловливание массового сознания начинается с детства, и даже раньше. Ребенок превращается в жесткий диск и должен функционировать по заданной программе. Подростки словно по ниточке ходят за своим iPod-ом, гипержестокими видеоиграми и сатанизмом. Культурное

влияние на умы сопряжено с влиянием на питание, которое приводит в результате к ожирению, пассивности и вечному жеванию. Все эти кондитерские изделия были досконально изучены лабораториями.

И в том же духе действует культура типа “секс, наркотики, рок-н-ролл”. Она имела единственную цель – отупить нашу молодежь на несколько поколений вперед, распространить наркотики, алкоголизм и нигилизм и, таким образом, развести по разным каналам силы, превратить человеческие существа в каналы, в шелуху, в тубик (youtube). Позднейшие ссылки на сатанизм совершенно очевидны в музыке heavy metal (Black Sabbath, Marilyn Manson, Dead Kennedy’s), за ней идет литература для детей и современная поп-культура, транслируемая через личности, подобные Мадонне, Рианне, Гаге и Бийонсе, которые эпатируют галерею зрителей своим базарным масонским символизмом.

Философское наступление проводилось Америкой через рекламу, имеющей в своих истоках военную пропаганду, а затем – Франкфуртской школой с ее постоянной охотой за авторитарными фигурами (сегодня это Путин!). Также при помощи телевидения, как то предвидел наш Адорно, был внедрен образ гомосексуалиста, очернив при этом роль отца семейства, превратив женщину в серийную мадам Бовари с ее вечными долгами и разводами, а подросток превратился в вечно недовольного и взрывного индивидуума с кепкой перевернутой задом наперед (показательный пример – как гангстер, герой Брандо, в 1953-м заместил собой традиционных героев вестернов – Джона Уэйна и Джеймса Стюарта). Была уничтожена семья, затем – сама идея нации, признанная фашиствующей, а за ней – и цивилизация. О расе даже не будем говорить! Поэтому Россия и славянские народы должны уразуметь, что они шокируют Запад (на Олимпийских играх, например) своими белыми атлетами. Конечно же, совершенно произвольно, но все-таки шокируют!

Закончим на менее исторической ноте. Все у нас пропитано праздным и игривым сатанизмом, все – особенно американские студенческие братства. Они обожают дьявола, скелеты, черепа, бешеный секс, чародеев и магические силы. Они насаждают мир без веры (которому известен лишь закон денег), мир грубый и трансчеловеческий. Американские уни-

верситеты превращают людей в сумасшедших и в нищееанцев. И их сообщества, их коды, их обряды посвящения, их посылки на Сатану больше не скрываются. Они взяли власть в США, и они продолжают выставлять себя и свои элиты напоказ в полном расцвете люциферовых крестовых походов» (цит по: <http://clck.ru>).

В 1957 году после третьего курса ИнЯза я работал переводчиком на Международном фестивале молодежи и студентов в Москве. Там все были ужасно прогрессивные и передовые. Мир, дружба, жвачка. Прогрессивные американцы у себя в гостинице курили «Кэмел» с марихуаной и глотали ЛСД. А утром выходили на антивоенные митинги. Это было время хиппи по доктору Лири, изобретателю первых галлюциногенов, и битников по Джеку Керуаку. Американский поэт 60-х годов Джон Чиарди писал о них: «По части битников позвольте заметить, что было время, когда они чуть не превратились в предводителей интеллектуального мятежа. Однако к настоящему моменту стало достаточно ясно, что восстание было поднято исключительно ради удовольствия» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Битники#cite_note-Anthology-0). Культ удовольствия потребовал терпимости и толерантности к тем, кто возвел удовольствие в смысл жизни, а контркультуру и половые извращения в норму общежития. Этот процесс интеллектуального и морального гниения поначалу проходил скрытно, как первая стадия сифилиса. Только сифилиса духовного. Папа Римский Бенедикт XVI говорит, что Запад утратил уважение к своей культуре и сейчас он видит в ней все презренное и разрушительное, забывая о прекрасном и важном. И как человек, который от ненависти к самому себе разрушает себя наркотиками и алкоголем, Запад впитывает ядовитые «измы» по мере того, как, вглядываясь в зеркало, видит всеобъемлющее зло – себя.

Писатель Михаил Веллер с его злым и агрессивным талантом площадного публициста одним из первых в России, не соблюдая никакого пietetа и толерантности, на весь Интернет сказал главное про неожиданный наплыв мигрантов в Европу и его последствия: «Это – АРМИЯ ВТОРЖЕНИЯ. Ее авангард. Они едут сюда не перевариваться – отнюдь! – они едут сюда переваривать Европу. Желудочный сок уже впрыснут в обреченное

тело. Последний этап заката Европы наступает вот сейчас – на наших глазах. А социальные процессы развиваются по экспоненте. Пик процветания цивилизации сменяется крахом с удивительной скоростью – историки знают. Причина не в мигрантах. А в сгнившем мозге Европы...»

Я не поклонник творчества Веллера. Но тут он попал в точку. Снимаю шляпу. Веллер называет тех, кто принес эту в высшей степени заразную болезнь в европейскую цивилизацию: «50-е годы США: кучка гомосексуалистов и наркоманов с асоциальными взглядами и творческими наклонностями сформулировали этику и эстетику контркультуры. Три культовые фигуры – Алек Гинзберг, Уильям Берроуз, Джек Керуак. Грязный секс, грязный мат, грязные фантазии, грязные лузеры-бездельники, и будь проклято это общество, в котором я несчастен. (В этом обществе – все возможности процветания: но эти люди с больной психикой, с вывихнутыми мозгами, видят единственный способ утвердить себя, молодых и пришедших: нагадить всем на головы и обвинить в своей душевной неполноценности)... Мы изменим ваше общество – мы разрушим его... Началось вымирание. Без войн, эпидемий и голода. “А просто рожать неохота”...» (<http://www.proza.ru/2015/09/11/1253>).

Во Франции малышам в школе внушают, что не надо больше называть родителей Папа и Мама, ибо теперь по закону это – Родитель № 1 и Родитель № 2. Это проявление «толерантности» по отношению к сочетавшимся однополым браком и усыновившим ребенка, чтобы он не мучился вопросом, кто из них папа, а кто мама. Муниципальным же работникам, которые отказываются такие браки регистрировать, грозит тюрьма.

А вот в Швеции Ева Брунне, первая в мире лесбиянка, возведенная в сан епископа Стокгольмского диоцеза лютеранской Церкви Швеции, обратилась к духовенству «церкви моряков» – храма, находящегося в районе Фрипорт г. Стокгольма, – с призывом снять с церкви кресты, «чтобы не обидеть мусульман». Как сообщили шведские СМИ, ее план предусматривает оборудование внутри церкви специальной молельной комнаты для мусульман, откуда должны быть удалены кресты и другие

христианские символы. Она также предлагает обустроить в местных церквях подобные комнаты для представителей других религий (SVT.se, 05.10.2015). Е. Брунне проживает в однополom браке с Гуниллой Линден, также священником лютеранской церкви. Их отношения получили церковное благословение. Пара воспитывает сына.

Брунне уверяет, что снятие крестов с храмов поможет мусульманам лучше относиться к христианской церкви. Блажен, кто верует! В Париже лет десять назад нелегальные иммигранты захватили католический собор почти в центре города и там забаррикадировались, требуя немедленной прописки во Франции. За несколько дней, что они провели в том храме, иммигранты использовали алтарь как туалет. Когда известная актриса Бриджит Бардо, обращаясь к защитникам «прав человека», поддержавших требования этих иммигрантов, возмутилась и сказала: «Мы же не гадим в их мечетях!», — ее тут же обвинили в расизме.

Швеция «...сдалась без единого выстрела, — заявила в интервью SVT Памела Геллер, автор книги «Остановить исламизацию Америки», комментируя «инициативы» епископа-лесбиянки. — Швеция утратила христианство. Она жертвует своим собственным наследием для размещения иммигрантов, которые отнюдь не будут столь же любезными по отношению к коренным шведам — не мусульманам. Епископ прокладывает путь для исламизации Швеции» (<http://www.pravoslavie.ru/86535.html>). Роберт Спенсер (Robert Spencer), исламовед и автор блога на сайте Jihad Watch, отметил в этой связи, что именно так выглядит самоубийство общества и культуры. «Как это замечательно, и щедро, и экуменично, и мультикультурно», — написал Р. Спенсер в своем блоге.

«Если вы думаете, что эта история с епископом-лесбиянкой звучит слишком странно, чтобы быть правдой, то вы еще не знакомы с прогрессивной шведской “утопией”, — приводит SVT слова Пола Джозефа Уотсона, британского писателя, живущего в Швеции. — Это страна, где эксперт по исламофобии Майкл Николай Скрамо, состоявший на государственной службе и получавший за счет налогоплательщиков зарплату, затем присоединился к боевикам ИГИЛ. Это страна, в которой некоторые поли-

тики призывают предоставить бесплатное жилье, рабочие места и социальное обеспечение для возвращающихся боевиков ИГИЛ – и все за счет налогоплательщиков» (там же).

Выдумки? Преувеличение? Да нет. На сайте «EADaily» (10 ноября 2015 г.) появилось письмо нашей соотечественницы некоей Валентины, проживающей в Швеции. Приведу его полностью:

«Открываем шведскую прессу и первое, что попадает на глаза, – проблема беженцев. Именно проблема, теперь она везде! Куда их разместить? Потому что планируемые места их размещения каким-то странным образом горят – уже больше 18 сгорело. После этого миграционная служба приняла решение впредь не объявлять заранее об этом – теперь места расселения беженцев будут держать в секрете. Думаю, это говорит о многом.

Я хожу в школу по изучению шведского языка, 85 % учащихся – “бедные” беженцы. Захожу в свой класс и вижу: большинство “несчастных, голодных и нуждающихся сирийцев” одеты в лучшие бренды, в руках крутые смартфоны. Да, кстати, только один приезжает на велосипеде, остальные – на автомобилях, и совсем недешевых, покупают продукты с маркой “эко” (они раза в 3–4 дороже!) – они же для их “пошатнувшегося” здоровья полезней.

А то, как они себя ведут, рвет мое сердце! Впрочем, я под разное в жизни адаптирована, но несчастные учителя!!! Я им очень сильно не завидую, впрочем, как и себе тоже. Соученики мне уже посоветовали учить арабский язык. Жалеем их дальше?

Есть еще категория очень толерантных шведов, пока не совсем понимающих, что происходит, и наивно заблуждающихся, что несчастные беженцы в благодарность за приют будут принимать шведские ценности и культуру. Мне их жаль. Те, кого я вижу, неспособны, не готовы и не собираются интегрироваться в наше общество, они считают всех нас должниками.

Так, возле Лунда им организовали палаточный лагерь (термопалатки типа однокомнатной квартирki) – их возмущению нет предела!!! Они не желают жить на окраинах и в маленьких городках, им нужны города с полной инфраструктурой, где они ведут себя как хозяева. Зайдя в мага-

зин, ты не услышишь шведов: не потому, что они не говорят, а потому, что они не орут, ты слышишь прибывших – они орут как в пустыне!!! Иногда становится страшно... Что это такое и где этому конец?» (easily.com)

Брэт Стивенс, журналист «Wall Street Journal» пишет: «Мы наблюдаем гибель Европы. Пока что это туманно и не неизбежно, но все же гибель видна, и она приближается, подобно планете в объективе искусственного спутника. Европе приходит конец. Европа погибает, потому что она стала как бы морально некомпетентной. Европа верит в права человека, толерантность, открытость, прогресс, экологию. Все эти понятия, конечно, важны, но они второстепенные» (<http://www.pravda.ru/society/fashion/tendencies/05-11-2015/1280321-europe-0/>).

Приведу в этой связи еще один пассаж из Веллера, чтобы стало яснее, откуда все пошло: «В 1971 году выходит эпохальная книга, библия политической философии – “Теория справедливости” Джона Ролза. Практическим следствием этого многостраничного труда было практическое внедрение в мозги и в практику второй части второго принципа справедливости по Ролзу. А именно: перераспределение ценностей в государстве должно производиться в пользу малоимущих путем отчуждения у многоимущих. Грубо говоря (никому не падать и не ругаться матом!): от каждого по способностям – каждому по потребностям. Ну, в реальных и разумных пределах. Вот такой вульгарно-коммунистический тезис, которым нам плешь проедали на уроках обществоведения в советской средней школе. Но здесь он был подан в обрамлении массы ученых аргументов и рассуждений.

Вы понимаете: социальные отношения должны быть как в семье, где сильный и богатый заботится о слабых и незарабатывающих детях или больных братьях, и так далее. Не требуя отдачи – а из любви и человечности.

И интеллектуалы Запада зауважали себя за понимание этих взглядов и практическое их применение. Свято веря: это истина, умная и хорошая.

Дармоеды и паразиты всех мастей взвыли от счастья. Удовлетворение их потребностей за счет работающих получило не только силу закона – но силу моральной максимы! Бесплатные: квартира, образование, меди-

цина, продуктовые талоны, гуманитарная одежда – и денежное пособие на карманные расходы! А на хрена работать? Принудительный труд – мерзкая отрыжка тоталитаризма.

Ты пашешь? Ну и плати налоги, сволочь! А я заслуживаю помощи.

Психологию личности, а в общем и психологию социальную, теория справедливости Ролза учитывать не желала. Блаженная маниловщина оказалась выполнима в эпоху чрезвычайно эффективного производства и перепроизводства.

Работяги приходили в бешенство от необходимости содержать наглых паразитов. Им объясняли, что это закон, а они должны быть добрее и человечнее; стыдно-с, господа труженики! это ведь ваши братья сосут ваши соки» (<http://subscribe.ru/group/russkij-mir-i-russkie-v-mire/10422635/>).

Веллер правильно описал реакцию «работяг». В тех местах, куда французские власти направляют эмигрантскую рабочую силу, для новых поселенцев, как и в Швеции, строится муниципальное жилье, так называемые «эшелемы» (от сокращения HLM). Фондом социального действия в отношении рабочих-иммигрантов и их семей в 1988 году на строительство жилья HLM было выделено 524 млн. Но уже в 1992 году, в связи с ростом иммиграции, на эти цели выделялось, по данным Счетной палаты Франции, 5,43 млрд франков или 830 млн евро. Начиная с 2010 года на эти цели выделяется более миллиарда евро ежегодно. «Эшелемы» в районах расселения иммигрантов быстро превращаются в гетто, где гораздо выше уровень преступности и насилия, чем в среднем по стране. Коренные французы из таких мест бегут, нередко бросая свое жилье, в котором жило не одно поколение их предков. Мне довелось это видеть собственными глазами в небольшом городке Мант-ле-Жоли, в 50 километрах от Парижа, где располагалась загородная дача нашего посольства во Франции. Великолепные пейзажи, старинный готический храм XII века, изысканная архитектура семейных вилл и замков, расположенных вдоль Сены на знаменитой Дороге Каролингов, привлекали туда парижан, которые покупали там недвижимость. Многие жили в Манте постоянно, чаще – сбегали туда из Парижа на уик-энд или летние каникулы. И вот за какие-то десять лет после строительства в городке нескольких «эшеле-

мов» для иммигрантов началось бегство французов из тех мест. Больше половины старых вилл там продали. И главная причина – бесконечные грабежи этих дач, которые в прежние времена нередко даже не запирали на замок, нападения хулиганья из нового гетто на стариков и женщин, изнасилования (даже женщину из полиции арабские подростки однажды подвергли групповому насилию) и участвовавшие убийства. Да и под самим Парижем некоторые предместья превратились в гетто, откуда бежало коренное население. Это подлинное бедствие, что признают теперь и левые, и правые. «Отсюда и фраза, которую президент Франсуа Миттеран произнес в 1989 году: “Всякому терпению приходит предел”, имея в виду пропорцию иммигрантов в обществе», – пишет журнал «Экспресс». В 1990 году премьер-министр социалист Мишель Рокар заявил, что «Франция не может принять у себя все беды мира». Президент Франции Николя Саркози в июле 2011 года признал публично, что недостаточно регулируемая иммиграция и преступность тесно связаны.

Так почему же тем не менее четыре года спустя после этого заявления Франция фактически капитулировала перед нашествием беженцев? Почему с самого начала операции «Беженец» Европа не закрыла перед ними свои двери, а, наоборот, широкой распахнула их. И прежде всего тут отметилась Германия. Почему французская контрразведка, прекрасно осведомленная о контактах с «Аль-Каидой» тех же братьев Куаши, устроивших резню в «Шарли Эбдо», допустила Варфоломеевскую ночь в Париже 13 ноября 2015 года, когда джихадисты расстреливали парижан в упор. Михаил Веллер прав, когда пишет, что нынешняя европейская «толерантность» во всех своих проявлениях рано или поздно погубит Европу. Но вот в чем беда наших интеллектуалов, вроде уважаемого господина Веллера. Они рассматривают все происходящее с иммиграцией в Европе исключительно через призму культуры, через философию и литературу. Увы, это годится лишь для анализа настроений интеллигенции. На уровне обывателей стратегии африканизации Европы действуют на другом уровне. Их элементарно зомбируют с помощью управляемых СМИ, прежде всего телевидения и Интернета, главным образом через социальные сети. И они начинают верить, что так и надо, так и положено, так справедливо. И не протестуют.

Им в голову не придет, что такого рода спецоперации, как «Беженец», согласовываются на самом высшем государственном уровне. А уж наши либералы и вовсе при упоминании о том, что именно мировая закулиса стоит за такими операциями, заходятся в истерику – «Чур меня! Чур!». Какова же идеологическая и политическая подоплека войны цивилизаций, первой битвой которой стала более тысячи лет назад при вторжении войска варваров Аттилы в королевство франков, битва при Каталауне?

Новые кочевники идут на Русь

По мере продвижения процесса глобализации и вовлечения в него Российской Федерации, других стран ведется размывание всего национального – от культуры до географических границ. Противостояние космополитического начала и национального в глобальных масштабах обусловлено, прежде всего, соображениями практической целесообразности при утверждении новой модели мирового сообщества в условиях планетарного доминирования одной сверхдержавы – Соединенных Штатов Америки. Самым активным образом эта модель стала утверждаться после развала СССР и ликвидации социалистического лагеря. В новом однополярном мире в соответствии с замыслом мировой закулисы не должно остаться места национальным государствам – они обречены и будут постепенно ликвидироваться. Крупные – методом балканизации, как была уничтожена Югославия, а мелкие – обычным путем (с помощью бархатных революций, военных переворотов, интервенций и т. д.). Претендуя на эксклюзивное право определять параметры нового мироустройства, США намерены осуществить своего рода унификацию человечества, его стандартизацию по американскому образцу. Всем, кого это не устраивает, из Вашингтона в достаточно грубой форме сообщают, что приговор им вынесен и обжалованию не подлежит. Такого рода сообщение было адресовано и Москве.

В октябре 2009 года вице-президент США Дж. Байден, излагая в интервью радио «Свобода» принципы «перезагрузки» отношений с Россией,

сказал: «США заявили два принципа, которые не обсуждаются. Первый из них – никаких сфер влияния для России. Мы не потерпим этого... И второй принцип – никакого права вето (России. – В. Б.) на возможность любого государства в любой части Европы или даже в любой части мира принимать собственные решения о том, в каких союзах или организациях ему состоять...» И последнее: «Я ожидаю в ближайшее десятилетие от России осознания того, что в ее интересах большая интеграция, а не какой-то “особый” курс, о котором подумывают некоторые...» (http://www.nashgorod.ru/forum/archive_viewtopic.php?f=53&t=207013).

Планы той «большой интеграции», о которой говорил Байден, США намерены осуществить в глобальных масштабах, создать фактически новую мировую цивилизацию. В политологии последних лет она получила название «цивилизации номадов». К номадам (кочевникам), в традиционном понимании этого слова, новая цивилизация по-американски не имеет никакого отношения. Речь идет скорее о свободном перемещении ресурсов и капиталов, рабочей силы, ученых и специалистов высокого класса во всех областях современной экономики. Отрыв от национальных корней заложен в эту цивилизацию мирового кочевья как обязательный элемент. Это, кстати, и одна из основных целей операции «Беженцы», активная фаза которой началась летом 2015 года. Люди будущего, по замыслу мировой закулисы, должны думать и чувствовать одинаково – унификация должна распространиться не только на станки, машины и компьютеры, но и на людей, как в фильме «Матрица».

«Фонд Рокфеллера» финансировал ряд исследований члена Бильдербергской группы и Трехсторонней комиссии, видного сиониста сефардского происхождения, члена Бнай-Брит Жака Аттали. С 1981 года он был советником президента Франции Франсуа Миттерана, а в 1991–1993 годах возглавлял Европейский банк реконструкции и развития. В его бытность президентом ЕБРР просионистские СМИ создавали ему бешеную рекламу. Аттали именовали не иначе как провозвестником будущего. После нескольких финансовых скандалов в ЕБРР и «Анголагейта» (Аттали вместе с Гайдамаком, еврейским олигархом, родившимся в СССР, был одним из фигурантов дела о незаконной продаже

оружия Анголе) «провозвестник» ушел в тень и занялся написанием сценариев будущего.

В начале 90-х годов мой знакомый банкир пригласил меня в Люксембурге в один из самых закрытых для посторонних «Клуб руководителей», где встречаются главы банков, промышленных объединений и транснациональных корпораций, т. е. люди, которые и вершат судьбы Старого Света. Гвоздем того вечера было выступление Жака Аттали с докладом об основных тенденциях формирования «рынка будущего» и соответственно будущего человечества. По сути, это была презентация его новой книги «Линия горизонта» (вышла в свет в 1992 г.). Аттали дал в ней описание того мира, который управляется наднациональной элитой и супер-банкирами по предложенной Д. Рокфеллером схеме.

Согласно Аттали, глобализация порождает новую кочевую элиту, «новых номадов», по его терминологии. Они должны быть оторванными от своих национальных корней и кочевать по планете по мере производственной необходимости. Чтобы управлять процессами глобализации и этой новой кочующей армией труда, Аттали призывал к созданию «планетарной политической власти». То есть к тому самому «мировому правительству», которое было предусмотрено Д. Рокфеллером в его проекте будущего и о котором подробно рассказал в своей книге «Комитет 300» Дж. Коулман. Уже в начале 90-х Аттали заявил, что в его «обществе грядущего» человек превратится в роботоподобное существо в результате «генетических манипуляций». «Однажды, став “протезом самого себя”, человек будет самовоспроизводиться подобно товару», – говорил он тогда в Люксембурге. Жизнь в нарисованной Аттали капиталистической «Утопии» станет предметом искусственной фабрикации, носительницей стоимости и объектом рентабельности. Само понятие разумной жизни потеряет смысл, «если человек производится и мыслится как предмет, товар».

Аттали тогда изложил перед почтенной публикой, собравшейся в клубе, и основные тезисы своего трактата о «цивилизации номадов», т. е. новых кочевников. Суть его труда сводится к тому, что по мере глобализации национальные границы будут ликвидированы, национальные культуры и различия сойдут на нет и никто более не будет привязан к

тому, что на языках всех народов означает понятие Родина. Весь мир в скором времени, по прогнозам Аттали, превратится в тот самый «плавающий котел» наций и народов, в котором иммигранты переварились в Соединенных Штатах в единую нацию. «Новое великое переселение народов уже началось, – провозгласил Аттали. – Первая волна новых nomadов в виде гастарбайтеров и нелегальной иммиграции уже прошла. Грядет вторая...» Только в наши дни стало понятно, что Аттали имел в виду под «второй волной» именно то нашествие иммигрантов, которое было подготовлено в рамках операции «Беженец».

Аттали пояснил, что цивилизация nomadов позволит странам «золотого миллиарда» обрести преимущество за счет передовых технологий и свободного передвижения людей и капиталов, но обречет отставшие страны на подчинение высокоразвитым. Аттали обнадежил собравшихся: «Потребители из привилегированных районов мира превратятся в богатых nomadов. Возникнут и мириады бедных кочевников (высококомбинильных гастарбайтеров)». Последние будут рыскать по всей планете в поисках крова и пропитания. И их жизни и судьбы будут зависеть от обладателей капитала. Со временем цивилизация nomadов будет использовать эту бедноту как живой материал для создания киберов, био-роботов, которых будут даже продавать...

Операция «Беженец» как раз и отрабатывает эту методологию на живом материале, что делает ее еще более антигуманной.

В 2006 году вышла в свет новая книга Ж. Аттали «Краткая история будущего», где дается прогноз на период с 2050 по 2100 год. По его прогнозу, к тому времени «мир станет полицентричным, и на каждом континенте будут 1–2 ведущие державы. (Это уже почти по Оруэллу. У него, правда, остаются в мире три супердержавы, постоянно воюющие между собой, – Океания, Евразия и Остасия.) Рынок лишит правительства их последних прерогатив, включая даже суверенность. Частному сектору будут принадлежать не только учителя и врачи, но даже судьи и солдаты. Между рыночными демократиями и рынком начнется гигантское сражение за мировое превосходство, которое завершится победой рынка, прогнозирует Аттали. В этом новом мире, где налоги снизят к выгоде богатых, но

бесплатных услуг для бедных уже не будет, люди будут жить по нормам полицейского государства, функции которого перейдут к корпорациям и банкам. Аппараты слежки станут инструментами в руках страховых компаний, которые позволят им контролировать сначала оплату тарифов, а затем и социальное поведение каждого плательщика. Если богатые меньшинства захотят, чтобы та или иная сфера жизни подчинялась рынку, а не голосованию, то они без колебаний будут приватизировать такие сферы. Лояльность по отношению к родине или соотечественникам потеряет всякий смысл, люди станут отказываться их защищать. Таким образом, к 2050 году начнется демонтаж государств (выделено мной, чтобы было понятнее, к чему ведут дело господ либералы. – В. Б.). Правительства потеряют влияние, а подолгу в одних и тех же странах будут жить только те, кто не имеет возможности перемещаться. К концу века правительство США одним из последних утратит атрибуты суверенности. Итак, «капитализм одержит окончательную победу, уничтожив все, что не является им, и превратив мир в огромный рынок», – подытоживает автор. Каждая минута жизни каждого человека будет посвящена производству или потреблению товаров. Станет углубляться одиночество, особенно в городах, контакты между людьми будут скоротечными и поверхностными. Мир превратится в огромное поле сражения. У многих предприятий больше не будет постоянной территориальной базы, они станут временными группировками лиц, кочевыми организациями. Другие станут сетями, объединяющими таких кочевых партнеров, «новых номадов». Аттали не исключал, что по мере ослабления государств возникнут предприятия-пираты, «занимающиеся противоправной или открыто преступной деятельностью». Тон станет задавать новый креативный класс – финансовые стратеги, главы компаний, юристы и артисты, которых автор называет суперномадами. Главными занятиями средних классов станут страхование (защита) и развлечения (забвение). Массовое распространение получают новые виды наркотиков, сексуальная жизнь станет абсолютно свободной, ее исключительной целью станет удовольствие, а размножение будет производиться искусственным способом. Количество лиц, живущих менее чем на 2 долл. в день, инфракочевников, составит к 2035 году 3,5 млрд человек

против 2,5 млрд в 2006 году. Эти категории населения, своего рода биороботы, станут беспорядочно перемещаться по планете в целях выживания и будут широко использоваться во время различных волнений, а также пиратской экономикой. С исчезновением государств никто не будет способен обеспечить равенство граждан, объективность выборов, свободу информации. К 2050 году гиперимперия аккумулирует острые противоречия. «На планете не будет войн между государствами, но каждый станет соперником всех», – резюмировал Аттали (см. более подробно обзор книги Ж. Аттали «Краткая история будущего», составленный профессором факультета международных отношений СПбГУ Юрием Акимовым по просьбе агентства «Росбалт»).

Как видим, в картине нового мира, описанного Аттали, заложено все то, что совсем недавно многим казалось конспирологической фантастикой – от интенсификации производства и потребления до полного, даже уже не «относительного» по Марксу и Ленину, а абсолютного обнищания трудящихся, от потери государствами их суверенитета до генетического манипулирования людьми и полного морального разложения общества. И только профан не поймет, кто будет составлять в этом жутком мире новый правящий «креативный класс». Это тот самый «избранный народ», к которому принадлежит и Жак Аттали. Граф Куденхове-Каллерги, Д. Рокфеллер и его «бильдерберги» видели будущее мира именно таким.

По мере того как развиваются современные технологии, планы мировой закулисы по порабощению человечества приобретают все более зловещий характер. Главным вопросом повестки дня заседания Бильдербергского клуба в июне 2008 года стал вопрос о широкомасштабной имплантации подкожных микрочипов американцам под предлогом борьбы с терроризмом и необходимости обеспечения врачам доступа к информации о состоянии больных в чрезвычайных ситуациях. Совершенно очевидно, что теперь поставлена конкретная задача поголовной чипизации человечества. Это и предусматривает процесс строительства «электронного концлагеря», или общества киборгов, подготовка к которому идет уже полвека. Еще в 1995 году доктор Кол Сандерсон, ведущий специалист в области исследования первоначальных биомедицинских чипов, заявил,

что в США на программу электронной идентификации под кожей, которой занималось ЦРУ, было отпущено 500 млн долларов. Программу поддерживал, в частности, Генри Киссинджер. «Проблема, – свидетельствует д-р Сандерсон, – ставилась прямо: мы не сможем контролировать людей, если всех их не пометим, т. е. не идентифицируем».

О глобальной «чипизации» общества довольно красноречиво сказано в документе Евросоюза, принятом еще в марте 2005 года. Это заключение № 20 Европейской группы по этике в науке и новых технологиях: «Современное общество оказалось лицом к лицу с изменениями, которым необходимо подвергнуть человеческую сущность. Вот очередной этап прогресса: в результате наблюдения с помощью видеонадзора и биометрии, а также посредством внедренных в человеческое тело различных электронных устройств, подкожных чипов и смарт-меток, человеческие личности изменяются до такой степени, что они все более и более превращаются в сетевые личности. Они должны иметь возможность время от времени получать и передавать сигналы, разрешающие передвижение, привычки и контакты, подлежащие отслеживанию и оценке. Это должно изменить значение автономии человека. При этом изменится само понятие человеческого достоинства. Некоторые нарушения фундаментальных, естественных прав личности, происходящие с ней по мере трансформации тела, не умаляют ее достоинства, а также ее конституционных прав и свобод». Так что, выходит, никаких свобод никто, по мнению авторитетных представителей Евросоюза, не потеряет. В 2003 году началась «чипизация» Мексики, где имплантаты в своем теле носят уже более 10 тысяч человек. В 2004 году микрокапсулы идентификации были вживлены генеральному прокурору Мексики Рафаэлю Маседо де ля Конча и 160 работникам прокуратуры.

Конечно, все это напоминает сюжеты наиболее мрачных антиутопий о введении тотального контроля над человечеством. Ведь разработанные в последние годы новые типы биочипов, помимо медицинских и идентификационных функций, могут выполнять и другие – вплоть до изменения поведения имплантированных людей и контроля над их эмоциями. К примеру, увеличивая выработку адреналина, биочипы помогут солда-

там достигать состояния полного бесстрашия, буквально превращая их в биороботов. Несмотря на то, что пока вживление чипа – дело добровольное (за исключением преступников-рецидивистов), в будущем планируется обязательная имплантация. А для того, чтобы убедить обывателей в необходимости этого процесса, достаточно провести еще пару терактов, аналогичных событиям 11 сентября. И случайно ли так участились эти акты в Западной Европе, которая пока что никак не соглашается на добровольную чипизацию?

На наших глазах создается этот страшный «новый мировой порядок», идет подготовка к образованию «глобального государства» по рецептам Бильдербергского клуба. Объединение стран «золотого миллиарда» в единую империю уже началось. Североамериканское партнерство, предусматривающее объединение США и Канады, а также, возможно, и Мексики, Европейский союз и блок НАТО, а теперь еще и единое экономическое американо-европейское пространство – составные этого будущего государства. Страны, входящие в Евросоюз, уже потеряли контроль над своей внутренней политикой – ее диктует Еврокомиссия, которая спускает из Брюсселя во все столицы ЕС директивы и разнарядки – сколько сеять, сколько доить, сколько производить молока, мяса, чугуна, стали, сколько готовить инженеров, врачей, учителей, компьютерщиков, а теперь оттуда приходят квоты на каждую страну, сколько ей принимать беженцев из Африки...

...Я вспоминаю, как после лекции Аттали вышел из «клуба руководителей», одного из центров мировой закулисы в Европе, в подавленном настроении. Вечерело. В центре Люксембурга, у балюстрады смотровой площадки, нависшей над глубоким оврагом, разделяющим надвое столицу княжества, я увидел мужчину и женщину с ребенком. Они сидели на скамейке, и у каждого на коленях был свой ноутбук. У мужчины – побольше, у женщины – поменьше, а у бэбика совсем маленький, игрушечный. Они были поглощены своим занятием, что-то выискивая в Сети. Малыш сидел тихо, не мешая родителям, тыкал пальчиком в клавиши, с видимым удовольствием наблюдая за тем, как на экране выскакивали какие-то фигурки, конусы, шарики. «Вот и в Люксембурге объявились

номады», – подумал я, все еще находясь под впечатлением выступления Аттали. Странно. Он всегда слыл левым и не случайно примкнул к французским социалистам. Но то, что я услышал, сильно смахивало на технологический фашизм. Как сместились акценты в теперь уже однополярном мире. То, о чем говорил Аттали, – не научная фантастика, а, видимо, тщательно разработанные планы. И если Россия так и не выберется из своей нынешней отсталости, останется сырьевым придатком Запада, если не сплотится на базе русского патриотизма, отринув либералов и «пятую колонну», ее народ ждет судьба нищих киберов, бессловесного человеческого материала, из которого предводители номадов вылепят что угодно. И это я говорю не для красного словца. Дальнейшие разработки «цивилизации номадов» и их реальное воплощение – это прямая угроза России и всему Русскому миру.

Цивилизация «Перекасти-поле»

«Наблюдая неестественную активность по повсеместному насаждению ценностей цивилизации “новых кочевников” (номадов), люди, находящиеся в ладу с Разумом, приходят в состояние крайнего изумления, – говорит С. А. Бородин, руководитель «Центра выявления и обобщения угроз национальной безопасности». – Им не понятно, почему цивилизация номадов рассматривается на международном уровне в качестве единственно верного направления развития человечества на современном этапе. Ведь в мире существуют тысячи разнообразных моделей устройства общества людей. Причем для того или иного народа, длительное историческое время проживающего во вполне определенных геоклиматических условиях, сложившаяся за столетия своя специфическая форма общественных отношений является оптимальной с точки зрения удовлетворения жизненных потребностей людей, составляющих этот народ. Такой народ, достигший за века проживания в данной местности благодаря собственной модели общественного устройства органического единства с окружающей средой, является жизненно необходимой

частью мирового сообщества. Разве не разумнее было бы объединить на основе многообразного единства многочисленные очаги традиционного проживания людей на нашей планете, интегрировав разнообразный жизненный опыт и достижения национальных культур в общую культуру человечества Земли? Однако в реальности все происходит с точностью «до наоборот». Одна за другой под нашествием «новых кочевников» гибнут традиционные культуры народов планеты (на это в первую очередь и нацелено вторжение беженцев и мигрантов в Европу с конца XX века до наших дней. – В. Б.). У выходцев из таких народов память о традициях, обычаях, быте и жизненных воззрениях быстро стирается, как только они вливаются в лавину «новых кочевников». *Работает общемировой конвейер по стерилизации людей от бактерий национального достоинства и лишения их исторической памяти, после чего они превращаются в «Иванов, не помнящих родства»»* (выделено мной. – В. Б.).

Одна маленькая деталь к этому наблюдению о «конвейере», с которого сходят «Иваны, не помнящие родства». В декабре 2009 года on-line социологическая служба РОМИР выяснила в ходе опроса, что смерть короля поп-музыки Майкла Джексона взволновала россиян больше, чем все другие международные события, произошедшие в 2009 году. Так считали 29 % опрошенных. Лишь второе место заняла эпидемия свиного гриппа. На третьем месте оказался запуск большого андронного коллайдера. В рейтинге «человек 2009 года в мире» россияне выделили всего двух деятелей. Первое место, по мнению опрошенных, получил Б. Обама (38 %), а второе – все тот же М. Джексон (18 %). Новые агенты влияния вправе трубить победу.

«Почему же так настойчиво все устоявшиеся жизнеспособные модели общественных отношений принудительно разваливаются? Традиционные отношения между людьми разрываются? История народов уничтожается? А сами народы распыляются по белу свету? – спрашивает профессор Бородин. – Подобное развитие событий недвусмысленно отражает факт открытого проявления неведомой дотоле силы, для которой традиционные ценности человеческой цивилизации являются ничтожными. Эту силу культурное достояние человечества Земли принципиально не интересует.

Из всего того, чем гордилось и гордится человечество на протяжении всей своей истории, выступившей на авансцену современности тайной доселе силе интересна только исключительно техническая сторона человеческой деятельности», – отмечает С. А. Бородин.

Конечно, неспроста исполнители воли этой «силы», давайте назовем, профессор, все своими именами – мировой закулисы, чуждой нам цивилизации, уподобляясь полчищам варваров древности, сокрушают, затаптывают, уничтожают все то, что тысячелетиями по крупицам создавалось землянами, что составляло основу их достоинства, что помогало им справляться со стихией вселенского хаоса. Именно эту функцию выполняют на захваченных территориях, неразрывно связанных с историей христианства и европейской цивилизации, Исламское государство и его террористические филиалы. Боевики ИГ безжалостно уничтожают христианские храмы и святыни, а также охраняемые ЮНЕСКО памятники античной культуры, как это было в сирийской Пальмире, рушат буддийские храмы и шедевры ведической архитектуры, как это делали воспитанники ЦРУ из движения «талибов» в Афганистане.

Сегодня по всем информационным каналам идет ничем не прикрытое массированное насаждение чуждых природе людей ценностей цивилизации «новых кочевников». На это затрачиваются огромные средства. И никто всерьез не противостоит этому страшному пропагандистскому набегу на изумленное человечество.

«Патриархальные нравы не могут устоять перед натиском изощренных проповедей о легкой, сытой жизни номадов, наполненной самыми фантастическими развлечениями и удовольствиями, – пишет С. А. Бородин. – В эту сладострастную ловушку попадают, прежде всего, молодые люди. Как ловят рыбу на лакомую червячную наживку, их отлавливают сетями гедонизма, отсекая тем самым от традиционного образа жизни: кому охота усердно трудиться во исполнение отеческих заветов, когда перед глазами апофеоз ничем не обремененного времяпрепровождения, сулящего море удовольствия и непринужденного обретения личных капиталов? Всесторонняя подготовка молодых людей к отвержению ими традиции отцов производится, естественно, посредством накачки их

сознания психологически выверенными мировоззренческими штампами по каналам средств массовой информации и телекоммуникаций. В силу этой тенденции среди тех, кто стремится следовать традиционному образу жизни предков ради физического сохранения своих народов в будущей истории человечества Земли, все больше возрастает процент старшего населения. Следуя своей излюбленной тактике, “новые кочевники” во время нашествия забирают в полон молодых и сильных представителей покоряемых народов, используя их для расширения масштабов нашествия. Приверженцев же традиций они оставляют вымирать в изоляции от молодого поколения, не позволяя передавать ему исконную народную мудрость. Печально, но факт: старики уносят живую память своего народа с собой в мир иной».

Нашествие «новых кочевников» обрело особую ярость с начала нового тысячелетия. Бородин объясняет это тем, что к этому рубежу завершилась тщательно спланированная двухвековая работа по подготовке нашествия. Я бы уточнил – более чем двухвековая. Была Великая французская революция 1789 года. Созданы Соединенные Штаты Америки. «Эта разноплановая подготовка проводилась в недрах существующей на сегодня земной цивилизации. Для этой цели использовалась вся мощь информационного оружия. В общественный оборот успешно был внедрен широкий спектр психологически комфортных идеологем, формирующих притягательность облика “нового кочевника”. Различными способами навязывались новые ценности жизни. Снималась масса кинолент о прелестях кочевого образа жизни. Проектировались эталонные временные жилища номадов. Создавалось техническое обеспечение кочевья. Писалась соответствующая музыка – походные марши кочевников. Страницы газет и прекрасно изданных иллюстрированных журналов были полностью отданы этому нарождающемуся андроидному сообществу. Создавалась система пищевого кормления кочевников (различные БАДы, каши “быстрофм”, сэндвичи, гамбургеры, чисбургеры, быстро приготавливаемые супы и лапша, чипсы, мюсли и т. д.). Первых “новых кочевников” в конвейерном исполнении начал поставлять для имплантации в другие страны и народы американский “плавильный котел”, где “новые аме-

риканцы” надежно дезинфицировались от “микробов” традиционного уклада жизни» (цит. по polemics.ru/articles).

Схема уничтожения

У человека, не знакомого с этой проблемой, неизбежно возникает вопрос, почему сильные мира того выбрали именно такой вариант развития человеческого общества и как это связано с их планами передела и переустройства мира? Зачем им понадобилось гнать такую армию беженцев из Африки и Арабского Востока в Европу именно в наши дни? Верну читателя к стратегическим расчетам Куденхове-Калерги.

Сценарий африканизации Европы предусматривает замену дорогой рабочей силы «аборигенов» – как правило, высококвалифицированных и хорошо образованных, знающих законы и свои права работников из числа этнических европейцев – на бесправную массу гастарбайтеров, готовых на любую работу, чтобы выжить. Механика проста – уровень воспроизведения коренного населения постепенно сокращается за счет парцеллизации сложившихся общин и коллективов, поощрения электронного индивидуализма (едва ли не с пеленок дети привыкают общаться не с себе подобными, а с ай-падами и компьютерами) и отчуждения человека от привычной среды и страны, ее образа жизни в целом. Делается это не только за счет развращения молодежи путем пропаганды и распространения наркотиков и порнографии, концентрации на удовольствиях и разрушении семьи. Гендерный террор, засилье идеологии ЛГБТ-сообществ, утверждающих содомию и однополые браки как норму, в противовес традиционной концепции семьи, не встречают сопротивления со стороны коренного населения, потому что его сопротивление подавляется за счет проповедей толерантности и терпимости. Обыватель к тому же запуган этнической преступностью и террором со стороны пришельцев.

Рождаемость коренного населения, таким образом, искусственно доводится до невоспроизводства нации, а затем и вовсе до нулевой. В среде

пришельцев, наоборот, культивируются законы шариата, запрещающие гомосексуализм, инцест и пр. Там воспроизводство растет. Пришельцы более здоровы, т. к. не пьют и не курят и не подвержены разврату. В конечном итоге они вытесняют белых. А черной массой «быдла», по Куденхове-Калерги, управляет «аристократия мозга».

Гуннар Хайнзон, профессор Гражданского Университета Бремена и Федеральной Академии политики безопасности в Берлине, также ведущий курс в Оборонном Колледже НАТО в Риме, издал в 2003 году книгу «Сыновья и мировое господство: роль террора в подъеме и падении наций» (*Gunnar Heinsohn. Sohne und Weltmacht Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. 2006. Verlag, Berlin; <http://politinform.su/analitika/57350-politika-21-vek-chto-nas-ozhidaet.html>*). В ней он отметил, что иммиграционные проблемы Европы двойственны: с одной стороны, самые энергичные и талантливые уезжают, а рождаемость у оставшихся очень низкая; с другой – иммигранты из стран третьего мира не имеют достаточно-го образования, а размножаются ускоренными темпами. Сейчас немцы, голландцы, французы эмигрируют из своих стран как никогда. Только **из Германии ежегодно уезжают 150 000 человек, причем большинство из них едут в англо-саксонские страны.** Каждый год Канада, Австралия и Новая Зеландия с готовностью принимают 1,5 млн образованных иммигрантов и делают все возможное, чтобы облегчить их въезд в свои страны. Хайнзон не выказывает по этому поводу никакого удивления: «Неудивительно, что молодые трудолюбивые люди во Франции и Германии предпочитают эмигрировать, и не только потому, что на их плечи ложится обязанность “кормить” стареющее коренное население собственной страны. Если мы возьмем 100 двадцатилетних французов и немцев, то 70 из них также должны содержать 30 иммигрантов их собственного возраста, а также их отпрысков. Для многих это просто неприемлемо, особенно во Франции, Германии и Нидерландах. Именно поэтому они бегут». Отмечу при этом, что иммиграционные власти в Евросоюзе, особенно во Франции и Германии, с готовностью предоставляют право на жительство и даже гражданство выходцам из Африки и Ближнего Востока, а белым иммигрантам, особенно русским, белорусам и украинцам,

всячески препятствуют или просто отказывают после многочисленных унижительных проверок и допросов.

Демографический взрыв в мусульманском мире оказался для этого мира не благословением, а бедствием в условиях того хаоса, который создали там искусственно с Запада, стимулируя гражданские войны, перевороты и «цветные революции». Людская лава вырывается из жерла этого «вулкана» во внешний мир, сметая на своем пути все, что мешает ей двигаться.

«Между 1988 и 2002 годами в развивающихся странах родились 900 млн сыновей, – пишет Хайнзон, – и горячие точки стали практически предсказуемы: накануне талибанского переворота в 1993 году население Афганистана выросло с 14 до 22 млн; в Ираке в 1950 году было 5 млн человек, а сейчас там 25 млн, несмотря на постоянные войны в течение четверти столетия; начиная с 1967 года население Западного берега и сектора Газы выросло с 450 000 до 3,3 млн, причем 47 % из них моложе 15 лет!»

Казалось, давно ли демографы всерьез говорили о «китайской опасности». Население Китая действительно выросло в XX веке на 300 %: с 400 млн до 1200 млн человек. В Индии – на 400 %: с 250 млн до 1000 млн. А вот в мусульманском мире в течение всего лишь пяти поколений (1900–2000) население увеличилось со 150 до 1200 млн человек, т. е. на 800 %! Налицо демографический взрыв XX века с гигантским приоритетом молодежи. К середине века население Африки вырастет вдвое: с нынешних 1,2 млрд человек до 2,4 млрд. Судя по опросам института Гэл-лапа, к 2050 году около 950 миллионов человек из Африки и арабских государств захотят обосноваться в Европе! Ожидается вчетверо больше чернокожих, чем там уже есть сегодня! Такого наплыва она не перенесет. Прогноз Куденхове-Калерги сбывается. Уже к 2040 году, по подсчетам демографов, половина населения Земли в возрасте до 25 лет будет состоять из африканцев и арабов. Такова конечная цель операции «Беженец», рассчитанной не на один год.

Столь печальные перспективы для Европы, нарисованные профессором Хайнзоном, увы, реальны. Его сценарии нашествия мигрантов и его

последствий сильно напоминают фантастический роман Герберта Уэллса «Машина времени» (англ. «The Time Machine»), изданный в 1895 году. В нем великий английский писатель описывает жуткую антиутопию, мир будущего (802 701 год), в который попадает Путешественник во Времени. Там научный прогресс привел к деградации человечества, разделившего-ся на два вида существ. Это – морлоки и элои. Морлоки, потомки рабочих и инженеров, живут в Подземном мире и обеспечивают жителей Верхне-го мира – эолов – всем необходимым. Эолы – интеллигенция будущего – живут беспечной жизнью развлечений и удовольствий на всем готовом, увлекаются искусством, пением и танцами. Но за такую сладкую жизнь платят страшную цену – по вечерам, по зову гипнотизирующей музы-ки, толпы эолов спускаются в Подземный мир, где их поедает морло-ки, ставшие каннибалами. Эта аналогия с новым «Похищением Европы» предстала передо мной жуткой явью, когда по телевидению показали, как некий боевик ИГИЛ убивает «неверного», вырезает у него еще жи-вого печень и поедает ее перед телекамерами. А ведь в рядах беженцев, вторгающихся в Европу, есть и такие «воины джихада». Это подтвердили головорезы из «Исламского государства» сразу же после терактов в Па-риже 13 ноября 2015 года, в ходе которых погибли около 200 парижан.

Глава двадцать третья У СИОНИСТОВ И МАСОНОВ

В штаб-квартире Еврейского конгресса

По мере того как в СССР ослабевала цензура, а затем и вовсе была отменена, я мог куда свободнее выбирать темы для своих корреспонден-ций, в том числе прежде и вовсе запретные. В 1987 году я взял интервью у тогдашнего президента Европейского еврейского конгресса (ЕЕК) го-

сподина Клейна, но в «Правде», а точнее на Старой площади, отказались его печатать.

В сентябре 1991 года, вскоре после провала путча ГКЧП, я брал в Париже интервью у генерального секретаря Европейского еврейского конгресса (ЕЕК) Сержа Цвайгенбаума и преемника Клейна на посту президента ЕЕК Жана Кана. Центральный офис ЕЕК разместился на Елисейских полях, в самом центре Парижа, но, правда, на самом последнем этаже довольно старого дома, расположенного по соседству с известным кабаре «Лидо». По всей номенклатуре наших конспирологов – это, по меньшей мере, один из главных филиалов мирового кагала. Но адрес, который мне указали сотрудники генсека ЕЕК, не имел ничего общего даже с парижскими небоскребами, хотя и был достаточно престижен. Секретарь, средних лет еврейка, напомнившая мне мою школьную учительницу, такую скромную мышку в вечно серой одежде, провела меня в кабинет господина Цвайгенбаума. Он оказался человеком в себе абсолютно уверенным и всем своим видом показывал свою значимость. Пока мы ждали появления президента ЕЕК Жана Кана, видного французского адвоката, доктора юридических наук и по совместительству – президента КРИФ (Совета представителей основных еврейских организаций Франции), еще одного участника нашего интервью, я все поглядывал на потолок кабинета Его Всемогушества Всеевропейского Всееврейского Генсека. Его офис занимал ровно середину когда-то обширной залы для приемов в некогда богатой квартире. Об этом свидетельствовала роскошная гипсовая розетка на покрытом трещинами потолке, разделенная тонкой стенкой-перегородкой ровно напополам. А в другой половинке квартиры стучали на машинках – компьютеры тогда только входили в офисную жизнь – неутомимые сотрудницы генсека, рассылавшие по всей Европе его ценные указания. Серж Цвайгенбаум, со всеми его громкими титулами, был, как оказалось, всего лишь одним из верховных служащих Всемирного еврейского конгресса, влиятельной, но далеко не всесильной организации, даже в мировом еврействе. Оттого ни дворца, ни дубового паркета не полагалось ему по чину, а снятую на Елисейских полях залу пришлось поделить перегородками, чтобы сделать офис.

Я вспомнил длинные и торжественные коридоры в здании ЦК КПСС на Старой площади, роскошные залы заседаний с затейливыми дубовыми облицовками, ряды спецтелефонов и ту торжественную тишину, которая сама по себе подчеркивает, что здесь обитает сильная, уверенная в себе власть, которой ни всемирный кагал, ни тем более ЕЕК не указ. По крайней мере, мы так все тогда считали. После того визита в парижский филиал Европейского еврейского конгресса я уже никогда бы не поверил в образ мирового еврейского правительства, управляющего всем происходящим в мире через свою невидимую и видимую агентуру, даже если бы меня в этом убеждал сам Нилус. Разделенная надвое фанерной стенкой розетка на потолке офиса Цвайгенбаума говорила сама за себя.

Я начал с извинения за то, что первое мое интервью с президентом ЕЕК не было напечатано в «Правде», и мои собеседники с достоинством его приняли. Кан рассказал, что он встречался с Ельциным во время его сентябрьского визита в Париж и с членами российского правительства. Он сказал: «Обмен мнениями, в том числе о положении евреев, у нас был откровенным и оставил у меня хорошее впечатление. В ходе моих встреч с представителями еврейской общины мы пришли к выводу, что развитие событий после провала путча Г. Янаева следует приветствовать как победу демократических сил. Все евреи мира, в первую очередь советские, выступали за демократизацию СССР... В ходе последних событий в СССР была продолжена вековая традиция участия евреев в борьбе за свободу и демократию».

Кан в том интервью сообщил, что во время встречи с Ельциным предложил ему не препятствовать эмиграции евреев из России в Израиль и добавил: «Я также предложил России установить прямые отношения с Израилем». Это было что-то новенькое, потому что до установления дипотношений с иностранными государствами Ельцин тогда еще не дошел. Но до этого уже оставался один шаг. В остальном интервью было посвящено созданию филиалов сионистских организаций и непосредственно Всемирного еврейского конгресса в России, которое к тому времени шло полным ходом.

«Правда» опубликовала это интервью 28 сентября 1991 года. Это было первое интервью с сионистскими лидерами за всю историю «Правды». Было ли это с моей стороны каким-то отступлением и, уж не дай Бог, объявлением о капитуляции после многих лет моей открытой борьбы с сионизмом? Нет, конечно, и, кстати, мои собеседники в штаб-квартире ЕЕК, прекрасно знали, кто я такой. Даже после распада СССР они нередко приглашали меня на свои пресс-конференции, не проявляя при этом никакой враждебности. На таком уровне сионистской иерархии, как очевидно, понимали, что я выступал в своих статьях и книгах против сионизма, но не против евреев, и антисемитом никогда не был.

Серж Цвайгенбаум даже помог мне однажды и просто выручил. Вскоре после нашего интервью с ним в «Интернэшнл геральд трибюн» вдруг стали регулярно появляться обращения американского сенатора Мойнихена к французским властям с требованием отказать мне в праве работать во Франции корреспондентом. У Мойнихена со мной были давние счеты. Еще до моего отъезда во Францию в Москве в редакцию «Правды» мне доставили от него письмо, в котором он нагло требовал, чтобы я прекратил писать разоблачительные статьи и книги о сионизме, ибо, по его мнению, они возбуждают антисемитские настроения. Я ответил ему, что ему должно быть стыдно за такие заявки, т. к. сионизм признан Генеральной Ассамблеей ООН «формой расизма и расовой дискриминации». Я же знал, что Мойнихен против этой резолюции выступал с пеной у рта, когда был спецпредставителем США в ООН. Ответа я не получил. Не думал, что мы с ним еще встретимся. Ан нет, встретились.

Я не стал дожидаться скандала и пошел в офис к Цвайгенбауму с экземпляром той моей статьи в «Правде», на которую ссылался Мойнихен. Я объяснил ему, что о сотрудничестве сионистов с нацистами во время оккупации Украины и конкретно при расстрелах евреев в Бабьем Яре написали в «Правду» евреи с Украины, и именно это письмо я и привел в своей статье в «Правде», а сенатор Мойнихен приписал мне его авторство. Кстати, в том интервью, которое Серж дал вместе с Каном «Правде», тема Бабьего Яра была поднята. Он, в частности, сказал, что на Украине предпочитают говорить не об уничтоженных в Бабьем Яре евре-

ях, а о «советских гражданах, погибших от рук нацистов на Украине», и потребовал назвать точное число сгинувших там евреев. Не знаю, какие педали нажал генеральный секретарь ЕЕК, но «Интернэшнл геральд трибюн» перестала публиковать призывы Мойнихена к расправе со мной.

Орден Бнай-Брит и вольные каменщики

В начале декабря 1988 года в корпункт «Правды» пришло письмо на бланке французского филиала ведущей сионистско-масонской ложи Бнай-Брит. В письме, подписанном Хаимом Музыкантом, меня приглашали на пресс-конференцию делегации этого филиала Бнай-Брит, которая первой из всех сионистских организаций и масонских лож побывала в СССР по официальному приглашению советских властей. Бнай-Брит стала и первой масонской ложей, получившей прописку в СССР.

С 23 по 29 декабря 1988 года в Москве гостила делегация французского отделения Бнай-Брит в составе 21 человека во главе с президентом Марком Ароном. Первая ложа этого ордена была организована (а по-масонски – «реализована») во время того визита. Состоялось ее официальное открытие в Москве. Разрешение на это было получено лично от Горбачева по ходатайству главы этого ордена Г. Киссинджера. Главу делегации принимали на самом высшем уровне – президент СССР М. Горбачев и А. Лукьянов, председатель Верховного совета СССР. К маю 1989 года в этой ложе состояли 63 члена. К тому же времени были учреждены еще две ложи, в Вильнюсе и Риге, а затем и в Петербурге, Киеве, Одессе, Нижнем Новгороде, Новосибирске. В 1989 году председателем московской ложи Бнай-Брит и представителем Бнай-Брит в Советском Союзе стал Александр Шмуклер, впоследствии эмигрировавший в США. Бнай-Брит добилась разрешения для раввинов из других стран беспрепятственно посещать СССР. В апреле 1989 года делегация Бнай-Брит посещает Ригу и Вильнюс, где и проводит церемонию основания лож Бнай-Брит. В августе 1989 года состоялось специальное решение международного совета Бнай-Брит в Стокгольме о внедрении лож Бнай-Брит в странах Восточ-

ной Европы. В октябре группа Бнай-Брит во главе с писателем Леоном Урисом и Михаэлем Найдичем посещают Ленинград, Москву и Ригу с тем, чтобы организовать обучение еврейской молодежи. А уже в декабре создается новая организация – Конгресс организаций и еврейских общин Советского Союза. И не где-нибудь, а в кузнице кадров советских СМИ – в здании факультета журналистики МГУ открывается Еврейский университет (переименован в 2003 году в Высшую гуманитарную школу им. С. Дубнова), и при нем книжная лавка. В октябре 1990 года Бнай-Брит открывает и свои первые официальные бюро, но не в Москве, а в Ленинграде, где находится старинный Еврейский университет, как и еврейская школа «Хабад». Соответствующие школы и постоянно действующие семинары открываются в Москве, Петербурге, Риге, Киеве, Вильнюсе, Уфе, Биробиджане и других городах.

В 1989 году в Москве вышел первый информационный бюллетень Бнай-Брит на русском языке. В нем было сказано, что Бнай-Брит – первая международная еврейская организация, получившая от властей право на постоянное пребывание в СССР, в данном случае в Ленинграде, и что наиболее активным деятелям Бнай-Брит предлагается провести курсы еврейского языка и уроки карате для 150 своих членов в Ленинграде. А в 1991 году президента Бнай-Брит партийное руководство СССР приглашает в Кремль на празднование «Великого октября». Это приглашение, как сообщает «Бнай-Брит Мэгэзин» (№ 57, 1991), было передано Анатолием Лукьяновым.

Одновременно Бнай-Брит восстанавливал свои ложи и в странах Восточной Европы. В Будапеште, например, ложа Бнай-Брит «Ренессанс» была образована 18 февраля 1991 года. Вторая ложа Бнай-Брит была открыта в Братиславе в октябре 1991 года, и ее члены были представлены президенту Гавелу. После открытия ложи Бнай-Брит делегация чиновников ордена была представлена президенту Болгарской республики Желио Желеву, который пожелал успеха сионистской ложе.

Без всяких ограничений растет также сеть представительств так называемого Фонда Сороса, большая часть сотрудников которого – это

функционеры Бнай-Брит, других масонских и сионистских структур, а также агенты западных и израильских спецслужб. Однако в силу поддержки свыше им дается карт-бланш. По мнению зарубежных аналитиков, сионист и агент израильской разведки «Моссад» «Сорос стал самым влиятельным лицом на огромной территории, простирающейся от берегов Рейна до Уральских гор» (Платонов О. А. Россия под властью масонов. М.: Русский Вестник, 2000).

К началу XXI века число членов организации Бнай-Брит достигало около пятисот тысяч человек. Это одна из самых влиятельных и многочисленных, но вместе с тем одна из самых закрытых сионистско-масонских структур. «Регулярные масоны» внедрялись в Россию одновременно с сионистскими, но официально инсталлировались несколько позже.

В своей книге «С Талмудом и красным флагом» я достаточно подробно говорил о взаимоотношениях еврейства и масонства. Отмечу здесь главное: возникновение политического сионизма было непосредственно связано с формированием масонства сионистского типа и одновременным внедрением сионистов в структуры традиционного масонства практически всех обрядов – шотландского, нового шотландского, «Мемфис-Мицраим» и др. Замечу, что родство с иудаизмом в ритуалах и мистических обрядах вольных каменщиков прослеживается со всей очевидностью. Масон Густав Карнелис, еврей по происхождению, открыто признал это еще в 1902 году в своем праздничном послании ордену Бнай-Брит: «Идеи вольных каменщиков произошли из иудейства. Их основатель – великий царь Соломон, который, предвидя высокий расцвет Израиля, установил важнейшую часть обрядов во время постройки храма Соломона. Слова же и обозначения большей частью взяты также у евреев» (http://www.e-reading.club/chapter.php/137423/43/Platonov_-_Taiina_bezzakoniya__iudaizm_i_masonstvo_protiv_Hristianskoi_civilizacii.html).

Еще в 1932 году председатель Архиерейского собора Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Антоний отметил, что иудаизм «исторически связан с масонством самыми тесными узами в своей оже-

сточенной борьбе с христианством и в масонских устремлениях к мировому владычеству» (Цит. по: *Николаевский В. И.* Русские масоны и революция. М.: Терра, 1990. С. 174).

Сионизм с самого начала обрел в лице масонства союзника, действуя вместе с ним в ходе подготовки антимонархических движений и революций в Западной и Восточной Европе, прежде всего в России. Весьма активно евреи проникали в масонские ложи в США, нередко даже возглавляя их, как автор многих тайных масонских ритуалов еврей Стефан Морэн.

Сионистский орден Бнай-Брит был основан 13 октября 1843 года в Нью-Йорке немецкими евреями и со временем стал тайным объединением еврейской аристократии и лидеров сионистского движения. Четверо из основателей этого ордена были масонами высоких степеней в иных ложах. Орден поддерживал постоянную связь с «Великой материнской ложей мира». Членами Бнай-Брит были Яков Шифф и еще один «спонсор» большевистской революции, Феликс Варбург, женатый на дочери Шиффа Фриде. Франклин Рузвельт, 32-й президент США с 1933 по 1945 год, также состоял в ложе Бнай-Брит. В Бнай-Брит в разное время состояли Вальтер Ратенау, министр иностранных дел Германии (1922), Жак Аттали, президент Европейского банка реконструкции и развития (до 1993), Симона Вейл, одна из лидеров Социнтерна, Мадлен Олбрайт, государственный секретарь США, и другие. Президентом ордена Бнай-Брит с начала 80-х годов оставался Генри Киссинджер, сопредседатель Трехсторонней комиссии, государственный секретарь США с 1973 по 1977 год.

Евреи пришли в европейское франкмасонство в конце XVIII – начале XIX века. В наши дни они представлены практически во всех масонских обрядах и ведущих ложах, в том числе в «Великом Востоке», хотя по большей части – в ложах эзотерического обряда «Мемфис-Мицраим». В еврейских ложах и орденах масонского типа, таких как Бнай-Брит, неевреев практически нет. Такого рода расизм сионистского образца привел к тому, что основные франкмасонские ложи Франции – «Великий Восток», «Великая ложа» и «Великая национальная ложа» – не считают Бнай-Брит масонским орденом. Это тем не менее не мешает им действо-

вать совместно на постсоветской территории и в бывших социалистических странах. Европейское масонство и Бнай-Брит возвращались туда практически синхронно.

То, что сионисты из Бнай-Брит и франкмасоны активно взаимодействовали на всех фронтах антикоммунистического похода, хорошо известно. Нельзя не обратить внимания и на такую существенную деталь – руководители и активные деятели ордена Бнай-Брит одновременно входят в Трехстороннюю комиссию, а Генри Киссинджер непосредственно разрабатывал основные направления «крестового похода» против коммунизма. Тот же Киссинджер, как уже говорилось, вместе с Жискард д'Эстеном и Ясухиро Накасоне вел переговоры с Горбачевым от имени Трехсторонней комиссии. В феврале 1988 года появились первые опубликованные известия в немецком малотиражном журнале «Мер Лихт» («Больше света») о принадлежности М. Горбачева к вольным каменщикам. Аналогичные сведения публикуются в нью-йоркской газете «Новое русское слово» (4 декабря 1989 г.), там даже приведены фотографии президента США Буша и Горбачева, проделывающих руками типичные масонские знаки.

Начиная с 1989 года масоны начали широкую и даже в известном смысле открытую кампанию по пропаганде масонских идей и вербовке новых членов в России. Проводилась так называемая кампания экстернализации, в рамках которой масоны выступали с лекциями, докладами в больших залах, в печати, на радио и по телевидению.

16 ноября 1991 года Борис Ельцин получает звание рыцаря-командора Мальтийского ордена и позирует перед журналистами в полном облачении рыцаря-командора. То, что он при этом выглядел как ряженный на деревенской ярмарке, никого не смущало. Но за Россию было обидно. В августе 1992 года Ельцин подписывает указ № 827 «О восстановлении официальных отношений с Мальтийским орденом». Содержание этого указа некоторое время сохранялось в полной тайне. Министерству иностранных дел России предписывалось подписать протокол о восстановлении официальных отношений между Российской Федерацией и Мальтийским орденом. Любопытно, что Валентина Матвиенко, будущий губернатор

Санкт-Петербурга и будущий спикер Совета Федерации РФ, была назначена Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Республике Мальта уже в 1991 году. А в 1992–1994 годах в том же качестве представляла на Мальте Российскую Федерацию. Она и занималась всеми процедурами по восстановлению отношений с Мальтийским орденом. «Комсомольской богине» в ее советском прошлом все это, конечно, зачлось.

В штаб-квартире «Великого Востока»

Несмотря ни на что, реноме «Правды» продолжало работать и даже после развала Союза, меня охотно принимали и официальные лица, и частные, не представляя, что наш товарный знак уже сильно девальвирован в цене. Я этим воспользовался, чтобы как можно больше узнать о масонстве во Франции, что меня давно интересовало, но как-то в советские времена я к этому никак не мог подступиться. Не поняли бы.

Как и в других странах Запада, принадлежность к тайным ложам французские «братья» не скрывают, а нередко и афишируют. Во всех официальных справочниках в разделе «Масонство» можно прочесть длинные списки имен политиков и общественных деятелей, открыто провозгласивших себя масонами. Так, например, в справочнике «Квид» приведен список масонов, вошедших в правительство социалистов в 1985 году. Противники социалистов язвили по их адресу – говорили, что на базе этого правительства, где числилось не менее пятнадцати масонов, можно создать как минимум две масонские ложи (по масонскому уставу, для создания одной ложи требуются не меньше семи посвященных). Среди них числились Ролан Дюма, министр иностранных дел, Пьер Жокс, министр обороны, Джек Ланг, министр культуры, Анри Деваке, министр образования, и другие. Входивший вместе с ними в кабинет Пьера Моруа масон Анри Эммануэли впоследствии стал председателем Национального собрания Франции.

Масоны были и в правительстве правых партий Ж. Ширака, но числом поменьше. Филиалы масонских лож, объединяющие «братьев» – де-

путатов по партийно-масонскому признаку, открыто действуют в Сенате и в Национальном собрании страны. Масоны, как указывается в справочнике, проникли во все сферы французского общества, в органы управления, подавления и в судопроизводство.

В наши дни масонство в России переживает второе рождение. А. В. Богданов (род. 31 января 1970 г., Можайск, РСФСР), великий мастер «Великой ложи России», даже выдвигал свою кандидатуру в президенты России на выборах 2008 года от Демократической партии. И хотя, судя по практически нулевому результату, за него проголосовали разве что члены его ложи, ему предоставили время на телевидении, как и положено в такого рода кампаниях, и он мог излагать свою масонскую программу открыто. После развала Союза в масоны у нас стали вступать официальные лица, включая членов правительства Ельцина. В масонских фартучках щеголяли действующие сотрудники секретных служб и военачальники РФ. Та же самая ситуация складывалась на Украине, в Грузии и в Молдавии...

Отношение официальной советской историографии к масонству было всегда сложным. С одной стороны, после известного заявления Троцкого на конгрессе Коминтерна коммунистам запрещалось вступать в масоны, а тем, кто там уже был, порекомендовали срочно из лож выйти. Из наиболее известных масонов-коммунистов надо назвать и Марселя Кашена, основателя французской компартии, масона 33-го градуса посвящения, и его соратника Андре Марти. Они в точности выполнили решение Коминтерна о масонах, объявив о своем выходе из ложи. Но, как известно, из ложи выйти можно, а в масоны принимают раз и на всю жизнь. Тут обратного хода нет. Социалисты-масоны, в отличие от коммунистов, готовы были скорее выйти из партии, чем из ложи. Но в соцпартии Франции этого от них никто и никогда не требовал.

Отношение к масонству в революционной среде долгое время определялось именно тем, что масонами были и декабристы, и Герцен с Огаревым, и многие известные революционеры. Об этом еще раз напомнили миру французские масоны, организовав в 1971 году, в сотую годовщину высокочтимой в СССР Парижской коммуны, мемориальное масонское

шествие к Стене коммунаров на парижском кладбище Пер-Лашез. Неудивительно, что к масонам с большой симпатией относился такой анархист, как Кропоткин, а Бакунин сам был членом масонской ложи. Обо всем этом в советские времена предпочитали помалкивать, хотя какой-либо громкой антимасонской кампанией этот период нашей истории не отмечен. Неудивительно – слишком многое пришлось бы объяснять. Отношение к масонам было потому в нашей пропаганде достаточно сдержанным – его официально не признавали, но и не осуждали.

Столь же органично со времен Великой французской революции с масонством были так или иначе связаны все революционные движения в Европе и Новом Свете и практически все их лидеры. Масонами были авторы самых популярных революционных песен и гимнов. Так, Клод Руже де Лиль, автор «Марсельезы», ставшей государственным гимном Франции, был масоном, так же как автор «Прощальной песни» 1794 года К. Шенье. Можно спорить по поводу того, правомерно ли считать Эжена Потье, сочинившего слова «Интернационала» в 1871 году, масоном, если его прошение о посвящении было направлено в ложу в 1875 году. Но масонская литература свидетельствует, что автор музыки «великого пролетарского гимна» Дегейтер был все-таки масоном в момент сочинения оной. А «Интернационал» одно время даже был нашим государственным гимном. Это не говоря уже о сатанинских пентаклях – масонских рубиновых звездах на кремлевских башнях.

В последние годы, когда был, наконец, снят запрет на публикации материалов о связях лидеров социал-демократии и большевиков с масонством и сионизмом, вскрылось много интересных фактов, стали доступными книги русских историков-эмигрантов, опубликованы целые исследования на эту тему российских авторов, которые использовали ранее недоступные архивы, в том числе архив КГБ СССР. Судя по публикациям последнего времени, едва ли не все руководство партии большевиков так или иначе являлось с масонами, включая В. И. Ленина.

...Тихая парижская улица Rue Cadet. Старинные жилые дома XIX века, маленькие забегаловки и небогатые магазинчики еврейского квартала Па-

рижа. Только одно здание – дом под номером 16 – выбивается из общего архитектурного ритма. Оно глядит своим суперсовременным бетонно-алюминиевым фасадом на Rue Cadet, как средневековая многоэтажная крепость на низкорослую деревню. Кажется, что там давно приготовились к осаде, и если что, алюминиевые металлические бойницы тут же «заговорят» пулеметной скороговоркой. В доме этом и расположились штаб-квартира ложи «Великий Восток Франции» (ВВФ), Музей масонства и прочие масонские учреждения. Просто так сюда не попадешь.

У меня аудиенция с самым великим магистром. Это должность сугубо официальная и публичная. Он руководитель «Великой ложи», единственная и наивысшая власть на ее территории и в ее юрисдикции. Избирается он на общей ассамблее «Великого Востока», своего рода масонском съезде, на трехлетний срок. Ему предоставлено право последнего и решающего голоса по всем вопросам, а также на принятие в братство без соблюдения обычной процедуры. Великий магистр представляет «Великую ложу» на международных масонских мероприятиях и в межнациональных околomasонских организациях.

Я позвонил в дверь, и она тут же открылась. В вестибюле ждал благообразный гид, любезно согласившийся проводить меня до дверей «высокочитимого».

Старый масон-вахтер пропускает меня, профессионально впитав все мои приметы одним взглядом. Своих он приветствует иначе: братья церемонно целуются и обнимаются, пожимая еще при этом друг другу руки. Вообще же масоны узнают себе подобных, обмениваясь незаметно масонскими сигналами, знание которых составляет великую тайну. Мы с моим проводником идем к лифту, и у меня такое впечатление, что идем по лабиринту. Архитектурно здание решено так, что оно в любую минуту может быть перекрыто на отсеки, чтобы сдержать нападение. В Музее масонства, кстати, помимо масонских регалий достаточно экспонатов, подтверждающих, что такие нападения были, и не раз. И самый страшный разгром устроили «Великому Востоку» гитлеровцы, похитив все его архивы. После победы над фашистами часть этих архивов попала в СССР. Только уже при Горбачеве по специальной договоренности была

удовлетворена просьба французского МИДа, который тогда возглавлял масон Ролан Дюма, и архивы «Великого Востока», а также других масонских лож Франции были возвращены. (Как утверждают знатоки, с них даже не сняли копии.) Лифт смыкает свои створки и бесшумно ползет вверх. Я обращаю внимание на то, что вместо цифр два этажа обозначены так: «Храм один» и «Храм два»...

На Rue Cadet расположена не только штаб-квартира «Великого Востока», но и собственно масонская ложа «Великий Восток Франции». Ложа – многосмысловое понятие, что нередко сбивает с толку людей, не имеющих представления о масонской манере вкладывать в одно и то же слово несколько понятий. Согласно масонскому словарю, ложа – это место собрания масонов, само их собрание, а также организационная единица масонского ордена и все входящие в нее члены. Существуют символические (локальные) ложи и состоящие из них великие ложи. Термин «ложа» произошел от названия тех «подсобок», которые гильдии каменщиков строили напротив воздвигаемых соборов. Во время зимы, когда работы по строительству прекращались, они жили в этих «ложах».

Современное франкмасонство ведет свою родословную от первых четырех английских лож, объединившихся в единое «послушание» в июне 1717 года. Во Франции первая «Ложа святого Фомы» появилась в 1730 году. Ложи вскоре покрыли всю Францию. Если в 1740 году их было уже 10 в Париже и 15 в провинции, то к 1789-му, году Великой французской революции, около 1000 лож объединяли уже 30 тысяч масонов. Они и были ударной силой той революции. По сей день созданные в XVIII веке ложи существуют. Среди них наиболее влиятелен основанный в 1733 году «Великий Восток Франции» (ВВФ) (*фр.* «Grand Orient de France»). Это самое старое масонское послушание Франции и старейшее в континентальной Европе (35 тысяч членов в декабре 1991 года, сосредоточенных в 500 ложах). Затем идет «Великая ложа Франции» (ВЛФ), где примерно 21 тысяча членов в 470 ложах шотландского обряда.

«Великая национальная ложа Франции» (ВЛНФ) – единственная из французских лож, признанная англосаксонским религиозным масонством, насчитывает примерно 15 тысяч членов в 620 ложах.

«Международный смешанный масонский орден “Права человека”» (Париж), «Великая женская ложа Франции», «Великая ложа традиционная и символическая» и другие объединяют в своих рядах еще примерно 30–40 тысяч человек.

Существует еще ряд разновидностей (обрядов) масонства, которые во Франции, да и в других странах, куда менее популярны. Это «Рыцарское масонство» – то есть франкмасонство, в которое посвящают в командорствах или масонских рыцарских орденах.

Ложа «Мемфис-Мицраим» («Восточный устав Мемфиса») появилась в 1838 году в Брюсселе с учреждением Жаком Этьеном Маркони де Негром «Великой ложи Озириса» на базе мистических древнеегипетских мистерий. От нее пошло масонское движение розенкрейцеров, к которому принадлежал Н. К. Рерих. Одно время восточный обряд «Мемфиса» имел 97 степеней посвящения, но это количество позднее было сокращено до 33, а сама организация переименована в «Древний изначальный устав». В 1854–1856 годах орден был завезен в Америку. В 1872 году – в Англию, где он слился с «Восточным орденом храма». В 1875 году орден сливается также с «Уставом Мисраима» (Мицраим – Египет на иврите), одной из немногих уцелевших ветвей так называемого египетского масонства, которое основал великий проходимец Калиостро, известный своими похождениями даже в России. Кстати, в наши дни ложа «Мемфис-Мицраим» в России возрождена. Ирландскими масонами в Англии в 1751 году была создана «Великая ложа древних». Существуют даже «классовые ложи», состоящие из представителей одной профессии. Их много в Англии и Ирландии и так далее. Все это организационное масонотворчество с обращением к практике тайных обществ древних египтян, греков и персов имело под собой сугубо практическую основу – шла борьба за клиентуру, за богатых спонсоров масонского движения, без поддержки которых масоны, конечно, не продержались бы столько сотен лет.

По разным данным в мире сейчас – это официальная цифра самих масонов – до 14 млн членов масонских лож. Наиболее открыто они действуют в англоговорящих, протестантских странах. Наиболее популярны и влиятельны – в США (около 5 млн членов) и Англии (около 1 млн чле-

нов). В основном они объединяют людей состоятельных, влиятельных в обществе и в мире, элиту современной буржуазии.

*Париж. Штаб-квартира масонского ордена «Великий Восток Франции».
У штандарта ордена – В. Большаков рядом с великим магистром ордена Рагашем.*

...Миловидная секретарша разливает по чашечкам кофе. И не будь здесь штандарта на стене с надписью «Великий Восток Франции» и треугольника, из которого смотрит глаз, могло бы показаться, что я беру интервью у директора какой-нибудь фирмы, а не у председателя совета ордена, как официально именуют великого магистра.

Итак, мой первый вопрос:

– *Правда ли, что ложа «Великий Восток» открывает свои филиалы в странах Восточной Европы и в СНГ, в том числе в России, после того как там с коммунизмом покончено?*

– Да, это правда, – отвечает мэтр Рагаш. – Мы открываем заново свои масонские ложи по всей Центральной и Восточной Европе. Более конкретно – в Чехословакии, Венгрии, Польше и в России...

– *Есть ли между ними разница?*

– Различны в первую очередь условия функционирования. Эти различия определяются не только тем, что в одном случае масонские ложи были запрещены с 1922 года, как в СССР, а в другом – после гитлеровской оккупации и затем снова в 1946–1948 годах, как в Восточной Европе. Но и тем также, насколько в этих странах была развита демократия. Среди всех выделяется Чехословакия. Там были наиболее благоприятные условия, и мы очень быстро там внедрились.

В Венгрии внедрение проходило почти так же, как в Чехословакии, но вот с Польшей было сложнее, ибо там сильно влияние Католической церкви, развиты антимазонизм и антисемитизм. Тем не менее и там условия оказались достаточно благоприятными...

Великий магистр говорит о «внедрении» масонов к нам в страну как о чем-то само собой разумеющемся, как бы рассуждая сам с собой:

– В России и Белоруссии мы приняли меры предосторожности. При внедрении организации в страну, где она была запрещена столько лет, неизбежен риск...

Мы установили здесь, в Париже, контакт с первым секретарем посольства СССР господином Рубинским, который сказал нам, что возможность восстановить франкмасонство в Советском Союзе, без всякого сомнения, существует. Но он также сказал, что есть и определенный риск. Ведь уже тогда существовало весьма сильное антимазонское движение в СССР, например «Память».

– *Но вы, судя по всему, риска не убоялись?*

– Нет. Мы приступили к посвящению русских братьев, которым предстояло стать рабочей группой по внедрению ложи в районе Москвы.

Почему мы говорим «в районе Москвы»? Потому что все надо было делать с большой долей скрытности...

Тогда, в 1992 году, на мой вопрос *«Много ли в России ваших братьев?»* великий магистр Рагаш мне ответил:

— Очень мало, как, впрочем, и в Восточной, и в Центральной Европе. Франкмасонство — это не массовая организация. Это организация, которая вбирает в себя своих членов одного за другим методом кооптации. Если бы все в России, скажем, развивалось как в других странах, то, возможно, там было бы сейчас 20–30 тысяч масонов, три-пять масонских послушания. Но известно, что произошло. И до недавнего времени на всю Россию имелся в наличии всего-навсего один масон...

— *Вы шутите?*

— Да нет. Действительно один. Можете представить, какую он нес ответственность!

— *Давайте вернемся, господин великий магистр, к этому посвященному русскому. Для того чтобы стать франкмасоном, ему нужно было получить рекомендацию. И, наверное, не одну, пройти кандидатский стаж...*

— У нас это не совсем так. Просто был один француз, франкмасон, у которого был друг — русский. Вот он ему, русскому, и предложил пройти посвящение во франкмасоны. Что и было сделано в Париже.

— *А откуда взялись другие «русские масоны» из вашей рабочей группы «в районе Москвы»?*

— У того русского, что был посвящен в Париже, были тоже русские друзья. Он рекомендовал еще одного, тот еще одного и так далее. И так нам удалось добиться постепенно роста контингента русских масонов.

...О том, как возрождали «Великий Восток» в России, теперь уже многое известно. Тем самым первым гражданином СССР, посвященным 4 декабря 1990 года сразу в третью степень мастера в одной из парижских

лож ВВФ («L'Ouvre Fraternel»), был москвич, философ по образованию Г. Б. Дергачев. Инициатива исходила от самого Дергачева – он действительно попросил своего французского друга-масона ему посодействовать. Так же приобщили к масонству еще несколько человек, которые начали активно вербовать новых кандидатов в масонство среди своих друзей и знакомых. В результате, когда представительная делегация «Великого Востока Франции» (отставной полковник французской армии А. В. Липский, историк А. Комб и другие) прибыла в апреле 1991 года в Москву, ей было представлено еще пять москвичей, жаждущих посвящения. Состоялось оно 28 апреля 1991 года в Подмоскowie. Набрав, таким образом, необходимые семь человек, парижские эмиссары ВВФ и открыли ложу «Северная звезда». Возглавил ее, естественно, Дергачев. Регулярная работа ложи наладилась несколько позже – в ноябре 1991 года. Ровно через год после открытия «Северной звезды», в апреле 1992 года, опять же в Москве была открыта еще одна ложа «Великого Востока Франции» – «Свободная Россия». На ее открытии присутствовал мой собеседник Жак Робер Рагаш. Через год, 11 июля 1993 года, в Москве были учреждены еще две ложи «Великого Востока Франции»: «Северные братья» и «Девять муз». Но на этом «внедрение» остановилось. В 1992 году достопочтимый мастер «Северной звезды» Дергачев переметнулся в «Великую национальную ложу Франции». И дело тут было не в идеалах или различиях обрядов. Просто в ВНЛФ больше платили. На рю Кадет не потерпели такого ренегатства и в 1996 году приняли решение закрыть (на время, конечно) все свои ложи в России. Однако уже в 1997 году была открыта мастерская этого союза – «Москва». Получила разрешение в 1998 году на возобновление своих работ и прикрытая ранее парижскими «братьями» ложа «Северная звезда» (Москва), и масонская ложа «Воскресение» в Санкт-Петербурге...

– Я понимаю, что вы не назовете точную цифру, но все же, сколько их сейчас – сотни, тысячи?

– Раздувание числа масонов – это обычная выдумка по поводу «вездесущих» франкмасонов. Это неотъемлемый элемент всех антимасон-

ских мифов. В некоторых материалах французской печати о возрождении масонства в странах Восточной и Центральной Европы эти мифы так или иначе присутствуют. Можно подумать, что речь идет о некоем крестовом походе многотысячных масонских когорт на Восток. На самом же деле масонов в бывших социалистических странах Восточной и Центральной Европы, включая Россию, всего несколько десятков. И даже если бы их были сотни, то что с того?

– *Все же деятельность масонов окружена глубокой тайной. Вот у нас вы, хотя и по понятным причинам, предпочли действовать с большой осторожностью на первых порах. Скажите, работа в подполье – это принцип франкмасонства либо вы уходите туда, в частности в России, по соображениям безопасности?*

– У франкмасонов подполья нет, – парирует Рагаш. – Там, где это возможно, они заявляют о себе официально. Если в стране разрешены ассоциации, то франкмасоны заявляют о себе как об ассоциации. Так мы поступили в Венгрии, Чехословакии, в России, в Польше. Могу сказать только, что процесс это нелегкий. Ведь в бывших социалистических странах Европы существовали тоталитарные режимы, которые и настраивали людей соответственно. Поди там подойди к кому-либо и скажи: позвольте представиться, я – масон. Здесь к масонам отношение иное. Во Франции мы существуем совершенно официально, число наших членов известно. То же самое в Англии, США, других англосаксонских странах, где масонство действует совершенно открыто. Все зависит от отношения государства, от качества государства. Мы были в подполье только в период с 1940 по 1945 год. По понятным причинам – фашизм повсюду в Европе преследовал масонов. Франкмасоны, конечно, и в России хотели бы чувствовать себя в безопасности. Не опасаться преследований ни со стороны государства, ни со стороны организаций типа «Памяти»...

– *В последнее время у нас в России появились различные публикации, авторы которых утверждают, что Февральская революция*

и Октябрьская 1917 года готовились масонами. Что вы можете сказать по этому поводу?

– В том, что касается Февральской революции, то это была революция буржуазная, и действительно, масоны в правительстве Керенского были. Но когда пишут, что оно было на 98 % составлено из масонов, то это явное преувеличение. Авторы таких утверждений просто не умеют считать. У Керенского было всего пять министров-масонов. И тем не менее говорить о том, что Февральская революция – результат масонского заговора, мягко говоря, ненаучно, потому что русское масонство в основном представляло аристократию, офицерство. Для этого достаточно побывать на масонском кладбище в Санкт-Петербурге. Великолепное, кстати, кладбище. Но были масоны и среди либеральной буржуазии. Сама по себе буржуазия в России не была однородной, ибо в ее среде шла, как и повсюду, борьба между славянофилами и западниками, либералами. Тем не менее я не погрешу против истины, если скажу, что Февральская революция могла быть в определенной мере вдохновлена идеями масонства. Что же касается Октябрьской революции... Тут у меня весьма скептическое отношение к утверждениям о влиянии на нее масонов. Тем более что мы знаем о последствиях этой революции. Масонство в России было запрещено сразу же после того, как Троцкий выступил со своей известной антимасонской речью. (Имеется в виду заявление Л. Троцкого на Четвертом конгрессе Интернационала: «Соккрытие кем-либо своей принадлежности к франкмасонству будет рассматриваться как проникновение вражеского агента в наши ряды...» – В. Б.) Антимасонизм был вмонтирован в саму идею однопартийной советской системы, не терпящей рядом с собой какой-либо организации, которая бы не зависела от тоталитарного государства и действовала абсолютно свободно. Когда спросили у Хрущева в свое время, нельзя ли будет восстановить в России масонство, он сказал: «Я не намерен запускать вшей себе под рубаху».

- У Горбачева, да и у Ельцина, очевидно, были рубахи другие?
- Насчет рубах не знаю, а вот толерантность у них была.

– Ваши братья действуют теперь в России фактически официально. Какие цели в нашей стране, – спрашиваю я Рагаша, – ставили масоны, готовясь к открытию там отделения вашей ложи?

Магистр подумал немного, потом ответил:

– Какой-то конкретной цели у нас нет. Масонская ложа – это прежде всего свободное пространство для свободной дискуссии. В России, в других в недавнем прошлом коммунистических странах я лично убедился в необходимости свободы дискуссии. Не простой, однако, свободы, а той, что нуждается в организации. Ведь известно, что неорганизованная, анархическая свобода как во Франции, так и в других странах, включая Россию, в конечном итоге приводила ко всеуничтожающему взрыву. Немаловажное значение в таких странах, где в результате засилья спецслужб, тоталитаризма во всех его проявлениях люди не привыкли доверять друг другу, имеет то, что масонство – это организация, гарантирующая сохранение тайны. То, что сказано в ложе, не должно быть известно вне ее. Отсюда – доверие участников дискуссии друг к другу. Они могут говорить, ничего и никого не опасаясь. Так, например, во Франции весьма высокопоставленные лица могут выступать в ложе и говорить то, что они думают, правду о действительном положении дел, не оглядываясь на свой официальный пост. И это одно из величайших завоеваний демократии.

– Но надо думать, что это не дискуссии ради дискуссий, если их стремятся сохранить в тайне даже в демократической Франции? В России такая таинственность неизменно породит слух о подготовке масонами захвата власти...

– Франкмасонство не ставит своей задачей захват политической власти. Другое дело, что среди масонов, скажем в России, могут быть люди, которые стремятся к власти. Но это тем не менее не цель масонства. Так же как и революция не его цель. В ложе нашего обряда первоочередная цель – это обсуждение и всесторонний анализ политических, экономических, социальных и других проблем.

– Таким образом, если употребить американский термин, ваша ложа – это своего рода «думающий танк». Какой вы намерены подобрать для него экипаж в России?

– Надо стремиться к тому, чтобы среди тех, кого мы вербуем в свои ряды, соблюдалось необходимое разнообразие. Нельзя просто кооптировать в ложи интеллектуалов. Нужно следить за тем, чтобы в наших дискуссиях участвовали представители всех слоев общества, различных религий, профессий и т. д.

– В таком случае вам у нас потребуются и демократы, и бывшие партаппаратчики, и новые «совбизнесмены» – нувориши, и бывшие лидеры, и нынешние пассажиры «верхнего эшелона».

– Все это и так, и не так. Я вам приведу пример Чехословакии. Чехословацкое масонство создавалось вот здесь. В комнате напротив моей. Поначалу был всего один брат-чех. Так вот, он получил 1200 заявлений с просьбой о вступлении в масоны. Сейчас в Чехословакии всего около сотни масонов. Потому что прежде чем кооптировать кого-либо в ложу, ведется весьма внимательное изучение кандидатов, их персональных досье. Мы не стремимся при этом завлечь в ложу кого-либо с положением, с особым влиянием. Напротив. Важны качество кандидата и та мотивировка, которую он выдвигает, обращаясь с просьбой о вступлении в наше братство. У того, кто заявляет, что хочет вступить в масоны, чтобы преуспеть в жизни, стать, к примеру, министром, шансы на посвящение равны нулю. Не больше их и у того, кто хочет через масонство осуществить свои ниспровергательские идеи.

– Ну, а как вы отнесетесь к тем, кто еще вчера уверял всех, что верит в коммунистические идеи, а сегодня заявляет, что в них разочаровался и теперь свято верит в идеи масонов?

– С исчезновением коммунизма появление таких персонажей неизбежно, и это можно только приветствовать. В конце концов, масонство – это, прежде всего, школа мысли. Там учат мыслить свободно, общаться

с людьми свободомыслящими. Не существует какой-либо масонской идеологии. Существует лишь свободная дискуссия и обучение умению ее вести. Поэтому нет и не может быть никакой масонской партии, никому не придет в голову мысль ее создать, и заметьте, что возрождение масонства в странах Восточной и Центральной Европы происходит весьма медленно, ибо все пришлось начинать с нуля.

– *Неужели никакого наследия не осталось?*

– Никакого. Те, кто были масонами до революции, почти все уже умерли. В России никого не осталось. В Чехословакии 25 человек. В Польше и Венгрии – считанные единицы. Все практически пришлось начинать с нуля.

Масоны у себя дома

Богатый парижский пригород Нейли. Если у человека на банковском чеке указано, что он проживает в Нейли, документов у него никто не спрашивает: этот адрес – уже солидная рекомендация. В свое время мэром Нейли (до 2002) был правый голлист Николя Саркози, венгерский еврей по происхождению. В 2007 году он стал президентом Франции. Накануне президентских выборов 2012 года великий магистр «Великой национальной ложи Франции» Франсуа Стифани, который возглавил ее за четыре года до этого, заявил, что 43 тысячи франкмасонов его ложи находятся в полном распоряжении Николя Саркози. Это вызвало массовые протесты членов ложи, которые устроили манифестацию в парижском пригороде Левалуа-Перре. Около 800 масонов шотландского обряда потребовали немедленной отставки Стифани, который, как они посчитали, «грубейшим образом нарушил устав тайного общества, выразив беспрекословную преданность президенту Саркози в самый разгар предвыборной кампании». Конечно, Стифани подпортил имидж ВНЛФ, которая провозглашает себя нейтральной в политике и открытой для всех партий.

«Великая национальная ложа Франции», к которой теперь принадлежит первопроходец советского масонства Дергачев, прописана именно в Нейли, на бульваре Бино, дом 65. В уютном дворе, который с улицы не виден, стоят несколько машин. По одному их виду и маркам можно сказать, что владельцы их люди далеко не бедные. «В.Н.Л.Ф.», – вот и вся вывеска при входе в ложу. На проходной, где никаких служителей не было, на стенах висели американские масонские календари и поздравительные открытки, напоминая о недавнем Рождестве. Я подождал немного, спросил, есть ли кто-нибудь на охране, но, не дождавшись ответа, вошел в вестибюль.

У масонов было какое-то собрание. Несколько седовласых джентльменов, переходя от одной группки к другой, что-то вполголоса обсуждали. На меня никто не обратил внимания, пока я не спросил, где мне найти господина великого секретаря. Старенький масон с тщательно зализанным пробором и в бабочке вызвался меня проводить. Господин Трестурнель (а это и был великий секретарь «Великой национальной ложи Франции») уже ждал меня в своем кабинете, добрую половину которого занимал черный письменный стол, заваленный газетами, письмами и телеграммами. Трестурнель – масон в шестом поколении. К моменту нашей встречи он занимал свой пост уже около 20 лет и в Европе среди великих секретарей был дуайеном, то есть старейшим. Я знал, что в масонских ложах с «профанами» предпочитают, когда речь заходит об их конкретных задачах, беседовать в манере «“да” и “нет” не говорить». И все же спрашиваю:

– *Каковы задачи Вашей ложи?*

– Мы стремимся к диалогу, к тому, чтобы он шел внутри всех стран. Франция осуществляет свой эксперимент вот уже около 300 лет. Великая идея «свободы, равенства и братства», родившаяся на Французской земле, вышла за ее пределы. Она легла в основу конституции столь великой страны, как США. Все знают, что именно масоны написали конституцию США. Наша ложа занималась созданием масонских лож в Африке. С нашей помощью были созданы независимые ложи, например в Габоне, Береге Сло-

новой Кости, в Того. В Испании после падения режима Франко мы создали «Великую ложу». Почему? Таково было требование исторического момента. Мы заполнили образовавшийся вакуум между крупными феодалами и трудящимися. Франкмасоны занимают свое место в классе буржуазии в руководящей элите. Также и в Иране, создав «Великую ложу Ирана» в 1965 году, мы заняли место в промежутке между муллами и феодалами, в республиканской элите. Но, к сожалению, наша структура исчезла вместе с шахом, когда власть в Иране взяли муллы. Еще одна наша задача – это утверждение братства и солидарности. Во всех крупных гуманитарных организациях неизменно присутствуют масоны. В ЮНЕСКО, в ЮНИСЕФ, в ООН есть масоны, которые прошли подготовку в нашей школе терпимости. Наша задача прежде всего заключается в том, чтобы сформировать масона. Их задача – нести в эти организации дух масонства. Как во Франции. У нас основная ложа здесь, в Нейли, а отделения наши существуют во всех концах страны. Мы очень довольны тем, что имеем своих представителей в Социалистической партии Франции, в партии «Объединения в поддержку республики» (ОПР), в «Союзе за французскую демократию» (СФД) и других партиях (ОПР и СФД были тогда ведущими объединениями правых партий Франции. На их базе Н. Саркози создал свою партию «Союз за народное движение». – В. Б.). Масонская дисциплина позволяет им излучать свет масонских идей, находясь изнутри этих партий...

– *А в компартии Франции у вас есть свои люди? – спросил я великого секретаря. – И удастся ли им излучать свет?*

– Если коммунистам не запрещается быть масонами, то почему бы нет? – ответил он. – Мы не задаем вопроса вступающим в наше братство, принадлежат они к компартии или нет. Насколько я могу судить, это компартии запрещают своим членам вступать в масоны...

– *Расскажите, что привлекает вашу ложу в России.*

– До 1917 года русские масоны были весьма важным элементом мирового масонства. Масонство отвечает национальному характеру русских. А славянской душе понятны те метафизические и мистические поиски, кото-

рым привержено франкмасонство. Мы можем судить об этом, потому что унаследовали от русских масонов после революции большое количество документов. И мы их сохранили. К тому же в Париже по сей день действует масонская ложа, где говорят только по-русски. Она здесь утвердилась, и мы многое от нее переняли. После Октябрьской революции сюда много прибыло масонов из России, в том числе и те, которые были на стороне революционеров. Об этом периоде рассказывают их многочисленные мемуары.

– *Говорят, вы уже открыли ложу в России. Где – в Москве или в Санкт-Петербурге?*

– Да, открыли в Москве 14 января 1992 года.

– *Это было сделано официально или нелегально? – спрашиваю я великого секретаря.*

– Мы нелегально не действуем, – уверенно отвечает он. – Наши русские братья обратились к вашему правительству и получили официальное разрешение (речь, очевидно, шла все же о разрешении тогдашнего правительства Москвы. – В. Б.). Нет-нет, мы никогда не прячемся по подпольям, мы не хотим, чтобы нас обвинили в разного рода «заговорах»...

– *Но вот так, если посмотреть со стороны, – у вас действует здесь в Париже русская ложа, вы открываете теперь свой филиал в Москве. Это ведь не всякий воспримет как шахматный клуб или ассоциацию филуменистов...*

– Мы никому ничего не навязываем, в идеале должно быть в стране три ложи, чтобы они, соединившись, создали великую национальную ложу и получили самостоятельность. Мы как раз и помогаем создать эти искомые три ложи. После этого мы остаемся лишь на роли крестных отцов, принимаем над новыми ложами шефство...

– *Есть какие-то высшие органы ложи, которые это определяют, признают или не признают национальные ложи, дают им право на самостоятельность?*

– Да. Для того чтобы обеспечить наше шефство, необходимо представить в соответствующие органы три ложи, которые просят дать им статус самостоятельной национальной великой ложи. Так, в Соединенных Штатах действует комиссия по признанию. В Северном полушарии у нас существует 51 ложа в США, 14 в Канаде и 14 в Мексике. Наше европейское отделение имеет такой же порядок. У нас проходит ежегодный великий европейский секретариат. И на этот совет мы представляем те ложи, которые добиваются самостоятельности.

– *Для создания одной ложи сколько нужно посвященных масонов?*

– Семь масонов в ранге мастера.

– *Ну, а откуда же они взялись, скажем, в России? Ведь мастером сразу не становятся. Масон проходит сначала стадию ученика, потом подмастерья. А уже только потом – мастера. На это, наверное, требуется время.*

– Конечно. Но есть исключения...

– *А тогда где вы посвящали и обучали тех русских масонов, которые 14 января 1992 года открывали свою ложу в Москве?*

– Здесь. Они приезжали, жили здесь некоторое время, потом уезжали, потом опять приезжали...

– *Это в советские-то времена? В СССР не смогли бы воспринимать это иначе, как нелегальщину чистой воды. А вы говорите, что никогда не действуете нелегально.*

– Конечно, не действуем. Ваши профаны, то есть непосвященные, приходили к нам сами во Франции, мы их не искали в России. Разве нам следовало их выставить за дверь только потому, что масонство не нравилось вашим тогдашним властям? Мы их принимали по их просьбе. И обучали. И теперь их около 20 человек. Они и сформировали эту ложу. Из русских. Из тех, что живут здесь во Франции, и из тех, что там, в России.

Они уже там. Они будут работать, принимать в свои ряды новых членов, посвящать профанов мало-помалу. Со временем они создадут вторую, а там и третью ложу. Это – цель.

– *У вас есть официальный представитель в Москве?*

– Да.

– *Вы можете назвать имя и фамилию этого господина?*

– Нет. Если только он сам захочет объявить об этом во всеуслышание, я тут же буду об этом знать и тогда назову его имя всем, кто заинтересуется.

...Теперь-то мы можем назвать фамилию этого господина и рассказать, что той первой ложей ВНЛФ, учрежденной в Москве 14 января 1992 года специально прибывшей из Нейли делегацией, была «Гармония». Ее возглавили А. А. Римский-Корсаков (первый страж), В. С. Шидловский (второй страж) и уже известный нам Г. Б. Дергачев (достопочтимый мастер). В тот же день (в такую оперативность даже не верится!) эта ложа была зарегистрирована в Московском управлении юстиции.

7 сентября 1992 года в Москву прибыла новая делегация «Великой национальной ложи Франции» из семи человек во главе с С. В. Гардером. Она произвела ревизию состояния дел с организацией масонства в России и инсталлировала уже известную нам ложу «Гармония» в качестве официальной ложи союза «Великой национальной ложи Франции» под номером 698. В ходе этого визита в Москве получили посвящение сразу 12 русских «братьев»...

...Трестурнель, конечно, не мог тогда мне рассказать в деталях о тщательно скрывавшихся от нас, профанов, масонских операциях по внедрению в Россию. Но он все же постарался быть максимально любезным и прозрачным. Уже в конце нашей беседы он посмотрел на меня своими большими навывкате глазами и, слегка наклонив голову вбок, что при-

дало ему еще большее сходство с хорошо откормленным чистопородным «боксером», неожиданно сказал:

– Пойдемте со мной. На экскурсию.

Мы вышли из его кабинета в коридор. Никогда я не видел столько масонов сразу. Трестурнель знал всех, и все знали его. Как рабочая лошадка ложи, он был в курсе всего, что касается ее хозяйства, и готов был ответить на любой вопрос. Я едва поспевал за ним. Он подошел к двери, на которой был прикреплен какой-то непонятный мне знак, и приоткрыл ее.

– Вот, – сказал он. – Смотрите, что делают масоны за закрытыми дверями.

Я заглянул внутрь: в помещении, чем-то напоминающем молельный дом, вдоль стен стояли длинные деревянные скамьи наподобие тех, что ставят у алтаря в готических храмах. Сразу бросился в глаза масонский треугольник с глазом, от которого, как накладные ресницы, шли в разные стороны лучи. Видимо, масонские «храмы» устраиваются наподобие первых средневековых лож франкмасонов. На скамьях сидели вполне современные люди и что-то обсуждали. На звук один из них обернулся. Больше никто не прореагировал. Они были у себя дома. Трестурнель махнул им рукой, и «ателье» продолжило свое заседание.

– *Что они все-таки делают?* – спросил я моего гида.

– Дискутируют, – искренне ответил Трестурнель.

Мне оставалось только сказать многозначительное: «А-а-а!»

Но я не сказал. И хотя я был готов голову дать на отсечение, что Трестурнель мне никогда не скажет ничего конкретного по поводу масонских дискуссий, я все же решил попробовать еще раз:

– *Ну а что все-таки обсуждается в той ложе, куда мы с вами заглянули?*

– Мы стремимся всячески избежать конфликтных ситуаций, – ответил он со знанием дела. – Мы за диалог. Каждый, кто обладает терпимостью по отношению ко взглядам других, может прийти к нам и изложить свой взгляд на мир. Если с ним согласятся, то его точку зрения примут,

если нет, ему предложат контраргументы. И тогда, возможно, он откажется от своих заблуждений, изменит свои взгляды. Это цель дискуссии.

Мимо. Так я и знал. Понятие «профан» (профан – немасон, от *лат.* *pro* – «перед» и *fanum* – «храм», то есть не получивший доступа в храм, непосвященный) они воспринимают буквально. Экскурсия продолжалась...

Трестурнель успел мне показать еще пару пустых «храмов», каждый из которых, как он пояснил, в соответствии с расписанием и необходимостью отводится для занятий братьев усовершенствованием человечества. По дороге к нам присоединился масон-доброволец, который разъяснил мне, почему у каждого храма стояла деревянная стойка с воткнутыми в нее бутафорскими шпагами, символизирующими равенство: «Это для ритуалов». Шпаги, видимо, часто бывали в употреблении, потому что у одной из них ручка была наполовину отломана у самого эфеса. В середине каждого храма в рост человека на полу лежала уже знакомая мне дорожка с шахматными черно-белыми клетками, а вдоль нее стояли на высоких канделябрах свечи.

– *Это для чего?* – спросил я. И оба масона мне ответили в голос:

– Для ритуалов.

На прощание я сфотографировал одного из них в храме с мечом, и мы вернулись в кабинет Трестурнеля. Великий секретарь буквально сиял оттого, что столь наглядно доказал мне открытость и прозрачность своей логики.

– Как видите, – сказал он, – мы во Франции от прессы не прячемся. А за рубежом... У меня есть принцип. Каждый раз, когда мы открывали где-нибудь новую великую национальную ложу, скажем в Африке, я приглашал в то здание, где располагалась ложа, представителя национальной полиции. Он мог судить поэтому о том, что видел своими глазами. Ему показывали все, кроме ритуалов.

– *Значит, они секретные.*

– Нет.

– *Но раз секрета нет, то могу я, например, как журналист наблюдать ваши ритуалы, церемонию посвящения в масоны?*

– Нет. И это не потому, что мы все хотим сохранить в секрете. Это наше право быть среди своих. Возможно, для вас это анахронизм. Но если вы как журналист все же хотите увидеть ритуалы и обряды «Великой национальной ложи Франции», то вам для этого необходимо самому пройти обряд посвящения.

– *То есть стать масоном?*

– Да, конечно.

– *Спасибо. Я пока еще не готов.*

Трестурнель заулыбался, как коммивояжер, демонстрирующий своими собственными зубами преимущества продаваемой им зубной пасты, и сказал:

– Я вам гарантирую, что дверь у нас была бы всегда открыта и для вас. И вот тогда, посмотрев все своими глазами, вы смогли бы нас покинуть и написать о наших ритуалах.

– *Вы говорите «покинуть»? Разве можно вот так запросто сначала вступить в масоны, а потом выйти?*

– Выйти можно из ложи. В масоны посвящают пожизненно.

– *Какая все же у вас цель в России?*

– Облегчить диалог с теми русскими, которые этого хотят. И этот диалог позволит этим русским открыть двери в мировое масонство. Они найдут своих братьев в США, в Японии, в Англии, в других странах Европы. Масонство существует всюду. Это в практическом плане очень полезно.

– *Поясните, пожалуйста, мне, профану, я как-то не совсем понял: чем может быть полезен, скажем, японский масон московскому?*

– Ну, например, в России открылась ложа, к которой может принадлежать и японский бизнесмен. Некоторые наши братья, которые обладают возможностями вложения капитала, уже работают в России.

– *Понял, не дурак*, – пробормотал я про себя. На всякий случай по-русски. Оказывается, принцип «ты мне – я тебе» – масонский. А мы-то мучились в России над тем, как наладить торговлю с японцами, не отдавая им Курильские острова...

Ложа «Пушкин»

17-й аррондисман Парижа. Здесь, неподалеку от знаменитого Монмартра и не менее знаменитого кабаре «Мулен Руж», где «девочки танцуют голыми» знаменитый канкан, расположена маленькая улица Пюто, где в доме номер 9 у меня должна была состояться встреча с великим магистром «Великой Ложи Франции» господином Мишелем Бара. Из этой ложи мне так и объяснили, как туда проехать: «Это рядом с “Мулен Руж”». Мне как-то неудобно было сказать, что я в этом районе бывал не раз. О нас, русских, у французов все же довольно академическое представление. Я ехал туда из центра. И по привычке, чтобы попасть на бульвар Батиньоль, на который выходит Rue Puto, выскочил через Ru Moscou (улицу Москвы) на Rue Sanct-Peterbourg, бывшую Rue Leningrad.

По ассоциации мне вспомнилось, что масонское движение в России и Санкт-Петербург связаны неразрывно. Именно там была создана знаменитая ложа «Полярная звезда». Теперь она восстановлена в Москве. Вместе с ней открылась ложа «Новиков» по имени российского перво-масона. Осведомленные люди говорят, что свои «ателье» эти ложи открыли уже и в Санкт-Петербурге. За всем этим стояла «Великая ложа Франции». Как правило, и в России, как и в других странах Восточной Европы, она действует в полном соответствии с соглашением с «Великим Востоком» о «гармонизации» деятельности их подопечных лож. У ВВФ такие подопечные ко времени нашей встречи с г-ном Бара уже

были, хотя «Великий Восток России» появится на масонской карте России только летом 1992 года.

...Вот и Rue Puto. В отличие от «Великой национальной ложи» здесь нет даже вывески с аббревиатурой «В.Н.Л.». Просто нет никакой вывески. Только номер дома. И вновь у меня возникает тот же самый вопрос, который я задавал господину Трестурнелю, а до него – великому магистру «Великого Востока» Рагашу: «Чего вы боитесь в демократической Франции, где вас защищают все законы, все полицейские и прочие силы?»

...Секретарша господина Бара проводит меня на второй этаж в уютный холл, где мне велено подождать. Меня позовут. Ознакомившись с гравюрами на стенах, на которых изображена старинная церемония посвящения в масоны, усаживаюсь в кресло в уголке.

...Открылась дверь, и на пороге появился человек лет сорока пяти с всклоченной кудрявой шевелюрой и фигурой любителя французской гастрономии. Это и был великий магистр «Великой ложи Франции» Мишель Бара.

Я сразу же решил продолжить с ним обсуждение той темы, которую поднял в разговоре с шефом «Великого Востока».

– Скажите, а почему у вас на дверях нет вывески вашей ложи? Не написано ничего, только номер дома. Вы боитесь чего-нибудь?

– Да нет, мы не прячемся. В справочниках Парижа наш адрес указан. Мое имя тоже указано вместе с официальной должностью. Мы принимали здесь даже французское телевидение. Однако мы знаем, что во Франции существует сильное антимасонское движение. Оно напрямую связано с французскими крайне правыми. Они считают масонов своими врагами. Крайне правые враждебны к республиканским идеям, и сам девиз «Великой ложи Франции» «Свобода. Равенство. Братство» им тоже не нравится.

– Но это девиз и Пятой Французской республики.

– Правильно. Они и ее ненавидят. И не случайно во время войны и оккупации вот здесь, в нашем здании, захваченном вишистами, обо-

сновалась «Антимасонская лига» правительства Виши. Нам вернули это здание только после освобождения Парижа. В традициях крайне правых антисемитизм и антимасонизм весьма устойчивы. Как у «Памяти». Это – близнецы наших правых экстремистов (в те годы само название общества «Память», ныне практически не существующего в России, у всех масонов и сионистов служило своего рода подтверждением существования антисемитизма в России. – В. Б.).

– *А что, в вашей ложе есть евреи?*

– У нас все есть. И евреи, и мусульмане, и христиане, и белые, и черные, и желтые. Я уже не говорю о разнообразии политических партий.

– *В социальном плане кто входит в вашу ложу?*

– У нас есть очень высококвалифицированные рабочие, есть преподаватели – как школьные, так и университетские, люди свободных профессий.

– *То есть в основном интеллигенция.*

– Да, но та, у которой есть склонность к преподаванию и познанию...

– *А в плане политическом?*

– Демократы, республиканцы. Но для нас неважно, кто в какую партию входит. Мы не примем только тех, кто враждебен идее демократии. В настоящий момент в ложе нет членов «Национального фронта».

– *Какая разница между «Великой ложей Франции», «Великим Востоком» и «Великой национальной ложей Франции»?*

– Это разница между масонскими обрядами. Они интернациональны. «Великий Восток» ориентируется главным образом на гуманистические ценности. В этой ложе, светской по своему характеру, отказались от каких-либо ссылок на Великого Архитектора Вселенной. Другое направление – исключительно духовное. Для него обязательно признание Великого Архитектора как исповедуемого Бога. Третье направление – среднее.

Это масонство шотландского обряда в нашем словаре. Это и есть «Великая ложа Франции». Мы за два начала – духовное и, естественно, гуманистическое. Одного без другого нет. Мы считаем, что признание Великого Архитектора Вселенной обязательно, но члены ложи вольны интерпретировать это понятие в соответствии со своими представлениями – либо как Бога Творца для верующих, либо как Человечество с большой буквы для тех наших братьев, которые не религиозны. Мы стремимся сохранить масонство своего типа – либеральное и вместе с тем духовное, которое существовало в XVIII веке. Поэтому у нас много времени уделяется изучению духовных проблем, символов и истории. В плане философском это размышления о современности.

– *О том, что происходит в ложах, братьям полагается молчать?*

– Каждый, кто входит в ложу, может сказать: «Я состою в “Великой ложе Франции”». Но он не имеет права сказать то же самое, допустим, о господине Икс. И у нас есть правило: заявления для внешнего мира делаются только от имени ложи ее официально уполномоченными представителями.

– *Можно ли, вступив в вашу ложу, покинуть ее?*

– Совершенно свободно.

– *А как в вашу ложу вступают?*

– Как и в других обрядах, есть два пути. Первый – это получить приглашение от кого-либо из тех, кто уже стал масоном. Второй – это когда нас находят в результате знакомства с книгами о нашей ложе, о масонах вообще. Тогда мы посещаем человека, выразившего желание стать масоном, либо на дому, либо на работе и изучаем, насколько он серьезен в своем желании.

– *«Великая ложа Франции» – организация национальная либо международная?*

– ВЛФ в своем уставе и в своей конституции зафиксировала как один из принципов своей деятельности – не создавать зависящие от нее масонские ложи на территориях, не принадлежащих Франции. Это принцип уважения национального суверенитета. Но у «Великой ложи Франции» есть международное призвание – она поддерживает дружеские и братские отношения с зарубежными ложами шотландского обряда. Это также отличает ее и от «Великого Востока», и от ВНЛФ.

...Больше всего меня, конечно, интересовала система подготовки российских масонов. Тем более что готовили их именно в этих стенах, в доме номер 9 по улице Пюто. Именно отсюда в августе 1991 года уходили в Москву две машины, нагруженные всем необходимым для масонских лож. Тут были и канделябры со свечками, и треугольники с глазами, и запоны (фартуки), и мастерки, и мечи... В общем, вся масонская экипировка. Грузовики эти въехали в Москву по Минскому шоссе вместе с танками 19 августа, как раз в тот день, когда ГКЧП взял власть в свои руки, блокировав Горбачева в Форосе. И пока эмиссары «Великой ложи» не убедились, что путч окончательно провалился, российские «братья» прятали их на одной из подмосковных дач со всем их масонским реквизитом.

Я еще раздумывал над тем, как бы вывести великого магистра на разговор на эту тему, как он, будто угадав мои мысли, сказал:

– Например, в том, что касается России, других стран Восточной Европы, мы не создаем там филиалов «Великой ложи Франции». Мы помогаем нашим русским, венгерским и словацким друзьям создать свое масонство.

– В еженедельнике «Экспресс» написано, что в рамках «Великой ложи Франции» годами существовала ложа по имени «Пушкин». Так ли это?

– Да. Это так. Ложа «Пушкин» существует и по сей день. В нее входят те члены ВЛФ, которые по происхождению славяне, необязательно русские, но и славяне из других стран Восточной и Центральной Европы. И они сами решили выбрать для своей ложи отличительное название

и остановили свой выбор на знаменитом русском масоне Пушкине. В нее входят далеко не одни престарелые масоны. Иначе говоря, необязательно те, кто приехал во Францию до 1917 года или вскоре после.

– *Означает ли это, что «Пушкин» начал действовать сразу после Октябрьской революции?*

– Нет. Эта ложа была создана только в 1990 году.

– *А почему все же ее создали?*

– В нее вошли братья из различных лож, объединенных в рамках ВЛФ. Их соединило не только славянское происхождение, но и желание работать вместе, практиковаться в языках восточноевропейских стран, включая русский. И, конечно, они думали, что со временем смогут – а это время, как видите, пришло – принести пользу. В том числе в России.

– *Не был ли «Пушкин» своего рода школой по подготовке масонов?*

– Нет, у нас нет школы подготовки кадров. «Великая ложа Франции» – своего рода федерация лож. Мы все вместе собираемся всего один раз в год и, естественно, обмениваемся мнениями. А в остальном... формирование масона происходит внутри ложи – от момента посвящения в ученики до подмастерья, а там и мастера.

– *Проходило ли в вашей ложе посвящение тех, кто сейчас с вашей помощью открыл свою ложу в России?*

– Одного масона русского мы посвящали здесь. Но только одного. Остальных посвящали там, на месте. Что касается других восточноевропейских стран, то мы посвящали оттуда братьев и здесь, в ВЛФ. Например, из Венгрии и Чехословакии.

– *Каким образом вам хватило всего одного посвященного русского масона, чтобы открыть в России ложу, когда для открытия ложи нужно семь мастеров? Где вы взяли остальных шестерых?*

– Послушайте, существует очень простая практика. Нужно семь человек, туда подъедут столько братьев, сколько недостает. Так было и в этом случае. Семь человек выехали в Россию...

– *Это были советские граждане? Или командированные отсюда?*

– Нет. Не советские. Но они поехали туда и начали там работать. И посвятили в масоны нескольких советских граждан. Точнее, русских. После этого, завершив свою миссию, они уехали...

Теперь нам уже известно, что специальная русская ложа – «Александр Сергеевич Пушкин» – была учреждена в Париже во главе с К. В. Мильским. Цель у нее была одна – организация первых масонских лож «Великой ложи Франции» на территории СССР. 22 марта 1991 года Фатима Салказанова, корреспондент радио «Свобода», финансируемого ЦРУ, в серии своих передач призывала граждан СССР, посещающих Париж, устанавливать контакт с масонскими ложами. Она сообщала адрес, по которому советские граждане могли записаться в ложу «Пушкин», – в штаб-квартире «Великой ложи Франции» на рю Пюто, 8, в Париже...

Танки ГКЧП навстречу масонам

Я не стал спрашивать у Бара, какие у него отношения с радиостанцией «Свобода» и ЦРУ. Но все же решил уточнить, действительно ли масоны из его ложи въехали в Москву вместе с танками ГКЧП. Бара об этом совершенно серьезно рассказывает, не сознавая истинной комичности ситуации:

– Да, наши братья действительно выехали в Москву 18 августа 1991 года. Конечно, мы не планировали приехать в Москву накануне путча. Просто дата была выбрана заранее как наиболее подходящая для нас, ибо август – период отпусков. Мы планировали в то время провести посвящение в масоны нашего обряда нескольких тогда еще советских, теперь уже российских граждан.

– В каком масонском ранге были эти господа, угодившие из Парижа прямо в путч?

– В ранге масонов-мастеров.

– А почему вы не могли поехать на такое посвящение, господин великий магистр?

– Великий магистр не имеет права проводить посвящение. Посвящает ложа. Во главе со своим досточтимым мастером.

В нашей беседе принимает участие великий канцлер «Великой ложи Франции» Жильбер Шульсанже. Он в некотором роде ее министр иностранных дел, так как отвечает за все внешние связи «Великой ложи».

Спрашиваю его:

– Не могли бы вы уточнить, почему вы приступили к реализации плана возрождения масонства на Востоке всего два года назад?

– Это не совсем точно два года. Первая реализация состоялась в Венгрии несколько раньше.

– Что такое реализация?

– Посвящение в масоны, помощь в организации ложи в другой стране, ее открытие.

Великий магистр уточняет:

– Вы спросили, почему именно два года назад... Конечно, подготовительная работа началась раньше. Но для конкретных шагов надо было, чтобы созрели соответствующие политические условия. Ведь сталинизм запрещал существование масонства.

– Хрущевизм, брежневизм, андроповизм, черненкоизм – тоже. Да и горбачевизм поначалу...

– Да, вы правы. И поэтому мы долго не рисковали вступать в непосредственный контакт с нашими русскими друзьями. Пока не созданы были нормальные политические условия...

– *Вы вступали в какой-то непосредственный контакт с русскими властями, а ранее с советскими?*

– Нет.

– *Ложя была тем не менее открыта. В подполье или официально?*

– Скажем так: втайне, но официально.

– *То есть?*

– Не было разрекламированной торжественной церемонии. Но не было и запрета. У нас на руках нет никакого заявления этого правительства, которое позволяло бы сказать, что прежде запрещенное масонство заново разрешено. Но гарантированная им свобода собраний и ассоциаций дает нам основание полагать, что мы можем на законном основании помочь нашим русским братьям возродить масонство.

Теперь мы знаем, как проходила в России «реализация» ВЛФ. 30 августа 1991 года на одной из подмосковных дач посланцам «Великой ложи Франции» удалось наконец учредить свою первую ложу «Николай Новиков». В дальнейшем к ней присоединилась еще одна московская ложа – «Лютеция» (основана 30 октября 1993 г.). Была учреждена соответственно (в августе 1994 г.) и петербургская ложа союза «Великой ложи Франции», получившая типично петербургское название – «Сфинкс». Внутренние неурядицы между «братьями» не обошли стороной и мастерские ВЛФ: к 1997 году московская ложа «Лютеция» из-за убыли «братьев» вынуждена была временно прекратить свои работы.

– *Каково, по вашему мнению, будущее русского масонства, ваших русских братьев?*

– На мой взгляд, сложное, – отвечает великий канцлер. – С одной стороны, история масонства в России была относительно краткой. И она была прервана в 1917 году. Весьма немного осталось в живых русских масонов той поры. Все надо начинать заново. Поэтому, прежде всего, необходима

информация. И в первую очередь – предоставление аргументации, способной опровергнуть предрассудки, насаждавшиеся в России в отношении франкмасонства последние семьдесят с лишним лет. В частности, необходимо противостоять той враждебности по отношению к масонству, которую по сей день распространяют экстремистские партии.

– *Они же немногочисленны...*

– Немногочисленны, да, но весьма влиятельны и опасны. Поэтому наша задача сейчас – попытаться серьезно консолидировать ложу в России. Нашим русским братьям при этом мы советуем не гнаться за количеством, а наоборот – ограничивать возможности вступления в ложу, проводить рекрутирование людей надежных и солидных. И это нелегкая задача.

– *Господин великий магистр, а каковы цели ваших русских братьев?*

– Те же, что цели нашей ложи здесь, во Франции. Наша ложа – это союз братьев по убеждениям, готовых работать с открытой душой, в свободном союзе во имя прогресса человечества в сфере духовной, моральной, интеллектуальной и материальной. Именно в такой последовательности.

От всего этого повеяло такой почти большевистской казенщиной, что я с трудом сдержал зевок. Почему все-таки люди, добравшись до высоких постов где бы то ни было, так быстро осваивают *langue de bois*, что в переводе с французского значит «деревянный язык»?.. Я уже вполне приготовился к тому, что великий магистр начнет говорить о выполнении и перевыполнении плана по вербовке масонов на всей территории бывшего СССР. Но решил задать упреждающий вопрос:

– *А в других государствах, входящих в Союз независимых государств, вы также намерены открывать свои ложи?*

– Мы надеемся на это, – ответил Бара. – Мы хотели бы установить такие же отношения с этим сообществом, какие у нас существуют со всеми другими странами Европы.

– *И с республиками Средней Азии тоже?*

– Да. Мы хотели бы надеяться и на это. Замечу, что там, где масонство запрещено, не существует, там либо диктатура, либо тоталитаризм. Так что сам факт существования масонства – это своего рода доказательство существования демократии в стране. История дает тому немало примеров. У вас в стране диктатура была установлена после того, как масонство было запрещено Троцким. В Италии то же самое произошло при Муссолини. В Испании – при Франко. Здесь, во Франции, враги масонов и демократии восторжествовали во время оккупации и вишизма...

Интервью закончено. Я благодарю, и Шульсанже любезно выходит меня проводить. В холле ложи – своеобразный музей. Под стеклами по всем стенам развешаны, словно спортивные вымпелы, масонские фартучки. Под каждым – имя владельца, но это – для посвященных. Тут же ритуальные значки, эмблемы, шпаги. Странно все. Как это совмещается? Высокий интеллект и мистика, XX век и средневековье. Но, впрочем, каждому свое.

«Братья» из России

После моих встреч с масонскими великими магистрами прошел почти год. Никто из них не выступил с какими-либо опровержениями после моих публикаций в «Правде» ни письменно, ни устно. Вряд ли эти мои статьи им понравились, но для масонов было главное, что я ничего не переврал и не выдумал. Такого опыта у них еще не было. Все это время все те три масонские ложи, которые я посетил, регулярно высылали мне приглашения на свои публичные коллоквиумы и семинары, в которых все чаще фигурировали русские фамилии. Судя по изредка попадавшей мне в руки масонской хронике, французские «братья» зачастили с визитами в Россию. А вскоре выяснилось, что такие же челночные поездки из РФ во Францию и обратно практикуют и русские масоны. Оставалось только увидеть хотя бы одного из них живьем.

Шел июль 1993 года. Жаркое солнце нещадно жгло опустевшие на время уик-энда улицы Страсбурга. Редкие туристы ловили в фотообъективы отражения готических храмов в ленивом городском канале. По авеню имени Маршала Фоша медленно катили три рекламных грузовика, призывая жителей Страсбурга посетить продленные, якобы по их просьбе, гастроли бродячего цирка «Редьяр».

У здания Страсбургского университета дорогу мне пересекли два бородача, говорившие между собой по-русски. Я этому не удивился: встреча с соотечественниками здесь теперь не редкость. Однако, увидев, что они направляются туда же, куда и я, – к «Клубу Гете», я понял, что встретил соотечественников непростых. Ведь именно в этом клубе и должна была проходить международная масонская конференция с участием масонов из бывших социалистических стран, включая Россию. Так я впервые увидел настоящих русских, точнее, российских масонов.

Не думайте, что наподобие Шерлока Холмса я выслеживал их по всей Франции. Мне, как и другим моим коллегам, аккредитованным в ту пору в Париже, сообщили об этом необычном форуме совершенно официально из парижской штаб-квартиры масонской ложи «Великий Восток». Более того – столь же официально пригласили на пресс-конференцию в Страсбурге, посвященную итогам встречи западноевропейских и восточноевропейских масонов и их организационному объединению.

Дверь в клуб имени великого немецкого поэта-масона открылась без всяких замков и засовов. Скромный служитель встретил меня приветливо и, просмотрев мое приглашение на бланке «Великого Востока», передал дальше по цепочке. Другой – то ли служитель, то ли охранник – провел меня на второй этаж, где какие-то люди сидели в прокуренном зале, с удовольствием попивая из запотевших бокалов холодное страсбургское пиво. Я уже предвкушал спасение от жажды в кругу поклонников Гете, но дорогу мне вежливо преградила некая мадам очень делового вида, державшая в руках мое приглашение. Пиво, как оказалось, подавали только членам масонского «профсоюза», а нашему пишущему брату, а к тому же «профану», полагалось ожидать, пока господа посвященные выйдут в зал для пресс-конференций. Обо всем этом мадам масонка проинформирова-

ла меня с очаровательной улыбкой, и я спустился в зал, где уже скучали на пару восходящая звезда страсбургской журналистики и шеф местного бюро агентства «Франс-пресс».

Особого интереса к себе масонская конференция у моих столичных коллег, видимо, не вызвала. Из Парижа кроме меня никто не приехал. Да и я, честно говоря, не поехал бы сюда за 500 километров в уик-энд по жаре, но, так как был в командировке поблизости, решил все-таки заглянуть в «Клуб Гете». И не пожалел об этом.

...Масоны с полчаса подождали, но, убедившись в том, что кворума нашей пишущей братии не будет, все-таки оставили свое пиво и приступили к пресс-конференции. Зал заполнился. Среди присутствующих мелькнул недавний великий магистр «Великого Востока» месье Рагаш и кое-кто из масонского руководства, известного нам по пресс-конференциям и телепередачам.

За столом президиума председательствовал новый великий магистр «Великого Востока» Жильбер Абержель, относительно молодой масонский функционер 43 лет. О нем мне было известно только то, что он по образованию врач-психиатр и последние 20 лет состоит в «Великом Востоке». По правую руку от него сидел великий магистр «Великого Востока» Венгрии, по левую – в таком же ранге – руководители национальных лож «Великого Востока» Люксембурга, Польши и Бельгии. Масона из России, не представив его ни по фамилии, ни по масонскому рангу, за стол президиума пригласили из зала только после нашего настоятельного вопроса: «А где же обещанные нам русские масоны?» Но даже это оказалось меньшей сенсацией, чем последовавшее за укомплектованием президиума сообщение Абержеля.

«В течение последних трех лет, – рассказал он, – франкмасонство гуманистического обряда (к нему относятся “Великий Восток” и национальные великие ложи Франции, Бельгии, Италии и т. д.), а также и масоны догматического (английского) обряда предприняли ряд смелых авантур (он так и сказал – «aventures». – В. Б.) в Центральной и Восточной Европе. Задачей “Великого Востока Франции”, “Великого Востока Бельгии”, Люксембурга, великих лож Франции и Бельгии было при этом

возродить франкмасонство там, где оно существовало, и создать его там, где его не было. Создано уже более 20 лож за последние четыре года в этих (то есть бывших социалистических. – В. Б.) странах. И вот сегодня мы совместно выработали документ, на основании которого решили учредить Европейскую масонскую конференцию, в рабочем комитете которой представлены... – Тут великий магистр перечислил все ложи, обналиченные в президиуме их руководителями, начиная с себя, то есть с «Великого Востока Франции», и еще упомянул некую чешскую ложу. – Этот комитет, – уточнил Абержель, – будет проводить в жизнь решения, принятые масонской конференцией...»

Итак, летом 1993 года на моих глазах был создан единый координирующий орган ведущих масонских лож Запада и Востока Европы. Той Европы, которую, по словам Абержеля, «нельзя определить ни географическими границами, ни экономическими концепциями. Скорее – категориями культуры...». На масонском жаргоне эта «Европа без границ» – идеальное пространство для создания континентального масонского братства, в котором участвуют и еврейские масонские ордена, прежде всего «Бнай-Брит». То, что это не только не посчитали нужным скрыть, а напротив – постарались разрекламировать, в том числе на официальной пресс-конференции, для развития масонства конца 90-х годов было весьма показательно. Случилось то, что многие его исследователи предсказывали давно, наблюдая за тем, как проводилась всемирная, и в первую очередь общеевропейская, мобилизация масонства для «крестового похода» на Восток. Один за другим падали прежние барьеры, препятствовавшие размножению вольных каменщиков на коммунистической ниве. Более уже никто не мог на манер Троцкого заклеить масона как «вражеского агента». «Теперь мы добились того, что антимасонские законы, существовавшие с 1922 года, отменены», – торжествовал Абержель.

Руководители масонских лож достаточно подробно рассказывали мне о том, как это делалось. Но вот услышать от тех, кто непосредственно работал, как говорится, «в поле», по возрождению масонства в бывших социалистических странах, кто вербовал в возрожденные ложи новых членов (а это, кстати, в основном люди до 30 лет), было чрезвычайно

интересно. Легко было догадаться, слушая эти «охотничьи рассказы», что масоны не один год занимались тайной вербовкой граждан соцстран, находившихся в длительных заграничных командировках в Западной Европе, и прежде всего в Париже. И, конечно, вернувшись на родину, вновь обращенные масонские агенты влияния не сидели сложа руки, а с энтузиазмом выполняли поручения своих закордонных братьев, просвечивая подходящий для вербовки местный контингент по методике французских масонских лож. Практически в каждой ложе существовали свои отделения для работы со вновь обращенными. Через ложу «Пушкин» при «Великой ложе Франции» в Париже прошли видные деятели новых режимов, возникших на обломках коммунизма в бывших социалистических странах. Кое-кто из них теперь уже достаточно откровенно намекает, что во время студенчества в Сорбонне либо на работе в ЮНЕСКО, в архивах разного рода исторических обществ в Париже они одновременно проходили курс обучения «гуманизму» по-масонски в «Великом Востоке» либо в «Великой ложе Франции». Они потом принимали у себя в конце 90-х годов официальных эмиссаров масонских лож, помогали открывать новые, теперь уже официальные ложи в своих странах. Масоны Франции, да и других стран экспортировали на Восток не только подготовленные ими кадры, но даже масонский реквизит – от мастерков и фартуков до ритуальных шпаг и специальных подсвечников. Вопрос, который неизбежно возникал у многих при этом, закономерен: возрождали масоны свои ложи в бывших социалистических странах или же выходили из подполья?

После крушения коммунизма в СССР в Восточной и Центральной Европе ни франкмасонам, ни сионистской ложе «Бнай-Брит» уже никто не мешал. Они открыли свои филиалы в России и в бывших соцстранах, развернули широкую вербовку новых членов на Востоке в рамках объявленной ими кампании «экстернализации», иначе говоря – открытой пропаганды масонских идей. Эта кампания включает публичные лекции, выступления по телевидению, в печати. А затем уже идет индивидуальная работа с теми, кого все это заинтересовало. И если кандидат оказывается подходящим, его быстро «инициируют», то есть посвящают в масоны. Думается, однако, что только таким путем наберется несколько тысяч

масонов в новые ложи за какие-то два-три года было бы достаточно сложно. Тем более что поначалу «вольным каменщикам» приходилось действовать в бывших соцстранах на полулегальном положении. Известно, однако, что большинство вновь посвященных принимались в подмастерья, даже минуя степень ученика, а затем и в мастера на местах. В этих целях во вновь создаваемые ложи из Парижа направляли в командировку (для составления необходимого при такой церемонии кворума) масонов в ранге как минимум мастера. Иногда использовали в тех же целях масонов из числа граждан Франции и других западноевропейских стран, которые работали в «стране внедрения». И все же думается, что возрождение масонства происходило не на пустом месте.

Довольно долго сами масоны распространяли миф о том, что «вольных каменщиков» за «железным занавесом» якобы нет. Вот и Абержель на пресс-конференции в Страсбурге тоже отдал дань этому мифу. А месяе Рагаш еще в бытность свою великим магистром «Великого Востока», например, говорил мне, что до недавнего времени в России вообще был всего-навсего один масон... Проверить, так это или нет, сами понимаете, нет никакой возможности. Но вот свидетельство ветерана масонского движения, великого магистра «Великого Востока Венгрии» Оскара Раппа, с которым мы встретились в «Клубе Гете» в Страсбурге на масонской пресс-конференции. Я попросил его поделиться своим опытом возрождения масонства. И он рассказал, что после Второй мировой войны в Венгрии масонство было запрещено. Но венгерские масоны не только имели все эти годы свою ложу в Париже, но и продолжали тайно встречаться в своих «ателье» в самой Венгрии. «И когда у нас в 1989 году произошли известные перемены, – рассказывал Рапп, – венгерская ложа прибыла к нам из Парижа. А в Венгрии наши братья встретили отечественных масонов обряда “Великий Восток”, которые всегда там существовали. Теперь нас в десять раз больше...»

До того как создать в 1993 году Европейскую масонскую конференцию, «Великий Восток» и другие ложи провели ряд встреч со своими восточноевропейскими «братьями». «Братья» приезжали с Востока во Францию не в качестве масонов, конечно, а на ролях правительственных

чиновников, ученых, экспертов и политических деятелей. Абержель сказал, в частности: «Мы здесь собираемся уже второй раз. В прошлом году собирались в июне примерно в том же составе...»

Вернувшись в Париж из Страсбурга, я порылся в своих архивах и обнаружил приглашение на международный коллоквиум «Социальные права гражданина Европы», который проходил 12–13 июня 1992 года. К приглашению были приложены список участников коллоквиума и его программа. Совет Европы, ясное дело, использовался лишь как прикрытие. Коллоквиум же, как было ясно из программы, организовали европейские масоны, а конкретно – «Великий Восток Франции», «Великая ложа Франции», «Великая ложа Турции», «Великая символическая ложа Испании», «Великая символическая ложа Мемфис-Мицраим», «Великая ложа Италии» и т. д. Именно эту встречу и имел в виду Абержель. Среди приглашенных из России значились мэр Санкт-Петербурга А. Собчак, бывший советник Горбачева и бывший завсектором ЦК КПСС А. Грачев, депутат Моссовета А. Гюстир, член редколлегии «Московских новостей» А. Герман и, наконец, советник президента Б. Н. Ельцина Владимир Колосов. В каком качестве их приглашали на масонскую конференцию в Страсбурге, сказать трудно. Но, надо полагать, о ее масонском характере эти гости были хорошо осведомлены. В окружении Бориса Ельцина к масонам вообще относились весьма благосклонно еще со времени первого визита Ельцина во Францию в 1990 году. Ф. Миттеран питал к Горбачеву искреннюю симпатию и явно был не склонен встречаться с Борисом Ельциным, понимая, что сам факт его приема в Елисейском дворце прибавит противнику «Горби» политического веса. К тому же тогда в Париже одновременно с Ельциным еще был Лукьянов, который привез Миттерану личное послание Горбачева. И перед ним тоже было неудобно. Наконец президента просто раздражала та манера, с которой Ельцин, как медведь, ломился в его резиденцию. Тогда именно «вольные каменщики» помогли Ельцину организовать встречу с президентом. Бывший пресс-секретарь Бориса Николаевича господин Воцанов не раз встречался с руководством «Великого Востока Франции», и тайны из этого никто не делал. Контакты российских «официальных лиц» с масонским руководством стали нор-

мой. Великих магистров еще задолго до 1991 года внесли в список почетных гостей посольства РФ в Париже. На этом фоне утверждения масонов о том, что в своей деятельности в России они намерены избегать вовлечения в политику, звучали, мягко говоря, неубедительно.

Я во все глаза смотрел на «русского масона», невозмутимо сидевшего в президиуме конференции. Вот передо мной, что называется, первоисточник – представитель, а то и руководитель «Великой ложи» или «Великого Востока России»...

«Вольный каменщик» Володя

...На вид вождь российских масонов был достаточно невзрачен и напоминал мне преподавателя с кафедры марксизма-ленинизма какого-нибудь провинциального вуза. Лысеющий мужчина лет сорока с уже наметившейся «трудовой мозолью», нависавшей над плохо поглаженными брюками, в стоптанных и, видно, жавших ему ботинках, он вызывал даже какую-то жалость к себе этой своей неухоженностью. Таких девушки не любят. После пресс-конференции я к нему подошел в надежде, что он все-таки что-нибудь да расскажет о себе и своих «братьях» по российскому масонству. Разговор у нас, однако, не заладился. Ему явно не понравилось, что я его сфотографировал в масонском президиуме, не испросив на то официального разрешения. Да и вопросы мои, судя по всему, его раздражали. Для начала, когда я попросил его представиться, в ответ услышал:

– Зовите меня Владимир. Зачем вам фамилия? Этого достаточно.

– *Вы не думаете, что ваше стремление остаться анонимом достаточно наивно? Ведь я сделал снимок вашего президиума, в который вас, кстати, силой никто не затягивал. Сами пришли. В пресс-конференции участвовали. Чего вы боитесь? Я же снимок не для КГБ делал.*

– Я КГБ не боюсь. Будьте уверены.

– Ну так назовитесь. В конце концов, страна должна знать своих героев.

– Я понимаю, что вычислить меня можно. Но все же – Владимир.

– Хорошо. Пусть будет Владимир. Скажите, как вы пришли к масонству?

– По духу.

– А формально? Где вы стали масоном?

– В России.

– А масонство в России разве легализовано?

– Масонство в России легально.

– Это значит, что ваша ложа официально зарегистрирована, ваши руководители известны. Как во Франции, например?

– Наша заявка на регистрацию находится в мэрии Москвы.

– А зачем вам все это понадобилось?

– То есть?

– Масонство. Зачем оно вам? Хотите влиять на ход событий в России? На ее политику?

– Масонство – это прежде всего филантропическое, философское движение. Оно направлено на то, чтобы улучшить человека, общество, тот мир, в котором мы живем. Это прежде всего философия, а не политика. Отсутствие политического начала – одно из условий нашего движения.

– Значит, в России уже существует целое масонское движение?

– Здесь высокая степень абстракции. Движение не представлено кем-то конкретным, а является совокупностью нравственных устремлений людей. (Мне эта терминология моего масонского тезки напомнила

то, что я слышал в Париже от великих магистров за год до нашей встречи, и я подумал про себя, что Володя прошел ускоренный курс молодого масона и имеет степень по меньшей мере мастера.)

– *Но вы-то здесь совершенно конкретно, в том числе в масонском президиуме, в руководстве...*

– Если мы будем использовать только конкретные ситуации, мы, в общем-то, от истины уйдем очень далеко...

Насколько похожа у масонов, независимо от того, кто они по национальному происхождению, манера излагать свои мысли, подумал я. «Да» и «нет» не говорить, черное и белое не называть...

Я пытаюсь вернуть «Владимира» на грешную землю и прошу его объяснить, как можно вывести за рамки политики его присутствие здесь, в Страсбурге, его избрание в руководство Европейской масонской конференции, которая границ не признает и куда выше патриотизма ставит лояльность масонскому братству. И, как я догадываюсь, в российском споре между демократами и патриотами занимает совершенно четкую политическую позицию...

«Владимир» взрывается. Ему мой намек не нравится:

– Я должен со всей ответственностью заявить, – говорит он, – что наше движение глубоко патриотическое. Но если понимать под патриотизмом то, что человек бьется об стенку лбом и кричит, что он патриот, убивает себя и при этом раскалывает, уничтожает страну, в которой он родился, рвет на себе тельняшку и говорит, что он патриот, я вам скажу, что он не патриот, он мерзавец, безнравственный человек...

Масоны, как известно, тельняшек не носят. Господа демократы тоже. Для них человек в тельняшке – классовый антипод. Мне ясно, кто такой российский масон «Володя». Мне неудобно оттого, что я заставил его, как говорится, потерять лицо. И не хочется упускать случай понять, чем дышит российское масонство, в чем видит свои, как утверждает «Владимир», патриотические задачи. На мой вопрос он отвечает:

– В создании таких условий, которые бы сделали наш народ счастливым. Это и есть путь к патриотической истине.

...Только что, буквально за несколько минут до нашего разговора, господин великий магистр «Великого Востока» доктор Абержель рассказывал о том, как проводилось обучение масонских кадров для Восточной и Центральной Европы, как осуществляется масонское «шефство» над новыми ложами на Востоке Европы: «Мы принимаем у себя масонов из Центральной и Восточной Европы, показываем, как мы работаем, бываем у них, в их новых ложах...» И все это говорилось как само собой разумеющееся, будто речь шла о международных клубах любителей эсперанто, а не о глобальной тайной организации, в которой состоят в равной степени политические деятели самых высоких рангов и сотрудники секретных служб разных стран. Может быть, именно они нам и будут теперь помогать искать путь к «патриотической истине»?

«Владимир», покончив с патриотизмом, решил мне, профану, разъяснить теперь все по части политики:

– Англичане говорят, что политика – слишком грязное дело, чтобы ею занимался кто-то кроме джентльменов. Политика достижима. Мы стремимся к другому. К тому, чтобы быть нравственными. Например, если бы вы были, допустим, литературным критиком и одновременно масоном, то в своей профессиональной деятельности вы бы давали художественным произведениям соответствующую высоконравственную интерпретацию, не указывая, что это масонская интерпретация.

– *Иначе говоря, если перефразировать старый лозунг, речь идет теперь о масонизации всей страны? Но, простите, вам не кажется, что пропагандировать таким образом масонские идеи, используя к тому же служебное положение, – это, по меньшей мере, безнравственно?*

– Не кажется. Я говорю ведь о философском, объективном, деполитизированном начале. Надо уходить от оценочного, политизированного...

Его тянут за рукав: «Володя, нам пора в другое место». И он уходит на какие-то новые встречи, где будет отрабатываться все та же задача,

поставленная на страсбургской конференции, – как российскому масонству стать тем самым «звеном» глобального масонского движения, в котором иной роли российские ложи, включая отделения Бнай-Брит, никогда и не играли.

В «Правде» опубликовали мой репортаж с масонского форума в Страсбурге, и после этого масоны больше мне приглашений на свои форумы не присылали.

А в России между тем «внедрение» (!) масонских лож продолжалось полным ходом. В период 1992–1993 годов к двум уже существовавшим ложам ВНЛФ присоединилось еще три: «Лотос» (1993, Москва), «Гамаюн» (Воронеж) и «Новая Астрея» или просто «Астрея» (Санкт-Петербург). Столь быстрое размножение ВНЛФ объясняется тем, что вслед за Дергачевым в ее филиалы стали перебегать «братья» из уже открывшихся в России «либеральных» лож «Великого Востока» и «Великой ложи Франции», в частности, из «Северной Звезды» в Москве, «Сфинкса» в Санкт-Петербурге и из «Полярной Звезды» в Архангельске.

Очевидный успех, достигнутый «Великой национальной ложей Франции» на пути внедрения масонства в России, позволил ей учредить 24 июня 1995 года «Великую национальную ложу России». Фактически это означало отделение, или «независимость», русских регулярных масонов от «Великой национальной ложи Франции». Официальное открытие «Великой ложи России» происходило в одном из залов ЦДРИ, в двух шагах от штаб-квартиры ФСБ. В «Центральном» было замечено немало зарубежных гостей. Первое место среди них занимала, естественно, делегация «Великой национальной ложи Франции» во главе с великим мастером Клодом Шарбонье. Были среди гостей и банкиры, о чем свидетельствует подарок, сделанный «Интурбанком» великому мастеру «Великой ложи России» (ВЛР) Г. Б. Дергачеву: мастерский перстень с одиннадцатью бриллиантами. «Похоже, что “русские каменщики” в конце концов найдут спонсоров, заинтересованных в масонских контактах, и выйдут из денежного прорыва», – язвительно заметил в связи с этим корреспондент «Коммерсантъ-Daily». В соответствии с масонской традицией, в июле 1996 года из масонов – обладателей высшей тридцать третьей сте-

пени – был создан Верховный совет ВЛР как высший орган для регулярных масонских лож. К концу XX века общее число лож ВЛР в России достигло уже одиннадцати, причем восемь из них – «Гармония», «Лотос», «Аврора», «Юпитер», «Четыре короны», «Северное сияние», «Братская любовь» и «А. С. Пушкин» – располагаются в Москве. Есть в Москве и англоязычная ложа – «Аврора», состоящая из проживающих в Москве иностранцев. По одной масонской ложе имеется в Воронеже («Гамаюн»), Архангельске («Полярная звезда») и Санкт-Петербурге («Астрея»).

Масонство в России было, таким образом, возрождено. И это один из главных итогов горбачевской перестройки. Мне удалось увидеть изнутри, как действует эта структура влияния, и это было одно из моих самых интересных расследований во Франции.

Глава двадцать четвертая НАЕДИНЕ С СОВЕСТЬЮ

После расстрела Верховного Совета в 1993 году

События октября 1993 года достаточно убедительно показали, что демократы готовы не менее решительно отстаивать свою власть, чем это делали большевики. В случае же с обстрелом Белого дома и расстрелом толпы у телецентра в Останкино они пошли на насилие даже без особой на то нужды – демонстрировали силу, чтобы «быдло знало свое место».

Пролитая властью кровь невинных людей заставляет прозреть тех, кто не верил, что власть на такое способна. Отсюда – отчуждение от нее, потеря ею народной поддержки и как результат – ее крах. Мировоззренческая эволюция генерала Александра Лебеда по-своему символична в этой связи. 12-летним мальчишкой он увидел расстрел в Новочеркасске своими глазами, да и сам едва не погиб. То, что он сделал выбор в пользу

расстрелянных, а не стрелявших, казалось бы, не подтверждают его военная карьера, его избрание в последние перестроечные годы в высшие органы ЦК КПСС и назначения на командные посты в армии. Но вот в августе 1991-го Лебедь получил от ГКЧП приказ окружить Белый Дом, где окопался Борис Ельцин со своей командой. Он приказ выполнил, но Белый Дом брать не стал, так как, по его словам, ему не отдавали такого приказа. Если бы генерал был чуть-чуть поактивнее, Советский Союз был бы сохранен, никто никогда бы не узнал ничего о «президенте Ельцине». Впоследствии Лебедь отказался прийти на помощь защитникам Белого Дома и Верховному Совету России в 1993 году. Многие считают, что он тем самым дважды предотвратил в нашей стране гражданскую войну. И хотя история не имеет сослагательного наклонения, очевидно, что Лебедь не раз сыграл в нашей истории роль противника советской власти и восстановления СССР. Ельцин долго еще покровительствовал этому генералу-десантнику после событий 1991–1993 годов и активно продвигал его на высшие государственные посты. Только случайность помешала Лебедю стать российским диктатором. Бывший член ЦК КПСС стал антикоммунистом и после того, как Ельцин снял его со всех постов, был избран губернатором Красноярского края на деньги олигарха Бориса Березовского. Не будь Новочеркаска, неизвестно, как бы повел себя генерал Лебедь в тех критических ситуациях, в которых он оказывался...

Эволюция Лебеда типична для многих советских людей, которые, сталкиваясь с мерзостями партократии, отворачивались от советской власти или переставали ее поддерживать. Только в отличие от диссидентов, у которых хватало мужества заявлять о своем неприятии коммунизма открыто и за это идти в тюрьму, в народе протест был, как всегда, внутренним, молчаливым. И все зависит от того, когда чаша терпения переполнится. Когда рванет...

Интеллигенция чувствует эти настроения народа куда лучше, чем власть предрежающие. И в силу самой своей социальной природы то сдерживает этот протест, когда обслуживает власть и кормится от нее, то, наоборот, начинает подогревать народное недовольство, когда власть при-

нимается топтать и интеллигенцию. Диссиденты в России были разные. Для одних это была профессия. Как правило, они кормились из кассы ЦРУ либо, что равнозначно, из фондов радиостанций «Свобода» – «Свободная Европа», Народно-трудового союза (НТС) и т. д. После развала СССР и соцсодружества они перешли на службу новым антикоммунистическим режимам. Из наиболее известных у нас диссидентов такого рода был писатель Анатолий Гладилин, штатный сотрудник «Свободы», оттуда же пришли такие «звезды» уже постсоветской поры, как Савик Шустер. В отличие от немногочисленных «нанятых» диссидентов, были и диссиденты по убеждению, их было куда больше. Среди них выделялись диссиденты как антикоммунистической ориентации (Солженицын, Максимов, Синявский, Розанова, Сахаров, Григоренко, Подрябинек и др.), так и прокоммунистической (Александр Зиновьев, Рой Медведев, Абовин-Егидес, Эдуард Лимонов и др.). Были среди них патриоты, были и космополиты. При советской власти различия между ними не делали и давили всех одинаково.

Со временем на Западе из высланных, перебежчиков, невозвращенцев, давно осевших в Европе и США выходцев из России, других эмигрантов сформировались целые колонии бывших советских граждан. Среди них было много патриотов России, но в массе своей они были настроены антисоветски, и это активно использовали центры психологической войны против СССР, действовавшие под вполне благозвучными вывесками. Западные радиостанции, вещавшие на русском языке и языках народов СССР и социалистических стран, так или иначе использовали всех высланных в своей борьбе с коммунизмом, хотели этого те или не хотели. В рамках различных эмигрантских объединений создавались внушительные центры обработки и западного общественного мнения в духе антикоммунизма, что способствовало впоследствии краху СССР и социалистического содружества. Ведь на Западе никого не надо убеждать, что та система, где сажают в тюрьму автора только за то, что он написал не понравившуюся властям книгу, антидемократична и антигуманна. А значит – не заслуживает права на существование. На Западе это аксиома.

Диссиденты в эмиграции и внутри России, все борцы за права человека, восприняли крушение советской системы как победу своего дела и новую власть как свою. К их разочарованию, Ельцин и К° готовы были их использовать как декорацию, фон, но никак не хотели «пускать во власть». Во многом это объясняется тем, что ельцинский режим был создан теми же партократами, которые давили этих диссидентов. Их демократия была, мягко говоря, «авторитарной», а по сути – хамско-криминальной. Принять этот вариант «демократии» диссиденты были еще менее готовы, чем советскую власть в ее последней горбачевской редакции.

Не случайно именно после событий 3–4 октября 1983-го Александр Солженицын говорит в интервью московскому телевидению:

«...Вот эта необдуманная, суматошная реформа...

– Вы имеете в виду шоковую терапию?

– Шоковую терапию? Нет, ну кто может мать свою лечить шоковой терапией? Ну, вы будете свою мать так лечить?»

Так же, как многочисленные партократы стали демократами, так и бывшие советские диссиденты (по убеждению, а не по профессии) стали диссидентами в России при демократах. Иного им не позволяли их порядочность, их идеалы и убеждения, за которые они шли в ГУЛАГ с высоко поднятой головой.

Они не смогли отождествить себя с новыми буржуа, которые, дорвавшись до власти и получив практически полную свободу рук, принялись грабить всю страну и всех ее граждан. Это, в общем, и было отличительным признаком режима «клептократии», как его окрестили и автор «Великой криминальной революции», и диссидент-антикоммунист Владимир Буковский, и многие другие. С этим режимом они стали бороться не менее решительно, чем с гонителями инакомыслящих советской поры.

У пожарища Белого Дома

Пока существовал Советский Союз, Александр Зиновьев мог позволить себе издеваться над коммунизмом, чтобы его усовершенствовать.

Лекарства его были горькими, это верно, и далеко не всем они были показаны. Кто-то выдерживал их, несмотря на всю убийственность его иронии. А кто-то страдал при этом от полного нарушения идеологического «обмена веществ». Портрет Зиновьева вполне можно поместить на объявлении «Разыскивается по обвинению в убийстве homo soveticus». Хотел он того или нет, но к этому «убийству» он приложил руку.

Когда Союз рухнул, Зиновьев почувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Он первым понял, что политическое убийство века – убийство homo soveticus, или «гомососа», как он его в шутку называл, – это уже не литература, не социология, а политическая практика нового режима России. «Гомососов» должны были убивать не только физически в будущих конфликтах и этнических войнах. Их собирались уничтожить как динозавров, изменив ту среду, в которой единственно и было возможным существование homo soveticus: систему всеобъемлющей коммунальности по имени «реальный социализм».

Задолго до того, как Ельцин подписал свой первый декрет о разгоне Советов (октябрь 1993 г.), Зиновьев понял, что гомососа обрекают на вымирание как социальный генотип, подобно питекантропу. Гомосос мог существовать лишь в условиях России социалистической. Более того, и русский народ мог сохраниться, по его глубокому убеждению, только в такой России. Именно поэтому Зиновьев, к удивлению всех, кто его знал, поставил на защиту коммунизма всю мощь своего интеллекта. Не удивительно, что либеральная Россия его отринула. От него отвернулись не только прежние почитатели его таланта. Даже прежде близкие друзья.

Либеральная интеллигенция Запада не сумела увидеть то, что раньше всех увидел Зиновьев: поворота к диктатуре в России. Только после расстрела парламента из танков западная печать начала сравнивать режим Ельцина с режимом Пиночета (см., например, французский еженедельник «Evenement et jeudi», 28 октября 1993 г.). Но, когда об этой перспективе говорил – еще при Горбачеве – Зиновьев, от него отворачивались. На Западе практически перестали печатать его книги и статьи. Но Зиновьев не был бы Зиновьевым, если бы на это болезненно реагировал. И, хотя все это ударило по нему страшно, не только, кстати, мораль-

но, но и материально, он шел к своей цели своим путем и плевать хотел на все остальное.

Ельцину удалось уговорить армию стрелять в толпу и по Белому Дому. В этом ему помогли такие же, как и он, предатели и идеологические перебежчики, как генерал Волкогонов, такие же карьеристы-каратели, как генерал Кобец. Белый Дом стал черным от снарядов и пожаров. Таким он теперь и останется в истории России. Ельцин уже не войдет в историю отцом русской демократии. Впредь он будет именоваться ее Нероном, а разгон им русского парламента и советов всех степеней приравняют к 18 брюмера в России.

Против расправы над парламентом России и против режима Ельцина выступили и другие давние противники советской власти – бывший председатель Интернационала сопротивления коммунизму, главный редактор журнала «Континент» писатель Владимир Максимов, первый из писателей-диссидентов, высланных за границу, Андрей Синявский. Вместе с бывшим узником ГУЛАГа, диссидентом-марксистом Абовиным-Егидесом они опубликовали открытое письмо в московской «Независимой газете», призывая Ельцина уйти из Кремля в монастырь и до конца своей жизни замаливать октябрьский грех. Ах, если б только октябрьский!

Homo soveticus, конечно, не погиб вместе с русским парламентом. Его вычеркнули из списка живых *post factum* тем же самым росчерком пера, которым был подписан указ о роспуске Советов. Советскую власть окончательно демонтировали, а значит, решили, что и homo soveticus приказал долго жить, почил в бозе. Это только потом, когда Ельцин объявил в Ярославле, что «с Советской властью покончено», homo soveticus был убит официально, прожив славную и одновременно бесславную жизнь с октября 1917 года по октябрь 1993-го. Он был убит как явление, как образец для подражания, как стандарт поведения и как политическая система. Не так уж он был, как видим, прост.

Однако, как говорил Солженицын в уже упомянутом интервью, «коммунизм внедрился в наше сознание, в людей и во всю систему». Поэтому homo soveticus умер, но гомососы остались. Более чем 70-летнюю

привычку гомосотства враз выбить невозможно даже с помощью пушек тяжелых танков. Российские «демократы» растеряли свой авторитет в народе даже не столько потому, что их «демократический эксперимент» провалился, а потому, что отвергли с порога все советское прошлое, просто вычеркнули все предыдущие 70 лет, как «черную дыру», в которую будто бы провалилась наша российская реальность. Они не поняли, либо по недомыслию, либо преднамеренно, что, утратив связь времен, народ теряет не только свое прошлое, но и свою историческую перспективу. А одним настоящим живут только мотыльки-однодневки. Советский опыт дан русскому народу в поучение. К нему нам предстоит присматриваться и примеряться еще не раз, так как в нем самым прихотливым образом переплелись величие России и ее позор, ее взлеты и падения, грандиозные свершения ее народа и великие злодеяния ее лидеров.

Едва ельцинские власти объявили во всеуслышание, что народ на сто процентов поддерживает и расстрел парламента, и охоту на «красных», и закрытие оппозиционных газет и партий, гомососы почувствовали привычный зуд в руках, побуждавший их одобрять и аплодировать.

«Как поступит гомосос, – писал в своем «Гомо советикусе» Зиновьев, – если нужно открыто (т. е. в своем коллективе, на собрании) выразить отношение к диссидентам? Конечно, одобрит действия властей и осудит действия диссидентов. Гомосос холуйствует перед властями, солидарен с большинством сограждан, одобряемых властями... Он всецело поддерживает свое руководство, ибо он обладает стандартным идеологизированным сознанием, чувством ответственности за страну как за целое, готовностью к жертвам и готовностью других обрекать на жертвы...»

Долго ждать не пришлось. На следующий день после расстрела Белого Дома в газете «Известия» было опубликовано позорное письмо к Ельцину, подписанное 42 «известными писателями». Среди этих «известных» были в основном еще агитпропом воспитанные «дежурные» бездари, которые всегда и все подписывали по первому звонку со Старой площади как законопослушные гомососы. Но появились и «новообращенные» – поэты Белла Ахмадулина и Булат Окуджава, прозаик Вик-

тор Астафьев. Они просили Ельцина, буквально умоляли его как можно скорее «запретить» газету «Правда» и все те другие издания, которые «клеветают» и «искажают».

Тысячу раз прав был Александр Александрович: «Зараза гомосотства – самая глубокая болезнь человечества, ибо она проникает в самые основы человеческого существа. Если человек ощутил в себе гомососа и вкусил яд гомосотства, вылечить его от этой болезни еще труднее, чем вернуть к здоровой жизни закоренелого алкоголика или наркомана» (http://modernlib.ru/books/zinovev_aleksandr_aleksandrovich/gomo_sovetikus/read/). Кто бы мог подумать, что Белла и Булат с Астафьевым станут «подписанцами», что в среде интеллигенции непочетно. Раньше так называли тех, кто подписывал письма с осуждением скопом «врагов народа», «убийц в белых халатах» и по одиночке – С. Прокофьева, Б. Пастернака и А. Солженицына, М. Ростроповича и А. Зиновьева...

Для многих в России имя Окуджавы было из разряда «священных коров» потому, что его песни для российской интеллигенции служили не только эталоном поэзии, но и паролем порядочности. В них был заложен своего рода генетический код интеллигентности, тайной духовности, недоступной непосвященным. Так же, как и в стихах Беллы Ахмадулиной. Я лично знал их обоих и никогда не подумал бы, что они смогут поставить свои подписи под таким письмом. А мой друг Андрей Дементьев, который публиковал мои стихи в «Юности» и дал мне рекомендацию в Союз писателей?! (Он, правда, отрицал, что поставил свою подпись под этим письмом, и отрицал, что Белла с Булатом его подписывали. Но ведь что написано пером, не вырубишь топором.) С Виктором Астафьевым мы встречались в Париже и долго говорили в моем парижском бюро незадолго до событий августа 1991-го. Астафьев был убежденным антикоммунистом, но я никогда бы не поверил, что он станет аплодировать тем, кто будет стрелять в безоружную толпу и расстреливать пацанов-комсомольцев по краснопресненским дворам.

Конечно, всякое могло быть в неразберихе тех дней. Могли и подписать, сгоряча. Но ведь даже потом, полгода спустя, когда были опубликованы многие документы и свидетельства, прежде всего «Великая криминальная

революция» С. Говорухина, разве ничего не шевельнулось у ельцинских «подписанцев»? Им не захотелось взять свои подписи обратно?

Идеологический феномен по имени Демократия

Когда Зиновьев приехал в очередной раз в Париж, я спросил его, что он думает обо всей этой истории.

– Мерзость все это, – ответил он. – Даже во времена Сталина не было ничего подобного, ну, а что касается Окуджавы, Ахмадулиной да и других, то они, увы, действительно оказались классическими гомосо-сами. Понимаете, Владимир, они никогда никакой демократии не защищали. Защищали свои, групповые интересы. Но называли это защитой демократии. Для Ельцина и его карателей – они свои. Кстати, термин «демократия» нельзя считать научным. В силу аморфности его смысла и многосмысленности даже в рамках сочинений одних и тех же авторов. Мне встречались буквально десятки его определений. Это характерный термин идеологий.

Как образуется идеологический феномен по имени Демократия? Отбираются некоторые черты западной государственности. Они идеализируются, и это преподносится как некая «демократия». Берутся такие черты, как «многопартийность», «разделение властей», «выборы», «публичность» и т. д.

Эти признаки отбираются тенденциозно, и обозначаемые ими явления идеализируются. Встречали вы когда-нибудь на Западе такое определение демократии, в котором в числе ее признаков указывались бы тюрьмы, подавление, коррупция, закулисные сговоры, заведомый обман избирателей и т. д.? А ведь это весьма существенные признаки западной системы власти, не менее органично присущие ей, чем обычно прославляемые многопартийность, разделение властей и т. д. Но об этом идеологи «западнизации» России не говорят, хотя повсюду на Западе отмечены массовые разоблачения коррупции правящих кругов. Такой коррупции, как в западных системах власти, Советский Союз никогда не знал.

– Но гласность, разделение властей и многопартийность – это не так плохо. И объективно они существуют при капитализме. По части, конечно, нельзя судить о целом. Но и без части нет целого. В нашем советском прошлом мы нередко именно это и игнорировали. Демократия при капитализме не только есть, но и буржуазное общество нередко именуют демократией.

– Верно. Речь лишь идет о том, что нельзя выдавать отдельные признаки демократии, которые, конечно же, в западных системах существуют, за ее сущность. Они существуют лишь как частичка, как одно из явлений системы государственности, явление скорее поверхностное. А их вырывают из контекста, идеализируют и выдают за подлинную демократию.

– То же самое можно сказать и о коррупции, – возразил я ему. – В той же Италии не только герои-одиночки разоблачили связи политических партий, высших руководителей страны с мафией. Без государства, причем, отметим, буржуазного, этого не произошло бы. Во Франции, например, все время идут расследования грехов лиц весьма влиятельных и богатых. Достаточно назвать многочисленные «аферы Тапи», мультимиллионера, кстати, и политика, депутата Национального собрания Франции от социалистической партии. Не щадят и правых – несколько лет велось следствие по делу мэра Лиона М. Нуара, едва удалось выпутаться из скандальной аферы министру обороны Ф. Леотару. (В самом конце XX века «засветился» даже лидер голлистов Жак Ширак. И, если бы он не стал президентом Франции, парижской тюрьмы Санте ему бы не миновать.)

Возьмите многочисленные «гейты» в США. От Уотергейта покойного Ричарда Никсона, в результате которого он ушел в отставку с поста президента, до «гейта» супругов Клинтон в весьма сомнительном строительном бизнесе в Арканзасе. Так или иначе, но цивилизованные, я специально это подчеркиваю, капиталистические государства с коррупцией борются достаточно решительно. Может быть, тем решительнее, чем убедительнее Россия доказывает, как мафиозные банды могут развалить великое государство.

– Во всех этих случаях, – ответил Зиновьев, – нужно уметь видеть и обратную сторону. А именно – борьбу между различными буржуазными партиями за власть в стране. Но даже это не существенно. Вернемся к нашему идеологическому феномену. Термин «демократия» не только ненаучен. Он стал многосмысленным. Никакого подлинного смысла не существует. Просто десятки определений. Речь не идет даже о том, чтобы найти какой-то подлинный смысл этого слова или выяснить, что же такое подлинная демократия. Выяснить надо, с чем мы сталкиваемся в нынешней ситуации. Дело в том, что в западной идеологии, в пропаганде путем выделения и идеализации привлекательных частных западной государственности создан идеологический миф о демократии. Его и навязывают другим народам. С какой целью? С той же, с какой в свое время европейцы спаивали алкоголем индейцев. Чтобы их ликвидировать и завоевать соответствующую территорию. Навязывая этот несуществующий в реальности миф другим народам, добиваются того, что эти народы и их страны разрушают. Разрушают их социальный строй, их систему государственности...

– Это и есть – несовместимость социальных тканей, Александр Александрович. Я расскажу вам в связи с этим одну историю. Как-то раз мы ехали по улицам чистенького парижского пригорода с моим гостем из Москвы. Он увидел черные пластиковые мешки на обочине дороги и спросил, а это что такое? Я ему отвечаю – это для мусора, пищевых отходов. Помойка, одним словом. Только в целлофане. Утром ее заберет специальная машина. А гость мой говорит: «Вот здорово. Нам бы так». Но когда я ему сказал, что прежде, чем вводить такое новшество, надо еще ввести и целую инфраструктуру: производство мешков и специальных машин, службу уборки, систему сортировки мусора и мусоросжигателей и т. д. А главное – приучить наш народ эти мешки по ночам не вспарывать и содержимое их не разбрасывать смеха ради. Он выслушал меня и сказал: «Да, это, пожалуй, у нас не привьется». Может быть, так произошло и с попыткой ввести у нас демократию? Ввели только внешние признаки, те же «черные мешки».

– Именно. В самих западных странах эти «черные мешки» существуют. Но не сами по себе, а как частичка, как проявление более грандиозного целого. Тут и определенные исторические традиции, и определенный человеческий материал, и соответствующая социальная структура общества, вся система власти и управления, в которую включается эта так называемая демократия. Там она органична и естественна. А когда это переносят в другую среду, с другими историческими традициями, с другим человеческим материалом, и не просто переносят, а насильственно насаждают, тут неизбежно разрушаются и социальный строй, и система государственности. В СССР разрушать и то, и другое начал Горбачев, а завершал Ельцин.

Они либо не понимали, либо намеренно скрывали от народа, что в Россию экспортируется не демократия, а идеологическая картинка демократии, ее пропагандистский образ. С самого начала, как очевидно, эта демократия не имела ничего общего с той, что существует на Западе.

Почему экспортный вариант западной демократии для России несовместим ни с ней, ни с тем социальным строем, который в ней прежде существовал, ни с менталитетом русского народа? Да потому, что те «признаки», о которых мы говорили, сами по себе существовать не могут. Вне своей естественной среды они вырождаются в своего рода раковые клетки, в уголовные структуры власти, которые поражают весь организм. Это, собственно, в России и произошло.

– Мне рассказывал один оптовик из Голландии, что сейчас русским продают такие продовольственные товары, которые там не осмелятся предложить даже самым бедным людям. В Россию же, считают, можно. Как говорил один наш олигарх: «Пипл хавает». Поэтому у нас – отравление за отравлением. Не то же самое с демократией?

– Похоже. Но, если брать Ваш образ, надо отметить, что для разных уровней развития капитализма существует и соответствующий ему уровень демократии, каждый живет по своим средствам и возможностям. Для богатых – продукты наилучшего качества, без нитратов и вредных добавок. Для среднего класса – подешевле. Для бедняков цены могут

быть бросовые. Но, допустим, фруктовый кефирчик, хоть он и с такой же красивой этикеткой, как для богатых, дешево продают только потому, что срок годности у него вот-вот кончится. И нужно его продать быстро, пока не испортился. А после этого срока остается его только выбросить. Так вот господа российские «демократы» купили этот «кефирчик» на Западе с давно истекшим сроком годности. На большее у россиян средств не хватило. Упаковка красивая. Но травятся люди. И раз уж русским западных кур продают с сальмонеллой и говядину с ящуром, то почему бы не продать им и суррогат демократии? Власть другая – воровская, криминальная. Главная ее идея – это нажиться.

Той «настоящей демократии», о которой в России так много говорят и мечтают, русским не дадут. Существует для них пока одна видимость. А, по сути, при Ельцине была создана уголовно-мафиозная структура, приспособленная исключительно для разрушения страны и ее разграбления. Поэтому нет смысла говорить о том, кто и как понимает демократию.

– А как же мы тогда определим, чей «кефирчик» лучше? У Ленина в «Государстве и революции» проблеме демократии, ее развития при капитализме и конечного отмирания вместе с государством при коммунизме посвящена не одна страница. Мы с институтской скамьи привыкли оперировать этими терминами...

– Нам уже не до теорий и не до терминологии. Надо оставить все эти споры – что говорил тот, что другой. Не время сейчас для словоблудия. Все эти поиски той или иной организации общества – все это дребедень. Нужно четко осознать очень простую истину современности. Но все ее боятся признать и топят Истину в океане пустых слов.

Что произошло в России? Ее разгромил Запад вследствие предательства ее лидеров и массовой капитуляции. И то, что называли демократией, было всего лишь средством разрушения великой страны, уничтожения прежде существовавшего социального строя, орудием ее колонизации, орудием убийства советского государства и геноцида русского народа. Ничего другого в этом нет. Созданный при Ельцине режим – это уголовно-мафиозный строй, оккупационный строй. Эта

власть, как власть бандитская, не способна управлять страной. Она способна ее только добить.

– *Что ж, Россию надо, выходит, закрывать? Неужели Вы в нее не верите?*

– Поверьте, я не меньше Вас люблю Россию и свой русский народ. Но быть просто достойным лучшей доли мало. За место под Солнцем надо бороться. Обещания никого еще не накормили, а бумажные армии – никого не защитили, когда вслед за армией капитулирует и народ, он неминуемо погибает. Его безжалостно уничтожают победители. Вспомните, с чего начал Запад, когда только-только почувствовал, что Горбачев охотно «сдаст» Советский Союз. Забота у него была одна – удержаться у власти любой ценой. Запад начал давить на Горбачева с тем, чтобы его руками добиться если не уничтожения, то кардинального ослабления ракетно-ядерного потенциала СССР. И добились этого еще до развала нашей страны. Чего стоили только ликвидация SS-20, межконтинентальных ракет с многозарядными боеголовками. А после развала СССР начали с того, что Белоруссия, Украина и Казахстан не могут гарантировать, что имеющееся у них ядерное оружие не взорвется. Их разоружили. Затем те же претензии предъявили к России. То же самое говорят и об атомных электростанциях на территории СНГ. Вывод отсюда недвусмысленный – поставить и ракетно-ядерный арсенал бывшего СССР, и его атомные электростанции под международный, т. е. американский контроль. Цель тут очевидна – полная демилитаризация России и других стран СНГ и окончательное превращение их в колонии и полукolonии.

– *Почему в нашей стране при Горбачеве оказалось такое количество коллаборационистов, капитулянтов и предателей?*

– Такого не было в истории не только России – ни одной страны. Все высшее политическое, все военное руководство, вся интеллектуальная элита оказались предателями, предали страну, народ и себя самих. Чем объяснить такое обвальное предательство? Тут одним словом не скажешь. Какие-то причины определяются нашим национальным

характером, тем, что все и всем до лампочки. Но главная причина – в потере прежних ценностных ориентаций. И дело тут не в том, что все высокопоставленные предатели вдруг оказались, вроде той крохи по Маяковскому, перед вечным вопросом «что такое хорошо, а что такое плохо?». Они прекрасно знали, что предавать нехорошо. Они предавали потому, что лично им выгоднее было предать, потому что капитулировал сам главнокомандующий, и сопротивление потеряло смысл. За предательство их никто не наказывал и не наказывает. Ведь человеческая мораль – это очень хрупкое равновесие прав и обязанностей. А когда обязанностей практически не осталось, то люди, изначально нестойкие морально, лгавшие прежде и другим, и себе, бывшие коммунистами не по убеждению, а по должности, а таких на высоких должностях в СССР было, увы, немало, поступили согласно своей натуре. Они потребовали себе всех прав сразу, выбросили свои партбилеты, расползлись и стали пристраиваться. Все номенклатурщики, кстати, пристроены. Вы не увидите их ни в очередях, ни с протянутой рукой. А вслед за ними и вся огромная многомиллионная КПСС расползлась по норам, как в песок ушла. Что ж от народа требовать?

Параметры Сверхобщества

– Запад был един в своем противостоянии коммунизму в ходе «холодной войны», – подбросил я Зиновьеву еще один тезис для размышления. – Но если за уничтожение коммунизма выступали с одинаковым энтузиазмом и руководители Франции, и лидеры США, то к перспективе раздробления СССР отношение было вовсе не одинаковым. Возьмите, например, Францию. В прежнем, двухполярном мире она могла использовать фактор СССР в своей геополитической стратегии в отношениях с США. Теперь после исчезновения СССР у нее такой возможности нет не только в том, что касается Америки. И в Европе, где теперь существует мощная, объединенная Германия, отсутствие такого противовеса, как СССР, весьма болезненно для Франции. Поэтому и отношение

к перспективе нового объединения бывших советских республик не принимается на Западе одинаково.

– Запад, конечно, явление не однородное, – ответил Александр Александрович. – Позиции различных стран Запада отличаются друг от друга существенно, и порой они даже противоположны. Но давно пора понять один из важнейших факторов эпохи, переживаемой ныне человечеством, а именно – фактор интеграции индустриальных стран Запада в новое гигантское социальное целое. Эта интеграция происходит несмотря ни на что. Нужно принимать во внимание и другой фактор, а именно образование Глобального Общества под эгидой Запада. При этом очень важно понять, что интеграция Запада не есть просто ломка национальных границ. Происходит формирование общества второго уровня по отношению к традиционным национальным государствам. То есть своего рода Сверхобщество. Оно складывается в том же социальном пространстве и из материала, поставляемого традиционными странами Запада. Но это уже новое образование. Оно состоит из наднациональных экономических империй и бесчисленных политических, культурных, информационных и прочих организаций и учреждений. Такого же рода формируется и Глобальное Сверхобщество. И в этом Сверхобществе странам бывшего Советского Союза уготовано определенное место – для стран второго и третьего сорта. И уготовано оно именно западным Сверхобществом, разгромившим Советский Союз совместно с внутренними советскими предателями и коллаборационистами, мафиями и т. д.

Выгодно или нет Западу объединение стран бывшего СССР в новое целое? Кому-то выгодно, кому-то нет, кому-то и да, и нет. Но это дело второстепенное. Главная победа Западом уже достигнута – Советский Союз разрушен как сверхдержава. Социальному строю, на котором эта сверхдержава держалась, нанесен непоправимый удар. Теперь отношение Запада к процессам в бывшем Советском Союзе зависит от обстоятельств. Повторяю, я не вижу на Западе никакого страха перед возможной интеграцией стран бывшего СССР. С какой-то точки зрения это даже удобнее для Запада – легче будет регулировать и управлять этой, по сути дела, подлежащей колонизации территории. А что касает-

ся частных интересов отдельных стран Запада, то правители Запада и Глобального Общества имеют достаточно сил для того, чтобы оказать на них давление и заставить действовать в нужном им духе. Дело даже не в том, что для Франции, например, было бы выгоднее, чтобы восстал Советский Союз. Дело в том, что после образования Европейского Союза, а затем и Глобального Сообщества никакой суверенной Франции больше нет. И реальную Францию заставят поддерживать ту стратегию в отношении бывшего Советского Союза, какую сочтут целесообразной стратеги Единого Запада.

— Я, конечно, понимаю, что интеграция при отсутствии структур, способных обеспечить социальную справедливость в рамках многонационального государства, это не панацея. И все же идея интеграции, воссоздания прежнего единства республик СССР многим близка. Сейчас многие спорят о том, как можно будет «впрячь в одну телегу» вновь обретенные суверенитеты и прежнюю централизацию. Ну, хотя бы в рамках СНГ. Говорят, что для этого потребуются не только новые структуры, но и новые люди, прежде всего в России, где ожидают серьезных политических перемен.

— Я вообще считаю бессмысленным рассуждать о том, на базе каких структур произойдет объединение стран бывшего Советского Союза — прежних, советских или каких-то новых. Точно так же не вижу проблемы насчет соотношения суверенитета или централизации. На словах возможно что угодно. Можно подписать любые соглашения. Но реальный процесс интеграции народов в более сложное целое происходит по своим объективным законам. То Сверхобщество, которое складывается на Западе, складывается по законам западного социального строя. Объединение стран бывшего Советского Союза, если оно будет происходить, будет происходить в соответствии с тем социальным строем, какой сложится в объединяющихся странах. И здесь в современных условиях это будет происходить как образование общества второго уровня, Сверхобщества этого типа. Поскольку в странах бывшего СССР социальный строй теперь есть ублюдочный гибрид старого коммунизма, примитивного капи-

тализма и допотопных явлений докоммунистического периода, то и объединение этих социальных ублюдков приведет к рождению социального сверхублюдка того же типа. Это будет гибрид ублюдочного централизма, ублюдочного суверенитета и прочих ублюдочных феноменов. Не потребует ли эта интеграция политических перемен в России? Смотри что считать переменами. Если, например, смена личностей у власти есть политическая перемена, то такие перемены будут происходить независимо от объединения. Объединение же как таковое вообще никаких перемен не предполагает. Они могут быть любыми, даже самыми неожиданными. А теоретики любые перемены истолкуют как закономерные, необходимые и тому подобные. Я думаю, что, какие бы перемены на политическом уровне ни произошли, радикальные социальные перемены уже невозможны. Если даже допустить, что к власти приходят коммунисты и провозглашают восстановление советской власти, направление социальной эволюции страны это уже не изменит. Поздно. Процесс зашел слишком далеко. Запад имеет достаточно сил, чтобы не допустить восстановления коммунистического строя. В странах бывшего Советского Союза уже сложились мощные силы, которые действуют и будут действовать совместно с силами Запада. (Отмечу в скобках, что этот прогноз Зиновьева, датированный 1993 годом, блестяще подтвердился на примере Молдавии, где к президентской власти пришел лидер Компартии Молдовы. В России он подтвердился в целом ряде субъектов Федерации, где правили губернаторы-коммунисты. Наш «красный пояс» просуществовал недолго, и «красные губернаторы» так же прислуживали олигархам и местным воротилам, как и их коллеги-демократы.)

– *Ситуация достаточно безнадёжная...*

– Да, для тех, кто хочет остановить объективные исторические и социальные процессы лозунгами и старыми политическими методами.

– *Мы с вами все чаще приходим к выводу, что у традиционных политических течений – коммунистических, антикоммунистических, националистических, либеральных и т. д. – будущего нет. Значит, речь должна*

идти не только о новой организации общества, но и о качественно новой организации, а не просто о коренной реорганизации политических сил.

– Этот Ваш тезис, на мой взгляд, самый фундаментальный и существенный. Все старые политические идеи, движения, группировки в свете происходящих в мире перемен утратили смысл.

– *И реальный коммунизм, или, как его называли, «реальный социализм», тоже?*

– Коммунистический социальный строй в России и Советский Союз не возродятся в течение жизни, по крайней мере, двух-трех поколений, а скорее всего, не возродятся в прежнем виде никогда. Всякие иллюзии на этот счет имеют лишь психологический и идеологический смысл. Уговоры и заверения, что, мол, Россия воспрянет, что и не такое видали и т. п., вовсе не стимулируют людей на активную деятельность и на борьбу. Наоборот, они способствуют пассивности, надежде на то, что все образуется, сделается само собой, на историческое «авось».

– *Вопрос еще и в том, кто же может на этот раз «повести народ к коммунизму». С самими компартиями посткоммунистического, как говорят на Западе, периода происходит много непонятного. Одни из них решительно не хотят ничего менять и практически законсервировались. Другие – экспериментируют с социал-демократией, возвращаются к ней, меняют и прежние названия компартий, и свои прежние программы. Третьи – только остаются формально по названию коммунистическими, а по сути дела трансформировались в партии лево-националистические. Это своего рода гибрид партии деголлевского типа, как во Франции, и партии социалистической. Как Вы рассматриваете эти тенденции в коммунистическом движении современности? И прежде всего – в России?*

– Коммунистическая идеология и коммунистическое движение в той форме, какую им придал марксизм, исчерпали свою историческую роль. Практика реального коммунизма дискредитировала марксистские социальные идеалы в глазах широких масс населения, поскольку они (массы) считали реальный коммунизм воплощением этих идеалов. Марксизм как

социальное учение перестал быть адекватным реальности. Достаточно, например, сказать, что радикальным образом изменилась социальная структура населения как западных, так и бывших коммунистических стран, так что рабочий класс утратил ту роль в обществе, какую он играл ранее. Партии с определенной классовой основой теперь просто невозможны. Коммунистические партии утратили свою специфику, и прежде всего установку на революционное преобразование общества. А многие пункты их реформаторских программ стали общими местами в программах и демагогии чуть ли не всех прочих партий. Одним словом, имеется достаточно причин для тех явлений, о которых Вы говорите.

Что касается России, то коммунистические и коммунистообразные организации там возникли на развалинах КПСС, которая была скорее политико-административным явлением в рамках советской государственности, чем партией в собственном смысле слова (об этом я писал еще в семидесятые годы!). И к тому же они возникли под влиянием образцов партий Запада, как имитация их (т. е. как поверхностное обезьянничество). Все они не имеют идеологии, которая базировалась бы на научном понимании реального коммунизма. Самое большее, на что они способны в качестве именно коммунистических организаций, это на то, чтобы плодить явные или скрытые реставраторские умонастроения. А этого крайне мало для создания сильного и перспективного коммунистического движения. Устаревшая марксистская или дилетантская бесформенная идеология в сочетании с аморфностью социальной структуры населения не могут стать основой для создания серьезной коммунистической партии. А организации для завоевания голосов избирателей с целью избрания своих депутатов в органы, не имеющие фактической власти, – это пошлый фарс, а не серьезная историческая драма.

– Давайте прямо поставим вопрос: есть ли будущее у коммунизма, и если есть, то где? Во всем мире? Только в постиндустриальных высоко-развитых странах либо, наоборот, – только в бедных, нищих, с трудом развивающихся? Либо только там, где еще правят, как и правили до горбачевской «перестройки», компартии?

– Чтобы ответить на вопрос, надо точно определить, что такое коммунизм. Попробуйте произвести социологический опрос, и вы получите десятки различных определений. Если понимать под коммунизмом общество всеобщего благоденствия, справедливости, равенства, изобилия и т. п., то это неосуществимая утопия. И Советский Союз не был таким. Если же понимать под коммунизмом тот тип социальной организации, какой имел место в Советском Союзе, то тут требуется научная теория реального коммунизма. Без нее всякие прогнозы насчет будущего коммунизма лишены смысла. Я много работал над такой теорией. Довольно много результатов этих моих поисков приведено в моих книгах. Основываясь на том, что я уже сделал на этом направлении, я утверждаю следующее. Реальный коммунизм уже сыграл свою великую историческую роль, оказав колоссальное влияние на ход эволюции человечества. В этом смысле коммунизм вошел в плоть и кровь цивилизации, завоевав тем самым место в будущем. Но коммунизм в том «чистом», концентрированном виде, какой он имел в России до 1985 года, неповторим. Его следовало бережно хранить именно в том первозданном виде, а не реформировать страну по воле руководящих кретин и предателей, а также по указке из-за рубежа. Но в России никогда не ценили и не берегли собственные достижения. Тут все рушилось, гнило в историческом болоте и предавалось забвению. Пройдут века, остынут страсти, на Западе потихоньку построят нечто подобное «русскому коммунизму» под другими названиями и в другом обличии. Только вспомнят ли о великом историческом творчестве какого-то «отсталого русского народа»? Да и сохранится ли, если в обозримом будущем в России ничего не изменится, этот народ?

Это все – суета сует и всяческая суета. Главное в истории России уже произошло: ее растерзали, изнасиловали, разграбили, опозорили, предали, оплевали и оболгали. Причем сделали это не только ее глупые и тщеславные руководители, не только предатели и сообщники западных завоевателей, но, объективно, и сами массы населения, ставшие вольно или невольно добровольными помощниками разрушителей страны. Если никакого чуда не произойдет, то впереди у России – десятилетия (если не столетия) торжества мракобесия, паранойи – словом, то, что

неизбежно в стране колониальной демократии, которую я достаточно подробно и четко описал в моих работах, и в наших с Вами беседах, опубликованных в «Правде», и в моих книгах.

– *Иначе говоря, русский народ, согласно Вашему прогнозу, обречен на то, чтобы и впредь жить под властью мерзавцев от политики, воров и сумасшедших? В это невозможно поверить.*

– А что же Вы хотите, если русский народ ничего не делает для того, чтобы добыть себе лучшую долю, участь более достойную, а ожидает, что все это придет к нему само собой, как манна небесная?! Но если Вам так уже хочется услышать прогнозы на будущее, то вот Вам один из моей книги «Желтый дом». Там есть такое «предсказание»:

Надейсь! Мозгами не крути!
Простая русская старуха,
Ни рыла в том не смысля, и ни уха,
Свернет историю с неверного пути.

Зиновьев нередко напоминал мне после таких бесед начисто лишенного эмоций онколога, который не скрывает от больного раком ни его болезнь, ни то, сколько ему осталось жить. При этом, как профессиональный диагностик, он полагал, что утешение не его функция. На это-де есть профессиональные психиатры и священники.

И, если бы я не знал Зиновьева как следует, я бы, наверное, обвинил его в излишне жестком подходе и непростительно-безжалостных прогнозах, не щадящих нашей национальной гордости. Его нередко с этих позиций и критиковали, а заодно намекали – раз уж вы так заботитесь о величии России, что ж там, в Мюнхене, сидите? Зиновьев долго там не засиделся и вернулся в Россию. Одна за другой стали выходить его книги. Он преподавал сразу в нескольких университетах, часто выступал по радио и телевидению.

Когда справляли его 80-летие в банкетном зале Исторического музея, к Зиновьеву пришел весь политический и научный бомонд. В сосед-

нем с музеем Кремле юбилей одного из самых значительных писателей и ученых России нашего времени как бы не заметили. Зиновьев не пришел к кремлевскому двору, да и в оппозиции по-настоящему своим так и не стал. Характернейшей его чертой было то, что он никогда не работал на кого-то, по чьему-либо заказу, в силу конъюнктуры. Единственным его заказчиком была Истина. И с этого обычно начинались все трудности Александра Зиновьева.

Трагедией гигантов мысли всегда было одиночество – им, как правило, не с кем поговорить на равных. Зиновьев, при всей своей общественной активности и готовности занять трибуну любого приличествующего его имени форума, никак не вписывался в привычные «тусовки» российской интеллигенции и, несмотря на явное предпочтение левого фланга нашего политического класса, ни к коммунистам, ни к новым эсдекам так до конца и не примкнул, а стоял от них как бы поодаль. В любом случае он всегда предпочитал позицию оракула положению чьего-либо идейного наставника. Его охотно приглашали, но за ним не шли. Причин тому много, и частично они становятся понятнее по прочтении этой главы моей книги. Книги Зиновьева, за редким исключением вроде «Катастрофки», слишком сложны для того, чтобы стать бестселлерами. Его научные труды – это, как правило, отрицание всего наработанного до него его учеными коллегами, что уже само по себе ставит Александра Александровича вне всяких школ и кафедр. А Зиновьев-трибун слишком бескомпромиссен и безжалостен в любом диспуте, в том числе и по отношению к тем, кто вроде бы выступает на его стороне. В результате, вернувшись на Родину, он с горечью убедился в истине «нет пророка в своем отечестве» на собственном опыте. И дело вовсе не в недостатке публикаций, интервью, публичных выступлений. Здесь как раз, особенно после его возвращения, в России показатели рекордные. И тем не менее к своему 80-летию он пришел непонятым – ни в России, ни на Западе – и, увы, – по-настоящему нигде не востребованным. Финал достаточно логичный для гражданина государства из одного единственного человека. Но от этого – не менее трагичный.

Зиновьев не вступил ни в какую партию в России. Хотя объективно он ближе всего был поначалу к КПРФ. По парадоксу среди ее лидеров оказались и те, кого безжалостно высмеял Александр Александрович в своих книгах. И те, кто так или иначе, – причастен к его преследованиям в советские времена. Они было принялись поднимать Зиновьева на щит, приглашали его на все свои торжественные мероприятия, а заодно без зазрения совести и без всяких ссылок на автора активно переписывали его труды целыми страницами в свои статьи, брошюры и даже... диссертации. Жизнь-то продолжается и в оппозиции, которая, по сути своей, тоже один из неотъемлемых элементов власти.

Такие «идеальные коммунисты», как Зиновьев, для прагматичных лидеров «лево-патриотической» оппозиции духовно и идеологически чужеродны. Беспринципность этих лидеров в том, что касается выбора союзников (достаточно напомнить об их альянсе с Березовским), лишь подтверждает тот факт, что и старыми, и новыми партаппаратчиками двигала и двигает не идея, а практическая потребность. Как и Бурбоны, они ничего не поняли и ничему не научились. Главная их потребность – возвращение к власти. Им, выбившимся в лидеры из нижних и средних звеньев рухнувшей партийной иерархии, нужны всемирно известные имена и авторитеты, готовые бескорыстно пожертвовать собой и своими трудами ради светлого будущего и работать на них «за идею». Бывшие середнячки, а ныне лидеры, по старой традиции ЦК КПСС привлекают к написанию своих «трудов» и речей лучшие умы российской левой, а теперь уже и правой партии, и на этом блестящем фоне умудряются скрыть свою собственную серость, пощеголять в мундирах фельдмаршалов от идеологии. Им нужны армии, ударные батальоны. Им нужны знамена, идолы от коммунизма, все еще популярного в России. Им нужны герои, которые пойдут за них воевать, чтобы они вновь вернулись к власти. Именно эти идеалисты без оглядки идут в бой и на любое опасное для жизни либо репутации противостояние с властью, с олигархами, с их, лидеров, соперниками по части лидерства. Ну, а уж если на их стороне такой «боевой слон», как Зиновьев, то тут, право, впору трубить победу.

С ними ли был Зиновьев после своего возвращения в Россию? Он давно знал им цену и ни на минуту не впадал в иллюзию по поводу их идейной и интеллектуальной ценности, хотя иной раз и появлялся вместе с ними на митингах и соответственно – на экранах телевизоров.

Я нахожу ответ на то, с кем он, все в той же ключевой фразе Зиновьева о государстве из одного человека. Из этого государства он прибыл в качестве посла в «страну» российских коммунистов, над которой по-прежнему развевался тот самый красный флаг. Но для Зиновьева он символизировал коммунистический идеал, а для них – власть в коммунистическом государстве, где они диктовали законы жизни, в том числе и таким Гулливерам мысли, как Зиновьев. Они, правда, странно сойдутся на том, что не винят Сталина в совершенных им преступлениях против всех народов СССР. Зиновьев, когда-то ненавидевший Сталина, в 90-х годах вдруг стал говорить о нем восторженно, полагая, что иначе, как железной рукой, Россию было не поднять, а Гитлера – не победить. И все же как историческую необходимость он оправдывает сталинский террор лишь частично. Главным для него был и остается научный анализ природы коммунизма и еще – поведенческих норм российского населения. Свой личный опыт и свои очевидные страдания той поры, когда ему приходилось скрываться от погони чекистов, Зиновьев отбросил как частность. Точно так же он считал себя вправе поступать и с эмоциями бывших диссидентов и их единомышленников, когда они пытались убедить его, что тиранство Сталина непростительно и оправдать его никак и ничем невозможно. Он отвечал, что с его точки зрения это тиранство было единственным способом спасти ту условно-коммунистическую систему (Марксом там и не пахло), которая сложилась в СССР к моменту прихода Сталина к власти. Вывод этот с его точки зрения объективен, и ничего взамен Зиновьев нам предложить не может. А коммунизм получился в России именно таким, каким он был, потому что так сложилось, и другим он быть не мог. Не важно – нравится его вывод диссидентствовавшей интеллигенции или нет.

Помню, в 1996 году во время одной из наших встреч в Париже, почти физически устав от его пессимистических прогнозов по поводу бу-

душего России, я спросил его, а нельзя ли все же дать читателям нашей газеты хоть какую-то надежду и пусть небольшой, но заряд оптимизма? Реакция Зиновьева была мгновенной: «Нет, нельзя. Ибо это противоречило бы научному анализу нынешнего положения страны и ее ближайших перспектив». Конечно, он был, как всегда, прав. В России тогда только что переизбрали президентом Ельцина. Какие уж там могли быть перспективы! И все же человек жив надеждой, пусть даже не имея на это никаких оснований. «Ты мне друг, но истина мне дороже» – это для римлян, не для русского человека.

Зиновьев отрицает за идеологией право на существование, полагая, что это категория не научная, а скорее мистическая, своего рода идейный инструмент профессиональных манипуляторов массовым сознанием. Его критическое восприятие коммунизма и социально-исторического феномена советской власти во многом кардинально расходится с традиционными и неомарксистскими оценками, будучи ближе к подходу Герберта Маркузе, автора книги «Советский марксизм», и даже во многом, особенно в «Зияющих высотах», – к критике Джорджа Орвелла, хотя сам Зиновьев никакого духовного родства ни с американским идеологом «новых левых», ни с Орвеллом не признает. И все же, подобно Маркузе и Орвеллу, Зиновьев пришел к критике коммунизма слева, а не справа. Но в отличие от них он не отрицает коммунизм, не хоронит его, а утверждает, говорит о необходимости исторической реабилитации коммунизма, что среди современных философов непопулярно. В государстве из одного человека, однако, о всеобщем признании никогда не беспокоились. Зиновьев публично утверждает, что коммунистическая практика была слишком кратковременной для того, чтобы судить о реальном потенциале коммунизма вообще и советской власти в частности. С его точки зрения еще ничего не потеряно. Надо просто подождать, пока история сделает еще один круг и пока человечество помудреет.

В этом подходе куда больше зрелого анализа, чем наивности мечтателя либо веры адепта. Хотя есть и то, и другое, и третье. Когда у нас говорят о Западе вообще, то ли как об идеале для подражания, то ли как об «империи зла», черпая термины из антикоммунистического словаря

Рональда Рейгана, я этого не воспринимаю, ибо знаком с той стороной света в частностях и с отдельными его представителями лично. Запад не монолит. Как ни странно это для многих моих соотечественников выглядит, именно через детей из обеспеченных семей с начала 60-х годов там на западный лад повторяется история радикализации российских дворян и разночинцев. Дети элиты ищут духовности, возможности послужить своему народу и всему человечеству, идут «в народ» и современные народники. Мальчики из богатых европейских и американских семей зачитываются Бакуниным и Кропоткиным, а в последнее время все чаще – и Зиновьевым, их кумирами становятся батяня Махно, Че Геварра и, увы, даже Бен Ладен. Можно, конечно, на этом фоне порассуждать о феномене *deja vu*. Но дело не в том, что история повторяется. Повторяется, только на более высоком и теперь уже глобальном уровне, поиск социальной справедливости, возможностей бескорыстного служения людям, в чем для последовательных левых и есть высший смысл коммунизма. То, что лидеры современных компартий этот смысл донести до масс не умеют, – это их беда, а не беда коммунизма. Очевидно, чтобы прийти к этой истине, потребуется и смена лидеров, и смена поколений, и неизбежная при этом трансформация коммунистического учения. Вот тогда, может быть, коммунизм получит снова тот исторический шанс, который, по Зиновьеву, был в России упущен, с чем трудно не согласиться.

Не исключено, что именно на Западе когда-нибудь построят свой вариант «русского коммунизма» только под другим названием. А мы, наверное, будем годами дожидаться этого момента, чтобы импортировать с Запада «рабочую модель» очередного российского переустройства, которую мы вполне могли бы создать сами и приспособить ее к нашему, российскому климату? Не рискуя при этом с помощью очередной зарубежной «блохи» (которую мы подковать наверняка сможем) разрушить то, что, может быть, худо-бедно построим к тому времени? А ведь если приглядеться повнимательнее к западной реальности пристальным социологическим оком, можно увидеть, что Запад давно уже потихонечку – с того же 1917 года – создает и отрабатывает на практике именно такую

модель. Конечно, с учетом своей политической «технологии», рожденной в ходе Великой французской революции, во время Парижской Коммуны, в период создания Декларации независимости, Билля о правах и Конституции США. Учтут конструкторы этой модели со временем и практику «китайского социализма», и японского «семейного капитализма».

Всю копилку социального опыта человечества переворачивают и используют, чтобы создать модель поистине универсальную, пригодную для Глобального Сверхобщества стран «золотого миллиарда». Главным же критерием ее работоспособности будет то, насколько она соответствует извечной мечте человечества о социальной справедливости. Ведь выступать против этой мечты столь же нелепо и антигуманно, как выступать против материнства.

Воскресить коммунизм в России активно пыталась КПРФ. Возрождались обкомы, райкомы, горкомы. Казалось поначалу, что «красный пояс» из областей России, в которых губернаторами стали коммунисты, окрасит в тот же цвет политическую карту всей страны. Коммунисты эту возможность упустили, потому что, подобно Бурбонам, ничего не забыли и ничему не научились. В конечном итоге от этого клона КПСС с ее партократией российский избиратель отошел. Он все еще воспринимал советскую власть и хотел бы возвращения в реальность всего того, что в ней было хорошего, а было его немало, но без партократии, ее погубившей вместе с Советским Союзом.

Владимир Максимов пишет в «Правду»

...Горбатая улица Лористон будто выгнутая кошачья спина поднимается круто вверх от Триумфальной арки и идет вдоль старых, еще XVIII века домов. В одном из них здесь, в центре Парижа, после своей высылки из СССР жил русский писатель Владимир Максимов, главный редактор самого влиятельного в среде современной русской эмиграции журнала «Континент».

Случалось, я подвозил сюда тех наших литераторов, которые искали с ним встречи. После 1985 года на это наши власти уже смотрели сквозь пальцы. Думаю, что и передо мной Владимир Емельянович не захлопнул бы дверь, хотя он и был одним из лидеров «Интернационала сопротивления коммунизму», а я – корреспондентом «Правды». Но мы были не просто по разные стороны баррикады. Нас разделяла та же линия фронта, которая разрубила весь мир надвое в годы «холодной войны». Она казалась мне непреодолимой в силу того принципа, в соответствии с которым я был воспитан: «Тот, кто не с нами, тот против нас».

Зеркально эта логика отражалась и в эмиграции. Я был коммунистом по убеждению. Максимов – по убеждению антикоммунистом. И с обеих сторон нашей баррикады любая попытка диалога между нами воспринималась бы только как отход, если не как отказ от наших убеждений. Наверное, не переступил бы я никогда порога дома Максимова, не случись с нашей Родиной всего того, что ее постигло.

Гражданская война между россиянами, начавшись в 1917-м, так и не прекращалась. Только что принимала другие формы... Сам по себе феномен этой войны удивителен. Равного ему нет в истории. С самого начала этот конфликт был прежде всего идеологическим. Обе стороны дрались не столько за свои права и привилегии, сколько за свою идею государственного устройства России и за счастье ее народа, которое те и другие понимали по-своему, хотя и те и другие верили в «русскую идею». Только

Владимир Емельянович Максимов

(настоящее имя Лев Алексеевич Самсонов; 27 ноября 1930, Москва – 26 марта 1995, Париж) – русский писатель, публицист, редактор.

в эмиграции ее исповедовали в дореволюционном варианте, а в СССР – в советском. Это был действительно в пушкинском смысле «Спор славян между собой». Для подлинных патриотов нашей Родины Россия в этом споре была превыше всего. Вот почему Гитлер так и не смог привлечь под знамена своего антикоммунистического похода на Восток белую эмиграцию. Она, хотя и не пошла за большевиками, воевала в основном в рядах армий западных союзников СССР против гитлеровской «оси». Так поступил, например, внук Николая II князь Михаил Романов, который ушел в «маки» во Франции, Владимир Поляков, отец Марины Влади, знаменитая красная княгиня В. А. Оболенская («Вики»), казненная фашистами в Плензее, и тысячи других русских дворян и разночинцев. Традиции патриотизма оставались мерилom порядочности и человеческого достоинства и в послевоенные годы в русской эмиграции, далеко не однородной, но, как правило, резко антисоветской.

...Давно ли здесь, на улице Лористон, встречались лидеры базировавшегося в Париже «Интернационала сопротивления»? Объективно роль их в развале Советского Союза и падении советской власти была невелика. Но все же вольно или невольно руку к этому они приложили. И вот я захожу в давно уже мне знакомый подъезд, поднимаюсь в лифте на третий этаж, и сам Максимов открывает мне дверь. Мы не топтались вокруг и около, не искали подходов друг к другу и каких-либо взаимных извинений и оправданий, а начали говорить сразу, как будто были давно знакомы. На общем нашем языке, на русском. Максимов говорил о своей боли за Россию, истерзанную и унижаемую криминальным режимом того времени.

Боль эта у него глубинная, боль души. Как у Александра Башлачева, который дал очень точный образ природы этого чисто русского состояния слияния физического и духовного страдания: «...я не знаю, болит, потому что люблю, или просто люблю, потому что болит». По этой-то боли русские и находят друг друга. И поэтому их никогда не понимают ни те, у кого красного словца ради «душа за Россию болит», потому что они ее не любят, ни те, кто «любит Россию» по должности либо из экзотики, потому что у них душа за нее не болит. Тут диалектика особая, присущая не только русскому национальному сознанию, но и любому

настоящему патриоту России. Боль за Россию у нас с патриотической эмиграцией общая. Потому мне и удалось найти общий язык не только с Зиновьевым и Максимовым, но и с философом Петром Марковичем Абовиным-Егидесом, с писателем Андреем Донатовичем Синявским и его женой – главным редактором журнала «Синтаксис» Марией Васильевной Розановой – и многими другими бывшими диссидентами, с которыми я встречался во Франции. Все они были в недалеком прошлом из «союза изгнанных», одно упоминание которых требовало в СССР визы цензуры. Но в 90-е годы все они стали с моей помощью авторами «Правды», которая, надо признать, тогда была куда более приличной и читаемой газетой, чем она стала к началу XXI века.

Казалось бы, неестественный союз. Ельцинисты, как в свое время Ленин, почувствовали опасность единения правых и левых на базе патриотической оппозиции в России сразу же, и в демпрессе травля «красно-коричневых» не прекращалась с того момента, когда четко обозначился раскол между Белым Домом Хасбулатова-Руцкого и Кремлем Ельцина. Между тем ничего противоестественного в таком союзе не было. За него ратовали еще сменовеховцы. У Алексея Толстого и его единомышленников идеологически ничего общего с коммунизмом тоже не было. Но была общая Родина. И Толстой знал, что большевики уничтожили его поместье, но забыл им это, потому что они не посягнули на русскую государственность.

В Париже мне не раз доводилось быть свидетелем зеркального вращения к основам русскости. И это касалось не только визитов моих соотечественников высокого ранга и рангом пониже на Русское кладбище в Сент Женеьев-де-Буа, но и обязательных походов в Храм Александра Невского, который прежде считался «белогвардейским гнездом», в магазин русской книги Струве... В конце концов, понимание того, что и белогвардейцы были не «вроде бы русскими», как в стихах Р. Рождественского о кладбище в Сент Женеьев-де-Буа, а русскими на все сто процентов, пришло. Вместе с этим пришло осознание возможности союза русских по этно-историческому принципу, в интересах защиты русской государственности независимо от идеологических разногласий.

Такой поворот «перестройки» не устраивал, прежде всего, ее идеологов и авторов развала Советского Союза. Они принялись заново разжигать гражданскую войну, делить советских людей на «красных» – «консерваторов», «противников реформ» и «белых» – «демократов», «реформаторов» и т. д. Венцом этих усилий и стал т. н. путч августа 1991 года и развал СССР точно по такому же сценарию, по которому была развалена Россия в ходе последовавшей за Октябрьской революцией 1917 года гражданской войны. Противостояние Ельцина и Верховного Совета России в октябре 1993 года прямо вело к гражданской войне.

Поначалу в эту новую «гражданку» втянулась и значительная часть русской эмиграции, видные лидеры диссидентов. Их охотно привлекали в Москве и Санкт-Петербурге. Чаще всего – те самые люди, которые разваливали СССР и еще до августа 1991-го примеривались, как развалить таким же образом и Российскую Федерацию. До поры все эти свои планы эти оборотни прикрывали разговорами о демократии, свободе, реформах, о борьбе с наследием сталинизма и коммунистического прошлого, о демонтаже «репрессивных структур» от МВД до КГБ, о всемирном братстве и братании интеллигентных людей и т. д., и т. п. Российская интеллигенция наконец-то была официально призвана «помогать, укреплять и способствовать» и бросилась в объятия нового «демократического» режима в упоении запоздалой страсти. Достоевский в «Бесах» вволю над этой страстью поиздевался, когда писал, что российский интеллигент вечно мечется в поисках того, кому бы он мог вычистить сапоги. Или даже вылизать...

Ельцин, как до него и другие, охотно использовал сервильную интеллигенцию, готовую провозгласить его кем угодно – хоть Шекспиром, хоть Львом Толстым. (Кто его сравнивал с Толстым, все у нас знают. Ну, бывает.) Но, когда «сапог» был основательно вычищен и вылизан, интеллигентов попросили «выйти вон». Московский автор парижской «Русской мысли» Л. Тимофеев уже в мае 1994 года сетовал в одной из своих статей: «Интеллигенция даже еще год назад, казалось, имела весьма сильное влияние на президента, а через него на весь высший аппарат

политической власти. Теперь это влияние она утратила окончательно и... впала в глубокий пессимизм».

Издалека, как говорится, виднее. Живущие во Франции, Германии и США диссиденты, которые, как правило, не просто держали фигу в кармане, наподобие нововылупившихся демократов, а за демократию в России боролись, первыми увидели, куда поворачивает «демократический» режим.

Как и многие российские «пролетарии умственного труда», которые с открытой душой восприняли и поддержали перестройку и даже поначалу гайдаровские «реформы», они убедились, что их просто «кинули» ельцинские наперсточники от демократии. На их глазах вместо обещанной свободы и демократии в России быстро нарождался политический гибрид оккупационного коллаборационистского режима типа «режима Виши» периода гитлеровской оккупации Франции и колониальной демократии времен британских доминионов. Даже западная пресса признала, что перекусившиеся в демократов партократы строят в России и других странах СНГ некую разновидность криминально-бюрократического капитализма, от которого за версту отдает прежней системой «кормушек» и «вертушек» и «теневого экономикой».

Быть может, даже такие параллели не заставили бы вчерашних диссидентов отшатнуться от ельцинского режима, не будь он еще при этом и откровенно антирусским.

...Как-то в мае 1994-го я зашел к Максиму и застал его в чрезвычайном волнении. Владимир Емельянович усадил меня перед собой и принялся зачитывать мне высказывания российских лидеров и «властителей умов». Высказывания мерзкие и русофобские. «Как это у них, мерзавцев, язык поворачивается говорить такое?!» – возмущался Максимов.

«На то они и мерзавцы, – ответил я ему. – Напишите нам о них в “Правду”. Тут много не надо. Их цитата. Ваш комментарий. А читатель сам сделает все выводы».

Через день Максимов позвонил и сказал: «Приезжайте. Статья готова». Мы ее опубликовали в «Правде» без проволочек и не поправив ни слова. С тех пор он стал нашим постоянным автором.

Греховная природа человеческая

То, что Максимов выступил автором «Правды», стало и впрямь сенсацией. Не называя Максимова по имени, сам Александр Солженицын вскоре после первых его статей потребовал, чтобы «Правда» покаялась «за то, что лгала», причем на первой полосе и аршинными буквами. Я заехал к Максиму вечером и привез ему эту статью Солженицына. Он прочел ее и сказал:

– Что ж, «Правде» есть за что покаяться. Но, замечу справедливости ради, что Солженицын не предъявляет таких требований, как к «Правде», ни к «Известиям», ни к «Литературной газете», ни к другим травившим его органам печати. И не предъявляет никаких претензий к нынешнему руководителю «Останкино» А. Н. Яковлеву, который этой травлей дирижировал из отдела пропаганды ЦК КПСС. А ведь они-то никак не покаялись.

– *Могут и покаяться, если прикажут. У наших «работников идеологического фронта» действует по-прежнему петушинный принцип – «Главное прокукарекать, а там хоть не рассветай!». Вчера они служили коммунистической Старой площади, а теперь, когда туда перебралась администрация Президента РФ, служат Старой площади антикоммунистической. Отсюда, из Парижа, не всегда увидишь, куда идет наша русская интеллигенция. Но по части сервильности она сейчас бьет все советские рекорды. В истории России даже служившие режиму писатели оставались в своем творчестве диссидентами. Классические примеры – Салтыков-Щедрин и Грибоедов. Пушкин хоть и был придворным, даже посвящал стихи царю, но придворным поэтом не стал, остался бунтарем. А у нас все наши властители умов, о которых мы иначе как с почтением никогда не говорили, вдруг все бросились прислуживать режиму.*

– Мне рассказывали, – засмеялся Максимов, – как господин Ельцин обращается с господами интеллектуалами, которые идут к нему в услужение. Один горе-прозаик работал у него пресс-секретарем, так

он его выбросил, как Стенька Разин персиянку в «набежавшую волну», с борта своей президентской яхты на Волге. А тот ничего, выплыл, утерся, умильно хихикнул: «Шутник-с, мол, его высокопревосходительство!» – и по-прежнему служит. Куда уж дальше? О таких «властителях дум» Щедрин говорил так: «Твердой души прохвосты!» Но вы только не подумайте, что они все такие. Приведу Довлатова в рассказе. К Бродскому в больницу, где он лежал после тяжелой операции на сердце, пришел его друг и сказал: «Иосиф, ты слышал, Евтушенко сказал, что колхозы надо распустишь». Бродский ответил: «Евтушенко? Я против». Вот Бродского не купишь...

– А что все же движет «твердой души прохвостами»? Желание вновь обрести утраченную кормушку в виде подачек, которые они получали от советской власти, если вели себя послушно, либо страх перед властью?

– Скорее, и то и другое, – ответил Владимир Емельянович. – Кстати, страх этот сохранился до сих пор. Теперь – по отношению к нынешнему режиму. Вы заметили, как после первого силового давления в октябре 1993-го сразу снизилась политическая активность? Во многих до сих пор живет этот почти генетический испуг. И это самое большое преступление КПСС...

Я заметил в ответ, что КПСС не была политической партией в классическом понимании этого термина. Это была скорее административно-организационная структура, созданная большевиками для управления страной. И, как в каждой тоталитарной системе управления, в ней существовал свой блок подавления инакомыслия. После XX съезда репрессивные органы были отделены от партии. Но только формально. Вплоть до развала Союза КГБ оставался «карающим мечом партии». И, по сути, составлял с партией одно целое...

– Я и акцентирую поэтому внимание не на слове «партия», а на слове «страх», – сказал Максимов. – Самое любопытное в постсоветской политической реальности – это попытка воссоздать КПСС именно в той функции, которую она выполняла в СССР, но только без коммунистов.

Создание так называемых демократических партий ведется под президента, что, по сути, обесмысливает само понятие политической партии. Взять попытку создания «Демократического выбора России». Это же всего лишь отдел президентской администрации. Понятно, что ни одна действительно политическая партия не сможет состязаться с таким ельцинским «паровым катком», созданным на фундаменте ЦК КПСС. Очевидно, что мы имеем дело с той же самой системой, только в другом обличии. Что такое Совет Безопасности, как не Политбюро? – продолжал Максимов. – А партии России нужны. Только настоящие, а не искусственные. Без них невозможны настоящие выборы. Выборы – это гигиена демократии. Пусть раз, два, четыре будет неудачен выбор. В пятый какой-то оптимальный вариант будет найден. Но если только однажды, пусть даже во имя благих намерений, отказаться от этого принципа, демократии как нет, так и не будет.

– Тут снова приходится вспомнить Александра Исаевича, – попытался я вернуть его к нашему классу. – Он писал в «Архипелаге ГУЛАГ»: *«Я понял ложь всех революций истории: они уничтожают только современных им носителей зла (а, не разбирая впопыхах, – и добра), само же зло, еще увеличенным, берут себе в наследство».* Так что, выходит, прав Солженицын и в этом?

– И да, и нет, Володя, – ответил Максимов. – Все радикалы и все реформаторы мира на всем протяжении истории человечества ставили перед собой благие цели, но ими, благими намерениями, вымощен путь в ад. Ибо, как только эти реформаторы приходили к власти, в них проявлялись люди. Один труслив. Другой равнодушен. Третий алчен. Четвертый властолюбив.

А затем Максимов сказал слова, которые я запомнил на всю жизнь:

– Дело не в идеологии. Дело – в греховной природе человеческой. Вот поэтому все эти химеры, все модели на практике никогда не срабатывали. Именно потому, что натывались на испорченность самой человеческой природы, которая преодолевается либо религией, либо культурой. А демократия сама по себе ни от чего не спасает. Разве что облегчает выбор.

– *А есть ли этот выбор у нас в России, Владимир Емельянович? Как до выбора дело доходит, так вся наша сервильная печать твердит, что выбор у нас только один – переизбрать того, кто уже страной правит. Все те же стереотипы – «Наш народ уже сделал свой выбор! Выбору этому нет альтернативы!» С 20-х годов XX века у нас ничего не меняется...*

– У меня, кстати, есть выписка из «Нью-Йорк Таймс» той поры, – хитро улыбнулся Максимов. – В этой газете была опубликована замечательная, где говорилось, что Сталин ведет борьбу «с ястребами» в Политбюро. А его вроде бы чуть не заклевали. При Горбачеве тоже твердили, что ему нет альтернативы, и пугали народ Ельциным. Я в свое время не очень жаловал Михаила Сергеевича и в разговоре с академиком Сахаровым и Еленой Боннер спрашивал: «Почему вы поддерживаете Горбачева?» А они – теперь, правда, Боннер от этого отказывается, хотя у меня есть весьма надежный свидетель того разговора, – всячески убеждали меня, что «Горбачеву нет альтернативы». Правда, добавляя при этом «к сожалению». Так сами себя загнали в ловушку. И это очень выгодно для режима. Какая ж мы в таком случае несчастная страна, если при 150-миллионном населении и более чем 100 национальностях не можем найти альтернативы весьма заурядному в недавнем прошлом секретарю обкома. Поставьте с ним рядом, например, Святослава Федорова. Он на много голов выше Ельцина. И человек к тому же безупречный, незапятнанный. Ему извиняться не за что. Конечно, грязи и для него не пожалеют, если он вдруг выдвинет свою кандидатуру в президенты. (С. Федоров, видный российский офтальмолог и политический деятель, трагически погиб в авиакатастрофе 3 июня 2000 г. – В. Б.) У нас в России, – сказал мне тогда Максимов, – все упирается в проблему власти. Если власть будет того же качества и если режимы, которые сменят нынешний, поведут страну по тому же пути, России не будет. Я не хочу сказать, что все, кто служит нынешнему режиму, сознательно ведут Россию к гибели. Хотя такие люди, как Бурбулис и Гайдар, делают это сознательно. Нынешний режим в целом губелен для России. Но если мы сумеем повернуть события, то у России еще есть шанс.

...Это было сказано в 1994 году. Но вот зимой 1995-го Максимов тяжело заболел. Вместе с его женой Таней я отвез его в больницу на нашей корпунктовской машине, и там после сканирования нам по секрету сообщили: у Максимова – рак. Уже после его смерти я разобрал старые пленки и восстановил то интервью с ним, которое давно готовил. Приведу его здесь в кратком варианте. Своей актуальности оно не теряет, так как объясняет, что привело СССР к развалу и почему режим «демократии» обернулся катастрофой для России.

– *Владимир Емельянович, мало кто в России знает теперь, почему так получилось, что вы, русский писатель, вынуждены были покинуть Родину.*

– Вы знаете, обо всем этом я написал во второй книге автобиографического романа «Чаша ярости». Написал роман вполне легальный, по договору с «Советским писателем». По заявке. Старый коммунист переосмысливает свою жизнь. Но он так ее переосмыслил, что это издательству не понравилось. Оно повело себя весьма порядочно, никакого шума не поднимало. Но, как и многие рукописи того времени – непринятые, отвергнутые, – она попала в «Самиздат». Мне нечего кокетничать. Теперь, после того как это прошло, стало делами давно минувших дней, я могу сказать, что палец о палец не ударил для того, чтобы рукопись попала на Запад. Не знаю, кто точно, но кто-то из правозащитных кругов ее передал. Здесь на Западе роман получил широкий резонанс и был издан в издательстве «Посев», переведен практически на все западные и даже многие не западные языки.

– *Речь идет, как я понимаю, о «Семи днях творения»?*

– Да, конечно.

– *И какую реакцию эти публикации вызвали тогда в Союзе писателей?*

– Мне предложили покаяться. А я отказался каяться. И был исключен из Союза писателей. Дело даже не в том, что это была такая уж большая честь состоять в нем. Но я сразу, как вы понимаете, был переведен в

другую социальную категорию – в тунеядцы. А это означало, что я становился игрушкой в руках нашего участкового. Он мог упечь меня куда угодно. Это было очень просто. Отказавшись покаяться, я оказался в существенной изоляции, был выбор: или уезжать, или оставаться с риском быть отправленным в места, не столь отдаленные.

Я подал бумаги. Разрешение на выезд я получил 12 февраля 1974 года, то есть в день высылки из России А. И. Солженицына. В тот же день я получил разрешение выехать на год во Францию с советским паспортом. На сборы ушло две-три недели, и 1 марта 1974 года мы с женой приземлились на самолете в Орли – аэропорту под Парижем. Так я оказался на Западе.

– *Вы не считали себя диссидентом, человеком, который никак не вписывался в советскую систему до того, как вы уехали?*

– Вы знаете, считал. Потому что я не вписывался. Ну никак. Кстати сказать, все мои друзья, даже те, которые сейчас стали моими врагами, могут подтвердить, что на протяжении тех лет, в течение которых они меня знали, я всегда высказывался в резко антикоммунистическом духе, не понимал той системы, не принимал ее и принять не могу. К этому, возможно, располагала меня моя тяжкая судьба, нелегкая судьба моих родителей. Мой дед принял активное участие в революции. Отец – скорее пассивное, потому что он 1901 года рождения. Но в годы гражданской войны он был в Красной Армии. Он сам из деревни, но, вернувшись из армии, остался в городе. Был членом партии и действительно принадлежал к троцкистским организациям. Я был назван в честь его кумира Левого, Львом. Теперь я об этом знаю, потому что получил все документы в детстве, в колонии. Звали меня: Лев Алексеевич Самсонов.

Отца, как я узнал, впервые арестовали не в 1937 году, а в 1927-м, после высылки Троцкого из Советского Союза. Затем его брали превентивно на большие праздники. Так до 1938 года. И дали ему по тем временам немного – три года. Но ему добавляли, и он просидел до 1940-го. Затем он попал в поток, который вышел на волю после смены в НКВД Ежова на Берия. Тогда восемь тысяч было отпущено. В их числе были извест-

ные люди, в том числе Рокоссовский. И мой отец, хотя был он человеком маленьким, простым рабочим.

22 июня 1941 года он ушел добровольцем на фронт. Но повоевать ему не пришлось. Рассказывают, есть даже свидетели, что их грузовик разбомбили немцы. И он был убит. Дед мой тоже прошел ГУЛАГ. Хотя и был участником революции, а затем – комиссаром железной дороги. После выхода на свободу он влачил жалкое существование.

Я убежал из дома в 13 лет. Мотался по приемникам и колониям. Это горький опыт. Я работал в колхозах, на стройке, завербовался на Таймыр, объездил практически всю страну. Чем я только не занимался. Так было до 22 лет. Тогда я связался с газетой. Сначала – с районной, на Кубани. Это было «Сталинское знамя». С тех пор я и пошел по этой стезе. Работал корреспондентом радио в Черкесии, в газете «Советская Черкесия». Там, на Ставрополье, у меня вышел первый сборник стихов, там я поставил первые свои пьесы в местном театре. Затем уехал в Москву. Сначала был свободным художником в «Литературной газете». Сошелся с той группой людей, которые заняли сейчас довольно-таки прочное положение в литературе. К сожалению, мы с ними в последние годы резко и полностью разошлись. Это Станислав Рассадин, Булат Окуджава, Бенедикт Сарнов, Лазарь Шиндель и целый ряд других. Но, во всяком случае, эта школа дала мне очень многое. Люди они были образованные, знающие, я многое от них получил.

В 31 год я напечатал первую прозу. Опубликована она была в известном тогда сборнике «Тарусские страницы». Этому способствовали именно те люди, о которых я говорил выше. Они были связаны с Константином Паустовским, и он тоже решил меня напечатать. Так началась моя судьба в прозе. Затем появились первые вещи в «Октябре». Остальные журналы меня отказывались печатать. Я даже входил в редколлегия «Октября». Но недолго, всего восемь месяцев. Вышел я оттуда после чехословацких событий 1968 года.

- *Вы в партии никогда не состояли?*
- *Никогда. Я человек верующий.*

– *А как вы стали верующим?*

– Через литературу. В конце 50-х годов. Через Достоевского, через философа Бердяева. Как раз в то время к нам стали проникать его книги, книги Флоренского и Сергея Булгакова. Это, впрочем, достаточно типично для интеллигенции моего поколения. Все к вере шли через литературу.

– *Как складывалась здесь, в эмиграции, ваша судьба – и литературная, и политическая?*

– Социально мне ничего не грозило. У меня были стартовые возможности. Были довольно приличные деньги за издание «Семи дней творения» и авансы под следующий роман. Так что это по тем временам была достаточно солидная сумма. И я на нее мог несколько лет, хотя и не более того, прожить. Но после моих выступлений и пресс-конференций мне позвонил довольно известный тогда журналист Карл Густав Штрём, представитель газеты «Вельт». Известен он был тем, что брал интервью у Александра Солженицына для «Немецкой волны». Тогда каждое такое интервью было событием. Это сейчас, давай, не давай, никто не слышит.

Штрём – прекрасный журналист, отлично говорит по-русски. Он встретил меня в Мюнхене, и мы с ним подробно поговорили. А затем он мне позвонил в Париж и сказал: «С вами хотел бы встретиться Аксель Шпрингер. Он готов вам дать свой самолет». Аксель пригласил меня к себе в поместье под Гамбургом. Я очень резко тогда выступал против «Остполитик» и против Брандта, который был политическим врагом Акселя. И у Шпрингера это, видимо, вызвало ко мне первоначальные симпатии. Как-то чисто по-человечески мы сошлись. Он мне сразу же при первой встрече предложил издавать «Континент». И я тут же начал работать. Наша встреча состоялась в мае 1974 года, а уже в сентябре к книжной ярмарке во Франкфурте вышел первый номер «Континента». И я продержал этот журнал 18 лет.

Во Франции многие двери для меня закрылись после того, как узнали, что «Континент» финансирует Шпрингер. И, конечно, не без помощи соответствующих наших организаций, которые были здесь очень влиятельными и могли повлиять через своих подставных лиц на многое. «Как

это, – говорили про меня, – он смог выступить против самого Белля, против Грасса, против французских левых?»

Легко не было. В литературном смысле проиграл я много. То меня печатали самые престижные издательства в Европе, такие, как «Грассе», «Риссони» или «Шерц», а то начали меня отодвигать на издательскую периферию, в издательства с антикоммунистической репутацией. Это закрывало мне выход на рынок, ибо книгопродажа здесь в руках у «левых».

И тем не менее много я приобрел. Я встретился со многими из тех, с кем я мог только мечтать встретиться. Я близко познакомился и подружился с любимой дочерью Льва Толстого Александрой Толстой, с Набоковым, с целым рядом крупнейших политических деятелей – с Гельмутом Колем, с Менахемом Бегинном, с Андреотти. Это дало мне выходы в большую политику. Я понял, как все это работает, и получал информацию из первых рук. И получал политическую поддержку. «Континент» так или иначе, по крайней мере в первые три года, вышел на одиннадцати языках. А затем на немецком и русском выходил почти до конца.

«Континент» объединял вокруг себя людей выдающихся. Посмотрите списки членов редколлегии – от Ионеску до Джиласа. Журнал давал мне возможность ездить. Меня приглашали в разные страны. Очень много я увидел, узнал, пощупал своими руками. Это принесло многое.

– Мне приходилось еще до августа 1991 года привозить к вам сюда, на улицу Лористон, некоторых своих приятелей, в том числе известных поэтов и прозаиков. Неужели кто-то рисковал (по тем временам) писать специально для «Континента»? Или это были визиты вежливости?

– Нет, не писали. Не хватало мужества. Когда они приезжали сюда, то я чувствовал по их поведению, что это для них подвиг. Будто они на Голгофу взошли. Дело в том, что у многих писателей психология артиста. Хочется нравиться всем. Я это без осуждения говорю. У меня позиция, у меня журнал. Я могу слово там сказать, слово тут сказать. Поэтому отношения в основном поддерживались для того, чтобы и здесь, с моей стороны, не было никаких неприятных неожиданностей. В основном для этого. Печатались в «Континенте» люди, которых не выпускали. А те, кого вы-

пускали... Да что вы! Напечататься – значит закрыть себе поездки. Однажды, правда, напечатался у меня Фазиль Искандер – один из наиболее порядочных людей, которых я знал. Печатался еще Владимир Корнилов. Ну, еще два-три, быть может. Ну, и потом с теми, кто бывал у меня, я по России был близко знаком, а с такими, как Окуджава, просто дружил. И он сам признает это в своих воспоминаниях.

– *Разрыв между вами произошел после расстрела Белого Дома в октябре 93-го?*

– Да, к сожалению, теперь между мной и большинством из этих людей пролегла кровь. Русская кровь, российская кровь. Им на нее наплевать, а мне – нет. Вот и все. Если ты, как Окуджава, «наслаждаешься» (я точно называю слово) тем, как избивают и убивают людей (русские они или не русские – не важно), тогда о чем нам говорить? Можешь сколько угодно говорить: «Это во имя, ради...» Это мы все слышали. Это мы все проходили. И в 1917 году, и в 1937-м. Меня на эту демагогию не купишь. Потому и разговаривать мне с этими людьми не о чем. Ничего, кроме презрения, они у меня не вызывают. И никакого отношения к интеллигенции они не имеют, хотя и называют себя интеллигентами. Никакого. Это обычные карьеристы, выбравшиеся в литературу и в другие области культуры и искусства.

У нас в те времена применить свои способности позволяла только одна область – культура. Она была более или менее свободной. Люди писали довольно сносные стихи, делали приличные фильмы, ставили довольно-таки приличные спектакли. Но когда оказалось, что можно делать и другое...

– *Точнее, на чем зарабатывать...*

– Ну да. Смотрю, один – коммерсант, другой какую-то фирму имеет. Оказывается, все это творчество для них было вовсе не обязательным. Получается обратный процесс. Станиславский вышел из очень богатой и интеллигентной купеческой семьи. Его дядя был городским головой в Москве. И он рвался из этой среды в искусство. И другой профессии, другого поля деятельности он для себя не мыслил. А сейчас наоборот. Они из

искусства – все в купечество подались и считают это для себя еще большой честью. Мог ли Станиславский подумать об этом?!

– *Как вы считаете сами, «Континент» был больше политическим журналом либо литературным?*

– Поровну. Но даже та литература, которую мы печатали, была пронизана политикой. Вспомните, «Колокол» вообще не печатал никаких художественных произведений.

– *Как относились к вам советские власти?*

– Ну, это вы лучше меня знаете. Писали о нас, как всегда: «Этот пресловутый “Континент”». С каким-нибудь пасквилом выступал «Крокодил». Все, в общем, на уровне такой пропаганды. Такие статьи просто присылали с нарочным. Их засылали в набор, а секретариат даже не вмешивался, потому что «прислали оттуда» готовый материал. Поставить, и все! Это делали профессионалы.

Мы жили, как я вам уже однажды говорил, в предложенных обстоятельствах. И в принципе даже хороший человек, если он хотел жить, должен был делать то, что ему говорили. А теперь они, твари, все рассказывают сказки о том, как они боролись и страдали. Даже бывшие члены Политбюро пишут воспоминания о том, как они боролись.

– *В 1979 году вы начали создавать «Интернационал сопротивления», в руководство которого вошли весьма известные и уважаемые люди во Франции и в других странах, причем далеко не все они были ультраправыми, – Раймон Арон, Ив Монтан, Симона Вей, Ионеску? Чем это было вызвано? Новым возмущением западной интеллигенции поведением СССР после вторжения в Афганистан?*

– Это была моя идея. Я считал, что надо объединить все эмиграции под одну крышу и спланировать, скоординировать общую политику против коммунистического империализма. В основном речь там шла о третьих странах – об Афганистане, Анголе, о Кубе и т. п. Идея эта нашла широкую поддержку на Западе. В общем, поначалу более-менее удалось,

но вы знаете, что такое политическая эмиграция. Внутри всегда идет драка между различными группировками и людьми за место под солнцем, за деньги, которые кто-то на них отпускает. Так что затея была заранее обречена. Но она угасла и сама по себе, потому что в России начались изменения. И сама цель себя изжила. Естественно, все сошло на нет.

Такие идеи время от времени возникали в эмиграции, затем угасали. Еще Керенский предлагал создать Центр политической эмиграции. Я, кстати, работал в этом «Интернационале» совершенно бесплатно, не получал никаких денег – разве что мог пойти с каким-нибудь гостем в ресторан, поехать мог куда-то на конференцию. Так что все эти легенды о фантастических заработках – это бред.

– *Предпринял ли «Интернационал сопротивления» что-то конкретное, кроме митингов и демонстраций?*

– Мы вывезли первых советских военнопленных из Афганистана, помогли афганскому сопротивлению и Савимби помогали в Анголе, собирали для них деньги. Мы устраивали встречи с политическими деятелями, ездили в Никарагуа, иногда в самое пекло. Я сам в Афганистан не ездил, но работники «Интернационала сопротивления» находились там постоянно. Мы организовывали поездки туда для некоторых западных деятелей и журналистов.

– *Вы не жалеете ни о чем, вспоминая все эти акции «Интернационала сопротивления»? Ведь так или иначе они способствовали развалу СССР.*

– Вы можете прочесть все мои труды, перелистать все изданные мной журналы и убедитесь, что я никогда не выступал против России. Я выступал против идеологии. Я считал, что это единственный груз, который мешает России развиваться, становиться более великой, могущественной страной. Это была моя большая и трагическая ошибка. И о ней на старости лет я весьма сожалею. И все же я думаю, что, если бы нам шаг навстречу был бы сделан вовремя, обошлось бы без таких потерь.

Какой-то заколдованный круг в России. Человеческий материал все тот же. Даже лозунги те же. «Кто не с нами, тот против нас». Вот запуги-

вают приходом фашизма. Но и Сталин также запугивал. И Ленин пугал, что вернутся старые порядки. Демократы во всем повторяют большевиков. И в частности, и в общем. Я не знаю, какой выход из положения. Я говорю, прежде всего, о номенклатуре. А она творит сейчас, что хочет. Посмотрите на всенародно избранного (Ельцина. – В. Б.). Да такого – из танков по парламенту – себе ни один даже большевистский сатрап не позволял.

Дали свободу слова. Но можно в колокола бить, на это никто не обращает внимания. И этот вид «свободы» еще более ухудшает положение – я уж не говорю о методах давления на печать путем сокращения дотаций, пуска в ход других рычагов.

– *Россия после развала потеряла статус сверхдержавы, и нередко Запад с ней говорит свысока. Как вы это воспринимаете?*

– Если у вас в кармане 25 тысяч ядерных боеголовок, вы можете сказать свое слово. Почему они так хлопчут вокруг нескольких ядерных бомб у Индии или Пакистана, почему так обеспокоены ядерными исследованиями в Северной Корее? Потому что знают – появившись у тех ядерное оружие, они с Западом заговорят другим языком. Вы никогда не задумывались, почему Франция так упорно создавала, а теперь все усовершенствует свой ядерный арсенал? Да потому, что иначе с ней никто считаться не будет.

Если сказать однажды твердо и решительно «цыц», – прислушаются на Западе к голосу России. Они здесь быстро становятся очень послушными и вежливыми, начинают разговаривать по-человечески. Но если вы уступили, не ждите от этих цивилизованных людей пощады. С теми, кто им уступает, они не знают ни стыда, ни совести, ни чести и, пока вас не додавят, не успокоятся.

А у нас, увы, отучились защищать национальные интересы даже на собственной национальной территории. Вот приезжал Ельцин в Вашингтон. И я думал в те дни: неужели ему его референты не докладывают, что пишут во время его визита американские газеты? Ведь должны были докладывать, например, о том, что открыто обсуждаются планы

раздела нашей страны, в частности планы отторжения и распродажи Сибири. То есть самых наших кровеносных земель. Тут бы ему взять да и возмутиться. Да куда там!

В прежние смутные времена Россия никого и не волновала, кроме, может быть, Польши, Австрии. А теперь против нее работают все. Это лакомый кусочек для всех, для раздела. Особенно ее территории, наполненные, как кладовые, ресурсами. Европейская часть никого не интересует. В Московии своей запритесь, скажут, и передушите друг друга. Совсем не то теперь Смутное время. Огромные средства отпущены, и все еще отпускаются на это разрушение. Все, начиная от сект и кончая большими концернами, все работает на разрушение России, на зависимость России от всех. Я, когда что-то анализирую, всегда стараюсь довести ситуацию до простейшего. Представьте себе дом, живет в нем семья. Они живут тем, что продают, закладывают вещи, которые родители им собрали, и берут в долг. Ну, долго это может продолжаться?

– *Пока не зложат дом.*

– Верно. Семья – ячейка государства. И это верно сказано. И на этом примере ясно, что мы занимаемся самоуничтожением, самоистреблением. А обставляется все это разговорами о «возвращении» в какую-то «цивилизацию». Солженицын назвал «безумными» гайдаровские реформы. Но они не безумные. Они были очень точно рассчитаны. На разрушение нашего государства.

– *Можно ли этого не допустить?*

– Дело в том, что у нас нет, к сожалению, как говорят военные, оперативного времени на то, чтобы выстроить свои боевые порядки. Уверяю вас, что эта публика, о которой я говорил, абсолютно спокойно подпишет даже договор об оккупации нашей страны. Страна ничего не производит. Она изничтожается всячески ежедневно и ежечасно. А ее еще втягивают в долги. И у руководства уже созрел план предложить в качестве залога за долги наши земли. Это преступление, которое никому и никогда не простится. То есть нас просто отдают, уже отдают.

Вот недавно встретил нашего общего знакомого. Он мне говорит: «Старик, не волнуйся. Провинция возрождается. Церкви красят». А я подумал: пока вы красите церкви, они красят авианосцы. А на них никто вроде бы не нападает – ни на Америку, ни на Англию, ни на Францию. Против кого же они готовят авианосцы? Против самих себя, что ли? Так что мы, глядишь, прокрасимся. И не найдется никого, кто бы забил в набат. Одни тянут в одну сторону – другие в противоположную. Может быть, мы действительно несем в себе какой-то порок, в нас укорененный, если даже перед лицом смертельной опасности нация наша не может объединиться?! Отчаяние берет...

– Если вспомнить Маяковского, то когда вы итожите то, что прожили, к каким выводам приходите?

– Увы, к горьким. Правду говорят на Востоке, что мужчине, чтобы он мог считать, что прожил жизнь правильно, надо посадить дерево, вырастить детей, построить дом и написать книгу. Все это я сделал. Вроде бы совесть моя должна быть чиста. Тем более социально мне ничего впереди не грозит страшного. На скромную жизнь хватит. Но когда я думаю о России... Я никогда даже не думал, что я буду так это все переживать. Хотя я не так уже много хорошего видел за свою долгую жизнь на Родине. Начиная с самого детства я жил в такой страшной нищете, невероятной просто. Я никогда не думал, что так буду от всего происходящего страдать. Правду говорил Говорухин – как будто на твоих глазах твою мать насилуют. Невыносимее ничего придумать нельзя. И вот это делает мой конец очень безрадостным. Мне не хочется уже ничего. Даже книги писать. На этом фоне для меня все пустое. Если не будет России, то вся моя жизнь – абсолютно бессмысленна. А ведь уже никто не скрывает, что нас не должно быть.

Даже по телевидению русским уже открыто говорят: «Вас не должно быть». Вот Новодворская говорит: «Не должно быть этой страны!» А ведь она озвучивает черные мысли всех гайдаров, вместе взятых. То, о чем они еще не осмеливаются говорить, хотя будут говорить это завтра, она уже говорит. И мне, когда я слушаю эту даму, мне действительно

хочется взять в руки автомат Калашникова. И, несмотря на мой возраст, я бы его взял...

30 марта 1995 года в парижском соборе Александра Невского состоялась прощальная панихида. Один за одним проходили люди у его гроба, кланяясь низко, по-русски. Я встал у его гроба на колени, будто по велению свыше. Я просил у него прощения за все и за всех тех, с кем волею судьбы оказался и в одной редакции «Правды», и в одной коммунистической партии. Из храма гроб с телом Владимира Максимова повезли на русское кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Так случилось, что гробовщиков не хватило – их было только трое, а из родственников успели к кладбищу подъехать только женщины. И я нес гроб Владимира Емельяновича к его последнему пристанищу, все еще не веря, что больше он уже никогда мне не позвонит и не спросит по своему обыкновению: «Ну, как дела? Что нового в России?»...

Код Екатерины Великой

Эволюция взглядов Владимира Максимова весьма показательна. Но он, замечу, не одинок. Не случайно, лишь единицы из тех, кто получил политическое убежище в странах Запада в советское время, вернулись после 1991 года на Родину. Они по-прежнему оставались политическими эмигрантами.

«Российская демократическая революция» поразила вчерашних «диссидентов» прежде всего тем, что у власти остались те же самые бюрократы, против которых они так искренне сражались, как Дон Кихот с ветряными мельницами. Зиновьев недоумевал: «Те самые люди, которые запрещали мои книги “Коммунизм как реальность” и “Кризис коммунизма”, когда еще существовал Советский Союз, как “остро враждебные коммунизму”, теперь те же самые книги объявляют “прокоммунистическими”, “просоветскими”».

Историк Михаил Геллер писал в «Русской мысли» в июле 1994 года:

«Все лидеры нынешнего “переворота” выпестованы старым режимом. Они “вывернули пиджаки наизнанку”, как выражаются французы, и вернулись на капитанский мостик, к штурвалу... Экс-коммунисты сегодня настаивают, что всегда все понимали, но действовали в “подполье”, в полуподвалах. Недавно из интервью, которое дал сын Юрия Андропова, выяснилось, что председатель КГБ всегда был недоволен режимом. Сказать об этом мешала ему страшная мысль: “Кто придет на мое место?” Я не исключаю, что Андропов был антикоммунистом. Но не поверю, что он мог быть кем-то по убеждению – коммунистом, антикоммунистом, социал-демократом. Он был по убеждению государственным служащим, бюрократом, функционером, аппаратчиком. В этом качестве можно носить какой угодно мундир».

Да, так и поступало большинство из тех, кто входил во «внутреннюю КПСС», в высшую номенклатуру нашего Большого Брата, как до августа 1991-го, так и после. «Правда» в 1994 году приводила одну любопытную цифру – 87 % бывших партийных работников работали в тот год либо в правительственных и местных администрациях, либо в коммерческих структурах. А мы-то гадали, куда делась номенклатура КПСС?!

Почему даже на самом коммунистическом верху могли работать убежденные антикоммунисты, разъяснил еще Маркс в анализе феномена бюрократии. Бюрократы от коммунизма ничего и не могли построить, кроме его противоположности. Многие диссиденты как раз и не хотят признать того, к чему подвела их сама жизнь – не в коммунизме дело. В конечном итоге коммунизм столь же древен, как мечта человечества о всеобщей справедливости. Уберите из марксовой теории учение о классовой борьбе и диктатуре пролетариата (Ленин считал, что в этом и заключается «живая душа марксизма») – и вы получите Нагорную проповедь Иисуса Христа.

Коммунистическая бюрократия также давила диссидентствующих в СССР, как их давили в России во времена Пушкина, Чаадаева, Герцена, Достоевского и Льва Толстого. Давили во имя «интересов государства», понимаемого бюрократией всех времен не иначе, как диктатура бюрократии.

Михаил Геллер вплотную подошел к этому выводу, когда поставил в уже упоминавшейся статье вопрос: «Почему они? Почему “бывшие”, “эксы”, перехватили власть, которую, казалось, они отдали?»

Вот как Геллер поясняет этот феномен «перехвата власти» политическими перебежчиками из КПСС:

«Великий русский писатель Салтыков-Щедрин, как никто понимавший свою страну, заметил, что “начальство – это продукт отечества, а отечество, в свою очередь, – продукт начальства”. Вопрос, следовательно, можно сформулировать так: почему сегодня отечеству нужно такое начальство, такой “продукт”? Элемент ответа можно, как мне кажется, найти в политическом памфлете, написанном Екатериной II в 1770 году. Прочитав записки о поездке по России француза Шаппа д’Ортоша, императрица... поделилась своими размышлениями о характере государственной системы в стране, которой она правила.

“Характерная черта России, – писала просвещенная государыня, – в том, что происходящие в ней революции делают власть сильнее, а не слабее. Они вспыхивают, когда народ опасается ослабления власти, а не усиления деспотизма. У нас твердая власть, но мы всегда нетерпеливо выносили власть слабую. Управление нашей страной требует энергии: если ее нет, возникает всеобщее недовольство, в результате которого положение ухудшается и приходят революции”.

Прошло более двух веков, – заключает Геллер, – и потрясения, которые переживала Россия во всех своих воплощениях, подтверждают справедливость политического анализа, сделанного Екатериной II. Достаточно вспомнить 1917 (февраль) и 1991 годы. Опыт минувших столетий и минувших революций свидетельствует о том, что восстановление сильной власти требует сравнительно недолгого времени. Слабая власть еще никогда не сохранялась в России достаточно долго, чтобы произвести глубокие изменения в государственной структуре и менталитете народа».

Так, стартуя абсолютно с противоположных идейных позиций, Геллер приходит к тому же выводу, что и А. Зиновьев. Код Екатерины Великой, видимо, действительно заложен в механизм российской истории, и

пока еще никому не удавалось это уникальное устройство перепрограммировать. Дело не в коммунизме, господа. Дело, в общем-то, как говорил Владимир Максимов, «в греховной природе человеческой», в тех мерзостях, которые могут творить правители равно и именем монархии, и именем демократии, и именем коммунизма, и даже именем Господа Бога. Но это вовсе не означает, что сии мерзости есть суть того строя, учения или идеологии, именем которых они оправдываются и совершаются, даже возводятся в норму жизни и человеческого общежития. Точно так же, как режимы и государства, — это вовсе не одно и то же, так и идея и ее воплощение отождествимы чрезвычайно редко, как правило, только на начальной стадии, когда идея еще девственно чиста, а «первосвященники» фанатично ей преданы. Во всех иных случаях это чаще всего либо ересь, либо ревизия, что, по сути, тоже ересь.

Вот поэтому для интеллигенции и для ее диссидентского авангарда как носителя самой интеллигентской сути миссии сомнения в том, а правильно ли мы живем, вновь и вновь возникает вопрос, а не сотворили ли они себе кумира? Причем кумира, их недостойного!

Мария Розанова и Андрей Синявский: «Вы за это шли в лагерь?»

...Тихий парижский пригород Фонтене-о-роз. Улицы его узки и извилисты. На одной из них — небольшой, но все же в три этажа дом в глубине заброшенного сада. На всякий случай еще раз читаю записанный в блокноте адрес. Все точно. Именно здесь у меня назначена встреча с Марией Васильевной Розановой, главным редактором журнала «Синтаксис», и ее мужем Андреем Донатовичем Синявским, патриархом российского диссидентства. Пройдя ГУЛАГ, он стал профессором Сорбонны. После долгих лет изгнания и их журнал, и они сами лишь после 1990 года смогли получить доступ на родину. Вчерашних изгнанников приняли с почетом, но вскоре новые власти, как и прежние, поняли, что Синявского и Розанову приручить невозможно.

Наверное, все началось с интервью Андрея Синявского итальянскому журналу «Экспресс», датированного 25 августа 1991 года, вскоре после разгрома «путча ГКЧП». Еще тогда он засомневался в объявленной на весь мир «победе демократии» в России:

«...Можно ли (египетскую) Пирамиду переделать в Парфенон? Можно ли советскую цивилизацию несколько перекроить на слегка демократический, чуть-чуть западный манер? А в Пирамиде заложена такая великая инерция, что ее можно только взорвать, но тогда она, разваливаясь, как разваливались гигантские империи, погребет под собой многие народы.

Сегодня победили демократы. Я счастлив, но мне все время хочется спросить: а насколько они демократичны – мои любимые демократы? Какой процент Парфенона в их душах? И всю ли Пирамиду они из себя исторгли? Меня, как это ни смешно, волнует судьба компартии. Разве можно запрещать какую-либо партию?.. И можно ли закрывать газеты? И ловить ведьм? И спрашивать: почему ты не пошел на баррикады? А такое уже случается, что очень напоминает анекдот сталинских времен: чем вы занимались до 17-го года, а если не сидели, то почему?

Вывод? Строительство Парфенона необходимо вести умело и крайне осторожно. Без кровопролитий, без гражданской войны, апеллируя не к эмоциям, а прежде всего к простому здравому смыслу, который, по счастью, тоже присущ людям».

Синявский и Розанова раньше многих других своих единомышленников увидели, что никакого Парфенона демократы возвести в России не могут. Просто в прежнюю Пирамиду власти они закладывают нового фараона.

Демократы в России победили, но демократией там и не пахло. Когда этот вывод стал совершенно очевиден для Синявского и Розановой, они решили возобновить выход своего «Синтаксиса», который около года (с конца 1993-го по май 1994-го) не выходил. В тот вечер, когда мы встретились, они как раз и работали над первым его «возрожденным» номером, Синявский сидел за компьютером, на экране которого мерцал какой-то текст. Мария Васильевна разбирала рукописи.

Я спросил ее, почему так долго не выходил «Синтаксис», что было тому причиной?

Розанова ответила так:

– Не выходили мы не только из-за финансовых трудностей. Были и серьезные сомнения, а нужен ли наш журнал. Многие наши эмигрантские авторы свободно печатаются в России. Так стоит ли Синявскому недопивать и недоедать для того, чтобы их познакомить с российским читателем? В необходимости «Синтаксиса» нас убедил октябрьский (1993) танковый обстрел Белого Дома. Гром этих выстрелов и разбудил «спящую красавицу» по имени Мария Васильевна Розанова. Мы увидели, что далеко не все сказано. И далеко не все так чисто, как пытается это представить правящая в России группа. Далеко не все может в России сказать оппозиция. Сегодня многие хотят построить в России некое подобие Западной Европы или даже Америки, но если есть такое желание, то непонятно, почему ничему не хотят учиться.

...Я напомнил Синявскому о его интервью в «Экспрессе». Как он увидел соотношение Пирамиды и Парфенона после расстрела Белого Дома Ельциным. Он сказал:

– Главка под названием «Можно ли перестроить Пирамиду в Парфенон?» есть в моей книжке о советской цивилизации. Египетская пирамида, тяжелая, неподвижная, однопартийная с минимумом полезного внутреннего пространства при колоссальной тяжести – это для меня символ коммунистической системы. А Парфенон – это простор и воздух демократии, где ни одна колонна не тащит одеяло на себя, а всем предоставлены абсолютно равные права. Я считал тогда, да и сейчас думаю, что Пирамиду нельзя переделать. Ее можно только снести. Но превратить ее в Парфенон... Что, приклеить колонны к Пирамиде? Это будет только видимость, чистая декорация. Я думаю, что переход от одной системы к другой – это чрезвычайно сложный и мучительный процесс. Я вообще не уверен, что советская власть кончилась. Просто она называется сейчас по-другому.

– Вы оказались правы. Когда Пирамида рухнула, жертв оказалось слишком много. И не только в ходе событий 3–4 октября, когда танки

Ельцина обстреливали русский парламент, а войска стреляли в народ. Последствия развала СССР – этой Пирамиды, куда более грандиозной, чем все египетские, – привели к жертвам практически на всем его бывшем пространстве. Но нередко многие из тех, кто вел под эту Пирамиду подкоп, в том числе весьма известные диссиденты, наши властители дум, вдруг принялись укреплять новую Пирамиду, которую воссоздал Ельцин только без красного флага, а с флагом российским на вершине. И, если использовать ваш образ, еще делали вид, что строят российский Парфенон. Почему так получилось, по-вашему?

Мария Васильевна вспоминает, что говорить в России с их друзьями об октябрьских событиях было невероятно трудно. «Для нас вопрос об обстреле Белого Дома стал лакмусовой бумажкой, – говорит она. – Мы спрашивали всех своих друзей: “Что ты думаешь, надо было стрелять или не надо?” Очень многие, увы, говорили, что надо. Это не сказывалось на наших отношениях. Друзья остаются друзьями, но от этого становилось горько. Когда мы пытались доказать, что этого ни в коем случае нельзя было делать, нам отвечали: “Вам с Запада ничего не видно”. Но это как раз и есть показатель того, что именно те, кто хочет переделать российскую жизнь на западный лад, не хотят учиться западному взгляду на мир, цивилизованному отношению не только к парламенту, но и к своим политическим противникам, наконец, просто к другим людям».

– Мария Васильевна, – спрашиваю я, – Вы были на встрече Ельцина с представителями русской эмиграции во время его последнего визита в Париж, где он рассказывал о демократизации России. Могли вы подумать, что именно этот человек отдаст приказ расстрелять русский парламент?

Розанова саркастически улыбается и говорит:

– В Вашем «этот человек» слишком много, простите, почтения. Мне с этим человеком многое неясно. Неясна его роль еще в августе 1991 года. Там очень много невысветленного и непонятого. Вся ситуация того августа оказалась выгодной всего лишь одному человеку – Борису Николаевичу Ельцину. И заметили мы это достаточно быстро. 31-й номер «Синтак-

сиса» вышел в 1991 году и открывался словами: «Сегодня 20 августа...» А заканчивался так: «Итак – три дня переворота, три дня эйфории, а затем начались сомнения: а демократы ли победители? Может быть, они не демократы, а всего-навсего партийные консерваторы, что, конечно, лучше, чем партийные реакционеры, но – за что боролись? И насколько свердловская мафия прогрессивнее днепропетровской? И можно ли грабить награбленное? И не восходят ли все эти вопросы к самой природе советского государства, способного, даже разрушаясь, еще множество раз воспроизводить себя?» Датировано это 15 ноября 1991 года.

Доверия к Ельцину у меня не было. И особенно нехорошее чувство возникло, когда новые начальники побежали по кабинетам. В точном соответствии с большевистским принципом «Грабь награбленное!», но под флагом демократии, они на наших глазах стали выбрасывать из кабинетов всех, кто там сидел до путча. Ну, дай спокойно человеку собраться, взять свои бумажки, пишущую машинку, фотографию жены снять со стола. А доходило же до полного непристой. И кончается тоже весьма символично – Бурбулис садится в кабинет Суслова. Возникает естественный вопрос: «Зачем нам этот Суслов даже под именем Бурбулиса?» И опять же встречи с интеллигенцией и т. д. Какое-то ощущение, что эту котлетку мы уже ели.

Вспоминается, как товарищ Сталин ездил пить чай к товарищу Горькому. 37-го года еще не было. Но ощущение неминуемой беды уже было. Все то страшное, что постигло затем страну, уже накатывалось, как океанский вал. Вот и сейчас у меня такое ощущение, что мы присутствуем...

– *При начале этого «чаепития»?*

– Точно. Вы хорошо сказали.

– *Я думаю, что Вы не случайно вспоминаете о встречах Сталина с Горьким. Показывали ведь Алексею Максимовичу и лагеря ГУЛАГа, и Беломорканал. Тогда, конечно, все это были цветочки.*

Но ведь Сталин сумел убедить его, что так надо и много во «враждебном окружении» не дано. В наше время сервильность интеллигенции,

аплодировавшей расстрелу Белого Дома и требовавшей «давить и не путать», поражает. Чем Вы это объясняете?

– По поводу октября 93-го я разговаривала с очень многими людьми. Я выслушала самые разные точки зрения. В основном интеллигенция, к моему большому огорчению, говорила об одном: «Стрелять, только стрелять! Президент прав!» И все доводы – и мои, и Синявского – о том, что вроде бы стрелять нехорошо, не действовали. И нам объясняли: «Вот если бы те взяли бы власть, то чтобы было бы, мы бы уже здесь не сидели бы, мы бы уже с вами не разговаривали бы...» И вот это нагнетание сослагательного наклонения заставило меня прислушаться повнимательнее к тексту и покопаться в некоторых бумажках. И вдруг я слышу, один мне говорит: «А ты знаешь, у них уже были расстрельные списки на всех на нас». Причем это говорит не кто-нибудь, а очень уважаемый мной Карякин. По-моему, он входит в какие-то советники президента. И то же самое говорит мне «бабушка правозащитного движения» Лариса Иосифовна Богораз. Уважаемый человек и наш старинный друг. И она тоже говорит про «расстрельные списки». Про те же списки говорит мне из Вашингтона любимейшая мною Дина Каминская. И легендарный адвокат, и депутат Борис Золотухин – туда же. Я у всех спрашиваю, а вы эти списки видели? И пытаюсь найти хоть одного человека, который видел эти списки. И выясняется, что ни одного человека, видевшего эти списки, нет. Все уходит за формулу: «Но мне говорили люди, достойные доверия».

Я не думаю, чтобы эти списки сгорели в Белом Доме. Общество «Мемориал» сейчас выпустило толстый том документов из Белого Дома. Все призывы, прокламации. Там был один список. Список тех, кого Верховный совет не считает своими депутатами. И я понимаю, что присутствую при создании новой мифологии. Ведь это точно ляжет и закрепится в сознании масс – эта легенда о списках. Я спрашиваю ту же Ларису Богораз, подумай, если уж у противной Белому Дому стороны был такой козырь, почему до сих пор эти списки нигде не опубликованы? А мне отвечает моя собеседница: «Не знаю. На то, наверное, были какие-то соображения». И не желает понять, что ее просто обманули.

Когда-то интеллигенция была более чуткой. Она умела читать вашу же газету «Правды». Она знала, что «Правда» врет. Но понимала, что написано между строками этого вранья. Интеллигенция старалась быть информированной. А сегодня она уподобилась страусу. Смысл существования интеллигента свелся к тому, чтобы засунуть голову поглубже под крыло и нюхать собственную подмышку.

– Да, верно, некоторые заняли страусиную позицию, чтобы ничего не видеть и не слышать и как бы за это не нести никакой, в том числе моральной ответственности. Но таких «эскапистов», убегающих от собственной совести, меньше, чем так называемой сервильной интеллигенции. Ряды ее растут. И там уже не вспоминают слова Лорингетти (итальянский поэт-футурист начала XX века. – В. Б.) о том, что «диссидентство – это обязанность интеллигенции».

Мария Васильевна любит крепкое словцо и ядреные анекдоты. Глядя на меня с усмешкой из-под своих редакторских очков с огромными линзами, она говорит:

– Произошло нечто подобное известному анекдоту. Мчится многомиллионная армия сперматозоидов по глухому тоннелю. Все торопятся, спешат к заветной цели – дальше, дальше, дальше, и вдруг слышится отчаянный голос: «Ребята, нас предали, мы же в жопе!» Вот с надеждами на демократию в России произошло то же самое. Я часто вспоминаю этот анекдот, когда мне рассказывают, какой замечательный у нас на Родине строят капитализм, и мне хочется сказать: «Ребята, диссиденты, где вы? Вы что, за это сражались?! Вы за это шли в лагерь?» И сегодняшнюю практику построения счастливого общества только для небольшой части этого общества за счет всех остальных вы называете демократией и правами человека?

Синявский добавляет:

– Мне трудно говорить о русской интеллигенции, потому что в последнее время совершенно невольно я оказался в оппозиции к ней. Она слишком уж приветствует то, что сегодня происходит в России. Я с тоской вспоминаю, например, наши споры на эту тему с Ю. Карякиным

и М. Чудаковой – членами, между прочим, президентского совета. Я могу говорить только за себя и ни в коем случае не за интеллигенцию и не за диссидентов. Мне вообще кажется, что любой писатель, во всяком случае значительный писатель, это лицо инакомыслящее. Тем более по отношению к господствующему мнению. Ибо, если он просто выражает в своих книгах общепринятую точку зрения, зачем он собственно нужен? Поэтому в истории литературы, во всяком случае, нового времени, после средневековья, писатель, художник оказывался чаще всего фигурой нежелательной для общества, у него была всегда тяжелая жизнь.

– Ты мне сегодня утром за чаем доказывал, что музыкант, в отличие от писателя, это чаще всего придворный, – напоминает ему Розанова.

– Да. Мы говорили о Ростроповиче и его сегодняшней позиции.

– *Что ж, как сказал Владимир Максимов, «Все упирается в природу человека. В греховную природу...» Первородный грех – это, конечно, наследие тяжкое. Его враз не преодолеешь. Большевики пытались сделать это путем революции, коллективизации, репрессий. В результате мы имеем известный феномен «гомо советикус», описанный А. Зиновьевым. Воспитание с помощью религии и культуры – тоже процесс, рассчитанный не на одно столетие. А та алчная и страшная порода человеческая, у которой сильнее всего развит хватательный рефлекс – все себе, все под себя – о таких тонкостях не думает. Им все равно, как удержаться у власти. Лишь бы удержаться.*

– Да, человек грешен. Изначально. Нечего было яблочки рвать, где попало, да еще в чужом саду. Но если говорить о греховной природе российских правителей, то ее можно преодолеть только одним способом: сменяемостью. Ты знаешь, что, как пришел, так и уйдешь. Четыре года, как в Америке. Не понравился своей стране, своему народу, причем всему народу, а не только членам своей партии, своей охране и службе, не сумел, не сделал ничего, тебя не переизбирают на второй срок.

Мы, например, выступили против гайдаровской реформы, – продолжила Мария Васильевна. – Я не хочу сейчас вдаваться в эти подробности. Но, когда я слышу слова «шоковая терапия», мне хочется сказать

автору таких рецептов излечения России: «Батенька, начни с себя. А вот если ты это вынесешь, то перенеси на других». И у меня здесь странное ощущение. На мой взгляд, Ельцин с Гайдаром взялись за дела, в которых они ничего не понимают. И сколько бы мне не говорили о том, сколько факультетов закончил Гайдар, в том числе, кажется, Гарвард, я знаю, что ни один западный факультет не сумеет спасти российскую экономику и ни один западный опыт для нее не может быть полезен. Уже потому, что ни в одной стране мира не был так, до основания разрушен частный сектор. Аналогии нет. Я как-то видела замечательный швейцарский фильм «Умереть в Москве» о расслоении общества на богатых и бедных. Такого контраста между богатством и бедностью, такого наглого и циничного богатства, как в России, нет ни в одной стране. Это вот и принесли Гайдар с Ельциным в подарок великому русскому народу, построив свои реформы в пользу обогащения одной десятой населения, наплевав на оставшиеся. И чем это обернулось? Когда я впервые попала в Отечество после гайдаровского освобождения цен, у меня возникло ощущение, что я сбросила, по крайней мере, 45–50 лет. Я вернулась в свое военное детство. Такое – со старухами, продающими неизвестно что, в одной руке батон, в другой стоптанные ботинки, – я помню только в войну и в первые послевоенные годы. Наша экономика пошла исключительно по пути перепродажи. Производство падает, магазины завалены импортными товарами, а собственное производство обложено чудовищными налогами. Во что же вы превращаете страну? Это уже не «третий мир», какой-то десятый! Поэтому и популярность Жириновского выглядит в этих условиях вполне логичной. Не интеллигент, которому все великие русские писатели завещали идти в народ, стал народным заступником, а Жириновский с его демагогией.

Когда я была летом 1992 года в Москве, там толчок был повсюду – только что на Красной площади его не было. И вот один корреспондент с телевидения берет у меня интервью. Только попросил, чтобы чрезвычайно коротко я изложила, что думаю о сегодняшней ситуации. Я ему сказала, если кратко, то будет неприлично. Он говорит, и прекрасно, теперь у нас, слава Богу, прежних ограничений нет. Ну, я ему и говорю: «Хожу

я, знаете, сейчас по улицам Москвы и мысленно разговариваю с правительством. Следующими словами: “Суки вы позорные, псы, говорю, вы кудлатые, козлы, говорю, вы вонючие. Что же вы со страной-то сделали!? Зачем же вы власть брали, если не знаете, что с ней делать? Если вы не умеете работать, уйдите! Отдайте власть тем, кто умеет. Может быть, кто-то все же умеет?» Интервью это дали только в пресс-клубе, где, говорят, ругали меня и честили все. Все давали мне отпор. Но я не исправились. Я продолжаю думать этими же словами и сегодня. Я не верю, что на 150 миллионов человек нельзя найти разумных, порядочных, думающих людей. Я не могу в это поверить. И те, кто говорят, что нынешней правящей банде альтернативы нет, это носители детсадовского мышления, а не демократы. Или интеллектуальная обслуга режима. Я знаю, верю, что альтернатива есть и ее надо искать именно среди самостоятельно думающих людей. Наилучший путь к этому – демократические выборы.

– *Вот вы говорите, что «все вам давали отпор». Может быть, такая позиция ваших московских знакомых объясняется тотальной коммерциализацией в России всего и вся, включая интеллект? Борьбой за существование? За кусок того «пирога», от которого правительство отрезает только для «благонадежных»?*

– Это уже о другом. Мои ближайшие друзья за этот кусок не борются. Лариса Богораз – человек абсолютно бескорыстный. Она как была, так и осталась нищей. Доход, который мои друзья от существующего режима имеют, не материальный. Для подлинного интеллигента деньги – вовсе не первая необходимость. Ему главное – читать, что он хочет. И сейчас он такую возможность имеет, хочешь Набокова читай, хочешь Замятина, хочешь Фрейда. Кого угодно. И кстати, книга сегодня по цене более доступна, чем колбаса. Для старого правозащитника-диссидента, зачастую лагерника, ссыльного в прошлом, возможность провести правозащитный семинар, открыто сказать то, что думаешь, – немалый жизненный выигрыш. Это то, за что на многое можно закрыть глаза. Поэтому я иногда говорю, что нашу интеллигенцию нынешний режим купил. Только купил не грубо и примитивно, как покупались партийные

функционеры, а более изощренно, я бы сказала, элегантно даже. Многие диссиденты могут сказать сегодня: «Спасибо товарищу Ельцину за нашу веселую старость».

– Как-то я прочитал в «Интернэшнл геральд трибюн» репортаж американского журналиста о «проблесках надежды» в России. Он увидел эти проблески, например, в том, что некий молодой человек, с которым он познакомился, ядерный физик, ищет работу не по своей специальности, а в коммерческих структурах. Иначе он просто не выживет. И это после того, как государство затратило на его образование, в сопоставимых опять же ценах, минимально тысяч сто долларов. С одной стороны, интеллигенция получила полную свободу. С другой – она не свободна, потому что лишена средств к существованию. Идет тихий геноцид интеллигенции в рамках «шоковой терапии». И это подлинная национальная трагедия. Что будет с нашей интеллигенцией? Вы не исключаете, что она может исчезнуть совсем в недалеком будущем?

– Я на этот вопрос отвечать не хочу. То, что я вижу, как говорится внутренним зрением, это страшно. И мне не хочется накликать беду. Я человек суеверный. Надеюсь только, что мое предвидение не осуществится и разум все-таки возобладает.

...Когда «Правда» опубликовала наше первое интервью, я снова приехал в Фонтене-о-Роз к Розановой и Синявскому. Был конец февраля. В садике перед их домом уже проклюнулись нарциссы, а в небольшом бассейне с фонтанчиком плескались какие-то красноватые рыбки. Мария Васильевна собиралась куда-то уезжать с Синявским, к долгому разговору была не расположена, но по своему обычаю сразу же на меня «наехала»:

– Ну вот, после этого интервью в «Правде» на меня многие мои друзья набросились. Говорили: «Неужели ты все забыла?» А я ничего не забыла. Я вспоминаю, как Синявского во время какой-то его поездки по Италии спросили, почему он дает интервью только правым газетам. Почему не левым? А он сказал: «Но левые ко мне не обращаются. Пусть обратятся,

ответу на все их вопросы». Вот и мой принцип: я разговариваю со всеми, тем более что в свое время после XX съезда сочинила афоризм, которым и сегодня горжусь: «Если в “истории партии” будет написано, что когда идет дождь, то трава мокрая, то я не буду спорить с этим утверждением только потому, что оно содержится в истории партии». Но меня, конечно, не удивляет, когда «Правду» ругают. Так ведь и будет, пока вы публично не покаетесь. Тут прав Солженицын. Послушайте тихую старушку. Чем больше вы будете извиняться, тем больше вас будут любить.

— *Да каялись мы уже, Мария Васильевна. И публично. Когда Ельцин в первый раз закрыл «Правду» в августе 1991 года, мы наконец перестали быть «ЦО ЦК» (Центральный орган Центрального комитета. — В. Б.). Тогда в одном из первых сентябрьских номеров того года в новой «Правде» опубликовали мою статью «Переворот в наших душах». Уже там покаяние было. Я думаю, что не в «Правде» дело. А в том, что вы в своем интервью сказали правду.*

— Я давно заметила, что люди гораздо больше думают о том, кем сказано и где сказано, чем о том, что сказано. Так и с «Правдой». Вы слишком долго были органом партии. Многие вам этого забыть не могут. Ведь партия, которой вы служили, умудрилась так напугать людей, что самого слова «партия» люди боялись...

— *Я понимаю, когда обвинения в адрес «Правды» идут от тех, кто пострадал от репрессий, от произвола советских властей, наконец, от тех, кого на ее страницах травили по указке свыше. Но ведь в наши демократические времена «Правду» стали травить и те, кто вел репортажи из зала суда с процесса над Даниэлем и Синявским. Возьмем, например, известнца Юрия Феофанова. Он в свое время был таким правоверным, что всех тошнило...*

— Да, это действительно гнида журналистская, — резко бросила Мария Васильевна. — То, что он вел эти репортажи, — еще полбеда. Синявский и Даниэль свое дело сделали. И сделали хорошо. За ним есть и другие страшные дела.

– Да, он был героем наших участковых. Все время требовал драконовских мер.

– Это, кстати, обычный способ власти, – заметил Андрей Донатович. – Вот, например, мне мой следователь говорил, когда мы с ним прощались: «Вы знаете, это не так уж и плохо, что вы получили срок. Если бы вас выпустили, – говорил он, – вас бы растерзала толпа». И читает письмо от какой-то старушки. Она пишет, что ее сын получил восемь лет за какую-то кражу, а вот Синявскому только семь дали, хотя его надо расстрелять. И ее реакция понятна, потому что она прочитала в газете, что Синявский совершил государственное преступление, а ее сын только украл. Ну, конечно, Синявского надо было расстрелять. Это обычная игра на человеческих слабостях, на человеческих страстях. Государство этим всегда пользуется. Человек слаб. Он смотрит за забор и возмущается, почему у соседа цветут цветы, а у него ничего не цветет.

...Они попросили меня подвезти их к приятелям где-то рядом с парижским пригородом Кретей. Я этот район знал неважно, и мы долго плутали с ними по вечерним плохо освещенным улицам. Наконец нужный дом нашли, и Мария Васильевна на прощание не преминула съязвить: «Если хорошо постараться, то даже коммунисты могут найти верную дорогу».

Синявский усмехнулся в бороду и отрезюмировал: «Главное, хорошо объяснить, куда ехать...»

Глава двадцать пятая

ПИРАМИДА И ПАРФЕНОН

Социализм минус советская власть

Великий исследователь Мирового океана Жак-Ив Кусто сказал как-то: «Все, что затонуло, не исчезнет, а вернется и, может быть, – траге-

дией». Для меня эти слова ассоциируются с гибелью СССР. Этот великий «Титаник» коммунизма остался на дне Истории, но время от времени он всплывает в памяти людей. И еще никто не может сказать, чем это обернется для России.

Андрей Донатович Синявский в интервью итальянскому журналу «Экспресс» от 25 августа 1991 года задал такой риторический вопрос: «...Можно ли египетскую Пирамиду переделать в Парфенон? Можно ли советскую цивилизацию несколько перекроить на слегка демократический, чуть-чуть западный манер?»

Андрей Синявский дал очень точный образ «перестройки» (зиновьевский термин «катастрофка» тут, впрочем, больше подходит) – попытки «реформаторов» Горбачева и Ельцина переделать Советскую Россию на западный лад. Переделать Пирамиду в Парфенон, перекрасить, как у нас говорят, «гуся в поросю» – это попытка, заранее обреченная на неудачу. И не только потому, что Пирамида громоздка, а Парфенон легок и изящен. У египетской Пирамиды, например, столько тайн и достоинств, что создателям Парфенона и не снилось. А в первую очередь потому, что социальную систему, а уж тем более сложившуюся цивилизацию перекроить нельзя. Ее можно либо разрушить («до основания, а затем...»), либо ее подретушировать. Александр Солженицын три года молчал, а потом все же сказал в интервью телеканалу «Россия» (5 июня 2005 г.), что «у нас в стране со словом “демократия” упражняются многие ораторы, склоняя это слово, и очень поспешно вытаскивают признаки ее взамен самой демократии». Свобода слова и печати у нас существует, но «это только частный признак демократии». И про наше Федеральное Собрание он сказал, что парламент – «это народное представительство, и оно может быть действительно народным, если избиратели знают, что делает их представитель». А у нас этих «представителей», как правило, никто не знает, кроме их коллег по партии. Солженицын прав, когда говорит, что демократию нельзя ввести декретом. Она должна вырасти снизу, с самой нижней ступени местного самоуправления, как это было в Западной Европе, а до наступления коммунизма – и в Восточной Европе, включая Россию. В этом

взгляды Солженицына полностью совпадают с мыслями тех наших и западных философов и социологов, которых я уже цитировал.

Елена Афанасьева, политолог, автор книги «Государство или революция», в одной из своих статей в «Комсомольской правде» предсказала развал российского государства в ближайшие годы, если только у нас не будет воспроизведена американская модель демократии. Свой прогноз развала России Афанасьева строит на достаточно известных взглядах «западников» на характер русского народа и природу российской государственности. «Фундамент нынешней российской государственности, — пишет она, — был заложен в незапамятные времена князем Рюриком, явившимся со своей дружиной ко всяким там древлянам и полянам (о, сколько здесь истинно варяжского презрения к славянским аборигенам! — В. Б.) и совершенно по-рэкети́рски обложившим их данью. С тех пор во взаимоотношениях общества и государства мало что, по сути, изменилось. Государство по праву сильного определяет, что оно позволяет делать обществу, а что нет и какую дань положено платить, дабы живота не лишиться. Ну, а общество — по праву хитрого — от этой дани всячески откручивается, надувает государство, как только может, и вообще живет своей жизнью, отдельной от государства. Стараясь, однако ж, из чувства самосохранения не вступать с ним в открытый конфликт. Так было и при царях, и при большевиках, так продолжается и по сей день. А потому, если взглядеться, Россия на самом-то деле устроена по модели помещичьего имения: царь (генсек, президент) = барин, территория страны = территория имения, государство = приказчики, налоги = дань (барщина, оброк), а подданные = людишки в имении. Совсем крепостные или немножко свободные, а насколько — это уж барину решать.

Иными словами, российское государство — тоталитарное в самой своей основе. Это с одной стороны. А с другой — и общество в России тоталитарно по своему менталитету. Нет, речь не о тончайшей прослойке людей, “по капле выдавливающих из себя раба”. А именно об основной массе. Ведь если государство тысячу с лишним лет относится к народу как к своим крепостным, то и выживают в таком государстве в основном те, кто комфортно себя чувствует в роли крепостных... То есть не пы-

таются указывать “барину” (государству), что тому следует делать, и вообще не лезут в “барские дела”, а наоборот, безропотно принимают предложенные “сверху” обстоятельства и тихо занимаются чем-то “для дома, для семьи”.

В общем, за тысячелетнюю историю России российское государство и российское общество неплохо “притерлись” друг к другу. И могли бы жить так и дальше, если бы не одно обстоятельство...»

Не будем укорять нашего политолога в том, что она «не заметила» при этом ни многочисленных народных бунтов и восстаний за всю нашу тысячелетнюю историю, ни трех российских революций и одной гражданской войны. Поговорим о том «обстоятельстве», на котором, по ее прогнозу, Россия должна в ближайшее время опять споткнуться. О нем я рассказал довольно подробно, разбирая феномен Горбачева, который в соответствии с известным «законом Паркинсона» достиг своего «уровня некомпетентности», взобравшись на самый верх иерархической лестницы партократии КПСС. Афанасьева этот ненаучный термин не использует, предпочитая говорить о таком явлении как о «вырождении вертикально-интегрированной системы управления из-за смены поколений», что, в общем, и описано в «Законе Паркинсона» в духе скорее юмористическом, чем научном. «В краткосрочном плане, – уточняет наш политолог, – оно выражается в жутком кадровом голоде на всех уровнях государства. И в удивительной серости, если не сказать грубее, катастрофически подавляющего большинства государственных чиновников. Можно даже сказать, что в настоящее время средний интеллектуальный уровень госаппарата куда ниже среднего уровня обычных граждан. В результате в долгосрочном плане государство теряет дееспособность, перестает адекватно реагировать на окружающую обстановку и в один далеко не прекрасный для него момент просто разваливается. В России только за прошлый век это случалось дважды: в 1917-м и 1991-м...» Если бы все было так просто! Отмечу, что и в 1917 году, и в 1991-м трагически некомпетентными оказались по жуткому историческому совпадению именно верховные правители России, а не «большинство государственных чиновников». Это большинство к тому времени было как раз достаточно компетентным для выпол-

нения тех функций, которые вменялись чиновничеству существовавшим тогда государством и определялись самой его природой. Прогрессивный паралич государственного аппарата начался тогда, когда верховные правители России в 1917 году и СССР – в 1991-м попытались изменить эту природу («тоталитарную», если нравится этот термин Афанасьевой, или, если точнее, «державную»), заменить ту здоровую идею, которая лежала в основе Государства Российского, на импортированную. Характерно, что после первой попытки ввести демократию в 1905 году Николай II сам же и испугался катастрофических последствий этого шага и быстро пошел на попятную. (Помните у Маяковского: «Царь испугался, издал манифест: мертвым свободу, живых под арест...») В 1991 году аналогичным испугом был вызван и августовский «путч» ГКЧП. Но процесс реформ уже был начат, и повернуть его вспять было также невозможно, как радиоактивный распад, ни в 1917-м после отречения царя, ни в 1991-м после путча ГКЧП. Как в начале XX века, так и в его конце сами верховные правители России самолично дискредитировали прежние ценности, на которых держалась их власть, и тем самым подписали приговор и самим себе, и той государственной системе, в которой они занимали высшие посты. Государственный корабль и в том, и в другом случае опрокинулся из-за слишком резкого и быстрого разворота на 180 градусов.

Демократия европейского образца, эта идея-имплант, не прижилась в России ни в начале, ни в конце XX века в силу несовместимости российских и западных политических тканей. В советском варианте – несовместимости коммунистических и либерально-демократических ценностей, невозможности скоростной конвергенции социализма и рыночной экономики (капитализма). Начиная с «перестройки» это пытались делать в России в приказном порядке. Ублюдочность российского варианта «демократии» именно этим и объясняется. Партийная бюрократия приняла решение «строить капитализм», ничуть не задумываясь о последствиях своего очередного головотяпства. В результате мы имеем уродливый бюрократический гибрид коммунистической системы управления государством и капиталистической экономики. При этом экономика всячески этому управлению сопротивляется, потому что объективно стала рыноч-

ной. А управление делает все для того, чтобы принудить экономику к подчинению, что для ее новой капиталистической природы губительно. И при этом идеологи, или, как их теперь именуют, «политтехнологи», «новой России» пытаются преподнести эту уродливую систему Западу как прекрасное дитя демократии и обижаются, когда им открыто говорят, что дитя их сильно смахивает на Франкенштейна. Но, господа, каков базис, такова и надстройка. «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива».

Банда предателей

Я приходил в отчаяние, которое граничит с безысходностью, наблюдая за тем, как пришедшие к власти в России партукраты и олигархи разоряют мою Родину и ведут ее к неминуемой гибели. Корпункт «Правды» работал несмотря ни на что и был вынужден освещать не только текущие события, даже чемпионат мира по футболу, проходивший во Франции в 1986 году, но и визиты официальных лиц «новой России» во Францию.

Психологически это было иной раз просто тяжело. Уже первые визиты официальных делегаций из «Эрефии», как тут же обозвали ельцинскую Российскую Федерацию в эмигрантской прессе, показали, что Ельцин или кто-то специально для него набрал команду дилетантов, которые вообще плохо соображают, о чем они ведут переговоры с французскими партнерами. В феврале 1992 года, когда в Париж с официальным визитом прибыл Ельцин, его сопровождал Егор Гайдар, с которым мы были соседями по правдинской даче в Серебряном Бору, в роли премьер-министра. В «Правде» все знали, что Гайдар в экономике вообще ничего не смыслит. А тут он направо и налево раздавал интервью, предрекая, что «видит свет в конце тоннеля», так как, по его «ощущениям», года через два экономика России переживет все кризисы и выйдет на подъем. Ельцин оказался еще оптимистичнее и посрамил своего премьера, заявив, что «свет в конце тоннеля» появится еще раньше – и года не пройдет. Полным недоразумением выглядел в роли министра иностранных дел Козырев. Он защищал не интересы России, а интересы

западных держав в России, и этого даже не скрывал. Я его раздражал уже потому, что представлял «Правду». Однажды, когда он на своей пресс-конференции вместо того, чтобы ответить на мой вопрос, сказал: «Ах, “Правда” все еще здесь?», – я поставил-таки его на место. «Если вас интересует, почему я здесь, задайте этот вопрос в Москве главному редактору “Правды”, – сказал я. – А сейчас, господин министр, будьте любезны ответить на мой вопрос». И он ответил, даже без хамства, хотя видно было, что с трудом сдерживался.

Но основное позорище представлял собой все-таки Ельцин. 27 мая 1997 года в Париже открылся саммит «Россия–НАТО». Как потом открывничал С. Тэлботт, заместитель госсекретаря США и видный советолог, эта церемонию американцы попытались срежиссировать так, чтобы Россия не почувствовала такого же унижения, как Германия после поражения в Первой мировой войне в ходе подписания Версальского мира, и в то же время не питала иллюзий, будто ей все дозволено, как было при подписании Ялтинских соглашений, подводивших итог Второй мировой войны, из которой Россия вышла победительницей. Именно в этом ключе и отработывалась церемония подписания в Елисейском дворце, резиденции президента Франции, документа под названием «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора». Сам по себе этот акт сильно напоминал акт о капитуляции в условиях, когда в НАТО уже не скрывали своих намерений максимально приблизиться к границам России, разместить там американскую систему ПРО и передовые «силы быстрого реагирования». Поначалу церемония подписания шла гладко. Выступил Жак Ширак. Вслед за ним зачитал свою речь Ельцин, подчеркнув, как и ожидалось, решимость России налаживать сотрудничество с НАТО, не поощряя при этом его продвижение на Восток. Потом выступил тогдашний президент США Клинтон, пообещав в довольно примирительном духе отказаться от противостояния с Россией. Видимо, он так растрогал этим обещанием уже успевшего где-то поддаться Ельцина, что он снова направился к микрофону и объявил следующее: «Я только что принял важное решение. У всех тех ракет, которые были

нацелены на страны, которые подписали сегодня этот Акт, снимаются все боеголовки. Я думаю, вы понимаете, что это значит».

Мы все были в шоке. Телекамеры на весь мир показывали настороженные лица Клинтона, президента Франции Ширака, канцлера ФРГ Коля. Казалось, они хотели сказать: «Зачем же ты, друг Борис, вылез с этой инициативой раньше времени? Неужели нельзя было подождать?»

«Эта выходка Ельцина на парижской встрече, – написал я тогда в своем репортаже из Елисейского дворца, – приоткрыла завесу над тем, что так долго скрывали в Кремле, – для России капитуляция запланирована тотальная. Очевидно, что она предполагает и демонтаж большей части российского ракетно-ядерного потенциала уже в самое ближайшее время» (*Большаков В. Капитуляция под фанфары // «Правда». 30 мая – 6 июня 1987 г.*). И хотя позже Евгений Примаков, бывший тогда министром иностранных дел, и пресс-секретарь Ельцина Ястржембский разъяснили, что Президент РФ имел в виду не демонтаж боеголовок, а всего лишь отказ от их нацеливания на страны НАТО, этот ляпсус Ельцина не был случайным. Просто он, как черт из коробочки, выскочил прежде времени. Механизм под воздействием винных паров сработал на опережение.

Когда встреча Россия–НАТО подошла к концу, подвыпивший Ельцин сказал президенту США Биллу Клинтону: «Мы тут с тобой самые умные, Билл. А все остальные – дураки». Услышав перевод, Клинтон чуть не упал от одолевшего его почти истерического хохота. Позднее президент Клинтон сказал в Конгрессе США: «Отношение к России теперь будет определяться не формулой “побежденный нами враг”, а формулой “безмозглый инструмент в наших руках”». Вот какова цена глупости и отсутствия образования и интеллигентности у руководителя государства. У Ельцина все это на физиономии было написано. Но опять проглядели.

Ощущение унижения, обиды за Россию не покидало меня все то время, пока этот опухший от пьянства упырь от партократии находился у власти в России и особенно когда он приезжал в Париж «поконтактиваться».

Тогда последний президент Югославии Слободан Милошевич еще не написал свое знаменитое обращение к русским, в котором он предупре-

ждал нас об опасности такой капитуляции перед Западом, которую я наблюдал своими глазами в Елисейском дворце. Он писал:

«Русские! Жителей Украины и Белоруссии на Балканах тоже считают русскими. Посмотрите на нас и запомните – с вами сделают то же самое, когда вы разобщитесь и дадите слабину. Запад – цепная бешеная собака – вцепится вам в горло.

Все страны, которые оказались в положении ограниченного суверенитета, с правительствами, находящимися под влиянием иностранных сил, со стремительной быстротой становились нищими. До такой степени, которая исключает надежду на более праведные и гуманные социальные отношения. Великий раскол на большинство нищих и меньшинство богатых – это картина Восточной Европы последних лет, и все мы ее можем видеть. Эта судьба не обошла бы и нас. И мы бы под контролем и командованием собственников нашей страны быстро приобрели бы огромное количество очень бедных, чья перспектива выбраться из нищеты была бы очень и очень далекой и неопределенной. Меньшинство богатых состояло бы из элиты контрабандистов, которой было бы разрешено быть богатой при условии, что она будет в любом смысле лояльна по отношению к команде, которая решает судьбу их страны.

Общественная и государственная собственность быстро трансформировалась бы в частную, но владельцами этой собственности, учитывая опыт наших соседей, становились бы, как правило, иностранцы. Небольшое исключение составили бы те, кто купил право собственности путем лояльности и соглашательства, что вывело бы их за пределы элементарного представления о национальном и человеческом достоинстве. Самые ценные национальные богатства при таких условиях станут иностранной собственностью, а те, кто до сей поры ими владел, в новой ситуации будут служащими иностранных фирм у себя на родине.

Вместе с национальным унижением, расчленением государства и социальным крахом будут наблюдаться различные формы социальной патологии, среди которых первой станет преступность. И это ни в коем случае не предположение, но живой опыт тех стран, которые прошли этот путь и от которого мы пытаемся уклониться любой ценой. Столи-

цы криминала находятся отнюдь не на западе, как то было прежде, а на востоке Европы.

Одна из главных задач марионеточного правительства – если такое придет к власти, – заключается в разрушении национального самосознания. Государства, которыми управляют извне, относительно быстро расстаются со своей историей, со своим прошлым, со своими традициями, со своими национальными символами, со своими обычаями, часто и с собственным литературным языком. Незаметная на первый взгляд, но очень эффективная и жесткая селекция национального самосознания свела бы его к нескольким блюдам народной кухни, каким-нибудь песням-танцам да к именам национальных героев, присвоенным продуктам питания и косметическим средствам.

Одним из несомненных последствий захвата территории какого-либо государства со стороны сверхдержав в XX веке является разрушение национального самосознания народа, живущего в этом государстве. Из опыта таких государств видно, что народ едва в состоянии уследить за скоростью, с которой он начинает употреблять чужой язык как свой, отождествлять себя с чужими историческими деятелями, забывая своих, лучше разбираться в литературе оккупантов, чем в родной литературе, восторгаться чужой историей, понося при этом свою, походить на чужаков, но не на самого себя...»

«Я посчитал своей обязанностью предупредить о последствиях деятельности, которая финансируется и поддерживается правительствами стран НАТО, – говорится в заключение этого обращения. – Граждане могут, но не обязаны мне верить. Мне только хочется, чтобы они не слишком поздно уверились в моих предостережениях, то есть тогда, когда будет трудно исправить те ошибки, которые граждане совершат по своей наивности, заблуждениям или верхоглядству. Но эти ошибки трудно будет исправлять, а некоторые из них, возможно, так никогда и не удастся исправить» (<http://www.odintsovo.info/white/blog.asp?id=15463>). Милошевич погиб как герой. Его не сломили ни арест, ни изнурительные слушания по его делу в Гаагском трибунале. Есть версия, что к нему подослали наемных убийц. Но как бы там ни было, он остался для меня примером

стойкости лидера своей партии и своей страны в его противостоянии с мировой закулисой. Увы, Россия его в этом не поддержала, и это было для меня чрезвычайно горько.

Коммунизм после коммунизма

Какая-то надежда на то, что Россию минует такая судьба, которая постигла Югославию, у меня сохранялась вплоть до конца XX века. Я надеялся, что коммунисты и их сторонники избавят Россию от позорного компрадорского режима Ельцина. Оппозиция в России набирала силу после своего разгрома в 1993 году. И я, и мои новые друзья – бывшие советские диссиденты – верили в то, что к власти придет новая патриотическая коалиция. Я тогда связывал свои надежды, прежде всего, со своими единомышленниками – коммунистами постсоветского набора.

...Зюганов приехал во Францию в октябре 1995 года вместе со своим охранником А. П. Тарнаевым, которого он потом вывел в депутаты Госдумы от КПрФ, и с неким новым русским, который оплачивал их расходы и походы по магазинам. Тогда уже российские олигархи учитывали фактор Зюганова на предстоящих президентских выборах 1996 года. Именно в этот период первые деньги в казну КПрФ внес Михаил Ходорковский. Активно поддерживал КПрФ и Геннадий Семигин. В 1991 году он учредил Российскую финансово-промышленную группу (РФПГ), которая объединила более 20 компаний, работавших в сфере финансов, инвестиций, тяжелой промышленности, строительства и операций с недвижимостью. По некоторым данным, в РФПГ вошли компании, близкие к вице-президенту РСФСР Александру Руцкому. СМИ писали, что в середине 90-х группа Семигина попала на крупной афере, связанной с хищениями средств Министерства обороны РФ. Деньги в казне КПрФ появились, и немалые.

В посольстве РФ в Париже, естественно, никто не был заинтересован в Зюганове, и поэтому основная часть забот по организации его знакомства с Францией легла на мои плечи. Для меня это было даже ин-

тересно – хотелось узнать лидера КПРФ поближе. Он держался очень дружелюбно и, казалось бы, начисто был лишен того синдрома Старой площади, где он некогда работал у Яковлева. Зюганов умеет слушать. Он не расставался со своим блокнотиком, куда заносил все, что его заинтересовало из услышанного. Особенно его интересовало то, что было связано с русскими во Франции, чем он меня к себе окончательно расположил. Помню, как в Вердене, где русский экспедиционный корпус сражался вместе с французами против немцев в Первой мировой, он расспрашивал меня обо всем, что с этим было связано, и был поражен, когда я рассказал ему о том, как Троцкий во Франции, где он издавал свою газету, распространял среди русских солдат призывы сложить оружие и добиваться возвращения в Россию.

Чувствовалось тем не менее, что человек он далеко не простой и не с двойным даже, а с тройным дном. Моя жена Даша сделала все, как надо, чтобы принять высокого гостя у нас в корпункте, как надо, по-русски, но я заметил в ней ту сдержанность, которую она проявляла при тех, кто ей доверия не внушал. Когда, отвезя Зюганова с Тарнаевым в гостиницу, я вернулся домой, она спросила: «Ты его что, не узнал?» У меня вообще, в отличие от нее, плохая зрительная память. Но Даша напомнила мне, что именно Зюганов встречал нас в Орле в 1977 году, когда по пути на юг в нашем первом «жигуленке» мы с ней останавливались там, в гостинице, чтобы наутро по просьбе орловских товарищей, заказавших мне гостиницу, выступить перед партактивом с лекцией о международном положении. Денег у нас с Дашей было в обрез, мы решили не спускаться на завтрак в ресторан и наскоро позавтракали в номере, заварив себе кофе с помощью любимой всеми русскими туристами нагревательной спирали. Тут как раз раздался телефонный звонок. Звонил второй секретарь Орловского горкома КПСС. Он сказал, что ждет меня в ресторане. Я спустился туда, и официантка провела меня в отдельный кабинет, где был накрыт шикарный стол – икра черная и красная, копченая колбаса, овощи, фрукты и бутылка армянского коньяка. Накрыл мне эту «поляну» Зюганов. В 1974–1983 годах он и был вторым секретарем Орловского горкома КПСС и отвечал за пропаганду и лекционную работу, а потому

должен был меня доставить на запланированную лекцию. Он был очень огорчен, что я уже успел позавтракать в номере, но виду не показал и даже пригласил нас на экскурсию по городу в горкомовской «волге». Город нам понравился. Лекция прошла успешно. От обеда мы отказались и уехали дальше на юг. У меня остались только смутные воспоминания о том дне в Орле. Я не запомнил Зюганова – он был тогда моложе, еще не располнел, а лицом был и тогда непримечателен – нос картошкой, узенькие сверлящие глазки и рот до ушей.

Я его «дары» не принял, отказавшись от завтрака и обеда на халяву в его компании, не только потому, что вовремя успел позавтракать. Меня предупредили в редакции: «В Орле будь осторожнее». Дело было в том, что «Правда» незадолго до моего отъезда в отпуск опубликовала критическую статью нашего собкора в Орле и Курске о проделках тамошних чиновников, и его начали то, что называется, гнобить. Редакция сумела его защитить и повела довольно крутые разборки с защищавшими их местными партократами. Они затаили зуб на «Правду». И уже поэтому предложение отведать коньячку за завтраком перед лекцией в горкоме меня насторожило. Я, конечно, не исключаю, что Зюганов предложил это от души. Но Дарья рассудила иначе. Может быть, она и была права.

В любом случае я вида не показал Зюганову, что мы с ним знакомы еще по Орлу. Он тоже вроде бы не вспомнил. Я познакомил его с нашим рекламодателем Ю. Филипповым. Юрий принял нас в своем поместье в Морсанге под Парижем, и Зюганов подарил ему свою книгу, которую Юрий потом издал на французском языке. Думаю, тоже с прицелом на то, что на выборах 1996 года Зюганов одержит над Ельциным верх. А Юрий к тому времени уже весьма успешно занимался в России бизнесом.

Мы много говорили о ситуации в России, о делах КПРФ, отношениях Ельцина с оппозицией. Я опубликовал тогда в «Правде» большое интервью с Зюгановым (см. *Большаков В. Феномен Зюганова* // «Правда». 24 октября 1995 г.), и его цитировали в СМИ Франции и других стран, тем более что в разговоре со мной Зюганов опроверг многие из тех расхожих домыслов о нем в российской и мировой печати, в частности обвинение Горбачева в том, что Зюганов якобы поддержал предательские Беловеж-

ские соглашения, подписавшие смертный приговор СССР. В заключение своего интервью я написал: «Ставка КПРФ на власть весома и серьезна, и с ней не считаться нельзя» (там же). Все было правильно, кроме главного: Зюганов сделал ставку совсем на другое – на интеграцию КПРФ в политическую систему ельцинского режима.

4 марта 1996 года Зюганов был зарегистрирован кандидатом в президенты РФ. 16 июня состоялись выборы. Во втором туре победителем вышел Борис Ельцин. Владимир Жириновский, вице-спикер Госдумы Любовь Слиска, позднее и ряд других политиков и экспертов не раз утверждали, что истинные результаты как минимум первого тура или выборов 1996 года в целом были иными. Что победу на них якобы одержал Зюганов. Согласно свидетельствам Сергея Бабурина, Сергея Удальцова и других участников встречи президента Дмитрия Медведева с представителями «несистемной оппозиции» 20 февраля 2012 года, Медведев заявил о выборах 1996 года дословно следующее: «Вряд ли у кого есть сомнения, кто победил на выборах президента 1996 года. Это не был Борис Николаевич Ельцин» (Финам FM. 18 февраля 2012 г.). Видимо, хорошо покопался Дмитрий Анатольевич в кремлевских архивах.

14 июня 2016 года «Московский комсомолец» опубликовал интервью с бывшим министром МВД Анатолием Куликовым. Вот отрывок из него:

– *Анатолий Сергеевич, кто же на самом деле победил на президентских выборах в 1996 году?*

– По той версии, которая появилась сразу после голосования, победу во втором туре одержал Зюганов. При подведении итогов выборов поменяли строчки: результаты Зюганова стали результатами Ельцина, и наоборот (согласно официальным результатам второго тура, Борис Ельцин набрал 53,82% голосов, Геннадий Зюганов – 40,31 %. – «МК»). Никаких официальных подтверждений этой информации, разумеется, нет, но я считаю ее, скажем так, очень близкой к истине.

– *Вы основываетесь на данных, которые у вас были на момент, когда вы возглавляли МВД?*

– Ну конечно.

– *А сам Зюганов знал о своей победе?*

– Насколько мне известно, да. Возникает, конечно, вопрос: если он реально победил, то почему сдался, почему согласился с подлогом? Я задавал этот вопрос самому Зюганову (уже позже, когда был освобожден от должности). По его словам, он опасался, что поиск истины мог привести к противостоянию в обществе, вызвать нежелательные последствия. Но мне кажется, что Геннадий Андреевич, как говорят в таких случаях в криминальной среде, нашел хорошую отмазку. Все дело, на мой взгляд, в его характере: это неконфликтный и не очень амбициозный человек. Уже около четверти века Зюганов возглавляет компартию, но мы ни разу не видели, чтобы он пытался всерьез претендовать на власть. Говорит библейские истины, принимает в пионеры...

– *Ну, а что он мог сделать в той ситуации? Вывести людей на улицы?*

– Я, как, пожалуй, никто другой тогда во власти, видел, в каком состоянии находилась страна, какие настроения были в обществе. Задержки зарплат и пенсий, забастовки, акции протеста... Тем не менее было очевидно, что при всем недовольстве властью народ не выступит как один в поддержку лидера коммунистов. Если бы Зюганов попытался вывести людей на улицы и провозгласить себя президентом, то успеха бы не добился. И сам он тоже это прекрасно понимал. Но у Зюганова была возможность действовать в рамках конституционных, правовых норм. Однако он не предпринял никаких попыток опротестовать итоги выборов.

– *Более того, Геннадий Андреевич сразу же поздравил Ельцина с победой. Кстати, приходилось слышать, что у ельцинского штаба была на сей счет предварительная договоренность с Зюгановым.*

– Не могу этого исключать. Хотя и утверждать не стану: не был свидетелем этих переговоров. В любом случае Зюганов, как говорится, смирился со своей участью. И, судя по всему, она его вполне устраивает.

...Находясь вдалеке от России, я, конечно, обо всем этом мог только догадываться. Реальных фактов в руках не было. Да и сегодня к докумен-

тальным подтверждением отказа Зюганова от власти доступа нет – многие документы были уничтожены сразу же после выборов по устному приказу Ельцина. Но, судя по заявлению Медведева, что-то все же осталось.

В октябре 1994 года в Париж приезжал Саша Ильин, который тогда был главным редактором «Правды». Мы вместе с ним и Владимиром Максимовым побывали в гостях у Марии Розановой и Андрея Синявского (кстати, мы с Сашей и примирили Максимова с ними, а они до того долго не разговаривали) и провели там свой круглый стол, о котором написали в «Правде» («Давайте искать истину вместе» // «Правда». 5 октября 1994 г.). У Ильина с Зюгановым отношения не складывались еще до того, как «Правда» стала выходить как газета КПРФ, что произошло только в 1986 году. Это, в частности, проявилось в нежелании Зюганова видеть в «Правде» публикации Александра Зиновьева, который открытым текстом заявлял в своих интервью в Москве, что большого будущего у КПРФ во главе с Зюгановым не видит. После этого Зюганов прямо ему пригрозил отлучить «Правду» от партийной кассы. А вопрос финансирования «Правды», в том числе и корпункта в Париже, стоял тогда очень остро. Зюганов никак раскошеливаться не хотел. Но требовал тем не менее, чтобы «Правда» проводила его линию.

«Правде» деться было некуда после того, как греки сбежали из нашей редакции, прихватив все наши ордена. КПРФ оставалась единственной надеждой на выживание.

В конце 1998 года началась подготовка к парламентским выборам и Зюганов вновь приехал во Францию. Мои друзья из социалистической партии Алекс Радович, серб по происхождению, выросший и получивший образование во Франции, и Мишель Сиарди, из левых социалистов, организовали для него прием у Жана-Пьера Шевенмана. Он один из основателей современной Социалистической партии, основатель и первый президент левого «Республиканского и гражданского движения» (РГД), а тогда был министром внутренних дел Франции. У них состоялась короткая беседа, и они даже договорились о контактах РГД и КПРФ. Зюганов был немало удивлен тем, какие у меня связи во Франции. Но, может быть, именно поэтому и помогал мне какое-то время после этого с финансированием

корпункта «Правды». Абсолютно он был потрясен тем, какой прием ему устроил мой давний друг знаменитый французский кутюрье Пьер Карден (я рассказал о нем и нашей дружбе в своей книге о Франции: *Большаков В. Парижские тайны. Русский след*. М.: Алгоритм, 2007. С. 432–455). Было это в ресторане «Максим», который принадлежит с давних пор Кардену. Мы там погуляли на славу. И к тому же опять «на халяву», чем доставили несостоявшемуся президенту РФ небывалое удовольствие.

В перерывах между приемами мы снова говорили о планах КПРФ и ее перспективах прийти к власти. Я тогда еще не понимал, что Зюганову это вовсе не нужно, и он чувствует себя вполне комфортно в оппозиции. По итогам наших парижских бесед я опубликовал в «Правде» огромное –

Белград, Югославия. На переговорах с президентом Югославии Слободаном Милошевичем (в центре). На снимке слева В. Большаков и лидер КПРФ Г. Зюганов.

на две с лишним полосы интервью с Зюгановым под заголовком «Возродим государство Российское» («Правда». 19 ноября 1998 г.). Я все активнее подключался к работе КПрФ и уже думал о том, чтобы вернуться в Россию со всей семьей.

Белград. Возложение венка от КПрФ у памятника героям-партизанам Югославии.

В январе 1999 года Зюганов пригласил меня приехать в Москву. Он оплатил мне авиабилет туда и обратно и, когда я прибыл в Госдуму к нему в кабинет, предложил мне стать его советником по международным делам. Я согласился, хотя никаких финансовых дополнений к этой должности он мне не предложил, – «халява, please!» так и осталась его жизненным принципом. В этом новом для меня качестве и одновременно собкором «Правды», который будет освещать его поездку, он взял меня с собой в Югославию, куда мы вместе с ним и Сашей Тарнаевым при-

были 28 января 1999 года. Официально мы были приглашены движением «Югославские левые», которым руководила супруга президента Милошевича Мирьяна Маркович. И одной из основных целей нашего визита было объявлено «стремление КПРФ способствовать мирному решению косовского конфликта». Зюганов также должен был выступить на презентации своей книги «Российская геополитическая стратегия», которая вышла незадолго до этого на сербском языке. Весь визит проходил на высшем уровне. Встречали нас как правительственную делегацию. Переговоры с «левыми» Марьяны Маркович прошли прямо по сценарию межгосударственных переговоров. Зюганов активно выражал солидарность с Югославией, а наши хозяева говорили о вечно дружбе народов Югославии и России. Все это сильно напоминало мне переговоры представителей КПСС с зарубежными компартиями.

Милошевич оказался радушным хозяином. Как мне показалось, он даже иногда смущался оттого, что у него столь высокий статус в государстве, в котором он родился и вырос. Он принял нас в своей резиденции 29 января, а вечером пригласил нас к себе домой на ужин. Были тосты, были клятвы в вечной дружбе. Но главной целью Зюганова были поиски финансирования КПРФ, и этот вопрос в ходе встреч с Милошевичем был поднят сразу же после обмена любезностями и заверениями в солидарности. Потом этот же вопрос обсуждался в Москве с послом Югославии в России Брониславом Милошевичем. Чем это кончилось, не берусь судить. Как известно вскоре после этого – летом 2000 года начались зверские бомбардировки Югославии с целью заставить Милошевича уйти из Косово и сложить свои полномочия. Говорят, что он сдался после того, как американцы прямо в его рабочий кабинет в Белграде направили миниатюрный беспилотник с письмом на сербском языке: «Милошевич, тебе конец!». Техника шантажа на грани фантастики.

В апреле 2002 года Зюганов и его новые партократы изгнали из КПРФ спикера Госдумы, бывшего главного редактора «Правды» Геннадия Селезнева, большого моего друга и друга Ильина, за то, что Геннадий отказался уйти в отставку в знак солидарности с теми членами КПРФ, которые лишились своих парламентских постов. Вместе с ним из партии и

думской фракции исключили глав комитетов Думы Николая Губенко и Светлану Горячеву. Они также отказались уйти со своих постов и были исключены из КПРФ. Партия лишилась, таким образом, своих самых ярких представителей, которые могли составить реальную конкуренцию Геннадию Андреевичу. А он конкуренции не терпел. В 2004 году произошел внутривнутрипартийный конфликт. 3 июля 2004 года в Москве прошли два X Съезда КПРФ, один избрал председателем ЦК КПРФ Зюганова, другой, «альтернативный», отстранил последнего и выбрал главой ЦК Владимира Тихонова. Минюст признал «альтернативный съезд» нелегитимным. Таким образом, Зюганов сохранил свое лидерство, Ильин тогда не убоился открыто выступить против него. В декабре 2004 года Саша опубликовал свой фундаментальный труд «Геннадий Зюганов: “Правда” о вожде», в котором представил его в виде «нового Сталина» с его пристрастием к вождизму и культу собственной личности. Ильин обвинил Зюганова в стремлении пожизненно находиться у руля партии, раскритиковал за нетерпимость к внутривнутрипартийному инакомыслию, партийную цензуру в газете «Правда», кадровый волюнтаризм в редакции и изъятие у ее творческого коллектива части учредительских прав.

Этого Зюганов не простил ни ему, ни «Правде». В конце 1999 года, когда я снова приехал в Москву, Зюганов вместе с его новым «кошельком» Видьмановым пригласили меня на разговор и предложили мне стать «политическим директором “Правды”». Такую должность занимал, например, Ролан Леруа в «Юманите», и фактически он был человеком номер один в газете, а главный «Юма» был его подчиненным. Я понял, что таким образом меня хотят сравнить не только с Ильиным, а мы, хоть и не были близкими друзьями, все же дружили, и он много сделал для меня и моей семьи во Франции. Я сказал, что подумаю. На следующий день я пришел в «Правду» и все честно рассказал Ильину. Предложил ему: «Давай работать вместе и не будем чиниться, кто из нас главный». Саша это понял, к сожалению, как вызов. Я понял, что «тандема» у нас не получится и перед самым новым 2000-м годом, проведя бессонную ночь в раздумьях, написал все же заявление об уходе из «Правды». А еще обиднее потому, что Ильин принял это мое решение с видимым удовольствием,

и вся его редколлегия его поддержала. Это произошло 30 декабря 1999 года. Вопрос о моем корпункте уже не стоял – он фактически давно уже не был в юрисдикции «Правды», которая не могла его ни содержать, ни закрыть. Как последний солдат императора, я сражался до последнего и держал парижский корпункт до конца. За это мне никто даже спасибо не сказал. Было мне оттого горько и обидно. Мне не оставалось ничего другого, кроме как искать себе новую работу, чтобы поддержать свою семью во Франции. Обстоятельства к тому времени сложились таким образом, что возвращаться в Россию со всей семьей мне пока не имело смысла. И потому, что у меня не было постоянной работы. И потому, что девчонки мои учились, и срывать их с учебы не хотелось. Анастасия к тому времени оканчивала свою Высшую школу прикладного искусства Оливье де Сер, а Ксения, только что выиграв конкурс в 200 человек на место, поступила на отделение фото- и тележурналистики в «Сьянс По», как сокращенно называют Институт политических наук в Париже, который заканчивали многие руководители Франции, включая президента Жака Ширака и премьер-министра Мишеля Рокара. Конечно, я им не смог бы дать такого образования в тогдашней России. Решение это, увы, привело к тому, что дочки мои остались жить и работать во Франции, хотя Ксения и поработала почти шесть лет в Москве корреспондентом французского телеканала «Франс-24».

Единственно, что мне предложил Зюганов, – это должность помощника депутата у Геннадия Селезнева, была у него такая квота, с окладом... три тысячи рублей в месяц. Конечно, на такие деньги прожить даже мне одному в Москве было невозможно, не говоря уже о семье.

Бизнес – это не мое

Когда я вернулся из Москвы в Париж, мне неожиданно позвонил Алекс Радович. Спрашивал, как там Зюганов, и предложил встретиться. Я рассказал ему, что расстался с «Правдой» и теперь – простой русский безработный. Он ответил, что подумает, как мне помочь, и через несколь-

ко дней пригласил меня в Париже на ужин, где мы познакомились с Гораном Новаковичем, сербским бизнесменом, обосновавшимся в Англии еще до всех страшных событий в Югославии.

Горан и предложил мне работу в Москве в качестве консультанта американской нефтяной компании «Энрон корпорейшн». В то время она была в первой пятерке американских корпораций. В Москве незадолго до этого был открыт ее филиал. Я спросил Горана, не насторожит ли руководство «Энрон» мое партийное прошлое? Но он ответил, что это, наоборот, их и привлекает в силу того, что все бывшие партократы сколь-нибудь серьезного калибра стали бизнесменами и государственными чиновниками. «Тебе, поэтому, – сказал он, – и карты в руки». Я никогда не занимался бизнесом, если не считать неудачного опыта с Максвеллом, и был уверен, что это не мое. Но все же дал согласие, и вскоре Горан вызвал меня из Англии на собеседование со своим начальником, который курировал московский филиал. Разница между КПРФ и американской корпорацией была разительная. Штаб-квартира европейского филиала «Энрона» по имени «Enron Europe» располагалась неподалеку от королевского Виндзорского дворца, куда можно было дойти пешком за двадцать минут. Поселили меня в пижонско дорогой гостинице, где у комнат даже не было номеров, а на дверях висели деревянные таблички с именами принцев королевской крови. Даже ванна в номере была не облицована плиткой, а стояла на своих чугунных ножках, напоминая о том, как мылись в Англии господа во времена становления дома Виндзоров. За десять дней я прошел стажировку в штаб-квартире европейского филиала, узнав для себя массу нового и освоив современные системы связи и поиска в Интернете, который в то время только-только начал функционировать. В «Энрон» тогда работало около 22 000 сотрудников в 40 странах мира, и она была одной из ведущих в мире компаний в таких областях, как производство электроэнергии, транспортировка газа, газоснабжение, связь и целлюлозно-бумажное производство. В непроизводственном секторе компания занималась торговлей фьючерсами и производными ценными бумагами. Декларируемая выручка за 2000 год составила порядка 101 млрд долларов. Журнал *Fortune* называл Энрон «самой инновационной компанией Америки» в течение

шести лет подряд, в чем я мог убедиться своими глазами. Я даже не представлял до этого, что такая техника существует. Больше всего меня поразил операционный зал «Энрон» в Лондоне, где не было ни перегородок, ни отдельных кабинетов, а стояли сотни компьютеров, у каждого из которых работали операторы и дилеры. Они и заключали сделки на поставки нефти как на ближайшие несколько часов, так и на год вперед (фьючерсы) и на сеансы оптоволоконной связи по всему миру.

Мне положили оклад в пять раз больший того, что мне предлагал Зюганов, свата на пост политического директора «Правды», и отправили в Москву вместе с Гораном. Отныне он становился шефом московского филиала.

Не буду вдаваться в подробности и рассказывать о тех буднях поиска ресурсов нефти, угля и газа, которыми я занимался больше года в московском филиале «Энрон». Заполучить их для корпорации на экспорт было делом практически невозможным из-за того основного принципа, которого она придерживалась в России: «Взятки не давать». Но это означало просто загубить бизнес в стране, где не подмажешь – не поедешь, а не дашь в лапу – останешься с носом. У меня наладились связи в Газпроме, Транснефти, в массе мелких фирм и кооперативов, торговавших нефтью, но я никак не мог похвастаться тем, что с моей помощью «Энрон» серьезно обогатилась. Несколько сделок, заключенных с моей помощью, Горан довел до кондиции. Но в основном польза от меня была только в налаживании в Москве контактов с российскими чиновниками и фирмами. Верхом моего искусства консультанта была встреча вице-президента «Энрон» с министром энергетики РФ Игорем Хануковым летом 2001 года. Министр честно предложил энроновцам вкладываться в российскую энергетику и, в частности, в нефтедобывающую промышленность, но в «Энрон» на это не пошли. Вскоре после этого началось и «дело Энрон». В конце 2001 года стало известно, что информация о финансовом состоянии компании в значительной степени была сфальсифицирована с помощью бухгалтерского мошенничества, 2 декабря 2001 года было объявлено о банкротстве компании. Само имя «Энрон» стало символом умышленного корпоративного мошенничества

и коррупции. А мне в Лондоне говорили, что главный принцип «Энрон» – это не давать взятку, работать открыто, честно и избегать иметь дело с коррупционерами.

Руководство «Энрон» прошло через целую серию судов, посадок и штрафов. Одна из крупнейших в мире корпораций лопнула за какие-то полгода. Московский филиал, естественно, закрыли одним из первых. Нас всех уволили. А мой шеф Горан Новакович успел до объявления банкротства вернуться в Лондон, где создал свою фирму. После того как в Сербии было сформировано прозападное правительство, он вернулся в Белград и был там министром энергетики. А мой друг Алекс Радович работал какое-то время в том же правительстве главой налоговой службы, а затем вернулся в Люксембург, где давно основал фирму по разработке софта и бизнес-программ. Так закончились мои занятия бизнесом.

«Финансовый контроль». Что это было?

Возвращения в бизнес после фиаско «Энрон» я искать не стал. Это действительно не мое. Для того чтобы этим заниматься, необходима определенная психологическая готовность к предпринимательству, внутренняя жажда наживы и умение лгать, обманывать, жульничать или, как говорят теперь в США да и других англоязычных странах, «энронить» (to enron). С этим либо надо родиться, либо получить соответствующее воспитание. А коммунистическое воспитание в моей семье плюс Православие, с которым я вырос, подобные занятия осуждали, в отличие от буржуазной идеологии и иудаизма. В священных книгах иудеев прямо написано, что гоев надо обманывать и разорять. Не случайно в российском бизнесе первые позиции заняли именно евреи, которые составляют подавляющее большинство в российском списке миллиардеров и multimиллионеров по журналу «Форбс».

Сразу мои попытки вернуться в журналистику не увенчались успехом. Были случайные заработки, но с постоянной работой ничего не получалось – во-первых, на мне стояло «клеймо» газеты «Правда», кото-

рая стала изгоем в ельцинской России, а во-вторых, уже в 1997 году я стал по возрасту пенсионером. Как это ни странно на первый взгляд, вернуться в журналистику мне помогли связи, заведенные в годы моей работы в «Энрон».

Помощником у министра Юсуфова работал Олег Смирнов. Он и его родной брат Денис были журналистами. Их отец Конрад Смирнов был в свое время помощником Ю. В. Андропова, но его оттуда «ушли» и пристроили политическим обозревателем в газету «Известия», как впоследствии и Бовина. С началом «перестройки» братья, видимо воспользовавшись отцовскими связями, сделали неплохую карьеру. Покинув пост помощника Юсупова в Министерстве энергетики РФ, Олег в начале 2000-х ушел в бизнес, основав «Компанию по инвестициям и развитию». Чем она занималась, не знаю. Но его брат Денис развернулся вовсю. Он активно сотрудничал с Управлением делами Президента РФ. Возглавлял его тогда Владимир Кожин. В декабре 2007 года в интервью «Итогам» Кожин рассказал о том, что последние восемь лет существует «небольшой неформальный клуб людей, кого можно назвать командой президента в узком смысле». Он состоит из людей, которые в 1999–2000 годах приехали из Санкт-Петербурга и заняли в столице различные посты. По словам Кожина, члены клуба стараются «собираться хотя бы раз в месяц, просто для того, чтобы увидеться, выпить пива, сыграть в бильярд (так в тексте, хотя правильно говорить – на бильярде. – В. Б.), пообщаться по-человечески, стараясь не трогать ни работу, ни политику» (цит. по *Андрей Камакин*. Колыбель Конституции // «Итоги». 02 декабря 2007 г. № 49 /599).

Кожин, которого Путин перевел в 2015 году на должность своего помощника по вопросам экспорта вооружений, богатый человек. Весной 2012 года «Новая газета» сообщала о том, что в 2009 году он приобрел в Одинцовском районе Московской области, в 25 километрах от Москвы, участок площадью почти 8 гектар за миллион рублей. Эксперты, опрошенные изданием, утверждали, что «реальная стоимость» сотки в таком районе – 50 тысяч долларов, а управделами президента заплатил по 50 долларов за сотку (*Георгий Янс*. Вот это – дела! Вот это – управление... //

«Новая газета». 11 апреля 2012 г. № 40). Я привел эти данные, чтобы было понятнее, с кем работал Денис Смирнов. Именно в Одинцовском районе Подмосковья он учредил компанию ООО «Сады Майендорф». И не случайно она была названа по имени «Замка Майендорф», расположенного на Рублевке у совхоза Барвиха. В 2003–2004 годах Управление делами Президента РФ провело масштабную реконструкцию замка. Сейчас он окружен высоким забором, ибо после реставрации стал официальной резиденцией Президента России. Так вот этой реконструкцией-реставрацией замка и занимались братья Смирновы, один из которых – Денис – был учредителем одноименной фирмы. Надо понимать, что для допуска к такому объекту нужна самая высокая степень доверия в российских верхах. Да оно, судя по всему, так и было.

После банкротства «Энрон» мне довелось несколько лет работать вместе с этими звездными братьями в издательстве «Финансовый контроль», где я был сначала главным редактором одноименного журнала и одновременно главным редактором журнала «Контроль стиля» (2002–2006), а затем – шеф-редактором информационного агентства «Финансовый контроль – новости» (2006–2008), входившего в тот же дом. Редакционный совет этого издательского дома возглавлял тогдашний Председатель Счетной палаты РФ, бывший шеф ФСБ, МВД и бывший премьер-министр С. В. Степашин. Первым заместителем у него был человек из мощного «степашинского клана» бывших «ментов» А. В. Коровников, который стал сенатором от Новгородской области в 2008 году и известен прессе по ряду коррупционных скандалов в Счетной палате (последний – со взяткой директору департамента СП РФ по контролю расходов на науку, образование, культуру, спорт и средства массовой информации Александру Михайлику), из которых он, правда, всегда выходил безболезненно, пользуясь и своим статусом, и высоким покровительством. Личность малоприятная (он родился в городе Грязи Липецкой области), равно как и его дружок по милицескому прошлому Александр Голубченко, которого нам поставили в генеральные директоры издательства. Двумя другими заместителями Степашина как председателя ИД «Финансовый контроль» были Денис и Олег Смирновы. Журнал жил за счет рекламы, которую ему охотно давали

такие киты российского бизнеса, как «Аэрофлот», «Сбербанк», «Лукойл» и «Газпром», а также за счет добровольно-принудительной подписки.

Москва, 2004 г. Пьер Карден знакомится с только что вышедшим номером журнала «Контроль стиля».

Денис числился в должности учредителя издательства «ФК» до 2005 года, хотя еще 26 сентября 2003 года по ходатайству Управления делами Президента РФ с согласия ФГУП «Рублево-Успенский лечебно-оздоровительный комплекс» д. Жуковка (ДП Жуковка-3) был внесен как землевладелец в «Список незаконно выделенных земельных участков» на земле этого ФГУП. (Данные инфо «Стрингер» 19 марта 2006 г.) Какое-то время это дело «тлело», но вскоре, видимо, что-то не сложилось, прежнее доверие со стороны «верхов» и лично Кожина испарилось, запахло жареным, и Денис уехал за границу, откуда больше в Россию не возвращался. Вслед за ним Олег к 2007 году обосновался в Женеве, где

издавал плохонький журнальчик с дурацким названием «Business Mir», хотя время от времени появлялся в России, пока окончательно не закрыл свое агентство «ФК-Новости». В 2014 году приказал долго жить и «Финансовый контроль».

Оглядываясь на то время, я не жалею о том, что работал в этом издательстве под эгидой Счетной палаты, и за это братьям Смирновым только благодарен. Наш журнал «Финансовый контроль» войдет в историю российской журналистики как действительно боевое издание, честно боровшееся с коррупцией и криминалом. Ну, а начальство, тем более в капиталистической России, не выбирают. Мы не были ни друзьями, ни приятелями, но взаимно поддерживали достаточно ровные и уважительные отношения. У меня никогда не возникало желания осудить Олега

В. Большаков – главный редактор журнала «Финансовый контроль».
Интервью для телевидения.

или Дениса за то, что они выбрали себе ПМЖ в Швейцарии, хотя лично я поселился бы в этой наискучнейшей стране только по приговору суда. Но каждому свое. В конце концов, теперь в России это не криминал. Ну, живи, где хочешь, если деньги есть. Но только не вреди России.

Увы, мой бывший начальник, мягко говоря, пользы Отечеству не приносит. В 2013 году Олег Смирнов основал и зарегистрировал в Швейцарии некое «российско-швейцарское общество сторонников международного Панъевропейского союза» (МПЕС), того самого, родоначальником которого был граф Куденхове-Калерги.

Цели и задачи этого швейцарского отделения последователей графа обозначены на сайте таким образом: «Общество разделяет задачи МПЕС по объединению Европы и традиционные общеевропейские ценности. Общество ставит также своей задачей сближение России и Европы, полное принятие Россией общеевропейских ценностей и *возврат России в лоно европейской цивилизации* (выделено мной. – В. Б.)». Там же размещены статьи и заявления с осуждением женевскими последователями Куденхове-Калерги «аннексии Крыма» и «боевых действий на востоке Украины». И то и другое на сайте характеризуются как «ошибки нынешнего политического руководства России в оценке экономической и военно-стратегической обстановки вокруг России и стремлении президента Путина упрочить свое внутривнутриполитическое положение. Пока что ему удастся это делать, поднимая националистические волны внутри России при поддержке населением экспансии». Позиция Евросоюза здесь прослеживается четко. Такова ныне и официальная позиция МПЕС, и отца-основателя его российского филиала, прописанного в Швейцарии, президента Панъевропейского союза России Олега Смирнова. У меня, как говорится, челюсть отпала, когда я добрался до этого имени.

Олег Смирнов активно выступает на международных форумах ПЕС в качестве самозваного «представителя России», клеймит Москву за «аннексию Крыма», «агрессию в Донбассе» и за все прочее, что значит в повестке дня подобных форумов врагов России. Да и было бы только это. Когда США ввели свои антироссийские санкции, в Вашингтоне уже пере-

стали скрывать, что они нацелены в первую очередь на то, чтобы вызвать недовольство Путиным не только в том самом узком кругу питерцев, о котором откровенно рассказал Кожин, но и во всей правящей элите РФ, куда братья Смирновы имели открытый доступ.

Дело дошло до того, что бывший замдиректора ЦРУ посоветовал таким недовольным «вынести Путина из Кремля ногами вперед с дыркой в черепе». Каково! Ставка на «пятую колонну» в России была сделана уже открыто. И вот на сайте Олега Смирнова за его подписью появляется такое откровение, адресованное сильным мира того: «Не следует пренебрегать контактами с российскими госструктурами – ведь и там присутствуют демократически настроенные люди, которые переживают, что не за горами появление нового “железного занавеса” и “холодной войны”». И уж совсем откровенный адрес: «...именно старшее поколение экспертов в РФ демонстрирует сегодня более взвешенную позицию». Намек прямой – ищи таковых на сайте женевского ПЕС «российско-швейцарского общества», нет, уж позвольте ручку-с... Вот ведь чем иной раз оборачиваются постулаты «Шестой Европы» Куденхове-Калерги.

В жестком ритме «Алгоритма»

Покинув «Правду», я продолжил свои бои на идеологическом фронте поначалу в журнале «Финансовый контроль», где возможностей для этого было совсем немного. Как главный его редактор (2002–2006), я использовал, конечно, все свои возможности, чтобы журнал оправдывал свое название. В каждом журнале публиковалось мое «Слово редактора», где я мог все-таки высказывать свое мнение по поводу самых непопулярных решений Путина и его правительства. Но это были, можно сказать, всего лишь слону дробинки. Все-таки это была частная лавочка братьев Смирновых и сенатора Коровникова, целиком сориентированная на поддержку клана Степашина, а значит, и на поддержку путинского режима, которому этот клан верно служил и служит по сей день. Я ушел

оттуда еще до того, как «ушли» Степашина со всех государственных должностей», и работал шеф-редактором Информационного агентства «FC-News» (2006–2010), которое входило в тот же издательский дом «Финансовый контроль». В самом начале 2011 года я расстался с его владельцами, а вскоре и журнал, и агентство умерли своей естественной смертью, а новая «хозяйка Медной горы» мадам Голикова, сменившая Степашина на посту Председателя Счетной палаты, восстанавливать «Финансовый контроль» не стала. Еще в 2010 году я стал главным редактором журнала «L'Art de Vivre» («Искусство жить»), посвященного цивилизации вкуса. Журнал был глянцевого и никакого отношения к политике не имел. Жизнь его оказалась недолгой из-за все того же недостатка финансирования, и с 2011 года я ушел «на вольные хлеба».

Быть свободным писателем в современной России нелегко, а оппозиционным писателем совсем тяжело. Меньше писательский труд в советские времена оценивало только Всесоюзное агентство по защите авторских прав при Борисе Панкине. Тем не менее для меня это был сознательный выбор. Еще в 2005 году я познакомился с владельцем Издательства «Алгоритм» Сергеем Васильевичем Николаевым, настоящим русским патриотом и человеком несомненно смелым как в выборе авторов, так и тем их публикаций. Мы сразу нашли с ним общий язык. Он и издал мою первую после возвращения из Франции книгу, которая вполне могла выйти под рубрикой «Очерки с идеологического фронта». Это было «Убийство советского человека» (мое название «Убийство Гомо советикуса» Николаеву не понравилось). Она была целиком посвящена анализу причин развала Советского Союза, прежде всего причин внутренних, одной из которых я назвал разложение правящей верхушки КПСС и деградацию партократии, предавшей советскую власть и советский народ. Досталось в ней и Горбачеву, а также предателю Ельцину и всей его камарилье.

За этой книгой последовали и другие уже с критикой режима Путина. Его политика в первые два президентских срока и в период рокировки с Медведевым не внушала оптимизма. Левая интеллигенция

В 2012 г. в «Алгоритме» вышла книга В. Большакова «Зачем России Марин Ле Пен». На снимке – встреча героини этой книги, кандидатом на пост Президента Франции в 2017 г., с автором и его женой в Москве в 2014 году.

и патриотические силы России видели в его поддержке российского олигархата, в покровительстве коррумпированным чиновникам, повязанным с криминалом, продолжение губительной политики его предшественника, проклятого нашим народом Б. Ельцина. Именно об этом шла речь в моей книге «Антивыборы – 2012», изданной «Алгоритмом» в 2011 году. Мой армейский опыт заставил меня забить тревогу, когда я проанализировал результаты отражения агрессии Грузии в Южной Осетии в 2008 году. Состояние наших вооруженных сил и коррупция, поразившая Министерство обороны при А. Сердюкове, внушали не просто тревогу – ужас! Очевидно было, что «пятая колонна» обосно-

вალაშ в савых верхах росийского государства и повела дела к тому, чтобы лишить Россию самых верных ее союзников по Александру III – армии и флота. Именно об этом я писал в своих книгах «Остров “Россия”» (2009) и «Сердюков и женский батальон: Куда смотрит Путин?» (2013; второе издание – 2014). Редакция «Правды», с которой у меня к тому времени уже не было никаких связей, неожиданно заинтересовалась этой книгой и дала из нее отрывки по полосе каждый в четырех номерах подряд. Даже официальный сайт КПРФ разместил в Интернете эту перепечатку. «Правда» между тем меня мстительно вычеркнула из своей истории – на ее официальном сайте в списке ее наиболее известных журналистов моей фамилии нет. И это при двух моих преми-

Сентябрь 2014 г. Международная книжная ярмарка на ВДНХ.
Диалог с посетителями о книгах В. Большакова.

ях Союза журналистов СССР, включая высшую – премию Воровского и премию им. Николая Островского! Не говоря уже о моих статьях и книгах, сенсационных бесед с бывшими диссидентами до последнего интервью Сименона и о том, как я до последнего защищал во Франции право корпункта «Правды» на существование в этой стране, где до меня «Правду» вообще воспринимали как синоним официальной лжи советской пропаганды. В этой попытке предать меня официальному забвению я вижу скорее даже не происки моих недругов в нынешней «Правде», там и осталось-то из тех, кого я знал, полторы калеки, сколько мелкотравчатость Зюганова и его «идеологов». Они не могли мне простить той критики партократов, которой я подверг их в «Убийстве советского человека» и того бескомпромиссного диагноза, который я поставил КПРФ в книге «Антивыборы – 2012».

«Алгоритм» помог мне издать то, что называется, «труд моей жизни». Это трехтомник под общим заголовком «Сионизм и коммунизм. Корни родства и причины вражды». «Алгоритм» издал его в трех томах: «С Талмудом и красным флагом» (2013), «Красная Хазария и Гитлер» (2014) и «Голубая звезда против красной» (2014). Институт русской цивилизации издал эту трилогию в одном томе, спасибо Олегу Анатольевичу Платонову, в 2016 году.

В своих последних работах, в частности в книгах «Майдан в России» и «Мировая закулиса против Путина», я по-иному оценил роль Путина. Еще в роли премьер-министра при тандеме с Медведевым он сумел так повернуть ход войны в Южной Осетии, подвергшейся агрессии Грузии, что спас и народ этой ныне независимой страны, и репутацию наших вооруженных сил. Его роль в воссоединении Крыма с Россией, в защите народа Донбасса от бандеровских карателей, в отпоре исламским террористам в Сирии трудно переоценить. Путин совершил невозможное. Его команда сумела возродить наши вооруженные силы, нашу оборонку и нашу дипломатию так эффективно, что Россия, которую в Вашингтоне нарекли было «второстепенной региональной дер-

жавой», смогла вернуть себе статус державы великой. С этим Путин войдет в историю.

Но, как отмечено у Шекспира, «в судьбе людской приливы есть и есть отливы». Подъем патриотизма в России совпал с подъемом популярности Путина и в нашей стране, и за ее пределами. Но он также может закончиться падением и отливом в шекспировском смысле этого слова, если в нашей стране сохранится засилье олигархов, если уже вопиющий разрыв в доходах бедных и богатых будет расти и впредь, а коррупция будет процветать пышным цветом. Путину предстоит еще сделать выбор между олигархами и народом России. Если олигархи будут и впредь ее грабить и предавать ее интересы, то они погубят и Россию, и Путина. Если он сумеет остановить эту вакханалию грабежа русского народа и покончит с казнокрадством, коррупцией и беспределом сросшейся с криминалом бюрократии всех уровней, Россия будет спасена, и ее спасителем русские люди будут называть Путина. Главное, чтобы у него хватило на это мужества и веры в свое предназначение.

Конечно, работа по очистке всероссийских Авгиевых конюшен коррупции, воровства и чиновничьего беспредела поистине достойна Геракла и займет не один год. Путин ее начал. Вопрос только в том, сумеет ли он довести ее до конца? И дадут ли ему это сделать?

Ни для кого теперь уже не секрет, что, одержав победу в борьбе двух систем, мировая закулиса полностью поставила под свой контроль самое мощное и высокоразвитое государство на земле – Соединенные Штаты Америки. Дело дошло до того, что без ее одобрения не назначаются кандидаты в президенты США. Выборы же их та же закулиса строго контролирует. Начиная с 2012 года «мировое правительство» заявило о своем праве контролировать и выборы президента России. Не секрет, что оно попыталось не допустить переизбрания В. В. Путина на второй срок (см. *Большаков В. Мировая закулиса против Путина*. М.: Алгоритм, 2015).

В мае 2012-го в Шантилли, штат Вирджиния, на встрече Бильдербергского клуба, одного из ведущих центров мировой закулисы,

его участники открыто признали, что «Путин – безоговорочно самый грозный оппонент нашим планам на мировой арене» (Джойс Нельсон в статье «Бильдербергский клуб против Путина», опубликованной в журнале «CounterPunch»). Это существенно осложняет позицию Бильдербергского клуба, так как моральная позиция Путина состоит в «защите и продвижении национальных интересов России. Он стоит на пути наших планов». («CounterPunch». 2012. December, 9). Среди участников встречи, как сообщает «Франс Пресс», были замечены исполнительный директор «Google» Эрик Шмидт, генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен, министр финансов Великобритании Джордж Осборн, глава МВФ Кристин Лагард, бывший руководитель АНБ США Кит Александер и др.

Дэниэл Эстулин, эксперт по Бильдербергскому клубу, сообщал в июне 2012-го, что «основной головной болью» Бильдербергской конференции в мае 2012-го стал президент России Владимир Путин из-за его «противодействия войнам в Сирии и Иране», «агрессивного неприятия окружения России американскими базами», «упорстве в установлении полного государственного суверенитета» и планов по прокладке еще одного газопровода в Европу («Южного Потока»), который «мог превратиться в главную победу России» – за счет конкурирующих проектов (трубопровода «Набукко»), поддерживаемых Бильдербергским клубом. По свидетельству Эстулина, Бильдербергский клуб развернул «кампанию по делегитимизации Путина», финансируемую «некоторыми крайне рассерженными и влиятельными англо-американскими элитами». В числе их представителей на конференции клуба 2012 года в Шантилли Эстулин называет главного исполнительного директора «Royal Dutch Shell» Питера Возера и председателя совета директоров этой корпорации Джорма Оллила, главного исполнительного директора «British Petroleum» Роберта Дадли. Там же присутствовали будущий премьер-министр Канады Стивен Харпер и тогдашний сенатор от штата Массачусетс Джон Керри, с 2013 года – госсекретарь США. «Джон Керри, – пишет Эстулин, – совладелец ряда компаний по добыче сланцевого газа

в США, участвовал в дискуссиях о демонизации Путина от имени западных нефтяных интересов. А премьер-министр Харпер направил канадские войска на учения НАТО в мае 2014-го, связанные с событиями на Украине, и именно он стал настойчивым оппонентом Путина на мировой арене». Соглашение о поставках газа, подписанное в конце мая Путиным и Си Цзиньпином, по мнению участников Бильдербергского клуба, «создает для Запада угрозу того, что Китай может потеснить ЕС с места главного покупателя российских углеводородов. Подобная диверсификация покупателей газа снизит для Москвы угрозы санкций ЕС и США из-за украинского кризиса».

На 63-е заседание Бильдербергского клуба (11–14 июня 2014 г. на австрийском курорте Тельфс-Бюхен) в качестве главного эксперта по России пригласили человека, который активно раздает советы, как свергнуть нынешнюю власть. Это экс-ректор Российской экономической школы Сергей Гуриев, эмигрировавший во Францию в 2013 году, который пользуется особым доверием западных финансовых и политических кланов и с их подачи был назначен в 2016 году главой Европейского банка реконструкции и развития. Американским и европейским политикам он рекомендует активней оказывать давление на крупный российский бизнес, вводя новые секторальные санкции. При этом беглый «эксперт» не скрывает, что именно Вашингтон и Лондон стимулировали появление коррупционных схем в России. Так, выступая на площадке Парламентской Ассамблеи Совета Европы в Страсбурге 20 апреля, он заявил: «Раньше Запад относился к российской коррупции как к чему-то даже отчасти полезному... Некоторые западные политики полагали, что, поскольку российские политики располагают счетами в западных банках, а их дети ходят в школы на Западе, это, по крайней мере, будет гарантией того, что Россия останется членом цивилизованного мира» (<http://svpressa.ru/politic/article/125230/>). Еще одна рекомендация «эксперта» относится к тому, как манипулировать с рейтингами российского президента Владимира Путина. Мол, сейчас у него 86 %, и «это ключевой элемент пропаганды». А если, рассуждает далее Гуриев, рейтинг пони-

зится, то это негативно ударит по имиджу власти. Несложно догадаться, что именно на такую технологию применительно к Кремлю и намекает Западу экс-ректор Российской экономической школы. Наконец, Гуриев убеждает западных политиков, что ждать ухудшения ситуации внутри Российской Федерации осталось недолго. Мол, деньги из Резервного фонда закончатся уже во второй половине 2016 года, и якобы в 2017 году страна столкнется с острым социально-экономическим кризисом. Сделав ставку на такой сценарий развития событий, Запад должен еще сильнее, еще жестче проводить санкционную политику в отношении России. Ознакомившись с такими рекомендациями, не приходится удивляться появлению новых тенденций в антироссийской кампании Вашингтона и Брюсселя.

«Взяв было паузу по введению новых санкций, – отмечает Эстулин, – Запад усилил давление на Россию в преддверии ожидаемых в 2016 году парламентских и в 2018 году президентских выборов, – пишет Эстулин. – Главная цель остается неизменной – дестабилизация страны изнутри. Но вектор санкционной политики уже сейчас перемещается – ставка делается не только на ухудшение ситуации на федеральном уровне. Запад надеется увеличить количество депрессивных регионов, создав в них предпосылки для социального недовольства. Еще одно направление активности США и ЕС – давление на коррумпированную часть российской элиты с целью заставить ее встать на путь национальной измены. В планах Вашингтона и Лондона группы продавшихся чиновников и представителей крупного капитала играют одну из главных ролей. Они должны выступить в качестве “пятой колонны”, которая будет саботировать решения главы государства или доводить их исполнение до абсурда, чтобы вызвать общественное недовольство. Против тех представителей власти, которые являются ее главной опорой, постараются использовать механизм дискредитации – как через фальсификацию компромата, так и через создание внутрисистемных конфликтов. Например, запуская слухи о том, что глава Крыма Сергей Аксенов претендует на пост премьер-министра, надеются разладить его отношения с чле-

нами нынешнего правительства. Или, распространяя “информацию”, что Рамзан Кадыров определен в качестве преемника Путина, надеются ухудшить отношения между руководителем Чечни и другими членами президентской команды.

Наконец, еще одной точкой приложения усилий Запада ближе к выборам станет спекуляция на теме рейтингов президента Российской Федерации. Несложно догадаться, что с началом избирательной кампании финансируемые Западом социологические агентства России резко начнут занижать показатели доверия к главе государства. Субсидируемые из Вашингтона, Лондона и Брюсселя СМИ тут же подхватят это с целью дискредитации лидера страны, дезориентации избирателей. Эти же средства массовой информации постараются максимально раздуть реальные и мнимые промахи российской внешней политики. На счет “ошибочного” курса Кремля спишут “потерю Украины”, в первую очередь Юго-Востока (90% которого сегодня действительно оказалось под контролем Киева, т. е. Запада). Создадут дополнительные трудности для реализации проекта “Турецкий поток”, чтобы дискредитировать энергетическую политику Москвы. Не побрезгуют и другими провокациями».

А ведь подобное мы уже проходили. В начале 1980-х была и огромная вера в собственное государство, и система казалась устойчивой, и угрозы были далеки. Даже в мыслях никто не мог представить, что распад Советского Союза возможен. Самоуспокоились и в результате проспали страну. Неужели еще раз проспим?

В конце XX века западные философы еще до распада СССР вспомнили об идее Гегеля о «конце истории», которую он выдвинул после того, как Наполеон низверг в небытие самые мощные монархии Старого Света. В марксизме эта концепция не была развита. Маркс ее просто заимствовал у Гегеля и обосновал уже не победами Наполеона, а победой пролетарской революции, в результате которой, как он полагал, будет построено идеальное общество на земле, в котором не будет классовой

борьбы. А так как эту борьбу марксисты и считают двигателем истории, то Маркс решил, что «буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества». Но подчеркнем – *предыстория*, а не история. В связи с распадом СССР идея конца истории стала ассоциироваться с тезисом об окончательной «победе» над коммунизмом западной либеральной цивилизации с ее концепцией прав человека и священной частной собственности. Этот подход был детализирован в появившейся в 1989 году в журнале «The National Interest» эссе американского философа Френсиса Фукуямы «Конец истории...» (The End of History...). Она вызвала огромный интерес и массу откликов, что и побудило автора к публикации в 1992 году книги «Конец истории и последний человек» (*Fukuyama, Francis. The End of History and the Last Man. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield and Theory. 1992*).

«Триумф Запада, западной идеи очевиден, прежде всего, потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив, – писал Фукуяма в той статье. – В последнее десятилетие изменилась интеллектуальная атмосфера крупнейших коммунистических стран, в них начались важные реформы. Этот феномен выходит за рамки высокой политики, его можно наблюдать и в широком распространении западной потребительской культуры, в самых разнообразных ее видах: это крестьянские рынки и цветные телевизоры – в нынешнем Китае всевозможные; открытые в прошлом году в Москве кооперативные рестораны и магазины одежды; переложенный на японский лад Бетховен в токийских лавках; и рок-музыка, которой с равным удовольствием внимают в Праге, Рангуне и Тегеране. То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества, универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления».

Попытки Фукуямы привлечь к себе в союзники Гегеля и Маркса были явно не состоятельны. Основоположник марксизма никогда не считал и не писал, что с победой коммунизма наступит конец челове-

ческой истории. Наоборот, К. Маркс утверждал, что «с этого момента только и начнется подлинная история человечества. Все, что было до этого, – это лишь предыстория человеческого общества» (*Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 7–8*). Российский историк Юрий Семенов, полемизируя с Фукуямой, отметил, что его концепция, как и попытки привлечь себе в сторонники Маркса, неверны, и человечество после крушения Советской империи вступило в период величайших потрясений, которые и определяют его будущее. Одним из таких потрясений стало появление Исламского государства, объявившего своей целью создание «Всемирного халифата» на манер тысячелетнего рейха. И это только один из витков непрекращающейся истории.

Фукуяма упорно отстаивал свою позицию даже после терактов 11 сентября в Нью-Йорке (см. *Fukuyama F. Has the challenge of militant Islam postponed the end of history?*). И его концепцию активно используют идеологи антикоммунистического толка в России и других странах. Сама же по себе эта концепция неверна уже потому, на мой взгляд, что никто не может пока предвидеть, каким путем пойдет человечество и какие судьбы уготованы земной цивилизации. Кто победит в борьбе за будущее человечество после развала Советского Союза определить теперь практически невозможно. Мировая закулиса готовит нам участь рабов-номадов в «цивилизации перекати-поле» по Аттали. И если такое случится, то она наверняка падет под ударами «Всемирного халифата» или его аналога, т. к. главной целью Аттали и ему подобных по сей день остается отрыв народов от их национальных корней и десакрализация их религиозных и духовных ценностей.

Весьма опасны планы мировой закулисы и ее «мирового правительства» по сокращению численности населения Земли до 1–1,5 млрд человек. Такой глобальный геноцид действительно станет концом истории, прологом к полному исчезновению человечества как вида.

В одной из наших последних бесед Александр Зиновьев говорил об опасности развития «цивилизации роботов». По его мнению, повы-

шение сознания роботов до уровня человеческого мышления может обернуться гибелью человечества, ибо роботы могут решить, что оно им вообще не нужно. И это будет страшнее и зверств «Исламского государства», и всех голливудских сценариев грядущего Апокалипсиса вместе взятых...

Уроки истории и влияние на ее ход различных идеологий, глобальный конфликт которых мы не раз наблюдали в XX веке и видим их продолжение в наши дни, надо сейчас изучать особенно внимательно с тем, чтобы понять закономерности дальнейшего развития человеческого общества на нашей планете и созданных им различных цивилизаций. Историю нельзя сводить только к смене формаций – в этом в равной степени не правы и марксисты, и их оппоненты вроде Фрэнсиса Фукуямы, и философы Франкфуртской школы. История бесконечна, как и время. С крушением коммунизма в СССР она не кончается. Да и надо при этом учитывать, что конец Советского Союза был искусственно вызван и никак не мог уже поэтому означать «конец истории».

Подводя итоги, хочу напомнить о выступлении Валентина Распутина на X съезде Союза писателей России. Он сказал тогда: «В мире, где торгуют государствами, мелкая спекуляция действительно неизбежна. Но чтобы спекуляция называлась спекуляцией, нужно, **чтобы рядом незыблемо держала за собой место праведная жизнь.** Повторю: народ наш спасался во все времена исконными путями. У исконного, самобытного, родного есть все для праведной, удобной, безбедной и красивой жизни. Размер нашей души и свойство нашего характера слеплены им и для него. Как бы ни изгибали наши перерожденцы спины, в какие бы одежды ни рядились, в какую бы привозную ипостась ни ударялись – везде они будут чужаками и межеумками, повсюду на них будет проступать клеймо вора, обворовавшего самого себя».

Потрясающе сказано! Это звучит как всенародный приговор той банде воров, взяточников, казнокрадов и агентов влияния (а это сплошь и рядом одно и то же), которая сегодня захватила властные позиции

в России, плюет и на закон, и на традиции нашего народа. Но праведная жизнь рано или поздно утвердится на русской земле и как закон, и как норма бытия, и как политическая власть, и как государственное устройство. Народ русский воспрянет, когда поймет, что в Государстве Российском правят по закону и совести, что это его национальное государство, которое он должен укреплять и защищать, как родной дом, даже ценой собственной жизни. И тогда он победит чудовищ, порожденных на Русской земле сном разума, в который была погружена Россия ее злейшими врагами и их пособниками. Пробуждение все же началось. Так воспрянем же и победим. С нами Бог!

ОБ АВТОРЕ

Большаков Владимир Викторович

Родился 6 июля 1937 г. в г. Сычёвка, Смоленской обл., русский.

Образование: высшее.

В 1959 г. окончил переводческий факультет 1-го Московского Государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореца. В 1960 г. окончил факультет иностранных языков Военно-дипломатической академии.

Государственные награды и звания:

Медаль за трудовую доблесть.

Орден дружбы между народами.

Заслуженный деятель искусств Дагестанской АССР.

Литературные и журналистские премии:

1981 г. – Литературная премия им. Николая Островского за книгу «Над пропастью во лжи. Очерки с идеологического фронта». М.: Изд-во «Молодая гвардия», 207 с.

1985 г. – Премия Союза журналистов СССР за лучшую журналистскую книгу года «Многоликая безработица». М.: Изд-во «Международные отношения», 340 с. Второе издание – 1987 г.

1989 г. – Премия Воровского Союза журналистов СССР за статьи для «Правды» из Франции и книгу – «Русские березы под Парижем. Очерки о Франции и русской диаспоре». М.: Изд-во «Молодая гвардия».

2016 г. – Литературная премия Союза писателей России «Имперская премия им. Э. Володина» по разделу «Публицистика» за серию аналитических книг о внутренней и внешней политике.

Членство в творческих союзах:

Союз журналистов

Союз писателей России

Членство в международных организациях:

Вице-президент Международной ассоциации по борьбе с терроризмом и информации о жертвах терроризма (Брюссель, Бельгия).

Журналистская деятельность:

Работал в журналах «За рубежом» (1964–1965) и «Смена» (1965–1966), в газетах «Комсомольская правда» (1966–1970) и «Правда» (1970–2000). В «Правде» возглавлял отдел международной информации. В 1982–1986 гг. вел цикл бесед на международные темы по Московской программе Центрального Телевидения. Был собственным корреспондентом «Правды» в Австралии, Новой Зеландии и Океании (1974–1976) и во Франции (1986–2000). По возвращении из Франции был главным редактором журнала «Финансовый контроль» (2002–2006) и шеф-редактором Информационного агентства «FC-News» (2006–2010). В 2010 г. стал главным редактором журнала «L'Art de Vivre» («Искусство жить»), посвященного цивилизации вкуса.

Творческая деятельность:

Поэт, автор ряда стихотворных публикаций в журналах «Юность», «Аврора», «Молодая гвардия», «Стрелец». В 1999 г. вышел сборник стихов В. Большакова «Заветные тетради. Стихи разных лет». М.: Изд-во «Евразия».

Драматург, автор ряда пьес, поставленных в Театре Гамзата Цадасы (Дагестан), в Московском театре им. Н. В. Гоголя, в Театре Маяковского в г. Душанбе, в Калужском драматическом театре. Пьесы Большакова публиковались в журналах «Театр» и «Театральная жизнь».

Печатные труды:

Автор многочисленных публикаций в советской, российской и зарубежной прессе. В период с 1970 по 2016 г. опубликовал не один десяток книг по проблемам идеологии, экономики и политики, среди которых наиболее выделяются его работы по проблемам сионизма, масонства и антироссийской деятельности мировой закулисы. Многие книги Большакова переведены на языки народов СССР, языки народов Азии, а также на основные европейские языки.

Библиография

1970 – В поисках сверхоружия. М.: Изд-во «Молодая гвардия». Перев. на болгарский язык;

1973 – Бунт в тупике. Очерки о новом левом движении. М.: Изд-во «Молодая гвардия». Перев. на английский, турецкий, японский, арабский, болгарский и др. языки;

1978 – На скоростной дороге не останавливаются. Австралийские очерки. М.: Изд-во «Молодая гвардия»;

1980 – Король рулетки. Сборник фельетонов и памфлетов. М.: Изд-во «Правда»;

1980 – Бизнес на правах человека. М.: Изд-во «Мысль». Второе издание в 1983 г. Перев. на английский, словацкий, французский, испанский, эстонский, болгарский, казахский и др. языки;

1981 – Над пропастью во лжи. Очерки с идеологического фронта. М.: Изд-во «Молодая гвардия»;

1983 – Терроризм по-американски. М.: Изд-во «Международные отношения». Перев. на 28 языков.

1984 – Агрессия против разума. Очерки с идеологического фронта. М.: Изд-во «Молодая гвардия»;

1985 – Многоликая безработица. М.: Изд-во «Международные отношения». Второе издание – 1987 г.;

1986 – На пути в XXI век. Репортажи с женевского саммита (Горбачев–Рейган). М.: Изд-во «Молодая гвардия»;

1989 – Русские березы под Парижем. Очерки о Франции и русской диаспоре. М.: Изд-во «Молодая гвардия»;

1999 – Заветные тетради. Стихи разных лет. М.: Изд-во «Евразия»;

2005 – Убийство советского человека. М.: Изд-во «Эксмо-Алгоритм»;

2006 – Эти удивительные французы. М.: Изд-во «Эксмо»;

2007 – Парижские тайны. Русский след. М.: Изд-во «Алгоритм»;

2009 – Остров «Россия». М.: Изд-во «Алгоритм»;

2011 – «Анти-выборы 2012». М.: Изд-во «Алгоритм»;

2012 – Зачем России Марин Ле Пен? М.: Изд-во «Алгоритм»;

2012, 2013, 2014 – Путин навсегда. М.: Изд-во «Алгоритм»;

2013 – С Талмудом и красным флагом. М.: Изд-ательство «Алгоритм»;

2013 – Сердюков и женский батальон: Куда смотрит Путин? М.: Изд-во «Алгоритм»;

2014 – Сердюков и женский батальон: Куда смотрит Путин? 2-е издание. М.: Изд-во «Алгоритм»;

2014 – Красная Хазария и Гитлер. М.: Изд-во «Алгоритм»;

2014 – Голубая звезда против красной. М.: Изд-во «Алгоритм»;

2014 – Майдан в России. Как избавиться от пятой колонны. М.: Изд-во «Алгоритм»;

2015 – Охота за золотом Путина. М.: Изд-во «Алгоритм»;

2015 – Кофе и круассан. Русское утро в Париже. М.: Изд-во «Алгоритм»;

2015 – Мировая закулиса против Путина. М.: Изд-во «Алгоритм»;

2016 – Диссиденты против пятой колонны. М.: Изд-во «Алгоритм»;

2016 – Война цивилизаций. Всемирный халифат вместо тысячелетнего рейха. М.: Изд-во «Алгоритм»;

2016 – Сионизм и коммунизм. Корни родства и причины вражды / Отв. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. ВРАГА НАДО ЗНАТЬ В ЛИЦО	5
Мы выжили чудом.....	5
Поле Памяти.....	11
Реальность враждебного окружения.....	20
Глава вторая. В НАШЕЙ КОММУНАЛКЕ	31
После освобождения – домой.....	31
Письма с фронта.....	36
Я видел Сталина в гробу.....	47
Глава третья. ОТКУДА БЕРУТСЯ «ЗАПАДНИКИ»	48
«Чему нас учат семья и школа?».....	48
Мудрый Халдей и другие.....	57
Вторая натура.....	64
Троцкист-одноклассник.....	68
Внуки Беса.....	75
Глава четвертая. ОТТЕПЕЛЬ И ПОХОЛОДАНИЕ	87
Выбор профессии.....	87
Азы языкознания.....	88
Директриса Варвара.....	98
Декан Браво и его команда.....	101
Опыт фестиваля.....	104

Группа 104-504	108
Первые публикации	114
Глава пятая. ЖУРНАЛИСТ В САМОВОЛКЕ	117
«Будешь служить, как медный котелок...»	117
Невоенные репортажи	126
Как на Камчатке ловили «абстракционистов»	131
Мой «двойник» Георгий Большаков	137
На гражданку	145
Глава шестая. МОЙ АДРЕС – УЛИЦА «ПРАВДЫ»	147
В журнале «За рубежом»	147
«Смена» как пересменка	153
«Комсомолка». Кто там шагает вправо?	158
Интеллигенция идет в раскол	167
«Самиздат» и «Тамиздат»	169
«Фельдфебеля в Вольтеры дать»	181
На переломе	190
Первая командировка	205
Репортажи двумя перьями	208
Монголия – моя первая заграница	222
Первые статьи о сионизме	229
Болгария фестивальная	232
Феномен «новых левых»	238
Взгляд с горы Витоша	246
Тоннели под «железным занавесом»	250
Глава седьмая. ЧЕХОСЛОВАКИЯ 1968	263
Что там в подполье?	263
Тайны «пражской весны»	272
«Тебе дадут танк»	280

Разбор пражской головоломки.....	284
Эти крепкие старики	290
В студии Эммануила Фамиры.....	293
Цена золотого пера.....	296
Ко мне присматриваются	304
Глава восьмая. ФЛАГМАН ПО ИМЕНИ «ПРАВДА»	311
Немного о ЦО ЦК.....	311
Главный редактор и его замы	314
Типография – редакция – типография.....	333
От колонки к международному обозрению	338
Одиссея детей революции	341
Глава девятая. «ПРАВДА» ПРОТИВ СИОНИЗМА.....	350
«Антисоветизм – профессия сионистов»	350
Кружок Милованова	356
Кто вскрывал нашу почту?	364
«Ложа Лубянка» действует	371
В сионистском подполье	373
Народ и стая.....	377
Русская партия против «еврейской»	381
Глава десятая. «ВАЖНЫЙ ИДЕОЛОГ ПАРТИИ»	399
Наведение мостов.....	399
Роберт Кайзер и другие	407
Танец у пирамид.....	412
Глава одиннадцатая. ПО ДОРОГАМ ПЯТОГО КОНТИНЕНТА	415
Джин с тоником и немного шока	415
Там, внизу.....	418
Канберра авеню, 78	423

Мои друзья-коммунисты	434
С мандатом Коминтерна	440
Еще южнее вниз	444
«Русский след» на Фиджи	448
В стране райских птиц	451
«Табель о рангах»	461
Иллюзия коммунизма	467
Операция «Гайдар»	473
Мой шеф – моя защита	477
 Глава двенадцатая. АФАНАСЬЕВ КЛАДЕТ ПАРТБИЛЕТ НА СТОЛ	 485
На посту редактора «Правды»	485
«Вы знаете, что вы – Поэт»	497
Когда сцена зовет	504
«Польский эксперимент»	507
 Глава тринадцатая. В ОКОПАХ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»	 516
Права человека подлинные и мнимые	516
Терроризм по-американски	523
Как сбили корейский «Боинг»	527
Венский Диалог-2	536
«Горячие» факты о «холодной войне»	539
В США на лыжах	549
На беговых и горных	557
Шпионские истории	566
 Глава четырнадцатая. «ОРГАНЧИК» ОТ КПСС	 574
Год 1984 по Оруэллу и календарю	574
Два поезда идут по расписанию Истории	581
Партия сказала «Надо!»	592
Идя по трупам	600

«Органчик» от КПСС	612
«Пить или не пить – вот в чем вопрос»	613
Саммит в Женеве 1985	617
Предпоследний съезд	634
Снова в Швейцарию	638
Глава пятнадцатая. ПОЗНАВАЯ ФРАНЦИЮ	645
Путевка в Париж	645
Посол Рябов нас выручает	646
Под прицелом террористов	648
Житье-бытье по-французски	655
«В нашем доме поселился...»	657
Глава шестнадцатая. ЛЮДИ ВО ВЛАСТИ	659
Разорванный кокон	659
В гостях у Франсуа Миттерана	666
Жак Ширак, которого звали «Бульдозером»	679
У отца комиссара Мегрэ	688
Глава семнадцатая. ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА «ЮМАНИТЕ»	696
Награда нашла героя	696
Коммунизм по-французски	699
С космонавтом на Корсику	709
Как «ушли» Афанасьева	716
Площадь Бастилии: позор Горбачева	720
Последняя битва Рябова	726
Мир во время чумы	728
Глава восемнадцатая. РУССКИЙ СЛЕД	731
У древних источников	731
Наша «диаспора»	737

У Английского променада	744
Русская Ницца	746
Под андреевским флагом	750
Романовы и Пушкины в Ницце	757
Революция нарушила связь времен.....	760
У русских могил.....	771
 Глава девятнадцатая. В ГОСУДАРСТВЕ ИЗ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА	 789
Мое первое интервью с Зиновьевым.....	789
Быть или не быть «Гомо советикусу»?	800
«Генерал Власов от идеологии»	810
Прокрустово ложе для русских	818
 Глава двадцатая. ПЕРЕВОРОТ В НАШИХ ДУШАХ	 831
Ревизия Ялты.....	831
Демонтаж коммунизма	836
Президент с черного хода.....	844
Переворот в наших душах	849
Заблудившись в партизвиликах... ..	852
Обыкновенная мимикрия.....	865
Горбачев и другие мелкие склочники	872
Переступившие черту.....	877
Откуда берутся квислинги?	880
«Все империи были разрушены извне»	889
 Глава двадцать первая. РОССИЯ ВО МГЛЕ	 895
«Кто не рискует, тот не пьет шампанского»	895
Планета стала однопартийной.....	898
Князь Михаил Романов: «Оглянуться и посмотреть вперед».....	901
Диалог с «Нострадамусом».....	912

Выживание по-парижски	922
Разные «Правды»	938
Голубой интернационал	942
Глава двадцать вторая. ВОЙНА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	946
«Пан-Европа для евреев и африканцев»	946
В преддверии катастрофы	959
Террор толерантности	978
Новые кочевники идут на Русь	992
Цивилизация «Перекасти-поле»	1000
Схема уничтожения	1004
Глава двадцать третья. У СИОНИСТОВ И МАСОНОВ	1007
В штаб-квартире Еврейского конгресса	1007
Орден Бнай-Брит и вольные каменщики	1011
В штаб-квартире «Великого Востока»	1016
Масоны у себя дома	1030
Ложа «Пушкин»	1039
Танки ГКЧП навстречу масонам	1045
«Братья» из России	1049
«Вольный каменщик» Володя	1056
Глава двадцать четвертая. НАЕДИНЕ С СОВЕСТЬЮ	1061
После расстрела Верховного Совета в 1993 году	1061
У пожара Белого Дома	1064
Идеологический феномен по имени Демократия	1069
Параметры Сверхобщества	1075
Владимир Максимов пишет в «Правду»	1088
Греховная природа человеческая	1094
Код Екатерины Великой	1109
Мария Розанова и Андрей Синявский: «Вы за это шли в лагерь?»	1112

Глава двадцать пятая. ПИРАМИДА И ПАРФЕНОН.....	1124
Социализм минус советская власть	1124
Банда предателей	1129
Коммунизм после коммунизма	1134
Бизнес – это не мое	1144
«Финансовый контроль». Что это было?	1147
В жестком ритме «Алгоритма»	1153
 Об авторе	 1167

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Русский исследовательский центр. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 11.04.2017 г. Формат 70 x 90 ¹/₁₆.
Гарнитура «Times». Объем 58,7 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

РУССКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация (<i>вышел</i>)	Русская икона и религиозная живопись в двух томах (<i>вышли</i>)
Русское Православие в трех томах (<i>вышли</i>)	Русская архитектура и скульптура
Русское государство (<i>вышел</i>)	Русская живопись
Русский патриотизм (<i>вышел</i>)	Русский театр
Русское мировоззрение (<i>вышел</i>)	Русская музыка
Русский образ жизни (<i>вышел</i>)	Русская наука
Русская география	Русская школа
Русское хозяйство (<i>вышел</i>)	Русское воинство
Международные отношения	Памятники Отечества
Национальные отношения	Русские за рубежом
Русская литература (<i>вышел</i>)	Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ РУССКИМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ ЦЕНТРОМ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
- Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
- Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
- Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
- Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
- Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
- Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
- Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
- Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
- Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
- Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
- Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
- Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
- Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
- Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
- Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
- Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
- Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
- Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
- Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
- Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
- Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
- Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
- Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
- Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
- Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
- Иван Грозный. Государь, 400 с.
- Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
- Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
- Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
- Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
- Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
- Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
- Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
- Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
- Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
- Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
- Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
- Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
- Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
- Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.

Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.
Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.
Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея, 768 с.
Ушинский К. Д. Русская школа, 688 с.
Распутин В. Г. У нас остается Россия, 1200 с.
Митрополит Платон (Левшин) и его учено-монашеская школа. К чести духовного чина, 896 с.
Вельтман А. Ф. Древности и сокровища российские, 1152 с.
Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века, 1200 с.
Русская доктрина, 1056 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Миронов Б. С. Русский национализм, 560 с.
Шевцов И. М. Тля. Антисионистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
Тимофей Буткевич, протоиерей. Верою разумеваем, 704 с.
Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.
Душенов К. Ю. Православие или смерть, 960 с.
Крушеван П. А. Знамя России, 720 с.
Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации, 800 с.
Аверьянов В. В. Наш дух не сломлен, 688 с.
Бегунов Ю. К. Тайные силы в истории России, 944 с.
Ямщиков С. В. Горький дым Отечества, 976 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

- Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.

Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.
Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.
Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.
Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.; т. 2 – 864 с.
Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.
Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.
Шергин Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания, 704 с.
Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.
Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура, 1008 с.
Русские люди XVIII века, 784 с.
Токарев С. А. История русской этнографии, 656 с.
Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, 672 с.
Орлов А. С., Пропп В. Я. Героическая тема в русском фольклоре, 864 с.
Бурцев А. Е. Народный быт великого севера, 624 с.
Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов, 160 с.
Нидерле Л. Славянские древности, 784 с.
Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке, 752 с.
Мэкензи Уоллэс. Традиции и быт России глазами иностранца. Этнографические очерки, 800 с.
Прыжов И. Г. Очерки русского быта, 640 с.
Август Гакстаузен. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, 672 с.
Русский Народ. Полное собрание этнографических трудов Александра Бурцева в 2-х томах, т. 1 – 592 с.; т. 2 – 592 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3-х томах, т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.
Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.
Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.
Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.
Ягодинский В. Н. Александр Чижевский, 496 с.
Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 608 с.
Николай Краинский. Психофильм русской революции, 624 с.
Михаил Чижов. Константин Леонтьев, 640 с.
Личутин В. В. По морю жизни – на русском челне, 976 с.
Краинский Д. В. Записки тюремного инспектора, 896 с.
Станислав Куняев. Воспоминания, 688 с.
Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах, 624 с.
Крупин В. Н. Море житейское, 752 с.
Славянофилы в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 656 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
- Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
- Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
- Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
- Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
- Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
- Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
- Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
- Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
- Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
- Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
- Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
- Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
- Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
- Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
- Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
- Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
- Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
- Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
- Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
- Русский государственный календарь, 728 с.
- Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
- Русская артель, 672 с.
- Русская община, 1376 с.
- Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
- Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
- Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
- Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
- Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
- Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.
- В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. История как Промысл Божий, 640 с.
- Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове, 1120 с.
- Катасонов В. Ю. Православное понимание общества, 432 с.

Катасонов В. Ю. Россия и Запад в XX веке: История экономического противостояния и сосуществования, 736 с.

Куняев С. Ю. Русское слово и мировое зло, 880 с.

Кикешев Н. И. Истоки славянской цивилизации: Мифы. Гипотезы. Открытия, 912 с.

В. Аладын, В. Ковалев, С. Малков, Г. Малинецкий. Помни войну. Аналитический доклад российскому интеллектуальному клубу, 480 с.

Маюров А. Н. Борьба с пьянством в России с древних времен до наших дней, 880 с.

Большаков В. В. Сионизм и коммунизм. Корни родства и причины вражды, 1248 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЕ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Юрген Граф. На пути к Апокалипсису. Что ждет коренные народы Европы? 624 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.

Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.

Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.

Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.

Платонов О. История царевубийства, 768 с.

Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.

Башилов Б. История русского масонства, 640 с.

Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.

Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.

Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.

Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.

Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.

Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.

Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.

Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.

Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.

Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Платонов О. А. История русского народа в XX веке, 1264 с.

Книги, подготовленные Русским исследовательским центром, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в издательстве «Родная страна» (тел. 8(495)-788-55-74, mofrs@yandex.ru, www.mofrs.ru) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)